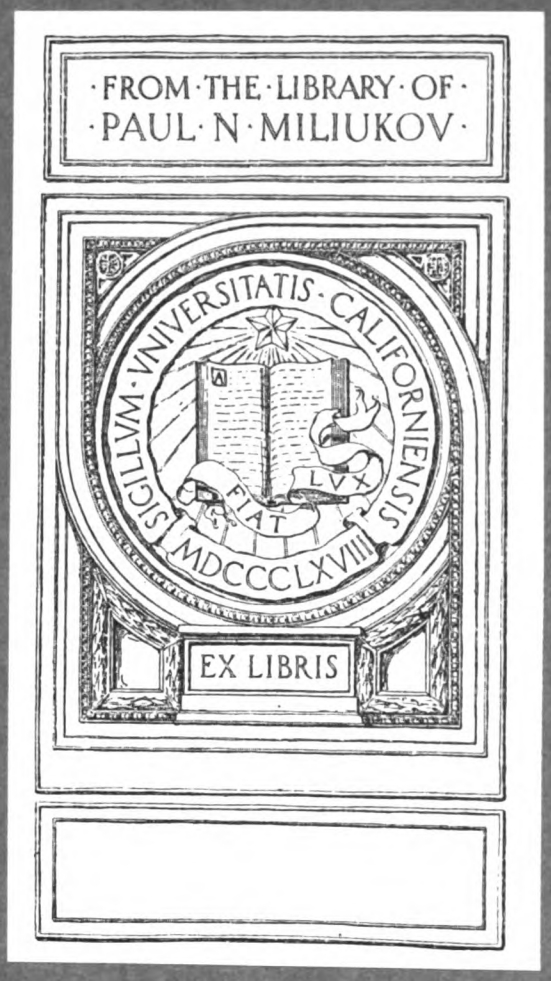


Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Arkreolo ... X.

Trudy

10:1-3
1896

ТРУДЫ

ДЕСЯТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ РИГѢ

1896

Подъ редакціей графини Уваровой

Томъ I

МОСКВА
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера
1899

Digitized by Google

Digitized by Google

ТРУДЫ

ДЕСЯТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

Archeologicheskii s'ezd

ВЪ РИГѢ

1896

Подъ редакціей графини Уваровой.

Томъ I

Univ. of California

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1899.

Digitized by Google

ДК30
А7
v.10

Печатается по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель Графиня УВАРОВА.

MILIUKOV LIBRARY

Digitized by Google

ПАМЯТИ

въ Бозѣ почивающаго

Государя Императора

Александра III Александровича

Благоговѣйно посвящаетъ

ИМПЕРАТОРСКОЕ

Московское Археологическое Общество.

854083

Digitized by Google

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Бранденбургъ, Н. Е. Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губ., въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей 1

Милюковъ, П. Н. Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г. . . 14

Черепнинъ, А. И. О рязанско-окскихъ могильникахъ 38

Воробьевъ, Г. Остатки древнихъ замковъ и земляныхъ сооруженій по правому побережью Вислы, въ предѣлахъ нынѣшней Плоцкой и части Варшавской губ. . 59

Кащенко, Н. Ѳ. Къ вопросу объ одновременности существованія человѣка и мамонта 64

Покровскій, Ѳ. В Къ изслѣдованію бассейна Виліи въ археологическомъ отношеніи. (Съ 4-мя табл.). 71

Горощенко, К. Гипсовыя погребальныя маски и особый видъ трепанаціи въ курганахъ Минусинскаго округа. (Съ одной таблицей). 172

Фонъ-Штернъ. О поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи 189

Якубовъ, К. Къ вопросу о происхожденіи слова „Русь“ 197

Тураевъ, Б. Вопросъ о Финикіянахъ въ Балтійскомъ морѣ 201

Бунинъ, А. И. О мѣстѣ битвы Русскихъ съ Нѣмцами, бывшей 5 апрѣля 1242 г. на льду Чудского озера. . . . . 2'4

Петровъ, Н. И. Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуни черезъ Ригу въ Зарайскъ въ 1224—25 гг. 220

Истоминъ, М. П. Рига и осада ея царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ 229

Маркевичъ, А. А. О чеканкѣ русскихъ денегъ въ г. Кокенгузенѣ въ половинѣ XVII ст. 241

Багалѣй, Д. И Магдебургское право въ городахъ лѣвобережной Малороссіи. . . . 245

Пѣтуховъ, Е. В. О нѣкоторыхъ историческихъ и литературныхъ фактахъ, связанныхъ съ именемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв. 256

Будиловичъ, А. С. О задачахъ славяно-русской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи 264

Германъ, А. О сумирскомъ языкѣ и его отношеніи къ угро-алтайскимъ языкамъ. . 270

Площанскій, В. М. Кердеи и Кердеевичи XIV—XV в. 277

Лященко, А. О времени написанія „Слова Даніила Заточника“ 290

Мочульскій, В. Н. Апокрифическое житіе ап. Петра 298

Маркевичъ, А. А. Русскій городъ Рига въ половинѣ XVII в. 306

Звѣревъ, свящ. С. Е. Слѣды христіанства на Дону въ домонгольскій періодъ . . . 316

Филевичъ, И. П. О разработкѣ географической номенклатуры 327

Филипповъ, А. Центральные русскіе архивы и ихъ значеніе для исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII в. 340

Мѣржинскій, А. Ѳ. Ромове 350

Digitized by Google

Digitized by Google

Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей.

Н. Е. Бранденбургъ.

Группировка археологическихъ свѣдѣній, изъ свода которыхъ могъ бы пролиться свѣтъ на народность тѣхъ или другихъ курганныхъ могилъ, представляется насущнымъ вопросомъ въ особенности для юга Россіи, усѣяннаго курганами крайне разнороднаго племеннаго происхожденія. Думается поэтому, что, выдвигая въ настоящемъ случаѣ вопросъ о народности одного, довольно близко нами изученнаго типа этихъ могилъ, мы сдѣлаемъ шагъ въ желанномъ отношеніи, и если удастся обосновать этотъ типъ какъ нѣчто въ ряду прочихъ самостоятельное, то онъ можетъ прибавить звено къ искомому критеріуму.

Въ средней полосѣ Кіевской губерніи, именно въ районѣ между Днѣпромъ, Ирпенью и Росью встрѣчаются въ довольно значительномъ количествѣ особаго рода могилы, отличающіяся отъ множества другихъ весьма типичной обрядностью, именно, что въ нихъ покойникамъ постоянно сопутствуютъ остовы погребенныхъ вмѣстѣ съ ними лошадей. Частности погребенія въ данномъ случаѣ обыкновенно очень устойчивы: человѣческіе скелеты постоянно въ дубовыхъ гробахъ-колодахъ положены головами на западъ (съ небольшими рѣдкими уклоненіями), и остовы лошадей находятся всегда рядомъ съ гробомъ съ сѣверной стороны, обращенные головами на западъ же, при чемъ въ видѣ также крайне рѣдкихъ, единичныхъ исключеній, бывали случаи находокъ конскихъ костей непосредственно надъ самымъ гробомъ. Одинаково неизмѣнно повторяется и тотъ фактъ, что лошади видимо убиты именно здѣсь же, т.-е. въ самой могилѣ, что вполнѣ наглядно выражается въ положеніяхъ конскихъ остововъ: конь представляется всегда какъ бы упавшимъ отъ перваго же ловкаго удара и притомъ безъ всякой агоніи, такъ какъ не замѣтно никакихъ слѣдовъ, чтобы онъ бился передъ смертью; онъ обыкновенно лежитъ на брюхѣ, или нѣсколько на боку, съ подогнутыми ногами, т.-е. въ положеніи, исключающемъ всякую мысль о томъ, чтобы трупъ его могъ быть брошенъ сюда извнѣ и очевидно введенъ въ могилу живымъ.

Digitized by Google

Однако разновидностями тѣхъ же могилъ можетъ быть указано, что въ однѣхъ остовы лошадей лежатъ полностью, а въ другихъ при гробахъ (съ той же сѣверной стороны) систематически разложены лишь отрубленная конская голова и ноги, но всегда въ извѣстномъ порядкѣ вдоль гроба, и черепъ у западнаго конца послѣдняго. Еще разновидностью можно указать, что иногда самыя могилы устроены подъ курганомъ въ материкѣ, иногда же (хотя рѣже) — выше поверхности земли, т.-е. непосредственно въ курганной насыпи, но въ послѣднемъ случаѣ онъ очевидно принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ вставныхъ, т.-е. устроенныхъ въ курганахъ уже ранѣе существовавшихъ и принадлежавшихъ совсѣмъ другой народности, потому что подъ подобными насыпями въ подошвѣ или материкѣ обыкновенно оказываются еще другіе человѣческіе скелеты, погребенные частью въ вытянутомъ, частью въ скорченномъ (утробномъ) положеніи, при которыхъ неоднократно бывали находимы лишь каменные молотки и родъ плоскихъ кольцевидныхъ костяныхъ бляшекъ неизвѣстнаго назначенія, слѣдовъ же металловъ почти неизвѣстно, такъ какъ даже остатки бронзы при нихъ составляютъ величайшую рѣдкость. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ и самые курганы принадлежатъ этимъ послѣднимъ погребеніямъ гораздо болѣе глубочайшей древности, никакого отношенія къ верхнимъ вставнымъ могиламъ не имѣющимъ.

Указанные варіанты представляютъ однако несомнѣнно лишь частныя уклоненія основного типа, и ясно, что тѣ и другіе принадлежатъ одному племени; то же самое доказывается общностью ихъ культуры.

Культура эта заслуживаетъ особаго вниманія какъ по своему разнообразію, такъ и по болѣе или менѣе характернымъ особенностямъ, свойственнымъ здѣсь погребеніямъ и мужскимъ и женскимъ. Въ ней встрѣчаются издѣлія изъ золота, серебра, бронзы, желѣза, кости, шелка, шерсти и кожи, равно какъ и минералы — сердоликъ, аметистъ, кварцъ и др., а также янтарь и даже кораллы, но, не вдаваясь въ подробности, здѣсь необходимо остановиться только на нѣкоторыхъ предметахъ, которые могутъ выражать извѣстныя особенности и наводить на болѣе тѣсныя заключенія.

Въ могилахъ мужскихъ характерно постоянное присутствіе оружія, какъ-то остатковъ луковъ, стрѣлъ и главнымъ образомъ длинныхъ весьма типичныхъ сабель; встрѣчаются также желѣзные шлемы и кольчуги, но рѣдко; попадаются остатки боевого и конскаго снаряженія, какъ-то колчановъ, налучей, сѣделъ и проч., при чемъ обращаетъ на себя вниманіе видимо широко распространенное употребленіе оправы или украшеніе подобныхъ предметовъ костью; прямыхъ обоюдоострыхъ мечей не найдено ни разу. Любопытны также остатки золототканыхъ узорчатыхъ матерій и даже золотой парчи, оказавшейся однажды на гробѣ и представлявшей повидимому бортъ отъ покрывала, накинутаго на послѣдній.

Въ могилахъ женскихъ значеніе многихъ предметовъ украшеній выступаетъ еще болѣе. Здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ рѣдчайшихъ, если даже не первымъ случаемъ въ практикѣ курганныхъ раскопокъ, именно съ употребленіемъ для украшеній коралловъ, иногда въ видѣ маленькихъ рожковъ съ отверстіями для привѣски, иногда же въ видѣ подвѣсокъ болѣе крупныхъ; далѣе, крайне любопытны находки

Digitized by Google

небольшихъ круглыхъ металлическихъ зеркалъ (напоминающихъ скиѳскіе образцы) и тонкихъ серебряныхъ бляшекъ съ отверстіями на краяхъ, очевидно для нашивки на ткани, при чемъ на бляшкахъ замѣчаются слѣды позолоты и нѣкоторыя украшены вытѣсненными изображеніями фантастическихъ звѣрей, т.-е. также сближаются съ подобными же типами украшеній, свойственныхъ могиламъ скиѳскимъ. Повторяются массивныя серебряныя серьги, напоминающія кіевскіе образцы и имѣющія форму большого кольца съ крупной нанизкой въ видѣ двухъ сложенныхъ основаніями конусовъ, или иногда на низкой шарообразной съ большими коническими шипами; попадаются височные кольца и перстни изъ высокопробнаго золота, наконецъ одинъ разъ на шеѣ скелета найдена литая серебряная гривна, а на рукѣ у другого — такой же браслетъ, но совершенно гладкій, безъ орнамента. Привѣсокъ, болѣе или менѣе характерныхъ по своей формѣ, не встрѣчено, но нельзя не упомянуть о двухъ весьма любопытныхъ экземплярахъ конскихъ начальныхъ бляхъ отъ уздечки, ясно представляющихъ выдѣланное изъ тонкаго серебра, довольно большое изображеніе гусиной лапки, т.-е. варіантъ одного изъ типовъ украшеній, столь свойственнаго культурѣ кургановъ народности финно-угорской, въ сѣверной и восточной Россіи. Кромѣ того можно отмѣтить еще находку на черепѣ одного скелета небольшой матерчатой шапочки, съ наборомъ по бокамъ ея изъ подвѣшенныхъ на цѣпочкахъ серебряныхъ бубенчиковъ, и нерѣдкое присутствіе въ могилахъ бусъ изъ янтаря, сердолика и аметистовыхъ. Наконецъ замѣчается и то обстоятельство, что въ описываемой культурѣ совершенно почти отсутствуетъ глиняная посуда; только однажды былъ найденъ простой горшокъ и еще при одномъ скелетѣ оказался въ ногахъ бронзовый цилиндрическій котелокъ.

Таково въ немногихъ словахъ то содержаніе могильнаго инвентаря, которое обращаетъ на себя вниманіе въ данномъ случаѣ, — содержаніе, видимо выдающееся своими нѣкоторыми особенностями[1]), и потому представляющее весьма интересный вопросъ,

[1]) Подобныя же могилы въ упоминаемой мѣстности (Коневс. у.) были уже извѣстны и ранѣе, при чемъ особенно богатымъ содержаніемъ отличались встрѣченныя проф. Д. Самоквасовымъ въ 70-хъ годахъ на р. Россавѣ. Объ одной изъ нихъ онъ, напр., сообщаетъ, что на скелетѣ, въ ней заключавшемся, были найдены: много остатковъ узорчатой и шитой золотомъ одежды; на головѣ шитая золотомъ вязка, унизанная золотыми, серебряными, костяными и бронзовыми бляхами; на шеѣ витой серебряный обручъ и ожерелье изъ каменныхъ и янтарныхъ бусъ; въ ушахъ золотыя массивныя кольца, на рукѣ серебряный витой браслетъ и перстень съ гладкимъ камнемъ; у пояса желѣзный ножикъ, бронзовое кольцо и серебряныя бляшки; на ногахъ кожаные сапожки съ деревянными каблуками и мѣдными бляхами. На лежавшемъ здѣсь же конскомъ остовѣ оказались остатки уздечки и сѣдла, украшенные серебряными и мѣдными рѣзными бляхами и кромѣ того въ ногахъ покойника найдены большой бронзовый сосудъ, глиняный горшечекъ и желѣзные обручи вѣроятно отъ ведра. (Изв. Общ. Любителей Естеств., Антроп. и Этногр., т. XXVII; Антропологич. Выставка, т. I, 202).

Эти же могилы на Россавѣ Д. Самоквасовъ вообще очерчиваетъ слѣдующими словами: „Остовы лошадиные занимаютъ правую половину могилы и положены хребтомъ вверхъ, съ ногами, подогнутыми подъ туловище; при нихъ найдены желѣзныя удила, остатки деревянныхъ сѣделъ, обтянутыхъ кожею, желѣзныя стремена, пряжки, разныя бляхи изъ серебра, бронзы и кости, съ изображеніями на нѣкоторыхъ фантастическихъ животныхъ. Скелеты человѣческіе положены въ гробахъ, обращены головами на западъ и занимаютъ лѣвую половину могилы; при мужскихъ найдены желѣзные кольчуги, сабли, ножи, огнива и стрѣлы, при женскихъ же множество украшеній, представляющихъ собою: шапки или діадемы изъ золотой матеріи, украшенныя нѣсколькими рядами золотыхъ и серебряныхъ бляхъ и большою рѣзною, костяною бляхою наверху, золотыя ушныя кольца, серебряные шейные обручи съ слѣдами позолоты, ожерелья изъ бусъ, различныя привѣски, золотые перстни, серебряные браслеты съ камнями, золотыя бляшки отъ поясовъ и остатки кожаной обуви и узорчатыхъ матерій“. (Тамъ же, т. XXXV; Антропол. Выст., т. III, 348).

Digitized by Google

не можетъ ли быть опредѣлено по возможности ближе самое племя, оставившее эти могилы?

Изъ вышеизложеннаго почерпаются слѣдующія сюда относящіяся указанія:

Погребальный ритуалъ этихъ могилъ довольно опредѣлительно свидѣтельствуетъ, что народность, которой онѣ принадлежатъ находилась въ бытѣ кочевомъ, а не осѣдломъ, иначе неизмѣнное присутствіе въ нихъ убитыхъ лошадей лишается значенія. Въ данномъ случаѣ мы очевидно имѣемъ дѣло съ обычаемъ глубоко укоренившимся, покоящемся на извѣстныхъ вѣрованіяхъ вытекающихъ, изъ условій быта, такъ какъ въ упоминаемыхъ могилахъ остовы коней, иногда даже по два, сопутствуютъ не только мужчинамъ, но и женщинамъ, а одинъ разъ встрѣченъ даже скелетъ дитяти, при которомъ точно такъ же лежалъ цѣлый остовъ небольшого жеребенка. Подобные признаки слишкомъ характерны, чтобы лишиться всякаго оттѣнка индивидуальности и должны несомнѣнно вытекать изъ общаго кочевого склада народности, ихъ оставившей.

Затѣмъ постоянное присутствіе въ тѣхъ же могилахъ предметовъ вооруженія указываетъ, что племя было воинственное, но прочій могильный инвентарь въ то же время свидѣтельствуетъ, что оно находилось въ довольно развитыхъ сношеніяхъ съ разными культурными центрами. Сюда относятся находки янтарныхъ и другихъ бусъ и коралловъ, находки остатковъ золототканыхъ матерій и парчи, видимо происхожденія византійскаго, экземпляры большихъ серебряныхъ серегъ, напоминающихъ кіевскіе типы, высокой пробы издѣлія изъ золота и т. д. Съ другой стороны факты находокъ металлическихъ зеркалъ скиѳскихъ образцовъ и серебряныхъ бляшекъ съ характерными изображеніями фантастическихъ звѣрей, указываютъ на какую-то отдаленную связь и съ періодомъ культуры скиѳской. Все это въ совокупности намекаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ совершенно дикими номадами, а съ какимъ-то кочевымъ племенемъ, обладавшимъ своей извѣстной культурой, хотя и несамобытной, племенемъ слѣдовательно не замкнутымъ, а находившимся въ извѣстномъ общеніи съ разными болѣе цивилизованными сосѣдями и притомъ вѣроятно даже въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Наконецъ изъ ознакомленія съ тѣмъ же могильнымъ инвентаремъ почерпается указаніе, что въ разбираемой культурѣ несомнѣнно присутствуютъ элементы, свидѣтельствующіе о происхожденіи даннаго племени какъ восточнаго. На подобную связь съ востокомъ, независимо отъ упомянутаго уже кочевого быта той же народности, указываютъ и другіе признаки, во главѣ которыхъ можно поставить восточные образцы найденнаго вооруженія, какъ-то типичные шлемы съ кольчатыми бармицами и главное — постоянно повторяющіяся, характерной формы сабли; бросается въ глаза широкое примѣненіе украшенія костью какъ оружія, напр. луковъ съ ихъ принадлежностями (т.-е. колчановъ и налучей), такъ и предметовъ конскаго снаряженія, напр. сѣделъ; одинъ экземпляръ остатковъ такого сѣдла хранится въ Историческомъ Артиллерійскомъ Музеѣ въ Петербургѣ и позволяетъ нѣсколько судить о самой своей формѣ, которая вмѣстѣ съ отдѣлкой своей костью весьма сближается съ современными намъ образцами хивинскихъ сѣделъ въ томъ же Музеѣ, при чемъ любопытно даже сходство орнаментаціи костяныхъ украшеній, именно господство орнамента изъ круж-

Digitized by Google

ковъ съ точкою въ центрѣ. Наконецъ нельзя не указать и на то обстоятельство, что всѣ черепа изъ тѣхъ же могилъ отличаются замѣтной чистотой своего типа, всѣ ясно короткоголовые, а также что имѣются основанія усматривать присутствіе могилъ, совершенно тождественныхъ съ упоминаемыми, въ цѣломъ рядѣ древнихъ погребеній съ конями, открытыхъ въ остальной южной Россіи по направленію на востокъ и теряющихся въ далекихъ равнинахъ Сибири.

Но здѣсь вопросъ о географическомъ ихъ распространеніи весьма усложняется тѣмъ, что тотъ же погребальный ритуалъ не составляетъ, какъ извѣстно, типической особенности лишь какого-нибудь одного даннаго племени, а въ различныхъ варіантахъ повторяется и у многихъ другихъ[1]), почему является затрудненіе и въ классификаціи самыхъ могилъ. Такъ не говоря уже о томъ, что подобный же обычай убиванія коней при погребеніяхъ извѣстенъ у древнихъ Грековъ и Скиѳовъ и могилы съ слѣдами этого обычая открыты, напр., въ древнемъ Херсонесѣ[2]), въ курганахъ Керченскихъ, Таманскихъ и на Кубани, онѣ же извѣстны и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, Крыма, извѣстны въ Бессарабіи, въ области войска Донского, въ губерніяхъ Херсонской, Воронежской, Курской, Тамбовской, Астраханской, Самарской, Пермской, Оренбургской и друг. и выслѣжены даже въ далекой Сибири[3]); вообще фактовъ, сюда относящихся, имѣется довольно, но конечно большая часть ихъ или не имѣетъ никакого отношенія къ разбираемымъ въ настоящемъ случаѣ[4]), или быть-можетъ отношеніе весьма отдаленное, тѣмъ не менѣе среди остальныхъ цѣлый рядъ безъ сомнѣнія стоитъ въ непосредственной связи и съ обнаруженными на территоріи Кіевской губерніи, какъ напр. совершенно тождественная съ послѣдними могила, встрѣченная лично нами при раскопкахъ около Ногайска, которая заключала въ себѣ погребеніе съ разрубленнымъ на части конемъ и была вставною въ курганъ болѣе древняго происхожденія, т.-е. представляла полную копію съ таковыхъ же, разсѣянныхъ по Коневскому уѣзду.

Такимъ образомъ въ этнологическомъ отношеніи распространенность описываемаго типа могилъ на востокъ, также представляетъ свое значеніе.

---

[1]) Напр. одинъ изъ наиболѣе типичныхъ варіантовъ представляютъ могилы, встрѣченныя Ю. Зографомъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губ., въ которыхъ (судя по положенію человѣч. костей лежавшихъ по сторонамъ конскаго остова, при чемъ ноги человѣческаго скелета вдѣты въ стремена) покойники видимо погребались верхомъ на конѣ. Любопытно, что, по указанію В. Антоновича, въ самомъ Кіевѣ въ 1879 г. была открыта подобная же древняя могила съ погребеннымъ въ полномъ вооруженіи всадникомъ на конѣ (Изв. Общ. Любителей Естеств., Антроп. и Этнографіи, т. XXXV; Антропологич. Выст., т. III, 183, 87).

[2]) Отчетъ Имп. Археол. Комиссіи за 1893 г., стр. 70; также Правит. Вѣстн. 1895 г., № 208.

[3]) Д. Анучинъ: „Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда", 133, 137, 139. Труды третьяго Археол. Съѣзда, т. I, 200. Записки Рус. Археол. Общества 1895 г., т. VII (В. Радловъ: Сибирскія древности). Отчетъ Имп. Археол. Ком. 1891 г., стр. 83.

[4]) Однимъ изъ любопытныхъ примѣровъ въ этомъ родѣ можно привести грабительскую раскопку кургана въ ближайшихъ окрестностяхъ Ногайска въ 1877 г., при которой, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, былъ найденъ человѣческій скелетъ въ желѣзномъ шлемѣ и кольчугѣ и съ нѣсколькими яко бы мѣдными стрѣлами; по разсказамъ въ той же могилѣ находились и кости лошади. Самое интересное здѣсь представлялъ шлемъ, такъ какъ на передней части его была прикрѣплена мѣдная пластинка (ок. 3 вер. длиною) съ изображеніемъ св. Прокопія, на что указывала надпись, вырѣзанная по сторонамъ того же изображенія, именно слова: „св. Про — коп."

Эта рѣдкая, но малоизвѣстная находка существовала нѣсколько времени въ Ногайскѣ, но затѣмъ безслѣдно куда-то исчезла.

Digitized by Google

Что касается какихъ-либо указаній хронологическихъ, то къ сожалѣнію въ тѣхъ же могилахъ, вскрытыхъ непосредственно нами, не было ни одного случая находки какой-либо монеты, которая могла бы хотя приблизительно ихъ датировать, почему въ этомъ отношеніи трудно установить болѣе или менѣе тѣсные предѣлы.

Нельзя впрочемъ обойти молчаніемъ, что имѣются два, извѣстныхъ намъ, указанія на находки монетъ другими лицами, но указанія темныя, на которыя трудно опереться въ данномъ случаѣ. Это именно краткое упоминаніе (изъ вторыхъ рукъ) о будто бы найденной проф. Д. Самоквасовымъ въ Коневскомъ уѣздѣ, въ курганной могилѣ съ человѣческимъ и конскимъ остовами, золотой монетѣ XII вѣка [1]), другое же — находка г. Кожевниковымъ серебряной монеты XIV в. (въ Острогожс. уѣздѣ) въ курганной могилѣ съ человѣческимъ скелетомъ, при которомъ оказались пара стременъ, остатки сѣдла, конской узды, копье и проч., но здѣсь о присутствіи конскихъ костей совсѣмъ умалчивается [2]), въ виду чего быть-можетъ и самая могила принадлежитъ иной народности; въ общемъ оба факта не вносятъ ничего положительнаго.

Приведенные уже выше слѣды вліянія скиѳской культуры даютъ поводъ думать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ изслѣдованныхъ лично нами могилъ, могутъ принадлежать гораздо болѣе раннему времени, другія же частности инвентаря послѣднихъ указываютъ, что на противоположномъ рубежѣ можетъ быть поставленъ XI вѣкъ и такимъ образомъ хронологическіе предѣлы являются весьма широкими.

Вотъ все, что можно заключить изъ обзора имѣющихся матеріаловъ; интересно сопоставить ихъ съ данными историческими.

Прежде всего необходимо остановиться на извѣстіи нашей начальной лѣтописи, устанавливающей территоріальную связь между райономъ средней части Кіевской губерніи и славянскимъ племенемъ Полянъ, пріурочиваемымъ лѣтописцемъ къ этой мѣстности: „Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, занѣ сѣдоша въ лѣсѣхъ“, говоритъ лѣтопись [3]), прибавляя далѣе о первыхъ, какъ „особѣ жившимъ по горамъ симъ“ и связывая съ ними, какъ извѣстно, легенду о построеніи самаго Кіева. На основаніи этого указанія упоминаемыя могилы, думали, при предшествовавшихъ опытахъ классификаціи кургановъ Кіевской губерніи, отнести именно къ Несторовымъ Полянамъ [4]), но съ этимъ нельзя согласиться по многимъ причинамъ.

---

[1]) Извѣстія Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этнографіи, т. XXXV. Антрополог. Выст. т. III — Отдѣлъ доисторич. древн. выставки, составлен. Д. Анучинымъ, стр. 11. № 96. Въ сообщеніи самого Д. Самоквасова, касающемся тѣхъ же кургановъ (Антроп. Выст. III, 348), объ монетѣ XII в. не говорится ничего, а имѣется лишь темноватое упоминаніе о монетахъ VII—XI в. въ мѣстныхъ могилахъ „славянской (по времени) эпохи“, которыми онъ иллюстрируетъ послѣднюю, но въ другомъ его сообщеніи о томъ же (Древности — Труды Московск. Археол. Общества, т. VII, вып. 3, проток. 49) передается лишь о находкѣ „половины золотой византійской монеты“.

[2]) Извѣстія Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этнографіи, т. XXXI (Антрополог. Выст., т. II, 7).

[3]) Лѣт. по Лавр. сп., изд. Арх. Ком., 5.

[4]) Такъ проф. В. Антоновичъ, въ докладѣ своемъ на VIII Археол. Съѣздѣ въ Москвѣ — „О типахъ погребенія въ курганахъ Кіевской губерніи“, устанавливаетъ здѣсь три типа курганныхъ могилъ, изъ коихъ одинъ отводитъ погребеніямъ Славянскимъ, и подраздѣляетъ его на могилы древлянскія (въ сѣверн. части Кіевск. губ.) и полянскія — тамъ гдѣ было ядро полянской земли; къ послѣднимъ имъ пріурочиваются именно тѣ, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками помѣщены остовы лошадей.

Digitized by Google

Нѣтъ никакого повода навязывать Полянамъ тотъ кочевой бытъ, который такъ ясно выражается въ интересующихъ насъ могилахъ, ибо слова самого Нестора указываютъ противное; онъ говоритъ, что „Поляномъ же жившемъ особо и володѣющемъ роды своими и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ“, откуда слѣдуетъ заключеніе о бытѣ ихъ какъ осѣдломъ, да и изъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго извѣстно, что Поляне имѣли даже города, какъ напр. Кіевъ, Вышгородъ и Витичевъ — на Днѣпрѣ, Родню — на устьѣ Роси, Бѣлгородъ — на Ирпени, Василевъ — на Стугнѣ и др. [1]). Далѣе, тому же противорѣчитъ черта воинственности, которая присуща искомому племени, черта, выражающаяся въ изобиліи оружія встрѣчающагося въ его могилахъ, тогда какъ, по словамъ Нестора, Поляне — „своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ“; послѣднимъ обстоятельствомъ конечно не исключается вполнѣ употребительность оружія миролюбивыми Полянами, но до воинственности отсюда еще далеко. Наконецъ припомнимъ еще передаваемую Несторомъ же легенду, указывающую, что оружіе, существовавшее у Полянъ, было совершенно иного типа, чѣмъ то, которое постоянно встрѣчается въ упоминаемыхъ могилахъ: прибывшіе Хазары требуютъ отъ Полянъ дани и, получивъ по мечу съ дыма, рѣшаютъ, что дань не сулитъ добра: — „Мы ся доискахомъ оружьемъ единою стороною, рѣкше саблями, а сихъ оружье обоюдо остро, рѣкше мечь“. Опровергать легенду вполнѣ, — основанія нѣтъ, тѣмъ болѣе, что она не противорѣчитъ и имѣющимся даннымъ вообще о составѣ нашего древняго вооруженія въ разныхъ случаяхъ, но можно повторить и здѣсь, что именно мечей въ указываемыхъ раскопкахъ не встрѣчается вовсе.

Въ недавнее время появилось еще новое мнѣніе, выраженное хотя довольно рѣшительно, но едва ли могущее пріобрѣсти себѣ сторонниковъ. Предполагается, что часть того же племени Полянъ, называвшаяся Россами, наоборотъ отличалась настолько своей воинственностью, что, поработивъ остальныхъ, совершала далекіе походы на своихъ ладьяхъ, нападала на Константинополь и пр., и вотъ именно этимъ-то пресловутымъ завоевателямъ приписывается въ данномъ случаѣ происхожденіе сказанныхъ могилъ, въ которыхъ, говоря словами автора, онъ „всегда видѣлъ воинственныхъ Россовъ даже погребенными въ оружіи и съ конями“ [2]).

Къ сожалѣнію однако такое неожиданное рѣшеніе совершенно не вяжется хотя бы съ восточными образцами упомянутаго оружія изъ тѣхъ же могилъ, такъ что по моему мнѣнію вообще вопросъ о полянской народности послѣднихъ долженъ быть снятъ совершенно.

На почвѣ болѣе основательныхъ сближеній и, исходя изъ положенія о несомнѣнно кочевомъ бытѣ строителей разбираемыхъ могилъ, намъ приходится искать ихъ между тѣми племенами, которыя появившись съ востока зашли уже въ сравнительно позднее время въ предѣлы нынѣшней Кіевской губерніи. Южно-русскія степи вообще видѣли не мало разныхъ кочевниковъ, но изъ числа ихъ въ настоящемъ случаѣ пріобрѣтаютъ ближайшее значеніе лишь весьма немногіе, такъ какъ остальные устраняются или

---

[1]) Гр. А. Уваровъ: О признакахъ народности курганныхъ насыпей (Древности, III, вып. 3).

[2]) І. Хайновскій: Краткія археологич. свѣдѣнія о предкахъ Славянъ и Руси, 1896 г., вып. I, 12, 116 и др.

Digitized by Google

несовпаденіемъ времени или несоотвѣтствіемъ разныхъ другихъ условій, вытекающихъ изъ вышеизложенныхъ археологическихъ данныхъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя остановиться, напр., ни на Уграхъ, ни на Скиѳахъ, слѣды пребыванія которыхъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи указываются частью свѣдѣніями историческими, частью находками археологическими. Объ Уграхъ напр. извѣстно, что они были здѣсь предшественниками тюркскихъ кочевниковъ Печенѣговъ, которые вытѣснили ихъ отсюда на западъ и послѣдніе слѣды чего сохранились въ нашей лѣтописи, передающей подъ 898 годомъ, что „идоша Угри мимо Кіевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское", но то, что мы знаемъ о культурѣ племенъ финно-угорскихъ, совершенно не имѣетъ параллели въ культурѣ могилъ насъ занимающихъ и только одинъ предметъ изъ находокъ, сдѣланныхъ въ послѣднихъ, именно упоминавшаяся уже конская начельная бляха въ видѣ гусиной лапы, какъ символическое изображеніе, часто повторяющееся въ разнаго рода привѣскахъ среди древностей финно-угорскихъ[1]), представляетъ чтото выдающееся въ этомъ отношеніи; но подобное исключеніе могло быть совершенно случайнымъ, въ силу столкновенія между обоими упомянутыми племенами и глубокое различіе рѣзко выступаетъ во всемъ остальномъ, не исключая какъ образцовъ оружія, такъ и самихъ погребальныхъ обрядовъ.

Едва ли можно серіозно остановиться и на мысли о возможной принадлежности тѣхъ же могилъ другой народности, курганы которой также встрѣчаются въ южной половинѣ Кіевской губерніи, именно Скиѳамъ, хотя было уже замѣчено, что нѣкоторыя точки соприкосновенія культуры тѣхъ и другихъ могутъ быть констатированы. Противъ подобной возможности говоритъ многое: несвойственные Скиѳамъ образцы оружія и конскаго снаряженія, какъ напр. сабли, желѣзныя стрѣлы крупныхъ размѣровъ, стремена и проч., развитость культуры желѣза и серебра, общій характеръ культуры разбираемыхъ могилъ, указывающій въ большинствѣ случаевъ на періодъ болѣе поздній, устройство самыхъ могилъ, почти всегда крайне незначительные размѣры курганныхъ насыпей не только въ вышину, но и въ окружность (напр. большею частью діаметромъ до двухъ и менѣе саженъ), ихъ обыкновенная скученность и т. д. Въ скиѳскихъ могилахъ мы привыкли встрѣчать совсѣмъ не то, почему сближеніе съ ними въ настоящемъ случаѣ было бы совершенно произвольнымъ и слѣдов. должно быть также оставлено.

Судя по историческимъ даннымъ, ближайшее значеніе въ разбираемомъ вопросѣ должно быть отведено кочевникамъ происхожденія тюркскаго, именно Печенѣгамъ и Половцамъ, при чемъ и между ними едва ли можно колебаться въ выборѣ. О первомъ изъ этихъ племенъ встрѣчаемъ слѣдующія любопытныя извѣстія современниковъ:

Про территоріальное ихъ распространеніе Константинъ Багрянородный и Кедринъ передаютъ[2]), что въ своемъ послѣднемъ періодѣ Печенѣги жили между Дунаемъ и Днѣпромъ, при чемъ Константинъ прибавляетъ, что они раздѣлялись на восемь ѳемъ

---

[1]) См. I. Аспелина: Antiquités du nord Finno-Ougrien; также Н. Бранденбурга — „Курганы южнаго Приладожья" (Матер. по археологіи Россіи, № 18).

[2]) П. Сумъ: „Историческое разсужденіе о Пацинакахъ или Печенѣгахъ" (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1846 г., № 1).

Digitized by Google

(округовъ), лежавшихъ поровну на обѣихъ сторонахъ Днѣпра и управлявшихся особыми князьями, и что одна часть Печенѣговъ граничитъ съ Херсономъ, а Кедринъ поясняетъ, что послѣдніе переходили съ мѣста на мѣсто и жили подъ шатрами; кромѣ того Константинъ еще говоритъ, что въ случаѣ враждебныхъ отношеній между Руссами и Печенѣгами, послѣдніе обыкновенно нападали на первыхъ въ Днѣпровскихъ порогахъ, когда тѣ сюда за чѣмъ-либо прибывали. Слѣдуя вообще указаніямъ Константина, извѣстный Байеръ заключаетъ, что, начиная съ упомянутыхъ пороговъ, печенѣжскія кочевья распространялись вверхъ по Днѣпру почти до самаго Кіева[1]), и это дѣйствительно находитъ себѣ подтвержденіе напр. въ извѣстіяхъ дошедшихъ до насъ о фактѣ поѣздки католическаго миссіонера Бруна къ Печенѣгамъ въ 1006 году. Брунъ, рѣшившись на христіанскую проповѣдь послѣднимъ, покинулъ Кіевъ въ сопровожденіи самого князя Владиміра, пожелавшаго довести его до южныхъ предѣловъ своего княжества, за которымъ уже разстилалась печенѣжская степь, и, отправившись въ путь, они слѣдовали до этого рубежа верхомъ всего въ теченіе двухъ дней, гдѣ Брунъ разстался съ Владиміромъ и началъ свою проповѣдь[2]). Отсюда можно вывести заключеніе, что пройденное ими разстояніе приблизительно равнялось всего 50—60 верстамъ[3]), т.-е. кочевья Печенѣговъ дѣйствительно подступали съ юга довольно близко къ самому Кіеву.

О международной роли Печенѣговъ тотъ же Константинъ передаетъ[4]), что мирныя отношенія къ нимъ необходимы какъ для римскаго (греческаго) императора, такъ и для Руссовъ, ибо иначе по причинѣ сосѣдства съ Печенѣгами можетъ подвергнуться опасности Херсонъ, а Руссы при враждѣ съ ними подвергаются ихъ нападеніямъ и не могутъ вести ни внѣшней торговли, ни военныхъ предпріятій. Поэтому Константинъ рекомендуетъ имѣть всегда миръ съ Пацинаками (какъ называетъ онъ Печенѣговъ), обходиться съ ними дружески, вступать въ союзы, каждогодно посылать къ нимъ дары и принимать отъ нихъ пословъ въ Константинополѣ, оказывая имъ всякія услуги и почести; когда императорскій посолъ отправляется въ Пацинакію, прибавляетъ онъ же, то пріѣхавъ въ Херсонъ, посылаетъ въ послѣднюю за проводниками и заложниками, которые въ такомъ случаѣ требуютъ для себя, своихъ женъ и за лошадей большихъ подарковъ; одна часть пацинакскаго народа граничитъ съ Херсономъ, ведетъ съ нимъ торговлю, провожаетъ херсонесцевъ въ Русь и въ Хозарію, при чемъ послѣдніе вывозятъ отъ себя влаттіи (шелковыя матеріи), хареріи (драгоцѣнныя одежды), прандіи (ленты) и другіе товары; про Руссовъ же Константинъ упоминаетъ, что они покупаютъ у Пацинаковъ быковъ, овецъ и лошадей.

Не лишены интереса и значенія въ данномъ случаѣ и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя встрѣчаются у византійскихъ же писателей относительно другихъ сторонъ

---

[1]) П. Сумъ: „Ист. разсужд. о Печенѣгахъ" (Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1846 г., № 1, стр. 13).

[2]) Д. Иловайскій: Ист. Россіи, т. I, 81.

[3]) Приблизительно здѣсь же въ исходѣ XI в. извѣстенъ городъ Треполь (нынѣшнее селеніе Триполье?) южнѣе р. Стугны, близъ котораго находился валъ, насыпанный для защиты отъ степняковъ и памятный по пораженію Святополка Кіевскаго Половцами въ 1093 г. (Тамъ же, 124).

[4]) П. Сумъ: „Ист. разсужд. о Печенѣгахъ" (Чт. въ Общ. Ист. и Древ. 1846 г., № 1).

Digitized by Google

быта Печенѣговъ, именуемыхъ у нихъ Скиѳами[1]). Они описываютъ ихъ какъ народъ великорослый и многочисленный, оружіе котораго составляли лукъ, колчанъ со стрѣлами, висѣвшій на спинѣ, и метательное копье[2]); въ рѣчи, говоренной Ѳеофилактомъ императору Алексѣю (XI в.), между прочимъ упоминается, что страхъ, наведенный послѣднимъ на Печенѣговъ, принудилъ ихъ дать отдыхъ своимъ конямъ, воткнуть въ землю копья и сложить щиты[3]), а нѣсколько позже, именно въ 1205 г., встрѣчается любопытное извѣстіе, относящееся къ тѣмъ же Печенѣгамъ, когда они къ тому времени перешли уже за Дунай (XI в.), извѣстіе, касающееся ихъ погребальныхъ обычаевъ, что послѣ побѣды, одержанной во Ѳракіи, Скиѳы хоронили своихъ покойниковъ вмѣстѣ съ ихъ быстрѣйшими лошадьми, луками изъ рога и какими-то мечами, имѣвшими три острія, при чемъ вмѣстѣ съ ними же были заживо погребены и нѣсколько плѣнныхъ Грековъ[4]).

Наконецъ Константинъ Багрянородный упоминаетъ при случаѣ кое-что и объ одеждѣ Печенѣговъ, говоря, что они носили платье, достигавшее только до колѣнъ, и не имѣвшее рукавовъ[5]), а по изслѣдованіямъ венгерскаго ученаго Ернея — перебравшіеся въ Венгрію Печенѣги носили широкое шелковое или льняное платье и на головѣ родъ шапки — шако съ висячей подкладкой[6]).

Нѣсколько свѣдѣній о тѣхъ же Печенѣгахъ находимъ и въ нашей начальной лѣтописи. Подъ 915 г. она передаетъ, что — „придоша Печенѣзи первое на русскую землю и сотворивше миръ со Игоремъ и приидоша къ Дунаю“[7]), съ каковыхъ поръ они многократно являются то союзниками, то врагами князей русскихъ; такъ уже въ походѣ 944 г. Игорь имѣлъ въ составѣ своего войска Печенѣговъ, которыхъ византійцы хотѣли отвлечь отъ него, пославъ имъ дары — „паволоки и злато много“, а въ 968 тѣ же кочевники осаждаютъ самый Кіевъ, при чемъ встрѣчается фактъ, могущій указывать на извѣстную постоянность сношеній между ними и Русскими, ибо въ X вѣкѣ среди кіевлянъ оказывались люди владѣвшіе печенѣжскимъ языкомъ, какъ было при той же осадѣ, когда по словамъ лѣтописи — одинъ отрокъ пробрался сквозь полчища Печенѣгомъ съ извѣстіемъ къ воеводѣ Претичу — „бѣ бо умѣя печенѣжски“. Здѣсь невольно приходится вспомнить о вышеприведенномъ уже случаѣ находки въ 1879 г. въ самомъ Кіевѣ, близъ Софійскаго собора, древней могилы разбираемаго типа, относящейся по указанію проф. В. Антоновича къ тому времени, когда площадь, занимаемая соборнымъ дворомъ, была еще не застроена и составляла загородное поле[8]), такъ что легко быть можетъ, что могила эта представляетъ памятникъ пребыванія здѣсь тѣхъ же Печенѣговъ.

---

1) Въ XI в. имя Скиѳовъ принадлежало исключительно Печенѣгамъ, а позже оно же перешло и на Половцевъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., ноябрь: В. Васильевскій „Византія и Печенѣги“, 119).

2) П. Сумъ: Ист. разсужденіе о Печенѣгахъ (Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1846 г., № 1, стр. 28, 41)

3) В. Васильевскій: Византія и Печенѣги (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., дек. 249).

4) П. Сумъ: Истор. разсужденіе о Печенѣгахъ, 43.

5) Д. Иловайскій: Ист. Россіи, т. I, 113.

6) А. Куникъ: О тюркскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ (Зап. Ак. Наукъ по 1 и 3 отд., 1855 г., т. III, вып. 5, стр. 733).

7) Лѣт. по Лавр. сп., изд. Арх. Ком.

8) Извѣстія Общества Любит. Естеств., Антроп. и Этногр., т. XXXV (Антропологич. Выставка т. III, 87).

Digitized by Google

Наконецъ еще любопытный эпизодъ изъ упомянутой осады Кіева даетъ нѣкоторое указаніе и на составъ вооруженія послѣднихъ, именно что когда воевода Святославовъ Претичъ явился на выручку Кіева, то печенѣжскій вождь, рѣшившись снять осаду и примириться съ Претичемъ, подарилъ, по словамъ лѣтописи, ему въ знакъ дружбы — „конь, саблю, стрѣлы, онъ же (Претичъ) дастъ ему бронѣ, щитъ, мечъ". Это упоминаніе о саблѣ въ данномъ случаѣ весьма существенно.

Таковы историческія свѣдѣнія, имѣющіяся объ этомъ тюркскомъ племени, появляющемся на страницахъ исторіи въ концѣ IX вѣка, когда оно было вытѣснено изъ-за Дона Хозарами и Узами. Въ совокупности этихъ извѣстій замѣчается съ одной стороны весьма близкое совпаденіе фактовъ историческихъ съ данными археологическими, представляемыми описанными выше могилами, съ другой же изъ первыхъ почерпается и объясненіе нѣкоторыхъ особенностей культуры тѣхъ же могилъ, возбуждавшей извѣстныя недоразумѣнія. Совпаденія эти сводятся къ слѣдующему:

Во-первыхъ въ территоріальномъ отношеніи районъ распространенія могилъ съ остовами лошадей въ Кіевской губерніи, соотвѣтствуетъ вышеприведеннымъ извѣстіямъ о распространеніи печенѣжскихъ кочевьовъ здѣсь же, такъ какъ эти могилы выслѣживаются южнѣе Кіева въ уѣздахъ Кіевскомъ, Коневскомъ, Васильковскомъ, Таращанскомъ и Черкасскомъ.

Во-вторыхъ, по отношенію къ погребальному ритуалу, существованіе обычая погребенія съ конями у Печенѣговъ указывается исторически и хотя эта же обрядность была присуща многимъ кочевымъ племенамъ, но тѣмъ не менѣе въ совокупности съ прочими признаками она въ данномъ случаѣ также имѣетъ значеніе. Любопытно отмѣтить здѣсь же еще одну подробность, именно что въ описанныхъ могилахъ неоднократно бывали находимы отдѣльныя человѣческія кости, не принадлежавшія погребеннымъ въ нихъ покойникамъ, а также бывали случаи совмѣстнаго присутствія и цѣлыхъ постороннихъ скелетовъ; не придавая еще этому обстоятельству рѣшающаго значенія, можно тѣмъ не менѣе вспомнить о вышеприведенномъ фактѣ погребенія Печенѣгами во Ѳракіи плѣнныхъ Грековъ, въ могилахъ своихъ павшихъ соплеменниковъ.

Далѣе, имѣющіяся извѣстія о вооруженіи Печенѣговъ встрѣчаютъ близкую аналогію съ сдѣланными, сюда же относящимися находками, такъ какъ византійцы говорятъ объ употребленіи этими кочевниками луковъ, колчановъ, метательныхъ копій и щитовъ, а остатки подобныхъ предметовъ дѣйствительно встрѣчены въ разбираемыхъ могилахъ, составляя въ нихъ вообще находки довольно частыя, кромѣ щитовъ, слѣды которыхъ обнаружены всего лишь одинъ разъ. Въ Историческомъ Артиллерійскомъ Музеѣ въ Петербургѣ имѣется экземпляръ полной могилы описываемаго типа (съ конскимъ остовомъ), доставленной цѣликомъ изъ Коневскаго уѣзда, въ которой на крышкѣ гроба найдены сложенными сабля и копье, при чемъ послѣднее особенно любопытно тѣмъ, что у него сохранились остатки древка, ясно своими размѣрами опредѣляющіе, что копье относится именно къ разряду метательныхъ. Въ приведенныхъ извѣстіяхъ византійцевъ обращаетъ однако вниманіе, что въ нихъ не только ничего не говорится о саблях, но въ свѣдѣніяхъ болѣе позднихъ даже встрѣчается какое-то темное упоминаніе о мечахъ съ тремя остріями! Впрочемъ весьма вѣроятно, что въ пер-

Digitized by Google

вомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло просто съ недомолвкой, ибо напр. изъ цитированнаго выше лѣтописнаго текста объ обмѣнѣ оружіемъ между печенѣжскимъ вождемъ и русскимъ воеводой въ X стол., можно видѣть, что въ составъ вооруженія Печенѣговъ входили именно сабли, типъ дѣйствительно чисто восточный, почему сказанное позднѣйшее извѣстіе о мечахъ съ тремя остріями, понять крайне трудно! Если здѣсь подразумѣваются клинки развѣтвляющіеся, т.-е. двухъ или трехконцовые, то можно замѣтить, что таковые дѣйствительно были не безызвѣстны на востокѣ и по крайней мѣрѣ символическое изображеніе двухконцоваго меча (дзульфикаръ) даже нерѣдко помѣщалось на мусульманскихъ знаменахъ, какъ эмблема подобнаго оружія, принадлежавшаго яко бы самому Мохаммеду; кромѣ того извѣстенъ напр. экземпляръ подобнаго восточнаго клинка въ Московской Оружейной палатѣ[1]), но съ другой стороны нѣтъ никакого вѣроятія допустить, чтобы подобные мечи могли имѣть болѣе или менѣе широкое практическое значеніе и вѣрнѣе что въ приведенномъ извѣстіи скрывается какое-нибудь искаженіе или недоразумѣніе.

О прочихъ предметахъ бытовой обстановки Печенѣговъ историческихъ извѣстій не имѣется, но, сопоставляя показаніе Константина Багрянороднаго о международной ихъ роли по отношенію къ Русскимъ и Херсонесцамъ, съ культурою обнаруженною въ интересующихъ насъ могилахъ, замѣтно ясно, что именно въ подобныхъ отношеніяхъ можетъ находить себѣ объясненіе присутствіе въ тѣхъ же могилахъ такихъ предметовъ тогдашней роскоши, какъ византійскаго происхожденія ткани, кораллы, серебряныя украшенія и т. под. Становится понятнымъ, что подобные предметы, какъ серьги напоминающія кіевскіе типы, легко могли попадать именно къ Печенѣгамъ, въ силу постояннаго соприкосновенія послѣднихъ съ кіевской областью, какъ путемъ связей мирныхъ, такъ и столкновеній враждебныхъ. При условіяхъ, что тѣ же Печенѣги, владѣя степной частью Тавриды, оказывались сосѣдями мѣстныхъ греческихъ колоній, получали дары отъ Византіи, служили посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Херсонесцевъ съ Русью и обратно, какъ напр. нанимаясь перевозить товары тѣхъ и другихъ черезъ свои кочевья, а въ иныхъ случаяхъ являясь по-просту грабителями подобныхъ каравановъ, при такихъ условіяхъ становится понятнымъ, что именно къ Печенѣгамъ могли легко попадать и разныя издѣлія византійскія; все это должно было отразиться на ихъ бытовой обстановкѣ, а такіе слѣды именно и замѣчаются въ очерченной выше культурѣ.

Наконецъ извѣстное соотвѣтствіе замѣчается и относительно условій времени, потому что, какъ уже говорено выше, — культура разсматриваемыхъ могилъ должна въ общемъ относиться къ періоду сравнительно болѣе позднему, приблизительно къ VIII—XI столѣт., т.-е. совпадаетъ съ періодомъ исторической роли тѣхъ же Печенѣговъ на югѣ Россіи, которые какъ извѣстно были въ половинѣ XI вытѣснены новыми кочевниками на западъ.

Такимъ образомъ между разбираемымъ археологическимъ матеріаломъ и приведенными историческими извѣстіями о Печенѣгахъ, оказывается любопытная параллель,

---

[1]) На немъ арабская надпись: „Нѣтъ силы и могущества безъ помощи Всевышняго. Нѣтъ побѣды безъ содѣйствія Дзульфакара“.

Digitized by Google

которая невольно обращаетъ на себя вниманіе и наводитъ на мысль объ ихъ тѣсной взаимной связи. Остается сказать еще два слова о ближайшихъ преемникахъ послѣднихъ, т.-е. о тѣхъ новыхъ кочевыхъ ордахъ, которыя непосредственно смѣнили Печенѣговъ на югѣ Россіи, именно о Половцахъ.

Въ половинѣ XI вѣка Печенѣги, ослабленные возникшими между ними усобицами, вынуждены были уступить напору надвинувшагося съ востока племени Узовъ, принимаемаго одними за племя самостоятельное[1]), другими же отождествляемое съ Команами или Половцами[2]) и ранѣе кочевавшее въ степяхъ Задонскихъ. Но такъ, или иначе, эти новые кочевники, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, имѣютъ значеніе уже второстепенное, ибо во-первыхъ являются слишкомъ поздно для того, чтобы періодъ ихъ господства на югѣ Россіи соотвѣтствовалъ всѣмъ элементамъ указанной выше могильной культуры, а во-вторыхъ не имѣется никакихъ данныхъ, чтобы Половцы унаслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ ту же международную роль, о которой говорено выше и въ которой находитъ себѣ объясненіе составъ той же культуры. Во всякомъ случаѣ тѣсная единоплеменность Печенѣговъ съ Каманами, по византійскимъ источникамъ говорившихъ даже однимъ языкомъ[3]), отнимаетъ особое значеніе въ вопросѣ о возможности принадлежности описанныхъ могилъ и этимъ Команамъ, такъ что въ данномъ случаѣ болѣе интереса представляетъ историческое указаніе, что большія плѣнныя толпы упомянутыхъ Узовъ, или быть-можетъ синонимовъ ихъ — Половцевъ, послѣ разгрома ихъ русскими князьями въ 1060 г., были поселены въ южныхъ предѣлахъ Кіевской и Переяславской области, гдѣ между прочимъ ими былъ заселенъ городъ Торческъ, на р. Роси[4]).

Вотъ все, что можно пока привести для разрѣшенія вопроса о народности интересующаго насъ типа могилъ въ Кіевской губерніи. Изложенныя соображенія даютъ основаніе выставить тотъ тезисъ, что погребенія съ остовами убитыхъ лошадей, по крайней мѣрѣ въ упомянутомъ районѣ, принадлежатъ по всей вѣроятности именно тюркскимъ кочевникамъ Печенѣгамъ.

---

[1]) Д. Иловайскій: Ист. Россіи, т. I, 113.
[2]) В. Васильевскій: Византія и Печенѣги, 123 (Жур. Мин. Народн. Просв., 1872 г., ноябрь).
[3]) В. Васильевскій: Византія и Печенѣги, 122.
[4]) Д. Иловайскій: Ист. Россіи, т. I, 124.

Digitized by Google

Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 года.

П. Милюковъ.

Рязанская губернія представляетъ для археологовъ особенный интересъ благодаря тому обстоятельству, что на ея территоріи соприкасались съ древнѣйшихъ временъ различныя народности. Такимъ образомъ, типы археологическихъ находокъ Рязанской губерніи должны быть довольно разнообразны, — и топографическія границы отдѣльныхъ должны служить показателемъ границъ, до которыхъ распространялась соотвѣтствующая народность въ предѣлахъ губерніи. Нечего и говорить, что разъ опредѣлены будутъ границы археологическихъ типовъ и установлено ихъ соотвѣтствіе границамъ извѣстныхъ народностей, — тѣмъ самымъ будетъ пріобрѣтено въ высшей степени важное основаніе для этнографической классификаціи кургановъ въ предѣлахъ не одной только Рязанской губерніи. Изслѣдованіе пограничныхъ мѣстностей примѣнялось уже систематически въ послѣдніе годы при археологическомъ изученіи Днѣпровской Руси; и здѣсь этотъ способъ не замедлилъ дать чрезвычайно важные результаты. Въ срединной Россіи, гдѣ поселенія отдѣльныхъ племенъ и народностей раскинуты были на несравненно болѣе обширныхъ пространствахъ, археологическое изученіе этнографическихъ окраинъ кажется намъ еще болѣе необходимымъ. При отсутствіи такого изученія, самыя обширныя и тщательныя изслѣдованія не могли до сихъ поръ устранить колебаній и сомнѣній по самымъ основнымъ вопросамъ археологіи срединной Россіи. Мы убѣждены, напротивъ, что систематическія раскопки на границахъ, указываемыхъ исторической этнографіей, сразу положатъ конецъ этой шаткости мнѣній. Рязанская губернія во многихъ случаяхъ могла бы послужить исходнымъ пунктомъ для такого рода археологическихъ изслѣдованій; вотъ почему мѣстныя раскопки дожны имѣть общій интересъ для науки русской археологіи. Посильную иллюстрацію этого положенія мы представимъ въ концѣ настоящаго отчета о раскопкахъ, произведенныхъ въ Рязанской губ. лѣтомъ текущаго года членами Рязанской архивной комиссіи, А. И. Черепнинымъ, А. Д. Повалишинымъ, А. А. Грунау, И. И. Проходцевымъ и П. Н. Милюковымъ на средства, пожертвованныя теперешнимъ предсѣдателемъ комиссіи, А. Д. Повалишинымъ.

Digitized by Google

Предварительно необходимо замѣтить, что раскопки текущаго лѣта составляли лишь часть работъ по систематическому изученію Рязанской губ. въ археологическомъ отношеніи. Изученіе это началось, съ начала 90-хъ годовъ, раскопками рязанскихъ „могильниковъ". Отчетъ о результатахъ, — въ высшей степени важныхъ, — добытыхъ раскопками могильниковъ, уже сообщилъ Съѣзду членъ комиссіи А. И. Черепнинъ. Матеріалъ, полученный изъ могильниковъ Ряз. губ., въ настоящее время обратилъ на себя вниманіе археологовъ и обрабатывается Императорской Археологической Комиссіей. Въ текущемъ году, по предложенію А. И. Черепнина, Рязанская Комиссія постановила перейти къ изученію другой категоріи археологическихъ памятниковъ, — болѣе позднихъ, по мнѣнію А. И. Черепнина, чѣмъ „могильники", — именно, кургановъ. При всей недостаточности наличныхъ данныхъ о содержаніи рязанскихъ кургановъ, Комиссіи извѣстно было, однакоже, что курганныя находки въ Рязанской губерніи представляютъ четыре различные типа. Первый типъ, встрѣчающійся въ курганахъ сѣверо-западнаго угла губерніи, въ Егорьевскомъ у., характеризуется ажурными находками и привѣсками такъ наз. „мерянскаго типа". Такимъ образомъ, курганы этой части губерніи примыкаютъ къ курганамъ Яросл. и Влад. губ., изслѣдованнымъ въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ гр. Уваровымъ. И формы, и техника, вещей, находимыхъ во всѣхъ этихъ курганахъ, роднятъ ихъ, съ одной стороны, съ болѣе ранней культурой могильниковъ Рязанской и Тамбовской губ., съ другой, съ продуктами финской культуры на всемъ протяженіи отъ Урала до Балтійскихъ провинцій. Другой типъ курганныхъ находокъ встрѣчается южнѣе перваго, тоже въ западной части губерніи, — по теченію Оки и ея правыхъ притоковъ, начиная отъ западной границы губерніи и кончая гор. Разанью. Наиболѣе характерной вещью этого типа является извѣстная семилопастная височная привѣска, встрѣчающаяся также и на западъ отъ Рязанской губ., въ районѣ, границы котораго мы укажемъ впослѣдствіи. Третій типъ, встрѣтившійся пока только въ одной мѣстности на востокъ отъ Рязани (въ 10 верстахъ), отличается также хорошо извѣстными по раскопкамъ гр. Уварова серьгами въ формѣ трехъ шариковъ, укрѣпленныхъ на проволочномъ кольцѣ. Другихъ типичныхъ „мерянскихъ" вещей при этихъ серьгахъ не встрѣчалось; конечно, только дальнѣйшія изслѣдованія могутъ рѣшить, придется ли слить и въ Рязанской губ. этотъ третій типъ съ первымъ, — или же, напротивъ, въ изслѣдованіяхъ гр. Уварова нужно будетъ точнѣе разграничить одинъ типъ отъ другого. Наконецъ, четвертый типъ курганныхъ находокъ встрѣтился въ Касимовскомъ уѣздѣ, т.-е. еще далѣе на Востокъ по теченію Волги. Этотъ типъ характеризуется чрезвычайно грубыми имитаціями изъ проволоки различныхъ курганныхъ типовъ, напр. витыхъ браслетовъ, пряжекъ и т. д.; кромѣ того здѣсь встрѣчаются типичныя привѣски, тоже очень грубой работы, — въ формѣ луночекъ большого размѣра съ толстыми ручками, выходящими изъ одного конца и согнутыми (но не припаянными) къ другому; нижній край луночки оторочень рядомъ привѣшенныхъ на проволокѣ пластинокъ, имѣющихъ форму удлиненной трапеціи. Этому же типу свойственны находки въ значительномъ количествѣ раковины cyprea moneta. Исходя изъ этихъ неполныхъ свѣдѣній, Рязанская Комиссія рѣшилась, оставивъ пока въ сторонѣ всѣ южные уѣзды губерніи, совершенно незатронутые из-

Digitized by Google

слѣдователями, сосредоточить свое вниманіе на первый разъ на теченіи р. Оки и здѣсь по возможности опредѣлить территоріальныя границы курганныхъ типовъ. Изслѣдованія начались съ Зарайскаго уѣзда. Въ этомъ уѣздѣ приведены были въ извѣстность и разработаны пять группъ кургановъ, расположенныя къ сѣв.-востоку отъ г. Зарайска, при селѣ Апоничищахъ (2 группы) и близкихъ къ нему деревняхъ Козловкѣ, Ситковѣ и Разсохѣ. Три изъ этихъ пяти группъ (на крестьянской землѣ с. Апоничищъ, въ урочищѣ, наз. „Кривишинскимъ"; затѣмъ въ Козловѣ и Разсохѣ) оказались расположенными на краю овраговъ; четвертая и пятая группа (у д. Ситкова и на владѣльческой землѣ Графчикова, ок. Апоничищъ) также находятся недалеко отъ овраговъ. Вся эта система овраговъ связана съ притоками Оки; на днѣ нѣкоторыхъ до сихъ поръ сохранились болотца и колодцы съ родниковой водой; другіе овраги были болотистыми еще на памяти стариковъ, хотя и пересохли теперь; любопытно отмѣтить также, что невдалекѣ отъ каждой группы кургановъ (за исключ. Козловки) существуютъ городища.

Наибольшее количество кургановъ находилось въ Кривишинскомъ урочищѣ (35, изъ нихъ раскопано текущимъ лѣтомъ 22); въ Козловкѣ уцѣлѣли, между крестьянскимъ полемъ и оврагомъ, всего три кургана (всѣ раскопаны); въ Ситновѣ ихъ было 5 (раскопаны 2), въ Разсохѣ 4 (раскопаны 2); на землѣ Графчикова возлѣ Апоничищъ 11 (раскопаны 5). Изъ числа раскопанныхъ 34 кургановъ только одинъ оказался испорченнымъ и не далъ никакихъ находокъ. Остальные 33 кургана оказались принадлежащими къ одному и тому же типу, — именно къ тому, который мы поставили выше *вторымъ*. Въ виду этой однородности характера этихъ пяти группъ кургановъ, мы можемъ разсматривать ихъ, какъ одно цѣлое. Размѣры всѣхъ кургановъ были довольно незначительные. Въ имѣніи Графчикова, гдѣ курганы расположены въ настоящее время въ лѣсу и гдѣ сохраненіе ихъ первоначальной формы доказывается тѣмъ, что кругомъ ихъ большей частью сохранились канавки, высота кургановъ была отъ 2 арш. 2 в. до $3^1/_2$ аршинъ. Въ остальныхъ случаяхъ курганы большею частью не поднимались выше 2 аршинъ. Случаевъ трупосожженія не было встрѣчено ни разу. Погребенія большей частью были одиночныя; но въ 6 случаяхъ встрѣтились двойныя погребенія, а въ одномъ случаѣ даже тройное. Изъ 6 случаевъ двойного погребенія въ трехъ это были — мужчина и женщина; въ другихъ двухъ лицо неизвѣстнаго пола съ ребенкомъ, въ послѣднемъ женщина съ ребенкомъ. Костякъ большею частью (въ 25 случаяхъ изъ 36) положенъ былъ ниже поверхности земли, въ ямѣ, вырытой на глубину отъ 1 вершка до 1 аршина (въ среднемъ, глубина ямы была 7 вершковъ). Но въ трехъ случаяхъ костякъ лежалъ, повидимому, прямо на поверхности, а въ 8 случаяхъ даже выше поверхности, въ насыпи на высотѣ отъ 6 вершковъ до 1 арш. 10 вершковъ. Надо, впрочемъ, прибавить, что выше уровня земли клались обыкновенно, надъ костяками взрослыхъ, дѣтскіе костяки; а въ упомянутомъ выше тройномъ погребеніи надъ мужскимъ трупомъ, лежавшимъ почти на поверхности, положены были сперва женскій (на высотѣ 9 вершковъ), а затѣмъ (на 12 вершкахъ) и дѣтскій. Въ другихъ случаяхъ, положеніе костяка надъ поверхностью сопровождалось другими ненормальностями: одинъ разъ костякъ, положенный

Digitized by Google

въ насыпи на одномъ уровнѣ съ костями ребенка, оказался безъ головы и ниже ничего больше не было найдено; другой разъ, выше насыпи положенъ былъ одинъ черепъ, а костякъ съ головой лежалъ подъ нимъ въ ямѣ (II, 22 и 11 курганы на противоположныхъ сторонахъ курганнаго поля). Если отбросить всѣ эти случаи погребенія въ насыпи дѣтскихъ (4) или неполныхъ (2) скелетовъ, то останется всего два случая погребенія выше уровня земли (I, 5; II, 5 (?)).

Направленіе костяка было почти постоянно головой на западъ; если и случалось отклоненіе на Ю.-З. (3 случая) и С.-З. (2 случая), то, вѣроятно, это объясняется разницей мѣста восхожденія солнца лѣтомъ и зимой. Впрочемъ, два изъ этихъ случаевъ относятся къ дѣтскимъ скелетамъ, подъ которыми костяки взрослыхъ лежали совершенно правильно: здѣсь, очевидно, неправильное положеніе свидѣтельствуетъ о нѣкоторой небрежности въ выполненіи обряда, допускавшейся по отношенію къ ребенку.

Что касается положенія костяка, обыкновенно (25 случаевъ) онъ лежалъ на спинѣ; въ 6 случаяхъ на лѣвомъ боку, при чемъ въ двухъ случаяхъ изъ шести — это было положеніе мужчины, погребеннаго рядомъ съ женщиной и обращеннаго къ ней лицомъ. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ женщина была обращена тоже лицомъ къ мужчинѣ и лежала на правомъ боку (единственный разъ во всѣхъ курганахъ); въ другомъ она лежала на спинѣ. Въ обоихъ случаяхъ костяки мужчины и женщины лежали непосредственно одинъ возлѣ другого; въ третьемъ случаѣ совмѣстнаго погребенія мужчины и женщины (см. выше) они лежали параллельно другъ другу, на разстояніи 7 вершковъ (мужчина на спинѣ, положеніе женщины нельзя было опредѣлить). Ноги постоянно были протянуты; но иногда боковое положеніе костяка (ничкомъ или навзничь) приводило правую или лѣвую ногу въ положеніе, какое она имѣетъ при ходьбѣ. Положеніе рукъ, напротивъ, видоизмѣнялось довольно свободно. Изъ тѣхъ случаевъ, когда это положеніе можно было опредѣлить, въ четырехъ обѣ руки были протянуты вдоль костяка, въ шести лѣвая протянута, а правая согнута на тазѣ или животѣ, въ шести другихъ, наоборотъ, лѣвая согнута, а правая протянута; въ пяти случаяхъ обѣ руки были согнуты на тазу и животѣ; въ пяти случаяхъ одна изъ согнутыхъ рукъ крутымъ поворотомъ была поднята къ противоположному плечу, — и притомъ то это была правая (2 случая), то лѣвая (3 случая). Интересно отмѣтить, что въ одномъ изъ случаевъ парнаго погребенія лѣвая рука женщины лежала на поясницѣ мужчины.

При опредѣленіи длины костяка пришлось отбрасывать кости стопы, большей частью не сохранившіяся, и измѣрять разстояніе отъ брегмы до конца берцовой кости. Принимая это во вниманіе, нужно заключить, что мужское населеніе зарайскихъ кургановъ было очень высокорослое. Если оставить въ сторонѣ *несомнѣнно* женскіе костяки, то длина остальныхъ, въ числѣ которыхъ тоже могутъ оказаться женскіе, будетъ колебаться между 2 арш. $2^1/_2$ в.[1]) и 2 арш. $8^1/_2$ в. Средняя, выведенная изъ 20 измѣреній, составляетъ 2 арш. 5,85 в. безъ костей стопы. Нелишнее будетъ

[1]) Только одинъ случай; еще одинъ 2 арш. $3^1/_2$ в., и одинъ 2 арш. 4 в.; остальные всѣ не менѣе 2 арш. 5 в.

Digitized by Google

замѣтить, что мужское населеніе Зарайскаго уѣзда и до сихъ поръ рѣзко выдается высотой роста (2 арш. 5,23 в.) среди всего населенія остальной губерніи (2 арш. 5 в. — 2 арш. 4,57 в.)[1]).

Женскіе костяки зарайскихъ кургановъ гораздо короче. У 6 измѣренныхъ экземпляровъ ростъ оказался: 1 арш. 4 в.; 2 арш.; 2 арш. 1 в.; 2 арш. 3 в.; 2 арш. 5 в.; 2 арш. 5 3/4 в. Такимъ образомъ, самые высокіе изъ измѣренныхъ женскихъ костяковъ не достигали средняго роста мужского населенія; средняя же, если откинуть минимальную цифру (1 арш. 4 в.), составляла почти 2 арш. 3 вершка.

Къ сожалѣнію, большая часть череповъ найдена была въ очень поврежденномъ видѣ. Немногіе лучше сохранившіеся черепа были взяты для изслѣдованій, но въ настоящее время измѣренія еще не сдѣланы. На глазъ населеніе зарайскихъ кургановъ кажется субдолихоцефалами. Сопоставляя взятые изъ одной и той же могилы (I, 3) черепа, мужской и женскій, пишущій эти строки невольно обратилъ вниманіе на склонность послѣдняго къ брахицефаліи. Въ семи случаяхъ найдены были у черепа волосы, за исключеніемъ одного случая (III, 3), несомнѣнно, женскіе. Цвѣтъ ихъ былъ во всѣхъ случаяхъ одинаковый, темнорусый. Припомнимъ, кстати, что населеніе рязанскихъ могильниковъ, Борковскаго и Кузьминскаго, отличалось чернымъ цвѣтомъ волосъ[2]).

Въ значительной части кургановъ (101) около костяка обнаружены были остатки древесной коры. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было прослѣдить прослойку коры подъ костякомъ, въ другихъ — надъ нимъ; наконецъ, въ третьихъ случаяхъ кора, очевидно, обертывала костякъ и сверху и снизу, плотно прилегая къ нему. Въ двухъ курганахъ, гдѣ не было ясныхъ слѣдовъ коры и луба, тѣмъ не менѣе положеніе ногъ, плотно сближенныхъ къ низу, начиная съ колѣна, показывало, что эта часть костяка была чѣмъ-нибудь плотно обхвачена (II, 13, III, 3). Въ одномъ случаѣ (I, 5), наблюдалось перекрытіе могилы корой дубоваго дерева вершка на два выше скелета. Въ нѣкоторыхъ курганахъ замѣчена была подъ костякомъ (иногда только подъ головой его) тонкая прослойка бѣлаго песку. Въ курганахъ II, 13 и V, 2 эта прослойка выступала особенно отчетливо. Въ курганѣ I, 4 вмѣсто песку найдена была угольная прослойка. При костякѣ большею частью (21 разъ) находился горшокъ изъ темносѣрой глины. Обыкновенно онъ помѣщался въ ногахъ, у самыхъ подошвъ (12 случаевъ); иногда же сбоку у лѣвой (2) или правой (3) ноги. Въ трехъ случаяхъ горшокъ стоялъ у головы. Въ курганѣ III, 2 горшокъ охваченъ былъ наискось желѣзнымъ обручемъ. Въ курганахъ IV, 1 и V, 2 при горшкѣ была еще глиняная большая миска съ отлогими краями. Всѣ горшки сдѣланы на кругѣ; края ихъ у большей части отогнуты наружу, и ниже вѣнчика по выпуклой части горшка идетъ широкій орнаментъ параллельными линіями; иногда эти линіи сгруппированы по три, съ промежутками между ними. Встрѣчался рядомъ съ линейнымъ и волнистый орнаментъ. Въ богатыхъ женскихъ погребеніяхъ найдено было нѣсколько миніатюрныхъ горшковъ,

---

[1]) *Анучинъ.* О географическомъ распространеніи роста мужского населенія Россіи. С.-Пб. 1889, таблица на стр. 179.

[2]) См. Очеркъ доисторическаго прошлаго Рязанскаго края *А. И. Черепнина. Рязань, 1896.* Стр. 26. (Отд. оттискъ изъ „800-лѣтія Рязани“).

Digitized by Google

особенно изящнаго вида, съ орнаментомъ линейнымъ и волнистымъ въ нѣсколько рядовъ. Въ тѣхъ курганахъ (14), гдѣ горшка не оказывалось при костякѣ, онъ находился иногда (3), въ видѣ обломковъ, въ верхнихъ слояхъ могилы. Здѣсь, впрочемъ, онъ могъ имѣть другое назначеніе, на которое указываетъ слѣдующая подробность устройства могилы. Въ верхнихъ слояхъ кургана обыкновенно попадались уголья; чаще всего они были разсѣяны по всему кургану, но иногда сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ, и въ этихъ случаяхъ ихъ значеніе становилось особенно понятно. Повидимому, засыпавши покойника небольшой насыпью, хоронившіе его останавливались и, прежде чѣмъ насыпать курганъ до верху, разводили на насыпи огонь для поминокъ. Затѣмъ, по окончаніи тризны, остатки ея засыпались новымъ слоемъ земли. Въ одномъ случаѣ (V, 1) очень хорошо сохранились остатки тонкихъ прутьевъ, служившихъ для костра и не успѣвшихъ сгорѣть, такъ какъ находились на самомъ днѣ небольшой ямки, въ которой костеръ былъ разложенъ. Въ другихъ случаяхъ отъ костра сохранились только большія угольныя пятна (аршина $1^1/_2$ въ діаметрѣ) и покраснѣвшая отъ огня глина. Можетъ-быть на тѣ же поминки указываютъ и кости птицъ и свиней, найденныя въ нѣкоторыхъ курганахъ. Связь съ тризной обломковъ горшка, находившихся въ верхнихъ слояхъ кургана, доказывается и тѣмъ, что внутри такихъ горшковъ находились иногда слѣды золы и угольевъ. Въ горшкахъ же, помѣщенныхъ у ногъ или головы костяка, слѣдовъ огня не было замѣчаемо.

Описаннымъ обрядомъ — разведенія огня надъ засыпанной наполовину могилой — объясняется также положеніе костяка въ нѣкоторыхъ курганахъ — не въ центрѣ, а въ одномъ изъ крыльевъ кургана. Такое положеніе получалось естественно въ томъ случаѣ, если костеръ для тризны разводился не надъ зарытымъ трупомъ, а нѣсколько въ сторонѣ отъ него. Дѣйствительно, чаще всего угольныя пятна оказываются въ курганѣ въ сторонѣ, противуположной той, гдѣ зарытъ покойникъ.

Очевидно, при дальнѣйшемъ засыпаніи могилы центръ кургана и получался, въ этомъ случаѣ, не надъ костякомъ, а въ промежуткѣ между костякомъ и мѣстомъ тризны. Если промежутокъ этотъ былъ слишкомъ великъ, тогда насыпать надъ нимъ одинъ курганъ становилось уже трудно; поэтому, дальнѣйшее насыпаніе надъ уровнемъ тризны совершалось двумя вершинами. Такъ объясняемъ мы себѣ появленіе кургановъ, въ родѣ II, 16 или II, 8, въ которыхъ имѣются двѣ вершины, бо́льшая и меньшая, раздѣленныя сѣдловиной. Первый изъ названныхъ кургановъ расположенъ въ сторонѣ отъ Кривишинскаго урочища, на другой сторонѣ оврага; онъ богатъ вещами и заключаетъ въ себѣ мужское погребеніе вмѣстѣ съ женскимъ. По снятіи обѣихъ вершинъ (ок. $^1/_2$ аршина) оказалось, что дно сѣдловины между ними и есть уровень тризны, обозначенный угольными пятнами. Подъ бо́льшей вершиной, на $1^1/_4$ арш. глубже угольныхъ пятенъ лежали костяки; а подъ малой вершиной на самомъ уровнѣ тризны найдены были зубы и челюсть свиньи и два лошадиныхъ зуба. Точно такіе же два центра имѣетъ и другой изъ названныхъ кургановъ (II, 8). Малая вершина была здѣсь на $^1/_2$ аршина ниже большой; когда обѣ вершины были снесены, то обнаружился уровень тризны, означенный здѣсь разбросанными угольками. Подъ малой вершиной, на уровнѣ угольевъ, лежалъ дѣтскій скелетъ, а подъ большой, еще на $1^3/_4$ арш.

Digitized by Google

глубже угольевъ, найденъ костякъ взрослаго человѣка. Конечно, подъ малыми вершинами, ниже угольнаго слоя, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было найдено ничего. Угольный слой объединялъ ихъ въ одно цѣлое съ сосѣдними большими курганами и лишалъ самостоятельнаго значенія. По отношенію къ главному кургану — это были только арены для тризны.

Переходимъ къ описанію вещей, найденныхъ при костякахъ, начиная съ головы. Слѣдовъ головного покрытія не найдено было ни въ одномъ изъ кургановъ. Височныя украшенія, напротивъ, попадались постоянно въ женскихъ могилахъ. Въ качествѣ височнаго украшенія во всѣхъ случаяхъ (11) употреблялись исключительно упомянутыя выше характерныя семилопастныя подвѣски; только въ одномъ курганѣ (V, 2), отличавшемся вообще нѣкоторыми особенностями въ характерѣ вещей, кромѣ этихъ подвѣсокъ, у праваго виска было найдено колечко, витое жгутикомъ, а на лѣвое плечо спускались другія два колечка, безъ спайки на сходящихся узкихъ концахъ и съ своеобразнымъ орнаментомъ на расширенной средней части [1]).

Въ одномъ случаѣ можно было уяснить себѣ способъ прикрѣпленія височныхъ подвѣсокъ. Волоса съ обѣихъ сторонъ облегали дужку подвѣски; между волосами пропущенъ былъ ремешокъ, который и прихватывалъ дужку. Независимо отъ этого способа можно предположить еще другой. Дужки прикрѣлялись къ проволочному колечку, которое въ свою очередь уже было продѣто въ ремешокъ [2]). Въ одномъ курганѣ найденъ былъ такой ремешокъ съ нѣсколькими вдѣтыми въ него проволочками, отчасти согнутыми въ кольцо, отчасти распрямленными. Къ семилопастнымъ подвѣскамъ, какъ предмету характеризующему типъ зарайскихъ могилъ, мы еще вернемся ниже; теперь же сдѣлаемъ нѣкоторыя наблюденія надъ развитіемъ типа самой подвѣски въ предѣлахъ Рязанской губерніи. Древнѣйшимъ типомъ семилопастной подвѣски, какъ уже установлено В. И. Сизовымъ, слѣдуетъ считать тотъ, въ которомъ лопасти не расширяются, а заостряются книзу, придавая привѣскѣ характеръ полузвѣздочки [3]). Замѣтимъ, что привѣски этого древнѣйшаго типа отличаются отъ позднѣйшихъ и самой своей техникой; онѣ литыя, тогда какъ позднѣйшія, повидимому, выбиты или вырѣзаны изъ металлической пластинки, и орнаментъ сдѣланъ отъ руки. Рязанскія находки дополняютъ разновидности какъ древнѣйшаго, такъ и позднѣйшаго типа привѣски, сопоставленныя въ статьѣ В. И. Сизова. Едва ли не самой древней формой слѣдуетъ считать привѣску, найденную на западной окраинѣ губерніи, у р. Осетра, въ Зарайскомъ уѣздѣ: здѣсь она имѣетъ видъ кольца, снабженнаго въ нижней своей половинѣ пятью треугольными придатками внутрь и столькими же наружу [4]).

Затѣмъ слѣдуютъ формы, изданныя въ атласѣ гр. Уварова, и любопытная разновидность, найденная А. И. Черепнинымъ на поверхности Борковскаго могильника. Эта находка вдвойнѣ любопытна, такъ какъ съ одной стороны она доказываетъ (вмѣстѣ

---

[1]) Ср. сходный орнаментъ въ курганахъ Бронницкаго уѣзда, Моск. губ. Временникъ Общ. Ист. и Др. XXII.

[2]) Ср. находку въ Звенигор. у., Моск. губ. Русск. Истор. Сборникъ, III. См. у *Антоновича* въ его „Раскопкахъ въ странѣ древлянъ", стр. 48.

[3]) *В. И. Сизовъ.* О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колецъ и преимущественно такъ называемаго московскаго типа въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ 1895, № 6 рис. 19.

[4]) Издана у *Aspelin*, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, III, стр. 197, № 924.

Digitized by Google

съ другими данными), что культура нижнихъ слоевъ могильника древнѣе поселенія, слѣды котораго сохранились наверху и носятъ курганный характеръ; а съ другой стороны она подчеркиваетъ принадлежность найденныхъ здѣсь курганныхъ типовъ къ болѣе древнему времени курганнаго періода. Въ томъ же Борковскомъ могильникѣ, на глубинѣ 2 аршинъ, найденъ и болѣе поздній типъ семилопастной подвѣски, но любопытно, что и тутъ лопасти еще не пріобрѣли позднѣйшаго расширенія книзу (рисунокъ 1). Этотъ позднѣйшій типъ семилопастныхъ подвѣсокъ общеизвѣстенъ, и мы прямо переходимъ къ дальнѣйшему развитію его въ любопытной находкѣ одного изъ вновь раскопанныхъ Зарайскихъ кургановъ. Въ курганѣ II, 15, семилопастная подвѣска имѣетъ слѣдующую форму (рисунокъ 2).

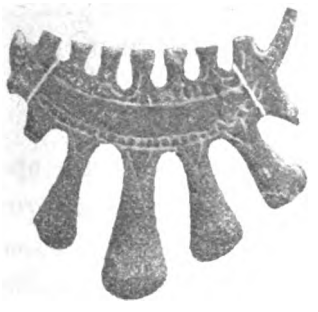


Рис. 1.

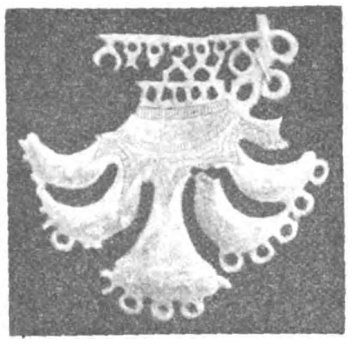


Рис. 2.

Три лопасти съ одной стороны и три съ другой отгибаются кверху и соединяются другъ съ другомъ общимъ бордюромъ изъ прорѣзныхъ кружечковъ; остается свободной только одна средняя лопасть, идущая внизъ. Надъ верхними зубчиками, покрытыми перекладинкой и превратившимися въ рядъ колечекъ, появляется ажурная полоска, составленная изъ двухъ другихъ рядовъ колечекъ, соединенныхъ между собою. Отсюда прямой переходъ къ формамъ, изображеннымъ въ статьѣ В. И. Сизова (табл. II, №№ 12—13); нижняя лопасть принимаетъ здѣсь характеръ ножки, а боковыя лопасти сливаются въ нѣчто похожее на стѣнки вазы. Бордюръ изъ кружечковъ, въ свою очередь, перекрывается общей каймой. Такимъ образомъ, вновь найденная зарайская форма является промежуточною и восполняетъ пробѣлъ въ исторіи развитія типа семилопастной привѣски.

Совершаясь на нашихъ глазахъ, развитіе этого курганнаго типа, очевидно, является дѣломъ мѣстнаго искусства. Мы не хотимъ ничего утверждать относительно происхожденія прототипа изучаемой подвѣски, хотя и не видимъ пока достаточно убѣдительныхъ основаній — приписывать происхожденіе этого прототипа именно Арабамъ. Какъ бы то ни было, всѣ дальнѣйшія измѣненія типа происходятъ на русской почвѣ и притомъ, какъ увидимъ, на строго ограниченной территоріи. Распространеніе извѣстнаго курганнаго типа *только* въ извѣстныхъ географическихъ предѣлахъ само по себѣ уже говоритъ въ пользу его мѣстнаго производства. Понятно, какое значеніе пріобрѣтаетъ въ этомъ случаѣ изучаемый типъ для этнографическаго и даже

Digitized by Google

хронологическаго пріуроченія кургановъ. Не останавливаясь, пока, на этомъ пріуроченіи, продолжаемъ описаніе зарайскихъ находокъ.

На шеѣ женскихъ костяковъ находимы были гривны и ожерелья изъ бусъ. Былъ впрочемъ случай, когда гривна украшала не шею, а лѣвую руку выше локтя (III, 2); въ другой разъ гривна лежала между мужчиной и женщиной, на уровнѣ груди обоихъ. Изъ пяти найденныхъ гривенъ одна была плоская, съ краями, загнутыми одинъ за другой на $^1/_4$ оборота. Въ средней части (на затылкѣ) она суживалась въ тонкую круглую проволоку; края плоской поверхности украшены были орнаментомъ изъ мелкихъ точекъ и клиньевъ.

Вторая гривна (въ упомянутой выше могилѣ V, 2) состояла изъ довольно тонкой проволоки, мѣстами обхваченной кусочками другой проволоки, свитой въ видѣ веревки. Перевивы эти расположены были далеко другъ отъ друга; каждый кусочекъ витой проволоки лежалъ при раскопкѣ отдѣльно; трудно составить себѣ представленіе, какой видъ имѣла эта гривна въ своемъ цѣломъ видѣ.

Оба конца гривны были отогнуты назадъ въ колечко.

Остальныя три гривны были витыя изъ четырехъ проволокъ, предварительно свернутыхъ жгутомъ; къ обоимъ концамъ проволоки прихватывались четырехграннымъ гладкимъ стержнемъ, сводившимся тотчасъ же въ плоскую гладкую полоску, которая съ одной стороны кончалась завиткомъ. Послѣднія гривны были посеребрены.

Ожерелья, найденныя въ 11 женскихъ могилахъ, состояли почти исключительно изъ бусъ, при чемъ обыкновенно и въ очень большомъ количествѣ чередовались при снизкѣ продолговатыя граненыя бусы изъ сердолика красноватаго цвѣта (2) и круглыя бусы изъ горнаго хрусталя (1). Въ одномъ случаѣ буса изъ горнаго хрусталя имѣла видъ двухъ усѣченныхъ семисторонних пирамидъ, сближенныхъ основаніями (3). Одна буса встрѣтилась изъ синяго стекла съ слѣдами раскраски, смывшимися при промываніи, на другой бусѣ раскраска глазками сохранилась (6); найдены въ томъ же курганѣ (II, 15), и граненыя сердоликовыя бусы[1]). Двѣ бусы состояли изъ композиціи съ разрисовкой (кург. II, 6; см. 4); наконецъ, въ курганѣ (V, 2) найдены были очень плохо сохранившіеся остатки серебряныхъ дутыхъ бусъ, орнаментированныхъ арабскими пирамидками крошечныхъ шариковъ, большею частью отпавшихъ и оставившихъ по себѣ слѣды въ видѣ бѣлыхъ точекъ (5). Такіе же слѣды дутыхъ бусъ съ арабскимъ орнаментомъ встрѣчались и въ нѣкоторыхъ богатыхъ курганахъ Кривишинскаго урочища; но тамъ они распадались и обращались въ бѣловатый порошокъ при первомъ прикосновеніи. Въ одномъ случаѣ (II, 6) въ составъ ожерелья вошли два гладкіе металлическіе кружка съ припаянными ушками; въ томъ же курганѣ найденъ былъ такой же гладкій кружокъ въ оправѣ изъ того же металла. Въ курганѣ съ семилопастной привѣской позднѣйшаго типа встрѣтилась, въ составѣ ожерелья, треугольная буса, повидимому, изъ композиціи, вставленная въ бронзовую оправу; къ ожерелью этотъ небольшой предметъ привѣшенъ былъ, повидимому, на

[1]) Это — курганъ, въ которомъ найдена была семилопастная подвѣска позднѣйшей формы; сообразно съ этимъ и типы вещей, найденные въ этомъ курганѣ должны считаться болѣе поздними сравнительно съ другими.

Digitized by Google

тоненькой бронзовой полоскѣ, загнутой на концѣ. Наконецъ въ двухъ курганахъ найдены были маленькіе крестики; въ одномъ случаѣ (II, 9) несомнѣнно, а въ другомъ (II, 7) вѣроятно они тоже входили въ составъ ожерелья. Первый крестикъ, висѣвшій на груди, внизу ожерелья, очень маленькихъ размѣровъ, обыкновеннаго курганнаго типа съ концами заканчивающимися маленькими шариками (рис. 3). Другой крестикъ, нѣсколько больше размѣромъ, сохранилъ въ круглыхъ конечныхъ углубленіяхъ слѣды эмали (рис. 4). Къ этому же разряду предметовъ слѣдуетъ отнести двѣ литыя привѣски съ изображеніемъ свастики (рис. 5), найденныя въ курганѣ II, 16. Къ сожалѣнію, точнаго положенія ихъ на костякѣ нельзя было опредѣлить.

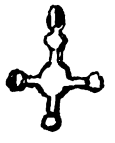


Рис. 3.

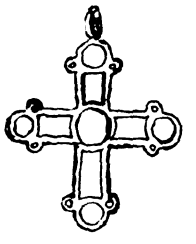


Рис. 4.

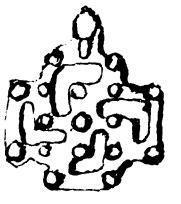


Рис. 5.

Украшеніемъ рукъ служили браслеты, кольца и перстни. Изъ 14 браслетовъ большая часть (8) были витые изъ простыхъ или крученыхъ проволокъ. Концы остались не спаянными и не сближенными, обнаруживая технику изготовленія браслета. Въ однихъ случаяхъ для браслета употреблялось простое проволочное кольцо, которое скручивалось вмѣстѣ съ простой же проволочной полоской. Въ другихъ случаяхъ проволочное кольцо скручивалось со сложенной вдвое пролочной полоской, что давало особый характеръ витью (2). Дальнѣйшее усложненіе заключалось въ томъ, что и кольцо и полоска, перевивавшіяся въ браслетѣ состояли не изъ простой, а уже изъ витой проволоки (3). Кромѣ витыхъ браслетовъ (изъ бронзы) довольно часто встрѣчались литые браслеты изъ сплава съ большимъ процентомъ олова (спруды). Браслеты эти совершенно гладкіе, но на одной сторонѣ имѣется утолщеніе и орнаментъ, составляющій подражаніе скрученнымъ концамъ браслета, перевитымъ спиральной проволокой. Наконецъ, одинъ разъ — именно въ курганѣ съ семилопастной подвѣской позднѣйшаго типа, найденъ былъ браслетъ плетеный изъ тонкой проволоки на основѣ металлической пластинки.

Переходимъ къ кольцамъ и перстнямъ, украшавшимъ пальцы рукъ. Формы тѣхъ и другихъ были довольно разнообразны. Одинъ разъ или два встрѣтилось простое колечко изъ тонкой проволоки съ неспаянными концами (II, 7 курганъ съ эмальированнымъ крестомъ), другой разъ тоже совершенно гладкое литое кольцо изъ металла съ примѣсью олова. Одно кольцо съ заходящими одинъ за другой краями состояло изъ тоненькой плоской полоски, съ легкимъ утолщеніемъ къ срединѣ наружной стороны, въ видѣ ребра (какъ и въ описанной выше плоской гривнѣ). Характеръ орнамента тоже напоминалъ точечный орнаментъ гривны, вообще чуждый зарайскимъ курганамъ. Чаще (5 разъ) встрѣчалось распространенное и въ другихъ

Digitized by Google

мѣстностяхъ Россіи колечко жгутикомъ (съ запаянными краями). Но еще обычнѣе въ зарайскихъ курганахъ кольца и перстни съ расплющенной передней частью и

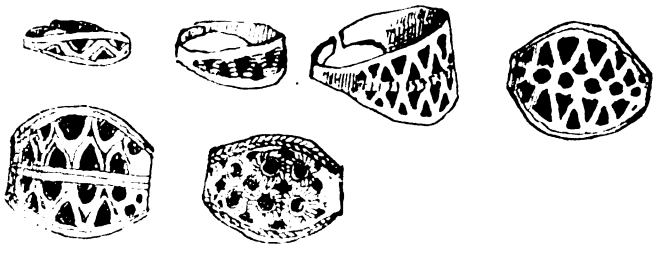


Рис. 6.

съ орнаментомъ на ней, большею частью прорѣзнымъ. Всѣ эти кольца и перстни — съ неспаянными краями. Орнаментъ ажурныхъ колецъ представляется рис. 6.

Орнаментъ сплошныхъ колецъ — рис. 7.

Рис. 7.

Одно кольцо имѣло расширеніе въ формѣ печатки, на которомъ замѣтны слѣды орнамента (въ курганѣ съ крестикомъ II, 9).

Изъ описанныхъ выше украшеній только кольца въ рѣдкихъ случаяхъ находились на пальцахъ мужского костяка; остальныя вещи принадлежали спеціально женскому погребенію. Переходимъ къ находкамъ у пояса костяковъ того и другого пола.

Спеціально мужскому костяку принадлежалъ своеобразный предметъ, имѣющій для насъ, какъ увидимъ, такой же интересъ, какъ семилопастная подвѣска женскихъ могилъ. Въ курганѣ I, 5 на костяхъ лѣвой руки, у поясницы лежалъ желѣзный стержень длиною въ 4 вершка, вложенный въ деревянныя ножны, нижній конецъ которыхъ былъ обложенъ бронзой. Къ верхней части стержень постепенно утолщался въ концѣ продѣто было сквозь стержень большое (почти вершокъ въ діаметрѣ) желѣзное кольцо, свободно вращавшееся въ плоскости ноженъ. Въ другомъ курганѣ (II, 2) тотъ же предметъ (такой же длины), безъ ножекъ, найденъ былъ сложенным крестъ на крестъ съ ножикомъ на особомъ четырехугольномъ кускѣ коры, положенномъ у правой ноги костяка. Надъ тѣмъ и другимъ предметомъ лежали два гладкія бронзовыя кольца, прихваченныя ремешками, и куски кожи. Вѣроятно, кольца съ ремешками служили для прикрѣпленія обоихъ предметовъ къ поясу (рис. 8).

Куски кожи у пояса и желѣзное кольцо у поясницы найдены были и въ предыдущей могилѣ; ножикъ лежалъ подъ лѣвой ногой. Бронзовыя кольца, совершенно подобныя только что описаннымъ, встрѣтились въ курганѣ II, 8 справа и слѣва у пояса, и у лѣваго кольца находился желѣзный ножикъ. Въ другомъ случаѣ (II, 12) такое же

Digitized by Google

кольцо, перехваченное широкимъ ремнемъ (съ приставшими къ нему кусками ткани) спустилось между ногъ, нѣсколько выше лѣваго колѣна, и непосредственно ниже его, черенкомъ къ нему, лежалъ ножикъ. Такое же совпаденіе гладкихъ колецъ (двухъ — у бедра и таза) съ остатками ножа (у лѣваго бедра) найдено было въ курганѣ IV, 1. Въ одномъ курганѣ (II, 7), на этотъ разъ *женскомъ* (всѣ предыдущіе были мужскіе), находился выше пояса кинжалъ; у рукояти кинжала пересѣкался съ нимъ, нѣсколько наискось, желѣзный стержень длиною въ 2 вершка, одинъ конецъ котораго загнутъ былъ въ кольцо, а въ другой вдѣто бронзовое колечко. Можетъ-быть въ этомъ случаѣ стержень прикрѣплялся ремешками къ какой-либо части одежды, а самъ служилъ для прикрѣпленія кинжала, замѣняя поясъ.

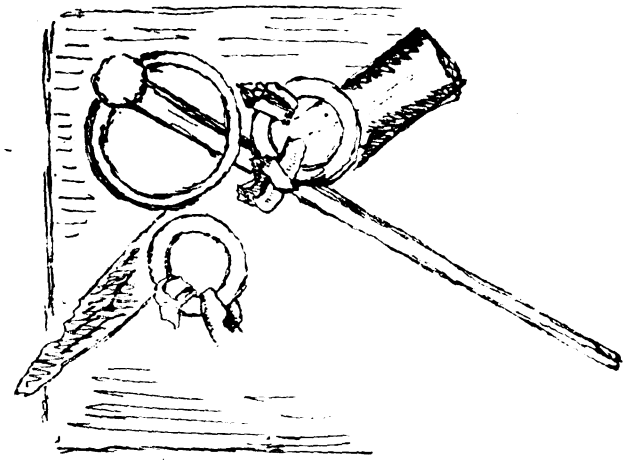


Рис. 8.

Кромѣ колецъ съ ремешками, прикрѣплявшимися къ поясу, въ нѣсколькихъ случаяхъ найдены были и остатки самаго пояса, — именно пряжки (4 раза). Въ одномъ случаѣ это была пряжка извѣстной лирообразной формы, встрѣчающаяся и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи (II, 16?)[1]). Въ другомъ курганѣ (II, 8) пряжка была желѣзная. Въ томъ и другомъ случаѣ найдены были (у бедра и поясницы) описанныя выше кольца съ ремешками, а въ послѣднемъ случаѣ, какъ сказано выше, и желѣзный ножикъ. Въ третьемъ случаѣ небольшая бронзовая пряжка служила единственнымъ остаткомъ пояса (I, 2). Любопытно, что при женскихъ костякахъ слѣдовъ кожанаго пояса не было замѣчено; въ описанномъ способѣ прикрѣпленія кинжала выше пояса, на особомъ желѣзномъ стержнѣ, можно даже видѣть, — если, конечно, онъ объясненъ вѣрно, — прямое указаніе на отсутствіе пояса въ женскомъ костюмѣ. Впрочемъ, у поясницы женскихъ костяковъ встрѣчались находки, но только совершенно иного характера, чѣмъ описанныя выше. Въ одномъ случаѣ (II, 4) — это была замкнутая цѣпочка, составленная изъ 10 звеньевъ проволокъ, согнутыхъ въ формѣ буквы *S* и орнаментированныхъ поперечными насѣчками. Къ одному концу звенья

[1]) Атласъ къ Трудамъ 1 Археолог. Съѣзда въ Москвѣ, таб. XXXII, 27.

Digitized by Google

схвачены были ручкой, свитой изъ такой же проволоки. Подобная цѣпочка встрѣчается въ раскопкахъ графа Уварова, но безъ ручки[1]) и гораздо болѣе грубой работы.

Въ курганѣ II, 16 въ правомъ паху женскаго костяка найденъ былъ гладкій кружокъ, — такой же, какъ описанные выше въ составѣ ожерелья. Въ лѣвомъ паху тутъ же найдены два бубенчика. И въ другомъ случаѣ (II, 7) бубенчикъ найденъ былъ около таза женскаго костяка, вмѣстѣ съ бронзовой бутылкообразной привѣской оригинальнаго типа. Въ курганѣ II, 3 два бубенчика меньшихъ размѣровъ были найдены на груди мужского костяка; но тутъ они могли имѣть значеніе пуговицъ.

Изъ предыдущаго изложенія можно заключить, что обычной принадлежностью мужского костяка былъ желѣзный ножикъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не висѣлъ у пояса (4), онъ постоянно (5 разъ) встрѣчался у конца ногъ — безразлично правой или лѣвой. Вѣроятно, онъ хранился въ этомъ случаѣ въ обуви, отъ которой, впрочемъ, не сохранилось никакихъ слѣдовъ ни въ одномъ курганѣ. Въ приведенный счетъ не вошли два случая нахожденія ножика въ женской могилѣ — одинъ разъ (кинжалъ) выше пояса, другой разъ — надъ скелетомъ. Длина ножиковъ колебалась отъ двухъ до 4 вершковъ. Большая часть ножей была съ однимъ остріемъ (длина этого типа ножей постояннѣе — $2^1/_2$—$3^1/_2$ вершка). Рукоятки ножей (отъ $^1/_4$ до половины ихъ общей длины) насажены были на деревянную ручку, которая въ двухъ случаяхъ плотно обтянута кожей. Въ одномъ случаѣ, ручка ножа была желѣзная, какъ у современныхъ складныхъ ножей; по обѣ стороны желѣзной ручки прикрѣплены были черенки; гвоздики, на которыхъ держались черенки, выступаютъ по обѣ стороны. Желѣзная ручка этого ножика кончается маленькимъ желѣзнымъ колечкомъ. Изъ двухъ ножей обоюдоострыхъ одинъ очень маленькій и имѣетъ форму копья; другой, самый большой, имѣлъ форму кинжала и находился на груди женскаго костяка (см. выше).

Изъ остальныхъ находокъ особенно любопытна дѣтская игрушка, зарытая въ курганѣ II, 19 надъ дѣтскимъ костякомъ. Игрушка эта — глиняная свистулька (рис. 9), очень напоминающая современнаго пѣтушка. Въ шейкѣ находится отверстіе, въ которое дуютъ; по обѣ стороны спинки и сзади хвоста — пять круглыхъ дырочекъ, предназначенныхъ для измѣненія высоты звука. Если зажать пальцами нижнее отверстіе, четыре боковыхъ и одно хвостовое, и потомъ, не отнимая нижняго, по очереди открывать сперва правыя отверстія, потомъ хвостовое и лѣвыя и наконецъ нижнее, то получится слѣдующая своеобразная гамма (рис. 10):

Рис. 9.

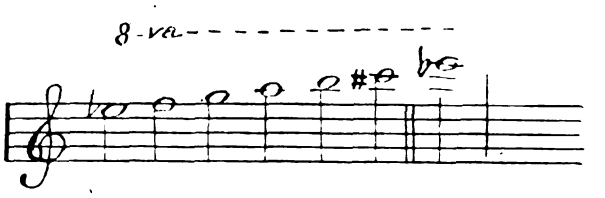


Рис. 10.

[1]) Ibidem, таб. XXVII, 31.

Digitized by Google

Это — чрезвычайно архаическая гамма, не признающая полутоновъ, движущаяся большими секундами и потому имѣющая въ своемъ распоряженіи только шесть ступеней[1]). Она нѣсколько развитѣе пятиступенной китайской гаммы, но менѣе развита, чѣмъ греческая, легшая въ основу европейской. Спеціалисты, конечно, заинтересуются нашимъ курганнымъ инструментомъ, съ котораго должна начинаться съ этихъ поръ всякая исторія русской музыки.

Укажемъ еще на одну небольшую вещь неизвѣстнаго назначенія, характерную, какъ грубое подражаніе арабскому орнаменту шариками. Это продолговатая лодкообразная пластинка изъ низкопробнаго серебра, нѣчто въ родѣ подражанія боченкообразной бусѣ. Найдена она въ курганѣ со свастикой и повидимому лежала около шеи и височныхъ украшеній. Другой половинки не найдено. Переходимъ къ тканямъ, найденнымъ въ зарайскихъ курганахъ. Большая изъ нихъ часть ткани шерстяныя, сотканныя изъ толстыхъ, грубыхъ нитокъ. Но въ курганѣ II, 15, извѣстномъ намъ семилопастной привѣской позднѣйшаго типа, найденъ былъ у шеи, на гривнѣ кусокъ парчи, тканой мишурными золотыми нитями по шелковой основѣ. Кусокъ этотъ представляетъ полоску въ 3 вершка длины и въ вершокъ ширины; вдоль широкихъ сторонъ полоски идутъ остатки бордюра шириной немного болѣе $^1/_4$ вершка; куски того же бордюра уцѣлѣли въ видѣ отдѣльныхъ ленточекъ. Съ одной короткой стороны ткань обрѣзана была, повидимому, уже при изготовленіи одежды; по крайней мѣрѣ здѣсь можно замѣтить въ плотномъ шелковомъ тканьѣ около семи дырочекъ, могущихъ означать слѣды нитокъ, которыми кусокъ шелка пришитъ былъ къ другимъ частямъ одежды (впрочемъ, также и слѣды пришивки бордюра). Другой узкій край смятъ и согнутъ около гривны, такъ что трудно разобрать, чѣмъ онъ продолжался далѣе. Во всякомъ случаѣ на уцѣлѣвшемъ кускѣ шелка мы находимъ цѣльный законченный узоръ, свидѣтельствующій, вмѣстѣ съ техникой тканья, о византійскомъ происхожденіи нашей паволоки. Характеръ узора совершенно соотвѣтствуетъ изданному гр. Уваровымъ (табл. XXXV, №№ 57 и 69). Но работа, сколько можно судить по рисунку, тамъ грубѣе, чѣмъ на нашей паволокѣ. Контуры узора здѣсь обведены шелковой ниткой; затѣмъ внутренность ихъ заполнена мишурнымъ шитьемъ: въ линіяхъ это шитье имѣетъ видъ плетенья, въ широкихъ же мѣстахъ мишура накладывается, повидимому, сплошнымъ рядомъ ниточекъ, вродѣ глади. Цвѣтъ шелковой основы теперь коричневый, что конечно не мѣшало ему прежде быть совсѣмъ другимъ. Шитье бордюра въ одномъ мѣстѣ имѣетъ видъ елочки; въ другихъ мѣстахъ можно только разсмотрѣть косые ряды линій; внизу мишура на бордюрѣ обвалилась и осталась одна основа. Бордюръ не составляетъ съ узоромъ одного цѣлаго, а былъ къ нему пришитъ. Технику бордюрнаго шитья можно сопоставить съ Уваровской таб. XXXV, №№ 58, 64, 67.

Вмѣстѣ съ крестиками и съ поздней формой трехлопастной подвѣски, византійская паволока даетъ возможность хронологическаго пріуроченія зарайскихъ кургановъ. Крестики и паволока указываютъ на время не ранѣе XI вѣка. Припомнимъ, что ана-

[1]) Надо замѣтить, что высота тона нашей глиняной свистульки, какъ и современной окарины, нѣсколько колеблется въ зависимости отъ силы дыханія. Такимъ образомъ, намъ не сразу удалось высвистать на ней приведенную гамму.

Digitized by Google

логичная форма трехлопастной подвязки была найдена въ Лихвинскомъ у. вмѣстѣ съ такими вещами, древность которыхъ едва ли восходитъ дальше XII вѣка[1]). Надо думать, что наиболѣе поздніе изъ зарайскихъ кургановъ относятся именно къ концу XI и началу XII вѣка; да и болѣе ранніе, принимая въ расчетъ тождественность вещей и малое количество кургановъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ (самое большое число у Апоничищъ, 35 кург.), едва ли далеко отходятъ въ глубь отъ этого времени.

Съ цѣлью прослѣдить, гдѣ оканчивается описанный типъ кургановъ, не встрѣчавшійся прежде восточнѣе Рязани, Рязанская Комиссія приступила затѣмъ къ изслѣдованію кургановъ въ сосѣдствѣ съ Рязанью. До сихъ поръ поиски еще не увѣнчались успѣхомъ, и Комиссія ограничилась пока болѣе точнымъ изслѣдованіемъ курганнаго поля, расположеннаго при дер. Рубцовѣ, въ сосѣдствѣ съ Льговскимъ монастыремъ и Окой, у самаго берега которой находится, въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ кургановъ, — городище и курганъ большихъ размѣровъ, о раскопкѣ котораго будетъ сказано ниже.

При д. Рубцовѣ, у самыхъ ригъ, находится 31 курганъ, изъ которыхъ 13 были нѣсколько лѣтъ назадъ раскопаны членомъ комиссіи А. В. Селивановымъ. Найденныя въ нихъ вещи, совершенно тождественныя съ найденными этимъ лѣтомъ, хранятся въ Рязанскомъ Музеѣ; дневника же не имѣется, такъ что сообщаемыя ниже свѣдѣнія о рубцовскихъ курганахъ будутъ основаны на однѣхъ только новыхъ раскопкахъ (раскопано 15 кургановъ). Сходство рубцовскихъ кургановъ съ зарайскими оказалось незначительно; гораздо больше обнаружилось между ними различій.

Сходства состояли: 1) въ погребеніи костяковъ въ ямахъ; лишь одинъ разъ, въ двойномъ погребеніи, верхній костякъ лежалъ на 4 вершка выше уровня почвы; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ костякъ положенъ въ ямѣ, и притомъ значительно болѣе глубокой, чѣмъ въ зарайскихъ курганахъ: отъ 7 вершковъ до 1 арш. 10 вер. Средняя глубина ямы въ 15 раскопанныхъ курганахъ составляетъ $14^1/_2$ вершковъ (въ зарайскихъ курганахъ средняя глубина ямы вдвое меньше — только 7 вершковъ). 2) Въ положеніи костяковъ — головой на западъ, съ отклоненіями на с.-з. и на ю.-з., на спинѣ, съ протянутыми ногами и съ руками, то согнутыми на животѣ, то съ одной изъ двухъ, протянутой вдоль. Разницу здѣсь можно было бы отмѣтить въ отсутствіи поворотовъ на бокъ, въ отсутствіи случаевъ, когда обѣ руки были протянуты; можетъ-быть также въ нѣсколько болѣе значительномъ процентѣ отклоненій отъ западнаго направленія головы. 3) Въ обычаѣ обвертывать покойниковъ корой или лубомъ, ясно отмѣченными въ двухъ случаяхъ, и подкладывать подъ ними слой бѣлаго песка, слѣды котораго найдены подъ головой и ногами покойника; любопытно, что въ послѣднемъ случаѣ покойникъ лежалъ въ очень хорошо сохранившемся гробѣ изъ долбленой колоды, отпиленной отъ цѣльнаго бревна; въ головахъ эта колода сужалась и дно ея представлялось округлымъ, въ ногахъ она расширялась и стѣнки были обтесаны прямымъ угломъ.

---

[1]) Свѣдѣнія о Лихвинскомъ кладѣ см. въ Временникѣ Общ. Ист. и Др. Россійскихъ, 1850, томъ 5-й, стр. 36.

Digitized by Google

4) Далѣе сходство можно найти въ нѣкоторыхъ антропологическихъ признакахъ: именно, въ цвѣтѣ волосъ (темнорусомъ) и въ высокомъ ростѣ нѣкоторыхъ костяковъ. Но надо замѣтить, что средній ростъ рубцовскихъ покойниковъ значительно ниже зарайскихъ. Если откинуть два дѣтскихъ, имѣвшихъ 1 арш. 7 в. и 1 арш. 11 в. длины, и даже отбросить еще одну минимальную цифру (1 арш. 14 в.), то изъ остальныхъ девяти случаевъ (не ниже 2 арш. 2 вер.) средняя получится (костяки и тутъ мѣрились безъ ступни) 2 арш. 4 в. (въ зарайскихъ курганахъ 2 арш. $5^4/_5$ в.).

Такимъ образомъ нѣкоторыя сходныя черты, которыя можно подмѣтить между рубцовскими и зарайскими курганами, все-таки не доходятъ до полнаго тождества. Между тѣмъ различія этихъ кургановъ отъ тѣхъ очень рѣдки и бросаются въ глаза. Различія эти касаются какъ формъ погребенія, такъ и инвентаря могилы. Въ первомъ отношеніи рубцовскіе курганы отличаются тѣмъ, что 1) ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ никакой посуды, ни у ногъ или головы костяка, — ни въ насыпи кургана; 2) точно такъ же нѣтъ никакихъ слѣдовъ тризны; небольшое скопленіе угольевъ можно было замѣтить только въ одномъ курганѣ. Что касается вещей рубцовскихъ могилъ, онѣ представляютъ поразительное для такого малаго разстоянія различіе. Очень немногіе типы вещей общи тѣмъ и другимъ курганамъ. Въ качествѣ височныхъ украшеній, особенно обильныхъ въ рубцовскихъ курганахъ, здѣсь встрѣчаются неспаянныя колечки изъ гладкой проволоки съ заходящими другъ за друга краями (одинъ только разъ край отогнутъ въ формѣ другимъ столь же обычнымъ типомъ височныхъ подвѣсокъ служатъ серьги, одинъ конецъ которыхъ загнутъ, а на другой надѣты три шарика, укрѣпленные на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга перевитой между ними тонкой проволокой. Такія серьги въ изобиліи встрѣчались гр. Уваровымъ въ „Мерянскихъ“ курганахъ (см. табл. XXXI). Чаще всего шарики состояли изъ вдвое сложенной переплетенной проволоки (какъ № 3[1])); рѣже изъ дутыхъ бронзовыхъ бусъ, покрытыхъ бугорками; одинъ разъ проволока серьги была обвита на одномъ концѣ спирально другой проволокой, которая въ свою очередь обвита предварительно проволокой болѣе тонкой. Бусы, найденныя въ рубцовскихъ могилахъ, по большей части принадлежали къ тому типу бусъ, составленныхъ изъ композиціи и орнаментированныхъ поперечными кривыми полосками (черными, бѣлыми, красными и желтыми), который лишь однажды встрѣтился въ зарайскихъ курганахъ. Браслеты здѣсь въ одномъ случаѣ повторяли типъ витого браслета, обычнаго въ зарайскихъ могилахъ; въ двухъ другихъ они были плоскіе съ геометрическимъ орнаментомъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ браслетовъ имѣлъ загнутые въ колечко концы и отличался особенно примитивнымъ орнаментомъ.

Бусами, кольцами и браслетами и ограничивался выборъ вещей рубцовскихъ кургановъ. Особенно обильно было количество колецъ и серегъ; встрѣчались курганы (7), въ которыхъ у лѣваго виска было подвѣшено 8, у праваго — 6 колецъ, или (3) по пяти колецъ съ каждой стороны головы. Въ одномъ только случаѣ попалась любопытная находка: позументъ, сотканный изъ золотой мишуры на

[1]) Почти тождественную форму серьги см. у *Аспелина*, изъ Бѣжичей, Тверск. губ., III вып., стр. 219.

Digitized by Google

шелковой основѣ. Позументъ этотъ лежалъ на верхней части груди. Техника работы, повидимому, одинаковая съ византійскими издѣліями зарайскаго кургана; если такъ, то тогда и дата рубцовскихъ кургановъ опредѣляется, какъ одинаковая съ зарайскими; и въ такомъ случаѣ совершенно исключается предположеніе, что различіе въ типѣ рубцовскихъ кургановъ могло бы объясняться разницей эпохи, къ которой они относятся. Единственнымъ возможнымъ объясненіемъ различія остается разница этнографическая: тутъ кстати будетъ отмѣтить, что самое названіе Рубцова указываетъ, подобно массѣ другихъ такихъ же названій, на проходившій здѣсь рубежъ. Пишущему эти строки казалось даже, что въ самомъ обличьѣ жителей Рубцова и въ ихъ костюмѣ есть разница съ сосѣдними мѣстностями. Но на этомъ наблюденіи онъ не рѣшается настаивать ранѣе провѣрки его лицами, болѣе знакомыми съ мѣстнымъ населеніемъ[1]).

Объ этнографіи древняго населенія этой мѣстности пока не представляется возможнымъ сказать что-либо рѣшительное. Другое дѣло — курганное населеніе Зарайскаго уѣзда. Здѣсь уже теперь является возможность выставить нѣкоторыя предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя. Этими предположеніями, основанными, какъ намъ кажется, на достаточно надежномъ матеріалѣ, мы и закончимъ настоящее сообщеніе.

Для того чтобъ выяснить принадлежность даннаго типа погребенія той или другой народности, — необходимо прежде всего выяснить его территоріальное распространеніе. Самымъ яркимъ признакомъ погребенія Зарайскаго типа можно считать присутствіе въ курганѣ семилопастной височной подвѣски; но, конечно, только тогда она можетъ свидѣтельствовать о тождественности погребальнаго типа, когда соединяется съ другими сходными чертами погребенія. Итакъ прослѣдимъ территорію распространенія семилопастной подвѣски по возможности *въ связи* съ характеризуемымъ ею типомъ погребенія.

Восточнѣе Рязани, какъ мы говорили, такихъ подвѣсокъ и такого способа погребенія до сихъ поръ не встрѣчалось; напротивъ, въ какомъ-нибудь десяткѣ верстъ встрѣтился типъ столь рѣзко различный, какъ мы видѣли это въ Рубцовскихъ курганахъ. Въ самой Рязани, семилопастныя подвѣски встрѣтились въ верхнемъ слоѣ Борковскаго могильника (см. выше). Правда, мы не знаемъ здѣсь общаго типа погребенія, но нѣсколько выше Рязани, въ с. Акаемовѣ, уже найдены были курганы, совершенно одинаковые по инвентарю и устройству могилы съ описанными выше зарайскими. Итакъ мы въ правѣ считать Рязань крайнимъ (до сихъ поръ извѣстнымъ)

---

[1]) Только мимоходомъ мы можемъ указать здѣсь на незаконченную еще раскопку большого Рубцовскаго кургана (см. выше), представляющаго пока совершенную загадку. Правильно разработана только четверть кургана, — и въ этой четверти оказалось 8 погребеній въ двухъ ярусахъ, по 4 въ каждомъ. Вещей не было найдено никакихъ. Совершенно тѣмъ же характеромъ отличался большой курганъ въ крестьянскомъ полѣ дер. Красильники (у Оки, ниже Рубцова), раскопанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ членомъ Рязанской комиссіи, г. Галаховымъ. Къ сожалѣнію, дневника послѣдней раскопки въ дѣлахъ Комиссіи не найдено.

Digitized by Google

восточнымъ предѣломъ распространенія изучаемаго типа. Отсюда онъ распространяется, слѣдуя теченію Оки, по ея правому берегу, черезъ Зарайскій уѣздъ къ западной границѣ губерніи, и отъ Оки поднимается вверхъ по Москвѣ-рѣкѣ. На берегахъ р. Москвы наши находки семилопастныхъ привѣсокъ продолжаются. Такъ найдены были такія привѣски вмѣстѣ съ другими вещами, совершенно тождественными съ инвентаремъ зарайскихъ кургановъ, еще въ 1838 г., у самаго Звенигорода (при селѣ Верхогрязьѣ [1]). Изъ подробнаго описанія раскопокъ видно, что и способъ погребенія звенигородскихъ кургановъ не отличался отъ зарайскихъ. Въ четырехъ раскопанныхъ тогда курганахъ одинъ костякъ лежалъ на аршинъ ниже поверхности земли и два на поверхности („въ самомъ основаніи кургана", по выраженію современнаго описанія). Надъ однимъ изъ послѣднихъ въ насыпи лежалъ другой женскій костякъ. Четвертый курганъ оказался семейной могилой съ тремя костяками одинъ надъ другимъ; къ сожалѣнію изъ описанія не видно, какъ относился уровень самаго нижняго костяка къ уровню земли. При двухъ (женскихъ) костякахъ, положенныхъ въ насыпи, найдены были въ головахъ разбитые горшки и около нихъ уголья (ср. нашъ уровень тризны). Костяки лежавшіе подъ ними были, судя по вещамъ, одинъ мужской, другой женскій.

Пересѣкая здѣсь р. Москву и поднимаясь къ сѣверо-западной границѣ Московской губ., мы встрѣчаемся съ находкой семилопастной подвѣски при дер. Веригиной [2]). Такимъ образомъ намѣчается линія отъ Коломны до пункта, въ которомъ сходятся границы Тверского и Старицкаго уѣзда съ границей Московской губерніи. На юго-западѣ отъ этой линіи, дѣлящей Моск. губернію пополамъ, мы встрѣчаемъ находки семилопастныхъ подвѣсокъ, — напр. на юго-зап. отъ Звенигорода, на сѣв.-вост. отъ Подольска, въ притокахъ Пахры, на южной границѣ Бронницкаго уѣзда [3]). Вообще эти находки настолько обильны въ Моск. губ., что археологи самый типъ семилопастной подвѣски считаютъ возможнымъ называть „московскимъ". Но мы не знаемъ случаевъ нахожденія этой подвѣски въ сѣверо-восточной половинѣ губерніи, начиная отъ указанной линіи. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ тамъ тоже должны изрѣдка встрѣчаться, такъ какъ мы находимъ ихъ даже внѣ предѣловъ Моск. губ., на сѣв.-востокъ, въ Юрьевскомъ и Переяславскомъ у. Владимирской губ. Но здѣсь уже гр. Уваровъ долженъ былъ признать случайными эти находки, встрѣченныя всего три-четыре раза изъ 7729 раскопанныхъ имъ и Савельевымъ кургановъ [4]).

---

[1]) Описаніе и рисунки вещей см. въ Русскомъ Истор. Сборникѣ, изд. Общ. Ист. и Др. I, 284—292. М. 1838.

[2]) У самой границы Волоколамскаго у. съ Клинскимъ, направо отъ тракта изъ одного уѣзднаго города въ другой. См. рисунокъ этой подвѣски на таб. II, № 9 въ статьѣ В. И. Сизова, цитированной выше.

[3]) См. упоминаемыя гр. Уваровымъ находки у с. Успенскаго (Носова?) и близъ Екатерининской пустыни у с. Потапова. Труды I Арх. Съѣзда, II, 723. Находки въ с. Авдотьинѣ (Тихвинскомъ) описаны съ рисунками во Временникѣ Общ. Ист. и Др. 1855, т. XXII, смѣсь, стр. 7—8. Значительная часть этихъ находокъ тождественна съ Звенигородскими; типы и орнаменты колецъ тождественны съ Зарайскими, (см. выше рисунки на стр. 10 и 15). Ср. также перечень находокъ въ курганахъ по р. Пахрѣ въ статьѣ *А. Гатцука*, о курганахъ, господствующихъ въ Московской губ. Чтенія О. И. и Др. 1869, IV. Въ двухъ послѣднихъ статьяхъ есть указанія и на высокій ростъ покойниковъ.

[4]) См. только что цитированное мѣсто.

Digitized by Google

Итакъ въ ожиданіи болѣе точныхъ топографическихъ указаній мы должны признать, что находки семилопастныхъ подвѣсокъ изсякаютъ, по мѣрѣ удаленія отъ указанной нами линіи къ параллельной съ нею границѣ Владимирской губ.

Возвращаемся къ нашей исходной точкѣ и попробуемъ прослѣдить южную границу распространенія изучаемаго типа. Южная часть Рязанской губ. совершенно не изучена пока въ археологическомъ отношеніи, и здѣсь мы должны воздержаться отъ всякихъ топографическихъ опредѣленій. Напротивъ на западъ линія нашихъ находокъ намѣчается довольно явственно. На р. Осетрѣ у Зарайска найдена была та примитивная форма семилопастной подвѣски, на которую мы указывали выше по Аспелину. И западнѣе Зарайска, по границѣ Зарайскаго у. съ Каширскимъ, изученный нами типъ съ буквальной точностью повторяется въ курганахъ около Ростиславля (у самой Оки) и у Тульской деревни Смедово, сосѣдней съ Рязанскою деревней Клишинымъ. Переходя въ Тульскую губернію, мы имѣемъ отсюда семилопастныя привѣски, хранящіяся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ[1]). Въ сосѣднихъ съ Тульской губ. мѣстностяхъ Калужской губерніи мы опять встрѣчаемся съ позднимъ типомъ семилопастной подвѣски, найденнымъ въ с. Шмаровѣ Лихвинскаго уѣзда[2]). Отсюда мы, къ сожалѣнію, должны сдѣлать нѣкоторый скачокъ. Но то, что мы найдемъ по ту сторону образующагося такимъ образомъ пробѣла, — оказывается особенно поучительнымъ.

Въ 1892 году М. В. Фурсовъ изслѣдовалъ курганы пяти уѣздовъ Могилевской губ. (Рогачевскаго, Быковскаго, Чериковскаго, Климовичскаго и Мстиславскаго). Излагая результаты своихъ находокъ, онъ не могъ не замѣтить, что въ Мстиславскомъ уѣздѣ (ближайшемъ къ Смоленской губ.) „курганныя раскопки обнаруживаютъ совершенно иной погребальный типъ“ — сравнительно съ остальными четырьмя уѣздами. Именно, — тогда какъ въ этихъ четырехъ уѣздахъ покойника клали обыкновенно на грунтѣ и кромѣ положенія трупа въ землю практиковали также сожженіе, — „въ Мстиславскомъ у. *преобладающимъ* явленіемъ оказывается *погребеніе въ ямахъ*“. Надъ костяками въ курганахъ этого уѣзда попадалось перекрытіе дубовой корой или цѣлые „дубовые срубы“; стѣнки ямы обкладывались берестой. Припомнимъ перекрытіе, встрѣченное въ Зарайскомъ курганѣ I, 3, а также и постоянные слѣды коры кругомъ покойника. Правда, техника приготовленія гроба была, повидимому, въ Зарайскихъ курганахъ гораздо проще Мстиславскихъ: кора и лубъ прямо обвертывали костякъ, вмѣсто того, чтобы обвивать стѣнки могилы. Не было поэтому надобности и въ гвоздяхъ, — хотя одинъ гвоздь, воткнутый остріемъ и затѣмъ согнутый, и встрѣтился въ курганѣ IV, 2 нашихъ раскопокъ. Но, при указанномъ различіи въ подробностяхъ, нельзя не замѣтить общаго фамильнаго сходства. То же сходство обнаруживается и въ составѣ могильнаго инвентаря. Мы встрѣчаемъ то же полное отсутствіе оружія; тотъ же, въ видѣ исключенія, кинжалъ ($3^1/_2$ вершк. длиной) при женскомъ скелетѣ, какой мы встрѣтили въ курганѣ II, 7; — и, между многими другими сходными ве-

[1]) *Сизовъ*, 10.
[2]) Временникъ, V, 36—40.

Digitized by Google

щами, тѣ же наши типичныя привѣски, „въ формѣ полузвѣздъ съ дужками". Авторъ сравниваетъ ихъ съ типомъ семилопастныхъ подвѣсокъ гр. Уварова (съ заостр. концами); но, судя по его сравненію ихъ съ „полузвѣздами", эти привѣски стоятъ ближе къ формѣ, воспроизведенной Аспелиномъ, — формѣ, которую мы склонны считать наиболѣе древней. Авторъ приведенныхъ наблюденій, основываясь на сходствѣ Мстиславскихъ кургановъ съ Древлянскими, изслѣдованными В. Б. Антоновичемъ, приходитъ къ заключенію, что въ Мстиславскомъ уѣздѣ существовала какая-нибудь колонія Древлянъ. Между тѣмъ, историко-географическія и истинно-этнографическія данныя указываютъ намъ на иное разрѣшеніе вопроса. Верховья Сожа и Десны въ предѣлахъ Череповскаго и Рославльскаго уѣзда входили издревле въ составъ Смоленскаго княжества, и, надо думать, населены были одинаковымъ со Смольнянами племенемъ, такъ какъ разселеніе племенъ обыкновенно намѣчало политическія границы княжествъ[1]). Нѣсколько южнѣе Мстиславля уже начиналась и шла отсюда на сѣверъ область Кривичей, и въ этой области находились раскопанные г. Фурсовымъ Мозыкскіе (на р. Вехрѣ) курганы.

Есть, такимъ образомъ, весьма серіозныя основанія для того, чтобы признать изучаемый типъ кургановъ — принадлежностью *Кривичей*. Сдѣлавъ этотъ выводъ, мы получаемъ возможность освѣтить новымъ свѣтомъ исторію колонизаціи верхней Оки и пространства между нею и р. Москвой. Собственно говоря, археологія только подтверждаетъ здѣсь своими данными то, что уже раньше ея могла показать намъ топографическая номенклатура. Кривичи принесли изъ сѣверной части Могилевской губерніи на западъ Рязанской свое погребеніе въ ямахъ съ берестой и свои семилопастныя подвѣски точно такъ же, какъ изъ тѣхъ же мѣстъ они принесли въ Рязанскую губернію названія рѣкъ — Осетра и Прони. Припомнимъ здѣсь кстати, что самая значительная изъ группъ Зарайскихъ кургановъ расположена въ урочищѣ, носящемъ названіе „*Кривишинскаго*". Если вообще такого рода показанія топографической номенклатуры имѣютъ значеніе, то надо признать это значеніе и за только что приведенными сопоставленіями.

Что касается Московской губерніи, — и здѣсь колонизація Кривичей была фактомъ весьма вѣроятнымъ, раньше чѣмъ явились, въ качествѣ его подтвержденія, археологическія находки. Припомнимъ, что еще въ серединѣ XII вѣка размежеваніе между Смоленскими и Суздальскими владѣніями не произошло окончательно, и Смоленскъ требовалъ себѣ многаго того, что впослѣдствіи сдѣлалось достояніемъ великаго княженія. Въ извѣстной уставной грамотѣ смоленскаго князя Ростислава, данной имъ въ 1150 году смоленской архіепископіи, — въ числѣ смоленскихъ волостей упоминается „Искона", съ которой идетъ къ Смоленску цѣлыхъ 40 гривенъ дани. Искона — это поселеніе на рѣкѣ того же имени, впадающей въ р. Москву между Можайскомъ и Рузой. Археологія показываетъ намъ, что на эту землю Смоленскъ имѣлъ права, какъ на свою колонію, заселенную однимъ съ нимъ племенемъ — Кривичей. Но онъ

---

[1]) См. *Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи, стр. 174 и *Довнаръ-Запольскій*, Очеркъ исторіи кривичской и дресовичской земель до начала XIII столѣтія, 26—27.

Digitized by Google

заявлялъ свои претензіи и на болѣе восточныя мѣстности, — на какую-то „Суждали-Залѣсскую дань“, которую перехватилъ у него Юрій Долгорукій, и которую онъ все еще не потерялъ надежды вернуть себѣ обратно. Кажется, сомнительность основаній Смоленска въ этомъ случаѣ была такова же, какъ и сомнительность, по археологическимъ даннымъ, того факта, что и на сѣверо-востокъ отъ Москвы-рѣки населеніе продолжало быть сплошнымъ Кривичскимъ.

На этой стадіи нашего разсужденія, естественно, является методическій вопросъ. Если справедливо, что разсмотрѣнныя нами курганныя находки треугольника: Волоколамскъ — Рязань — Мстиславль должны принадлежать Кривичамъ, то очевидно, что и населеніе центральной кривичской мѣстности, — Смоленской губерніи, — а также и кривичскихъ окраинъ, противоположныхъ Рязани, должно было оставить курганы, родственные по типу. Къ сожалѣнію, археологическое изслѣдованіе Смоленской губерніи сильно отстаетъ отъ успѣховъ, достигнутыхъ изученіемъ сосѣднихъ губерній. Въ данномъ случаѣ Смоленская губ. опять останавливаетъ насъ, какъ раньше она остановила В. З. Завитневича, подходившаго къ ней съ юга. Мы имѣемъ только глухое указаніе В. И. Сизова, что въ Ельнинскомъ уѣздѣ, т.-е. непосредственно на сѣверъ отъ Рославльскаго, семилопастныя привѣски также встрѣчались.

Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло на окраинахъ кривичской земли. Семилопастная привѣска, сопровождавшая насъ отъ Рязани до Мстиславля, здѣсь, правда, исчезаетъ, такъ что ее, вѣроятно, придется признать свойственной лишь восточнымъ Кривичамъ. Но нѣкоторыя аналогіи въ погребеніи и характерѣ вещей остаются, а кромѣ того, является спеціальное сходство въ одномъ предметѣ, кажется, не находившемся до сихъ поръ нигдѣ, кромѣ этихъ двухъ окраинъ кривичской земли.

Мы говоримъ о раскопкахъ „Кургановъ на границѣ современной Литвы и Бѣлоруссіи“, произведенныхъ и описанныхъ Ѳ. В. Покровскимъ. На изслѣдованной авторомъ границѣ встрѣтились, дѣйствительно, два рѣзко различные типа кургановъ. Одинъ изъ нихъ, характеризуемый трупосожженіемъ, г. Покровскій относитъ къ Литовской народности, — и нѣтъ, кажется, основаній съ нимъ не соглашаться. Другой типъ характеризуемый положеніемъ въ землю, авторъ относитъ къ Славянамъ. И въ этомъ случаѣ можно съ нимъ согласиться; но нельзя видѣть въ этихъ Славянахъ — Дреговичей, какъ онъ предполагаетъ. Поселенія Дреговичей кончались значительно южнѣе того мѣста, гдѣ авторъ нашелъ своихъ Славянъ (Загорье, Дисненскаго у. Виленской губ., и Бряславъ, Ковенской губ., Ново-Александр. у.); отъ Дреговичей этихъ Славянъ отдѣляла вся „Черная Русь“, колонизованная Кривичами (terra Crivitiae, по выраженію Дунсбурга); и нѣтъ сомнѣнія, что Славяне, колонизовавшіе Двину ниже Полоцка, тоже были Кривичи.

Сравнивая теперь курганы этихъ Кривичей съ признанными нами за кривичскіе — курганами упомянутаго треугольника, мы не найдемъ между ними противоположности, но все же встрѣтимъ не мало различій. Двинскіе покойники — люди высокаго роста, какъ и Зарайскіе (средняя длина Загорскихъ пяти костяковъ 2 арш. $7^{3}/_{8}$ в.); ихъ кладутъ на западъ, на слоѣ бѣлаго песку или угля (см. нашъ курганъ I), или того и другого вмѣстѣ, въ ногахъ или у головы ихъ помѣщаютъ

Digitized by Google

горшокъ, въ насыпи разбрасываютъ угольки, которые иногда сливаются въ цѣлыя угольныя пятна, помѣщенныя въ сторонѣ отъ покойника. Но Двинскихъ покойниковъ обыкновенно хоронятъ *не въ ямахъ,* а на поверхности земли, и тутъ же, повидимому, совершается тризна. Такимъ образомъ, признавая сходство въ существѣ обряда, мы видимъ различіе въ его выполненіи. То же можно сказать и объ инвентарѣ могилы. Это все — вещи того же назначенія, находимыя на тѣхъ же мѣстахъ костяка; но типы ихъ, или по крайней мѣрѣ техника — другіе. Браслеты здѣсь витые, но иначе, чѣмъ въ нашихъ могилахъ, кольца на пальцахъ рукъ гладкія проволочныя; ножи, какъ у Зарайскихъ покойниковъ, привѣшиваются на ремешкахъ къ поясу посредствомъ колецъ. Оружія здѣсь, по условіямъ мѣстности, несравненно больше. Мы видимъ, что, при отсутствіи доказательствъ *противъ* сходства этихъ погребеній съ Зарайскими, нѣтъ здѣсь достаточно яркихъ и рѣшительныхъ доказательствъ и *въ пользу* этого сходства. Зная тѣмъ не менѣе изъ историко-географическихъ данныхъ, что жители той и другой мѣстности должны быть Кривичи, мы тѣмъ съ большимъ интересомъ отнесемся къ полному сходству въ одномъ предметѣ, который какъ разъ является довольно необычнымъ въ курганномъ инвентарѣ и до сихъ поръ продолжаетъ приводить въ недоумѣніе изслѣдователей. Въ одномъ изъ Бряславскихъ кургановъ (№ 4) „близъ пояса“ костяка „найдены“ были „обломки перержавѣвшаго желѣза; *одни изъ нихъ* группируются въ предметъ неизвѣстнаго назначенія, напоминающій по формѣ большой гвоздь или шило, длиною въ 140 mm.; изъ трехъ обломковъ составляется довольно правильной формы кольцо съ діаметромъ около 60 mm. *Остальные* обломки находятся внутри перегнившихъ кусковъ дерева и вмѣстѣ съ послѣднимъ составляютъ, по всей вѣроятности, черенокъ какого-нибудь предмета, — можетъ-быть упомянутаго выше шила“. Сопоставляя это описаніе съ находками въ Зарайскихъ курганахъ I, 5 и II, 2 (см. выше, стр. 16), мы получаемъ возможность яснѣе представить себѣ, что именно значили найденные г. Покровскимъ „обломки перержавѣвшаго желѣза“. Часть этихъ обломковъ, найденная вмѣстѣ съ кусками дерева, всего вѣроятнѣе, составляла остатки ножика съ рукояткой или ножнами; а въ „большомъ гвоздѣ“ и кольцѣ нельзя не признать полнаго тождества съ Зарайскими стержнями, описанными выше. Подобное совпаденіе типа, найденнаго на двухъ противуположныхъ окраинахъ Кривичской территоріи, — и не встрѣчавшагося, сколько намъ извѣстно, нигдѣ болѣе, — едва ли можетъ считаться случайнымъ. Конечно, только дальнѣйшія раскопки могутъ подтвердить или опровергнуть предположеніе, что интересующій насъ предметъ составляетъ характерную особенность именно *Кривичскихъ* могилъ. Мы можемъ только отмѣтить, что указанный нами случай совпаденія — не единственный. На другомъ, южномъ концѣ той же западной окрайны территоріи Кривичей, по границѣ съ Дреговичами, мы опять встрѣчаемъ среди курганныхъ находокъ ту же вещь, на этотъ разъ еще лучше сохранившуюся и яснѣе описанную. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губ., нѣсколько южнѣе Нарева (около дер. Збуча), однимъ мѣстнымъ помѣщикомъ произведены были въ пятидесятыхъ годахъ раскопки, результаты которыхъ онъ сообщилъ Виленскому профессору Ярошевичу. По описанію Ярошевича, въ изслѣдованныхъ курганахъ не было найдено ни одного трупосожженія; костяки лежали

Digitized by Google

головой на западъ, въ могилахъ, обложенныхъ внутри и заполненныхъ небольшими камнями. Среди вещей[1]) найдено было „какое-то желѣзное, длиною въ нѣсколько далей, оружіе, съ одной стороны острое, а съ другой заканчивающееся кольцомъ, которое при раскопкѣ было отбито". Общій характеръ погребенія не имѣетъ *близкаго* сходства съ Зарайскимъ; но если мы припомнимъ типъ погребенія въ Мстиславльскихъ курганахъ, то найдемъ въ нихъ промежуточную форму между погребеніемъ этихъ западныхъ Кривичей и Зарайскихъ восточныхъ. Обдѣлка могильной ямы камешками (здѣсь), обкладка ея корою (въ Мстисл. у.) и обвертываніе корою самого костяка (въ Зар. у.) — все это могутъ быть разныя проявленія одного и того же обычая, видоизмѣнявшагося подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Вліяніе сосѣдей на погребеніе Кривичскихъ окраинъ можно видѣть въ томъ, что на крайнемъ западѣ трупы отъ времени до времени начинаютъ обниматься, въ подражаніе сосѣднему сожженію Литовскихъ племенъ; на крайнемъ востокѣ сильнѣе развивается другая подробность: погребеніе *въ ямѣ* становится чаще, чѣмъ на поверхности, и самая яма становится глубже, — можетъ-быть тоже изъ подражанія еще болѣе глубокимъ ямамъ сосѣднихъ (Рубцовскихъ кургановъ). Инвентарь могилы также колеблется: на западѣ, очевидно по условіямъ мѣстной жизни, чаще встрѣчается оружіе; на востокѣ развивается типъ семилопастной привѣски. При обширномъ распространеніи Кривичей такія видоизмѣненія въ похоронномъ обрядѣ являются очень естественными и даютъ намъ возможность наглядно судить о степени устойчивости древнихъ формъ погребенія. Нѣкоторыя фамильныя черты обряда среди этихъ территоріальныхъ и хронологическихъ измѣненій остаются незыблемыми. Сюда относится отсутствіе трупосожженія, положеніе костяка головой на западъ, обычное присутствіе горшка, обычай тризны, выражающійся въ присутствіи болѣе или менѣе значительнаго количества угольевъ, привычка украшать извѣстныя части тѣла болѣе или менѣе сходными типами украшеній, класть покойника на слой песку или угля, хоронить вмѣстѣ съ нимъ жену и дѣтей, рядомъ или на уровнѣ тризны[2]). Можетъ-быть, эти черты сходства будутъ найдены слишкомъ общими, чтобы свидѣтельствовать о присутствіи именно *Кривичскаго* населенія вездѣ, гдѣ онѣ встрѣчаются. Но за наше предположеніе говоритъ, во-первыхъ, *совмѣстное* нахожденіе всѣхъ или большинства перечисленныхъ чертъ на всемъ пространствѣ кривичской территоріи; далѣе, замѣтное отграниченіе ихъ *именно этими* самыми чертами отъ погребальныхъ обычаевъ ближайшихъ сосѣдей, — и, прежде всего, тотъ незыблемый историко-этногра-

---

[1]) Гвозди, „мѣдные браслеты, орнаментированные зубчиками и точками, разнаго цвѣта стеклянныя бусы, круглыя и овальныя; кольца изъ серебряной и мѣдной посеребренной проволоки, цѣпочка или точнѣе шнурокъ изъ тонкой мѣдной проволоки, достаточно искусно приготовленный, но разорванный при раскопкѣ на мелкіе куски; колечко изъ низкопробнаго серебра и продолговатое колечко въ родѣ какъ бы заушницы, ...нѣсколько грубыхъ черепковъ" Ярошевичъ, повидимому, склоненъ былъ считать эти курганы ятвяжскими. *Ѳ. В. Покровскій.* Археологическая карта Гродненской губ. Вильна, 1895, стр. 62—64.

[2]) Замѣтимъ, кстати, что случай, подобный Зарайскому кургану I, 3, гдѣ женщина одной рукой обнимаетъ мужчину, встрѣтился еще разъ на территоріи новгородскихъ Кривичей, на ю.-в. отъ Ладоги, у рѣкъ Ояти и Паши. По наблюденіямъ Аспелина, найденныя здѣсь вещи вообще „представляютъ нѣкоторыя особенности, встрѣчающіяся въ древностяхъ южной части Московской губ." Antiquités du Nord Finno-Ougrien, III, 224.

Digitized by Google

фическій фактъ, что въ данной мѣстности и въ данное время не жило никакое другое племя, кромѣ Кривичей. Если всѣ эти соображенія и не могутъ претендовать на безусловную доказательность, то, во всякомъ случаѣ, намъ они кажутся заслуживающими того, чтобы спеціальное изслѣдованіе имѣло ихъ въ виду при будущихъ раскопкахъ кургановъ на Кривичской территоріи и отмѣчало факты, которые могутъ эти предположенія или подкрѣпить или опровергнуть.

Digitized by Google

О рязанско-окскихъ могильникахъ.

А. И. Черепнинъ.

Съ 1888 года до настоящаго времени, въ Рязанской губерніи, по берегамъ Оки, открыто шесть древнихъ могильниковъ, однородныхъ какъ по народности и времени образованія ихъ, такъ по характеру бытовыхъ предметовъ и украшеній, найденныхъ при остаткахъ погребеній.

Могильники расположены по теченію Оки на протяженіи 250 верстъ. Три изъ нихъ, — Кузьминскій, Борковской и Пальновскій, — находятся въ Рязанскомъ уѣздѣ; два, — Старорязанскій и Тырновскій, — въ Спасскомъ, и одинъ, — Курманскій, — въ Касимовскомъ. Первый могильникъ на лѣвомъ берегу Оки, всѣ остальные — на правомъ.

Курманскій могильникъ, раскопанный въ 1888 году графомъ Ѳ. А. Уваровымъ, и Борковской, изслѣдованный въ 1892 году тремя членами Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, уже составляютъ достояніе русской археологіи [1]). Матеріалы же, добытые изъ Кузминскаго и Старорязанскаго могильниковъ, во время произведенныхъ мною раскопокъ въ 1893, 94 и 95 годахъ, и случайныя находки изъ Старорязанскаго, Пальновскаго и Тырновскаго еще не опубликованы.

Цѣль настоящаго сообщенія — представить, на основаніи всего имѣющагося въ моемъ распоряженіи археологическаго матеріала, общую характеристику рязанско-окскихъ могильниковъ и предложить вниманію археологовъ болѣе подробное описаніе женскихъ украшеній и одежды, составленное мною по тѣмъ многочисленнымъ образцамъ украшеній и остатковъ отъ разныхъ частей одежды, которые были въ моихъ рукахъ за послѣднія пять лѣтъ.

Вещественные памятники, извлеченные изъ названныхъ могильниковъ, похоронная

---

[1]) Описаніе раскопокъ Курманскаго могильника помѣщено въ XIV томѣ „Древностей". Краткое сообщеніе о раскопкахъ Борковскаго могильника напечатано въ Трудахъ Виленскаго Съѣзда, и полное описаніе Борковскаго могильника находится въ моей статьѣ „Мѣстная Старина", помѣщенной въ Трудахъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, — за 1894 г., вып. 2-й, и за 1895 г., вып. 2-й и 3-й.

Digitized by Google

обрядность и вся обстановка погребеній знакомитъ насъ съ своеобразною культурою древняго населенія занимавшаго обширную территорію, въ предѣлахъ которой находилась часть Рязанской губерніи (по теченію рѣки Оки), часть Московской (Дьяково городище), Владимірской (изслѣдованіе и раскопки А. А. Спицына) и Тамбовской губерній (Лядинскій, Томниковскій и Серповскій могильники). Древности, открытыя въ поименованныхъ мѣстахъ сосѣднихъ съ Рязанскою губерніей, имѣютъ много общаго съ рязанскими и, повидимому разнятся отъ послѣднихъ только по времени. Есть основаніе предполагать, что распространеніе культуры рязанско-окскихъ могильниковъ не ограничивалось названными мѣстами: слѣды ея обнаруживаются въ случайныхъ находкахъ, попадавшихся въ Каширскомъ и Тульскомъ уѣздахъ Тульской губерніи.

Этой культурѣ придаетъ особенное значеніе то обстоятельство, что она предшествуетъ водворенію южно-русскихъ князей въ средней Россіи. Изучая остатки ея, можно отчасти познокомиться какъ съ бытомъ и съ народностью населенія, вошедшаго впослѣдствіи въ составъ Великорусскаго народа.

Рязанско-окскіе могильники расположены частію на правомъ нагорномъ берегу Оки (Пальновскій, Старорязанскій и Тырновскій), частію — на возвышенныхъ прибрежныхъ буграхъ дюннаго происхожденія (Кузьминскій, Борковской и Курманскій). Они занимаютъ площади разной величины, — Курманскій и Кузьминскій менѣе $^1/_3$ десятины, Борковской — около $1^1/_2$ десятинъ, Старорязанскій — до 4 десятинъ. Могильники заполнены, болѣе или менѣе часто, погребеніями. Особенно часты погребенія на Борковскомъ; болѣе рѣдкія, разбросанныя погребенія находятся на Старорязанскомъ могильникѣ.

Ни на одномъ изъ вскрытыхъ могильниковъ не замѣчено насыпныхъ бугровъ или возвышеній надъ отдѣльными могилами. На изслѣдованныхъ мною могильникахъ Борковскомъ, Кузьминскомъ и частью на Старорязанскомъ поверхность древне-культурнаго пласта, — современнаго образованію могильниковъ и покрытая въ настоящее время торфянисто-песчанымъ слоемъ (отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ вершковъ толщины) позднѣйшаго происхожденія, — представляла слегка волнистую линію, съ слабыми изгибами подъема и пониженія во всѣхъ вертикальныхъ разрѣзахъ, произведенныхъ во время раскопокъ. Мѣстами же, поверхность древне-культурнаго слоя представляла почти прямую горизонтальную линію. Эти наблюденія позволяютъ думать, что надъ отдѣльными могилами не было высокихъ насыпей, а могли быть только небольшія возвышенія.

Замѣченное нами отсутствіе насыпныхъ кургановъ надъ погребеніями на рязанско-окскихъ могильникахъ представляетъ характерную особенность, отличающую ихъ отъ болѣе позднихъ курганныхъ кладбищъ, находящихся въ разныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Приведенное мною различіе во внѣшней формѣ древнихъ языческихъ могилъ является только однимъ звеномъ съ цѣлой цѣпи фактовъ, наглядно убѣждающихъ насъ въ разновременномъ образованіи извѣстныхъ намъ рязанско-окскихъ могильниковъ и курганныхъ кладбищъ: первые служатъ представителями похоронной обрядности древнѣйшаго населенія Рязанскаго края, тогда какъ вторыя относятся къ болѣе позднему и, повидимому, занесены сюда новыми насельниками, принадлежавшими къ другой народности.

Digitized by Google

Глубина могилъ, вскрытыхъ на рязанско-окскихъ могильникахъ, колебалась между $^3/_4$ и 2 аршинами. Изрѣдка встрѣчались и болѣе глубокія могилы — до $2^1/_2$ арш. Впрочемъ, такое увеличеніе глубины зависѣло отъ большей толщины верхняго слоя земли, образовавшагося надъ могилами за послѣднія столѣтія, на склонахъ отъ наплыва земли съ прилегающихъ возвышенныхъ частей могильника.

Средняя глубина большей части могилъ не превышала $1^1/_4$ аршина.

Относительно глубины могилъ, повидимому, не существовало обязательнаго однообразія: глубина, какъ мы полагаемъ, могла находиться въ нѣкоторой зависимости отъ времени года, въ какое совершалось погребеніе, отъ формы самаго похороннаго обряда и отъ возраста умершаго. Зимою, вѣроятно, копали могилы не такъ глубоко, какъ лѣтомъ, — вообще, въ теплое время года; небольшая глубина наблюдалась въ большинствѣ дѣтскихъ могилъ и погребеній въ сидячемъ положеніи. Самыя глубокія могилы содержали остатки богатыхъ мужскихъ погребеній.

Формы похоронъ.

На раскопанныхъ могильникахъ обнаружено 3 способа похоронъ: 1) *обыкновенное погребеніе,* — тѣло умершаго опускали въ могилу въ лежачемъ положеніи, на спинѣ, и только изрѣдка — склоненнымъ на правый или лѣвый бокъ; 2) *погребеніе съ трупосожженіемъ,* — трупъ умершаго предварительно сожигали на кострѣ, внѣ могилы; затѣмъ собирали остатки пережженныхъ костей, металлическихъ украшеній, оружія, при чемъ попадались угли, зола, пепелъ; все собранное зарывали въ могилу; довольно часто, вмѣстѣ съ остатками трупосожженія, въ могилахъ находили украшенія и оружіе, на которыхъ не замѣтно было слѣдовъ дѣйствія огня; нѣкоторыя изъ этихъ украшеній были обернуты лубомъ, слѣдовательно не были на умершемъ во время трупосожженія, и положены въ могилу отдѣльно; и 3) *погребеніе въ сидячемъ положеніи,* — тѣло умершаго помѣщали въ могилу въ сидячемъ положеніи такъ, что ноги были протянуты горизонтально подъ прямымъ угломъ къ туловищу. Послѣдній способъ похоронъ обнаруженъ лишь при одномъ Придорожномъ бугрѣ Борковскаго могильника, въ 4-хъ могилахъ, и въ одной, — на Курманскомъ. На Жемчужномъ бугрѣ Борковскаго и другихъ могильникахъ эта форма погребенія не встрѣчалась. Можно предполагать, что этого вида похороны совсѣмъ не практиковались постояннымъ населеніемъ Разанскаго края, — его могли занести на берега Оки пришлые или временно проживавшіе здѣсь иноземцы.

Широко распространенною формою похоронъ и самою древнею было, — *обыкновенное погребеніе*: изъ 120 вскрытыхъ могилъ на Борковскомъ могильникѣ, 101 оказалась съ остатками обыкновенныхъ погребеній, въ 12 обнаружены несомнѣнные остатки трупосожженій, въ 4-хъ могилахъ найдены погребенія въ сидячемъ положеніи, и остальныя 3 могилы, по неясности признаковъ, мы не рѣшаемся отнести къ опредѣленной формѣ похоронъ. На Кузьминскомъ могильникѣ изъ 95 могилъ, 88 содержали обыкновенныя погребенія и только въ 7 найдены остатки трупосожженій.

Digitized by Google

Обыкновенныя погребенія.

Въ могилахъ съ обыкновенными погребеніями, какъ въ мужскихъ, такъ женскихъ и дѣтскихъ, находились, съ очень рѣдкими исключеніями, остатки одного костяка, лежавшаго на спинѣ, лицомъ вверхъ; иногда наблюдался наклонъ одной головы или всего костяка на правую или на лѣвую сторону; направленіе головы было преимущественно на С.В. и С.В.В.; значительно рѣже голова была обращена на Ю.В., Ю.З. и С.З. Отступленія отъ преобладающаго направленія головы на С.В. встрѣчалось довольно рѣдко, — въ общей сложности положеніе головы на Ю.В., Ю.З. и С.З. не достигало половины погребеній, въ которыхъ голова была обращена на С.В. или С.В.В. Руки и ноги обыкновенно протянуты вдоль; у немногихъ костяковъ кисти рукъ лежали на животѣ или на боковыхъ краяхъ тазовыхъ костей.

Ни въ одной могилѣ не было обнаружено остатковъ колодъ или деревянныхъ гробовъ, — то и другое, видимо, не употреблялось населеніемъ, оставившимъ могильники. Во многихъ могилахъ, особенно въ женскихъ, богатыхъ бронзовыми украшеніями, найдены разной величины куски полуистлѣвшаго луба, иногда попадались куски толстой древесной коры, большею частію подъ головою. Остатки луба находили какъ подъ костяками, такъ и надъ ними. Нахожденіе остатковъ луба во многихъ могилахъ по нашему мнѣнію, указываетъ на распространенный обычай полагать въ могилы тѣла умершихъ на лубъ и покрывать лубомъ сверху; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ все тѣло покойника завертывали въ лубъ.

Надъ костяками и кругомъ ихъ случалось находить угольки, слѣды золы и пепла и обломки глиняныхъ горшковъ довольно грубой ручной выдѣлки. Кромѣ того, при остаткахъ погребеній, большею частію мужскихъ могилахъ, часто находились цѣльные или раздавленные тяжестью земли глиняные горшки, по одному при костякѣ. Въ женскихъ могилахъ горшки встрѣчались очень рѣдко. Горшки въ большинствѣ случаевъ помѣщались въ ногахъ умершаго и только въ рѣдкихъ случаяхъ — въ головахъ.

По размѣрамъ, формѣ и способомъ выдѣлки похоронные горшки немногимъ разнились между собою, — они грубой ручной работы, темно-сѣраго цвѣта, съ прямыми вѣнчиками, съ небольшою выпуклостью боковъ, къ дну съужены; высота ихъ отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ вершковъ. Въ двухъ женскихъ могилахъ найдены между ступнями ногъ по одному крошечному горшечку, высотою $1^1/_4$ вершка. Большая часть найденныхъ горшковъ безъ украшеній, нѣкоторые же орнаментированы по вѣнчику и ниже его наклонно параллельными черточками; на пяти горшкахъ ниже вѣнчика расположены украшенія въ видѣ продольныхъ полосокъ изъ небольшихъ наклонныхъ линій, на другомъ — вдавленные кружочки, расположенные въ шахматномъ порядкѣ, на остальныхъ — кругомъ полосы изъ наклонно-параллельныхъ черточекъ. Въ горшкахъ, какъ кажется, содержалась пища или напитки: во многихъ горшкахъ, наполненныхъ землею или пескомъ, на внутренней сторонѣ стѣнокъ находилась густая

Digitized by Google

сѣть растительной нитевидной поросли; поросль могла развиться внутри горшковъ только отъ нахожденія въ нихъ остатковъ какого-нибудь органическаго вещества.

Въ 9 мужскихъ и въ 3 женскихъ могилахъ найдены небольшіе цѣльные камни (красноватый и сѣрый песчаникъ) или отбитыя части отъ нихъ. Цѣльные камни имѣютъ округлую форму, два изъ нихъ, по наружной формѣ и величинѣ, похожи на куриное яйцо.

Очень рѣдко встрѣчались могилы съ двойными погребеніями, — намъ извѣстно 6 такихъ могилъ; въ 3-хъ изъ нихъ были похоронены — мужчина съ женщиною, въ 2-хъ женщина съ ребенкомъ, въ одномъ случаѣ — два мужчины рядомъ, — одинъ пожилой, другой — юноша.

Костяки, въ огромномъ большинствѣ могилъ, оказались совершенно истлѣвшими; — во многихъ могилахъ были найдены лишь ничтожные остатки отъ нихъ; между дѣтскими могилами встрѣчались и такія, въ которыхъ костяки истлѣли безслѣдно, въ другихъ же уцѣлѣли однѣ эмалевыя коронки отъ зубовъ; плохое состояніе костяковъ лишало возможности измѣрить ихъ длину, и при отсутствіи характерныхъ украшеній и оружія, — опредѣлить ихъ полъ. Изъ общаго числа извѣстныхъ мнѣ могилъ съ обыкновенными погребеніями (свыше 200), только въ 7 костяки настолько сохранились, что можно было измѣрить ихъ длину и опредѣлить форму черепа. Длина мужскихъ костяковъ отъ брегмы до конца пяточной кости была: 2 аршина $2^1/_2$ вершка (юноша), 2 аршина 4 вершка, 2 аршина $4^1/_2$ вершка, 2 аршина $4^1/_2$ вершка, 2 аршина $4^3/_4$ вершка и 2 аршина 5 вершковъ, и одинъ женскій костякъ (среднихъ лѣтъ) имѣлъ 2 аршина 2 вершка. По строенію череповъ — 5 принадлежатъ къ типу долихоцефаловъ и 4 къ типу субдолихоцефаловъ, на женскихъ же эта особенность или совсѣмъ не замѣчалась, или выражалась въ слабой мѣрѣ.

Въ 19 женскихъ и одной дѣтской могилѣ сохранились остатки волосъ, въ частяхъ косъ или въ отдѣльныхъ пучкахъ. Волоса заплетались въ одну или въ двѣ косы; въ томъ и въ другомъ случаѣ, косы были заплетены въ три пряди. Найденные волоса въ 18 могилахъ были черные и только въ 2 — темнокаштановые.

При опредѣленіи пола погребенныхъ намъ служили надежнымъ признакомъ украшенія, оружіе и другіе бытовые предметы, найденные при костякахъ. Оружіе и удила никогда не встрѣчались въ женскихъ могилахъ, и наоборотъ, въ мужскихъ — не находили головныхъ уборовъ, височныхъ подвѣсокъ, ожерельевъ, шейныхъ гривенъ съ круглыми коробками, крупныхъ ажурныхъ пряжекъ съ привѣсками, желѣзныхъ ножницъ и каменныхъ или глиняныхъ пряслицъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда костяки были сильно разрушены тлѣніемъ и въ могилѣ не оказывалось характерныхъ вещей, опредѣляющихъ принадлежность остатковъ къ тому или другому полу, мы относили такія погребенія къ неопредѣленнымъ. Дѣтскія могилы опредѣлялись или по малымъ размѣрамъ костяка или по незначительной величинѣ украшеній, найденныхъ въ могилѣ.

На Борковскомъ могильникѣ, въ могилахъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ оказалось 30 мужскихъ, 20 женскихъ, 18 дѣтскихъ и 35 неопредѣленныхъ относительно пола погребенныхъ. На Кузьминскомъ изъ 88 обыкновенныхъ погребеній было 37 мужскихъ, 36 женскихъ, 6 дѣтскихъ и 14 неопредѣленныхъ. Число найденныхъ

Digitized by Google

дѣтскихъ могилъ, сравнительно съ суммою мужскихъ и женскихъ, слишкомъ незначительно. Въ дѣйствительности, оно, конечно, далеко превосходитъ приведенныя нами цифры. Безъ сомнѣнія, большое количество дѣтскихъ погребеній прошло незамѣченнымъ, вслѣдствіе полнаго разрушенія дѣтскихъ костяковъ и отсутствія при нихъ металлическихъ украшеній и другихъ бытовыхъ предметовъ. Намъ нерѣдко попадались отдѣльныя вещи и части бронзовыхъ украшеній, при полномъ отсутствіи при нихъ остатковъ костяка; такія находки приходилось относить къ случайнымъ, хотя, вѣроятно, многія изъ нихъ представляли единственное указаніе на дѣтское погребеніе.

Могилы съ остатками трупосожженій.

Погребенія остатковъ трупосожженій найдены во всѣхъ изслѣдованныхъ могильникахъ. Этого вида погребенія чередовались съ обыкновенными и не выдѣлялись отъ нихъ въ изолированныя группы. Могилы съ остатками трупосожженій имѣли отъ $^3/_4$ до 2 аршинъ глубины, средняя глубина ихъ не превышала $1^1/_2$ аршинъ. Остатки трупосожженій обнаруживались на днѣ могилъ въ видѣ пласта отъ 2 квадратныхъ четвертей до $1^1/_2$ квадратныхъ аршинъ, при толщинѣ отъ $^3/_4$ до 2 вершковъ. Пластъ состоялъ изъ мелкихъ обломковъ пережженныхъ человѣческихъ костей (отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ вершковъ длины), перемѣшанныхъ съ землею, угольками и золою. Въ этой же массѣ обыкновенно находились обломки отъ глиняныхъ горшковъ или по одному и даже по два цѣльныхъ горшка обычнаго похороннаго типа, вмѣстѣ съ оружіемъ и украшеніями.

Самое трупосожженіе совершалось не въ могилѣ, а гдѣ-то въ сторонѣ отъ нея. Послѣ трупосожженія собирали остатки пережженныхъ костей, уцѣлѣвшія части металлическихъ украшеній и оружія или безформенные слитки отъ нихъ; все это зарывали въ отдѣльную могилу; при чемъ, иногда, на остатки трупосожженія клали оружіе или украшенія, видимо, не бывшія въ огнѣ, слѣдовательно, эти предметы не были при умершемъ во время сожиганія трупа. Въ трехъ могилахъ часть найденныхъ бронзовыхъ украшеній была завернута въ тонкій лубъ; въ 2 могилахъ бронзовыя украшенія, неподвергавшіяся дѣйствію огня, лежали на кускахъ полуистлѣвшаго луба, надъ остатками пережженныхъ костей.

Ни на Борковскомъ, ни на Кузьминскомъ могильникахъ не удалось открыть костровъ, на которыхъ совершались трупосожженія, и только во время пробныхъ раскопокъ Старорязанскаго могильника, произведенныхъ мною въ 1894 году по порученію Императорской Археологической Комиссіи, мнѣ представился случай ознакомиться съ устройствомъ и содержаніемъ подобнаго костра. Костеръ былъ обнаруженъ на глубинѣ $1^1/_2$ аршинъ отъ поверхности земли и представлялъ почти сплошной пластъ углей (болѣе $3^1/_2$ аршинъ длины, въ 2 аршина ширины и до 10 вершковъ толщины), кое-гдѣ перемѣшанныхъ съ землею, пескомъ, обожженными кусочками глины, желѣзными шлаками, мелкими безформенными слитками бронзы и мѣстами — тонкими небольшими прослойками пережженныхъ костей, превратившихся отъ долгаго пребыванія въ землѣ

Digitized by Google

въ вещество, похожее на бѣловатую глину. Въ толщѣ угольнаго пласта попадались отдѣльные куски углей вершковъ до 4 длиною; по формѣ этихъ крупныхъ углей было видно, что костеръ былъ сложенъ изъ круглыхъ тонкихъ бревенъ и расколотыхъ плахъ.

Погребенія въ сидячемъ положеніи.

На Придорожномъ бугрѣ Борковскаго могильника было найдено 4 могилы съ остатками погребенія въ сидячемъ положеніи. Положеніе частей костяка показывало, что тѣло умершаго прислоняли спиною къ южной стѣнкѣ могилы, ноги протягивались вдоль по дну могилы перпендикулярно къ туловищу, кисти рукъ, повидимому, прижимались къ верхней части груди. Внѣшнимъ отличіемъ этого вида могилъ была незначительная глубина ихъ; по составу же могильнаго инвентаря, мы находили въ нихъ той же формы украшенія, того же типа обломки глиняныхъ горшковъ, какіе встрѣчались и при другихъ формахъ похоронъ, съ тою разницею, что въ могилахъ съ сидячимъ погребеніемъ не было найдено ни оружія, ни богатыхъ бронзовыхъ украшеній и бусъ, — вообще бѣдность инвентаря составляетъ существенный признакъ ихъ.

Ничтожное количество подобныхъ могилъ позволяетъ предполагать, что эта форма похоронъ не была распространена между постояннымъ населеніемъ Рязанскаго края.

Неопредѣленныя погребенія.

На Борковскомъ могильникѣ встрѣчено 5 погребеній, въ которыхъ оказались одни женскія украшенія безъ признаковъ истлѣвшихъ или пережженныхъ костей. Въ трехъ случаяхъ могилы были двойныя: № 51 — надъ остатками мужскаго погребенія, вершка на 4 выше ихъ, найдены одни женскія украшенія; № 58 — подъ остатками дѣтскаго погребенія, на 4 вершка ниже ихъ, лежали женскія украшенія, расположенныя въ обычномъ порядкѣ обыкновеннаго погребенія, въ какомъ мы находили ихъ на женскихъ костякахъ; и № 101 — на 2 вершка выше остатковъ мужскаго погребенія находились женскія украшенія, при полномъ отсутствіи костей.

Въ 2 могилахъ, — №№ 8 и 108, найдены женскія украшенія, безпорядочно сваленныя въ кучу, и недалеко отъ нихъ оказалось по одному мужскому погребенію.

Истинное значеніе погребеній однихъ женскихъ украшеній намъ не удалось разгадать. По поводу этой оригинальной формы погребеній можно допустить предположеніе, что тѣ рѣдкія могилы, въ которыхъ оружіе или женскія украшенія были правильно расположены въ порядкѣ положенія костяковъ въ могилахъ, слѣдуетъ разсматривать какъ остатки обыкновенныхъ погребеній съ безслѣдно разрушенными костяками. Относительно же могилъ съ безпорядочною кучею женскихъ украшеній, пока, ничего положительнаго сказать нельзя.

Digitized by Google

Оружіе и мужскія украшенія.

Мужскія и женскія могилы съ обыкновенными погребеніями и съ остатками трупосожженій представляютъ большое разнообразіе по количеству и качеству найденныхъ въ нихъ металлическихъ украшеній, оружія и другихъ бытовыхъ предметовъ: часть погребеній отличалась обиліемъ вещей; въ другихъ — количество украшеній или оружія было посредственное; наконецъ, встрѣчались и такія погребенія, въ которыхъ не находили вещей при костякахъ или остаткахъ трупосожженій, или оказывались только единичные предметы, — напр. — желѣзный ножикъ, пряжка, какая-нибудь привѣска или колечко.

Вообще же, рязанско-окскіе могильники должно признать богатыми по содержанію бытовыхъ предметовъ, — они доставили намъ большое количество разнообразныхъ металлическихъ украшеній, желѣзнаго оружія, бусъ, гончарныхъ издѣлій, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (Кузьминскій) найдено много обрывковъ и кусковъ полуистлѣвшей ткани съ разныхъ частей одежды, кожи, ремней, шнуровъ и проч.

Оружіе и остатки ременныхъ и кожаныхъ поясовъ составляютъ почти постоянную принадлежность обыкновенныхъ мужскихъ погребеній; очень рѣдко встрѣчались мужскія могилы, въ которыхъ не оказалось бы одного или нѣсколькихъ представителей древняго оружія; если не было крупнаго оружія, то при костякѣ находился ножикъ.

Вооруженіе состояло изъ копій, дротиковъ, топоровъ, мечей, стрѣлъ и, какъ кажется, изъ пращей. Найденное оружіе исключительно желѣзное, — не было встрѣчено ни одного предмета, который можно было бы признать за бронзовое оружіе. Самымъ употребительнымъ и широкораспространеннымъ оружіемъ были: копье, дротикъ и топоръ. Мечи, ножи, стрѣлы и остатки пращей (небольшіе круглые камни) встрѣчались довольно рѣдко. На Борковскомъ могильникѣ, изъ 28 обыкновенныхъ мужскихъ погребеній, желѣзные наконечники копій оказались въ 22, наконечники дротиковъ — въ 18, топоры — въ 23, крупные ножики (клинки ножей до $3^1/_2$ вершковъ длины) — въ 10, мечи — только въ 5 и треугольный наконечникъ желѣзной стрѣлы — въ 1. На Кузьминскомъ могильникѣ изъ 36 вскрытыхъ обыкновенныхъ мужскихъ погребеній, наконечники копій найдены въ 28 могилахъ, наконечники дротиковъ — въ 16, топоры — въ 26, крупные ножи — въ 3, обоюдоострые мечи — въ 2, наконечники стрѣлъ не встрѣчались.

Самый составъ вооруженія, въ отдѣльныхъ мужскихъ могилахъ, оказался въ такомъ видѣ: мечъ, копье, дротикъ, топоръ и ножикъ — въ 3 могилахъ; мечъ, топоръ и ножикъ — въ 2 могилахъ; мечъ, копье и топоръ — въ 1 могилѣ; копье, дротикъ, топоръ и ножикъ — въ 3 могилахъ; копье, дротикъ и топоръ — въ 17 могилахъ, копье и топоръ — въ 10 могилахъ; копье и дротикъ — въ 5 могилахъ; топоръ и ножикъ — въ 3 могилахъ; одинъ топоръ — въ 9 могилахъ; одно копье — въ 10 могилахъ и одинъ дротикъ — въ 5 могилахъ.

Мечи находили только въ богатыхъ мужскихъ могилахъ. Изъ семи мечей, найденныхъ нами на двухъ могильникахъ, — 3 обоюдоострые съ длиннымъ прямымъ

Digitized by Google

клинкомъ (16 и 17 вершковъ), къ концу равномѣрно сужнвающимся съ обѣихъ сторонъ, и окончивающихся остріемъ; 4 меча — прямые односторонніе (лезвее съ одной стороны), длина ихъ клинковъ не одинаковая, — отъ 11 до $13^1/_2$ вершковъ, не считая желѣзнаго стержня, служившаго для прикрѣпленія рукоятки. Одинъ изъ мечей этого вида, найденный въ 1874 году на Борковскомъ могильникѣ, во время проложенія желѣзнодорожнаго пути, вмѣстѣ съ другимъ оружіемъ и украшеніями [1]), имѣетъ клинокъ, въ $16^1/_2$ вершковъ длины. Ни на одномъ изъ мечей не оказалось крыжа и крышки у рукоятки. Мечи влагались въ деревянныя ножны; при одномъ мечѣ ножны сплошь обложены тонкими серебряными пластинками (Борковской мог. — № 63), орнаментированными по длинѣ нѣсколькими кружочками, состоящими изъ двухъ выпуклыхъ концентрическихъ окружностей, а на верхней части, у рукоятки — поперечною полоскою изъ мелкихъ параллельныхъ черточекъ. При двухъ мечахъ найдены бронзовые наконечники отъ ноженъ.

Положеніе мечей на костякахъ было не одинаковое: 4 меча найдено у пояса, съ лѣвой стороны, — 2 другіе — съ правой стороны; конецъ одного меча лежалъ на лѣвомъ плечѣ, а рукоятка у кисти лѣвой руки; при одномъ костякѣ рукоятка меча лежала немного выше лѣваго плеча, конецъ же его направлялся къ лѣвому бедру; при другомъ костякѣ рукоятка меча лежала на правомъ плечѣ, конецъ его — на правой ногѣ.

Большинство желѣзныхъ наконечниковъ копій имѣетъ продолговатое листовидное перо съ небольшимъ ребромъ съ обѣихъ сторонъ посрединѣ плоскихъ поверхностей пера, плечики пера на нижней расширенной его части закруглены; втулка наконечниковъ копій круглая, суживающаяся къ основанію пера; рѣже встрѣчались наконечники копій съ ромбоидальнымъ перомъ и еще рѣже — съ узкимъ длиннымъ четырехграннымъ перомъ. Длина наконечниковъ копій колеблется между $4^1/_2$ и $7^1/_2$ вершк.

Желѣзные наконечники дротиковъ по своей формѣ представляютъ полное однообразіе и отличаются лишь величиною, — длина ихъ отъ 3 до $4^1/_2$ вершковъ. У дротиковъ отъ вершины острія спускаются книзу двѣ бородки, постепенно расходящіяся въ противоположныя стороны; длина бородокъ отъ 1 до $1^1/_2$ вершка. Втулка круглая, постепенно съуживающаяся къ бородкамъ.

Наконечники копій и дротиковъ находили при костякахъ преимущественно съ правой или лѣвой стороны головы и значительно рѣже — у ступней ногъ.

Желѣзные топоры, найденные на рязанско-окскихъ могильникахъ, относятся къ одному виду; своею формою они напоминаютъ короткій массивный клинъ отъ 2 до $4^1/_2$ вершковъ длины, съ продольнымъ круглымъ гнѣздомъ для насадки на рукоятку; узкое лезвее топора (не болѣе 1 вершка) на концахъ нѣсколько закруглено.

Топоры обыкновенно лежали въ головахъ или въ ногахъ костяковъ; иногда ихъ находили у колѣна или сбоку. Большая часть топоровъ была воткнута лезвеемъ въ землю. Въ двухъ случаяхъ замѣчены слѣды истлѣвшихъ рукоятокъ при топорахъ; рукоятки были кривые, повидимому, дубовыя, длиною около 1 аршина.

---

[1]) Часть оружія, украшеній, горшковъ и остатковъ костяковъ, найденныхъ случайно на Борковскомъ могильникѣ хранится въ собраніи покойнаго А. В. Антонова, въ Рязани.

Digitized by Google

Крупные ножики находились при костякахъ большею частію у пояса, съ лѣвой стороны; они имѣли деревянные черенки; на нѣкоторыхъ ножахъ сохранились остатки деревянныхъ ноженъ, обложенныхъ бронзовыми поперечными и по краямъ долевыми обоймицами. Ножики найдены двухъ видовъ, — небольшіе, съ узкимъ клинкомъ отъ $1^1/_2$ до 2 вершковъ, прямые, лезвее съ одной стороны, и болѣе крупные ножики, имѣющіе также лезвее съ одной стороны, клинки отъ 3 до $3^1/_2$ вершковъ длины и болѣе широкіе, чѣмъ у первыхъ. Послѣдніе ножики могли служить оружіемъ при защитѣ или нападеніи, тогда какъ первые, безъ сомнѣнія, употреблялись какъ необходимое домашнее орудіе, — ихъ находили во многихъ женскихъ и даже дѣтскихъ могилахъ; крупные же ножики встрѣчались только въ мужскихъ могилахъ.

Въ богатыхъ мужскихъ могилахъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ часто находили желѣзныя удила. На Борковскомъ могильникѣ удила найдены при 15 мужскихъ погребеніяхъ, при 1 женскомъ и 1 дѣтскомъ. На Кузьминскомъ могильникѣ — въ 14 мужскихъ и 4 неопредѣленныхъ (по полу погребенныхъ) могилахъ. Удила имѣютъ однообразную форму, — они состоятъ изъ двухъ соединенныхъ колѣнъ (барашковъ) равной величины, свободные концы ихъ загнуты въ небольшое кольцо, въ эти кольца продѣто по одному болѣе или менѣе крупному кольцу, къ этимъ послѣднимъ прикрѣпляли поводья уздечки. Удила большею частію находили въ головахъ, рѣже — въ ногахъ. На Кузьминскомъ могильникѣ, въ одной могилѣ, въ головахъ мужскаго костяка, на большомъ кругломъ кускѣ бересты лежала цѣльная уздечка съ удилами и поводьями, сплошь покрытая мелкими круглыми бронзовыми бляшками, а мѣста соединенія частей уздечки прикрыты крупными круглыми бляхами, украшенными 5 накрестъ расположенными круглыми шишечками.

Замѣчательно, что ни въ одной могилѣ, ни между случайными находками не оказалось ни одного стремени. Древнее населеніе Рязанскаго края, при верховой ѣздѣ, повидимому, обходилось безъ стременъ.

Значительное количество удилъ и части лошадиныхъ остововъ, найденные поблизости 5 богатыхъ мужскихъ могилъ, наглядно удостовѣряютъ, что конь былъ обычнымъ спутникомъ значительной части мужскаго населенія, принадлежавшей къ зажиточному и хорошо вооруженному сословію. По содержанію могильнаго инвентаря мужскихъ погребеній, при которыхъ найдены удила, можно думать, что только болѣе богатый классъ былъ привыченъ къ коню и выставлялъ конныхъ воиновъ.

При остаткахъ трупосожженій удила встрѣчались крайне рѣдко, — всего — въ 3 могилахъ. Въ могилахъ съ погребеніями въ сидячемъ положеніи удилъ не найдено.

Остатки ременныхъ и кожаныхъ поясовъ, или только бронзовыя и желѣзныя пряжки, бронзовые и серебряные наконечники и бляшки отъ нихъ — оказались во многихъ мужскихъ могилахъ. На Борковскомъ могильникѣ остатки поясовъ найдены въ 27 могилахъ, на Кузьминскомъ — въ 10. Мужскіе пояса большею частію ременные, шириною отъ $^3/_8$ до $^5/_8$ вершка. На нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны слѣды черной окраски. Между поясами попадались сшитые изъ полосы кожи, согнутой вдвое. Въ богатыхъ мужскихъ могилахъ находили пояса, украшенные серебряными или бронзовыми бляшками. Форма бляшекъ не отличалась разнообразіемъ, — встрѣчались круг-

Digitized by Google

лыя, квадратныя, узкія прямоугольныя и съ закругленными углами. Очень рѣдко случалось находить бляшки другихъ формъ, напр. — сердцевидныя.

Мужчины воины щеголяли оружіемъ и поясами; другого рода украшеній найдено немного и еще менше оказалось остатковъ одежды въ мужскихъ могилахъ.

Изъ мужскихъ украшеній встрѣчались серебряныя и бронзовыя шейныя гривны. Мужскія гривны состоятъ изъ кольца, согнутаго изъ гладкой толстой проволоки, отъ концовъ къ срединѣ утолчающейся; для застежки на одномъ концѣ загнутъ крючекъ, на другомъ — петля. Иногда такія гривны украшены металлическими одиночными бусами, промежутки между ними заполнены перевивами изъ тонкой слегка сплющенной проволоки. На Борковскомъ могильникѣ гривны найдены вы 5 могилахъ, — въ 2 серебряныя и въ 3 бронзовыя; на Кузьминскомъ могильникѣ — въ 4 могилахъ, всѣ бронзовыя.

При остаткахъ 3 мужскихъ погребеній, на мѣстѣ шеи и верхней части груди найдено по одной крупной бронзовой крестообразной фибулѣ, съ расширенною книзу ножкою и желѣзною иглою для застежки на задней сторонѣ. На рязанско-окскихъ могильникахъ до настоящаго времени собрано 15 штукъ крестообразныхъ фибулъ, между ними 3 серебряныхъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ Европейской Россіи была найдена только одна тождественная фибула въ Тверской губерніи. Вторая подобная фибула хранится въ Музеѣ покойнаго графа А. С. Уварова.

Въ четырехъ другихъ мужскихъ могилахъ, на тѣхъ мѣстахъ найдено по одной бронзовой самострѣлообразной фибулѣ съ желѣзными иглами для застегиванія. Такія фибулы часто встрѣчаются въ древнихъ могилахъ Прибалтійскихъ и юго-западныхъ губерній, а также по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей.

Въ нѣсколькихъ мужскихъ могилахъ, вмѣсто фибулъ, находили крупныя бронзовыя пряжки, какъ на верхней части груди, такъ и посрединѣ ея и у пояса. Въ 3 могилахъ найдены очень крупныя бронзовыя пряжки (до 2-хъ вершковъ въ діаметрѣ) съ семью и восемью широкими лопастями, расположенными въ равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой по наружной окружности кольца пряжки; лопасти украшены крупными шишечками, вытисненными съ обратной стороны.

Нагрудныя мужскія украшенія попадались довольно рѣдко: въ 2 могилахъ, на груди костяковъ было по одной крупной круглой бронзовой бляхѣ (до 4 вершковъ въ діаметрѣ), съ большимъ круглымъ отверстіемъ посрединѣ, прикрытымъ крышкою; кругомъ отверстія треугольные сквозные прорѣзы; по краю бляхи украшены непрерывными рядами круглыхъ шишечекъ.

На одномъ мужскомъ костякѣ, на правой сторонѣ груди лежали двѣ небольшія фигурныя серебряныя бляшки.

Въ двухъ другихъ мужскихъ могилахъ, на мѣстѣ груди было по одной сплошной круглой бляхѣ ($2^3/_4$ вершка въ діаметрѣ) изъ тонкой бронзовой пластины, съ двумя узкими крестообразно прикрѣпленными къ ней пластинками; концы узкихъ пластинокъ, выступающіе за окружность бляхи, загнуты въ трубочку; въ трубочки продѣто по одному колечку, съ двумя подвѣшенными къ нему бронзовыми привѣсками. По краю бляхи и вдоль крестообразно расположенныхъ пластинокъ идутъ непрерывные

Digitized by Google

ряды мелкихъ круглыхъ шишечекъ. Подобныя бляхи встрѣчались довольно часто въ женскихъ могилахъ и были найдены въ 2 дѣтскихъ могилахъ. Бляхи отличались между собою величиною (отъ $1^1/_2$ до $3^1/_8$ вершк. въ діаметрѣ) и орнаментомъ наружной поверхности.

Въ 20 мужскихъ могилахъ найдены бронзовые браслеты; въ большей части могилъ было по одному браслету на лѣвой рукѣ у запястья и рѣже — на правой. По два и болѣе браслетовъ на одномъ костякѣ встрѣчалось очень рѣдко. Мужчины носили двухъ видовъ браслеты: 1) согнутые изъ толстой бронзовой проволоки или массивные литые: тѣ и другіе съ расходящимися концами; у первыхъ — концы расплющены и закруглены, иногда украшены головкою змѣи; утолщенные концы у массивныхъ литыхъ браслетовъ или гладкіе, или орнаментированные точками и линіями; 2) плоскіе браслеты, согнутые изъ болѣе или менѣе узкой бронзовой пластинки, съ расходящимися концами; у нѣкоторыхъ изъ нихъ концы расширены и орнаментированы черточками. Другихъ видовъ браслеты мужчины не носили: спиральные браслеты въ нѣсколько оборотовъ и браслеты, составленные изъ нѣсколькихъ рядовъ спиральныхъ трубочекъ, мѣстами охваченныхъ бронзовыми обоймицами или украшенныхъ розетками, находили только въ женскихъ могилахъ.

При остаткахъ мужскихъ погребеній рѣдко случалось находить бронзовыя кольца на пальцахъ рукъ, — только въ 6 мужскихъ могилахъ были кольца, преимущественно на лѣвой рукѣ. Кольца найдены двухъ видовъ, — спиральныя, имѣющія отъ 5 до 7 оборотовъ, и плоскія, согнутыя изъ бронзовой пластинки, концы ихъ сведены, но не спаяны. Кольца въ видѣ жгутика и широкія ажурныя съ привѣсками въ мужскихъ могилахъ не встрѣчались, ихъ находили только на остаткахъ женскихъ погребеній.

Въ одной мужской могилѣ, у лѣваго виска найдена небольшая серебряная серьга въ видѣ колечка съ утолщеніемъ посрединѣ и несведенными концами.

Въ 5 мужскихъ подняты небольшіе куски кремня, повидимому, служившіе для высѣканія огня; но ни одного желѣзнаго огнива не было найдено. Быть можетъ, для высѣканія огня пользовались тыльемъ желѣзныхъ ножиковъ.

Въ 3 мужскихъ могилахъ оказалось по одному оселку изъ мелкозернистаго камня.

Мужскія могилы были крайне бѣдны остатками одежды. Мелкіе обрывки полуистлѣвшей шерстяной ткани, найденные въ 5 могилахъ, не даютъ опредѣленнаго понятія о мужской одеждѣ. Можно только догадываться, что верхняя одежда мужчинъ походила на полукафтаны. О головныхъ уборахъ и обуви мы также не можемъ сказать ничего положительнаго.

Женская одежда и украшенія.

Женскія могилы съ обыкновеннымъ погребеніемъ и съ остатками трупосожженій, не отличаясь отъ мужскихъ похоронною обрядностью, доставили несравненно большее количество металлическихъ украшеній, разнообразныхъ по формѣ и назначенію, и бусъ. Женщины любили украшенія и болѣе богатыя изъ нихъ носили пестрый и сложный нарядъ. Случалось находить женскіе костяки съ ногъ до головы покрытые

Digitized by Google

разнородными металлическими украшеніями. Вмѣстѣ съ металлическими вещами, довольно часто находились остатки полуистлѣвшей одежды. Обиліе остатковъ женскаго убора дало намъ возможность составить приблизительное понятіе, если не о всѣхъ частяхъ женской одежды, то о большинствѣ ихъ. Поэтому, не останавливаясь на описаніи многочисленныхъ женскихъ украшеній, найденныхъ на рязанско-окскихъ могильникахъ, я ограничусь общимъ описаніемъ ихъ одежды и украшеній.

Одежда женщинъ приготовлялась преимущественно изъ шерстяныхъ тканей, разнородныхъ какъ по качеству пряжи, такъ по способу выдѣлки и окраски, и частію изъ холста. Нижняя женская одежда состояла изъ шерстяной рубашки съ узкими рукавами, доходящими до кисти руки. Только у богатыхъ женщинъ рубашки были холщевыя, и только въ одномъ случаѣ рубашка была изъ хлопчатобумажной ткани, похожей на теперешній коленкоръ. На рубашку надѣвали короткую одежду изъ шерстяной матеріи; по покрою эта одежда походила на полукафтанье, спускавшееся до колѣнъ. У богатыхъ женщинъ полукафтанье на груди украшалось бронзовыми пряжками; подолъ обшивался бронзовыми коническими или плоскими трапецевидными привѣсками въ видѣ сплошной бахромы. Привѣски пришивались за мелкое колечко, продѣтое въ верхней части привѣски, непосредственно къ краю подола полукафтанья, загнутому въ рубецъ или къ толстому шерстяному шнурку, который подшивали съ изнанки по самому краю подола полукафтанья. Кромѣ бахромы изъ привѣсокъ, юбка полукафтанья на передней сторонѣ украшалась парными, тройными и четверными бронзовыми коническими или плоскими трапецевидными привѣсками, подвѣшенными за колечки къ дужкамъ, согнутымъ изъ бронзовой проволоки.

Поверхъ полукафтанья носили верхнюю одежду изъ болѣе толстой, грубой шерстяной ткани или мѣховую, вѣроятно, смотря по времени года. Къ сожалѣнію, остатки истлѣвшей верхней одежды, найденные въ одной мужской и 3 женскихъ могилахъ, такъ малы, что по нимъ нельзя составить понятія о формѣ этой одежды. Несомнѣнно только то, что верхняя мужская и женская одежда застегивалась у шеи крупными фибулами или бронзовыми пряжками.

Женскій головной уборъ состоялъ изъ разнообразныхъ, болѣе или менѣе богатыхъ повязокъ; при остаткахъ одного женскаго погребенія, на задней части черепа найдена сѣтка изъ бронзовыхъ спиралей, надѣтыхъ на ремешки. Болѣе распространенныя повязки походятъ на широкую ленту, охватывавшую голову съ верхней части лба до нижней части затылка, гдѣ концы повязки иногда перекрестно накладывались одинъ на другой и скрѣплялись пряжкою. Богатыя женщины носили головныя повязки изъ цвѣтной шерстяной ткани, сложенной вдвое или втрое, съ нашитыми на ея лицевой сторонѣ бронзовыми спиралями, круглыми бляшками, пряжками, обоймицами и плоскими колечками. У менѣе зажиточныхъ женщинъ основу головной повязки составляла полоса изъ луба или кожи, а иногда изъ луба въ срединѣ и кожи на нижней сторонѣ; такая основа обтягивалась шерстяною матеріею или съ обѣихъ сторонъ, или только съ одной лицевой стороны. Наружная сторона этихъ повязокъ постоянно украшалась вѣнчикомъ, составленнымъ изъ трехъ рядовъ бронзовыхъ спиралей, плотно прилегающихъ одинъ къ другому. На вѣнчикѣ, имѣющимъ сходство съ металличе-

Digitized by Google

скою лентою, мѣста соединенія звеньевъ спиралей прикрывались бронзовыми обоймицами, въ которыя продѣвались плоскія колечки, выступающія за край повязки, обращенный къ лицу; эти колечки, повидимому, служили для прикрѣпленія махорчиковъ изъ шерстяныхъ нитей. Иногда, вмѣсто колечекъ, по нижнему краю повязки шла сплошная бахрома изъ мелкихъ трапецевидныхъ привѣсокъ, спускавшаяся на лобъ и виски. У нѣкоторыхъ повязокъ отъ концовъ, скрѣпленныхъ на нижней сторонѣ затылка, спускались съ двухъ сторонъ на спину по три плоскія трапецевидныя рипвѣски, соединенныя въ два ряда и составлявшія какъ бы продолженіе концовъ повязки.

Кромѣ повязокъ, женщины носили и другіе головные уборы. Мы уже упоминали, что въ одной могилѣ (на Кузьминскомъ могильникѣ) найдено на затылочной части черепа украшеніе, напоминавшее сѣтку. Оно состояло изъ бронзовыхъ спиралей, расположенныхъ въ видѣ правильнаго восьмиугольника; въ центрѣ его находилось бронзовое кольцо, отъ котораго въ видѣ радіусовъ шли отдѣльныя спирали къ вершинамъ угловъ восьмиугольника. Спирали были нанизаны на узкіе ремешки, свободные концы ремешковъ привязывались къ кольцу. Отъ двухъ спиралей-радіусовъ, направленныхъ къ нижней части затылка въ противоположныя стороны, ремешки выступали за периметръ многоугольника, къ свободнымъ концамъ ихъ было прикрѣплено по привѣскѣ, составленной изъ трехъ трапецевидныхъ привѣсокъ; — къ болѣе крупной изъ нихъ привѣшены на колечкахъ двѣ другія меньшія.

Къ повязкамъ надъ висками привѣшивались на спиралахъ, нанизанныхъ на ремешки, разной формы привѣски, спускавшіяся на плечи. Чаще другихъ встрѣчались привѣски въ видѣ конуса, сплошныя или съ продольными прорѣзами на бокахъ; рѣже попадались въ видѣ небольшой четыреугольной коробки или сидящей утки и плоскія, похожія на лягушечью лапку. Такія привѣски находили по двѣ и по три штуки по обѣимъ сторонамъ головы.

Въ составъ женскихъ головныхъ украшеній входили разной длины и формы ленты, составленныя изъ звеньевъ бронзовыхъ спиралей; онѣ прикрѣплялись къ задней части головной повязки и спускались на спину или, черезъ плечо, на грудь. Ленты имѣли отъ 7 до 10 вершковъ длины и состояли изъ трехъ или четырехъ рядовъ спиралей, соединенныхъ бронзовыми обоймицами въ одну полосу; къ концу ленты привѣшивались двѣ или три кисти изъ бронзовыхъ бутылкообразныхъ привѣсокъ. У нѣкоторыхъ лентъ число спиралей, входившихъ въ составъ отдѣльныхъ звеньевъ, уменьшалось по мѣрѣ приближенія къ концу и послѣднее звено состояло изъ двухъ или одной спирали съ бутылкообразною привѣскою на концѣ.

Женщины имѣли большое пристрастіе къ височнымъ подвѣскамъ и височнымъ кольцамъ, замѣнявшимъ имъ обыкновенныя серьги, вошедшія въ употребленіе въ Рязанскомъ краѣ значительно позднѣе. Височныя подвѣски и кольца носили не въ ушахъ и не на ушныхъ раковинахъ, — ихъ обыкновенно прикрѣпляли тонкими ремешками къ головному убору такъ, что онѣ спускались на уши или немного ниже ихъ. При отсутствіи головного убора, височныя подвѣски прикрѣплялись къ волосамъ. На рязанско-окскихъ могильникахъ найдено 10 видовъ разныхъ бронзовыхъ височныхъ под-

Digitized by Google

вѣсокъ. Между ними особенно любопытны, по своей архаичной формѣ и способу ношенія, круглыя четырехъ и пятилопастныя височныя подвѣски; ихъ носили по одной подвѣскѣ съ каждой стороны. Самыя красивыя височныя подвѣски своею формою напоминаютъ позднѣйшія серьги; онѣ состоятъ изъ трехлопастной бронзовой пластинки, орнаментированной завитками, къ нижнему краю пластинки припаяна полоска съ двумя круглыми выступами на свободной сторонѣ, имѣющими по одному отверстію посрединѣ; въ каждое отверстіе пропущены два колечка, къ которымъ привѣшены по двѣ продолговатыя бутылкообразныя привѣски; верхнія узкія части привѣсокъ украшены сплошнымъ перевивомъ изъ тонкой проволоки. Височными подвѣсками служили и бронзовыя кольца разной величины (отъ $^1/_4$ до $1^1/_2$ вершковъ въ діаметрѣ), согнутыя изъ гладкой бронзовой или мѣдной проволоки. Крупныя кольца носили по одному или по два съ каждой стороны головы. Парныя кольца обыкновенно продѣвались одно въ другое. Мелкія кольца носили по одному, по два, иногда даже по 6 съ каждой стороны. Когда височныя подвѣски состояли изъ нѣсколькихъ колецъ, то они соединялись одно съ другимъ маленькими колечками и представляли короткую цѣпочку. Височныя кольца прикрѣплялись къ головному убору тонкими ремешками или пропускались сквозь лоскуты кожи, пришитой къ головной повязкѣ.

Судя по остаткамъ сохранившихся косъ, женщины убирали волоса двоякимъ способомъ, — или заплетали ихъ въ одну косу, или — въ двѣ косы. Косы всегда плели въ три пряди. Въ одномъ случаѣ, въ косу былъ вплетенъ вдвое согнутый круглый ремешокъ, повидимому, предназначенный поддерживать привѣску у конца косы; въ другомъ — въ косу была вплетена тесьма. Косы постоянно спускались вдоль спины, и только въ одной могилѣ, концы двухъ косъ были сложены крестообразно на верхней части груди, возлѣ шеи. При одномъ погребеніи, вмѣстѣ съ остатками красивой черной косы, было найдено возлѣ висковъ по одной прядкѣ волосъ, закрученныхъ въ колечки.

На шеѣ женщины носили бронзовыя гривны. По формѣ гривны были не такъ разнообразны какъ височныя подвѣски, — до настоящаго времени извѣстно 6 видовъ ихъ, если не принимать за различіе особенности въ устройствѣ застежекъ. Чаще другихъ видовъ попадались гривны изъ четырехгранной, какъ бы слегка скрученной, бронзовой проволоки, съ крючкомъ на одномъ концѣ и отверстіемъ на другомъ, нѣсколько расплющенномъ, концѣ. Гривны съ круглыми коробками и плоскія — серповидныя носили исключительно однѣ женщины и никогда не встрѣчались на мужчинахъ. Въ бѣдныхъ женскихъ могилахъ или совсѣмъ не находили гривенъ, или находили гривны изъ гладкой и четырехгранной проволоки, всегда не больше одной; въ богатыхъ же могилахъ случалось находить по двѣ, по три, въ одномъ случаѣ — даже 6 гривенъ на одномъ костякѣ.

Кромѣ гривенъ, женщины украшали шею и верхнюю часть груди ожерельями. Ожерелья были довольно разнообразны по составу и способамъ группировки ихъ; они состояли изъ бусъ, бисера, спиралей и разнаго вида металлическихъ привѣсокъ. Бусы носили преимущественно изъ красной композиціи, напоминающей красный сургучъ; онѣ встрѣчались разной величины, — отъ небольшой горошины до лѣсного орѣха;

Digitized by Google

также довольно часто находили стеклянныя изнутри золоченныя или посеребренныя бусы, отдѣльными зернами или слитыя по двѣ, по три, а мелкія — и болѣе. Смѣшанныя низки изъ бусъ, спиралей и привѣсокъ составляли самыя красивыя ожерелья. У богатыхъ женщинъ ожерелья отличались разнообразіемъ и обиліемъ, — число низокъ иногда доходило до шести. Въ среднихъ могилахъ ожерелья имѣли по двѣ или по три низки; въ бѣдныхъ же могилахъ находили по одной низкѣ, а иногда не оказывалось ни одной.

На груди женщины носили, какъ украшеніе, обыкновенныя бронзовыя пряжки, у болѣе богатыхъ — встрѣчались крупныя круглыя ажурныя пряжки, съ пятью, шестью или семью лопастями, расположенными по наружной окружности кольца; эти пряжки отличаются изящною, красивою формою; особенно красивы ажурныя пряжки съ восьмью привѣсками (до $3^1/_4$ вершк. длины).

Къ нагруднымъ женскимъ украшеніямъ принадлежали крупныя круглыя бляхи, которыя изрѣдка попадались и въ мужскихъ могилахъ. Бляхи были двухъ видовъ: 1) съ отверстіемъ посрединѣ, прикрытымъ крышкою, и 6-ю треугольными прорѣзами, звѣздообразно расположенными кругомъ отверстія; 2) круглыя сплошныя бляхи съ двумя узкими пластинками, накрестъ прикрѣпленными къ наружной поверхности ихъ. Оба вида бронзовыхъ бляхъ носили только богатыя женщины.

Въ богатыхъ женскихъ могилахъ находили остатки отъ ременныхъ поясовъ съ наборомъ изъ мелкихъ серебряныхъ или бронзовыхъ бляшекъ. Женскіе пояса были немного уже мужскихъ и рѣже встрѣчались.

Браслеты и кольца были любимыхъ украшеніемъ женщинъ, — ихъ носили богатыя и бѣдныя женщины, съ тою разницею, что первыя надѣвали по нѣсколько браслетовъ на обѣ руки; тогда какъ у бѣдныхъ находили по одному простому браслету или по одному спиральному кольцу, преимущественно на правой рукѣ. По матеріалу и формамъ, браслеты и кольца были довольно однообразны; они выдѣлывались изъ бронзы; болѣе $^2/_3$ всего количества браслетовъ согнуты изъ толстой проволоки; не сведенные концы ихъ расплющены и закруглены или украшены грубымъ изображеніемъ головки змѣи; изрѣдка попадались браслеты съ головками какого-то животнаго на концахъ, и только на одномъ браслетѣ концы украшены изображеніемъ бородатой головы мужчины. Довольно рѣдко встрѣчались массивные литые браслеты съ утолщенными расходящимися концами; боковыя стороны, а также плоскости концовъ ихъ почти постоянно украшены перекрещивающимися или параллельными линіями, нарѣзанными вглубь. Также рѣдко встрѣчались плоскіе браслеты, согнутые изъ болѣе или менѣе узкихъ пластинокъ, совершенно гладкихъ или имѣвшихъ овальную наружную поверхность. Между женскими браслетами оказалось 3, составленныхъ изъ бронзовыхъ спиралей, въ три или четыре ряда нанизанныхъ на ремешки и скрѣпленныхъ бронзовыми плоскими обоймицами; на одномъ изъ нихъ звенья спиралей были прикрѣплены къ кожаному ремню; на другомъ — къ обоймицамъ сверху прикрѣплены круглыя бронзовыя розетки. На рукахъ одной женщины оказалось по одному спиральному браслету, свернутому въ 16 оборотовъ изъ узкой бронзовой пластинки, плоской на внутренней и слегка выпуклой со внѣшней стороны.

Digitized by Google

Бронзовыя кольца, украшавшія пальцы рукъ, были въ большомъ употребленіи, но не отличались разнообразіемъ формы. Особенно часто встрѣчались спиральныя кольца въ 5, 6 и 7 оборотовъ. Широкія ажурныя кольца, съ прикрѣпленными къ нимъ сбоку коническими или плоскими привѣсками, носили только богатыя женщины. Также рѣдко попадались кольца, согнутыя изъ узкой пластинки, и кольца, имѣвшія форму жгутика.

При остаткахъ погребенія богатой женщины (Кузьминскій могильникъ) оказались бронзовыя украшенія на ногахъ, — по одной круглой вогнутой бляхѣ на колѣняхъ и по 8 парныхъ продолговатыхъ привѣсокъ, нашитыхъ на кожу, ниже колѣна; у щиколотокъ найдено по одной крупной бронзовой пряжкѣ съ длинною обоймицею и остаткомъ полуистлѣвшаго ремня. Такого рода украшенія найдены только въ одной могилѣ. Единственная находка не допускаетъ обобщеній, поэтому мы не будемъ останавливаться на описаніи этого вида украшеній, хотя они и любопытны, какъ почти единственное указаніе на характеръ женской обуви.

Изъ общаго описанія женской одежды и украшеній видно, — какимъ разнообразіемъ и пестротою отличался нарядъ древнихъ рязанокъ. Должно замѣтить, что въ Рязанскомъ краѣ особенности древней женской одежды и украшеній сохранялись долгое время. Даже въ уборахъ рязанокъ первой половины XIX ст. уцѣлѣло многое изъ далекой старины, — измѣнился нѣсколько матеріалъ одежды и украшеній, но общій характеръ ихъ потерпѣлъ незначительныя перемѣны.

Въ обыкновенныхъ дѣтскихъ погребеніяхъ находили украшенія тѣхъ же видовъ, какіе встрѣчались въ мужскихъ и женскихъ могилахъ, съ тою разницею, что при остаткахъ дѣтскихъ костяковъ не было оружія и болѣе красивыхъ и богатыхъ украшеній. Инвентарь дѣтскихъ могилъ оказался болѣе бѣднымъ. Въ 3 дѣтскихъ могилахъ, между украшеніями найденъ небольшой браслетъ, согнутый изъ обломка шейной гривны, нагрудная бляшка изъ отломанной крышки большой бляхи, небольшое колечко, согнутое изъ части кольца съ руки взрослаго человѣка. Вообще, дѣтей хотя и украшали разными металлическими вещами, но въ ихъ нарядѣ не было цѣнныхъ украшеній.

Въ могилахъ съ остатками трупосожженій найдено то же оружіе, кромѣ мечей, и тѣ же украшенія, только то и другое было въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ при обыкновенныхъ погребеніяхъ. Инвентарь трупосожженій не далъ ничего выдѣляющаго этотъ похоронный обрядъ отъ обыкновеннаго погребенія, и мы не имѣемъ никакихъ основаній, чтобы усомниться въ одновременномъ образованіи ихъ съ остальными видами погребеній и разсматривать ихъ какъ оставленныя другимъ народомъ, обитавшимъ здѣсь въ иную эпоху. Матеріалы, добытые раскопками, убѣждаютъ насъ, что рязанско-окскіе могильники оставлены древнимъ мѣстнымъ населеніемъ въ теченіе продолжительнаго, но послѣдовательнаго и непрерывнаго ряда лѣтъ.

Признавая же, что могилы съ разными формами похоронъ практиковались мѣстнымъ населеніемъ одновременно, является вопросъ, — чѣмъ вызывалось разнообразіе похоронной обрядности. Сравнивая бытовые предметы и украшенія въ могилахъ съ разными формами похоронъ, мы не нашли въ нихъ никакого различія ни въ формахъ,

Digitized by Google

ни въ матеріалѣ и способахъ выдѣлки. Кромѣ того, богатыя, среднія и бѣдныя могилы встрѣчались какъ съ обыкновенными погребеніями, такъ и съ остатками трупосожженій. Очевидно, выборъ того или другого похороннаго обряда не зависѣлъ отъ имущественнаго или сословнаго состоянія умершихъ. Рязанско-окскіе могильники вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе, высказанное А. А. Котляревскимъ, что богатство или бѣдность усопшихъ опредѣляла не самый обрядъ, но только его внѣшнюю обстановку.

Съ другой стороны, археологическія изслѣдованія Рязанской губерніи доставили несомнѣнное доказательство, что древнѣйшее мѣстное населеніе хоронило умершихъ только по обряду обыкновеннаго погребенія. На это указываютъ могилы, относящіяся къ неолитической эпохѣ каменнаго вѣка и подавляющее преобладаніе могилъ съ остатками обыкновенныхъ погребеній на болѣе древнихъ рязанскихъ могильникахъ. Такимъ образомъ, въ Рязанскомъ краѣ появленіе похоронъ съ предварительнымъ трупосожженіемъ оказывается болѣе позднимъ и несомнѣнно заноснымъ, появившимся здѣсь съ прибытіемъ иноплеменныхъ насельниковъ.

На основаніи приведенныхъ фактовъ, мы объясняемъ разнообразную форму похоронъ разноплеменнымъ составомъ населенія, оставившаго рязанско-окскіе могильники. Два или болѣе племенъ разнаго происхожденія, обитавшія въ Рязанскомъ краѣ въ эпоху образованія могильниковъ, хоронили умершихъ неодинаково, — у одного племени могло быть въ обычаѣ обыкновенное погребеніе, у другого — трупосожженіе и т. д. Продолжительная совмѣстная жизнь и взаимная метисація могли сгладить многія первоначальныя различія въ бытовыхъ формахъ жизни племенъ, волею или неволею слившихся въ одинъ народъ, не измѣняя различій въ ихъ похоронной обрядности. Такимъ образомъ, при одинаковой обстановкѣ внѣшняго быта, при полномъ сходствѣ одежды, оружія, орудій и украшеній, въ похоронныхъ обрядахъ могли удержаться первоначальныя формы, свойственныя каждому отдѣльному племени, вошедшему въ составъ населенія Рязанскаго края.

Въ настоящее время мы не можемъ точно опредѣлить народность всѣхъ племенъ, входившихъ въ составъ древняго мѣстнаго населенія: для этого у насъ не имѣется еще достаточнаго количества надежнаго матеріала. Историческія указанія на составъ населенія Окской долины слишкомъ неопредѣленны и шатки, чтобы на основаніи ихъ установить подобное опредѣленіе. Антропологическій матеріалъ, собранный во время раскопокъ рязанско-окскихъ могильниковъ, настолько бѣденъ, что довольно рискованно строить на немъ положительные выводы по этому вопросу. По найденнымъ въ могилахъ остаткамъ костяковъ, мы можемъ составить понятіе лишь о наружныхъ признакахъ крупной части древняго населенія, — оно было средняго роста, коренастое, черноволосое, длинноголовое и средноголовое[1]). Эти несомнѣнныя данныя, въ связи съ особенностями похоронной обрядности, съ характеромъ собраннаго въ могилахъ инвентаря и болѣе поздними вещественными памятниками, добытыми изъ рязанскихъ курганныхъ могильниковъ и древнѣйшихъ кладовъ, — позволяютъ заключить, что большая половина древняго населенія Рязанскаго края принадлежала къ одному изъ вос-

[1]) По опредѣленію А. Г. Рождественскаго и Н. И. Коротнева.

Digitized by Google

точно-финскихъ племенъ. Въ періодъ образованія рязанско-окскихъ могильниковъ эта часть населенія, повидимому, не была уже господствующею въ долинѣ средней Оки, — населеніе финскаго происхожденія уже утратило свою самостоятельность и вынуждено было уступить главенство пришлому воинственному конному племени, которое въ періодъ образованія могильниковъ, какъ мы полагаемъ, составляло значительную и высшую часть мѣстнаго населенія, отличавшуюся по своему характеру отъ коренного населенія Рязанскаго края. Прошлые завоеватели, по многимъ признакамъ, принадлежали къ степнымъ кочевникамъ тюркской народности. Относительно другихъ, менѣе значительныхъ частей населенія, ничего положительнаго нельзя сказать. Допуская гадательное предположеніе, можно думать, что могилы съ остатками трупосожженій, найденныя на рязанско-окскихъ могильникахъ, оставлены Славянами, переселившимися на берега средней Оки изъ сосѣднихъ славянскихъ областей; но наше опредѣленіе народности могилъ съ остатками трупосожженій — не болѣе какъ догадка. Что же касается немногихъ могилъ съ погребеніемъ въ сидячемъ положеніи, то народность ихъ остается для насъ темною загадкой. Мы не знаемъ, откуда занесенъ этотъ похоронной обрядъ. Погребенія въ сидячемъ положеніи найдены въ Тверской и Смоленской губерніяхъ, на югѣ Россіи, на Мцхетскомъ могильникѣ (въ Закавказьѣ), по свидѣтельству Плано-Карпини, Татары язычники также хоронили умершихъ въ сидячемъ положеніи.

Итакъ, главная масса древняго населенія Рязанскаго края, по нашему мнѣнію, была *финно-тюркскаго* происхожденія; быть можетъ, съ незначительною примѣсью *Славянъ*, если только вѣрна наша догадка о народности погребеній съ трупосожженіемъ.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о времени образованія рязанско-окскихъ могильниковъ, необходимо, хотя вкратцѣ, упомянуть объ особенностяхъ Борковскаго и Старорязанскаго могильниковъ, которыя пришлось мнѣ наблюдать во время раскопокъ.

На Придорожномъ бугрѣ Борковскаго могильника были обнаружены остатки болѣе поздняго поселка. Мы нашли 9 разрушенныхъ глинобитныхъ печей, внутри нѣкоторыхъ изъ нихъ, между подомъ и обвалившимися частями свода оказалась зола, мелкіе угольки и пепелъ, слившіеся въ плотную массу; въ золистомъ слоѣ попадались обломки глиняныхъ горшковъ, въ одной печи найдена желѣзная пластинка, въ другой — обломокъ плоской желѣзной сковороды. Развалившіяся печи находились на разной глубинѣ отъ поверхности земли, — отъ 2 до 11 вершковъ. На томъ же бугрѣ и близъ него были найдены нижнія части 27 истлѣвшихъ столбовъ, вертикально стоявшихъ въ землѣ на глубинѣ отъ 2 до 4 вершковъ отъ поверхности земли; остатки столбовъ имѣли отъ 7 до 12 вершковъ длины и отъ 2 до 3 вершковъ въ діаметрѣ. Первые изъ найденныхъ столбовъ подали поводъ къ неосновательной догадкѣ, — не представляютъ ли они остатки памятниковъ надъ погребеніями Борковскаго могильника. Впрочемъ, это заблужденіе скоро разсѣялось, — дальнѣйшія изслѣдованія рязанско-окскихъ могильниковъ выяснили истинное назначеніе столбовъ и удостовѣрили, что они не имѣютъ никакой связи съ могилами и не могутъ быть пріурочены къ *„столпамъ“* лѣтописи или надмогильнымъ памятникамъ. Кромѣ развалившихся печей и остатковъ — столбовъ, на той же части могильника, на глубинѣ 5 вершковъ отъ по-

Digitized by Google

верхности земли оказался пластъ черной лоснящейся земли, содержащій большое количество желѣзныхъ шлаковъ. Затѣмъ на Придорожномъ бугрѣ, на разной глубинѣ, найдено большое количество случайныхъ находокъ; между ними оказалось нѣсколько вещей, которыя по своей формѣ рѣзко отличались отъ аналогичныхъ предметовъ, собранныхъ въ могилахъ. Тутъ же въ 1874 и 75 годахъ были найдены два клада съ арабскими диргемами, чеканенными въ VIII и IX ст. по Р. Х. Большая часть диргемовъ относилась къ IX ст. Самыми древнѣйшими изъ извѣстныхъ намъ монетъ, бывшихъ въ кладахъ, были двѣ серебряныя сассанидскія монеты Хозроя II (VII ст.)[1]) и затѣмъ 5 аббасидскихъ диргемовъ VIII ст.; изъ новѣйшихъ мнѣ пришлось видѣть одинъ саманидскій диргемъ Насра, сына Ахмеда, царствовавшаго съ 914 по 943 г. по Р. Х.

Всѣ поименованныя находки представляютъ остатки поселка, бывшаго на Придорожномъ бугрѣ. Ихъ нельзя отнести къ погребеніямъ Борковскаго могильника: между ними и могильнымъ инвентаремъ не замѣчается никакой связи. Различіе формъ между бытовыми предметами и украшеніями, найденными въ могилахъ, и случайными отличительными находками, собранными на Придорожномъ бугрѣ, нахожденіе развалившихся печей и истлѣвшихъ столбовъ только на одной части Борковскаго могильника и полное отсутствіе ихъ на другихъ могильникахъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что печи, столбы, клады и другія вещи принадлежатъ къ другой, болѣе поздней эпохѣ. Ни въ одной изъ вскрытыхъ могилъ рязанско-окскихъ могильниковъ не найдено ни цѣлой монеты, ни мелкаго обломка отъ нихъ. Арабскія монеты появились въ Рязанскомъ краѣ послѣ образованія могильниковъ. Судя по времени чекана монетъ, клады были зарыты въ землю въ разное время, — одинъ въ концѣ IX ст., другой — въ концѣ X ст. Можно съ увѣренностію предполагать, что въ концѣ IX ст. поселокъ уже существовалъ надъ частью Борковскаго могильника. Слѣдовательно, рязанско-окскіе могильники древнѣе IX ст. Образованіе ихъ приблизительно мы относимъ къ VII и VIII ст. по Р. Х.

Рядомъ съ площадью Старорязанскаго могильника также находили арабскіе диргемы аббасидскаго чекана, тогда какъ во вскрытыхъ могилахъ его не оказалось ни одной монеты.

На сколько можно судить по пробнымъ раскопкамъ, Старорязанскій могильникъ занимаетъ большую площадь, — не менѣе 4 десятинъ. Одна часть его лежитъ подъ городищемъ Старой Рязани, другая, вѣроятно, большая, выдвигается за оврагъ, пересѣкающій могильникъ, на поле крестьянъ села Шатрищи. Оврагъ разросся за послѣднія 60—70 лѣтъ; мѣстные крестьяне называютъ его „Черная рѣчка". Отвѣсные берега оврага, протянувшагося версты на 2, съ каждымъ годомъ обваливаются, при чемъ нерѣдко на дно его выпадаютъ разныя вещи разрушенныхъ древнихъ могилъ. Изъ другихъ извѣстныхъ могильниковъ — Борковской также былъ раскинутъ на большой площади. Невольно обращаетъ на себя вниманіе любопытное совпаденіе основанія на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ историческихъ и доисторическихъ большихъ го-

[1]) Эти монеты сохраняются въ собраніи древностей А. В. Антонова

Digitized by Google

родовъ въ Рязанскомъ краѣ. Старая Рязань и Переяславль Рязанскій (нынѣшняя Рязань) были самыми заселенными центрами вел. кн. Рязанскаго. И оба они были основаны на мѣстѣ или рядомъ съ древнѣйшими большими селеніями Рязанскаго края. О величинѣ этихъ доисторическихъ поселковъ мы судимъ по обширности могильниковъ, оставленныхъ ихъ населеніемъ.

Многочисленные остатки культуры неолитической эпохи каменнаго вѣка, найденные въ разныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи, по берегамъ Оки и ея большихъ притоковъ, цѣлый рядъ древнихъ могильниковъ, открытыхъ за послѣдніе годы свидѣтельствуютъ о заселеніи Рязанскаго края съ древнѣйшихъ временъ. Инвентарь могильниковъ, отличаясь обиліемъ оружія и украшеній, представляетъ многочисленные вещественные памятники довольно развитой и своеобразной культуры. Вся обстановка погребеній, найденныхъ на рязанско-окскихъ могильникахъ, указываетъ на зажиточность древняго мѣстнаго населенія и на воинственный характеръ значительной его части.

Изучая остатки доисторическаго прошлаго Рязанскаго края, мы убѣждаемся, что задолго до прибытія на берега Оки южно-русскихъ князей Рязанскій край былъ заселенъ народомъ, вышедшимъ изъ дикаго состоянія и обладавшимъ зачатками общественности и культуры.

Дальнѣйшія археологическія изслѣдованія, безъ сомнѣнія, еще болѣе расширятъ наше знакомство съ прошлымъ нашихъ отдаленныхъ предковъ.

Digitized by Google

Остатки древнихъ замковъ и земляныхъ сооруженій по правому побережью Вислы, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Плоцкой и части Варшавской губерній.

Г. Воробьевъ.

По правому побережью Вислы между нѣмецкою границей и Варшавой можно еще встрѣтить остатки старинныхъ замковъ и земляныхъ сооруженій — окоповъ, насыпей, кургановъ и т. п.

Въ Плоцкѣ, приблизительно въ концѣ XI вѣка, построенъ былъ на берегу Вислы, неподалеку отъ каѳедральнаго собора, деревянный замокъ, въ которомъ проживали владѣтели Плоцка — князья Мазовецкіе и даже нѣкоторые короли польскіе, имѣвшіе здѣсь свою резиденцію, а именно: Владиславъ-Германъ и сынъ его — Болеславъ III Кривоустый [1]). Въ 1354 г. король польскій Казиміръ Великій построилъ намѣсто этого деревяннаго замка, пришедшаго въ ветхость, новый каменный и обвелъ его — двойной каменной стѣной и двойными рвами для защиты города и всей вообще Мазовіи отъ набѣговъ Пруссовъ и крестоносцевъ. Въ 1657 г. Шведы вторгнулись въ Плоцкъ, разорили городъ и совершенно разрушили замокъ. Остатки замковыхъ стѣнъ разобраны были Пруссаками, владѣвшими краемъ, въ концѣ прошлаго столѣтія. Отъ замка уцѣлѣли двѣ башни; одна — надъ Вислой, стоявшая при замковыхъ воротахъ и служившая тюрьмой. Изъ опасенія, чтобы верхняя часть этой башни не обрушилась на примыкавшій костелъ бенедиктиновъ (нынѣшнее зданіе женской гимназіи) 18 іюля 1799 г. послѣдовало постановленіе на сеймикѣ въ Раціонжѣ о снесеніи верхней части (почти половины) башни, что и исполнено было тогда же. Оставшуюся часть башни покрыли крышей. Въ такомъ видѣ этотъ историческій памятникъ древности существуетъ въ Плоцкѣ и понынѣ [2]). Другая башня стоитъ подальше отъ берега, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ каѳедральнаго собора (къ с.-з.); представляется она въ видѣ высокаго и довольно широкаго четырехугольнаго столпа, оканчивающагося круглымъ

---

[1]) Они и погребены въ Плоцкомъ каѳедральномъ соборѣ. Объ этомъ соборѣ — въ своемъ родѣ тоже замѣчательномъ памятникѣ старины — см. нашу ст. „Каѳедральный соборъ въ Плоцкѣ“ въ *Историческ. Вѣст.* 1895 г., т. LXII, стр. 543—560.

[2]) Видъ этой башни помѣщенъ нами, въ числѣ прочихъ рисунковъ историческихъ памятниковъ Плоцка, на стр. 452 т. XLIX *Всемірной Иллюстр.* (1893 г.). О безцеремонномъ обращеніи съ этимъ памятникомъ сдѣланы въ свое время указанія въ *Нов. Врем.* (№ 5915) и въ *Истор Вѣст.* (октябрь 1892 г.).

Digitized by Google

куполомъ съ четырьмя небольшими башенками по угламъ. На ней болѣе, чѣмъ на первой, видны слѣды позднѣйшихъ передѣлокъ, и только кладка нижней части башни свидѣтельствуетъ о ея древнемъ происхожденіи. Въ настоящее время она служитъ соборной колокольней[1]).

Въ посадѣ Бобровникахъ, Липновскаго уѣзда, Плоцкой губ.[2]), существуютъ еще остатки стѣнъ замка, построеннаго крестоносцами въ XV в. По пространству, занимаемому развалинами, и объему фундамента можно судить, что замокъ былъ весьма обширный и массивный, и такимъ образомъ вполнѣ соотвѣтствовалъ военнымъ цѣлямъ. До послѣдняго раздѣла Польши здѣсь было хранилище городскихъ и земскихъ дѣлъ Добржинской земли. Разрушеніе замка началось еще при прусскомъ правительствѣ.

Въ уѣздномъ городѣ плоцкой губ.—Рыпинѣ[3]), при въѣздѣ въ него съ Серпецкаго тракта, сохранились каменныя ворота — остатокъ укрѣпленій, сооруженныхъ въ XIV ст. бывшими владѣльцами Рыпина, князьями Добржинскими и Ленчицкими. По мѣстнымъ разсказамъ, еще двадцать лѣтъ назадъ, здѣсь были развалины стариннаго княжескаго замка, часть стѣны съ башнею и фортификаціонныя укрѣпленія[4]).

Въ деревнѣ Радзике-Дуже, гмины Вомпельскъ, Рыпинскаго уѣзда, есть еще нѣкоторые слѣды стѣнъ, существовавшаго тамъ когда-то замка. Судя по ихъ расположенію и толщинѣ — замокъ этотъ въ свое время имѣлъ оборонительное назначеніе.

Въ посадѣ Шренскѣ, Млавскаго уѣзда, Плоцкой губ., видны развалины замка, построеннаго, по свидѣтельству польскаго историка Свѣнцкаго („Hist. pamiąt.“), Плоцкимъ воеводою Феликсомъ Шренскимъ, умершимъ, какъ видно изъ надгробія, находящагося въ Шренскомъ костелѣ, 30 марта 1630 года. Замокъ былъ опоясанъ каменною стѣной и рвомъ, которые, по словамъ мѣстныхъ старожиловъ, существовали еще въ началѣ настоящаго столѣтія. Въ стѣнѣ, со стороны посада, находились ворота, въ которыя велъ, переброшенный черезъ ровъ, мостъ. По угламъ стѣнъ возвышались четыре круглыя башни, съ бойницами. Въ Шренскомъ замкѣ, стоящемъ уединенно среди болотъ, во время Барской конфедераціи имѣли пребываніе многіе конфедераты. При прусскомъ правительствѣ одинъ изъ тогдашнихъ владѣльцевъ Шренска снесъ стѣны замка, оставивъ только одинъ жилой домъ.

Въ уѣздномъ городѣ (Плоцкой губ.) Цѣхановѣ, на берегу рѣки Лыдыни, находятся развалины замка, построеннаго кн. Мазовецкимъ Янушемъ и позднѣе передѣланнаго королевою Боною, супругою Сигизмунда I. По расположенію стѣнъ замка, составляющихъ правильный четырехугольникъ, по толщинѣ, вышинѣ и прочности послѣднихъ можно предполагать, что замокъ этотъ имѣлъ предназначеніе чисто военное, для защиты отъ набѣговъ непріятеля. Съ одной стороны замка протекаетъ рѣчка Лыдыня; съ другой — проведенный отъ нея искусственный каналъ, наполненный водою, а съ прочихъ сторонъ лежатъ болота, что дѣлаетъ пунктъ этотъ неприступнымъ. На двухъ

---

[1]) Рисунокъ — во *Всем. Иллюстр.* XLIX, 452.

[2]) 59 вер. отъ Плоцка.

[3]) 69 вер. отъ Плоцка.

[4]) Нельзя не пожалѣть, что наши мѣстныя власти не слѣдуютъ примѣру своихъ прусскихъ собратій въ дѣлѣ охраненія историческихъ памятниковъ старой Польши отъ уничтоженія.

Digitized by Google

углахъ южной, обращенной къ городу, стороны стоятъ двѣ башни, изъ которыхъ восточная служила тюрьмою, а западная — арсеналомъ. Первая имѣла одинъ лишь входъ вверху, черезъ небольшое круглое отверстіе, въ которое преступниковъ опускали на веревкахъ на дно башни. Надо думать, что рѣдко кто могъ высидѣть болѣе или менѣе продолжительное время въ такой тюрьмѣ. Опущенный сюда считался заживо погребеннымъ. Вторая башня имѣла входъ снизу, по каменной лѣстницѣ, вдѣланной въ стѣну. Наверху обѣ башни обрамлены были зубчатою отдѣлкой и бойницами, въ которыхъ сосредоточивались оборонительныя силы и куда, судя по врѣзавшимся около нихъ въ стѣну ядрамъ, направлялись, главнымъ образомъ, дѣйствія непріятеля. До XVI вѣка замокъ служилъ мѣстопребываніемъ многихъ Мазовецкихъ князей. Еще въ 1646 г. внутреннія постройки его находились въ цѣлости и представляли удобныя жилыя помѣщенія, такъ что 1 марта того года ночевала здѣсь Марія-Людвика, вторая супруга короля Владислава IV. Послѣ первой Шведской войны, въ 1657 г., вмѣстѣ съ Цѣхановымъ палъ и замокъ, отъ котораго остались только наружныя стѣны и небольшая одноэтажная постройка внутри, служившая до послѣдняго раздѣла Польши судилищемъ и архивомъ. По занятіи части края прусскимъ правительствомъ, мѣстность, на которой расположенъ замокъ, составлявшая староство Опиногурское, обращена была въ казенное имѣніе, арендаторъ котораго разобралъ всѣ внутреннія постройки замка, а кирпичъ употребилъ на болѣе практичное съ его точки зрѣнія дѣло, именно построилъ изъ него пивоваренный заводъ. Остовъ замка сохранился хорошо и по виду своему принадлежитъ къ наиболѣе замѣчательнымъ памятникамъ древности въ Польшѣ [1]).

Кромѣ перечисленныхъ еще не такъ давно встрѣчались развалины замковъ во многихъ городахъ и мѣстностяхъ по правому берегу Вислы (въ Вышогродѣ, Добржинѣ, Закрочимѣ — на высокихъ холмахъ, круто опускающихся къ Вислѣ, въ пос. Радзановѣ — на искусственной насыпи, среди болотъ, въ Модлинѣ Червинскѣ, но нынѣ не осталось отъ нихъ и слѣдовъ [2]).

Переходя затѣмъ къ землянымъ сооруженіямъ, прежде всего замѣтимъ, что всѣ они издали похожи на курганы или могильныя насыпи. При ближайшемъ и внимательномъ разсмотрѣніи ихъ оказывается, что они составляютъ или составляли правильный кругъ, съ углубленіемъ или котловиною посрединѣ. Нѣкоторые окопы представляютъ по два и даже по три ряда такихъ насыпей, расположенныхъ кругами, въ правильныхъ другъ отъ друга интервалахъ. Изслѣдователь мѣстной старины В. Гаварецкій, основываясь на авторитетныхъ по этому вопросу сочиненіяхъ Раковецкаго

---

[1]) Видъ его помѣщенъ нами во *Всем. Иллюстраціи* (1894 г.) т. LI, стр. 276.

[2]) Въ Модлинѣ, на мѣстѣ котораго теперь возвышаются грозныя Новогеоргіевскія укрѣпленія, еще при Янѣ-Казимірѣ существовала сильная крѣпость, подробно описанная Самуиломъ Пуфендорфомъ въ его „Дѣяніяхъ“ Карла-Густава (Нюр. 1696). Въ Червинскѣ (одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ польскихъ, нынѣ незначительный посадъ Плонскаго уѣзда, Варшавской губ.), на холмѣ при Вислѣ, стоялъ нѣкогда замокъ, обращенный въ 1-й пол. XII в. въ монастырь братства „каноников латеранскихъ“ (нынѣ женскій монастырь норбертанокъ). Въ настоящее время, вслѣдствіе неоднократныхъ перестроекъ и передѣлокъ, не осталось и слѣдовъ замка. Но тѣмъ не менѣе первобытный строительный матеріалъ монастырскаго костела, состоящій изъ массивнаго мѣстнаго камня гранитной породы, и сохранившіяся еще при костелѣ двѣ башни свидѣтельствуютъ о несомнѣнной своей глубокой древности. Видъ Червинска, съ его древнимъ аббатствомъ, Вислы весьма поэтиченъ.

Digitized by Google

(„Ostanie cywilnym dawnych slowian“) и Суровецкаго („Sledzenie początków narodów slowianskich“), утверждаетъ, что не всѣ такіе окопы сооружены съ военными цѣлями. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно самые громадные, имѣющіе видъ окружностей съ котловинами посрединѣ, относятся еще къ первымъ вѣкамъ славянской осѣдлости въ Европѣ и извѣстны подъ именемъ континъ (kontiny). Сюда древніе Славяне собирались или для совѣщаній подъ руководствомъ старѣйшинъ, или для языческихъ богослуженій. Окопы эти, по большей части, извѣстны нынѣ въ народѣ подъ именемъ шведскихъ. Легко допустить, что Шведы, не разъ побывавшіе въ здѣшней сторонѣ въ XVII ст., пользовались нѣкоторыми изъ этихъ древнихъ окоповъ и останавливались при нихъ, какъ наиболѣе удобныхъ оборонительныхъ пунктахъ, почему народъ и сохранилъ за окопами этими названіе шведскихъ. Выдающіеся изъ этихъ „земляныхъ памятниковъ“ слѣдующіе.

Въ Плоцкой губерніи.

Въ направленіи отъ пос. Бѣльска до пос. Дробина, въ Плоцкомъ уѣздѣ, при шоссейной дорогѣ, въ 23 вер. отъ губернскаго города, на земляхъ имѣнія Мокржкъ, находится кругообразная насыпь, имѣющая видъ батареи. Площадь ея (безъ рвовъ и валовъ) въ длину $27^1/_2$, а въ ширину $22^1/_2$ саж.; окружность — 75 саж. Поверхность площади насыпи ровная. Вокругъ насыпи, со стороны имѣнія Ультово и Мокржкъ, идетъ насыпной валъ, длиною 95, а шириною 1 саж.; съ западной стороны находится спускъ къ ручью, а съ сѣверной въѣздъ на насыпь. Валъ прежде былъ гораздо выше, лѣтъ 25 назадъ его начали разбирать при проведеніи шоссейной дороги.

У дер. Вильканово, гмины Свенцице, того же уѣзда, на протяженіи $^1/_4$ вер. по правой сторонѣ дороги, ведущей къ дер. Наквасинъ, среди луговъ находится поросшій кустарниками курганъ кругообразной формы, съ впадиной на верхней поверхности. Окружность его 100 шаговъ. Въ 1873 г. курганъ этотъ былъ раскопанъ археологомъ, графомъ А. Пржездзецкимъ и при этомъ найдены: уголь, кирпичъ и пепелъ. Подробная опись кургана и найденныхъ въ немъ вещей напечатана въ „Bibliot. Warszawsk.“ за 1873 г.

Въ той же гминѣ, у дер. Оршимово, на протяженіи не болѣе 250 шаговъ, находится курганъ, тоже съ углубленіемъ наверху. Подробное описаніе его помѣщено въ той же „Bibliot. Warszaw.“ за 1873 г.

Такіе же точно курганы существуютъ: около деревень: Дрвалы (11 вер. отъ Плоцка), Пробощевице (14 в. отъ П.), Бульково (28 в.) и подъ заштатнымъ городомъ Вышогродомъ — въ Плоцкомъ уѣздѣ, въ дер. Заржичево, подъ деревнями Тупадлы, Моково и посадомъ Скемпе — въ Липновскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ пос. Раціонжа — въ Серпецкомъ уѣздѣ и у дер. Радзики — въ Роспинскомъ уѣздѣ. Не мало „земляныхъ памятниковъ“ и въ Млавскомъ уѣздѣ. Такъ, у д. Унержижъ, гмины того же имени, имѣется земляная насыпь, въ родѣ батареи. Площадь ея продолговатая, четырехугольная, длиною 120, шириною 60 и окружностью 360 шаговъ. Поверхность площади поросла лѣсомъ; съ восточной стороны устроенъ въѣздъ. Мѣстные жители, при вывозѣ изъ него земли, находятъ желѣзныя кольца, мѣдныя пряжки конской упряжи, кости и т. п.

Digitized by Google

На разстояніи 2-хъ верстъ отъ дер. Богуржина и Завады, видна земляная насыпь, подобная предыдущей. Площадь этой насыпи, расположенной въ сухой, низкой и безлѣсной мѣстности, кругообразна.

Подобный же окопъ, поросшій кустарникомъ и омываемый съ с.-в. и ю.-з. сторонъ ручьемъ, сохранился почти въ цѣломъ видѣ (съ южной стороны немного разсыпанъ) между дер. Нидзгора и Милотки въ гминѣ Зелена. Внутренняя часть его въ длину и ширину = 92 шагамъ; окружность же его 103 шага. Вышина вала до 5 саж. Сооруженіе окопа пріурочивается народомъ къ Шведамъ.

На разстояніи 1 вер. отъ деревень Ступскъ и Дембскъ и $^1/_2$ вер. отъ д. Стржалково, гмины Ступскъ, въ лѣсу имѣнія Ступскъ, находится земляная насыпь, поросшая травою, вышиною 2 и шириною 62 аршина, со входомъ съ ю.-з. стороны, насыпанная, по народному преданію, также къ Шведами.

Въ дер. Шидлово (гмина Дембскъ), по правой сторонѣ шоссе, по направленію изъ Млавы въ уѣздн. г. Прасныпъ, находятся соединенные, между собой три земляные вала, поросшіе кустарниками. Противъ первой внутренней площади вала есть еще особая трехугольная насыпь съ внутреннею болотистою площадью.

При дер. Славогура-Старая, у дороги, существуетъ древнее кладбище. На могилахъ положены камни различной величины и формы. Судя по наружному виду, нѣкоторыя изъ могилъ были семейныя. По показанію окрестныхъ жителей, на кладбищѣ были производимы раскопки съ научною цѣлью, при чемъ подъ камнями найдены горшки съ пепломъ и человѣческія кости. Пространство кладбища = 200 □ аршинъ.

Въ Варшавской губерніи.

По правую сторону тракта, ведущаго отъ уѣзднаго города Плонска, въ посадѣ Сохоцинѣ, не болѣе полуверсты отъ сохоцинскаго моста, при р. Дзялдовкѣ, на землѣ д. Бѣле-бржезница, находится насыпь, почему-то носящая здѣсь названіе „наполеоновской горы“ [1]). Насыпь эта со стороны р. Дзялдовки вышиною около 7 саж., со стороны же дер. Бѣле-бржезницы, при заслоняющемъ хвойнякѣ на довольно обширномъ и гористомъ пространствѣ, равно какъ и со стороны тракта — мало замѣтна. Поверхность ея представляетъ собою квадратное, довольно обширное углубленіе среди котораго растетъ нѣсколько березъ и остаются едва замѣтными слѣды давно сгнившихъ пней.

Шесть съ небольшимъ лѣтъ назадъ Варшавскимъ университетомъ было получено сообщеніе войта гм. Помѣхово, г. Веселовскаго, объ открытіи на поляхъ дер. Коссево, Плонскаго же уѣзда, доисторическаго кладбища. Обслѣдованіе мѣста находки, порученное университетомъ проф. Д. Я. Самоквасову, привело къ открытію остатковъ гробницы (неолитическаго) періода. Описаніе этой гробницы помѣщено въ № 145 „Правит. Вѣст.“ 1890 г.

---

[1]) Старожилы разсказываютъ, что эта насыпь дѣло рукъ Французовъ и, будто бы, относится къ тому времени, когда Наполеонъ I, послѣ дѣла подъ Фридландомъ (14 іюня 1807 г.), квартировалъ въ Сохоцинѣ, въ сохранившемся до сихъ поръ деревянномъ домикѣ. Другое существующее мнѣніе, пріурочиваетъ возникновеніе сохоцинской насыпи ко временамъ Карла XII шведскаго.

Digitized by Google

Къ вопросу объ одновременности существованія человѣка и мамонта.

Н. Ѳ. Кащенко.

Одновременное существованіе человѣка и мамонта считается въ настоящее время почти вполнѣ прочно установленнымъ фактомъ. И, дѣйствительно, въ пользу этого мнѣнія имѣются довольно убѣдительныя данныя. Значеніе давно извѣстныхъ доисторическихъ рисунковъ мамонта и разныхъ подѣлокъ изъ мамонтовыхъ костей, правда, еще могло быть оспариваемо, но въ послѣднее время накопилось большое количество новыхъ фактовъ. Не говоря уже о томъ, что мамонтовыя кости нерѣдко были находимы въ тѣхъ же самыхъ слояхъ, въ которыхъ оказывались налицо также и кости человѣка или продукты его дѣятельности, особеннымъ и рѣшительнымъ доказательствомъ одновременнаго существованія человѣка и мамонта по справедливости считаются такого рода случаи, когда не только въ одномъ мѣстѣ съ мамонтовыми костями были находимы слѣды присутствія человѣка, такіе, напр., какъ каменныя и костяныя издѣлія, но еще и сами мамонтовыя кости были расколоты, обожжены, или вообще носили на себѣ болѣе или менѣе ясные слѣды употребленія человѣкомъ въ пищу различныхъ составныхъ частей тѣла мамонта. Такого рода находки были описаны Ф. И. Каминскимъ и К. М. Ѳеофилактовымъ въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ., графомъ Уваровымъ въ Муромскомъ уѣздѣ Владимирской губ., И. С. Поляковымъ и А. И. Келсіевымъ въ Воронежскомъ уѣздѣ, В. Б. Антоновичемъ и П. Я. Армашевскимъ въ Кіевѣ. Въ западной Европѣ изрѣдка также попадаются подобнаго рода находки, какъ это можно видѣть, напр., изъ описаній Сидерò и Маковскаго.

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ характеръ находокъ былъ приблизительно одинъ и тотъ же. Именно, вмѣстѣ съ каменными орудіями, иногда также древеснымъ углемъ, золой и мелкими кусочками перегорѣлой кости, находимы были массы костей, принадлежащихъ различнымъ животнымъ и носящихъ на себѣ слѣды употребленія этихъ животныхъ въ пищу человѣкомъ. Кости мамонта встрѣчались здѣсь разрозненными, перемѣшанными съ костями другихъ, самыхъ разнообразныхъ, животныхъ и всегда оказывались принадлежащими различнымъ, обыкновенно даже весьма многимъ индивидуумамъ. Собственно скелета мамонта, т.-е. костей одного опредѣленнаго

Digitized by Google

индивидуума, съ признаками употребленія его въ пищу человѣкомъ, насколько мнѣ извѣстно, находимо не было. Всѣ упомянутыя только что находки не могутъ быть принимаемы за что-либо другое, какъ только за кучи разнообразныхъ отбросовъ, которыя накоплялись у мѣстъ стоянки доисторическаго человѣка каменнаго періода. Заслуживаетъ упоминанія еще и то обстоятельство, что въ Сибири, несмотря на извѣстное всѣмъ богатство этой страны мамонтовыми остатками, ни разу до настоящаго года ничего подобнаго находимо не было, и такимъ образомъ вопросъ о томъ, была ли въ эпоху мамонта обитаема также и Сибирь, съ увѣренностью не могъ быть разрѣшенъ.

Въ настоящемъ докладѣ я, именно, имѣю въ виду обратить вниманіе Съѣзда на единственный въ своемъ родѣ случай, изслѣдованный мною въ текущемъ году вблизи Томска. Единственнымъ въ своемъ родѣ я называю его во-первыхъ потому, что онъ рѣшаетъ поставленный выше вопросъ относительно Сибири, а во-вторыхъ потому, что здѣсь идетъ дѣло не о кучѣ разнообразныхъ костей, а о почти полномъ скелетѣ одного опредѣленнаго индивидуума мамонта, носящемъ, по моему мнѣнію, несомнѣнные признаки того, что это животное было употреблено въ пищу современнымъ ему человѣкомъ.

Мѣсто, гдѣ найденъ мамонтъ, находится на берегу р. Томи, вблизи г. Томска, въ разстояніи не болѣе полуверсты отъ его крайнихъ домовъ. Здѣсь берегъ р. Томи образуетъ крутой обрывистый мысъ, возвышающійся надъ уровнемъ рѣки на 20 саженъ. Геологическій обзоръ этой мѣстности, произведенный по моей просьбѣ хранителемъ минералогическаго и геологическаго кабинета Томск. университета А. Н. Державинымъ, показалъ, что основаніе берега составляетъ глинистый сланецъ, верхняя поверхность котораго достигаетъ высоты 6 саж. надъ уровнемъ р. Томи. Надъ глинистымъ сланцемъ до высоты нѣсколько менѣе 18 саженъ, располагаются слоистые болѣе или менѣе глинистые пески, содержащіе пласты гальки и зеленовато-сѣрой глины. Всю эту мощную толщу, занимающую до 12 саженъ въ вертикальномъ направленіи, А. Н. Державинъ разсматриваетъ какъ прибрежное отложеніе обширнаго водоема, существовавшаго здѣсь въ третичный періодъ. Самый верхній слой этой толщи составляетъ мелкій свѣтлый песокъ, ближайшій же кверху слой гальки располагается на высотѣ 15 саженъ отъ уровня р. Томи. Наконецъ, верхняя толща обрыва, занимающая нѣсколько болѣе 2 сажень, состоитъ изъ богатой углесолями лёссовидной глины, прикрытой слоемъ суглинка, переходящаго къ верху въ черноземъ. Эта толща по всѣмъ признакамъ имѣетъ воздушное происхожденіе.

Сбоку обрыва въ него впадаетъ боковой оврагъ недавняго происхожденія. На правомъ краю этого оврага и обнаружились кости мамонта, вслѣдствіе новаго обвала земли, происшедшаго весной настоящаго года. Первое извѣстіе было получено мной отъ одного горшечника утромъ 15-го апрѣля, и въ этотъ же день начаты были раскопки, которыя пришлось вести съ большимъ трудомъ, такъ какъ земля была еще совершенно мерзлой. Какъ показали раскопки, замерзаніе простиралось на глубину отъ $2^1/_2$ до 3 метровъ въ вертикальномъ и почти на столько же въ горизонтальномъ направленіи, отъ края оврага. Кости оказались лежащими на глубинѣ $3^1/_2$ метровъ,

Digitized by Google

но такъ какъ онѣ располагались вблизи оврага, то положеніе большей части изъ нихъ приходится на долю замерзшаго пространства. Раскопки велись такимъ образомъ, что ни одна кость не была ни вынимаема, ни сдвигаема до тѣхъ поръ, пока не обнажилась вся плоскость, на которой онѣ были разсѣяны. Когда же была расчищена площадка, занимавшая около 28 кв. метровъ, то кости были очищены съ ихъ верхней поверхности и сфотографированы въ томъ самомъ положеніи, какое онѣ имѣли, находясь въ землѣ. Затѣмъ, однако, раскопки были расширены, такъ что вся площадь раскопокъ заняла около 60 кв. метровъ. На прилежащихъ частяхъ этого вновь раскопаннаго пространства найдено еще нѣсколько мелкихъ костей. Далѣе же по периферіи не попадалось болѣе ни костей, ни описанныхъ ниже признаковъ присутствія человѣка (угля, кремней и пр.). Площадь, занимаемая костями, представляла приблизительно форму неправильнаго овала, одинъ боковой сегментъ котораго срѣзанъ краемъ обрыва. Какъ показываютъ фотографіи, кости были расположены въ полномъ безпорядкѣ, такъ что, напр., черепъ и первый шейный позвонокъ (атлантъ) располагались вблизи двухъ противоположныхъ концовъ овала. Позвонки всѣ разъединены и разбросаны по одиночкѣ между другими костями. Точно такъ же кости разныхъ конечностей совершенно перепутаны между собой. Ребра отчасти цѣлыя, отчасти въ кускахъ, разбросаны повсюду, и, что особенно интересно, они расположены подъ другими болѣе крупными костями, такъ какъ будто они были объѣдены и брошены на землю раньше, чѣмъ громоздкія и тяжелыя кости. Подъ костями и между ними повсюду располагается только изрѣдка прерывающійся слой прекрасно сохранившагося древеснаго угля, достигающій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толщины 10 мм. Подъ углемъ, въ свою очередь, находится приблизительно такой же толщины слой покраснѣвшей и уплотненной, вслѣдствіе обжиганія, глины. Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ по всей вѣроятности дольше всего были разводимы костры, слои угля и обожженой глины располагались сплошнымъ и достигающимъ максимальной толщины слоемъ. Благодаря присутствію этой почти непрерывной прослойки древеснаго угля, можно было опредѣлить рельефъ почвы того времени, когда костры разводились. Оказалось, что вблизи оврага поверхность почвы была почти совершенно плоска, затѣмъ она слегка возвышалась и на разстояніи около 3 метровъ отъ края оврага начинался довольно крутой подъемъ. Здѣсь, на возвышеніи, находился одинъ изъ уже упомянутыхъ остатковъ костра, особенно обширный и съ значительнымъ количествомъ кусковъ перегорѣлыхъ костей. Крупныя кости, расположенныя въ другихъ мѣстахъ, были только покрыты углемъ съ одной стороны (нижней), но не носили на себѣ слѣдовъ продолжительнаго дѣйствія огня. Въ одномъ мѣстѣ было найдено два куска полуистлѣвшаго дерева, длиной приблизительно отъ 10 до 15 сантим., толщиной и шириной до 2 сантим. Это дерево передано для изслѣдованія проф. В. В. Сапожникову, которому пока удалось выяснить, что остатокъ принадлежитъ какой-то лиственной породѣ. Наконецъ, здѣсь же, между костями и подъ ними, часто въ непосредственномъ съ ними соприкосновеніи, найдено значительное количество кремневыхъ осколковъ, очевидно отбитыхъ искусственно, такъ какъ они почти всегда носятъ слѣды удара (Schlagmarke). Чаще всего они попадаются въ самомъ

Digitized by Google

угольномъ слоѣ, и во всякомъ случаѣ внѣ предѣловъ того пространства, на которомъ располагаются кости и уголь, а равно выше и ниже этой плоскости они совершенно не встрѣчаются (для полной увѣренности въ этомъ, площадка, по уборкѣ костей, была раскопана вглубь еще приблизительно на $^1/_2$ метра, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и глубже).

Перехожу теперь къ болѣе подробному описанію главныхъ объектовъ: костей и кремневыхъ осколковъ. Скелетъ мамонта оказался почти совершенно полнымъ. Недостаетъ только нѣсколькихъ позвонковъ (между прочимъ, второго шейнаго), глазоваго конца одного изъ бедеръ, значительной части мелкихъ костей изъ переднихъ и заднихъ ступней и нѣсколькихъ реберъ. Впрочемъ, такъ какъ многія ребра найдены разбитыми, то съ точностью выяснить, какихъ именно изъ нихъ недостаетъ, затруднительно. Тѣ изъ трубчатыхъ костей, которыя не были раздроблены, нижняя челюсть, кости ступней, а также атлантъ и нѣкоторые другіе позвонки, сохранились прекрасно. Плоскія же кости сохранились хуже, такъ что иногда ломались при выемкѣ и доставкѣ на мѣсто. Принадлежность всѣхъ костей одному и тому же экземпляру мамонта (вида E. primigenius) не можетъ быть подвергаема никакому сомнѣнію, такъ какъ ни одна кость не найдена въ двухъ однородныхъ экземплярахъ, а всѣ въ числѣ одного праваго и одного лѣваго экземпляра, вполнѣ соотвѣтствующихъ другъ другу. Мамонтъ, видимо, былъ молодъ, такъ какъ эпифизы его костей отчасти были найдены въ отдѣлившемся состояніи (однако сохраняющими свое правильное отношеніе къ діафизамъ), отчасти легко отдѣлялись при дальнѣйшихъ манипуляціяхъ съ костями. Нужно замѣтить, что нѣкоторыя кости (нижняя челюсть, нѣсколько кусковъ реберъ и кусокъ плечевой кости, прекрасно пришедшійся къ другому ея куску, откопанному мной) были унесены до начала раскопокъ и отчасти распроданы тѣмъ самымъ горшечникомъ, отъ котораго я узналъ объ открывшемъ кости обвалѣ. Но затѣмъ унесенныя кости были отчасти выкуплены мной, отчасти добровольно предоставлены мнѣ. Что касается черепа, то въ одномъ мѣстѣ обрыва еще до начала раскопокъ мною были замѣчены куски характерной порозной кости изъ лобныхъ пазухъ мамонта, каковое обстоятельство и заставило предполагать, что черепъ разбитъ искателями. Однако, при раскопкахъ оказалось, что черепъ лежитъ хотя и близко отъ края обвала, но на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, въ еще нетронутой замерзшей землѣ. Онъ оказался не имѣющимъ свода, который совершенно раздробленъ. Куски отъ свода черепа найдены разбросанными на площадкѣ раскопокъ между другими костями и, что особенно интересно, нѣкоторые такіе куски были найдены въ угольномъ слоѣ большого кострища (на возвышеніи). Такъ какъ это кострище находилось на глубинѣ около 3 метровъ отъ нынѣшней поверхности земли и приблизительно на такомъ же разстояніи отъ края обвала, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что черепъ разбитъ не теперь, но тогда же, когда мамонтъ погибъ. Что касается бивней, то два куска, повидимому отъ одного и того же бивня, и нѣсколько мелкихъ кусковъ найдены въ разныхъ мѣстахъ той же площадки. Такъ какъ эти куски сохранились очень плохо и разсыпаются при малѣйшихъ манипуляціяхъ съ ними, то трудно судить о томъ, дѣйствительно ли одного изъ бивней недостаетъ. Сравнительно хорошо сохранился

Digitized by Google

небольшой плоскій осколокъ отъ концевой части бивня, отбитый наискось. Осколокъ этотъ, судя по его величинѣ и формѣ, могъ бы, пожалуй, служить для скобленія или другихъ подобныхъ дѣйствій, однако онъ не представляетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ искусственной обработки или хотя бы искусственнаго отбиванія, а потому гораздо вѣроятнѣе, что онъ отбитъ самимъ мамонтомъ, можетъ-быть во время предсмертной его борьбы.

Изъ трубчатыхъ костей самыя большія и содержащія наибольшее количество костянаго мозга, именно оба бедра и одно плечо, раздроблены отчасти на крупные куски, отчасти на мелкіе осколки. Крупные куски мною подобраны одинъ къ другому, такъ что общая форма раздробленныхъ костей возстановлена. Легко замѣтить, что каждая кость была разбита сильными ударами въ двухъ мѣстахъ вблизи концовъ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ кончается костномозговая полость и компактное костное вещество ея трубчатой стѣнки, утончаясь, постепенно переходитъ въ губчатое вещество. Здѣсь находится слѣдъ удара (Schlagmarke) въ видѣ размозженнаго сводообразнаго края костной стѣнки, или расходящихся отсюда трещинъ; отдѣльные мелкіе осколки трубчатыхъ костей имѣютъ чрезвычайно рѣзко очерченные, иногда даже прямолинейные края. Первоначально можно было бы даже предполагать, что эти осколки произошли не отъ простого удара, но отъ дѣйствія тяжелаго рубящаго орудія. Однако, тщательное изслѣдованіе подъ лупой и сравненіе съ имѣющимися въ Археологическомъ Музеѣ Томскаго Университета несомнѣнно рѣзанными и рубленными ископаемыми костями убѣдило меня въ неосновательности этого предположенія. Я думаю, однако, что такой характеръ осколка кости могутъ имѣть только въ томъ случаѣ, если кость раздробляется въ свѣжемъ состояніи. Такимъ образомъ, осколки могли бы служить здѣсь лишнимъ доказательствомъ въ пользу того, что кости были раздроблены въ свѣжемъ состояніи, если бы прочія обстоятельства даннаго случая оставляли бы въ этомъ сомнѣніе. Какихъ-либо признаковъ искусственной обработки или попытокъ употребить этотъ матеріалъ для подѣлокъ ни на одной кости не найдено.

Нужно еще замѣтить, что въ числѣ мелкихъ костей оказались двѣ чрезвычайно своеобразной формы и еще два обломка, очевидно отъ парныхъ къ нимъ костей (т.-е. костей другой стороны того же индивидуума). Послѣ долгихъ безуспѣшныхъ попытокъ опредѣлить эти кости, я воспользовался любезнымъ предложеніемъ академика Ф. Б. Шмидта, который, отправляясь въ Юрьевъ, взялъ ихъ съ собой, для того чтобы посовѣтоваться съ проф. А. Розенбергомъ. Этотъ уважаемый спеціалистъ по ископаемымъ позвоночнымъ также не нашелъ возможнымъ съ точностью опредѣлить предъявленныя ему кости, но высказалъ предположеніе, что вѣроятно, онѣ принадлежатъ къ подъязычному аппарату того же мамонта. Къ сожалѣнію, мои попытки разыскать гдѣ-либо для сравненія соотвѣтственныя части не только мамонта, но хотя бы слона, остались безрезультатными по той причинѣ, что всѣ осмотрѣнные мной черепа и даже полные скелеты слоновъ оказались лишенными этихъ частей. Наконецъ, еще прибавлю, что при детальной разборкѣ костей между ними нашлась одна копытная фаланга какого-то двукопытнаго. Но такъ какъ на самомъ мѣстѣ раскопокъ она замѣчена не была, то я не увѣренъ въ томъ, что она найдена вмѣстѣ съ мамонтомъ, а не попала въ число

Digitized by Google

костей случайно. Такимъ образомъ, при этихъ раскопкахъ не добыто ни одной кости, относительно которой можно было бы съ увѣренностью сказать, что она находилась вмѣстѣ съ мамонтомъ, но принадлежитъ не ему.

Относительно кремневыхъ осколковъ прежде всего нужно замѣтить, что они приготовлены изъ рѣчной гальки, такъ какъ на очень многихъ осколкахъ видна часть характерной наружной поверхности гальки. Впрочемъ, между осколками попадаются также и крупные отбитые куски несомнѣнной гальки. Совершенно такія гальки находимы были мной на берегахъ р. Томи, и я полагаю, что матеріалъ для приготовленія кремневыхъ осколковъ былъ принесенъ современниками мамонта съ берега рѣки, такъ какъ въ лёссѣ, въ которомъ найденъ скелетъ, сколько-нибудь подходящихъ галекъ совершенно нѣтъ (очень рѣдко встрѣчаются даже самые мелкіе камешки величиной въ горошину или немного болѣе), а равно нѣтъ ихъ и въ ниже расположенномъ пескѣ (самый поверхностный слой гальки располагается, какъ выше сказано, въ 15-ти саженяхъ надъ уровнемъ рѣки, слѣдовательно на 3 сажени глубже плоскости нахожденія мамонта). Хотя собственно характерныхъ ядрищъ (нуклеусовъ) мною найдено не было, однако осколки несомнѣнно были приготовлены на мѣстѣ, такъ какъ иначе здѣсь могли бы быть только такіе осколки, которые могли имѣть практическое примѣненіе, какъ орудія, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь найдено еще болѣе осколковъ мелкихъ и безформенныхъ, едва ли могшихъ къ чему-нибудь служить и потому очевидно полученныхъ какъ побочный продуктъ при выдѣлкѣ орудій. Осколковъ перваго рода (орудій) найдено около 30-ти; осколковъ же второго рода — гораздо болѣе сотни. Осколки, имѣющіе значеніе отбивныхъ орудій, вообще представляютъ величину небольшую, не болѣе 50—60 мм. въ длину, что и понятно, если принять въ расчетъ, что они приготовлены изъ гальки. Цвѣтъ они имѣютъ преимущественно темно-сѣрый, дымчатый, рѣже свѣтло-коричневый или бѣловатый. Всѣ они, однако, по строенію оказались подходящими ближе къ роговику, чѣмъ къ настоящему кремню, какъ показало изслѣдованіе нѣкоторыхъ небольшихъ осколковъ, весьма любезно произведенное по моей просьбѣ академикомъ А. П. Карпинскимъ. Форма осколковъ, весьма разнообразна. Нѣкоторые похожи на одно- или двустороннія ножки, другіе на скребки, ланцеты и т. п. Въ общемъ, однако, они представляютъ видъ орудій довольно неопредѣленнаго характера, хотя несомнѣнно, что ими можно рѣзать или скоблить не только мясо, но и болѣе твердые предметы. Одна сторона каждаго осколка слегка выпукла, другая совершенно плоска или вогнута. Выпуклая сторона весьма часто ограничена только двумя крышеобразно сходящимися плоскостями, но нерѣдко также она бываетъ ограничена и бо́льшимъ числомъ разнообразно пересѣкающихся плоскостей. Почти на каждомъ изъ осколковъ можно отчетливо видѣть мѣсто удара (Schlagmarke), а на нѣкоторыхъ замѣтны также слѣды пріостренія или такъ называемой вторичной оббивки, изрѣдка и слѣды поврежденій отъ употребленія въ дѣло. Что касается отсутствія ядрищъ, то оно легко объясняется, если вспомнить, что раскопки велись при замерзшей почвѣ, при чемъ приходилось откалывать куски земли значительной величины. Ядрища же изъ гальки не могли быть велики, а потому легко могли остаться незамѣченными. По той же причинѣ и осколки замѣчены были навѣрно далеко не всѣ.

Digitized by Google

Такъ какъ на указанномъ мѣстѣ не найдено ни костей другихъ животныхъ, кромѣ мамонта, ни костей человѣка, ни черепковъ посуды или какихъ-либо другихъ признаковъ постоянной стоянки человѣка въ этомъ или вблизи этого мѣста, то я полагаю, что данный скелетъ принадлежитъ мамонту съѣденному вдали отъ жилья человѣка, на случайномъ мѣстѣ, именно на томъ, на которомъ мамонтъ палъ. Въ высшей степени вѣроятно притомъ, что мамонтъ палъ не случайно, но былъ убитъ человѣкомъ. По крайней мѣрѣ, молодой возрастъ этого экземпляра и свойства мѣстности, которая едва ли могла быть когда-либо болотистой, дѣлаютъ мало вѣроятными какъ смерть его отъ дряхлости, такъ и смерть вслѣдствіе увязанія въ прибрежномъ болотѣ. Наконецъ, сломанные бивни безъ какихъ бы то ни было признаковъ попытокъ употребить ихъ на подѣлки заставляютъ предполагать въ этомъ случаѣ предсмертную борьбу и, конечно, не съ какими-нибудь хищными животными, такъ какъ въ этомъ случаѣ расположеніе костей было бы иное и на нихъ были бы замѣтны слѣды зубовъ. Правда, здѣсь не найдено никакого орудія, которымъ можно было бы убить мамонта, но вѣдь орудія могли быть и таковы, что не имѣли возможности такъ долго сохраниться въ землѣ, или они могли быть унесены владѣльцами, какъ предметы цѣнные. Не найдено вѣдь и ничего такого, чѣмъ можно было бы раздробить черепъ и трубчатыя кости мамонта, а между тѣмъ это раздробленіе — фактъ. Но какъ бы то ни было, если даже мы допустимъ, что этотъ мамонтъ не былъ убитъ человѣкомъ, а былъ найденъ уже въ видѣ трупа, то все же очевидно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя части мамонта были съѣдены современнымъ ему человѣкомъ. Думать, что мамонтъ могъ сохраниться въ замороженномъ состояніи и затѣмъ быть съѣденнымъ человѣкомъ, жившимъ позднѣе, едва ли возможно по отношенію къ мѣстности, лежащей около Томска. Такимъ образомъ описанная находка представляетъ намъ хотя неполную, но живую и новую картину изъ того отдаленнаго прошлаго, котораго хронологическую давность едва ли кто-либо рѣшиться опредѣлить. Она представляетъ намъ отрывокъ изъ жизни человѣка каменнаго періода, остатки его пиршества, состоявшагося, по всей вѣроятности, послѣ удачной охоты.

Digitized by Google

Къ изслѣдованію бассейна Виліи въ археологическомъ отношеніи.

Ѳ. В. Покровскаго.

Начатое нами по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ 1893 году [1]) производство археологическихъ изысканій на границѣ современной Литвы и Бѣлоруссіи доведено было въ 1894 году [2]) до того мѣста, гдѣ граница эта дѣлаетъ крутой поворотъ на западъ. Отсюда направленіе ея опредѣляется приблизительно 55° сѣв. широты, при чемъ непосредственно прилегающими къ ней мѣстами являются съ С. районы Свенцянской и Михайловской волостей, отчасти обслѣдованные нами уже въ 1894 году, а съ Ю. — Александровская волость, Свенцянскаго у., и сосѣдняя съ нею площадь, которая ограничивается съ В. озеромъ Нарочь, а съ З. рѣкою Виліей, на пространствѣ ея теченія отъ 54°40′ до 54°50′ с. ш. Эта площадь, съ присоединеніемъ сюда Александровскаго волостного района, и была мѣстомъ нашихъ археологическихъ изысканій въ настоящемъ 1895 г. Главнымъ объектомъ наблюденій на этомъ пространствѣ служили курганы, хотя не оставлены были безъ вниманія и другіе, оказавшіеся здѣсь, археологическіе памятники, именно: мѣста старыхъ — доисторическихъ поселеній, кремневыя мастерскія и предметы каменнаго вѣка. Помѣщаемое ниже описаніе археологическихъ памятниковъ и представляетъ результатъ нашихъ археологическихъ наблюденій въ 1895 г.

А. Курганы.

Курганы представляютъ для нашихъ мѣстъ самый распространенный изъ археологическихъ памятниковъ. На отмѣченномъ выше, подлежавшемъ обслѣдованію, районѣ который легко изучить по прилагаемой при семъ картѣ (рис. 11) они наблюдались въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на кладбищѣ села Занарочь, 2) на полѣ деревни Выголенты, 3) на берегу р. Виліи, близъ дер. Рымшанцы, 4) на запущенномъ полѣ и

---

[1]) Труды Виленскаго Археологическаго Съѣзда, т. I, стр. 166 и сл.
[2]) Ibid. т. II, стр. 50 и сл.

Digitized by Google

въ лѣсу, близъ села Засвири, 5) близъ дер. Гузковъ, 6) въ лѣсныхъ урочищахъ — Тущѣ и Погорѣльѣ, близъ дер. Понизья, 7) на полѣ, близъ заст. Черная Лужа,

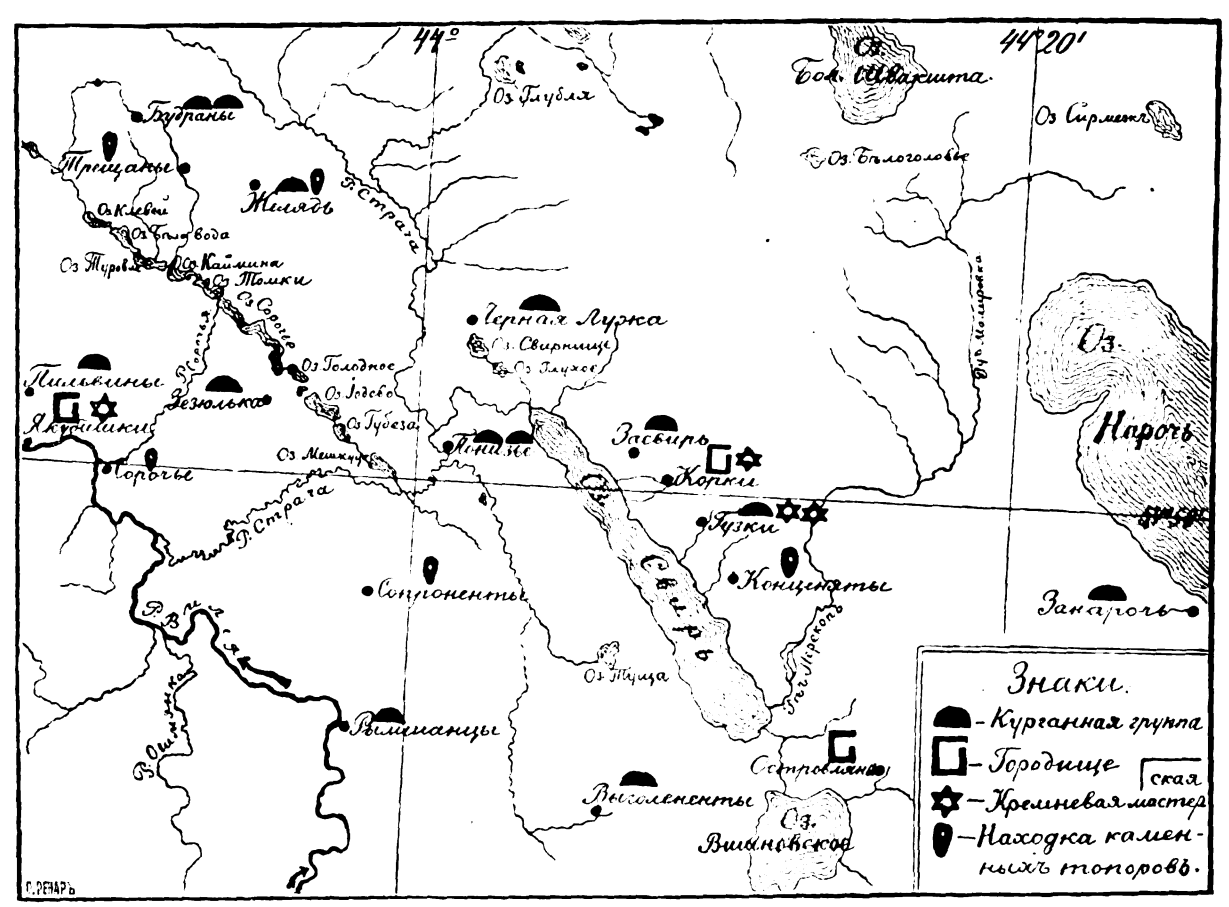


Рис. 11.

8) на пасѣкѣ, близъ дер. Пальвины, 9) близъ лѣсничевки Зезюльки, въ им. Сидоршикахъ, 10) близъ мѣст. Желяди и 11) въ казенномъ и помѣщичьемъ лѣсу, близъ дер. Будранъ.

I. Занарочскіе курганы.

Село Занарочь расположено на низменномъ юго-западномъ берегу озера Нарочь, подъ 54°48′, приблизительно, сѣверной широты и подъ 44°26′ в. д. По обнародованнымъ ранѣе свѣдѣніямъ [1]) курганы занарочскаго района находятся въ двухъ мѣстахъ, именно: 17 кургановъ на занарочскомъ кладбищѣ и нѣсколько кургановъ въ лѣсу им. Августово, находящемся въ двухъ верстахъ отъ села, на берегу того же

[1]) Ѳ. Покровскій. Археологическая карта Виленской губерніи. Вильна, 1893 г., стр. 32—33.

Digitized by Google

озера Нарочь. Августовскіе курганы въ пятидесятыхъ годахъ были отчасти изслѣдованы Киркоромъ[1]), который о происхожденіи ихъ сообщаетъ легенду, пріурочившую эти курганы ко времени чумы.

По наблюденіямъ же самого Киркора, занарочскіе курганы—стародавнія языческія могилы. Два изъ августовскихъ кургановъ были Киркоромъ раскопаны. На глубинѣ, приблизительно, сажени въ обоихъ курганахъ найдено было по глиняному горшку съ пепломъ пережженыхъ костей.

При первоначальномъ осмотрѣ занятой занарочскими курганами и прилегающей къ нимъ площади наше вниманіе невольно поражено было обиліемъ сферическихъ и овальныхъ холмовъ, производящихъ полнѣйшую иллюзію погребальныхъ кургановъ. Холмы указанной формы прилегаютъ къ восточной сторонѣ села Занарочи и къ западной деревни Близниковъ (названіе второй половины села) и даютъ такимъ образомъ основаніе считать занарочскую-кладбищенскую группу за незначительную часть громаднаго могильника, протягивавшагося неширокою, впрочемъ, полосою на разстояніе, по крайней мѣрѣ, версты. — Точно такъ же и въ Августовскомъ лѣсу курганообразные холмы занимаютъ площадь около квадратной версты. — Холмы близъ с. Занарочи, при незначительныхъ, въ большинствѣ случаевъ, размѣрахъ, расположены одинъ возлѣ другого, августовскіе же раздѣлены по лѣсу или по одиночкѣ, или группами въ нѣсколько штукъ. При изслѣдованіи занарочскихъ кургановъ раскопано было (нѣкоторые — вполнѣ, а другіе — отчасти) и шесть курганообразныхъ холмовъ, — три — близъ Занарочи и три — въ августовскомъ лѣсу, при чемъ получились слѣдующіе результаты: всѣ холмы круглые за исключеніемъ одного овальной формы; въ окружности они имѣютъ отъ 20 до 31 шаговъ. Почва вездѣ песчаная, вслѣдствіе чего холмы во многихъ мѣстахъ замѣтно разрушены и разрушаются вѣтромъ. Подъ покровомъ, толщиною въ шесть вершковъ, культурный слой, въ видѣ черной земли съ примѣсью черепковъ гончарной работы, обломковъ кирпича, черепковъ отъ сосудовъ и костей.

Приведенныя данныя отрицаютъ, такимъ образомъ, возможность причисленія разсматриваемыхъ холмовъ къ категоріи погребальныхъ кургановъ и заставляютъ признать ихъ за естественныя образованія, — по всей вѣроятности, — дюны, образовавшіяся еще въ то время, когда занятая холмами мѣстность была свободна отъ лѣсныхъ зарослей. Въ виду общеизвѣстнаго свободнаго отношенія къ фактамъ Киркора, едва ли не должна быть признана естественность происхожденія и тѣхъ двухъ (по нашимъ наблюденіямъ и свидѣтельству очевидцевъ — одного) „кургановъ", по поводу раскопки которыхъ Киркоръ заявляетъ, что въ августовскихъ курганахъ попадаются урны съ костями.

Такимъ образомъ за несомнѣнно погребальные курганы въ Занарочскомъ районѣ могутъ быть признаны только тѣ холмы, которые находятся на теперешнемъ Занарочскомъ кладбищѣ, и изъ которыхъ нѣкоторые уже заняты позднѣйшими могилами.

---

[1]) Biblioteka Warszawska, 1855. Z. CLXXIV.

Digitized by Google

Мѣстный народъ называетъ курганы „колотовками“ [1]) и это названіе прилагаетъ лишь къ курганамъ, находящимся на кладбищѣ, въ августовскомъ же лѣсу подъ этимъ именемъ слыветъ лишь одинъ холмъ, перерытый накрестъ Киркоромъ.

Въ виду положенія кургановъ на кладбищѣ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ даже заняты позднѣйшими могилами, мы не считали умѣстнымъ долго останавливаться на этихъ курганахъ и ограничились раскопкою лишь трехъ изъ нихъ, болѣе другихъ удаленныхъ отъ современныхъ могилъ.

Курганъ № 1-й.

Окружность 30 шаговъ. Поперечникъ 11 арш. 6 в. Высота 1 арш. 9 вершк. Рвовъ кругомъ незамѣтно.

На самой вершинѣ кургана глиняный сосудъ лѣпной работы изъ желтоватой, глины, въ формѣ усѣченнаго конуса съ слабо-выпуклыми, впрочемъ, боками. Сосудъ былъ наполненъ жжеными костями и прикрытъ сверху перевернутымъ вверхъ дномъ, такой же формы и качества, сосудомъ. Вслѣдствіе положенія сосудовъ на самой поверхности кургана (дно сосуда проросло даже дерномъ), а также взаимнаго ихъ положенія, оба сосуда оказались во время раскопки въ состояніи почти полнаго разрушенія, и величина ихъ можетъ быть опредѣлена лишь приблизительно. Діаметръ дна сосуда-урны около 120 mm, а высота около 230 mm; діаметръ дна сосуда-крышки миллиметровъ около 300, а половина окружности его отверстія около 350 mm; высота этого второго сосуда должна быть нѣсколько болѣе высоты перваго. — Въ небольшомъ разстояніи на З. отъ центра кургана оказался третій подобный же сосудъ. Онъ былъ перевернутъ вверхъ дномъ такимъ образомъ, что послѣднее совпадало съ поверхностью грунта.

Какъ одинъ изъ верхнихъ и этотъ сосудъ былъ наполненъ жжеными костями, съ тѣмъ, впрочемъ различіемъ, что здѣсь костей значительно больше и онѣ крупнѣе. Послѣднее обстоятельство, въ связи съ другими аналогичными фактами [2]), даетъ основаніе видѣть въ содержимомъ послѣдняго сосуда остатки тризны или же, можетъ-быть, животной жертвы; тогда какъ кости, оказавшіяся въ сосудѣ — на поверхности кургана, по всей вѣроятности, остатокъ погребальнаго костра.

Курганъ № 2-й (овальный).

Окружность 32 шага. Длина, съ С.-В. на Ю.-З., 12 арш. 9 вершк. Ширина 9 арш. 7 вершк. Высота 1 арш. 11 вершк. Ровъ едва замѣтенъ лишь съ западной стороны.

По грунту — слой темной земли, которая около центра кургана переходитъ въ совершенно черный цвѣтъ (по всей вѣроятности, органическій перегной); здѣсь же

---

[1]) Можетъ-быть, искаженное „волотовка“, а можетъ-быть и отъ слова колотить, бить (на войнѣ).

[2]) Ѳ. Покровскій. Археологическія экскурсіи по Виленской губерніи. Вильна, 1893, стр. 39—40.

Digitized by Google

и самый грунтъ нѣсколько понижается. Въ западной половинѣ кургана, на высотѣ двѣнадцати вершковъ надъ грунтомъ, — слой золы съ мелкими углями. Въ сѣверо-восточной части кургана, на грунтѣ, найдены два маленькихъ осколка черепка.

Курганъ № 3-й[1]).

Окружность 56 шаговъ. Поперечникъ 15 арш. 8 вершк. Высота 1 арш. 13 вершк. Курганъ былъ, очевидно, окруженъ кольцомъ симметрично расположенныхъ ямъ и всходовъ, изъ которыхъ три ямы и два всхода между ними довольно ясно замѣтны съ Ю.-В., Ю. и Ю.-З.

Периферіи курганной насыпи состоятъ изъ темной земли, и слой такой же земли наблюдается по всему грунту надъ насыпью. Въ сѣверной части кургана, на высотѣ одного аршина надъ курганомъ,—кучка очень мелкихъ жженыхъ костей.

Примѣчанія.

Средняя величина кургановъ этой мѣстности, на основаніи произведенныхъ измѣреній опредѣляется слѣдующими размѣрами: окружность 39 арш., поперечникъ 12 арш. 3 вершк., высота 1 арш. 11 вершк. Преобладающая форма кургановъ — сферическій сегментъ; есть также, какъ напр. № 2-й, и овальные курганы.

Насыпь, — однородный съ сосѣднею почвою желтый сыпучій песокъ, чѣмъ, вѣроятно, объясняется и почти полное уничтоженіе окружающихъ курганы рвовъ.

Обрядъ погребенія — трупосожженіе внѣ кургана и помѣщеніе праха вверху курганной насыпи то въ глиняной урнѣ, то непосредственно въ землѣ.

Вѣроятные слѣды (курганъ № 1) жертвы или, можетъ-быть, тризны.

Полное отсутствіе бытовыхъ предметовъ.

Въ виду незначительнаго количества раскопанныхъ (по указаннымъ выше причинамъ) кургановъ, указанныя сейчасъ общія положенія должны быть принимаемы съ ограниченіемъ.

II. Выголенентскіе курганы.

Дер. Выголененты (народн. — Выголеняты) — Вишневской волости, Свенцянскаго уѣзда. Положеніе ея опредѣляется приблизительно 44°7′ в. д. и 54°43′ с. ш. Курганы находятся въ разстояніи версты на С.-В. отъ деревни, на каменистомъ полѣ, которое, вслѣдствіе безплодія почвы, засѣвается не болѣе одного раза въ пять лѣтъ. По болѣе раннимъ различнымъ свѣдѣніямъ[2]) число здѣшнихъ кургановъ опредѣляется въ одинъ — два десятка, на самомъ же дѣлѣ здѣсь ихъ всего четыре, изъ которыхъ

[1]) Вершина кургана разрыта мѣстнымъ псаломщикомъ.

[2]) Ѳ. Покровскій. Археологическая карта Виленской губерніи, въ Трудахъ Вилен. Отд. Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. 1893 г.

Digitized by Google

три одинаковой приблизительно величины (окружность 35 шаговъ) и одинъ большій. Форма кургановъ — правильный сферическій сегментъ, и всѣ они имѣютъ на своей поверхности прикрытый уже дерномъ сплошной каменный покровъ изъ крупныхъ булыжниковъ.

Курганы, или, по мѣстному названію, окопы, по мнѣнія народа, остались отъ французовъ и были сооружены въ качествѣ постаментовъ для орудій. Народъ убѣжденъ, что въ курганахъ скрыты сокровища, что и вызвало раскопку ихъ сосѣднимъ помѣщикомъ, по заявленію котораго однакожъ ничего, даже костей, не было найдено. Не богаче по результатамъ оказалась и произведенная нами раскопка двухъ кургановъ, хотя, по свидѣтельству крестьянъ, при запашкахъ окружающей курганы мѣстности находили желѣзные предметы наподобіе копій.

III. Рымшанскіе курганы.

Дер. Рымшанцы, прежде Нестанишской, а теперь Вишневской волости, Свенцянскаго уѣзда, расположена на берегу Виліи, въ томъ приблизительно мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ 54°45′ параллель. Курганы находятся въ разстояніи полуверсты на Ю. отъ деревни, на крестьянской землѣ дер. Нестанишекъ. Разстояніе ихъ отъ праваго берега р. Виліи не болѣе 100 саженей. Всѣхъ кургановъ насчитывается — семь. Шесть изъ нихъ расположены по одной прямой линіи, въ направленіи съ С. на Ю., при чемъ первые четыре, считая съ С., находятся одинъ отъ другого въ разстояніи около 30 шаговъ, разстояніе же между четвертымъ и пятымъ, и пятымъ и шестымъ вчетверо больше (120 шаговъ). Седьмой курганъ находится въ десяти саженяхъ къ З. отъ перваго — сѣвернаго. Явственные и до сихъ поръ слѣды поля на занимаемой курганами площади и песчаная почва достаточно выясняютъ причину, почему рымшанскіе курганы въ настоящемъ своемъ состояніи не достигаютъ вѣроятно половины своей превоначальной высоты; особенно сильному разрушенію подверглись южные курганы, гдѣ только при внимательномъ наблюденіи возможно различить нѣкоторый подъемъ ихъ надъ уровнемъ сосѣдней почвы.

Мѣстные жители называютъ курганы „колотовками“ и, не придавая имъ вообще особеннаго значенія, считаютъ ихъ военными могилами.

О существованіи рымшанскихъ кургановъ, до настоящаго ихъ изслѣдованія, никакихъ свѣдѣній въ археологической литературѣ не имѣлось, и мы на курганы эти напали совершенно случайно. Цѣлію нашей поѣздки въ данномъ случаѣ были курганы при дер. Сопроненты, которые мѣстными крестьянами называются „копцами“, но которые оказались не насыпными курганами, а случайно образовавшимися возвышеніями.

Въ Рымшанской группѣ раскопано было нами четыре, съ слѣдующими результатами, кургана.

Digitized by Google

Курганъ № 1-й.

Окружность 50 шаговъ. Поперечникъ 16 арш. 8 вершк. Высота 1 арш. 4 в. На вершинѣ кургана углубленіе. По бокамъ курганъ обложенъ камнями. Рвовъ кругомъ незамѣтно: по всей вѣроятности, они уничтожились во время запашки здѣсь поля.

Подъ курганной насыпью, по грунту, черный пластъ съ крупными, по мѣстамъ, вкрапинами изъ красной (обожженной) земли и древесныхъ углей. Подобный же пластъ наблюдается и въ самой насыпи кургана, — въ западной ея половинѣ. Этотъ послѣдній, начинаясь близъ западной периферіи на высотѣ шести вершковъ надъ грунтомъ, состоитъ сначала изъ темной земли, ближе же къ срединѣ въ немъ преобладаетъ красная (жженая) земля, а въ самомъ центрѣ, гдѣ этотъ пластъ поднимается до десяти вершковъ надъ уровнемъ почвы, онъ состоитъ изъ земли чернаго цвѣта. Въ юго-западной части кургана, на грунтѣ найденъ былъ обломокъ гвоздевиднаго, четырехграннаго стержня. Въ сѣверо-восточной периферіи кургана, на грунтѣ, найденъ конскій зубъ. Въ направленіи на Ю.-З. отъ центра, — въ углубляющейся въ грунтѣ ямѣ, — оказалось большое количество жженыхъ костей, среди которыхъ найдены два безформенныхъ слитка бронзы, четыре небольшихъ обломка листовой бронзы и желѣзная пряжка круглой удлиненной формы, съ параллельными продольными краями. Шпинёкъ вращался на тончайшей изъ продольныхъ сторонъ.

Курганъ № 2-й.

Окружность 35 шаговъ. Поперечникъ 12 арш. 4 вершка. Высота 1 арш. 7 вершк. На вершинѣ едва замѣтное углубленіе. Съ боковъ курганъ обложенъ камнями. Рвовъ кругомъ незамѣтно: вѣроятно они уничтожены распашкой.

Въ центрѣ кургана — углубляющійся нѣсколько въ грунтъ пластъ черной земли; здѣсь же курганная насыпь до высоты двѣнадцати вершковъ надъ грунтомъ перемѣшана съ мелкими жжеными костями, и въ ней найдены три такихъ же, какъ и въ предыдущемъ курганѣ, обломка листовой бронзы, но еще меньшихъ размѣровъ.

Курганъ № 3-й.

Окружность 60 шаговъ. Поперечникъ 20 арш. Высота 1 арш. 4 в. На вершинѣ кургана — впадина, по бокамъ — камни. Рвовъ также незамѣтно.

Въ срединѣ кургана, на высотѣ грунта, — конскія кости въ безпорядкѣ, поверхъ которыхъ, также въ безпорядкѣ, нѣсколько значительной величины камней. Подъ лошадиными костями, въ вырытой въ грунтѣ ямѣ, песокъ перемѣшанъ съ мелкими жжеными костями.

Курганъ № 4-й.

Окружность 44 шага. Поперечникъ 13 арш. 7 в. Высота 1 арш. 4 в. На вершинѣ кургана впадина, а по бокамъ онъ обложенъ камнями. Рвовъ незамѣтно.

Digitized by Google

Въ срединѣ, на поверхности кургана, — три камня; подъ ними черная земля съ углями. Въ центрѣ кургана, — яма въ грунтѣ, но въ заполняющей ее землѣ ни костей ни другихъ какихъ-либо предметовъ не оказалось.

Примѣчанія.

Измѣренія раскопанныхъ кургановъ даютъ слѣдующую среднюю величину для рымшанскихъ кургановъ: окружность 47 шаг., поперечникъ 15 арш. 9 в., высота 1 арш. 5 в. Незначительная высота кургановъ, сравнительно съ размѣрами ихъ въ горизонтальномъ направленіи, кромѣ возможнаго естественнаго разрушенія и порчи кургановъ во время запашекъ должна быть объясняема, кажется, и первоначальною формою кургановъ, т.-е. и при самомъ возникновеніи рымшанскіе курганы имѣли, вѣроятно, форму весьма невысокихъ сферическихъ сегментовъ.

На вершинѣ всѣхъ, по крайней мѣрѣ, раскопанныхъ кургановъ наблюдается небольшое пониженіе почвы. Пониженіе это принадлежитъ далекому прошлому и не есть слѣдствіе преднамѣренной порчи кургановъ, а, очевидно, — результатъ погребенія праха не на самой почвѣ, а въ грунтовой ямѣ. Часть курганной насыпи, приходившаяся надъ погребальною ямою, подвержена была, очевидно, большему осѣданію, вслѣдствіе чего въ этой части и должно было, на первыхъ же порахъ существованія кургана, обнаружиться пониженіе.

Всѣ курганы по бокамъ обложены камнями.

Полное уничтоженіе окружавшихъ курганы рвовъ можно, кажется, объяснить незначительною глубиною этихъ послѣднихъ, которая, въ свою очередь, можетъ быть объяснена отчасти незначительнымъ объемомъ курганныхъ насыпей, а главнымъ образомъ тѣмъ, что насыпь, кромѣ извлеченной изо рва земли, составлялась также и изъ земли, вынятой изъ могильной ямы, и, повидимому, изъ почвы, взятой съ мѣста погребальнаго костра.

Обрядъ погребенія — трупосожженіе внѣ кургана. Погребальный костеръ находился, повидимому, вблизи мѣста предполагаемаго кургана, о чемъ можно догадываться на основаніи расположенія жженыхъ костей въ курганахъ и по пятнамъ красной и черной, вообще перегорѣлой земли въ курганныхъ насыпяхъ. Въ курганахъ, напримѣръ, второмъ и третьемъ, жженыя кости перемѣшаны съ пескомъ такимъ образомъ, что онѣ какъ будто вмѣстѣ съ этимъ пескомъ перекинуты съ погребальнаго костра въ курганъ просто лопатой. Точно такъ же верхній слой темной и красной земли въ первомъ кургавѣ не можетъ быть объясняемъ въ качествѣ остатковъ бывшаго здѣсь костра, а вѣроятно, при возведеніи насыпи до высоты этого слоя, случайно перекинута была сюда перегорѣлая земля съ мѣста погребальнаго костра. — Во всѣхъ курганахъ остатки праха, по крайней мѣрѣ, въ большей ихъ части, помѣщаются въ неглубокой грунтовой ямѣ; при чемъ ни въ одномъ случаѣ не только не обнаружено присутствія погребальныхъ урнъ, но даже не наблюдается болѣе или менѣе тщательной укладки праха: наоборотъ, кости, какъ сейчасъ выше замѣчено, безъ всякаго порядка перемѣшаны съ пескомъ насыпи.

Digitized by Google

Обрядъ погребенія сопровождался, повидимому, жертвоприношеніемъ коня, какъ объ этомъ можно судить по находкамъ конскихъ костей отчасти въ первомъ, а главнымъ образомъ, въ третьемъ курганѣ. Состояніе и количество конскихъ костей въ третьемъ курганѣ показываютъ, что конь предъ погруженіемъ въ курганъ не подвергался сожженію на кострѣ, и равнымъ образомъ не цѣликомъ помѣщался въ курганѣ, а, повидимому, дѣлился на части, изъ которыхъ однѣ зарывались въ курганъ вмѣстѣ съ останками праха, а другія, можетъ-быть, сожигались въ качествѣ жертвы, или, можетъ-быть, употреблялись во время тризны.

Со стороны находокъ предметовъ личнаго наряда а также и бытовыхъ рымшанскіе курганы поражаютъ крайнею бѣдностію, которая обусловливается, по всей вѣроятности, не самымъ обрядомъ погребенія, а вѣроятною бѣдностію погребенныхъ въ курганахъ людей. Не достигающая и десятка кургановъ рымшанская группа, очевидно, принадлежала небольшому поселку въ нѣсколько дворовъ, и, по естественному порядку вещей, народъ въ такомъ захолустьѣ не могъ отличаться ни богатствомъ наряда, ни разнообразіемъ бытовыхъ предметовъ.

IV. Засвирскіе курганы.

Село Засвиры, Свирской волости, Свенцянскаго уѣзда, расположено на восточномъ берегу озера Свирь, верстахъ въ пяти отъ сѣверной его оконечности. Географическое положеніе села опредѣляется, приблизительно, 54°51′ с. ш. и 44°8′ в. д.

Курганы разбросаны на обширной, въ нѣсколько десятинъ, площади, непосредственно прилегающей къ селу съ юго-западной стороны. Площадь, занятая курганами, можетъ быть названа скорѣе холмистою, нежели ровною, и въ общемъ представляетъ нѣкоторую покатость въ направленіи къ озеру Свирь, которое находится отъ кургановъ въ разстояніи не болѣе полуверсты. Наибольшая, восточная, часть занятой курганами площади составляетъ въ настоящее время церковную собственность; бывшая прежде подъ полемъ, теперь она представляетъ пустырь. Западная часть принадлежитъ казнѣ и находится подъ лѣсомъ.

Всѣхъ кургановъ въ засвирской группѣ насчитывается до двухсотъ: изъ этого числа около восьмидесяти расположены въ казенномъ лѣсу (рис. 12), а остальные на церковной землѣ, — бывшемъ, а отчасти и теперь существующемъ, полѣ. Въ этомъ же числѣ должны быть отмѣчены и три кургана, находящіеся въ названномъ лѣсу, за такъ называемымъ „Шлыковымъ“ болотомъ, прилегающимъ къ главной группѣ съ западной стороны.

По своимъ размѣрамъ Засвирскіе курганы могутъ быть причислены къ разряду кургановъ средней величины: окружность ихъ колеблется въ предѣлахъ 65 — 20 шаговъ, а высота ни въ одномъ случаѣ не достигаетъ даже и двухъ аршинъ.

Форма кургановъ — сферическій сегментъ и лишь два-три кургана насыпаны на четырехугольномъ, повидимому, основаніи. Рвы, окружающіе курганы, то пред-

Digitized by Google

ставляютъ рядъ круглыхъ ямъ, расположенныхъ по правильной окружности при основаніи кургана, то образуютъ правильное кольцо, въ большинствѣ случаевъ, съ четырьмя перерывами — всходами. Всходы въ послѣднемъ случаѣ всегда правильно оріентированы по странамъ свѣта. У нѣкоторыхъ кургановъ кольцеобразный, раздѣленный всходами на четыре части, ровъ замѣняется четырьмя, обыкновенно, овальными, расположенными съ противоположныхъ сторонъ, ямами, при чемъ однако курганная насыпь не теряетъ своей сферической формы.

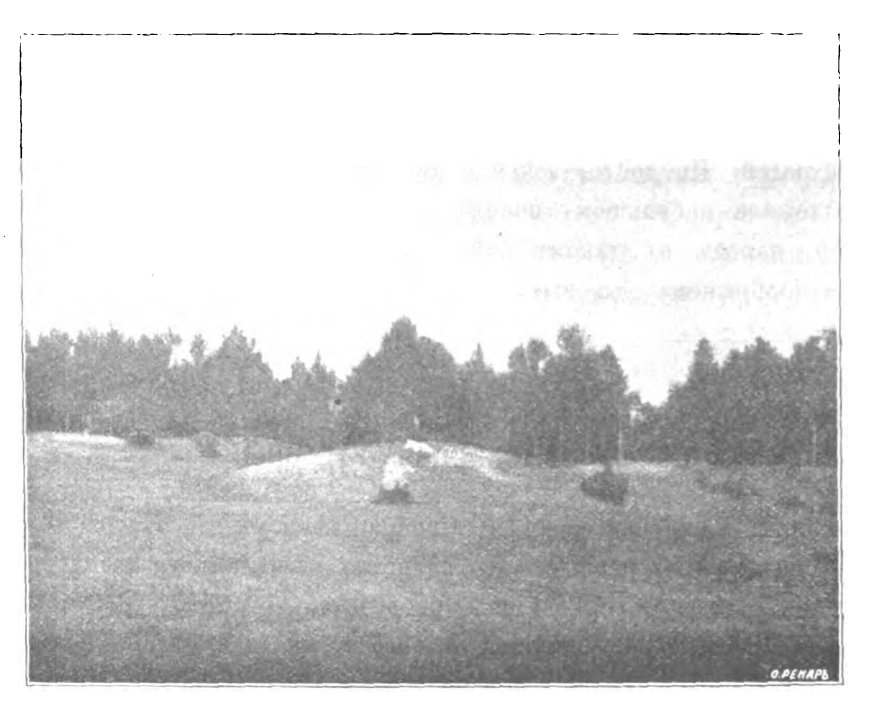


Рис. 12.

Что касается взаимнаго расположенія кургановъ, то лучше сохранившіеся изъ нихъ (именно, находящіеся въ казенномъ лѣсу) производятъ впечатлѣніе скученности: многіе изъ нихъ настолько близко расположены одинъ въ отношеніи другого, что правильность ихъ рвовъ, а также и всходовъ, иногда исчезаетъ, такъ какъ и тѣ и другіе являются въ такомъ случаѣ общими для двухъ сосѣднихъ кургановъ. Также въ близкомъ разстояніи между собою находятся и тѣ изъ кургановъ, расположенныхъ на церковной землѣ, которые прилегаютъ непосредственно къ лѣсу; находящіеся же въ сѣверо-восточной периферіи группы разбросаны поодиночкѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ аршинъ, а иногда и саженей одинъ отъ другого. Впрочемъ послѣднее обстоятельство едва ли не результатъ существовавшаго, а отчасти и теперь находящагося здѣсь поля, при запашкахъ котораго многіе изъ кургановъ уничтожены.

У мѣстныхъ жителей Засвирскіе курганы называются то просто буграми, то копцами, и происхожденіе ихъ, по обычному для этихъ мѣстъ представленію, пріурочивается къ Шведскимъ войнамъ.

Въ Засвирской группѣ нами раскопано двадцать кургановъ.

Digitized by Google

Курганъ № 1-й.

Окружность 45 шаговъ. Поперечникъ, черезъ верхъ, 15 арш. 12 вершк. Высота насыпи надъ грунтомъ 1 арш. 2 вершка. Ровъ, почти прямой, уцѣлѣлъ съ сѣверной стороны и часть (яма) такого же вѣроятно рва замѣтна съ В.; всходы уцѣлѣли съ С.-В. и С.-З.

По грунту — темная прослойка, гдѣ, въ разстояніи полутора аршинъ на С.-С.-З. отъ центра, оказались древесные угли. Въ самомъ центрѣ кургана, надъ грунтомъ, — двѣ-три жженыхъ косточки. Въ разстояніи 3 арш. 7 вершк. на Ю. отъ центра, также на грунтѣ, — кучка жженыхъ костей, среди которыхъ помѣщались: желѣзные ножикъ и шило, двѣ глиняныхъ пряслицы и обломки бронзовой пластинчатой гривны. — Ножикъ и шило простой, обычной формы. Пряслицы имѣютъ на боковой поверхности одного изъ нихъ пять, параллельныхъ основанію, нарѣзовъ, образующихъ шесть рельефныхъ кольцеобразныхъ рубцовъ; боковая же поверхность второго орнаментирована двумя мелкими желобками. Нѣкоторую характерность представляетъ орнаментъ первой пряслицы, наблюдавшійся нами, кромѣ имѣющихъ быть отмѣченными ниже фактовъ, прежде всего лишь въ трехъ случаяхъ[1]). Обломки гривны, которые носятъ на себѣ явные слѣды огня, ясно опредѣляютъ форму предмета, остатки котораго они составляютъ, — это пластинчатый шейный обручъ, состоявшій изъ стержня, сзади круглаго, толщиною около 4^{mm}, а спереди расклепаннаго въ желобчатыя серповидныя пластины. Лицевая сторона пластинъ обработана въ формѣ двуграннаго угла. Ни орнамента, ни слѣдовъ обычныхъ для такихъ пластинъ подвѣсокъ не наблюдается. Въ общемъ, предметъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, особенно, для кургановъ сѣверо-западной Россіи.

Курганъ № 2-й.

Окружность 38 шаговъ. Поперечникъ 13 арш. 7 вершк. Высота 1 арш. 4 в. Ровъ замѣтенъ съ западной, южной и сѣверо-восточной сторонъ.

По грунту — слой черной земли съ угольными вкрапинами. Болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, углей въ этомъ слоѣ наблюдается на Ю. отъ центра кургана. Въ самомъ центрѣ, на грунтѣ, кучка жженыхъ костей, поверхъ которыхъ были компактно уложены желѣзные топоръ, копье и ножъ и около нихъ — бронзовая пряжка и шпинекъ къ ней. — Топоръ (рис. 13) изъ разряда узкоклинковыхъ; длина его 180^{mm}, длина обуха, по направленію топорища, 70^{mm}, длина лезвея, по направленію хорды, 62^{mm}. — Копье имѣетъ въ длину 97 (втулка)+213=310^{mm}, наибольшая ширина клинка 42^{mm}. Втулка конической формы; клинокъ — въ формѣ эллипсиса съ непропорціонально вытянутымъ въ сторону носка краемъ. До половины почти клинка и какъ бы служа продолженіемъ втулки, идетъ выпуклина, отчасти напоминающая одно-

---

[1]) Подобной формы пряслицы найдены были нами въ 1892 году въ им. Серливнтахъ, Виленскаго у., и въ 1894 году въ м. Линтупахъ, Свенцянскаго у. Ѳ. Покровскій. Археологическія экскурсіи по Виленской губ. Вильна, 1893 г., стр. 30 и Труды Виленскаго Археологическаго Съѣзда. Томъ II. Въ 1895 году такая же пряслица доставлена была въ Им. Арх. Комиссію изъ Трокскаго у., Виленской губ.

Digitized by Google

именныя особенности, наблюдаемыя въ бронзовыхъ копіяхъ и, отчасти, въ желѣзныхъ[1]). — Всѣ три предмета хорошей сохранности и носятъ слѣды тщательной ра-

Рис. 13.

боты. — Пряжка (табл. 1, фиг. 1), величиною приблизительно въ 60×40 к. милл., продолговатая, съ переднею частью, обработанной въ формѣ широкой желобчатой пластины, которая съ лицевой стороны орнаментировона гнѣздами поперечныхъ нарѣзныхъ линій и поперечными также желобками. Игла представляетъ ту особенность, что она прикрѣплена была не къ пряжкѣ, а, судя по тремъ пробоинамъ на ея пластинчатой верхушкѣ, непосредственно къ самому застегиваемому предмету, — поясу, платью и пр.

Курганъ № 3-й.

Окружность 25 шаговъ. Поперечникъ 8 арш. 8 в. Высота 1 арш. 4 в. При основаніи кургана, съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ, замѣтны ямы.

По грунту, подъ насыпью, — слой черной земли, въ центрѣ котораго лежали въ беспорядкѣ желѣзные, — топоръ, копье, ножъ, кресало, и бронзовые, — пряжка, кольцо и бубенчикъ. Топоръ — изъ разряда ширококлинковъ; длина его — 162^{mm}, ширина, по направленію хорды лезвея, 95^{mm}, а по обуху — 65^{mm}. Нѣкоторую характерность топора представляетъ сравнительная правильность ограничивающихъ его края кривыхъ линій. Копье длиною въ 300^{mm}; трубчатая втулка (100^{mm}) конической формы; клинокъ въ формѣ четырехгранной пирамиды съ ромбоидальною площадью. Ножъ простой, длиною въ 115^{mm}. Кресало — наиболѣе распространенной эллиптической формы съ такимъ же прорѣзомъ посрединѣ. Пряжка (табл. 1, фиг. 2) вылита въ видѣ массивнаго, эллиптической — въ поперечномъ разрѣзѣ — формы стержня, съ посъ постепеннымъ утолщеніемъ отъ средины къ оконечностямъ, и имѣетъ кольцеобразную форму. Внѣшній діаметръ кольца — 42^{mm}, внутренній — 26^{mm}. Съ лицевой стороны пряжка орнаментирована завитками изъ нарѣзныхъ линій; игла изъ круглой проволоки обхватываетъ пряжку въ видѣ широкой пластины. По своей формѣ и орнаменту пряжка эта совершенно одинакова съ найденною на Дрогичинскомъ горо-

---

[1]) Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien №№ 850—3. ср. Матеріалы по археологіи Россіи, № 10. Т. X, 33.

Digitized by Google

дищѣ [1]). Кольцо — замкнутое, изъ круглой проволоки. Бубенчикъ четырехлепестковый весьма миніатюренъ и, по своему назначенію, несомнѣнно, аналогиченъ съ тѣми, которые въ большомъ количествѣ наблюдаются на нагрудныхъ подвѣскахъ — цѣпяхъ, находимыхъ въ Люцинскомъ и въ другихъ этого типа могильникахъ [2]).

Курганъ № 4-й.

Окружность 35 шаговъ. Поперечникъ 13 арш. Высота 1 арш. 5 в. Кругомъ кургана едва замѣтный ровъ.

Начиная отъ центра кургана по направленію на З., по грунту, слой мелкихъ жженыхъ костей, среди которыхъ найдены желѣзные удила и серпъ. Удила, простой формы, состоятъ изъ двухъ круглыхъ колецъ, соединенныхъ посредствомъ двухъ стержней. Толщина каждаго кольца 8^{mm}, а внѣшній діаметръ — 60^{mm}; длина стержня, при нѣсколько большей сравнительно съ кольцами толщинѣ, — 100^{mm}. Такой же обычно-простой формы и серпъ. Совмѣстная находка въ курганѣ серпа и удилъ, *при отсутствіи другихъ предметовъ,* характеризуетъ описанный курганъ, какъ одинъ изъ тѣхъ, которые цѣлыми группами встрѣчаются въ Литовской половинѣ Виленской губерніи. При описаніи одной изъ такихъ группъ [3]) мы имѣли случай замѣтить, что подобные курганы ни въ хронологическомъ ни въ этнографическомъ отношеніи не составляютъ самостоятельнаго явленія сравнительно съ курганами, характеризующимися находками оружія и предметовъ личнаго наряда, и принадлежатъ лишь тѣмъ лицамъ, которыя должны были, можетъ-быть, отбывать военную повинность въ кавалерійскомъ строю. Нахожденіе описаннаго — „кавалерійскаго“ кургана въ данномъ случаѣ среди другихъ обычныхъ кургановъ, кажется, можетъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ упомянутаго предположенія.

Курганъ № 5-й.

Окружность 35 шаг. Поперечникъ 13 арш. Высота 1 арш. 6 в. Курганъ окруженъ былъ кольцомъ симметрично расположенныхъ ямъ, изъ которыхъ пять на краю сѣверной половины, ясно различаются и до сихъ поръ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи на С.-З. отъ центра кургана, на грунтѣ, двѣ-три жженыхъ косточки, и неподалеку отъ нихъ, въ разныхъ мѣстахъ, найдены желѣзный серпъ, два обломка бронзоваго жгута и глиняная пряслица. Серпъ отличается оригинальностью своей формы: клинокъ его, образуя правильную, сравнительно дугу, на концѣ обнаруживаетъ ясную тенденцію загиба вверхъ и, такимъ образомъ, напоминаетъ бронзовые серпы. Обычныхъ для желѣзныхъ серповъ зубчатыхъ, по лезвею, нарѣзовъ — нѣтъ. Серпы подобной формы, если не считать нѣсколькихъ экземпляровъ, о которыхъ рѣчь ниже, и одного обломка, доставленнаго въ нынѣшнемъ

---

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4. Табл. II, 29.

[2]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 14. Табл. IV и V. Ср. напр., Bähr. Die Gräber der Liven. Taf. III, G. I, 7.

[3]) Першукштовской; см. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 70.

Digitized by Google

году Имп. Арх. Комиссіи изъ Трокскаго уѣзда, встрѣчаются при раскопкѣ кургановъ въ первый разъ. Въ виду указанныхъ особенностей формы, серпы эти не могли имѣть ни обычнаго теперь для предметовъ этого рода назначенія, ни приписываемаго нашими прежними мѣстными археологами[1]) курганнымъ серпамъ значенія орудія при закланіи поминальныхъ жертвъ. Вообще, если серпы эти могли имѣть практическое значеніе, то они могли съ удобствомъ и пользою употребляться при отдѣленіи, напримѣръ, коры отъ деревьевъ, при обработкѣ сферическихъ поверхностей и т. п. — Обломки найденнаго бронзоваго жгута свиты изъ трехъ довольно массивныхъ круглыхъ проволокъ и имѣютъ общую толщину — 7^{mm}. Предметъ, часть котораго они составляли, опредѣляется съ точностію, — это одинъ изъ весьма распространенныхъ, особенно въ прибалтійскихъ курганахъ, шейныхъ обручей. Пряслица — цилиндрической формы, съ боковою поверхностью, покрытой параллельными желобками. Со стороны орнамента пряслица представляетъ промежуточное звено между однородными предметами изъ кургана № 1.

Курганъ № 6-й.

Окружность 60 шаговъ. Поперечникъ 19 арш. Высота 1 арш. 6 в. Кругомъ — едва замѣтный ровъ съ едва также замѣтными, съ С.-З. и Ю.-В., всходами.

Кромѣ древесной головни и обожженаго песку, оказавшихся близъ юго-восточной периферіи, при раскопкѣ кургана обнаружено четыре погребальныхъ пятна: первое въ разстояніи полутора аршинъ на Ю. отъ центра, на высотѣ четырнадцати вершковъ надъ грунтомъ; второе—въ разстояніи трехъ съ половиной аршинъ, отъ центра на Ю.-В; третье — въ разстояніи двухъ съ половиной аршинъ на Ю.-Ю.-В., и четвертое — въ разстояніи двухъ аршинъ на С.-З. Одинаковая для трехъ послѣднихъ пятенъ высота надъ грунтомъ — 12 вершковъ. Всѣ четыре пятна состояли изъ мелкихъ жженыхъ костей, среди которыхъ въ первомъ найдены бронзовые, — шейный обручъ и орнаментная спиралька и стеклянная буса, а во второмъ обломки разрушившихся подъ вліяніемъ огня бронзовыхъ предметовъ; въ двухъ остальныхъ пятнахъ ничего, кромѣ костей, не оказалось.

Шейный обручъ (табл. I, фиг. 3) приготовленъ изъ круглой проволоки, длиною въ 680^{mm} и толщиною въ $2^{3}/_{4}{}^{mm}$, согнутой въ настоящемъ своемъ состояніи въ $1^{1}/_{3}$ оборота. Одинъ конецъ обруча загнутъ въ формѣ тупого крючка и заканчивается неправильно-конической формы пуговкой, другой расклепанъ въ тонкую пластинку, въ формѣ двойной петли. Благодаря такому устройству петли, размѣры обруча можно было, по желанію, увеличивать и сокращать на 50^{mm}. На обручѣ оказались три спиральныхъ бронзовыхъ колечка сохраненные и на изображеніи; одно изъ нихъ, въ пять оборотовъ, состоитъ изъ очень тонкой (толщиною не болѣе одного миллиметра) трехгранной проволоки, при чемъ діаметръ оборота равняется 18^{mm}. Два другихъ (по всей вѣроятности, части одной, разломленной на двое, спирали) въ 4 и 3 оборота, приготовлены изъ тонкой пластинки, шириною въ 3^{mm}; діаметръ спиральнаго обо-

---

[1]) Ѳ. Покровскій. Виленскій Музей древностей. Табл. XIV, 12.

Digitized by Google

рота — 16mm. Орнаментная спиралька, въ одиннадцать оборотовъ, приготовлена изъ полуовальной проволоки и отличается миніатюрностію своей формы; внѣшній діаметръ оборота — 4mm. — Буса изъ синяго стекла, неправильно-цилиндрической формы.

Изъ тринадцати бронзовыхъ обломковъ, найденныхъ во второмъ пятнѣ: шесть обломковъ круглой проволоки составляли, повидимому, одинаковый съ описаннымъ шейный обручъ; обломокъ листовой бронзы, орнаментированный на лицевой сторонѣ нарѣзными линіями, можетъ быть часть петли этого обруча, только болѣе нарядной, чѣмъ въ предыдущемъ экземплярѣ и три конечныя части браслета.

Курганъ № 7-й.

Окружность 41 шагъ. Поперечникъ 14 арш. Высота 1 арш. 4 в. При основаніи курганъ окруженъ кривыми, по направленію правильной окружности, мысами, раздѣленными одинаковой съ ними длины всходами. Теперь мысы и всходы замѣтны лишь съ С.-В. и Ю.-З.

По всему грунту кургана слой крупныхъ древесныхъ углей вперемѣшку съ большимъ количествомъ жженыхъ костей. Судя по густотѣ угольнаго слоя и по обилію жженыхъ костей, на мѣстѣ кургана былъ сожженъ умершій вмѣстѣ съ своимъ конемъ, или, по крайней мѣрѣ, послѣдній надъ прахомъ своего господина. Въ разныхъ мѣстахъ угольнаго пласта расположены въ безпорядкѣ: около сѣверо-западной периферіи — обломки глинянаго горшка; около восточной периферіи — обломки меча, желѣзная игла отъ пряжки, желѣзный ножикъ и мелкіе бронзовые шарики-дробинки; въ разстояніи четырехъ аршинъ на Ю.-З. отъ центра — безформенные бронзовые слитки и среди нихъ — бронзовые же — перстень и бубенчикъ; въ самомъ центрѣ овальныя пластинчатыя желѣзныя кольца и желѣзная игла отъ пряжки, и, наконецъ, въ незначительномъ разстояніи отъ послѣднихъ предметовъ на З. — желѣзная пряжка.

Горшокъ, судя по обломкамъ, отличался миніатюрными размѣрами и былъ приготовленъ на гончарномъ кружкѣ изъ сѣрой глины съ примѣсью мелкаго швира.

Перстень согнутъ изъ массивнаго, почти круглаго, стержня, который, по направленію къ оконечностямъ, постепенно становится тоньше; концы заходятъ одинъ за другой и не спаяны. Наибольшая толщина стержня около 7mm. Верхушка перстня по бокамъ орнаментирована имитирующими спираль нарѣзами. При общей простотѣ и стереотипности перстень этотъ все-таки ближе другихъ напоминаетъ однородные предметы съ остр. Мона и изъ нѣкоторыхъ другихъ прибалтійскихъ могильниковъ [1]).

Два пластинчатыхъ кольца совершенно одинаковой величины и формы, и каждое изъ нихъ приготовлено изъ тонкой, не болѣе полумиллиметра, пластинки, шириною въ 9mm. Пластинка эта согнута въ формѣ овальнаго кольца, и концы ея скрѣплены при помощи штифтика, образующаго однимъ, свободнымъ своимъ концомъ ушко-

[1]) Hartmann. Das Vaterländische Museum zu Dorpat. Taf. XI, 8. — Bähr. Die Gräber der Liven. Taf. VI, 10. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. № 2118 и одинъ экземпляръ Вил. Музея изъ раскопокъ Э. Вольтера.

Digitized by Google

колечко. На штифтикѣ, внутри смыкаемыхъ имъ концовъ пластинокъ, вращается, въ перпендикулярной къ плоскости кольца оси, слабо загнутый на одномъ концѣ стерженекъ. Чрезъ ушко одного изъ описываемыхъ колецъ проходитъ небольшое колечко, величиною около 19^{mm}, по его внѣшнему діаметру.

Едва ли описанныя кольца могли имѣть другое значеніе, кромѣ обойницъ деревянныхъ, или кожаныхъ ноженъ меча, ножа и т. п., по крайней мѣрѣ, они ничѣмъ не отличаются отъ одноименныхъ предметовъ, наблюдаемыхъ и теперь на ножнахъ меча.

Пряжка — въ формѣ кольца, правильность котораго нарушается лишь въ незначительной части, на которой, очевидно, вращалась игла.

Курганъ № 8-й (четырехугольный).

Окружность 33 шага. Длина, съ С.-З. на Ю.-З., 11 арш. 8 в. Ширина 10 арш. Высота 1 арш. 8 в. При основаніи кургана, соотвѣтственно длинѣ сторонъ, четыре прямыхъ рва; всходы при углахъ.

Границы занимаемой курганомъ площади были намѣчены слоемъ бѣлаго песку, толщиною около четырехъ вершковъ.

Въ срединѣ кургана, на угольной, непосредственно лежащей на грунтѣ, подстилкѣ — костякъ, отъ котораго уцѣлѣли лишь части локтевыхъ и бедренныхъ костей и верхняя часть черепа. Судя по этимъ остаткамъ, костякъ лежалъ въ направленіи съ З. (голова) на В., при чемъ оконечности были вытянуты вдоль корпуса. Около остатковъ черепа найдена стеклянная посеребреная буса; близъ таза — бронзовое кольцо-перстень; недалеко отъ нижней оконечности лѣваго бедра каменный топоръ. Близъ правой ноги желѣзный ножъ, а около оконечности лѣвой ноги глиняный горшокъ, недалеко отъ котораго найдена каменная пряслица. Бусы подобно найденной одинъ изъ самыхъ распространенныхъ предметовъ, находимыхъ въ курганахъ, топографическое положеніе которыхъ опредѣляется современными границами бѣлорусскаго племени[1]). Перстень согнутъ изъ овальной пластинки, наибольшая ширина которой 9^{mm}; концы заходятъ одинъ за другой и не спаяны. По верхушкѣ, на лицевой сторонѣ, ромбоидальные нарѣзы линій. Каменный топоръ-клинъ изъ камня сѣраго цвѣта (офанитъ?) и въ настоящемъ своемъ состояніи носитъ слѣды сильнаго разрушенія.

Горшокъ обыкновенной кубышчатой формы приготовленъ на гончарномъ кружкѣ изъ желтоватой глины. Высота его 120^{mm}, діаметръ дна — 75^{mm}, діаметръ отверстія — 110^{mm}. Края раструба загнуты внутрь. На днѣ горшка — клеймо, состоящее изъ двухъ рельефныхъ концентрическихъ колецъ. И по своей формѣ, и по размѣрамъ, и, наконецъ, со стороны надоннаго клейма, горшокъ этотъ ближе всего стоитъ къ однородному экземпляру, найденному нами въ 1893 году въ одномъ изъ Загорскихъ, Дисненскаго у., кургановъ[2]) и вообще, по сравненію съ другими однородными предметами, характеризуетъ славянское погребеніе[3]).

---

[1]) Ѳ. Покровскій. Виленскій музей древностей. Табл. VII, 6 и Археологическія экскурсіи по Виленской губерніи, стр. 47. Ср. Календарь Сѣверо-Западнаго края на 1890 г., научно-литературный отдѣлъ, стр. 14.

[2]) Труды Виленскаго Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 166.

[3]) Ѳ. Покровскій. Виленскій Музей древностей. Табл. XVI, общее заключеніе.

Digitized by Google

Курганы № 9 по 15-й.

Не представили никакихъ интересныхъ особенностей и предметовъ.

Курганъ № 16-й (четырехугольный).

Окружность 50 шаг. Длина, съ С.-В. на Ю.-З., 18 арш. Ширина 14 арш. 8 в. Высота 1 арш. 6 в. Рвовъ незамѣтно, и курганъ, вѣроятно, насыпанъ изъ приносной земли.

Около центра кургана, на грунтѣ, на угольной подстилкѣ, — четыре, поставленныхъ рядомъ по одной прямой линіи, горшка. Въ разстояніи трехъ аршинъ на З. отъ центра, также на грунтѣ, — небольшое количество жженыхъ костей и вмѣстѣ съ ними — желѣзный ножикъ, бронзовая пряжка и обломки кольца изъ неопредѣленнаго металла. На Ю.-З.-З., на разстояніи четырехъ аршинъ отъ центра, — желѣзный топоръ. Всѣ четыре горшка плошчатой формы и приготовлены изъ сѣрой глины и съ наружной стороны были смазаны, повидимому, желтоватой глиной. Точная величина наименьшаго горшка діаметръ дна — 100^{mm}, высота — 145^{mm}, приблизительный діаметръ нѣсколько овальнаго раструба 155^{mm}. Остальные горшки, при извлеченіи изъ нихъ земли, распались на части, и точная величина ихъ не можетъ быть опредѣлена. Впрочемъ, всѣ они отличаются отъ описаннаго лишь нѣсколько большими размѣрами. Всѣ четыре горшка были наполнены одинаковымъ съ курганною насыпью пескомъ и, слѣдовательно, помѣщены были въ курганъ безъ всякаго содержимаго. Нѣкоторую характерность ножа изъ этого кургана представляетъ непропорціональная толщина тылья и тенденція наклона клинка внизъ, какую онъ долженъ былъ обнаруживать въ соединеніи съ рукояткой. Пряжка — въ формѣ современной латышской саксты, приготовлена изъ шестиграннаго стержня, толщиною въ 2—3^{mm}, на концахъ расклепаннаго и завитаго въ формѣ двухъ правильныхъ цилиндриковъ. Приблизительный діаметръ пряжки около 30^{mm}. Игла — простой гвоздеобразной формы. Весь предметъ покрытъ бирюзоваго цвѣта патиною и обращаетъ на себя вниманіе тщательностью работы, необычной для такихъ маленькихъ сакстъ Обломки кольца, по всей видимости, составляютъ части браслета. Топоръ — узкоклинковой формы; высота его 180^{mm}, длина, по направленію хорды, дугообразнаго лезвея — 67^{mm}, обухъ овальной формы, длиною, по направленію топорища, около 65^{mm}. Клинокъ обнаруживаетъ тенденцію изгиба въ сторону топорища.

Курганъ № 17-й.

Окружность 49 шаг. Поперечникъ 17 арш. Высота 1 арш. 12 в. Вершина разрушена вѣтромъ, и едва ли курганъ не былъ даже испорченъ кладоискателями. Ровъ, бывшій вокругъ кургана, заплылъ, хотя по оставшимся отъ него слѣдамъ и теперь можно предполагать, что онъ состоялъ изъ чередующихся со всходами небольшихъ ямъ.

Digitized by Google

Курганъ № 18-й.

Окружность 40 шаг. Поперечникъ 14 арш. Высота 1 арш. Рвовъ незамѣтно, потому что курганъ находится среди бывшаго вокругъ его поля.

Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, значительное, сравнительно, количество жженыхъ костей, и среди нихъ желѣзные — умбо, копье и ножъ и бронзовый спиральный перстень съ обломками такого же спиральнаго кольца. Въ разстояніи двухъ съ половиною аршинъ на В. отъ центра, также на грунтѣ, очень мало жженыхъ костей и здѣсь же желѣзный ножъ и бронзовая пряжка.

Умбо круглый съ плоскими бортами, 150^{mm} въ діаметрѣ; выпуклая часть въ формѣ цилиндра, величиною въ $\pi 46^2 19^{mm}$, выведенная конусомъ величиною въ $\frac{\pi 46^2 35^{mm}}{3}$. По краю умбо — орнаментъ, изъ точкообразныхъ выпуклинъ; здѣсь же — три пробоины для гвоздей, посредствомъ которыхъ умбо прикрѣплялся къ щиту. Одна половина предмета сохранилась замѣчательно хорошо, очевидно, вслѣдствіе сильнаго дѣйствія огня, слѣды котораго обнаруживаются въ красной, какъ краска, окалинѣ; другая же половина покрыта слоемъ ржавчины. Умбо, принадлежа вообще къ разряду нерѣдкихъ находокъ въ курганахъ нашего края, въ большинствѣ случаевъ представляются въ описанной нами формѣ. Кромѣ найденнаго одновременно съ описываемымъ [1]) какъ аналогичные экземпляры должны быть отмѣчены — семь умбоновъ Виленскаго Музея [2]) одинъ — изъ гробялловскихъ, Виленскаго у., кургановъ [3]) и одинъ найденный въ Утянахъ, Ковенской губерніи [4]). Копье — длиною въ 240^{mm}; клинокъ эллиптической, съ удлиненіемъ по направленію къ оконечности, формы, длина 125^{mm}, наибольшая ширина 40^{mm}; втулка — конической формы и соединяется съ клинкомъ посредствомъ цилиндрической шейки. Хотя весь предметъ покрытъ густымъ слоемъ ржавчины, тѣмъ не менѣе около раструба втулки можно наблюдать орнаментъ, въ формѣ трехъ нарѣзныхъ линій, образующихъ три, параллельныхъ краямъ раструба, рельефныхъ пояска. Въ разстояніи 50 милл. отъ оконечности клинокъ согнутъ почти подъ прямымъ угломъ. На клинкѣ сохранились остатки тонкой ткани. Пряжка изъ этого кургана приготовлена изъ круглой, сплюснутой съ двухъ сторонъ, проволоки и имѣетъ форму четырехугольника съ закругленными углами и вогнутыми продольными сторонами; приблизительный размѣръ ея около 18×30 кв. милл. Игла вращается на кратчайшей сторонѣ.

Курганъ № 19-й.

Окружность 28 шаг. Поперечникъ 9 арш. 8 в. Высота 12 вершк. Ровъ при основаніи неправильный, очевидно, потому, что къ кургану непосредственно прилегаютъ другіе.

---

[1]) См. ниже — курганы близъ Черной Лужи.
[2]) Каталогъ предметовъ Виленскаго музея древностей. 1885 г. Отд. Г. № 438 — 444.
[3]) Виленскій Вѣстникъ, 1891 г. № 242.
[4]) E. Tyszkiewicz. Badania archeologiczne. Tab. II, 3.

Digitized by Google

Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, жженыя кости и среди нихъ желѣзные топоръ и копье и бронзовые, — пряжка и пара серегъ. — Топоръ (табл. III, фиг. 1) изъ разряда ширококлинковыхъ; высота его 150^{mm}. Клинокъ трапеціидальной формы, наибольшая ширина его, по направленію лезвея, 100^{mm}; средняя высота около 60^{mm}. Обухъ сфероидальной формы, съ выступомъ въ сторону топорища. Вверху бородки зарубка. — Копье (табл. III, фиг. 2) обращаетъ на себя вниманіе тщательностію его работы. Трубчатая втулка, длиною въ 75^{mm}, имѣетъ форму усѣченнаго конуса, правильность котораго нарушается нѣкоторою выпуклостью боковъ. Клинокъ, длиною въ 175^{mm}, на всемъ протяженіи представляетъ въ поперечномъ сѣченіи фигуру ромба съ вогнутыми незначительно краями, при чемъ въ наиболѣе широкой (близъ втулки) части продольная діагональ ромба равняется 23^{mm}, а поперечная — двѣнадцати. Плечики клинка обработаны по направленію правильной дуги. Со стороны формы копье больше всего находитъ для себя сходства въ одномъ изъ финдляндскихъ экземпляровъ позднѣйшаго времени[1]), хотя сходство это можетъ быть и случайное. — Пряжка (табл. III, фиг. 3), въ одной половинѣ сильно поврежденная огнемъ, имѣла форму не вполнѣ замкнутаго кольца и приготовлена изъ массивнаго, въ поперечномъ разрѣзѣ овальнаго, стержня. Оба конца пряжки обработаны, повидимому, въ формѣ лошадиныхъ ногъ; по крайней мѣрѣ, самыя оконечности ясно обнаруживаютъ попытку мастера придать имъ форму лошадинаго копыта. Приблизительный внѣшній діаметръ пряжки 54^{mm}, а внутренній 32^{mm}. Игла, уцѣлѣвшая только отчасти, однимъ концомъ напаяна, въ качествѣ рубчика, на пластинчатое кольцо, при помощи котораго она вращается на пряжкѣ. — Серьги состоятъ изъ колецъ сохранившихъ только на одномъ экземплярѣ, бубенчикъ составлявшій ихъ украшеніе (табл. III, фиг. 4).

Курганъ № 20-й.

Окружность 37 шаг. Поперечникъ 14 арш. Высота 1 арш. 3 в. Окружающій курганъ ровъ дѣлится всходами на четыре части; всходы съ С.-В., Ю.-В., Ю.-З. и С.-З. Вершина кургана разрушена вѣтромъ и на поверхности, въ разныхъ мѣстахъ, наблюдаются жженыя кости.

Подъ всей насыпью, по грунту, густой слой земли чернаго цвѣта въ перемѣшку съ большимъ количествомъ древесныхъ углей. На всемъ протяженіи пласта разсѣяны въ безпорядкѣ мелкія жженыя кости, и собрано, также въ разныхъ мѣстахъ, до четырнадцати различныхъ желѣзныхъ и бронзовыхъ предметовъ, именно: въ самомъ центрѣ кургана — желѣзный наконечникъ стрѣлы, въ нѣкоторомъ разстояніи на С.-З. — желѣзная шпора, въ разстояніи полутора аршина отъ центра на С. — желѣзный наконечникъ копья, въ разстояніи 1$^{3}/_{4}$ арш., на Ю. отъ центра — два желѣзныхъ предмета неопредѣленнаго назначенія, въ разстояніи двухъ аршинъ отъ центра, въ томъ же направленіи, — желѣзные колокольчикъ и пряжка; въ разстояніи двухъ съ половиной аршинъ на Ю.-З. отъ центра — бронзовые бубенчикъ и

[1]) Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. № 1541.

Digitized by Google

пряжка; въ трехъ, приблизительно, аршинахъ на С.-В. отъ центра — бронзовая пряжка — сакста и, наконецъ, въ послѣднемъ же направленіи, въ разстояніи трехъ съ половиной аршинъ отъ центра — желѣзные удила, стремена и топоръ.

Наконечникъ стрѣлы — въ формѣ долота; наибольшая, по направленію лезвея, ширина его — 14^{mm}; отсюда наконечникъ постепенно переходитъ въ четырехгранный стержень, а потомъ почти въ круглый — шиловидный насадъ. Общая длина наконечника — 160^{mm}.

Шпора въ той своей части, посредствомъ которой она прикрѣплялась къ обуви, имѣетъ форму дуги, высотою въ 95^{mm}; разстояніе между оконечностями, приблизительно (одинъ конецъ отломленъ), около 100^{mm}; образующій дугу стержень въ поперечномъ разрѣзѣ представляетъ полукругъ съ діаметромъ въ 10^{mm}. Игла — въ формѣ круглаго стержня съ постепеннымъ утолщеніемъ по направленію къ оконечности, гдѣ стержень заканчивается конусомъ. Длина иглы около 40^{mm}. Вся шпора съ лицевой стороны орнаментирована набитыми точками, а игла въ ближайшей къ дугѣ части украшена бугорчатымъ пояскомъ (табл. III, фиг. 5).

Копье длиною въ 250^{mm}, и наибольшая ширина клинка 35^{mm}. Клинокъ, очевидно въ моментъ погребенія, изогнутъ въ формѣ кольца, такъ, что окружность его незамкнута не болѣе какъ на одну пятую своей величины.

Каждый изъ двухъ одинаковыхъ предметовъ — неопредѣленнаго назначенія состоитъ изъ двухъ пластинокъ, соединенныхъ при помощи двухъ гвоздиковъ въ двухъ параллельныхъ плоскостяхъ. Ширина каждой пластинки 15^{mm}, длина 59^{mm}, толщина не болѣе одного миллиметра. Концы пластинокъ срѣзаны по направленію полуокружности. Гвоздики проходятъ близъ самыхъ оконечностей, и длина ихъ или, что то же, разстояніе между пластинками равняется 8^{mm}. Описанныя пластинки, не имѣя самостоятельнаго значенія, служили, очевидно, для скрѣпленія отдѣльныхъ частей въ какихъ-нибудь предметахъ вооруженія или конской сбруи (табл. III, фиг. 6).

Колокольчикъ склепанъ изъ двухъ пластинъ при помощи гвоздей и, по своей формѣ, ближе всего стоитъ къ параллелепипеду, съ болѣе или менѣе закругленными только двугранными углами. Язычокъ подвѣшенъ къ укрѣпленной въ донышкѣ дужкѣ. Черезъ пробоину, сдѣланную въ срединѣ донышка, проходитъ искривленный гвоздь, который очевидно имѣетъ значеніе ушка. Кромѣ одинаковаго съ описаннымъ колокольчика, принадлежащаго Виленскому Музею [1]), какъ аналогичный предметъ долженъ быть отмѣченъ одинъ колольчикъ изъ мордовскихъ древностей [2]).

Пряжка приготовлена изъ плоскаго стержня, толщиною около 3^{mm} и шириною въ 5 — 6^{mm}. Гвоздевидная, кривая игла соединена съ пряжкою при посредствѣ кольцевиднаго изгиба одного изъ ея концовъ. Длина иглы, опредѣляющая и наибольшее протяженіе всей пряжки, — около 60^{mm}. Передняя дуга пряжки съ лицевой стороны орнаментирована поперечными нарѣзными линіями (табл. III, фиг. 7).

Пряжка (табл. III, фиг. 8) изъ витого стержня и имѣетъ форму незамкнутаго кольца, величиною въ 31^{mm}, по его внѣшнему діаметру. Концы загнуты вверхъ и

---

[1]) Каталогъ музея, 1885 г. Отд. Г., № 409.

[2]) Aspelin Antiquités du Nord Finno-Ougrien, № 864.

Digitized by Google

имѣютъ форму звѣриныхъ головокъ. Пряжка эта находитъ для себя не мало вполнѣ аналогичныхъ, даже до полной тождественности, предметовъ. Сюда относятся одинъ экземпляръ Эстонскаго Музея изъ Реиде [1]), пряжка изъ Люцинскаго могильника [2]) и нѣсколько экземпляровъ (одинъ серебряный) изъ собранія гр. Плятера, въ Вильнѣ [3])

Пряжка сакста (табл. III, фиг. 9) приготовлена изъ круглаго, орнаментированнаго спиральнымъ нарѣзомъ, стержня, толщиною въ 4^{mm}. Внѣшній діаметръ пряжки 35^{mm}. Расклепанные концы обычно приподняты вверхъ и завиты въ видѣ цилиндрическихъ колечекъ. Обычная гвоздевидная игла, кажется, желѣзная. За исключеніемъ величины, пряжка во всѣхъ отношеніяхъ тождественна съ однимъ изъ однородныхъ предметовъ Люцинскаго могильника [4]) и съ такимъ же изъ кургановъ Минской губерніи [5]).

Бубенчикъ — двулепестковый и имѣетъ форму правильнаго шара, величиною въ 17^{mm} по его діаметру. По направленію окружности, отдѣляющей лепестки отъ чашечки, — двѣ нарѣзныхъ параллельныхъ линіи.

Удила — въ формѣ двухъ колецъ изъ круглой проволоки, соединенныхъ двумя четырехгранными стержнями; длина одного стержня 96^{mm}, а другого 77^{mm}.

Стремена (рис. 14) въ формѣ полуовальныхъ колецъ, высотою въ 112^{mm} и шириною

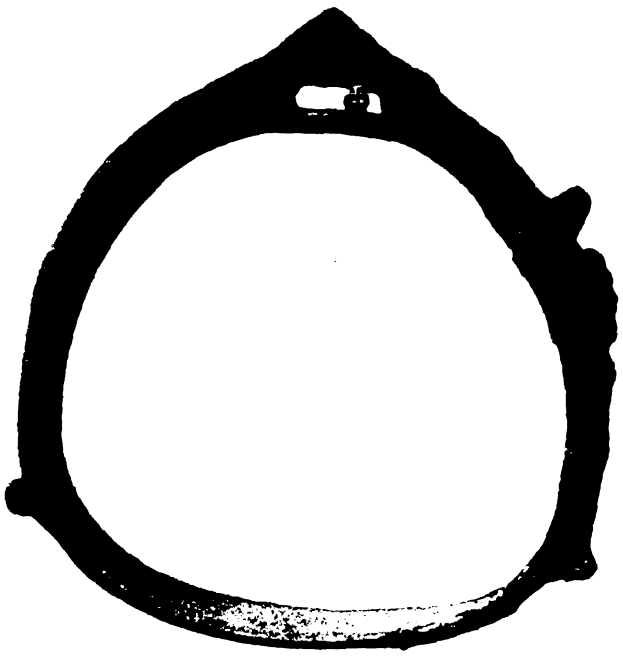


Рис. 14.

около 118^{mm}. Слабо выгнутыя подножки эллиптической формы, съ наибольшею шириною въ 36^{mm}. Переходъ подножки въ луку въ обоихъ стременахъ отмѣченъ отростками

---

[1]) Hartmann. Das vaterländische Museum. s. 83. № 106.

[2]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 14. Табл. VI, I.

[3]) Большая часть предметовъ коллекціи гр. Плятера состоитъ изъ курганныхъ находокъ въ им. Швекшни, Ковенской губерніи.

[4]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 14. Табл. VI, 6.

[5]) В. Завитневичъ. Вторая археологическая экскурсія въ Припятское полѣсье. Табл. № 6с.

Digitized by Google

ушками. Лука расклепана въ перпендикулярной къ подножкѣ плоскости, и на вершинѣ— остроконечной формы. Ушки замѣняются четырехугольными пробоями въ вершинѣ луки. На лукѣ одного стремени замѣтны слѣды орнамента, въ формѣ спирально нарѣзныхъ линій. — При общей стереотипности формы, стремена эти больше всего обнаруживаютъ сходства съ однороднымъ, отмѣченнымъ Бэромъ, экземпляромъ изъ ливонскихъ древностей [1]).

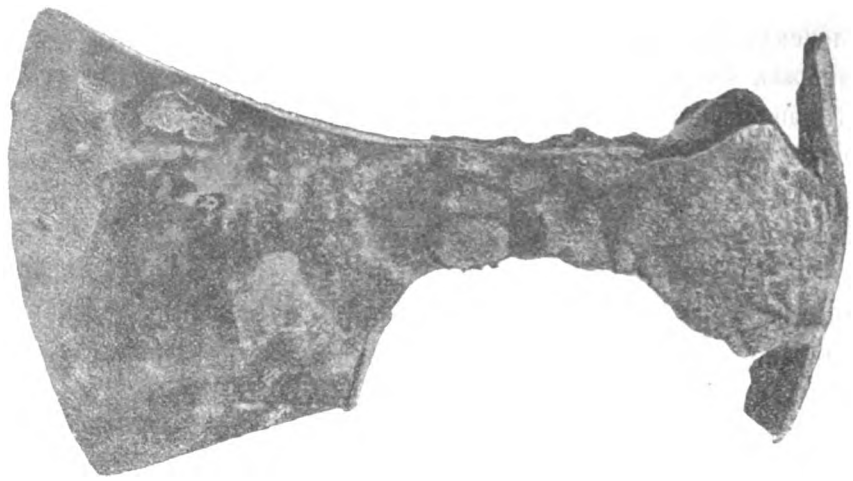


Рис. 15.

Топоръ изъ разряда ширококлинковыхъ (рис. 15). Высота его 162^{mm}. Высота клинка около 70^{mm}, а длина его, по направленію хорды лезвея, 103^{mm}. При общей стереотипности топоръ представляетъ нѣкоторую характерность со стороны обработки обуха, именно, втулка ограничивается съ боковъ ромбоидальными пластинами, а сверху — параллелограммоидальною. Подобную обработку обуха можно наблюдать среди ливонскихъ [2]) и бѣлорусскихъ древностей [3]).

Курганы №№ 21 и 22-й.

Оба эти кургана были раскопаны дѣтьми уже послѣ нашего отъѣзда изъ Засвири, и изъ вещей добытыхъ въ нихъ, доставлены намъ, изъ перваго кургана — топоръ, желѣзное кольцо и безформенные бронзовые слитки, а изъ второго — глиняная пряслица, желѣзная игла и шило.

Примѣчанія.

Выше было замѣчено, что среди Засвирскихъ кургановъ, обнаруживающихъ вообще форму невысокихъ сферическихъ сегментовъ, наблюдается два-три кургана съ четырехугольнымъ основаніемъ. Изслѣдованіе этихъ кургановъ даетъ основаніе считать ихъ четырехугольную форму явленіемъ не преднамѣреннымъ со стороны строителей

[1]) Bähr. Die Gräber der Liven. Taf. XVI, 7.
[2]) Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. № 2007.
[3]) В. Завитневичъ. Вторая археологическая экскурсія въ Припетское полѣсье. Табл. III 4.

Digitized by Google

кургановъ, а, повидимому, чисто случайнымъ. Четырехугольные курганы, наблюдаемые на С. мѣстности—отчасти и въ Свенцянскомъ, а главнымъ образомъ въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ, характеризуются обыкновенно предварительнымъ опредѣленіемъ границъ кургана, при помощи древесныхъ углей или бѣлаго песка, и своеобразнымъ, почти постояннымъ, расположеніемъ рвовъ, при основаніи кургана[1]); здѣсь же не наблюдается ни того ни другого, и четырехугольная форма здѣшнихъ кургановъ, кажется, результатъ случайнаго отступленія, при рытьѣ рва для насыпи кургана, отъ правильнаго криволинейнаго направленія.

Незначительные размѣры кургановъ должны быть объясняемы естественнымъ разрушеніемъ кургановъ, такъ какъ они состоятъ изъ сыпучаго песку, и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишеннаго даже и тощаго травяного покрова. Средняя указанная величина съ наибольшимъ приближеніемъ опредѣляетъ размѣры кургановъ, расположенныхъ въ срединѣ группы: курганы, выдающіеся по своимъ бóльшимъ размѣрамъ, находятся близъ периферій.

Обрядъ погребенія. Прежде всего долженъ быть отмѣченъ единственный, вѣроятно во всей группѣ, случай погребенія не жженаго костяка, — въ курганѣ № 8. Подробности этого погребенія указаны въ описаніи кургана, здѣсь же не излишне отмѣтить, кромѣ самого факта присутствія въ курганѣ цѣльнаго костяка, нахожденіе при немъ стеклянной посеребренной бусы, глинянаго, съ надоннымъ рисункомъ, горшка и каменнаго топора. Фактъ погребенія не жженыхъ труповъ въ томъ видѣ, какъ онъ обнаруженъ въ данномъ случаѣ представляетъ болѣе частое и, можно сказать, даже обычное явленіе въ мѣстахъ, расположенныхъ на В. описываемой мѣстности — въ бывшей землѣ Дреговичей[2]). Точно такъ же и стеклянныя бусы указаннаго вида составляютъ одинъ изъ болѣе часто находимыхъ предметовъ въ дреговическихъ именно курганахъ[3]). Наконецъ, по установившемуся мнѣнію, и глиняные горшки съ надонными рисунками составляютъ особенность славянскаго погребенія[4]). Эти три факта даютъ достаточно основаній для того, чтобы опредѣлять погребеніе въ восьмомъ курганѣ въ смыслѣ принадлежности его, иноплеменнику, — очевидно, восточному сосѣду тѣхъ засвирскихъ жителей, которымъ принадлежатъ всѣ остальные описанные нами курганы.

За исключеніемъ описаннаго случая, во всѣхъ остальныхъ курганахъ обрядъ погребенія — трупосожженіе. Въ одномъ курганѣ (№ 7) обнаруживаются ясные слѣды бывшаго здѣсь же, повидимому, костра, но костеръ этотъ, по аналогіи съ другими однородными явленіями, остатокъ не личнаго, кажется, погребенія, а сожженія, по всей вѣроятности, коня. Такимъ образомъ, подъ условіемъ отрицанія въ 7-мъ курганѣ личнаго костра, трупосожиганіе всегда производилось внѣ кургана, — на сторонѣ и въ разныхъ, всякій разъ, повидимому, мѣстахъ: по крайней мѣрѣ, слѣдовъ кострищъ или пепелищъ по сосѣдству съ курганами не обнаружено. Для воспроизведенія по-

---

[1]) Труды Виленскаго IX археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 61.

[2]) Труды IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ, 1895 г. Т. 1, стр. 221. В. З. Завитневичъ; формы погребальнаго обряда въ могильныхъ курганахъ Минской губ. и др.

[3]) Ѳ. Покровскій. Археологическія экскурсіи по Виленской губерніи. 1893 г., стр. 47.

[4]) Ѳ. Покровскій. Виленскій музей древностей. Табл. XV I.

Digitized by Google

дробной картины трупосожженія достаточныхъ данныхъ нѣтъ, хотя, если судить по замѣтнымъ на всѣхъ бытовыхъ предметахъ а также и на остаткахъ личнаго наряда слѣдамъ огня, умершаго клали на костеръ въ его парадномъ одѣяніи и съ атрибутами его общественнаго и частнаго быта. Слѣды огня наблюдаются также и на предметахъ конской сбруи, и это говоритъ объ одновременномъ сожженіи съ умершимъ и его коня, но происходило ли сожженіе умершаго и его коня на одномъ кострѣ, или на разныхъ, — ни того ни другого утверждать нѣтъ основаній. Незначительные остатки личнаго праха вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими въ огнѣ предметами снаряженія умершаго переносились на мѣсто предполагаемаго кургана и здѣсь возводилась надъ ними насыпь. Погребальныхъ урнъ (вмѣстилищъ праха) ни въ одномъ курганѣ не обнаружено. Положеніе праха и другихъ предметовъ совпадаетъ обыкновенно съ центромъ основанія кургана. Въ нѣкоторыхъ курганахъ наблюдается по нѣскольку погребеній, — въ разныхъ мѣстахъ курганной насыпи. Изъ нѣсколькихъ погребеній, одновременнымъ съ возведеніемъ кургана, должно считаться, очевидно, центральное, остальныя же принадлежатъ позднѣйшему сравнительно времени. Фактъ этотъ говоритъ о необязательности возведенія кургана надъ прахомъ каждаго умершаго и объ обычаѣ пользоваться для погребенія праха уже готовыми курганами.

Предметы, найденные въ курганахъ съ трупосожженіемъ, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ группамъ: а) предметы личнаго наряда, б) бытовые и в) принадлежности конской сбруи.

а) Предметы личнаго наряда: 1) *Серьги*. Значеніе серьги, повидимому, должно быть усвоено кольцу, съ подвѣшеннымъ къ нему бубенчикомъ, найденному въ курганѣ № 19. 2) *Шейныя украшенія*. Сюда относятся обломки пластинчатой гривны изъ кургана № 1, два обрывка жгута изъ 5-го кургана, и два шейныхъ обруча (одинъ въ обломкахъ) изъ тонкой проволоки, — оба изъ кургана № 6. Цѣльный обручъ изъ послѣдняго кургана представляетъ нѣкоторую оригинальность со стороны его затвора, вообще же обручи не отличаются отъ обычныхъ предметовъ этого рода изъ прибалтійскихъ кургановъ. Къ разряду также шейныхъ ухрашеній должны быть отнесены стеклянная синяя буса и бронзовая спиралька изъ кургана № 6. 3) *Нагрудныя украшенія*. Чаще другихъ повторяющійся въ курганахъ предметъ нагруднаго украшенія составляютъ пряжки, которыя найдены въ шести курганахъ (№№ 2, 3, 16, 18, 19 и 20). Всѣ пряжки бронзовыя, — съ преобладающею подковообразною формою, которую можно считать прототипомъ употребляющейся и до сихъ поръ преимущественно у латышей — пряжки-саксты. Пряжки изъ кургановъ 3-го и 20-го, вплоть до детальныхъ ихъ особенностей, находятъ для себя полную аналогію среди литовско-латышскихъ древностей конца предыдущаго тысячелѣтія. Какъ части нагрудныхъ также украшеній слѣдуетъ, повидимому, трактовать и три бубенчика, — изъ кургановъ 3-го, 7-го и 20-го. Послѣдніе два могли имѣть значеніе самостоятельныхъ, до нѣкоторой степени, подвѣсокъ, первый же, въ виду его миніатюрности, очевидно, — заключительное звено наперсной цѣпи или спиральнаго жгута. 4) *Наручныя украшенія* — браслеты и нерстни. Обломки первыхъ, оказавшіеся въ 6-мъ и 16-мъ курганахъ, обнаруживаютъ примитивную простоту и стереотипность этихъ предметовъ,

Digitized by Google

имѣвшихъ форму обыкновенныхъ массивныхъ обручиковъ. Изъ перстней, одинъ (курганъ № 18) — въ формѣ спирали, и другой (курганъ № 7) — въ формѣ массивнаго кольца съ утолщеніемъ на верхушкѣ. Наиболѣе обычная для прибалтійскихъ кургановъ — форма перваго перстня, хотя и послѣдній не составляютъ исключительнаго явленія. Въ общемъ же перстни эти, какъ и браслеты, отличаются безыскусственностью и стереотипностью. Рядъ личныхъ украшеній долженъ быть пополненъ упоминаніемъ кольца изъ кургана № 3, которое очевидно служило подвѣскою къ поясу, — не столько, впрочемъ, въ качествѣ украшенія, сколько, по всей вѣроятности, въ цѣляхъ удобнѣйшаго прикрѣпленія къ поясу кошелька съ кресаломъ и кремнемъ и нѣкоторыми другими предметами[1]).

б) *Бытовые предметы* могутъ быть подраздѣлены на двѣ категоріи, — предметы домашняго быта и военные. Къ первой категоріи должны быть отнесены семь ножей (изъ кургановъ 1-го, 2-го, 3-го, 7-го, 16-го и 18, два), два шила (курганы 1-й и 22-й), игла (курганъ 22-й), кресало (курганъ 3-й), два серпа (курганы 4-й и 5-й), четыре глиняныхъ пряслицы (курганы 1-й, 5-й и 22-й) и глиняные горшки. Предметы военнаго быта, состоятъ преимущественно изъ топоровъ и копій; первыхъ найдено шесть, — въ курганахъ — 2-мъ, 3-мъ, 16-мъ, 19-мъ, 20-мъ и 21-мъ, — вторыхъ пять, — въ курганахъ 2-мъ, 3-мъ, 18-мъ, 19-мъ и 20-мъ. Кромѣ того, по одному военному предмету найдено было въ курганахъ 7-мъ, 18-мъ и 20-мъ, — въ 7-мъ — остатки меча съ ножнами, — въ 18-мъ — умбо и въ 20-мъ — наконечникъ стрѣлы.

Всѣ ножи отличаются небольшими размѣрами и принадлежатъ, очевидно, къ разряду ножныхъ, т.-е. такихъ, которые до послѣдняго времени носили на поясѣ, напримѣръ, витебскіе латыши[2]) и которые до сихъ поръ употребляются въ Припетскомъ Полѣсьѣ.[3]) Шилья, иглы и кресало — обычной, употребляющейся и теперь, формы.— Изъ *серповъ*, — одинъ (курганъ 4) такой же, какъ и теперь, формы и принадлежитъ къ разряду нерѣдко находимыхъ въ курганахъ, обыкновенно, совмѣстно съ предметами конской сбруи, чаще всего, съ удилами; другой серпъ (курганъ № 5), вслѣдствіе его детальныхъ особенностей (см. выше), очевидно, не могъ имѣть усвоеннаго серпамъ практическаго значенія, и такимъ образомъ его слѣдуетъ, кажется, трактовать какъ символическій знакъ, можетъ-быть, спеціально приготовленный для погребальнаго обряда. Серпы этого вида до сихъ поръ, кажется, не имѣли прецедента въ археологической практикѣ, и по сравненію съ серпами перваго, обычнаго типа, представляютъ ту особенность, что всѣ они найдены совмѣстно съ предметами, характеризующими женскія погребенія. — Пряслицы, со стороны ихъ общей формы (высокій, сравнительно, цилиндръ) и бокового спиральнаго орнамента, ближе всего стоятъ къ однороднымъ предметамъ изъ кургановъ литовской половины Виленской губерніи, хотя, въ виду стереотипности, вообще, пряслицъ, факту этому не слѣдуетъ придавать рѣшающаго значенія въ вопросахъ этнографическаго или хро-

---

[1]) Труды IX Археолог. Съѣзда. Т. I, стр. 230.
[2]) Ѳ. Покровскій. Виленскій музей древностей. Табл. XIV, 10 — 11.
[3]) Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 230.

Digitized by Google

нологическаго, по отношенію къ курганамъ, характера. — Всѣ горшки лѣпной работы, и цѣльные изъ нихъ (курганъ № 16) плошчатой формы. При несомнѣнномъ знакомствѣ строителей кургановъ съ гончарнымъ кружкомъ (см. напр., хотя бы 8-й курганъ), присутствіе въ курганахъ лѣпныхъ исключительно горшковъ должно быть объясняемо, съ наибольшею, кажется, вѣроятностію, въ смыслѣ ритуальнаго требованія, а можетъ-быть и простого, утратившаго свой первоначальный ритуальный характеръ, обычая[1]). — Топоры двоякой формы: два (курганы 2 и 16) — узкоклинковыхъ, у остальныхъ четырехъ клинокъ въ формѣ широкой пластины. Болѣе обычна для литовскихъ кургановъ первая форма, преобладающее же въ курганахъ количество топоровъ второй формы, можетъ-быть, находится отчасти въ зависимости отъ вліянія восточныхъ сосѣдей, въ курганахъ которыхъ чаще наблюдается именно эта послѣдняя форма. При одновременномъ употребленіи топоровъ обѣихъ этихъ формъ, древнѣйшими должны считаться, повидимому, топоры первой формы, по крайней мѣрѣ въ качествѣ прототипа ихъ можетъ быть указана одна изъ формъ бронзоваго топора[2]). — Копья характерныхъ особенностей не представляютъ и, какъ вообще предметъ стереотипный, могутъ служить лишь показателемъ степени воинственности оставившаго курганы народа.

При сопоставленіи количества кургановъ, въ которыхъ оказались предметы вооруженія (8), съ общею суммою раскопанныхъ кургановъ (22), обнаруживается высокая степень воинственности оставившаго курганы племени (болѣе 36%), что находилось, вѣроятно, въ зависимости отъ его пограничнаго положенія, а можетъ-быть и вызывалось тѣмъ политическимъ броженіемъ и раздробленностью, которыя должны были существовать и существовали въ эпоху образованія литовскаго государства.

г) *Предметы конскаго убора* состоятъ изъ двухъ паръ удилъ найденныхъ въ 3-мъ и 20-мъ курганахъ, двухъ *пряжекъ,* изъ кургановъ 7-го и 20-го, и одного колокольчика, изъ кургана 20-го. Къ этой же категоріи предметовъ должны быть отнесены и кавалерійскіе атрибуты, — стремена и шпора изъ кургана также 20-го. — Нѣсколько характернѣе другихъ предметовъ шпора (см. описаніе выше), но она, къ сожалѣнію, не находитъ для себя аналогичныхъ предметовъ среди курганныхъ древностей, всѣ же остальные предметы настолько стереотипной формы, что указанная аналогія ихъ въ такой же мѣрѣ возможна и съ употребляющимися до сихъ поръ однородными предметами.

Вопросъ о времени происхожденія Засвирскихъ кургановъ, вслѣдствіе отсутствія точныхъ хронологическихъ данныхъ, въ родѣ, напримѣръ, находки монетъ, можетъ быть рѣшенъ лишь въ формѣ гипотезы, и, вдобавокъ, — гипотезы очень растяжимой. Дѣло въ томъ, что предметы болѣе характерные, какъ, напр., шейный обручъ изъ кургана № 6, или серпъ изъ кургана 5-го, или вовсе не находятъ для себя аналогіи, или же аналогичны съ предметами недатированныхъ также кургановъ, другіе же предметы на столько стереотипны, что хронологическія показанія ихъ настолько же сомнительны, насколько растяжима ихъ аналогія. Тѣмъ не менѣе, за недостат-

[1]) Aspelin Antiquités du Nord Finno-Ougrien, стр. 59.

[2]) Объ этомъ нѣсколько подробнѣе см. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 195.

Digitized by Google

комъ другихъ данныхъ, приходится обратить вниманіе на аналогію послѣднихъ именно предметовъ и въ частности пряжекъ, которыя среди предметовъ личнаго наряда занимаютъ въ количественномъ отношеніи первое мѣсто. Во-первыхъ, почти всѣ пряжки подковообразной формы и слѣдовательно принадлежатъ къ позднѣйшему періоду желѣзнаго вѣка[1]). Во-вторыхъ, пряжки, найденныя въ 3-мъ и 20-мъ курганахъ, на столько типичны, что въ случаѣ возможности для нихъ аналогіи, послѣдняя не можетъ считаться случайностію, а очевидно результатъ одновременнаго происхожденія предметовъ. Аналогія эта — есть; именно пряжка 3-го кургана одинакова съ однороднымъ предметомъ съ Дрогичинскаго городища, а пряжка 20-го кургана — съ такимъ же предметомъ изъ Люцинскаго могильника. Дрогичинская пряжка, правда, сама нуждается въ хронологическомъ опредѣленіи, Люцинскій же могильникъ русская археологія находитъ возможнымъ причислять къ X вѣку. Въ виду этого факта и для Засвирскихъ кургановъ возможно допустить существованіе ихъ въ X-мъ вѣкѣ. На то же время косвеннымъ образомъ указываетъ и погребеніе въ курганѣ 8-мъ, которое по своему типу однородно съ курганами, находящимися на В. и Ю.-В. отъ описываемой мѣстности. Послѣдніе въ довольно значительномъ количествѣ обслѣдованы и, какъ оказалось, относятся къ X вѣку[2]. Впрочемъ это указаніе времени не должно быть понимаемо въ смыслѣ точнаго хронологическаго опредѣленія кургановъ: въ виду нѣкотораго разнообразія найденныхъ въ курганахъ предметовъ, а также въ виду необычно (для кургановъ съ трупосожженіемъ) значительнаго количества кургановъ, время образованія Засвирскаго могильника должно опредѣляться, кажется, нѣсколькими столѣтіями, среди которыхъ X вѣкъ занимаетъ, можетъ-быть, центральное мѣсто, или, едва ли не вѣроятнѣе, отмѣчаетъ время возникновенія могильника, конецъ котораго долженъ совпадать съ введеніемъ христіанства.

Для этнографическаго опредѣленія могильника какъ факты, имѣющіе значеніе, должны быть отмѣчены бѣлорусское нарѣчіе у окрестнаго населенія и, съ противоположной стороны, полнѣйшее сходство погребальнаго обряда и курганныхъ находокъ съ тѣми же предметами въ земляхъ исконно литовскихъ. Рѣшающее, очевидно, значеніе въ данномъ вопросѣ долженъ имѣть послѣдній фактъ, такъ какъ, въ виду почти пограничнаго литовско-славянскаго положенія присвирскаго населенія, бѣлорусскій говоръ его можетъ быть объясненъ или естественною ассимиляціею литовцевъ славянами, или вообще незначительнымъ передвиженіемъ этнографической границы по направленію на С.-З.

V. Гузковскіе курганы.

Дер. Гузки — Шеметовской волости, Свенцянскаго уѣзда. Географическое положеніе ея опредѣляется 44°10′ в. д. и 54°48′ с. ш. Курганы, или, говоря точнѣе слѣды бывшихъ когда-то кургановъ, наблюдаются въ разстояніи полуверсты на Ю.-З.

[1]) Для даннаго мѣста этотъ періодъ можно опредѣлить VIII в. и введеніемъ христіанства. См. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien.

[2]) Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 221 и сл.

Digitized by Google

отъ деревни, въ такъ называемой мѣстности Шиптарихи. Вслѣдствіе почти полнаго уничтоженія кургановъ, о существованіи ихъ никто изъ окрестныхъ жителей, конечно, не подозрѣвалъ, и намъ удалось напасть на нихъ совершенно случайно. При осмотрѣ береговъ Свирскаго озера, около дер. Гузковъ мы случайно встрѣтили пастуха этой деревни, который, зная о цѣли нашей прогулки, сообщилъ, между прочимъ, что и онъ разъ въ Шиптарихахъ нашелъ топоръ и желѣзную шляпу (очевидно, умбо). Согласившись указать намъ мѣсто находки, пастухъ привелъ насъ на упомянутыя Шиптарихи. Мѣсто это представляетъ ровную площадь, — съ слабою травяною растительностію, а по мѣстамъ и съ большими проталинами сыпучаго песку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песчаныхъ проталинъ валялись въ незначительномъ количествѣ мелкія жженыя кости и ничтожные обломки глиняныхъ лѣпныхъ черепковъ. При первомъ взглядѣ на остатки этихъ костей и черепковъ не оставалось сомнѣнія, что передъ нами мѣсто бывшихъ когда-то здѣсь кургановъ, при дальнѣйшемъ же осмотрѣ мѣстности намъ удалось найти, на З. отъ разрушенныхъ кургановъ, среди можжевеловыхъ порослей, и довольно правильной формы холмикъ — съ ясными слѣдами его искусственнаго происхожденія и нѣсколько мѣстъ, отмѣченныхъ камнями, въ расположеніи которыхъ можно было предполагать также нѣкоторую искусственность. Произведенная нами здѣсь раскопка обнаружила, что упомянутый холмикъ, несомнѣнно, — погребальный курганъ, а также и нѣкоторые изъ камней — остатки боковыхъ обложекъ кургановъ.

Холмикъ-курганъ № 1-й.

Окружность 37 шаг. Поперечникъ 14 арш. Высота надъ грунтомъ 1 арш. 2 в. Съ сѣверо-западной стороны едва замѣтные слѣды рва. По краямъ курганъ обложенъ камнями; наблюдаются также камни, уже вросшіе въ землю, и на вершинѣ кургана.

Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, — мелкія жженыя кости въ перемѣшку съ древесными углями, среди которыхъ оказался бронзовый спиральный перстень въ четыре оборота и изъ трехгранной проволоки, толщиною около $1^1/_2{}^{mm}$, внутренній діаметръ оборота 17^{mm}.

Мѣсто (2-е), обозначенное нѣсколькими, расположенными безъ всякаго порядка, камнями.

На глубинѣ десяти вершковъ, подъ оказавшеюся насыпною землею, на грунтѣ — мелкія жженыя кости и среди нихъ — желѣзный серпикъ, два бронзовыхъ спиральныхъ кольца и бронзовые же безформенные слитки. — Длина серпа, по тылью, — 147^{mm}, — по направленію тетивы — 100^{mm}; преобладающая ширина $18-19^{mm}$. Обычныхъ для серпа зубцовъ — нѣтъ, да и вообще предметъ этотъ, въ виду его миніатюрности, не могъ имѣть практическаго примѣненія: его слѣдуетъ считать или дѣтской игрушкой, или, можетъ-быть, символическимъ изображеніемъ серпа, а слѣдовательно, и вообще земледѣлія. Какъ аналогичные предметы должны быть отмѣчены: желѣзный

Digitized by Google

серпъ Стокгольмскаго Музея изъ Rimforsa, Ostergötland[1]), серповидный ножъ изъ Ясногорскаго могильника, Ковенской губ.[2]) и одинъ серпикъ изъ Роннебурга, относимый проф. Аспелиномъ къ древнѣйшему періоду желѣзнаго вѣка[3]). Со стороны формы и размѣровъ ближе всего стоитъ къ нашему послѣдній. — Кольца, въ нѣсколько оборотовъ, приготовлены изъ плоской ленточки, шириною приблизительно въ 3^{mm}; и по всей вѣроятности, имѣли значеніе орнамента на цилиндрической рукояткѣ какого нибудь предмета, хотя для перваго возможно и самостоятельное значеніе, — въ качествѣ перстня.

Мѣсто (3-е), обозначенное камнями.

На площади замкнутой намѣчаемою камнями окружностью, подъ слоемъ насыпной земли, не толще пяти вершковъ, обнаружены мелкія жженыя кости въ двухъ мѣстахъ, при чемъ въ первомъ среди костей найденъ желѣзный серпъ, а во второмъ желѣзный наконечникъ копья. — Серпъ (табл. II, фиг. 1) обращаетъ вниманіе нѣкоторыми особенностями своихъ формъ: насадъ его въ видѣ довольно массивной пластины, шириною около 25^{mm}, и длиною не менѣе (самый конецъ, повидимому, разрушился) 88^{mm}, такъ что онъ и безъ вкрѣпленія въ дерево могъ служить невполнѣ неудобною рукояткой; правильность образуемой серпомъ дуги въ срединѣ послѣдней нарушается: клинокъ серпа идетъ здѣсь почти по прямолинейному направленію; конецъ же его напоминаетъ серпъ, о которомъ была рѣчь при описаніи одного изъ Задвинскихъ кургановъ. — Копье обращаетъ на себя вниманіе своими миніатюрными размѣрами: общая длина его 180^{mm}, изъ которыхъ 80 приходится на долю конической втулки, 30 — на цилиндрической формы шейку, и только 70 — на долю клинка. Вслѣдствіе сильнаго поврежденія клинка ржавчиной, нельзя положительно утверждать, какую изъ двухъ — эллиптическую или ромбоидальную форму имѣлъ клинокъ, видно только, что онъ былъ не шире 25^{mm}. Во втулкѣ до сихъ поръ сохраняются остатки древка, по которымъ можно судить о значительно большей толщинѣ древка, сравнительно съ діаметромъ раструба втулки.

Примѣчанія.

Полное почти уничтоженіе кургановъ и происходящая отсюда незначительность добытыхъ въ нихъ вещей, самою собою, не позволяютъ дѣлать болѣе или менѣе точныхъ обобщеній, и такимъ образомъ приходится ограничиться лишь нѣсколькими общаго характера замѣчаніями.

Во-первыхъ, обрядъ погребенія — трупосожженіе внѣ кургана и, во-вторыхъ, положеніе праха въ курганѣ всегда совпадаетъ съ поверхностью грунта. Оба эти факта сближаютъ Гузковскіе курганы съ наиболѣе обычными вообще Литовскими и, въ частности съ сосѣдними Засвирскими курганами, отъ которыхъ они находятся

[1]) Montelius. Antiquités suédoises, № 485.
[2]) Pamietnik Fizyjozraficzny. Tom VI. Driat IV. Tab. IV, 7.
[3]) Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, № 1798.

Digitized by Google

въ разстояніи 2—3 верстъ. Такимъ образомъ, всѣ тѣ замѣчанія, какія умѣстны по отношенію къ Засвирскимъ курганамъ, до нѣкоторой степени приложимы и къ курганамъ Гузковскимъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что послѣдніе принадлежатъ къ болѣе раннему, повидимому, времени сравнительно съ первыми. На сравнительную древность Гузковскихъ кургановъ, кромѣ почти полнаго ихъ разрушенія подъ вліяніемъ времени, намекаетъ находка въ нихъ двухъ своеобразной формы серповъ. Меньшій изъ этихъ серповъ, какъ указано выше, ближе всего стоитъ по формѣ къ однородному предмету изъ древнѣйшаго періода желѣзнаго вѣка, аналогичные же для наибольшаго серпа предметы были, между прочимъ, находимы совмѣстно съ желѣзными римскими фибулами, значительная древность которыхъ также подтверждается нѣкоторыми основаніями[1]). Оба эти обстоятельства и слѣдуетъ имѣть въ виду при хронологическомъ опредѣленіи Гузковскихъ кургановъ и на основаніи ихъ курганы эти причислить, по крайней мѣрѣ, ко времени возникновенія Засвирскаго могильника.

VI. Понизовскіе курганы.

Именемъ Понизья обозначается теперь нѣсколько поселеній, слившихся въ одну деревню, Свирской волости, Свенцянскаго уѣзда. Географическое положеніе Понизья опредѣляется 54°51′ с. ш. и 44°2′ в. д. Курганы около Понизья находятся въ двухъ мѣстахъ, — въ разстояніи полуверсты на Ю.-В. отъ восточнаго конца деревни въ урочищѣ Туща, и въ разстояніи саженей двухсотъ на Ю.-З.-З. отъ западнаго конца, въ ур. Погорѣлье. Тущанскіе курганы, за исключеніемъ одного (см. № 1 изъ раскопанныхъ) — съ ясно выраженными признаками предметовъ подобнаго рода, представляютъ собою небольшія плоскія возвышенія, изъ которыхъ нѣкоторыя лишены даже правильности очертаній и такимъ образомъ допускаютъ мысль объ ихъ естественномъ происхожденіи. Всѣхъ такихъ возвышеній въ Тущѣ насчитывается едва десятокъ, и расположены они одинъ отъ другого въ разстояніи саженей пяти-десяти. — Погорѣльскіе курганы расположены отчасти на крестьянской и отчасти на казенной, поросшей можжевельникомъ и сосновымъ лѣсомъ, землѣ, прилегающей непосредственно къ правому берегу значительной рѣчки Страчи. Всѣ здѣшніе курганы, за исключеніемъ одного (см. № 5 изъ раскопанныхъ), отличающагося отъ другихъ и своею формою (усѣченный конусъ) и большими размѣрами, представляютъ небольшія, а иногда и едва лишь замѣтныя возвышенія въ формѣ сферическихъ сегметовъ. Всѣхъ кургановъ насчитывается въ Погорѣльѣ десятка полтора, и взаимное разстояніе между ними, такъ же какъ и въ Тущѣ, около 5—10 саженей. Въ противоположность Тущанскимъ Погорѣльскіе курганы были по бокамъ обложены камнями. Теперь, впрочемъ, камни наблюдаются только на нѣкоторыхъ курганахъ, съ другихъ же они разобраны въ позднѣйшее время для деревенскихъ построекъ. Кромѣ того, на вершинѣ всѣхъ

---

[1]) См. ниже, напр. Желядскіе курганы.

Digitized by Google

почти Погорѣльскихъ кургановъ замѣтны углубленія, современныя, по всей вѣроятности, образованію самыхъ кургановъ. У мѣстныхъ крестьянъ курганы называются копцами и значеніе ихъ опредѣляется то въ смыслѣ защитныхъ насыпей, то въ смыслѣ военныхъ могилъ. Подъ нашимъ наблюденіемъ близъ Понизья раскопано восемь кургановъ, три (№№ 1—3) въ урочищѣ Тущѣ и пять (№№ 4—8) въ ур. Погорѣлье.

Курганъ № 1-й.

Окружность 30 шаг. Поперечникъ 11 арш. Высота 1 арш. 14 в. Съ сѣверной и восточной сторонъ замѣтны части рва, раздѣляющіяся при сѣверо-восточномъ пунктѣ окружности кургана всходомъ. По грунту пластъ древесныхъ углей въ перемѣшку съ пережженою красною землею. Предметовъ никакихъ не найдено.

Курганъ № 2-й.

Окружность 60 шаговъ. Поперечникъ 19 арш. 8 в. Высота 1 арш. 10 в. Рвовъ вокругъ кургана незамѣтно.

По грунту пластъ темной земли съ примѣсью древесныхъ углей и красной перегорѣлой земли. Около средины кургана на Ю.-З. отъ центра, на грунтѣ, мелкія жженыя кости въ перемѣшку съ углями и черной землей; среди костей оказались желѣзные — топоръ, два копья, ножикъ и двѣ пряжки. Въ нѣкоторомъ разстояніи на С. отъ центра, также около средины кургана, на грунтѣ, обнаружено большое количество крупныхъ, по всей вѣроятности, лошадиныхъ, жженыхъ костей и среди нихъ — желѣзная пряжка и бронзовые щипчики. Выше костей оказалось нѣсколько камней, едва ли не служившихъ для нихъ покрытіемъ.

Топоръ изъ разряда узкоклинковыхъ, отличается небольшими размѣрами; высота его 170^{mm}; длина лезвея, по прямому направленію, 60^{mm}; длина овальнаго обуха, по направленію топорища, — 55^{mm}. Оба копья одинаковой формы, и лишь незначительно различаются по величинѣ. Подобные предметы имѣются въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ Виленскомъ Музеѣ [1]), найденные, по всей вѣроятности, въ курганахъ Виленской губерніи, и также нѣсколько экземпляровъ, найденныхъ нами по сосѣдству съ Понизьемъ, въ курганахъ Чернолужанскихъ [2]). — Щипчики (табл. I, фиг. 4) въ мѣстѣ сгиба (ушко) состоятъ изъ круглой проволоки, которая по направленію къ оконечностямъ переходитъ въ четырехгранную, расклепанную на концахъ въ плоскую, пластинку. Изъ довольно многочисленныхъ однородныхъ предметовъ [3]) ближе другихъ, по своимъ размѣрамъ и формѣ, стоитъ къ нашему № 1746 проф. Аспелина, относимый имъ къ древнѣйшему періоду желѣзнаго вѣка въ прибалтійскихъ губерніяхъ; наибольшее же

---

[1]) Каталогъ музея, 1885 г. Отд. Г. №№ 6—58.

[2]) См. ниже.

[3]) См. Ворсо. Сѣверныя древности Королевскаго Музея въ Копенгагенѣ. Спб. 1861 г., стр. 60. Montelius. Antiquités suédoises, № 200, 201 и 527. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, № 884, 1746 и 1841. Матеріалы по археологіи Россіи, № 14. Табл. XIII.

Digitized by Google

сходство эти щипчики обнаруживаютъ съ однородными желѣзными предметами изъ кургановъ Чернолужанскихъ[1]) и до мельчайшихъ подробностей, со включеніемъ сюда даже бирюзовой окраски патины, повторяютъ щипчики изъ Uppel'я[2]). — Пряжка (табл. III, фиг. 10) выгнута изъ желѣзнаго прута овальной формы, длина ея 38^{mm}, ширина 21^{mm}. Шпинекъ въ формѣ клюва. Лицевая сторона кольца орнаментирована поперечными нарѣзными линіями.

Курганъ № 3-й оказался естественнаго происхожденія.

Курганъ № 4-й.

Окружность 35 шаг. Поперечникъ 10 арш. 8 в. Высота надъ грунтомъ 1 арш. 6 вершк. Рва кругомъ незамѣтно; по краямъ курганъ обложенъ камнями.

На В. отъ центра кургана, на высотѣ десяти вершковъ надъ грунтомъ, кучка мелкихъ жженыхъ костей. По грунту пластъ красноватой жженой земли. Около центра кургана углубляющаяся на 12 вершковъ въ грунтѣ яма, заполненная пескомъ съ угольными вкрапинами. На днѣ этой ямы — кучка не вполнѣ пережженыхъ костей, среди которыхъ различаются остатки очень толстаго черепа. По сосѣдству съ костями оказались желѣзные, топоръ, копье, ножъ и шило. На внутренней поверхности втулки топора остатки приварившейся пряжки.

Курганъ № 5-й.

Окружность 73 шага. Поперечникъ 23 арш. Высота 1 арш. 7 в. Кругомъ кургана ровъ: всходовъ незамѣтно. Прежде курганъ былъ обложенъ камнями, которые увезены отсюда для починки дороги. На поверхности кургана наблюдаются слѣды ямъ, въ которыхъ крестьяне сосѣдней деревни зарывали на зиму картофель. По грунту слой черной земли съ красными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пятнами. Въ самой насыпи, по мѣстамъ, попадаются древесные угли. Около средины, углубляющаяся на одинъ приблизительно аршинъ въ грунтѣ, яма, заполненная землей, которая въ нижней части перемѣшана съ мелкими жжеными костями, среди которыхъ найдена желѣзная пряжка обыкновенной для этой мѣстности формы. Нѣсколько выше костей, приблизительно, на уровнѣ грунта, оказалась бронзовая спираль, приготовленная изъ тонкой пластинки, шириною въ 4^{mm}.

Курганъ № 6-й.

Окружность 27 шаговъ. Поперечникъ 10 арш. 8 в. Высота 14 вершк. Рва кругомъ незамѣтно. Камни, облегавшіе края, вынуты въ позднѣйшее время.

---

[1]) См. ниже.
[2]) Katalog der Ausstellug zum X archäologischen Kongress in Riga 1896. Taf. XXIX, 15.

Digitized by Google

Подъ срединою насыпи углубляющаяся на 1 арш. 2 в. въ грунтъ яма, на днѣ которой наблюдаются древесные угли, и найденъ поврежденный ржавчиною желѣзный насадъ ножа съ незначительной уцѣлѣвшей частью клинка.

Курганъ № 7-й.

Окружность 38 шаг. Поперечникъ 12 арш. 11 в. Высота 1 арш. 5 в. Съ С.З.З. и Ю.Ю.В. — слѣды рва въ формѣ едва замѣтныхъ ямъ. По краямъ курганъ обложенъ камнями. На вершинѣ — углубленіе, и въ немъ оказалось двѣ-три жженыхъ, повидимому, косточки.

По грунту — темная, съ вкрапинами древесныхъ углей, земля; попадаются угли и въ самой насыпи. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, жженыя кости, въ перемѣшку съ древесными углями, и среди нихъ обломки бронзоваго, по всей вѣроятности, орнаментнаго колечка. Подъ костями воткнутые въ грунтъ желѣзный топоръ, два копья и ножъ. Близъ сѣверо-восточной периферіи костяного пятна — обломки глинянаго горшка.

Курганъ № 8-й.

Окружность 52 шага. Поперечникъ 16 арш. Высота 1 арш. 9 в. Рва не видно. По краямъ курганъ обложенъ камнями.

По грунту — слой темной земли съ большимъ количествомъ древесныхъ углей. Другой слой темной земли, съ мелкими угольными вкрапинами, наблюдается на высотѣ одного аршина надъ первымъ. Въ нижнемъ слоѣ, около средины кургана, — жженыя кости и среди нихъ желѣзные шпоры и пряжка. Обѣ шпоры (табл. III, 11) одинаковой формы. Каждая изъ нихъ приготовлена изъ стержня, длиною въ 68^{mm}, имѣющаго въ поперечномъ разрѣзѣ форму полукруга, величиною въ 7^{mm} по діаметру. Стержень образуетъ дугу, длиною, по направленію хорды, въ 52^{mm}. Вершина дуги, служащая точкою опоры для иглы, расклепана и обработана въ формѣ четырехугольника, величиною въ 10×12 кв. милл. На одной изъ внѣшнихъ сторонъ четырехугольника — изогнутый въ формѣ крючка отростокъ, длиною въ 8^{mm}. Игла, конической формы, величиною въ $\frac{\pi 3^2 9^{mm}}{3}$. Къ дугѣ съ внутренней стороны прикрѣплена изогнутая въ такую же дугу пластинка, служившая для вкрѣпленія между нею и дугою шпоры ремня, посредствомъ котораго, очевидно, шпора прикрѣплялась къ обуви. При всей своеобразности формы, шпоры эти тѣмъ не менѣе находятъ для себя очень близкую аналогію въ бронзовой шпорѣ Митавскаго Музея, изъ Капседена [1]) относимой къ древнѣйшему періоду желѣзнаго вѣка въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Такой же формы шпоры мы имѣли случай наблюдать въ Берлинскомъ Этнографическомъ Музеѣ [2]); найдены онѣ въ Kossewen'ѣ (Вост. Пруссія) и относятся, по тамошней классификаціи, къ позднѣйшему времени римско-императорскаго періода (100—350 гг. по Р. Х.). Пряжка одной формы съ вышеописанными.

---

[1]) Aspelin. Antiquités du Nord-Finno-Ougrien, № 1843.

[2]) Führer durch das Museum für Völkerkunde. Berlin, 1893. s. 35.

Digitized by Google

Примѣчанія.

Изъ трехъ раскопанныхъ въ Тущанской группѣ кургановъ только въ одномъ (2) были обнаружены ясные слѣды погребенія и только здѣсь найдено было нѣсколько предметовъ, поэтому о какихъ бы то ни было обобщеніяхъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи: въ дополненіе къ тому, что сказано въ описаніи кургана съ содержаніемъ (3-го), слѣдуетъ лишь отмѣтить общее сходство найденныхъ въ курганѣ вещей съ однородными предметами Погорѣльской группы и еще большее — съ такими же предметами Чернолужанскихъ кургановъ, хотя погребеніе въ Тущанскомъ курганѣ, со стороны нѣкоторыхъ его подробностей, равно какъ и со стороны внѣшней формы кургана, представляетъ нѣкоторыя особенности, намекающія, повидимому, на позднѣйшую модификацію. Неизлишне также отмѣтить присутствіе въ Тущанскомъ курганѣ остатковъ коня: фактъ этотъ можетъ служить посредствующимъ звѣномъ, дополняющимъ аналогію съ Погорѣльскими и Чернолужанскими курганами кургановъ Рышанскихъ[1]), сходство между которыми, кромѣ того, обнаруживается въ помѣщеніи остатковъ погребальнаго костра и грунтовой ямѣ.

Общія черты Погорѣльскихъ кургановъ могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ:

Обрядъ погребанія — трупосожженіе, которое производилось, повидимому, близъ самого кургана, о чемъ можно догадываться по присутствію вкрапинъ древесныхъ углей въ насыпяхъ почти всѣхъ кургановъ и красной (жженой) земли въ курганѣ пятомъ. Особенно рѣзко выступаютъ угольные пласты въ курганѣ 8-мъ. Въ виду отсутствія близъ этого, сравнительно большого, кургана периферіальнаго рва, и, съ другой стороны, вслѣдствіе не настолько все-таки значительнаго количества углей, чтобы въ нихъ можно было предполагать остатокъ бывшаго здѣсь именно костра, слѣдуетъ, кажется, допустить, что вся насыпь этого кургана составилась изъ земли, взятой съ мѣста погребальнаго костра, который по этому самому едва ли могъ далеко находиться отъ мѣста кургана.

Остатки костра, — кости и огнеупорные предметы, — переносились въ заранѣе, очевидно, приготовленную яму и здѣсь зарывались извлеченною изъ ямы землею, а потомъ насыпь эта пополнялась отчасти землею, взятою у самого основанія кургана и, кажется, одновременно — съ мѣста погребальнаго костра. Вслѣдствіе характера почвы размѣры ямъ въ горизонтальномъ направленіи не поддаются опредѣленію, глубина же ихъ колеблется въ предѣлахъ 8—18 вершковъ, или, выражая её посредствомъ средняго ариѳметическаго числа, равняется 13 вершкамъ. Погребеніе въ ямѣ является, впрочемъ, только наиболѣе обычною, но не исключительною формою: въ курганѣ, напримѣръ, восьмомъ прахъ оказался на поверхности грунта. Слѣдуетъ также отмѣтить фактъ обнаруженія жженыхъ костей въ курганѣ № 7-й почти на самой поверхности насыпи. Послѣдній фактъ касается, впрочемъ, не столько общаго ритуала

---

[1]) См. выше.

Digitized by Google

погребенія, сколько частнѣйшихъ, кстати замѣтить, обычныхъ при наблюдаемомъ въ нашихъ мѣстахъ обрядѣ трупосожженія, случаевъ погребенія праха въ готовомъ уже курганѣ.

Средняя величина раскопаннаго кургана опредѣляется слѣдующими измѣреніями: окружность 45 шаговъ, поперечникъ 14½ арш., высота 1 арш. 5 вершковъ. Если же исключить данныя, относящіяся къ пятому изъ раскопанныхъ кургановъ, выдѣляющемуся, какъ выше замѣчено, особенно большими размѣрами, то приведенныя числа должны быть понижены до слѣдующихъ величинъ: окружность 38 шаговъ, поперечникъ 12 арш. 7 вершк., высота 1 арш. 5 верковъ. Но и эти размѣры опредѣляютъ среднюю величину лишь не болѣе половины Погорѣльскихъ кургановъ, курганы же остальной половины представляютъ едва замѣтные подъемы почвы, узнаваемые часто лишь по присутствію около нихъ камней. Какъ характерныя отчасти особенности Погорѣльскихъ кургановъ, кромѣ каменнаго бокового покрова, должны быть отмѣчены очень незначительные размѣры, или даже полное отсутствіе, периферіальныхъ рвовъ и наблюдаемыя на поверхности кургановъ стародавнія ямы. Послѣднія, какъ и въ Рымшанскихъ курганахъ (см. выше), очевидно результатъ погребенія въ грунтовой ямѣ, незначительные же размѣры или даже отсутствіе периферіальныхъ рвовъ опредѣляется едва ли не обычаемъ насыпать курганъ отчасти изъ земли, взятой по близости погребальнаго костра, и естественнымъ, конечно, заполненіемъ погребальной ямы извлеченною изъ нея же землею.

Общая сумма добытыхъ въ Погорѣльскихъ курганахъ предметовъ едва достигаетъ полутора десятковъ; здѣсь найдены: три желѣзныхъ ножа, два узкоклинковыхъ топора, три (одно съ обратными зубцами) копья, одно шило, остатки бронзовыхъ орнаментныхъ спиралей, двѣ желѣзныя шпоры и три такихъ же, поясныхъ, очевидно, пряжки. Такимъ образомъ, если не считать послѣднихъ трехъ предметовъ, ни въ одномъ курганѣ не оказалось предметовъ личнаго наряда, и, наоборотъ, нѣтъ почти ни одного кургана, въ которомъ бы не найдено было по крайней мѣрѣ намековъ на бытъ военный. Въ частности, напримѣръ, ножи, — эти обычные спутники мирной жизни, и тѣ въ Погорѣльскихъ курганахъ отличаются значительными сравнительно размѣрами и такимъ образомъ и они едва ли не имѣли значенія военнаго оружія. Изъ всѣхъ Погорѣльскихъ предметовъ наибольшею характерностью отличаются шпоры (курганъ № 8) находящія для себя аналогію лишь въ древнѣйшихъ однородныхъ предметахъ желѣзнаго вѣка. Характерна также и пряжка изъ того же кургана, изогнутая въ своихъ продольныхъ сторонахъ, не наблюдаемая въ курганахъ позднѣйшаго времени.

Послѣднія два обстоятельства являются однимъ изъ скудныхъ вообще фактовъ, указывающихъ на сравнительную, хотя бы, напримѣръ, относительно Засвирскихъ (см. выше) кургановъ, древность Погорѣльскихъ кургановъ. На сравнительную также древность намекаетъ и преобладающій въ Погорѣльскихъ курганахъ фактъ погребебенія праха ниже поверхности грунта, — въ ямѣ.

На основаніи обряда погребенія и общаго характера находокъ Погорѣльская, равно какъ и Тущанская курганныя группы должны быть причислены къ разряду кургановъ Литовскихъ.

Digitized by Google

VII. Чернолужанскіе курганы.

Заст. Черная Лужа, Свирской вол., Свенцянскаго у., получившій свое названіе отъ небольшого озера того же имени, находится, считая отъ м. Свири по направленію къ Вильнѣ, на третьей верстѣ Полоцкаго тракта. Астрономическое положеніе застѣнка опредѣляется, приблизительно, 44°5′ в. д. и 54°52′ с. ш. Курганы находятся въ разстояніи саженей ста на С.В. отъ застѣнка и не далѣе одной версты на С.С.В. отъ озера Черной Лужи. Начинаются они у самого Полоцкаго тракта и тянутся отсюда по направленію на С.С.В. по одной изъ грядъ волнистой вообще здѣшней мѣстности. Площадь, занятая курганами, находится подъ полемъ крестьянъ дер. Кучекъ. Вслѣдствіе песчаной, безплодной почвы поле это распахивается лишь по мѣстамъ и то не каждогодно, поэтому часть кургановъ въ настоящее время находится на полосахъ не распаханныхъ или даже на мѣстахъ совсѣмъ нетронутыхъ, другая же часть — подъ полевыми посѣвами. Вслѣдствіе распашки вокругъ кургановъ поля настоящая величина ихъ не можетъ считаться дѣйствительною, тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ можно различать по величинѣ курганы двухъ родовъ, — большіе и меньшіе. Типичнымъ образцомъ первыхъ можетъ считаться № 1-й изъ раскопанныхъ (см. ниже), для вторыхъ — № 2-й. Взаимное разстояніе между курганами, свободными отъ запашки, не превосходитъ обыкновенно пяти саженей, нерѣдко же курганы прилегаютъ непосредственно одинъ къ другому. Всѣхъ кургановъ, находящихся на свободныхъ отъ запашки мѣстахъ, насчитывается теперь до сорока, и столько же, если не болѣе, ихъ уничтожено, несомнѣнно, при распашкахъ поля. Во время запашекъ, по словамъ крестьянъ, попадается здѣсь множество мелкихъ костей, и не разъ находимы были желѣзныя копья. Говорятъ также о разныхъ вещахъ, найденныхъ сосѣднимъ помѣщикомъ Хоминскимъ, который дѣлалъ попытку раскопки Чернолужанскихъ кургановъ. Мѣстнаго названія для обозначенія кургановъ нѣтъ, но крестьяне выражаютъ мнѣніе, что на курганахъ стояли когда-то Шведы, а за деревней „Русскіе“, одновременно со Шведами, стояла Екатерина. Подъ вліяніемъ послѣдняго сообщенія мы сочли своею обязанностію заглянуть и въ деревню „Русскіе“, которая находится на самомъ берегу озера Черной Лужи. Дѣйствительно, близъ самой деревни оказалось два, совершенно однородныхъ по внѣшнему виду съ Чернолужанскими, кургана, къ сожалѣнію, сильно поврежденные, зарываніемъ въ нихъ на зиму картофеля. Такимъ образомъ изслѣдованію подвергнуты были исключительно Чернолужанскіе курганы, гдѣ и раскопано двѣнадцать экземпляровъ.

Курганъ № 1-й.

Окружность 45 шаг. Поперечникъ 16 арш. Высота 1 арш. 6 в. Рва незамѣтно: насыпь состоитъ изъ крупнаго рѣчного гравія, въ нижнихъ частяхъ (въ грунтовыхъ ямахъ) настолько чистаго, что онъ, какъ будто, предъ употребленіемъ въ дѣло былъ предварительно промытъ.

Digitized by Google

Подъ насыпью въ двухъ мѣстахъ углубленіе на 13 вершковъ въ грунтъ, — одно около центра кургана, а другое въ юго-западной его части. Въ самомъ центрѣ кургана, на высотѣ грунта, оказалось двѣ-три едва замѣтныхъ жженыхъ косточки; въ нѣкоторомъ разсѣяніи на Ю.З., на такой же высотѣ, — кремневый ножикъ обычной, неправильной формы, длиною въ 75^{mm} и шириною около 20^{mm}.

Курганъ № 2-й.

Окружность 28 шаг. Поперечникъ 8 арш. Высота 1 арш. 4 в. Ровъ, вѣроятно, уничтоженъ, потому что курганъ находится среди бывшаго поля.

Курганная насыпь на 9 вершковъ углубляется въ грунтъ. На днѣ ямы, внутри кольца изъ мелкаго озернаго, также весьма чистаго, гравія, — слабѣе чѣмъ въ другихъ, обыкновенно, случаяхъ, пережженныя кости. По краямъ костяного пятна въ разныхъ мѣстахъ оказались бронзовый браслетъ и два такихъ же кольца и желѣзные — копье, римская фибула и пряжка. Браслетъ въ 1$^1/_2$ оборота, — изъ четырехгранной проволоки, толщиною въ 2$^1/_2$^{mm}. Копье (Табл. II, 2) клинокъ овальный, длиною въ 130^{mm} и шириною (наибольшею) въ 35^{mm}; по срединѣ, во всю длину его, — острое ребро; втулка коническая, длиною въ 90^{mm}, и до сихъ поръ заполнена остатками древка. Послѣдній фактъ говоритъ о непосредственномъ погруженіи ея въ курганъ, помимо погребальнаго костра, что также подтверждается, (кстати замѣтить, — и для всѣхъ предметовъ этого кургана), сильнымъ ея и другихъ желѣзныхъ предметовъ окисленіемъ. При своей, въ общемъ, стереотипной формѣ копье отличается возможнымъ для предметовъ этого рода изяществомъ и напоминаетъ копье изъ перваго Межанскаго кургана [1]). Фибула — въ состояніи сильнаго окисленія, и поэтому детальныя особенности ея могутъ быть возстановлены лишь посредствомъ сравненія съ тождественными, судя по всему, предметами изъ Желядскихъ кургановъ [2]). Пряжка также, какъ и фибула, покрыта ржавчиною; имѣетъ она форму овальную и орнаментирована мелкими нарѣзами; игла — въ формѣ птичьяго клюва. При общихъ чертахъ сходства съ другими пряжками описываемыхъ кургановъ, этотъ экземпляръ отличается большею массивностію и сравнительнымъ изяществомъ.

Курганъ № 3-й.

Окружность 31 шагъ. Поперечникъ 13 арш. Высота 1 арш. 5 в. Рва кругомъ незамѣтно. Курганная насыпь, начиная почти съ периферій, углубляется въ грунтъ приблизительно на поларшина и до этой высоты состоитъ изъ земли чернаго цвѣта. На всемъ почти протяженіи кургана, непосредственно надъ чернымъ пластомъ, разсѣяны мелкія жженыя кости, которыя около центра кургана углубляются отчасти и въ черный пластъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи на З. отъ центра кости перемѣшаны

[1]) См. Труды Виленскаго Археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 173. Неизлишне замѣтить, что и браслеты этихъ двухъ кургановъ, при всей ихъ простотѣ, обнаруживаютъ замѣчательное сходство.

[2]) См. Желядскіе курганы, №№ 7, 10 и 11.

Digitized by Google

съ красною, жженою землею и здѣсь оказались: желѣзный узкоклинковый топоръ, два копья или дротика и ножъ, и обломки бронзоваго колечка изъ плоской пластинки, шириною въ 4^{mm}. Въ срединѣ южной половины кургана, на половинѣ высоты насыпи, подъ прикрытіемъ камней, — другое погребальное пятно, въ видѣ жженыхъ костей, среди которыхъ помѣщались: желѣзный топоръ, два копья, ножъ и желѣзная же римская фибула. Ножъ со стороны тылья обнаруживаетъ незначительную тенденцію изгиба внизъ. Насадъ въ формѣ трехугольной пластины, длиною въ 58^{mm}. Кривизна тылья характеризуетъ ножъ со стороны сравнительной его древности, хотя, впрочемъ, этотъ признакъ и не такъ ясно выраженъ здѣсь, какъ въ другихъ аналогичныхъ предметахъ изъ тѣхъ же, разсматриваемыхъ кургановъ [1]). Топоръ, копья и ножъ второго погребальнаго пятна обнаруживаетъ замѣчательное сходство съ однородными предметами перваго погребенія. Фибула состоитъ изъ ровной на всемъ протяженіи пластинки, толщиною въ два миллиметра и шириною въ 8^{mm}, согнутой, въ плоскости ея ширины, въ видѣ правильной полуокружности, имѣющей, по направленію внѣшняго діаметра, 55^{mm}. Свободнымъ концомъ лука переходитъ въ служащій замычкою фибулы желобокъ, длиною въ 27^{mm}, чрезъ другой же конецъ ея проходитъ круглый стержень, длиною въ 35^{mm}, образующій ось спиральной пружины. Пружина зажата на оси при помощи двухъ (уцѣлѣла одна) шаровидныхъ гаекъ. Какъ на единственный пока вполнѣ аналогичный предметъ мы можемъ указать на такую же фибулу, доставленную въ 1895 году въ Импер. Арх. Комиссію изъ Трокскаго уѣзда; въ общихъ же чертахъ сходство съ этою фибулою обнаруживаютъ и найденныя въ предыдущемъ курганѣ, и фибулы изъ Желядскихъ и Пильвинскихъ кургановъ [2]).

Курганъ № 4-й.

Окружность 18 шаговъ. Поперечникъ 7 арш. 8 вершк. Курганъ распахиваемъ и поэтому въ настоящее время поднимается надъ сосѣднею почвою не болѣе 6 вершк. Окружнаго рва незамѣтно. На поверхности кургана наблюдается нѣсколько мелкихъ жженыхъ косточекъ и четыре камня.

Основаніе насыпи углубляется вершковъ на шесть въ грунтъ, и здѣсь, на бѣлопесочной подстилкѣ, пластъ черной земли въ перемѣжку съ древесными мелкими углями; никакихъ другихъ признаковъ погребенія не обнаружено.

Курганъ № 5-й.

Окружность 38. Поперечникъ 11 арш. 14 в. Высота 1 арш. 6 в. (вершина отчасти развѣяна вѣтромъ). Рва кругомъ незамѣтно.

По грунту — обычный пластъ черной земли. Курганъ выдѣляется изъ ряда другихъ по количеству обнаруженныхъ въ немъ погребеній, а также и по характернымъ

---

[1]) См. ниже.
[2]) См. ниже.

Digitized by Google

особенностямъ нѣкоторыхъ изъ этихъ погребеній. Въ центрѣ кургана, вершка на три выше чернаго слоя, жженыя кости внутри кольцеобразной ограды изъ булыжныхъ камней. Въ разстояніи одного аршина на Ю.-Ю.-В. отъ центра, въ грунтовой ямѣ, сложенный изъ цѣльныхъ и битыхъ (плитки) булыжныхъ камней ящикъ съ дномъ и покрышкою. Дномъ ящика служитъ одинъ, обращенный болѣе гладкою стороною вверхъ, камень; также и покрышка состоитъ изъ одного камня, обращеннаго гладкою стороною внизъ. Стороны камней, образующія дно и покрышку, могутъ быть опредѣлены величиною, приблизительно, въ квадратный полуаршинъ, а емкость ящика не болѣе кубическаго полуаршина. Ящикъ до самыхъ краевъ углубленъ въ материкъ. такъ что покрышка его приходится въ одной плоскости съ поверхностью грунта. Въ ящикѣ — мелкія жженыя кости и среди нихъ — бронзовый браслетъ и такое же спиральное кольцо и желѣзные щипчики и пряжка. Въ разстояніи аршинъ полутора на С. отъ центра, на высотѣ вершковъ пяти надъ грунтомъ, — желѣзная пряжка. Въ разстояніи аршинъ двухъ на Ю. отъ центра такой же какъ вышеописанный и въ такомъ же положеніи каменный ящикъ незначительно меньшихъ, впрочемъ, размѣровъ. Какъ и тамъ, въ этомъ ящикѣ оказались жженыя, крупныя (можетъ быть не человѣческія) кости и среди нихъ желѣзная пряжка. Въ разстояніи двухъ аршинъ на С.-З. отъ центра, на высотѣ четырехъ вершковъ надъ грунтомъ, — мелкія жженыя кости и среди нихъ двѣ желѣзныя пряжки и бронзовое колечко. Наконецъ, въ разстояніи двухъ аршинъ на Ю.-В.-В. отъ центра, третій, каменный ящикъ также съ мелкими жжеными костями, среди которыхъ найдены двѣ глиняныхъ пряслицы.

Найденный въ курганѣ браслетъ — въ формѣ неправильнаго кольца въ $1^1/_5$ оборота, изготовленъ изъ четырехгранной проволоки, толщиною въ 3×3 кв. милл.; приблизительный діаметръ около 50^{mm}. Отъ браслета, найденнаго въ курганѣ № 2, этотъ отличается меньшимъ лишь діаметромъ. Перстень — въ три оборота изъ трехгранной проволоки, толщиною въ 2^{mm}. Щипчики (таб. I, 4) изъ полуовальнаго стержня, который на концахъ расклепанъ въ равносторонніе треугольники. Длина щипчиковъ 96^{mm}, ширина, при оконечностяхъ, — 24^{mm}. Со стороны общей формы щипчики одинаковы съ найденными во второмъ Понизовскомъ [1]) курганѣ. Всѣ пряжки подобныя тѣмъ которыя воспроизводятся на табл. III. 7 и 9 обыкновенной овальной формы; игла — въ формѣ хоботка; стержень, образующій кольцо, почти круглый и въ передней части орнаментированъ въ высшей степени тонкими спиральными нарѣзами.

Одна изъ пряслицъ одинакова съ найденною въ первомъ Засвирскомъ курганѣ и др. [2]).

Курганъ № 6-й.

Окружность 30 шаг. Поперечникъ 11 арш. 7 в. Высота надъ грунтомъ 1 арш. 6 в. Съ сѣверо-восточной стороны замѣтны слѣды рва. На поверхности кургана раз-

---

[1]) См. выше.
[2]) См. выше.

Digitized by Google

бросано нѣсколько мелкихъ жженыхъ косточекъ и четыре небольшихъ булыжника: слѣды, вѣроятно, разрушеннаго погребенія. Попадаются жженыя кости также и непосредственно подъ дерномъ. Въ срединѣ кургана углубленіе вершковъ на 13 въ грунтъ, наполовину почти заполненное землею чернаго (дегтярнаго) цвѣта. Слой такой же земли наблюдается, по грунту, и въ западной части кургана. Около центра кургана, почти непосредственно надъ слоемъ черной земли, двѣ-три жженыхъ косточки среди лежащихъ въ безпорядкѣ небольшихъ булыжниковъ. Въ разстояніи аршина на Ю.-В. отъ центра, на высотѣ 12 вершковъ надъ грунтомъ, жженыя кости, среди четырехъ небольшихъ булыжниковъ. Въ такомъ же разстояніи на Ю.-З. отъ центра, на грунтѣ,— кучка жженыхъ костей и въ ней — желѣзный ножъ и пряжка. Въ разстояніи около двухъ аршинъ на С. отъ центра, на грунтѣ, — прикрытыя камнями жженыя кости и среди нихъ желѣзная рукоятка отъ щита и пряжка обыкновенной для этой мѣстности формы, а рядомъ, съ сѣверной стороны, желѣзное умбо, топоръ, ножъ и два воткнутыхъ въ грунтъ копья. Рукоятка отъ щита — въ формѣ прямой, тонкой пластины, длиною въ 146^{mm} и шириною въ 21^{mm}; при концахъ пластина нѣсколько расширяется; прикрѣплялась рукоять къ щиту при посредствѣ наблюдающихся до сихъ поръ на концахъ пластины пробоинъ. Умбо во многихъ мѣстахъ покрыто налетомъ ржавчины и носитъ явные слѣды поврежденій. Поля его плоскія, шириною въ 26^{mm} и по краю орнаментированы выпуклинами. Выпуклая часть при основаніи имѣетъ цилиндрическую форму къ вверху, заканчивается конусомъ; общій объемъ выпуклости $\frac{\pi 48^2 22 + \pi 44^2 38^{mm}}{3}$. Въ общемъ умбо это представляетъ промежуточное звено между двумя такими же предметами, изъ которыхъ одинъ найденъ въ Чернолужанскомъ же десятомъ[1]) курганѣ, а другой въ семнадцатомъ Засвирскомъ, причемъ описываемое умбо значительно ближе стоитъ по формѣ къ послѣднему[2]). Топоръ узкоклинковый, ножъ обычной простой формы. Копья (табл. IV, 2) различаются между собой лишь незначительными особенностями и обнаруживаютъ нѣсколько детальныхъ подробностей, сближающихъ ихъ съ нѣкоторыми экземплярами изъ Лядинскаго, Тамбовской губ., могильника[3]).

Курганы №№ 7, 8 и 9-й не представили ничего особеннаго.

Въ курганѣ № 10 при погребеніи, схожемъ съ вышеописанными, найденъ также умбо (рис. 16), плоскія поля котораго отчасти разрушенныя ржавчиною и искривленныя во время, вѣроятно, пребыванія предмета въ огнѣ, имѣютъ въ ширину 40^{mm}; по краю они орнаментированы сплошнымъ рядомъ чеканныхъ сферическихъ сегментовъ. Выпуклая часть умбо въ формѣ (не вполнѣ, впрочемъ, правильной) полусферы, величиною, по діаметру, въ 145^{mm}. На поляхъ умбо восемь пробоинъ, въ двухъ изъ которыхъ уцѣлѣли гвозди, посредствомъ которыхъ умбо прикрѣплялся къ щиту. Гвозди эти приготовлены изъ почти круглыхъ проволокъ, толщиною около

---

[1]) См. ниже.
[2]) См. Засвирскіе курганы № 17; тамъ же и указаніе аналогичныхъ предметовъ.
[3]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 10. Табл. X, 32.

Digitized by Google

5^{mm}, и снабжены шляпками въ формѣ правильныхъ сферическихъ сегментовъ, величиною въ 15^{mm}, по діаметру сѣченія. На основаніи изгибовъ гвоздей, толщина щита опредѣляется въ 14^{mm}. При сравненіи съ однородными предметами, характеризующимися сферическою вообще формою выпуклыхъ частей [1]), больше всего этотъ умбо обнаруживаетъ сходства съ экземпляромъ изъ кургана въ Hammenhög, Skäne, находящемся въ Стокгольмскомъ Музеѣ и относимомъ къ древнѣйшему періоду желѣзнаго вѣка въ Скандинавіи. Сходство между нашимъ и скандинавскими умбо простирается даже на форму уцѣлѣвшихъ въ нихъ гвоздей. Рукоятка отъ щита желобчатой формы,

Рис. 16.

длиной въ 142^{mm}, по направленію къ оконечностямъ постепенно расширяется и на одномъ концѣ обрѣзана по прямой линіи, а на другомъ — по не вполнѣ правильной кривой; наибольшая ширина ея 40^{mm}. Въ находящихся при оконечностяхъ пробоинахъ до сихъ поръ сохраняются такіе же, какъ и въ поляхъ умбо, гвозди. Клинокъ ножа, найденнаго въ этомъ курганѣ имѣетъ форму среднеширокую, съуживающеюся къ концу, пластиной, длиною въ 60^{mm}. Со стороны общей формы онъ напоминаетъ намъ фигуру такихъ же бронзовыхъ предметовъ и желѣзныхъ — древнѣйшаго вре-

[1]) Ворсо, Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ, № 340.— Montelius. Antiquités suédoises, №№ 282 и 517.—Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien № 1300.— Katalog d. Ausstellung z. X arch. Korgress in Riga. Taf. XII, 4.

Digitized by Google

мени [1]). Копья этого кургана (табл. IV, 1 и 3) имѣютъ клинокъ — овальной формы съ срѣзанными по прямому направленію краями; длина его 97^{mm}, наибольшая ширина — 25^{mm}. Втулка въ формѣ конуса, переходящаго, на шейкѣ, въ четырехгранную пирамиду; длина втулки 150^{mm}, внѣшній діаметръ раструба 20^{mm}. Копье третье (табл. II, 3): клинокъ правильной эллиптической формы, величиною по продольной оси — въ 115^{mm} и по поперечной — въ 22^{mm}; втулка коническая, длиною въ 93^{mm}; діаметръ раструба около 20^{mm}. Всѣ копья изъ этого кургана отличаются изяществомъ работы и, въ виду незначительности размѣровъ, имѣли, вѣроятно, значеніе дротиковъ. Похожи они на экземпляръ изъ Mästaremala, Blekinge [2]), и на копье изъ Ясногорскихъ, Ковенской губерніи, кургановъ [3]). Характерный для всѣхъ этого кургана предметовъ налетъ окалины производитъ полнѣйшую иллюзію окраски ихъ въ красный цвѣтъ.

Курганъ № 11-й.

Окружность 40 шаг. Поперечникъ 15 арш. Высота 1 арш. 13 в. У сѣверной половины едва замѣтные слѣды рва и, въ самой точкѣ сѣвера, — всхода. На сѣверной также сторонѣ сохранились остатки, повидимому, каменной обложки кургана.

Въ срединѣ кургана небольшое углубленіе въ грунтъ, прикрытое представляющими нѣкоторое подобіе мостовой камнями, среди которыхъ попадаются мелкія жженыя кости. Плоскость мостовой совпадаетъ съ поверхностью грунта.

Предметы найденые въ курганѣ № 12 схожи съ вышеописанными; копья воспроизводятся на табл. II, 4 и 5.

Примѣчанія.

Общій для всѣхъ кургановъ обрядъ погребенія — трупосожженіе внѣ кургана. Судя по присутствію въ нижнихъ частяхъ большинства кургановъ пластовъ черной земли, представляющей что-то въ родѣ органическаго перегноя, слѣдуетъ, повидимому, предполагать, что погребальный костеръ находился не по сосѣдству съ курганомъ, гдѣ почва — желтый песокъ, а можетъ быть въ сосѣднихъ низинахъ, или даже на болотистыхъ берегахъ озера Черной Лужи. Замѣчательная сохранность желѣзныхъ предметовъ, вслѣдствіе покрывающей ихъ окалины, свидѣтельствуетъ что вмѣстѣ съ прахомъ предавались огню и разные аттрибуты домашняго и общественнаго быта умершаго. Нѣкоторое, повидимому, исключеніе представляетъ курганъ № 2, въ которомъ желѣзныя вещи оказались въ состояніи сильнаго окисленія, а въ наконечникѣ копья — даже остатки древка. Такое состояніе вещей указываетъ, повидимому, на непосредственное погруженіе ихъ въ курганъ, помимо костра; но если обратить вниманіе на состояніе и самыхъ костей, оказавшихся въ этомъ курганѣ, то едва ли не

---

[1]) См. напр. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Période ancienne de l'age du fer dans les provinces Baltiques, № 1794.

[2]) Montelius. Antiquités suédoises. Le premier age du fer, № 275.

[3]) Pamietnik Fizyjograczny. Tom. VII. 1887 r.— Dzial. IV. Tab. VII, i.

Digitized by Google

вѣроятнѣе будетъ объяснять указанное состояніе вещей лишь не особенно высокою температурою костра; и такимъ образомъ сожженіе умершаго совмѣстно съ предметами найденными въ курганахъ остается безусловно общимъ явленіемъ.

Остатки праха съ погребальнаго костра переносились, конечно, на мѣсто кургана. Употреблялись ли для перенесенія праха, какъ это наблюдается въ болѣе сѣверныхъ Литовскихъ курганахъ, глиняные горшки—рѣшить это на основаніи данныхъ раскопки нельзя, хотя неизлишне замѣтить, что и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ занятой курганами площади попадаются мелкіе черепки, иногда,—лѣпной работы, которые, очевидно, имѣютъ отношеніе къ курганамъ, но какое отношеніе лѣпные горшки имѣли къ обряду погребенія въ Чернолужанскихъ курганахъ должно оставаться невыясненнымъ. Остатки погребальнаго костра лишь въ трехъ курганахъ (№№ 1, 9, 12) оказались на поверхности грунта, въ большинствѣ же они помѣщаются нѣсколько ниже его, т.-е. въ грунтовой ямѣ. Размѣры ямъ въ горизонтальномъ направленіи не поддаются опредѣленію, и, вѣроятно, потому, что бока ихъ, по всѣмъ признакамъ, не имѣли правильныхъ очертаній: только въ двухъ курганахъ (№№ 6 и 7) глубина ямъ доходитъ до 13 вершковъ, въ остальныхъ она не всегда достигаетъ и полуаршина: отсюда, образованіе ямы, кромѣ ритуальнаго требованія, можетъ быть опредѣлено и какъ естественный результатъ разчистки мѣста подъ курганъ. Тѣмъ не менѣе средняя глубина погребальной ямы, если принимать въ разсчетъ только курганы съ такими ямами, должна быть опредѣлена въ девять приблизительно вершковъ. Помѣщаемые въ этой ямѣ, (или, также и на грунтѣ), остатки погребальнаго костра оказываются въ большинствѣ случаевъ расположенными непосредственно на землѣ, въ шести же курганахъ обнаружены слѣды, повидимому, подстилки; именно: въ 1-мъ и 2-мъ курганахъ значеніе такой подстилки должно быть усвоено оказавшемуся на днѣ ихъ пласту гравія, а въ 4-мъ курганѣ—бѣлому озерному песку; въ пятомъ курганѣ центральное погребеніе — внутри ограды изъ булыжника; въ 10-мъ курганѣ подстилка изъ булыжниковъ имѣла чашеобразную форму, и, наконецъ, въ 11-мъ курганѣ незначительные остатки праха оказались (можетъ быть, провалились сюда чрезъ промежутки между камнями) подъ камнями, уложенными на подобіе мостовой. Считать ли подстилку въ перечисленныхъ курганахъ ритуальнымъ требованіемъ и такимъ образомъ для остальныхъ кургановъ равнозначущимъ ей считать наблюдаемые тамъ слои черной земли, или же смотрѣть на нее какъ на дѣло лишь особеннаго вниманія къ праху нѣкоторыхъ умершихъ: для положительнаго рѣшенія обоихъ этихъ вопросовъ данныя совершенно одинаково недостаточны. Неизлишне, впрочемъ, упомянуть здѣсь, что въ нѣкоторыхъ Литовскихъ курганахъ,[1]) бѣлопесочная, преимущественно, подстилка настолько обычное явленіе, что она съ большою вѣроятностію можетъ быть опредѣляема въ смыслѣ ритуальнаго именно, если не требованія, то, по крайней мѣрѣ, обычая.

Послѣ указанной той или другой укладки остатковъ погребальнаго костра, надъ послѣдними возводился курганъ. Выше уже замѣчено, что въ Чернолужанской группѣ

[1]) См. напр. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 166 и слѣд. или Ѳ. Покровскій. Археологическія экскурсіи по Виленской губерніи.

Digitized by Google

различаются курганы двухъ величинъ, на основаніи же данныхъ раскопки средняя величина кургана опредѣляется слѣдующими измѣреніями: окружность 33 шага, поперечникъ 11 арш. 13 в., высота 1 арш. 3 в. Размѣры, такимъ образомъ, очень незначительные, что, вѣроятно, отчасти объясняется преобладающимъ обычаемъ погребенія въ грунтовой ямѣ, подъ условіемъ чего, и при небольшихъ размѣрахъ кургана, прахъ оказывался подъ солиднымъ покрытіемъ. Въ зависимости отъ незначительныхъ размѣровъ кургановъ находится, по всей вѣроятности, и отсутствіе при курганахъ периферіальныхъ рвовъ: рвы эти если даже и существовали, то они, во всякомъ случаѣ, не отличались значительною глубиною и, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ времени и сохи земледѣльца очень легко могли изгладиться; возможно также и то, что, въ виду потребности для насыпи незначительнаго количества земли, послѣдняя бралась не съ правильной, кольцеобразно окружающей курганъ площади, а вообще безъ правильнаго порядка,— лишь съ сосѣдней съ курганомъ площади. Предполагать, въ виду отсутствія рвовъ у кургановъ, образованіе насыпи изъ приносной земли нѣтъ, повидимому, необходимыхъ основаній, такъ какъ большая часть насыпи во всѣхъ курганахъ состоитъ изъ однороднаго съ почвою курганной площади песку.

Высказанныя доселѣ замѣчанія относятся исключительно къ центральному, — главному погребенію, которымъ собственно и обусловливалось возведеніе кургана; но въ нѣкоторыхъ курганахъ (№№ 3, 4, 5, 6, 8), кромѣ главнаго, наблюдаются иногда слѣды второстепенныхъ погребеній, т.-е. остатки погребальнаго костра, помѣщенныя уже въ готовомъ, насыпанномъ надъ другимъ, болѣе раннимъ погребальнымъ пятномъ, курганѣ. Остатки второстепенныхъ погребеній наблюдаются въ различныхъ мѣстахъ начиная почти со дна грунтовой ямы и кончая поверхностью кургана. Обычное для мѣстныхъ кургановъ съ трупосожженіемъ явленіе это прежде всего показываетъ вообще, конечно, необязательность возведенія самостоятельнаго кургана надъ каждымъ погребеніемъ и, по отношенію къ Чернолужанскимъ курганамъ, представляетъ ту особенность, что здѣсь второстепенное погребеніе характеризуется, такими чертами, подъ вліяніемъ которыхъ это погребеніе, до нѣкоторой степени, стушевываетъ центральное — главное. Въ общихъ чертахъ второстепенное погребеніе рисуется въ слѣдующемъ видѣ: въ готовомъ уже курганѣ вырывается болѣе или менѣе значительной глубины и цилиндрической формы яма; на днѣ этой ямы помѣщается, плоскою стороною вверхъ, большой камень, а края выкладываются, до высоты приблизительно полуаршина, болѣе мелкими, отчасти разбитыми, камнями; въ образовавшійся такимъ образомъ каменный ящикъ высыпаются остатки погребальнаго костра и сверху прикрываются такимъ же, какъ приблизительно и дно, камнемъ; послѣ всего этого яма засыпается, конечно, землею .Самая характерная черта этого погребенія — это, очевидно, каменный ящикъ, при обнаруженіи котораго въ самостоятельныхъ (центральныхъ) погребеніяхъ, его слѣдовало бы, конечно, трактовать въ смыслѣ опредѣляемой ритуаломъ погребальной урны, но такъ какъ въ данномъ случаѣ ящики оказываются лишь во второстепенныхъ погребаніяхъ, то имъ, кажется, и не слѣдуетъ придавать значенія болѣе того, какое принадлежитъ обыкновенному свидѣтельству нѣкотораго особеннаго вниманія погребавшихъ къ праху умершаго. При сопоставленіи съ цен-

Digitized by Google

тральными погребеніями, фактъ присутствія камней при второстепенныхъ погребеніяхъ можетъ служить, до нѣкоторой степени, подтвержденіемъ опредѣленія наблюдаемыхъ при главныхъ погребеніяхъ слоевъ темной земли и т. д. (см. выше) въ смыслѣ ритуальныхъ требованій для праха подстилки.

Съ точки зрѣнія вещественныхъ находокъ, Чернолужанскіе курганы могутъ быть причислены, для нашихъ мѣстъ, къ разряду наиболѣе богатыхъ: на двѣнадцать раскопанныхъ кургановъ, или точнѣе на восемь кургановъ съ содержаніемъ, число найденныхъ предметовъ простирается до пятидесяти, т.-е., среднимъ счетомъ, на каждый курганъ приходится по 6 болѣе или менѣе цѣльныхъ предметовъ. Всѣ предметы, со стороны ихъ практическаго назначенія, могутъ быть сведены къ двумъ группамъ. Первую группу составляютъ предметы личнаго наряда; сюда относятся: два бронзовыхъ браслета (курганы № 2 и 5-й), два-три бронзовыхъ спиральныхъ перстня (курганы 5, 7-й и, м. б., 2-й), двѣ желѣзныхъ римскихъ фибулы (курганы 2 и 3-й), десять желѣзныхъ пряжекъ (курганы 2, 5, 6, 10 и 12-й) и пара желѣзныхъ щипчиковъ (курганы 5 и 9-й). Какъ наиболѣе хариктерные предметы должны быть отмѣчены фибулы и пряжки. Оригинальность первыхъ заключается не столько, впрочемъ, въ ихъ формѣ, сколько въ металлѣ, изъ котораго они приготовлены. Если при сравнительной трудности обработки желѣза, оно тѣмъ не менѣе является матеріаломъ предмета и сравнительно сложнаго по структурѣ и имѣющаго нарочитое значеніе украшенія, то, очевидно, желѣзо не успѣло еще окончательно демократизироваться до металла малоцѣннаго,— до матеріала, исключительно, обыденно-обиходныхъ вещей. На ту же идею намекаютъ и желѣзныя пряжки. Въ то время какъ желѣзныя пряжки позднѣйшаго періода характеризуются простѣйшею примитивною формою (четыреугольникъ, кольцо) и отсутствіемъ орнамента, пряжки Чернолужанскихъ кургановъ, за исключеніемъ одной, представляютъ не лишенную изящества фигуру овала съ вогнутой внутрь одной или двумя продольными сторонами и всѣ онѣ покрыты орнаментомъ. Со стороны формы орнаментъ этотъ не идетъ, правда, далѣе имитаціи спиральной навивки, но за то въ нѣкоторыхъ экземплярахъ работа его настолько тонкая, что она ясно обнаруживаетъ взглядъ мастера на желѣзную пряжку, не только какъ на простой обиходный предметъ, но и какъ на предметъ украшенія. Въ виду приведенныхъ соображеній, желѣзныя римскія фибулы и описываемыя пряжки должны быть отнесены къ почтенной старинѣ,— едва ли не къ первому періоду желѣзнаго вѣка. Остальные предметы личнаго наряда, вслѣдствіе ихъ незначительнаго количества, а также стереотипной простоты, могутъ служить лишь общимъ показателемъ простоты личнаго наряда, обусловливавшейся, можетъ быть, матеріальною бѣдностью народа, а можетъ быть — бытовымъ ригоризмомъ, намекъ на который заключается отчасти въ обиліи попадающагося въ курганахъ оружія. Нѣкоторыя хронологическія данныя, намѣчаемыя этими предметами (см. выше,— описаніе ихъ), не стоятъ въ противорѣчіи съ общими предположеніями о времени происхожденія Чернолужанскихъ кургановъ.

Вторая группа, за исключеніемъ трехъ глиняныхъ пряслицъ (курганы 5 и 7-й) и, можетъ быть, ножей, представляющихъ предметы домашняго обихода, состоитъ

Digitized by Google

изъ принадлежностей военнаго снаряженія. Сюда относятся четыре топора (курганы 3, 6 и 10-й), десять копій (курганы 2, 3, 6, 10 и 12-й) и части (умбо и рукоятки) двухъ щитовъ (курганы 6 и 10-й). Всѣ четыре топора узкоклинковаго типа, который можетъ считаться, по преимуществу, Литовскимъ и, при наличномъ сосуществованіи его съ топорами ширококлинковыми, долженъ, все-таки, считаться болѣе древнимъ, по сравненію съ послѣдними, типомъ. Въ частности, какъ нѣкоторая, не особенно важная, впрочемъ, но все-таки намекающая на сравнительную древность, особенность Чернолужанскихъ топоровъ должны быть отмѣчены незначительные размѣры образуемаго клинкомъ и топорищемъ угла, вслѣдствіе чего топоръ въ цѣломъ видѣ получаетъ фигуру остраго крюка [1]). По отношенію къ копьямъ какъ нѣкоторыя, до извѣстной степени, общія особенности должны быть отмѣчены незначительные общіе ихъ размѣры и, въ частности, незначительные размѣры клинковъ по отношенію къ цѣлымъ предметамъ. Почти общею также для всѣхъ копій является ромбоидальная, или, по крайней мѣрѣ, приближающаяся къ ней, форма клинка. Обращаетъ, наконецъ, на себя вниманіе и наблюдаемая въ большинствѣ копій тщательность работы: по всѣмъ признакамъ, послѣ кузнечной выдѣлки копья подвергались тщательной обработкѣ при помощи точильнаго бруска. Вообще же, еслибы, не смотря на обычную стереотипность копій потребовалось указаніе наиболѣе аналогичныхъ предметовъ, то Чернолужанскіе копья, по ихъ общему впечатлѣнію, должны быть поставлены рядомъ съ однородными предметами прибалтійскихъ древностей перваго періода желѣзнаго вѣка [2]). Принимая въ расчетъ незначительные размѣры большинства Чернолужанскихъ копій, практическое примѣненіе ихъ слѣдуетъ трактовать въ смыслѣ дротиковъ. Въ виду всего лишь двухъ экземпляровъ умбо и приведеннаго выше подробнаго описанія ихъ, здѣсь остается напомнить лишь то, что умбо, какъ и большинство остальныхъ предметовъ, указываютъ также на глубокую древность Чернолужанскихъ кургановъ, совпадающую, по крайней мѣрѣ, съ границею двухъ періодовъ желѣзнаго вѣка.

Замѣчанія относительно обнаруженныхъ въ курганахъ предметовъ вооруженія должны быть пополнены указаніемъ на относительное количество кургановъ съ оружіемъ. Если принимать въ расчетъ всю сумму раскопанныхъ кургановъ, то процентъ кургановъ съ оружіемъ выражается числомъ 42%, подъ условіемъ же исключенія кургановъ, въ которыхъ не оказалось вещественныхъ памятниковъ, онъ поднимается до 55%, или даже до 63%: и въ томъ и другомъ случаѣ процентъ настолько значительный, что онъ намекаетъ чуть не на поголовное вооруженіе оставившаго курганы народа.

Принимая въ соображеніе тѣ данныя, которыя заключаются въ описаніи отдѣльныхъ кургановъ и въ общихъ замѣчаніяхъ какъ относительно обряда погребенія, такъ и найденныхъ въ курганахъ вещественныхъ памятниковъ, въ Чернолужанскихъ курганахъ слѣдуетъ признать Литовскія могилы, по крайней мѣрѣ, той переходной

---

[1]) Сравн. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 172.
[2]) См. напр. Montelius. Antiquités suédoises, et Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien.

Digitized by Google

эпохи, когда и форма погребенія и типъ предметовъ древнѣйшаго періода являются еще преобладающими надъ ихъ позднѣйшею модификаціею.

VIII. Пильвинскіе курганы.

Мѣстоположеніе деревни Пильвины, Александровской вол., Свенцянскаго у., опредѣляется приблизительно 43°51′ в. д. и 54°51′ с. ш. Курганы находятся въ разстояніи версты на Ю.-Ю.-З. отъ деревни и въ такомъ же почти разстояніи отъ праваго берега р. Виліи, на которомъ, между прочимъ, до сихъ поръ наблюдается городище и невдалекѣ отъ него слѣды, повидимому, мастерской кремневыхъ стрѣлокъ. Мѣсто, занятое курганами, представляетъ совершенно ровную поверхность и въ прежнее время находилось подъ лѣсомъ, теперь же здѣсь лишенная всякой растительности сѣча. Курганы группируются въ трехъ мѣстахъ по линіи съ С.-З.-З. на Ю.-В.-В. Центральная группа состоитъ изъ двѣнадцати кургановъ, изъ которыхъ два, находящіеся около средины, отличаются большими сравнительно размѣрами, хотя всѣ вообще курганы этой группы производятъ впечатлѣніе низкихъ расплывчатыхъ насыпей. Общая для всѣхъ этихъ кургановъ форма — очень не высокій сферическій сегментъ, хотя рвы около нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣютъ близкое къ прямолинейному направленіе. Всѣ курганы въ этой группѣ обложены по краямъ крупными камнями. Вторая, восточная группа находится въ разстояніи 230 шаговъ отъ первой и состоитъ изъ девятнадцати кургановъ. Сравнительно съ первой группой, курганы здѣсь отличаются значительно большими размѣрами и обращаютъ на себя вниманіе правильностію своей почти полусферической формы. Каменной обложки по краямъ ни на одномъ курганѣ не наблюдается. Третью группу составляютъ пять небольшихъ холмиковъ, находящихся въ разстояніи 230 шаговъ на С.-З.-З. отъ центральной. И правильность формы всѣхъ этихъ холмиковъ и наблюдаемые около нихъ слѣды рвовъ даютъ всѣ основанія для опредѣленія ихъ въ смыслѣ погребальныхъ кургановъ, тѣмъ не менѣе раскопка трехъ меньшихъ изъ этихъ холмиковъ не обнаружила ни въ одномъ изъ нихъ обычныхъ слѣдовъ погребенія, и такимъ образомъ вопросъ объ искусственномъ происхожденіи этихъ холмиковъ не можетъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Взаимное разстояніе между отдѣльными курганами во всѣхъ группахъ колеблется въ предѣлахъ 5—10 саженей. Мѣстные жители называютъ курганы кощами и считаютъ ихъ военными могилами.

Не считая трехъ холмиковъ западной группы, въ Пильвинахъ раскопано нами 14 кургановъ,— шесть (1—6) въ центральной группѣ и восемь (7—14) въ восточной.

Курганъ № 1-й.

Окружность 42 шага. Поперечникъ 15 арш. Высота 1 арш. 9 в. Ровъ, окружающій курганъ, состоитъ изъ трехъ разной величины кривыхъ ямъ, изъ которыхъ

Digitized by Google

большая прилегаетъ къ кургану съ южной стороны, а изъ двухъ остальныхъ одна — съ сѣверо-сѣверо-восточной, а другая — съ сѣверо-западной. Промежутки между оконечностями ямъ также различны; наибольшій наблюдается при восточной периферіи кургана, а два остальныхъ, на С. и З., — въ обычной формѣ всходовъ. По бокамъ курганъ обложенъ камнями. На вершинѣ — два углубленія, давняго, повидимому, происхожденія.

По грунту слой земли чернаго (дегтярнаго) цвѣта, и такое же пятно наблюдалось на высотѣ девяти вершковъ, въ разстояніи трехъ аршинъ на С.-З. отъ центра. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, жженыя мелкія кости.

Курганъ № 2-й.

Окружность 30 шаг. Поперечникъ 12 арш. Высота 1 арш. 2 в. По сторонамъ кургана, съ С., Ю., В. и З., четыре прямолинейныхъ рва; всходы съ С.-В., Ю.-В., С.-З. и Ю.-З. По краямъ курганъ обложенъ камнями; на вершинѣ — небольшое углубленіе. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, жженыя кости, и въ разстояніи около аршина на Ю.-В. отъ нихъ найденъ безформенный, маленькій обломокъ желѣза. Въ разстояніи двухъ аршинъ на Ю.-В. отъ центра кургана, на высотѣ семи вершковъ надъ грунтомъ, жженыя кости и среди нихъ — бронзовый браслетъ и два такихъ обломка, желѣзная римская фибула, серпъ и шило, и двѣ глиняныхъ пряслицы: къ югу отъ этихъ предметовъ найденъ осколокъ кремня. Въ разстояніи трехъ аршинъ на Ю.-З. отъ центра, на высотѣ 8 вершковъ, третья кучка жженыхъ костей и въ ней — желѣзное шило, съ двумя, надѣтыми на него, глиняными пряслицами.

Браслетъ въ формѣ овальнаго кольца, съ продольной осью въ 58^{mm}. Образующій его круглый, толщиною въ 4^{mm}, стержень, по направленію къ оконечностямъ, переходитъ въ четырехгранныя пирамиды, ромбоидальныя основанія которыхъ опредѣляются величиною въ 9^{mm}, по ихъ продольной діагонали и въ 7^{mm} по поперечной. Изъ двухъ обломковъ, одинъ — конецъ одинаковаго съ предыдущимъ браслета, а другой представляетъ плоскую, шириною въ 6^{mm}, ленточку съ рельефнымъ рубчикомъ по срединѣ. Фибула (табл. III, 12): излучина изъ четырехграннаго стержня, который въ части, образующей луку, свитъ на подобіе спирали, а на концѣ расклепанъ и согнутъ въ желобокъ — опорный пунктъ для свободнаго конца иглы. Толстѣйшій край желобка орнаментированъ косыми крестиками и поперечными линіями. Пружина спираль состоитъ изъ круглой проволоки, которая, послѣ трехъ оборотовъ, по направленію отъ средины къ оконечности шарнира, переходитъ, въ формѣ дуги, на другой конецъ послѣдняго и послѣ трехъ также оборотовъ здѣсь, по направленію къ срединѣ, непосредственно переходитъ въ иглу. Общая длина фибулы, по направленію иглы, 64^{mm}, ширина, по направленію пружиннаго шарнира, 36^{mm}. Лука — въ формѣ правильной почти полуокружности, величиною въ 43^{mm} по ея діаметру. Толщина стержня, образующаго луку, 4^{mm}, а толщина проволоки, изъ которой состоитъ спираль и игла, около 2^{mm}. Фибула эта до мельчайшихъ подробностей сходна съ тремя такими же

Digitized by Google

предметами изъ Желядскихъ кургановъ[1]) и такую же, по всѣмъ признакамъ, форму имѣла поврежденная ржавчиною фибула изъ второго Чернолужанскаго кургана[2]). Если присоединить сюда фибулу изъ третьяго Чернолужанскаго кургана[3]) и однородную съ ней, найденную въ Трокскомъ уѣздѣ[4]), то этимъ исчерпана будетъ вся сумма аналогичныхъ, изъ русскихъ находокъ, предметовъ: всѣ другія, нерѣдко находимыя въ русскихъ курганахъ, римскія фибулы представляютъ существенныя отличія отъ перечисленныхъ выше и со стороны составляющаго ихъ металла и со стороны формы и взаимной величины отдѣльныхъ частей каждой такой фибулы. Значительно большую во всѣхъ отношеніяхъ аналогію находятъ для себя разсматриваемыя фибулы въ нѣсколькихъ экземплярахъ заграничныхъ музеевъ: напр. бронзовыя фибулы въ Берлинскомъ Національномъ Музеѣ[5]) и такія же бронзовыя и желѣзныя въ Берлинскомъ Этнографическомъ Музеѣ[6]) и Вѣнскаго Естественно-Историческаго[7]). Серпъ, въ соединеніи съ насадомъ, имѣющимъ фигуру равнобедреннаго трехугольника, высотою въ 70^{mm}, представляетъ довольно правильную дугу, длиною, по направленію тетивы, въ 210^{mm}, и высотою въ 90^{mm}. Средняя ширина самой пластины — 16^{mm}. Кончикъ серпа изогнутъ въ формѣ обычнаго для рукоятокъ бронзовыхъ серповъ изгиба. Зубцовъ по лезвію нѣтъ. Кромѣ такого же почти экземпляра изъ четвертаго Пильвинскаго же кургана, серпъ этотъ обнаруживаетъ весьма много сходства съ однородными предметами изъ 4-го Гузковскаго и 5-го Засвирскаго кургановъ[8]). Шило — обычной, какъ и теперь формы. Пряслицы съ боковою поверхностью орнаментированы параллельными рубчиками.

Курганъ № 3-й.

Окружность 35 шаг. Поперечникъ 11 арш. Высота 1 арш. 8 в. Ровъ отчетливо замѣтенъ только при подошвѣ сѣверной половины кургана, и здѣсь же ясно различаются три всхода, — съ С., С.-В. и С.-З. На вершинѣ кургана наблюдалось нѣсколько мелкихъ жженыхъ костей.

Въ разстояніи двухъ аршинъ на Ю.-В. отъ центра, на высотѣ 12 вершковъ надъ грунтомъ, — жженыя мелкія кости и желѣзный ножикъ, копье и пряжка. Въ самомъ центрѣ кургана, на грунтѣ, — жженыя кости и среди нихъ желѣзная пряжка. Ножъ: клинокъ длиною въ 110^{mm}; средняя ширина его — 13^{mm}, лезвее какъ у сточеннаго ножа; боковыя поверхности въ ближайшей къ тылью части — желобчатыя; насадъ въ формѣ широкой пластины, длиною въ 50^{mm}. Копье миніатюрныхъ размѣ-

---

[1]) См. Желядскіе курганы, №№ 7, 10 и 11-й.

[2]) См. выше.

[3]) См. выше.

[4]) См. Ibid.

[5]) Führer und Catalog durch die königlichen Museum zu Berlin. 1894. II, s. 46.

[6]) Führer durch das Museum fur Völkerkunnde, 1895. S. 18. Seitenschr. 4 A: фибулы Римско-императорскаго періода; 403,— изъ времени переселенія народовъ и стр. 22, Seitenschr. 10 B: фибулы Римско-императорскаго періода.

[7]) Allgemeiner Führer durch das k. k. naturhistorische Hofmuseum, 1895. S. 145. Schr. 13—18; фибулы позднѣйшаго періода бронзоваго вѣка.

[8]) См. выше.

Digitized by Google

ровъ; клинокъ его ромбоидальный, насадъ, длиною въ 95mm, — въ формѣ круглаго стержня. Пряжка овальной формы, образована изъ круглаго стержня. Игла съ обычнымъ изгибомъ при вершинѣ, — вращается на кольцѣ при помощи изогнутаго въ дугу отростка, прикрѣпленнаго къ основанію.

Вторая пряжка отличается отъ первой большими размѣрами.

Курганъ № 4-й.

Окружность 28 шаг. Поперечникъ 11 арш. 9 в. Высота 1 арш. 8 в. При основаніи кургана, съ восточной стороны, очень глубокій и широкій ровъ; большой также ровъ и съ западной стороны; съ сѣверной стороны широкій всходъ. Южная сторона кургана болѣе полога и непосредственно переходитъ здѣсь въ ровную сосѣднюю площадь. По краямъ курганъ обложенъ камнями.

Въ разстояніи полутора аршинъ на Ю.-З. отъ центра, на грунтѣ, жженыя кости и среди нихъ — желѣзный серпъ и шило одинаковые съ вышеописанными. Такія же кости, на грунтѣ, — и въ самомъ центрѣ кургана, и среди нихъ — желѣзное шило и глиняная пряслица.

Курганъ № 5-й.

Окружность 33 шага. Поперечникъ 13 арш. Высота 1 арш. 3 в. Съ С., В. и Ю.-З. глубокія овальныя ямы. По краямъ курганъ обложенъ камнями.

Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, жженыя кости и среди нихъ желѣзная пряжка и бронзовое колечко. Въ разстояніи двухъ аршинъ на С.-В, отъ центра, — на высотѣ восьми вершковъ надъ грунтомъ, — жженыя кости и среди нихъ желѣзное шило. Пряжка овальная съ выгибомъ на срединѣ и съ иглой въ видѣ хоботка орнаментированнаго поперечными нарѣзами. Стержень, образующій кольцо, съ внутренней и нижней сторонъ плоскій, а съ лицевой — овальный и здѣсь орнаментированъ имитирующими спираль мелкими рубчиками. Пряжка эта во всѣхъ отношеніяхъ одинакова съ нерѣдкими находками подобныхъ предметовъ въ курганахъ Чернолужанскихъ [1]). Шило обычной простой формы.

Курганъ № 6-й ничего не представилъ особеннаго.

Курганъ № 7-й.

Окружность 37 шаг. Поперечникъ 14 арш. Высота 1 арш. 14 в. Кругомъ кургана — шесть симметрично расположенныхъ ямъ и столько же всходовъ.

Около средины кургана, по грунту, на красной (перегорѣлой) землѣ, — жженыя кости, среди которыхъ коренной конскій зубъ. Здѣсь же, въ самомъ центрѣ кургана, найдены желѣзныя удила и стремя. Въ разстояніи $2^1/_2$ аршинъ на Ю.-З.-З.

---

[1]) См. выше.

Digitized by Google

отъ центра, также на грунтѣ, второе костяное пятно, съ подобными же находками стремя и пряжки. Удила простой формѣ двухъ колецъ, соединенныхъ посредствомъ двухъ же, различной длины и формы, стержней. Толщина круглаго, образующаго кольца, стержня 5^{mm}, а внѣшній діаметръ колецъ 45^{mm}. Изъ соединительныхъ стержней, одинъ — четырехгранный, длиною въ 83^{mm}, а другой круглый, длиною въ 103^{mm}. Стремя: дуга — изъ круглаго стержня, толщиною въ 7^{mm}, который, въ средней его части, будучи нѣсколько расклепанъ и согнутъ въ формѣ четырехугольника, образуетъ ушко стрежня; высота дуги 110^{mm}, разстояніе между оконечностями, или, что тоже, длина подножки — 100^{mm}. Подножка представляетъ самостоятельную пластинку, шириною въ 17^{mm}, которая заклепана между оконечностями дуги, обработанными въ формѣ кружковъ, — величиною въ $\pi 12^2$ милл. По срединѣ подножки, снизу, продольный желобокъ. Второе стремя, не смотря на совмѣстную находку его съ предыдущимъ, представляетъ, сравнительно съ послѣднимъ, нѣкоторыя особенности: дуга его изъ четырехграннаго стержня, толщиною въ 6^{mm}; ушко хотя также четырехугольное, но изъ самостоятельной, приваренной къ вершинѣ дуги, пластинки; подножка значительно толще и нѣсколько выгнута въ сторону дуги; желобка также нѣтъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ стремя одиноково съ предыдущимъ. Пряжка изъ четырехграннаго стержня, толщиною въ 5^{mm}, согнутаго въ формѣ почти квадрата съ слабовогнутыми сторонами и закругленными углами. Игла въ обычной формѣ кривого стержня.

Курганы №№ 8—14-й приблизительно однихъ размѣровъ, съ слабою темною прослойкой и пятнами красной (перегорѣлой) земли; въ курганѣ № 12-й — удила и пряжка обыкновенной формы.

Примѣчанія.

Пильвинскіе курганы, какъ уже выше замѣчено, группируются въ трехъ мѣстахъ, но, въ виду безрезультатности раскопокъ западной группы, объектами для археологическихъ наблюденій могутъ считаться только центральная и восточная группы.

Не смотря на близкое сосѣдство восточной и центральной группъ, а также и на одинаковый, въ общихъ чертахъ, обрядъ погребенія, именно, трупосожженіе, каждая изъ этихъ группъ представляетъ нѣкоторыя, не лишенныя интереса, особенности. Особенности эти касаются, во-первыхъ, строенія и внѣшняго вида кургановъ, во-вторыхъ, нѣкоторыхъ подробностей обряда погребенія, и, наконецъ, обнаруженныхъ въ курганахъ вещественныхъ памятниковъ.

Разность *внѣшней формы* кургановъ обусловливается неодинаковостью ихъ размѣровъ: въ то время какъ, на основаніи точныхъ измѣреній, средняя величина кургановъ восточной группы опредѣляется числами 37 шаговъ (окружность основанія кургана), 14 аршинъ (поперечникъ, черезъ верхъ) и 1 арш. 10 вершк. (высота надъ курганомъ), для средней величины кургановъ центральной группы размѣры эти понижаются до 31 шаг. (окружность), 11 арш. 12 вершковъ (поперечникъ) и 1 арш.

Digitized by Google

4 вершк. (высота). Если прибавить сюда и бо́льшую, по естественному порядку вещей, глубину периферіальныхъ рвовъ при первыхъ курганахъ, то отсюда, само собою очевидно, почему курганы центральной группы имѣютъ видъ, какъ и выше замѣчено, небольшихъ расплывчатыхъ сферическихъ сегментовъ; тогда какъ курганы восточной группы производятъ впечатлѣніе большихъ, почти цѣлыхъ, полушарій. Другая отличительная особенность кургановъ центральной группы состоитъ, какъ также замѣчено выше, въ томъ, что всѣ они по краямъ обложены камнями въ противоположность полному отсутствію камней на курганахъ восточной группы.

Обрядъ погребенія для центральной группы рисуется въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ: умершій сожигается на кострѣ, гдѣ-то въ сторонѣ отъ кургана, въ своемъ, небогатомъ впрочемъ, нарядѣ и съ нѣкоторыми предметами его быта, и остатки погребальнаго костра или переносятся на мѣсто предполагаемаго кургана, гдѣ они, послѣ помѣщенія непосредственно на грунтѣ, и засыпаются землею (курганъ), или же зарываются въ готовомъ уже курганѣ (см. курганы 2-й, 3-й, 4-й и 5-й), насыпанномъ надъ прахомъ ранѣе умершаго. По общимъ признакамъ погребенія въ восточной группѣ, и здѣсь также умершій сожигается на кострѣ внѣ кургана, но, повидимому, не одинъ, а совмѣстно съ своимъ боевымъ [1]) конемъ. Остатки погребальнаго костра, какъ и въ центральной группѣ, и здѣсь также переносятся на мѣсто предполагаемаго кургана, гдѣ такимъ же, какъ и тамъ, образомъ засыпаются землею; но въ силу ли отсутствія обычая снаряженія умершаго предметами личнаго украшенія и бытовыми, или же потому, что вслѣдствіе высокой температуры костра (можетъ быть, обусловливавшейся присутствіемъ на немъ коня), происходило не только полное уничтоженіе личнаго праха но и личныхъ предметовъ, въ курганахъ восточной группы остатки погребальнаго костра оказываются состоящими исключительно изъ огнеупорныхъ предметовъ конской сбруи и изъ небольшого количества, едва ли не конскихъ также исключительно, костей. Да и эти незначительные остатки оказались лишь въ половинѣ раскопанныхъ кургановъ, тогда какъ въ другой половинѣ (курганы 8-й, 11-й, 13-й и 14-й) никакихъ слѣдовъ погребальнаго костра не обнаружено. Такимъ образомъ, въ то время какъ при возведеніи кургана центральной группы преобладала, повидимому, идея сохраненія остатковъ погребальнаго костра, здѣсь, наоборотъ, выступаетъ на первомъ планѣ коммеморативное значеніе кургана: потому что, подъ условіемъ только усвоенія этого именно значенія курганамъ восточной группы, и можно объяснить присутствіе здѣсь кургановъ безъ всякаго содержанія. Въ зависимости отъ того же коммеморативнаго значенія кургановъ находится, можетъ быть, и необычный для другихъ кургановъ фактъ отсутствія здѣсь второстепенныхъ погребеній, — въ готовомъ уже курганѣ.

По отношенію къ *вещественнымъ памятникамъ* различіе между восточною и центральною группами заключается какъ не въ одинаковомъ пропорціонально количествѣ, такъ и въ различномъ характерѣ найденныхъ въ тѣхъ и другихъ курганахъ предметовъ. Въ курганахъ восточной группы всѣ предметы — исключительно принад-

---

[1]) См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 97, пр. 104.

Digitized by Google

лежности конскаго (точнѣе, кавалерійскаго) снаряженія, и на восемь раскопанныхъ здѣсь кургановъ приходятся всего лишь шесть предметовъ: двое удилъ (курганы 7-й и 12-й), двѣ пряжки (ibid.) и пара стремянъ. Всѣ эти предметы отличаются безъискусственною во всѣхъ отношеніяхъ простотою и поэтому съ одинаковою степенью достовѣрности могутъ быть аналогизируемы какъ съ самыми древними, такъ и съ современными однородными предметами. — Предметы изъ центральной группы, наоборотъ, личнаго характера, и на шесть раскопанныхъ здѣсь кургановъ насчитывается ихъ болѣе двухъ десятковъ, именно: одна желѣзная римская фибула (курганъ 2-й), три такихъ же пряжки (курганы 3-й и 5-й), два бронзовыхъ браслета (курганъ 2-й) и обломки, можетъ быть, перстней (курганы 2-й и 5-й), пять желѣзныхъ шильевъ (курганы 2-й, 4-й и 5-й), два серпа (курганы 2-й и 4-й), пять глиняныхъ пряслицъ (курганы 2-й и 4-й) и одинъ желѣзный ножъ и копье (изъ кургана № 3-й). Какъ наиболѣе характерные изъ этихъ предметовъ должны быть отмѣчены желѣзная фибула, пряжка изъ 5-го кургана и желѣзные серпы. Желѣзная фибула во всѣхъ отношеніяхъ сходна съ такими же тремя предметами изъ кургановъ Желядскихъ и съ однимъ изъ кургановъ Чернолужанскихъ и, по указаннымъ тамъ основаніямъ [1]), можетъ служить признакомъ сравнительной древности кургановъ; точно также и пряжка, по своей и овальной съ выгибомъ формѣ и спиралевидному орнаменту, совершенно однородна съ такими же предметами изъ тѣхъ же Чернолужанскихъ кургановъ и указываетъ, вмѣстѣ съ фибулою, если не на одновременность Пильвинскихъ кургановъ съ Чернолужанскими, то, по крайней мѣрѣ, на хронологическую ихъ близость. — Серпы изъ Пильвинскихъ кургановъ должны быть отличаемы отъ серповъ обыкновенной формы, нерѣдко встрѣчающихся въ Литовскихъ курганахъ, обыкновенно съ предметами конскаго убора: особенность ихъ составляютъ незначительность размѣровъ, отсутствіе зубцовъ и особенно характерный загибъ вверхъ носка. Серпы подобной формы, какъ уже замѣчено въ находящемся выше описаніи ихъ, за исключеніемъ одного обломка, доставленнаго въ прошломъ году въ Имп. Арх. Комиссію изъ Трокскаго уѣзда, найдены нами въ Гуцковскихъ и Засвирскихъ курганахъ. Оригинальная форма этихъ серповъ, намекающая на отдаленную, правда, дегенерацію ихъ изъ бронзовыхъ кривыхъ ножей, и фактъ находки ихъ въ Трокскомъ уѣздѣ и Пильвинскихъ курганахъ совмѣстно съ желѣзными фибулами говоритъ о сравнительной древности этихъ серповъ и, по отношенію къ Пильвинскимъ курганамъ, такимъ образомъ является вторымъ, послѣ фибулъ, косвеннымъ показателемъ ихъ сравнительной старины; присутствіе же подобнаго серпа въ Засвирскихъ, позднѣйшихъ сравнительно, курганахъ [2]), повидимому, уничтожаетъ значеніе этого показателя. Устраненіе этого противорѣчія едва ли не естественнѣе всего искать въ томъ примиряющемъ взглядѣ, по которому Пильвинскіе курганы должны быть поставлены (кстати замѣтить, вмѣстѣ съ Гуцковскими [3])) на хронологической границѣ древнѣйшаго и новѣйшаго періода для нашихъ мѣстъ желѣзнаго вѣка, — должны быть отне-

[1]) См. выше.
[2]) См. Засвирскіе курганы. Примѣчанія.
[3]) См. выше.

Digitized by Google

сены къ тому переходному, продолжавшемуся, можетъ быть, не одну сотню лѣтъ, времени, за центральный пунктъ котораго можетъ быть принятъ VIII вѣкъ нашей эры. Описанные серпы, такимъ образомъ, едва ли не могутъ быть трактуемы въ качествѣ одного изъ характерныхъ предметовъ этого переходнаго времени. — Остальные предметы центральной группы не представляютъ характерныхъ признаковъ, кромѣ той общей желѣзнымъ предметамъ особенности, что всѣ они отличаются незначительными размѣрами, намекающими какъ будто на особенную цѣнность желѣза въ глазахъ ихъ современниковъ. Въ частности, напримѣръ, наконечникъ копья отличается такою миніатюрностію, что его можно признать или за эмблематическій знакъ, или за дѣтскую игрушку. — Копье это является единственнымъ предметомъ военнаго быта во всѣхъ курганахъ центральной группы, — фактъ свидѣтельствующій о мирномъ характерѣ погребенныхъ въ курганахъ лицъ и, до нѣкоторой степени, являющій новое отличіе этихъ кургановъ отъ восточной группы.

Приведенный перечень детальныхъ особенностей восточной и центральной группъ естественнымъ образомъ вызываетъ вопросъ объ ихъ взаимномъ отношеніи. Въ виду одинаковой, въ общихъ чертахъ, формы погребенія (трупосожженіе), характеризующей литовскіе, по преимуществу, курганы, вопросъ съ этнографической точки зрѣнія можетъ считаться излишнимъ, и, такимъ образомъ, остается рѣшить какъ относятся эти курганы между собою, съ хронологической точки зрѣнія. Уже разъ прежде [1]) мы имѣли случай высказать предположеніе, что курганы, характеризующіеся находками исключительно предметовъ конскаго снаряженія и серповъ, даже въ случаѣ топографической ихъ обособленности, не представляютъ основаній относить ихъ къ иному времени и народу, сравнительно съ наиболѣе обычными курганами, характеризующимися находками личныхъ по преимуществу предметовъ: особенности же кургановъ объясняются, можетъ быть, тѣми отличительными обязанностями, которыя несли при жизни тѣ лица, которыя въ нихъ погребены. Если бы допустить эту точку зрѣнія по отношенію къ Пильвинскимъ курганамъ, то раздѣленіе ихъ на двѣ группы можно бы было объяснить только какъ результатъ сословнаго, такъ сказать, дѣленія оставившаго курганы народа. Но это объясненіе нѣсколько не мирится съ другими представляемыми курганами данными: въ курганахъ восточной группы хотя и не обнаружено точныхъ хронологическихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе полное сходство найденныхъ въ нихъ предметовъ конской сбруи съ однородными современными и фактъ присутствія одинаковыхъ съ ними кургановъ въ группахъ несомнѣнно позднѣйшихъ [2]), а также и существованіе подобныхъ кургановъ съ нѣкоторыми намеками хронологическихъ данныхъ [3]), — все это указываетъ на позднѣйшую эпоху происхожденія восточной группы Пильвинскихъ кургановъ; для происхожденія же центральной группы, какъ мы видѣли, намѣчается болѣе раннее время. Такимъ образомъ, въ виду всѣхъ указанныхъ выше предположеній, какъ наименѣе встрѣчающій противорѣчій долженъ быть отмѣченъ тотъ взглядъ, по которому обѣ Пильвинскія группы, принадлежа одному

---

[1]) Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. II, стр. 96.
[2]) См., напр., Засвирскіе курганы.
[3]) См, напр., Зезюльскіе курганы.

Digitized by Google

и тому же племени, а, можетъ быть, даже и одному поселенію, относятся къ двумъ различнымъ эпохамъ: восточная къ позднѣйшему періоду желѣзнаго вѣка, а центральная ко времени, ему предшествовавшему.

IX. Зезюльскіе курганы.

Зезюлька, прежде — корчма, а теперь лѣсничевка имѣнія Подлипье, находится въ районѣ Александровской волости, Свенцянскаго уѣзда, въ разстояніи четырехъ верстъ отъ дер. Жукойни (волостное правленіе), по дорогѣ въ м. Свирь. Географическое положеніе Зезюльки опредѣляется 54°51′ с. ш. и 43°52′ в. д. Курганы расположены на З. отъ Зезюльки, по обѣимъ сторонамъ упомянутой выше дороги, на землѣ двухъ сосѣднихъ имѣній, — Сидоришекъ и Подлипья; всего кургановъ насчитывается здѣсь не болѣе двухъ съ половиной десятковъ, именно: пять на подлипской землѣ и 20 на сидоришской. Площадь, занятая курганами, въ настоящее время находится подъ лѣсомъ, и нѣкоторые изъ кургановъ, кромѣ древесныхъ порослей, покрыты густою растительностію грубыхъ сорныхъ травъ. Преобладающая форма кургановъ — невысокій сферическій сегментъ, хотя не мало есть и такихъ кургановъ, которые, въ соединеніи съ окружающими ихъ и до сихъ поръ весьма ясно различаемыми рвами, производятъ впечатлѣніе цѣлыхъ полусферъ. Замѣчательная сохранность послѣднихъ и правильность ихъ очертанія невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе, при первомъ наблюденіи могильника, и, такимъ образомъ, курганы эти являются характернѣйшими представителями всей группы. Взаимное разстояніе между курганами колеблется въ предѣлахъ 3—5 сажень. У мѣстныхъ жителей курганы называются копцами и считаются могилами изъ временъ шведскихъ войнъ. Одинъ изъ кургановъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ раскопанъ владѣльцемъ имѣнія Сидоришекъ, Пашкевичемъ, но въ немъ ничего, по словамъ очевидца раскопки, не было найдено. Подъ нашимъ наблюденіемъ въ Зезюльской группѣ раскопано было десять кургановъ, — съ слѣдующими результатами.

Курганъ № 1-й.

Окружность 41 шагъ. Поперечникъ 13 арш. Высота 2 арш. 8 в. Кругомъ кургана ровъ съ четырьмя всходами (перерывами), — на С., Ю., В. и З.

Въ периферіяхъ, по грунту, попадается немного древесныхъ углей; около средины кургана, также по грунту, пластъ бѣлаго песку. Въ Ю.Ю.З. четверти кургана, на грунтѣ, полусожженый костякъ: среди мелкихъ, лежащихъ въ безпорядкѣ, жженыхъ костей, можно было различать очертаніе черепа, и наблюдалось правильное расположеніе верхней половины позвоночника. Черепъ, очевидно, обращенъ былъ теменемъ на С.С.В., къ центру кургана, а рядъ позвонковъ лежалъ по прямому

Digitized by Google

направленію отъ черепа на Ю.Ю.З. Близь темени найдена бронзовая спираль, около мѣста, соотвѣтствующаго правому плечу, оказались обрывки бронзовой цѣпочки, а въ мѣстѣ, совпадающемъ съ срединою груди, тщательно уложены были желѣзныя удила и колокольчикъ. — Спираль — изъ неправильной, то полуовальной, то плоской проволоки; діаметръ спиральнаго оборота 5^{mm}, длина всей спирали 40^{mm}. — Цѣпь изъ спиральныхъ, въ два оборота, колецъ, свитыхъ изъ тонкой круглой проволоки. По сравненію съ другими такими же предметами изъ Латышскихъ и Ливонскихъ кургановъ [1]), обрывки эти, несомнѣнно, — остатокъ нагруднаго банта-подвѣски. Удила находятся въ состояніи сильнаго окисленія, тѣмъ не менѣе форма ихъ вполнѣ очевидна: основную часть ихъ (мундштукъ) составляютъ два сцѣпленныхъ стержня, внѣшніе концы которыхъ обработаны въ формѣ колецъ съ кольцеобразными же, находящимися въ перпендикулярной къ кольцамъ плоскости, ушками. Длина каждаго стержня 90^{mm}, внѣшній діаметръ кольца 20^{mm}, — ушка 15^{mm}. Чрезъ каждое ушко продѣто по кольцу. Удила (рис. 17) снабжены усиками, въ формѣ круглыхъ тонкихъ стержней,

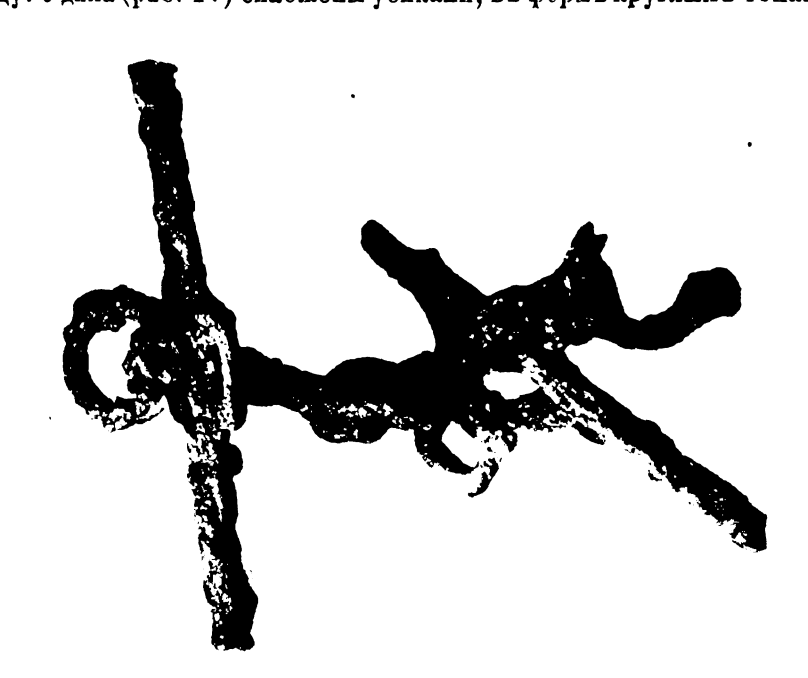


Рис. 17.

длиною въ 140^{mm}, концы одного изъ которыхъ (усиковъ) обработаны въ формѣ шариковъ. Къ срединѣ каждаго усика приклепана, въ одной съ нимъ плоскости, пластинчатая, полукруглая скоба, съ такимъ же четырехугольнымъ ушкомъ. Посредствомъ этихъ скобокъ усики и укрѣплены въ кольцеобразныхъ концахъ мундштука. Какъ наиболѣе аналогичный съ этими удилами отмѣтимъ экземпляръ изъ Лядинскаго, Тамбовской губерніи, могильника [2]). Колокольчикъ — въ формѣ цилиндра или, точнѣе,

---

[1]) См., напр., Bähr. Die Gräber der Liven. Taf. IX и др.; также Матеріалы по археологіи Россіи, № 14. Табл. IV и V и др.

[2]) См. Матеріалы по археологіи Россіи, № 10. Табл. X, 6. Ср. Aspelin-Antiquités du Nord Finno-Ougrien, №№ 859 и 965.

Digitized by Google

усѣченнаго конуса, діаметръ основанія котораго 43^{mm}, высота—52^{mm}. Донышко представляетъ едва замѣтную выпуклость и соединялось со стѣнками, очевидно, при помощи припая. Чрезъ средину его проходитъ овальное колечко, внѣшняя часть котораго служитъ ушкомъ для колокольчика, а внутренняя гнѣздомъ для язычка. Язычекъ гвоздевидной формы съ наибольшею (на концѣ) толщиною въ 7^{mm}. Колокольчикъ этотъ обнаруживаетъ много сходства съ подобнымъ же, но значительно большихъ размѣровъ, изъ Лядинскаго могильника [1]).

Курганъ № 2-й.

Окружность 37 шаг. Поперечникъ 12 арш. 12 в. Высота 1 арш 10 в. Кругомъ — шесть симметрично расположенныхъ овальныхъ ямъ и столько же всходовъ.

По грунту слой бѣлаго песку, который около средины кургана перемѣшанъ съ мелкими древесными углями. Около средины того же кургана, непосредственно надъ песочнымъ слоемъ, попадаются кое-гдѣ мелкія жженыя косточки, и 2—3 косточки оказались, на грунтѣ, также въ разстояніи аршинъ двухъ, по направленію къ центру, отъ юго-западной периферіи кургана. Вмѣстѣ съ послѣдними костями найдены два небольшихъ обломка бронзоваго, пластинчатаго, шейнаго обруча, желѣзный ножикъ и глиняная пряслица. Въ разстояніи также двухъ аршинъ отъ южной периферіи кургана найденъ обломокъ бронзоваго витого шейнаго обруча. Оба обломка пластинчатаго обруча — части пластины, лицевая сторона которой обработана была въ формѣ двуграннаго угла и орнаментирована по краямъ двумя нарѣзными линіями; ширина пластины 16^{mm}. Обломокъ витого обруча представляется свитымъ изъ трехъ круглыхъ проволокъ, заканчивающихся на одномъ концѣ тремя коническими пуговками, а на другомъ — одною такою же пуговкою и двумя пластинками. Обручъ этотъ былъ, вѣроятно, одинаковъ съ такимъ же предметомъ изъ Лынтунскихъ, Свенцянскаго уѣзда, кургановъ [2]).

Курганъ № 3-й.

Окружность 37 шаг. Поперечникъ 11 арш. Высота 12 в. Рва кругомъ не замѣтно.

Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, — слой бѣлаго песку, поверхъ котораго остатки погребальнаго костра, бывшаго, можетъ быть, на мѣстѣ кургана, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ весьма толстый слой древесныхъ углей. Непосредственно на угляхъ лежатъ кости, — то жженыя измельченныя, то болѣе крупныя—истлѣвшія и, повидимому, огнемъ нетронутыя. Жженыя кости попадаются также и въ самой насыпи, — въ юго-западной четверти кургана, гдѣ болѣе сплошною массою лежатъ онѣ около центра этой четверти на высотѣ десяти вершковъ надъ грунтомъ, т.-е. непосредственно почти подъ дерномъ.

---

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 10, Табл. X, 13.

[2]) Труды Виленскаго IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II. Табл. IX, 7. Указаніе другихъ аналогичныхъ предметовъ см Ѳ. Покровскій. Виленскій музей древностей. Табл. X, 4.

Digitized by Google

Курганъ № 4-й.

Окружность 50 шаг. Поперечникъ 16 арш. Высота 2 арш. 2 в. Кругомъ едва замѣтный ровъ съ четырьмя перерывами (всходами), — съ С., Ю., В. и З.

По грунту — слой бѣлаго песку. Пятна бѣлаго песку вмѣстѣ съ мелкими древесными углями попадаются также на всемъ протяженіи насыпи, до высоты двѣнадцати вершковъ надъ грунтомъ (Въ срединѣ кургана была вырыта яма до глубины двухъ аршинъ въ грунтъ, тѣмъ не менѣе никакихъ болѣе рельефныхъ признаковъ погребенія не обнаружено).

Курганъ № 5-й.

Окружность 28 шаг. Поперечникъ 11 арш. Высота 1 арш. 8 в. Рва кругомъ не замѣтно.

По грунту слой бѣлаго песку, который около периперій перемѣшанъ съ мелкими древесными углями, а около средины кургана совершенно теряется въ массѣ крупныхъ древесныхъ углей, — очевидныхъ остатковъ бывшаго на мѣстѣ кургана костра. Среди углей попадаются мелкія жженыя кости. Въ разстояніи двухъ аршинъ на С.З.З. отъ центра, на грунтѣ, вмѣстѣ съ костями и углями найдены желѣзныя удила, а около сѣверо-восточной периферіи остатковъ костра оказался желѣзный серпъ обычной формы. Удила состоятъ изъ двухъ стержней, внѣшніе концы которыхъ обработаны въ формѣ колецъ; чрезъ оба кольца стержней проходитъ по другому круглому кольцу, величиною въ 29^{mm} по ихъ внѣшнему діаметру.

Курганъ № 6-й.

Окружность 23 шага. Поперечникъ 10 арш. 8 в. Высота 12 вершк. Рва кругомъ не видно.

По грунту едва замѣтный слой, повидимому, золы съ мелкими углями.

Курганъ № 7-й.

Окружность 33 шага. Поперечникъ 12 арш. Высота 2 арш. 3 в. Остатки рва, въ видѣ кривыхъ ямъ, замѣтны съ С.В., С.З. и отчасти съ Ю.З. Всходы до сихъ поръ наблюдаются съ С., В. и З. Въ направленіи на Ю. курганъ осыпался.

По грунту слой бѣлаго песку съ мелкими древесными углями. Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, — крупныя, повидимому, конскія, не жженыя кости, и среди нихъ желѣзныя удила и стремена. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ конскихъ костей — мелкія жженыя кости, около сѣверной периферіи которыхъ — желѣзное копье. Около сѣверной периферіи кургана, на грунтѣ, — желѣзный ножъ. Лука лучше сохранившагося стремени изъ толстой пластины; подножка его составляетъ одно цѣлое съ боками луки и имѣетъ форму тонкой пластины, снабженной во всю длину ея, съ внѣшней

Digitized by Google

стороны, рельефнымъ рубчикомъ. Подножка выгнута внутрь стремени, а образующая ее пластина при оконечностяхъ согнута въ направленіи боковъ луки, такъ что послѣдніе въ ближайшихъ къ подножкѣ частяхъ представляютъ лопатообразныя фигуры. Пластинчатое ушко стремени соединяется съ лукою при помощи такой же вогнутой съ боковъ шейки.

Курганъ № 8-й.

Окружность 33 шага. Поперечникъ 12 арш. 8 в. Высота 1 арш. 5 в. Кругомъ едва замѣтные слѣды рва.

По грунту пластъ бѣлаго песку, толщиною вершковъ въ 6, непосредственно надъ которымъ, около средины кургана, мелкія жженыя кости, а въ самомъ центрѣ кургана крупныя, плохо сохранившіяся (не жженыя), повидимому, конскія кости. Среди послѣднихъ оказались желѣзныя удила и пряжка.

Курганъ № 9-й.

Окружность 36 шаг. Поперечникъ 11 арш. Высота 1 арш. 4 в. Кругомъ кургана было, повидимому, восемь симметрично расположенныхъ рвовъ и ямъ, которые въ настоящее время лучше замѣтны съ сѣверной половины кургана.

По грунту пластъ бѣлаго песку, толщиною вершка въ 3—4; по направленію къ центру пластъ этотъ постепенно утолщается до 6—8 вершковъ. Никакихъ признаковъ погребенія въ курганѣ не обнаружено.

Курганъ № 10-й.

Окружность 40 шаг. Поперечникъ 14 арш. 10 в. Высота 1 арш. 9 в. Часть окружавшаго курганъ рва замѣтна только съ сѣверной стороны.

По грунту слой бѣлаго песку съ пятнами красной (пережженой) земли, которая, кстати замѣтить, попадается и въ другихъ мѣстахъ курганной насыпи. Въ периферіяхъ насыпи попадается много древесныхъ углей. Въ разстояніи двухъ аршинъ на Ю.Ю.В. отъ центра кургана, непосредственно надъ бѣлопесочнымъ слоемъ, оказался желѣзный серпъ; отсюда, по направленію къ центру, идетъ слой мелкихъ жженыхъ костей въ перемѣшку съ древесными углями; въ разныхъ мѣстахъ этого слоя найдены желѣзныя удила, пряжка и три обломка неопредѣленнаго назначенія. Серпъ по формѣ одинаковъ съ найденнымъ въ 5-мъ курганѣ. Удила отличаются отъ найденныхъ въ 1-мъ курганѣ лишь нѣсколько большею массивностію и тѣмъ, что скоба у одного изъ усиковъ переходитъ въ постепенно съуживающуюся пластину, сопровождающую усикъ до его наконечныхъ расширеній.

Примѣчанія.

Зезюльскіе курганы, принадлежа, по своему общему характеру, къ разряду тѣхъ, которые мы предложили бы характеризовать наименованіемъ — „кавалерійскіе“, представляютъ ту особенность, что въ нихъ, кромѣ исключительныхъ для другихъ

Digitized by Google

такихъ же кургановъ находокъ серповъ и принадлежностей конскаго снаряженія, попадаются, хотя и въ незначительномъ количествѣ, предметы личнаго наряда, помогающіе хотя отчасти разобраться въ рѣшеніи этнографическаго и хронологическаго вопросовъ по отношенію къ кавалерійскимъ курганамъ. Для той же цѣли имѣютъ отчасти значеніе и нѣкоторыя, наблюдаемыя въ Зезюльскихъ курганахъ, особенности погребальнаго обряда.

Общій для всѣхъ Зезюльскихъ кургановъ обрядъ погребенія — трупосожженіе. Въ двухъ (№№ 3-й и 5-й) изъ десяти раскопанныхъ кургановъ оказалось настолько значительное количество древесныхъ углей, что есть всѣ основанія предполагать присутствіе костра на самомъ мѣстѣ кургановъ. Остатки подобныхъ костровъ, какъ мы имѣли случай и выше и прежде замѣтить, встрѣчаются по одиночкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ группахъ, но такъ какъ они наблюдаются всегда совмѣстно съ предметами конской збруи, а не рѣдко (какъ, между прочимъ, и здѣсь, — въ курганѣ № 3) — и съ не дожженными конскими костями, то поэтому вѣроятнѣе считать ихъ остатками не погребальнаго, а жертвеннаго костра, и, такимъ образомъ, общимъ для всѣхъ Зезюльскихъ кургановъ фактомъ должно считаться сожженіе умершаго внѣ кургана. Судя по присутствію въ нѣкоторыхъ курганахъ вкрапинъ изъ древесныхъ углей, красной (жженой) земли, а иногда и мелкихъ жженыхъ костей, нужно полагать, что погребальный костеръ находился обыкновенно по сосѣдству съ предполагаемымъ курганомъ. Наблюдаемые во многихъ курганахъ остатки коня даютъ основаніе предполагать, что на костеръ вмѣстѣ съ умершимъ возлагался и его боевой конь. Присутствіе на кострѣ такого большого подлежащаго сожженію матеріала должно было обусловливать значительные размѣры костра и его высокую температуру. Въ случаѣ выполненія этого условія огонь могъ поглащать прахъ до полнаго уничтоженія, вслѣдствіе чего, можетъ быть, и являлись оказывающіеся теперь безъ всякаго содержанія курганы; наоборотъ, при недостаточно разсчитанныхъ размѣрахъ костра, прахъ сгоралъ далеко не до полнаго уничтоженія, и отсюда, кажется, можно объяснить и присутствіе въ нѣкоторыхъ курганахъ разложившихся (конскихъ) костей, и обнаруженіе въ курганѣ первомъ части личнаго костяка съ нормальнымъ расположеніемъ костей, и сильное окисленіе нѣкоторыхъ желѣзныхъ предметовъ. Но какъ бы то ни было, въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывались остатки отъ костра, — огнеупорные предметы, кости и т. п., — они переносились (едва-ли просто не перекидывались при помощи лопаты) на мѣсто предполагаемаго кургана. Въ виду обнаруженія въ основаніи всѣхъ раскопанныхъ кургановъ бѣлопесочнаго пласта, нужно полагать, что мѣсто кургана намѣчалось при помощи именно бѣлаго песку. Фактъ этотъ, наблюдаясь спорадически вообще въ мѣстныхъ курганахъ, съ особенною, — такою же, какъ въ Зезюлькѣ, — рельефностію обнаруживается въ такъ называемыхъ Плятеровскихъ[1]) курганахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, кстати замѣтить, представляютъ сходство съ Зезюльскими и со стороны вещественныхъ находокъ. Обусловливалось-ли присутстіе въ курганѣ бѣлопесочнаго пласта ритуальнымъ требованіемъ, или опредѣлялось

[1]) См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ I, стр. 166 и слѣд. и Томъ II, стр. 65.

Digitized by Google

простымъ обычаемъ, свидѣтельствующимъ о сравнительной лишь аккуратности обряда, равно какъ приносился-ли бѣлый песокъ съ находящагося невдалекѣ отъ кургановъ озера,—что наиболѣе вѣроятно для Плятеровскихъ кургановъ,—или же извлекался изъ подъ почвы (въ Зезюлькѣ бѣлый песокъ залегаетъ на глубинѣ около аршина) близъ самыхъ кургановъ,—каждый изъ этихъ вопросовъ можетъ рѣшаться на основаніи одинаково вѣроятной догадки. Но какъ бы то ни было, въ Зезюлькѣ остатки погребальнаго костра всегда оказываются лежащими на бѣломъ пескѣ.—Въ остальныхъ частяхъ курганная насыпь состоитъ изъ желтаго песку. Песокъ этотъ для большинства кургановъ извлекался изъ окружающихъ ихъ и до сихъ поръ довольно глубокихъ рвовъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ курганы 3-й, 5-й и 6-й, оказавшіеся безъ всякихъ признаковъ периферіальныхъ рвовъ. Возможно, конечно, что бывшіе, можетъ быть, при нихъ рвы заплыли впослѣдствіи, вслѣдствіе рыхлости курганныхъ насыпей, но въ виду того, что эти именно курганы и оказываются насыпанными на мѣстѣ костровъ, едва-ли не вѣроятнѣе предполагать, что земля для этихъ кургановъ, вслѣдствіе нѣкотораго препятствія, представляемаго, можетъ быть, не вполнѣ потухшимъ еще костромъ, бралась не близъ самаго костра, а слѣдовательно и кургана, но на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, и, такимъ образомъ, причины для образованія рва совсѣмъ не было.— Средняя величина кургана, на основаніи данныхъ раскопки, опредѣляется слѣдующими измѣненіями: окружность 36 шаговъ, поперечникъ 12 арш. 7 вершк., высота 1 арш. 9 вершковъ. По сравненію съ наиболѣе распространеннымъ по сосѣдству типомъ кургановъ, Зезюльскіе отличаются большею, сравнительно, высотою, что, въ соединеніи съ полною иногда сохранностію периферіальныхъ рвовъ, производитъ иллюзію значительно большихъ дѣйствительной величины насыпей.

Съ точки зрѣнія находки вещественныхъ памятниковъ, Зезюльскіе курганы должны быть причислены къ разряду сравнительно богатыхъ: въ то время какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ называемые, кавалерійскіе курганы оказываются въ большей части пустыми, въ Зезюлькѣ курганы съ содержаніемъ составляютъ 60%; кромѣ того здѣсь, какъ уже выше замѣчено, кромѣ предметовъ конской збруи и серповъ, оказались и нѣкоторые другіе предметы. Впрочемъ, общая сумма находокъ не болѣе двухъ десятковъ; ее составляютъ слѣдующіе предметы: обломки бронзовыхъ,—витой и пластинчатой,—гривенъ (курганъ 2-й), обрывки бронзовой цѣпи изъ спиральныхъ (въ два оборота) колецъ и бронзовая орнаментная спиралька (курганъ 1-й), глиняная пряслица (курганъ № 2-й), два желѣзныхъ ножика (курганы 2-й и 7-й), одно копье (курганъ 7-й), два серпа (курганы 5-й и 10-й), пара стремянъ (курганъ 7-й); пять паръ удилъ (курганы 1-й, 5-й, 7-й, 8-й и 10), двѣ желѣзныхъ пряжки (курганы 8-й и 10-й) и желѣзный, цилиндрической формы, колокольчикъ (курганъ 1-й). Всѣ перечисленные предметы, какъ видно изъ приведеннаго выше описанія ихъ, отличаются стереотипностью формы и въ общемъ могутъ имѣть значеніе лишь нѣкотораго показателя быта доисторическихъ насельниковъ Зезюльки. Такъ какъ остатки збруи, по несомнѣннымъ признакамъ, принадлежатъ боевому именно коню, а не рабочей лошади, то, синонимируя эти остатки съ находками оружія, нужно будетъ признать

Digitized by Google

высокую степень воинственности доисторическихъ насельниковъ Зезюльки потому что курганы съ находками предметовъ збруи составляютъ 50% раскопанныхъ, а принимая въ разсчетъ лишь курганы съ содержаніемъ—83%. Воинственный характеръ народа до нѣкоторой степени опредѣляетъ его ригоризмъ по отношенію къ личному наряду, и этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять крайнюю бѣдность Зезюльскихъ кургановъ относительно остатковъ личнаго наряда. Но какъ ни ничтожны находки въ Зезюльскихъ курганахъ остатковъ личнаго наряда, они, за отсутствіемъ другихъ данныхъ, остаются единственнымъ источникомъ, проливающими нѣкоторый свѣтъ на современную происхожденію кургановъ эпоху. Въ остаткахъ цѣпи (к. 1-й) и витой и пластинчатой гривнѣ (к. 2-й) легко узнаются однородные предметы [1]) изъ другихъ Литовскихъ, а также Латышскихъ и Ливонскихъ кургановъ, происхожденіе которыхъ должно быть отнесено къ началу, приблизительно, текущаго тысячелѣтія. Если присоединить сюда замѣчательное, до детальныхъ подробностей, сходство найденнаго въ первомъ курганѣ колокольчика съ остатками такого же предмета изъ Рацкихъ кургановъ [2]) относящихся также къ X—XII стол. [3]), то для Зезюльткихъ кургановъ первые вѣка текущаго тысячелѣтія, съ значительною вѣроятностію, могутъ считаться временемъ ихъ происхожденія.

Съ этнографической точки зрѣнія, принадлежность Зезюльскихъ кургановъ Литовскому племени не возбуждаетъ, повидимому, никакихъ сомнѣній.

X. Желядскіе курганы.

Мѣстоположеніе м. Желяди, Александровской вол., Свенцянскаго уѣзда, опредѣляется приблизительно 54°55¹ с. ш. и 43°55¹ в. д. Мѣсто, когда-то занятое курганами, находится въ разстояніи около двухъ верстъ на С.В. отъ мѣстечка, на берегу рѣки Струны. Въ настоящее время мѣсто это представляетъ запущенное поле, на которомъ по мѣстамъ наблюдаются мелкія сосновыя поросли. О существованіи здѣсь кургановъ можно было догадываться по нѣкоторымъ случайнымъ находкамъ, во время запашекъ, копій и, разъ, „обруча“, отъ самыхъ же кургановъ уцѣлѣли лишь два, едва замѣтныхъ, холмика и нѣсколько камней, которые кое-гдѣ своимъ положеніемъ намѣчаютъ правильныя дуги и такимъ образомъ даютъ основаніе считать эти камни остаткомъ периферіальныхъ обложекъ кургановъ.— Въ виду почти полнаго уничтоженія кургановъ, они, само собою, не могли останавливать на себѣ вниманія сосѣднихъ жителей, и такимъ образомъ никакихъ разсказовъ о нихъ въ народѣ не существуетъ. Обычное среди народа названіе кургановъ — копцы.— Наше изслѣдованіе этого почти совершенно уничтоженнаго могильника состояло въ производствѣ раскопокъ въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ, по тѣмъ или другимъ признакамъ, можно было предполагать существованіе кургановъ.

---

[1]) Указанія аналогичныхъ предметовъ см. выше — въ описаніи кургановъ.

[2]) См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ I, стр. 189.

[3]) Ibid. стр. 179. Имп. Арх. Комиссія находитъ возможнымъ относить происхожденіе Рацкихъ кургановъ къ X столѣтію: см. Отчетъ Комиссіи за 1893 г.).

Digitized by Google

Мѣсто 1-е, обозначенное нѣсколькими расположенными по правильной окружности камнями.

Почва замкнутаго камнями пространства на глубину четырехъ вершковъ состояла изъ насыпного песку, подъ которымъ оказался, около вершка толщиною, пластъ древесныхъ углей. Около средины угольнаго пласта — мелкія жженныя кости и среди нихъ найдены были два обломка бронзовой римской фибулы, обнаруживающіе ясные слѣды дѣйствія на нихъ огня; тѣмъ не менѣе, при соединеніи обломковъ, получается довольно полная фигура одного цѣлаго предмета. Излучина фибулы состоитъ изъ тонкой пластинки, шириною въ 8^{mm}; приблизительная длина луки, по направленію иглы, 48^{mm}, наибольшая высота около 20^{mm}. Пружина-спираль въ 8+8 оборотовъ, и состоитъ изъ круглой тонкой проволоки, которая образуетъ также и поперечную луку — тетиву; діаметръ спиральнаго оборота 7^{mm}. Ось спирали — бронзовая, и на концахъ ея надѣты двѣ не вполнѣ правильныхъ шестигранныхъ призмы (табл. 1, 5). Общая длина фибулы, по направленію несуществующей теперь, впрочемъ, иглы, — 78^{mm}, ширина, по направленію оси спирали, — 58^{mm}. Вслѣдствіе простоты работы, аналогія этой, равно какъ и слѣдующей[1]) фибулы возможна лишь со стороны общей формы, хотя и въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить сравнительной ея близости къ однороднымъ предметамъ изъ древнѣйшаго желѣзнаго періода въ Прибалтійскихъ губерніяхъ[2]) и къ такимъ же предметамъ изъ Боркинскаго, близъ Рязани, могильника[3]).

Мѣсто 2-е, внутри четырехъ большихъ камней.

Насыпной пластъ — толщиною вершка въ три. Около средины обозначеннаго камнями мѣста углубленіе до семи вершковъ въ грунтъ, заполненное древесными углями. Около углей нѣсколько мелкихъ жженыхъ косточекъ.

Мѣсто 3-е, погребенія не обнаружило никакихъ признаковъ.

Мѣсто 4-е, обозначенное небольшою кучею камней.

До глубины вершковъ четырехъ — насыпная земля; ниже ея — пластъ древесныхъ углей, который около средины понижается до глубины 8 вершковъ, и здѣсь непосредственно подъ нимъ — жженыя кости и, среди нихъ, — бронзовая фибула и слиточекъ стеклянныхъ бусъ. — Фибула отличается отъ найденной въ 1-мъ мѣстѣ лишь нѣкоторыми только особенностями. Составляющая излучину пластинка принимаетъ только на концѣ желобчатую форму и, будучи подогнута внизъ, образуетъ опору для конца иглы. На концѣ желобка двойной отростокъ, который, прихватывая желобокъ къ излучинѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ для послѣдней орнаментомъ. Общая длина фибулы, по направленію иглы, 50^{mm}, ширина, по направленію оси пружины, 36^{mm}.

---

[1]) См. мѣсто 4-е.
[2]) Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien N, напр. 1831.
[3]) Труды Виленскаго IX Археологическаго Съѣзда. Томъ I, стр. 88, рис. 39.

Digitized by Google

Мѣста 5-е и 6-е, обозначенныя камнями, ничего особеннаго не представили.

Мѣсто 7-е, обозначенное камнями.

Въ срединѣ намѣченнаго дугою круга, подъ насыпнымъ слоемъ, толщиною въ 5 вершковъ, два объуглившихся бревна, въ разстояніи полутора аршинъ одно отъ другого. Бревна лежали въ параллельномъ направленіи съ С.З.З. на Ю.В.В. и между ними оказались мелкія жженыя кости, среди которыхъ найдены желѣзная римская фибула и пряжка. — Фибула совершенно одинакова съ найденною во второмъ Пильвинскомъ курганѣ [1]): недостаетъ лишь здѣсь шарика на концѣ оси спирали.

Мѣсто 8-е, обозначенное не вполнѣ правильной окружностью.

Насыпная земля наблюдается до глубины восьми — девяти вершковъ. Около средины бывшаго здѣсь очевидно кургана, на грунтѣ, который, кстати замѣтить, покрытъ темною землею съ угольными вкрапинами, — ограда въ формѣ полуокружности изъ большихъ булыжниковъ; въ заполняющей ограду землѣ обнаружено двѣ-три жженныхъ косточки. — Въ нѣкоторомъ разстояніи на Ю. отсюда такой же, какъ и въ пятомъ Чернолужанскомъ курганѣ [2]), ящикъ изъ булыжника но безъ покрышки. Въ заполняющей ящикъ землѣ — мелкія жженыя кости.

Мѣсто 9-е, намѣчающее часть окружности, приблизительо около 12 арш.

Насыпная земля до глубины 9 вершковъ. По грунту слой бѣлаго песку. Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, — чашеобразная куча большихъ камней. Въ нѣкоторомъ разстояніи на Ю. отсюда, на бѣлопесочномъ слоѣ — мелкія жженыя кости, поверхъ которыхъ тонкій слой мелкихъ древесныхъ углей.

Мѣсто 10-е, обозначенное нѣкоторымъ подъемомъ и лежащими камнями.

Подъ насыпною землею, на глубинѣ 11 вершковъ, — слой бѣлаго песку съ угольными вкрапинами. Въ одномъ мѣстѣ, вершковъ на 10 ниже бѣлопесочнаго слоя, очень много жженыхъ костей, среди которыхъ найдены слѣдующія вещи: желѣзная римская фибула, серебряное спиральное кольцо, бронзовое колечко, два бронзовыхъ обломка неопредѣленнаго назначенія и слитокъ стекловидной массы. — Фибула во всѣхъ отношеніяхъ одинакова съ найденною въ мѣстѣ 7-мъ. Спиральное почти въ три оборота кольцо изъ серебряной — низкопробной пластинки, шириною въ $2^1/_2$ mm и толщиною не болѣе 1 mm. Лицевая поверхность пластинки обработана въ формѣ ряда перемежающихся четырехугольныхъ выступовъ и пониженій.

---

[1]) См. выше.
[2]) См. выше.

Digitized by Google

Мѣсто 11-е, близъ ряда камней, расположенныхъ по прямой линіи.

На В. отъ камней — земля, до глубины семи вершковъ, насыпная; подъ ней слой черной (дегтярной) земли и въ немъ жженыя кости, среди которыхъ найдены желѣзная фибула пряжка и такое же копье. Фибула одинакова съ найденными въ 7-мъ и 10-мъ мѣстахъ; пряжка одинакова съ вышеописанными.

Мѣсто 12-е, обозначенное нѣсколькими камнями.

Насыпной пластъ имѣетъ въ толщину около 9 вершковъ; подъ нимъ слой бѣлаго песку въ перемѣшку съ черной землей. Въ одномъ мѣстѣ, непосредственно надъ грунтомъ, найдены два обломка жженой кости.

Примѣчанія.

Въ виду почти полнаго разрушенія Желядскихъ кургановъ, не только общія заключенія, но даже и самыя основанія для такихъ заключеній не идутъ далѣе болѣе или менѣе вѣроятныхъ лишь предположеній, и лишь одинъ фактъ можетъ считаться достовѣрно установленнымъ, — это общій для всѣхъ кургановъ обрядъ погребенія — трупосожженіе. Почти несомнѣнно также и то, что костеръ погребальный помѣщался не на мѣстѣ предполагаемаго кургана, а внѣ его. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаружено, правда, значительное количество близъ остатковъ праха древесныхъ углей, но угольные пласты въ данныхъ случаяхъ не настолько значительны, чтобы считать ихъ не тронутыми съ мѣста остатками костра: по аналогіи съ другими болѣе опредѣленными погребеніями, угли эти могли попасть въ курганы или въ качествѣ подстилки для остатковъ праха, или, едва ли не вѣроятнѣе, случайно перекинуты сюда съ костра вмѣстѣ съ остатками праха. Подъ условіемъ послѣдняго предположенія, является, съ своей стороны, намекъ на непосредственное сосѣдство погребальнаго костра съ мѣстомъ предполагаемаго кургана.

Мѣсто погребальнаго пятна въ курганахъ въ большинствѣ случаевъ совпадаетъ съ поверхностью грунта, въ трехъ же случаяхъ (мѣсто 2-е, 4-е и 10-е) прахъ оказался на восемь, въ среднемъ выводѣ, вершковъ ниже поверхности грунта. Послѣднее явленіе аналогично съ преобладающею формою погребенія въ курганахъ Чернолужанскихъ, Понизовскихъ и отчасти Рымшанскихъ[1]) и, какъ въ первыхъ изъ этихъ кургановъ, можетъ быть объяснено въ зависимости отъ расчистки мѣста подъ курганъ. Но на какой бы высотѣ прахъ ни находился, вездѣ онъ оказывается лежащимъ на подстилкѣ, состоящей то изъ древесныхъ углей (мѣсто 1-е, 2-е, 4-е, 5-е), то изъ бѣлаго песку (мѣсто 9-е, 10-е и 12-е), то изъ темной, какъ дёготь, земли. Фактъ этотъ весьма обычный для мѣстныхъ кургановъ, — одинаково, — какъ для болѣе древнихъ, такъ и для позднѣйшихъ. Какъ на модификацію, кажется, той же подстилки слѣдуетъ смотрѣть и на тѣ два, превратившіяся въ угли, бревна,

[1]) См. выше.

Digitized by Google

среди которыхъ оказался прахъ въ мѣстѣ седьмомъ. Въ двухъ случаяхъ, въ мѣстахъ 8-мъ и 9-мъ, въ срединѣ оказались большіе камни, расположенные въ 8-мъ мѣстѣ въ формѣ кольца, а въ 9-мъ — въ видѣ чаши: хотя остатки праха, и то въ видѣ 2—3 косточекъ, оказались только среди камней послѣдняго мѣста, тѣмъ не менѣе обѣ эти группы камней должны быть признаны аналогичными съ тѣмъ выложеннымъ камнями чашеобразнымъ углубленіемъ, въ которомъ оказался прахъ въ десятомъ Чернолужанскомъ курганѣ. Совершенно аналогично, наконецъ, и также характерно, какъ въ пятомъ Чернолужанскомъ курганѣ, оказалось второстепенное погребеніе въ мѣстѣ 8-мъ, гдѣ прахъ былъ заключенъ въ сложенный изъ булыжника ящикъ. Вообще, со стороны болѣе характерныхъ случаевъ погребенія, Желядскіе курганы больше всего обнаруживаютъ сходства съ курганами Чернолужанскими.

Величина кургановъ, вслѣдствіе почти полнаго ихъ уничтоженія, конечно, не можетъ быть указана съ точностію, но во всякомъ случаѣ самый фактъ распашки на мѣстѣ кургановъ поля показываетъ, что они не отличались большими размѣрами. При сопоставленіи, подъ вліяніемъ непосредственныхъ наблюденій, Желядскихъ кургановъ съ другими сосѣдними, скорѣе всего возникаетъ мысль о сходствѣ ихъ, со стороны величины и формы, съ курганами центральной Пильвинской группы, тѣмъ болѣе, что въ пользу этой аналогіи подкупаетъ и фактъ присутствія на площади Желядскихъ кургановъ камней, — вѣроятныхъ остатковъ, какъ и въ Пильвинскихъ курганахъ, боковой обложки, и общехарактерное сходство найденныхъ въ обѣихъ этихъ группахъ вещей.

Вещи, найденныя въ Желядскихъ курганахъ, состоятъ изъ двухъ бронзовыхъ римскихъ фибулъ (мѣста 1-е и 4-е), трехъ такихъ же желѣзныхъ предметовъ (мѣста 7-е, 10-е и 11-е), двухъ желѣзныхъ пряжекъ (мѣсто 7-е, круглая, и 11-е, овальная), одного серебрянаго спиральнаго кольца (мѣсто 10-е), двухъ слитковъ стекла (мѣста 4-е и 10-е), одного копья (мѣсто 11-е) и нѣсколькихъ бронзовыхъ, неопредѣленнаго назначенія, обломковъ (мѣста 1-е и 10-е). Въ общемъ, такимъ образомъ, преобладаютъ предметы личнаго наряда, и присутствіе только въ одномъ мѣстѣ копья, — кстати замѣтить, миніатюрныхъ размѣровъ, — говоритъ о мирномъ характерѣ современниковъ происхожденія кургановъ. Изъ предметовъ личнаго наряда преобладаютъ и болѣе характерны римскія фибулы. Фибулы эти вообще свидѣтельствуютъ о сравнительной древности (чему не противорѣчатъ и другіе предметы) Желядскихъ кургановъ, и въ частности, замѣчательное сходство желѣзныхъ фибулъ съ такимъ же предметомъ изъ центральной Пильвинской группы [1]) заставляетъ признать одновременность Желядскихъ кургановъ съ центральными Пильвинскими.

Вообще, на основаніи сходства нѣкоторыхъ случаевъ погребенія въ Желядскихъ курганахъ съ преобладающею формою погребенія въ курганахъ Чернолужанскихъ, а также на основаніи сходства предметовъ изъ Желядскихъ кургановъ съ однородными изъ центральныхъ Пильвинскихъ, происхожденіе Желядскихъ кургановъ, повидимому, не позднѣе предпослѣднихъ вѣковъ прошедшаго тысячелѣтія.

---

[1]) См. выше.

Digitized by Google

XI. Будранскіе курганы.

Мѣстоположоніе дер. Будранъ, Александровской вол., Свенцянскаго у., опредѣляется приблизительно 54°56′ с. ш. и 43°50′ вост. долг. Курганы находятся въ сосѣдней съ деревнею, такъ называемой, Будранской казенной лѣсной дачѣ и въ лѣсу им. Шайкуны, гдѣ они разбросаны безъ всякаго порядка небольшими группами на пространствѣ верстъ около двухъ. Наибольшая въ количественномъ отношеніи группа расположена въ разстояніи 300—400 саж. на Ю.З. отъ дер. Будранъ. Изъ насчитывающихся здѣсь двадцати двухъ кургановъ, двѣнадцать расположены на казенной землѣ и десять на землѣ им. Шайкунъ. Всѣ курганы этой группы сферической формы и средней величины. Взаимное разстояніе между ними саженей около пяти. Въ разстояніи саженей ста на С. отсюда, при дорогѣ въ им. Шайкуны, есть еще 2—3 такихъ же кургана, и курганы также были, очевидно, на сосѣднемъ полѣ заст. Погулянки, потому что во время запашекъ здѣсь, по разсказамъ лѣсника, были находимы топорики и копья. Въ разстояніи около версты на Ю.Ю.З. отъ первой группы, за, такъ называемымъ, Троцкимъ мостомъ, по шайкунскому лѣсу разбросано еще до полутора десятка кургановъ, изъ которыхъ пять лежатъ сейчасъ же за Троцкимъ мостомъ, другіе пять въ разстояніи саженей двухсотъ на З. отсюда, а остальные, по одиночкѣ, въ разныхъ мѣстахъ. Курганы, расположенные у самаго Троцкаго моста, отличаются небольшими сравнительно размѣрами и приближающеюся къ полусферѣ формою, остальные же имѣютъ форму невысокихъ сферическихъ сегментовъ, а одинъ изъ кургановъ эллиптической формы. Остатки, наконецъ, кургановъ находятся и на сосѣдней съ лѣсомъ пасекѣ, гдѣ на нерѣдкихъ здѣсь песчаныхъ лысинахъ наблюдаются пятна древесныхъ углей, иногда съ примѣсью незначительнаго количества жженыхъ косточекъ, и гдѣ, между прочимъ, найденъ былъ точильный брусокъ, современный, вѣроятно, происхожденію кургановъ.

Характерную особенность Будранскихъ кургановъ составляютъ наблюдаемыя среди нихъ кольцеобразные валы, или, точнѣе, окруженныя валами весьма мелкія ямы. Такихъ кольцеобразныхъ валовъ насчитывается четыре, — три среди ближайшихъ къ Будранамъ кургановъ и одинъ на срединѣ почти разстоянія между главнѣйшими группами Затроцкихъ кургановъ. Первые три кольца расположены по одной прямой линіи, приблизительно, съ С. на Ю. въ разстояніи, — первое отъ второго, — 85 шаговъ и, второе отъ третьяго, — 5 шаговъ. На срединѣ, приблизительно, разстоянія между первымъ и вторымъ кольцомъ наблюдается, кромѣ того, небольшое круглое пониженіе почвы, но безъ ограничивающаго его вала. Размѣры валовъ-колецъ опредѣляются приблизительно: окружность, по вершинѣ вала, отъ 21 до 45 шаговъ; внѣшній діаметръ кольца-вала отъ 13 до 22 арш.; ширина вала, черезъ верхъ отъ 4 до 5 арш. 9 вершк.; высота вала надъ грунтомъ до 15 вершк.; входъ (пониженіе вала) съ С. Положеніе замкнутой валомъ площади относительно грунта не можетъ быть опредѣлено съ точностію.

Digitized by Google

Будранскіе валы-кольца, представляя вполнѣ аналогичное явленіе съ такими же наблюдаемыми среди Роцкихъ, Опсовскихъ и Довборскихъ кургановъ[1]), Ковенской губерніи, отличаются большею высотою валовъ и при первомъ взглядѣ производятъ впечатлѣніе сферическихъ — чашеобразныхъ углубленій.

Возвращаясь непосредственно къ курганамъ, которые, у мѣстныхъ жителей называются копцами, слѣдуетъ отмѣтить мѣстный обычный взглядъ на нихъ, какъ на остатки какой-то стародавней войны; при чемъ, курганы, находящіеся ближе къ Будранамъ, въ народномъ разговорѣ, обыкновенно, противопоставляются курганамъ Затроцкимъ, т.-е. на мѣстѣ первыхъ, во время предполагаемой войны, находилась одна изъ воюющихъ сторонъ, а за Троцкимъ мостомъ — другая.

Почти всѣ находящіеся на казенной землѣ курганы испорчены, такъ какъ въ недавнее еще время крестьяне сосѣдней деревни зарывали обыкновенно на зиму въ курганахъ картофель. Былъ одинъ случай раскопки кургана и владѣльцемъ им. Шайкунъ. Ни при зарываніи картофеля ни при раскопкѣ кургана помѣщикомъ никакихъ вещей не найдено. Подъ нашимъ наблюденіемъ раскопано десять кургановъ,— шесть — въ ближайшей къ Будранамъ группѣ, и четыре — въ Затроцкомъ лѣсу.

Курганъ № 1-й.

Окружность 38 шаг. Поперечникъ 14 арш. Высота 2 арш. Кругомъ семь симметрично расположенныхъ ямъ и столько же всходовъ: и тѣ и другіе яснѣе обозначаются съ сѣверо-восточной стороны.

Подъ срединою насыпи, на грунтѣ, лошадиный костякъ въ направленіи съ Ю.В. (голова) на С.З. Длина черепа $8^1/_2$ вершк., — шеи 13 вершк., — корпуса 1 арш. 7 в. Вообще, лошадь, повидимому, мелкой, до сихъ поръ преобладающей въ Литвѣ, породы. Расположеніе костей показываетъ, что лошадь убита была на самомъ мѣстѣ кургана. Въ зубахъ оказались желѣзныя удила, а около мѣста подсѣдельника — двѣ желѣзныхъ пряжки. Всѣ три предмета въ состояніи сильнаго окисленія. Удила въ формѣ двухъ колецъ, соединенныхъ трехзвенчатою цѣпью. Обѣ пряжки одинаковаго размѣра и были приготовлены изъ плоской, повидимому, пластинки; форма ихъ — съ закругленными углами квадратъ, а величина 50×50 кв. милл. Игла — обычной гвоздевидной формы.

Курганъ № 2-й.

Окружность 29 шаг. Поперечникъ 9 арш. 4 в. Высота 14 в. Кругомъ шесть симметрично расположенныхъ ямъ и столько же всходовъ.

По грунту слабая темная прослойка. Никакихъ слѣдовъ погребенія не обнаружено.

Курганъ № 3-й.

Окружность 38 шаг. Поперечникъ 15 арш. Высота 1 арш. 10 в. Отъ окружавшаго курганъ рва до сихъ поръ сохранилось только пять ямъ съ четырьмя между

---

[1]) Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 166 и сл.

Digitized by Google

ними всходами. Съ сѣверо-сѣверо-западной стороны курганъ въ давнее, повидимому, время испорченъ.

Около сѣверо-восточнаго края кургана, надъ самымъ грунтомъ, найденъ желѣзный серпъ. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, нѣсколько жженыхъ косточекъ. Попадались жженыя кости и вверху курганной насыпи, но появленіе ихъ здѣсь едва ли не слѣдствіе упомянутой порчи кургана. Серпъ обыкновенной [1]) формы.

Курганъ № 4—6-й.

По грунту слабая темная прослойка съ угольными вкрапинами. Другихъ слѣдовъ погребенія не обнаружено.

Курганъ № 7-й.

Окружность 30 шаг. Поперечникъ 10 арш. 5 в. Высота 1 арш. 11 в. Кругомъ едва замѣтный ровъ; всходы едва также различаются только съ Ю.-З. и Ю.-В.

По грунту очень слабая темная прослойка, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ перемѣшку съ древесными углями. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, на бѣлопесочной подкладкѣ, — мелкія жженыя кости и среди нихъ нѣсколько (преимущественно — обломковъ) бронзовыхъ бляшекъ; близъ сѣверо-западной периферіи костяного пятна — глиняный горшокъ. Всѣ бляшки — изъ листовой бронзы и, за исключеніемъ одной, имѣютъ форму сферическихъ сегментовъ. И по своей формѣ и со стороны составляющаго ихъ матеріала, бляшки эти живо напоминаютъ однородные предметы изъ Мемлянскихъ, Свенцянскаго уѣзда, кургановъ [2]), и какъ тѣ, очевидно, имѣли значеніе пронизей, такъ называемой, кольчужной ткани. Горшокъ — въ видѣ плошки и отличается своими миніатюрными размѣрами.

Въ курганѣ № 8-й никакихъ слѣдовъ погребенія не обнаружено.

Курганъ № 9-й (овальный).

Окружность 43 шага. Длина, съ В. на З., 19 арш. Ширина 16 арш. Высота 1 арш. 9 в. Кругомъ кургана ровъ съ яснѣе замѣтнымъ всходомъ съ юго-западной стороны.

На высотѣ 4—8 вершковъ надъ грунтомъ, въ направленіи отъ центра кургана на С.-В., наблюдается полоса древесныхъ углей. а) Въ нѣкоторомъ разстояніи на Ю.-З. отъ центра кургана, непосредственно подъ дерномъ, жженыя кости, поверхъ которыхъ были компактно уложены топоръ, два копья и ножъ. б) Кучка жженыхъ костей оказалась также на высотѣ десяти вершковъ надъ грунтомъ, около юго-восточной периферіи кургана, и здѣсь же помѣщались желѣзный топоръ и два копья.

---

[1]) См. напр. Засвирскіе курганы, № 4.

[2]) См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II. Табл. XI, 21—22.

Digitized by Google

Оба топора узкоклинковые, обухъ одного (рис. 18) изъ нихъ украшенъ четырьмя боковыми, по направленію топорища, отростками, изъ которыхъ два внѣшніе орнаментированы поперечными нарѣзами. Образцы подобной обработки обуха можно наблюдать, напр., въ древностяхъ Мордовскихъ, Мерянскихъ, Финляндскихъ [1]) и Латышскихъ [2]),

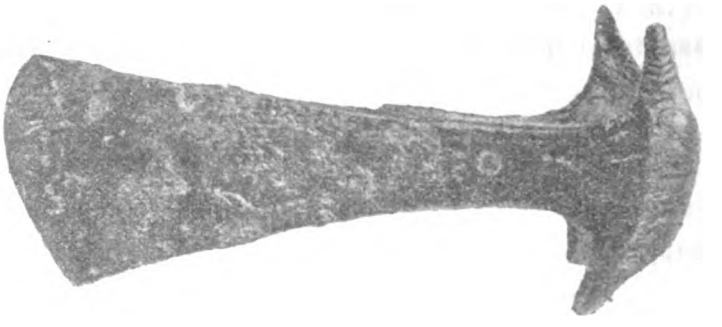


Рис. 18.

съ тою впрочемъ особенностію, что въ нашемъ экземплярѣ отростки выступаютъ рельефнѣе и вообще вся обработка топора отличается большею чистотою. Оба копья одинаковой почти величины и формы, — съ овальными клинками и коническими втулками.

Большое копье: клинокъ овальный, длиною въ 160^{mm} и шириною (наибольшею) въ 35^{mm}; втулка коническая, длиною въ 93^{mm}. Несмотря на состояніе сильнаго окисленія, предметъ производитъ впечатлѣніе аккуратной обработки, и (при общей стереотипности) взаимнымъ отношеніемъ своихъ частей ближе другихъ напоминаетъ № 1959 эстонскихъ древностей у Аспелина [3]). Меньшее копье: клинокъ эллиптической формы, величиною, по направленію продольной оси, въ 110^{mm}, и по поперечной — 27^{mm}; втулка коническая, длиною въ 80^{mm}; размѣры его весьма незначительны.

Курганъ № 10-й.

Окружность 43 шага. Поперечникъ 21 арш. Высота 1 арш. 4 в. Кругомъ — восемь симметрично расположенныхъ ямъ и столько же всходовъ. На вершинѣ кургана углубленіе.

Около средины кургана, въ насыпи, непосредственно надъ грунтомъ, — нѣсколько мелкихъ жженыхъ косточекъ. Никакихъ другихъ остатковъ погребенія не оказалось.

Примѣчанія.

Будранскіе курганы не представляютъ сконцентрированной въ одномъ мѣстѣ компактной группы: они разбросаны безъ всякаго порядка (иногда даже по одиночкѣ) на пространствѣ, по крайней мѣрѣ, двухъ квадратныхъ верстъ. Съ этимъ внѣшнимъ

---

[1]) Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, №№: 902, 935 и 1585.
[2]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 14. Табл. XV, 7.
[3]) Antiquités du Nord Finno-Ougrien.

Digitized by Google

безпорядкомъ расположенія кургановъ какъ будто находится въ соотвѣтствіи и наблюдаемое въ разныхъ курганахъ разнообразіе погребеній, касающееся, впрочемъ, не общаго ритуала, а лишь его детальныхъ особенностей.

Курганы, расположенные ближе къ дер. Будранамъ и представляющіе наиболѣе значительную въ количественномъ отношеніи группу, принадлежатъ къ разряду такъ называемыхъ кавалерійскихъ и, такимъ образомъ, должны быть поставлены въ наиболѣе тѣсную хронологическую и этнографическую связь съ выше описанными курганами восточной Пильвинской группы и съ Зезюльскими. Какъ и тамъ, въ Будранскихъ курганахъ этого характера сожженіе праха происходитъ внѣ кургана, и въ большинствѣ случаевъ прахъ также сожигается до полнаго уничтоженія; по крайней мѣрѣ, остатки погребальнаго костра, въ видѣ мелкихъ жженыхъ костей, оказались изъ шести раскопанныхъ кургановъ всего только въ двухъ. Изъ остальныхъ четырехъ, въ трехъ ничего не оказалось, а въ одномъ (№ 1-й), при отсутствіи всякихъ признаковъ костра, — цѣльный лошадиный скелетъ. Оба эти факта, т.-е. и значительный процентъ пустыхъ кургановъ, и присутствіе конскихъ костей составляютъ обычное для кавалерійскихъ кургановъ явленіе. Правда, въ большинствѣ такихъ кургановъ конскія кости оказываются раздробленными и лежащими въ безпорядкѣ, и можно указать лишь только три случая изъ мѣстной практики, гдѣ конскій скелетъ оказался въ болѣе или менѣе цѣломъ состояніи, — это 1-й Швейцарскій курганъ [1]), послѣдній Першукштовскій [2]) и одинъ изъ кургановъ Пошвинтскихъ [3]), — но и въ этихъ случаяхъ скелетъ сопровождаетъ остатки погребальнаго костра, — прахъ умершаго, въ Будранскомъ же курганѣ конскій костякъ оказывается совершенно самостоятельнымъ. Факту этому, впрочемъ, едва ли, въ виду его единичности, слѣдуетъ придавать значенія болѣе того, сколько можетъ имѣть косвенное доказательство возможности исключительно коммеморативныхъ кургановъ, т.-е. такихъ, которые насыпались лишь въ качествѣ памятника по умершемъ, хотя бы прахъ послѣдняго по какимъ нибудь причинамъ и отсутствовалъ.

По наиболѣе обычному для кавалерійскихъ кургановъ явленію, находки въ Будранскихъ этого рода курганахъ ограничиваются исключительно принадлежностями конской збруи и серповъ: во всѣхъ шести раскопанныхъ курганахъ найдены лишь удила, двѣ пряжки (курганъ 1-й) и серпъ (курганъ 3-й). Всѣ эти вещи по сравненію съ однородными предметами даже и кавалерійскихъ кургановъ отличаются простотою и стереотипностію ихъ формы.

Средняя величина раскопанныхъ Будранскихъ кавалерійскихъ кургановъ опредѣляется слѣдующими измѣреніями: окружность 35 шаговъ, поперечникъ 13 арш., высота 1 арш. 7 вершковъ. Размѣры эти, впрочемъ, должны быть нѣсколько повышены въ виду того, что, вслѣдствіе порчи большинства кургановъ, приходилось раскапывать главнымъ образомъ курганы меньшихъ размѣровъ, оказывавшіеся въ большей сохранности. Если судить о курганахъ по общему впечатлѣнію, то средняя ве-

---

[1]) Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 216.
[2]) Idem. T. II, стр. 75.
[3]) Bibl. Warsz. 1885. Z. CLXXV, str. 25—26.

Digitized by Google

личина ихъ ближе всего можетъ быть выражена размѣрами перваго изъ раскопанныхъ кургановъ.

Курганы, расположенные ближе къ южной периферіи всей курганной площади, отличаются, въ противоположность сейчасъ описаннымъ, расплывчатою формою, такъ что при значительныхъ горизонтальныхъ протяженіяхъ (окружность 43 шага, поперечникъ около 20 аршинъ) они имѣютъ въ высоту нѣсколько менѣе даже полутора аршина. Въ этомъ отношеніи, изъ описанныхъ выше группъ, они болѣе всего напоминаютъ курганы Понизовскіе, Тущанскіе и большую часть Засвирскихъ, съ которыми они имѣютъ и наибольшее сходство въ детальныхъ подробностяхъ погребенія, т.-е. и здѣсь, очевидно, трупосожженіе производилось внѣ кургана, прахъ, вмѣстѣ съ другими остатками погребальнаго костра, помѣщался или непосредственно на грунтѣ въ центрѣ предполагаемаго кургана, или зарывался въ готовомъ уже курганѣ. Среди вещественныхъ находокъ такихъ кургановъ принадлежностей конской сбруи обыкновенно не наблюдается: обычныя находки здѣсь остатки личнаго наряда и предметы бытовые, — преимущественно, — военное оружіе. Въ частности, всѣ находки въ Будранскихъ этого рода курганахъ состоятъ изъ четырехъ копій, двухъ топоровъ и одного ножа (все — въ курганѣ 9-мъ).

Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить нѣкоторыя особенности кургановъ, расположенныхъ около средины курганной площади, — у Троцкаго моста. Съ внѣшней стороны, курганы эти отличаются отъ двухъ другихъ типовъ небольшими сравнительно размѣрами, и при средней, приблизительной, величинѣ окружности въ 25 шаговъ, — поперечника въ 10 аршинъ и высоты — въ $1^1/_2$ аршина, производятъ впечатлѣніе округленныхъ сверху коническихъ насыпей. Въ одномъ (раскопано — два, — №№ 7 и 8), оказавшемся съ содержаніемъ, курганѣ прахъ лежалъ въ центрѣ, на бѣлопесочной подстилкѣ и рядомъ съ нимъ помѣщался глиняный горшочекъ лѣпной работы. Послѣднія два обстоятельства сближаютъ это погребеніе съ наиболѣе обычнымъ, наблюдаемымъ въ болѣе сѣверныхъ Литовскихъ курганахъ [1]).

Несмотря на указанныя особенности отдѣльныхъ Будранскихъ кургановъ, все-таки не можетъ, кажется, возникать вопроса о различіи ихъ съ хронологической и этнографической точки зрѣнія. Не разъ выше, при описаніи цѣлыхъ группъ, съ которыми аналогичны тѣ или другіе Будранскіе курганы, уже высказано было предположеніе, что курганы, характеризующіеся находками исключительно предметовъ кавалерійскаго снаряженія, должны быть усвояемы тому же времени и народу, которому принадлежатъ и курганы съ предметами личнаго наряда и военнаго оружія, т.-е. литовцамъ позднѣйшаго археологическаго періода; и такимъ образомъ, Будранскіе курганы, представляя совмѣстное существованіе этихъ двухъ типовъ, являютъ лишь новое подтвержденіе указаннаго сейчасъ предположенія, обоснованнаго, главнымъ образомъ, на аналогіи курганныхъ находокъ.

Фактомъ, какъ будто подтверждающимъ ту же одновременность разныхъ Будранскихъ кургановъ, служатъ и наблюдаемые въ крайнихъ пунктахъ курганной пло-

---

[1]) См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 166 и сл.

Digitized by Google

щади земляные валы-кольца. Подобные кольца-валы въ нашей личной практикѣ встрѣчаются въ третій разъ: два первыхъ раза они наблюдаемы были въ 1893 году, въ Рацкой и Опсовской курганныхъ группахъ [1]). Нѣкоторое отличіе Будранскихъ колецъ состоитъ въ томъ, что они, сравнительно съ Рацкими и Опсовскими, нѣсколько выше и поэтому являются яснѣе очерченными. Въ этомъ отношеніи они возбуждаютъ мысль о сходствѣ ихъ съ кольцеобразными же, преимущественно, валами, такъ называемыми майданами [2]). Вопросъ о назначеніи майдановъ, по отсутствію въ нихъ какихъ бы то нибыло находокъ, въ современной археологической наукѣ остается пока открытымъ. Правда, В. Б. Антоновичъ въ одномъ изъ своихъ рефератовъ на X Археологическомъ Съѣздѣ опредѣлялъ майданы въ смыслѣ древнѣйшихъ городищъ, но это опредѣленіе можетъ имѣть значеніе болѣе простой догадки развѣ только потому, что оно принадлежитъ одному изъ авторитетнѣйшихъ представителей русской археологической науки. По тѣмъ же причинамъ и по отношенію къ Будранскимъ кольцамъ-валамъ приходится ограничиться лишь предположеніемъ, высказаннымъ нами при описаніи Опсовскихъ кургановъ; т.-е. валы-кольца, по аналогіи съ наблюдаемымъ до сихъ поръ въ южно-русскихъ губерніяхъ подобнымъ же явленіемъ, могли имѣть значеніе приспособленій, спеціально устраиваемыхъ для поминальной трапезы — тризны.

I—XI. Общія замѣчанія.

Всѣ описанныя выше одиннадцать курганныхъ группъ, какъ уже выше замѣчено, находятся въ юго-восточной части Свенцянскаго уѣзда. Астрономическое положеніе занимаемой ими площади съ достаточною точностію можетъ быть опредѣлено 43°45′—44°30′ в. д. и 54°40′—54°55′ с. ш. Такимъ образомъ площадь эта имѣетъ наибольшее протяженіе съ З. на В., и средина ея, которая почти совпадаетъ съ находящимся около сѣверной наконечности Свирскаго озера мѣстечкомъ Свирь, приходится около девятидесятой, считая отъ Вильны, версты стариннаго Полоцкаго тракта. Въ гидрографическомъ отношеніи площадь эта характеризуется сравнительнымъ обиліемъ озеръ, входящихъ при посредствѣ, въ большинствѣ случаевъ, рѣки Страчи въ систему Виліи. Наибольшая часть курганныхъ группъ, а равнымъ образомъ и наибольшія въ количественномъ отношеніи группы концентрируются въ срединѣ площади,—около сѣверной оконечности Свирскаго озера, или, что тоже,—мѣстечка Свирь. Фактъ этотъ, свидѣтельствующій о сравнительной густотѣ здѣсь народонаселенія въ доисторическія времена, достаточно объясняется тѣми благопріятными бытовыми условіями, которыя опредѣляются присутствіемъ здѣсь и большого озера, и оживленнаго, по всей вѣроятности, и въ доисторическія времена тракта. Въ другихъ

[1]) См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ I, стр. 166 и сл.

[2]) Лично наблюдать майдановъ намъ не приходилось: говоримъ о нихъ на основаніи свѣдѣній, которыя находимъ, напримѣръ, у А. А. Бобринскаго, — Раскопки кургановъ въ окрестностяхъ Смѣлы. Т. II и въ Чтеніяхъ въ обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. III, стр. 10-16 и 21—25.

Digitized by Google

мѣстахъ отмѣченной площади курганныя группы встрѣчаются по одиночкѣ и въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ незначительнаго, не всегда достигающаго и двухъ десятковъ, числа кургановъ, такъ что общая сумма кургановъ, со включеніемъ въ нее и Засвирской, единственной, достигающей 170 кургановъ, группы, не превосходитъ четырехсотъ, — числа на триста, по крайней мѣрѣ, квадратныхъ верстъ, очевидно, очень ограниченнаго. Скромнымъ также числомъ, — именно въ 28 кургановъ, выражается и средняя ариѳметическая величина курганной вообще группы. Эта незначительная средняя величина не составляетъ, впрочемъ, исключительнаго явленія разсматриваемой площади: она должна быть признана общимъ фактомъ для болѣе широкаго сосѣдняго района, характеризующагося преобладающимъ обрядомъ погребенія—чрезъ трупосожженіе. Незначительность средней величины особенно рельефно выступаетъ при сравненіи ея съ соотвѣтствующимъ числомъ для кургановъ съ ингумаціею. Не говоря уже о расположенныхъ на С. отъ Западной Двины и на Ю. отъ средняго Нѣмана могильникахъ, число погребеній въ которыхъ измѣряется сотнями, средняя величина курганной группы въ сосѣдней, напримѣръ, Минской губерніи опредѣляется[1]) числомъ 53, почти вдвое большимъ сравнительно съ нашимъ. Факту этому, впрочемъ, не слѣдуетъ, повидимому, придавать значенія доказательства слабой населенности разсматриваемой площади въ курганную эпоху: едва ли не съ большею достовѣрностью онъ объясняется нѣкоторыми особенностями погребальнаго обряда. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ группахъ нерѣдко оказываются курганы безъ всякаго содержанія, что даетъ ясный намекъ на усвояемое курганамъ съ трупосожженіемъ по преимуществу коммеморативное значеніе, т.-е. аналогичное съ современными надмогильными памятниками, и, слѣдовательно, какъ теперь не всякая могила отмѣчается памятникомъ, такъ и по отношенію къ курганамъ—общая сумма той или другой группы далеко не выражаетъ числа сожженныхъ здѣсь праховъ. Съ другой стороны, довольно обычнымъ явленіемъ оказывается фактъ погребенія въ готовомъ уже курганѣ, насыпанномъ надъ ранѣе сожженнымъ прахомъ, что, на основаніи простого ариѳметическаго расчета, само собою должно понижать общую сумму кургановъ каждой такой группы. Чтобы судить, на сколько въ зависимости отъ подобнаго обычая погребенія могло сокращаться общее число кургановъ группы, достаточно указать на центральную — Пильвинскую, напримѣръ, группу, гдѣ второстепенныя (въ готовой насыпи) погребенія обнаружены въ 66% всего числа раскопанныхъ кургановъ, или на группу Чернолужанскую, гдѣ процентъ этотъ поднимается до 75. Не безъ вліянія на среднюю величину группъ оказывается, наконецъ, и не высокая степень сохранности кургановъ: отъ Гузковскихъ, напримѣръ, и отъ Желядскихъ кургановъ ко времени нашей раскопки ихъ оставались на столько слабые слѣды, что о количествѣ кургановъ въ этихъ мѣстахъ нельзя составить даже и приблизительнаго представленія.

Отмѣченное почти полное уничтоженіе Гузковскихъ и Желядскихъ кургановъ хотя и составляетъ исключительное явленіе, тѣмъ не менѣе и остальные курганы

---

[1]) См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 221.

Digitized by Google

оказываются далеко не въ ихъ первоначальномъ состояніи. Лучше другихъ сохранились курганы восточной Пильвинской группы и Зезюльскіе, особенно послѣдніе, гдѣ можно указать такіе экземпляры, которые благодаря прикрытію ихъ травою и древесными порослями, до сихъ поръ сохраняютъ, несомнѣнно, свою первоначальную величину и форму. Остальная большая часть кургановъ, отчасти вслѣдствіе естественныхъ причинъ (курганная насыпь повсюду — изъ сыпучаго песку), а главнымъ образомъ вслѣдствіе положенія ихъ теперь или среди полей или на выгонахъ, настолько измѣнила свою величину и форму, что на первый взглядъ многіе курганы различной сравнительно конструкціи производятъ впечатлѣніе одинаковыхъ почти насыпей. Если бы на основаніи этихъ первоначальныхъ впечатлѣній, съ присоединеніемъ сюда даже произведенныхъ во время раскопокъ измѣреній, мы попытались опредѣлить форму и размѣры кургановъ, то для всѣхъ почти группъ общею формою кургана оказался бы сферическій сегментъ, не превосходящій шестидесяти шаговъ по окружности основанія (3-й Рымшанскій, напримѣръ, и 6-й Засвирскій курганы) и двухъ съ половиной аршинъ въ высоту (1-й Зезюльскій курганъ), или, выражая размѣры кургана посредствомъ средняго ариѳметическаго, пришлось бы общею нормою кургана признать сферическій сегментъ, имѣющій 37 шаговъ по окружности основанія, 12 аршинъ 13 вершковъ въ поперечникѣ (черезъ верхъ) и 1 арш. 7 вершк. въ высоту. Но такое, основанное на первоначальныхъ впечатлѣніяхъ, обобщеніе формы кургановъ не вполнѣ, повидимому, отвѣчаетъ дѣйствительности. При болѣе внимательномъ — детальномъ изученіи формы, особенно въ соединеніи съ разнохарактерными въ разныхъ курганахъ находками и нѣкоторыми особенностями погребенія, является возможность различать три, по крайней мѣрѣ, разновидности кургановъ. Во-первыхъ, курганъ расплывчатой формы, характеризующійся, не пропорціонально, сравнительно съ высотою, большими размѣрами въ горизонтальномъ направленіи. При своемъ возникновеніи такой курганъ, по всей вѣроятности, имѣлъ форму близкую къ полусферѣ, которая, подъ вліяніемъ времени и естественнаго разрушенія, постепенно переходила въ очень невысокій сферическій сегментъ, теперь—иногда едва-лишь замѣтно поднимающійся надъ сосѣдней почвой. Нерѣдко такой курганъ снабжался при основаніи вѣнцомъ изъ крупныхъ булыжныхъ камней: въ этомъ случаѣ, при дальнѣйшемъ естественномъ разрушеніи, онъ переходитъ въ форму, напоминающую очень не высокій усѣченный конусъ. — Вторую разновидность составляютъ курганы, характеризующіеся своею компактною формою: въ противоположность курганамъ первой категоріи, они при меньшихъ, сравнительно съ тѣми, горизонтальныхъ размѣрахъ почти всегда оказываются значительно большими въ высоту. Курганъ второй разновидности, какъ можно судить на основаніи нѣкоторыхъ замѣчательной сохранности экземпляровъ, при своемъ возникновеніи имѣлъ форму правильнаго, на сколько это, конечно, возможно для составляющаго курганъ матеріала, конуса. Въ случаѣ естественнаго разрушенія курганъ этой формы переходитъ обыкновенно въ близкій къ полусферѣ сегментъ. Каменной обкладки по бокамъ въ этихъ курганахъ никогда почти не наблюдается.— Наконецъ, какъ третья разновидность должны быть отмѣчены курганы въ формѣ сферическихъ сегментовъ,

Digitized by Google

отличающихся незначительными, какъ въ горизонтальномъ такъ и въ вертикальномъ направленіи, размѣрами. Со стороны общей формы они, такимъ образомъ, очень близко стоятъ къ курганамъ первой категоріи, но они должны быть выдѣлены въ особую группу какъ по нѣкоторымъ особенностямъ прикрываемыхъ ими погребеній, такъ и нѣкоторымъ внѣшнимъ особенностямъ: сюда относятся, кромѣ незначительности размѣровъ насыпей, преобладающее отсутствіе периферіальныхъ рвовъ и наблюдаемыя очень часто на вершинахъ этихъ кургановъ углубленія; точно также каменный боковой покровъ, по сравненію съ курганами первой категоріи, оказывается здѣсь болѣе преобладающимъ явленіемъ. Прилагая эту классификацію къ изслѣдуемымъ курганамъ, наиболѣе типичными представителями для первой разновидности слѣдуетъ признать большинство кургановъ Засвирскихъ и нѣкоторые изъ Будранскихъ, для второй — почти всѣ Зезюльскіе курганы и восточную группу Пильвинскихъ, для третьей — курганы Чернолужанскіе, центральные Пильвинскіе и Погорѣльскую группу Понизовскихъ кургановъ.

Кромѣ отмѣченныхъ трехъ видовъ кургановъ, въ одномъ случаѣ въ Будранской группѣ и въ двухъ-трехъ—въ Засвирской обнаруживается, повидимому, еще четвертая—овальная форма кургана. Чаще и съ яснѣе выраженными признаками подобная форма кургана наблюдается въ мѣстахъ, расположенныхъ на сѣверъ отсюда: на пространствѣ, напримѣръ, между верхнимъ теченіемъ Дисны и Западной Двины овальные курганы составляютъ не только преобладающее въ нѣкоторыхъ могильникахъ въ количественномъ отношеніи явленіе, но и характеризуются такими детальными подробностями строенія, а иногда и особенностями содержимаго ими обряда погребенія, которыя ясно отличаютъ ихъ отъ кургановъ центрическихъ, въ упомянутыхъ же Будранскомъ и Засвирскихъ курганахъ, кромѣ незначительнаго уклоненія отъ формы сферическаго сегмента, никакихъ особенностей, по сравненію съ другими сосѣдними курганами не обнаружено, и, такимъ образомъ, овальную форму ихъ, съ большимъ основаніемъ, слѣдуетъ считать случайнымъ отклоненіемъ отъ нормы, почему, слѣдовательно, форма эта и не можетъ итти въ разсчетъ при классификаціи разсматриваемыхъ кургановъ по внѣшнему виду.

При указаніи внѣшняго вида кургана каждой изъ трехъ, отмѣченныхъ сейчасъ, категорій не разъ упомянуто было о наблюдаемой по бокамъ нѣкоторыхъ кургановъ каменной обкладкѣ. Обкладка эта состоитъ обыкновенно изъ средней величины (пуда, въ среднемъ, въ два) камней, уложенныхъ въ два, по большей части, одинъ надъ другимъ ряда. Какъ уже выше замѣчено, на курганахъ 2-й категоріи — коническихъ — каменной обкладки почти никогда не наблюдается, на курганахъ же двухъ остальныхъ категорій — сферическихъ — она составляетъ явленіе спорадическое. Обстоятельство это даетъ ясный намекъ, что каменная обложка не только не считалась ритуальнымъ требованіемъ, но не была даже и явленіемъ наиболѣе обычнымъ. По всей вѣроятности, это — простое условіе комфорта, хотя, можетъ быть, и не безъ прецедента въ болѣе почтенной старинѣ: по крайней мѣрѣ, въ сосѣднихъ, напримѣръ, Антесорскихъ и Межанскихъ курганахъ[1]) которые не моложе первой половины прошлаго

[1]) Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. II, стр. 76.

Digitized by Google

тысячелѣтія, каменный, чуть не сплошной, покровъ оказывается всеобщимъ явленіемъ.—При такомъ взглядѣ на дѣло, весьма вѣроятна и догадка, почему, напримѣръ, каменная обкладка, наиболѣе повидимому, какъ увидимъ впослѣдствіи, отвѣчающая идеѣ коническаго кургана, не наблюдается ни на одномъ почти изъ этихъ кургановъ: ограда въ два-три камня вокругъ сферическаго сегмента совершенно достаточна для того, чтобы предохранить его отъ быстраго разрушенія и въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени поддержать его форму; но та же самая ограда, очевидно, не можетъ достигать своей цѣли, въ случаѣ огражденія ею насыпи, имѣющей форму высокаго конуса.

По общераспространенному явленію, при основаніи большей части изслѣдованныхъ кургановъ наблюдаются рвы. О первоначальной величинѣ, — емкости рвовъ, по настоящему ихъ состоянію, конечно, судить нельзя, если только не имѣть въ виду шаблоннаго правила,—чѣмъ больше курганъ, тѣмъ большей емкости и ровъ. Что же касается формы,— продольнаго направленія рва, то въ этомъ отношеніи преобладаетъ, въ соотвѣтствіи съ формою основанія кургановъ, ровъ приближающійся къ правильной окружности, — кольцеобразный, хотя, впрочемъ, никогда кольцо это не бываетъ вполнѣ замкнутымъ: обыкновенно оно прерывается перегородками нетронутаго грунта, образующими, такъ называемые, всходы — подъемы на курганъ. Ни правильной оріентировки, ни качественнаго ни количественнаго постоянства по отношенію къ всходамъ не наблюдается, въ зависимости отчего и периферіальный кольцеобразный ровъ, по отношенію къ его детальнымъ подробностямъ, обнаруживаетъ большое разнообразіе: то онъ состоитъ изъ двухъ почти полуокружностей, раздѣленныхъ только узкими перегородками (всходами), то изъ трехъ или четырехъ дугъ иногда равныхъ по величинѣ, иногда различныхъ, раздѣляющихся то широкими, то узкими всходами, то, иногда, въ перемѣшку — тѣми и другими вмѣстѣ; очень часто периферіальный ровъ слагается изъ расположенныхъ по правильной окружности, чаще всего, шести или восьми ямъ, то овальной, то совсѣмъ круглой формы, причемъ ямы эти находятся или въ одной общей симметріи, или соединяются въ двѣ симметричныхъ группы, напримѣръ, три — по одну сторону кургана и три по другую: есть также случаи, когда одна изъ такихъ симметричныхъ группъ ямъ замѣняется однимъ дугообразнымъ рвомъ и т. д. вплоть до уничтоженія всякой правильности рвовъ, особенно въ случаяхъ сосѣдства между курганами, когда для послѣднихъ рвы становятся общими.

Болѣе рѣдкое явленіе, по отношенію къ разсматриваемымъ курганамъ, составляютъ периферіальные рвы, расположенные по направленію сторонъ правильнаго четырехугольника. Подобные рвы, отличаясь правильностію при овальныхъ курганахъ, при курганахъ, какъ разсматриваемые, центрическихъ обыкновенно имѣютъ форму длинныхъ овальныхъ ямъ, прилегающихъ къ кургану съ четырехъ противуположныхъ сторонъ и представляющихъ едва-ли не случайный результатъ, какъ уже выше замѣчено, уклоненія отъ правильнаго криволинейнаго направленія.

Соединялась-ли съ извѣстною формою рва какая нибудь внутренняя идея, или, можетъ быть, форма рва обусловливалась тѣми или другими внѣшними обстоятель-

Digitized by Google

ствами при возведеніи кургана, или, наконецъ, она — дѣло простой случайности, — всѣ эти вопросы, очевидно, должны оставаться безъ отвѣта, и, такимъ образомъ, говоря о разнообразіи формъ периферіальныхъ рвовъ, мы имѣемъ въ виду лишь отмѣтить только налично существующій фактъ. Въ цѣляхъ фактической также полноты необходимо упомянуть и о курганахъ съ полнымъ отсутствіемъ периферіальныхъ рвовъ Въ нѣкоторыхъ группахъ, напримѣръ, въ Чернолужанской и Понизовской, курганы такіе составляютъ преобладающее явленіе, а въ небольшихъ группахъ Выгоннятской и Рымшанской число ихъ — всѣ сто процентовъ. Правда, всѣ эти группы находятся или находились среди полей, и, слѣдовательно, отсутствіе рвовъ можетъ быть объяснено уничтоженіемъ во время запашекъ, но возможно также и другое объясненіе въ смыслѣ отрицанія самаго происхожденія рвовъ. Дѣло въ томъ, что большая часть кургановъ безъ рвовъ отличаются небольшими размѣрами, и почти во всѣхъ этихъ курганахъ погребальное пятно оказывается въ грунтовой ямѣ. Такимъ образомъ насыпь въ этихъ курганахъ прежде всего слагалась изъ земли, извлеченной изъ ямы, а потомъ уже дополнялась постороннею, и такъ какъ послѣдняя, вслѣдствіе незначительности кургановъ, требовалась не въ большомъ количествѣ, и съ другой стороны, мѣсто кургана оказывалось уже точно обозначеннымъ, то для дополненія насыпи земля могла быть извлекаема хотя и близъ самаго кургана, но не съ намѣченной ранѣе кольцеобразной площади, и слѣдовательно рва съ крутыми боками, какой только и могъ уцѣлѣть до настоящаго времени, могло совсѣмъ и не быть. — Наиболѣе естественная причина отсутствія рвовъ — образованіе насыпи изъ приносной земли въ примѣненіи къ разсматриваемому случаю, повидимому, не имѣетъ значенія: за исключеніемъ перваго Чернолужанскаго кургана, во всѣхъ остальныхъ насыпь состоитъ изъ земли, совершенно одинаковой съ подпочвою занимаемыхъ курганами площадей.

Для полноты описанія внѣшняго вида кургановъ слѣдуетъ упомянуть о наблюдаемыхъ на вершинѣ нѣкоторыхъ кургановъ ямахъ, которыя, кстати замѣтить, должны быть отличаемы отъ ямъ позднѣйшаго происхожденія, образовавшихся вслѣдствіе порчи кургановъ кладоискателями, или вслѣдствіе распространеннаго мѣстнаго обычая зарывать въ курганахъ на-зиму картофель. Нѣтъ, повидимому, основанія объяснять эти ямы и какъ результатъ давнишней искусственной порчи кургановъ. Отмѣчаемыя ямы представляютъ собою небольшія углубленія въ формѣ правильнаго сферическаго сегмента и наблюдаются только въ тѣхъ группахъ, которыя характеризуются преобладающимъ погребеніемъ въ грунтовой ямѣ, именно, по отношенію къ разсматриваемымъ курганамъ, — въ Погорѣльской группѣ Понизовскихъ кургановъ и въ большинствѣ кургановъ Рымшанскихъ. Кромѣ того, при сравненіи этихъ углубленій съ погребальными ямами, обнаруживается болѣе или менѣе замѣтный параллелизмъ, т.-е. чѣмъ глубже погребальная яма, тѣмъ рельефнѣе очерчивается углубленіе на вершинѣ кургана. Этихъ двухъ фактовъ, кажется, совершенно достаточно для того, чтобы объяснить происхожденіе разсматриваемыхъ углубленій естественнымъ путемъ и во время, непосредственно слѣдовавшее за возведеніемъ кургановъ: часть курганной насыпи, приходившаяся надъ грунтовою ямою, заполненною пересыпанною землею

Digitized by Google

и вообще веществомъ, допускающимъ большую сравнительно съ грунтомъ сжимаемость, естественнымъ образомъ подвергалась и большему осѣданію, чѣмъ тѣ части насыпи, которыя лежали непосредственно на грунтѣ, а, слѣдовательно, здѣсь, само собою, и должно было образоваться углубленіе.

Кромѣ кургановъ, въ одной изъ обслѣдованныхъ группъ, именно — Будранской, наблюдается еще другой родъ искусственныхъ насыпей, — это земляные кольцеобразные валы. Колецъ такихъ въ Будранской группѣ находится четыре, три среди кургановъ главнѣйшей сѣверной части, и одно — въ южной, — среди разбросанныхъ поодиночкѣ кургановъ. Величина наибольшаго изъ колецъ опредѣляется слѣдующими измѣреніями: окружность по вершинѣ вала 45 шаговъ, внѣшній діаметръ кольца 22 аршина, ширина вала, черезъ верхъ, 5 арш. 9 вершк., высота вала надъ уровнемъ внѣшней сосѣдней площади — 15 вершковъ; соотвѣтствующіе размѣры для наименьшаго изъ колецъ выражаются слѣдующими числами: 21 шагъ (окружность), 13 арш. 8 вершк. (поперечникъ), 5 аршинъ (ширина вала) и 1 арш. 1 вершокъ (высота вала). Земля для валовъ извлекалась, повидимому, изъ замыкаемыхъ ими площадей, хотя уровень послѣднихъ въ настоящее время находится почти на одинаковой высотѣ съ внѣшнею площадью и только въ одномъ кольцѣ онъ ниже ея на 10 вершковъ. За исключеніемъ послѣдняго вполнѣ замкнутаго кольца, въ остальныхъ валъ прерывается, — въ двухъ по одному разу, — съ С. и С.-З., и въ одномъ — два раза — съ З. и Ю.-В. Прерывы эти, очевидно, входы внутрь колецъ. Вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ замыкаемыхъ кольцами площадей, послѣднія, въ соединеніи съ внутренними боками окружающихъ ихъ валовъ, производятъ впечатлѣніе чашеобразныхъ — сферическихъ углубленій. Подобныя кольца, но лишь съ менѣе высокими только валами, въ большемъ количествѣ наблюдаются среди кургановъ, находящихся на С.-В. отсюда, — на границѣ Ново-Александровскаго и Дисненскаго уѣздовъ. Имѣютъ ли какое нибудь отношеніе разсматриваемыя кольца къ южнорусскимъ, такъ называемымъ, майданамъ, по недостатку личнаго наблюденія послѣднихъ, утверждать не рѣшаемся, хотя вслѣдствіе бóльшихъ размѣровъ майдановъ, сравнительно съ нашими кольцами, и въ виду замѣтной въ археологической наукѣ тенденціи подводить майданы подъ категорію городищъ, думается, что эти два рода сходныхъ по внѣшнему виду археологическихъ памятниковъ стоятъ особнякомъ: по крайней мѣрѣ, при наблюденіи обнаруживающихся въ нашихъ мѣстахъ колецъ не можетъ являться и мысли о принадлежности ихъ къ разряду укрѣпленій; происхожденіе ихъ, несомнѣнно, находится въ непосредственной зависимости отъ погребальнаго обряда. Но какое значеніе кольца эти имѣли въ процессѣ погребенія, по отсутствію на замыкаемыхъ ими площадяхъ какихъ бы то нибыло культурныхъ остатковъ, — рѣшеніе этого вопроса не идетъ далѣе простой догадки. Не повторяя всѣхъ, высказанныхъ нами ранѣе [1]), возможныхъ предположеній о назначеніи колецъ, ограничимся указаніемъ аналогичнаго факта изъ современной практики. Въ южно-русскихъ губерніяхъ подобные валы-кольца обыкновенно насыпаются рабочими артелями въ

[1]) Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ I, стр. 207.

Digitized by Google

мѣстахъ производства работъ и имѣютъ исключительное значеніе приспособленій для артельной трапезы. Думается, что и объясненіе назначенія наблюдаемыхъ среди кургановъ-колецъ въ смыслѣ приспособленій для общей трапезы, можетъ быть,—тризны должно считаться наиболѣе вѣроятною, пока, догадкою.

Обрядъ погребенія.

За исключеніемъ одного случая ингумаціи, въ Засвирской группѣ[1]), наблюдаемый во всѣхъ курганахъ обрядъ погребенія — трупосожженіе. Изъ сотни, приблизительно, раскопанныхъ кургановъ только въ трехъ обнаружено болѣе или менѣе значительное количество древесныхъ углей, допускающее, по крайней мѣрѣ, возможность существованія костра на мѣстѣ самаго кургана, но и въ этихъ трехъ случаяхъ опредѣленіе углей въ смыслѣ остатковъ личнаго костра не можетъ считаться безусловно достовѣрнымъ фактомъ. Подобные остатки костровъ мы имѣли случай наблюдать ранѣе,— разъ въ Швейцарской, около Вильны, группѣ[2]) и въ другой разъ — близъ Першукшты, Свенцянскаго уѣзда[3]), но въ обоихъ этихъ, кстати замѣтить, единичныхъ для своихъ группъ случаяхъ, поверхъ остатковъ костра оказались, безъ нарушенія правильности въ расположеніи костей, значительные остатки обожженыхъ конскихъ скелетовъ. Присутствіе на кострищахъ этихъ остатковъ, при отсутствіи, съ другой стороны, кострищъ въ другихъ сосѣднихъ курганахъ, довольно ясно намекало на жертвенный, или, можетъ быть, обиходный, но только не личный характеръ костровъ. Едва ли не то же значеніе, съ большею вѣроятностію, должно быть усвоено и тремъ отмѣченнымъ случаямъ, тѣмъ болѣе, что въ различныхъ мѣстахъ всѣхъ кострищъ оказались остатки конскаго убора. Подъ условіемъ, такимъ образомъ, отрицанія у этихъ кострищъ точнаго характера, является всеобщимъ фактъ сожженія праха внѣ кургана. Такъ какъ ни близъ одной изъ курганныхъ группъ слѣдовъ болѣе или менѣе обширныхъ кострищъ не обнаружено, но отсюда можно предполагать, что сожженіе праха происходило не на опредѣленномъ, всякій разъ — одномъ и томъ же мѣстѣ, а въ мѣстахъ для каждаго новаго костра самостоятельныхъ. Нерѣдкіе случаи обнаруженія въ курганныхъ насыпяхъ гнѣздъ древесныхъ углей и вкрапленій красноватой жженой земли позволяютъ догадываться, что костеръ находился обыкновенно по сосѣдству съ предполагаемымъ курганомъ, потому что, по наиболѣе простому и естественному объясненію, угли могли попасть въ насыпь случайно свалившись съ периферій костра въ ровъ, изъ котораго бралась земля для насыпи. Судя по замѣчательной сохранности большинства оказавшихся въ курганахъ желѣзныхъ вещей и яснымъ слѣдамъ огня на вещахъ бронзовыхъ и стеклянныхъ, умершій возлагался на костеръ, повидимому, въ нарядномъ одѣяніи и съ аттрибутами его домашняго быта и общественнаго положенія.

Сожженіе личнаго праха нерѣдко сопровождалось погребеніемъ коня. Особенно часто фактъ этотъ наблюдается по отношенію къ тѣмъ курганамъ, которые съ внѣш-

[1]) Подробное описаніе этого случая см. выше.
[2]) Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 216.
[3]) Ibid. Т. II, стр. 70

Digitized by Google

ней стороны характеризуются коническою, въ моментъ ихъ образованія, формою: слѣды конскаго погребенія въ этихъ курганахъ выступаютъ съ такою рельефностію и въ такомъ доминирующемъ количествѣ, что они въ большинствѣ случаевъ не только заслоняютъ личное здѣсь погребеніе, но и оказываются исключительнымъ содержаніемъ кургана. Въ силу этого, между прочимъ, обстоятельства мы и находимъ возможнымъ усвоять этимъ курганамъ наименованіе кавалерійскихъ. Остатки погребенія коня обнаруживаются въ курганахъ то (главнымъ образомъ) въ видѣ предметовъ конской збруи, — всегда, почти, съ слѣдами сильнаго дѣйствія на нихъ огня, — то въ видѣ костей частію жженыхъ, частію — гнилыхъ, и одинъ разъ, въ третьемъ будранскомъ курганѣ, обнаруженъ совершенно цѣлый костякъ коня, убитаго, несомнѣнно, на мѣстѣ самаго кургана. Такимъ образомъ, преобладающею формою погребенія коня было сожженіе. Происходило ли сожженіе коня совмѣстно съ личнымъ прахомъ, или — на самостоятельномъ кострѣ — положительныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ, по слабымъ же намекамъ, заключающимся, съ одной стороны, въ отсутствіи во многихъ кавалерійскихъ курганахъ личнаго праха (что мы объясняемъ понынѣ уничтоженіемъ его на кострѣ подъ вліяніемъ высокой температуры, обусловливавшейся присутствіемъ на этомъ же кострѣ и коня), и, съ другой, въ обнаруженіи въ нѣкоторыхъ курганахъ костровъ съ исключительно конскими останками, можно, повидимому, полагать, что одинаково было въ обычаѣ, — сожженіе коня и совмѣстно съ личнымъ прахомъ и — на самостоятельномъ кострѣ. По слабымъ намекамъ также приходится судить и о значеніи сожженія, или, вообще, погребенія, коня въ личномъ погребальномъ обрядѣ. Съ апріорной точки зрѣнія, наблюдаемые въ курганахъ остатки коня могутъ быть опредѣляемы или въ смыслѣ слѣдовъ погребальной жертвы, или тризны, или, наконецъ, могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ обыкновеннаго бытового предмета. Если имѣть въ виду, что большинство находимыхъ въ курганахъ предметовъ конскаго убора характеризуютъ боевого именно коня, а не обыкновенную рабочую лошадь, а также фактъ почти полнаго отсутствія слѣдовъ конскаго погребенія въ тѣхъ курганахъ, которые характеризуются находками военнаго оружія, — топоровъ и копій, — то оказывается, повидимому, больше фактическихъ основаній опредѣлять курганнаго коня въ смыслѣ обыкновеннаго бытового предмета, т.-е. конь или его остатки отмѣчаютъ собою курганъ — могилу кавалериста — подобно тому, какъ, напримѣръ, пряслица характеризуетъ женское погребеніе.

Остатки погребальнаго костра — мелкія жженыя кости и предметы личнаго наряда и бытовые переносились, конечно, въ курганъ. Только въ одномъ случаѣ, въ первомъ Занарочскомъ курганѣ, жженыя кости, при отсутствіи, кстати замѣтить, всякихъ при нихъ предметовъ, оказались собранными въ глиняный, лѣпной горшокъ, плошчатой формы, который, послѣ прикрытія его другимъ нѣсколько большихъ размѣровъ горшкомъ, помѣщенъ былъ на самой вершинѣ кургана. Фактъ этотъ, находя для себя полную аналогію въ нѣкоторыхъ изъ Приднепровскихъ [1]) и, ближе, Придвинскихъ [2]) кургановъ, по отношенію къ разсматриваемому району представляетъ

[1]) См. напр. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ I, стр. 224.
[2]) Ibid. стр. 166 и сл.

Digitized by Google

явленіе исключительное и, какъ принадлежащій такому могильнику, который по нѣкоторымъ обстоятельствамъ[1]) оставленъ былъ безъ всесторонняго обслѣдованія, не можетъ итти въ расчетъ при опредѣленіи положенія праха въ курганахъ разсматриваемаго района. За исключеніемъ этого случая, погребальныхъ урнъ ни въ одномъ курганѣ не обнаружено. Въ четырехъ, правда, курганахъ (7-й и 16-й Засвирскіе, 7-й Погорѣльскій и 7-й Будранскій) оказались глиняные сосуды и, вдобавокъ, лѣпной работы, что, при несомнѣнномъ знакомствѣ съ гончарнымъ кружкомъ, говоритъ о непосредственномъ отношеніи этихъ сосудовъ къ погребенію, но вслѣдствіе отсутствія въ нихъ содержанія, также вслѣдствіе изолированнаго ихъ, по отношенію къ праху, въ курганѣ положенія и, наконецъ, въ виду почти миніатюрности двухъ изъ этихъ сосудовъ, усвоять имъ значеніе погребальныхъ урнъ нельзя. Наибольшее, о чемъ въ этомъ направленіи можно догадываться по отношенію къ сосудамъ — это употребленіе ихъ въ цѣляхъ наиболѣе комфортабельнаго перенесенія остатковъ праха съ костра на мѣсто кургана, но ничтожное количество найденныхъ въ курганахъ горшковъ умаляетъ значеніе даже и этой догадки. Судя по отсутствію постоянной компактной укладки праха, въ нерѣдкихъ курганахъ обнаруживающагося въ формѣ костяныхъ лишь вкрапинъ, а также (чтобы не возвращаться второй разъ къ вопросу), въ виду отсутствія среди костей древесныхъ углей, процессъ перемѣщенія праха съ костра на курганъ рисуется въ слѣдующемъ приблизительно видѣ: когда горѣніе прекращалось, присутствующіе при погребеніи непосредственно, повидимому, руками выбирали изъ потухшаго костра уцѣлѣвшія кости и также непосредственно руками, а можетъ быть и при помощи лопатъ, горшковъ и т. п., пересыпали эти кости въ курганъ, перемѣщая туда же одновременно и уцѣлѣвшія на кострѣ металлическія вещи.

Переходя къ положенію праха въ курганъ, считаемъ не излишнимъ предупредить, что здѣсь имѣется въ виду только главное въ каждомъ курганѣ погребеніе, т.-е. то, которымъ обусловливалось возведеніе самаго кургана: о второстепенныхъ погребеніяхъ — въ готовомъ уже курганѣ рѣчь ниже. Итакъ, главное погребальное пятно во всѣхъ курганахъ оказывается около средины основанія, но такъ какъ одни изъ кургановъ насыпаны были непосредственно — на не разчищенной, даже, почвѣ, для другихъ же мѣсто разчищалось въ формѣ вырытія сферическаго, повидимому, углубленія, то, поэтому, и прахъ, совпадая съ центромъ основанія кургана, оказывается то на высотѣ грунта, то на большей или меньшей глубинѣ, не превосходящей, впрочемъ, 1 арш. и 2 верш. (единственный случай — въ шестомъ Погорѣльскомъ курганѣ). Болѣе обычнымъ явленіемъ оказывается положеніе праха на уровнѣ грунта; въ отношеніи большинства группъ оно, въ то же время, оказывается и явленіемъ исключительнымъ: погребеніе же ниже грунта, не составляя нигдѣ исключительной формы, обнаруживается съ большею рельефностію въ Погорѣльской группѣ Понизовскихъ кургановъ и въ Чернолужанскихъ курганахъ, и слабѣе — въ курганахъ Рымшанскихъ и въ разрушенной Желядской группѣ. Средняя глубина положенія праха въ Погорѣльскихъ курганахъ опредѣляется въ 13 вершковъ, въ Чернолужанскихъ

---

[1]) См. выше.

Digitized by Google

въ 10, а въ Рымшанскихъ и Желядскихъ курганахъ прахъ залегаетъ непосредственно подъ уровнемъ почвы. Происхожденіе ямъ въ послѣднихъ курганахъ и вообще ямъ незначительной глубины хотя и можно объяснять какъ случайный результатъ разчистки мѣста подъ курганъ, но въ общемъ его едва ли возможно считать случайнымъ явленіемъ. Въ виду сходства погребеній во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, положеніе праха въ курганѣ хотя и не можетъ считаться факторомъ, строго опредѣляющимъ этнографическую или хронологичекую границы погребенія, тѣмъ не менѣе въ положеніи праха въ грунтовой ямѣ едва ли не слышится, откликъ сѣдой старины, — не утратившій еще силы, прежде, — предшествовавшей, для нашихъ мѣстъ, трупосожженію ингумаціи, — всеобщій обычай[1]). Во всякомъ случаѣ, если даже судить и по другимъ признакамъ, курганныя группы съ смѣшаннымъ положеніемъ праха, — на грунту и ниже его, — оказываются болѣе древними сравнительно съ тѣми, гдѣ погребеніе въ ямѣ совершенно отсутствуетъ. Но на какой бы глубинѣ ни находился прахъ, онъ въ большинствѣ случаевъ оказывается лежащимъ, — точнѣе, разсыпаннымъ, — непосредственно на землѣ: нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи представляютъ курганы Зезюльскіе, Чернолужанскіе и Желядскіе. Во всѣхъ Зюзельскихъ курганахъ между грунтомъ и насыпью оказывается прослойка изъ бѣлаго озернаго песку въ вершокъ, приблизительно, средней толщины; въ нѣкоторыхъ изъ Чернолужанскихъ кургановъ прахъ лежалъ то поверхъ крупнаго рѣчного гравія, то на пластахъ черной, въ родѣ болотно-торфяного перегноя, земли, а въ двухъ случаяхъ подъ нимъ оказались уложенные на подобіе мостовой камни; въ Желядской группѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ прахомъ находились то мелкіе древесные угли, то бѣлый песокъ, и въ двухъ случаяхъ около средины основанія разрушенныхъ кургановъ оказались чашеобразныя кучи камней. Однимъ словомъ, во всѣхъ перечисленныхъ курганахъ подъ прахомъ наблюдается подстилка, и въ большинствѣ случаевъ состоящая изъ вещества, имѣющаго отношеніе къ водѣ. При отсутствіи всеобщности подобной подстилки, считать ее дѣломъ ритуальнаго требованія нѣтъ, конечно, достаточныхъ основаній, тѣмъ не менѣе, въ виду того, что она является однимъ изъ самыхъ распространенныхъ фактовъ, весьма часто наблюдающимся и на прилегающемъ къ разсматриваемому мѣсту довольно обширномъ районѣ[2]), ее слѣдуетъ признать, по крайней мѣрѣ, благочестивымъ обычаемъ, т.-е. фактомъ, имѣющимъ нѣсколько большее, чѣмъ простое условіе погребальнаго комфорта, значеніе.

Приведенныя сейчасъ указанія, относительно положенія остатковъ погребальнаго костра въ курганѣ, касаются, какъ уже мы замѣтили выше, главнаго погребальнаго пятна. Но кромѣ главнаго погребальнаго пятна, совпадающаго, обыкновеннно съ центромъ основанія кургана, въ послѣднемъ иногда оказывается по нѣскольку (не болѣе, впрочемъ, повидимому, четырехъ) погребеній второстепенныхъ, т.-е. остатки погребальнаго костра, помѣщенные въ готовый уже, насыпанный надъ ранѣе сожженнымъ прахомъ, курганъ. Какъ наиболѣе характерные случаи второстепеннаго погребенія

[1]) См. Межанскіе курганы въ Трудахъ IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 80.

[2]) См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 166 и слѣд. Т. II, стр. 50 и сл. и Покровскій.—Археологическія экскурсіи по Виленской губерніи. Вильна, 1893 г.

Digitized by Google

должны быть отмѣчены три погребенія въ пятомъ Чернолужанскомъ курганѣ и одно въ восьмомъ Желядскомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ остатки погребальнаго костра, состоявшіе исключительно почти изъ мелкихъ жженыхъ костей, оказались уложенными въ каменные ящики. Одинаковые почти во всѣхъ четырехъ случаяхъ ящики судя по всему, приготовлены были такимъ, приблизительно, образомъ: въ курганѣ, около его периферіи, вырывается цилиндрической, приблизительно, формы яма, имѣющая въ поперечникѣ около аршина и углубляющаяся на поларшина, приблизительно, въ грунтѣ. На днѣ ямы помѣщается камень, обращенный гладкою, измѣряющеюся, приблизительно, въ половину квадратнаго аршина, стороною вверхъ, а бока ямы выкладываются болѣе мелкими, отчасти битыми, камнями. Въ образовавшійся такимъ образомъ каменный ящикъ высыпаются остатки погребальнаго костра, и сверху прикрываются такимъ же, какъ дно, камнемъ. Въ заключеніе всего ящикъ, конечно, засыпался землею до сравненія вырытой для него ямы съ поверхностью кургана. Несмотря на соблазнительное сходство описанныхъ каменныхъ ящиковъ съ костями, характеризующими инсинерацію позднѣйшаго бронзоваго періода на Скандинавскомъ полуостровѣ, имъ едва ли, впрочемъ, слѣдуетъ придавать значеніе болѣе того, сколько можетъ имѣть всякое другое условіе комфортабельности погребальнаго обряда, тѣмъ болѣе, что присутствіе каменныхъ ящиковъ составляетъ явленіе исключительное и, въ добавокъ, принадлежащее погребенію не главному, а второстепенному. За исключеніемъ четырехъ описанныхъ, исключительныхъ случаевъ, во всѣхъ остальныхъ курганахъ второстепенное погребеніе состоитъ обыкновенно изъ небольшого количества жженыхъ мелкихъ костей, нерѣдко, совмѣстно съ нѣкоторыми предметами личнаго наряда, или бытовыми. По всѣмъ признакамъ фактическая сторона этого обряда состояла въ томъ, что остатки погребальнаго костра, находившагося, по всей вѣроятности, по сосѣдству съ курганами, переносились, какъ и въ главномъ погребеніи, на одинъ изъ готовыхъ уже кургановъ (по естественному порядку вещей, надо полагать, насыпанный надъ прахомъ умершаго, находившагося въ какихъ-нибудь особыхъ отношеніяхъ къ погребаемому), и здѣсь помѣщались непосредственно въ вырытой, никогда почти, впрочемъ, не достигающей глубины грунта, ямѣ, которая заполнялась, конечно, потомъ землею. О сравнительномъ количествѣ второстепенныхъ погребеній по отношенію къ главнымъ и о степени повторяемости ихъ въ курганахъ разныхъ категорій мы уже имѣли случай замѣтить выше, что же касается причинъ, обусловливавшихъ погребеніе въ готовомъ курганѣ, то въ этомъ отношеніи приходится ограничиться болѣе или менѣе вѣроятными лишь предположеніями. Если по общепринятему, весьма вѣроятному, предположенію, размѣры кургана обусловливались общественнымъ положеніемъ погребеннаго въ немъ лица, то, по тому же предположенію, отсутствіе самостоятельной насыпи надъ прахомъ, или, что то же, погребеніе въ готовомъ — пустомъ курганѣ характеризуетъ не высокое общественное положеніе погребеннаго. Судя по характеру находокъ, такими соціальными изгоями, не удостоенными кургана, въ большинствѣ случаевъ оказываются женщины, хотя не малый, повидимому, процентъ второстепенныхъ погребеній выпадаетъ и на долю мужскихъ.

Digitized by Google

Но какъ не каждый прахъ удостоивался возведенія самостоятельнаго кургана, такъ, наоборотъ, возведеніе кургана не всегда, повидимому, обусловливалось наличнымъ существованіемъ праха. Въ тѣхъ курганахъ, которые мы отмѣчаемъ наименованіемъ кавалерійскихъ, отсутствіе праха является настолько обычнымъ, что курганы съ содержаніемъ, въ родѣ предметовъ конской збруи, не всегда даже и совмѣстно съ жжеными костями, оказываются явленіемъ чуть не исключительнымъ. Всѣ попытки отыскать въ подобныхъ курганахъ, по крайней мѣрѣ, слѣды праха, оказываются безуспѣшными, и такимъ образомъ остается признать эти курганы исключительно коммеморативными, т.-е. насыпанными въ качествѣ памятниковъ по поводу лишь сожженія умершаго. Если имѣть въ виду, что эти пустые курганы наблюдаются исключительно въ тѣхъ группахъ, которыя характеризуются сожженіемъ коня, и если допустить, что сожженіе коня происходило на одномъ кострѣ съ личнымъ прахомъ, то отсутствіе въ этихъ курганахъ праха, до нѣкоторой степени, можно объяснить естественнымъ путемъ: присутствіе на кострѣ коня должно было обусловливать большіе сравнительно размѣры костра и высокую, слѣдовательно, его температуру, подъ вліяніемъ чего прахъ и менѣе огнеупорные предметы могли сгорать до полнаго уничтоженія. Не возможно, правда, допустить полнаго уничтоженія для предметовъ изъ желѣза, каковы удила, стремена и т. п., но эти предметы, дѣйствительно, иногда и оказываются въ разсматриваемыхъ курганахъ то компактно сложенными около средины насыпи, то въ безпорядкѣ въ различныхъ мѣстахъ насыпи разбросанными. Съ другой стороны, возможно, что, при отсутствіи праха, не считалось нужнымъ помѣщать въ курганъ уцѣлѣвшіе отъ костра предметы, а можетъ быть желѣзные предметы и вовсе отсутствовали въ снаряженіи умершаго и сожигаемаго съ нимъ коня и т. д.

Выражая въ краткихъ словахъ касающіяся особенностей погребальнаго обряда наблюденія и сопоставляя эти особенности съ детальными чертами внѣшняго строенія кургановъ, хотя и нельзя констатировать полнаго исключительнаго между ними параллелизма, тѣмъ не менѣе фактъ наибольшого соотвѣтствія тѣхъ или другихъ особенностей погребенія съ извѣстною формою кургана существуетъ на лицо. Такъ, не говоря уже о всеобщемъ сожженіи праха внѣ кургана и общемъ для всѣхъ также кургановъ отсутствіи погребальныхъ урнъ, мы видимъ, что положеніе праха ниже грунта составляетъ исключительную почти особенность небольшихъ сферическихъ кургановъ и никогда почти не наблюдается въ большихъ этой формы курганахъ, равно какъ и въ курганахъ коническихъ, гдѣ прахъ всегда оказывается на поверхности грунта. Сожженіе совмѣстно съ личнымъ прахомъ коня составляетъ наиболѣе характерную особенность кургановъ конической формы, и особенность этихъ только кургановъ составляютъ курганы коммеморативные т.-е. безъ всякаго содержанія. Съ противоположной стороны, погребенія второстепенныя, такъ обычныя для обоихъ видовъ сферическихъ кургановъ, въ этихъ, коническихъ, курганахъ никогда почти не наблюдаются и т. д.

Предметы, находимые въ курганахъ. Отмѣченный сейчасъ параллелизмъ между формою кургановъ и главнѣйшими особенностями погребальнаго обряда значительно

Digitized by Google

яснѣе обнаруживается въ отношеніи формы кургановъ и находимыхъ въ курганахъ предметовъ. Чтобы судить о степени соотвѣтствія между формою кургановъ и находимыми въ нихъ предметами, достаточно указать на тотъ фактъ, что по внѣшнему виду кургана, подъ условіемъ, конечно, болѣе или менѣе значительной его сохранности, легко напередъ угадывается характеръ возможныхъ въ немъ находокъ. Вслѣдствіе этого при исчисленіи находокъ естественнѣе всего было-бы, повидимому, группировать ихъ съ точки зрѣнія внѣшней классификаціи кургановъ; но въ виду существованія смѣшанныхъ курганныхъ группъ и естественнаго или искусственнаго поврежденія первоначальной формы кургановъ, — т.-е. фактовъ, открывающихъ возможность широкаго субъективизма въ дѣлѣ классификаціи, — а также въ виду того обстоятельства, что по отношенію ко многимъ предметамъ, принадлежащимъ разнымъ по формѣ курганамъ, различіе касается не самого существа предметовъ, а лишь ихъ детальныхъ свойствъ, мы находимъ болѣе предпочтительнымъ общій перечень предметовъ, съ присоединеніемъ сюда замѣчаній о болѣе характерныхъ для каждой курганной формы предметахъ.

Вся сумма найденныхъ въ курганахъ предметовъ можетъ быть сведена, по обычаю, къ слѣдующимъ тремъ категоріямъ: а) предметы личнаго наряда, б) — бытовые и в) принадлежности конскаго или, точнѣе, кавалерійскаго убора.

а) Предметы личнаго наряда, если не считать сомнительнаго характера серьги, — въ формѣ подвѣшеннаго къ колечку бубенчика (Засвирь, к. 19), и нѣкоторыхъ простѣйшей формы пряжекъ, — очевидно, — поясныхъ застежекъ, группируются около шеи, груди и рукъ. Шейныя украшенія состоятъ, главнымъ образомъ, изъ бронзовыхъ обручей. За исключеніемъ одного обруча (Засвирь, к. 6; здѣсь же остатки другого такого же, повидимому, обруча) изъ тонкой круглой проволоки, представляющаго нѣкоторую оригинальность со стороны его затвора, состоящаго изъ крючка и двойной, въ формѣ цифры 8, плоской петли, всѣ остальные обручи — это обычныя для позднѣйшихъ прибалтійскихъ кургановъ витыя и пластинчатыя (безъ подвѣсокъ) гривны. Не принадлежа, вообще, къ числу частыхъ находокъ, шейные обручи все-таки чаще оказываются въ большихъ сферическихъ курганахъ, рѣже — въ коническихъ, и никогда — въ малыхъ сферическихъ. Къ разряду также шейныхъ украшеній должны быть отнесены миніатюрная стеклянная синяя буса изъ 6 Засвирскаго кургана и слитокъ бусъ и стеклянный шлакъ изъ кургановъ Желядскихъ.

Къ нагруднымъ украшеніямъ должны быть отнесены разныя подвѣски и пряжки. — По остаткамъ въ первомъ Зезюльскомъ курганѣ, привѣска, можетъ быть, — бантъ, состояла здѣсь изъ обычныхъ для Латышскихъ кургановъ спирали и цѣпи изъ неспаянныхъ, спиральныхъ, въ два оборота, колецъ, и, по всѣмъ признакамъ, заключительное звѣно подобной же наперсной цѣпи представляетъ собою миніатюрный бубенчикъ изъ 3 Засвирскаго кургана. Изъ находокъ въ курганахъ Понизовскихъ и Чернолужанскихъ какъ нагрудныя привѣски могутъ быть объяснены бронзовыя (одна пара) и желѣзныя (двѣ пары) щипчики, по детальнымъ особенностямъ ихъ формы стоящія ближе къ однороднымъ предметамъ бронзоваго, для прибалтійскихъ странъ, вѣка, чѣмъ, къ такимъ же предметамъ позднѣйшаго періода желѣзнаго вѣка. — Пряжки —

Digitized by Google

одинъ изъ самыхъ распространенныхъ среди курганныхъ находокъ предметовъ—и, со стороны ихъ формы, могутъ быть подведены подъ слѣдующія три категоріи. Во-первыхъ, такъ называемыя римскія фибулы. Римскія фибулы находимы были исключительно въ малыхъ сферическихъ курганахъ и, со стороны составляющаго ихъ металла, подраздѣляются на бронзовыя и желѣзныя. По своей оригинальности большій интересъ представляютъ послѣднія. Въ такомъ значительномъ сравнительно количествѣ въ данномъ случаѣ онѣ обнаружены въ первый разъ и по сравненію съ другими двумя-тремя случаями ихъ находокъ едва ли не могутъ быть опредѣляемы, какъ одинъ изъ характерныхъ признаковъ Литовскихъ кургановъ. Со стороны размѣровъ и внѣшней формы всѣ шесть найденыхъ фибулъ болѣе или менѣе одинаковы. Излучина ихъ представляетъ правильную почти полуокружность, величиною, по діаметру, около 40—50 mm, состоящую то изъ плоскаго четырехграннаго стержня (тасл. III, фиг. 13), согнутаго въ плоскости его широкихъ сторонъ, то изъ стержня скрученнаго на подобіе спирали. Пружина имѣетъ не болѣе шести обыкновенно оборотовъ и состоитъ изъ круглой проволоки, которая непосредственно переходитъ въ иглу, опирающуюся своимъ свободнымъ концомъ на обработанный обыкновенно въ формѣ желобка свободный конецъ излучины. По сравненію съ бронзовыми однородными предметами, фибулы эти отличаются сравнительною чистотою работы, въ чемъ, до нѣкоторой степени, можно усматривать намёкъ на туземное происхожденіе этихъ фибулъ, — на изготовленіе ихъ въ мѣстныхъ кузнечныхъ мастерскихъ, владѣвшихъ большимъ, по обыкновенію, умѣньемъ обращаться съ желѣзомъ, чѣмъ съ бронзой. — Бронзовыхъ фибулъ найдено всего двѣ, (табл. 1 фиг. 6 и 7) — обѣ въ Желядскихъ курганахъ и обѣ онѣ, какъ сейчасъ замѣчено, отличаются, сравнительно съ предыдущими, простою безыскусственною работою. Излучина ихъ въ формѣ почти плоской слабо изогнутой въ лукѣ пластинки; спиральпружина, какъ и въ желѣзныхъ фибулахъ, состоитъ изъ общей съ иглою круглой проволоки. — Вторую категорію составляютъ пряжки овальныя напоминающія при замкнутомъ шпинькѣ, фигуру кренделя. Всѣ почти эти пряжки найдены въ курганахъ Чернолужанскихъ и Понизовскихъ, т.-е. главнымъ образомъ, слѣдовательно, въ малыхъ сферическихъ. Приготовлены онѣ, обыкновенно, изъ желѣзнаго то овальнаго, то полуовальнаго, то, иногда, четырехграннаго и, вообще, неправильнаго, въ поперечномъ разрѣзѣ, стержня: или чаще всего — въ формѣ полуовальнаго, въ поперечномъ разрѣзѣ, хоботка. Среднюю величину такой пряжки можно опредѣлить въ 40×25 кв. мм. Съ лицевой стороны большинство пряжекъ орнаментировано преимущественно имитирующими спиральную навивку нарѣзами. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ орнаментъ отличается тонкою работою, что, а также и фактъ частыхъ находокъ этихъ пряжекъ совмѣстно съ пряслицами, т.-е. въ женскихъ погребеніяхъ, едва-ли не опредѣляетъ значенія этихъ пряжекъ скорѣе въ смыслѣ наряднаго украшенія, чѣмъ простого обиходнаго предмета, — поясной застежки. — Къ третьей категоріи должны быть отнесены пряжки подкововидныя, найденныя исключительно въ курганахъ Засвирскихъ и характеризующія обыкновенно позднѣйшій, для нашихъ и вообще Прибалтійскихъ мѣстъ, періодъ желѣзнаго вѣка. Всѣ эти пряжки незначительной величины, такъ что діаметръ наибольшей изъ нихъ не превосходитъ 50 mm.

Digitized by Google

Приготовлены онѣ изъ бронзовыхъ, преимущественно овальныхъ въ поперечномъ разрѣзѣ, стержней, покрытыхъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ несложнымъ орнаментомъ изъ нарѣзныхъ линій. Въ двухъ пряжкахъ обработка оконечностей зооморфическаго характера (табл. 1, фиг. 8).

Наручныя украшенія по обыкновенію состоятъ изъ браслетъ и перстней. — Браслеты всѣ бронзовые и два изъ нихъ найдены въ Чернолужанскихъ курганахъ, одинъ — въ Пильвинскихъ и три — въ Засвирскихъ. Чернолужанскіе браслеты — въ формѣ простыхъ обручиковъ изъ четырехгранной тонкой проволоки, и при всей ихъ простотѣ, обнаруживаютъ замѣчательное сходство съ однородными предмѣтами изъ упомянутыхъ выше, очень старыхъ, Межанскихъ кургановъ. Остальные браслеты, за исключеніемъ одного (изъ 16 Засвирскаго кургана) поврежденнаго до потери формы, представляютъ также стереотипной формы обручики изъ круглыхъ стержней, съ постепеннымъ парамидальнымъ утолщеніемъ по направленію къ оконечностямъ.— Изъ перстней оригинальнѣе другихъ найденный въ десятомъ Желядскомъ мѣстѣ. Онъ представляетъ собою спираль въ три оборота изъ плоской проволоки, которая съ лицевой стороны обработана въ видѣ ряда перемежающихся высокихъ и низкихъ квадратиковъ. Перстень этотъ изъ низкопробнаго, повидимому, серебра. Остальные перстни бронзовые и представляютъ собою обычные или спирали изъ тонкой, преимущественно, трехгранной проволоки, или неспаянныя кольца изъ массивныхъ стержней съ утолщеніемъ и иногда спиральными нарѣзами на мѣстѣ верхушки перстня.

б) Бытовые предметы могутъ быть подраздѣлены на двѣ главныхъ группы, — предметы домашняго обихода и военные.

Къ предметамъ домашняго быта должны быть отнесены глиняныя пряслицы и желѣзные шилья, иглы (одна), кресало (одно), серги и ножи. — Наибольшее количество пряслицъ оказывается въ курганахъ сферическихъ: въ курганахъ жекопическихъ пряслица найдена всего одинъ разъ. Со стороны детальныхъ подробностей формы, можно различать пряслицы въ видѣ двухъ, соединенныхъ основаніями, усѣченныхъ конусовъ и пряслицы цилиндрическія, орнаментированныя по боковой поверхности однимъ или нѣсколькими, въ послѣднемъ случаѣ имитирующими спираль, рельефными бугорками. Пряслицы первой формы чаще всего наблюдаются въ малыхъ сферическихъ курганахъ, цилиндрическія же, преимущественно, — въ большихъ, и, въ частности, пряслицы съ боковымъ спиралевиднымъ орнаментомъ составляютъ, повидимому, принадлежность не широкаго исключительно литовскаго курганнаго района. — Шилья и игла совершенно такой же, какъ и теперь, формы. Шилья исключительно попадаются въ курганахъ сферическихъ и чаще въ малыхъ, нежели въ большихъ, причемъ изъ первыхъ они попадаются почти исключительно въ курганахъ, обложенныхъ камнями. За исключеніемъ одного, всѣ шилья найдены совмѣстно съ пряслицами, т.-е. въ женскихъ погребеніяхъ, что, такимъ образомъ, опредѣляетъ ихъ, въ противоположность современному употребленію, въ смыслѣ предметовъ женскаго обихода. — Единственное кресало (Засвирь, к. 3), наиболѣе обычной эллиптической формы съ такимъ же прорѣзомъ по срединѣ и съ усѣченными концами. — Находимые въ курганахъ серпы двоякой формы. Обыкновенные, отличающіеся отъ

Digitized by Google

современныхъ лишь нѣсколько меньшими размѣрами, серпы наблюдаются исключительно въ курганахъ коническихъ, гдѣ они находятся по большей части совмѣстно съ предметами конскаго кавалерійскаго убора, а нерѣдко составляютъ и единственное содержаніе кургана. Фактъ этотъ, т.-е. совмѣстное нахожденіе серповъ исключительно съ предметами кавалерійскаго снаряженія не можетъ находить для себя достаточныхъ объясненій и во всякомъ случаѣ возбуждаетъ сильное сомнѣніе въ отношеніи приложенія къ нимъ общепринятаго опредѣленія курганныхъ серповъ въ смыслѣ эмблематическихъ знаковъ земледѣлія. Серпы второй формы встрѣчаются, наоборотъ, исключительно въ курганахъ сферическихъ и, главнымъ образомъ, въ малыхъ — обложенныхъ камнями. Чтобы судить о формѣ этихъ серповъ нужно представить себѣ пластинку, шириною около 20 mm, изогнутую въ формѣ почти полуокружности, и на одномъ концѣ (насадъ) переходящую въ равнобедренный треугольникъ, а на другомъ изгибающуюся въ обратномъ общей кривизнѣ направленіи. Такимъ образомъ, серпъ этотъ до нѣкоторой степени напоминаетъ обращенный рукояткою на мѣсто конца бронзовый, или также бронзовой кривой ножъ, но съ большимъ лишь изгибомъ его пластины. Обычныхъ для серпа зубцовъ здѣсь не наблюдается, напротивъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ свободный конецъ также затупленъ, какъ и тылье. При такой формѣ разсматриваемые серпы, конечно, не могли имѣть усвояемаго такимъ предметамъ практическаго назначенія, и вообще если возможно предположить для нихъ какое нибудь практическое примѣненіе, то это — употребленіе ихъ въ качествѣ скобели при обработкѣ кривыхъ поверхностей. Но едва-ли не вѣроятнѣе возможная по отношенію къ нимъ догадка, опредѣляющая ихъ въ смыслѣ эмблематическаго знака, приготовлявшагося спеціально для погребенія, т.-е. подобно тому, какъ, при существованіи гончарнаго кружка, было обычнымъ дѣломъ изготовленіе для погребенія лѣпныхъ сосудовъ, такъ возможенъ былъ и обычай замѣны при погребеніи практическаго серпа приблизительною копіею его древнѣйшаго прототипа. — То же символическое значеніе, по всей вѣроятности, слѣдуетъ усвоять и миніатюрному серпику изъ 2 Гузковскаго кургана, хотя, впрочемъ, по отношенію къ этому предмету возможно и другое опредѣленіе — въ значеніи кривого ножика. — Ножи, за исключеніемъ одного, всѣ найдены въ курганахъ сферическихъ, — въ одинаковомъ почти количествѣ какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ. Всѣ они отличаются болѣе или менѣе стереотипною формою, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что у нѣкоторыхъ лезвее обработано въ формѣ сточенаго ножа, а одинъ два чернолужанскихъ экземпляра обнаруживаютъ тенденцію искривленія тылья. Бо́льшая часть ножей (преимущественно, изъ большихъ кургановъ) отличается небольшими размѣрами, что опредѣляетъ ихъ въ смыслѣ обычныхъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ сосѣднихъ народовъ до послѣдняго времени, такъ называемыхъ поясныхъ ножей, ножи же изъ Понизовскихъ и Чернолужанскихъ кургановъ — большихъ сравнительно размѣровъ, и они едва-ли не имѣли преимущественнаго значенія военнаго оружія.

Къ предметамъ несомнѣнно военнаго оружія относятся желѣзные топоры, копья, умбо и мечи. — Топоры — двоякой формы, — узкоклинковые и ширококлинковые, и попадаются они исключительно въ сферическихъ курганахъ, при чемъ въ малыхъ сфе-

Digitized by Google

рическихъ — топоры исключительно узкоклинковые. За исключеніемъ одного (Будраны, к. 5) узкоклинковаго, у котораго обухъ снабженъ четырьмя слабо орнаментированными усиками, и одного также, — (Засвиры, к. 20) ширококлинковаго, обухъ котораго съ двумя четыреугольными отростками, всѣ топоры простой стереотипной формы. Изъ двухъ этихъ типовъ, топоръ узкоклинковый представляетъ наиболѣе частое явленіе въ мѣстныхъ курганахъ, и ему можетъ быть усвоено названіе по преимуществу литовскаго топора. За узкоклинковымъ топоромъ должна быть признана, повидимому, и большая также древность: по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшихъ Литовскихъ курганахъ типъ этотъ является исключительнымъ, и здѣсь довольно ясно обнаруживается дегенерація его изъ азіатскаго бронзоваго топора. — Наконечники копій представляютъ самый распространенный предметъ курганныхъ находокъ: по отношенію къ числу кургановъ съ содержаніемъ они составляютъ нѣсколько болѣе 50%, хотя при этомъ въ коническихъ курганахъ копье найдено всего одинъ разъ. За исключеніемъ двухъ (Понизье, к. 7 и Черная Лужа, к. 12) дротовидныхъ наконечниковъ, имѣвшихъ, по всей вѣроятности, значеніе дротиковъ, а можетъ быть даже и рыболовной остроги, всѣ копья со стороны общей формы отличаются обычною стереотипностью, по отношенію же къ детальнымъ подробностямъ онѣ обнаруживаютъ такое разнообразіе, что каждая новое копье представляетъ чуть не новый типъ. Впрочемъ, все это разнообразіе, очевидно, дѣло простой случайности, поэтому, оставляя его въ сторонѣ, отмѣтимъ тѣ особенности, какія, по общему впечатлѣнію, отличаютъ большинство копій изъ малыхъ, необложенныхъ камнями, кургановъ. Сюда относятся, во первыхъ, незначительные вообще размѣры копій, намекающіе на употребленіе ихъ преимущественно въ качествѣ дротиковъ, во вторыхъ не пропорціонально малые размѣры клинка относительно втулки, въ-третьихъ, приближающаяся чаще къ ромбу, а иногда и къ эллипсису форма клинка, и, наконецъ, сравнительная чистота обработки нѣкоторыхъ копій. По всѣмъ этимъ признакамъ упомянутыя копья нигдѣ не находятъ для себя больше аналогичныхъ предметовъ, какъ среди Прибалтійскихъ (Скандинавскихъ) древностей перваго періода желѣзнаго вѣка. Заканчивая рѣчь о копьяхъ обращаю вниманіе на таблицу IV гдѣ, подъ ориг. 4, представлено копье изъ 11-го и фиг. 5 изъ 10 Понизовскихъ кургановъ, пропущенные при описаніи раскопокъ, при чемъ считаю не излишне упомянуть, что иногда совмѣстно съ ними, а также и самостоятельно, попадаются въ курганахъ спиральныя бронзовыя кольца, которыя, по всей вѣроятности, представляютъ остатки орнамента на древкахъ копій, или, вообще, на цилиндрическихъ деревянныхъ рукояткахъ разныхъ предметовъ. — Умбо найдено всего три, — два въ Чернолужанскихъ курганахъ и одинъ въ Засвирскихъ. При общей шляповидной формѣ, они различаются тѣмъ, что въ двухъ изъ нихъ выпуклая часть обработана въ формѣ опирающагося на цилиндръ конуса, а въ одномъ Чернолужанскомъ — она сферической формы. Послѣднее обстоятельство сближаетъ этотъ умбо съ однородными предметами древнѣйшаго для прибалтійскихъ странъ желѣзнаго періода, хотя и вообще умбо для нашихъ мѣстъ обыкновенно характеризуютъ сравнительную древность кургановъ. — Мечей цѣльныхъ въ изслѣдуемыхъ курганахъ не найдено и только въ 7-мъ Засвирскомъ курганѣ обнаружены

Digitized by Google

обойницы отъ ноженъ, въ формѣ двухъ плоскихъ конецъ изъ листового желѣза, и челнообразное, желѣзное же, перекрестіе отъ рукоятки меча. Судя по аналогіи съ однородными предметами, перекрестіе принадлежало обоюдоострому мечу, обычному для мѣстъ западной Россіи изъ конца прошлаго и начала текущаго тысячелѣтій. — Къ предметамъ военнаго также снаряженія слѣдуетъ причислить и небольшое долотечко изъ 20-го Засвирскаго кургана: это, очевидно, необычный бытовой предметъ, а наконечникъ стрѣлы, на что указываетъ и совмѣстная съ долотечкомъ находка разныхъ военныхъ аттрибутовъ, какъ-то: топора, копья, стрѣмянъ, шпоръ и т. п.

в) Къ предметамъ конскаго непосредственно убора относятся удила, стремена и нѣсколько экземпляровъ желѣзныхъ, грубой работы, круглыхъ или четыреугольныхъ пряжекъ; но къ этой же категоріи предметовъ мы находимъ возможнымъ причислить и три шпоры и два желѣзныхъ колокольчика. Всѣ предметы конскаго убора—изъ желѣза, и, за весьма рѣдкими исключеніями, всѣ они найдены въ курганахъ коническихъ. Наибольшее въ количественномъ отношеніи число находокъ—10—приходится на долю удилъ. Большинство удилъ отличается грубою работою и стереотипною формою: обыкновенно они состоятъ изъ двухъ колецъ, соединенныхъ посредствомъ двухъ также (въ одномъ случаѣ—трехъ) стержней. Въ двухъ случаяхъ удила снабжены усиками, но и усики такой же стереотипной формы не вполнѣ правильныхъ цилиндрическихъ стержней безъ всякихъ орнаментовъ. — Стремянъ найдено всего три пары. За исключеніемъ едва замѣтныхъ насѣчекъ на лукѣ одного изъ стремянъ, никакихъ характерныхъ особенностей стремена не представляютъ, со стороны же общей формы предметъ этотъ, по самому существу, стереотипенъ на протяженіи цѣлыхъ тысячилѣтій. — Изъ трехъ шпоръ, пара одинаковыхъ найдена въ 8-мъ Понизовскомъ курганѣ, а третья въ 20-мъ Засвирскомъ. Уже фактъ отсутствія колесика на концѣ иглы всѣхъ трехъ шпоръ свидѣтельствуетъ о сравнительной древности всѣхъ этихъ предметовъ, но особенно архаическою формою отличаются Понизовскія шпоры. Каждая изъ нихъ представляетъ дугу изъ полуовальнаго стержня, длиною въ 60 миллим., вмѣсто иглы снабжена коническимъ шипомъ, высотою всего въ 10 миллим., опирающимся на расклепанную въ формѣ квадрата средину дуги. Съ присоединеніемъ сюда другихъ мелкихъ подробностей, шпоры подобной формы находятъ для себя полную аналогію даже среди однородныхъ предметовъ бронзоваго, для средней Европы, вѣка. — Въ совершенно обратномъ направленіи датируются, по аналогіи, послѣдніе два предмета представленнаго перечня, — желѣзные колокольчики. Одинъ изъ нихъ, — цилиндрической формы, — найденъ въ первомъ Зезюльскомъ курганѣ, а другой, — въ формѣ параллепипеда, — въ 20-мъ Засвирскомъ. Только находка ихъ въ курганахъ говоритъ за сравнительную ихъ древность, въ сущности же колокольчики такой формы и теперь нерѣдкость наблюдать въ деревнѣ на шеѣ коровъ.

Изъ приведеннаго сейчасъ перечня находокъ обнаруживается, что упомянутый выше параллелизмъ между формою кургановъ и находимыми въ нихъ предметами можетъ быть выраженъ въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ. — Какъ наиболѣе характерныя находки для малыхъ сферическихъ кургановъ должны быть отмѣчены желѣзныя римскія фибулы и такія же кренделевидныя пряжки, нагрудныя, въ формѣ

Digitized by Google

щипцовъ подвѣски, желѣзные эмблематическіе серпы и умбо. Топоры и копья, составляющіе принадлежность обѣихъ категорій сферическихъ кургановъ, въ этихъ малыхъ курганахъ характеризуются, топоры — исключительно узкоклинковою формою, а копій — небольшими сравнительно размѣрами. — По отношенію къ большимъ сферическимъ курганамъ наиболѣе обычными находками, кромѣ упомянутыхъ сейчасъ копій и топоровъ, оказываются бронзовые шейные обручи, такіе же подкововидныя пряжки, а также нагрудныя привѣски, бронзовые простѣйшей формы браслеты и перстни, и вообще предметы личныхъ украшеній, характеризующіе позднѣйшій для прибалтійскихъ странъ археологическій періодъ. — Характернѣйшіе предметы коническихъ кургановъ — желѣзные обычной формы серпы и такія же удила и стремяна и вообще принадлежности конскаго убора. Встрѣчающіеся въ этихъ курганахъ въ исключительныхъ случаяхъ предметы личнаго наряда и бытовые одинаковы съ находимыми въ большихъ сферическихъ курганахъ.

Если, съ другой стороны, обратить вниманіе на практическое назначеніе найденныхъ въ курганахъ предметовъ, то приведенный перечень ихъ обнаруживаетъ сравнительную бѣдность предметовъ личнаго наряда и замѣчательное богатство военнаго оружія, свидѣтельствующее чуть не о поголовномъ вооруженіи (мужского, конечно, поколѣнія) оставившаго курганы народа. Первое изъ этихъ обстоятельствъ объясняется, отчасти, бѣдностью народа, а отчасти, можетъ быть, и военнымъ ригоризмомъ. Послѣдній же фактъ, судя по не лишеннымъ достовѣрности намекамъ, съ нѣкоторою вѣроятностію можетъ быть объясненъ тѣмъ политическимъ броженіемъ, которое, по отношенію къ разсматриваемымъ мѣстамъ, непосредственно предваряетъ историческую эпоху, и въ частности, по отношенію къ разсматриваемымъ курганамъ, ихъ пограничнымъ для двухъ разныхъ племенъ положеніемъ.

Хронологическое и этнографическое опредѣленіе кургановъ.

Предметовъ съ точнымъ хронологическимъ обозначеніемъ, въ родѣ, напримѣръ, монетъ, ни въ одномъ изъ кургановъ не найдено, поэтому время происхожденія кургановъ можетъ быть опредѣлено лишь на основаніи аналогіи найденныхъ въ нихъ предметовъ и слѣдовательно, съ допускающимъ широкую растяжимость лишь приближеніемъ. Для Прибалтійскихъ губерній, а попутно съ ними и для Литвы, непосредственно предшествующій историческому времени, такъ называемый, желѣзный вѣкъ дѣлится обыкновенно на два неравныхъ періода, пограничнымъ пунктомъ которыхъ считается конецъ V столѣтія нашей эры.

Упомянутаго дѣленія желѣзнаго вѣка на періоды держатся финляндскіе археологи [1]), по теоріи же остзейскихъ археологовъ [2]) пограничнымъ пунктомъ двухъ также періодовъ желѣзнаго вѣка считается VIII. ст. Впрочемъ, по заявленію тѣхъ же археологовъ, первый періодъ съ яснѣе выраженными особенностями является только въ

---

[1]) Aspelin. — Antiqnités du Nord Finno-Ougrien, p. 327.
[2]) Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongres; введеніе.

Digitized by Google

предѣлахъ до VI в., время же съ VI по VIII в. остается пока страницею сравнительно темною въ археологіи края. — Отмѣченное сейчасъ разногласіе (не представляющее кстати замѣтить, полнаго противорѣчія) не примиряется-ли во взглядѣ забалтійскихъ археологовъ [1]), которые дѣлятъ желѣзный вѣкъ на три періода, — древній (—450 г.), средній (450 — 700) и новый (700—).

Каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ признаковъ, своеобразною формою находимыхъ въ курганахъ предметовъ. При сравненіи [2]) съ ними находокъ изслѣдуемыхъ кургановъ оказывается, что всѣ предметы большихъ сферическихъ кургановъ представляютъ полное сходство съ однородными предметами позднѣйшаго періода, предметы же малыхъ сферическихъ кургановъ чаще всего находятъ аналогичные для себя предметы въ древнѣйшемъ періодѣ. Впрочемъ, аналогія послѣднихъ предметовъ въ большинствѣ случаевъ не простирается далѣе общей формы, со стороны же детальныхъ подробностей, предметы эти представляютъ, по всѣмъ признакамъ, продуктъ позднѣйшей работы, хотя, очевидно, не безъ вліянія древнѣйшихъ, не потерявшихъ еще практическаго вліянія, оригиналовъ. Въ виду этого курганы съ такимъ содержаніемъ, т.-е. малые сферическіе, могутъ быть отнесены, по крайней мѣрѣ, къ тому переходному времени, когда древній типъ предметовъ еще не утратилъ своего долженствующаго значенія, т.-е. къ первой половинѣ позднѣйшаго періода, которую можно опредѣлить VI—VIII, приблизительно, вѣками нашей эры. Для большихъ сферическихъ кургановъ, такимъ образомъ, остается послѣдняя половина позднѣйшаго періода, т.-е. время — въ предѣлахъ IX вѣка и введенія въ разсматриваемыхъ мѣстахъ христіанства. Послѣдняя дата, кромѣ общей предметной аналогіи, косвеннымъ образомъ подтверждается и упомянутымъ выше случаемъ (въ Засвирской группѣ) ингумаціи, представляющей всѣ черты погребенія, наблюдаемаго у восточныхъ, по отношенію къ разсматриваемымъ мѣстамъ, сосѣдей въ X вѣкѣ. Что касается коническихъ кургановъ, то въ виду совмѣстнаго ихъ иногда нахожденія съ большими сферическими курганами, а также въ виду одинаковости, хотя рѣдко, но все-таки попадающихся въ нихъ остатковъ личнаго наряда съ однородными предметами также изъ большихъ сферическихъ кургановъ, очевидно, что и время происхожденія коническихъ кургановъ не должно быть отличаемо отъ времени происхожденія кургановъ большихъ сферическихъ. Несущественныя разности, касающіяся формы и погребальнаго обряда въ этихъ двухъ видахъ кургановъ, не даютъ также поводовъ различать ихъ и съ этнографической точки зрѣнія. Разности эти съ значительною степенью вѣроятности могутъ быть объяснены нѣкоторыми особенностями общественнаго быта, которыя можно предполагать у оставившаго эти курганы народа. Общеизвѣстный, уже на первыхъ порахъ литовской исторіи, фактъ отбыванія нѣкоторыми лицами военной повинности въ кавалерійскомъ строю, по всей вѣроятности, восходитъ своимъ началомъ къ доисторической эпохѣ, и въ немъ, повидимому, слѣдуетъ искать причины, почему надъ разными единоплеменниками насыпались и различные по формѣ и отличающіеся по содержанію курганы.

---

[1]) Montelius, — Antiquités suédoises; предис. къ Age du fer.

[2]) См. выше — детальное описаніе кургановъ.

Digitized by Google

Вопросъ о томъ, какому племени принадлежатъ разсматриваемые курганы, подобно хронологическому ихъ опредѣленію, можетъ быть рѣшаемъ только на основаніи аналогическихъ только заключеній. Дѣло въ томъ, что современное, сосѣднее съ курганами населеніе, говоритъ русскимъ нарѣчіемъ, и такимъ образомъ, по естественному порядку вещей, и въ курганахъ прежде всего слѣдовало ожидать особенностей славянскаго погребенія, на самомъ же дѣлѣ ни обрядъ погребенія ни найденные въ курганахъ предметы не представляютъ ничего почти общаго съ находящимися по сосѣдству, на В. отсюда, славянскими курганами, а напротивъ обнаруживаютъ всѣ черты того погребенія, которые является преобладающимъ на широкомъ сравнительно районѣ, расположенныхъ на З. отсюда, земель исконно-литовскихъ. Въ виду этого принадлежность разсмотрѣнныхъ кургановъ литовскому именно племени никакихъ сомнѣній возбуждать не можетъ.

Б. Мѣста старыхъ поселеній.

Слѣды старыхъ поселеній въ разсматриваемомъ районѣ наблюдаемы были въ трехъ мѣстахъ, около дер. Островлянъ, заст. Якубинскъ и дер. Корокъ. Такъ какъ главною задачею нашихъ изслѣдованій служили описанныя выше курганныя группы, то представляемое ниже описаніе старыхъ поселеній, не претендуя на характеръ всесторонняго ихъ обслѣдованія, имѣетъ цѣлію указать лишь внѣшній видъ этихъ поселеній и отмѣтить тѣ незначительные, правда, результаты, какихъ удалось достичь при попутномъ съ курганными раскопками ихъ изслѣдованія.

Островлянское городище.

Дер. Островляны — Шеметовской вол., Свенцянскаго уѣзда. Астрономическое положеніе ея опредѣляется 44°16′ в. д. и ш. с. 54°45′ см. Городище, извѣстное подъ этимъ именемъ и у народа, находится въ разстояніи 200—300 саж. на СЗ. отъ деревни. Расположено оно въ живописной, сравнительно, холмистой мѣстности и представляетъ собственно искусственнымъ образомъ обработанный по направленію склоновъ конечный пунктъ одного изъ холмовъ, идущаго въ направленіи съ ЮВ. на СЗ. Въ боковой перспективѣ городище напоминаетъ фигуру усѣченнаго конуса и поднимается надъ сосѣднею площадью на 6—7, приблизительно, аршинъ, высота же его надъ гребнемъ холма, часть котораго оно составляетъ, не болѣе 2—3 аршинъ. Окружность городища при основаніи равняется 270 шагамъ, а кругомъ верхней площади—200 шаговъ. Площадь овальной формы, длиною, совпадающею съ направленіемъ самого холма, въ 74 шага и шириною въ 60 шаговъ. По направленію на СЗ., т.-е. къ оконечности холма, площадь обнаруживаетъ незначительное пониженіе и нѣсколько суживается. Въ прежнее время на городищѣ очевидно находилось поле, а теперь большая, сѣверо-западная часть площади подъ тощимъ дерновымъ покро-

Digitized by Google

вомъ, въ юго-восточной же части преобладаютъ пятна, лишенныя всякой растительности. Склоны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поросли кустарникомъ. На мѣстахъ, лишенныхъ растительнаго покрова, наблюдаются въ замѣтномъ количествѣ мелкіе глиняные черепки и обломки костей животныхъ. Городище, кромѣ своего характернаго названія, у мѣстныхъ жителей никакимъ вниманіемъ не пользуется. О какихъ-нибудь находкахъ на немъ, кромѣ костей и черепковъ, ничего не слышно, за исключеніемъ одного случая, когда, по словамъ сопровождавшаго насъ на городище мальчугана, найдена была глиняная трубка[1]. При случайномъ посѣщеніи городища, здѣсь подъ нашимъ наблюденіемъ выкопано было, для опредѣленія толщины культурнаго слоя, шесть въ разныхъ мѣстахъ ямъ. Въ первой ямѣ грунтъ оказался на глубинѣ 14 вершковъ, во второй—20 вершковъ, въ третьей—15 вершковъ, въ четвертой—11 вершковъ, въ пятой—26 и въ шестой—22 верш. Средняя, такимъ образомъ толщира культурнаго слоя равняется 18 вершкамъ, причемъ наибольшей толщины этотъ слой достигаетъ въ восточной части городища. Состоитъ онъ изъ чернаго перегара, въ которомъ въ большомъ количествѣ попадаются битыя кости крупныхъ животныхъ и черепки глиняныхъ сосудовъ. За рѣдкимъ исключеніемъ, слѣдовъ огня на костяхъ незамѣтно. Преобладающее количество черепковъ лѣпной работы Цѣльныхъ предметовъ ни въ одной изъ раскопанныхъ ямъ не оказалось, такъ что для предметной характеристики городища весь матеріалъ исчерпывается двумя—тремя черепками, одной цѣльной воловьей костью и двумя кусками стекляннаго, повидимому, шлака.

Якубишское замчиско.

Подъ означеннымъ именемъ извѣстно у окрестныхъ жителей мѣсто стараго поселенія, находящееся въ разстояніи саженей пятидесяти, внизъ по теченію рѣки Виліи, отъ заст. Якубишки, Александровской волости, Свенцянскаго уѣзда. Замчиско расположено на правомъ берегу Виліи и небольшого притока ея рѣчки Дудки (рис. 19). Въ фотографической передачѣ оно производитъ впечатлѣніе усѣченной пирамиды, т.-е. представляетъ иллюзію искусственной его обдѣлки, на самомъ же дѣлѣ это естественная часть крутого здѣсь (вверхъ по теченію Виліи), берега, отдѣленная лишь отъ главнаго массива прорытымъ рѣчкою Дудкою глубокимъ оврагомъ. Высоту замчиска надъ уровнемъ воды приблизительно можно опредѣлить саженей въ пять, по прямому же разстоянію отъ его углового пункта до р. Виліи 10 саж., а до рѣчки Дудки 7 саж. 2 арш. Обращенная къ Виліи сторона замчиска представляетъ крутой обрывъ, образовавшійся отъ постепеннаго до сихъ поръ продолжающагося разрушенія берега водою какъ Виліи, во время разливовъ, такъ и атмосферною. Вслѣдствіе разрушенія берега уничтожилась очевидно и большая часть культурнаго слоя, который теперь, судя по цвѣту почвы распахиваемаго на замчискѣ поля, простирается въ глубь площади всего лишь на нѣсколько аршинъ. Толщина культурнаго слоя опредѣляется довольно точно, благодаря обрыву, въ два аршина. Состоитъ онъ, по обыкновенію изъ

[1]) Ср. Литейныя формочки съ Дьякова, близъ Москвы, городища.

Digitized by Google

чернаго перегара, изъ котораго, по обрыву, торчатъ въ значительномъ количествѣ глиняные черепки, кости крупныхъ животныхъ и, въ одномъ мѣстѣ, что-то въ родѣ кирпичей. При всемъ этомъ, кстати замѣтить, культурный слой сплошь изрытъ слѣдами ласточекъ. Какихъ-нибудь, соединенныхъ съ замчискомъ, разсказовъ у сосѣднихъ жителей не слышно, при обвалахъ же здѣсь земли прежде находимы были иногда желѣзные ножики, ключи и т. п., и разъ найдена была половина ножницъ. При спускѣ, подъ нашимъ наблюденіемъ, въ сторону обрыва небольшой части культурнаго пласта изъ обычно попадающихся здѣсь предметовъ нами отобрано было, между прочимъ, нѣсколько черепковъ глиняной и гончарной посуды, одна цѣльная воловья кость, два рога, изъ которыхъ одинъ — лосиный, обломокъ желѣзнаго серпа и оби-

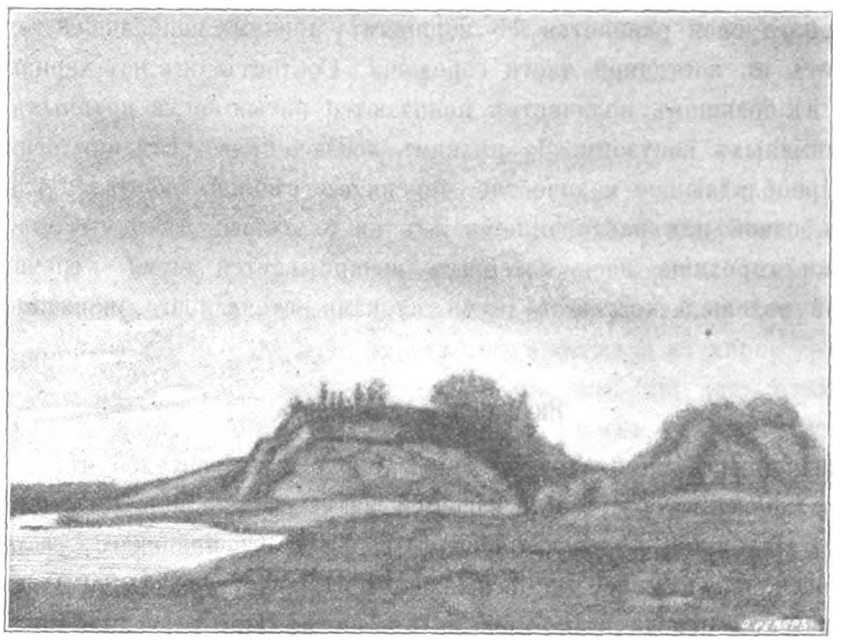


Рис. 19.

тый, безъ правильной, впрочемъ, формы, кремень. Нѣкотораго вниманія изъ всѣхъ этихъ предметовъ заслуживаютъ черепки глиняныхъ лѣпныхъ сосудовъ. Сосуды, части которыхъ составляютъ эти черепки, имѣли, по нѣкоторымъ признакамъ, плошчатую форму и приготовлялись то изъ красноватой, то, преимущественно, изъ темносѣрой жвироватой глины и нерѣдко снабжались орнаментомъ. На всѣхъ найденныхъ четырехъ черепкахъ съ орнаментомъ, послѣдній наблюдается исключительно на наплечномъ рубчикѣ и въ трехъ случаяхъ состоитъ изъ ряда перемѣжающихся, оттиснутыхъ, очевидно, лучинкою, углубленій и зубцовъ, а въ одномъ случаѣ рубчикъ сопровождается двумя рядами углубленій, оттиснутыхъ при помощи указательнаго и большого пальцевъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ до сихъ поръ наблюдаются оттиски ногтей. Подобный орнаментъ повторяется также на черепкахъ находящагося

Digitized by Google

на С. отсюда, верстахъ приблизительно въ тридцати, Богуцимскаго пиликальниса[1]), и фактъ этотъ, до нѣкоторой степени, указываетъ на одновременность съ послѣднимъ Якубишскаго замчиска, хотя хронологическое опредѣленіе обоихъ этихъ мѣстъ старинныхъ поселеній пока не находитъ для себя достаточныхъ данныхъ. Не далѣе версты, правда, отъ Якубишскаго замчиска находятся курганы[2]), но въ какомъ хронологическомъ отношеніи находятся они къ замчиску, опять-таки, по отсутствію одинаковыхъ въ этихъ мѣстахъ находокъ, должно считатьтя невыясненнымъ.

Слѣды стараго поселенія при дер. Коркахъ.

Дер. Корки — Свирской вол., Свенцянскаго уѣзда. Слѣды стараго поселенія обнаружены въ разстояніи, приблизительно, версты отъ деревни, — на восточномъ берегу Свирскаго озера, тамъ, гдѣ пересѣкаетъ его 54°50′ параллель. Мѣсто это извѣстно у окрестныхъ жителей то подъ именемъ Макаришекъ, то Песковъ, то Лысой, т. е. лишенной растительнаго покрова, или, что то же, песчаной горы. Расположено оно по вершинѣ обращеннаго къ озеру откоса, поднимающагося надъ уровнемъ воды не болѣе аршинъ десяти. О существованіи здѣсь стараго поселенія никто ранѣе не предполагалъ, и обнаружить его удалось совершенно случайно, благодаря присутствію на откосѣ окрашеннаго въ темный цвѣтъ песчанаго пятна, на которомъ валялись мелкіе осколки черепковъ и желѣзные шлаки. При первомъ же наблюденіи этого пятна не трудно было догадаться о причинѣ его происхожденія: на вершинѣ откоса, на глубинѣ десяти вершковъ, подъ наноснымъ песчанымъ слоемъ лежалъ пластъ культурной черной земли, вслѣдствіе естественнаго разрушенія котораго сосѣднія съ нимъ мѣста откоса и были окрашены въ темный цвѣтъ. Изслѣдованіе этого пласта, состоявшее въ срытіи нѣкоторой его части со стороны откоса и въ вырытіи ямъ въ мѣстахъ предполагаемаго его распространенія, обнаружило приблизительную ширину его въ 20 аршинъ и длину аршинъ около 70. Наибольшая толщина пласта 10—13 вершковъ, — со стороны откоса. Можетъ быть потому, что отъ культурнаго пласта уцѣлѣла здѣсь только меньшая его часть, пластъ этотъ, по сравненію съ Островлянскимъ и Якубишскимъ, отличается бѣдностью содержанія: кости попадаются въ немъ въ ничтожномъ количествѣ, въ небольшомъ также количествѣ и глиняные черепки, только желѣзныхъ шлаковъ здѣсь значительно больше, а въ одномъ мѣстѣ они оказались сложенными въ кучу, величиною въ нѣсколько пудовъ. Для характеристики содержанія культурнаго пласта изъ собранныхъ на откосѣ и вырытыхъ изъ самого пласта предметовъ нами было отобрано нѣсколько глиняныхъ черепковъ гончарной и лѣпной работы, обломокъ точильнаго бруска и нѣсколько кусковъ шлака. На трехъ глиняныхъ черепкахъ, гончарной, кажется, работы, есть орнаментъ въ видѣ кривой, волнистой линіи. Одинъ глиняный обломокъ — часть, несомнѣнно, такого же, неопредѣленнаго назначенія, можетъ быть — пряслицы, кружка, обломки какого попадались ранѣе на Богуцимскомъ пиликальнисѣ[3]).

---

[1]) См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II. Табл. XIII.
[2]) См. выше Пильвинскіе курганы.
[3]) См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II. Табл. XIII, 48.

Digitized by Google

Рядомъ съ описаннымъ мѣстомъ, отдѣляясь отъ него оврагомъ съ безымяннымъ ручейкомъ, наблюдается нѣсколько (6—7) незначительныхъ холмиковъ, производящихъ иллюзію очень небольшихъ кургановъ. Вскрытіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ холмиковъ обнаружено и здѣсь также присутствіе культурной земли съ черепками глиняныхъ сосудовъ.

Данныхъ для хронологическаго опредѣленія Коркинское поселеніе представляетъ еще менѣе, чѣмъ предыдущее Якубишское замчиско. Изъ описанныхъ выше курганныхъ группъ, Засвирская и Гузковская находятся отъ Коркинскаго городища не много далѣе версты.

В. Кремневыя мастерскія.

Подъ именемъ кремневыхъ мастерскихъ мы разумѣемъ мѣста,—въ большинствѣ случаевъ, покрытыя сыпучимъ пескомъ площади, — на которыхъ ясно обнаруживаются слѣды обработки здѣсь въ доисторическія времена кремневаго оружія. Обычныя находки такихъ мѣстъ, кромѣ безформенныхъ осколковъ кремня, состоятъ обыкновенно изъ кремневыхъ (чаще разбитыхъ, чѣмъ цѣльныхъ) наконечниковъ стрѣлъ, ножиковъ, скребковъ, наконечниковъ дротиковъ, кинжаловъ, нуклеусовъ и т. п. Почти постоянно также наблюдаются въ подобныхъ мѣстахъ глиняные черепки очень грубой лѣпной работы. Сравнительно рѣже попадаются каменные (не кремневые) топоры, и еще рѣже металлическіе предметы. Изъ мѣстъ, ближайшихъ къ виллейскому бассейну, чаще всего наблюдаются кремневыя мастерскія на берегахъ Нѣмана, Бобра, Нарева и Зап. Буга [1]), по берегамъ же и вообще въ бассейнѣ рѣки Виліи, до послѣдняго времени, о кремневыхъ мастерскихъ никакихъ свѣдѣній не существовало. Этотъ недостатокъ свѣдѣній говоритъ, впрочемъ, не столько объ отсутствіи кремневыхъ мастерскихъ въ бассейнѣ Виліи, сколько о недостаточности въ этомъ направленіи археологическихъ наблюденій. По крайней мѣрѣ, мы, напримѣръ, при отсутствіи прямой цѣли изученія кремневыхъ мастерскихъ, на не большомъ сравнительно пространствѣ Вилейскаго бассейна имѣли случай наблюдать четыре такихъ мастерскихъ, — три на восточномъ берегу Свирскаго озера и одну — близь самой Виліи, у заст. Якубишекъ.

Первая Свирская мастерская.

Яснѣе другихъ обозначающаяся, мастерская эта находится на такъ называемой Лысой (вслѣдствіе отсутствія здѣсь растительности) или Гузковской (вслѣдствіе принадлежности ея дер. Гузкамъ) горѣ, расположенной въ разстояніи двухъ слишкомъ верстъ на Ю. З. отъ села Засвири и въ ста, приблизительно, саженяхъ отъ Свирскаго

[1]) Перечень кремневыхъ мастерскихъ — первобытныхъ стоянокъ см. Ѳ. Покровскій. Археологическая карта Виленской губерніи. Вильна, 1893 г. и Археологическая карта Гродненской губерніи. Вильна, 1895 года).

Digitized by Google

озера (рис. 20). Гора представляетъ собственно ровную, не болѣе десятины, площадь, окруженную съ С.-З. оврагомъ съ болотистымъ ручейкомъ, а съ Ю.-З. и Ю. ограниченную поросшимъ ольхою болотомъ, простирающимся отсюда вплоть до самаго озера. Поверхность горы состоитъ изъ сыпучаго песку, на которомъ разсѣяны въ значительномъ количествѣ мелкіе камни, въ числѣ которыхъ встрѣчается не мало и мелкихъ кремней. — По свидѣтельству мѣстнаго пастуха, на горѣ въ прежнее время попадалось много „ладныхъ скалокъ“ (искусно обдѣланныхъ обломковъ кремней), оставшихся, по его словамъ, отъ войны, во время которой употреблялись кремневыя ружья. Другой крестьянинъ сообщалъ о находкѣ на этой горѣ мѣдной цѣпочки и, по сосѣдству съ горою, желѣзнаго копья. Послѣ вырытія на горѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ямокъ, оказалось, что почва состоитъ изъ не тронутаго желтаго песку,

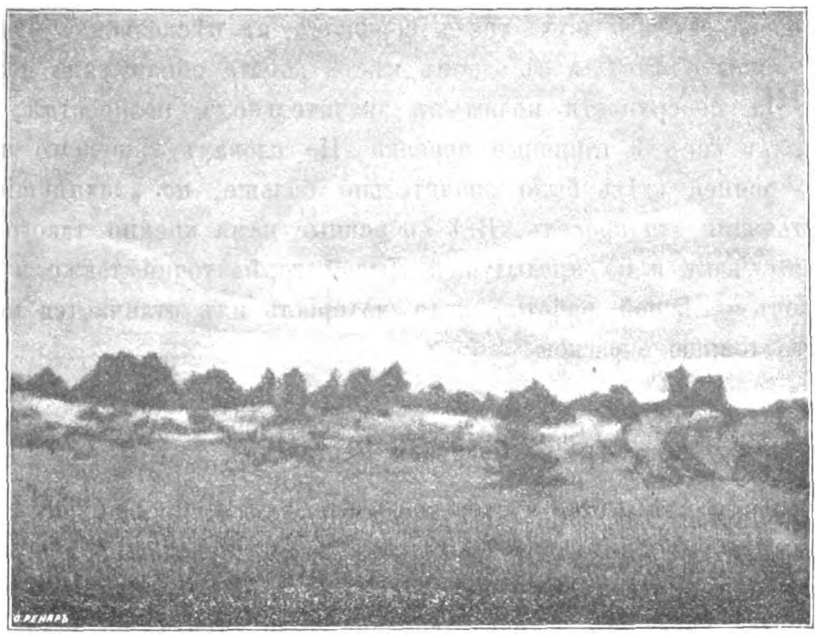


Рис. 20.

т.-е. полное отсутствіе культурнаго пласта, и только на поверхности почвы валялись въ большомъ количествѣ осколки кремня и мелкіе глиняные черепки. Изъ тридцати трехъ собранныхъ здѣсь кремней, едва ли не большая часть представляетъ безформенные осколки, какіе должны были получаться при обработкѣ кремневаго оружія, и только нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно составляютъ части такъ называемыхъ кремневыхъ ножиковъ, имѣвшихъ значеніе, можетъ быть, наконечниковъ стрѣлъ. Большинство ножиковъ обычной неправильной четырехгранной или трехгранной формы. Преобладающій цвѣтъ кремня пепельный, съ темнымъ иногда отливомъ. Всѣ восемнадцать черепковъ грубой лѣпной работы. Матеріалъ ихъ — желтоватая съ примѣсью крупнаго хивиру глина. Кромѣ кремней и черепковъ на

Digitized by Google

Гузковской горѣ найдены: осколокъ шлифованнаго каменнаго (не кремневаго) топора, небольшой камень съ слѣдами также, повидимому, искусственной его обработки, и часть желѣзнаго, архаической формы, гвоздя.

Вторая Свирская мастерская.

Вторая, какъ и предыдущая, мастерская находится также на землѣ крестьянъ дер. Гузковъ, — на такъ называемой Волчьей горѣ. Отъ Лысой горы Волчья находится въ разстояніи около версты на Ю., а отъ Свирскаго озера менѣе ста саженей и представляетъ собою невысокую гряду, окруженную со всѣхъ сторонъ болотистыми низинами. Длина горы, въ направленіи съ С.-З. на Ю.-Ю.-З., 360 шаговъ, ширина, чрезъ верхъ, 60 шаговъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гора поросла можжевеловыми кустами, въ большей же части поверхность ея — желтый сыпучій песокъ, подъ которымъ, на глубинѣ двухъ-трехъ вершковъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ наблюдаются пятна темнаго цвѣта, а въ одномъ мѣстѣ лопата обнаружила пластъ твердой бурой земли. На поверхности почвы въ значительномъ количествѣ наблюдаются осколки кремня и кое-гдѣ глиняные черепки. По словамъ живущаго на горѣ пастуха прежде кремней здѣсь было значительно больше, но „ладнѣйшіе“ изъ нихъ выбраны крестьянами для креселъ. Всѣ собранные нами кремни такого же цвѣта и такой же формы, какъ и на предыдущей Лысой горѣ; точно также и всѣ здѣшніе десять черепковъ — лѣпной работы, хотя матеріалъ ихъ отличается меньшею грубостью и болѣе темною окраскою.

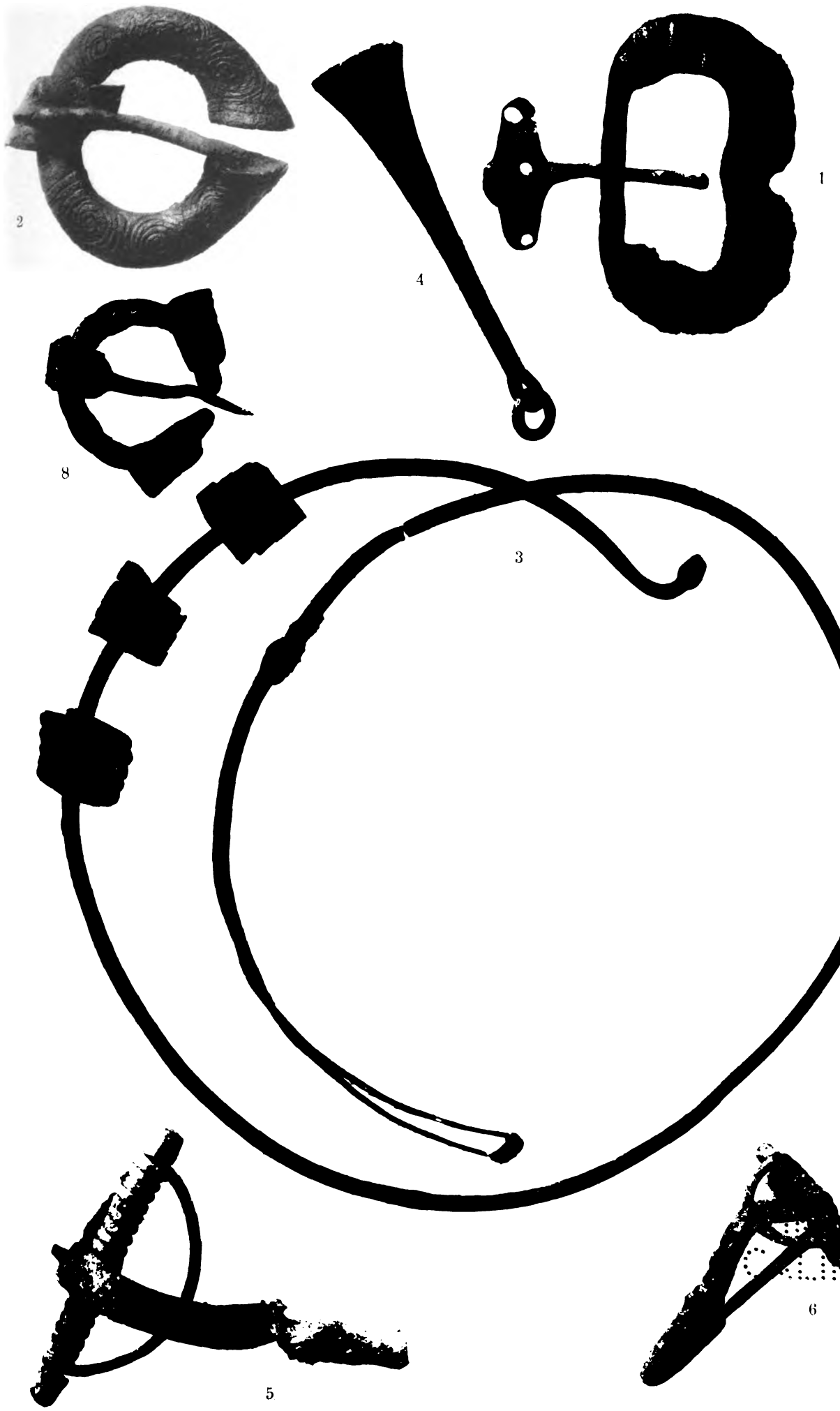
Третья Свирская мастерская.

Незначительные слѣды этой мастерской наблюдаются по склону въ сторону озера отъ упомянутыхъ выше курганообразныхъ холмиковъ, находящихся по сосѣдству съ описаннымъ выше старымъ коркинскимъ поселеніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого склона, лишенныхъ травяного покрова, собрано было такихъ же, какъ и на предыдущихъ мастерскихъ, девять обломковъ кремневыхъ ножиковъ и три лѣпныхъ черепка; кромѣ того здѣсь найдены были небольшой слиточекъ темнаго стекла и желѣзный кружокъ, въ родѣ шляпки большого гвоздя, толщиною около 2mm. и въ 25mm. по его діаметру. Послѣдніе два предмета, впрочемъ, возможно, что принадлежатъ и позднѣйшему времени.

Якубишская мастерская.

Заст. Якубишки расположена на правомъ берегу Виліи, — въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ 54°50' с. ш. Слѣды кремневой мастерской наблюдаются въ разстояніи саженей пятидесяти на С.-В. отъ застѣнка, — на песчаной, лежащей среди поля площади, длиною, съ В. на З., въ 300 шаговъ и шириною около 60. Слѣды обработки кремня здѣсь значительно слабѣе, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ мѣстахъ, такъ что, при всемъ вниманіи, намъ удалось собрать всего лишь семь, съ признаками бо-

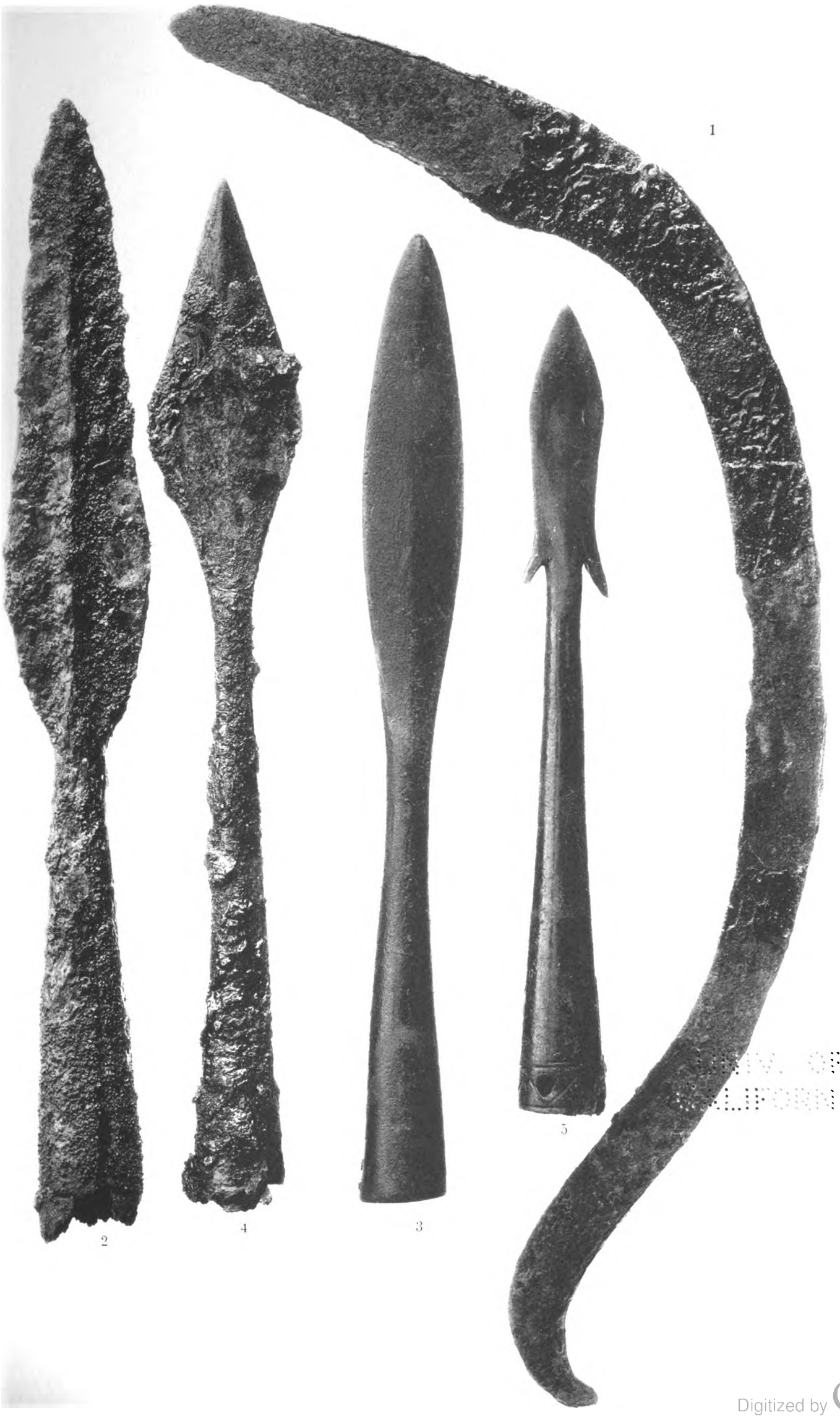
Digitized by Google



Digitized by Google

UNIV. OF
CALIFORNIA

Digitized by Google



UNIV. OF CALIFORNIA

Digitized by Google

UNIV. OF
CALIFORNIA

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

Digitized by Google

UNIV. OF
CALIFORNIA

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIV. OF
CALIFORNIA

Digitized by Google

лѣе или менѣе искусственной обдѣлки, осколковъ кремня и только три глиняныхъ, лѣпной работы черепка. Найденные здѣсь, — желѣзный гвоздь, обломокъ листового желѣза, что-то вродѣ стекляныхъ шлаковъ, и три обломка изразцовъ, — могли попасть сюда случайно и въ позднѣйшее время.

Г. Предметы каменнаго вѣка.

Встрѣчающіеся на пространствѣ Виленской губерніи предметы каменнаго вѣка состоятъ исключительно изъ топоровъ (со сверлинами) и клиньевъ, приготовленныхъ изъ мѣстныхъ каменныхъ породъ, — въ большинствѣ случаевъ, — изъ сѣраго булыжника. Попадаются они обыкновенно на поляхъ, гдѣ и находятъ ихъ во время запашекъ крестьяне. Наиболѣе обычное названіе каменныхъ топоровъ въ бѣлорусской половинѣ Виленской губ. „перунова стрѣла", „громовая стрѣла", „громница", а въ Литовской „перкуна кулька". По наиболѣе распространенному въ народѣ повѣрью, стрѣлы эти, падая на землю во время грома, обыкновенно на нѣсколько лѣтъ (на 7, на 12) погружаются въ почву и только потомъ уже появляются на поверхности земли. Нерѣдко стрѣлы эти окружаются у народа ореоломъ таинственности, и имъ приписывается значеніе цѣлебныхъ талисмановъ, а иногда и прямо значеніе лѣкарства, вслѣдствіе чего приготовляемый изъ нихъ порошокъ въ разныхъ видахъ дается больнымъ людямъ и хворому скоту [1]). Но едва ли не чаще наблюдается у народа индефферентное отношеніе къ каменнымъ топорамъ, т.-е. полное отсутствіе попытки объяснить ихъ происхожденіе и эксплуатировать ихъ хотя бы въ указанномъ выше направленіи. Въ зависимости отъ того или другого народнаго взгляда на каменные топоры и пріобрѣтеніе ихъ сопровождается болѣе или менѣе различными условіями: въ то время какъ, напримѣръ, владѣльцы топоровъ, соединяющіе съ ними чудодѣйственную силу, никогда почти не соглашаются на ихъ уступку, люди безъ предвзятыхъ взглядовъ охотно уступаютъ ихъ за 10—20 коп. Во время описываемой экскурсіи намъ въ одинаковомъ, повидимому, количествѣ приходилось встрѣчаться съ каждымъ изъ упомянутыхъ выше взглядовъ, и вся сумма пріобрѣтенныхъ нами топоровъ опредѣляется незначительнымъ количествомъ въ 17 экземпляровъ. Топоры эти пріобрѣтены въ слѣдующихъ мѣстахъ, — Свенцянскаго исключительно уѣзда: Дер. Сопроненты, дер. Сорочье, дер. Жукойна, дер. Мелканы, дер. Трещаны и дер. Конценяты.

---

[1]) Подробное указаніе разнаго отношенія у народа къ каменнымъ топорамъ см. Ѳ. Покровскій Археологическая карта Виленской губ. 1893 года.

Digitized by Google

Гипсовыя погребальныя маски и особый видъ трепанаціи въ курганахъ Минусинскаго округа.

К. Горощенко.

Раскопки кургановъ Минусинскаго округа, производимыя болѣе пяти лѣтъ по порученію Археологической Комиссіи Александромъ Васильевичемъ Адріановымъ, дали обильный матеріалъ и большую краніологическую коллекцію, обработкой которой я теперь занимаюсь. Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ побудилъ меня выдѣлить изъ этой работы нѣсколько страницъ для настоящаго сообщенія, имѣющаго научный интересъ какъ для археолога, такъ и для антрополога[1]).

Прежде чѣмъ приступить къ описанію масокъ и трепанаціи череповъ, не безполезно дать краткое описаніе двухъ кургановъ, въ которыхъ обнаружено было то и другое. Маски были найдены въ обоихъ курганахъ, трепанированные же черепа были найдены въ одномъ — на Соляномъ озерѣ.

Курганъ „Е" на Тагарскомъ островѣ на Енисеѣ близъ Минусинска представляетъ обширную четвероугольную могилу, стѣны которой были выложены бревнами; въ разныхъ мѣстахъ на днѣ кургана попадались въ отдѣльности слѣдующіе предметы: 1) кучка обожженыхъ человѣческихъ костей и размягченная гипсовая маска, 2) черепки горшка и куски маски, 3) семь череповъ, надъ ними кучка жженыхъ костей (человѣческихъ), около нихъ и подъ ними много костей въ безпорядкѣ, 4) цѣльный костякъ въ порядкѣ, но съ перегорѣвшими тазомъ и костями ногъ, на лѣвомъ плечѣ куски гипса — слѣды маски; далѣе 5) куски маски, рядомъ съ ними кучка жженныхъ костей, 6) куски обоженной маски; нѣкоторая часть деревянныхъ стѣнъ могилы оказалась обгорѣвшей, другія части не обгорѣли; обуглившіяся кости находились по всей могилѣ, имѣвшей на днѣ въ длину и ширину по $3^1/_2$ саж. приблизительно; 7) въ необгорѣвшей части могилы на выступавшей изъ стѣны каменной плитѣ находилась маска или, судя по кускамъ, цѣлый бюстъ, пустой внутри, и отъ нижней части шеи распространявшійся въ подставку, — такимъ образомъ въ древней могилѣ былъ устроенъ оригинальный кронштейнъ съ бюстомъ; на этой горизонталь-

---

[1]) Редакція „Трудовъ X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ" любезно позволила мнѣ сообщеніе мое, посланное въ Ригу въ 96-мъ году, дополнить и исправить согласно новѣйшимъ даннымъ раскопокъ, что мною и сдѣлано въ февралѣ 98 года. *К. Г.*

Digitized by Google

ной плитѣ передъ обломками гипса лежала куча жженыхъ костей; 8) въ 4-хъ футахъ отсюда еще маска и въ 3-хъ футахъ подъ бревнами двѣ маски, около нихъ двѣ груды горѣлыхъ костей; 9) горшокъ съ облегавшей его маской; двѣ маски одна надъ другой, и рядомъ съ верхней на каменной плиткѣ кучка обгорѣвшихъ костей; 10) неподалеку скелетъ въ безпорядкѣ, но можно допустить, что трупу первоначально было дано сидячее положеніе со скрещенными ногами, вблизи горшокъ и рядомъ маска, неподалеку опять двѣ маски. Въ послѣднемъ углу находилась куча обуглившихся костей и куски маски.[1]) Обломки масокъ попадались такъ же, какъ и обломки горшковъ, въ одиночку, въ виду чего можно допустить, что маски при погребеніи иногда разбивались людьми также, какъ и горшки. Заканчивая описаніе этого кургана, А. В. Адріановъ останавливается на одной маскѣ и говоритъ слѣдующее: „въ пескѣ лежалъ дѣтскій (можетъ быть женскій) костякъ, на лицевой части была надѣта гипсовая маска, вполнѣ сохранившаяся; я снялъ ее съ лица осторожно и, любуясь изящными, красивыми чертами лица, поставилъ около себя, чтобы посушить ее на солнышкѣ; къ крайнему моему сожалѣнію, а въ ту пору прямо къ моему ужасу, маска была разбита камнемъ, неосторожно брошеннымъ однимъ изъ игравшихъ мальчиковъ. Маска настолько плотно прилегала къ лицу, что кусочки гипса такъ и остались въ глазницахъ, на носу, на лбу и около ушныхъ отверстій[2]).

Другой курганъ, въ которомъ послѣ двѣнадцатилѣтняго промежутка А. В. Адріановъ снова нашелъ маски, находится на Соляномъ озерѣ Скочинскаго въ 60 верстахъ отъ Минусинска; онъ былъ раскрытъ въ 95 г. и законченъ въ 97 году; въ этомъ курганѣ впервые были найдены трепанированные черепа, и обрядъ погребальныхъ масокъ въ немъ оказался осложненнымъ нѣкоторыми варіяціями. Курганъ этотъ принадлежитъ къ группѣ „чаатасъ“, насыпь его высотою 4 аршина, въ окружности 47 саж.; могила четырехугольная, глубиною 2 саж., ширины и длины около 4 саж., по сторонамъ выложена толстыми горбылями, обугленными по угламъ могилы; дно выстлано досками почти сплошь. На днѣ кости образуютъ въ одномъ мѣстѣ сплошной слой въ 4 вершка толщиною, въ которомъ было 6 череповъ, разломанныхъ, части ихъ разбросаны; въ углахъ по нѣсколько череповъ въ рядъ или одинъ на другомъ; въ сѣверномъ углу было 5 череповъ, здѣсь полосою въ 1,2 метра ширины и два метра длины безпорядочно шли иструхшія кости, въ которыхъ было 4 испорченныхъ черепа, вещей здѣсь не было. Далѣе, вдоль сѣв.-зап. стороны — куча костей; у западнаго угла куски 9 череповъ; въ вост. углу тоже моого костей и 2 черепа.

Всѣхъ череповъ въ могилѣ было 55, (а можетъ быть значительно больше); большинство изъ нихъ съ масками; нѣкоторые обмазаны глиной, затѣмъ слоемъ гипса и потомъ опять глиной, покрывавшей иногда не только весь черепъ, но и первые позвонки; мѣстами маски покрашены ярко-красной краской, иногда съ чер-

---

[1]) Здѣсь вездѣ имѣются ввиду кости человѣческія; найдено между прочимъ медвѣжья челюсть; предметы, по словамъ г. Адріанова, были какъ бронзовые, такъ и желѣзные.

[2]) А. В. Адріановъ. „Путешествіе на Алтай и за Саяны“. Омскъ. Здѣсь же подробное описаніе кургана.

Digitized by Google

ными полосками на щекахъ; у нѣкоторыхъ череповъ набиты глиной всѣ отверстія черепа (глазницы, носъ, уши), иногда все пространство между вѣтвями нижней челюсти и тутъ же первые шейные позвонки. Черепа лежали иногда теменемъ вверхъ, чаще — лицомъ внизъ, и въ обоихъ случаяхъ подъ черепами можно найти шейные и спинные позвонки, тазъ, пальцы рукъ или концы бедряныхъ и плечевыхъ костей; можно подумать, что покойники были похоронены сидя или стоя; большая часть череповъ имѣютъ пробитые виски. Изъ вещей найдены были: желѣзный ножъ, мѣдный наличникъ и пуговица, кусокъ желѣзнаго предмета, мѣдный кружокъ, обернутый кожей, и кусочки мѣди; въ восточ. углу — костяныя игла, лопаточка и стрѣла и мѣдный кружокъ; около череповъ часто встрѣчались золотыя пластинки, въ которыхъ иногда были обернуты кусочки дерева. Въ могильной землѣ сверху до низу часто попадались угольки; золы и кострищъ нѣтъ; жженыя кости изрѣдка встрѣчаются на днѣ могилы, но обряда трупосожженія въ этомъ курганѣ г. Адріановъ не нашелъ и полагаетъ, что его здѣсь нѣтъ[1]). На днѣ могилы оставались слѣды сожженныхъ кучекъ какого-то растенія; интересно то, что и въ вышеописанномъ курганѣ на Тагарскомъ островѣ на днѣ могилы найдена была куча сожженной хвои и костей.

Въ послѣднемъ курганѣ масокъ, отдѣльно стоявшихъ, не встрѣчалось; снять же ихъ съ черепа не удавалось: онѣ разсыпались при прикосновеніи.

Такъ какъ въ курганѣ были найдены на ряду съ мѣдными (бронзовыми?) предметами и желѣзные, то въ этомъ отношеніи курганъ Соляного озера представляетъ новую черту сходства съ курганомъ Тагарскаго острова; въ многочисленныхъ курганахъ, раскопанныхъ г. Адріановымъ, желѣзо встрѣчалось весьма рѣдко, и почти только два названныхъ кургана представили образчики позднѣйшаго металла. Сходство этихъ двухъ кургановъ выражается еще въ томъ, что въ нихъ обоихъ были найдены скелеты, погребенные „можно думать сидя или стоя“, а также и кучки: въ одномъ жженной хвои, въ другомъ — какого-то растенія; этихъ признаковъ въ другихъ курганахъ почти не встрѣчается.

I. Маски.

Добытыя по сіе время маски находятся: одна въ Антропологическомъ Музеѣ Московскаго Университета (табл. V, 1.), одна въ Минусинскомъ Мѣстномъ Музеѣ (фиг. 2), пять масокъ были посланы въ Археологическую Комиссію (фиг. 3 и 4), но по наведеннымъ справкамъ въ Археологической Коммиссіи оказывается, что Комиссія ихъ получила побитыми (въ пути) и въ такомъ видѣ отослала ихъ въ Историческій Музей въ Москву; кромѣ этого въ Минусинскомъ Музеѣ хранится нѣсколько фраг-

---

[1]) Подробное описаніе этого кургана появляется вѣроятно въ недалекомъ будущемъ въ изданіяхъ Археологической Комиссіи.

Digitized by Google

ментовъ масокъ (рис. 5 и 6). Маски впервые были найдены г. Адріановымъ въ 1883 г., затѣмъ нашелъ ихъ г. Клеменцъи послѣ того снова г. Адріановъ.

Литературы о маскахъ вообще не имѣется. Маски были найдены: 1) на Тагарскомъ островѣ близъ самаго Минусинска, 2) на Соленомъ озерѣ въ 60 верстахъ на Ю.-В. отсюда и 3) въ 60 верстахъ на Югъ (въ Улусѣ Нурилькова), о послѣднемъ курганѣ у меня свѣдѣній не имѣется и указаніе на эту „находку взято изъ работы г. Клеменца — Древности Минусинскаго Музея".

Такимъ образомъ районъ распространенія масокъ очень ограниченъ, и не смотря на массу раскопанныхъ кургановъ Минусинскаго округа, только 3 или 4 изъ нихъ заключали въ себѣ маски. Поэтому можно думать, что разсматриваемый нами похоронный обрядъ существовалъ здѣсь не долгое время.

Для чего дѣлались, какое значеніе имѣли эти маски? Это вопросъ, на который трудно отвѣтить съ точностью; вообще въ погребальныхъ маскахъ приходится видѣть явленіе, аналогичное по своей основной идеи съ бальзамированіемъ труповъ у Перуанцевъ и Египтянъ и съ обычаемъ послѣднихъ хоронить вмѣстѣ съ мумiей статую умершаго: какъ у этихъ народовъ, такъ у древнихъ обитателей Минусинскаго округа была своя самобытная и, можетъ быть, богатая культура, и тамъ и здѣсь стремились сохранить черты лица умершаго, оставить по извѣстнымъ соображеніямъ культа — нетлѣнный образъ его, — и приходили къ этой цѣли различными путями.

Если подобная аналогія покажется нѣсколько эксцентричной, то можно указать на другія у народовъ, родственная связь которыхъ съ обитателями Минусинскаго курганнаго царства весьма возможна: у Остяковъ Вост. Сибири, по словамъ Тайлора[1]), „когда умираетъ человѣкъ, они ставятъ грубое деревянное изображеніе его, приносятъ ему жертвы и воздаютъ почести, а вдова цѣлуетъ его и ласкаетъ. Обыкновенно эти изображенія по истеченіи трехъ мѣсяцевъ хоронятъ"; тоже говоритъ и Кастренъ. У Киргизовъ нѣчто подобное существовало еще въ первой половинѣ нашего вѣка: А. Левшинъ въ 1832 году описываетъ слѣдующую картину обряда поминокъ: „трагическія представленія: плачъ и рыданія продолжаются весьма долго: иные, до истеченія года, ежедневно возобновляютъ ихъ по утрамъ и вечерамъ передъ куклою, или болваномъ, который, будучи одѣтъ въ платье покойника, служитъ плачущимъ вмѣсто его изображенія"[2]).

У Монголовъ-Торгоутовъ по сообщенію А. А. Ивановскаго „знатныхъ лицъ... сжигаютъ на кострѣ. Для костра употребляются сухія дрова и сало... Пепелъ, оставшійся послѣ сожженія, особенно знатныхъ лицъ, лама собираетъ въ небольшую мѣдную урну, а потомъ, смѣшавъ его съ глиною, дѣлаетъ изъ послѣдней фигуру человѣка и ставитъ ее тамъ, гдѣ умершій сожженъ[3])". Если здѣсь упомянуть еще

---

[1]) „Доисторическій бытъ", стр. 143.

[2]) Харузинъ. „Киргизы Букеевской орды", т. I, стр. 106 (А. Левшинъ. Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ степей. 1832 г.).

[3]) А. А. Ивановскій. „Монголы Торгоуты", стр. 24. Подробно въ „Трудахъ VIII Арх. Съѣзда", и о томъ же въ „Congrès International d'Arch. préhistorique et d'anthropologie" 11-ème sess. à Moscou. T. I,

Digitized by Google

объ обычаѣ Киргизовъ въ концѣ прошлаго вѣка ставить („втыкать") поверхъ надгробнаго деревяннаго сруба, болванъ, изображающій лицо и тѣло человѣка, то мы съ одной стороны исчерпаемъ пожалуй всѣ способы дѣлать изображеніе умершаго, которые практикуются при обрядѣ погребенія народами, связанными можетъ быть въ своемъ прошломъ съ курганнымъ населеніемъ Южной Сибири, — а съ другой стороны перейдемъ къ древнему обычаю ставить каменныя бабы [1]). Обрядъ погребальныхъ масокъ легче будетъ поставить въ связь съ только что упомянутыми обрядами, послѣ ближайшаго ознакомленія съ масками, къ чему мы теперь и перейдемъ.

Маски дѣлались изъ гипса, и притомъ можно утверждать съ увѣренностью, что онѣ выдѣлывались при помощи формъ, т.-е. такъ, какъ это дѣлается теперь.

Изъ словъ А. В. Адріанова, гдѣ онъ говоритъ объ „изящныхъ, красивыхъ чертахъ лица" на маскѣ, изъ взгляда на прилагаемый снимокъ съ маски и (табл. V, 2) съ частей ея (фиг. 5—9)—можно заключить, что искусство дѣлать маски достигало у курганныхъ жителей того совершенства, на которомъ оно стоитъ теперь; допустить выдѣлку масокъ отъ руки — это значило бы допустить у первобытнаго народа искусство скульптуры развитымъ въ такой высокой степени, какой мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Пользуясь формой, легко получить удовлетворительную маску — особенно съ покойника: для этого обыкновенно обмазываютъ лицо покойника толстымъ слоемъ глины или какой нибудь легко остывающей и затвердѣвающей массы; въ этой массѣ получится углубленіе, передающее всѣ черты лица; если это углубленіе, оставшееся отъ лица, заполнить гипсомъ и вынуть его, когда онъ затвердѣетъ, изъ формы, то мы получимъ точное скульпторное изображеніе лица. Курганные обитатели очевидно именно такъ и дѣлали. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и видъ задней стороны маски (фиг. 7—9): въ форму, полученную съ лица, наливался полужидкій гипсъ и покрывалъ всю ея поверхность слоемъ отъ 1 до 2 или 3 сантиментровъ; впадины на лицѣ человѣка, глазницы и подносовая область, на формѣ выходили въ видѣ возвышеній, наливаемый на поверхность формы гипсъ стекалъ съ этихъ возвышеній, и маска въ этихъ мѣстахъ становилась тонкой, непрочной; чтобы устранить такое неудобство, на эти мѣста на задней сторонѣ маски наливался или накладывался снова густой гипсъ, и такимъ образомъ на оборотней сторонѣ маски получались ненормальныя возвышенія въ видѣ конусовъ въ области глазницъ и въ видѣ плитки въ подносовой области (фиг. 7); эти ненормальныя возвышенія рѣзко бросаются въ глаза и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что они положены уже на готовый основной слой гипса и притомъ наложены умышленно; задняя сторона маски не имѣетъ углубленій на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лицо представляетъ рѣзкія выпуклости, какъ напр. носъ; въ двухъ случаяхъ [2]) углубленіе формы, соотвѣтствовавшее носу, сплошь было заполнено гипсомъ, въ двухъ другихъ случаяхъ гипсовые носы имѣли небольшія продольныя углубленія на задней сторонѣ;

стр. 176. На распространенность обычая дѣлать изображеніе умершаго частью изъ его останковъ, частью изъ другого матеріала указываетъ Г. Спенсеръ въ своихъ „Основаніяхъ Соціологіи" § 155.

[1]) Въ сущности всѣ подобныя формы почитанія или поклоненія умершимъ подчинены одной идеи фетишизма.

[2]) Я видѣлъ и разсматривалъ только одну цѣльную маску, одну часть другой маски (носъ, ротъ и подбородокъ) и еще два носа.

Digitized by Google

эти углубленія (на двухъ носахъ) были сдѣланы очевидно палочкой или мизинцемъ небольшой руки съ цѣлью, чтобы гипсъ глубже осѣлъ и цѣликомъ заполнилъ углубленіе формы. Итакъ остается притти къ единственному заключенію, что маски дѣлались не отъ руки, а при посредствѣ формы (третьяго способа даже существовать не можетъ),—иначе нельзя было бы ничѣмъ объяснить, какъ довольно равномѣрную толщину стѣнокъ маски, такъ и характеръ ея оборотной стороны.

На вопросъ о томъ, дѣлались ли маски и съ живыхъ, отвѣтить конечно трудно, потому что для рѣшенія его не имѣется достаточнаго количества масокъ, на которыхъ можно было бы уловить черты, освѣщающія этотъ вопросъ; теоретическія же соображенія приведутъ скорѣе всего къ отрицательному рѣшенію.

Здѣсь весьма важно разобраться въ способахъ употребленія масокъ. Среди обширнаго и, можно сказать, хаотическаго разнообразія различныхъ обрядовъ и проявленій культа, господствовавшихъ среди курганнаго населенія Минусинскаго округа, обрядъ погребальныхъ масокъ носитъ оригинальный и въ то же время невыдержанный, неустановившійся характеръ: маски то являются окрашенными со вкусомъ хорошей красной краскою, то остаются бѣлыми; то онѣ лежатъ на черепѣ, то отдѣльно, покрывая сожженныя кости, или же стоятъ на каменныхъ плитахъ, нарочно для нихъ устроенныхъ, иногда съ расширеніемъ подъ маской, которая въ этомъ случаѣ превращается въ бюстъ; разбросанные куски масокъ, которыя разбивались при погребеніи, какъ простые горшки, вызываютъ непріятный вопросъ — къ чему было дѣлать маски, если ихъ тутъ же разбивать; обожженныя маски говорятъ въ пользу того же мнѣнія, что масками иногда не дорожили; возможно что это — дѣло случая или какого нибудь посторонняго обстоятельства (хотя едва-ли), но пока матеріала еще не много, приходится считаться и съ этимъ страннымъ явленіемъ и признавать что оно умышленно было допущено курганными жителями.

Такимъ представляется обрядъ въ его болѣе или менѣе чистомъ видѣ, безъ тѣхъ варіацій, о которыхъ будетъ сейчасъ сказано. Мы видимъ, что этотъ обрядъ имѣетъ нѣкоторую дѣйствительную аналогію съ указанными обрядами Остяковъ, Киргизовъ и Таргаутовъ: у послѣднихъ дѣлаютъ изъ пепла умершаго фигуру очевидно того же самаго умершаго человѣка; въ курганъ Тараскаго острова покрывали маскою кучку сожженныхъ костей вѣроятно того же человѣка, съ котораго была снята маска; въ обоихъ случаяхъ останки покойника и его изображеніе остаются соединенными какъ бы въ одно цѣлое, и притомъ оба обряда связаны съ трупосожженіемъ. Съ обрядами Остяковъ и Киргизовъ погребальныя маски имѣютъ то сходство, что во всѣхъ случаяхъ изображеніе покойника оставалось нѣкоторый значительный промежутокъ времени на глазахъ у живыхъ родственниковъ и служило предметомъ почитанія или предметомъ, передъ которымъ совершался тотъ или другой обрядъ поминокъ. Высказать такое мнѣніе относительно масокъ даетъ основаніе то обстоятельство, что оба кургана съ масками заключаютъ въ себѣ массу покойниковъ и по сравненіи ихъ съ другими большими курганами Минусинскаго округа позволяютъ думать, что они или оставались открытыми цѣлые мѣсяцы, а можетъ быть и годы, и закрывались послѣ достаточнаго накопленія въ нихъ покойниковъ,

Digitized by Google

или же курганъ устраивался послѣ накопленія ихъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ,— въ обоихъ случаяхъ маска должна была дѣлаться на болѣе или менѣе свѣжемъ трупѣ, и до окончательнаго погребенія ея въ курганѣ могло протечь не мало времени; что же касается воздаванія почести маскамъ или совершенія передъ ними обряда поминокъ, то подобная мысль сама собою напрашивается какъ логическое умозаключеніе, посылками которому служитъ принадлежность масокъ къ обряду погребенія съ одной стороны, и съ другой — тотъ аттрибутъ божественности, который составляетъ всеобщій, универсальный элементъ культа мертвыхъ у первобытныхъ народовъ, и которымъ надѣлены бываютъ останки умершаго: маска, совершеннѣйшая форма памятника умершему и лучшая изъ останковъ сожженнаго трупа безъ сомнѣнія служила предметомъ культа.

На ряду съ масками обыкновеннаго типа въ курганѣ Соленаго озера встрѣтились, какъ сказано выше, еще нѣкоторыя варіаціи этого обряда [1]): въ немъ найденъ комъ пластической глины, обхватившій нѣсколько первыхъ шейныхъ позвонковъ, (черепъ былъ съ маской, и на глинѣ слѣды гипса; въ другомъ случаѣ также были покрыты толстой массой глины пять шейныхъ позвонковъ), и нижняя челюсть, но слѣдовъ маски или гипса не было. Кромѣ того въ этомъ курганѣ встрѣчаются черепа, у которыхъ глазницы, носовыя и ушныя отверстія *забиты* красной пластической глиной и притомъ очень плотно: такъ, напримѣръ, носовая полость черепа настолько заполнена глиною, что носовыя раковины, части рѣшетчатой кости и сошникъ кажутся цѣликомъ заложенными въ массу глины, которая заняла все пространство между этими костями; пазуха или пустое пространство черепа, лежащее подъ нижнею поверхностью глазницы и непосредственно за скуловою костью, въ двухъ случаяхъ также было значительно наполнено глиною, которая попала сюда вѣроятно изъ глазничнаго углубленія, а можетъ быть и изъ носовой полости; въ нѣсколькихъ случаяхъ глина наполняла собою всѣ пустоты и промежутки въ верхней части лица черепа такъ плотно и такъ нѣжно, какъ это можетъ сдѣлать только жидкость: тонкія и хрупкія кости носовой полости оставались совершенно цѣлыми, и оставили точный отпечатокъ на затвердѣвшей теперь глинѣ; эту глину, не разрушая ее, нельзя было вынуть даже изъ глазницъ, которыя представляютъ полусферическое углубленіе съ незначительнымъ загибомъ по краямъ. Изъ сказаннаго нужно заключить, что глиною отдѣлывали уже готовый костный черепъ, обнаженный отъ всѣхъ мускуловъ, (иначе говоря, *истлѣвшій)* такъ какъ искусственное удаленіе мышцъ носовой полости и притомъ такое тщательное и полное представляется не только невѣроятнымъ, но даже невозможнымъ.

Часто на глинѣ имѣются слои гипса толщиною въ 3—4 милиметра; эти слои гипса нужно считать за слѣды маски хотя бы потому, что на нихъ въ одномъ случаѣ была сдѣлана краскою черта, соотвѣтствующая прорѣзу глаза. На нѣкоторыхъ черепахъ глина покрывала всю верхнюю часть лица равномѣрнымъ слоемъ,

---

[1]) Въ этомъ курганѣ цѣлыхъ масокъ найдено не было, но нѣкоторые обломки по словамъ А. В. Адріанова, представляютъ типъ снятыхъ съ лица масокъ т.-е. типъ масокъ Тагарскаго о-ва.

Digitized by Google

на этомъ слоѣ лежитъ слой гипса, покрытый въ свою очередь глиной. Въ одномъ случаѣ (черепъ № 159) верхняя часть черепа (лобная и часть теменныхъ костей) покрыта красной глиной (слой въ 1—2 мм.), глазницы и носовое отверстіе набиты ею же, сверху глины на черепѣ такой же слой гипса, и на черепѣ слой перегнившей растительной массы (трава?); черепъ мужской, лѣтъ 30—40 и оказывается трепанированнымъ. На одномъ обломкѣ поверхъ нѣжной красной глины кусокъ гипса толщиною въ 2 сент. На основаніи имѣющагося матеріала раскопокъ всѣ эти варіаціи обряда масокъ въ курганѣ Соляного озера можно раздѣлить на два типа: въ одномъ случаѣ *черепъ* обмазывался или замазывался только глиною, причемъ иногда глина облегала скелетъ шеи и нижней части лица, въ другомъ случаѣ обмазанный глиною *черепъ* покрывался слоемъ гипса, а иногда еще въ третій разъ слоемъ глины; слѣдовъ одного гипса на черепѣ, какъ остатковъ маски, не встрѣчалось, въ курганѣ же при раскопкѣ попадались куски гипсовыхъ масокъ, притомъ около череповъ или на нихъ, иногда даже цѣлыя маски[1]), но были ли онѣ изъ одного гипса, или ихъ сопровождалъ и слой глины, какъ на разсмотрѣнныхъ мною черепахъ, мнѣ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ мы видимъ и послѣ близкаго разсмотрѣнія добытыхъ череповъ можемъ прійти къ положительному заключенію, что отдѣлка одною глиною или двумя слоями гипса и глины производилась надъ *черепомъ* покойника, отъ котораго остался одинъ скелетъ, и что эта операція не тождественна со способомъ полученія гипсовыхъ масокъ со свѣжаго трупа: съ черепа нельзя получить маски, похожей на человѣческое лицо. Можетъ быть во избѣжаніе этого именно неудобства глазницы черепа и новое отверстіе заполнялись глиною и въ носовомъ отверстіи оставляли выступающій изъ него кусокъ глины, чтобы такимъ образомъ заполнить глиною тѣ дефекты, которые остались на лицѣ по истлѣніи головы; „реставрированное“ такимъ способомъ лицо, будучи покрыто слоемъ гипса, дастъ, конечно, образчикъ, хотя и грубый, маски человѣческаго лица.

Теперь мы можемъ перейти къ вопросу, какой смыслъ и значеніе имѣли эти видоизмѣненія обряда погребальныхъ масокъ. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что во всѣхъ случаяхъ на черепахъ Соляного озера первымъ, основнымъ слоемъ служитъ глина, имѣющая отличныя пластическія свойства, именно такая глина и можетъ служить лучшимъ матеріаломъ для формъ, при посредствѣ которыхъ выдѣлывались маски Тагарскаго острова; какъ въ чистомъ обрядѣ масокъ, такъ и здѣсь первымъ пріемомъ служитъ обмазываніе глиною лица тамъ и черепа здѣсь; обмазываніе глиною какъ на Тагарскомъ островѣ, такъ и здѣсь, захватывало иногда и всю шею, но тамъ дѣлалось это на трупѣ, и потому давало возможность получить гипсовый бюстъ, здѣсь же на скелетѣ, результатомъ чего получался большой комъ, въ которомъ шейные позвонки и нижняя челюсть были цементированы глиною. Маска получавшаяся на черепѣ послѣ накладки на него гипсоваго слоя во-первыхъ не могла быть легко снята съ черепа вслѣдствіе необходимой въ данномъ случаѣ

---

[1]) Въ курганѣ Соляного озера цѣльныя гипсовыя маски встрѣтились на двухъ или трехъ черепахъ; снять же маску удается очень рѣдко по техническимъ условіямъ раскопокъ.

Digitized by Google

равномѣрности и незначительной толщины стѣнокъ ея, а во-вторыхъ не представляла удовлетворительнаго сходства съ лицомъ покойника, и вѣроятно по этимъ причинамъ оставлялась на черепѣ всегда или большею частью. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ обрядъ служилъ позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ обряда масокъ, и принялъ эту форму именно потому, что объектомъ его являлся черепъ; но почему именно черепъ, а не трупъ или голова только что умершаго человѣка?!

Единственное болѣе или менѣе вѣроятное рѣшеніе этого крайне интереснаго вопроса, какое мы только можемъ сдѣлать на основаніи матеріала раскопокъ, заключается въ томъ предположеніи, что тѣ покойники, *на черепахъ* которыхъ были найдены глиняныя маски, до самаго процесса погребенія, находились внѣ кургана нѣкоторый, можетъ быть даже болѣе или менѣе опредѣленный, промежутокъ времени, въ теченіе котораго они превращались въ скелеты и въ такомъ видѣ уже погребались въ курганѣ. Подобному предположенію не противорѣчитъ нахожденіе въ этомъ курганѣ скелетовъ покойниковъ, погребенныхъ „можно думать, сидя или стоя", такъ какъ въ дневникѣ раскопокъ А. М. Адріанова нѣтъ указаній, чтобы черепа именно этихъ скелетовъ были обдѣланы глиною, а также и потому, что найденные въ курганѣ обломки гипсовыхъ масокъ, снятыхъ съ лица трупа, должны принадлежать скорѣе всего тѣмъ умершимъ, которые были погребены въ видѣ труповъ; въ пользу допущеннаго нами предположенія говорятъ не только указанное выше громадное число погребеній въ одномъ курганѣ и невозможность допустить, что эти покойники умерли одновременно, но и нѣсколько случаевъ нахожденія г. Адріановымъ въ другихъ курганахъ вывѣтрившихся (на воздухѣ) костяковъ, при чемъ въ одномъ большомъ курганѣ со многими скелетами онъ замѣтилъ на нихъ различныя степени вывѣтриванія, выражавшіяся въ большей или меньшей бѣлизнѣ кости и другихъ его свойствахъ, что послужило ему основаніемъ предположить обычай „перехораниванія" [1]).

Въ курганѣ Тагарскаго острова маски большею частью были связаны съ обрядомъ трупосожженія, — при этомъ условіи естественно полученіе маски съ лица, *а не дѣланіе ея на черепѣ*, и кромѣ того при обрядѣ трупосожженія маска должна была сниматься вскорѣ же послѣ смерти, такъ какъ обычай сожигать трупы по самому религіозному значенію своему долженъ исключать возможность предварительнаго истлѣванія трупа, — и дѣланіе маски, слѣдовательно, было въ этомъ случаѣ обрядомъ, который совершался *при самомъ погребеніи* сожженнаго трупа *въ курганѣ*. Если у людей, хоронившихъ умершихъ въ курганѣ Соляного озера, былъ обычай держать часть ихъ нѣкоторое время внѣ кургана и погребать въ немъ уже скелеты ихъ, то становится достаточно яснымъ, что дѣланіе масокъ, какъ чисто-погребальный обрядъ или формальность, и здѣсь должно былъ соединиться съ послѣднимъ и въ то же время наиболѣе главнымъ моментомъ обращенія съ умершими, т.-е. съ ихъ по-

---

[1]) Современные народы Монголіи имѣютъ обыкновеніе оставлять трупы умершихъ на поверхности почвы, иногда въ опредѣленныхъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ образуется своего рода кладбище, на которомъ хищные звѣри оставляютъ большею частью только черепа покойниковъ. Комбинація этого обычая, въ основѣ котораго лежатъ требованія культа, съ обычаемъ устраивать курганы, дала бы въ результатѣ то, что мы сейчасъ предположили относительно нашихъ кургановъ.

Digitized by Google

гребеніемъ (въ курганѣ), а потому своимъ объектомъ въ данномъ случаѣ могъ имѣть только черепъ. Разсматриваемую нами варіацію обряда масокъ нужно признать позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ потому, что вообще обрядъ масокъ естественнѣе всего могъ возродиться, какъ принадлежность трупосожженія, съ которымъ было связано превращеніе труповъ въ небольшую кучу углей: маска была здѣсь единственнымъ средствомъ защитить отъ пламени индивидуальность умершаго; затѣмъ и, вѣроятно, вскорѣ же обрядъ этотъ въ силу своихъ привлекательныхъ достоинствъ легко былъ перенятъ людьми, хоронившими въ курганѣ трупы умершихъ, а также и тѣми, которые хоронили въ курганѣ скелеты; въ послѣднемъ случаѣ обрядъ былъ извращенъ, вѣроятно, не столько вслѣдствіе предположенной нами причины — предварительнаго храненія мертвыхъ внѣ кургана, которую можно было бы считать побочной, сколько вслѣдствіе причины болѣе общей, играющей главную роль въ процессѣ дифференціаціи обрядовъ и обычаевъ, и заключающейся въ томъ, что одна, часто внѣшняя, сторона обряда принимается за самое содержаніе его или по ошибкѣ, или въ виду нѣкоторыхъ удобствъ подобнаго пріема, сводящаго, въ концѣ концовъ, весь обрядъ нерѣдко къ одной символической формальности.

II. Трепанированные черепа.

Такъ какъ видъ трепанаціи, открытый въ курганѣ Соляного озера, производился исключительно на височной области черепа, то его можно было бы назвать видомъ „височной“ трепанаціи, въ отличіе отъ другихъ видовъ или формъ. собранныхъ и описанныхъ профессоромъ Дмитріемъ Николаевичемъ Анучинымъ [1]). Отверстіе, которое дѣлалось здѣсь, имѣло большею частью овально-четыреугольную форму, длинная ось отверстія направлена въ сторону лица и лежитъ почти горизонтально при обыкновенномъ положеніи черепа, — иначе говоря, эта ось почти всегда параллельна наибольшему продольному діаметру черепа; отверстіе лежитъ по возможности ниже и ближе къ ушному отверстію, гдѣ височная кость становится значительно толстой и крѣпкой, чѣмъ и опредѣляетъ нижнюю границу отверстія; величина отверстія на разныхъ черепахъ слѣдующая: длина (въ сантиметрахъ), $6,_{5}$; $5,_{0}$; $6,_{5}$; $6,_{5}$; $6,_{0}$; $4,_{2}$; — для отверстій на правой сторонѣ черепа; для лѣвой стороны эти величины меньше и равны $4,_{0}$; $4,_{0}$; $5,_{0}$; $4,_{0}$; $5,_{0}$; кромѣ того есть черепъ (№ 155) съ однимъ отверстіемъ на лѣвой сторонѣ длиною — 7,8; ширина или вѣрнѣе вышина отверстій для обѣихъ сторонъ равна $3,_{5}$; $4,_{5}$; $3,_{0}$; $2,_{5}$; $3,_{5}$; $3,_{5}$; $3,_{5}$; $4,_{0}$; $3,_{8}$; $4,_{2}$ и для черепа № 145 — $5,_{5}$ сент.; вообще же говоря, отверстія эти величиною приблизительно съ куриное яйцо. Не всегда отверстіе захватывало лобную кость, но

[1]) „Аммулетъ изъ кости человѣческаго черепа и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи“. (Труды Виленскаго Археологическаго Съѣзда Т—I; стр. 286.)

Digitized by Google

всегда теменную, большею же частью оно лежитъ на височной кости, отнимая у ней почти всю чешую. Трепанированные черепа представлены на прилагаемыхъ при семъ снимкахъ (рис. 21—23). Трепанація производилась на разсматриваемыхъ чере-

Рис. 21.

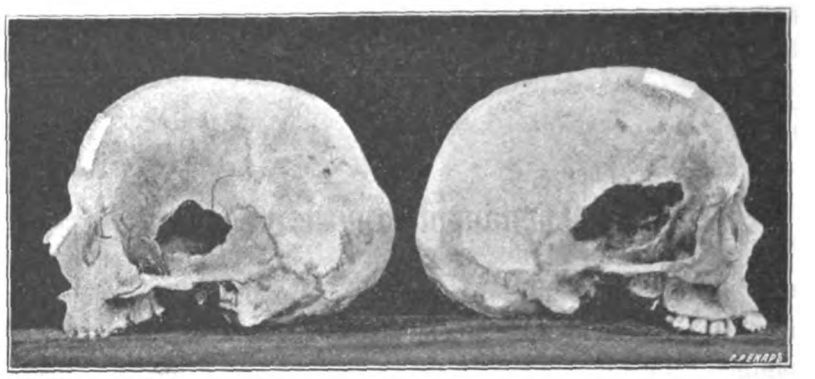


Рис. 22.

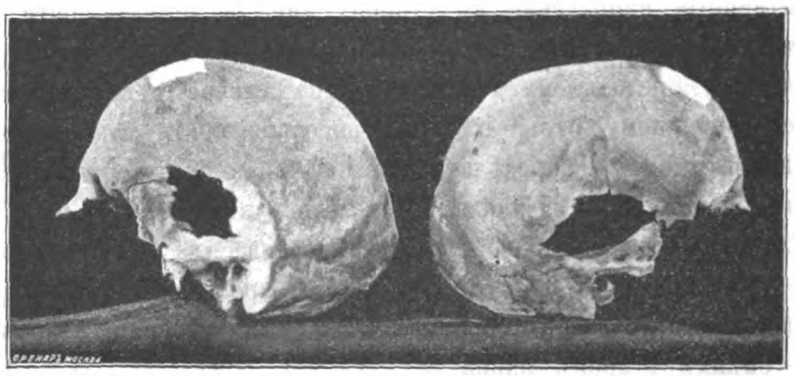


Рис. 23.

пахъ посредствомъ сильнаго остраго орудія, вѣроятнѣе всего, ножа довольно массивнаго: иногда нѣкоторыя части краевъ отверстія имѣютъ въ длину одного сантиметра сплошную какъ бы полированную поверхность; изрѣдка на такой поверхности удается

Digitized by Google

даже замѣтить, что костныя частицы слеглись въ одну сторону вдоль по краю отверстія и этимъ направленіемъ указываетъ на то, что ножъ рѣзалъ (а не пилилъ) кость, сохраняя къ ней перепендикулярное направленіе[1]; края отверстій въ нѣкоторыхъ частяхъ часто имѣютъ характеръ излома, который легко допустить, какъ вспомогательное средство къ дѣйствію рѣжущаго орудія.

Присматриваясь ближе и пристальнѣе къ краямъ отверстія, мы вынуждены предположить, что трепанація произвонилась *на свѣжемъ или довольно сыромъ черепѣ* съ невывѣтрившеюся костью; основаніетъ этому выводу служитъ не только указанный нами гладкій полированный край отверстія со слегшимися по его поверхности частицами кости, но также и то обстоятельство, что верхняя граница отверстія обыкновенно проходитъ немного выше височнаго шва: еслибы черепъ былъ пролежавшимъ нѣкоторое время, сухимъ и обнаженнымъ отъ различныхъ покрововъ, и если цѣлью трепанаціи было вообще сдѣлать отверстіе или изъять чешую височной кости, то верхнимъ краемъ отверстія, его естественной границей, послужилъ бы височный шовъ, зарастающій въ глубокой старости и вообще легко раскрывающійся; наконецъ — трепанаціонныя отверстія, мало различаясь по величинѣ, значительно разнятся по своему топографическому положенію на черепѣ: въ одномъ случаѣ изъята вся височная чешуя, въ другомъ, — только передняя половина ея, а теменная и лобная кости задѣваются то значительно, то немного; чѣмъ же можно объяснить все это, какъ не тѣмъ, что ножъ трепанатора прокладывалъ себѣ дорогу на угадъ сквозь кожу и мышцы, которыми былъ покрытъ черепъ. Но здѣсь, какъ во всемъ, что касается хаотическаго культа населенія курганнаго царства, нужно сдѣлать добавленіе или исключеніе: на одномъ черепѣ височная чешуя вырѣзана цѣликомъ и такъ аккуратно, что верхней границей отверстія служитъ височный шовъ, лобная кость почти не задѣта, теменная затронута мало, и край ея, лежащій подъ верхнимъ краемъ височной чешуи, остался на нѣкоторомъ протяженіи не поврежденный; здѣсь приходится предположить не столько случайность, сколько трепанацію на сухомъ, обтлѣвшемъ черепѣ.

Если замѣченныя нами на черепахъ и приведенныя выше условія трепанаціи побуждаютъ насъ предположить, что трепанація въ большинствѣ случаевъ производилась *на головѣ*, а не на сухомъ черепѣ, то самъ собой является вопросъ, на живомъ ли человѣка или на головѣ трупа производилась эта операція. Можно безъ колебаній утверждать, что эта операція была смертельной: ни на одномъ изъ трепанированныхъ череповъ не было замѣтно заростанія краевъ кости или какой-нибудь реакціи костнаго вещества; сама величина височнаго отверстія, большею частью лежащаго на обѣихъ сторонахъ черепа, говоритъ въ пользу того же мнѣнія; если бы разсматриваемый нами видъ трепанаціи былъ представленъ на одномъ или на двухъ черепахъ,

---

[1]) Допускать здѣсь дѣйствіе долота, а не ножа, нельзя; во-первыхъ потому, что слѣдовъ частичнаго выбиванія кости мы на черепахъ не нашли, и что долото не могло представить собою *рѣжущаго* орудія, и во-вторыхъ потому, что долото можетъ примѣняться только въ цѣляхъ осторожности, о которой въ нашемъ случаѣ не могло быть рѣчи, такъ какъ эта трепанація была если не посмертной, то навѣрное смертельной.

Digitized by Google

то тогда еще оставалось бы мѣсто для сомнѣнія, не образчикъ ли это неудачнаго пріема трепанаціи надъ живымъ (съ лѣчебною цѣлью), но цѣлый рядъ дюжины череповъ исключаетъ подобное толкованіе.

Но признавать этотъ видъ трепанаціи „смертельнымъ“ и въ то же время допускать, что онъ производился надъ живыми, это значило бы признавать фактъ убиванія людей именно этимъ способомъ. Подобный случай кажется невѣроятнымъ, но все же слѣдуетъ сказать кое что и въ его пользу. Курганъ № 8 на Соляномъ озерѣ принадлежитъ къ группѣ „Чаатасъ“. Этимъ именемъ минусинскіе инородцы называютъ типичную группу кургановъ съ большими стоячими каменными плитами („ча-тасъ“ — на языкѣ минусинскихъ татаръ значитъ „камень войны“?); по словамъ А. В. Адріанова группа ча-тасъ состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ кургановъ и одного большаго, главнаго, стоящаго особнякомъ; въ одномъ изъ такихъ главныхъ кургановъ и были найдены трепанированные черепа; главный курганъ „чаатаса“ бываетъ богаче по содержанію, чѣмъ побочные, но существуетъ ли коренная разница между ними во внутреннемъ устройствѣ или погребальныхъ обрядахъ, сказать пока трудно; уже одинъ внѣшній видъ группы „ча-тасъ“ указываетъ на то, что здѣсь происходило погребеніе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ; были ли это похороны вождя, аналогичныя скиѳскимъ, или похороны павшихъ на войнѣ, на что указываетъ неизвѣстнаго происхожденія названіе ихъ словомъ „чаатасъ“, — рѣшить пока невозможно; но если допустить любой изъ этихъ возможныхъ случаевъ, то фактъ убиванія людей при похоронахъ не можетъ быть невѣроятнымъ: въ первомъ случаѣ мы здѣсь видѣли бы примѣръ довольно распространеннаго въ древнія времена обычая со смертью вождя убивать его женъ, приближенныхъ и слугъ, во второмъ случаѣ мы увидѣли бы весьма возможное у древнихъ обитателей Минусинскаго округа явленіе — убиваніе военно-плѣнныхъ. Однако разсужденія въ этомъ направленіи лишены болѣе или менѣе твердой почвы. Поэтому мы оставимъ мысль, что трепанація производилась надъ живыми, и признаемъ ее видомъ „посмертной“ трепанаціи, т.-е. что ее совершали надъ мертвыми. Это послѣднее предположеніе окажется гораздо болѣе вѣроятнымъ: дѣло въ томъ, что среди трепанированныхъ череповъ нѣсколько штукъ оказалось обдѣланными глиною, такъ какъ это было описано въ отдѣлѣ о маскахъ, и три черепа (№ 151, 159, 169) поверхъ сохранившагося на нихъ кое-гдѣ слоя глины имѣли слѣды слоя гипса; *трепанированныхъ череповъ со слѣдами исключительно гипсовой маски не было;* такимъ образомъ оказывается, что трепанированные черепа служили *иногда* объектомъ обряда масокъ и при томъ не чистаго обряда, а его варіаціи, описаніе которой привело насъ къ тому выводу, что черепа, подвергавшіеся отдѣлкѣ глиняной маской, должны были предварительно потерять отъ процесса гніенія мускулы и другіе покровы. Нужно замѣтить, что насъ привело къ этому выводу наблюденіе свойствъ, представленныхъ только нѣсколькими, а не всѣми черепами; это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ для упрека въ неправильныхъ умозаключеніяхъ. Какъ теперь совмѣстить это обстоятельство и то, что трепанація производилась надъ черепомъ, еще покрытымъ мускулами и кожею? Самое простое и легкое для насъ рѣшеніе состояло бы въ томъ, что покойнику вскорѣ

Digitized by Google

послѣ его смерти прорѣзывали виски (трепанировали), затѣмъ оставляли гдѣ-нибудь ожидать времени погребенія въ курганѣ, въ которомъ впослѣдствіи и погребали его трепанированный и обдѣланный маскою черепъ. (Всѣ данныя, которыя заключаются въ наблюденіяхъ надъ черепами, всѣ частныя сообщенія, сдѣланныя изъ этихъ наблюденій, — словомъ все, что приводитъ меня къ только что высказанной мысли, изложены въ настоящемъ докладѣ по возможности полно, и потому то или другое предположеніе мое по вопросу болѣе глубокому, а иногда очень трудному, конечно, ни для кого не обязательно, — поэтому я позволяю себѣ нѣсколько продолжить разсужденіе на затронутую тему.) Для чего же, спрашивается, нужно было трепанировать голову умершаго? Вообще трепанація могла производиться или 1) съ цѣлью полученія амулета, или 2) съ цѣлью дать возможность духу умершаго выйти наружу, или 3) для того, чтобы удалить, выпуть мозги, что могло имѣть различныя цѣли. Мы остановимся на послѣднемъ пунктѣ; дѣйствительно, височная область представляетъ самую слабую сторону черепа и при желаніи удалить мозгъ, не повреждая особенно цѣлости головы, всякій избралъ бы именно эту область; два височныхъ отверстія необходимы для полной очистки полости черепа отъ мозга, и величина ихъ подходитъ для этой цѣли; мозгъ могли удалять или для того, чтобы принести его въ жертву богамъ, или вообще для какихъ нибудь обрядовъ, вызываемыхъ культомъ, или же съ цѣлью дать возможность головѣ скорѣе превратиться въ скелетъ; послѣднее мнѣніе кажется довольно вѣроятнымъ: если трупъ до погребенія въ курганѣ лежалъ въ открытомъ полѣ и его объѣдали разныя животныя, какъ это мы видимъ на „кладбищахъ“ монголовъ, то черезъ нѣсколько недѣль онъ уже могъ превратиться въ чистый скелетъ, и только одинъ черепъ оставался надолго заполненнымъ гніющимъ веществомъ; если родственники умершаго имѣли въ виду похоронить кости его въ курганѣ, то они естественно могли натолкнуться на этотъ способъ подготовки трупа къ погребенію, а если они еще имѣли въ виду покрыть маскою его черепъ, то трепанація въ данномъ случаѣ, какъ средство очищенія черепа, становится еще болѣе вѣроятной. Какъ видно изъ описанія кургана Соляного озера, черепа были размѣщены въ немъ преимущественно по угламъ, иногда въ два ряда— одинъ на другомъ; схематическое изображеніе этого кургана напоминаетъ собою какую-то кладовую череповъ, другія кости лежатъ кучами или пластами, — эта картина еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь погребены были не трупы, а скелеты, отъ которыхъ черепа отдѣлились сами собою еще внѣ кургана; лежавшій въ полѣ костякъ или черепъ былъ какъ бы лишенъ всякой заботы со стороны родственниковъ, когда же наступала пора погребенія въ курганѣ, это, можетъ быть, большое торжество и цѣлое событіе для племени, тогда черепамъ отдавались всѣ попеченія, на которыя были способны люди этого времени.

Здѣсь интересно еще одно обстоятельство, что среди 17 достаточно сохранившихся трепанированныхъ череповъ 12 принадлежали мужчинамъ, одинъ женскій и 4 сомнительныхъ; маски тоже почти всѣ принадлежали женщинамъ, если считать только тѣ маски, которыя можно было отнести къ извѣстнымъ черепамъ; въ курганѣ Тагарскаго острова изъ 8 или 10 масокъ двѣ были женскія.

Digitized by Google

Встрѣчаясь среди многочисленныхъ раскопанныхъ кургановъ Минусинскаго округа съ двумя выдѣляющимися своимъ оригинальнымъ содержаніемъ, задаешься вопросомъ, не представляетъ ли собою эта группа людей особаго племени, особаго антропологическаго типа среди древняго курганнаго населенія. Конечно, подобный вопросъ не можетъ трактоваться здѣсь хотя бы съ нѣкоторою обстоятельностью, но я все-таки позволю себѣ привести нѣсколько цифровыхъ данныхъ преимущественно для лицъ, интересующихъ и слѣдящихъ за краніологической литературой [1]).

Горизонтальная окружность (А) для череповъ изъ кургана № 8 Соляного озера равна 522 (средніе для 19 чер.); для череповъ изъ кургановъ Тагарскаго острова А—515 (среди для 31), для всѣхъ же остальныхъ Минусинскихъ кургановъ гориз. окружн. равна 519 (для 41 измѣренія). Рядовое расположеніе этой окружности по предѣламъ выразится въ слѣдующей таблицѣ:

Предѣлы.	470—480	481—490	491—500	501—510	511—520	521—530	531—540	541—550	Всѣхъ.
Кург. № 8 Сол. оз.	—	—	3	—	5	6	3	2	19
Тагар. о-въ	2	3	2	4	6	12	1	1	31
Остальные	1	1	3	11	8	8	4	5	41
Всѣ	3	4	8	15	19	26	8	8	91

Черепной указатель $\left(\frac{Q}{L}\right)$ для 22 череповъ кургана № 8 Соляного оз. будетъ равенъ въ среднемъ 73,62; для 27 череповъ Тагарскаго о-ва $75,_{90}$ и для остальныхъ — $76,_{31}$ (среднее для 41 измѣр.).

Въ рядовомъ расположеніи указатель представится такъ:

Предѣлы.	$60,_{62}$	$64,_{58}$	66—68,00	68,00—70	70—72	72—74	74—76	76—78	78—80	80—82	82—84	84—86	86—88	88—90	90,55	Всѣхъ.
Сол. оз.	—	—	1	2	3	4	3	6	1	1	—	1	—	—	—	22
Тагар. о-въ	—	—	1	1	3	2	4	9	5	1	—	1	—	—	—	27
Остальные	1	1	1	—	6	8	5	6	4	3	3	—	2	—	1	41
Всѣ	1	1	3	3	12	14	12	21	10	5	3	2	2	—	1	90

[1]) Подробное изученіе всѣхъ курганныхъ череповъ Минусинскаго округа представитъ моя работа, которая будетъ издана Минусинскимъ мѣстнымъ Музеемъ.

Digitized by Google

Размѣры высотнаго указателя будутъ: $98,_{90}$ для 14 чер. Соляного озера; $91,_{49}$ для 18 чер. Тагарскаго о-ва, и $95,_{45}$ для 31 черепа изъ остальныхъ кургановъ; рядовое расположеніе высотнаго указателя будетъ:

	78,53	80,01—82	82—84,00	84—86	86—88	88—90	90—92	92—94	94—96	96—98	98—100	100—102	102—104	104—106	106—108	108—110	110—112	112,9	Всѣхъ.
Сол. оз.	—	1	—	—	—	—	—	1	3	2	1	2	—	1	1	2	—	—	14
Таг. о-въ.....	—	—	—	—	—	1	2	2	4	4	1	2	—	1	—	1	—	—	18
Остальн.	1	—	—	1	3	3	2	5	2	2	6	1	1	2	—	1	—	1	31
Всѣ.....	1	2	—	1	3	4	1	8	9	8	8	5	1	4	—	4	—	1	63

Я оставляю эти данныя безъ соотвѣтственныхъ поясненій и разбора и укажу только на одну сторону ихъ, что черепа изъ кургана Соляного озера по средней величинѣ черепного указателя представляютъ рѣзко выраженную долихоцефалію; такой длинноголовости не наблюдается ни у одного изъ многочисленныхъ преимущественно азіатскихъ народовъ, длинный списокъ которыхъ повторяется въ русской антропологической литературѣ. Слѣдовательно и въ антропологическомъ отношеніи, какъ и въ бытовомъ, Минусинскіе курганы представили намъ обособленный типъ народа.

Описанные въ настоящемъ сообщеніи обряды курганнаго населенія, а также его антропологическія особенности и характеристика, по скольку онѣ могутъ быть установлены посредствомъ изученія череповъ, пріобрѣтаютъ въ данномъ случаѣ еще большую цѣнность потому, что ихъ вѣроятно можно будетъ отнести къ опредѣленному народу, оставившему письменные памятники: по словамъ г. Адріанова руническія надписи Минусинскаго округа составляютъ почти исключительную принадлежность кургановъ группы „ча-тасъ“, и это обстоятельство имѣетъ величайшую важность, — оно даетъ не только возможность выдѣлить изъ кургановъ Минусинскаго округа тѣ, которые относятся къ древнему тюркскому народу, оставившему въ южной Сибири и въ Монголіи руническія надписи, но еще вѣроятно позволитъ на основаніи содержанія надписей объяснить многое неясное, что мы находимъ въ курганахъ и объясняемъ по своему. Матеріалъ же раскопокъ въ свою очередь можетъ быть раскроетъ ту или другую загадку въ содержаніи руническихъ памятниковъ [1]).

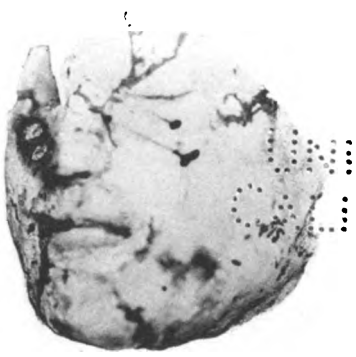
---

[1]) Руническая азбука впервые была установлена нѣсколько лѣтъ тому назадъ датскимъ ученымъ В. Томсеномъ, и отчасти академикомъ В. Радловымъ; послѣдній, какъ глубокій тюрколог, переводитъ теперь руническія надписи и издаетъ ихъ подъ названіемъ: „Die alttürkische Inschriften“; руны оказались древнѣе уйгурскихъ памятниковъ письменности. Исторію открытія рунъ, распространности ихъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія можно найти въ брошюрѣ г. Клеменца: „Сѣверо-азіятскія руническія письмена и чтеніе ихъ“. Иркутскъ, 1895 г.

Digitized by Google

Но будетъ ли часть матеріала раскопокъ пріурочена къ народу руническихъ надписей, разборъ которыхъ составляетъ великое событіе и злобу дня доисторической археологіи, или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ богатыя коллекціи предметовъ и череповъ изъ Минусинскихъ кургановъ и нѣкоторыя бытовыя черты, скрывавшіяся подъ курганной насыпью, даютъ цѣнный матеріалъ для этнологіи населенія бронзоваго вѣка въ Минусинскомъ округѣ. Это населеніе значительно интересуетъ насъ потому, что оно оставило послѣ себя слѣды довольно высокой культуры, и можно прибавить — культуры болѣе или менѣе оригинальной, обособленной: свѣдѣнія о курганахъ, раскопанныхъ въ другихъ областяхъ Азіатской Россіи, позволяютъ выдѣлить Минусинскій округъ въ курганный районъ особаго типа, и нѣкоторая замкнутость минусинской территоріи очевидно способствовала процвѣтанію культуры, которая является можетъ быть самымъ лучшимъ образчикомъ для обширнаго курганнаго пространства Азіи. На замкнутость Минусинскаго округа, особенно въ древнѣйшее время, указываетъ авторъ „Каталога Томскаго Археологическаго Музея“ В. М. Ф.; находя для этого округа въ древнія времена только два трудныхъ пути сообщенія съ окружающими пространствами Сибири и Монголіи, онъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ каталогу говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Нынѣшній Минусинскій округъ, столь изобилующій археологическими памятниками и находками представлялъ, *особый центръ* древняго курганнаго царства... По характеру и изяществу бронзовыхъ издѣлій минусинскія древности стоятъ выше Зап.-Сибирскихъ, хотя имѣютъ много общихъ типовъ...“ Эти строки были написаны лѣтъ 14 тому назадъ, и послѣдовавшія раскопки отчасти подтвердили мнѣніе автора, — описанные обряды погребенія, какъ гипсовыя маски и трепанація череповъ, составляющіе пока исключительную принадлежность Минусинскихъ кургановъ, на ряду съ другими сложными обрядами погребенія, говорятъ въ пользу самобытности и дѣйствительной оригинальности культуры, развернувшейся когда-то на почвѣ благодатнаго Минусинскаго края какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы, оставивъ намъ нѣмыхъ свидѣтелей своихъ, безслѣдно исчезнуть въ водоворотѣ доисторическаго теченія жизни. Но однихъ свидѣтелей ученые теперь уже заставили говорить, у другихъ они читаютъ въ глазахъ отраженіе былой жизни, и близко то время, когда древнее курганное царство будетъ покорено, завоевано наукою; въ началѣ списка лицъ, ведущихъ эту наступательную войну, стоятъ имена Александра Васильевича Адріанова, упорно добывающаго драгоцѣнные матеріалы, и Николая Михайловича Мартьянова, создавшаго и одухотворяющаго своею личностью славный Минусинскій Музей; труды ихъ на пользу мѣстной археологіи не могутъ не вызвать чувства полнаго уваженія и благодарности.

Digitized by Google



UNIV. OF CALIFORNIA

Digitized by Google

UNIV. OF
CALIFORNIA

Digitized by Google

О поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи.

Фонъ-Штернъ.

Совѣтъ X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ постановилъ въ засѣданіи своемъ 15 августа принять предложеніе профессора фонъ-Штерна Съѣзду — выработать циркулярное сообщеніе о поддѣлкѣ классическихъ древностей на югѣ Россіи для распространенія его во всѣхъ спеціальныхъ органахъ и общихъ журналахъ и поручить Императорскому Московскому Археологическому Обществу составленіе подобнаго циркуляра.

Это рѣшеніе совѣта Съѣзда вызвано было двоякаго рода соображеніями. Съ одной стороны Археологическій Съѣздъ не могъ не обратить вниманія на крайнее неотрадное явленіе, что фальсификація предметовъ классической древности приняла на югѣ Россіи въ послѣднее время весьма значительные размѣры. Между тѣмъ какъ еще лѣтъ 10—15 тому назадъ поддѣлки керченскихъ и ольвійскихъ древностей попадались довольно рѣдко, въ отдѣльныхъ экземплярахъ неважной работы, онѣ теперь, производимыя въ большемъ количествѣ, переполняютъ рынокъ и отличаются притомъ нерѣдко такимъ мастерствомъ въ отдѣлкѣ и въ концепціи, что ими уже введены были въ заблужденіе серьезные ученые и опытные коллекціонеры. Достаточно вспомнить о мнимыхъ обогащеніяхъ многихъ изъ нашихъ русскихъ собраній и о пріобрѣтеніи якобы ольвійскихъ золотыхъ вещей въ Краковѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Парижѣ, достаточно упомянуть о томъ, что маститый Эрнстъ Курціусъ призналъ золотую корону изъ коллекціи одного Николаевскаго собирателя настоящей древностью и что французскіе ученые съ жаромъ защищаютъ подлинность купленной для Лувра тіари Сантафарна, — чтобы убѣдиться въ томъ, что вопросъ о поддѣлкѣ южно-русскихъ древностей является въ настоящее время въ высшей степени жгучимъ и своевременнымъ для археологіи. Съ другой стороны совѣтъ Съѣзда, по обсужденію мѣръ, принимаемыхъ для прекращенія или по крайней мѣрѣ ограниченія дѣятельности поддѣлывателей, дошелъ до убѣжденія, что для него, какъ и для Археологическихъ Обществъ остается только одно средство, чтобы успѣшно бороться съ этимъ зломъ, а именно, придавать продѣлкамъ фальсификаторовъ какъ можно болѣе широкой гласности и этимъ предостерегать публику отъ покупки поддѣлокъ.

Digitized by Google

Во исполненіе даннаго ему поручения Императорское Московское Археологическое Общество сдѣлавъ необходимыя сообщенія въ спеціальные археологическіе органы, считаетъ нелишнимъ помѣстить статью проф. Штерна и въ Трудахъ Съѣзда.

Дѣятельность фальсификаторовъ весьма разнообразна и простирается на всѣ группы предметовъ, которыми интересуются археологи и собиратели: поддѣлываются монеты, росписныя вазы, терракотты, надписи и преимущественно золотыя вещи. Смотря по опытности, образованію и художественному вкусу поддѣлывателей, фальсификаты предметовъ только что перечисленныхъ категоріей бываютъ весьма различнаго достоинства: рядомъ съ весьма грубыми и наивными по техникѣ и концепціи работами встрѣчаются мастерски скомпанованныя и исполненныя поддѣлки, заслуживающія серьезнаго вниманія спеціалистовъ. Смотря дальше по болѣе или менѣе выгоднымъ условіямъ фабрикаціи и по спросу публики, фальсификаторы явно предпочитаютъ поддѣлываніе предметовъ (лишь) нѣкоторыхъ изъ названныхъ группъ, между тѣмъ какъ относительно другихъ ограничиваются лишь единичными попытками.

Въ виду этого въ настоящемъ сообщеніи не можетъ быть посвящено одинаковое вниманіе всѣмъ перечисленнымъ категоріямъ поводѣловъ. Предлагаемый здѣсь опытъ имѣетъ лишь цѣлью, съ оставленіемъ всякихъ деталей, въ самыхъ крупныхъ чертахъ отмѣтить важнѣйшія особенности главныхъ продуктовъ преступнаго промысла и представить бѣглую характеристику какъ общей дѣятельности фальсификаторовъ такъ и своеобразныхъ (ихъ) пріемовъ сбыта сфабрикованнаго ими товара.

1) Что касается поддѣлки монетъ греческихъ колоній черноморскаго побережья и босфорскаго царства, то можно здѣсь ограничиться немногими замѣчаніями. Дѣйствительно хорошихъ поддѣлокъ этихъ монетъ существуетъ вообще сравнительно немного, и лучшіе экземпляры, напр. монетъ босфорскихъ царей, сдѣланы за-границей, а не у насъ. Правда, лѣтъ 10—15 тому назадъ нашелся въ Керчи художникъ, поддѣлывавшій съ большимъ усердіемъ и умѣньемъ преимущественно серебряныя автономныя монеты Пантикапеи. Но эти такъ называемыя „Сазоновскія" монеты, которыя весьма тщательно были отчеканены, часто на древнемъ серебрѣ, и такъ художественно сработаны, что только нѣкоторая сухость рѣзца можетъ служить наиболѣе характернымъ признакомъ ихъ поддѣльности, теперь весьма рѣдко попадаются въ продажѣ. Тоже самое можно сказать о хорошо выполненныхъ мѣдныхъ Керкимишскихъ монетахъ, когда-то сфабрикованныхъ въ Евпаторіи; и ихъ образчики не замѣчаются болѣе въ обращеніи.

Работающая въ настоящее время съ такимъ успѣхомъ шайка фальсификаторовъ,— которую для краткости позволимъ себѣ по мѣстожительству двухъ дѣятельныхъ распространителей ея продуктовъ назвать Очаковской,— только одинъ разъ пробовала свои силы на поддѣлкѣ монеты, избравъ для этой цѣли съ большой ловкостью самый цѣнный, единственно извѣстный ольвійскій золотой статеръ. Недурная концепція рисунка и разныя детали, прибавленныя должно быть для увеличенія интереса, показываютъ, что шайка воспользовалась услугами человѣка, хорошо изучившаго монетное дѣло Ольвіи, но исполненіе работы оставляетъ въ техническомъ отношеніи пожелать многаго. Не лучше удались попытки отчеканить тѣмъ-же

Digitized by Google

штемпелемъ серебряныя монеты; тѣмъ не менѣе мошенники достигли своей цѣли: монеты эти нашли покупателей. Большинство же распространенныхъ у насъ поддѣльныхъ монетъ такъ грубо отлито, что едва-ли ими могутъ быть введены въ заблужденіе настоящіе нумизматы. Большое количество однако этихъ часто на рынкѣ попадающихся монетъ показываетъ, что существуетъ спросъ на нихъ; ихъ дешевизна повидимому часто соблазняетъ неопытныхъ коллекціонеровъ и любителей. Недавно еще полиціей открыта была въ домѣ тарутинскаго мужика цѣлая фабрика для изготовленія подобныхъ монетъ.

2) Также суммарно, какъ о поддѣлкѣ монетъ, можно было бы трактовать о современной фабрикаціи росписныхъ вазъ, еслибъ вопросъ о ней усложнялся въ самое послѣднее время. Если оставить въ сторонѣ тѣ частые случаи, что изъ ловко подобранныхъ обдѣланныхъ и дополненныхъ древнихъ черепковъ находимыхъ въ различное время и различныхъ мѣстахъ, составляются цѣльные сосуды, искусственно потомъ подмазанные и прикрашенные, — то въ области дѣйствительной поддѣлки до сихъ поръ возможно было различать въ общемъ два главныхъ типа. Къ одному принадлежатъ маленькіе чернолаковые арибаллы, лекиѳы, чаши и кувшинчики, въ большинствѣ случаевъ украшенные женскими головами или грифонами. Эти краснофигурныя изображенія отличаются плохо сдѣланными контурами и обнаруживаютъ нерѣшительную, какъ бы дѣтскую руку керамиста. Вмѣсто трудно подражаемаго античнаго лака, эти сосуды притомъ покрыты какимъ-то грубымъ фирнисомъ, а иногда прямо черной масляной краской. Ко второму типу относятся сосуды съ рельефными украшеніями и изображеніями. На одноцвѣтныя, чернолаковыя, новыя, или, часто даже древнія, вазы налѣпливаются, для увеличенія ихъ цѣнности, разныя рельефныя украшенія и фигуры, скомпаванныя иногда въ цѣлыя сценки. Прибавленіемъ богатой позолоты и вазной росписи этимъ продуктамъ придается довольно изящный на первый взглядъ видъ. Какъ на поучительные образчики подобной работы укажемъ на вазу въ коллекціи одного николаевскаго любителя и на амфору, находящуюся у одного одесскаго торговца древностями; послѣдняя представляетъ собою подраженіе знаменитой С.-Петербургской вазѣ съ изображеніемъ спора между Аѳиной и Посидономъ. При нѣкоторомъ вниманіи не трудно убѣдиться въ поддѣльности подобныхъ рельефныхъ сосудовъ. Грубое, совсѣмъ не античное исполненіе этихъ фигуръ выдаетъ неопытность современной руки. Въ самое послѣднее время и Очаковская шайка взялась за изготовленіе росписныхъ вазъ, преимущественно древне-греческихъ гидрей. Съ технической стороны всѣ эти появившіеся въ послѣднемъ мѣсяцѣ на южно-русскомъ рынкѣ древностей сосуды сработаны безупречно. Они сдѣланы изъ хорошей, сильно обожженной глины и покрыты лакомъ и росписаны изображеніями до второго обжиганія, такъ что лакъ не стирается спиртомъ. Задняя сторона всѣхъ этихъ гидрей украшена одной громадной пальметтой, и на всѣхъ изображена большая женская голова съ остроконечнымъ головнымъ уборомъ; образцомъ для этой пальметты, женской головы и самой формы сосуда служила повидимому хранящаяся въ Одесскомъ Музеѣ южно-итальянская гидрея изъ коллекціи графа Воронцова. Поддѣлыватели однако не довольствовались простымъ

Digitized by Google

копированіемъ этого образца, а по своему обыкновенію, старались прибавленіемъ занятныхъ по ихъ мнѣнію украшеній увеличить цѣнность предмета. Противъ всякой античной практики они всю площадь сосуда покрыли фигурными изображеніями, не обращая притомъ надлежащаго вниманія на различіе стилей вазовыхъ рисунковъ различныхъ эпохъ. Это смѣшеніе стилей — (рядомъ съ сравнительно поздними женскими головами встрѣчаются фигуры въ характерѣ работы V вѣка) служитъ лучшимъ доказательствомъ дерзкой поддѣлки.

3. Въ большемъ количествѣ, чѣмъ росписныя вазы новѣйшей фабрикаціи, встрѣчаются въ обращеніи у торговцевъ древностями, въ коллекціяхъ частныхъ собирателей и въ музеяхъ ученыхъ обществъ поддѣльныя терракоты. Мѣстомъ ихъ производства является Керчь, — ихъ фабрикантами мелкіе торговцы или простые „счастливчики", относительно которыхъ едва ли можно предполагать, чтобы они отличались утонченнымъ художественнымъ вкусомъ и хорошимъ техническимъ умѣньемъ.

Если ихъ продукты тѣмъ не менѣе распространены въ значительной массѣ, то это объясняется слѣдующими обстоятельствами. Во-первыхъ, извѣстно, что раскопанныя на югѣ Россіи терракоты бываютъ весьма различнаго достоинства: рядомъ съ фигурами, которыя по красотѣ и изящности могутъ поспорить съ настоящими танагрскими, встрѣчаются весьма грубыя неискусныя варварскія подражанія греческимъ образцамъ. Итакъ, довольно часто можетъ показаться сомнительнымъ, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ такимъ варварскимъ подражаніемъ или съ новѣйшей поддѣлкой. Какъ на главный признакъ различія можно указать, что при первыхъ замѣчается, несмотря на всю грубость исполненія, извѣстная творческая свѣжесть и, наивность концепціи, между тѣмъ какъ новѣйшія поддѣлки, въ общемъ, отличаются какой-то безхарактерной гладкостью и осторожностью въ проведеніи контурныхъ линій. Во-вторыхъ же способствуютъ сбыту сработанныхъ и по лучшимъ греческимъ образцамъ терракотъ, своеобразныя манипуляціи фабрикантовъ и торговцевъ.

Зная хорошо, что ихъ поддѣлки не могутъ достигать ни легкости вѣса, ни равномѣрности обжига настоящихъ терракотъ и въ виду этого желая замаскировать эти недостатки и придать имъ вполнѣ древній видъ, они часто разбиваютъ только что сфабрикованные статуетки и посуду въ формѣ звѣриныхъ или человѣческихъ тѣлъ на мелкіе куски, склеиваютъ ихъ потомъ, вставляютъ еще хуже обожженые обломки, подкрашиваютъ ихъ разными составами, замазываютъ ихъ известью и въ такомъ „реставрированномъ видѣ" выпускаютъ въ продажу. Такъ какъ въ такой предлагаемой для покупки коллекціи находятся всегда для отвода глазъ нѣсколько настоящихъ древностей, то торговцы весьма часто достигаютъ своей цѣли, и только впослѣдствіи при продолжительномъ разсмотрѣніи пріобрѣтенныхъ фигуръ и сравнительномъ анализѣ ихъ стиля возникаютъ сомнѣнія въ ихъ подлинности. Фальсификаторы впрочемъ не задаются цѣлью создавать новые типы или придумывать весьма мудреныя и рѣдкія формы для своихъ элаборатовъ; они ограничиваются главнымъ образомъ воспроизведеніемъ уже извѣстныхъ образцовъ и предпочитаютъ особенно маски, гротески и статуэтки одѣтыхъ женскихъ фигуръ. Если имѣть сообщенныя здѣсь указанія въ виду, то

Digitized by Google

путемъ сравнительно-стилистическаго анализа, и внимательнаго техническаго изученія данныхъ фигуръ въ большинствѣ случаевъ удается дойти въ вопросѣ о подлинности или поддѣльности до прочныхъ результатовъ.

4) Опаснѣе въ научномъ отношеніи, чѣмъ эта фабрикація терракотъ, является поддѣлываніе надписей. Отсылая читателей за подробностями къ статьямъ В. В. Латышева и Д. Р. фонъ-Штерна, посвященнымъ вопросу о поддѣлкѣ надписей на югѣ Россіи, ограничимся здѣсь немногими замѣчаніями. За малочисленными исключеніями, вся фабрикація надписей сосредоточена въ рукахъ очаковской шайки поддѣлывателей. Первыя ихъ попытки были сравнительно невелики: на свинцовыхъ и аспидныхъ дощечкахъ, а затѣмъ и на маленькихъ плиткахъ итальянскаго мрамора вырѣзывались въ пестрой смѣси всевозможныя монограммы, безсмысленныя лигатуры и греческія буквы различныхъ періодовъ, рѣдко сочетаемыя въ правильные слоги. Если-бъ не удалось какому-то ловкому члену этой шайки во время раскопки могилы, произведенной въ присутствіи одного извѣстнаго южно-русскаго коллекціонера, подсунуть незамѣтнымъ образомъ такую плитку подъ голову скелета, то едвали эти загадочныя надписи, изготовленныя въ изрядномъ количествѣ, такъ долго волновали бы умы ученыхъ; неожиданность или появленія и ловкія манипуляціи продавцовъ объясняютъ первоначальную удачу обмана. Съ начала девяностыхъ годовъ Очаковское товарищество упрочило за собою содѣйствіе болѣе опытныхъ эпиграфистовъ. Въ элаборатахъ главнаго ихъ сотрудника замѣчается послѣдовательный и быстрый прогрессъ, такъ что на первыхъ порахъ плоды его фантазіи должны были считаться и считались интересными и важными историческими документами. На древнихъ мраморныхъ плитахъ, пріобрѣтенныхъ въ Керчи и Ольвіи, весьма тщательно вырѣзывались длинные, связные греческіе тексты. Характеръ разъ избраннаго шрифта строго выдержанъ, и съ большимъ умѣньемъ всякій разъ примѣненъ подходящій къ періоду описываемыхъ событій шрифтъ; въ эпиграфическомъ отношеніи надписи почти безукоризнены. Конечно попадающіяся въ нихъ странности и ошибки должны были поражать спеціалистовъ, но такъ какъ и настоящія ольвійскія надписи не безгрѣшны, то нельзя было на одномъ этомъ основывать окончательный приговоръ. Только съ увеличеніемъ матеріала дана была возможность сравнительнаго изученія, которое въ вопросѣ о подложности повело къ прочнымъ результатамъ. Оказывается, что эти надписи представляютъ собой композиціи на заимствованные мотивы; онѣ состоятъ по большей части изъ фразъ, взятыхъ изъ различныхъ настоящихъ надписей, но такъ умѣло склеенныхъ, что получается связный и интересный текстъ. Ихъ авторъ знакомъ хорошо съ эпиграфической литературой, и имѣетъ порядочныя свѣдѣнія въ области древней исторіи и топографіи нашего Черноморскаго побережья — но онъ успѣлъ позабыть школьную грамматику греческаго языка. Вѣрное образованіе падежей, сочетаніе ихъ съ предлогами и управленіе падежей въ зависимости отъ глаголовъ составляютъ для него характерный камень преткновенія.

По весьма понятнымъ причинамъ въ послѣдніе два года поддѣльныя надписи на южно-русскомъ рынкѣ древностей не появлялись больше. Очаковская шайка однако не прекратила своей дѣятельности, она напротивъ продолжала ее въ широкихъ раз-

Digitized by Google

мѣрахъ, но сосредоточила ее главнымъ образомъ на болѣе выгодной для нея подделкѣ золотыхъ вещей, конечно и раньше уже практиковавшейся.

5) Опредѣлить съ точностью годъ или даже десятилѣтіе, когда на югѣ Россіи приступили къ поддѣлыванію античныхъ золотыхъ вещей, едва ли возможно. Слѣдуетъ ограничиться общимъ замѣчаніемъ, что въ тѣхъ коллекціяхъ древнихъ золотыхъ вещей, которыя составлены были до восьмидесятыхъ годовъ, встрѣчается сравнительно мало фальсификацій, и что первыя поддѣльныя золотыя вещи сработаны въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ.

Съ восьмидесятыхъ годовъ поддѣлки уже чаще попадаются на рынкѣ древностей и съ тѣхъ поръ фабрикація ихъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Къ начальному періоду этого усиленнаго производства относится серія вещей, пожертвованныхъ Одесскому Музею однимъ извѣстнымъ археологомъ и любителемъ. Въ числѣ этихъ предметовъ обращаетъ на себя вниманіе золотая пластинка, на которой плоскимъ рельефомъ изображена миѳологическая сценка, скомпанованная изъ двухъ довольно распространенныхъ мотивовъ. Точно такая же пластинка находится въ Петербургѣ, въ частномъ собраніи, и третья, немного иной формы, но украшенная тѣмъ же, одинакимъ образомъ вычеканеннымъ изображеніемъ, недавно была пріобрѣтена въ Екатеринославѣ однимъ одесскимъ торговцемъ древностей. Мы остановились на этой сравнительно немаловажной серіи, потому что она является типичной въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ мѣстомъ ихъ мнимаго нахожденія называется Ольвія. Тоже самое повторяется при всѣхъ дальнѣйшихъ фальсификаціяхъ — и это не случайное обстоятельство. Помимо тѣхъ, что главные распространители этихъ поддѣлокъ живутъ въ Очаковѣ, верстахъ въ тридцати отъ древней Ольвіи, именно при нынѣ существующихъ условіяхъ сообщенія и культуры, которыя почти исключаютъ возможности справокъ и разслѣдованій на мѣстѣ, удобнѣе всего приписывать находки подобныхъ предметовъ этой древне-греческой колоніи. Во-вторыхъ, какъ упомянутая бляшка изготовлена была въ трехъ экземплярахъ, такъ вообще характерно для элаборатовъ очаковской шайки, что они распространены въ нѣсколькихъ, только иногда слегка измѣненныхъ изданіяхъ. Такъ напр. пущены въ оборотъ 2 одинаковыхъ коробочки (въ Одесск. Музеѣ), 2 золотыхъ короны въ видѣ гладкаго обруча съ тисненными узорами и пальметтами (одна въ Севастополѣ, другая во владѣніи торговца), 2 почти одинаковыхъ золотыхъ маски (въ Франкфуртѣ и Краковѣ), 2 пары золотыхъ сандалій (въ Краковѣ и въ коллекціи извѣстнаго русскаго археолога), 2 пары серегъ въ формѣ дельфина (въ Николаевѣ и Одессѣ), нѣсколько одинаковыхъ амфорчиковъ, браслетовъ и т. д. и т. д.

Перечислять и описывать всю массу извѣстныхъ до сихъ поръ поддѣлокъ и распространяться о своеобразныхъ пріемахъ ихъ сбыта, значило бы слишкомъ расширить рамки настоящаго сообщенія; отсылая читателей за подробностями къ статьямъ А. Л. Бертье-Делагарди и Э. Р. фонъ-Штерна, ограничимся здѣсь общими указаніями наиболѣе характерныхъ чертъ всей этой фабрикаціи поддѣльныхъ золотыхъ вещей. Прежде всего надо сказать, что и въ этой отрасли преступной дѣятельности очаковской шайки замѣчается быстрый прогрессъ. Разница въ смыслѣ усовершенствова-

Digitized by Google

нія техники и художественной конценціи между первыми ея работами и короной въ Николаевѣ или статуеткой крылатой Ники и франкфуртскимъ ожерельемъ не меньше, чѣмъ между этими послѣдними элаборатами и „ольвійскими“ сокровищами въ Луврѣ. Въ техническомъ отношеніи всѣ болѣе замѣчательные продукты этой фабрики сработаны весьма тщательно; между тѣмъ какъ при первыхъ издѣліяхъ припайка скани, зерна и филиграна отличается болѣе блѣднымъ цвѣтомъ, впослѣдствіи въ этомъ отношеніи работа золотыхъ дѣлъ мастера стала безукоризненной: припайку ни по цвѣту, ни по виду отличить невозможно. Характерно для этихъ фальсификацій, что ихъ мастеръ старается употреблять какъ можно больше излишняго матеріала. Почти во всѣхъ поддѣльныхъ ожерельяхъ и во многихъ серьгахъ встрѣчаются такія античныя частички, — золотыя бусы, подвѣски разныхъ формъ, медальоны, — которыя такъ часто вводятъ въ заблужденіе покупателей; кромѣ того охотно имъ вставляются подлинныя стеклышки, алмадины и другіе древніе камни, столь легко и обильно добываемые въ Керчи отъ разныхъ пронизей и перстней. Въ этомъ отношеніи фабриканты даже слишкомъ далеко заходятъ; такъ напр., изобиліе дешевыхъ стеклянныхъ подвѣсокъ при ожерельѣ въ Луврѣ и вставленныя стеклышки въ корону изъ коллекціи николаевскаго любителя между прочимъ уже могутъ служить признакомъ поддѣльности этихъ вещей. Дальше замѣчательно, что большая часть поддѣлокъ, въ подражаніе подлиннымъ вещамъ извѣстнаго періода, покрыта красною патиною. Но эта патина положена болѣе толстымъ и неровнымъ слоемъ, чѣмъ она бываетъ на настоящихъ вещахъ, и притомъ легко совсѣмъ стирается, между тѣмъ какъ она на древнемъ золотѣ, хотя и также непрочна, однако мѣстами крѣпко держится, какъ бы впилась въ самый металлъ. Потомъ заслуживаетъ вниманія, что всѣ болѣе крупные предметы очаковской фабрики изукрашены для увеличенія интереса надписями. Одинъ разъ одна и та же надпись встрѣчается на двухъ предметахъ — на коронѣ въ Николаевѣ и на золотомъ блюдѣ въ Херсонѣ; въ общемъ для каждой вещи сдѣланы и соотвѣтствующія ея назначенію надписи. Какъ доказываютъ ихъ характерныя особенности, — невѣрное образованіе падежей, ошибки противъ правилъ согласованія, напр. на маскахъ въ Краковѣ и Франкфуртѣ, на коронѣ въ Николаевѣ и т. д. — онѣ составлены тѣмъ же авторомъ, который является сочинителемъ наилучшихъ поддѣльныхъ надписей на мраморѣ. Что касается наконецъ художественной конценціи и умѣнья фальсификатора, то можно сказать, что изготовленныя имъ изобрѣтенія и рисунки тѣмъ лучше, чѣмъ ближе онъ придерживается античныхъ образцовъ. Правда и въ такомъ случаѣ иногда дѣло не обходится безъ недоразумѣній. Копія аттическаго вазоваго рисунка изъ „Denkmaler Baumeister'a“ на діадемѣ въ Николаевѣ или голова горгоны на коронѣ изъ той же коллекціи могутъ служить краснорѣчивыми примѣрами въ этомъ отношеніи. Но въ общемъ эта композиція на заимствованные мотивы нарисована и исполнена весьма недурно; но какъ только фальсификаторъ довѣряетъ своимъ собственнымъ силамъ и преподноситъ плоды своей фантазіи, античный характеръ и стиль не выдержаны и допущены всевозможныя странности и промахи. Въ тѣсной связи съ этимъ находится, что фальсификаторъ имѣетъ довольно слабое представленіе о стилѣ искусства опредѣленнаго періода.

Digitized by Google

Прямымъ слѣдствіемъ этого недостатка является, что онъ даже на самомъ удачномъ своемъ произведеніи—тіарѣ Сентафарна—не сумѣлъ избѣжать изображенія стилистически не соединимыхъ орнаментовъ и типовъ.

Изъ представленныхъ здѣсь суммарныхъ наблюденій можно вывести заключеніе, что главой и душой Очаковской шайки является человѣкъ съ нѣкоторымъ образованіемъ. Онъ обладаетъ несомнѣнными свѣдѣніями въ области археологіи, добытыми можетъ быть путемъ собиранія южно-русскихъ древностей; въ его распоряженіи находится и порядочная библіотека; сочиненія Бурачкова, сборникъ Латышева, древности Толстаго и Кондакова, изданія Археол. Комиссіи, „Denkmäler Baumeister'a", „Bilderatlas zur Weltgeschichte" Wiener'a (Taf. 17—23) и т. д. служатъ его настольными книгами. Но его познанія въ области теоріи искусствъ и исторіи стилей слабы и школьную грамматику греческаго языка онъ успѣлъ позабыть. Придерживаясь рамокъ циркулярнаго сообщенія, мы должны были ограничиться этими общими указаніями и намеками; надѣемся, что и ихъ достаточно, чтобы заставить любителей и коллекціонеровъ быть осторожными и обратить должное вниманіе на поддѣлку классическихъ древностей на югѣ Россіи. Только при такомъ вниманіи и достижимо ограниченіе преступной дѣятельности фальсификаторовъ.

Digitized by Google

Къ вопросу о происхожденіи имени „Русь".

Ю. Якубовъ.

Въ обширной научной литературѣ о началѣ Русскаго государства вопросъ о происхожденіи имени „Русь" занимаетъ, какъ извѣстно, довольно видное мѣсто и рѣшался разными учеными различнымъ образомъ, въ тѣсной связи съ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ самаго главнаго вопроса. Имя это производили отъ названія приморской области въ Швеціи Roslagen (Шлецеръ, Розенкампфъ, Карамзинъ, Погодинъ и др.), отъ области при Ботническомъ заливѣ Ryssaland (Бутковъ), отъ области Rossengau (Крузе), отъ области Рустрингіи (Гольманъ) [1]) и т. д. Проф. Будиловичъ въ сообщеніи, сдѣланномъ на VIII археологическомъ съѣздѣ, производилъ названіе „Русь" отъ готской области Рось-Готаландія. Наконецъ Д. И. Иловайскій, совершенно отвергающій лѣтописное извѣстіе о призваніи князей, ставитъ имя „Русь" въ связь съ названіями рѣкъ „Рось" и „Русь" и съ названіемъ упоминаемаго у древнихъ писателей народа Роксаланъ [2]).

Между учеными, признающими въ общемъ достовѣрность извѣстія нашей начальной лѣтописи объ основаніи Русскаго государства, за послѣднее время, можно сказать, утвердилось мнѣніе, по которому, во-первыхъ, имя „Русь" ставится въ связь съ финскимъ словомъ Ruotsi (у Эстовъ Rootsi), употребляемомъ у нынѣшнихъ Финновъ (западныхъ) для обозначенія Швеціи и Шведовъ, и, во-вторыхъ, самое финское названіе производится отъ общины гребцовъ rods-män, rods karlar, жившихъ на шведскомъ берегу Балтійскаго моря, въ области Рослагенъ (Roslagen, Rodslagen) и предпринимавшихъ походы на восточный берегъ Балтійскаго моря, въ земли, населенныя Финнами и Славянами.

Первая половина этого мнѣнія, особенно подробно развитаго послѣ академика Купика [3]) въ новѣйшее время датскимъ ученымъ Томсеномъ [4]), едва ли можетъ возбуждать сомнѣнія, если только вообще признавать достовѣрность извѣстія о при-

---

[1]) Шлецеръ, „Несторъ" въ русск. переводѣ Языкова, ч. I, стр. 137; Розенкампфъ, „Обозрѣніе Кормчей Книги", стр. 248 и слѣд. Погодинъ, „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи", т. II, стр. 142 и слѣд.

[2]) Д. Иловайскій, „Разысканія о началѣ Руси", стр. 66—74.

[3]) Въ сочиненіи „Die Benufung der Sshvedischen Rodsen durch Finen und Slaven", 1844—1845.

[4]) См. его сочиненіе „Ryska rikets grundläggning" („Основаніе русскаго государства"), Stockholm, 1882.

Digitized by Google

шломъ заморскомъ племени Русь. Заимствованіе имени „Русь“ Славянами у западныхъ Финновъ представляется, въ такомъ случаѣ, правдоподобнымъ и естественнымъ, такъ какъ несомнѣнно, что западные Финны раньше восточныхъ Славянъ поселились у береговъ Балтійскаго моря и вошли въ сношенія съ Норманнами. Особенно убѣдительно подтверждается это наблюденіями финнологовъ надъ составовъ западно-финскихъ нарѣчій и вліяніемъ на эти нарѣчія со стороны другихъ языковъ. Оказывается, что вліяніе древне-скандинавскаго языка на языкъ западныхъ Финновъ было раньше вліянія славянскаго языка и началось въ то время, когда западные Финны еще жили вмѣстѣ, т.-е. не успѣли раздѣлиться на отдѣльныя племена [1]); слѣдовательно Финны раньше Славянъ узнали Норманновъ, путешествія которыхъ къ восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря и въ нынѣшнюю Россія начались задолго до основанія Русскаго государства.

Но что̀ касается второй половины вышеприведеннаго мнѣнія — по вопросу о производствѣ самого финскаго слова Ruotsi, то трудно удовлетворится тѣмъ рѣшеніемъ, какое предлагаетъ Томсенъ, а вслѣдъ за нимъ и многіе другіе современные ученые. Трудно допустить, справедливо замѣчаетъ и академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, чтобы названіе народа могло происходить отъ общины гребцовъ. „Еще неизвѣстно, прибавляетъ онъ, точно ли финское слово не имѣетъ другого происхожденія [2]).

Весьма любопытное указаніе въ этомъ отношеніи сдѣлано было еще въ 1871 году покойнымъ профессоромъ Гельсингфорскаго университета, Юліусомъ Крономъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ финской народной поэзіи и финскихъ нарѣчій. Къ сожалѣнію, указаніе это тогда не обратило на себя должнаго вниманія, вѣроятно, потому, что замѣтка Крона помѣщена была въ малоизвѣстномъ финскомъ литературномъ журналѣ „Kirjallinen Kuukauslehti“ („Ежемѣсячный Литературный Журналъ“). Не говоря уже о русской исторической литературѣ, которая очень слабо связана съ шведско-финской литературой и почти не имѣетъ о ней свѣдѣній, даже среди самихъ финляндскихъ ученыхъ замѣтка Крона прошла, повидимому, незамѣченной и не вызвала никакихъ возраженій или разъясненій. Нужно замѣтить, что финляндскіе историки, касаясь въ своихъ трудахъ вопроса объ основаніи русскаго государства (и въ особенности объ участіи, какое принимали финскія племена въ этомъ событіи), вообще принимаютъ норманскую теорію въ томъ видѣ, какъ она изложена въ послѣднее время Томсеномъ [3]). Одинъ изъ новѣйшихъ финляндскихъ изслѣдователей, г. Снельманъ, въ своей книгѣ „Itämeren Suomalaiset itsenäisyytensä aikana“ („Прибалтійскіе финны во времена своей самостоятельности“), появившейся въ Гельсингфорсѣ въ 1894 году, приводя изслѣдованія Томсена, высказываетъ даже, что варяжскій вопросъ этими изслѣдованіями можно считать рѣшеннымъ. Впрочемъ и онъ мнѣніе Томсена о производствѣ слова Ruotsi отъ ropsmaen, rops-karlar (гребцы) приводитъ съ

---

[1]) Гельсингфорскій профессоръ Доннеръ насчитываетъ общихъ заимствованій изъ древне-скандинавскаго языка въ финскомъ, эстонскомъ и ливскомъ языкахъ до 27. Начало скандинавскаго вліянія на эти языки онъ относитъ къ V стол. до Р. Хр. См. сборникъ „Suomen Kirjallisuuden Seuran Vüsikymmenvuobinen Jahla“ („Пятидесятилѣтній юбилей финскаго литературнаго общества“) стр. 228—229.

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, „Русская Исторія“, т. I. стр. 93.

[3]) См. напр., Коскинена (Форсмана) „Исторія финскаго народа“ („Suomen Kansan historia“), Шюбергсона „Исторію Финляндіи“ („Finlands historia“) и др.

Digitized by Google

нѣкоторымъ колебаніемъ, хотя, въ то же время, почему то положительно заявляетъ, что имя Ruotsi не финскаго происхожденія [1]). Но Ю. Кронъ (о мнѣніи котораго и онъ тоже ничего не упоминаетъ) весьма убѣдительно, какъ намъ кажется, пытается доказать именно чисто-финское происхожденіе этого слова, и весьма желательно было бы, чтобъ знатоки финскихъ нарѣчій обратили вниманіе на его объясненіе и высказались, насколько основательны его филологическія соображенія.

Приводимъ, въ виду этого, здѣсь замѣтку Крона цѣликомъ въ переводѣ съ финскаго языка изъ журнала „Kirjallinen Kuukauslehti (за 1871 годъ, стр. 136), съ нѣкоторыми поясненіями:

„Что значитъ названіе Ruotsi? Названіе это производятъ обыкновенно отъ имени шведской провинціи Roslagen, ближайшей къ Аландскимъ островамъ, и полагаютъ, что названіе ея сдѣлалось у насъ (т.-е. у финляндскихъ Финновъ) названіемъ всей страны (Швеціи), подобно тому какъ изъ названія Viro [2]) возникло названіе всей Эстляндіи. Но нѣкоторыя сохранившіяся въ эстонскомъ языкѣ рѣченія указываютъ, повидимому, на иное происхожденіе. Словомъ Rootsi veri (см. эстонскій словарь Видемана, столбецъ 1490) у Эстовъ обозначается то же явленіе, которое мы называемъ: Rohjan palo, Reuvon, Revon или Ruijan tulet [3]). Точно также выраженіе: Rootsi hobu употребляется какъ названіе Малой Медвѣдицы (созвѣздія въ сѣверной части неба) и для обозначенія сѣвернаго направленія. Наконецъ, въ-третьихъ, Норвегію, сѣверная часть которой у насъ носитъ имя Ruija, Эстонецъ называетъ: vana Rootsi (старая Rootsi). Сама собою возникаетъ отсюда мысль, что Ruotsi и Ruija — одно и тоже. Но допускаютъ ли законы фонетики такое тожество? Допускаютъ и, можно сказать, положительно требуютъ. Въ Финляндіи, напримѣръ, слово muija (женщина, жена), которое въ Русской Кореліи и у Эстонцевъ имѣетъ первоначальную форму mutso, показываетъ, что *ts* смягчается въ *ij*. Такое же, хотя дошедшее только ещс до половины смягченіе обнаруживаютъ однозначущія въ эстонскомъ языкѣ слова: rudsuma и rudjuma, по-фински: painaa, rutistaa (давить, сдавливать). Такое же тожество существуетъ между эссонскимъ kaatsas и нашимъ kaatio [4]). Затѣмъ, что *uo* и краткое *u* могутъ чередоваться, это доказываютъ въ финскомъ языкѣ многіе примѣры: kuomu и kumu—одно и тоже (стукъ, грохотъ), точно также—kuoma (въ сказкахъ Русской Кареліи) и kummi (кумъ), puohtaa и pohtaa (взбалтывать). Наконецъ, есть въ эстонскомъ языкѣ слово roots, genitivus rootsu (похудѣвшее животное), которое, очевидно, представляетъ древнѣйшую форму нашего слова rujo (то же значеніе). Въ обоихъ этихъ словахъ видимъ тѣ же самыя измѣненія согласныхъ и гласныхъ, какъ и въ словахъ Ruotsi и Ruija. Такимъ образомъ Ruotsi есть, повидимому, финское названіе Скандинавіи и означаетъ, очевидно, если мы обратимъ вниманіе

---

[1]) A. H. Snellman, „Itämeron Suomalaiset itsenäijyytensä aikana", стр. 62—63.

[2]) Эстляндія у финляндскихъ финновъ называется теперь Viro, а эстонцы — Virolaiset. Раньше же это названіе означало лишь часть Эстляндіи.

[3]) Финскія названія сѣвернаго сіянія: pohja — сѣверъ, palo—пламя; Ruija употребляется теперь въ языкѣ финляндскихъ финновъ какъ названіе области на сѣверѣ Скандинавіи; tuli (множ. число tulet) — огонь.

[4]) Kaatio (и эстонск. kaatsas)—названіе одежды, „полуштаны".

Digitized by Google

на то, что это слово употребляется о созвѣздіи Сѣверной Медвѣдицы, — сѣверную страну. Оно, какъ видимъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ по значенію народному названію Скандинавовъ, которые были Норманны (сѣверные люди) и говорили на норренскомъ языкѣ".

Итакъ, сущность мнѣнія Ю. Крона сводится къ тому, что имя „Русь" есть просто финскій переводъ имени „Норманнъ". Нельзя не признать, что такое объясненіе, если только вѣрна его филологическая основа, всего проще и яснѣе разрѣшаетъ загадочный и запутанный вопросъ. Остается, правда, тогда не выясненнымъ, откуда собственно прибыла призванная сѣверными Славянами и Финнами Русь; но зато, при допущеніи гипотезы Ю. Крона, лѣтописное извѣстіе о призваніи изъ-за моря Варяговъ-Руси-Норманновъ легче можно согласовать и съ тѣмъ мнѣніемъ, по которому въ составъ призванной дружины могли входить не одни только Шведы, но и жители прочихъ прибалтійскихъ странъ, а въ томъ числѣ и Славяне.

Къ доводамъ Ю. Крона можемъ добавить со своей стороны, что въ финской поэмѣ „Калевалѣ" мы нашли форму Rutja во встрѣчающемся нѣсколько разъ выраженіи Rutjan koski (водопадъ Рутья [1]). Какъ видно изъ пояснительнаго словаря къ „Калевалѣ", изданнаго финскимъ литературнымъ обществомъ, форма Rutja по значенію соотвѣтствуетъ формѣ Ruija (т.-е. означаетъ тоже въ нынѣшнемъ языкѣ финляндскихъ Финновъ сѣверную Норвегію) и составляетъ, такимъ образомъ, переходную форту между указываемыми Ю. Крономъ видоизмѣненіями одного и того же корня Ruotsi и Ruija.

---

[1]) См. „Kalevala", изданіе финскаго литературнаго общества, Гельсингфорсъ, 1877 г., пѣснь 12, стихъ 473 и пѣснь 17, стихи 233, 423 и 570. Въ концѣ изданія пояснительный словарь.

[2]) См. тамъ же, стр. 379.

Digitized by Google

Вопросъ о Финикіянахъ въ Балтійскомъ морѣ.

Б. Тураевъ.

Къ числу наиболѣе темныхъ пунктовъ исторіи древняго міра слѣдуетъ причислить вопросъ о географическихъ предѣлахъ непосредственныхъ морскихъ и торговыхъ сношеній Финикіянъ. Мы знаемъ, правда, что въ сферу ихъ торговли входилъ весь тогдашній культурный міръ и даже многія страны, лежавшія за его предѣлами, но какъ далеко заходили ихъ морскія экспедиціи и какую область захватывала ихъ прямая торговля—вотъ вопросы, которые возбуждаютъ глубокій интересъ, но на которые весьма трудно дать опредѣленные отвѣты. До сихъ поръ продолжаетъ возбуждать сомнѣнія и вызывать новыя попытки притти къ опредѣленнымъ результатамъ вопросъ о положеніи Офира — восточнаго предѣла ихъ торговой державы [1]); недавно только помирились съ фактомъ, что южнымъ предѣломъ ихъ экспедицій былъ мысъ Доброй Надежды [2]); что же касается запада и сѣвера, то здѣсь дѣло обстоитъ еще хуже: не дальше, какъ 22 года тому назадъ такой органъ, какъ Zeitschrift der Deutschen Morgenländische Gesellschaft находилъ возможнымъ открывать свои страницы для разбора поддѣльныхъ финикійскихъ надписей, найденныхъ въ Бразиліи [3]); во всякомъ случаѣ, на счетъ дѣйствительнаго предѣла финикійскихъ путешествій въ Атлантическомъ океанѣ и сѣверныхъ моряхъ существуютъ только гипотезы. При утратѣ туземной литературы и необходимости довольствоваться поздними компиляціями греко-римскихъ писателей, нѣкоторое пособіе могутъ оказывать лишь вещественные памятники-предметы торговли, получавшіеся Финикіянами и, въ свою очередь, ввозимые ими. Для сѣвера Европы такими предметами, привлекавшими предпріимчивыхъ семитовъ, по единогласному свидѣтельству древности, были олово

---

[1]) *Peters*. Das goldene Ophir Salomos. Eine Studie zur Geschichte der phönikischen Weltpolitik. München, 1895. *Feigl*. Das Goldland Ophir. *Oesterreichische Monatschrift für den Orient*. 1896, 76 сл.

[2]) *W. Müller*. Die Umsegelung Africas durch phönikische Schiffer. Rathenow 1894.

[3]) *Schlottmann*. Die Sogenannte Inschrift von Parahyba. XXVIII, 481. Находили «финикійскія» надписи и на сѣверѣ Европы. Въ 1878 г. Вѣнское Антропологическое Общество поручило проф. А. Мюллеру въ Ольмюцѣ заняться надписью на кускѣ янтаря, найденномъ въ Ольденбургскомъ герцогствѣ и хранящемся въ велико-герцогскомъ собраніи. Мюллеръ не нашелъ препятствія къ признанію финикійскаго происхожденія и разобралъ: «Іатху прокололъ..... Тиръ». *(Mittheilungen der anthropolog. Gesellsch. zu Wien. VII (1878), 239)*. Трудно сказать, что это за надпись: поддѣльная или руническая. Во всякомъ случаѣ издатели Corpus Inscr. Semiticarum прошли ее молчаніемъ.

Digitized by Google

и янтарь. Этимъ-то продуктамъ и обязанъ сѣверъ Европы своими первыми связями съ культурнымъ міромъ.

Если мы теперь заглянемъ въ исторію науки, то увидимъ, что наиболѣе авторитетные изъ старыхъ ученыхъ относились къ интересующему насъ вопросу крайне осторожно. Такъ, отецъ финикійскихъ студій — Бохартъ, пріискавшій семитическія этимологіи для Британніи и Ѳулэ, не дерзнулъ пускаться въ Ютландскіе проливы, чтобы отыскивать къ востоку отъ нихъ финикійскіе слѣды; равнымъ образомъ и Моверсъ, при всей той легкости, съ какой ему удавалось отыскивать на югѣ финикійскія колоніи и ихъ торговые пути, ограничивается относительно сѣвера замѣткой, что онъ представляетъ обширное поле для предположеній. „Но мы не будемъ вступать на него", продолжаетъ онъ: „прибавимъ только, что Финикіяне, вѣроятно, очень рано завели правильныя сношенія изъ Гадъ съ Британскими островами, а Карѳагеняне, впослѣдствіи, дали этому дѣлу новую организацію, основавъ подъ начальствомъ Имилькона новыя колоніи или упрочивъ старыя Тирскія и, вѣроятно, устроили на Сорлингенскихъ островахъ станцію для с. з. торговли" [1]). Подобнымъ же взглядовъ держались и многіе другіе ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ, напр.: Укертъ [2]), Ределобъ [3]), Гумбольдтъ [4]), Мюлленгофъ [5]) и Лонмейеръ [6]); они находили возможнымъ сопутствовать Финикіянамъ только до береговъ Нѣмецкаго моря. Но находились ученые, дорожившіе возможностью начинать исторію Прибалтійскихъ областей съ финикійскаго періода. Однимъ изъ первыхъ доказывавшихъ это былъ Гесснеръ [7]); его взгляды нашли сочувствіе у знаменитаго Шлецера, а въ 1782 г. бургомистъ Данцига Уннгагенъ прямо назвалъ свой городъ однимъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ и торговавшимъ еще съ Финикіянами. Но болѣе другихъ оставили слѣдъ въ наукѣ изъ ученыхъ этого направленія Геренъ, Нильсонъ [8]) и Ружемонтъ [9]). Первый держится мнѣнія о непосредственной торговлѣ Финикіянъ съ Балтійскимъ побережьемъ въ своихъ знаменитыхъ: „Ideen über Politik, den Verkehr und Handel der vornehmsten Völker der Welt"; второй, на основаніи находимыхъ въ Скандинавіи и противоположномъ германскомъ берегу бронзовыхъ вещей, а также гробницъ и скульптуръ нашелъ возможнымъ написать цѣлую книгу о финикійскомъ періодѣ исторіи Швеціи, Мекленбурга и другихъ Балтійскихъ областей, представивъ съ достаточной ясностью и полнотой не только общій ходъ ея, но даже и отдѣльныя стороны жизни финикійскихъ культуртрегеровъ сѣвера и германскихъ туземцевъ, особенно религію и

---

1) Ст. Phönizien у Эрша и Грубера XXIV, 363.

2) Geogr. d. Griech. und Römer.

3) *Thule*. Die phönicischen Handelswege nach d. Norden, ins besondere nach dem Bernsteinlande. Leipzig, 1855.

4) Kosmos, II, 410.

5) Deutsche Altersthumskunde I, 223; говоритъ только о Нѣмецкомъ морѣ. Ср. Vorwort III.

6) Ist Preussen das Bernsteinland der alten gewesen? Königsb. 1872.

7) Göttinger gelehrte Anzeiger 1753 г.

8) Die Ureinwohner des skandinavischen Nordens. Aus d. Schwedischen. Hamburg, 1866.

9) Die Broncezeit oder die Semiten im Occident. Gutersloh. 1869. Нашъ Крузе въ своихъ *Necrolivonica* тоже былъ не прочь присоединиться къ подобнымъ мнѣніямъ: онъ начинаетъ исторію Прибалтійскаго края съ Финикіянъ, ищетъ мѣсто дѣйствія миѳа о Фаэтонтѣ въ Курляндіи, съ острововъ Basilia — на Эзелѣ. Впрочемъ, онъ самъ признается, что кромѣ поздней монеты изъ Панорма (стр. 29), финикійскихъ слѣдовъ здѣсь нѣтъ.

Digitized by Google

культъ. Нечего и говорить, что подобныя явленія были возможны только при томъ состояніи свѣдѣнія о древнемъ Востокѣ, какое господствовало во время появленія прилежнаго труда Нильсона [1]). Наконецъ, Ружемонтъ пошелъ дальше всѣхъ и рѣшился опредѣлить точную хронологію семитической торговли янтаремъ, начиная съ 1500 г. до Р. Х.

Въ новый фазисъ вступилъ вопросъ со времени появленія серьезно-научнаго труда Садовскаго [2]), поставившаго себѣ задачей прослѣдить на основаніи физико-географическихъ изслѣдованій и разсмотрѣній археологическихъ находокъ тѣ пути, по которымъ шли сухопутныя торговыя сношенія юга съ сѣверомъ. Въ меньшемъ масштабѣ и при меньшемъ количествѣ данныхъ въ этомъ направленіи уже работалъ раньше Редслобъ, но онъ занимался путями чрезъ Галлію, трудъ же Садовскаго имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, Германію и, отчасти, востокъ Европы. Главное значеніе его — указаніе на важность знанія географическихъ условій для культурно-историческихъ выводовъ и удачная, въ общемъ, попытка классификаціи археологическихъ находокъ. Это особенно важно въ такомъ вопросѣ, какъ нашъ, гдѣ почти нѣтъ литературныхъ источниковъ. Конечно, Садовскому принадлежитъ только починъ въ этомъ дѣлѣ и вызвать рядъ работъ по освѣщенію этого сложнаго вопроса. Для финикійской теоріи его работа имѣла, пожалуй, отрицательное значеніе: вмѣстѣ съ Генте [3]) и Вальдманномъ [4]) онъ склоненъ перенести главную роль въ торговлѣ янтаремъ на Этрусковъ; послѣдніе, какъ доказали эти ученые, въ болѣе древнее время, вели довольно оживленныя сухопутныя сношенія съ сѣверомъ, что доказывается оставленными слѣдами.

Итакъ, прежде всего обратимся къ древнимъ авторамъ. Со времени Мюлленгофа, которому наука обязана детальнымъ изученіемъ важнаго географическаго произведенія древности — Ova maritima Феста Авіена [5]), этотъ памятникъ признается, не смотря

---

[1]) Не касаясь этимологій и комбинацій Нильсона, въ свое время бывшихъ, быть можетъ и убѣдительными, замѣтимъ, что описанныя имъ древности, дѣйствительно крайне интересны и принадлежатъ къ эпохѣ т. наз. Микенской культуры, что признано даже знатоками послѣдней. Въ этомъ отношеніи особенно интересны мечи и кинжалы, которые распространены вплоть отъ Египта до Скандинавіи. Между прочимъ на Археологической Выставкѣ при Съѣздѣ, въ числѣ предметовъ, присланныхъ Берлинскимъ музеемъ für Völkerkunde есть два меча этого типа: № II 9813=8 списка предметовъ, доставленныхъ на выставку и № 4 списка, найденный въ Македоніи; что мечи этого рода были въ Египтѣ въ глубокой древности, доказываетъ м. проч. изображеніе на Берлинскомъ саркофагѣ Себеко временъ средняго царства (Lepsius-Aelteste Texte des Todtenbucher, таб. 37); о мечахъ этого рода въ Микенахъ и сопоставленіи ихъ съ гомеровскими *ἀργυρόηλοι* (см. м. проч. у Гельбига, Das Homerische Epos 241, и т. д.). Наиболѣе авторитетный въ настоящее время знатокъ скандинавскихъ древностей Монтеліусъ, признаетъ б. ч. туземное происхожденіе любопытныхъ бронзовыхъ предметовъ (за исключеніемъ, впрочемъ, описанныхъ мечей); что же касается матеріала, то бронза, по его мнѣнію, привозилась уже въ сплавленномъ видѣ самими же обитателями Скандинавіи; на ихъ морской и предпріимчивый характеръ указываютъ изображенія цѣлыхъ флотилій на скалахъ. Орнаментъ онъ признаетъ свойственнымъ исключительно Скандинавіи (Montelius. Die Kultur Schwedens in vorchristliche Zeit, übersetzt v. c. Appel. II Aufl. Berl. 1885, стр. 41—85).

[2]) Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, der Dnipr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres (Aus polnisch. von A. Kohn). Jena, 1877.

[3]) Ueber den etruskischen Tauschhandel nach d. Norden. Frankf. 1875.

[4]) Das Bernstein im alterthum. Прекрасная работа, помѣщенная въ Einladung-Programm Фелинской гимназіи за 1882 г. Кромѣ нихъ вопросомъ о торговыхъ путяхъ по восточной Европѣ интересовался другой польскій ученый — Ходзкевичъ, сдѣлавшій въ 1888—89 г. объ этомъ 5 сообщеній въ Academie des Inscriptions et Belles Lettres (Comptes rendus XVI).

[5]) Deutsche Alterthumskunde I.

Digitized by Google

на свое позднее появленіе на свѣтъ, заключающимъ въ себѣ древнѣйшія свѣдѣнія классическихъ народовъ о западѣ и составленнымъ если не по финикійскимъ, то, во всякомъ случаѣ, по очень древнимъ источникамъ. Между прочимъ въ немъ находятся ссылки и на утраченный периплъ кароагенянина Имилькона. Это описаніе запада находится въ IV книгѣ его произведеній [1]).

(80) „Кругъ земли широко раскинулся и вода обтекаетъ вокругъ него. Но тамъ, гдѣ глубокое море пробирается отъ Океана, чтобы эта пучина нашего моря растянулась на длинное пространство, находится Атлантическій заливъ. Здѣсь городъ Гадиръ, прежде называвшійся Ѳарсисомъ, здѣсь и столпы неутомимаго Геркулеса — Авила и Кальпе; послѣдняя — на лѣвой сторонѣ названной земли, а къ Ливіи ближайшая — Авили. Они оглашаются свирѣпымъ сѣвернымъ вѣтромъ, но держатся увѣренно на мѣстѣ.

(90) И здѣсь возвышается вершина выдающейся цѣпи; древнѣйшіе вѣка назвали ее Эстримніемъ; вся высокая громада скалистой выси обращена, главнымъ образомъ, къ теплому южному вѣтру. Подъ вершиной же этого мыса разверзается для жителей Эстримнійскій заливъ; въ немъ открываются острова Эстримниды, далеко лежащіе и богатые металлами: оловомъ и свинцомъ. Велика сила здѣсь у народа: надменный духъ, успѣшная изобрѣтательность. (100) Изъ-за торговыхъ цѣлей они на всякаго рода судахъ и привычныхъ челнахъ разсѣкаютъ море, бурное на обширное пространство и пучину Океана, полнаго чудовищами. Они не умѣютъ покрывать киля сосной или кленомъ, не гнутъ, согласно обычаю, изъ ели стручковидныхъ челноковъ, но, удивительное дѣло, всегда прилаживаютъ суда, связывая шкуры и часто пробѣгаютъ на кожѣ обширное море. Отсюда всего два дня пути на суднѣ до Священнаго острова — такъ назвали его древніе — (110) который лежитъ среди волнъ, обильный лугами и его населяетъ на широкомъ пространствѣ народъ Іерновъ. Вблизи, напротивъ, открывается островъ Альбіоновъ. У Ѳарсійскихъ кароагенянъ были торговыя сношенія въ предѣлахъ эстримнійскихъ, а также колонисты и народъ, толкающійся внутри Геркулесовыхъ столповъ доходили до этихъ морей, которыя, какъ утверждаетъ пуніецъ Имильконъ, едва можно проѣхать въ четыре мѣсяца, что онъ и самъ, по его словамъ, испыталъ. (120) Никакое дуновеніе вѣтра не подгоняетъ корабля; медленная влага лѣниваго моря неподвижна. Онъ прибавилъ еще и то, что среди пучины выдается масса красныхъ лишаевъ, которые часто, подобно кустарнику, задерживаютъ корабль. Онъ передаетъ, что и заднія части кораблей не опускаются въ глубину моря и дно едва покрыто малымъ количествомъ воды. И туда и сюда постоянно снуютъ морскіе звѣри и медленно и лѣниво ползущія суда плаваютъ среди чудовищъ. (130) Если кто-либо осмѣлится отсюда, отъ острововъ Эстримнійскихъ столкнуть челнъ въ воду на Ликаснову сторону свѣта, гдѣ твердѣетъ воздухъ, онъ подойдетъ къ области лигуровъ, лишенной жителей, такъ какъ она опустошена рукой кельтовъ и давнишними частыми войнами и лигуры, будучи изгнаны, какъ это бываетъ часто, когда заставляетъ сила, пришли сюда. Обильны эти мѣста неровностями: дикія скалы

---

[1]) Переводъ сдѣланъ по изданію Holder'a. Oenipons 1887.

Digitized by Google

и грозныя горы соединяются съ небомъ. (140) Бѣглый народъ долго жилъ среди этихъ скалистыхъ тѣснинъ, прячась отъ волнъ, такъ какъ онъ боялся моря вслѣдствіе давней опасности. Послѣ спокойствія и досуга, при безопасности, усиливающей смѣлость, рѣшился вытти изъ высокихъ убѣжищъ и спуститься къ приморскимъ мѣстамъ.— Позади этихъ мѣстъ, которыя мы выше описали, открывается большой заливъ обширнаго моря до самой Офіуссы. Назадъ отъ этихъ береговъ до Средиземнаго моря, туда, гдѣ оно дѣлаетъ, (150) какъ я раньше сказалъ, заливъ въ землю и которое называютъ Сардскимъ, тянется семидневный путь для пѣшехода. Офіусса простирается впередъ на столько, на сколько, какъ ты слышалъ, и Пелоновъ островъ въ области грековъ; ее въ древности называли Oestymnis".

Имя „Эстримниды" встрѣчается только здѣсь и всѣ попытки объяснить его не могутъ быть названы удачными [1]). Равнымъ образомъ, не легко отождествить ихъ съ извѣстными въ современной географіи. Мюлленгофъ, которому этотъ памятникъ обязанъ первымъ детальнымъ изученіемъ, видитъ, что вполнѣ естественно, въ Альбіонѣ— Британію, въ Іери — Ирландію, въ Эстримнійскомъ мысѣ — Бретань, въ заливѣ, идущемъ къ Офіуссѣ — Бискайское море. Но для того, чтобы доказать это, ему пришлось считаться съ затрудненіемъ въ стихахъ 85 и 87—88, гдѣ отъ Гадировъ авторъ непосредственно переходитъ къ Иракловымъ столпамъ, замыкавшимъ Средиземное море. Ученый вышелъ изъ этого затрудненія, предположивъ послѣ половины 88 стиха пропускъ, переносившій читателя къ другимъ „Иракловымъ столпамъ", находившимся на с. з. Европы [2]). Такой пріемъ показался Унгеру [3]) произвольнымъ и неосновательнымъ; онъ открылъ противъ Милленгофа цѣлый походъ и объявилъ Эстримній — мысомъ св. Винцента, острова Эстримнійскіе, Альбіонъ и Іерне — лежащими у береговъ Испанской Галиціи. Наконецъ, нашъ соотечественникъ, проф. Сонни [4]) высказалъ новое, на мой взглядъ, довольно правдоподобное мнѣніе о томъ, что пропуска нѣтъ, а неудобные стихи вставлены неудачно и некстати самимъ Авіеномъ, что оригиналъ начиналъ обозрѣніе морского берега съ сѣвера, съ тамошнихъ Иракловыхъ столповъ, что Эстримній — Корнвалль, Эстримниды — острова Сорлингенскіе (Сцилли), Альбіонъ и Іерц — Великобританія и Ирландія. При такихъ условіяхъ произведеніе Авіена много выигрываетъ въ стройности и цѣльности; нѣтъ надобности предпола-

---

[1]) Напр. Лелевеля, Pytheas, невѣрно изъ семитич. яз. «невѣдомые народы».

[2]) Deutsche Alterthumskunde I, 89. Замѣчу, что слухъ о существованіи на сѣверѣ Иракловыхъ столповъ передаетъ Тацитъ въ «Германіи» (34); говоря о Фризахъ у Рейна, онъ присоединяетъ: «молва распространяетъ, что до сихъ поръ еще существуютъ Геркулесовы столпы. Доходилъ ли сюда Геркулесъ, или вообще все величественное повсюду мы привыкли относить къ его славѣ. Не было недостатка отваги у Друза Германскаго, но океанъ не позволилъ ему изслѣдовать себя и Геркулеса. Послѣ него никто уже болѣе не пытался и нашли, что болѣе почтенно вѣровать, чѣмъ знать о дѣяніяхъ боговъ». Редслобъ (Thule, 21) по этому поводу предполагаетъ, не сохранилось ли въ этой темной замѣткѣ отдаленнаго воспоминанія о существованіи здѣсь финикійскихъ маяковъ и агентовъ.

[3]) Die Kassiteriden und Albion въ *Rheinisches Museum für Philologie.* NF XXXVIII (1883), стр. 157 сл. Въ 1886 г. вышла статья *A. Häbler'a,* Die Nord und westküste Hispaniens (Лейпцигская гимназ. программа). Авторъ беретъ сторону Мюлленгофа (стр. 42), но, къ сожалѣнію, ему пришлось выпустить при печатаніи краткой статьи длинный разборъ Авіеновой «Ora Maritima», а также ея толкователей Унгера и Мюлленгофа и ограничиться лишь голословнымъ осужденіемъ мнѣній перваго.

[4]) De Massiliensium rebus quaestiones. Petropoli 1887, стр. 21 сл.

Digitized by Google

гать, какъ это дѣлаетъ Унгеръ, будто авторъ дважды описываетъ одно и тоже; кромѣ того становится понятнымъ продолжительность путешествія Имилькона: едва ли до Галиціи отъ Гадъ или даже Кареагена 4 мѣсяца пути, даже при условіи потери времени на основаніе колоній. Мы знаемъ изъ Плинія [1]), что онъ былъ отправленъ на сѣверъ Европы въ то самое время, когда знаменитый Ганнонъ ѣздилъ на югъ. Хотя и говорится, что экспедиція была снаряжена „ad caetera Europae noscenda", но вѣроятно, и въ ея программу входило основаніе новыхъ городовъ „ливіофиникіянъ". Это время какъ разъ совпадало съ экономическимъ переворотомъ въ Кареагенскомъ государствѣ, съ переходомъ отъ мелкаго землевладѣнія къ крупному, отъ кустарной промышленности къ фабричной, а потому грандіозная колонизація обездоленныхъ членовъ общества, предпринятая самимъ государствомъ, была совершенно кстати. Гдѣ были на европейскомъ берегу основаны Имильономъ колоніи, потеря его перипла сдѣлала для насъ неизвѣстнымъ; но что онѣ были, ясно изъ отрывка современника Перикла Евктемона Аѳинскаго, который Авіентъ также включилъ въ свой периплъ:

(375) „За столпами по берегу Европы жители Кареагена владѣли нѣкогда поселеніями и городами. У нихъ было обыкновеніе строить суда съ плоскимъ дномъ, чтобы челнъ съ широкимъ задомъ могъ проскальзывать по неглубокому морю". (Далѣе идетъ новая ссылка на Имилькона, причемъ повторяется въ другихъ, а иногда и тѣхъ же словахъ уже извѣстное намъ изъ приведенной выше цитаты; интересно заключеніе этой выдержки: (414) „Мы это издаемъ для тебя, сообщенное давно въ глуби Пуническихъ анналовъ"). Отнесеніе факта въ давнопрошедшее время принадлежитъ, очевидно, Авіену: едва ли могъ такъ выразиться Псевдо-Скилакъ, младшій современникъ Ганнона и Имилькона. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло другихъ извѣстій объ основанныхъ послѣднимъ колоніяхъ; по ту сторону столповъ только древній Гадиръ попалъ на страницы исторіи; что же касается другихъ мѣстностей, то лишь позднѣйшія имена ихъ открываютъ обширное поле для упражненій въ семитической филологіи.

Страбонъ [2]), для котораго старое имя Эстримнидъ было давно забытымъ и едва ли понятнымъ, помѣщаетъ эти острова подъ именемъ Касситеридъ = „Оловянныхъ" въ числѣ „лежащихъ у Испаніи" и, заканчивая описаніемъ ихъ книгу объ Испаніи, прибавляетъ, что первымъ изъ Римлянъ обратившимъ вниманіе на ихъ рудники, былъ извѣстный побѣдитель Лузитанъ консулъ П. Крассъ и что раньше только Финикіяне торговали съ жителями, которые рисуются здѣсь уже не тѣми красками, что у Авіена: это кочевники, занимающіеся скотоводствомъ и получавшіе отъ Финикіянъ взамѣнъ металловъ глину, соль, вещи изъ бронзы. Разсказывается далѣе о томъ, что Кареагеняне ревниво оберегали путь къ этимъ островамъ и даже нарочно навели свой корабль на мель, чтобы погубить римскій. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь то же явленіе, которое замѣчается всегда при торговыхъ сношеніяхъ народовъ, сто-

---

[1]) Hist. N. II, 169.
[2]) III, 5, 11.

Digitized by Google

ящихъ на различныхъ уровняхъ культуры: Финикіяне вывозили изъ острововъ металлы и затѣмъ возвращали ихъ назадъ въ обработанномъ видѣ. Но заходили ли они дальше этихъ острововъ? Вступали ли ихъ суда въ Нѣмецкое море и Датскій архипелагъ? На это у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ литературныхъ указаній [1]) и напрашивается вопросъ, могли ли они a priori заходить туда? Физической невозможности, я думаю, нельзя предполагать. Правда, судоходство по этимъ мелководнымъ морямъ не легко и не всегда безопасно, но они умѣли справляться съ неудобствами плаванья и были опытны въ путешествіяхъ вдоль береговъ; стоитъ только вспомнить объ экспедиціи вокругъ Африки, гдѣ имъ приходилось преодолѣвать всевозможныя затрудненія, а также въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ. Для націи, обогнувшей мысъ Доброй Надежды, разстояніе отъ Гадиръ до Балтійскаго берега было слишкомъ ничтожно и не могло составить, въ случаѣ необходимости, серьезнаго затрудненія. Но дѣло въ томъ, что этой необходимости нельзя предполагать. Что могло тянуть сюда Карѳагенянъ? Мы знаемъ, что объѣздъ Африки былъ предпринятъ по иниціативѣ фараона Нехао и при желаніи самихъ Финикіянъ избавиться отъ греческой конкурренціи, заградившей имъ сѣверный путь къ богатствамъ западной Африки; намъ извѣстно, что сокровища Офира были слишкомъ заманчивы и могли возбуждать желаніе завязать съ нимъ непосредственныя торговыя сношенія. Между тѣмъ на Балтійское море ихъ могъ привлекать только янтарь. Но, во-первыхъ, янтарь того же качества въ то время находился еще въ изобиліи и къ з. отъ Ютландіи, у Гамбурга и устьевъ Эльбы, гдѣ его и до сихъ поръ еще находятъ по временамъ и откуда могли получить его доходившіе до этихъ мѣстъ Карѳагеняне; во-вторыхъ, въ карѳагенское время торговля этимъ продуктомъ давно уже велась по рѣчнымъ и сухопутнымъ прямымъ путямъ и находилась, какъ доказали Генто, Вальдманъ и Садовскій, въ рукахъ Этрусковъ. Наконецъ, спросъ на этотъ предметъ роскоши въ карѳагенскій періодъ былъ значительно меньше, чѣмъ въ болѣе древнее и болѣе позднее время. Изслѣдованія Гельбиха [2]) доказали, что въ пору господства греческаго классическаго искусства цѣнился не матеріалъ, а творчество, и блестящій янтарь уступилъ мѣсто мрамору и расписнымъ вазамъ не только въ собственной Греціи, но и въ Италіи, гдѣ, начиная съ IV в. онъ почти исчезаетъ изъ гробницъ. Да и раньше, онъ встрѣчается главнымъ образомъ къ востоку отъ Аппенинъ, у Болоньи, гдѣ и держался дольше и получался, вѣроятно, непосредственно сухимъ путемъ съ сѣвера; къ з. же отъ Аппенинъ господство янтаря было весьма непродолжительно, благодаря вліянію греческихъ

---

[1]) Было время, когда такія указанія пытались извлечь изъ географическихъ именъ сѣвера. Напр. К. Мюллеръ, *Geographi Minores*, II, 106, производилъ упоминаемое у Плинія со словъ Метродара и Тимея (37, 61 и 4, 94) имя острова «Абалъ» отъ семитическаго בַּעַל = «островъ Ваала», а Гекатеево Амалхіево море считалъ переводомъ *Βασίλεια* = מַלְכָּה = «царскій островъ». Точно также и Нильсонъ l. c. всюду видѣлъ имена, производныя отъ верховнаго бога Финикіянъ. На это Мюлленгофъ (I, 484) и др. замѣчаютъ, что эти имена хорошо объясняются изъ языковъ народовъ, населяющихъ берега Балтійскаго моря и однородны съ современными «Бельтъ», «Балтика» и т. п. *Ἀμάχχιος* м. б. слово греческое = не замерзающій. О мнимой финикійской надписи, найденной въ Ольденбургѣ см. выше.

[2]) Osservazioni sopra il commercie dell'ambra. *Atti della R. Accademia dei Liucei.* Memorie della classe di Scienze morali etc. 1877, 415.

Digitized by Google

колоній, и дѣйствительно, янтарь находятъ здѣсь лишь въ гробницахъ (до 7-го в.), предшествующихъ греческому періоду и на ряду съ произведеніями финикійской эпохи. Янтарь этотъ, находимый въ Италіи, по изслѣдованіямъ знатока его съ физико-химической стороны, Гельма [1]), не сицилійскій, а настоящій сѣверно-европейскій, выбрасываемый Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями и находимый въ ископаемомъ состояніи до подошвъ Средне-Германскихъ горъ. Что Италія въ глубокой древности вела сама торговлю съ сѣверомъ, на это указываютъ археологическія находки, попадающіяся на всемъ протяженіи до Скандинавіи по рѣчнымъ путямъ: напр., мечи Микенскаго типа и т. п. Въ Скандинавіи найдено даже въ одной гробницѣ раковина изъ Средиземнаго моря [2]).

Итакъ, если участіе Кареагенянъ въ торговлѣ янтаремъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посѣщеніе ими Балтійскаго моря не можетъ считаться доказаннымъ, то въ какомъ отношеніи къ нашему вопросу стоятъ древніе Финикіяне? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ глубокой древности географическія открытія не всегда дѣлались постояннымъ достояніемъ науки и человѣчества: они забывались и потомъ приходилось ихъ снова дѣлать. Едва ли Кареагеняне могли воспользоваться результатами путешествія ихъ восточныхъ единоплеменниковъ вокругъ Африки: сами они доходили только до Зеленаго мыса; едва ли также имъ былъ извѣстенъ путь въ Офиръ. А потому нашъ вопросъ является вполнѣ законнымъ: возможно, что и сѣверныя моря, посѣщавшіяся тиро-сидонскими мореходами не входили въ кругъ торговыхъ интересовъ Кареагенянъ. Нельзя упускать изъ вида, что въ Микенскую эпоху янтарь очень цѣнился въ Греціи и Шлиманъ нашелъ въ 1, 3 и 4 микенскихъ гробницахъ болѣе 1000 янтарныхъ бусъ вмѣстѣ съ самыми важными драгоцѣнностями; по изслѣдованіямъ Гельма въ Данцигѣ, этотъ янтарь опять-таки оказался сѣверно-европейскимъ. Повидимому, янтарное ожерелье находится въ рукахъ одного изъ пословъ народа Кефтіу на ѳиванской гробницѣ Рехмира времени фараона Тутмеса III [3]). Въ Египтѣ также находятъ, хотя и довольно рѣдко, янтарныя бусы, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не было ихъ химическаго изслѣдованія. Съ легкой руки Лепсіуса [4]) искать этотъ продуктъ въ Египтѣ уже было отчаялись, и даже Гельмъ, въ лабораторіи котораго перебывали янтари чуть ли не со всего міра, даже не упоминаетъ о существованіи его въ Египтѣ. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, въ Египтѣ есть и свой янтарь на Чермномъ морѣ и было бы крайне интересно опредѣлить, какого рода янтарь попадается въ археологическихъ находкахъ. Во всякомъ случаѣ послѣднія не часты и, вѣроятно, янтарь не пользовался въ долинѣ Нила особеннымъ распространеніемъ; слово *sakal*, навязываемое египетскому языку Плиніемъ [5]), не встрѣчается въ немъ. Точно также и въ другихъ странахъ древняго Востока мы

---

[1]) Mittheilungen über Bernstein въ *Schriften der Naturforschenden Gesellschaft in Danzig* V, 13 и 14 (1882), VI, 2 (1885) и др.

[2]) Montelius l. c.

[3]) *Hoskins*. Travels in Ethiopia, таб. 46—49.

[4]) Les métaus dans les inscriptions égyptiennes. Trad. p. W. Berend (*Bibl. de l'école des hautes études* XXX, 71).

[5]) 37, 36 говоритъ о природномъ египетскомъ янтарѣ.

Digitized by Google

не замѣчаемъ, чтобы янтарь особенно цѣнился. Многіе хотѣли найти его въ Ветхомъ завѣтѣ, но на этой почвѣ трудно придти къ опредѣленнымъ выводамъ; техническія названія металловъ для насъ мало понятны, контекстъ не облегчаетъ ихъ пониманія, а переводчики въ данномъ случаѣ не могутъ считаться безусловно авторитетны. Оппертъ увѣренъ [1]), что חשמל, упоминаемый въ извѣстномъ видѣніи славы Господней у пророка Іезекіиля и переведенной „видѣніе Илектра" — янтарь, но во всѣхъ трехъ мѣстахъ греческаго перевода стоитъ въ родит. пад.; это насъ лишаетъ возможности опредѣлить родъ слова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его значеніе какъ сплава золота и серебра (ὁ ἤλεκτρος), или янтаря (τὸ ἤλεκτρον). Указываютъ также на לֶשֶׁם — одинъ изъ 12 драгоцѣнныхъ камней на эфодѣ Первосвященника [2]), переведенный у 70-ти λιγύριον, въ Vulg. ligurius — словомъ, близкимъ къ λιγγύριον, также употреблявшимся у грековъ для обозначенія янтаря; нѣкоторые ученые даже находятъ этимологію этого имени — отъ לשך „захватывать". На это можно замѣтить, что едва ли это слово еврейское. Въ египетскихъ текстахъ встрѣчается металлъ nšmt [3]), что, въ силу фонетическихъ законовъ, пожалуй, можетъ по семитически = לשך, а этотъ продуктъ не можетъ обозначать янтаря, такъ какъ упоминаются какъ нѣчто обычное приготовляемые изъ него амулеты [4]); янтарныхъ амулетовъ въ Египтѣ не было. Наконецъ, нельзя не коснуться вопроса, поднятаго Оппертомъ относительно янтаря въ Ассиріи [5]), по поводу двухъ сохранившихся безъ начала и конца строкъ на одномъ ассирійскомъ обелискѣ Британскаго музея. Путемъ всевозможныхъ натяжекъ онъ вычиталъ въ нихъ финикійскихъ купцовъ, водимыхъ, согласно общему голосу древности, малой Медвѣдицей и добывавшихъ янтарь изъ Балтійскаго моря. Къ сожалѣнію здѣсь нѣтъ рѣчи ни о Финикіянахъ, ни о купцахъ, ни о Медвѣдицѣ, ни о Балтійскомъ морѣ и добываніи чего либо, а тѣмъ болѣе янтаря [6]), ни одного кусочка котораго не отыскано до сихъ поръ среди развалинъ ассирійскихъ городовъ [7]).

Теперь возникаютъ два вопроса: 1) какимъ образомъ велась торговля янтаремъ въ это древнее время и 2) принимали ли въ ней участіе Финикіяне? Для рѣшенія перваго вопроса мы располагаемъ какъ литературными данными, такъ и археологическими находками, но какъ то, такъ и другое довольно неопредѣленно. Мы уже видѣли, что приходится еще въ Микенскій періодъ признать существованіе сношеній юга съ отдаленнымъ сѣверомъ; съ легкой руки Мюлленгофа [8]) ученые вычитали въ Одиссеѣ даже упоминаніе о его бѣлыхъ ночахъ [9]); разбросанные по континенту

---

[1]) *Recueil de travaux* l. c.

[2]) Исх. 28, 19.

[3]) Papyr. Harris I въ перечисленіяхъ даровъ царя храмамъ; различается два сорта; одинъ названъ «настоящимъ» (34[a],1, 41[a]3, 52[b]5, 70[a]9).

[4]) Книга Мертвыхъ по изд. Лепсіуса. Гл. 159, 2. Ср. Brugsch, Wb. 810 и Spp. 699.

[5]) L'ambre jaune chez les Assyriens въ *Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptienne et assyrienne* II, 33 сл.

[6]) Литературу по этому вопросу и исторію дебатовъ см. у Jensen'a, *Kosmologie* etc. 49. Вопросъ сданъ въ архивъ не смотря на упорство Опперта, который еще въ 1887 г. говорилъ въ засѣданіи Академіи Надписей о сношеніяхъ въ древнее время Чернаго моря съ Балтійскимъ (Comptes rendus IV, 15, стр. 172).

[7]) Perrot-Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité II, 708.

[8]) Deut. Alterth. изд. 1870 г., I, стр. 5.

[9]) X, 81—86.

Digitized by Google

Европы памятники, напоминающіе Микену и Востокъ, свидѣтельствуютъ объ обмѣнѣ точно также, какъ и находки Балтійскаго янтаря на югѣ. Точно также и находки золота въ могилахъ западной части Балтійскаго моря, соотвѣтствующихъ древнему періоду т. наз. бронзоваго вѣка, указываютъ, повидимому, не то, что этотъ драгоцѣнный металлъ поступалъ сюда съ юга въ обмѣнъ на янтарь, котораго попадается меньше всего именно въ могилахъ этого періода, причемъ уменьшеніе идетъ параллельно распространенію золота [1]). Конечно, сношенія эти не могли быть прямыми; послѣдній этапъ ихъ находился, вѣроятно, въ рукахъ Этрусковъ или Финикіянъ, до нихъ же сѣверные продукты доходили, переходя отъ народа къ народу. Такой порядокъ вещей существовалъ очень долго: до самаго путешествія при Неронѣ римскаго всадника на сѣверъ [2]) Римляне не знали прямого пути къ Балтійскому морю и еще Діодоръ [3]) разсказываетъ, какъ янтарь собирается на упомянутомъ уже нами островѣ Василіи и доставляется жителями послѣдняго на противолежащій материкъ, а оттуда „доходитъ въ нашу область по описанному способу", т. е. какъ и олово — къ Ронѣ. Отсюда будетъ понятно и классическое мѣсто у Геродота [4]), констатировавшаго фактъ полнаго отсутствія свѣдѣній о сѣверѣ у своихъ современниковъ: „о западныхъ окраинахъ Европы не могу сообщить ничего достовѣрнаго, такъ какъ не допускаю, что Ериданомъ называется у варваровъ рѣка, впадающая въ море къ сѣверу, отъ которой, говорятъ, приходитъ къ намъ янтарь, и незнаю о существованіи Касситеридъ, съ которыхъ приходитъ къ намъ олово. Во-первыхъ, само имя „Ериданъ", выдаетъ, что оно эллинское, а не варварское и сочинено какимъ либо поэтомъ; во-вторыхъ, не смотря на старанія, не могу услыхать ни отъ одного очевидца, что существуетъ море по ту сторону Европы. Все-таки олово и янтарь доходятъ до насъ, происходя изъ крайнихъ предѣловъ". Страбонъ спустя нѣсколько вѣковъ на этотъ счетъ выразился еще сильнѣе [5]): „Еридана нѣтъ нигдѣ на землѣ". Это доказываетъ, что понятіе объ Ериданѣ было и въ древности такимъ же неопредѣленнымъ, какимъ оно осталось и для новыхъ ученыхъ [6]) и что отожествленіе его съ По и пріуроченіе сюда миѳа Фаэтонта далеко не было общераспространеннымъ и постояннымъ: напротивъ, уже Геродотъ полемизируетъ противъ мнѣнія о Ериданѣ, впадающемъ въ Сѣверное морѣ. Замѣчанія его относительно невѣроятности варварскаго происхожденія имени рѣки для насъ не могутъ быть убѣдительны; напротивъ, является большое искушеніе произвести его отъ семитическаго корня יָרַד „стекать" и сопоставить съ именемъ знаменитой Палестинской рѣки, а также Іордана Критскаго. Въ такомъ случаѣ пришлось бы, подобно Мюлленгофу, отнести происхожденіе разсказовъ объ янтарѣ и даже миѳъ о Фаэтонтѣ къ доставлявшимъ этотъ продуктъ Финикіянамъ, го-

---

1) *Olshausen*, Das alte Bernsteinland. *Verhandl. d. Berl. Gesell. für Anthropologie.* 1890, 270—297 и 286—319.

2) Plin. 37, 45.

3) V, 23. 5.

4) III, 115.

5) V, p. 215.

6) Такъ, Фоссъ и Мюлленгофъ (I, 221) склонны видѣть въ немъ Рейнъ; Опперть (l. c. 42) — Вислу, Ольсгаузенъ — Эльбу; нѣкоторые рѣчку Радауну у Данцига, а также Рону (Christ), Зап. Двину (Вауль) и т. д.

Digitized by Google

ворившимъ Грекамъ о „рѣкѣ“ вообще. Конечно, такъ далеко итти рисковано, тѣмъ болѣе, что существуютъ и греческія этимологіи этого слова [1]). Въ сѣверномъ происхожденіи янтаря были убѣждены, какъ мы видимъ, Греки временъ Геродота; это для его времени вполнѣ понятно: почти къ той же эпохѣ относится извѣстный кладъ съ древностями и монетами изъ Ольвіи, найденный въ Шубинѣ близъ Бромберга, т. е. уже въ самой области Балтійскаго моря [2]). Многочисленныя находки янтаря въ обработанномъ видѣ на всемъ нашемъ великомъ водномъ пути [3]) могли бы говорить также въ пользу существованія сношеній чрезъ материкъ Балтійскаго моря съ Чернымъ, если бы онѣ были приведены въ хронологическій порядокъ и подвергнуты физико-химическому анализу [4]). Конечно, существованіе этихъ сношеній въ V в. не обязываетъ вѣрить въ то, что они велись и въ XV или X; очень возможно, что въ это отдаленное время янтарь шелъ по другому, болѣе западному пути, обильному микенскими слѣдами, что Эльба, Рейнъ и Рона имѣютъ право на тождество съ Эриданомъ, а греческое имя янтаря *λιγγύριον* носитъ въ себѣ указаніе на народъ, принимавшій наиболѣе дѣятельное участіе въ торговлѣ продуктомъ и, во всякомъ случаѣ, бывшій виднымъ посредникомъ въ ней. Что дѣло все-таки не обходилось безъ Финикіянъ, на это довольно ясно указываетъ исторія Евмея въ XV пѣсни Одиссеи. Разсказавъ о томъ, какъ Финикіянка — рабыня на островѣ Сирѣ — сговорилась съ пріѣхавшими туда ея единоплеменниками - купцами, поэтъ продолжаетъ отъ лица Эвмея:

Тѣ же (т. е. купцы) годъ цѣлый оставшись на островѣ нашемъ прилежно
Свой крутобокій корабль нагружали, торгуя товаромъ.
Но когда изготовился въ путь нагруженный корабль ихъ,
Ими былъ вѣстникъ о томъ къ финикійской рабынѣ отправленъ;
Въ домъ онъ отца моего дорогое принесъ ожерелье
Крупный электронъ, оправленный въ золото съ чуднымъ искусствомъ;
Тѣмъ ожерельемъ моя благородная мать и рабыни
Всѣ любовались; оно по рукамъ ихъ ходило и цѣну
Разную всѣ предлагали. А онъ по условію, молча
Ей головою кивнулъ и потомъ на корабль возвратился.
Изъ дому, за руку взявши меня, поспѣшила со мною
Вытти она . . . . . .
. . . . . я за нею пошелъ, ничего не размысля.
Пристани славной, поспѣшно идя, наконецъ мы достигли.
Тамъ оплыватель морей, ожидалъ насъ корабль финикійскій.

---

[1]) Окончаніе — *δανός* (*οὐτιδανός*) Müllenhof, I, 218 и др.

[2]) О находкахъ см. у Садовскаго и Вольдманна, 85.

[3]) Ibid. Къ этому можно еще прибавить: находку Роговича въ 1875 г. (Голосъ, 1875, № 185). Романова — въ Могилевской губ. («Древности», XIII, 141), Прендела — на островѣ Березани въ 1883 г. въ гробницахъ греческаго типа (VI Арх. Съѣздъ въ Одессѣ; отчетъ И. В. Помяловскаго въ Ж. М. Н. П. 1885).

[4]) Это тѣмъ болѣе необходимо, что во многихъ мѣстахъ Россіи есть мѣстный, ископаемый янтарь. См. статью Ѳ. П. Кеппена въ Ж. М. Н. П. 1898, 301.

Digitized by Google

Подобное же ожерелье одинъ изъ жениховъ Пенелопы предназначилъ ей въ подарокъ (XVIII, 295):

. . . Цѣпь изъ обдѣланныхъ въ золото съ чуднымъ искусствомъ
Свѣтлыхъ, какъ солнце большихъ янтарей...

Мѣста эти довольно краснорѣчивы; къ сожалѣнію и они могутъ допускать различныя толкованія. Въ текстѣ стоитъ:

XV, 459: *ἤλυθ ἀνὴρ πολυϊδρις ἐμοῖ εἰς δώματα πατρός*
χρύσεον ὅρμον ἔχων, μετὰ δ'ἠλέκτροισιν ἔερτο
XVIII, 295: *ὅρμον πολυδαίδαλον*]
χρύσεον ἠλέκτροισιν ἐερμένον, ἠέλιον ὥς.

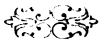
т. е. „золотое ожерелье, унизанное бусами изъ илектра". Спрашивается, съ какимъ словомъ мы имѣемъ дѣло? Съ „*ἤλεκτρος*" — сплавъ золота и серебра, или „*ἤλεκτρον*" — янтарь: косвенный падежъ въ обоихъ случаяхъ дѣлаетъ возможнымъ и то, и другое. Однако безусловно всѣ ученые видятъ здѣсь именно янтарь. Не говоря уже о Бутманнѣ [1]), который всѣ упоминанія илектра у Гомера относитъ къ янтарю, его болѣе критическій продолжитель, авторъ статьи „Electrum" въ энциклопедіи Pauly [1]) находитъ, что въ приведенныхъ нами мѣстахъ естественнѣе всего видѣть янтарь. Не сомнѣвается въ этомъ и Ebeling [2]), и Лепсіусъ въ своемъ трудѣ о металлахъ, упоминаемыхъ въ египетской литературѣ. Отнесясь съ довольно строгимъ отрицаніемъ къ другимъ мѣстамъ Гомеровскаго эпоса, гдѣ упоминается это сомнительное слово, онъ продолжаетъ [3]): „напротивъ, въ двухъ мѣстахъ Одиссеи, гдѣ Финикіяне приносятъ ожерелье изъ золота, окруженнаго *ἠλέκτροισιν* и блистающее, какъ солнце, дѣло можетъ итти только о бусахъ и т. п. изъ янтаря: для ожерелій подобнаго рода янтарь превосходенъ. Съ другой стороны, въ обоихъ мѣстахъ у Гомера стоитъ множественное число, какъ и у Аристофана, гдѣ говорится о бусахъ янтаря (Всад. 532). Ни *τά*, ни *οἱ*, ни *αἱ ἤλεκτροι* не имѣютъ смысла, когда дѣло идетъ о металлѣ, и „*ὅρμος χρυσοῖς ἐερμένος*" былъ бы невозможностью даже въ устахъ поэта. Напротивъ, это выраженіе очень удобно для янтаря, который находятъ и обрабатываютъ въ кусочкахъ, но который нельзя плавить въ слиткахъ, какъ металлъ". Это объясненіе вполнѣ принимаетъ Гельбихъ [4]), дополняетъ его эстетическими соображеніями и иллюстрируетъ его ссылкой на ожерелья, находимыя въ древне-этрусскихъ гробницахъ. Я, со своей стороны, могу еще разъ сослаться на ожерелье, изображенное въ рукахъ одного изъ пословъ Кефтіу. Въ настоящее время мнѣ неизвѣстно ни одного толкователя Гомера или историка древняго искусства, который бы не раздѣлялъ этого мнѣнія, и придется признать, что Греки, дѣйствительно, соединяли представленіе о торговлѣ янтарными издѣльями съ Финикіянами. Бутманнъ полагалъ, что этотъ янтарь — сицилійскій. Въ настоящее время микенскія находки и изслѣдованія

---

1) Abhandl. d. Berl. Akad. 1818, 38 сл. Mythologus II, 337.
2) Lexicon Homer. 539.
3) l. c.
4) Das Homer. Epos 182.

Digitized by Google

Гельма доказали его сѣверное происхожденіе. Какимъ образомъ доходилъ этотъ продуктъ къ Финикіянамъ — чрезъ По, Рону или какую либо другую, болѣе сѣверную рѣку, шелъ ли сухимъ путемъ, или получался непосредственно съ береговъ Нѣмецкаго моря, мы пока не имѣемъ возможности рѣшить окончательно; несомнѣнно только, что уже въ отдаленное время финикійскаго господства на Средиземномъ морѣ сѣверъ Европы, благодаря своимъ произведеніямъ, находился въ сношеніяхъ съ культурнымъ міромъ.



Digitized by Google

О мѣстѣ битвы Русскихъ съ Нѣмцами, бывшей 5 апрѣля 1242 г., на льду Чудскаго озера.

А. Бунина.

Въ числѣ запросовъ, поставленныхъ на разрѣшеніе X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ, находится и запросъ: о мѣстоположеніи *Воронья камня*, при которомъ произошла битва кн. Александра Ярославича съ Нѣмцами.

Извѣстіе объ этой битвѣ, наиболѣе обстоятельно изложенное, находится въ 1-й Новгор. лѣтописи, въ которой она описана, подъ 6750 г., такимъ образомъ: „поиде кн. Александръ съ Новгородци и съ братомъ Андреемъ и съ Низовци, на Чюдьскую землю, на Нѣмци,... и яко быша на земли, пусти полкъ всь въ зажитія, и Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша въ разгонѣ, и усрѣтоша я Нѣмци и Чюдь у *моста*, и бишася ту, и убиша ту Домаша брата посаднича, служа честна, и инѣхъ съ нимъ избиша, а инѣхъ руками изъимаша, а иніи къ князю прибѣгоша въ полкъ; князь же вспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдь поидоша по нихъ. Узрѣвъ же кн. Александръ и Новгородци, поставиша полкъ на *Чудьскомъ озерѣ*, на *Узмени*, у *Воронья камени*, и наѣхаша на полкъ Нѣмци и Чюдь, и прошибошася свиньею сквозѣ полкъ; и бысть сѣча ту велика Нѣмцемъ и Чюди... и пособи Богъ Александру, а Нѣмци ту падоша, а Чюдь даша плеща; и гоняче биша ихъ на 7-ми верстъ по леду, до Суболичьскаго берега, и паде Чюди безъ числа, а Нѣмецъ 400, а 50 руками яша, и приведоша въ Новгородъ, а бишася мѣсяца апрѣля въ 5“ [1]).

Мѣстоположеніе *Воронея камня*, при коемъ происходила эта битва, опредѣлялось уже, но въ различныхъ пунктахъ, гг. Ю. Трусманомъ, Н. И. Костомаровымъ и И. И. Василевымъ.

Г. Ю. Трусманъ, въ ст. *О мѣстѣ ледоваго побоища въ 1242 г.* [2]) полагаетъ, что Русскіе, наступая по обыкновенному (?) зимнему пути, подошли къ устью р. Омовжи, можетъ быть намѣреваясь отсюда двинуться къ Дерпту, а Нѣмцы шли вдоль той же рѣки по направленію къ Новгороду, въ виду чего Русскіе отступили и остановились на льду Чудскаго озера; что подъ Вороньимъ камнемъ лѣтописи разумѣлся громадный камень,

---

[1]) Полн. Собр. Рус. лѣт. III. 53—54.

[2]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1884 г. янв. стр. 44

Digitized by Google

виднѣющійся изъ воды озера, въ 60 шагахъ отъ нынѣшняго с. Воронья, расположеннаго на самомъ берегу Чудскаго озера, въ 5—7 вер. къ С. отъ устья Омовжи; что битва происходила частію на льду озера и частію на берегу его; и что разбитые Чудь бѣжали по льду около берега, къ Ю. отъ мѣста битвы, до д. Сосницъ (эст. Pedasi), находящейся на выступѣ берега, въ 7 вер. отъ с. Воронья. Но съ такимъ объясненіемъ хода дѣла нельзя согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ. Цѣлью похода Русскихъ, по всей вѣроятности, былъ Юрьевъ (Дерптъ), какъ центръ управленія края, и потому они должны были слѣдовать по прямому пути, ведущему къ этому городу; допуская же предположеніе, что они совершили путь по льду озера и вступили въ Чудскую землю только лишь при устьѣ р. Омовжи, а затѣмъ слѣдовали вверхъ по этой рѣкѣ,— нельзя было бы примѣнить выраженіе лѣтописи: „и яко быша на земли, пусти полкъ всь въ зажитія",— такъ какъ мѣстность по нижнему теченію Омовжи на 13 вер. болотистая и незаселенная, а далѣе вверхъ рѣки, на остальныхъ 22 верстахъ, хотя и населенная, но русская рать не могла идти по ней въ разсыпномъ видѣ, не подвергая себя опасности быть уничтоженной по частямъ. Съ другой стороны и Нѣмцы не могли предпринимать походъ на Новгородъ, направляясь по той же Омовжѣ, въ то время, когда подвластной имъ землѣ угрожалъ сильный непріятель, а что это имъ было извѣстно, видно изъ того, что они находились въ полной готовности дать ему отпоръ, какъ это показываетъ дѣло ихъ съ русскимъ развѣдочнымъ отрядомъ Домаша и вслѣдъ затѣмъ наступленіе на главныя силы русской рати. За симъ, отступая передъ противникомъ на озеро, кн. Александръ имѣлъ возможность избрать выгодную позицію для сраженія; но указываемая въ 5 вер. къ С. отъ устья Омовжи скала у нынѣшняго с. Воронья, не могла представлять никакой опоры, и притомъ она находится въ такой части озера, въ коей, вслѣдствіе слабости льда, зимою прокладываются только лишь береговыя тропы, а переѣздъ черезъ самое озеро невозможенъ [1]) почему русская рать, въ случаѣ неудачнаго исхода сраженія, подвергалась бы опасности быть опрокинутой въ воду на срединѣ озера,— чего кн. Александръ конечно не могъ непредусмотрѣть. Наконецъ, нельзя и представить себѣ, какъ могла произойти битва двухъ многочисленныхъ ратей на такомъ тѣсномъ мѣстѣ, потому что если допустить предположеніе, что она происходила частію на льду озера и частію на берегу его, — чего лѣтописью не подтверждается, — то силы противниковъ должны были бы расположиться такимъ образомъ: русскій строй — стоять параллельно съ берегомъ, а Нѣмцы и Чудь — на берегу, съ котораго они и двинулись своей клинообразной колонной, — но въ такомъ случаѣ нельзя объяснить: какъ могли разбитые Чудь обратиться въ бѣгство по льду около берега, тогда какъ у нихъ для этого былъ свободный тылъ, съ котораго имъ непріятель не угрожалъ; если же эта клинообразная колонна шла къ мѣсту сраженія по льду вдоль берега, то русскій строй долженъ былъ стоять перпендикулярно къ берегу, упираясь въ него своимъ правымъ флангомъ, а въ этомъ случаѣ битва не могла происходить частію на берегу; кромѣ того, при такомъ расположеніи силъ

[1]) Географическій словарь Семенова, V. 732

Digitized by Google

противниковъ, разбитые Чудь, хотя и получали возможность обратиться въ бѣгство по льду около берега, то подвергались бы преслѣдованію на 11 верстъ, такъ какъ выступъ берега съ д. Сосницами на немъ, находится на такомъ разстояніи отъ с. Воронья, по лѣтописи же Вороній камень долженъ находиться отъ Суболицкаго берега въ 7 верстахъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ указываемая скала, близь нынѣшняго с. Воронья, не могла быть тѣмъ Вороньимъ камнемъ, при которомъ произошла битва 1242 года.

Н. И. Костомаровъ, въ своей Исторіи Новгорода, Пскова и Вятки [1]) указываетъ мѣсто сраженія 1242 г. у скалы Вороній камень, на Узмени, при поворотѣ изъ Псковскаго оз. въ Чудское, и хотя отмѣчаетъ такую подробность, какъ происхожденіе названія этой скалы оттого, что тамъ постоянно кружатся вороны, но точнымъ образомъ мѣстоположенія ея не опредѣляетъ. На 3-хъ-верстной военно-топографической картѣ въ С.-З. части Псковскаго оз., при началѣ съуженной части Чудскаго (Теплаго) озера, показанъ только о-въ Салло и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ его з. берега маленькій островокъ безъ названія, разстояніемъ отъ С.-З. берега озера въ 2 вер. Поэтому, если историкъ подъ скалою Вороній камень разумѣлъ этотъ островокъ, то онъ не соотвѣтствуетъ лѣтописному разсказу, какъ по разстоянію отъ берега, такъ и по нахожденію въ Псковскомъ, а не въ Чудскомъ озерѣ, на которомъ происходила битва [2]).

И. И. Василевъ, въ своихъ Оп. Ст.-Геогр. слов. Псковскаго у. [3]) и Псковская губ. [4]) указываетъ на небольшой о-въ Варанье (Матюсовъ, а въ др. м. Матиновъ), находящійся близъ западнаго берега Псковскаго оз., полагая, что при немъ происходила битва 1242 г. Но о-въ этотъ также не соотвѣтствуетъ лѣтописному разсказу какъ потому, что находится на Псковскомъ, а не на Чудскомъ озерѣ, такъ и потому, что онъ удаленъ отъ Чудской земли съ ея Суболицкимъ берегомъ.

Вообще, относительно всѣхъ разсмотрѣнныхъ выше опредѣленій мѣстоположенія Воронія камня, надобно замѣтить, что его искали близъ западнаго берега Чудскаго или Псковскаго озера, а между тѣмъ, по смыслу лѣтописнаго извѣстія, его слѣдовало искать на Чудскомъ оз., прямо противъ западнаго берега, въ 7 верстахъ.

По изображеніи хода событій съ подробными картами: военно-топографической, Шуберта и спеціальной, я полагаю, что приведенное извѣстіе лѣтописи можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ.

---

[1]) Изд. 1868 г. т. I стр. 363.

[2]) Нельзя не обратить вниманіе на то, что Костомаровъ въ своемъ изложеніи хода дѣла, совершенно невѣрно передаетъ лѣтописное извѣстіе. Такъ, изъ его разсказа видно, что дѣйствія развѣдочнаго отряда въ Чудской землѣ происходили до выхода кн. Александра изъ Пскова, тогда какъ этотъ отрядъ былъ посланъ изъ главныхъ силъ въ то время, когда они находились уже въ Чудской землѣ; что Нѣмцы и Чудь шли уже по льду Чудскаго озера, съ цѣлію дойти до Пскова, и только тогда кн. Александръ выступилъ изъ Пскова по льду же, слѣд. не бывши предварительно въ Чудской землѣ; что у Воронья камня кн. Александръ установилъ свое войско свиньею, а по приближеніи Нѣмцевъ, онъ двинулъ свою свинью рыломъ на непріятеля и разрѣзалъ нѣмецкій строй, тогда какъ, наоборотъ, нѣмецкая рать была построена свиньею и она разрѣзала русскій строй.

[3]) Стр. 184.

[4]) Изд. 1996 г. стр. 40 и 218.

Digitized by Google

Русская рать, подъ предводительствомъ кн. Александра, выступивъ изъ Пскова, направилась по льду черезъ Псковское озеро[1]) къ устью р. Воо (по Сп. нас. м. Псков. губ. р. Лыбовская), гдѣ вступила въ Чудскую землю и продолжала затѣмъ путь къ Юрьеву, по Суболицкой области, между берегомъ оз. Чудскаго (съуженной его части, наз. оз. Теплыхъ) и р. Аа, правымъ притокомъ р. Омовжи или Эмбаха. Во время слѣдованія по Чудской землѣ ратники шли нѣсколькими дорогами, забирая по пути продовольствіе у мѣстныхъ жителей, къ чему представлялась возможность въ этомъ краѣ и тогда, вѣроятно, такъ же довольно населенномъ, какъ въ настоящее время. Одновременно со вступленіемъ въ Чудскую землю, отъ главныхъ силъ былъ отдѣленъ развѣдочный отрядъ Домаша и Кербета, для собиранія свѣдѣній о силахъ и мѣстонахожденіи непріятеля, и шелъ лѣвѣе главныхъ силъ, верстахъ въ 7-ми. Отрядъ этотъ, достигнувъ *Моста*, неожиданно встрѣтилъ значительныя непріятельскія силы, выступившія навстрѣчу Русскихъ, и былъ разбитъ. При этомъ, относительно слова Мостъ надобно замѣтить, что это должно быть собственное имя и, несомнѣнно, названіе селенія, такъ какъ трудно допустить, чтобы лѣтописецъ, желая обозначить мѣсто столкновенія, могъ дать такое неопредѣленное указаніе, какъ мостъ въ обыкновенномъ смыслѣ: онъ скорѣе назвалъ бы рѣку, черезъ которую устроенъ мостъ. Поэтому, вѣроятно, подъ Мостомъ лѣтописи надобно разумѣть дер. *Хаммастъ* (въ 18 вер. къ Ю.-В. отъ Юрьева),—названіе коей[2]) передѣлано лѣтописцемъ на русскій ладъ, подобно тому, какъ названіе г. Кастра (Стар. и Нов. Кастеръ, на р. Омовжѣ, ниже Юрьева), передѣлано въ нашихъ актахъ и лѣтописяхъ въ Костеръ. Когда остатки разбитаго развѣдочнаго отряда прибѣжали къ кн. Александру и принесли извѣстіе о наступленіи непріятеля, главныя силы русской рати находились на одной высотѣ съ д. Хаммастъ, въ 7—8 вер. отъ нея къ В., въ мѣстности лѣсистой и болотистой, какою она представляется еще и теперь. Такъ какъ въ такой мѣстности невозможно было выбрать удобной позиціи для сраженія, то кн. Александръ отступилъ съ своими силами на озеро, въ суженной его части (оз. Теплое), по льду перешелъ его поперекъ и, приблизившись такимъ образомъ къ Псковскому берегу около него занялъ позицію на *Узмени*, у *Воронея камня*. Что такое Узмень — опредѣлить трудно, потому что подъ такимъ названіемъ встрѣчаются какъ озера (напр. озеро Узмень, около бывшаго гор. Усвята), такъ и селенія (напр. д. Узмень на берегу Жижецкаго оз., Торопецкаго у., и с. Узмень на берегу оз. Верито, Бѣжецк. у.); *Вороней* же *камень* существуетъ и въ настоящее время, подъ названіемъ *Воронея острова* (онъ показанъ на всѣхъ вышеназванныхъ картахъ) и находится въ ю. части собственно Чудскаго оз., въ 400 саж. къ С. отъ Гдовскаго берега, въ $5^1/_2$ вер. къ С.-З. отъ погоста Кобыльяго городища и въ 7 вер. отъ З. (Суболицкаго) берега Чудскаго озера. Островъ этотъ, пространствомъ въ 2 дес.

---

[1]) Переѣздъ зимою по льду возможенъ какъ по Псковскому, такъ и по суженной части Чудскаго — Теплому оз. (Геогр. Слов. Семенова V. 732).

[2]) Названіе этой деревни подписывается на картахъ различно: Хаммастъ, Хамастъ, Гамастъ и кажется правильнѣе было бы: Амастъ — по рус. зубъ, а участниками въ дѣлѣ могло быть передано лѣтописцу въ формѣ просто Мастъ.

Digitized by Google

1920 кв. саж., лѣтъ 100 тому назадъ (при генеральномъ межеваніи) былъ покрытъ дровянымъ лѣсомъ, по коему производились сѣнные покосы. На занятой при этомъ островѣ позиціи, русская рать построилась развернутымъ фронтомъ, обращеннымъ къ наступающему съ запада непріятелю. Сраженіе началось тѣмъ, что Нѣмцы и Чудь клинообразной колонной стремительно ударили на русскій строй и прорвали его, разсчитывая дѣйствовать во флангѣ разъединенныхъ частей русской рати и, такимъ образомъ, успѣшнѣе разбить ее; но непріятельская колонна была охвачена Русскими съ обѣихъ сторонъ и сама подверглась страшному пораженію, при чемъ однихъ Нѣмцевъ пало 400 человѣкъ (а по др. лѣтоп. 500), остальные же 50 взяты въ плѣнъ; а Чудь, понеся пораженіе, обратились въ бѣгство, но были преслѣдуемы Русскими и понесли при этомъ еще огромныя потери, безъ числа, какъ говоритъ лѣтописецъ. Преслѣдованіе это продолжалось по льду, до Суболицкаго берега, на протяженіи 7 верстъ, т.-е. на всемъ разстояніи, отдѣляющемъ Вороній о-въ отъ западнаго берега озера, у котораго оно было прекращено, безъ сомнѣнія потому, что, достигнувъ своей земли, остатки Чуди нашли надежное прикрытіе въ лѣсахъ. Эта битва, какъ происходившая все время на льду, получила въ нашихъ лѣтописяхъ названіе *ледоваго побоища*.

Вороней камень упоминается въ лѣтописи еще подъ 1463 годомъ[1]) при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1462 г. Псковичи построили *Новый городецъ* надъ Великимъ озеромъ, для защиты своего побережья отъ Нѣмцевъ, которые постоянно на него нападали. Въ 1463 г. марта 21 Нѣмцы пришли ратью къ этому городку и „оступаша его, начаша пушки шибати на городъ, а иная сила Нѣмецкая начала воевать и жечъ Псковскіе исады“; но когда, на слѣдующій день, на выручку городка прибыли Псковичи, то Нѣмцы, помѣтавши свой запасъ, отбѣжали отъ него и чередъ озеро поспѣшно ушли въ свою землю. Псковичи остались въ городкѣ, но несмотря на это, Нѣмцы опять пришли 27 марта и выжгли два большихъ исада[2]): *Островцы* и *Подолѣшье*. Посадникъ городка послалъ извѣстіе объ этомъ во Псковъ, и Псковичи соединившись съ пригорожанами, въ болѣе значительныхъ силахъ, прибыли 30 марта къ городку, но незастали уже Нѣмцевъ, такъ какъ они опять ушли въ свою землю. Тогда „посадники Псковскіе и Пскови начаша думати, куда поити за ними? и сдумаша поити и поидоша къ *Воронью камени* и вшѣха вся Псковская сила на озеро. И пришедши доброхотъ изъ зарубежья Чудинъ, и сказа посадникамъ Псковскимъ, что сила Нѣмецкая готова и хотятъ ударить на сію нощь на *Колпиное;* и Псковичи възвратишеся на тую же нощь, и поидоша на *Колпиное,* и пріидоша тамо порапу и узрѣша, что Нѣмцы жгутъ по нашей волости и воюютъ и церковь Колпинскую зажгоша и иныхъ исадовъ много жгутъ“. Псковичи, не ждавши ни часу, ударили на Нѣмцовъ на *Колпиной рѣкѣ* противу церкви и произвели великую сѣчу, обратили Нѣмцовъ въ бѣгство и преслѣдовали ихъ овы сѣкучи, а иныя бодучи... „и биша ихъ въ погоню на 15 верстъ до *Коховѣ рѣцѣ* и за Кохову, двѣма путжи гоняшея“... и по обѣимъ путямъ куды бѣгли Нѣмцы мостъ лежитъ трупія Нѣмецкаго“[3]).

---

[1]) Псков. 1 лѣт.: 223.

[2]) Исадами называются рыбацкія селенія.

[3]) Псков. 1 лѣтоп. 222—223.

Digitized by Google

Изъ числа упомянутыхъ въ этомъ лѣтописномъ извѣстіи мѣстъ, подъ *Новымъ городкомъ* слѣдуетъ разумѣть бывшій Псковскій пригородъ *Кобылій,* какъ онъ и называется въ другихъ спискахъ лѣтописи [1]) нынѣшній погостъ *Кобылье городище,* на берегу Чудскаго оз., при началѣ рч. Кобылки; исады *Островцы* и *Подолѣшье,* по смыслу лѣтописнаго извѣстія, находившіеся по близости Новаго городка, существуютъ инынѣ и расположены на берегу Чудскаго озера, къ С. отъ Кобыльяго городища, одно въ 9, а другое въ 11 верстахъ; *Колпиное* — должно быть нын. село Колпино (Псков. у. на о-вѣ Колпинѣ, въ 27 вер. къ Ю. отъ Кобыльяго городища и въ 44 вер. къ СЗ. отъ Пскова), что подтверждается словами лѣтописи: „и Псковичи възвратишеся", т.-е. поѣхали отъ Воронья камня по направленію къ Пскову; р. *Колпина,* съ которой у Колпинской церкви Псковичи ударили на Нѣмцовъ, — собственно проливъ, отдѣляющій отъ материка о-въ Колпинъ, на западномъ берегу котораго находится с. Колпино, р. *Кохова,* къ которой направилось преслѣдованіе бѣжавшихъ Нѣмцовъ, — должна быть нын. р. Меда (по Сп. насел. м. Псков. губ. Гнилуша), — составляющая границу между Псковской и Лифляндской губерніями, — а что она прежде называлась Каховой можно заключать изъ того, что она протекаетъ черезъ оз. Кахово и при ней находятся селенія, на правомъ берегу: Журово Кахово, Бубинцы Кахово, оба къ ЮЗ. отъ села Колпина въ 12 и 10 верстахъ, и Карики Кахово — на одной высотѣ съ нимъ, а на лѣвомъ берегу: д. Каххова и д. Кахква [2]). Что же относится до *Воронья камня,* то, по смыслу приведеннаго лѣтописнаго извѣстія, пунктъ этотъ долженъ находиться на пути предпринятаго Псковичами похода изъ Новаго городка (Кобыльяго городища) въ Чудскую землю, а въ виду этого его мѣстоположеніе и въ настоящемъ случаѣ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать *Воронею* о-ву, который, какъ къ выше объяснено, находится къ СЗ. отъ Кобыльяго городища (Новаго городка) въ $5^1/_2$ вер., а отъ берега Чудской земли въ 7 верстахъ, и къ такому заключенію не можетъ представляться препятствія въ томъ, что о-въ этотъ отстоитъ отъ с. Колпина въ 30 верстахъ, такъ какъ разстояніе это весьма возможно проѣхать, въ мартѣ мѣсяцѣ, съ вечера одного дня до утра слѣдующаго.

Обращаясь за симъ къ провѣркѣ, предполагаемыхъ гг. Трусманомъ, Костомаровымъ и Василевымъ, мѣстъ Воронія камня относительно села Колпина — пункта несомнѣнно опредѣленнаго, — находимъ, что скала у с. Вороньяго отстоитъ отъ Колпина въ 53 вер., скала при поворотѣ изъ Псковскаго оз. въ Чудское — въ $7^1/_2$ вер. и о-въ Варанья — въ $8^1/_2$ вер., а въ виду такихъ разстояній нельзя не заключить, что если первое изъ нихъ слишкомъ значительно, чтобы его можно было проѣхать въ одну ночь, то два послѣднія слишкомъ малы, чтобы на нихъ потребовалось такое же время, и потому ни одинъ изъ этихъ трехъ пунктовъ не можетъ быть признанъ за мѣсто Воронія камня, соотвѣтствующее и лѣтописному извѣстію 1463 года.

---

[1]) Псков. 1 лѣт. 221—222 стр., въ выноскахъ.

[2]) Здѣсь представляется еще примѣръ того, что лѣтописецъ, при записываніи собственныхъ именъ, въ которыхъ явственно слышится звукъ а, — употребляетъ О, и не только чудское Кахкова, но и русское Кахово передаетъ въ формѣ Кохова.

Digitized by Google

Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуня черезъ Ригу въ Зарайскъ въ 1224—25 гг.

Н. И. Петровъ.

Сказаніе это занесено въ „Русскій Временникъ“ или въ такъ называемую Костромскую лѣтопись, подъ заглавіемъ „О пришествіи Николина образа изъ Карсуни на Рязань“ [1]). Съ теченіемъ времени оно осложнилось нѣкоторыми дополненіями и варіантами и образовало двѣ редакціи, краткую и обширную, которыя обѣ дополнены сказаніями „О убіеніи благовѣрнаго князя Ѳеодора Георгіевича Рязанскаго Батыемъ“ и „о принесеніи чудотворнаго образа Николы Корсунскаго изъ Зарайска на Коломну и паки пришествіи въ Заразскъ“ въ 1513 и 1515 годахъ, и слѣдовательно получили свою законченность не раньше XVI вѣка. Судя по внутреннимъ признакамъ обѣихъ редакцій, краткая изъ нихъ должна быть ближе къ первоисточнику, чѣмъ пространная, такъ какъ меньше заключаетъ въ себѣ ошибокъ и реторическихъ водянистыхъ распространеній.

По краткой редакціи сказанія, образъ св. Николая Зарайскаго до 1224 года стоялъ „во градѣ Корсуни посредѣ града, идѣже бѣ церковь св. апостола Іакова, брата Господня по плоти, въ ней же служаше пресвитеръ Евстаѳій“. Въ этомъ году святитель Николай трижды являлся во снѣ пресвитеру Евстаѳію, повелѣвая ему взять его образъ и съ женою Ѳеодосіею и сыномъ Евстаѳіемъ итти въ Рязанскую Землю: „азъ бо,—говорилъ святитель,—тако хощу образомъ моимъ быти и чудеса творити, и мѣсто прославити“. Когда же пресвитеръ Евстаѳій не рѣшался оставить родину и предпринять трудный путь въ невѣдомую страну, то на него напала глазная болѣзнь, отъ которой онъ исцѣлился, помолившись св. Николаю и обѣщавшись исполнить его повелѣніе. Евстаѳій хотѣлъ направить свой путь въ Рязань черезъ Половецкую Землю. Но святитель Николай „паки явился іерею Евстаѳію и рече ему: неполезно ти есть итти чрезъ Половецкую землю, но иди во усть Днѣпра, и сяди въ корабль и дойди моря Варяжскаго (въ Нѣмецкія области), и оттуда иди сухимъ путемъ до великаго Новаграда, и тако до Рязанскія земли невозбранно дойдеши, вездѣ чести пріемля“. Іерей Евстаѳій такъ и поступилъ: „и пріиде въ усть Днѣпра, и сяде въ корабль въ Пантское море, еже словетъ море Русское, и дойде моря Варяжскаго, и пріиде

---

[1]) „О перенесеніи иконы св. Николая изъ Корсуня въ Новгородъ, въ 1223 г.,“ Кунника, въ „Ученыхъ Запискахъ Император. Академіи Наукъ по I и III отд.“, т. II, 1854 г., вып 5, стр. 747 и сл.

Digitized by Google

въ области Нѣмецкія во градъ Ригу, и мало пребывъ въ немъ пойде оттуду сухимъ путемъ, пріиде во градъ Кессъ, и оттуду въ великій Новградъ къ великому князю Ярославу Всеволодовичу и къ сыну его великому князю Александру Невскому, и пребысть тамо многи дни, въ ня же великій чудотворецъ Никола въ великомъ Новѣградѣ многи недужны исцѣли, и показа своя преславная чудеса". Изъ великаго Новгорода пресвитеръ Евстаѳій отправился въ Рязанскую землю и въ 1225 году прибылъ въ городъ Красный, нынѣшній Зарайскъ, гдѣ былъ благоговѣйно встрѣченъ мѣстнымъ удѣльнымъ княземъ Ѳеодоромъ Георгіевичемъ. Этому князю, тогда еще неженатому, предсказано было святителемъ Николаемъ, въ сонномъ видѣніи, что онъ получитъ вѣнецъ царства небеснаго съ женою и сыномъ своимъ. И дѣйствительно, когда въ 1237 году Батый наступалъ на Рязанскую землю, то князь Ѳеодоръ Георгіевичъ убіенъ былъ по приказанію самого Батыя, а молодая супруга его княгиня Евпраксія, получивъ вѣсть о мученической смерти своего мужа и не желая живою отдаться на оскверненіе татарамъ, взяла на-руки грудного младенца своего князя Іоанна и вмѣстѣ съ нимъ бросилась съ высокаго терема на землю и „заразися до смерти", отчего будто бы и самый городъ Красный сталъ называться Заразскомъ или Зарайскомъ [1]).

Въ пространной редакціи вначалѣ прибавлено витіеватое предисловіе и вставленъ разсказъ о крещеніи св. равноапостольнаго князя Владимира въ Корсуни. Что же касается существеннаго, фактическаго содержанія этой редакціи, то она повторяетъ то же самое, что передаетъ и краткая редакція, съ небольшими лишь отличіями отъ послѣдней. О Корсунской церкви, въ которой первоначально находился образъ св. Николая, въ пространной редакціи сказано, что этотъ образъ „въ странѣ гречестѣй во славнѣмъ градѣ Корсунѣ, у торга, посредѣ града, въ его имя созданной церкве стояше, при церкве св. апостола Іакова, брата св. Іоанна Богослова. Въ той убо церкве св. апостола Іакова самодержавный великій князь Владиміръ Святославичъ Кіевскій и всея Россіи пріятъ святое крещеніе". По свидѣтельству этой редакціи, пиршество по случаю брака св. Владимира съ царевною Анною происходило въ царской палатѣ за алтаремъ церкви св. Николая: „а идѣже греческіи царіе въ веселіи пребываху, и та палата царская была устроена великая близъ онаго храма великаго чудотворца Николая за алтаремъ. Сій же многочудесный образъ чудотворца Николая тогда убо во градѣ Корсунѣ во оной церкви бяше". Такимъ образомъ, по смыслу сказанія пространной редакціи, въ Корсуни была особая церковь св. Николая, въ которой, во время крещенія св. Владимира, находился уже и образъ сего святителя. Затѣмъ, по пространной редакціи, пресвитеръ Евстаѳій, совершивъ морской путь до Нѣмецкія земли, идетъ не въ Ригу, здѣсь не упоминаемую, а прямо во градъ Кесь и оттуда — въ великій Новгородъ [2]).

---

[1]) „Чудотворный образъ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайскаго". Изданіе второе. Рязань, 1892.

[2]) „Сказаніе о принесеніи образа св. Николая изъ Карсуня въ г. Зарайскъ въ 1225 году", изд. свящ. І. Добролюбова, Москва, 1891. Сн. „Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, кн. 15, 1852 г., Смѣсь, стр. 11—21. Въ первомъ изъ этихъ изданій вмѣсто *Кесь* ошибочно напечатано *Кесв*.

Digitized by Google

Въ концѣ нѣкоторыхъ списковъ сказанія сдѣлана замѣтка: „се письмо написа Евстаѳьевъ сынъ Корсунской Евстаѳій на память роду своему". На этомъ основаніи полагаютъ, что сказаніе составлено сыномъ Корсунскаго пресвитера Евстаѳія, принесшаго въ Зарайскъ чудотворный образъ св. Николая, тоже Евстаѳіемъ, т.-е. очевидцемъ и даже участникомъ описываемыхъ событій[1]). Но анализъ сказанія, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ редакціяхъ его, показываетъ, что авторъ его не имѣлъ вѣрнаго представленія ни о географическомъ мѣстоположеніи Корсуня, ни объ его исторіи, и слѣдовательно не былъ современникомъ и очевидцемъ описываемыхъ въ немъ событій: 1) съ именемъ Корсуня извѣстны были два древнихъ города — Херсонесъ Таврическій, находившійся близъ нынѣшняго Севастополя, и Корсунь Кіевской губерніи, нынѣ мѣстечко Каневскаго уѣзда. Послѣдній нѣкоторые считаютъ колоніею древняго Херсонеса Таврическаго[2]). Въ сказаніи несомнѣнно подъ Корсунемъ разумѣется Херсонесъ Таврическій, такъ какъ, по пространной редакціи сказанія, городъ Корсунь находился въ греческой землѣ, и въ немъ принялъ крещеніе св. равноапостольный князь Владиміръ. Но невѣрно извѣстіе пространной редакціи сказанія о томъ, будто бы св. равноапостольный князь Владиміръ получилъ крещеніе въ корсунской церкви св. апостола Іакова, брата св. Іоанна Богослова. Это извѣстіе, котораго нѣтъ въ краткой редакціи сказанія, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ извѣстіемъ нашей начальной лѣтописи о томъ, что крещеніе св. Владиміра происходило въ корсунской церкви пресв. Богородицы, стоявшей въ центрѣ города, на рыночной площади, „идѣже торгъ дѣютъ корсуняне". 2) Если и существовали въ древнемъ Херсонесѣ Таврическомъ церкви св. апостола и св. Николая, то въ нихъ во время крещенія св. Владиміра не могъ находиться образъ св. Николая, извѣстный нынѣ подъ именемъ Зарайскаго, потому что этотъ образъ — позднѣйшаго происхожденія. По краямъ его находится 17 изображеній событій изъ жизни и чудесъ святителя, изъ коихъ послѣднее есть „перенесеніе мощей святаго Николы чюд." изъ Мѵръ Ликійскихъ въ Баръ градъ[3]). А это событіе случилось уже къ концу XI вѣка, въ 1087 году[4]), раньше котораго и не могъ быть написанъ образъ св. Николая Зарайскаго. Да и послѣ этаго времени этотъ образъ не могъ явиться въ Херсонесѣ Таврическомъ, принадлежавшемъ къ греческой церкви, такъ какъ послѣдняя не празднуетъ изображеннаго на образѣ перенесенія мощей святителя въ Баръ[5]). 3) Въ 1223 году Корсунь, дотолѣ принадлежавшій къ Трапезунтской имперіи, опустошенъ былъ турецкимъ пра-

---

1) „Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей", кн. 15, 1852 г., Смѣсь, стр. 11—21; „Чудотворный образъ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайскаго", изданіе 2, Рязань, 1892 г., стр. 25.

2) „Сказаніе о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи", Похилевича, Кіевъ, 1863.

3) Хромометографическій рисунокъ его см. въ брошюрѣ: „Чудотворный образъ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайскаго", 2 изд., Рязань, 1892. Названія боковыхъ изображеній опредѣлены нами по иконѣ сего святителя, находящейся въ Церковно-Археологич. Музеѣ при Кіев. Дух. Академіи, подъ № 7636-мъ.

4) „Установленіе въ Русской церкви праздника 9 мая", А. Красовскаго, въ Трудахъ Кіев. Дух. Ак., декабрь, 1874 г., стр. 542 и др.

5) Тамъ же.

Digitized by Google

вителемъ Синопа Этумомъ или Гетумомъ [1]), что дѣйствительно могло послужить для корсунскаго пресвитера Евстаѳія достаточнымъ побужденіемъ къ переселенію его изъ Херсонеса въ Россію; но направленіе его пути и самая возможность его представляются мало вѣроятными. По обѣимъ редакціямъ сказанія, Корсунскій пресвитеръ Евстаѳій „пріиде въ усть рѣки Днѣпра и сяде въ корабль въ Пантское море, еже словетъ море Русское, и дойде моря Варяжскаго". Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ пресвитеръ Евстаѳій долженъ бы былъ ѣхать изъ Херсонеса сначала Понтійскимъ или Русскимъ моремъ, чтобы потомъ войти „въ усть рѣки Днѣпра", а не наоборотъ. Несообразность опредѣленія указаннаго пути устранилась бы, если бы мы подъ Корсунемъ разумѣли не Херсонесъ Таврическій, а Корсунь Кіевскій; потому что въ такомъ случаѣ пресвитеръ Евстаѳій могъ бы плыть сначала Днѣпромъ, до устья его, а потомъ моремъ Русскимъ или нынѣшнимъ Чернымъ и изъ него сдѣлать громадный морской путь вокругъ всей Западной Европы въ море Варяжское. Но, не говоря уже о томъ, что мы не имѣемъ права подразумѣвать въ сказаніи Корсунь Кіевскій, и самъ по себѣ этотъ путь возбуждаетъ неменьшія недоразумѣнія, такъ какъ едва ли былъ возможенъ въ то время, по крайней мѣрѣ безъ пересадки, и во всякомъ случаѣ представлялся бы излишнимъ при существованіи болѣе краткаго, легкаго и прямого пути изъ Корсуня Кіевскаго въ Ригу по Днѣпру и Западной Двинѣ. Но ѣхалъ ли бы пресвитеръ Евстаѳій изъ Херсонеса Таврическаго на сѣверъ, или изъ Корсуня Кіевскаго на югъ, къ устью Днѣпра далѣе, во всякомъ случаѣ онъ долженъ бы былъ ѣхать черезъ нынѣшнюю Новороссійскую степь, занятую тогда Половцами, которые совершенно отрѣзали пути сообщенія между Тавридой и Кіевской землей.

На основаніи сказаннаго мы полагаемъ, что образъ св. Николая Зарайскаго не былъ первоначально въ Херсонесѣ Таврическомъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ образъ по справедливости могъ называться корсунскимъ. Корсунскими иконами въ древней Руси первоначально назывались иконы, вывезенныя св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ въ Кіевъ изъ Корсуня Таврическаго, т.-е. писанныя греческими Корсунскими иконописцами, а затѣмъ и всякія другія иконы, писанныя по образцу греческихъ корсунскихъ иконъ. Судя по имѣющимся описаніямъ, образъ св. Николая Зарайскаго несомнѣнно принадлежитъ къ числу иконъ корсунскаго письма: „живопись на образѣ, — говоритъ одинъ описатель, — древняя византійская высокаго стиля" [2]), т.-е., по крайней мѣрѣ, въ византійскомъ стилѣ. По всей вѣроятности, названіе сего образа Корсунскимъ и подало поводъ автору сказанія понять это названіе въ буквальномъ, географическомъ смыслѣ и прійти къ легендарному домыслу о томъ, какимъ способомъ этотъ образъ могъ быть перенесенъ изъ Корсуня въ Рязанскую землю.

Гдѣ первоначально находился образъ св. Николая Зарайскаго, — объ этомъ трудно сказать что нибудь съ увѣренностію. Но можно съ нѣкоторымъ основаніемъ

---

[1]) „Ученыя Записки Импер. Академіи Наукъ по I и III отдѣл.", т. II, 1854 г., вып. 5, стр. 739; „Черноморье", Ф. Бруна, ч. I, Одесса, 1879 г., стр. 171.

[2]) „Чудотворный образъ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайскаго", 2 изданіе, Рязань, 1892 г., стр. 6. Къ сожалѣнію, это описаніе слишкомъ кратко и неопредѣленно и ничего не говоритъ о языкѣ надписей на иконѣ, долженствующемъ имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о происхожденіи иконы. Не славянскія ли на немъ надписи?

Digitized by Google

предполагать, что первоначально находился онъ въ Кіевѣ. Здѣсь несомнѣнно былъ въ дотатарскую эпоху образъ св. Николая съ изображеніями на поляхъ событій изъ жизни и чудесъ святителя, одного типа съ образомъ св. Николая съ семью боковыми изображеніями, изъ коихъ пять представляютъ собою одноличныя изображенія, шестое — преставленіе святителя, а седьмое — перенесеніе его мощей. Образокъ этотъ найденъ въ землѣ, въ Кіевской губерніи, въ селѣ Глуховцахъ, Бердичевскаго уѣзда[1]), и, по всей вѣроятности, представляетъ собою воспроизведеніе какого либо мѣстночтимаго кіевскаго образа св. Николая, который могъ быть написанъ лишь по установленіи въ Русской церкви, около 1089 года, праздника 9 мая въ память перенесенія мощей святителя Николая изъ Мѵръ Ликійскихъ въ Баръ градъ[2]). Но въ настоящее время въ Кіевѣ нѣтъ уже ни оного образа св. Николая съ изображеніемъ на поляхъ событій изъ жизни и чудесъ святителя; слѣдовательно, этотъ древній образъ или погибъ во время смутъ, или унесенъ былъ изъ Кіева въ другое мѣсто.

Онъ могъ быть унесенъ изъ Кіева въ одно изъ разореній этого города въ дотатарскую эпоху. Наиболѣе крупными изъ такихъ разореній были: въ 1169 году сыномъ Андрея Боголюбскаго Мстиславомъ Андреевичемъ и въ 1202 году Рюрикомъ Ростиславичемъ, тогдашнимъ великимъ княземъ кіевскимъ (1180—1214 гг.), изъ роду князей Смоленскихъ. Послѣднее разореніе, по времени, ближе подходитъ къ 1224—5 годамъ, въ которые, по извѣстію сказанія, перенесенъ былъ образъ св. Николая Зарайскаго сначала въ Ригу, а потомъ въ Великій Новгородъ и въ Рязанскую землю. Посредствующимъ, передаточнымъ пунктомъ въ этомъ случаѣ долженъ быть Смоленскъ. Рюрикъ Ростиславичъ, происходя изъ Смоленскихъ князей, всегда питалъ симпатіи къ своему родному городу и опирался на него въ своихъ притязаніяхъ на кіевскій великокняжескій престолъ, а потому, разоривъ и ограбивъ въ 1202 году непокорный ему Кіевъ, предоставилъ добычу и въ частности награбленныя святыни кіевскія Смольянамъ.

Могли святыни кіевскія переходить въ Смоленскъ и не въ качествѣ военной добычи. Во время княженія въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича, братъ его Давидъ Ростиславичъ долго княжилъ въ кіевскомъ Вышградѣ и, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, перенесъ изъ Вышгорода въ Смоленскъ мощи святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба[3]). Сынъ Рюрика Ростиславича Владиміръ около 13-ти лѣтъ занималъ кіевскій великокняжескій престолъ (1223—1236 гг.) и въ 1236 году удалился въ родной Смоленскъ, въ которомъ и сложилъ свои кости.

Во всякомъ случаѣ, намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что образъ св. Николая, извѣстный нынѣ подъ названіемъ Зарайскаго, перенесенъ былъ изъ Кіева въ Смоленскую землю въ началѣ XIII вѣка.

---

[1]) См. его въ Церковно-Археологич. Музеѣ при Кіев. Дух. Академіи, подъ № 4195. Фототипически изданъ, въ натуральную величину, въ „Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ“, Н. А. Леопардова, серія 2, вып. 1, Кіевъ, 1891 г., табл. III, № 6.

[2]) „Установленіе въ Русской церкви праздника 9 мая“, А. Красовскаго, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, декабрь, 1874 г., стр. 584.

[3]) „Труды Кіевской Дух. Академіи“, іюль, 1895 года, стр. 485 и 486.

Digitized by Google

Смоленскъ, въ свою очередь, издавна находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ Норманнами и Нѣмцами и вообще съ Западною Европою черезъ посредство Западной Двины. По Двинѣ Русскіе ходили къ Варяжскому морю и на островъ Готландъ, находящійся на самой серединѣ Балтійскаго моря, между Швеціею и нынѣшнею Курляндскою губерніею. Основанный въ XIII вѣкѣ на Готландѣ городъ Висби, въ которомъ впослѣдствіи было до 200,000 жителей, былъ центромъ обширной торговли Запада съ Востокомъ. Сюда-то попреимуществу направлялись русскіе товары изъ Новгорода, Смоленска, Витебска и Полоцка. Сюда же приходили и нѣмецкіе корабли. Наконецъ, предпріимчивые нѣмецкіе купцы, рѣшившись завязать прямыя сношенія съ народами, жившими на восточномъ побережьи Балтійскаго моря, пристали случайно къ устью Двины, въ бассейнѣ которой жили Ливы, Зелы и Русскіе, вскорѣ проникли миль на шесть во внутрь страны и, съ позволенія туземцевъ, выстроили на одной горѣ городокъ Икскуль, въ которомъ можно было бы безопасно продолжать торговлю. Это случилось раньше 1143 года. Вскорѣ явились сюда и нѣмецкіе миссіонеры, для обращенія туземцевъ въ католичество, и епископы,—и одинъ изъ послѣднихъ Альбертъ, видя, что мѣстопребываніе епископовъ въ Икскулѣ, за отдаленностію отъ моря, крайне неудобно и необезпечено, выбралъ, въ 14-ти верстахъ отъ моря, мѣсто, которое Ливы называли Ригою, и здѣсь весною 1201 года основалъ городъ Ригу, вскорѣ сдѣлавшійся центромъ торговли между Нѣмцами и Русскими. Въ 1203 году въ Ливоніи основался Ливонскій орденъ меченосцевъ, который къ 1207 году завоевалъ всѣ ливскія, латышскія и чудскія земли. А такъ какъ эти завоеванія съ одной стороны преграждали Русскимъ исконный ихъ путь для торговли съ Готскимъ берегомъ, а съ другой — нарушали вассальныя права сосѣднихъ русскихъ князей по отношенію къ туземцамъ, то отсюда возникъ цѣлый рядъ непріязненныхъ столкновеній сосѣднихъ русскихъ князей съ пришлыми Нѣмцами и попытокъ заключить миръ въ видахъ безпрепятственности торговли съ обѣихъ сторонъ. Къ сожалѣнію, Русскіе боролись и мирились съ Нѣмцами не совокупными силами, а разрозненно, поодиночкѣ и потому постепенно уступали верхъ Нѣмцамъ. Въ этомъ отношеніи нужно различать отношенія къ Нѣмцамъ съ одной стороны Полоцка и Смоленска, съ другой—Новгорода и Пскова.

Въ 1210 году Полоцкъ и Смоленскъ заключили первый договоръ съ Ригою. Въ 1212 году Полоцкій князь Владимиръ заключилъ съ Межскимъ епископомъ новый союзъ, но въ 1216 году разсорился съ Ригой и съ большимъ войскомъ изъ Полочанъ и Литвы собрался-было для осады Риги; но, входя въ корабль, скоропостижно умеръ. Съ тѣхъ поръ несогласія Полочанъ и Смольнянъ съ Нѣмцами продолжались вплоть до первой битвы Русскихъ съ Татарами на р. Калкѣ въ 1223 году. Въ литовской хроникѣ, вслѣдъ за описаніемъ этой битвы, говорится: „князь смоленскій, полоцкій и другіе русскіе князья отправили пословъ въ Ригу съ просьбой о заключеніи мира, который и былъ возстановленъ по всѣмъ статьямъ, какъ онъ существовалъ издавна“ [1]). По мнѣнію академика Куника, русскіе послы прибыли въ Ригу къ осени 1223 года

[1]) „Рѣка Западная Двина“, А. Сапунова, Витебскъ, 1893 г., стр. 265—271.

Digitized by Google

и оставались здѣсь еще и въ январѣ 1224 года[1]). Въ это-то время и могъ быть перенесенъ въ Ригу корсунскій образъ св. Николая, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Зарайскаго, и оставаться здѣсь нѣкоторое время.

Въ Ригѣ, вѣроятно съ самаго основанія ея въ 1201 году, селились и Русскіе, которымъ уже въ XIII столѣтіи предоставлены были гражданскія права. Эти Русскіе, вѣроятно, служили посредниками между Нѣмцами и пріѣзжими своими земляками. Въ качествѣ рижскихъ гражданъ, они пользуются правомъ заморской торговли. Напримѣръ, нѣкто Тимошка, около 1327 года, велъ торговлю въ Любекѣ. Кромѣ этихъ Русскихъ, постоянныхъ жителей Риги, тамъ была значительная колонія временно пріѣзжавшихъ Русскихъ, состоявшая изъ купцовъ, кормчихъ, носильщиковъ и т. п. Въ Ригѣ былъ даже такъ называемый Русскій Конецъ, гдѣ были дома и лавки Русскихъ, а въ предмѣстьи Риги — русская деревня. Съ появленіемъ въ Ригѣ Русскаго Конца, появилась тамъ и православная церковь во имя св. Николая. Она состояла подъ вѣдомствомъ полоцкаго епископа, который присылалъ для нея священниковъ, и просуществовала до взятія Риги Шведами въ 1621 году, а Русскій Конецъ истребленъ былъ пожаромъ въ 1677 году[2]).

Для насъ неизвѣстно съ точностію, когда былъ храмовой праздникъ Рижской Николаевской православной церкви, 6 декабря, или 9 мая. Въ Рижскомъ Церковно-Археологическомъ Музеѣ наиболѣе древнею иконою представляется намъ створчатая икона XVII вѣка, съ изображеніями на ней нѣкоторыхъ событій изъ жизни и чудесъ св. Николая, а въ томъ числѣ и перенесенія мощей его[3]). Она поступила въ Музей вмѣстѣ съ другими старинными иконами изъ Рижской Алексѣевской церкви и является какъ бы преемницею храмовой иконы древней Рижской Николаевской церкви. А это обстоятельство даетъ поводъ предполагать, что древняя Рижская Николаевская церковь построена была въ честь перенесенія мощей св. Николая изъ Мѵръ Ликійскихъ въ Баръ градъ, празднуемаго 9 мая, — и основаніе ея въ Ригѣ могло имѣть какую-либо связь съ перенесеніемъ корсунскаго образа св. Николая въ Рязанскую землю черезъ Ригу.

Но въ Ригѣ недолго находился образъ св. Николая. Въ томъ же 1223 году онъ перенесенъ былъ въ Кесь, нынѣшній Венденъ, находившійся тогда въ сферѣ политическихъ интересовъ великаго Новгорода, а затѣмъ и въ самый великій Новгородъ.

Новгородъ удачнѣе отстаивалъ свои интересы отъ покушеній Нѣмцевъ и успѣшнѣе боролся съ ними, чѣмъ Полоцкъ и Смоленскъ. Еще въ 1195 году Новгородцы заключили съ Готами и Нѣмцами договоръ на всей своей волѣ, какъ это они дѣлали и въ послѣдствіи времени[4]). Когда же Нѣмцы, утвердившись на восточномъ побережьи Балтійскаго моря, стали завоевывать Ливонію, то Новгородъ и Псковъ долго

---

[1]) „Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ по I и III отдѣл.“, т. II, С.-Петербургъ, 1854 г., стр. 777.

[2]) „Рѣка Зап. Двина“, А. Сапунова, Витебскъ, 1893 г., стр. 279.

[3]) По описи № 47. Есть въ этомъ Музеѣ и другая старинная икона св. Николая того же типа.

[4]) „Приморскіе Венденскіе города“, Ѳ. Фортинскаго, Кіевъ, 1877 г., стр. 364, 365, 369 и слѣд.

Digitized by Google

боролись съ ними и съ успѣхомъ отстаивали отъ нихъ свои владѣнія. Въ число спорныхъ между Новгородомъ и Нѣмцами пунктовъ былъ и городъ Кесь, нынѣшній Венденъ, захваченный Нѣмцами и укрѣпленный магистромъ венденскимъ Бертольдомъ. Въ сентябрѣ 1218 года новгородскій князь Святославъ Мстиславичъ, старшій сынъ великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича, предпринялъ походъ на Кесь, но возвратился изъ этого похода безъ успѣха. Въ 1221 году другой новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ, братъ предыдущаго, тоже ходилъ подъ Венденъ или Кесь, при чемъ оказалось, что около замка были дома и деревня[1]), въ которыхъ, вѣроятно, жили туземцы. Здѣсь-то впослѣдствіи и могъ остановиться пресвитеръ Евстаѳій съ корсунскою иконою св. Николая, на пути въ Новгородъ. Когда это случилось, на это есть указаніе въ самомъ сказаніи, что пресвитеръ Евстаѳій, немного побывъ въ Ригѣ, „пойде оттуду сухимъ путемъ, пріиде во градъ Кесь, и оттуду въ великій Новгородъ къ великому князю Ярославу Всеволодичу и къ сыну его великому князю Александру Невскому“[2]). Ярославъ же Всеволодовичъ былъ новгородскимъ княземъ три раза: первый разъ въ 1215 году, второй — въ 1223 году и третій — въ 1226—1228 годахъ[3]). Хронологическая дата сказанія (1224—1225 гг.) наиболѣе приближается ко времени вторичнаго княженія Ярослава Всеволодовича въ Новгородѣ, т.-е. къ 1223 году. Слѣдовательно, въ этомъ году пресвитеръ Евстаѳій былъ съ корсунскою иконою св. Николая и въ Кеси, и въ этомъ же году пришелъ съ нею и въ Новгородъ.

Остальной путь образа св. Николая Зарайскаго изъ великаго Новгорода въ Рязанскую землю и время принесенія его въ городъ Красный въ 1225 году не возбуждаютъ большихъ недоумѣній и могутъ быть приняты съ большою вѣроятностію.

Итакъ, по нашему мнѣнію, въ основѣ разсматриваемаго сказанія лежитъ дѣйствительный фактъ перенесенія образа св. Николая Зарайскаго черезъ Ригу въ Рязанскую землю, но не изъ Херсонеса Таврическаго, а изъ Кіева, по среднему и верхнему теченію Днѣпра и по Двинѣ, черезъ Смоленскъ. По крайней мѣрѣ, фактъ этого перенесенія имѣетъ всѣ признаки вѣроятія и возможности, которыхъ не можетъ поколебать и очевидная легендарность нѣкоторыхъ подробностей сказанія. Послѣдняя объясняется литературными источниками сказанія и отчасти неумѣньемъ автора пользоваться ими. По нашему мнѣнію, авторъ сказанія, желая объяснить происхожденіе названія иконы корсунскою, наводилъ по этому предмету историко-литературныя справки и воспользовался съ одной стороны извѣстнымъ сказаніемъ о путешествіи св. апостола Андрея Первозваннаго, черезъ устье Днѣпровское, въ Кіевъ и Новгородъ, а съ другой — сказаніемъ объ Антоніи Римлянинѣ Новгородскомъ и прибытіи

---

[1]) „Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ по I и III отдѣленіямъ“, т. II, С.-Петербургъ, 1854 г., стр. 322, 323, 750—752.

[2]) „Чудотворный образъ святителя Христова и Чудотворца Николая Зарайскаго“, 2-е изданіе, Рязань, 1892 г., стр. 13.

[3]) „Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ по I и III отдѣленіямъ“, томъ II, 1854 г., стр. 808, 810 и 816.

Digitized by Google

церковныхъ сосудовъ и утвари изъ Рима въ Великій Новгородъ морскимъ путемъ черезъ Варяжское море; но онъ смѣшалъ эти два различныя сказанія въ одно противорѣчивое цѣлое и примѣнилъ ихъ къ перенесенію корсунской иконы св. Николая въ Рязанскую землю. Если устранить изъ сказанія эти литературныя позаимствованія, то останется только фактъ перенесенія иконы св. Николая въ Рязанскую землю обслѣдованнымъ нами путемъ, т.-е. черезъ Ригу, Кесь и Новгородъ.

Digitized by Google

Рига и осада ея царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

М. П. Истомина.

I.

Московскіе государи, завершая объединеніе сѣверно-русскихъ областей, не оставляли безъ вниманія и весьма важный вопросъ о Балтійскомъ побережьи. На первомъ планѣ тутъ стояла Лифляндія, по замѣчанію одного изъ историковъ половины XVIII в.: „Эта прекрасная страна, по пространству вмѣщающая сто миль, имѣющая лучшіе портовые города, счастливая всѣми способностями къ торговлѣ, изобилующая урожаемъ всякаго рода хлѣба“ и пр.[1]).

Въ промежутокъ отъ конца XVI-го по первые годы XVIII-го вѣка во внѣшней политикѣ московскихъ государей было, какъ извѣстно, три движенія къ Балтійскому поморью, болѣе энергически выразившихся: въ царствованіи Іоанна IV, Алексѣя Михайловича и Петра Великаго.

Балтійскій вопросъ, какъ это съ такою обстоятельностью разсмотрѣно въ капитальномъ трудѣ проф. Г. В. Форстена, служившій въ теченіи болѣе двухъ столѣтій исходною точкою для многихъ политическихъ комбинацій государствъ не только сѣверо-восточной, но центральной и западной Европы (Германіи, Франціи и даже Испаніи), едва ли не энергичнѣе всего въ XVI в. выдвигается на очередь, благодаря попыткѣ Іоанна IV-го завладѣть Ливоніею. Понадобилась цѣлая коалиція сосѣднихъ государствъ, чтобы помѣшать этимъ стремленіямъ. Въ результатѣ получилось распаденіе политическаго организма, именуемаго Ливонскимъ Орденомъ, при чемъ на долю Польши выпали лучшія части ливонскаго наслѣдства, а именно Лифляндія съ такимъ первокласнымъ портомъ, какъ Рига. На послѣднюю, хотя и безуспѣшно, мѣтилъ неоднократно и Іоаннъ IV, очевидно понимая, что въ обладаніи Ригою кроются наибольшіе интересы, связанные съ развитіемъ торговли на восточномъ побережьи Балтики. Городъ этотъ уже съ XIII-го в. играетъ весьма важную роль въ ходѣ ган-

---

[1]) „Лифляндія въ древнихъ и многихъ даже до нашихъ временъ дѣяніяхъ и перемѣнахъ ея“ собрано и издано въ свѣтъ на польскомъ языкѣ лифляндскимъ каштеляномъ Іоанномъ Августомъ Гильзеномъ 1750 г., печатано въ Вильнѣ въ академической Его Кор. Вел. типографіи іезуитнаго братства. Я пользовался переводомъ на русскій языкъ, сдѣланнымъ въ 1802 г. въ Петербургѣ. Рукопись послѣдняго съ собственноручными добавленіями митрополита Евгенія хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора.

Digitized by Google

зейской торговли, такъ какъ служилъ главнымъ пунктомъ экспорта льна и конопли. Значеніе это напрасно старались подорвать шведскіе короли, какъ напр. Карлъ IX, насильственными мѣрами, захватомъ судовъ, или же трактатами, напоминающими въ миніатюрѣ континентальную систему Наполеона I, съ цѣлью изолировать Ригу изъ района торговыхъ оборотовъ, наиболѣе выгодныхъ для нея[1]). Къ такимъ договорамъ, большею частью тщетно, шведскіе государи старались склонить сосѣдніе торговые города и государства, какъ напр. Нидерландскіе штаты и т. п. Рижане зорко сторожили свои торговые интересы, а вмѣстѣ съ другими и свою независимость. Городъ Рига, хотя по традиціи и считался архіепископскимъ, но на самомъ дѣлѣ до 1561 г. — т. е. до перехода къ Польшѣ — пользовался почти полною автономіею не только въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, но даже и во внѣшнихъ сношеніяхъ: главная роль по всѣмъ этимъ вопросамъ принадлежала городскому рату[2]). Своимъ верховнымъ протекторомъ Рига считала германскаго императора[3]). Слѣдовательно въ этомъ отношеніи городъ старался занять въ составѣ земель, на которыя, конечно, номинально, распространялась юрисдикція императоровъ Священной Римской Имперіи, ту же позицію, какъ вообще, имперскіе города въ Германіи. Въ такомъ положеніи находилась Рига въ періодъ существованія Ливонскаго Ордена. Переходъ къ Польшѣ не могъ конечно не повліять на такой строй отношеній, вѣками выработавшійся въ Ригѣ. Хотя переходъ этотъ и былъ до извѣстной степени добровольнымъ, хотя онъ и сопровождался торжественнымъ обѣщаніемъ Сигизмунда II-Августа оставить неприкосновеннымъ всѣ права и привиллегіи Рижанъ[4]), у послѣднихъ очень скоро начинаются несогласія съ польскою администраціею[5]). Несогласія эти, обнаруживающіяся почти по всей Лифляндіи, возрастали все болѣе и болѣе и въ концѣ первой четверти XVII-го в. облегчили Густаву-Адольфу осуществленіе намѣченной имъ программы — покоренія Лифляндіи, а вмѣстѣ съ ней и города Риги. Этотъ послѣдній городъ, можно сказать, и составлялъ главную цѣль ливонской войны, предпринятой съ Польшей шведскимъ королемъ; между тѣмъ какъ еще въ XVI в. Рижане въ виду опасности, грозившей имъ отъ утвержденія шведскаго вліянія на правой сторонѣ Двины, предпочли планъ Кетлера о добровольномъ соединеніи съ Польшею. Весьма естественнымъ послѣ сказаннаго является вопросъ, чѣмъ собственно со стороны польской администраціи было вызвано недовольство у Лифляндцевъ вообще и въ частности у Рижанъ? Г. В. Форстенъ, разсматривая въ своемъ вышеупомянутомъ капитальномъ трудѣ[6]) обстоятельства, вызвавшія столкновенія Лифляндцевъ съ польскою администраціею, указываетъ какъ главную и едва ли не единственную причину „систематическую рекатолизацію“ ливонскихъ областей, начавшуюся со временъ Стефана Баторія и особенно усилившуюся при фанатическомъ Сигизмундѣ III, тогда какъ авторъ уже цитированнаго нами сочиненія: „Лифляндія въ древнихъ и многихъ даже до

---

1) Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ, т. II, стр. 8.
2) См. меморандумъ городского рата гильдіямъ 19 сент. 1561 г. Bienemann. 398—400.
3) Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ, 1 т. 249 с.
4) Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв., 1 т. стр. 251.
5) ibid. 1, 489 и 610 стр.
6) Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв.

Digitized by Google

нашихъ временъ дѣяніяхъ и перемѣнахъ ея", Іоаннъ-Августъ Гильзенъ, жившій въ половинѣ прошлаго вѣка, намѣчаетъ совершенно другія причины отпаденія Ливоніи отъ Польши въ двадцатыхъ годахъ XVII в. „Извѣстно, говоритъ онъ, что въ потерѣ Лифляндіи (Польшею) споспѣшествовало худое обхожденіе съ Лифляндцами, поелику кромѣ многихъ другихъ обидъ, *губерніи и староства въ Лифляндіи отдавались не тамошнимъ обывателямъ, какъ ограничилъ договоръ подданства, но чужимъ и съ исключеніемъ самихъ лифляндцевъ*. Сверхъ того, подъ предлогомъ уличенія, недоказаннаго законнымъ образомъ, въ согласіи ихъ (т. е. Лифляндцевъ) съ непріятельскою стороною (со Шведами), отнимаемы были собственныя ихъ вотчины, которыя старосты, имѣющіе въ лифляндскихъ замкахъ польскіе гарнизоны, нахально себѣ занимали и присоединяли къ своимъ староствамъ"...[1]) Какъ видно отсюда, Гильзенъ главною причиною недовольства Лифляндцевъ на Польшу, облегчившаго Шведамъ покореніе Лифляндіи, выставляетъ захваты польскими администраторами староствъ въ недавно присоединенной странѣ. Подобнымъ способомъ дѣйствій вызываемо было недовольство главнымъ образомъ конечно въ средѣ ливонскаго дворянства. Ставши на эту точку зрѣнія, намъ будетъ понятно, почему въ то время, какъ многія области, гдѣ дворянство составляло безраздѣльно господствующій классъ, сравнительно легко переходили къ Шведамъ — города предпочитали все-таки политическую унію съ Рѣчью Посполитою. Рижане, не смотря на свои разногласія съ польскою администраціею и недовольство польскими порядками, очевидно во многомъ нарушавшими прежнюю автономію города, мужественно оборонялись отъ Шведовъ, уступивъ подъ конецъ только лишь силѣ шведскаго оружія[2]). Вообще чрезъ всю исторію Риги въ XVI и началѣ XVII вв. красною нитью проходитъ болѣе охотное стремленіе къ соединенію съ Польшею, нежели со Швеціею, послѣ того какъ стало очевиднымъ, что невозможно сохранить прежнюю независимость посреди могущественныхъ сосѣдей. Интересы округовъ и городовъ въ этомъ случаѣ очевидно двоились. 15-го сентября 1621 г. послѣдовала сдача Риги Густаву-Адольфу, „первою заботою котораго было обезпечить за Рижанами ихъ торговыя преимущества; Рига стала главнымъ стапельнымъ пунктомъ Ливоніи и Курляндіи, однимъ изъ самыхъ значительныхъ торговыхъ городовъ Швеціи въ XVII столѣтіи[3]). Пріобрѣтеніе восточной части Балтійскаго побережья дѣйствительно дало Шведамъ громадныя выгоды по сосредочію здѣсь хлѣбной торговли: отсюда въ то время шелъ главный отпускъ хлѣба изъ Восточной Европы въ Западную. Первое мѣсто по экспорту хлѣба въ этомъ районѣ принадлежало Ригѣ, оттуда ежегодно вывозилось 200,000 тоннъ хлѣба[4]).

II.

Мы теперь подошли къ тому періоду въ исторіи г. Риги, который собственно и составляетъ нашу цѣль въ данномъ случаѣ. Предварительный очеркъ былъ намъ

---

[1]) См. предисловіе къ означенному сочиненію.
[2]) Cronholm (Объ осадѣ Риги) I, с. 374—396, Oxenstirna Schrifter, I, II, с. 163, 167.
[3]) Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ, II т., 167 с.
[4]) ibid., II т. 171 стр.

Digitized by Google

необходимъ, какъ увидитъ читатель, чтобы лучше оттѣнить тѣ стороны въ трактуемомъ сюжетѣ, которыхъ придется коснуться далѣе.

Съ распаденіемъ Ливонскаго Ордена мѣстное рыцарство отодвигается на второй планъ, главная сила и импульсъ страны сосредоточиваются въ приморскихъ городахъ, среди коихъ первое мѣсто безспорно принадлежало Ригѣ. Отъ обладанія этимъ городомъ въ значительной степени зависѣло какому изъ сосѣднихъ государствъ, такъ кровопролитно боровшихся за ливонское наслѣдство въ XVI и XVII стол., будетъ принадлежать господство на восточномъ побережьи Балтійскаго моря. Такъ по крайней мѣрѣ стоялъ этотъ вопросъ съ конца XVI по конецъ XVII в. Это понималъ уже до извѣстной степени Іоаннъ IV, его точку зрѣнія раздѣлялъ и царь Алексѣй Михайловичъ, поставившій себѣ цѣлью въ войнѣ, начатой со Шведами въ 1656 году, прежде всего овладѣть Ригою; въ противномъ случаѣ этотъ неудавшійся походъ представляется какою-то отрывочною попыткою, проистекавшею лишь изъ одного стремленія нанести какой бы то ни было ударъ могущественному сосѣду, особенно опасному послѣ грозныхъ успѣховъ Карла X въ Польшѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ кампанію, предпринятую Алексѣемъ Михайловичемъ противъ Шведовъ, нужно разсматривать какъ вторую значительную диверсію — въ московскій періодъ русской исторіи — изъ той эпопеи „Drang nach Westen“, прологъ которой скрывается еще въ походахъ Ярослава I, энергическое развитіе котораго указано Іоанномъ IV, а осуществленіе судьбою исторіи назначено Петру I и его премникамъ. Русскіе историки, какъ напр. покойный проф. Соловьевъ[1]), мимоходомъ говорятъ о такомъ въ сущности далеко не лишенномъ значенія фактѣ, какъ стремленіе царя Алексѣя Михайловича овладѣть Ригою.

Гораздо больше вниманія этому факту удѣляютъ современники той эпохи — Лифляндцы. Ихъ взглядъ мы можемъ прослѣдить въ изданной вскорѣ послѣ неудавшейся осады Риги „Gründliche und Wahrhaftige Relation von der Belagerung der Königlichen Stadt Riga in Livland и пр.[2]). Реляція эта, составленная въ 1657 г., принадлежитъ пастору Зонтагу, бывшему впослѣдствіи лифляндскимъ генералъ-суперинтендентомъ. Она указывается и Соловьевымъ при перечисленіи тѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался для описанія шведской войны при Алексѣѣ Михайловичѣ[3]). Компиляцію главнымъ образомъ этой Реляціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими источниками[4]) представляетъ также статья Д. И. Шлуна, напечатанная въ „Отечествен. Запискахъ“ за 1822 г. (мартъ и апрѣль): „Осада Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1656 г.“

---

[1]) Ист. Россіи, т. X, стр. 410, изд. 1860 г.

[2]) Полное заглавіе этого сочиненія слѣд.: Grundliche und wahrhaftige Relation von der Belagerung der Königlichen Stadt Riga in Livland, wie und welcher Gestalt Selbige von dem grausamen Feinde den Moscowiter den 22-sten August 1656 angefangen und den 5-ten October wieder aufgehoben, auch was während der Zeit denkwürdiges vorgegangen, ingleichen wieviel Granaten und Feuer-Kugeln aus Mörsern in die Stadt eingeworfen und Canonenschüsse hinaus geschehen“.

[3]) Исторія Россіи Соловьева, т. X, примѣч. 95 (изд. 1896).

[4]) Кромѣ Реляціи Д. И. Шлунъ пользовался еще слѣдующими источниками: Kelchs's „Livlandsche Gechichte“, Puffendorfi „De rebus Caroli Gustawi“, „Sammlung Rüssischer Geschichte“ 9-ten Band, Wagner's „Russiche Geschichte“ 2-ten Band.

Digitized by Google

На основаніи этихъ матеріаловъ мы и постараемся извлечь нѣкоторыя данныя: 1) о положеніи города Риги подъ шведскимъ владычествомъ въ полов. XVII вѣка; 2) насколько были прочны связи, соединявшія такіе важные пункты въ недавно завоеванной области, какъ городъ Рига съ завоевателями Шведами; 3) о причинахъ неудачи, понесенной Русскими въ этомъ предпріятіи; какое вліяніе, по мнѣнію современниковъ, неудавшаяся осада Риги оказала на исходъ войны, предпринятой Алексѣемъ Михайловичемъ противъ Шведовъ.

Поводомъ къ войнѣ московскаго государства со Швеціею въ 1656 г. несомнѣнно послужили слишкомъ быстрые успѣхи шведскаго оружія въ Польшѣ, заставившіе Яна Казиміра бѣжать въ Силезію; вслѣдствіе этихъ успѣховъ, неожиданныхъ въ такой степени даже для самихъ Шведовъ, Карлъ X пытается въ сферу вліянія отнятыхъ у Польши областей привлечь и Литву, которую царь Алексѣй Михайловичъ считалъ уже своимъ пріобрѣтеніемъ[1]). Эти обстоятельства обострили отношенія между двумя сосѣдями, совмѣстно воевавшими съ Польшею. Но причины шведской войны, предпринятой Алексѣемъ Михайловичемъ, крылись гораздо глубже: онѣ вытекали изъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ отношеній московскаго правительства къ Балтійскому вопросу; то было наслѣдіе XVI вѣка, только прерванное, но далеко еще не рѣшенное Столбовскимъ договоромъ, какъ напрасно полагалъ Густавъ-Адольфъ. Алексѣй Михайловичъ и окружавшіе его совѣтники, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ въ ту пору нужно считать и патріарха Никона, со свойственною всегда московскому правительству проницательностью, ясно понимали, что Швеція гораздо опаснѣе анархической Польши. До какой степени московское правительство смотрѣло серьезно на неминуемую борьбу со Швеціею изъ-за прибалтійскихъ провинцій, видно уже изъ того, что царь Алексѣй Михайловичъ предварительно вступаетъ въ сношенія съ датскимъ королемъ Фридрихомъ съ цѣлью привлечь послѣдняго къ союзу противъ Швеціи. Очевидно, тутъ зарождается комбинація о коалиціи противъ могущественнаго сосѣда — комбинація, осуществившаяся полустолѣтіемъ позже при иныхъ условіяхъ. Въ этихъ переговорахъ съ Даніею обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе мотивы, выставлявшіеся московскимъ посломъ Мышецкимъ Фридриху датскому: „шведскій король всякими мѣрами промышляетъ, чтобъ ему *Варяжскимъ моремъ всѣмъ одному завладѣть,* въ торговыхъ промыслахъ всѣмъ большое утѣсненье сдѣлать“[2])... Шведскіе короли, начиная съ Густава-Адольфа, дѣйствительно весьма широко пользовались своимъ правомъ закрывать порты въ покоренныхъ ливонскихъ городахъ для вывоза хлѣба заграницу. Переговоры о заключеніи союза съ Даніею противъ Швеціи однако не привели къ цѣли, намѣченной московскимъ правительствомъ. Послѣ неудачи образовать коалицію, царь Алексѣй Михайловичъ предпринимаетъ уже борьбу со Шведами, располагая только лишь силами своего государства.

Мы вкратцѣ воспроизведемъ событія, сопровождавшія походъ на Ригу и осаду этого города Алексѣемъ Михайловичемъ; подробнѣе остановимся только на намѣчен-

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева, т. 10, стр. 394 и сл. (изд. 1860 г.).
[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. X, стр. 407—408 (изд. 1860 г).

Digitized by Google

ныхъ выше пунктахъ, присоединивъ нѣкоторыя детали, имѣющія, какъ намъ кажется, топографическій мѣстный интересъ.

По извѣстію вышеуказанныхъ мною лифляндскихъ историковъ, царь Алексѣй Михайловичъ, начиная войну со Швеціей, отправилъ шестнадцатитысячный отрядъ для завоеванія Кореліи, а самъ во главѣ стотысячной арміи двинулся въ Лифляндію. Главною цѣлью похода на этотъ разъ, подобно тому, какъ и за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ въ ливонской кампаніи Густава Адольфа, былъ городъ Рига. На пути Русскимъ сдался нынѣшній Двинскъ, переименованный тогда изъ Динабурга въ Борисоглѣбскъ, а затѣмъ штурмомъ былъ взятъ Кокенгаузенъ. Тогдашній намѣстникъ Лифляндіи, графъ Магнусъ Делагарди, не былъ въ состояніи съ имѣвшимися у него подъ рукою военными силами воспротивиться вторженію Русскихъ въ Лифляндію. Сама Рига по состоянію своихъ укрѣпленій и боевой готовности находилась въ ту пору въ довольно плачевномъ положеніи: укрѣпленія форштадта, воздвигавшіяся Шведами, не были еще окончены; въ такомъ видѣ, по мнѣнію спеціалистовъ, они скорѣе затрудняли защиту города. Въ городѣ числилось: пѣхотинцевъ 1800, конницы легкой и тяжелой 2000 человѣкъ и около 1500 вооруженныхъ обывателей, всего такимъ образомъ около 5000 человѣкъ, носившихъ оружіе. Пушекъ, ядеръ и пороху было недостаточно, солдаты были не одѣты; денегъ не было: за годъ предъ тѣмъ, а именно въ 1655-мъ году, король Карлъ-Густавъ взялъ заимообразно изъ городской казны 100,000 талеровъ, но вмѣсто уплаты ограничился тѣмъ, что въ такую критическую минуту, какую тогда переживало населеніе Риги, „далъ позволеніе гражданамъ самимъ защищаться по возможности“ [1]). Иностранные купцы задолжали Рижанамъ по торговымъ оборотамъ къ тому времени болѣе милліона талеровъ, но подоспѣвшая война препятствовала полученію этихъ денегъ. Торговля Риги въ періодъ шведскаго владычества (съ 1626 г.) упала вслѣдствіе чрезмѣрныхъ пошлинъ, наложенныхъ шведскимъ правительствомъ. Изъ всего сказаннаго, я полагаю, можно сдѣлать выводъ, что періодъ шведскаго господства — по крайней мѣрѣ въ первое время послѣ присоединенія Лифляндіи — далеко не могъ считаться благопріятнымъ для Риги. Съ переходомъ къ Швеціи городъ даже потерялъ по сравненію съ тѣмъ, когда онъ находился подъ властью Польши: какъ экономическій строй, такъ и самое городское управленіе поставлены были въ гораздо большую зависимость отъ администраціи, нежели прежде. Единственное преимущество сводилось къ тому, что, съ переходомъ къ Швеціи, Рижане могли быть спокойны относительно своего лютеранскаго вѣроисповѣданія, чего нельзя сказать про періодъ польскаго господства — особенно въ царствованіе фанатическаго Сигизмунда III-го.

Рига вмѣстѣ съ остальною Лифляндіею была присоединена Шведами въ XVI вѣкѣ такъ сказать въ самый разгаръ завоевательныхъ стремленій, обнаруженныхъ шведскою политикою въ ту эпоху. Выгоды отъ пріобрѣтенія Ливоніи еще не успѣли покрыть затратъ, положенныхъ на ея завоеваніе, а между тѣмъ Швеція при Карлѣ X

---

[1]) Отечеств. Зап. 1822 г., мартъ, ст. Д. И. Шегунъ „Осада Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ“, стр. 296.

Digitized by Google

выступаетъ въ цѣломъ рядѣ новыхъ военныхъ предпріятій, далеко не отличавшихся ни тою обдуманностью цѣли, ни тѣмъ совершенствомъ въ исполненіи задуманнаго, которыя составляли отличительную черту въ дѣйствіяхъ Густава-Адольфа. Новыя войны потребовали опять громадныхъ затратъ, весьма чувствительныхъ для небогатаго государства. Шведское правительство хотѣло покрыть такіе расходы увеличенными пошлинами, займами и пр. — однимъ словомъ, форсированными финансовыми операціями, которыя главною тяжестью падали на богатые приморскіе города Ливоніи. Подобный способъ дѣйствія шведскаго правительства, вызвалъ, весьма естественно, неудовольствіе со стороны горожанъ. Неудовольствіе это, правда, сказывалось пассивно, но тѣмъ не менѣе даетъ себя знать: достаточно сравнить напр. ту энергію, какую обнаруживали Рижане въ моменты прежнихъ опасностей, угрожавшихъ имъ отъ непріятеля — хотя бы при осадѣ города Густавомъ-Адольфомъ въ 1621-мъ году, — съ настроеніемъ, ясно проглядывающемъ при осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1656 г. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ это мы сейчасъ увидимъ, у Рижанъ нѣтъ и тѣни прежней активности. Уже до начала осады многіе граждане, узнавъ о приближеніи непріятеля, стали покидать Ригу. Нельзя сказать, чтобы и шведская администрація подавала въ этомъ отношеніи благой примѣръ: одною изъ первыхъ выѣхала изъ города — въ виду ожидаемой осады — жена правителя Лифляндіи, графиня Делагарди; ея отъѣздъ конечно вызвалъ большой переполохъ среди мѣстныхъ дамъ: состоятельныя рижанки по этому примѣру спѣшили также выѣхать изъ города: одни изъ горожанъ отправляли свои семейства въ Любекъ, другіе — въ Курляндію.

Связь между различными классами населенія никогда не была сильна въ Ливоніи, а наоборотъ: покореніе Ливоніи крестоносцами и послѣдовавшая за тѣмъ колонизація этого края изъ Германіи положили рѣзкую грань отчужденія между возникшими здѣсь при такомъ процессѣ общественными классами. Не говоря уже о туземномъ элементѣ — порабощенномъ крестьянствѣ [1]), даже между горожанами и рыцарствомъ въ исторіи Ливоніи повсемѣстно замѣтенъ довольно рѣзкій антогонизмъ. Въ исторіи Риги — уже въ первыя столѣтія по возникновеніи этого города — мы видимъ не мало кровавыхъ столкновеній съ орденскимъ рыцарствомъ: послѣднее большею частью тщетно хочетъ подчинить себѣ городъ, энергически и съ успѣхомъ отстаивавшій свою независимость отъ такихъ попытокъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ вѣками установившихся отношеніяхъ только не многіе изъ дворянъ сосѣдняго округа прибыли вмѣстѣ со своими людьми для защиты Риги отъ Русскихъ, хотя, по словамъ вышеуказаннаго нами современника [2]), эти немногіе дворяне, явившіеся на защиту города, весьма усердно помогали осажденнымъ.

Полное отсутствіе интенсивности при осадѣ Риги въ 1656-мъ году обнаруживаетъ сельское населеніе близлежащихъ деревень. Какъ шведская администрація

---

[1]) Г. В. Форстенъ называетъ крестьянъ Ливоніи въ періодъ существованія ордена „страдальцами". Балтійскій вопросъ, I, 61 с.

[2]) Автора реляціи, пастора Зонтага.

Digitized by Google

края, такъ отчасти и сами Рижане еще до начала осады Русскими разсчитывали было на помощь сосѣднихъ поселянъ, полагая, что цѣлая масса ихъ изъ страха предъ непріятелемъ [1]) устремиться въ городъ съ цѣлью — найти здѣсь убѣжище въ минуту опасности, и въ благодарность за оказанное покровительство охотно возьмется помогать осажденнымъ при защитѣ города. Въ ожиданіи такого наплыва были даже заранѣе сдѣланы объявленія въ сосѣднемъ округѣ, приглашавшія окрестныхъ поселянъ искать убѣжища во время предстоявшей осады въ Ригѣ. Но ожиданія эти оказались ошибочными, а объявленія остались почти безъ всякаго результата, ибо на это воззваніе явилось не болѣе 300 поселянъ. Изъ выжженнаго самими жителями форштата прибыло въ городъ 700 человѣкъ, но какъ эти послѣдніе, такъ и поселяне, явившіеся, какъ только что сказано, въ количествѣ трехсотъ человѣкъ, прямо отказались взяться за оружіе и участвовать въ защитѣ города [2]), съ судьбою котораго была въ ту пору до весьма значительной степени связана судьба всей Лифляндіи.

Изъ всѣхъ слоевъ общества въ моментъ осады Риги въ 1656 году наибольшую энергію проявило лютеранское духовенство, очевидно и наиболѣе склонявшееся къ шведскому режиму: какъ предъ осадою, такъ и во все время послѣдней пасторы уговаривали и увѣщевали всѣхъ къ общей защитѣ, всячески стараясь поддержать мужество осажденныхъ [3]).

Отношенія между шведскою администраціею и городскимъ управленіемъ Риги въ разсматриваемый періодъ были проникнуты взаимнымъ недовѣріемъ. Для примѣра возьмемъ между прочимъ одинъ фактъ, на нашъ взглядъ прекрасно иллюстрирующій такое отношеніе шведской администраціи къ городскому управленію Риги и обратно. Въ самый разгаръ осады среди Рижанъ разнесся слухъ, что правитель Лифляндіи графъ Магнусъ Делагарди собирается покинуть городъ, захвативъ съ собою нѣсколько офицеровъ и отрядъ конницы; предлогомъ для этого намѣренія служило будто бы съ одной стороны желаніе защитить по возможности отъ непріятеля близлежащія мѣстности округа, а съ другой — раздобыть для своихъ солдатъ аммуницію, въ чемъ тѣ дѣйствительно нуждались. Между тѣмъ, по словамъ автора-современника [4]), этотъ слухъ былъ пущенъ нарочно шведскою администраціею съ цѣлью произвести такимъ образомъ давленіе на городское управленіе Риги и добиться отъ послѣдняго снабженія гарнизона всѣми необходимыми запасами, „чего прямо потребовать было *неблагоразумно* и несправедливо“ [5]). Только такимъ путемъ цѣль была достигнута: городская хозяйственная администрація снабдила шведскій гарнизонъ всѣмъ необходимымъ. Если въ критическую минуту осады приходилось прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, то это служитъ нагляднымъ показателемъ того, каковы были *вообще* от-

---

[1]) Непріятель (т.-е. московская рать) названъ въ реляціи „grausamen Feinde“; татары же и калмыки, коихъ въ арміи Алексѣя Михайловича насчитывалось 8000, судя по прилагаемому къ нимъ эпитету (Menschenfresser), болѣе всего вызвали ужасъ въ лифляндцахъ — очевидно по воспоминаніямъ, уцѣлѣвшимъ у старожиловъ еще со времени Ливонской войны при Іоаннѣ IV.

[2]) „Отечеств. Зап.“ 1822 г., мартъ, стран. 301.

[3]) См. „Gründliche und Wahrhaftige Relation von der Belagerung der Königlichen Stadt Riga“.

[4]) Grundliche und Wahrhaftige Relation и „Отеч. Записки“ 1822 г., IV, стр. 31.

[5]) Ibid.

Digitized by Google

ношенія городскаго рата Риги къ шведской администраціи. Впрочемъ, сопоставляя раньше сказанное, мы тутъ не видимъ ничего удивительнаго. Такое взаимоотношеніе являлось естественнымъ результатомъ самого образа дѣйствій шведскаго правительства относительно покоренныхъ приморскихъ городовъ Лифляндіи въ описываемую пору. Карлъ X въ пылу другихъ завоевательныхъ увлеченій, какъ было сказано и раньше, не обращалъ должнаго вниманія на нужды и потребности провинціи, доставшейся Швеціи съ такимъ трудомъ. Приморскіе города присоединеннаго края приходили въ видимый упадокъ отъ экономической политики, наносившей уронъ ихъ обширной торговлѣ; все сводилось къ тому, чтобы выжать изъ нихъ на сколько возможно болѣе доходовъ ad hoc. Взамѣнъ этой экономической эксплоатаціи прибалтійскіе города ничего не получали — даже въ смыслѣ огражденія собственной безопасности отъ покушеній со стороны сосѣдей, которые конечно не могли примириться съ тѣмъ, что отъ нихъ ускользнула такая провинція, какъ Лифляндія: оставляя укрѣпленія такого важнаго пункта, какъ Рига, недоконченными, содержа тамъ недостаточный для защиты города гарнизонъ, Карлъ X, узнавъ о движеніи Русскихъ, строго наказалъ гражданамъ Риги „и не думать о сдачѣ“, а „позволилъ имъ защищаться собственными средствами“. При всѣхъ перечисленныхъ условіяхъ такое позволеніе и притомъ въ такой моментъ невольно отзывалось горькою ироніею...

Авторъ неоднократно цитируемой нами реляціи — лютеранскій пасторъ, занявшій впослѣдствіи довольно важный постъ лифляндскаго генералъ-суперинтенданта, въ своемъ описаніи проникнутъ очевидно недружелюбнымъ отношеніемъ къ Русскимъ, отъ него скорѣе всего можно ожидать симпатій къ лютеранскому шведскому правительству, но и онъ тѣмъ не менѣе не въ состояніи прикрыть наготы фактовъ свидѣтельствующей о безотрадномъ положеніи Риги въ описываемый періодъ шведскаго владычества.

Сказаннаго, полагаю, совершенно достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о внутреннемъ состояніи Риги въ половинѣ XVII в Теперь обращаюсь къ описанію самой осады.

III.

Овладѣвъ, какъ мы видѣли Кокенгаузеномъ, Русскіе двинулись прямо къ Ригѣ. Армія ихъ расположилась отъ Клейнъ-Юнгфернгофа вдоль по берегу Двины. Еще до открытія настоящей осады Русскіе пытались прервать сообщеніе между Ригою и моремъ, для чего хотѣли завладѣть Динамюнде — нынѣ Усть-Двинскомъ, или по крайней мѣрѣ отрѣзать послѣдній отъ Риги, но эти планы не удались.

Первая неудача имѣла важное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ осады, такъ какъ осажденные получали необходимые запасы и подкрѣпленія именно этимъ путемъ — съ моря; объясняется она отсутствіемъ у Русскихъ флотиліи, годной къ дѣйствіямъ на морѣ. Хотя изъ добычи, захваченной впослѣдствіи рижанами въ лагерѣ царя Алексѣя Михайловича — уже по снятіи осады, оказалось, что Русскіе, собираясь въ походъ, заготовили значительное число лодокъ, 200 струговъ большихъ и малыхъ, а также 4 моста на судахъ, но эта флотилія, при очевидномъ отсутствіи людей, привыкшихъ

Digitized by Google

управляться на морѣ, была приспособлена только къ дѣйствіямъ на рѣкѣ. Настоящая осада открылась 22 августа и продолжалась по 5 октября 1656 года. Русскіе дѣлали чрезвычайныя усилія, чтобы завладѣть городомъ. Они пытались подойти къ городу въ трехъ мѣстахъ: у зàмка, у Баннаго бастіона (Badstubenbastion) и у Марстальскихъ воротъ. Неудачи Русскихъ современники-лифляндцы объясняли слѣдующими двумя причинами: во-первыхъ, недостаткомъ въ хорошихъ инженерахъ и артиллеристахъ, а во-вторыхъ, отсутствіемъ цѣльнаго плана въ стратегическихъ дѣйствіяхъ[1]). Поэтому осаждающіе причиняли гораздо большій вредъ зданіямъ, нежели людямъ. Многія зданія сильно пострадали. Д. И. Шлунъ, писавшій въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, говоритъ, что подъ сводами церкви св. Іакова указывались три бомбы, съ надписью на латинскомъ яз., вставленныя въ тѣ самыя отверстія, которыя были пробиты во время осады 1656 г.[2])

Обстрѣливая городъ днемъ и ночью, Русскіе успѣли сдѣлать подкопъ подъ Банную башню (Badstuben Rondel), а съ батареи, устроенной на стѣнахъ Іисусовой церкви, сильно безпокоили осажденныхъ. Царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ овладѣть Ригою во что-бы то ни стало, хотя пользовавшійся его довѣріемъ шотландецъ Лесли доказывалъ невозможность осуществленія этого плана вслѣдствіе наступающаго осенняго времени, а также и по причинѣ несогласій, очень часто возникавшихъ между военачальниками Русскими и иностранцами. Наконецъ, эти доводы, значительная убыль въ войскахъ, слухи о приближеніи вспомогательныхъ шведскихъ отрядовъ, а вмѣстѣ съ послѣдними и самого короля Карла X побудили Алексѣя Михайловича дать приказъ о снятіи осады. 5 октября 1656 г. Русскіе покинули окрестности Риги и направились обратно. Такъ окончилась неудачная попытка царя Алексѣя Михайловича овладѣть Ригою. Постараемся опредѣлить причины этой неудачи.

Мы видѣли раньше, чѣмъ лифляндскій историкъ, описывавшій это событіе, какъ современникъ — довольно обстоятельно, объясняетъ причину такой неудачи: отсутствіемъ у Русскихъ въ то время хорошихъ инженеровъ и артиллеристовъ, а также и цѣльнаго стратегическаго плана въ дѣйствіяхъ. Съ послѣднимъ до извѣстной степени нельзя не согласиться, тогда какъ относительно отсутствія знающихъ свое дѣло инженеровъ и артиллеристовъ тотъ же современникъ приводитъ въ концѣ своего описанія факты, не совсѣмъ согласные съ выводомъ, сдѣланнымъ нѣсколькими страницами раньше.

„По уходѣ Русскихъ, говоритъ онъ, Рижане только и увидѣли ясно всю опасность, которой подвергались: они нашли 18 батарей и 7 траншей, построенныхъ осаждавшими на довольно длинномъ протяженіи, а именно отъ Марстальскихъ воротъ до самой Вейды (т.-е. городской окраины, гдѣ начинался уже выгонъ для пастьбы скота), при чемъ эти грозныя сооруженія оканчивались всего лишь на разстояніи какой-нибудь одной сажени отъ городского рва. Слѣдовательно, осаждавшимъ оставался собственно одинъ шагъ, чтобы повести удачный штурмъ и овладѣть городомъ“.

---

[1]) „Отечеств. Зап.“ 1822 г., IV, 21.
[2]) Ibid. 27—28 стран.

Digitized by Google

Вотъ почему, передавая впечатлѣнія своихъ согражданъ по этому поводу, цитируемый нами авторъ въ заключеніе своего описанія невольно восклицаетъ: „казалось, что только самъ Господь Богъ спасъ городъ отъ угрожавшей ему неминуемой сдачи!“ Отсюда ясно видно, что при большей энергіи руководителей и устраненіи раздоровъ между русскими и иноземными военачальниками, которые много вредили успѣху дѣла, Рига была бы взята еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, хотя удержать этотъ пунктъ, не располагая флотомъ, было бы конечно невозможно.

Тѣ же самые современники лифляндцы, какъ можно судить на основаніи словъ автора реляціи, приписывали неудавшейся осадѣ Риги громадное вліяніе на исходъ всей кампаніи, предпринятой противъ Шведовъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Съ ихъ точки зрѣнія Рига, устоявъ противъ Русскихъ, была главною виновницею послѣдовавшаго вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ мира. Въ этомъ взглядѣ есть несомнѣнная доля истины: видя въ Ригѣ ключъ къ обладанію Балтійскимъ побережьемъ, Алексѣй Михайловичъ послѣ неудачной осады этого города считалъ очевидно проигранною борьбу за Ливонію. Неудачу эту не могло вознаградить и взятіе Русскими Юрьева, какъ не могла загладить и энергія Нащокина, такъ усиленно домогавшагося продолженія борьбы за Ливонію. Историческій ходъ событій отвлекъ на время вниманіе правителей Московскаго государства съ сѣверо-запада къ юго-западу — Украйнѣ и Польшѣ. Московскіе государи въ половинѣ XVII в. все-таки еще не сознали вполнѣ, какое значеніе можетъ имѣть для Россіи обладаніе Ливоніею не только по отношенію къ Швеціи и Польшѣ, а даже и западной Европѣ вообще. Вполнѣ опредѣленное сознаніе этого проникаетъ собою политику русскаго правительства только лишь къ началу XVIII в. — при Петрѣ Великомъ, которому наконецъ суждено было гигантскими усиліями осуществить стремленія своихъ предшественниковъ, сказывавшіяся почти на протяженіи двухъ столѣтій. При осуществленіи этой задачи Петръ прокладываетъ и новые пути сравнительно съ предыдущимъ. Мы видѣли, что московскіе государи, а именно Іоаннъ IV и Алексѣй Михайловичъ, равно какъ и шведскіе короли въ лицѣ Густава-Адольфа, для утвержденія своего владычества въ Ливоніи прежде всего добивались обладанія старинными приморскими центрами и главнымъ образомъ Ригою; между тѣмъ Петръ, не разсчитывая по ходу дѣла въ началѣ Сѣверной войны овладѣть всею Ливоніею, спѣшитъ построеніемъ Петербурга въ пустынной дотолѣ Ингріи создать оплотъ для утвержденія Русскихъ на Балтійскомъ поморьѣ. Этому оплоту предстояло современемъ занять здѣсь господствующее положеніе, отодвинувъ на второй планъ прежніе приморскіе города Ливоніи, а въ томъ числѣ даже и Ригу, послѣ того какъ Петру Великому удалось всю эту завѣтную окраину включить наконецъ въ составъ территоріи земель Россійской Имперіи.

Въ своемъ краткомъ очеркѣ мы разсмотрѣли лишь, такъ сказать, одну страницу и притомъ сравнительно для весьма небольшого района изъ исторіи вопроса, на нашъ взглядъ далеко не лишеннаго интереса: о положеніи прибалтійскихъ провинцій подъ властью Швеціи и о группировкѣ разныхъ общественныхъ слоевъ населенія въ нихъ незадолго до начала присоединенія этихъ областей къ Россіи. Вопросъ этотъ имѣетъ одинаковое значеніе какъ съ точки зрѣнія мѣстной исторіи, въ которой онъ впрочемъ,

Digitized by Google

до нѣкоторой степени уже выясненъ, такъ и для русской исторіи, гдѣ онъ почти не затрогивался. Болѣе подробное изученіе источниковъ въ этомъ направленіи помогло бы уяснить многое и въ ходѣ Сѣверной войны и еще болѣе въ первыхъ шагахъ русской политики относительно сѣверо-западныхъ окраинъ послѣ Ништадскаго мира. Такихъ источниковъ, совершенно еще не тронутыхъ рукою изслѣдователя, какъ намъ пришлось узнать въ періодъ кратковременнаго пребыванія въ Ригѣ на минувшемъ X Археологическомъ Съѣздѣ, хранится въ мѣстныхъ архивахъ различныхъ учрежденій весьма и весьма не мало.

Digitized by Google

О чеканкѣ русскихъ денегъ въ г. Кокенгузенѣ въ половинѣ XVII г.

А. Маркевича.

Въ описаніи Московскаго государства, составленномъ въ половинѣ XVII в. извѣстнымъ Котошихинымъ, въ разсказѣ о чеканкѣ мѣдныхъ денегъ, сохранилось случайное указаніе, что, когда во время борьбы Москвы съ Швеціей за Ливонію войсками царя Алексѣя Михайловича между прочимъ занятъ былъ г. Кокенгузенъ, здѣсь существовалъ денежный (монетный) дворъ и чеканились русскія деньги. Ни видѣть такихъ денегъ, ни читать о нихъ что-либо мнѣ не приходилось; нѣтъ никакихъ свѣдѣній о нихъ и среди тѣхъ обильныхъ распоряженій о г. Кокенгузенѣ, которыя намъ извѣстны за время отъ 1656 по 1659 г., тѣмъ не менѣе заподозрить вѣрность указанія Котошихина я не рѣшался, такъ какъ изученіе труда его давно привело меня къ убѣжденію, что, если у Котошихина приведенъ отдѣльный, точно опредѣленный фактъ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ таковой дѣйствительно имѣлъ мѣсто; притомъ слишкомъ ужъ неправдоподобнымъ казалось бы предположеніе, что Котошихинъ прямо выдумалъ извѣстіе о Кокенгузенскомъ денежномъ дворѣ. Въ то же время Котошихинъ имѣлъ полную возможность знать объ этомъ денежномъ дворѣ, ибо провелъ въ Ливоніи время съ 1658 по 1660 годъ, т.-е. именно то самое, когда только и могъ работать Кокенгузенскій денежный дворъ (см. далѣе). Жилъ тогда Котошихинъ преимущественно въ занятомъ русскими войсками г. Юрьевѣ (Дерптѣ), состоя при нашихъ послахъ, ведшихъ переговоры съ шведскими уполномоченными, при чемъ въ числѣ пословъ былъ знаменитый Аѳ. Лавр. Ординъ Нащокинъ, въ то время воевода въ г. Кокенгузенѣ, или какъ этотъ городъ сталъ называться Царевичевѣ Дмитріевѣ градѣ; поэтому Котошихинъ могъ даже и бывать въ этомъ послѣднемъ городѣ, о которомъ, кстати сказать, московское правительство очень заботилось, сильно укрѣпило его и вообще стремилось создать изъ него крупный административный центръ.

Я очень желалъ бы въ богатыхъ нумизматическихъ коллекціяхъ Риги и вообще Прибалтійскаго края отыскать хоть одинъ экземпляръ русской монеты, чеканеной въ Кокенгузенѣ; къ сожалѣнію, въ коллекціи, выставленной при Съѣздѣ, таковаго не оказалось; но зато здѣсь можно найти небольшое косвенное доказательство

Digitized by Google

справедливости показанія Котошихина. Еще во времена Ордина, въ половинѣ XVI в., Рижскій архіепископъ, которому тогда принадлежалъ Кокенгузенъ, чеканилъ здѣсь монету [1]), и нѣсколько серебряныхъ шиллинговъ, чеканеныхъ въ 1540 и 1547 г., въ Кокенгузенѣ, находились на выставкѣ при Съѣздѣ [2]). Вполнѣ вѣроятно предположеніе, что монетный дворъ, хоть и не всегда работавшій, оставался въ Кокенгузенѣ и позднѣе, при польскомъ и шведскомъ владычествѣ, и этимъ обстоятельствомъ воспользовалось московское правительство, чтобы возобновить здѣсь чеканку монеты, въ чемъ была настоятельная необходимость, когда нашими войсками былъ занятъ Кокенгузенъ и когда, по выраженію одного акта, деньги чеканились „днемъ и ночью наспѣхъ". Впрочемъ, болѣе основательныхъ соображеній ждемъ отъ мѣстныхъ нумизматовъ.

Не трудно обозначить возможное время чеканки въ Кокенгузенѣ русской монеты; такъ какъ городъ этотъ былъ въ московскихъ рукахъ съ 13 августа 1656 г. по конецъ іюня 1661 г., то чеканка и относится къ этимъ годамъ. По всей вѣроятности, началась она именно въ болѣе раннѣе время этого періода, т.-е., если не тотчасъ по занятіи города, когда нужно было его укрѣпить, и организовать и пр., то все-таки не позже 1657 г., ибо еще въ 1654 г. начались извѣстныя монетныя операціи въ Московскомъ государствѣ, а съ 1655 г. шла усиленная чеканка денегъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, усилившаяся къ 1657 году; вполнѣ понятно, что, получивъ въ свое распоряженіе еще одинъ — Кокенгузенскій монетный дворъ, московское правительство не преминуло вскорѣ же утилизировать его. Съ такою же вѣроятностью можно предположить, что чеканка русской монеты въ Кокенгузенѣ происходила до самаго возвращенія его Шведамъ, такъ какъ московскія монетныя операціи закончились лишь въ 1663 г.

Чеканились въ Кокенгузенѣ, по показанію Котошихина, такія же самыя деньги, какія чеканились тогда и на московскихъ монетныхъ дворахъ, т.-е. мѣдные алтынники, грошевики и копейки величиною въ старыя серебряныя копейки.

Завѣдывали чеканкою на денежныхъ дворахъ вѣрные головы и цѣловальники изъ гостей и изъ торговыхъ людей; можетъ-быть, въ Кокенгузенѣ къ этому дѣлу привлечены были и мѣстные люди; во всякомъ случаѣ дѣло денежное не было въ вѣдѣніи воеводъ, чѣмъ вѣроятно и объясняется отсутствіе свѣдѣній о немъ въ воеводскихъ отпискахъ государю въ 1656—1659 г. [3]). Не знаемъ, относить ли къ кокенгузенскимъ завѣдующимъ показаніе Котошихина, который въ данномъ случаѣ не выдѣляетъ этого денежнаго двора изъ числа другихъ московскихъ, что завѣдующіе ими покупали мѣдь на Москвѣ и въ Швеціи и привозили на денежный дворъ съ царскою мѣдью вмѣстѣ и приказывали дѣлать деньги, а сдѣлавъ свозили съ денежнаго двора съ царскими деньгами вмѣстѣ, и царскія деньги въ казну отдавали, а свои къ себѣ отвозили. О послѣдующей расправѣ съ завѣдующими относительно Кокенгузена нѣтъ указаній, ибо она имѣла мѣсто въ 1661—1662 г., когда Кокенгузенъ уже былъ возвращенъ Швеціи.

---

[1]) Kat. der Ausstell. zu X Arch. Kongr. S. 221.
[2]) ibid. S. 223.
[3]) Акты Моск. Госуд. т. II.

Digitized by Google

Очень возможно, что московскія мѣдныя деньги кокенгузенской чеканки гдѣ-либо и сохранились; въ небольшомъ собраніи монетъ, находящихся въ Музеѣ Рижскаго духовнаго училища, я видѣлъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ времени царя Алексѣя Михайловича, отысканныхъ въ здѣшнемъ краѣ; познакомиться съ ними ближе мнѣ не пришлось. Но и полное исчезновеніе кокенгузенскихъ мѣдныхъ денегъ въ свою очередь было бы легко объяснимо. Въ шведскихъ областяхъ и вообще за границею иногда московскія мѣдныя деньги ходить не могли, такъ какъ выпущены онѣ были по несоотвѣтственно высокой сравнительно съ ихъ дѣйствительной цѣнностью нарицательной цѣнѣ; даже въ моментъ самаго сильнаго паденія ихъ курса цѣна ихъ стояла все-таки гораздо выше ихъ дѣйствительной цѣнности; значитъ, эти деньги обращались только въ Московскомъ государствѣ, гдѣ и были уничтожены вслѣдствіе указа 1663 г., и въ этомъ общемъ крушеніи ихъ погибли и кокенгузенскія деньги, которыхъ, разумѣется, было гораздо менѣе, нежели битыхъ въ Москвѣ. И московскія мѣдныя деньги этого времени довольно рѣдки; денегъ, чеканеныхъ тогда въ Новгородѣ и Псковѣ, относительно чего имѣется офиціальное указаніе, относящееся къ 1663 г., долго не было въ рукахъ нумизматовъ, да и теперь онѣ составляютъ большую рѣдкость. Не мудрено поэтому, что кокенгузенскія монеты и совсѣмъ не попадались нумизматамъ, которые притомъ могли смѣшивать ихъ, напр. вслѣдствіе неясности штемпеля, съ новгородскими или даже съ московскими. Съ другой стороны, такъ какъ г. Кокенгузенъ переименованъ былъ тогда въ Царевичевъ Дмитріевъ градъ и на монетахъ могъ находиться штемпель, указывающій на это послѣднее названіе, то нашимъ нумизматамъ и подавно нелегко было разобраться въ этомъ случаѣ. Указъ же 1663 г. не могъ упомянуть о кокенгузенскихъ деньгахъ, подобно тому какъ онъ упомянулъ о новгородскихъ и псковскихъ, ибо г. Кокенгузенъ былъ тогда уже возвращенъ Шведамъ, и чеканка тамъ русской монеты сама собою прекратилась.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній я полагаю, что показаніе Котошихина о существованіи въ его время въ г. Кокенгузенѣ Московскаго денежнаго двора и чеканкѣ здѣсь московскихъ денегъ должно быть принято.

Послѣ прочтенія моего реферата уважаемый профессоръ М. Н. Бережковъ, не отрицая правильности показанія Котошихина о существованіи въ его время кокенгузенскаго монетнаго двора, возразилъ мнѣ, что нѣтъ необходимости допускать его преемственность монетному двору Рижскаго архіепископа въ XVI в., такъ какъ, по мнѣнію проф. Бережкова, чеканка денегъ представлялась тогда столь не труднымъ дѣломъ, что его легко было устроить гдѣ угодно въ скоромъ времени. Я и самъ не настаиваю на указанной выше преемственности, видя въ ней лишь косвенное подтвержденіе показанія Котошихина; могъ же быть устроенъ монетный дворъ въ Кокенгузенѣ потому, что его, какъ указано было выше, предположено было сдѣлать важнымъ областнымъ центромъ. Но не могу не указать, что организація монетнаго двора и чеканка монетъ были дѣломъ далеко не столь простымъ, и въ доказательство приведу слова Котошихина же: „Денежный дворъ; а въ немъ сидятъ для досмотру денежнаго дѣла дворянинъ да діакъ. А дѣлаютъ деньги (слѣдуетъ описаніе ихъ). А привозятъ ефимки и серебро прутовое и тянутое (пропускаемъ подроб-

Digitized by Google

ности). А денежныхъ мастеровъ для того дѣла берутъ изъ вольныхъ и изъ торговыхъ людей, кто похочетъ, съ поруками и за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ, что имъ, будучи у царскаго дѣла, не воровать серебра и денегъ не красть и въ серебро мѣди и олова и иного ничего не примѣшивать, и въ домѣхъ своихъ воровскихъ денегъ не дѣлати никакихъ (очевидно, воспользовавшись казенными приспособленіями) и чекановъ не красть и воровски подъ чеканы не подрѣзываться. А будетъ тѣхъ *денежныхъ мастеровъ, чеканщиковъ, подметчиковъ, рѣзальщиковъ, тянульщиковъ, отжигальщиковъ съ 200 человѣкъ*" [1]). Правда, Котошихинъ говоритъ о Московскомъ монетномъ дворѣ, который былъ не чета Кокенгузенскому, но характеръ монетнаго дѣла былъ вездѣ одинаковый и очевидно, для чеканки монеты требовались спеціальныя приспособленія.

---

[1]) Гл. VII, п. 9.

Digitized by Google

Магдебурское право въ городахъ лѣвобережной Малороссіи.

Д. И. Багалея.

I. Постановка вопроса.

Настоящій рефератъ представляетъ краткое резюме изъ обширнаго изслѣдованія, посвященнаго судьбѣ нѣмецкаго городового права въ предѣлахъ лѣвобережной Малороссіи, т.-е. нынѣшнихъ Черниговской и Полтавской губ. Изслѣдованіе мое не вполнѣ еще закончено, но я не вижу въ этомъ препятствія, чтобы сдѣлать изъ него предварительное сообщеніе; сверхъ того — признаюсь откровенно — меня соблазняла мысль выступить съ нимъ передъ такой аудиторіей, какую я имѣю честь видѣть нынѣ передъ собою. Замѣчу кстати, что двѣ главы моей работы были напечатаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ журн. Мин. Нар. Просв.; всѣхъ же главъ въ моемъ изслѣдованіи 7. Съ сущностью каждой изъ нихъ я и думаю познакомить своихъ уважаемыхъ слушателей.

Вопросу о магдебургскомъ правѣ въ Литвѣ и юго-западной Руси (т.-е. правобережой Малороссіи) посвящены два капитальныхъ труда, взаимно другъ друга дополняющихъ — проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова[1]) и В. Б. Антоновича[2]), служащій предисловіемъ къ цѣлому тому документовъ, собранныхъ авторомъ и напечатанныхъ въ 5-й части „Архива ю.-зап. Россіи". Но не менѣе любопытно прослѣдить нѣмецкое городовое право и въ той (лѣвобережной) Малороссіи, которая съ 1854 г. (со времени Переяславскаго договора Богдана Хмельницкаго) находилась подъ властью Россіи и освободилась, слѣдовательно, отъ польскаго вліянія, бывшаго, какъ извѣстно, проводникомъ магдебургскаго права въ Литву и юго-зап. Русь. Вопроса этого касались только мимоходомъ, при случаѣ, въ своихъ трудахъ Г. Ѳ. Карповъ, А. Ѳ. Кистяковскій и А. М. Лазаревскій и ихъ работы еще болѣе только доказали необходимость спеціальнаго изслѣдованія о городахъ лѣв. Малороссіи вообще, и о магдебургскомъ правѣ ихъ въ частности. Я и рѣшилъ взять на себя эту послѣднюю задачу. Мой трудъ основанъ частію на печатныхъ первоисточникахъ (въ общемъ

---

[1]) Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. С.-Пб. 1868 г.

[2]) Акты о городахъ юго-зап. Россіи.

Digitized by Google

весьма скудныхъ) большею же частію на архивныхъ матеріалахъ, извлеченныхъ изъ Харьковскаго историческаго архива, рукописнаго отдѣленія б-къ покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго, А. М. Лазаревскаго и П. С. Ефименка и отчасти московскихъ хранилищъ. Получился въ общемъ довольно богатый запасъ данныхъ; достаточно напримѣръ, замѣтить, что въ моемъ распоряженіи имѣется полная коллекція жалованныхъ грамотъ всѣмъ городамъ за исключеніемъ одного Переяслава.

II. Магдебурское право въ польскій періодъ.

Прежде всего обращаемся къ вопросу о магдебургскомъ правѣ въ лѣвобережной Малороссіи еще при польскомъ владычествѣ, т.-е. до Переяславскаго трактата 1654 г. Въ это время лѣвобережная Украйна, въ особенности южная ея часть, послѣ старой грозы татарскаго нашествія, переживала моментъ оживленной вторичной колонизаціи, шедшей рука объ руку съ обороной края. Польское правительство придавало важное значеніе этому спорному пограничью и потому старалось привлечь къ себѣ симпатіи мѣстнаго населенія разными льготами и преимуществами. Обычною формою ихъ было магдебургское городское право, получившее давно уже широкое распространеніе въ предѣлахъ Польши, Литвы и юго-западной Руси. И дѣйствительно, въ это время его получили Черниговъ, Стародубъ, Нѣжинъ и Переяславъ; цѣлому же ряду болѣе мелкихъ городовъ и мѣстечекъ дарованы были ограниченныя привилегіи, чаще всего выливавшіяся въ форму извѣстныхъ цеховыхъ братствъ. Раньше всѣхъ получилъ жалованную грамоту основанный кн. К. К. Острогожскимъ Переяславъ — въ 1585 г. Въ 1-й пол. XVII в. магдебургскимъ правомъ начинаютъ пользоваться Черниговъ, Стародубъ и Нѣжинъ. Это право было имъ даровано подъ вліяніемъ соображеній экономическаго характера: правительство такимъ путемъ разсчитывало вызвать увеличеніе числа городскихъ жителей. Переходя къ общей оцѣнкѣ магдебургскаго права въ городахъ лѣвобережной Малороссіи, мы должны замѣтить, что оно не вполнѣ гарантировало населеніе ни въ правовомъ, ни въ экономическомъ отношеніи. Тѣ ограниченія городского самоуправленія, которыя имѣли мѣсто въ правобережной Малороссіи и которыя дали поводъ проф. Антоновичу высказать отрицательный взглядъ на значеніе самихъ привилегій, существовали и здѣсь, ибо характеръ управленія и сословный составъ населенія тамъ и здѣсь былъ почти одинаковы. И здѣсь кромѣ магистратскаго было еще старостинское управленіе. И здѣсь существовало вредное вліяніе религіозной исключительности. И здѣсь кромѣ мѣщанъ жили еще казаки, шляхтичи и евреи, уклонявшіеся отъ исполненія городскихъ повинностей. Въ Переяславѣ евреи играли такую же роль, какъ и въ Юго-Западномъ краѣ. Имъ были отданы на откупъ всѣ городскіе доходы. Они получили прочную осѣдлость въ городѣ (построили себѣ на городской землѣ дома, лавки), забрали въ свои руки едва ли не всю торговлю — и не несли городскихъ повинностей. Правда, въ 1623 г. евреи вошли въ составъ мѣщанскаго сословія; это разрѣшило юридическую сторону дѣла,

Digitized by Google

хотя едва ли могло принести существенную пользу въ торгово-промышленной конкуренціи обѣихъ общественныхъ группъ. Но не слѣдуетъ закрывать глазъ и на очень важныя свѣтлыя стороны магдебургскаго права. Несомнѣнно, что тѣ хартіи, которыя получили малороссійскіе города, предоставили значительныя права мѣщанамъ, укрѣпили за ними формально поземельную собственность, доставили свободу промысловъ и торговли, освободили ихъ отъ различныхъ повинностей въ пользу государства и различныхъ присудовъ, сопряженныхъ съ поборами. Все это ставило мѣщанъ привилегированныхъ городовъ (т.-е. пользовавшихся магдебургскимъ правомъ) въ положеніе, которому завидовали и къ которому стремились жители всѣхъ остальныхъ городовъ. Благодѣтельное дѣйствіе новаго порядка вещей бывало особенно замѣтно въ началѣ, пока окружающія неблагопріятныя условія не успѣвали еще нанести ему съ разныхъ сторонъ чувствительныхъ ударовъ. Такъ было, напримѣръ, въ Нѣжинѣ и Переяславѣ. Оба эти пункта получили магдебургское право въ моментъ ихъ возрожденія изъ развалинъ; оба они представляли изъ себя до полученія привилегій *городища* и самое дарованіе имъ привилегій было вызвано желаніемъ возродить ихъ изъ пепла и запустѣнія и вдохнуть въ нихъ новую жизнь. И послѣдующая судьба ихъ въ значительной степени оправдала эти надежды; оба они въ половинѣ XVII в. являются видными населенными пунктами, а Нѣжинъ достигъ даже большаго торговаго значенія.

III. Судьба малорусскаго мѣщанства со времени возсоединенія Руси и отношеніе его къ магдебургскому праву.

Въ 1654 г. лѣвобережная Малороссія перешла подъ власть Московскаго государства, которое вовсе не знало магдебургскаго права. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ оно должно было прекратить свое существованіе; и оно, конечно, исчезло бы, если бы тѣ города, которые пользовались имъ, не стали ходатайствовать передъ новымъ правительствомъ о подтвержденіи его; мало того — ихъ примѣру послѣдовали и другіе, и число „привилегированныхъ“ пунктовъ значительно возрасло сравнительно съ предшествующимъ періодомъ. Это уже само по себѣ служитъ яркимъ свидѣтельствомъ сочувствія къ нему со стороны городского населенія. До сихъ поръ мы въ точности не знали, какіе города лѣвобережной Малороссіи, перешедшей въ подданство Россіи, и съ какого времени стали пользоваться магдебургскимъ правомъ; поэтому намъ теперь прежде всего нужно остановиться на судьбѣ малорусскаго мѣщанства въ отношеніи его къ магдебургскому праву со времени присоединенія Малороссіи къ Россіи. Посмотримъ прежде всего, какое вліяніе оказало на малороссійское мѣщанство возстаніе Богдана Хмельницкаго. Оно захватило казаковъ и крестьянъ, мѣщанъ же коснулось только въ незначительной степени. И это вполнѣ понятно: во-1-хъ, мѣщане, по самому свойству своихъ мирныхъ занятій, не могли особенно сочувствовать войнѣ, а во-2-хъ, они пользовались и безъ того значительными привилегіями, между

Digitized by Google

тѣмъ казаки и крестьяне должны были еще добыть ихъ „казацкою саблею". Но необычайная удача возстанія Хмельницкаго, очевидно, повліяла и на нихъ. Шли въ казаки по большей части молодые ремесленники, но имъ подражали подъ часъ даже бурмистры и райцы, т.-е. представители магдебургіи; они „себѣ, по выраженію самовидца, бороды голили и до того войска ишли, бо тіи себѣ зневагу держали, котрій бы зъ бородою неголеною у войску былъ. Такъ діаволъ учинилъ себѣ смѣхъ зъ людей статечнихъ". Въ этой послѣдней фразѣ выражается офиціальный взглядъ лѣтописца на военную горячку, охватившую все южно-русское населеніе при Богданѣ Хмельницкомъ. Дѣйствительно, вся лѣвобережная Малороссія въ то время, можно сказать, совершенно оказачилась. Тотъ *классъ* общества, положеніе котораго было прежде гораздо безправнѣе мѣщанства, получилъ теперь правительственное значеніе. Русское правительство предоставило Малороссіи значительную внутреннюю автономію, а хозяевами въ ней оказались представители сословія, поднявшаго возстаніе, т.-е. казачества — гетманъ, генеральная, полковая и сотенная старшина. Вся Малороссія была раздѣлена на полки. Все свободное населеніе ея (исключая небольшого количества духовныхъ и шляхтичей — послѣднихъ оказалось 188 чел.) московскіе послы раздѣлили, согласно со своими обычаями — на двѣ группы — казачество (военное сословіе) и поспольство или мѣщанство (тяглое сословіе); перваго оказалось 62,949 чел., второго 62,454 чел. Такая огромная цифра мѣщанъ объясняется тѣмъ, что сюда вошли не только мѣщане „привилегированныхъ" городовъ, но и жители второстепенныхъ городковъ и даже многочисленное тогда сельское населеніе (такъ называемые свободные посполитые). Г. Лазаревскій въ своей книгѣ о посполитыхъ доказалъ, что въ началѣ, при Богданѣ Хмельницкомъ, не было рѣзкой разницы между казаками и посполитами; теперь намъ приходится дополнить эту мысль и заявить, что разница между посполитымъ крестьяниномъ и мѣщаниномъ была еще менѣе значительна. Небольшое число привилегированнаго мѣщанства четырехъ малороссійскихъ городовъ, пользовавшихся нѣкогда магдебургскимъ правомъ, тонуло, такъ сказать, въ общей массѣ поспольства и имъ понадобились нѣкоторыя усилія, чтобы добиться прежняго льготнаго положенія. Ихъ стремленіямъ впрочемъ помогло то, что всѣ общественныя группы, слившіяся было на время, ради общаго дѣла, почти въ одну безсословную массу, очень скоро потянули врознь, стали стремиться къ сословному обособленію, въ томъ числѣ и доминирующая группа — казачество. Но трудность заключалась въ томъ, что Центральное русское правительство имѣло дѣло только съ представителями казачества (да духовенства). Нужно было, слѣдовательно, дать знать о себѣ и своихъ привилегіяхъ. Это и сдѣлали прежде всего два самые извѣстные Москвѣ въ то время города — Кіевъ и Переяславъ. Они показали Центральному правительству, что въ Малой Россіи кромѣ казацкаго управленія существовалъ еще и старый городской урядъ, основанный, подобно казацкому, на выборномъ началѣ. Россія, признававшая раньше казацкую автономію, не имѣла основаній отвергнуть мѣщанской магдебургіи, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя въ ея глазахъ должна была казаться гораздо болѣе невинной и менѣе опасной, чѣмъ казацкая администрація, объединенная въ лицѣ гетмана и имѣвшая постоянныя притязанія на извѣстную самостоятельность въ сферѣ

Digitized by Google

внѣшней политики. Другіе города получили подвердительныя грамоты на магдебургское право нѣсколько позже и притомъ не одновременно: Черниговъ въ 1655 г., Нѣжинъ — въ 1660 г., Стародубъ — въ 1666 г. Изъ новыхъ городовъ получили магдебургское право: Почаръ, Почепъ, Мглинъ (и м. б. Остеръ и Козелецъ) — въ 1666 г., Полтава и Новгородъ-Сѣверскъ — уже въ XVIII в. (въ 1752 г.). Не останавливаясь на любопытной и вмѣстѣ съ тѣмъ запутанной исторіи полученія этими городами магдебургскаго права, замѣтимъ только, что остальные полковые и сотенные города (а ихъ была цѣлая масса) не попали въ разрядъ этихъ привилегированныхъ центровъ и имѣли у себя низшую степень самоуправленія, извѣстную подъ именемъ „ратушнаго уряда".

IV. Организація городского самоуправленія.

Мы подошли теперь къ самому существенному вопросу — объ организаціи городского самоуправленія. Организація эта опредѣлялась съ одной стороны жалованными грамотами (касавшимися ее впрочемъ только въ общихъ чертахъ), а главное сборниками нѣмецкаго магдебургскаго права въ ихъ польскихъ редакціяхъ и передѣлкахъ. Фактическое дѣйствіе этихъ послѣднихъ доказывается дошедшими до насъ рѣшеніями магистратскихъ судовъ и другими документами, рисующими намъ тогдашнюю дѣйствительность. Такимъ образомъ, мы для своей характеристики городского магистратскаго самоуправленія пользуемся двоякими данными, взаимно другъ друга поясняющими и дополняющими, — одни рисуютъ то, что должно было быть, а другая, — что было въ дѣйствительности. Обладая такимъ надежнымъ источникомъ, какъ судебныя рѣшенія и разныя дѣла о состояніи городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, мы рѣшили разсмотрѣть и анализировать еще одинъ важный источникъ — именно 26-ю главу „правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ", спеціально посвященную организаціи магистратскаго самоуправленія. Эта книга, какъ извѣстно, представляла опытъ кодификаціи малороссійскаго права, исполненный, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны южно-русскими юристами въ 1743 г. Хотя этотъ сводъ и не былъ утвержденъ, значитъ осталась безъ примѣненія и 26-я его глава, но она, по словамъ покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяновскаго, можетъ дать намъ болѣе точное представленіе объ организаціи городского самоуправленія, чѣмъ основные источники ея — Саксонское Зерцало и Книга Порядка, потому что кодификаторы закрѣпили здѣсь не магдербургское устройство, изложенное въ этихъ руководящихъ книгахъ, а то видоизмѣненное, которое существовало въ ихъ время въ Малороссіи и было блѣдною тѣнью самого предмета. Это — очень важное значеніе знаменитаго криминалиста, но оно для полной убѣдительности нуждалось еще въ провѣркѣ фактами живой дѣйствительности. Мы и приняли на себя подобный трудъ, т.-е юридическія нормы мы вездѣ подтвердили фактическими справками исторіи. Организацію магистратамъ лѣвобережной Малороссіи послѣ 1654 г. дали сочиненія Павла Щербича „Saxon Sen prawa polski majdebursky nazywające Speculum Saxonum" и Бартоша Гроицкаго „Porządek Sądowy

Digitized by Google

Spraw miejskich prawa majdeburskiego". Впрочемъ онѣ же дѣйствовали тутъ и раньше при польскомъ владычествѣ, хотя и тогда уже вмѣстѣ съ ними былъ въ употребленіи и литовскій статутъ, нѣкоторые же юристы практики могли быть знакомы и съ латинскою передѣлкою нѣмецкаго Saxenspiegel'я (Яснера); извѣстно, что даже составители „правъ" 1743 г. имѣли въ своихъ рукахъ 4 книги магдебургскаго права на латинскомъ языкѣ и даже сдѣлали изъ нихъ кое-какія позаимствованія. Saxon и Porządek *по традиціи* продолжали удовлетворять практическимъ потребностямъ магистратскихъ судовъ во 2-й пол. XVII и 1-й пол. XVIII в., новыхъ книгъ не было; о составленіи ихъ никто не думалъ — ни сами мѣщане, ни гетманскій урядъ, ни тѣмъ менѣе центральное русское правительство. Единственное, что можно было тогда сдѣлать это перевести ихъ на болѣе доступный русскій языкъ. И такіе переводы стали являться еще съ XVII в.; въ XVIII в. оказалось такихъ переводовъ, сокращеній и передѣлокъ уже много (они дошли и до насъ). Не описывая здѣсь ихъ подробно, мы замѣтимъ, что эти послѣднія не могутъ быть названы редакціями и представляютъ только чрезвычайно слабое отраженіе той редакціонной дѣятельности, которая господствовала въ Польшѣ и произвела тамъ цѣлую печатную литературу магдебургскаго права. На ряду съ нѣмецкими „законными" книгами въ магистратскихъ судахъ дѣйствовалъ литовскій статутъ. И это понятно. Ни Саксонъ, ни Порядокъ не были законодательными сборниками оффиціальнаго происхожденія. Въ противоположность имъ Литовскій Статутъ представлялъ изъ себя настоящій (и притомъ очень полный) судебникъ, собраніе дѣйствующихъ узаконеній въ систематическомъ порядкѣ. Но и въ немъ былъ пробѣлъ, касавшійся именно городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ. Такимъ образомъ, оба памятника взаимно дополняли другъ друга; потому то обоими ими и пользовались магистраты (также точно какъ и полковые казацкіе суды употребляли кромѣ Статута Саксонъ и Порядокъ). Важное значеніе имѣло здѣсь то обстоятельство, что нѣмецкое городовое право прямо рекомендовало въ случаѣ отсутствія въ немъ самомъ извѣстныхъ указаній обращаться къ другимъ законодательнымъ памятникамъ и даже обычаю. Но между Статутомъ и Нѣмецкимъ Городовымъ правомъ оказывались нерѣдко противорѣчія; сами они въ это время представляли изъ себя уже, такъ сказать, культурный пережитокъ и были очень мало приспособлены къ новымъ условіямъ народной жизни. Являлась необходимость, слѣдовательно, въ новомъ законодательномъ сборникѣ, который бы стоялъ въ бо́льшемъ соотвѣтствіи съ жизнью и мѣстными обычаями. Такимъ сборникомъ и должны были оказаться „Права" 1743 г. и въ частности 26-я ихъ глава, „о магистратѣ или урядѣ гродскомъ у привиліованныхъ и другихъ меньшихъ городовъ, о судахъ ихъ гродскихъ и о другихъ должностяхъ", составленная главнымъ обраромъ на основаніи книги порядка, отчасти Саксона и Статута, приспособленныхъ къ живой дѣйствительности.

Покончивъ съ элементами, опредѣлявшими городскую организацію, переходимъ теперь къ особенностямъ этой послѣдней. Замѣтимъ прежде всего, что центральное русское правительство въ противоположность польскому относилось съ полными довѣріями къ малороссійскимъ городамъ и не оставило даже за собою права утвержденія войтовъ. Факты свидѣтельствуютъ, что существовало значительное разнообразіе маги-

Digitized by Google

стратскихъ порядковъ въ различныхъ городахъ. Въ Нѣжинѣ, напримѣръ, они достигли наибольшей полноты и цѣльности; наоборотъ въ такихъ городахъ какъ Остеръ мы видимъ только блѣдную тѣнь ихъ. Это разнообразіе отражалось прежде всего на численности магистратскихъ урядниковъ: въ Нѣжинѣ, напримѣръ, въ 1766 г. былъ войтъ, вицевойтъ, 6 бурмистровъ, 26 райцевъ и писарь; въ Стародубѣ въ 1721 г. былъ войтъ, 8 бурмистровъ, 5 райцевъ, 5 лавниковъ и писарь; въ другихъ городахъ—значительно меньше. Обращаясь къ вопросу о функціяхъ различныхъ должностныхъ лицъ, мы замѣчаемъ значительное отступленіе отъ нормъ, установленныхъ „Законными книгами". И Порядокъ, и Саксонъ, и Право Хелминское различаютъ административныя функціи магистратскихъ урядниковъ отъ судебныхъ; первыя относятся къ коллегіи райцевъ и бурмистровъ (городской радѣ), вторыя — войта и лавниковъ (лавѣ). Въ дѣйствительности же, въ городахъ лѣв. Малороссіи, онѣ смѣшивались; и по 26-й главѣ „Правъ" войту принадлежала административная и судебная власть; остальные урядники также должны были засѣдать и въ судѣ, и въ городской радѣ. Полицейскія обязанности магистраты дѣлили съ полковыми или сотенными канцеляріями и такъ какъ сфера вѣдомства тѣхъ и другихъ не была строго разграничена, то нерѣдко между ними происходили столкновенія. Магистратскіе суды вѣдали всѣми дѣлами (гражданскими и уголовными), касавшимися двухъ сословій — мѣщанъ и посполитыхъ (городскихъ); но такъ какъ въ качествѣ челобитчиковъ сюда являлись и лица другихъ сословій (казаки), то на судѣ магистратскомъ присутствовали и представители казацкаго уряда; всяческія гражданскія сдѣлки вносили въ актовыя магистратскія книги повидимому всѣ сословія. Магистратскій судъ принималъ мѣры къ охранѣ имущества малолѣтнихъ, бралъ поручительство и такъ называемыя „заруки", т.-е. заклады. Апелляція на рѣшенія магистратскихъ судовъ восходила сначала въ полковыя канцеляріи, а потомъ прямо въ генеральный войсковой судъ. Въ своихъ приговорахъ суды ссылаются на Щербича, Гроицкаго, и Литовскій Статутъ, указывая иногда въ точности самыя страницы или же приводя изъ нихъ подлинныя выдержки, но бо́льшею частію дѣлая на нихъ неопредѣленныя ссылки. Многіе приговоры поэтому отличаются суровостью наказаній и въ этомъ виноваты были сами кодексы; одинъ изъ нихъ дышалъ средневѣковою жестокостью, а другой (Статутъ) также былъ очень строгъ по отношенію къ лицамъ „простого стану"; Нѣжинскій магистратскій судъ, напримѣръ, за кражу лошадей велѣлъ повѣсить трехъ цыганъ, а за простую кражу денегъ съ коморы присудилъ къ „урѣзанью уха" (любимое членовредительство магистратскихъ судовъ). Въ процессѣ употреблялась пытка — прижиганье раскаленнымъ желѣзомъ. Но формализмъ и суровость чужеземнаго права, застывшаго въ своемъ содержаніи и не смягчавшагося сообразно съ новыми условіями жизни, должны были смущать совѣсть судей. Эти послѣдніе взяты были непосредственно изъ народной среды и знали гораздо лучше народные юридическіе обычаи, чѣмъ законъ. Являясь судьями по совѣсти и убѣжденію, они, естественно готовы были перейти на сторону обычая въ томъ случаѣ, если между нимъ и закономъ выходило противорѣчіе. При томъ самъ законъ (въ руководящихъ книгахъ магдебургскаго права) признавалъ силу и даже законность обычая. Въ приговорѣ по дѣлу

Digitized by Google

объ изнасилованіи Насти Лишихи Гавриломъ Кондратенкомъ судъ привелъ выдержку изъ Саксона, который назначалъ смертную казнь за это преступленіе, но въ дѣствительности поставилъ очень легкій приговоръ (чтобы Гаврило „во всемъ перепросилъ“ потерпѣвшую и ея мать, т.-е. извинился передъ ними и наградилъ ихъ изъ своего имѣнія) — и это потому что „акторская сторона“ (т.-е обвинительница) его горломъ даровала (буквально — отъ смертной казна освободила). Еще болѣе интересенъ случай полной отмѣны наказанія за убійство въ виду просьбы объ этомъ вдовы покойника; вдова отказалась преслѣдовать виновнаго, отказалась даже отъ пахатнаго поля, которое ей предлагалъ судъ изъ имущества виновнаго и просила только о томъ, чтобы этотъ послѣдній „поедналъ священника на проводъ за душу небощика и чтобы долги небощика расплатилъ, что кому винно“. Здѣсь насъ поражаетъ высокое нравственное достоинство вдовы покойника, которая заботится только о душѣ и о доброй памяти его. Формализмъ писанаго права ослаблялся участіемъ въ процессѣ, въ активной роли слѣдователей, самаго населенія; и это выражалось въ формѣ извѣстныхъ копновъ судовъ. Въ гражданскихъ искахъ также замѣтно стремленіе судей рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію; этимъ объясняется желаніе ихъ примирять тяжущихся, если этого требовали, по ихъ мнѣнію, интересы обѣихъ сторонъ; этимъ можно объяснить и такое, напримѣръ, рѣшеніе Стародубовскаго магистра. Жена мѣщанина Саввы Левоновича жаловалась, что ея мужъ пропиваетъ въ шинкахъ все имущество. Судъ, постановилъ, что если кто изъ шинкарей даетъ ему въ долгъ какого-либо напитка, то не будетъ имѣть права требовать своего долга изъ имущества этого пьяницы.

V. Судьба городского самоуправленія.

Слѣдя за судьбою городскихъ общинъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, въ теченіе 2-й пол. XVII. и до к. XVIII в., мы приходимъ къ заключенію, что онѣ старались только удержать прежнія права и отнюдь не претендовали на пріобрѣтеніе новыхъ. Идеалъ ихъ былъ не въ будущемъ, а въ прошломъ. Мало того: всѣ онѣ, въ бо́льшей или ме́ньшей степени, потеряли и то, что прежде имѣли. Цѣлый рядъ обстоятельствъ неблагопріятно отражался на ихъ судьбѣ и постепенно уменьшалъ ту скромную долю самоуправленія, которою онѣ пользовались. Гражданское городское управленіе нашло себѣ повсемѣстно опаснаго врага въ представителяхъ военной организаціи тогдашней Малороссіи — казацкихъ полковникахъ, сотникахъ и т. п. Полковымъ канцеляріямъ удалось было даже поставить магистраты въ прямую зависимость отъ себя, но эта зависимость продолжалась не долго; ихъ притязанія были признаны незаконными и магистраты подчинены генеральной войсковой канцеляріи и генеральному войсковому суду, но косвенное вліяніе казацкаго уряда продолжалось. Каждый магистратъ долженъ былъ вести борьбу отдѣльно, на свой собственный страхъ и рискъ; сознанія сословнаго единства, общности интересовъ у привиллегированнаго мѣщанства не могло выработаться. Города добивались самоуправленія не сообща, а

Digitized by Google

отдѣльно и не въ одно и тоже время, пользовались имъ не въ одинаковой степени и отстаивали его не съ одинаковымъ успѣхомъ. Между тѣмъ казачество въ лѣвобережной Малороссіи сознавало себя отдѣльнымъ сословіемъ, права котораго утверждались генерально царскими пожалованіями. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ тамъ гдѣ сталкивались интересы мѣщанъ и казаковъ, бо́льшіе шансы на успѣхъ имѣли послѣдніе. А такія столкновенія были во всѣхъ городахъ лѣвобережья, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, потому что всюду казачество составляло видную часть городского населенія и стремилась освободиться отъ всякихъ городскихъ повинностей. И если притязанія его временно имѣли успѣхъ даже въ такихъ центрахъ какъ Нѣжинъ, Стародубъ, Черниговъ, то въ меньшихъ городахъ магистратское управленіе совсѣмъ было уже слилось съ казацкимъ. Нѣжинскому магистрату приходилось сверхъ того вести упорную борьбу съ Греческимъ Нѣжинскимъ Братствомъ. Это была иностранная корпорація, пріобрѣвшая мало-по-малу чрезвычайно широкое самоуправленіе и забравшая въ свои руки всю городскую торговлю. Греческіе купцы рано появились въ Малороссіи. Уже при Богданѣ Хмельницкомъ они получили универсалы на право вольной, безпошлинной торговли по всѣмъ малороссійскимъ городамъ и мѣстечкамъ и право собственнаго суда: ни полковники, ни сотники, ни атаманы, ни войты не должны были имѣть къ нимъ никакого касательства. Они поняли, что при тогдашнемъ соціальномъ строѣ Малороссіи, имъ не слѣдовало смѣшиваться съ массой населенія, а удобнѣе было составить особую корпорацію. И вотъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVII в. въ Нѣжинѣ образовалось Греческое Братство, обязанное своимъ происхожденіемъ энергіи мѣстнаго священника Христофора Дмитріева. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно напоминало, нѣмецкій торговый домъ въ Великомъ Новгородѣ. Имѣя въ своихъ рукахъ городскую торговлю, Греки однако были свободны отъ всякихъ городскихъ повинностей, которыя ложились тяжелымъ бременемъ на нѣжинскихъ православныхъ мѣщанъ. Это, конечно, было очень несправедливо — и магистратъ постоянно (хотя и тщетно) указывалъ на эту несправедливость правительству. Трудно было мирно ужиться этимъ двумъ общественнымъ корпораціямъ (магистрату и братству) на узкой территоріи г. Нѣжина. Но тогдашнее время не давало никакой возможности выйти изъ заколдованнаго круга уничтожающихъ другъ друга привиллегій. Все, что могло, выпрашивало себѣ какую-либо льготу, зная что только она ставитъ его въ привиллегированное положеніе, нисколько не заботясь о тѣхъ коллизіяхъ, которыя логически изъ нихъ вытекали.

VI. Цеховыя братства.

Переходимъ теперь наконецъ къ краткой характеристикѣ тѣхъ организацій, которыя казались исключительно ремесленнаго класса городскихъ обществъ — именно цеховъ или цеховыхъ братствъ. Эта организація составляла непремѣнную составную часть магистратской, входила въ нее, но очень часто существовала и независимо отъ нея, даже въ такихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ не было магдебургскаго права.

Digitized by Google

Мы не будетъ останавливаться здѣсь на подробностяхъ цехового строя, хотя въ нашемъ распоряженіи имѣется по этому вопросу очень богатый матеріалъ, сдѣлаемъ только общее заключеніе, что эта организація отличалась гораздо бо́льшимъ единообразіемъ и жизненною устойчивостью, чѣмъ Магдебургія въ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ концѣ XVIII вѣка мы видимъ въ цехахъ тѣ же самые распорядки, тѣ же обычаи, тѣ же уставы, какіе были въ 1-й половинѣ XVII в. Центральное правительство вовсе не касалось цеховъ, а мѣстный козацкій урядъ считалъ ихъ повидимому законнѣйшею принадлежностью ремесленниковъ и выдавалъ самостоятельно „фундовальные листы“ на ихъ учрежденіе. Во всѣхъ этихъ листахъ они называются братствами. И это отождествленіе ремесленныхъ цеховъ съ церковными братствами было не только въ названіи, но и въ дѣйствительности. Всѣ они ставили себѣ двоякую цѣль — регулированіе своего ремесла и заботу о приходскомъ храмѣ и тѣсно связанныхъ съ нимъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ — школѣ и шпиталѣ (т.-е. богадѣльнѣ). Цехи имѣли собственные дома („братскіе“), имущество, доходы, правосуды надъ братчиками и т. п. Будучи проникнуты сословною исключительностью (это была дань вѣку), корпораціи эти въ тоже самое время сильно развивали и поддерживали въ тѣхъ кругахъ, которыя захватывали, духъ общественной солидарности и способствовали развитію не формальной, а живой искренней религіозности, чувства любви къ ближнему и благотворительности. Братства лѣвобережной Малороссіи съузили свои задачи сравнительно съ таковыми же учрежденіями правобережной Украйны (Львовскими, Кіевскими и др.); но за то расширились количественно и сѣтью своею буквально покрыли всю Малороссію. Они не заводили здѣсь высшихъ училищъ, но за то создали такое громадное количество народныхъ школъ, отъ котораго не далеко ушло (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и отстало) наше время. Церковь, школа и шпиталь были тѣсно связаны другъ съ другомъ и являлись созданіемъ самого народа. Приходъ представлялъ изъ себя живую единицу, проникнутую одинаковыми нравственными интересами и свободную отъ всякой внѣшней регламентаціи, которая бы нарушала его внутреннюю независимость.

Въ иномъ положеніи находилось магистратское самоуправленіе въ собственномъ смыслѣ этого слова. Оно не только не получило такого широкаго распространенія какъ цехи, наоборотъ сдѣлалось исключительной привиллегіей очень немногихъ общинъ. Чрезвычайно важное значеніе имѣло то обстоятельство, что магдебургское право не захватывало всѣхъ группъ городского населенія; внѣ его стояли такія выдающіяся по своему значенію сословія, какъ шляхетство и казаки, имѣвшіе свое собственное самоуправленіе. Между казацкимъ и мѣщанскимъ самоуправленіемъ была огромная разница. Первое широко раскинулось по всей странѣ и вылилось въ стройную іерархическую форму съ тремя, такъ сказать, концентрическими кругами: низшее мѣсто занималъ сотенный отрядъ, среднее — полковой, третье — самое высокое — генеральный. Въ противоположность ему мѣщанскія общины были разрознены и не могли ни вести совмѣстной борьбы за свои права, ни выработать какихъ-либо общихъ мѣръ для нея. Тамъ была іерархія должностей; здѣсь всѣ общины были совершенно независимы другъ отъ друга и не имѣли никакой высшей власти надъ собою съ характеромъ

Digitized by Google

выборнаго представительства. Цеховые порядки не смотря на свое иноземное происхожденіе, быстро привились въ Малороссіи и, слившись съ церковнымъ правомъ, братствами, сдѣлались даже какъ бы чисто національными и народными учрежденіями; Магдебургія же никогда не могла сдѣлаться столь близкой для народной массы и оставалась все-таки чужероднымъ институтомъ

Digitized by Google

О нѣкоторыхъ историческихъ и литературныхъ фактахъ, связанныхъ съ именемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв.

Е. В. Пѣтухова.

Въ трехъ верстахъ отъ станціи Псково-Рижской желѣзной дороги „Печеры", въ 44 верстахъ отъ Пскова и 248 отъ Риги, въ живописнѣйшей мѣстности, въ углубленіи между высокими горами, стоитъ окруженный своими прекрасно сохранившимися отъ XVI вѣка стѣнами Псково-Печерскій Успенскій первоклассный монастырь, одинаково замѣчательный своими историческими заслугами въ прошломъ (военно-политическими — какъ сильная твердыня, выдержавшая нѣсколько вражескихъ осадъ, и просвѣтительно-религіозными — какъ оплотъ православія на границѣ съ иновѣрными народностями) и своимъ важнымъ современнымъ значеніемъ (какъ всѣми уважаемый центръ религіознаго поклоненія для обширной окружающей его области съ весьма разнообразнымъ этнографическимъ и вѣроисповѣднымъ составомъ). Возникши въ отдаленную эпоху на границѣ ливонскихъ земель и русскихъ и самоотверженно служа, когда того требовали обстоятельства, своими внѣшними и внутренними силами не только ближайшему къ нему Пскову, съ которымъ онъ связанъ былъ іерархической зависимостью, но и интересамъ всей русской земли въ XVI и XVII вв., Псково-Печерскій монастырь долженъ привлекать къ себѣ вниманіе всякаго, интересующагося судьбами взаимныхъ отношеній русскаго государства къ Прибалтійской окраинѣ. Не ставя себѣ никакихъ широкихъ задачъ, я въ настоящемъ случаѣ хотѣлъ бы обратить вниманіе на нѣкоторые факты изъ прошлой политической и духовной жизни этого монастыря, преимущественно съ историко-литературной точки зрѣнія[1]).

---

[1]) Для знакомства съ исторіей Псково-Печерскаго монастыря служатъ:

1. Псковская Лѣтопись (П. С. Р. Л. т. IV; Псковская Лѣтопись изд. М. Погодинымъ. М. 1837), извѣстія въ которую о Печерскомъ монастырѣ могли заноситься мѣстнымъ псковскимъ лѣтописателемъ въ виду принадлежности обители къ Псковской епархіи и вообще нахожденія ея въ предѣлахъ Псковской земли. Проф. *Ключевскій* (Житія святыхъ, стр. 249) предполагаетъ и существованіе нѣкогда сохранившейся до насъ мѣстной монастырской лѣтописи игумена Корнилія (1529—1570), которой могъ пользоваться псковскій лѣтописатель и на которую дѣлается ссылка въ одномъ изъ позднѣйшихъ сказаній о Печерскомъ монастырѣ, составленномъ въ началѣ XVII вѣка. Въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ помимо, Псковскаго, свѣдѣнія о Печерскомъ монастырѣ скудны и случайны.

Digitized by Google

Самое начало монастыря преданіе, нашедшее себѣ выраженіе уже въ первоначальныхъ историческихъ источникахъ обители, связываетъ съ именемъ священника церкви св. Николая и великомуч. Георгія въ Юрьевѣ Ливонскомъ (построенной вел. кн. Ярославомъ Владиміровичемъ Кіевскимъ и нынѣ не существующей) Іоанна, который послѣ того какъ нѣмцы-католики стали притѣснять въ Юрьевѣ православныхъ, отошелъ въ Псковъ. Онъ вскорѣ явился однимъ изъ первыхъ основателей Печерской обители, что было въ связи съ чудеснымъ появленіемъ иконы Богородицы, по на-

---

2. Грамоты, акты, дарственныя записи царей и царицъ и частныхъ лицъ и прочіе документы, касающіеся главнымъ образомъ исторіи внѣшняго, матеріальнаго роста обители и приписанныхъ къ ней монастырей и церквей. Документы эти хранятся частію въ архивѣ монастыря, частію въ архивахъ и книгохранилищахъ разныхъ общественныхъ учрежденій, напр. №№ LIV—LVI библ. Румянцевскаго Музея заключаетъ въ себѣ списки съ весьма многихъ и замѣтельныхъ изъ подобныхъ документовъ XVI и XVII вв. (*А. Востоковъ*, Опис. рук. Рум. Музеума, стр. 86—90).

3. Повѣсти и сказанія, касающіяся Печерскаго монастыря. „Повѣсть о началѣ Печерскаго монастыря иже во градѣ Псковѣ. Нач. Вся убо яже въ лѣтѣ и яже подъ лѣтомъ бываемая Божія благодѣянія о человѣцѣхъ не лѣпо есть таити...“ Списки ея: Сборн. Волокол. м-ря въ М. Д. А. пис. въ 1536 году № 659, л. 143—148; Четь-Минеи Герм. Тулупова Тр.-С. Лавры пис. въ 1632 году № 679 (408), л. 209 об.—218; Сборникъ И. П. Библ. Древлехр. Погод. № 1553 XVII в.; л. 163—191. Ср. еще *Строева* Библіол. Словарь, стр. 182. 380. Въ концѣ Повѣсти сказано, что она написана въ 7039 (1531) году при держ. вел. кн. Василія и при архіепископѣ Новгорода и Пскова Макаріи, игуменомъ Корниліемъ (1529—1570), который касательно своихъ источниковъ и вообще отношенія къ труду выражается такъ: „ничто же вписахъ отъ своего ума, еже не бѣ, но еже бысть и бываетъ и яже слышахомъ или яже видѣхомъ и извопрошавше правое положихомъ“ (А. *Бычковъ*, Описаніе рукописныхъ сборниковъ, ч. I, стр. 88). Историческая достовѣрность этой повѣсти вызвала отзывъ проф. *Ключевскаго*, что источники игум. Корнилія „внушаютъ полное довѣріе къ его сказанію, одному изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ для исторіи монастырской колонизаціи, особенно для опредѣленія связи ея съ земской“ (Житія святыхъ, стр. 250). — Послѣ Корнилія въ XVI и XVII вв. было нѣсколько лицъ, описавшихъ нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни Печерскаго монастыря, руководясь личными впечатлѣніями или живыми слухами на мѣстѣ. Сюда относятся: „Повѣсть о прихожденіи Литовскаго короли Стефана съ великимъ и гордымъ воинствомъ на великій, славный и Богомъ спасаемый градъ Псковъ“ (изд. О. М. Бодянскимъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1847, № 7); ср. Переписную книгу домовой казны патр. Никона во Врем. Общ. Ист. и Др. т. XV, 1852, стр. 100: „Книга въ полдесть о Печерскомъ монастырѣ и о избавленіи града Пскова, писмянная, отъ плѣненія полскаго и литовскаго короля Обатура“); эту повѣсть нѣкоторые склонны были считать произведеніемъ старца Псковскаго Елеазарова монастыря Серапіона (*Евгеній*, Словарь о пис. дух. чина, II, изд. 2, стр. 200; *Филаретъ*, Обзоръ дух. лит., стр. 164); въ рукописи же Древлехр. Погодина № 902 авторъ называется Григоріемъ (*Строевъ*, Библ. Словарь, стр. 379. Ср. *Ключевскій*, Жит. св., стр. 315).— Далѣе, въ 1587 году игуменъ Мелетій, по желанію боярина и псковскаго воеводы кн. Ник. Ром. Трубецкого написалъ „О чудесѣхъ пречистой Богородицы отъ иконы честнаго ея Успенія“ (*Строевъ*, Библ. Словарь, стр. 211). Въ 1601 году игуменъ Іоакимъ, по приказанію архіепископа Псковскаго и Изборскаго Геннадія, составилъ уставъ „О крестохожденіи, по завѣту осадныхъ людей въ Печерскомъ монастырѣ, въ Псковъ ко Святѣй Живоначальнѣй Троицѣ въ недѣлю седмую по пасцѣ“ (*Строевъ*, Библ. Словарь, стр. 378). Къ началу или первой четверти XVII вѣка принадлежатъ: „Сказаніе о нашествіи иноплеменникъ къ Печерскому монастырю“ (1611 года), „О чудесѣхъ пречистыя Богородицы отъ иконы честнаго ея Успенія иже во Псковской области въ Печерскомъ монастырѣ и отъ иконы Умиленія, зовома Владимерская“ (1621—1624) и др. (См. *Строевъ*, Библ. Словарь, стр. 353. 378—379; *Бычковъ*, Опис. сборн., стр. 152—153).— Въ XVII в. нѣкоторымъ изъ этихъ отдѣльныхъ трудовъ, на основѣ Корниліевой Повѣсти, дана была общая обработка, имѣющаяся, напр., въ рукописи Соловецкаго м-ря, нынѣ Каз. Дух. Ак., № 671 (609), л. 222—320 (Описаніе, II, стр. 544—545. Ср. *Ключевскій*, назв. соч., стр. 315—316. Другой трудъ такого же сборнаго характера представляетъ „Лѣтопись Псково-Печерскаго монастыря“, неизвѣстно кѣмъ составленная и сохранившаяся въ рукописи, писанной въ 1692 году іеродіакономъ Питиримомъ; эта рукопись хранится теперь въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря, между другими наиболѣе замѣчательными рукописями обители. Въ XVII же вѣкѣ возникъ и „Псково-Печерскій Патерикъ“, по составу своему весьма похожій на только что названный Сборникъ статей о монастырѣ въ Соловецкой рукописи; *Строевъ* указывалъ списокъ его въ Моск. Синод. библіотекѣ № 564 XVII в. (Библ. Словарь, стр. 378—379). О другихъ

Digitized by Google

родному преданію, на мѣстѣ основанія монастыря[1]). Въ названной Юрьевской церкви остался священникъ Исидоръ, которому и суждено было вмѣстѣ со своими 72 духовными дѣтьми принять мученическую смерть отъ Нѣмцевъ: ихъ побросали въ рѣку Амовжу (Эмбахъ). Это случилось 8 января 1472 года. Упомянутому страшному событію посвящено было интересное чтеніе д-ра *Ѳед. Бейзе* въ Эстонскомъ Ученомъ Обществѣ въ Дерптѣ 17 янв. 1876 года, гдѣ авторъ именно приводитъ въ связь съ нимъ основаніе Псково-Печерскаго монастыря: „Исторія возникновенія сего порубежнаго убѣжища, — говоритъ онъ — такъ тѣсно связана съ описаннымъ выше страшнымъ дерптскимъ событіемъ, что служащая доселѣ пріютомъ духовной учености, врачебницею и питательницею, убѣжищемъ истерзанныхъ душъ и священнымъ мѣстомъ послѣдняго успокоенія и во всякое время года посѣщаемая многочисленными богомольцами, обитель сія представляется уму не иначе, какъ въ связи съ послѣдствіями, сопряженными съ упомянутымъ событіемъ“[2]).

Въ первомъ половинѣ XVII вѣка игуменъ Корнилій успѣшно проповѣдывалъ христіанство между Ливонской „Чудью“ и доходилъ даже до Новаго городка (Нейгаузъ), лежавшаго уже за предѣлами русской земли.

Затѣмъ, изъ послѣдующей исторіи монастыря выдается по своему драматическому характеру осада его войсками польскаго короля Стефана Баторія въ 1581 г. Еще въ предшествовавшихъ этому военныхъ дѣйствіяхъ Стефана Баторія противъ Пскова въ томъ же 1581 году монастырскіе псково-печерскіе служители принимали дѣятельное участіе въ пользу Псковичей, перехватывая русскихъ плѣнниковъ, обозы со съѣст-

---

рукописяхъ XVII в., касающихся исторіи Псково-Печерскаго монастыря, см. „Опись келейной казны патріарха Филарета Никитича 1630 года августа 26“ въ Русской Истор. библіотекѣ, т. Ш, стр. 907—908; А. *Поповъ*, Рукописи Хлудова, стр. 498.

Съ начала нынѣшняго столѣтія уже начинаютъ появляться печатныя историческія извѣстія о Псково-Печерскомъ монастырѣ. Въ 1807 году въ Москвѣ напечатано было первое изданіе книжки „Повѣсть о началѣ и основаніи Печерскаго монастыря, взята изъ древнихъ лѣтописцевъ, обрѣтающихся въ книгохранилищѣ онаго монастыря“. Эта повѣсть составлена главнымъ образомъ на основаніи только что названной „Лѣтописи“ и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія: о первоначальной исторіи монастыря (стр. 1—57); о преп. Маркѣ Печерскомъ, который былъ, согласно преданію, родоначальникомъ псково-печерскихъ отшельниковъ, и о переложеніи мощей его, священноинока Іоны, и его супруги инокини Вассы изъ старыхъ ветхихъ гробовъ въ новые (стр. 57—61), о житіи и подвигахъ псковскихъ чудотворцевъ Тимоѳея (вел. кн. Доманта) (стр. 62—89) и Гавріила (вел. кн. Всеволода) (стр. 89—94), о „Рукописаніи“ послѣдняго объ устроеніи въ Новгородѣ церкви Іоанна Предтечи (стр. 94—98) и его же „Уставѣ о церковныхъ судѣхъ и о людѣхъ и о мѣрилахъ торговыхъ“ (стр. 99—105), о св. Николаѣ Юродивомъ (стр. 106—108) и о св. Саввѣ, основателѣ Крыпецкой обители вблизи Пскова (стр. 108—161). Второе изданіе этой книжки неизвѣстнаго автора было выпущено въ Псковѣ въ 1849 году. Сочиненію этому, во всякомъ случаѣ весьма полезному для знакомства съ исторіей м-ря, но написанному совершенно безъ критики, въ позднѣйшихъ историческихъ работахъ придавался однакоже характеръ первоисточника (см. Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. III. Рига 1880, стр. 471—473; т. IV. Рига 1883, стр. 187—193). Изъ другихъ сочиненій, относящихся къ Псково-Печерскому монастырю и имѣющихъ характеръ болѣе или менѣе цѣльнаго повѣствованія о его судьбахъ, должно назвать „Описаніе Псково-Печерскаго первоклассного монастыря“. Дерптъ 1821, 2 изд. Дерптъ 1832; „Псково-Печерскій монастырь“. С.-Пб. 1860, 2-е изд. Новгородъ 1864; „Первоклассный Псково-Печерскій монастырь“. Островъ 1893. Наконецъ, краткія справочныя свѣдѣнія о монастырѣ можно найти въ извѣстномъ трудѣ *В. В. Звѣрискаго* „Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи, съ библіографическимъ указателемъ“. I—II. С.-Пб. 1890-91, № 398.

[1]) Новгородскія Лѣтописи. Изд. Археограф. Комиссіи. С.-Пб. 1879, стр. 308.

[2]) Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. III, стр. 467.

Digitized by Google

ными припасами и побивая небольшіе непріятельскіе отряды, такъ что когда 29 октября польскія войска подступили подъ самый монастырь и начали его разбивать снарядами, то нашли въ братіи монастырской уже довольно опытныхъ и отважныхъ защитниковъ своей родной святыни. Нѣсколько недѣль неудачныхъ военныхъ дѣйствій противъ монастыря побудили короля обратиться къ братіи, въ весьма мягкихъ выраженіяхъ, съ предложеніемъ сдаться и съ обѣщаніемъ предоставить всѣмъ жизнь, имущество, и свободу; но монастырская братія нашла это предложеніе „льстивымъ" и объявила черезъ схимника Патермуфія осаждающимъ свой полный отказъ и намѣреніе защищаться до послѣдней возможности, требуя со своей стороны удаленія непріятелей отъ стѣнъ обители. Вскорѣ, послѣ заключенія мира съ Россіей, военныя дѣйствія прекратились, и Печерскій монастырь такимъ образомъ счастливо вышелъ изъ трудныхъ обстоятельствъ, сохранивъ свою цѣлость и достоинство и не мало послуживъ общему успѣху Русскихъ въ войнѣ съ Поляками и Нѣмцами[1]). Въ эту эпоху монастырь, обладавшій уже значительными матеріальными и нравственными силами, сыгралъ весьма видную политическую роль, выпавшую на его долю въ виду его пограничнаго положенія.

Наконецъ, въ смутное время Московскаго государства, при безпрерывныхъ войнахъ, Печерскій монастырь съ 1607 по 1613 годъ былъ неоднократно обезпокоиваемъ проходомъ черезъ него шведскихъ и польскихъ войскъ, которыя нерѣдко занимали стѣны этой обители и истощали ее грабежомъ и требованіями денегъ; причина этого опять лежала въ особенностяхъ географическаго положенія монастыря, находившагося, такъ сказать, на главной дорогѣ международныхъ сообщеній. И вообще только лишь со времени счастливаго завершенія многовѣковой борьбы за польско-шведско-ливонскія земли Петромъ Великимъ въ началѣ XVII вѣка Псково-Печерскій монастырь, который Царь-Преобразователь заново укрѣпилъ окопами, почувствовалъ себя въ безопасности.

Съ именемъ Псково-Печерскаго монастыря или лицъ, принимавшихъ въ немъ ближайшее участіе, связано нѣсколько литературныхъ фактовъ въ XVI и XVII вв., достойныхъ упоминанія.

На первомъ мѣстѣ по времени стоитъ здѣсь имя благодѣтеля, усерднаго строителя и жертвователя на монастырь государева дьяка во Псковѣ Мисюря или Михайлы Григорьевича Мунехина, который вмѣстѣ съ подьячимъ Артюшей Псковитиномъ обратили вниманіе, какъ говорится въ Псковской Лѣтописи подъ 1519 и 1523 гг., на неизвѣстную до тѣхъ поръ малолюдную обитель на Ливонской границѣ, начали туда часто ѣздить и привлекать вниманіе другихъ людей къ чудесамъ исцѣленія тамошней иконы Божьей Матери. Мисюрь одарилъ монастырь деньгами и землею и построилъ новую большую церковь въ горѣ въ честь Успенія съ придѣлами въ честь Кіево-Печерскихъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія; въ монастырѣ было учреждено игуменство, установлено общежитіе и стали правильно совершаться церковныя повседневныя службы[2]). Къ этому-тѣ именно Мисюрю обращены были два извѣстныхъ

---

[1]) См. разсказъ объ этомъ событіи въ книгѣ митр. *Евгенія* „Исторія княжества Псковскаго". Ч. I. Кіевъ 1831, стр. 230—235.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 293, 295; VI, 29; Псковская Лѣт., изд. М. Погодинымъ, стр. 186.

Digitized by Google

посланія старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея, изъ которыхъ въ одномъ, писанномъ въ 1522 году, авторъ упрекаетъ псковскихъ начальниковъ за то, что они не допускали священниковъ исповѣдывать и пріобщать св. таинъ умиравшихъ отъ моровой язвы[1]); во-второмъ посланіи Филоѳей обличаетъ сильно распространившуюся вѣру во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка и въ концѣ развиваетъ идею о Москвѣ — третьемъ Римѣ[2]). Оба посланія своимъ обращеніемъ къ Мисюрю Мунехину могутъ служить указаніемъ на относительную просвѣщенность этого, безъ сомнѣнію, энергическаго, умнаго и ревностнаго къ дѣламъ церкви человѣка.

Съ Псково-Печерскимъ монастыремъ соединено и не маловажное въ исторіи древней русской письменности имя игумена Троице-Сергіева монастыря старца Артемія, извѣстнаго литовскаго изгнанника-добровольца и одного изъ даровитѣйшихъ и убѣжденнѣйшихъ представителей того направленія древне-русской религіозной жизни, которое отмѣчено именемъ школы „заволжскихъ старцевъ". Жизнь старца Артемія до сихъ поръ мало извѣстна, особенно первая ея половина, но изъ соборной грамоты 1554 года, которая послана была въ Соловецкій монастырь, мѣсто заключенія Артемія, и гдѣ изложены были обвиненія его въ сочувствіи ереси М. Башкина, видно, что до знакомства съ ученіемъ „заволжскихъ старцевъ" Артемій провелъ нѣкоторое время въ Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ; изъ Печерскаго монастыря Артемій ѣздилъ, пользуясь близостью разстоянія, въ нѣмецкій городокъ Нейгаузъ (куда, какъ мы видѣли, хаживалъ и игуменъ Корнилій), чтобы въ бесѣдѣ съ знающими и книжными людьми выяснить себѣ болѣе точно различіе между вѣрой католической и православной. Эта религіозная пытливость, бывшая на Руси въ XVI вѣкѣ, можно сказать, стихійной, была поставлена Артемію его московскими судьями въ вину, такъ какъ-де Артемій и безъ испытанія долженъ былъ знать всѣ преимущества православной вѣры надъ католической[3]). Артемій осужденъ былъ на Московскомъ соборѣ 1554 г. какъ еретикъ и сосланъ на строгое заточеніе въ Соловецкій монастырь, откуда однакоже вскорѣ успѣлъ бѣжать въ Литву и явиться тамъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ православія въ своихъ посланіяхъ, писанныхъ къ разнымъ лицамъ въ Россіи и за ея предѣлами[4]). Такимъ образомъ, Псково-Печерскій монастырь, насколько можно предполагать, своей близостью къ центрамъ католической жизни въ Ливоніи, содѣйствовалъ Артемію на первыхъ шагахъ его религіозной пытливости и тѣмъ самымъ сыгралъ извѣстную роль въ исторіи склада тѣхъ идей и воззрѣній, которыя сдѣлали изъ Артемія одну изъ интереснѣйшихъ личностей нашей литературной исторіи XVI вѣка.

Нѣкоторую связь съ Псково-Печерскимъ монастыремъ имѣла въ XVI вѣкѣ и другая, еще болѣе извѣстная историческая и литературная личность — князь А. М. Курбскій, глубокій почитатель старца Артемія, считавшій себя его духовнымъ ученикомъ[5]) и давшій о немъ, какъ объ историческомъ дѣятелѣ, самый сочувственный

---

[1]) Дополн. къ Акт. Истор. I, № 23.

[2]) Правосл. Собесѣдникъ, 1861, II, стр. 78–96.

[3]) Акты Археограф. Экспедиціи I, стр. 251; *П. Занковъ*. Старецъ Артемій, писатель XVI вѣка. С.-Пб. 1887 г., стр. 4, 14; *С. Садковскій*, Артемій игуменъ Троицкій. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1891. IV, стр. 38, 66.

[4]) Они напечатаны въ Русской Истор. Библіотекѣ, т. IV. С.-Пб. 1878, стр. 1201 - 1448.

[5]) Сказанія кн. Курбскаго, ч. II, 1 изд., стр. 163—164.

Digitized by Google

отзывъ[1]). Кн. Курбскій, разсказывая о жестокихъ поступкахъ царя Ивана Грознаго, удѣляетъ въ своей Исторіи памяти извѣстнаго уже намъ игумена Псково-Печерскаго монастыря Корнилія и старца того же монастыря Вассіана Муромцева, также мученически пострадавшихъ отъ царя, слѣдующія строки: „Тогда же убіенъ отъ него (царя) Корнилій, игуменъ, Печерскаго монастыря начальникъ, мужъ святый и во преподобіи многъ и славенъ; бо отъ младости своей во мнишескихъ трудѣхъ провозсіялъ и монастырь онъ предреченный воздвиже со многими труды и молитвами къ Богу, идѣже и безчисленныя чудеса прежде истекали, благодатію Христа Бога нашего и Пресвятыя его Матери молитвами, поколь было имѣній ко монастырю тому не взято, и нестяжательно мниси пребывали; егда жъ мниси стяжанія почали любити, паче же недвижимыя вещи, сирѣчь села и веси, тогда угасоша божественныя чудеса. И тогда вкупѣ убіенъ съ нимъ другій мнихъ, ученикъ того Корнилія, Васьянъ именемъ, по нареченію Муромцевъ; мужъ былъ ученый и искусный и въ священныхъ писаніяхъ послѣдователь. И глаголютъ, ихъ вкупѣ во единъ день орудіемъ мучительскимъ нѣкакимъ раздавленныхъ; вкупѣ и тѣлеса ихъ преподобномученическія погребены[2])“. Къ этому старцу Вассіану Муромцеву, котораго ученость и знаніе св. Писанія такъ высоко оцѣниваетъ кн. Курбскій, но о которомъ, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ другихъ извѣстій, и написалъ онъ три посланія изъ Литвы, Первыя два посланія, писанныя около 1570 года, посвящены (первое цѣликомъ, а второе — на половину, книжному вопросу — о такъ называемомъ „Никодимовомъ Евангеліи“, противъ подлинности котораго горячо возражаетъ Курбскій; кромѣ того, во-второмъ посланіи авторъ касается западныхъ религіозныхъ заблужденій, хвалитъ православную русскую вѣру, присоединяя однакоже къ этому вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкую и живую обличительную характеристику разныхъ общественныхъ сословій въ Россіи[3]); въ третьемъ посланіи Курбскій жалуется Вассіану на игумена Псково-Печерскаго монастыря за отказъ ссудить его деньгами, говоритъ о претерпѣнныхъ имъ напастяхъ и взведенныхъ на него клеветахъ въ ереси, упрекаетъ какого-то архіерея въ потворствѣ царю Ивану Васильевичу и грозитъ инокамъ монастыря карою небесъ за ихъ жестокосердіе[4]).

Это обращеніе кн. Курбскаго за матеріальной помощью къ Псково-Печерскому монастырю указываетъ, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ посланіями его къ старцу Вассіану, на извѣстную близость его къ обители[5]); но что такая переписка съ опальнымъ

---

[1]) Тамъ же, ч. I, стр. 178—181.

[2]) Сказанія кн. Курбскаго, ч. II, стр. 163—164. — Въ стѣнахъ монастыря намъ пришлось слышать передаваемый по преданію разсказъ о томъ, что причиной гнѣва Ивана Грознаго на Корнилія былъ извѣтъ на игумена со стороны завистниковъ и враговъ монастыря, будто Корнилій, воздвигая вокругъ монастыря крѣпкія стѣны (еще и понынѣ хорошо сохранившіяся) имѣлъ въ виду враждебныя дѣйствія противъ самого царя; царь, въ припадкѣ подозрительности и гнѣва, приказалъ немедленно предать смерти Корнилія въ самыхъ вратахъ монастыря, но потомъ, быстро раскаявшись въ этомъ своемъ поступкѣ, поспѣшилъ одарить монастырь богатыми дарами, часть которыхъ, въ видѣ цѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (цѣпь отъ наперстнаго креста, ложка, ножикъ, вилка, бархатный кошелекъ для денегъ, усаженный камнями, и проч.) и теперь сохраняется въ монастырской ризницѣ.

[3]) Православный Собесѣдникъ 1863, I.

[4]) А. *Бычковъ*, Описаніе рукописныхъ сборниковъ, стр. 55.

[5]) Есть извѣстіе, что Курбскій, дорожа бесѣдами съ игуменомъ Корниліемъ, по временамъ прожи-

Digitized by Google

человѣкомъ, притомъ отчасти касающаяся и самого монастыря, позднѣе могла безпокоить иноковъ своимъ содержаніемъ, видно изъ слѣдующей интересной приписки на копіи XVII вѣка послѣдняго изъ названныхъ выше посланій кн. Курбскаго къ Вассіану: „вымите, Бога ради, положено посланіе подъ печью, страха ради смертнаго, а писано въ Печеры, одно въ столбцѣхъ, а другое въ тетратяхъ, а положено подъ печью въ избушкѣ в моей в малой. Писано дѣло государское, а вы то отошлите любо къ государю, а любо ко Пречистой въ Печеры. Да осталися тетратки переплетены, а кожа на нихъ не положена, и вы тѣхъ, Бога ради, не затеряйте“ [1]).

Наконецъ, изъ числа отдѣльныхъ литературныхъ фактовъ, связанныхъ съ именемъ Псково-Печерской обители, слѣдуетъ упомянуть, что въ рукописи Имп. Публ. б-ки Древлехр. Погодина № 1554, пятый отрывокъ XVII в., л. 45, есть „Уложеніе о ектеньяхъ“, въ концѣ котораго замѣчено, что это Уложеніе принесено съ Аѳонской горы въ Псковскій Печерскій монастырь іеромонахомъ Левкіею Каппедокіяниномъ въ 1561 году [2])“, и еще — что одна изъ любопытнѣйшихъ находокъ за послѣдніе годы въ области древнерусскихъ литературныхъ памятниковъ, „Слово о погибели рускыя земли [3])“ отыскана именно въ рукописи XV вѣка въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря.

Что же касается современнаго просвѣтительнаго и религіозно-политическаго значенія Псково-Печерскаго монастыря, непосредственно связаннаго съ его прошлымъ, то, оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ въ его цѣломъ видѣ, какъ выходящій за предѣлы настоящаго сообщенія, я позволю себѣ привести лишь одинъ мѣстный отзывъ, основанный на близкомъ изученіи и наблюденіи дѣла и соединяющій въ себѣ вмѣстѣ съ сужденіемъ о фактахъ нѣкоторыя desiderata для будущаго: „Великое религіозно-политическое значеніе Псково-Печерской обители было бы возстановлено, если бы и къ сему важному пункту православно-русскому обращено было столько же правительственнаго вниманія и общественнаго интереса, сколько пріобрѣтаютъ себѣ новыя мѣста. Псково-Печерскій монастырь, съ древнею иконою Успенія Божіей Матери въ теченіе столѣтій является предметомъ глубочайшаго благоговѣнія не только Русскихъ, но и прибалтійскихъ инородцевъ. При возрастающемъ среди послѣднихъ движеніи къ православію, весьма легко можетъ быть организовано паломничество въ древнюю обитель изъ всѣхъ частей Рижской епархіи... Не меньшее значеніе Псково-Печерскій монастырь можетъ имѣть какъ для инородцевъ, переселяющихся изъ Прибалтійскихъ губерній въ Псковскую, такъ и для полувѣрцевъ, которые прямо являются родными чадами святой обители, не получившими пока надлежащаго духовнаго воспитанія. Здѣсь удобнѣе всего и цѣлесообразнѣе сосредоточить исходный пунктъ для столь неотложныхъ мѣропріятій по тѣснѣйшему сближенію инородцевъ съ Русскими и по утвержденію среди нихъ православія. Псковскій уѣздъ плотнѣе, чѣмъ другіе уѣзды

валъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ: *Е. Лебедевъ*, Инородческій вопросъ въ Псковской губерніи въ связи съ религіозно-политическимъ значеніемъ Псково-Печерскаго монастыря. Псковъ 1891, стр. 3.

[1]) *А. Бычковъ*, Описаніе рукописныхъ сборниковъ, стр. 142.

[2]) *А. Бычковъ*, Описаніе рук. сборниковъ, стр. 94.

[3]) Памятники древней письменности. № LXXXIV. Сообщ. *Хр. М. Лопарева*. С.-Пб. 1892.

Digitized by Google

губерніи, населенъ колонистами изъ Латышей и Эстовъ. Самое густое населеніе ихъ и вся масса полувѣрцевъ находится именно въ четырехъ волостяхъ Псково-Печерскаго края[1])". Несомнѣнно, что на такое значеніе Псково-Печерскій монастырь имѣетъ всѣ историческія права, служа въ продолженіе долгаго времени для православнаго населенія западной окраины нашего отечества крѣпкимъ политическимъ оплотомъ и богатымъ источникомъ нравственно-религіознаго назиданія; въ этомъ отношеніи роль его близко подходитъ къ роли Троице-Сергіевой Лавры для средней Россіи или Кіево-Печерской Лавры для юга.

---

[1]) *Е. Лебедевъ*, Инородческій вопросъ, стр. 31. Ср. *Ю. Трусманъ*, Полувѣрцы Псково-Печерскаго края. „Живая Старина", вып. I, 1890.

Digitized by Google

О задачахъ славяно-русской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи.

А. С. Будиловича.

Хотя мѣстная прибалтійская археологія не можетъ не считаться основною задачею Археологическаго Съѣзда, собравшагося въ г. Ригѣ, тѣмъ не менѣе часть его вниманія, какъ Съѣзда общерусскаго, должна, конечно, быть обращена и на другія важныя задачи русской археологіи, отчасти же и тѣсно съ нею связанной археологіи общеславянской. Въ этомъ предположеніи я позволяю себѣ обратить вниманіе на вопросъ, который, выходя за рамки археологіи прибалтійской, составляетъ однако органическую часть археологіи русской, особенно для древнѣйшихъ періодовъ русской жизни, когда она протекала параллельно съ жизнью прочихъ славянскихъ народовъ, отчасти и въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ послѣдними. Къ тому же нельзя упускать изъ виду, что даже для тѣхъ русскихъ археологовъ, которые склонны ограничивать задачи своей науки изслѣдованіемъ доисторическихъ и историческихъ древностей въ предѣлахъ русскаго государства, превращая такимъ образомъ археологію изъ науки этнологической въ науку государственную, — не можетъ быть совершенно чуждою археологія венгерская или угорская, въ частности же археологія угро-русская и т. д., ибо въ противномъ случаѣ они были бы лишены возможности изучать русскую археологію сравнительно съ русскими родственными ей отдѣлами археологіи европейской, т.-е. были бы лишены того сравнительно-историческаго метода, который оказался столь плодотворнымъ въ языковѣдѣніи, миѳологіи, этнологіи, соціологіи, даже вообще въ исторіи и прочихъ наукахъ гуманитарныхъ, въ томъ числѣ и въ общей археологіи.

Но и независимо отъ этихъ методологическихъ соображеній, археологія областей и народовъ нынѣшней Венгріи не можетъ быть для насъ безразлична и по своему содержанію.

Не раздѣляя высокомѣрнаго взгляда на эту землю мѣстныхъ — старыхъ и новыхъ — патріотовъ, выраженнаго въ извѣстномъ латинскомъ двустишіи:

Exstra Hungariam non est vita:
Si est vita, non est ita,

Digitized by Google

мы не можемъ однако не признать, что по своему географическому положенію, племенному составу и культурно-историческимъ отношеніямъ страна эта имѣетъ особую важность для научнаго изученія вообще, а археологическаго въ частности, особенно въ системѣ археологіи славянорусской. Въ самомъ дѣлѣ, Венгрія — это какъ бы мостъ отъ областей русскихъ къ чехо-словенскимъ съ одной стороны, а сербо-хорватскимъ и словинскимъ съ другой, въ болѣе же широкомъ смыслѣ — отъ міра восточнаго, сарматскаго, потомъ грекославянскаго, къ міру западному, римскому, романогерманскому.

Такое значеніе принадлежитъ Венгріи не въ настоящее лишь время, но еще болѣе — въ прошедшемъ, во всякомъ же случаѣ съ той отдаленной поры, когда, по словамъ нашей начальной лѣтописи, „сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ земля угорьска и болгарска“.

То обстоятельство, что въ серединѣ Венгріи и на ея юго-восточной окраинѣ живутъ довольно плотной массой народы неславянскіе, именно: Мадьяры и Румыны, вовсе не лишаетъ этой страны значенія серединнаго узла всего славянства, ибо названные инородцы настолько смѣшались со Славянами, въ смыслѣ физическомъ и нравственномъ, что являются нынѣ какъ бы полуславянами и, слѣд., законнымъ предметомъ изученія въ славянской этнологіи, исторіи, археологіи. Съ другой стороны, чудское происхожденіе мадьяръ дѣлаетъ ихъ территорію, преданія, быть, важнымъ подспорьемъ для чудскаго отдѣла нашей археологіи, въ которой они должны занять мѣсто на ряду съ Эстами, Финнами, Корелою, Мордвою и другими нашими инородцами чудскаго корня.

Чтобы видѣть всю важность для славяно-русской археологіи вопросовъ, рѣшеніе которыхъ невозможно безъ основательнаго изученія вещественныхъ и бытовыхъ остатковъ угро-славянской старины, достаточно напомнить хоть нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, напр. о времени поселенія Славянъ за Карпатами и разселенія ихъ оттуда; объ отношеніи угорскихъ и дакійскихъ Славянъ къ Дакамъ и Гетамъ, Иллирамъ и Языгамъ, Кельтамъ и Германцамъ, Римлянамъ и Валахамъ; о происхожденіи и древнѣйшихъ границахъ закарпатской Руси; о мѣстоположеніи и племенныхъ соотношеніяхъ Бѣлой Сербіи и Бѣлой Хорватіи; о древнѣйшихъ племенныхъ отношеніяхъ Славянъ Ѳрако-Болгарскихъ съ одной стороны, а Паннопо-Хорутанскихъ съ другой; о племенныхъ отношеніяхъ и дальнѣйшихъ перерожденіяхъ Гунновъ и Аваръ, Угровъ и Печенѣговъ, Половцевъ и Узовъ; о племенномъ составѣ и культурномъ наслѣдіи великоморавскаго государства; о первоначальной площади распространенія кириллицы и глаголицы; о паннонизмѣ въ церковно-славянской письменности, въ связи съ исторіей Задунайской Венгріи; о времени и обстоятельствахъ распространенія христіанства между подкарпатскими Славянами; о роли Венгріи въ культурной борьбѣ міра латино-нѣмецкаго съ грекославянскимъ и т. п. При изученіи „Славянскихъ Древностей“ Шафарика на каждой почти страницѣ можно замѣтить, сколь важнымъ подспорьемъ было для него, при разработкѣ этого сочиненія, близкое знакомство съ географіей, этнографіей и исторіей родной ему Венгріи. Потому-то позволительно высказать предположеніе, что слабая разработка угро-славянскихъ древностей является главнымъ тормазомъ въ дальнѣйшемъ развитіи славянской археологіи и исторіи.

Digitized by Google

Но быть можетъ намъ стоитъ лишь подождать и всѣ упомянутые, равно какъ и другіе, смежные, вопросы угро-славянской древности будутъ постепенно рѣшены мѣстными силами, въ частности же мадьярскими учеными учрежденіями и обществами, въ каковыхъ нѣтъ недостатка въ Будапештѣ и многихъ другихъ городахъ нынѣшней Венгріи? Вѣдь имѣются же тамъ археологическія общества, музеи, коллекціи, производятся раскопки, изслѣдованія, изданія, словомъ, живетъ и развивается мадьярская археологическая наука, въ интересахъ которой организована была и выставка древностей, въ составѣ общей будапештской милленарной выставки 1896. Конечно, все это имѣется въ Венгріи, и на содѣйствіе мѣстной мадьярской археологіи можно до нѣкоторой степени разсчитывать по вопросамъ археологіи доисторической, а также по археологіи эпохъ римской, кельтской, до нѣкоторой же степени и готской, гуннской, аварской, мадьярской, половецкой, турецкой. Но по отношенію къ археологіи угро-славянской на труды ученыхъ и учрежденій мадьярскихъ мы разсчитывать никакъ не должны.

Со времени возникновенія и постепеннаго развитія въ Венгріи мадьяризма, какъ національно-политической тенденціи, задавшейся цѣлью заглушить всѣ немадьярскія народности Венгріи и переплавить ихъ въ народность мадьярскую, перестали появляться въ ней ученые, которые, подобно старымъ Белю, Вагнеру, Бортоло-Мендесу, Катонѣ, Фейеру и н. др., не игнорировали вполнѣ и славянства въ своихъ изслѣдованіяхъ и изданіяхъ. Теперь началось систематическое замалчиваніе въ прошломъ всего славянскаго, такъ что уже Мадьяры являются главнымъ героемъ венгерской исторіи, хотя всѣмъ извѣстно, что не они, а Славяне были господствующимъ народомъ Венгріи не только при Арпадовичахъ, но и въ позднѣйшіе вѣка, при Корвинѣ, Запольѣ, Раковскомъ, вплоть до Кошута и Деака, вслѣдствіе чего исторія Венгріи настолько же славянская, какъ и исторія Хорватіи, Чехіи, Польши и вообще — западнаго славянства.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи мадьярскій шовинизмъ дошелъ до того, что задался цѣлью вытравить все это славянство не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ Венгріи. Нагляднымъ доказательствомъ того служитъ упомянутая милленарная выставка, на которой въ историческомъ отдѣлѣ собрано много остатковъ старины мадьярской, отчасти и латинской, нѣмецкой, румынской, но почти ничего славянскаго. Единственное исключеніе сдѣлано для Хорватовъ и Сербовъ-босняковъ, которые впрочемъ не входятъ уже въ Венгрію и имѣютъ особую исторію и особыя стремленія, тяготѣя, въ смыслѣ и національномъ и политическомъ, вовсе не къ Будапешту, а къ Загребу и отчасти Бѣлграду.

Мы не должны, впрочемъ, удивляться указанному смѣшенію въ нынѣшней мадьярствующей Венгріи задачъ научныхъ съ политическими. Болѣе или менѣе это замѣтно и въ другихъ австрійскихъ земляхъ, напр. въ Галичинѣ, Чехо-Моравіи, Словѣніи, Далмаціи. Да и вся Габсбургская имперія опирается скорѣе на историческомъ, чѣмъ на естественномъ правѣ, болѣе на традиціяхъ, чѣмъ на народныхъ желаніяхъ и интересахъ. Потому-то и въ исторіи возрожденія австрійскихъ Славянъ чуть ли не главными дѣятелями пришлось быть археологамъ и историкамъ, каковы напр.

Digitized by Google

Добровскій, Добнеръ, Шафарикъ, Палацкій, Томекъ, Эрбенъ, Воцель и др. Даже Колларъ въ своей знаменитой поэмѣ: „Дочь Славы“, которая признается чуть не евангеліемъ всеславянства, призналъ нужнымъ опираться главнымъ образомъ на археологическихъ данныхъ. Отсюда понятно, почему мадьярскіе шовинисты, воздвигнувъ гоненіе на Славянъ современныхъ, должны были принять мѣры, чтобы уничтожить ихъ въ венгерскомъ прошломъ,— закопать ихъ, такъ сказать, въ землю и прикрыть эти могилы монументами мадьяризма. Въ этихъ именно видахъ и сооружаютъ они теперь такіе монументы въ семи пунктахъ, якобы прославленныхъ въ исторіи Арпада, фальсифицированной по анонимному нотарію короля Белы. Въ числѣ этихъ семи пунктовъ находится между прочимъ урочище Соборъ подъ Нитрою, въ самомъ названіи котораго ясно выражается связь съ церковной исторіей славянской, а не мадьярской.

Такимъ образомъ мадьярская археологія, при нынѣшнемъ ея направленіи, является не сотрудникомъ, а скорѣе врагомъ археологіи угро-славянской, которая, вслѣдствіе того, должна дѣйствовать совершенно самостоятельно, если желаетъ разрѣшить хоть часть основныхъ своихъ задачъ по отношенію къ этой странѣ и ея населенію. Такая самостоятельность тѣмъ необходимѣе, что въ нынѣшней Венгріи болѣе или менѣе успѣшно развивается лишь политическая литература, въ частности же, публицистика. Исторіографія же сильно поотстала, какъ видно изъ существующаго въ ней культа легендарной хроники упомянутаго анонима Белы. Полумиѳическій разсказъ послѣдняго о событіи, столь отдаленномъ отъ него, какъ прибытіе въ Венгрію Арпадовой или вообще мадьярской орды, считается въ этой исторіографіи какъ бы догматомъ вѣры, который по случаю милленарнаго юбилея скрѣпленъ санкціею обѣихъ палатъ и включенъ въ сводъ законовъ. По отношенію къ нынѣшней мадьярской филологіи тоже подтверждается незаконченнымъ еще споромъ послѣдователей Буденца съ одной стороны, а Вамбери съ другой, о чудскомъ или тюркскомъ происхожденіи нынѣшнихъ мадьяръ. Много ли можно ожидать славяновѣдѣнію отъ такой исторіи, археологіи, филологіи, этнологіи?

Самостоятельныя разысканія въ области угро-славянской археологіи представляются тѣмъ болѣе настоятельными, что количество ея источниковъ съ каждымъ годомъ не увеличивается, а убываетъ. Я не имѣлъ возможности провѣрить нареканія мѣстныхъ славянскихъ ученыхъ на тенденціозное сокрытіе мадьярскими археологическими институтами слѣдовъ и остатковъ угро-славянской стороны; но упрекъ этотъ представляется не невѣроятнымъ въ виду общеизвѣстнаго факта насильственнаго закрытія мадьярскимъ правительствомъ Словенской Матицы въ Турчанскомъ св. Мартинѣ, съ ея библіотекою, архивомъ, музеемъ, которые если и не погибли еще, то стали совершенно недоступны для изученія. Столь же насильственнымъ представляется упомянутый уже выше тенденціозный подборъ предметомъ, выставленныхъ въ историческомъ отдѣленіи будапештской выставки 1896 г. Никто не повѣритъ, что въ государственныхъ и частныхъ древохранилищахъ Венгріи, а отчасти Австріи, Турціи и другихъ сосѣднихъ странъ ничего не осталось отъ многовѣковой жизни и дѣятельности угорскихъ Славянъ. Очевидно, остатки эти упрятаны на заднихъ планахъ

Digitized by Google

музеевъ и архивовъ, если вообще они не исключены, такъ сказать, изъ описей по негодности.

Если къ этому прибавить, что въ нынѣшней Венгріи систематически вытѣсняется славянскій языкъ изъ употребленія не только оффиціальнаго, но по возможности и частнаго; что административными мѣрами и оффиціальной картографіей постепенно вытравляются славянскія названія — городовъ, селеній, рѣкъ, горъ, урочищъ и т. п., замѣняясь испорченными или новосочиненными названіями мадьярскими, въ родѣ напр. Балатонъ вм. Блатно, Каса вм. Кошицы, Бартфи вм. Бардеевъ и т. п.; что даже въ фамильныхъ названіяхъ все славянское искусственно и насильственно замѣняется мадьярскимъ; что вслѣдствіе такого гнета со стороны государства постепенно замираетъ и въ народномъ употребленіи Словаковъ, Угро-Русовъ, Угро-Сербовъ, Угро-Хорватовъ и т. п. славянская рѣчь, пѣсня, сказка, словомъ всѣ живыя преданія славянской старины: то нельзя не признать, что по истеченіи нѣсколькихъ десятилѣтій не можетъ не сократиться матеріалъ угро-славянской археологіи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершенно исчезнутъ. А съ тѣмъ вмѣстѣ затруднится или даже исчезнетъ возможность рѣшенія многихъ основныхъ вопросовъ славянской древности, такъ или иначе обусловленныхъ изученіемъ вещественныхъ и бытовыхъ ея остатковъ въ Венгріи.

Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находятся въ этомъ отношеніи земли угро-румынскія, а именно тѣ части Семиградіи, Баната, Буковины, которыя входятъ въ племенной раіонъ археологіи румынской. Послѣдняя имѣетъ сильные центры и въ самой Венгріи, гдѣ еще сохранилась часть румынской аристократіи и богатаго духовенства, и еще болѣе въ Румынскомъ королевствѣ, ученыя учрежденія и общества котораго принимаютъ, наряду съ богатыми частными лицами, живѣйшее участіе во всемъ, что относится къ исторіи и этнологіи австро-угорскихъ Румыновъ.

Въ гораздо меньшей степени могутъ въ этомъ отношеніи опираться на заграничные научные центры угорскіе славяне, особенно Словаки и Угро-Руссы, ибо Сербы и Хорваты по нуждѣ могутъ иногда пользоваться содѣйствіемъ ученыхъ бѣлградскихъ и загребскихъ. Словаки лишь въ слабой мѣрѣ могли опираться въ этомъ отношеніи на сосѣднихъ Чехо-Моравъ, а Угро-Руссы еще менѣе — на Галичанъ, которые сами довольно безпомощны въ борьбѣ съ враждебными стремленіями не только въ жизни, но и въ наукѣ. Правда, отъ времени до времени въ Венгріи появлялись и наши славяновѣды, напр. Надеждинъ, Срезневскій, Ламанскій, Гротъ, Кочубинскій, Филевичъ и н. др., которымъ наука обязана нѣкоторыми важными вкладами въ угро-славянскую исторію, этнологію, археологію; но подобныя частныя поѣздки, предпринимаемыя обыкновенно въ одиночку и со скудными средствами, не могутъ восполнить тѣхъ громадныхъ пробѣловъ въ указанныхъ областяхъ славяновѣдѣнія, для устраненія коихъ необходимы коллективныя усилія богатыхъ матеріальными и нравственными средствами учрежденій и обществъ, — въ родѣ напр. тѣхъ, какія были въ послѣдніе годы направляемы въ Россіи на изученіе археологіи и этнологіи Кавказа, Крыма, Средней Азіи.

Необходимыя для этнологическаго и археологическаго изслѣдованія Венгріи силы и средства можно бы, полагаю, собрать, если бы во главѣ подобнаго научнаго пред-

Digitized by Google

пріятія стало русское Археологическое Общество, которое могло бы въ этомъ случаѣ обратиться къ содѣйствію археологовъ червоно-русскихъ, чехо-словенскихъ, сербохорватскихъ, румынскихъ и друг. при посредствѣ соотвѣтственныхъ заграничныхъ учрежденій и обществъ. Можно бы, кажется, разсчитывать при этомъ и на содѣйствіе нашей Академіи Наукъ, Императорскаго Географическаго общества, Лѣтописца Нестора и др. Это было бы предпріятіемъ, достойнымъ нынѣшняго положенія русской науки вообще, а русской археологіи въ частности, ибо не можетъ же послѣдняя ограничить свои изслѣдованія древностями скиѳскими, чудскими, тюркскими и другими инородческими, оставляя на заднемъ планѣ древности славянскія или славяно-русскія, если онѣ находятся за нынѣшними, случайными предѣлами русскаго государства.

Правда, экспедиція въ нынѣшнюю Венгрію, хотя бы даже столь невинная, какъ археологическая, могла бы возбудить разныя подозрѣнія въ мадьярскомъ или мадьяронскомъ обществѣ и слѣдов. вызвать нѣкоторыя затрудненія для участниковъ. Но затрудненія эти не могли бы быть столь значительны, какъ тѣ, съ которыми приходилось бороться Пржевальскому, Станлею, Нансену и побѣждать ихъ подъ знаменемъ науки. Въ данномъ случаѣ, славянскіе археологи могли бы, полагаю, разсчитывать на содѣйствіе и русской дипломатіи, которой было бы не трудно исходатайствовать у мѣстныхъ властей разрѣшеніе для членовъ экспедиціи производить раскопки, изучить музеи, библіотеки, архивы и т. п.

Но если коллективное предпріятіе этого рода оказалось бы невозможнымъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, то быть можетъ найдется въ Россіи частный любитель археологіи, который на собственныя средства снарядитъ подобную экспедицію, какъ это сдѣлалъ недавно мадьярскій графъ Зичи, изучавшій въ Россіи родину мадьяръ и составившій значительную коллекцію, фигурировавшую на Будапештской выставкѣ 1896 года.

Подобная, даже частная, русская археологическая экспедиція, направленная въ страну, которая по нашей начальной лѣтописи была именно колыбелью славянства, могла бы не только дать важные научные результаты, но и поддержать духъ угро-славянъ, укрѣпить ихъ народную память, хранящую столько остатковъ „живой старины“, слѣдов. спасти отъ гибели хоть часть послѣдней.

На основаніи изложеннаго я просилъ бы съѣздъ выразить пожеланіе, чтобы наши археологическія учрежденія и общества включили Венгрію въ кругъ своихъ изслѣдованій, отъ времени до времени снаряжали бы туда научныя экспедиціи и оказывали содѣйствіе частнымъ лицамъ при изученіи и изданіи хранящихся въ ней остатковъ славянской древности.

Digitized by Google

О сумирскомъ языкѣ и его отношеніи къ угро-алтайскимъ языкамъ.

Д-ра А. Германа.

Сумерійскій или, какъ правильнѣе сказать, сумирскій языкъ — древнѣйшій культурный языкъ міра. Около тысячи лѣтъ до Рождества Христова его больше не существовало, но извѣстія о немъ въ литературѣ его, состоящей изъ клинообразныхъ писемъ, восходили ко времени болѣе 4500 лѣтъ до Р. Хр. Въ теченіе 3500 лѣтъ своего существованія языкъ съ первыхъ началъ, когда сумирцы изобрѣли свою систему письма, развивался и достигъ постепенно значительной высоты, о которой мы получили извѣстія только посредствомъ изслѣдованія и чтенія клинообразныхъ писемъ на камняхъ въ развалинахъ Вавилона и другихъ сосѣднихъ городовъ. Родина сумирцевъ находилась въ синеарской землѣ, а именно въ области рѣкъ Евфрата и Тигра. Сумирскій языкъ былъ раздѣленъ на два нарѣчія, собственное сумирское въ южной и аккадское въ сѣверной части. Южное нарѣчіе было чище сѣвернаго, но оба составляли одинъ сумирскій языкъ.

Сумирскій языкъ исчезъ изъ міра. Его мѣсто занялъ древній ассирійскій языкъ, получившій въ наслѣдство сумирскую культуру и большую часть сумирской религіи, которая составляетъ и нынѣ еще ассирійско-сумирскую миѳологію. Сумирскій языкъ сдѣлался для ассирійцевъ священнымъ богослужебнымъ языкомъ — подобнымъ образомъ, какъ напр. латинскій языкъ католической церкви. Еще до Рождества Христова древній ассирійскій языкъ также исчезъ изъ міра. Его литература, какъ и сумирская, написанная клинообразными знаками, осталась на камняхъ въ развалинахъ месопотамскихъ и сосѣднихъ городовъ почти до нашего времени, а именно до начала 19-го столѣтія. Нѣмецкіе, англійскіе и французскіе ученые начали читать каменныя таблицы ассирійцевъ. Они узнали, что ассирійцы были народъ чисто семитическаго происхожденія. Они замѣчали также, что кромѣ ассирійскаго языка существовалъ еще другой языкъ въ клинообразныхъ письменахъ, но не могли читать его. Наконецъ нѣкоторымъ ученымъ удалось прочесть и другой языкъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ 19-го столѣтія. А этотъ языкъ былъ именно сумирскій.

Интересенъ сталъ потомъ вопросъ о томъ, къ которому племени принадлежалъ сумирскій народъ по даннымъ его языка. Французскій ученый Опперъ (Oppert)

Digitized by Google

и англійскій знатокъ клинообразныхъ писемъ Роалинсонъ (Rawlinson) высказали то мнѣніе, что сумирскій языкъ принадлежитъ по происхожденію къ уралоалтайскимъ языкамъ. Къ нимъ присоединился финляндскій ученый Юрьё-Коскиненъ (Yrjö Koskinen). Потомъ французскій ученый Ленорманъ (Lenormant), отличный знатокъ клинообразныхъ писемъ, былъ того же мнѣнія, что именно сумирцы, по даннымъ ихъ языка, были народъ урало-алтайскаго или еще точнѣе даже угро-финскаго происхожденія. Къ нему присоединились и англійскіе ученые Смисъ (Smith) и Сэйсъ (Sayce), хорошо занимавшіеся чтеніемъ клинообразныхъ писемъ и угро-алтайскими языками. За ними послѣдовали нѣмецкіе ученые Онкенъ (Onken) и Гоммель (Hommel) и большое число другихъ нѣмецкихъ и французскихъ изслѣдователей.

Но и *противъ* этого сродства угро-алтайскихъ языковъ съ сумирскимъ языкомъ выступило нѣсколько ученыхъ, и главнымъ образомъ трое, именно: французскій ученый Галеви́ (Halévy), нѣмецкій знатокъ сумирскаго языка Гауптъ (Paul Haupt) и доцентъ санскритскаго языка въ Гельсингфорсѣ Доннеръ (Donner). Но надо сказать, что Галеви и Гауптъ слабо или вовсе не занимались угро-финскими языками, а Доннеръ, написавшій нѣсколько хорошихъ сочиненій по угро-финскому сравнительному языковѣдѣнію, какъ мнѣ кажется, нарочно игнорируетъ множество сродныхъ мотивовъ и элементовъ. О другихъ противникахъ сродства сумирскаго языка съ угро-алтайскими не хочу говорить, потому что они, по незнанію угро-финскихъ языковъ, не имѣютъ никакого значенія. Самые лучшіе знатоки угро-финскихъ языковъ — финскіе ученые Кастренъ (Castrén) и Альквистъ (Ahlqvist) не имѣли случая высказать свое мнѣніе противъ или за, но по характеру ихъ филологическихъ изслѣдованій ихъ можно причислить къ первой группѣ, предполагающей сродство сумирскаго языка съ угро-финскими.

Обратимся теперь къ самому сравненію языковъ, о которыхъ у насъ рѣчъ.

Чтобы установить сродство одного языка къ другому или другимъ, мы должны найти подобныя, похожія или идентическія формы 1) по фонетикѣ, 2) по этимологіи, 3) по лексикографіи и 4) по синтаксису — во всѣхъ сравниваемыхъ языкахъ.

Касательно фонетики сумирскаго языка надо сказать, что цѣлая его звуковая конструкція имѣетъ такой же простой прозрачный характеръ, какой имѣютъ всѣ угро-алтайскіе языки. Свойство языка таково, что каждое слово въ началѣ своемъ имѣетъ только одинъ согласный звукъ — по примѣру бо́льшей части угро-алтайскихъ языковъ, избѣгающихъ въ началѣ словъ сложныхъ звуковъ ч, щ, ц и пр. Въ срединѣ словъ согласный звукъ слѣдуетъ послѣ гласнаго и гласный послѣ согласнаго, какъ въ угро-финскихъ языкахъ, а дифтонговъ или сложныхъ согласныхъ мало. Слова имѣютъ большею частію только одинъ слогъ, рѣдко два, очень рѣдко три слога.

Однимъ изъ главныхъ признаковъ угро-алтайскихъ языковъ считаютъ такъ называемую вокальную гармонію или сходство гласныхъ звуковъ внутри одного несложнаго слова. Этотъ важный грамматическій законъ состоитъ въ томъ, что гласные звуки раздѣляются на три части: 1) твердые a, o, u, 2) мягкіе ä, ö, ü и з, средніе e, i. Если первый слогъ слова имѣетъ твердый гласный, то и слѣдующіе слоги должны имѣть твердые гласные, а если первый слогъ имѣетъ мягкій гласный, то и прочіе

Digitized by Google

слоги должны имѣть также мягкіе гласные. Только слова, имѣющія первымъ гласнымъ средній (е или і) могутъ имѣть или твердые или мягкіе гласные въ другихъ слогахъ. Такой законъ существуетъ напримѣръ въ верроскомъ нарѣчіи эстскаго языка, а потомъ еще въ финскомъ, мадьярскомъ, турецкомъ, тунгузскомъ и манджурскомъ языкахъ. Такой законъ существуетъ и въ сумирскомъ языкѣ, но такъ какъ здѣсь мягкихъ гласныхъ ä, ö, ü нѣтъ, то вмѣсто этихъ являются е и u, а твердыми остаются а и о и среднимъ только і. Если въ первомъ слогѣ находится u, то въ слѣдующихъ слогахъ гласные превращаются также въ u, подобнымъ образомъ, если въ первомъ слогѣ ê или і, то въ слѣдующихъ тоже і, напр. suma „дать", nina „Астарта", êna „господинъ" получаютъ по вокальной гармоніи форму sumu, nini, êni. Такъ и суффиксы -nan и -nab превращаются въ -nin и -nib и пр.

Этотъ законъ вокальной гармоніи, — хотя языкъ имѣетъ повидимому другіе звуки для словъ, — въ самомъ дѣлѣ составляетъ то же самое звуковое явленіе, которое мы находимъ въ названныхъ угро-алтайскихъ языкахъ, и уже поэтому каждый знатокъ долженъ относить сумирскій языкъ къ угро-алтайскимъ языкамъ. Такъ и поступилъ въ особенности французскій изслѣдователь Ленорманъ, на что и имѣлъ право. Эта сторона дѣла должна быть тѣмъ болѣе основною, когда мы знаемъ, что законъ вокальной гармоніи существуетъ только въ угро-алтайскихъ языкахъ, а его вовсе нѣтъ въ аріо-европейскихъ.

Касательно эмимологіи надо сперва замѣтить, что сумирскій языкъ не имѣетъ грамматическаго рода словъ, т. е. у него нѣтъ словъ мужского, женскаго и средняго родовъ, какъ напр. имѣютъ почти всѣ языки аріо-европейскаго происхожденія. Древній ассирійскій языкъ имѣлъ слова мужского и женскаго родовъ, какъ и всѣ семитическіе языки, поэтому очень различался отъ сумирскаго языка, отъ котораго онъ заимствовалъ много словъ. Какъ извѣстно, всѣ языки угро-алтайскихъ народовъ безъ исключенія не имѣютъ никакого грамматическаго рода словъ. Въ томъ и состоитъ одинъ изъ главныхъ признаковъ ихъ сродства какъ между собою такъ и съ сумирскимъ языкомъ. Всѣ языки угро-алтійскихъ народовъ, какъ и сумирскій, обозначаютъ естественный мужской и женскій полъ особенными отдѣльными словами, не имѣющими для себя, по грамматикѣ, ни мужского, ни женскаго, ни средняго родовъ.

Относительно отдѣльныхъ словъ надо сказать, что сумирскій языкъ по лексикографической сторонѣ еще не достаточно изслѣдованъ и обработанъ. Мы просто не знаемъ всѣхъ сумирскихъ словъ, составляющихъ обширную литературу клинообразныхъ писемъ на камняхъ въ развалинахъ оріентальныхъ городовъ. Можно надѣяться, что количество ихъ будетъ увеличиваться въ будущемъ. Но число тѣхъ словъ, которыя до сихъ поръ стали извѣстны и изъ которыхъ состояли прочитанные сумирскіе тексты, соотвѣтствуетъ по значенію и смыслу подобнымъ словамъ угро-алтайскихъ языковъ. Это число не очень велико, но, по количеству всего запаса извѣстныхъ словъ, довольно достаточно для сравненія. Оно составляетъ и матеріалъ для сравненія сумирскаго языка съ другими угро-алтайскими языками по лексикографіи.

Въ послѣдующемъ изложеніи я приведу нѣсколько словъ:

Digitized by Google

По-сумирски ad или adda „отецъ“, по-медійски atu, adda, по-эстски att, ata или ätt, по-фински ati „тесть“, по-мадьярски atya „отецъ“, по-остякски ata, по-вогульски aze, по-вотякски ataj, по-мордовски ata „старикъ“, по-черемисски ači, ati, ata. Корень слова перешелъ, кажется, и въ аріо-европейскіе языки напр. по-гречески *ἄττα*, по-русски от-ецъ. Кромѣ того сумирцы имѣли бога Atar, „отца“ свѣта.

По-сумирски umeda или по закону вокальной гармоніи emeda, eme „жена“, по-эстски ema „мать“ или по вокальной гармоніи emä, съ этимъ словомъ сродно ämm „теща“, по-фински emä „мать, самка“, по-остякски emi, imi „мать“, оттого evi „дѣвочка“, по-черем. eve „мать“, по-вотски ämmä „бабушка“, по-фински еще „ämmä“ баба. Съ сумирскаго въ еврейскій яз. em „мать“.

По-сумирски mu, me, me's „мужчина“, по-эстски mees, по-фински mies. По Альквисту это слово имѣетъ ту же самую основу какъ русское слово „мужъ“ и латинское „mas“, но это слово — сумирско-аккадское, по своему происхожденію и также перешло въ аріо-европейскіе языки.

По-сумирски nene „женщина, дѣвица“, по-эстски neid, neiu, neitji „дѣвица“, по-фински neito, neiti, neitsyt, по-лапарски nieid, neit, neita, по-мадьярски né, по-манджурски neinei, по-китайски niu, по-зырянски nil. Съ той же основы по-фински nainen „жена“, по-вотски и вепски naine, по-эстски naene или naine, по-ливски nai, по-мадьярски nö.

По сумирски an „небо“, anna, annab „богъ, богиня“ или „отецъ, мать“, по-медійски, annap, по-турецки и татарски ana „мать“, по мадьярски anya „мать“, по-вотякски ana, anai, по-остякски angi, по-лопарски aedne, по-вотски enne, по-тунгузски änä „мать“, по-эстски (въ феллинскомъ нарѣчіи) änn „мать“.

По-сумирски akku „большой“, по-мидійски ukku, по-фински ukko „дѣдушка, старикъ“, а также миѳологическое божество по-эстски также ukku, Uku, по-вепски uk.

По-сум. tur „сынъ, ребенокъ“, но также „начальникъ“, по-медійски tar, по-эст. (въ верроскомъ нарѣчіи) tsura „юноша“, по мадь. gyermek „ребенокъ“, по-морд. tsur „сынъ“, по-турецки (въ восточн. нар.) tura „королевскій дворъ, начальникъ“.

По-сум. êrim, êriv, êri „рабъ, слуга“, по-эст. ori, по-фин. orja, по-ливски vērg. Другая форма сумирскаго слова eru, uru, ur „слуга“, по-мадьярски ùr „господинъ“. По Юрьё-Коскинену аріо-европейскій корень по-санкр. ayrja, по-нѣм. Ehre по-франц. air того же происхожденія. Мадьярское слово ùr находится въ фин. яз. uros, по-зыр. veres или verös, а также по-литовски vyras, по-латышски virs и по-латински vir. По мнѣнію Коскинена сумирцы брали себѣ арійцевъ въ качествѣ слугъ, поэтому столь разныя понятія соединяются въ одномъ словѣ.

По-сумирски malag „шкиперъ“, по-эстски mõla „весло“, по-фински mela, по-вепски и вотски mela, по-лопарски malle, по-мордовски milä.

По-сумиро-аккадски gu или ge „ночь“, по фин. yö, по-эст. öö, по морд. ve, по-чер. jut, по-вотяк. ūi, по-зыр. voi, по лопар. igja, по ост. at, по-вог. i и edi, по мадьяр. éj, ejszaka, по-турецки gedsche.

По-сум. âr „страна свѣта“, по-мадьярски or-ság „страна, земля“, по эст. kaar, по-фин. kaari.

Digitized by Google

По-сум. tag „камень“, по-турецки tach, tasch, по-фин. tahko „точильный камень“, по-эст. tahk, по-лив. togos.

По-сум. kur „гора“, по-фин. korkea „высокій“, по-эст. korge, того же происхожденія названіе земли „Корея“ и по-китайски kao, можетъ быть и по-русски и славянски „гора“.

Hêa или Êa была у сумирцевъ богиня доброты или благости. Это названіе должно имѣть тотъ же корень какъ по-эс. hää, hea, „добрый, благосклонный“, по-фин. hyva, по-мадь. jó, по-турецки eyi, по-китайски hao.

Отдѣльныя слова можно находить общія у сумирскаго языка съ другими языками, напр. по сум. gala „великій“, по-эст. Kole „страшный, громадный“, по-сум. sagig „сумасшествіе“, по-эст. jõgedus, по-фин. jokeus; по-сум. kal „сердечный“, тронутый“, по-эст. hale, сум. jaga или sada „по-эст. sûda, по-фин. jydân; по-сум. ila „черезъ“, по-эст. ûle; по-сум. meni „поди“ по-эст. mine; по-сум. ena или enu „господинъ“, по-эстски onu „дядя“ (по значенію „гость, господинъ“ „kûla, onu“); dingir „богъ“, по-турецки tengri; по-сум. uzu „мясо“, по-мадь. hus; по-сум. til „полный“, по-мадь. tele; по-сум. pal „мечъ“, по-мадь. pallos; по-сум. mar „дорога, по-мадь. mor; по-сум. ar „носъ“, по-мадь. orr; по-сум. nab „свѣтъ“, по-мадь. nap „день“; по-сум. sal „vulvā“, по-мадь. szül „родить“; по-сум. ud „солнце“, по-монгольски ud; по-сум. ê „домъ“, по-турецки ev; по-сум. gallies „дорогой“, по-эст. и фин. kallis.

Родина сумирскаго народа имѣла названіе „Sumir“. Это слово, какъ объясняетъ Юрьё-Коскиненъ, можно сопоставить съ названіемъ Финляндіи „Suomi“. Звуковаго родства въ этихъ словахъ нельзя отрицать. Ленорманъ полагаетъ, что „Sumir“ происходитъ отъ имени одной рѣки. Часть финляндскихъ ученыхъ объясняетъ, что слово „Sumi“ сходно съ финскимъ словомъ „suo“ т. е. „болото“, такъ какъ Финляндія имѣетъ болотистый характеръ. Надо сказать, что и сумирская земля имѣла болотистый характеръ, поэтому можно полагать, что и слово „Sumir“ получило свое значеніе отъ „болота“.

Слово „Akkad“, другое названіе сумирской родины, какъ объясняетъ Ленорманъ, означаетъ возвышенность, гора.

Мѣстоимѣнія личныя сумирскаго языка имѣютъ, безъ сомнѣнія, тѣ же самыя основы, которыя существуютъ почти во всѣхъ угро-алтайскихъ языкахъ. Но надо сказать, что эти самыя основы или элементы встрѣчаются и въ аріо-европейскихъ языкахъ, а поэтому нѣкоторые ученые, напр. Галеви и Доннеръ, утверждаютъ, что эти элементы не исключительно угро-алтайскіе и не могутъ служить доказательствомъ сродства между сумирскимъ языкомъ и угро-алтайскими. Нельзя отрицать, что дѣйствительно въ нѣкоторыхъ аріо-европейскихъ языкахъ существуютъ мѣстоимѣнія, состоящія изъ подобныхъ элементовъ. Но это не доказательство противъ сродства сумирскаго языка съ угро-алтайскими. Сумирскій языкъ, существовавшій прежде всѣхъ извѣстныхъ языковъ какъ языкъ культурный, имѣлъ вліяніе и на аріо-европейскіе языки, но самъ остался угро-алтайскимъ языкомъ. Характеръ его такого рода. Поэтому и мѣстоимѣнія ближе угро-алтайскимъ чѣмъ аріо-европейскимъ. Ленорманъ приводитъ мѣстоимѣнія

Digitized by Google

какъ неоспоримыя доказательства сродства между сумирскимъ языкомъ и другими угро-алтайскими и даетъ намъ слѣдующее сравненіе оныхъ: 1-е лицо: по-сумирско-аккадски mu, по-древне-мед. mi (родительный пад.), по-фин. ma, по-эст. ma, по-вотяк. mon, по-мордовски mon, по-зырянски me, по-черем. min, по-мадьяр. en (въ которой формѣ первая буква m изчезла), по-уйгурски man, по-якутски min, lin, по-турецки im, по-монг. bi (родит. mini), по-манджурски bi (род. тоже mini); 2-е лице: по-сум.-акк. zu, по-фин. sa, по-эст. sa, по-вотяк. ton, по-мор. ton, по-зыр. te, по-чер. tin, по-мад. te, по-якут. an, по-турец. sen, по-монг. zi, по-манд. si (род. sini); 3-е лице: по-сум.-акк. na, ni, по-фин. ne (множ. ч.), по-эст. need (множ. ч.) по-мад. ön, по-як. kini, по-турец. ol (множ. ч. an-lar), по-бурятски ene, по-тунузски n; 1-е лице множ. ч.: по-сум.-акк. me, по-фин. me, по-эст. meie, me, по-вотяк. mi, по-морд. min, по-зыр. mi, по-чер. mi (надо прибавить еще по-мад. mi). Вотъ сравненіе Ленормана. Надо присовокупить еще, что сумирское окончаніе третьяго лица единственнаго числа bi находится также въ финскомъ языкѣ какъ pi, vi; оно сродно съ древне-медійскимъ hube, якутскимъ by, ba и турецкимъ bu, такъ и съ эстскимъ окончаніемъ b.

Еще болѣе, чѣмъ это простое сравненіе, доказываетъ сродство сумирскаго языка съ угро-алтайскими способъ присоединенія поссессивныхъ суффиксовъ къ корню имени существительнаго. Этотъ способъ тотъ же самый, который существуетъ напр. въ финскомъ и мадьярскомъ языкахъ, хотя суффиксы, какъ кажется, частью, по составу звуковъ, иные. Такъ напр. по-сумирски adda-mu „отецъ мой", по-фински isa-ni, по-мадьярски atyá-m; по-сум. adda-su „отецъ твой", по-фин. isa-si, по-мадьярски „atyá-d; по-сум. adda-na „отецъ его", по-фин. sa-nsa, по-мадь. aty-ja; по-сум. adda-me „отецъ нашъ", по-фин. isa-mme, по-мадь. atyá-nk и пр. Такого способа присоединенія поссессивныхъ суффиксовъ какъ и самыхъ суффиксовъ не существуетъ въ аріо-европейскихъ языкахъ, что̀ подтверждаетъ мнѣніе Ленормана, который не замѣтилъ вполнѣ этого обстоятельства.

Имена числительныя сумирскаго языка по изслѣдованію Ленормана также особенно сродны съ-угро-финскими. Ленорманъ записываетъ слѣдующее (pag. 250):

	1	2	5	6	7	10
По-сум.	id	kas	s'a(esa 15)	as	sisna	ge
По-фин.	ykji	kaksi	viisi	kuusi	seitseman	kymmenen
По-эст.	uks	kaks	kiis	kuus	seitse	kumme
По-чер.	ik	kak	vis	kut	sim	
По-морд. . . .	vaike	kavto	vate	koto	sisem	kamen
По-зыр.	otik	kyk	vit	kvait	sizim	
По-ост.	it	kat	vet	chut	tabet	jong
По-мадь	egy	két	öt	hat	het	tiz

Бросая взглядъ на эти формы именъ числительныхъ, мы дѣйствительно должны признать, что сходство ихъ поразительно. Имена числительныя играютъ, какъ извѣстно, главную роль въ дѣлѣ установленія сродства между языками.

Сумирскій глаголъ имѣетъ меньше всего сходства съ угро-алтайскимъ, но все-таки существуютъ моменты сродства. Такъ напр. 3-е лице глагола имѣетъ почти

Digitized by Google

всегда сокращенную форму, какъ это существуетъ въ финскомъ, эстскомъ, мадьярскомъ, турецкомъ и другихъ языкахъ. Потомъ мы находимъ число сродныхъ словъ, напр. по-сум. mal „жить“, по-ост. val, по-зыр. ol, по-мадь. él-, по-эст. ela-, по-фин. elä-; по-сум. kur или gval „быть“, по-мадь. val-, vala-, по-фин. и эст. ole-, по-мандж. o-; по-сум. khal „убить“, по-тур. gal „умереть“, по-мадь. hal-, по-эст. kool-, по-фин. kuole-; по-сум. bil или pil, по-фин. pol-ttaa, по-эст. pole-; по-сум. gien „поворачивать“, по-фин. kaan-tää, по эст. kaana-; по-сум. gin „говорить“, по-эст. kon-ele-; по-сум. tab, по-фин. tapaa, по-эст. taba- и пр.

По синтаксису мы не имѣемъ довольно матеріала для сравненія. Сумирскія сложныя формы, напр. tursal, дословно „дитя-дочь“, т.-е. молодая дѣвица, по-эст. tutarlaps, по-мандж. sargan-jui; si-me, дословно „глаза вода“ т.-е. слеза, по-эст. silma-wesi, по-мандж. yasa-i-muke и пр. доказываютъ всетаки соотношеніе сумирскаго языка къ угро-алтайскимъ языкамъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ, приведенныхъ мною данныхъ, къ объясненію соотношенія между сумирскимъ языкомъ и угро-алтайскими, я прихожу къ тому мнѣнію, что сумирскій языкъ сроденъ съ угро-алтайскими языками и сумирскій народъ по происхожденію близокъ къ народамъ монголо-финскаго племени. Мы получимъ еще болѣе доказательствъ этого сродства, когда клинообразная литература, по запасу словъ и формъ, будетъ изслѣдована еще основательнѣе. Но и то, что мы знаемъ до сихъ поръ, довольно достаточно для того, чтобы имѣть утвердительное мнѣніе объ этомъ сродствѣ. Цѣлые законы языка, соотвѣтствующіе подобнымъ закономъ другихъ языковъ, не могутъ быть случайными. Угро-алтайскіе языки, въ особенности угро-финскіе, имѣютъ прадѣда или, по крайней мѣрѣ, старшаго брата въ сумирскомъ языкѣ.

Digitized by Google

Кердеи и Кердеевичи XIV—XV в.

(По даннымъ историковъ и суд. акт. книгъ).

В. М. Площанскій.

Кердеи или Кердеевичи[1]) стали извѣстными въ исторіи западной Руси и Польши со второй половины XIV в. Одни служили въ роли примирителей сначала литовскимъ князьямъ, затѣмъ польскому королю; другіе вели съ самаго начала успѣшную борьбу съ русскими и литовцами за упроченіе польской власти на Руси. Вступивъ въ службу Польши, они не только усердствовали въ вѣрности королямъ, но рано принесли имъ въ жертву также свою православную вѣру и русскую національность. Уже Грицко Поморянскій, рьяный защитникъ Польши въ Холмской странѣ, дважды женившійся на иностранкахъ, перешелъ въ латинство и воспитывалъ въ немъ своихъ дѣтей, назвавъ двоихъ младшихъ чуждыми для Руси именами.

Признательные короли дарили двухъ Грицковъ Кердеевичей, отца и сына, своимъ довѣріемъ, землями и чинами. Первый Грицко, ставъ польскимъ шляхтичемъ, получилъ должность старосты и имѣнія, второй, Поморянскій, кромѣ новыхъ вотчинъ добился въ скоромъ времени званія воеводы. Ему принадлежали имѣнія въ разныхъ польско-русскихъ земляхъ, которыя перешли къ его дѣтямъ. Послѣдній изъ его сыновей переселился въ Теребовлю, гдѣ управлялъ предоставленнымъ ему староствомъ. Галицкими имѣніями Кердеевъ владѣли державцы или арендаторы, которые впослѣдствіи сдѣлались ихъ вотчинниками.

По происхожденію, вотчиннымъ имѣніямъ и мѣсту дѣятельности ихъ, различаемъ *Кердеевичей Волынскихъ* и *Галицко-Подольскихъ*. О послѣднихъ, игравшихъ выдающуюся роль въ Холмской Руси, собраны нами новыя, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не лишенныя интереса, данныя.

I. Кердеевичи Волынскіе XIV в.

Въ договорѣ, заключенномъ въ Гроднѣ 13 августа 1358 г. между князьями Земовитомъ Мазовецкимъ и Кейстутомъ Литовскимъ, съ согласія Ольгерда и другихъ

[1]) Между Кердеями и Кердеевичами нѣтъ разницы въ документахъ. Одинъ и тотъ же представитель рода названъ разъ Кердеемъ (Кирдеемъ), другой разъ Кердеевичемъ (или Кирдеевичемъ).

Digitized by Google

старшихъ князей Литвы, принимали участіе, между прочимъ, Олизаръ и Васько Кердеевичи въ качествѣ коммиссаровъ, назначенныхъ съ литовской стороны для установленія границъ между Литвою и Мазовіею. При заключеніи мира между литовскими князьями въ 1366 г. упоминаются Олизаръ со стороны Ольгерда. Въ 1386 г. Васько Кердеевичъ находится вмѣстѣ съ другими волынскими вельможами, которые, раньше признавая верховную власть надъ собою князя Любарта, впослѣдствіи подчинились Ягайлу. Одинъ изъ нихъ, Олехно Дмитровичъ, сначала упорствовалъ, но уже въ 1387 г. Васько Кердеевичъ и прочіе (7) русскіе вельможи ручались королю Владиславу за Олехна, что онъ впредь вѣрно будетъ служить королю; въ противномъ случаѣ они доставятъ его въ руки Ягайла подъ страхомъ уплаты пени въ 1000 грив.

Отъ этихъ Кердеевичей произошли: Гаврило Шило Кердеевичъ, какъ сторонникъ Свидригайла, подписавшій грамоту въ Луцкѣ 5 ноября 1430 г., затѣмъ Олизаръ Шиловичъ и др. [1])

II. Кердеевичи Галицко-Подольскіе XIV и XV в.

Олизаръ и Васько Кердеевичи, жившіе съ потомствомъ своимъ на Волыни, не считаются родственниками Грицка Кердеевича, который, по словамъ Длугоша, получилъ отъ короля Людвика гербъ „Кердеевъ“ въ награду за отличіе его при осадѣ Белзскаго замка въ 1377 г. и названъ „Кердеемъ“. На „простое“ его происхожденіе изъ *Поморянъ* [2]), о чемъ историкъ говоритъ, не указываютъ документы. Хотя при имени его въ документахъ не добавлено происхожденіе, то есть основаніе предполагать, что его имѣніемъ былъ *Орининъ* или *Горининъ* [3]), который по смерти его перешелъ во власть сына и, вскорѣ, его внука. Кердеевичами „изъ Поморянъ“ писались уже сынъ Грицка и его потомки. Когда Поморяны сдѣлались собственностью Кердеевичей — точно опредѣлить не можемъ. Въ Холмскихъ и Красноставскихъ актахъ стали лишь съ 1443 г. добавлять къ имени воеводы Грицка: „изъ Поморянъ“ (Hryczko de Pomorzany), изъ чего можно бы заключать, что Грицку, какъ многимъ другимъ, король Владиславъ пожаловалъ имѣніе за венгерскій походъ. Въ одномъ, однако, документѣ Перемышльскаго лат. епископа Януша, отъ 23 мая 1431 г., является свидѣтелемъ „Грицко Кердеевичъ изъ Поморянъ, староста Холмскій“; второй извѣстный документъ, гдѣ читается „Грицко изъ Поморянъ“, данъ въ венгерской Будѣ 29 сентября 1442 г.: значитъ, кромѣ одной грамоты отъ 1431 г., до 1442 г. Грицко не названъ „Поморянскимъ“ ни въ отдѣльныхъ документахъ, ни въ Холмско-Красноставскихъ запискахъ. Если первый документъ (отъ 1431 г.) подлиненъ, а не позднѣйшая поддѣлка или копія его, въ которой писцомъ самовольно добавлены при имени Грицка

---

1) См. Даниловичъ: Skarbiec dyplomatów I, 198, № 417, 211. Нарушевичъ: Transakcya 23, 203; Нарбутъ, V, 87, 166. У Нарбута ошибочно напечатано „Kondiewicz“. Голембьевскій 77, 89, 402.

2) Поморяны — м. въ Галиціи, Золочевскаго уѣзда.

3) Мѣстечко Подольской губерніи, Каменецкаго уѣзда.

Digitized by Google

слова: „изъ Поморянъ", тогда вѣрно, что Грицко владѣлъ уже въ 1431 г. Поморянами, за исключеніемъ однако участка[1]).

1) Грицко Кердеевичъ.

Грицко Кердеевичъ держалъ, послѣ смерти Спитка Мельштынскаго, уже въ 1401 г., замокъ Каменецкій въ званіи старосты, тогда была имъ подписана грамота на десятину Каменецкимъ францисканамъ; ему же въ 1410 г. была выдана королевская грамота на имѣніе Кормыльче, Каменецкаго уѣзда; онъ находится между присутствующими при выдачѣ королевскихъ грамотъ въ Медикѣ 1404 г., во Львовѣ въ 1404, 1405 и 1411 гг., наконецъ упоминается также свидѣтелемъ въ королевской грамотѣ, данной Олехну Дмитровичу во Львовѣ 15 августа 1414 г. (помѣщ. въ Холм. акт. 1648 г.). Онъ и жена его, Кляра, надѣлили Львовскую доминиканскую церковь щедрыми доходами, гдѣ и похоронены около 1430 г. У нихъ были сыновья: *Дмитрій* изъ *Шпиклосъ* и *Грицко* изъ *Поморянъ*[2]).

2) Дмитрій Кердеевичъ изъ Шпиклосъ.

О дѣятельности Дмитрія Шпиклоскаго, повидимому незанимавшаго никакой должности въ республикѣ, акты немного упоминаютъ; онъ владѣлъ имѣніями въ Галицкой Руси: Шпиклосы, Подбереже, Выжняны, Урмань и Ремизовцы[3]). Изъ Львовскаго акта 3 декабря 1445 г. узнаемъ о заявленіи Дмитрія, что онъ Львовскимъ Доминиканамъ обезпечилъ на вѣчныя времена отъ каждаго спуска прудовъ: Урманскаго по 12, Ремизовецкаго по 4 копы грошей, обязывая за то монаховъ служить обѣдни при алтарѣ св. Креста, подъ которымъ почиваютъ его родители Грицко и Кляра, также нѣкоторые его друзья, и гдѣ онъ самъ желаетъ быть погребеннымъ вмѣстѣ съ женой и своими потомками. — Въ „Трудахъ Подол. епарх. ком. VII" упоминается *Дмитрій Кердеевичъ* подъ 1493 г., въ Львовскихъ же актахъ 1469 и 1486 гг. — *Петръ Шпиклоскій*, вѣроятно сыновья его.

3) Грицко Кердеевичъ изъ Поморянъ.

Дѣятельность Грицка Грицковича, по свидѣтельству исторіи, начинается съ 1430 г., по Холмскимъ и др. судебнымъ актамъ и документамъ, — съ 1431 г. и кончается съ смертью его въ 1462 г.

По даннымъ историковъ, Грицко Кердеевичъ былъ въ 1430 г., т.-е. вскорѣ послѣ кончины литовскаго великаго князя Витовта, со Шафранцемъ и др. подъ Кременцемъ, замка не взялъ, но, опустошивъ окрестности, возвратился подъ Луцкъ;

---

[1]) Кромѣ Кердеевичей, писались Поморянскими: Іоаннъ Свинка (Львов. акты 1441, 1463-66, 1469, 1473, 1475 гг.) и Николай Свинка, на вдовѣ котораго (Доротѣ) женился въ 1490 г. Сигизмундъ Кердеевичъ. Затѣмъ, въ 1441 и 1461 гг. упоминается еще Андрей изъ Поморянъ, бывшій вмѣстѣ съ Іоанномъ Свинкою въ Венгріи въ 1441—1443 гг.

[2]) Сыномъ (если не *внукомъ*) ихъ могъ быть также упоминаемый въ Каменецкихъ актахъ 1431 г. староста Скальскій Янушъ Кердей (См. Иванъ Поморянскій).

[3]) Шпиклосы и Ремизовцы въ Золочевскомъ, Подбереже во Львовскомъ, Выжняны и Урмань въ Бережанскомъ уѣздѣ.

Digitized by Google

оттуда отправился съ Бучацкими и др. подъ Каменецъ-Подольскій, гдѣ онъ и товарищи его поймали литовскаго старосту Довгерда и отъ имени Польши завладѣли городами Каменцемъ, Смотричемъ, Скалою и Червоногородомъ.

Въ 1431 г. Грицко занималъ во главѣ своего отряда, состоявшаго изъ русскихъ, замокъ въ Ратнѣ; оттуда, напавъ на отрядъ Свидригайла, находившійся подъ начальствомъ князя Сенька Романовича, поразилъ его, убивъ полководца. Однако, послѣ похода Грицка на Луцкъ и Каменецъ, гарнизонъ въ Ратнѣ взбунтовался, вмѣстѣ съ жителями города, противъ Польши и сдался князю Свидригайлу.

Въ 1433 и 1434 гг. Грицко, сражаясь съ Пинскимъ княземъ Александромъ Носомъ, занялъ замки въ Холмѣ и Люблинѣ, затѣмъ, когда Носъ двинулся къ Бугу, Грицко заложилъ ему дорогу и около Грубешова произошло сраженіе: отрядъ Носа былъ разбитъ и самъ вождь плѣненъ. Съ того времени Холмъ былъ свободенъ отъ Свидригайловыхъ набѣговъ.

Въ 1440 г. воевода Подольскій Грицко Кердеевичъ, каштелянъ Львовскій Сенько и Мазовецкіе князья проводили молодого великаго князя Казиміра въ Вильну, гдѣ, вопреки разсчетамъ польской политики, онъ торжественно былъ объявленъ самостоятельнымъ великимъ княземъ Литвы. Въ этомъ году отправился въ г. Буду приглашенный на венгерскій престолъ король Владиславъ и вскорѣ, т.-е. уже въ началѣ 1441 г. отбыли туда, по приказу короля, воеводы Грицко Кердей (Подольскій), Петръ изъ Спрова (Русскій) и Янъ изъ Тенчина (Краковскій) и другіе во главѣ военныхъ полчищъ для борьбы съ противниками Владислава и сторонниками вдовы Альберта II. Грицко однако не оставался при королѣ до трагической его кончины подъ Варною. О пребываніи Грицка въ Венгріи видно изъ королевскихъ грамотъ 1441, 1442 и 1443 гг. Затѣмъ онъ проживалъ въ Холмщинѣ, на что указываютъ намъ Красноставскіе акты.

18 сентября 1451 г. Грицко является делегатомъ съ польской стороны на польско-литовскомъ сеймѣ въ Парчевѣ, вмѣстѣ съ Краковскимъ епископомъ Сбигневомъ Олесницкимъ и др.

Въ 1459 г. было постановлено въ Петрковѣ выслать въ Валахію воеводъ Одровонжа и Грицка, или одного изъ нихъ[1]).

Въ документахъ первыхъ десяти томовъ „Львовскихъ актовъ“, напечатанныхъ въ 1868—1884 гг. упоминается: староста Холмскій, затѣмъ воевода Подольскій Грицко Кердей или Кердеевичъ, или просто: Грицко изъ Поморянъ (разъ „изъ Винникъ“), также: Грицко воевода Подольскій. Онъ является свидѣтелемъ на грамотахъ, данныхъ во Львовѣ: 23 мая 1431 г., 30 іюля 1448 г., 15 мая 1456 г., 5 апрѣля 1460 и 18 іюня 1462 г.[2]); въ Краковѣ: 8 марта 1440 г.; въ Будѣ: 16 іюня 1441 г.,

[1]) Данныя о Кердеевичахъ сообщаютъ между прочимъ: Длугошъ XI, 588, 628; Бѣльскаго хроника подъ 1432 и 1441 гг.; Стрыйковскій XVII, 563; Нарбутъ VII, 12, 47; VIII, 9, 102, 145; Морачевскій II, 186, 189, 209, 262; Бандтке: Fus polon. Conv. Petroc. 1459 celebr., 64; Шараневичъ: Ист. Гал.-Вол. Руси 355, 405, 430, — Rys wewn. stos. Gal. wsch. 11, 13, 15; Акты Зап. Россіи I, 104—5; Архивъ Ю-Зап. Рос. VIII, II, 17 (пред.); Труды Под. еп. ист. стат. Ком. VII, 321; Н. Теодоровичъ: Опис. церк. прих. Вол. еп. III, 14. Въ Львов. Наук. Сборникѣ 1867 г. помѣщенъ кіевскій документъ Свидригайла отъ 9 декабря 1442 г., гдѣ между совѣтниками князя названъ также Грицко Кердеевичъ. Былъ ли то нашъ Грицко?

[2]) На документѣ 25 ноября 1462 г. значится уже Станиславъ изъ Ходча воеводой Подоліи.

Digitized by Google

29 сентября и 1 октября 1442 г.; въ Петрковѣ: 28 апрѣля 1458 г. и въ Новомъ Корчинѣ 12 и 17 декабря 1461 г. На собственной грамотѣ, данной имъ во Львовѣ 12 марта 1459 г. онъ подписался: Грицко изъ Поморянъ воевода Подольскій и староста Теребовельскій.

Кромѣ того, Грицко Кердеевичъ упоминается свидѣтелемъ въ извѣстной намъ королевской грамотѣ, данной въ пользу русской церкви въ Будѣ, 22 марта 1443 г.; вторая, данная въ Будѣ еще 30 сентября 1442 г., грамота указываетъ на то, что король Владиславъ принялъ на себя обязательство уплатить каштеляну Краковскому Ивану изъ Чижова долгъ Грицка Кердея изъ Поморянъ въ 200 гривенъ, обезпечивая эту сумму на Вашковцахъ и Зарѣчьи въ Сандомірской землѣ[1]).

Изъ Холмскихъ и Красноставскихъ актовъ видно, что Грицко Кердей лишь временно оставлялъ Холмскую землю, когда этого требовалъ личный его или государственный интересъ; пребываніе его въ Холмщинѣ считалось тогда обезпеченіемъ ея за Польшею. Онъ съ 1431—1456 гг. засѣдалъ въ судахъ: въ Холмѣ (1431—1439), въ Красноставѣ (1432—1456) и разъ въ Грубешовѣ (1453). Въ отсутствіе его являлись въ Холмскій судъ отъ его имени и по личнымъ своимъ дѣламъ его приближенные или служебники (familiares)[2]). Насколько полезною для Польши оказалась служба Грицка въ Холмщинѣ, можно судить по скорости повышенія его въ чинахъ, съ оставленіемъ его на одномъ мѣстѣ и въ первой должности старосты до 1438 г. Въ 1433 г., 8 мая, Грицко засѣдалъ въ Красноставскомъ судѣ еще въ одномъ званіи старосты Холмскаго, въ 1434 г. — старосты Холмскаго и каштеляна Львовскаго, въ 1435 г. прибавленъ ему титулъ старосты Теребовельскаго; въ 1439 г. онъ значится уже воеводой Подольскимъ, предсѣдательствующимъ въ королевской коммиссіи въ Красноставѣ; наконецъ видимъ его въ 1451 г. воеводой Подольскимъ, старостой и державцею Красноставскимъ. Послѣднее званіе перешло на двухъ его сыновей.

О дѣятельности Грицка въ качествѣ старосты - судьи отмѣчаемъ нѣкоторые болѣе интересныя данныя нашихъ акт. книгъ.

Первое засѣданіе Холмскаго съѣзда, въ которомъ встрѣчаемъ старосту Грицка Кердея[3]), происходило 4 іюня 1431 г. Въ собраніи присутствовали тогда также староста Сандомірскій Іоаннъ, Росса Герантъ изъ Подоліи и какой-то Исачко Гладирка. Тогда Белзскій землевладѣлецъ Мрочко изъ Юрчева обвинялъ слугу Грицка, Фалислава, въ убійствѣ брата; Грицко, принявъ поруку за слугу, согласился уплатить Мрочку 60 гривенъ головщины. — Затѣмъ Ѳома изъ Монятичъ, Грубешовскій войтъ Петро и Адальбертъ изъ Хохлова поручились старостѣ Грицку за Николая Барциковскаго, вызваннаго въ судъ воеводой Холмскимъ Маравкою[4]). Поручители обязались

---

[1]) Пташицкій: Опис. кн. и акт. Лит. метрики стр. 249, № 290.

[2]) Въ 1431 г.: писарь (notarius) старосты Грицка Николай Млечко; въ 1432 г.: нѣкіе Лука, Сильвестръ, Георгій и Лаврентій; въ 1436 г.: Войтко; въ 1437 г.: Бартошъ; въ 1453 и 1457 гг.: Пачоса и Дзикъ. По суд. запискамъ, Грицко съ 1439 г. проживалъ больше въ Красноставѣ, чѣмъ въ Холмѣ.

[3]) До Грицка старостами Холмскими были: Матвѣй (1428 г.), затѣмъ Волчко (1429—1431 гг.)

[4]) Съ 1430 г. Николай Моравка значится также Красноставскимъ писаремъ земскимъ. Городскихъ воеводъ было тогда больше въ Холмѣ. Въ 1432 г. упоминаются въ актахъ Иванъ Чаншиловскій и Сбигневъ, въ 1433 г.— Левъ Клодницкій.

Digitized by Google

доставить Николая въ срокъ, въ противномъ случаѣ уплатятъ старостѣ копъ 60 грошей пени. И Николай передалъ себя во власть своихъ поручителей, принявъ на себя возвратить имъ всѣ убытки.

Въ Холмскомъ засѣданіи 12 февраля 1432 г. въ присутствіи, между прочимъ, владыки Холмскаго (неизвѣстнаго имени) и повѣреннаго старосты Грицка, Лукаша (Lucassius), Холмскій воевода Иванъ Чаншиловскій жаловался на сына Зиновья изъ Млодутина, назначеннаго ему старостой въ товарищи ратнаго дѣла и находившагося подъ его начальствомъ вмѣстѣ съ пасынкомъ его, Чаншиловскаго, а также съ однимъ человѣкомъ, что онъ, дойдя до Грубешова, сбѣжалъ отъ пасынка, захвативъ съ собою лошадь, стоимостію въ 4 копы, разную одежду, стоимостію въ одну копу, и причинивъ всего убытка въ 20 гривенъ. Сынъ Зиновія возразилъ ему, что воеводскій пасынокъ, напротивъ, добровольно отпустилъ его изъ Грубешова на свободу. Тогда воевода положилъ свою шапку (mitram suam posuit — въ лит.-рус. актахъ: „ставилъ шапку") говоря: „я готовъ послать за своимъ пасынкомъ!" Обвиненный, выслушавъ жалобу воеводы, просилъ назначить сторонамъ срокъ для явки предъ судъ старосты, что и сдѣлано. Между тѣмъ Зиновьевичъ успѣлъ помириться съ Чаншиловскимъ, уплативъ послѣднему двѣ копы грошей вознагражденія за причиненные ему убытки.

Въ Красноставской книгѣ того же года упоминается объ арестованіи въ Холмѣ воеводой Авраамомъ дворянъ Добеслава и Станислава изъ Вельгоржа и также Павла изъ Держковичъ за какія-то преступленія. Староста Грицко освободилъ ихъ изъ заключенія „на слово", однако подъ условіемъ, что, если не явятся на судъ по вызову старосты или воеводы, тогда будутъ осуждены къ утратѣ шляхетства и чести.

Затѣмъ изъ одного Холмскаго акта 1433 г. узнаемъ, что староста Холмскій Грицко отдалъ шляхтичу Роську изъ Могильницы мѣстную церковь и принадлежащую ей землю во владѣніе. Вводъ Роська совершенъ, по повелѣнію старосты, судьей Холмскимъ Альбертомъ. Далѣе же находимъ заявленіе Роська, что онъ спорную могильницкую церковь съ землею уступилъ своему брату Исачку подъ обезпеченіемъ 30 гривенъ залога.

Въ 1439 г. двор. Гришка Несторова заявила о полученіи ею отъ Матвѣя Смока записи на 50 грив. Подольскій воевода Грицко показалъ, что онъ видѣлъ упомянутую грамоту въ ящикѣ послѣ смерти владыки (vidit in cista post obitum vladicae). Владычный слуга Вашко утверждалъ съ своей стороны, что Несторова приходила за полученіемъ записи къ священнику („попу") Тараху; тотъ однако не счелъ себя въ правѣ выдать ей таковую.

Въ запискахъ 1432—1440 гг. часто упоминается староста Холмскій, на котораго ссылались судьи и отъ его имени разрѣшали спорныя дѣла.

О частныхъ дѣлахъ Грицка Кердея или Кердеевича находимъ въ Холмскихъ и Красноставскихъ актахъ, между прочимъ, слѣдующее:

Въ 1437 г. Андрушко Угровецкій поручился Грицку за Ѳеодора Бразича въ уплатѣ 6-ти копъ грошей.

Въ 1438 г. Грицко уплатилъ Ванькѣ Квасиловскому (de Quasylow) 50 грив. долга за Рафаила Ярославскаго.

Digitized by Google

Въ 1443 г. онъ же заявляетъ о выданной имъ Николаю Дзику изъ Лоева долговой записи на 110 грив., тоже Ивану Гидо (Годзу?) на 120 грив. подъ залогъ им. *Стрыева*.

Въ 1444 г. имъ же выдана Ванькѣ Квасиловскому долговая запись на 100 грив. къ дню св. Михаила; въ случаѣ неустойки, Грицко допускаетъ вводъ Ванька въ свое имѣніе *Винники*, Львовскаго повѣта (или уѣзда).

Въ 1446 г. Иванъ Погорѣлоставскій зоветъ въ судъ Якова Вербковицкаго и Петра Горжковскаго, поручившихся ему за взятый Грицкомъ серебряный кушакъ, стоимостію въ 20 грив. — Грицко тоже привлеченъ къ иску. — Грицко ручается Ивану Гозду изъ Гдешина за Михалка Сангневовича въ 60 гр. на 120 грив. долга подъ залогъ с. Стрыева. Съ другой стороны, Яковъ Гарбовскій ручается Грицку за Михалка Сангневовича въ уплатѣ 60 грив. Въ случаѣ неустойки, Грицко будетъ введенъ въ имѣнія Гарбовскаго: Велебичи и Бартошовичи[1]), заложенныя въ 120 грив.

Въ 1447 г. Дерславъ Жолковскій (истецъ), Иванъ Гоздъ Гдешинскій, Грицко Кердей и Иванъ Квасиловскій отложили судебныя дѣла до прибытія короля въ Красноставъ, на третій день послѣ его пріѣзда.

Въ 1450 г. Игнатъ Жданскій ручается Николаю Суходольскому за Грицка въ уплатѣ долга 110 грив. Кромѣ Жданскаго должны еще поручиться за воеводу Альбертъ Лащовскій и Красноставскій войтъ Станиславъ Прибыславскій. (По запискѣ 1451 г., Грицко велѣлъ имъ поручиться за себя Суходольскому). Николай Суроговскій[2]) ручается въ уплатѣ долга за Грицка, послѣдній же долженъ уплатить Якову Витковскому 24 зол. къ дню Рождества Христова. — Иванъ Лабуньскій велъ процессъ съ Грицкомъ Поморянскимъ по какому-то дѣлу о 6-и коровахъ съ телятами и 6-и волахъ, стоимостію въ 16 грив., кромѣ убытковъ.

1453 г. указываетъ на *бракосочетаніе* овдовѣвшаго *Грицка* съ *Доротою Кіанскою*. Грицко уступаетъ тестю Ивану Кіанскому весь свой участокъ въ Быстрицѣ, Люблинскаго повѣта, вслѣдствіе чего Дорота, супруга Грицка, отказывается отъ вѣновной записи. — Тогда же Николай Палюковскій поручился Грицку за еврея Мошка, арендатора „мостоваго“ въ Красноставѣ.

Въ 1454 г. Страхота изъ Якубовичъ заявляетъ объ уступленіи своему сыну Николаю 130 грив., записанныхъ на *Сѣницѣ*, заложенной ему Грицкомъ съ согласія короля. Эту сумму слѣдовало выплатить Николаю какъ наслѣдіе по матери его Маргаритѣ. Грицко заложилъ Вержбятѣ Сѣницкому половину с. Сурогова (Surowow), которую самъ держалъ въ залогѣ отъ Николая Волковскаго въ $42^1/_2$ грив.

Въ 1456 г. Николай Волковскій продаетъ им. Суроговъ и половину с. Якубовичъ за 1000 грив. Ивану Чижовскому, каштеляну и старостѣ Краковскому. Грицко, явясь въ судѣ, заявляетъ о поручительствѣ его Чижовскому за бывшаго владѣльца

---

[1]) Им. Бартошевичи ок. 1476 г. принадлежало князьямъ Красничинскимъ, затѣмъ, въ началѣ XVI в., Решовскимъ.

[2]) Въ актѣ сказано: Nicolaus de Surohow. Суроговъ, нынѣ Сурговъ, въ Красноставскомъ уѣздѣ Вообще мы переводимъ, н. пр. de Zołkwa — Жолковскій, вм. изъ „Жолквы“, что одно и то же.

Digitized by Google

Сурогова Николая Волковскаго. Съ своей стороны Иванъ Чижовскій обязался уплатить Грицку 100 грив. къ дню Рождества Христова.

Николай Палюковскій обязался возвратить Грицку полусеребряную чашу, на которую далъ поруку за еврея Мошка, арендатора „мостоваго".

Съ того времени Грицко Кердей Поморянскій не является въ суды. Въ 1457 г. упоминается еще его слуга Дзикъ, а съ 1459 г. выступаютъ на сцену одни лишь его сыновья (отъ перваго брака) *Иванъ* и *Сигизмундъ* и дочь *Ядвига*, жившая при нихъ до своего замужества въ 1464 г. (См. Сигизмундъ).

Кромѣ принадлежавшихъ Грицку Кердеевичу Поморянъ, Винникъ и Подбережа, Стрыева, участка въ Быстрицѣ и дома съ земельнымъ участкомъ Дзика въ Холмѣ (дара короля Казиміра въ 1451 г.), онъ пользовался державами въ корол. Сѣницѣ и Красноставѣ, также доходами управляемыхъ имъ староствъ. Даниловичъ[1]) сообщаетъ содержаніе условій, подъ которыми Грицко держалъ свое староство. Онъ клятвенно обязался староство Холмское вмѣстѣ съ принадлежавшими ему гродами (замками) не отпускать никому другому, лишь венгерско-польскому королю или кому онъ прикажетъ; по смерти короля староство будетъ возвращено Коронѣ; затѣмъ обѣщаетъ ежегодно платить по 400 гривенъ въ пользу королевской казны, 100 гривенъ — за стаціи (военные постои), 100 грив. — каноникамъ и римско-катол. церкви въ Холмѣ и отдавать первымъ по 10 сосудовъ (vasa) рыбъ для стола.

Изъ подтвердительной грамоты, данной архіепископомъ Львовскимъ Григоріемъ въ Чарнушовичахъ 26 іюня 1454 г., видно, что воевода Грицко изъ Поморянъ обезпечилъ существованіе лат. приходской церкви въ Бѣлкѣ, назначивъ въ пользу ея, между прочимъ, десятину съ (русскихъ) крестьянъ Подбережа. Затѣмъ, по Львовскому акту 12 марта 1459 г., Грицко изъ Поморянъ заявляетъ, что по судебному рѣшенію жители его села Винникъ могутъ рубить дрова въ лѣсахъ до самаго Львова и, наоборотъ, жителямъ Львова дозволяется тоже до самаго села Винникъ, пока не послѣдуетъ окончательное разграниченіе между г. Львовымъ и с. Винниками.

4) Иванъ Кердеевичъ изъ Поморянъ.

Объ Иванѣ Грицковичѣ узнаемъ изъ нашихъ актовыхъ книгъ, что онъ присутствовалъ въ Красноставскомъ судѣ въ 1459, 1461 и 1463 гг., пользовался родительскимъ добромъ въ Холмщинѣ и Галиціи, былъ съ 1459 г. державцею и, послѣ смерти отца, съ 1463 г., вмѣстѣ съ братомъ Сигизмундомъ, старостою Красноставскимъ до кончины своей около 1469 г. Въ Львовскихъ актахъ подъ 1463 г. братья Иванъ и Сигизмундъ Кердеевичи названы старостами Теребовельскими и державцами Гумнищъ, Романовки, Новоселки[2]) и пр., въ нашихъ же (Холм.-Красност.) актахъ одинъ только Сигизмундъ въ первый разъ въ 1478 г. названъ старостой Теребовельскимъ, т.-е. когда онъ дѣйствительно переселился въ Теребовлю. Сигизмундъ очень часто упоминается въ нашихъ актахъ и, еслибы онъ ранѣе 1478 г. состоялъ

---

[1]) Skarbiec dypl. 1485: Inwentarz Warszewickiego: Polonia 1441.

[2]) Гумнище (Гумниска), Романовка — села Теребовельскаго, Новоселка — Перемышлянскаго уѣзда въ Галиціи.

Digitized by Google

старостой Теребовельскимъ, непремѣнно было бы это отмѣчено въ одномъ или другомъ случаѣ. Ошибка въ Львовскихъ актахъ тѣмъ вѣроятнѣе, что отецъ Грицко постоянно пользовался этимъ званіемъ съ 1435 г.

Въ виду того, что дѣятельность Ивана въ Холмщинѣ отмѣчена въ нашихъ актахъ лишь съ 1459 по 1468 г., является вопросъ, гдѣ онъ пребывалъ раньше и не былъ ли Иванъ тѣмъ Янушемъ Кердеевичемъ, который въ 1431 г. упоминается старостой Скальскимъ? Въ 1430 г., какъ извѣстно, Грицко Кердей и его товарищи завладѣли отъ имени Польши, между прочимъ, также Скалой, гдѣ, какъ и въ другихъ городахъ, отнятыхъ у литовцевъ, былъ поставленъ во главѣ управленія свой человѣкъ. Старостой для Скалы вѣроятно былъ назначенъ сынъ Грицка Иванъ, или, какъ тогда его звали, Янушъ, который вѣроятно и отличился военными доблестями. Сопоставляя время жизни и возможный возрастъ въ 1430 г. Грицка и Януша, можно допустить, что послѣдній былъ старшимъ сыномъ, а не братомъ перваго. Младшимъ сыномъ его былъ Сигизмундъ, упоминаемый на нѣсколько лѣтъ позже, и всегда на другомъ мѣстѣ, когда рѣчь идетъ объ обоихъ братьяхъ. Возвращеніе обоихъ Кердеевичей изъ Подоліи въ Холмщину можно объяснить небезопаснымъ положеніемъ въ какомъ они находились въ виду татарскихъ наѣздовъ и продолжительной борьбы Литвы съ Польшей о владѣніи Подоліей. Съ другой стороны могло быть желаніе состарѣвшагося ихъ отца Грицка имѣть сыновей въ своей близости.

5) Сигизмундъ Кердеевичъ „изъ Оринина“ и „изъ Поморянъ“.

Сигизмундъ Кердеевичъ, упоминаемый въ судебныхъ актахъ и отдѣльныхъ грамотахъ съ 1437 по 1533 г., т.-е. въ продолженіе 96 лѣтъ, не могъ быть однимъ и тѣмъ же лицомъ, писавшимся сначала „изъ Оринина“, затѣмъ уже „изъ Поморянъ“; въ такомъ случаѣ считалось бы за нимъ въ 1533 г., по крайней мѣрѣ, 120 лѣтъ жизни, что немыслимо. Въ виду этого, историки считаютъ Сигизмунда „изъ Оринина“ другимъ лицомъ неизвѣстнаго происхожденія. По нашимъ соображеніямъ, одинъ Сигизмундъ былъ сыномъ Грицка, который, вѣроятно съ 1431 г.[1]), когда отецъ былъ назначенъ старостой Холмскимъ, получилъ въ свое владѣніе родовой Ориниинъ и сталъ писаться „изъ Оринина“, послѣ же смерти отца и передачи Оринина въ другія руки[2]), онъ, равно какъ и братъ Иванъ, писался „изъ Поморянъ“ до смерти своей въ 1499 г. Упоминаемый въ 1533 г. Сигизмундъ изъ Поморянъ могъ быть только его сыномъ и наслѣдникомъ.

Между документами, напечатанными въ первыхъ десяти томахъ во Львовѣ, находимъ три: отъ 1437, 1441 и 1458 гг., въ которыхъ упоминается Сигизмундъ изъ Оринина, тоже въ Холмско-Красноставскихъ запискахъ подъ 1456 (2 раза), 1459 и 1472 гг. Именно въ 1437 г.[3]) видимъ его въ званіи Львовскаго хорунжія свидѣ-

---

[1]) Грицко, впослѣдствіи Поморянскій, владѣлъ еще въ 1430 г. Ориниинымъ, когда занялъ Каменецъ.

[2]) Балинскій и Липинскій и др. упоминаютъ подъ 1474 г. о Грицкѣ или Григоріи К. изъ Оринина, подстоліи Каменецкомъ, устроившемъ рим. к. церковь въ Ориниинѣ; Шар. приводитъ изъ Галиц. актовъ 1500 г. Николая К. изъ Оринина.

[3]) Въ этой грамотѣ напечатано: Sigismundus Kerdeowicz de Choczen ошибочно вм. de Chorenin. (Akta Lwow. T. I, 25).

Digitized by Google

телемъ вѣновной записи, данной въ Галичѣ Яковомъ Скарбкомъ изъ Горы женѣ своей Фіеннѣ на с. Шараньчуки. Изъ другой грамоты, данной въ Будѣ 6 ноября 1441 г. узнаемъ, что Сигизмундъ изъ Оринина принималъ, вмѣстѣ съ Грицкомъ, участіе въ венгерскомъ походѣ; въ вознагражденіе трудовъ этого похода, король записываетъ Сигизмунду 100 гривенъ на им. Цвикловцахъ и Устьи, Каменецкаго повѣта, съ желаніемъ однако, чтобы лично тамъ проживалъ (et hoc volumus, ut ibi faciat personalem mansionem). Затѣмъ въ документѣ, составленномъ въ Коломнѣ 3 февраля 1458 г., Сигизмундъ Кердей значится подкоморіемъ Каменецкимъ[1]).

16 іюня 1456 г. Сигизмундъ изъ Оринина (de Horynin), безъ опредѣленія званія, присутствовалъ вмѣстѣ съ отцемъ въ Красноставскомъ судѣ. Въ то же время Сигизмундъ является поручителемъ за Ивана изъ Чижова, каштеляна Краковскаго, отъ чего (въ 1459 г.) былъ Янушемъ Лащовскимъ освобожденъ. Въ 1472 г. разъ онъ названъ „Орининскимъ“[2]).

По нашимъ актовымъ даннымъ, Сигизмундъ изъ Поморянъ, состоя державцею (tenutarius) Красноставскимъ, выдалъ въ 1464 г. сестру свою замужъ; послѣ смерти брата Ивана онъ въ 1470 г. дѣлается старостой Красноставскимъ; въ 1477 г. женится; въ 1478 г. переселяется съ званіемъ старосты въ Теребовлю, гдѣ, по Галицкимъ актамъ, въ 1490 г. опять женится на Доротѣ Сѣнинской, вдовѣ Ник. Свинки, и, наконецъ, въ 1499 г. умираетъ. Если затѣмъ считать Сигизмунда Орининскаго однимъ лицомъ съ Поморянскимъ, то онъ (конечно не въ первый разъ) женился въ 1477 г., имѣя по крайней мѣрѣ 65 лѣтъ отъ роду (принимая въ 1437 г. 25-ти лѣтній его возрастъ), при женитьбѣ его въ 1490 г. ему могло быть 78, а при смерти — 87 лѣтъ жизни. Какъ ни странны для насъ эти женитьбы Сигизмунда на 65 и 78 гг. жизни, онѣ допускаемы, такъ какъ подобные случаи бываютъ и въ наше время. Въ пользу тождественности Сигизмунда изъ Оринина и Сигизмунда изъ Поморянъ говоритъ также то обстоятельство, что первый Грицко Кердей едва ли настолько подчинился новымъ вѣяніямъ политики, чтобы одного изъ своихъ сыновей назвалъ Сигизмундомъ. Различая же Сигизмунда Орининскаго отъ перваго Сигизмунда Поморянскаго, мы должны бы говорить о существованіи трехъ, вмѣсто двухъ, Сигизмундовъ.

Изъ нашихъ актовъ видимъ также, что Сигизмундъ Грицковичъ засѣдалъ въ Красноставскомъ судѣ въ 1456, 1470, 1472, 1477 и 1478 гг., въ Холмскомъ судѣ въ 1476 г. и присутствовалъ на Красноставскомъ съѣздѣ 1477 г., на которомъ шляхта Холмской земли, желая умножить свои доходы, постановила наложить разныя новыя повинности на крестьянъ и поселенцевъ въ своихъ имѣніяхъ[3]).

---

[1]) Akta Lwowskie. T. V, 110; VI, 39.

[2]) Красност. а. кн. № 19826, 232, 233, 251; № 19827, 46. Въ этихъ запискахъ постоянно читаемъ: Sigismundus de Horynin.

[3]) Постановленія эти п. загл. Statuta terrigenarum omnium in terra et districtibus Chelmensi, Craszno-staviensi, Hrubyeschoviensi et Sczebrzeschiensi (№ Красност. а. кн. 19827, л. 100) Мацѣевскій помѣстилъ въ своемъ сочиненіи п. загл. Historya prawodawstw slowianskich (VI, 413), выписанныя кѣмъ-то изъ нашей книги въ 1846 г. съ нѣкоторыми ошибками и пропусками.

Digitized by Google

Семейныя и имущественныя дѣла Сигизмунда записаны въ нашихъ книгахъ съ 1459 по 1485 г.

Въ 1459 г. Янушъ Лащовскій заявляетъ въ судѣ объ освобожденіи Сигизмунда и Конинскаго отъ поруки.

Въ 1464 г. Сигизмундъ отдаетъ Красноставское имѣніе въ управленіе своему писарю[1]) и назначаетъ державцу Велибича Якова Гарбовскаго его замѣстителемъ.

Въ то время состоялся *бракъ Ядвиги Грицковны* съ Иваномъ изъ Великой Быхавы, которому Сигизмундъ обязался уплатить ко дню Рождества Христова 100 гривенъ приданаго за сестрою и 40 грив. на ея выправу, затѣмъ, въ случаѣ неустойки, допустить вводъ Быхавскаго во владѣніе пошлиною „мостоваго" въ Красноставѣ. Ядвига, явясь въ судъ, признаетъ себя удовлетворенною братомъ. По запискѣ 1467 г., Сигизмундъ долженъ еще Быхавскому уплатить 60 грив., а въ 1468 г. заключена между ними какая-то сдѣлка.

Въ томъ же 1468 г, Сигизмундъ продаетъ Холмскому земскому писарю патеру Станиславу Жолковскому „мостовое" въ Красноставѣ на 6 лѣтъ за 125 гривенъ.

Онъ же отдаетъ въ 1469 г. Станиславу Недоспѣльскому село Стрыевъ въ залогъ за 500 гривенъ, затѣмъ въ 1472 г.—державцѣ Красноставскаго войтовства Николаю Бзовскому разныя угодья въ Красноставѣ въ аренду, и въ 1473 г., тому же, мельницу въ залогъ за 60 гривенъ.

Въ 1474 г. Петръ Недоспельскій, опекунъ дѣтей покойнаго брата Станислава, состоитъ временнымъ владѣльцемъ заложеннаго Сигизмундомъ им. Стрыева по записи на 200 гривенъ.

Въ 1476 г. Сигизмундъ ведетъ судебное дѣло съ Пелкой Эбермутомъ и Павломъ Ясенскимъ и закладываетъ патеру Жолковскому мельницу въ Красноставѣ за 40 гривенъ.

Въ 1477 г. 2 іюня, записаны акты, относящіеся къ *бракосочетанію Сигизмунда Поморянскаго* съ Еленой, дочерью Львовскаго подкоморія Георгія Струмилы изъ Дмошина[2]). Сигизмундъ заявляетъ, что получивъ за женою своею 200 грив. приданаго и 100 грив. выправы, онъ обезпечиваетъ въ ея пользу 600 грив. вѣновною записью на половину всѣхъ доходовъ Красноставской державы и имѣній, въ случаѣ же обратнаго перехода Красностава къ королю, на всѣ другія, собственныя и заложенныя ему, имѣнія. Съ другой стороны, Елена заявляетъ объ уничтоженіи записи, такъ какъ отецъ ея Струмило не уплатилъ всего приданаго Сигизмунду и послѣдній достаточно обезпечилъ ея вѣно на унаслѣдованныхъ имъ послѣ отца Грицка денежныхъ суммахъ и вотчинахъ.

Въ 1478 г. Сигизмундъ продаетъ пат. Жолковскому домъ и земельный участокъ Дзика за 20 грив.—Павелъ Ясенскій, подскарбій коронный и староста Холмскій и

---

[1]) Honorabili suo notario. Имъ былъ рим.-к. священникъ Станиславъ Жолковскій, писарь земскій Холмскій.

[2]) Георгій Струмило изъ Дмошина упоминается въ Львовскихъ документахъ 1442, 1445, 1456 и 1460 гг. хорунжимъ Львовскимъ, 1461—1464, 1466, 1469, 1470, 1473 и 1476 гг.—подкоморіемъ Львовскимъ. Въ документѣ 1488 г. говорится о вдовѣ пок. каштеляна Львовскаго Георгія Струмилы, Елисаветѣ изъ Подошицъ. (Akta Lwowskie II—VII).

Digitized by Google

Белзскій, обязывается уплатить Петру Недоспельскому 200 грив. за Сигизмунда и, согласно волѣ короля, принимаетъ на себя поруку за Сигизмунда, одолжившаго у Николая Бзовскаго 500 грив., въ томъ, что Бзовскій будетъ взимать пошлину и владѣть мельницею до уплаты 500 гривенъ. Такимъ же образомъ сыновья Страхоты, Иванъ и Петръ, будутъ владѣть с. Сѣницею, пока не будутъ имъ уплачены 230 грив., по долговой записи Сигизмунда и покойнаго его отца Грицка Кердея Поморянскаго.— Сигизмундъ продаетъ Ивану Сѣницкому за 50 грив. свой лугъ около рѣки Сѣницы, начинающійся отъ границъ с. Сѣницы до луговъ Красноставскаго плебана, согласно привилегіи короля.

Далѣе находимъ, что 3 февраля того же 1478 г. на Петрковскомъ сеймѣ была похищена серебряная печать Сигизмунда Кердеевича, данная имъ Холмскому судьѣ Петру Трембачевскому на храненіе.—Тогда же возный отъ имени Сигизмунда три раза пытался было занять вещи князя Александра Красничинскаго, но напрасно; вслѣдствіе этого князь подвергнулся пени и въ имѣніе его Сулиміръ былъ введенъ, вмѣсто истца, уже преемникъ его Красноставскій староста Иванъ изъ Притыка.

Этимъ кончились дѣла отбывшаго изъ Красностава Сигизмунда, назначеннаго старостой въ Теребовлѣ. Онъ являлся въ Красноставъ по дѣламъ еще въ 1480 и 1485 гг.

Въ 1480 г. Сигизмундъ былъ позванъ въ судъ дворяниномъ Иваномъ Кривскимъ какъ поручитель, вмѣстѣ съ Пелкой Эбермутомъ изъ Погорѣлостава, за князя Александра или Гурка Красничинскаго, обязаннаго возвратить Кривскому двухъ бѣглыхъ кметей: Николая Гломба и Матвѣя Кошля. Сигизмундъ уладилъ дѣло, уплативъ 60 гривенъ.

По акту 7 февраля 1485 г., во владѣніи Краковскаго епископа Іоанна Решовскаго находился въ Красноставѣ дворъ (curia) Сигизмунда, отъ котораго епископъ желалъ отказаться. Тогда Сигизмундъ, явясь въ Красноставскій судъ, воспретилъ судьѣ, подсудку и возному принимать въ акты отказъ (resignatio) епископа и заявилъ о полученіи 50 грив. отъ епископа на счетъ двора или усадьбы.

Говоря о семейныхъ отношеніяхъ Сигизмунда изъ Поморянъ, мы упомянули о вторичной женитьбѣ его въ 1490 г. на Доротѣ, сестрѣ Сѣнинскихъ и вдовѣ Николая Свинки. Изъ королевской грамоты, данной въ Краковѣ 23 октября 1492 г., видно, что Янъ Гологорскій (Сѣнинскій) занялъ послѣ смерти Свинки имѣнія Кальное и Бобрчаны. Король Янъ Альбертъ повелѣваетъ воеводѣ Краковскому и старостѣ Львовскому, Спитку изъ Ярослава, заботиться о томъ, чтобы эти имѣнія были вскорѣ возвращены Доротѣ, женѣ Сигизмунда изъ Поморянъ, старосты Теребовельскаго.

Кончина Сигизмунда послѣдовала въ 1499 г., а упоминаемый въ 1532 и 1533 гг. Сигизмундъ изъ Поморянъ непремѣнно былъ уже его сыномъ.

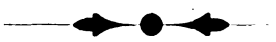
По грамотѣ, данной Сигизмундомъ I въ Краковѣ 6 февраля 1532 г., король предлагаетъ воеводѣ Сандомірскому Оттону изъ Ходча учинить справедливость Кердею изъ Поморянъ, турецкому послу Имбрѣ-пашѣ, касательно им. Поморянъ, оставленныхъ въ Польшѣ послѣ плѣненія его турками. Въ другой грамотѣ, данной въ Петрковѣ 10 февраля 1533 г., король приказываетъ подкоморію Сандомірскому и старостѣ Теребовельскому удовлетворить Сигизмунда Кердея, отъ котораго выкупилъ имѣнія.

Digitized by Google

Поморянами завладѣли братья Дороты, Сѣнинскіе изъ Гологоръ, которые въ Бускѣ 14 февраля 1549 г. составили актъ о дѣлежѣ между собой вотчинныхъ имѣній.

Впослѣдствіи Поморяны перешли въ руки короля Іоанна Собѣскаго и его сыновей, нынѣ большее землевладѣніе въ Поморянахъ принадлежитъ графамъ Потоцкимъ.

Изъ Галицко-Подольскихъ Кердеевичей упоминаются въ началѣ XVI в. *Михаилъ* изъ *Тенетникъ* (Рогатинскаго у.), *Станиславъ* К. войскій Каменецкій и др., но въ какихъ они родственныхъ связяхъ находились съ Сигизмундомъ, сказать не можемъ. Для этого нужно бы намъ просмотрѣть акты другихъ архивовъ, что намъ не возможно, но возможно другимъ, которые, пребывая на мѣстѣ, желали бы дополнить нашу историко-родословную монографію о Кердеевичахъ XIV—XV в. или исправить въ ней ошибки и пробѣлы.



Digitized by Google

О времени написанія „Слова Даніила Заточника".

А. Лященко.

„Слово" или „Моленіе Даніила Заточника" извѣстно русскимъ ученымъ болѣе 75 лѣтъ, и за столь продолжительное время появился цѣлый рядъ статей объ этомъ любопытномъ памятникѣ. Въ заслугу изслѣдователямъ „Слова" безспорно могутъ быть поставлены: историческія объясненія къ памятнику, указаніе источниковъ, откуда, какъ пчела, Даніилъ „собиралъ сладость словесную и разумъ", наконецъ разсмотрѣніе особенностей двухъ главныхъ редакцій „Слова". Со всѣмъ тѣмъ, очень важные вопросы о времени появленія „Слова", о князѣ, къ которому оно написано, наконецъ объ общемъ значеніи памятника рѣшаются различно.

Главную причину разнорѣчій, по нашему мнѣнію, нужно видѣть въ самомъ методѣ изслѣдованія. Изслѣдователи гораздо больше обращали вниманіе на то, чтобы какъ-либо обосновать свои апріорные домыслы, чѣмъ на всестороннее разсмотрѣніе „Моленія", въ особенности со стороны исторической. Допущенныя отступленія отъ правильнаго метода сдѣлались роковыми: многіе только повторяли предположенія, до нихъ высказанныя; нѣкоторые, чувствуя несостоятельность этихъ предположеній и не сумѣвъ побѣдить встрѣченныхъ при собственномъ изученіи затрудненій, отрицаютъ историческую основу „Моленія", существованіе Даніила, а въ самомъ „Моленіи" видятъ произведеніе, неизвѣстный авторъ котораго (дружинникъ), воспользовавшись *литературною* формой посланія къ князю, внесъ въ него господствовавшіе взгляды лучшихъ людей на разныя стороны русской жизни въ удѣльно-вѣчевой періодъ... Сказанное сейчасъ, мы постараемся подтвердить сперва собственнымъ разсмотрѣніемъ главнѣйшаго вопроса о времени написанія „Моленія Даніила Заточника" и имени князя, къ которому оно адресовано.

„Слово Даніила Заточника" дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ, не всегда сходныхъ между собою. Первая редакція, признаваемая древнѣйшей, извѣстна пока по тремъ спискамъ: Толстовскому (теперь Императорской публичной библіотеки) начала XVII в., Копенгагенской публичной библіотеки XVII в. и библіотеки С.-Петербургской духовной академіи, тоже XVII в.[1]). Списковъ второй редакціи два: Ундольскаго

[1]) Что касается яко бы особаго Морозовскаго списка, изданнаго Сахаровымъ въ „Сказаніяхъ русскаго народа", то это не что иное, какъ воспроизведеніе Толстовскаго списка. Сравн. отзывъ А. С—скаго объ изданіи „Слова Даніила Заточника" Шляпкина въ „Библіографіи" 1890, стр. 8—9.

Digitized by Google

(теперь Румянцевскаго музея), XV в. и Чудовской библіотеки XVII в. Наконецъ есть двѣ передѣлки „Слова“ (одна извѣстна по Соловецкой рукописи, нынѣ Казанской духовной академіи, другая — по списку гр. Д. Н. Толстого), изгладившія многія древнія черты памятника.

Толстовскій списокъ не даетъ имени князя, но называетъ его „сыномъ великаго царя Владимира“; списки Копенгагенскій и Академическій называютъ князя прямо Ярославомъ Володимировичемъ, сыномъ великаго царя (К.— великаго князя) „Володимера“. Въ обоихъ спискахъ второй редакціи „Моленіе адресовано къ Ярославу Всеволодовичу, сыну великаго царя (великаго князя) Всеволода“. Вотъ первое и очень важное затрудненіе, которое намъ необходимо разсмотрѣть. Мы попытаемся рѣшить вопросъ объ имени князя, не отдавая предпочтенія той или другой редакціи, въ виду того, что въ каждой изъ нихъ сохранились древнѣйшія черты.

По обѣимъ редакціямъ, Ярославъ — князь Переяславля Южнаго (это признается всѣми изслѣдователями); Даніилъ оказывается сосланнымъ на озеро Лаче — въ Новгородской землѣ (нынѣ въ Олонецкой губ.; изъ него вытекаетъ р. Онега). Ссылать въ Новгородскую землю могъ только Новгородскій князь. Что дѣло идетъ о князѣ, которому близка Новгородская область видно и изъ игры словъ: „Кому Бѣлоозеро, а мнѣ чернѣе смолы, кому Новгородъ, а мнѣ углы опали“. Итакъ, если мы найдемъ такого князя съ именемъ Ярослава, который одновременно княжилъ и въ Переяславлѣ Южномъ и въ Новгородѣ, то именно къ нему и должно быть адресовано „Слово Даніила Заточника“. Такимъ именно княземъ былъ *Ярославъ Всеволодовичъ* (р. 1191, † 1246). Онъ призванъ былъ изъ Переяславля Новгородцами, послѣ отъѣзда отъ нихъ Мстислава Удалого, и прибылъ въ Новгородъ въ 1215 г.; Ярославъ велъ себя въ Новгородской землѣ какъ въ завоеванной странѣ и потому удержался здѣсь тогда недолго, до знаменитой Липецкой битвы (въ апрѣлѣ 1216 г.). Вторично призвали его Новгородцы въ 1223 г. году, и вскорѣ Ярославъ ознаменовалъ себя удачными походами въ Чудскую землю; въ 1224 г. въ Новгородѣ опять является другой князь. Въ 1225 г. *съ переяславскими войсками* Ярославъ удачно отбиваетъ (у Усвята) у литовцевъ весь полонъ, взятый ими въ Новгородской землѣ. Съ этого времени онъ предпринялъ изъ Новгорода цѣлый рядъ походовъ, занялъ (1226) часть Еми (южной Финляндіи), крестилъ кореловъ, сосѣдей Еми (1227), отбилъ Емь, хотѣлъ итти съ вызванными *изъ Переяславля* полками на Ригу, но псковичи воспротивились походу. Этотъ отказъ вызвалъ и раздоры князя съ новгородцами. Снова появляется Ярославъ въ Новгородѣ послѣ 1230 г.; въ 1234 онъ одерживаетъ побѣды надъ нѣмцами и литовцами. Въ 1236 г. Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ сына Александра (Невскаго) и отправился въ Кіевъ. Послѣ несчастной битвы при Сити, Ярославъ занялъ великокняжескій престолъ во Владимірѣ; въ 1243 г. Батыемъ Ярославъ былъ признанъ старѣйшимъ княземъ на Руси. Въ 1245 г. онъ опять былъ въ Ордѣ, и на пути къ великому хану на берега Амура умеръ 30 сентября 1246 г., какъ думали современники отъ отравленія[1]). Если мы обратимъ вниманіе на то, что Ярославъ самъ въ „Словѣ“

[1]) А. В. Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ. Спб. 1889, стр. 7—19,

Digitized by Google

нигдѣ не называется великимъ княземъ, и что дѣятельность его въ Новгородской землѣ была особенно замѣтной въ промежутки его княженія въ Новгородѣ между 1223 и 1236, то мы вправѣ предположить, что „Слово Даніила Заточника“ вѣроятнѣе всего могло быть написано именно въ эти 13 лѣтъ. (Ниже мы постараемся обосновать предполагаемую нами вслѣдъ за проф. Голубинскимъ причину ссылки Даніила; вотъ почему мы привели рядъ указаній о походахъ Ярослава въ Новгородской области).

Теперь перейдемъ къ вопросу: могъ ли отецъ Ярослава, Всеволодъ, бывшій конечно великимъ княземъ, называться въ памятникахъ литературныхъ и историческихъ не только „великимъ княземъ“, но и „великимъ царемъ“. У нашихъ историковъ на этотъ вопросъ мы можемъ найти слѣдующіе отвѣты: „Всеволодъ Георгіевичъ — говоритъ Карамзинъ — спокойно и тихо представился на пятьдесятъ осьмомъ году жизни, оплакиваемый не только супругою, дѣтьми, боярами, но и всѣмъ народомъ: ибо сей государь, называемый въ лѣтописяхъ *Великимъ,* княжилъ счастливо, благоразумно отъ самой юности, и строго наблюдалъ правосудіе“[1]). Вотъ слова Соловьева: „Князь было общее неотъемлемое названіе для всѣхъ членовъ Рюрикова дома. Старшій въ родѣ князь назывался *великимъ;* но сначала въ лѣтописи мы встрѣчаемся очень рѣдко этотъ титулъ при имени старшаго князя; обыкновенно онъ придается только важнѣйшимъ князьямъ, и то при описаніи ихъ кончины, гдѣ лѣтописецъ обыкновенно въ украшенной рѣчи говоритъ имъ похвалы. Ярославъ первый называеття великимъ княземъ Русскимъ; здѣсь слово *Русскій* однозначительно съ *Всероссійскій, князь всея Руси*... Но если въ южной лѣтописи мы такъ рѣдко встрѣчаемъ названіе „Великій князь“, то въ сѣверной Руси оно начинаетъ прилагаться *къ имени Всеволода III* и сыновей его, державшихъ старшинство; здѣсь даже это названіе начинаетъ употребляться одно безъ собственнаго имени для обозначенія Всеволода III. Великими князьями всея Руси названы Мономахъ при описаніи его кончины, и Юрій Долгорукій при описаніи кончины Всеволода III; первый съ достаточнымъ правомъ, второй, какъ видно, изъ особеннаго усердія сѣвернаго лѣтописца къ князьямъ своимъ. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, въ похвалѣ Мономаху и сыну его Мстиславу, слово „великій“ поставлено позади собственныхъ именъ ихъ; также не разъ поставлено позади имени Всеволода III, не одинъ разъ явно для отличія его отъ другого Всеволода, князя Рязанскаго... Для означенія высшей власти, *также изъ бо́льшей учтивости и усердія,* относительно князей употреблялись слова „царь, царскій“[2]).

Царемъ, напримѣръ, названъ въ лѣтописи Изяславъ II Мстиславичъ. Романъ Галицкій въ лѣтописи называется „самодержцемъ всей русской земли“[3]). Еще Калайдовичъ указалъ въ „Словѣ“ митрополита Никифора, современника Владимира Мономаха, выраженіе что Богъ Мономаха отъ *царское* и *княжеское* крови смѣсило[4]). Изъ словъ Никифора можно заключить, *почему* титулъ царя могъ быть присвоенъ потомкамъ Мономаха. Въ виду приведенныхъ историческихъ указаній, нисколько не

---

[1]) Исторія государства Россійскаго, изд. Эйнерлинга. Спб. 1872, т. III, стлб. 82.
[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. III, гл. 1. (Изд. „Тов. Общ. П.“) стр. 671—672.
[3]) Лѣтопись по Ипатскому списку. Спб. 1871 г. стр. 479.
[4]) Памятники Россійской словесности XII в. М. 1821, стр. 227.

Digitized by Google

странно то обстоятельство, что Даніилъ въ своемъ посланіи къ Ярославу Всеволодовичу называетъ его отца великимъ царемъ[1]).

На вопросъ, что естественнѣе: замѣна ли переписчиками отчества князя Ярослава Всеволодовича — Владимировичемъ или наоборотъ „мы безъ колебанія отвѣчаемъ, что естественнѣе первое, т.-е. мы убѣждены, что отчество „Владимировичъ" есть позднѣйшее искаженіе. Въ самомъ дѣлѣ, для Даніила и Всеволодъ, и его сынъ были людьми очень близкими и хорошо извѣстными; но такъ ли это было для позднѣйшаго переписчика? Съ развитіемъ Московскаго княжества и объединенія земель около Москвы особенную популярность стало пріобрѣтать имя Владимира Мономаха, родоначальника Владимиро-Суздальскаго дома; въ московское именно время создавалась легенда о Мономаховыхъ регаліяхъ. Естественно, что для позднѣйшихъ переписчиковъ, особенно XVI—XVII в., имя Всеволдда было настолько же чуждымъ, насколько имя Владимира близкимъ. Замѣтка перваго имени послѣднимъ могла явиться или по невѣжеству, или даже по неудачному домыслу[2]). Притомъ, мы должны принять въ разсчетъ и то, что отчество „Всеволодовичъ" сохранилъ нашъ древнѣйшій списокъ, XV в.

Мы имѣемъ полное основаніе назвать замѣну Всеволодовича Володимировичемъ неудачной, потому что Ярослава Владимировича, „сына великаго царя (князя) Владимира", *никогда не было*. Изъ восьми сыновей Владимира Мономаха, котораго только и можно разумѣть подъ именемъ великаго царя (князя) Владимира, не было ни одного съ именемъ Ярослава. Изслѣдователямъ поэтому приходилось подыскивать или такого Ярослава, который не былъ сыномъ Мономаха, или такого Мономаховича, который не носилъ имени Ярослава. Необходимость же того или другого выбора основывалась на *неправильномъ* и недоказанномъ предположеніи, что „Слово" написано въ XII в.: требовался такимъ образомъ и князь XII вѣка. Ярославъ Владимировичъ отыскался среди многочисленнаго рода Мономаховичей; это былъ сынъ Владимира Мстиславича, слѣдовательно правнукъ Владимира Мономаха (на этомъ имени особенно настаивали Срезневскій, Миллеръ и Порфирьевъ). Уже одно то, что, принявъ это имя за первоначальное въ „Словѣ", мы отступаемъ отъ прямого текста памятника, *во всѣхъ спискахъ* котораго Ярославъ названъ *сыномъ* великаго Всеволода (Владимира), не говоритъ въ пользу этого мнѣнія. Но противъ него говорятъ и историческія основанія. Отецъ Ярослава Владимировича, Владимиръ Мстиславичъ, былъ едва ли ни ничтожнѣйшимъ изъ всѣхъ Мономаховичей, не отличался никакими личными доблестями, игралъ самую постыдную роль въ княжескихъ междоусобіяхъ; только четыре мѣсяца занималъ онъ старшій еще тогда столъ въ Кіевѣ, и то занималъ обманомъ. Андрей Боголюбскій

---

[1]) Самъ Ярославъ Всеволодовичъ называется „честнымъ и *великимъ*" въ житіи Александра Невскаго написанномъ современникомъ. См. „Сказаніе о жизни Александра Невскаго", сообщилъ архим. Леонидъ. Спб. 1882 („Памятники древней письменности" XXXVI) стр. 6.

[2]) Ѳ. А. Безсоновъ предполагаетъ рядъ изводовъ XII в. и позднѣйшихъ. „Списокъ, служившій Карамзину для разнорѣчій", говоритъ онъ, „князя назвалъ Ярославомъ, и потому исторіографъ сдѣлалъ догадку, что Георгій Долгорукій могъ имѣть славянское имя Ярослава. Но онъ не сказалъ намъ, какое въ спискѣ прибавлено отчество, если Владимировичъ — то опять это далеко и странно, если Всеволодовичъ,— то это былъ бы своеобразный изводъ, близкій къ нашему въ спискѣ XV в." (т.-е. Ундольскаго).— Меня появленіе отчества „Всеволодовича" въ 1-й редакціи нисколько бы не удивило; оно было бы однимъ изъ лучшихъ доказательствъ въ пользу моего мнѣнія.

Digitized by Google

не признавалъ его, и только смерть Владимира (1171) спасла его еще отъ одного постыднаго пораженія. Вотъ отзывъ о немъ лѣтописца: „Много перенесъ онъ бѣдъ, бѣгая отъ Мстислава то въ Галичъ, то Венгрію, то въ Рязань, то къ половцамъ, но все по своей винѣ, потому что неустойчивъ былъ въ крестномъ цѣлованіи“[1]). Является совершенно невѣроятнымъ, чтобы гдѣ-либо Владиміръ Мстиславичъ былъ названъ великимъ царемъ (княземъ) въ то время, когда въ XII в. такой титулъ прилагался только къ Владиміру Мономаху. Всѣ списки „Слова“ еденогласно удерживаютъ титулъ великаго за отцомъ князя Ярослава, такъ что это мѣсто не можетъ считаться позднѣйшею вставкою; это титулованіе — очень существенная для насъ черта древнѣйшей основы „Слова“ и сильное доказательство противъ признанія дровнѣйшимъ именемъ въ „Словѣ“ имени Ярослава Владиміровича. За признаніе этого имени говоритъ только одно то, что Ярославъ Владиміровичъ былъ Новгородскимъ княземъ съ 1181 по 1199 г., доказательство очевидно очень слабое и нисколько не подрывающее нашего предположенія о Ярославѣ Всеволодовичѣ.

Г. Безсоновъ[2]), а вслѣдъ за нимъ другіе, предполагаютъ, что „Слово Даніила Заточника“ первоначально было адресовано Андрею Владиміровичу, князю Переяславскому. Мы не будемъ разбирать этого мнѣнія; скажемъ только, что подставленіе на мѣсто ясно читаемаго въ четырехъ спискахъ имени Ярослава какого-либо другого имени не можетъ быть признано пріемомъ сколько нибудь научнымъ. Но для такого подставленія были конечно свои причины; причины эти заключались — во-первыхъ, въ неправильномъ предположеніи, что „Слово Даніила Заточника“ написано было въ XII в., во вторыхъ, въ игнорированіи того, что не одинъ Владиміръ Мономахъ могъ называться великимъ княземъ или великимъ царемъ, что титулъ „великаго“ послѣ Мономаха былъ присвоенъ Всеволоду III. Какъ же создалось предположеніе о написаніи „Слова“ въ XII в.?

Первый опубликованный сперва Карамзинымъ[3]) потомъ Калайдовичемъ[4]) (Толстовскій), какъ мы уже упоминали, не давалъ имени князя, называя его только сыномъ великаго царя Владиміра. Вполнѣ естественно было *первоначальное* предположеніе, что въ „Словѣ“ разумѣлся Юрій Долгорукій. Далѣе, въ „Словѣ“ приводятся слѣдующія слова, приписываемыя Ростиславу: „не лгалъ бо *ми* — говоритъ Заточникъ — Ростиславъ князь: лѣпше ми смерть, а не курское княженіе“. Ростиславъ былъ княземъ Южнаго Переяславля въ концѣ XII в. Еще Калайдовичъ отмѣтилъ, что эти слова въ лѣтописи приписаны Андрею Владиміровичу, отжившему въ Переяславлѣ въ 1135—1141 гг. Это мнѣніе о принадлежности „Слова“ къ XII в. настолько стало безспорнымъ, что когда появились новые списки памятника, съ полнымъ именемъ князя, ни разу не былъ поднятъ вопросъ, правильно ли первоначальное пріуроченіе „Слова“ къ XII в. О первомъ основаніи такого пріуроченія (т.-е. о догадкѣ,

---

[1]) Прекрасный разборъ мнѣнія Срезневскаго и Миллера о Ярославѣ Владиміровичѣ представилъ г. Модестовъ въ своей статьѣ „О посланіи Даніила Заточника“ („Журналъ Мин. Просв.“ 1880, X 11, стр. 189—191).

[2]) Статья Безсонова въ „Москвитянинѣ“ 1856, № 7 и 8.

[3]) Ист. Госуд. Рос.

[4]) Памятники рос. слов. XII в.

Digitized by Google

что „Слово“ было адресовано къ Юрію Долгорукому) намъ говорить нечего, такъ какъ оно безусловно было устранено вновь найденными списками „Слова“. Повидимому за современность „Слова“ Юрію или вообще XII в. говоритъ выраженіе Даніила: „не лгалъ бо *ми* Ростиславъ князь“. Вопросъ сводится, слѣдовательно, къ тому, какъ понимать здѣсь слово „ми“: означаетъ ли эта фраза, что Даніилъ передаетъ лично имъ слышанныя отъ князя Ростислава слова, или слово „ми“ имѣетъ здѣсь какое-либо другое значеніе? Безъ всякаго сомнѣнія, „ми“ имѣетъ здѣсь значеніе dativus ethicus или такъ называемаго А. А. Потебней дательнаго поэтическаго. Употребленіе въ этомъ значеніи „ти“ придаетъ, по словамъ Буслаева, особенную искренность и наивность разговорнаго начала“. Этотъ дательный, по мнѣнію Потебни[1]), „выражаетъ сознаніе живости, съ какою пѣвецъ или расскащикъ представляетъ себѣ то, о чемъ говоритъ; интересъ, какой принимаетъ въ этомъ онъ самъ („ми“), или вмѣстѣ съ слушателями (намъ), или какой онъ предполагаетъ во второмъ лицѣ (ти, малорусское тобі, вамъ), какъ отраженіе интереса перваго лица“. Какъ примѣры такого дательнаго Потебня приводитъ: „Что ми шумитъ, что ми звенитъ рано предъ зорями“ (изъ „Слова о полку Игоревѣ“); „Не лгалъ бо ми (т.-е. не „*мнѣ*“, а „*вѣдь*“ v. „*я знаю*“) Ростиславъ князь“ (изъ нашего „Слова Даніила Заточника“). Такой дательный поэтическій въ „Словѣ Даніила Заточника“ встрѣчается не разъ; напримѣръ: 1) „Княже мой господине! аще *ти* есмь на рати ни хоробръ, но на словесехъ *ти* есмь крѣпокъ“. 2) „Кому *ти* есть Переславль, а мнѣ Гореславль“[2]). Наконецъ, мы можемъ привести наиболѣе разительный примѣръ изъ „Слова Даніила Заточника“ (второй редакціи): „Святополкъ и виноватъ будя, избивъ братию, но тако *ти* есть крѣпокъ, едва къ вечеру, рече, силою одолѣ Ярославъ“. Если „ти“ въ этой фразѣ понимать не какъ дательный поэтическій, то Святополкъ окажется современникомъ князя Ярослава Всеволодовича.

Итакъ, мы видимъ, что текстъ самого „Слова“ не даетъ никакихъ основаній признавать его памятникомъ XII вѣка.

Мы выше привели нѣсколько указаній о походахъ князя Ярослава Всеволодовича въ Новгородской землѣ. Въ походахъ этихъ часто участвовали пришедшія съ Ярославомъ переяславскія войска; рядъ походовъ былъ предпринятъ княземъ на Емь, жившую тогда въ южной части нынѣшней Олонецкой губ., и на сосѣдей Еми — Кореловъ, большую часть которой князь даже крестилъ. Этими походами можетъ быть легко объяснимо странное на первый разъ появленіе одного изъ дружинниковъ Ярослава Всеволодовича на озерѣ Лачѣ. Но какая же причина ссылки нашего Даніила? На этотъ счетъ существуютъ разныя предположенія. Но самый текстъ „Слова“, на который изслѣдователи обратили мало вниманія, даетъ наиболѣе правдоподобный изъ возможныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Вслѣдъ за указаніемъ своего горестнаго положенія въ ссылкѣ, идетъ какъ бы оправданіе автора. Притомъ, я нахожу необходимымъ обратить вниманіе на то, что тонъ этого оправданія самый *положитель-*

---

[1]) „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.“ въ „Филологическихъ Запискахъ“ 1877, в. II, стр. 6 и сл. (есть и отд. оттиски этой статьи). Воронежъ, 1877.

[2]) Потебня, ор. с., 10.

Digitized by Google

ный, вовсе не похожій на условные отвѣты по поводу совѣтовъ князя: „или ми речеши“.

Вотъ это мѣсто: „Княже, мой господине! аще есми на рати *не велми хоробръ*, но въ словесѣхъ крѣпокъ. Тѣмъ сбирай храбрыя и совокупляй смысленія. Луче единъ смысленъ паче десяти безъ ума“... Далѣе идутъ историческіе примѣры: указывается, яко бы Святославъ (язычникъ) въ войнѣ съ греками ободрялъ малочисленную дружину свою словами изъ Второзаконія: „поженетъ единъ сто, а сто подвигнетъ тьму“. Повторяя затѣмъ снова, что „уменъ мужъ не велми бываетъ на рати храбръ, но крѣпокъ въ замыслѣхъ, *да тѣмъ собирати мудрыя*“, Даніилъ настаиваетъ на томъ, что побѣда не всегда бываетъ на сторонѣ силы, что гораздо выше силы стоитъ разумъ: „многажды безнарядіемъ полцы погибаютъ“. Авторъ приводитъ въ примѣръ Святополка (оговариваясь, что Святополкъ безусловно виноватъ въ убійствѣ братьевъ), оказавшагося очень сильнымъ непріятелемъ для Ярослава, который одолѣлъ его только къ вечеру.

Изъ этого двукратнаго упоминанія Даніиломъ о собственной трусости мы выводимъ, что именно за трусость и постигла его немилость князя. Весьма вѣроятно, что Даніилу запрещено было оставаться при князѣ, и приказано остаться на Лачѣ, подъ началомъ княжескихъ тіуновъ. Послѣднее для него было, повидимому, горше перваго, и Даніилъ молитъ князя явить ему „зракъ лица своего и избавить отъ власти тіуновъ. Преданіе, занесенное въ позднѣйшіе списки „Слова“, говоритъ, что Даніилъ получилъ прощеніе.

Что Заточникъ сосланъ былъ на оз. Лаче „едва ли не за трусость на войнѣ“, предполагалъ еще проф. Голубинскій.

Цѣль нашего реферата, пересмотрѣть снова вопросъ о времени написанія „Слова Даніила Заточника“ и дать на него посильный отвѣтъ, закончена. Наше рѣшеніе этого вопроса устраняетъ всѣ несообразности; при немъ оказываются ненужными произвольныя, ни на чемъ не основанныя предположенія о написаніи „Слова“ къ Андрею Владимировичу, потомъ Ростиславу Юрьевичу, какъ думалъ г. Безсоновъ и другіе.

Мы не будемъ однако вступать въ полемику ни съ представителями этого взгляда, ни съ г. Модестовымъ, мнѣніе котораго объ отсутствіи исторической основы „Моленія“ стоитъ одиноко. Его аргументація слишкомъ слаба, въ родѣ положеній, что еслибы Даніилъ былъ лицомъ историческимъ, то его „Слово“ не передѣлывалось бы. Но мы имѣемъ передѣлки словъ даже такого уважаемаго автора и несомнѣнно существовавшаго лица, какъ Кириллъ Туровскій. Притомъ при памяти предположенія г. Модестова о чисто-литературной формѣ „Моленія Д. З.“, послѣднее является памятникомъ исключительнымъ въ древней Руси. Приписать свое или передѣланное слово Іоанну Златоустому или какому-либо другому авторитетному писателю, было на Руси явленіемъ обычнымъ; равно какъ возможно было созданіе тенденціознаго произведенія и приписаніе его перу почитаемыхъ святителей (напр. „Бесѣда Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ“). Но воспользоваться литературною формою для вымышленнаго происшествія и приписать собственное сочиненіе *неизвѣстному* и *неавторитетному лицу*,— такое явленіе было исключительнымъ и едва ли возможнымъ.

Digitized by Google

Наконецъ, я упомяну о попыткѣ новаго выясненія вопроса о Даніилѣ Заточникѣ, сдѣланной г. Щуратомъ въ IX т. „Записокъ наукового товариства імени Шевченко“ (1896 г.). Признавая слабой аргументацію г. Модестова, г. Щуратъ однако согласенъ съ его отрицаніемъ историческаго существованія Даніила. Центръ статьи — сравненіе „Слова Д. З.“ съ просительными поэмами Михаила Глики, хрониста XII в., и его современника Ѳедора Птохопродрома. Разборъ этихъ сравненій завелъ бы насъ очень далеко. Мы отмѣтимъ здѣсь только то, что Ѳедоръ Птохопродромъ привлеченъ для сравненія совсѣмъ напрасно: сходства у него съ „Моленіемъ“ нѣтъ никакого. Что касается сравненій нашего памятника съ Михаиломъ Гликой, то нѣкоторое сходство между ними есть. Однако, при констатированіи его необходимо быть осторожнымъ. Приведу два-три примѣра: начало „Слова“ („вострубимъ, братіе“ и т. д.) напоминаетъ одно мѣсто у М. Глики; но мы должны помнить, что оно навѣяно псалмами. Таково же мѣсто, гдѣ Даніилъ жалуется на свое одиночество, оставленіе друзьями: и у Заточника, и подобное мѣсто у Глики явилось опять-таки подъ вліяніемъ Псалтири. Совпадаютъ, наконецъ, 2—3 пословицы; но и тутъ вѣроятнѣе всего, что у обоихъ произведеній былъ одинъ источникъ: пословицы сочинять очень трудно, и М. Глика взялъ ихъ или изъ устъ народа или изъ гномическихъ сборниковъ.

Наиболѣе невѣроятнымъ кажется намъ допустись вліяніе М. Глики на Даніила, потому что поэмы перваго, появившись во *второй половинѣ XII в.*, едва ли могли пріобрѣсти такую популярность, чтобы сдѣлаться извѣстными на Руси къ началу XIII в., къ которому мы относимъ написаніе „Сл. Д. З.“ Г. Щуратъ, требовавшій у Миллера и Шляпкина не одного только голаго указанія на сходные съ „Моленіемъ“ памятники западно-европейскіе, но и доказательствъ, *„былъ ли какой-либо изъ этихъ памятниковъ извѣстенъ на Руси“*, не пытался, да и не могъ дать доказательствъ извѣстности у насъ поэмъ М. Глики не только въ XIII в., но и вообще, даже въ позднѣйшее время.

Итакъ, нашъ выводъ тотъ, что „Слово Д. З.“ написано, по всей вѣроятности, въ двадцатыхъ годахъ XIII в. дружинникомъ князя Ярослава Всеволодовича Даніиломъ, сосланнымъ на озеро Лаче за трусость на войнѣ.

Digitized by Google

Апокрифическое житіе Ап. Петра.

В. Н. Мочульскій.

Въ библіотекѣ Загребской академіи, въ рукописномъ сборникѣ сербскаго письма встрѣтилась мнѣ статья, которая по своему содержанію представляетъ родъ краткаго апокрифическаго житія Ап. Петра. Статья эта находится въ сборникѣ XVI в. подъ № III. а. 10 на лл. 45—49 и носитъ слѣдующее заглавіе: „Слово ста^го^ апл҃а петра какѡ жи҃ть по вьзнесению г҃дим҃ь". Это краткое апокрифическое житіе весьма интересно, какъ по своему отношенію къ существующимъ апокрифическимъ житіямъ Ап. Петра, такъ и само по себѣ — по своимъ оригинальнымъ вставкамъ и прибавкамъ. Въ виду того, что этотъ интересный памятникъ нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не изданъ, я и счелъ полезнымъ опубликовать самый текстъ, представивъ при этомъ посильныя объясненія.

Содержаніе этого житія слѣдующее:

По Вознесеніи Господнемъ Ап. Петръ пошелъ въ пустыню и сказалъ: я согрѣшилъ предъ Господомъ и не долженъ быть въ мірѣ и, отправившись, нашелъ пещеру (вертепъ), гдѣ росъ семилѣтній финикъ. И удивился Апостолъ и сказалъ: великое чудо я вижу: всякій финикъ послѣ 40 лѣтъ рождаетъ плодъ, здѣсь же нахожу семилѣтній финикъ, дающій плодъ. И поселился здѣсь Ап. Петръ и прожилъ шесть мѣсяцевъ. И сошелъ Господь (съ неба) и, принявъ образъ ловца, явился къ Ап. Петру и сказалъ ему: миръ тебѣ, отче, на что Апостолъ отвѣтилъ тѣмъ же привѣтствіемъ. Послѣ этого ловецъ спросилъ его, нѣтъ ли у него чего-либо съѣдобнаго? Ап. Петръ отвѣтилъ: Господь мой приказалъ — ничего съ собой не носить, вотъ почему онъ ничего и не имѣетъ. На вопросъ ловца, кто такой учитель, который такъ его училъ, Ап. Петръ съ плачемъ отвѣтилъ, что его зовутъ Іисусъ Христосъ Назарянинъ, и что онъ мертвыхъ воскресилъ, прокаженныхъ очистилъ и многихъ бѣсноватыхъ исцѣлилъ, и что его продали фарисеи и распяли и погребли, а онъ на третій день воскресъ, а потомъ взошелъ на небеса. Я же согрѣшилъ предъ нимъ, вотъ почему и нахожусь нынѣ въ пустынѣ. Тогда ловецъ сказалъ: если ты былъ ученикомъ такого учителя, то иди въ Римъ и проповѣдуй о немъ міру: я только что услышалъ о немъ, и мое сердце привязалось къ нему. На вопросъ Петра, гдѣ найти корабль, который могъ бы перевезть его въ Римъ, ловецъ сказалъ: иди утромъ къ морю и тамъ всегда стоятъ

Digitized by Google

корабли. И сошелъ Петръ къ морю и увидѣлъ плавающій корабль, и, подозвавъ къ себѣ, увидалъ въ немъ двухъ мужей и молодого отрока. Правителемъ корабля былъ архангелъ Михаилъ, кормчимъ — архангелъ Гавріилъ, а отрокъ — былъ самъ Іисусъ Христосъ. Петръ обратился къ нимъ съ просьбой — перевезть его въ Римъ. На это правитель корабля спросилъ его, что онъ дастъ имъ въ уплату за провозъ. Ап. Петръ отвѣтилъ: учитель мой приказалъ — не носить съ собою ни куска хлѣба. Правитель корабля сказалъ: будь намъ другомъ; когда же будешь въ Римѣ и что-либо добудешь, дашь и намъ. Ап. Петръ согласился и взошелъ на корабль. Здѣсь на кораблѣ начали его разспрашивать объ учителѣ, о которомъ онъ только что упомянулъ. Ап. Петръ разсказалъ имъ, что этотъ учитель — есть Іисусъ Христосъ, родившійся отъ Дѣвы Маріи въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ; онъ воскрешалъ мертвыхъ и многія чудеса совершилъ на земли; что его предалъ невѣрный ученикъ, а затѣмъ его распяли и погребли, а онъ въ 3-й день воскресъ изъ мертвыхъ. Послѣ этого кормчій сказалъ: если ты ученикъ такого учителя, почему ты пошелъ въ пустыню. Петръ съ плачемъ отвѣтилъ: согрѣшилъ Господу моему, ибо онъ меня училъ, а я отрекся отъ него. Кормчій сказалъ: великія чудеса разсказываешь ты о своемъ учителѣ, а именно: что ученикъ предалъ его, а ты отвергся отъ него. На это Петръ не отвѣтилъ ничего. Тогда возмутилось море, и поднялись великія волны, такъ что угрожали потопленіемъ кораблю. Петръ, видя это, сказалъ: ради меня вы погибаете, а потому вверзите меня въ море, да не погибнете изъ-за меня. Старѣйшина корабля сказалъ: отче, стань на молитву къ Богу твоему и, если услышитъ тебя Богъ твой и мы увѣруемъ въ него. Петръ сталъ на молитву и море успокоилось. Старѣйшина сказалъ: воистину великъ Богъ твой, отче, и я увѣровалъ въ него. Петръ крестилъ архангела и далъ ему имя Содержитель. И затѣмъ сказалъ Петръ Содержителю: крести меня, такъ какъ я не крещенъ, и назови меня Петръ, ибо мое другое имя Симонъ. Архангелъ крестилъ Петра и, нарекъ ему имя, сказалъ: отче, проповѣдуй о немъ (о Христѣ), да увѣришь міръ и благодать отъ него (отъ Господа) пріимешь. Петръ же не зналъ, кто такіе были въ кораблѣ. Архангелъ сказалъ: отче, если ты такъ увѣрилъ меня, купи у меня этого отрока, который, при старости твоей, послужитъ тебѣ. Отрокъ сказалъ: отче, купи меня, ибо ты дорогъ мнѣ, и я хотѣлъ бы быть съ тобою. Петръ сказалъ: я радъ былъ бы имѣть отрока, но не имѣю чего дать (чѣмъ заплатить). Кормчій отвѣтилъ: мы подождемъ до тѣхъ поръ, пока не соберешь. И продалъ Христа Петру за 12 златицъ. Выйдя изъ корабля, Петръ съ отрокомъ сѣлъ предъ Римомъ. И сказалъ отрокъ: отче, уловлю тебѣ рыбы. Петръ согласился. Отрокъ забросилъ удицу въ море и, когда извлекъ одну рыбу изъ воды, другія рыбы сами начали выпрыгивать на сухую землю. Отрокъ сказалъ: видишь, отче, какъ рыбы прыгаютъ тебя ради. Петръ не зналъ, кто былъ ловецъ рыбъ. Одинъ изъ знатныхъ мужей, по имени Каравистъ, проходя мимо и видя отрока, ловящаго рыбу, сказалъ Петру: продай мнѣ отрока и я дамъ тебѣ 24 таланта. Отрокъ также началъ просить: продай, отче, меня и возьми таланты и отдай 12 златицъ тому, кому долженъ, а 12 златицъ останется тебѣ. Петръ продалъ Христа Карависту. Каравистъ же взялъ отрока въ домъ свой. Въ ту же ночь Каравистъ съ же-

Digitized by Google

ною видѣли одинъ и тотъ же сонъ и, воспрянувъ ото сна со страхомъ, стали разсказывать другъ другу одинъ и тотъ же сонъ: будто отрокъ лежитъ въ огненномъ пламени и огненная лѣствица стояла отъ земли до небесъ и ангелы служили отроку тому. И возсталъ Каравистъ съ женою своею и поклонился отроку и сказалъ: Господи, ты дай намъ законъ, другого учителя кромѣ тебя мы не имѣемъ, и желаемъ держаться твоего закона. И собралъ Каравистъ весь городъ свой и крестилъ Христосъ 12 тысячъ. Въ это время передали отроку, что Петра распинаютъ стремглавъ, и отверзъ ему Христосъ сердечныя очи, и узналъ Петръ Христа и воскликнулъ Петръ гласомъ веліимъ: о Господи, не достаточно ли, что я отвергся отъ тебя, но и кромѣ того — продалъ тебя Карависту. Христосъ принялъ душу Петрову. Этимъ и заканчивается нашъ памятникъ.

Апостольскія дѣянія разсказываютъ о Петрѣ (12, 17), что онъ, послѣ чудеснаго освобожденія изъ оковъ темницы въ Іерусалимѣ, куда заключилъ его царь Иродъ, вышелъ и отправился въ другое мѣсто (*ἐξελθὼν ἐπορεύθη εἰς ἕτερον τόπον*). Однако жъ изъ дальнѣйшаго нисколько не явствуетъ, чтобы это другое мѣсто былъ Римъ. Далѣе церковная традиція объ Апостолѣ Петрѣ разбивается на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна, согласно съ показаніями 1-го посланія (1 Петр. 1, 1), говоритъ о его путешествіи въ понтійскія страны, находящіяся при Черномъ морѣ, и въ Вавилонъ; а другая вѣтвь (согласно съ символическимъ значеніемъ) говоритъ о его путешествіи на Западъ въ Римъ (1 Петр. 5, 13)[1]). Итакъ существуетъ двоякая легенда объ Апостолѣ Петрѣ. Первая указываетъ на страны при Черномъ морѣ, другая — на Римъ, какъ главные пункты миссіонерской дѣятельности Ап. Петра.

Понтійская легенда объ Ап. Петрѣ, по словамъ Липсіуса, очень древняя (R. Lipsius. Die Apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden B. 1, s. 27).

По апокрифическимъ *„дѣяніямъ Петра и Андрея“* онъ пошелъ съ своимъ братомъ въ страну варваровъ; но мы первоначально должны были бы указать на *„περίοδοι Ἀνδρέου“*, гдѣ гораздо раньше говорится о его путешествіи и дѣяніяхъ на Понтѣ и Босфорскомъ царствѣ. Напротивъ того извѣстіе о его дѣятельности въ Вавилонѣ рано было перенесено на его тезку Симона Кананита, который вмѣстѣ съ Симономъ Петромъ также подвизался въ Босфорійскомъ царствѣ и даже въ Британіи.

Въ апокрифическихъ „дѣяніяхъ Ап. Андрея и Матѳея“ говорится, что Матѳей пошелъ въ городъ людоѣдовъ, которые всѣхъ, попавшихся въ ихъ руки, ослѣпляли и посредствомъ чародѣйнаго напитка отнимали разумъ съ тѣмъ, чтобы черезъ 30 дней пожрать. Ап. Матѳей былъ схваченъ, ослѣпленъ и вверженъ въ темницу. Здѣсь онъ обратился съ молитвой ко Христу. Христосъ явился ему и обѣщалъ послать Ап. Андрея для его спасенія. Тогда является Христосъ Андрею и убѣждаетъ его идти въ землю людоѣдовъ. Андрей сначала колеблется, но потомъ, вслѣдствіе настаиваній Христа, соглашается, и отправляется съ своими учениками къ морскому берегу. Здѣсь онъ нашелъ малый корабль, въ которомъ кормчимъ былъ самъ Христосъ, а помощниками — два ангела въ человѣческомъ образѣ. Андрей ихъ не узналъ. Спра-

---

[1]) См. въ концѣ — стр. 29 (25).

Digitized by Google

вившись о томъ, что корабль идетъ въ страну людоѣдовъ, онъ проситъ ихъ принять на корабль, хотя при этомъ признается, что они не имѣютъ ни денегъ на проѣздъ, ни провіанта. Когда же Апостолъ объявилъ, что они прибыли къ кораблю по приказанію Христа, они тотчасъ были приняты на корабль и накормлены. Здѣсь же въ *„дѣяніяхъ Андрея и Матѳея“* упоминается случайно также Ап. Петръ. По приказанію Андрея Матѳей съ учениками Андрея похищается облакомъ и переносится на гору, гдѣ находится Ап. Петръ (Ibid, B. I. Ss. 550—553).

Продолженіемъ *„дѣяній Андрея и Матѳея“* служатъ *„дѣянія Петра и Андрея“*, которыя существуютъ на греческомъ языкѣ лишь въ отрывкахъ. Кромѣ того эти послѣднія дѣянія существуютъ въ обработкѣ также на еѳіопскомъ языкѣ. Въ этихъ „дѣяніяхъ Петра и Андрея“ говорится, что Ап. Андрей — послѣ того, какъ оставилъ городъ людоѣдовъ — былъ восхищенъ свѣтлымъ облакомъ и перенесенъ на гору, гдѣ находились Петръ, Матѳей и Александръ. Послѣ привѣтствія Ап. Андрей началъ разсказывать о страданіяхъ, вынесенныхъ имъ въ городѣ людоѣдовъ. Но вотъ является Христосъ въ образѣ отрока, привѣтствуетъ Петра, какъ главнаго епископа своей церкви, потомъ Андрея и приказываетъ имъ идти въ городъ варваровъ (Ibid. s. 554).

Легенда о дѣятельности Петра и его брата Андрея въ странахъ при Черномъ морѣ, на Понтѣ, въ Каппадокіи и Виѳиніи, очень древнія. Что эта дѣятельность на Понтѣ касается главнымъ образомъ Петра, видно изъ 1-го посланія Ап. Петра, гдѣ указывается на христіанскіе округа (общины) на Понтѣ, въ Галатіи, Каппадокіи, Азіи и Виѳиніи. На древность этой легенды указываютъ слова Оригена въ III т. его комментаріевъ на кн. Бытія, гдѣ онъ говоритъ: „Петръ, кажется, проповѣдывалъ въ Понтѣ, Галатіи, Виѳиніи, Каппадокіи и Азіи Іудеямъ“ (Ibid., 2 B. 1, s. 5).

Католическія *„πράξεις Ἀνδρέου“*, которыя упоминаются у Епифанія Монаха, а также у неизвѣстнаго — Енкоміаста и въ *ὑπόμνημα* Греческихъ Миней, говорятъ, что оба брата по вознесеніи Христа на небо отправились изъ Іерусалима въ Антіохію въ Сиріи, откуда въ Тіану въ Каппадокіи, потомъ въ Анкиру въ Галатіи, гдѣ они обратили въ христіанство Онисима, наконецъ въ Синопъ на Понтѣ. Мѣстная традиція Синопская на Понтѣ говоритъ о продолжительной дѣятельности братьевъ здѣсь и указываетъ гору на пустынномъ островѣ въ шести миляхъ отъ города, гдѣ они имѣли пребываніе, а также указываетъ здѣсь на сидѣніе обоихъ Апостоловъ, сдѣланное изъ бѣлаго камня (Ibid., 2 B. s. 5).

Сказанія, перешедшія въ католическія *„πράξεις Ἀνδρέου“* говорятъ о сильной борьбѣ Апостоловъ съ малоазіатскими Іудеями, которые отождествляются здѣсь съ людоѣдами; кромѣ того говорятъ далѣе о пребываніи обоихъ братьевъ въ Синопѣ и, наконецъ, о томъ, что Петръ отсюда пошелъ на Западъ, а Андрей — на Востокъ. Впрочемъ здѣсь понтійская легенда соединяется уже съ римской. Римская легенда о Петрѣ существовала совершенно независимо отъ понтійской и встрѣчается весьма рано у Евіонитовъ, Гностиковъ и Католиковъ въ первоначальномъ видѣ — въ связи съ легендой о Симонѣ Магѣ, какъ продолженіе борьбы Ап. Петра съ своимъ двойникомъ, начавшейся въ Кесаріи, Финикіи и Антіохіи. Впрочемъ, по словамъ Лип-

Digitized by Google

сіуса, понтійская сага древнѣе, вѣроятно, гностическихъ *περίοδοι Ἀνδρέου* и католическихъ *πράξεις Πέτρου* (Ibid., B. 1. s. 27). Католическія „*πράξεις Ἀνδρέου*", по словамъ Липсіуса, относятся по своему происхожденію къ концу VIII вѣка. Главнымъ источникомъ для нихъ послужили гностическіе „*περίοδοι Ἀνδρέου*", которые доходятъ до 2-й половины II вѣка. Какъ источникъ послѣднихъ мы имѣемъ древнюю легенду, которая обоихъ братьевъ — Петра и Андрея — помѣщаетъ въ прибрежныхъ городахъ Чернаго моря для обращенія широко распространившагося здѣсь Іудейства (Ibid. 2 B. 1. s. 7). Столѣтіемъ раньше, чѣмъ возникли католическія „*πράξεις Ἀνδρέου*", появляется: „*ὁμιξία εἰς τοὺς ἁγίους Πέτρον καὶ Παῦλον*" — Патріарха Софронія Іерусалимскаго († 638). Греческій текстъ не изданъ. Но за то мы имѣемъ фрагментъ подъ заглавіемъ: „Sophronii Patriarchae Hierosolymitani de laboribus certaminibus et peregrinationibus Ss. Petri et Pauli — въ латинскомъ переводѣ (Bibliotheca Patrum ed. de la Bigne. Paris 1589. T. VII, col. 153 sq.). Этотъ фрагментъ находится въ связи, по всей вѣроятности, съ какой-либо гомиліей. Онъ даетъ полную біографію Петра до его мученической смерти въ Римѣ. Вначалѣ сообщаются свѣдѣнія о родителяхъ, а затѣмъ исторія дѣтства братьевъ-Апостоловъ, что также воспроизводится въ вышеупомянутыхъ „*πράξεις Ἀνδρέου*", а также въ „*ὑπόμνημα*", и въ греческой Минеѣ и Менологіумѣ подъ 29 іюня (Menäen. Venedig. 1683. s. piz!) Менологій Василія Македонянина у Миня: Patr. gr. 117, 513; III. 145 Albani (Ibid. 2 B. 1. s. 7). По этой біографіи Петръ приходитъ въ Римъ и здѣсь вмѣстѣ съ Павломъ терпитъ мученическую смерть въ 13-й годъ царствованія Нерона.

Большая часть Софронія повторяется въ болѣе точномъ видѣ въ *ὑπόμνημα*, которыя ложно приписываются Симеону Метафрасту (Han. въ Acta Ss. Jun. T. V. p. 411—424). Здѣсь, между прочимъ, говорится о путешествіи Ап. Петра въ Антіохію, Таренсъ, Андріану въ Ликіи, Ефесъ, Смирну, потомъ въ Македонію и Грецію, гдѣ главными пунктами миссіи были Филиппи, Ѳессалоники, Коринѳъ и Патра; наконецъ черезъ Сицилію въ Римъ. Въ посѣщеніи Патры видно подражаніе путешествіямъ Павла, что впослѣдствіи въ позднѣйшихъ преданіяхъ образовало мостъ между понтійской и римской легендой о Петрѣ. Ближайшее соединеніе понтійской легенды съ римской замѣчается, какъ мы упомянули выше, въ сказаніяхъ, вошедшихъ въ католическія „*πράξεις Ἀνδρέου*", гдѣ, между прочимъ, говорится уже, что изъ Синопа Ап. Петръ пошелъ на Западъ, а Андрей — на Востокъ.

Здѣсь также разсказывается о томъ, что каждый праздникъ Троицы Апостолы сходились въ Іерусалимъ. Въ одинъ изъ такихъ праздниковъ Ап. Петръ и Андрей встрѣтились въ Іерусалимѣ съ другими Апостолами и потомъ путешествовали вмѣстѣ съ Іоанномъ, Варѳоломеемъ и обоими Филиппами — въ Антіохію въ Сиріи, гдѣ Петръ отсталъ и вмѣстѣ съ Ап. Павломъ рукоположилъ Маркіана и Панкратія епископами Сициліи (Ibid. 2 B. 1, s. 5).

Встрѣча Петра съ Павломъ въ Антіохіи, о чемъ говорится въ посланіи къ Галатамъ (2, 11), относится уже къ тому времени, когда Петръ былъ на Западѣ, т.-е. въ Римѣ и Италіи, и заботился объ устроеніи церкви христіанской на Западѣ.

Изъ позднѣйшей контаминаціи Понтійской и Римской легенды о Петрѣ выяс-

Digitized by Google

няется также то странное обстоятельство, что послѣ вторичнаго путешествія Апостоловъ въ Іерусалимъ на праздникъ Троицы вмѣсто отошедшаго на Западъ Симона Петра тотчасъ является Симонъ Кананитъ, который въ сопровожденіи Ап. Андрея подвизается затѣмъ снова въ странахъ на Черномъ морѣ у Алановъ, Абасговъ и въ Севастополѣ (Ibid. 2 B. 1, s. 6).

Что касается спеціально римской легенды о Петрѣ, то Липсіусъ въ своемъ сочиненіи: „Die Quellen der römischen Petrussage", ss. 1—12 (въ Jahrbüchern für protestantische Theologie, 1876, s. 579 ff. 588 ff.) указалъ, что легенда о римскомъ пребываніи Петра и его тамошней мученической кончинѣ уже со II вѣка существуетъ въ двойномъ видѣ: 1) по одной — Петръ и Павелъ соединяются мирно въ общей дѣятельности и общей смерти въ Римѣ; они вмѣстѣ прибыли въ Римъ, вмѣстѣ основали римскую церковь и вмѣстѣ потерпѣли здѣсь мученіе; по другому сказанію — Ап. Петръ отправляется въ Римъ для того, чтобы бороться съ своимъ двойникомъ и противникомъ — Симономъ Магомъ, подъ маской котораго скрывается никто иной, какъ Ап. Павелъ, и чтобы въ немъ обличить ложнаго апостола и обманщика. Тотъ-же Липсіусъ старался доказать, что послѣдній видъ легенды есть первоначальный, изъ которой впослѣдствіи уже образовался первый видъ и образовался въ интересахъ католической церкви, дѣйствовавшей въ языческихъ предѣлахъ.

Свидѣтельства объ обоихъ видахъ римской легенды относятся къ срединѣ IV вѣка. Обращаясь послѣ сказаннаго къ нашему житію, мы прежде всего замѣчаемъ въ немъ нѣкотораго рода контаминацію двухъ легендъ — понтійской и римской. Такъ въ началѣ нашего житія говорится о томъ, что Петръ пошелъ въ пустыню и поселился въ пещерѣ (вертепѣ). Это нѣсколько напоминаетъ мѣстную Синопскую легенду, въ которой говорится, что Петръ поселился на горѣ, на пустынномъ островѣ. Затѣмъ въ житіи идутъ общіе мотивы о томъ, 1) какъ Петру является Христосъ въ видѣ ловца и убѣждаетъ его идти въ Римъ для проповѣди, и 2) какъ Петръ отправляется къ морскому берегу, гдѣ находитъ корабль, а въ немъ Христа и двухъ ангеловъ, которыхъ Петръ не узнаетъ. Эти общіе мотивы встрѣчаются, какъ въ „дѣяніяхъ Ап. Андрея и Матѳея", такъ и въ „дѣяніяхъ Ап. Петра и Андрея", съ тѣмъ однакоже различіемъ, что въ указанныхъ „*дѣяніяхъ*" кормчимъ является самъ Христосъ, тогда какъ въ разсматриваемомъ житіи онъ является въ видѣ отрока, котораго впослѣдствіи архангелъ продаетъ Петру.

Что касается чуда, которое сотворилъ мнимый отрокъ, при чемъ вслѣдъ за пойманной рыбой начали сами выпрыгивать рыбы изъ моря на сухую землю, то оно представляется довольно оригинальнымъ. Въ апокрифическомъ „*Дѣтствѣ Христа*" и въ *de Nativitate Mariae,* среди прочихъ чудесъ Христа мы находимъ чудо оживленія засушенной рыбы (см. Миня, Dictionnairees des Apocryph, t. I, p. 1078 и 1148), но подобнаго нашему мы здѣсь не встрѣчаемъ. Сонъ Карависта есть также общій библейскій мотивъ. Для рѣшенія вопроса, когда возникъ нашъ памятникъ, мы не находимъ въ самомъ памятникѣ никакихъ данныхъ. Косвеннымъ показателемъ, впрочемъ, можетъ служить индексъ отреченныхъ книгъ. Такъ въ древнемъ текстѣ этой статьи, найденномъ А. Н. Пыпинымъ въ Погодинскомъ Номоканонѣ XIV в.

Digitized by Google

подъ № 31, на лл. 186—189, упоминается уже наше: „Житиє апла Петра что рыбы по соухоу ходили. Дѣтьство Хво, что Га отрочатємъ продаваль єретикъ писалъ“ (См. Изслѣдованія для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ. Лѣт. занятій Археографической Коммиссіи 1861, В. 1, стр. 25—26). По словамъ А. Н. Пыпина — эта статья о ложныхъ книгахъ представляетъ самую древнюю редакцію, какая только была до сихъ поръ отыскана. Кромѣ того, по словамъ того же А. Н. Пыпина, въ данномъ спискѣ запрещенныхъ книгъ мы находимъ крайне любопытный текстъ, въ которомъ мы въ первый разъ встрѣчаемъ и самую рамку нашего позднѣйшаго индекса (Ibid. стр. 25). „Когда нашъ грамотникъ, говоритъ далѣе А. Н. Пыпинъ, хотѣлъ ближе обозначить книгу, упомянутую указателемъ и знакомую ему въ славянскомъ переводѣ, онъ приводилъ въ двухъ словахъ что-нибудь изъ ея содержанія, что особенно обращало на себя его вниманіе, напр. *хожeніе Петрово, что Христа отрочатемъ продавалъ и что рыбы по суху ходили*“ (Ibid. стр. 28). Итакъ нашъ памятникъ существовалъ уже въ XIV в., а возникнуть могъ нѣсколько и ранѣе. Что касается языка памятника, то и здѣсь, къ сожалѣнію, мы не находимъ точныхъ данныхъ для вѣрнаго опредѣленія времени и мѣста его происхожденія. Одно лишь можемъ сказать, что памятникъ нашъ, возникши на почвѣ церковно-славянскаго языка, попалъ въ руки сербскаго книжника, который нѣсколько передѣлалъ его, придавъ ему сербскую окраску.

Приложеніе.

Изъ сборника Загребской Академіи, XVI в. подъ № III. а. 10.

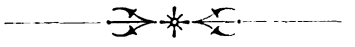
Л. 45. Слово ста апла петра какѡ жить по вьзнесенню гснмь.

По вьзнесенню га нашего іс хс петрь вьніє кь поустиноу и рє азь сьгрѣшн гдємь чесо ран азь вь мирѣ єсамь шє и ѡбрѣтє врьтопь и пронде вьртопь. финикь. з. лєнь гє ражаєть и поуоуисє и рє. велиє чоуо внєхь вьсаки финикь сатворивїє. м. лѣ ражаєть и подь творить. зє книжоу. з. лтамь финикь ражa и рє зє боудоу азь и тоу и живє ѡ финицє мць .г. и саннде гь ꙗко єнинь ловць сьтворисє прнє ка петроу и рє ка емоу (Л. 45 об.) мирь тебѣ ѡує. ѡнь же такоже ѡвща кь немоу. ѡує ловаць рє кь немоу. ѡує єли что снедно. петарь рє. не рє мнѣ гь мои носити сь собо ни что того ран снко ходимь. ловаць рє кто ти бь оучитель иже тако и тебѣ оучаше петрь с плачемь рє іс хь назаранинь иже мрткие вьскрѣси прокажени ѡчисти и многи бесни прогна того праше фарїсєи и распеше и погребоше и вьскрє. г. днь вьзиде на нбса азь сьгрѣшнь ємоу того ран єсамь вь поустиноу. сеи ловаць рє єа ѡує таковꙋ оучителꙋ ꙋченикь биль єн ни вь римь и проповѣдан ѡ немь мироу азь днсь слишахомь ѡ нем и срце (Л. 46) моє ѡ него не ѡлюуисє. петрь рє ѡ брате гє ѡбрещесє корабь да прѣвезємьсє вь римь. ловаць рє ѡує сьнни на уро на мѡре вьсега кораби ѡбретаютсє и сьнне петрь на мори и вне корабь плавающи и призва н. и вне. в. моужа и ѡтроуе мла старешина корабоу бѣше архгль михаиль. крнмнтль корабоу бѣше архгль гарнль. ѡтроуе беше іс хь. петрь рє братие прѣвезєте

Digitized by Google

мене страна вь римь старешина корабоу рѣ что хоцѣши намь дати. петрь рѣ оучитель мои глаше не носити ни комада хлеба. стрешина корабоу рѣ боуи намь дрѫжань ѥа како вь римоу дѫвѫдеши намь дадаси. петрь рѣ боуи по глѫ твоемоу. да ега вьинде петрь вь корабь и ѫпроси и рѣ како ѥ оучитель твои еже тако и глеши ѿ немь. петрь рѣ іс҃у х҃ь ронсе ѡ деви марие вь витлеѡме иоуенсцемь тан мртавие вьскри. и многие по ѕемли билеги сьтвори того прѣда неверии оученикь и распеше и погребоше и вьскрѣ трѣхи дань и крьмитель рѣ кь петроуега таковаго оучитела ѫченикь биль еси поуто тако и пошль. петрь сь плачемь рѣ сьгрѣшихь гв҃и моюемоу понеже ѿнь мене оучаше азь же того ѡврьгохсе, (Л. 47.) крьмитель рѣ. велико чѫо слишоу ѿе еже глеши ѿ оучителоу твоюемоу на како оученикь прѣдсть юго а ти ѿврьжесе ѿ него. петрь не ѿвеща мнуто. тога море вьѕмоутисе велики придоше вѫни ꙗко да потонеть корабь же петрь ру мене ра сико погибнете на вриѕите мене вь море. да ви мене ради не потонете. старешина кораба рѣ ѿе стани на мл҃тве кь бо҃у твоюемоу. да аще слишаюеть тебѣ бь ними кероуюемь вьнь. петрь ста на мл҃тве. тога оутиша море. старешина рѣ вь истино великь бь твои ѿе да како и оуверишн мене. петрь арх҃гла крти юго и нарѣ ниме юмоу сьдрьжитель (Л. 47 об.) и паки петрь рѣ сьдрьжителоу крьсти мене понеже не крьщень ѥамь азь и нарци ниме мое петрь понеже ниме мое ѥ сумонь такоже арх҃гль крти петра и нарѣ ниме юмоу ѿе проповедан ѿ немь да оуверишь мирь и благодеть ѿ него приميши. не ведеше бо петарь тко соуть вь корабли архангль (рѣ). ѿеега сико оуверилъ ѥси ме коупи ми сие ѡтроуе еже ѥ оу нась. понеже старь ѥси да ти послоужить. ѿроуе рѣ. ѿе коупи мене. понеже драгь ми ѥси да коуоу с тобомь. петрь рѣ велико ра бихь чеденоу но не нимамь чесо дати. крьмитель рѣ ами да те чеканїѡ донеже собереши и продасте х҃а петроу ѕа. в҃і. ѕлатиць изьшадь петрь изь кораба сь ѡтроучетемь и седе прѣ римѡ ѡтроуе рѣ ѿе оулѡвоу ти рибе. петрь рѣ оулѡви ми чѣо ѡтроуе крьже оунцоу вь море и ега рибоу изьврьже тога дроугие рибы саме на сѫхо изьскахоу ѡтроуе глаше ѡче винши ли како рибы скаѫ тебе ра. петрь не ведеше ловии рибы кто ѥ ѥинь ѿ великѫ моужь минноу ниме ѥмѫ карависть и вне ѡтроуе ловеще и рѣ кь петроу. продан ми ѡтроуе сие дамь тебѣ таланать. кд҃. и рѣ ѡтроуе продан мене ѿе и вьѕми таланте и дажь ге еси длоужань. в҃і. ѕлатиць. тебѣ. в҃і. ѡстанеть. петрь проасть х҃а каравистоу. карависть ѡтроуе кее вь домь свои и вь мощи (Л. 48 об.) вне (к)арависть сь женою своею ѥинь сань и вьспрѣноу стасе ѡба сь страхомь дроуть дроугоу поведаше ѥинь сань. ѡтроуе лежаше вь пламенѫ ѡганемоу и ѡгина лествца стояше ѿ ѕемле до нбь и агли слоужеть ѡтроуе тоу и вьста (к)арависть сь женою своею и поклоньистасе ѡтроуетоу рѣста. гн҃ ти дан намь ѕаконь иного ѫчителя не нимамѡ разве тебѣ. твои ѕаконь хоще дрожати и сабра карависть вьсь граь свои и крти х҃ь. в҃і. тисщь. тога поведаше ѡтроуе тоу где распинають петра стрмоглвь и ѡврѕе юмоу х҃ь сраини ѡни и позна петрь х҃а и клиуе петрь гломь великиюмь ѡ гн҃ не доста ли что ѿврогохсе тебѣ на и паки продахо тебѣ (к)арависть. х҃ь приеть дх҃о петровь. боу же ише сла вь ве.

Въ статьѣ: „Стго Єпифаніа епкпа кѵпръскаго. ѡ стыхь аплѣхь. где къждо ихь проповѣда. и како и где скончлшѫ. и ста ихь тѣлеса, где и въ коемь мѣстѣ лежѫть“ (по Вѣнской р-си XVII в. подъ № 6, на Л. I) объ Апостолѣ Петрѣ читаемъ слѣдующее: „Сїмѡнь петръ врьховныи аплѡм' ꙗкоже сказѫе въ свои посланїи проповѣда въ понтѣ. и въ Галатїи. въ каппадокїи. и въ виѳнїи и италїи. и въ ассїи. и въ илирицѣ. послѣже въ римѣ. при неронѣ цр҃и. и распа бы стръмоглавь. самомоу изволшоу тако ѫмрѣти. и погребень бысть въ тожде римѣ“.



Digitized by Google

Русскій городъ Рига въ половинѣ XVII в.

А. Маркевича.

Извѣстно, что большіе города, съ развитою цивилизаціей, производятъ очень сильное впечатлѣніе на знакомящихся съ ними жителей менѣе культурныхъ странъ, которые иногда выражаютъ свои чувства даже въ наименованіи какихъ-либо родныхъ или новыхъ мѣстностей названіемъ поразившихъ ихъ городовъ; этимъ отчасти объясняется повторяемость на земномъ шарѣ именъ: Лондонъ, Парижъ, Петербургъ, Римъ, даже Одесса, а вѣроятно и Рига и др.; хотя бываютъ и иныя причины, напр. желаніе увѣковѣчить на новомъ мѣстѣ память о родинѣ и т. п.

Въ половинѣ XVII в. г. Рига была крупнымъ культурнымъ центромъ и не могла не поражать своей цивилизаціей попадавшихъ въ нее русскихъ людей; и вотъ, совершенно неожиданно, вдалекѣ отъ нея, на противоположномъ концѣ Россіи появляется другая Рига, маленькій городокъ, просуществовавшій весьма не долго; тѣмъ не менѣе съ судьбой его познакомиться не безынтересно хотя бы уже потому, что здѣсь мы имѣемъ какъ бы строчку изъ области народныхъ русско-балтійскихъ отношеній; притомъ въ печати объ этой Ригѣ сообщено очень не многое — нѣсколько словъ въ XI т. Исторіи Россіи Соловьева, на основаніи документовъ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, которыми мы теперь воспользовались; отрывки изъ нихъ сообщены также въ Историч. Описаніи Земли Войска Донского, вып. 2-й, Новочерк. 1876 г., но даты документовъ указаны здѣсь не вполнѣ ясно и точно.

Къ половинѣ XVII в. Донское казачество было еще достаточно самостоятельно[1]) тѣмъ не менѣе донскіе казаки постоянно участвовали въ тѣхъ войнахъ, какія тогда вела Москва; такъ они дѣйствовали въ московскихъ войнахъ во время борьбы съ Польшею за Малороссію (при чемъ въ 1656 г. были подъ Вильною, гдѣ, между прочимъ, взяли чудотворный образъ Пресв. Богородицы Одигитріи, который въ 1662 г. возвратили Вильнѣ); позднѣе донцы участвовали и въ чигиринскихъ походахъ.

Конечно, принимали участіе донскіе казаки и въ войнѣ Московскаго государства со Шведами, о чемъ упоминаетъ и Котошихинъ, хотя вскользь; изъ донскихъ дѣлъ

---

[1]) Объ отношеніяхъ Дона къ Дона къ Московскому государству см. у Котошихина „О Россіи“ 3 изд. стр. 151—153.

Digitized by Google

извѣстно, что конные донцы дѣйствовали и во время неудачной осады Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; есть нѣкоторое основаніе полагать, что въ числѣ ихъ былъ и знаменитый Стенька Разинъ (о чемъ далѣе). Достаточно ли были вознаграждены казаки за помощь Москвѣ, не знаемъ; но, вѣроятно, они сами не дали себя въ обиду; можемъ сопоставить указаніе, что участвовавшіе тогда же въ войнѣ за Инфланты запорожцы остались очень довольны результатами своей дѣятельности [1]). Гораздо позже, въ 1774 г., донскіе казаки основательно ограбили нѣкоторыя мѣстности Курляндіи и отдѣлались отъ розыска тѣмъ, что дали воеводѣ бояр. кн. И. Ан. Хованскому „два возника каретные и иные многіе подарки“ [2]).

Можетъ-быть, внѣшній видъ г. Риги очень понравился донскимъ казакамъ; не невозможно, что побывали они и внутри города; во всякомъ случаѣ очевидно — Рига произвела на донцовъ сильное впечатлѣніе, которое и выразилось у нихъ, какъ сейчасъ увидимъ, весьма реальнымъ образомъ.

Нѣтъ цѣли подробно останавливаться на одной изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни далекаго казачества — ихъ грабежахъ по р. Волгѣ. Вслѣдствіе географическихъ условій этимъ удобнѣе всего было заниматься казакамъ такъ наз. „верховыхъ“ донскихъ городковъ, которые устраивались именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. Донъ и, еще болѣе, его притокъ р. Иловля, очень близко подходятъ къ Волгѣ и ея притоку Камышанкѣ. Изъ построеннаго гдѣ-либо на перевалѣ городка легко было казакамъ падать на Волгу, грабить плывшія суда и затѣмъ, въ случаѣ опасности, укрываться на Дону, который по стародавнимъ обычаямъ не выдавалъ бѣглецовъ и преступниковъ, а если въ иныхъ случаяхъ и расправлялся съ ними, то только для очистки себя отъ нареканій со стороны московскаго правительства, и число приносимыхъ жертвъ бывало незначительное. Такъ, на устьи р. Чира былъ городокъ, гдѣ часто зимовали казаки, дѣлая отсюда набѣги на Волгу и на Каспійское море; въ 1627—1628 г. въ этотъ городокъ ушло 600 казаковъ, бывшихъ во враждѣ съ болѣе степенными донскими казаками „нижнихъ“ городовъ.

Въ половинѣ XVII в. безпорядки на Дону сильно увеличились вслѣдствіе дѣйствія тѣхъ причинъ, которыя въ сравнительно непродолжительномъ времени привели къ Разиновщинѣ; въ числѣ этихъ безпорядковъ имѣлъ мѣсто слѣдующій случай.

Въ 1657 г. отрядъ донскихъ казаковъ, можетъ-быть, подъ начальствомъ Василія Прокофьева, являющагося позднѣе главнымъ у нихъ дѣятелемъ, занимался грабежами на Волгѣ и затѣмъ бѣжалъ на Донъ. Опасаясь преслѣдованія, отрядъ этотъ основалъ на р. Донѣ, ниже р. Иловли, въ скрытномъ мѣстѣ въ пустомъ юртѣ, между казачьихъ городовъ Иловлинскаго, и Паншинскаго около полудня пути отъ нихъ, на Паншинскомъ островѣ [3]), особый городокъ и назвалъ его Ригою. Не сомнѣваемся, что Прокофьевъ и товарищи принадлежали къ числу тѣхъ казаковъ, которые недавно дѣйствовали подъ настоящею Ригою. Свою Ригу, хорошо охраняемую уже

---

[1]) Лѣтоп. Сам. Величко I, 309—312).

[2]) Соловьевъ И. Р. XII изд. 2, стр. 348; извл. изъ Арх. М. Юст. Столбцы Приказн. Ст. № 1619.

[3]) Иловлинскій городокъ на р. Иловлѣ близъ впаденія ея въ Донъ, Паншинскій ниже, на Дону, при впаденіи р. Паншской; казацкій же городокъ былъ, вѣроятно, тамъ, гдѣ теперь Трехъ-островянная станица.

Digitized by Google

островнымъ положеніемъ (по показанію одного изъ казаковъ: „взять де того города лѣтомъ до зимняго пути нельзя никоими дѣлы, потому — пришла де около городка со всѣхъ сторонъ вода“), казаки еще довольно сильно укрѣпили, окруживъ земляными окопами, построили здѣсь себѣ дома, видимо разсчитывая на продолжительное пребываніе въ Ригѣ, особенно зимою, такъ какъ лѣтомъ имъ удобнѣе было „добывать зипуны“, и организовались по образцу донского войска; атаманомъ былъ Василій Прокофьевъ, у него былъ есаулъ Степанъ Ѳедоровъ, оба выходцы изъ Самары (самаряне), также иная старшина. Казаковъ въ этомъ городѣ было человѣкъ около ста[1]).

Разумѣется казаки поселились въ Ригѣ не для мирнаго времяпровожденія; поэтому, перезимовавъ здѣсь, они въ маѣ 1659 г. перетащили суда въ р. Камышанку, ограбили близъ нынѣшняго посада Дубовки нѣсколькихъ плывшихъ по Волгѣ купцовъ и благополучно возвратились съ добычею въ Ригу. Возможно, конечно, что подобные грабежи лѣтомъ этого года и повторились.

Вѣсть о грабежахъ пошла по Донскому краю; уже весною разнесли ее ѣхавшіе съ Волги торговые люди. Случайно намъ извѣстно, что такимъ путемъ узнали о грабежахъ въ Сиротинскомъ городкѣ[2]), и нѣтъ основанія видѣть здѣсь, что-либо исключительное, какъ и въ томъ, что въ Сиротинскомъ городкѣ нашелся донской казакъ Пашка Григорьевъ сынъ, прозвищемъ Сальной, отправившійся въ далекую Ригу для покупки всякой награбленной рухляди, такъ что въ Ригѣ началась и торговля. Но гораздо болѣе отправилось туда казаковъ съ иными цѣлями. Именно изъ Сиротинскаго городка въ началѣ августа (въ Оспожинъ постъ) какое-то начальствующее тамъ лицо — донской казакъ Ѳедька Сидоровъ сынъ Немытовскій отпустилъ „для зипуна“ двухъ казаковъ, переселившихся въ этотъ городъ, изъ московскихъ мѣстъ, Ходеряхина да Золотарева; пошли они на Иловлю будто бы за звѣремъ, съ капканы, но Немытовскій зналъ, что они идутъ „на гульбу“ для „воровства“. Къ нимъ пристали еще человѣкъ пять, иные изъ того жъ города, другіе изъ иныхъ мѣстъ; былъ даже татаринъ изъ Астрахани. Вся эта партія и примкнула „своею волею“ къ воровскимъ казакамъ, какъ, вѣроятно, и нѣкоторыя другія, подобныя же, и приняла участіе въ дальнѣйшихъ грабежахъ.

Въ концѣ августа казаки изъ Риги 80 человѣкъ и больше, съ атаманомъ В. Прокофьевымъ и есауломъ Ст. Ѳедоровымъ совершили нападеніе снова на Дубовскія мѣста, при чемъ они „по насадамъ и по стругамъ и по ватагамъ людей грабили и прикащиковъ били и мучили“[3]). Погулявъ на Волгѣ недолгое время, казаки пошли степью на р. Иловлю, гдѣ сѣли въ струги и ушли въ свой городокъ.

Съ вѣстью о безпорядкахъ явился въ Саратовъ къ воеводѣ Дан. Хитрово царицынскій стрѣлецкій сотникъ Вас. Переславцевъ съ стрѣльцами. Разспросивъ его вое-

---

[1]) См. Арх. М. И. Дѣлъ, Донск. Дѣла, дѣло 7168/1659 г., ноября 11, № 9, отписку саратовскаго воеводы государю 16 октября и приложенныя къ ней показанія казаковъ, также дѣло 7168/1660 г., мая 23; см. далѣе.

[2]) Находящемся, впрочемъ, недалеко отъ впаденія р. Иловли въ Донъ.

[3]) Показаніе плѣнныхъ казаковъ 15 октября (ibid); они говорятъ о своемъ участіи въ 2 хъ походахъ на Волгу. Такъ какъ второй несомнѣнно тотъ, который былъ въ концѣ сентября, то первый былъ скорѣе всего августовскій; см. далѣе въ текстѣ.

Digitized by Google

вода немедленно отправилъ саратовца Леонт. Климова съ служилыми людьми отъ Саратова внизъ по Волгѣ въ урочища р. Дубовки, отъ Саратова въ 150 верстахъ, и о своемъ распоряженіи 3 сентября отписалъ государю[2]).

Климовъ, конечно, уже не засталъ казаковъ на мѣстѣ грабежа; онъ отправился тогда по ихъ слѣдамъ шляхомъ отъ Волги до Иловли, прошелъ верстъ съ 30 и убѣдился, что ему казаковъ не догнать; послѣ этого онъ вернулся въ Саратовъ и 14 сентября подалъ воеводѣ о доѣздѣ своемъ память. По этимъ вѣстямъ Хитрово въ тотъ же день назначилъ для охраны мѣстности („на стоянку") и для поиска надъ воровскими казаками 100 саратовскихъ добрыхъ людей конныхъ стрѣльцовъ да сто пѣшихъ стрѣльцовъ, которые должны были итти стругами. Но 14 сентября же воевода получилъ царскую грамоту съ повелѣніемъ немедленно отправить 50 конныхъ и 117 пѣшихъ стрѣльцовъ на службу къ кн. Григ. Сунч. Черкасскому съ товарищи[4]). Исполнивъ царское приказаніе, воевода, вѣроятно, въ ожиданіи новыхъ распоряженій, оставшихся въ Саратовѣ разныхъ людей на поискахъ за казаками послать не посмѣлъ (ibid).

Въ концѣ сентября воровскіе казаки изъ Риги снова побѣжали на Волгу; было ихъ человѣкъ 70, и начальствовали ими атаманъ Петрушка Григорьевъ сынъ Кулыча, прежній царицынскій стрѣлецъ, да есаулъ Ивашко Григорьевъ сынъ Самаронинъ; Прокофьевъ же и Ѳедоровъ съ 16 казаками оставались въ Ригѣ.

Въ это время ѣхалъ Волгою изъ Астрахани на соляномъ стругѣ, принадлежавшемъ москвитину Гостиной сотни торговому человѣку Ѳед. Гороховому, приказчикъ Карпъ Селивановъ. При проѣздѣ его мимо Царицына, около урочища Шишкинъ островъ, въ 170 верстахъ отъ Саратова, ночью напали на стругъ казаки (по показанію Селиванова человѣкъ 80), били и пытали, жгли на огнѣ приказчика и его рабочихъ и ограбили его. „А въ тое пору (такъ писалъ потомъ Хитрово государю) плыли сверху въ двухъ стругахъ вятскихъ черкасы (т.-е. черкесы), которые ѣхали съ Москвы въ Астрахань, Казъ Булата мурзы князь Муцалова сына Черкасскаго узденя Муртаза Алексѣевъ съ товарищи; и тѣ жъ воровскіе казаки (т.-е. ограбившіе Селиванова) къ тѣмъ черкасамъ приступали и съ тѣми черкасами и съ служилыми людьми, которые были у нихъ черкасъ въ греблѣ и въ провожатыхъ, былъ бой долгое время и тѣ де струги они казаки взяли и всемъ тѣхъ черкасъ всѣхъ порубили, а животы поимали, и пошли казаки съ Волги рѣки степью пѣши на Иловлю жъ рѣку; а для того грабежнаго живота нести имали они казаки работныхъ многихъ людей, и тѣхъ работныхъ людей они отпустили, а иные пошли съ ними охотно въ казаки".

Селивановъ 29 сентября явился въ Саратовъ и доложилъ о случившемся воеводѣ, который по этимъ вѣстямъ послалъ изъ Саратова для поиску до того урочища (Шишкина острова), до казачьихъ переходовъ и до р. Иловли саратовца сына боярскаго Петра Климова съ 200 конныхъ и посаженныхъ на коней пѣшихъ стрѣльцовъ

---

[2]) Д. 6168/7159 г., п. 11, № 9.

[4]) Начиналась война съ Рѣчью Посполитой и принимались усиленныя мѣры послѣ Конотопскаго пораженія.

Digitized by Google

„по нагорной сторонѣ и велѣлъ ѣхать возлѣ Волги крѣпкими мѣсты займища и по шляхамъ разъѣздити и высмотрить накрѣпко, гдѣ тѣ воровскіе казаки и въ которыхъ мѣстахъ урочище ихъ воровской городокъ, и на приточныхъ мѣстахъ тѣхъ казаковъ велѣлъ ждать 2 недѣли и больше для того, чтобъ великаго государя торговымъ и всякихъ чиновъ людямъ проѣхать было изъ Астрахани и сверху въ Астрахань безстрашно, а съѣхавъ гдѣ тѣхъ воровскихъ казаковъ, велѣлъ надъ ними промышлять, поискъ чинить, сколько милосердый Богъ помощи подаетъ". Обо всемъ этомъ Хитрово 29 октября же отписалъ государю.

По показанію плѣнныхъ казаковъ, шайка ихъ возвращалась въ свой городокъ уже на зимовку, когда П. Климовъ доѣхалъ ее на Иловлѣ объ урочище объ островкахъ за днище до Дона. Произошелъ бой, при чемъ Климовъ хоть и одолѣлъ казаковъ, но результаты его побѣды были въ сущности маловажными; изъ его донесенія видно, что казаки потеряли одного убитымъ и двухъ плѣнными и все же ушли по Иловлѣ крѣпкими мѣстами займища въ свой городокъ. Климовъ, въ донесеніи хваля службу своихъ воиновъ, особенно отмѣчаетъ шестерыхъ, при чемъ саратовецъ сынъ боярскій Обр. Мордвиновъ убилъ мужика, пятидесятникъ конныхъ стрѣльцовъ Тим. Кондратьевъ взялъ въ плѣнъ мужика Кондр. Ходеряхина, и конный стрѣлецъ Вас. Шатчанинъ взялъ въ плѣнъ мужика Неф. Золотарева. Какъ эти, особенно отличившіеся, такъ и остальныя лица „государю служили и бились явственно"; но не видно, чтобы изъ нихъ, хоть кто-либо былъ даже раненъ. 15 октября Климовъ возвратился въ Саратовъ и представилъ воеводѣ донесеніе о боѣ съ казаками и двухъ плѣнныхъ казаковъ, которыхъ воевода пыталъ накрѣпко. Ходеряхинъ и Золотаревъ съ пытки разсказали свою біографію, затѣмъ сдѣлали показанія о своемъ пребываніи въ Сиротинскомъ городкѣ и уходѣ къ воровскимъ казакамъ, описали воровской городъ Ригу и, наконецъ, подробно сообщили о двухъ волжскихъ грабежахъ и своемъ въ нихъ участіи; винясь во всемъ, они однако приводили относительно себя кое-какія смягчающія вину обстоятельства. Хитрово приказалъ посадить плѣнныхъ въ тюрьму до указу, а разспросныя и пыточныя рѣчи ихъ и донесеніе П. Климова о боѣ при отпискѣ отправилъ съ П. Климовымъ же 16 октября къ государю (ibid).

Разумѣется всѣ эти донесенія о грабежахъ обратили на себя вниманіе и центральнаго московскаго управленія и 11 ноября послана была отъ государя грамота Донскому войску и его атаману Осипу Петрову съ приказаніемъ выслать на г. Ригу войско „воровскихъ казаковъ бить, а атамана Прокофьева и есаула Ѳедорова съ товарищи переимать и привесть къ себѣ въ войско и имъ за ихъ воровство учинить по войсковому праву — казнить смертью, чтобъ на то смотря такъ инымъ воровать было не повадно; а послати бо въ тотъ воровской городокъ Ригу нынѣшнимъ зимнимъ путемъ, для того что лѣтнею порою изъ того городка разойдутся на воровство". О томъ, что будетъ сдѣлано, приказано отписать и государю (ibid).

Войско не посмѣло ослушаться царскаго приказа (тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это же самое время получена была царская грамота, извѣщавшая войско о московскихъ успѣхахъ въ Малой Россіи, гдѣ пала партія Выговскаго и новоизбранный гетманъ Юрій Хмельницкій согласился на многія московскія требованія, усиливавшія

Digitized by Google

вліяніе Москвы на этотъ край[1]) и зимою 1659—1660 г. на Ригу отправлены были казаки, ее и разорившіе. Вотъ какъ говорится объ этомъ разореніи въ послѣдующей царской грамотѣ, очевидно, по московскому канцелярскому обычаю, повторяющей войсковой докладъ: „Посылали вы, атаманы и казаки, для поиску за волжскими ворами, которые, воровавъ на Волгѣ, и перешли съ Волги на Донъ и городокъ было они себѣ воровской межъ верховыхъ городовъ поставили въ пустомъ юртѣ, — своихъ низовыхъ казаковъ многихъ людей конныхъ и пѣшихъ съ пушками, и тѣ ваши посыльщики тотъ городокъ взяли съ большимъ боемъ и подкопами, и многихъ людей у нихъ воровъ въ приступѣ побили, а иныхъ живыхъ поимали, и городокъ ихъ воровской сожгли и разорили совсѣмъ, и старшинъ ихъ воровскихъ заводчиковъ, атамана и есаула съ товарищи десять человѣкъ привезли для вершенья къ вамъ живыхъ и вы распроса тѣхъ воровъ повѣсили“. Съ извѣщеніемъ объ этихъ событіяхъ отправлены были въ Москву 14 апрѣля 1660 г. станичный атаманъ Леонтій Фроловъ съ товарищи. Но, повидимому, войско на этотъ разъ сообщало московскому правительству свѣдѣнія не вполнѣ вѣрныя; имѣется указаніе (см. далѣе), что изъ взятыхъ въ городкѣ казаковъ пострадало только два человѣка заводчиковъ; т.-е. можетъ-быть, они были казнены и, вѣроятно, это были рижскій, атаманъ Прокофьевъ и его есаулъ Ѳедоровъ; остальные же казаки, человѣкъ 60, безо всякой кары отпущены были по своимъ городкамъ и пока отданы на поруки, съ тѣмъ чтобы лѣтомъ того же года явиться въ Войско для расправы.

Во всякомъ случаѣ русская Рига тѣмъ и покончила свое кратковременное существованіе; но рижане, спасшіеся отъ погрома, не только не унялись, но, наоборотъ, немедленно же возобновили прежнюю активную дѣятельность. Не успѣло московское правительство отвѣтить на войсковое доношеніе 14-го апрѣля, а также поблагодарить войско за присылку въ 20-хъ числахъ мая крымскихъ языковъ и сообщеній о крымскихъ дѣлахъ, какъ получило извѣстіе, которое передадимъ словами царскаго указа, посланнаго 29 мая изъ Москвы атаману Науму Васильеву и донскимъ казакамъ: „Въ нынѣшнемъ въ 168 г. мая въ 26 д. писалъ къ намъ в. государю, съ Царицына воевода Дмитрій Давыдовъ: апрѣля въ 26 д. пришелъ на Царицынъ съ Чернаго Яру Царицына города стрѣлецъ Ивашко Дементьевъ, а сказалъ въ распросѣ ему: ѣхалъ де онъ съ Чернаго Яру на Царицынъ Волгою и, какъ будетъ о Филимоновскомъ острову, и въ тѣхъ де мѣстахъ объявились на Волгѣ въ лодкахъ воровскіе казаки, человѣкъ съ шестьдесятъ и больше, и насадъ гостя Михайла Гурьева погромили и за нимъ де Ивашкою съ того насаду гонялись, и онъ де Ивашко убѣжалъ отъ нихъ на берегъ на нагорную сторону; и по тѣмъ де вѣстямъ посылалъ онъ Дмитрій за тѣми воровскими казаками нашихъ в. государя ратныхъ людей Волгою и посыльщики его тѣхъ воровъ не съѣхали, а въ разспросѣ сказали, что гостя Михайла Гурьева насадъ погромили — видѣли, да тѣ жъ де воры въ другомъ мѣстѣ на Волгѣ погромили шлавъ (?) гостя Василія Шорина (извѣстнаго московскаго богача), да кладной стругъ нижегородскихъ людей погромя, и побѣжали

[1]) См. Арх. М. Ин. Д., Донск. дѣло, грамота 7168/1659 г., ноября 11, № 10.

Digitized by Google

на низъ Волгою; а то де ему Дмитрію подлинно вѣдомо, — отъ вашихъ же верховыхъ городковъ отъ казаковъ: какъ вы посылали изъ войска на тотъ воровской городокъ (т.-е. на Ригу) и, взявъ тѣхъ воровъ, и изъ нихъ взяли дву человѣка, а до стальныхъ всѣхъ отпустили жить по городамъ, не учиня имъ ничего по вашему войсковому праву, и велѣли имъ быть по веснѣ къ себѣ въ войско. И тѣ воры, которыхъ вы отпустили, человѣкъ съ 60, да къ тому пристали и иные воры, на Волгѣ воруютъ, насады и суда громятъ и людей убиваютъ и грабятъ и всякія злости нашимъ людямъ чинятъ". Государь, похваляя войско за крымскія вѣсти, дѣлалъ выговоръ ему за слишкомъ снисходительное отношеніе къ жителямъ бывшей Риги и и требовалъ, чтобы войско продолжающіеся грабежи прекратило [1]).

Отъ царской грамоты 29 мая 1660 г. сохранился брульонъ, гдѣ донесеніе посыльщиковъ воеводѣ Давыдову отъ 2 мая изложено слѣдующимъ образомъ: „они за тѣми воровскими казаками до Филимоновскаго острову ѣздили и о томъ де урочищѣ гостя Михайла Гурьева насадъ воровскіе казаки погромили, и они де за тѣми ворами ѣздили и до Чернаго Яру, и на Черномъ де Яру сказывали имъ громленные люди, нижегородецъ торговый человѣкъ Мартынко Матвѣевъ со товарищи, что ихъ тѣ воровскіе казаки кладной ихъ стружокъ погромили до ихъ пріѣзду на Черный Яръ за 4 дня, да въ ту же пору въ томъ мѣстѣ и насадъ гостя Василія Шорина погромили жъ, и погромя тотъ насадъ и кладной ихъ стружокъ, тѣ воровскіе казаки побѣжали внизъ Волгою рѣкою; а говорили де тѣ воровскіе казаки, что де имъ бѣжать за море, и забирали съ собою съ тѣхъ насадовъ всякія судовыя снасти и смолу. А тѣ казаки прежніе съ Дону, пришли на Волгу воровать нынѣшней весною, которые въ прошломъ году воровали на Волгѣ и зимовали на Дону. И царицынскій воевода Дмитрій Давыдовъ посылалъ на Донъ по Пяти-избамъ городу [2]) для провѣдыванья тѣхъ воровскихъ казаковъ, и ему подлинно съ Дону вѣстно учинилась, что впрямь тѣ жъ прежніе воровскіе казаки пошли на Волгу человѣкъ съ 60 и больше; а какъ де зимою посылали вы отъ войска на воровской ихъ городокъ, и взяли только съ собою къ вамъ въ войско дву человѣкъ заводчиковъ, а тѣхъ всѣхъ воровскихъ казаковъ, давъ ихъ на поруки, распустили по городамъ жить и велѣли де вы имъ быть къ себѣ на лѣто; и тѣ де воровскіе казаки, не ходя къ вамъ въ войско, ушли съ Дону на Волгу, и съ тѣхъ де разгромленныхъ дву насадовъ гулящихъ людей человѣкъ съ 50 и больше пристали къ тѣмъ же воровскимъ казакамъ; „Черный де Яръ они проѣзжали ночью".

Повидимому, никакихъ серьезныхъ послѣдствій царскій указъ 29 мая не имѣлъ; въ теченіе лѣта 1660 г. казаки продолжали свои грабежи и даже дѣйствительно прорвались въ Каспійское море; объ этомъ въ послѣдующей царской грамотѣ къ войску говорится слѣдующее: воровскіе казаки... „которые съѣзжали изъ вашихъ же верховыхъ казачьихъ городовъ, объявились на Волгѣ и на Яикѣ и около Астрахани на устьяхъ Волги рѣки и на морѣ, и нашимъ торговымъ людямъ, также и персидскаго

---

[1]) Арх. М. Ин. Д., Донск. д., дѣло 7168/1660 г. мая 23, грамота отъ 29 мая.

[2]) Пяти-избенная станица лежитъ на Дону нѣсколько ниже Трехъ-островянской и выше Чирской.

Digitized by Google

шаха купчинамъ и торговымъ людямъ чинятъ всякое разореніе“ [1]). По продолжающимся жалобамъ 12 августа послана была къ войску царская грамота съ приказаніемъ: „Къ тѣмъ воровскимъ казакамъ послати отъ себя съ Дону нарочно, и отъ себя къ нимъ отписати, чтобы они отъ воровства своего отстали и съ моря, и съ Яику, и съ Волги сошли, и велѣно ихъ вамъ уговаривать всякими мѣрами, и только они отъ такого своего воровства не отстанутъ и васъ ни въ чемъ не послушаютъ, и вамо велѣно изъ войска Донского послать на нихъ ратныхъ людей и велѣно надъ ними промыслъ чинить, чтобъ ихъ отъ того воровства усмирить“ (ibid.). Объ исполненіи указа велѣно было писать государю. Но войско не писало ничего, да, кажется, и мѣръ никакихъ не приняло, почему жалобы на казацкіе грабежи все продолжались. „И нынѣ (зимою 1660 г., какъ это видно изъ царской грамоты отъ 5 декабря этого года атаману Науму Васильеву — ibid.) били челомъ намъ, вел. государю, гости и разныхъ городовъ торговые люди, у которыхъ промыслы въ Астрахани и во Кизылбаши и за которыми на откупу наши, вел. государя, учуги и рыбныя ловли, что де тѣ воровскіе казаки на морѣ персидскаго шаха купчинъ и всякихъ торговыхъ людей разбиваютъ и грабятъ и со персидскимъ шахомъ ссорятъ и путь на морѣ въ Кизылбаши отняли и ихъ гостей нашихъ и торговыхъ людей около Астрахани учуги на Волгѣ громятъ и разоряютъ и впередъ всякимъ зломъ хвалятся, и многихъ къ себѣ воровъ вновь призываютъ, а иныхъ работныхъ людей у промысловъ съ собою въ воровство на силу емлютъ; а къ инымъ нашимъ торговымъ людямъ атаманъ ихъ Паршинъ (Паришко? т.-е. Парфеній) Ивановъ съ товарищи письма посылаетъ, а пишетъ: буде они хотятъ не разорены быть, чтобъ къ нимъ присылали запасъ и вино, и медъ, и муку, и порохъ, и свинецъ, угражива́я имъ и хваляся всякое зло надъ ними чинить, и отъ того своего воровства не преставаютъ, чинятъ всякія злости пуще прежняго. Въ которое время у насъ, вел. государя, чинятъ съ непріятели войны, тѣ воровскіе ваши жъ донскіе бѣглые казаки въ то жъ время чинятъ нашимъ, вел. государя, людямъ всякія злости пуще непріятеля“. Челобитья вызвали посылку 6 декабря 1660 г. новой царской грамоты войску съ приказаніемъ принять немедленно мѣры (тѣ же, какія указывались и въ прежнихъ грамотахъ) для прекращенія безпорядковъ, въ особенности потому, что изъ за нихъ происходятъ ссоры между московскимъ и персидскимъ государствами (ibid.).

Приняты ли тогда были какія-либо мѣры — неизвѣстно; но, что, казацкіе грабежи на Волгѣ не прекращались до самой Разиновщины, это достаточно извѣстно; нѣтъ только указаній на участіе въ нихъ казаковъ прежней Риги; почему не имѣемъ основанія дольше слѣдить за такими безпорядками. Однако, что мѣсто г. Риги на Дону выбрано было очень удобно для данной цѣли, видно изъ того, что здѣсь и позднѣе устраивались воровскіе городки; даже Разинъ свой первый лагерь основалъ около Паншинскаго городка, а второй въ Качалинскомъ городкѣ.

Сказано было выше, что Стенька Разинъ, по всей вѣроятности, тоже дѣйствовалъ при московскихъ войскахъ во время шведской войны и бывалъ въ шведскихъ

---

[1]) Арх. М. Ин. Д., Донск. дѣла, изъ дѣла 7169 г. сентября 14, грамота 5 декабря.

Digitized by Google

владѣніяхъ; этимъ, кажется мнѣ, слѣдуетъ объяснить, что во время бунта, въ 1670 г., онъ разослалъ по корельскимъ и игрорскимъ крестьянамъ грамоты, якобы за рукою и печатью бывшаго патріарха Никона, конечно призывая этихъ крестьянъ къ борьбѣ съ московскимъ правительствомъ. Грамоты Разина попали въ г. Ригу (уже настоящую), и о нихъ шведскіе генералы Врангель и Тотте извѣстили находившагося тогда въ Ригѣ полковника русской службы фонъ-Стадена. Что въ Ригѣ въ это время весьма интересовались донскими дѣлами, видно изъ того, что въ какихъ-то рижскихъ курантахъ, отъ 19 ноября 1670 г., было напечатано, будто царь ищетъ случая помириться съ Стенькою Разинымъ, который и самъ не прочь отъ мира, но предлагаетъ слѣдующія условія: 1) чтобы государь сдѣлалъ его царемъ казанскимъ и астраханскимъ; 2) далъ ему на войско 20 бочекъ золота; 3) выдалъ ему 8 человѣкъ ближнихъ бояръ, которыхъ за грѣхи ихъ Стенька умыслилъ казнить; 3) чтобы Никонъ былъ попрежнему патріархомъ. Какъ видно, редакторы тогдашнихъ рижскихъ газетъ имѣли о русскихъ дѣлахъ совершенно фантастическія представленія; подобный же вздоръ сообщали они и о громкомъ въ то время дѣлѣ патр. Никона. Тѣмъ не менѣе все это не очень обезпокоило московское правительство, и фонъ-Стадену поручено было добыть и доставить въ Москву не только грамоты Разина, но и людей, ихъ привезшихъ, а также домогаться, чтобы печатавшіе ложныя извѣстія о московскихъ дѣлахъ рижскіе газетчики были жестоко наказаны.

Что было сдѣлано въ Ригѣ въ этомъ отношеніи — мнѣ неизвѣстно, такъ какъ относительно послѣднихъ сообщенныхъ мною фактовъ я пользуюсь лишь немногими печатными указаніями[1]), съ большимъ трудомъ поддающимися провѣркѣ. Но весьма возможно, что рижскіе архивы и библіотеки хранятъ обильные матеріалы для исторіи сношеній между Домомъ и балтійскими провинціями Швеціи, и опубликованіе этихъ матеріаловъ было бы весьма желательно.

Послѣ прочтенія мною, 3 августа 1896 г., на Археологическомъ Съѣздѣ приведеннаго реферата, ко мнѣ обратился уважаемый Александръ Андреевичъ Чумаковъ съ заявленіемъ, что ему помнится что-то о службѣ донскихъ казаковъ въ Даніи, и, по моей просьбѣ, обѣщалъ поискать у себя въ бумагахъ свѣдѣній о столь интересномъ фактѣ. А. А. Чумаковъ исполнилъ свое обѣщаніе, и въ половинѣ декабря я получилъ отъ него настолько интересное письмо, что позволяю себѣ привести его здѣсь почти полностью:

„Я обѣщалъ вамъ на Съѣздѣ въ Ригѣ доставить свѣдѣнія о донскихъ казакахъ, служившихъ де въ Даніи. Перерывъ мои старыя бумаги, я нынѣ являюсь передъ вами съ повинной, съ признаніемъ, что по давности времени и плохой (?) старческой памяти я не совсѣмъ точно передалъ вамъ фактъ о казакахъ. Занимаясь въ шведскихъ архивахъ болѣе полувѣка тому назадъ, въ 1843 г., я наткнулся тамъ на листокъ нѣмецкой газеты, содержаніе котораго, исправивъ старинную орѳографію, выписываю:

„Wöchentliche Zeitung. Anno 1645 № 43. Aus Moscau wird berichtet (dass) die

---

[1]) Сообщены Соловьевымъ въ И. Р. XII изд. 2, стр. 224—225, на основаніи документовъ, находящихся въ Арх. М. Ин. Дѣлъ, но точно имъ не обозначенныхъ.

Digitized by Google

Donischen Kosaken haben bei dem Grossfürsten [1]), wegen Erlegung u. Entrichtung (уплатѣ) ihrer hinterstelligen Goldes, angehalten und weil d. Grossfürst zu solchen Auszahlung als bald nicht gerathen können (?), habe Graf Woldemar (Датскій) beim Grossfürsten angesuchet, dass ihm selbige bemeldete Kosaken zu seinem Hr. Vater, des Königs in Dänemark, Dienste möchten überlassen werden, mit Verheiss, dass sie aller refluirenden (refluere) Anforderung aus dem Reich Dänemark sollen richtig bezahlet werden. Was ihm (Woldemar) vom Grossfürsten für Bescheid darauf geworden, ist noch unwissend. Mann will aber nicht glauben, dass d. Grossfürst darin consentiren möchte, da sowohl die geistlichen als auch weltlichen Herrn ihm Gr. Woldemar wegen der Heirath ganz widrig.... Далѣе говорится о томъ, что гр. Вольдемара при дворѣ Алексѣя Михайловича никто не любитъ и что его бракъ на царевнѣ можетъ ввести въ Россіи новую вѣру. Въ заключеніи корреспонденціи — что въ Россіи много „крика" изъ-за новаго Димитрія (Самозванца) [2]) и что всѣ присылаемыя и отсылаемыя письма распечатываются и читаются".

Остается пожалѣть, что А. А. Чумаковъ въ послѣдней части письма не привелъ выписки изъ газеты, а ограничился лишь бѣглыми замѣчаніями.

---

[1]) Царь Алексѣй Михайловичъ.

[2]) О комъ рѣчь? Скорѣе всего о Лубѣ, но какъ выдавалъ себя за сына царя Димитрія. Въ 1646 г. явилось нѣсколько самозванцевъ, но они не выдавали себя за Димитріевъ (см. Соловьевъ И. Р. X, изд. 2-ое, стр. 114–118).

Digitized by Google

Слѣды христіанства на Дону въ домонгольскій періодъ.

Свящ. С. Е. Звѣрева.

Ни въ одной древней лѣтописи, ни въ позднѣйшихъ историческихъ актахъ нѣтъ прямыхъ извѣстій о времени распространенія христіанства на Дону. Выгодное географическое положеніе Придонскаго края, по теченію одной изъ главнѣйшихъ рѣкъ нашей равнины, сдѣлало извѣстнымъ этотъ край со временъ глубокой древности. Среднее теченіе р. Дона, еще задолго до христіанской эры, захватывалось торговымъ путемъ изъ черноморской греческой колоніи Ольвіи, идущимъ отъ устьевъ Буга и Днѣпра въ сѣверо-восточномъ направленіи, примѣрно, чрезъ нынѣшнія губерніи Херсонскую, Екатеринославскую, Харьковскую, *Воронежскую,* Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую, Самарскую, Оренбургскую[1]) и далѣе на востокъ въ сибирскія земли, съ одной стороны, и къ сѣверу Индіи — съ другой[2]). Находки древнихъ монетъ на Дону въ среднемъ, а также и въ нижнемъ теченіи этой рѣки указываютъ на торговыя сношенія Дона съ черноморскими греческими колоніями, а быть можетъ и непосредственно съ Македоніей (II в. до Р. Хр.), Римской Имперіей вообще (I в. до Р. Хр. — I и II вв. послѣ Р. Хр.), Босфоромъ (III в. по Р. Хр.), Византіей (VII—XI вв.) и даже съ отдаленнымъ Самаркандомъ (X в.)[3]). Съ образованіемъ

---

[1]) *Ѳ. Мищенко.* Этнографія Россіи у Геродота. Журн. Мин. Народн. Просв. 1896 г. Май, стр. 88.

[2]) Ibid., стр. 89.

[3]) Намъ извѣстны слѣдующія относящіяся сюда находки, по „Каталогу предметовъ, доставленныхъ на археологическую выставку при IX Археологическомъ Съѣздѣ въ 1893 г. въ г. Вильнѣ“ (Вильна 1893 г., стр. 117—118):

I. Въ нижней части Дона найдена македонская монета Персея (168 г. до Р. Хр.).

II. При рѣчкѣ Царицѣ (притокъ Дона), близь пос. Верхнецарицынскаго — серебряная тетродрахма остр. Ѳасоса.

III. Въ окрестностяхъ стан. Елизаветовской, въ нижней части Дона, — четыре серебряныхъ римскихъ монеты I в. до Р. Хр. и I в. по Р. Хр.

IV. По рѣкѣ Чирѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Донъ — пять серебряныхъ римскихъ монетъ I и II вв. по Р. Хр.

V. На городищѣ древн. Танаиса, при устьѣ Дона, — монета изъ сплава золота съ серебромъ, босфорская, Савромата IV (214 г. по Р. Хр.).

VI. Въ юртѣ Романовской станицы, при р. Донѣ, — золотая византійская монета, относящаяся къ эпохѣ послѣ Юстиніана и Ираклія (610—641 гг.).

VII. Въ юртѣ Пяти-избянской станицы, при р. Донѣ, — золотая византійская монета Алексѣя Комнена (1081—1118 г.).

Digitized by Google

Русскаго государства Донской край сдѣлался для русскихъ перепутьемъ между Камскою Болгаріею и Византіей, а впослѣдствіи между Москвою и Крымомъ. На Донъ шла тогда дорога съ Оки изъ бассейна Волги: a) по р. Вердѣ (притокъ Прони, впадающей въ Оку) и двумъ Табаламъ Верхней и Нижней, текущимъ въ Донъ, и b) по рр. Рановѣ и Хуитѣ (притокамъ той же р. Прони) съ переволокомъ на р. Рясу, впадающую въ Воронежъ, притокъ Дона[1]).

Такимъ образомъ, не только въ эпоху крещенія Руси св. Владиміромъ, но и въ болѣе отдаленное время Донъ, извѣстный у грековъ подъ именемъ Танаиса, былъ историческою рѣкою и, какъ свидѣтельствуютъ разнаго рода бытовыя археологическія находки по берегамъ этой рѣки и ея притоковъ[2]), служилъ обиталищемъ и поприщемъ дѣйствій разныхъ народностей Азіи и Европы[3]). Не даромъ рѣка эта считалась когда-то пограничной между этими двумя частями свѣта[4]). Съ распространеніемъ христіанства въ черноморскихъ греческихъ колоніяхъ, оно путемъ торговыхъ сношеній могло быть занесено и на Донъ[5]), но по отдаленности этой мѣстности отъ главныхъ центровъ христіанства и вслѣдствіе подвижности мѣстнаго населенія, вѣра Христова не могла здѣсь утвердиться прочно. Въ XIII в. и началѣ XIV в. на Дону, повидимому, еще держалось язычество. Около с. Гвазды, Павловскаго уѣзда, Воронежской губерніи, не такъ давно найденъ былъ мѣдный буддійскій кумиръ, съ надписью на санскритскомъ языкѣ, 1306 г.[6]). Два бронзовыхъ истукана найдены еще въ области войска Донского, близъ поселка Усть-Мечетинскаго, при

Кромѣ того, близъ р. Оскола (притокъ Донца), въ предѣлахъ нынѣшняго Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губ. найдены золотыя византійскія монеты императоровъ Артемія-Анастасія (713—716 г.) и Льва IV (775—780). — *Воронежскія Губ. Вѣдом.* 1896 г. № 73 и 1870 г. № 9.

Близъ с. Боршева, Коротоякскаго уѣзда, Воронежск. губ. на правомъ берегу Дона, найдена серебряная монета, принадлежащая саманидскому государю Насръ-бенъ-Ахмеду и чеканенная въ Самаркандѣ въ 302 (914/915) году, съ прибавленіемъ имени халифа Муктедиръ-Биллаха. — См. *Приложеніе къ этнограф. альбому и этнограф. картѣ Воронежской губ.*, составл. дѣйств. членомъ Императорскаго Русскаго Географ. Общества *Н. Второвымъ*. Рукопись Имп. Р. Геогр. Общ. № 342/5, стр. 3, примѣч. — О находкахъ на Дону древнихъ монетъ см. также наши „Матеріалы на археологіи Дона" — Воронежъ 1895 г. Оттискъ изъ Пам. кн. Воронежской губ. на 1894 г.

[1]) *М. А. Веневитиновъ*. По поводу пятисотлѣтія перваго русскаго путешествія по Дону. Оттискъ изъ XIV т. „Древностей" Императорскаго Московскаго Археол. Общ. Москва 1890 г., стр. 6. — *Д. И. Иловайскій*. Исторія Рязанскаго княжества. Москва 1858 г., стр. 295—297.

[2]) По каталогу Виленской Археол. выставки, стр. 117 и слѣд. — Что Придонскій край служилъ мѣстомъ поселеній съ глубокой древности, лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить значительное количество хранящихся въ Областномъ музеѣ войска Донского и въ Воронежскомъ Губернскомъ музеѣ первобытныхъ древностей — каменныхъ и бронзовыхъ орудій и курганныхъ предметовъ.

[3]) Разные бытовые предметы, время отъ времени открываемые на Дону, знакомятъ насъ съ мелочными подробностями древне-придонской жизни, съ вооруженіемъ древнихъ обитателей Дона, съ ихъ одеждой, съ домашней обстановкой и т. п.; но находки эти не настолько изслѣдованы, чтобы по нимъ можно было точнѣе указать народность разновременныхъ насельниковъ Дона и хронологически обозначить пребываніе той или другой народности на Дону. — Съ VII в. здѣсь утверждаются Хозары. Подъ г. Воронежемъ извѣстны хозарскія городища (Очеркъ замѣч. древностей Воронежской губ. Воронежъ 1890 г. стр. 35—40). Во второй полов. X в. по рр. Дону и Донцу кочевали Печенѣги. Въ XI вѣкѣ появляются на Дону Половцы.

[4]) У *Болховитинова*, Описаніе Ворон. губ. Воронежъ 1800 г., стр. 1.

[5]) Въ низовьяхъ Дона лежала греческая колонія *Танаисъ*.

[6]) Матеріалы по археологіи Дона. *Памятная книжка Ворон. губ. 1894 г.* Воронежъ 1894 г., стр. 197 отдѣлъ III.

Digitized by Google

сліяніи рѣкъ Мечетной и Большой (притоковъ Донца)[1]. Эти находки, однакоже, должны быть разсматриваемы, какъ остатки древняго язычества на Дону.

Въ началѣ XI вѣка христіанство близко подходитъ къ Придонскому краю уже изъ русскихъ областей. Городъ Курскъ является въ это время христіанскимъ городомъ[2]. Въ Муромѣ, въ 1096 году, уже стоитъ Спасскій монастырь, хотя вѣра Христова держится тамъ еще слабо, такъ что первый муромо-рязанскій князь Ярославъ-Константинъ Святославичъ (внукъ в. кн. Ярослава I, 1096—1129) долженъ быть вступить въ открытую борьбу съ языческой партіей, когда захотѣлъ крестить народъ[3]. Земля Вятичей, лежавшая частію въ нынѣшней Орловской губ., по сосѣдству съ Воронежскою губерніею, просвѣщена св. Кукшею, въ XII вѣкѣ[4].

Къ этому же именно времени относится лѣтописный фактъ, свидѣтельствующій о болѣе или менѣе прочной славянорусской колонизаціи Дона. „При разселеніи Славянъ по русской равнинѣ и съ распространеніемъ ихъ по Окѣ, имъ, — скажемъ словами Соловьева, — необходимо было захватывать и Донскую систему“[5]) поблизости окскихъ притоковъ къ верхнему Дону. Нельзя съ точностію указать время, когда началось колонизаціонное движеніе Славянъ къ Дону и по верховьямъ этой рѣки, но интересно въ данномъ случаѣ лѣтописное упоминаніе о древнемъ г. Воронежѣ подъ 1177 годомъ[6]), въ связи съ указаніемъ сидѣвшихъ на Воронежѣ князей, дѣтей князя Глѣба Ростиславича Рязанскаго († 1177 году), по одной древней родословной[7]). Если принять лѣтописное извѣстіе о Воронежѣ, какъ свидѣтельство о населенномъ славянорусскомъ городкѣ (въ низовьяхъ р. Воронежа, недалеко отъ впаденія ея въ Донъ)[8]), и признать достовѣрнымъ показаніе родословной о сидѣвшихъ здѣсь

---

[1]) По *Каталогу Виленской выставки*, стр. 115, табл. VI.

[2]) См. житіе преподд. Ѳеодосія Печерскаго.

[3]) У *Доброклонскаго*, Руководство по исторіи Русской церкви. Вып. I. Москва 1883 г. стр. 17.

[4]) Ibid., стр. 18.

[5]) *Исторія Россіи.* Т. I. Москва 1851 г., стр.

[6]) *Полн. собр. лѣтоп.* Т. I, подъ 1177 г.

[7]) Рукопись библіотеки г. Муромцова (Баловнево, Данковск. уѣзда Рязанск. губ.) — *Ворон. Епарх. Вѣдом.* 1888 г. № 23, стр. 1146.

[8]) Мнѣніе о существованіи г. Воронежа въ XII вѣкѣ впервые было высказано Болховитиновымъ въ „*Описаніи Ворон. Губ.*“ — „Въ концѣ XII столѣтія, — читаемъ здѣсь (стр. 8), — упоминается уже существующимъ городъ Воронежъ, и именно по тому случаю, что бѣжалъ въ него, отъ брата своего Всеволода Владимирскаго, въ 1177 году, князь Ярополкъ Владимирскій же; и когда Всеволодъ требовалъ у рязанцевъ, чтобы они выдали ему ушедшаго къ нимъ Ярополка, то, — говоритъ продолжатель Несторовой лѣтописи, — рязанцы же, *ѣхавше въ Воронежъ*, сами приведоша его въ Володимиръ (Нестор. лѣтоп., стр. 262). Изъ сего видно, — утверждалъ Болховитиновъ, — что Воронежъ тогда уже существовалъ и состоялъ подъ владѣніемъ россійскихъ рязанскихъ князей“. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 35): „Городъ Воронежъ есть изъ числа древнѣйшихъ россійскихъ городовъ, ибо онъ въ лѣтописяхъ россійскихъ упоминается существовавшимъ еще въ 1177 г. отъ Р. Хр. (См. Несторъ лѣтописецъ и другіе подъ симъ годомъ)“.

Болховитиновъ основывался на свидѣтельствѣ т. н. Несторовой и другихъ лѣтописей, и потому, мнѣніе его о существованіи Воронежа въ XII вѣкѣ было въ свое время принято и долго безспорно держалось въ наукѣ. *Карамзинъ*, въ своей Исторіи Государства россійскаго, истолковалъ приведенное лѣтописное выраженіе, согласно съ Болховитиновымъ, какъ первое упоминаніе о городѣ Воронежѣ (т. III, изд. 1818 г., примѣч. 51). Мнѣніе Болховитинова раздѣлялъ и *Погодинъ* (Разысканія о городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ. *Журн. Мин. Вн. Дѣлъ* 1848 г., ч. XXIII, стр. 460).

Надежинъ и *Неволинъ* первые высказали предположеніе (въ цитир. статьѣ Погодина, стр. 460, 471): не рѣка ли подразумѣвается въ указанномъ лѣтописномъ выраженіи? Съ сомнѣніемъ отнесся къ приня-

Digitized by Google

князьяхъ, то весьма важно указать еще на другой лѣтописный же фактъ, что за этихъ князей, какъ князей, безъ сомнѣнія, христіанскихъ, ходатайствовалъ въ 1187 году предъ в. кн. Всеволодомъ епископъ черниговскій Порфирій: „бѣ бо тогда, — замѣчаетъ лѣтописецъ, — Рязань и Черниговъ — едина епископья[1])“.

На основаніи только что приведенныхъ данныхъ, Воронежское Придонье (Рязанскую окраину) уже въ XII вѣкѣ можно бы признать христіанскимъ. Такъ дѣйствительно и полагаетъ профессоръ Голубинскій, увѣряя, что „значительная часть нынѣшней Воронежской губерніи“ уже „входила“ тогда „въ предѣлы Черниговской епархіи[2])“.

тому пониманію этого выраженія и *Соловьевъ*. „Сомнительно, говоритъ онъ, упоминается ли здѣсь городъ: въ Лаврентьевскомъ спискѣ стоитъ: *„ѣхавше (рязанцы) въ Воронежь“*; но въ древнѣйшемъ Ипатьевскомъ: *„ѣхавше Воронажь“*. Неизвѣстно, слѣдовательно, какой предлогъ былъ въ подлинникѣ — *въ*, или *на*, при чемъ послѣдній означалъ бы только рѣку Воронежъ, на которой князь Ярополкъ могъ стоять съ рязанскимъ отрядомъ для наблюденія за Половцами“. Сомнѣніе почтеннаго историка поддерживалось еще тѣмъ, что „для означенія движенія къ городу употребительнѣе былъ мѣстный падежъ безъ предлога: *„ѣхавше Воронажю“* (Ист. Россіи, т. I, Москва 1851 г., примѣч. 15). — Въ спеціальной „Исторіи Рязанскаго княжества“, изд. въ 1858 г. уже нѣтъ разсужденія о лѣтописномъ выраженіи, и самый фактъ, связанный съ упоминаніемъ о г. Воронежѣ, излагается иначе: „Онъ (Ярополкъ) удалился въ пограничныя степи, куда-то на рѣку Воронежъ и тамъ, гонимый страхомъ, переходилъ изъ одного мѣста въ другое. (Никон. лѣт. II, 235, 236. Ист. Ряз. княжества *Иловайскаго*. Москва 1858 г., стр. 60).

Мнѣніе Болховитинова продолжало однакоже держаться въ наукѣ. *Германовъ* (Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Воронежской губ. *Записки Географ. Общ.* 1857 г. кн. XII, 187, 241), *Скіада* (Историко-статистическій очеркъ Воронежской губ. — *Памятная книжка Воронежской губ.* на 1861 г., 70—71), *архимандритъ Макарій* (Сборникъ церковно-историческихъ и статистич. свѣдѣній о Рязанской епархіи. *Чтенія Общ. Ист. и Древн. при Моск. Университетѣ.* 1863 г., № 2, стр. 18), *архимандритъ Димитрій* (Постепенное населеніе Воронежской губ. *Ворон. Епарх. Вѣдом.* 1886 г., № 5, стр. 137) принимали это мнѣніе.

Въ послѣднее время *Шмурло* въ изслѣдованіи своемъ „Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ), какъ ученый. Спб. 1888 г.“ призналъ мнѣніе Болховитинова о древнемъ Воронежѣ „ошибочнымъ“; но мнѣніе это, какъ указано было нами въ критической замѣткѣ на книгу Шмурло (*Ворон. Епарх. Вѣдомости* 1888 г. № 23, стр. 1146), подтверждается „Родословною“ князей рязанскихъ въ рукописномъ сборникѣ „Сказанье родословія“, составленномъ въ 1667 г. (см. выше примѣч. 15). Эта „Родословная“, вполнѣ согласуясь въ указаніяхъ именъ князей рязанскихъ съ родословными у *Новикова* (Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ. Москва 1878 г., стр. 53—60) и *Воздвиженскаго* (Историч. обозр. Рязанской губ. Москва 1822 г., стр. 182—190), точнѣе опредѣляетъ княженія, называя городъ при имени каждаго князя. Въ этой „Родословной“ и дѣтяхъ князя рязанскаго Глѣба (ум. 1177 г.), читаемъ: „А у князя Глѣба Ростиславича Резанскаго дѣти:

Князь Романъ Резанской бездѣтной — на Ливнахъ, и на *Воронежѣ* былъ же,
Князь Игорь — на Резани, на Ливнахъ и на *Воронежѣ*,
Князь Всеволодъ — на Резани, на Ливнахъ и на *Воронежѣ*,
Князь Святославъ — на Резани, на Ливнахъ и на *Воронежѣ*“.

Въ дальнѣйшихъ строкахъ „Родословной“ упоминанія о Воронежѣ не встрѣчается. Но для насъ въ данномъ случаѣ важно, что воронежскіе князья упоминаются въ XII вѣкѣ: въ это время существовалъ, слѣдовательно, и городъ Воронежъ.

[1]) *Полн. собр. русск. лѣт.* Воскрес. лѣтоп. II, стр. 115. Рязанскія Достопамятности, собр. архимандр. Іеронимомъ, съ примѣч. *І. Добролюбова*. Рязань 1889 г. Изд. Рязанской Ученой Арх. Комиссіи.

[2]) „Епархія Черниговская, — читаемъ у Голубинскаго, — до открытія епархіи Рязанской (между 1187 и 1207 гг.), обнимала все удѣльное княжество Черниговское, какъ особое цѣлое, т.-е. области собственно Черниговскую, Рязанскую и Муромскую и землю Вятичей съ Радимичами. Собственно область Черниговская обнимала нынѣшнюю губернію Черниговскую и не менѣе половины нынѣшней губерніи Курской (но г. Курскъ включительно); область Муромско-Рязанскую составляли — юго-восточный уголъ губерній Владимирской, губернія Рязанская и *значительная часть* губерній Тульской, *Воронежской* и Тамбовской; земля Вятичей съ Радимичами — восточная часть губерній Московской и большая часть губерній Калужской и Орловской“ (*Голубинскій*. Ист. Русск. церкви. Т. I, перв. половина тома. Москва 1880 г., стр. 549). Подобное же мнѣніе — въ предисловіи къ труду *о. Діева* „Черниговская епархія послѣ Батыя,

Digitized by Google

Христіанство могло распространяться здѣсь вмѣстѣ съ славянорусской колонизаціей края [1]).

Изъ городовъ Воронежскаго Придонья до половины XIII вѣка упоминается въ лѣтописи только Воронежъ (да и то неопредѣленно); но несомнѣнно, что были здѣсь въ то отдаленное время и другіе города, тѣ „грады красны", о которыхъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ діаконъ Игнатій, отмѣчая свои впечатлѣнія при путешествіи по Дону въ 1389 г. въ составленномъ имъ описаніи третьяго путешествія Пимена, митрополита Московскаго, въ Константинополь. „Аще бо и быша грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ, — говоритъ онъ здѣсь о городкахъ, существовавшихъ нѣкогда по верхнему и отчасти среднему теченіямъ р. Дона, — точію мѣста: пустошь все и не населено. Не бѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество"... [2]) Невольно вспоминаешь при этомъ лѣтописныя свѣдѣнія о нашествіи Батыя на Русь въ 1237 году и о первомъ столкновеніи его съ рязанскими князьями „близъ предѣлъ рязанскихъ" [3]), „на рѣкѣ на Воронежѣ"... [4]) „И бысть сѣча зла и ужасна, — повѣствуетъ лѣтописецъ, — и ту убіенъ бысть... Всеволодъ Пронской и многіе князи *мѣстные и воеводы крѣпкіе*"... [5]) Подъ этими „мѣстными князьями и воеводами крѣпкими" нужно, конечно, разумѣть мелкихъ рязанскихъ князей и воеводъ, управлявшихъ неизвѣстными намъ существовавшими въ юго-восточныхъ предѣлахъ древняго Рязанскаго княжества городками, исчезнувшими съ лица земли во-

---

именуемая Брянскою". Москва 1892, стр. 2 (Отд. оттискъ изъ февр. кн. Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія за 1892 г.).

По *Погодину*, спеціально занимавшемуся разысканіями о городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ (см. выше, примѣч. 16), границы древняго Черниговскаго княжества, а слѣдовательно и епархіи, простирались до „степей Воронежскихъ". Слѣдуя Погодину, мы должны будемъ пограничную черту древней Черниговской епархіи въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губ. провести по Бобровскому уѣзду и продолжить чрезъ уѣзды Острогожскій, Бирюченскій и Валуйскій до р. Оскола, т.-е. включить въ составъ этой епархіи всю сѣверо-западную часть губерніи.

[1]) Припомнимъ здѣсь отдѣльныя случаи обращенія въ христіанство Половцевъ, кочевавшихъ въ юго-восточныхъ окраинахъ Россіи и между прочимъ *на Дону* (XI в.). *Доброклонскій* — Руководство по истор. русской Церкви. Москва 1883 г., стр. 19—20 перв. выпуска. См. также *Никон. лѣтоп.* подъ 1116 г. Того же лѣта, — читаемъ здѣсь, — Ярополкъ ходи на Половецкую землю къ рѣцѣ, зовомой Донъ, и ти взя полонъ много, и взя три грады половецкіе Балинъ, Чешлюевъ, Юсугровъ и приведе съ собою ясы и жену полони себѣ ясыню" (христіанку?).

[2]) У *Болховитинова* въ „Описаніи Ворон. губ." стр. 10.

[3]) Рязанскія Достопамятности, подъ 1237 г., стр. 14. — Полн. собр. русск. лѣтоп. Т. III, стр. 53.

[4]) Ibid. — Въ то (1237 г.) лѣто придоша иноплеменницы, глаголеміи татарове на землю Рязанскую и сташа *о Нузлѣ* (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 139, — *„ту Онузѣ"*, Соф. Врем. ч. I, стр. 238 — *„по Онузѣ"*; Русск. Врем. I, 92 — *„на Онозѣ"*; Ник. II, стр. 371 — „по Онозѣ") и взяша ю и сташа станомъ ту". — Здѣсь, очевидно, указаніе на населенное мѣсто, городокъ, близъ предѣловъ рязанскихъ, на р. Воронежѣ. (Слич. *Погодина* цитиров. статью, „Разысканія о городахъ и пред. русск. княжествъ").

[5]) *Иловайскій* „не вѣритъ существованію этой битвы о которой упоминаетъ Ник. лѣт. II, 371"; „впрочемъ, говоритъ онъ, отступленіе князей, вѣроятно, не обошлось безъ ошибокъ съ передовыми татарскими отрядами, которые ихъ преслѣдовали" (Ист. Ряз. кн., по изд. 1858 г. стр. 130, примѣч. 125). Для насъ въ данномъ случаѣ важна не „битва", а упоминаніе о князьяхъ *мѣстныхъ* и воеводахъ: едва ли описатель битвы или одной изъ ошибокъ (употребляемъ возраженіе Иловайскаго) рязанскихъ князей съ Татарами въ Придонскомъ краѣ употребилъ выраженіе *мѣстный* вообще о рязанскихъ князьяхъ и воеводахъ, а не о тѣхъ изъ нихъ, кои управляли мѣстностью, гдѣ происходили первыя столкновенія рязанскихъ князей съ Татарами въ 1237 году.

Digitized by Google

время второго монгольскаго нашествія[1]) (— чѣмъ косвенно подтверждается населенность Придонскаго края въ домонгольскій періодъ). Замѣтимъ, при этомъ, что едва ли бы діаконъ Игнатій сталъ такъ печаловаться объ уничтоженныхъ татарскимъ погромомъ придонскихъ городахъ, если бы то были — *языческія* поселенія! Лѣтописецъ, описывая шествіе Батыя къ Рязани, говоритъ, что татары на пути своемъ „много святыхъ церквей огневи предаша и *монастыри* и села пожгоша[2])". Путь лежалъ частію по Придонскому краю.

О христіанскомъ характерѣ древне-придонскихъ поселеній, уничтоженныхъ монголами, даютъ основаніе предполагать и позднѣйшія (XIV в.) грамоты русскихъ митрополитовъ Ѳеогноста и Алексія на Червленный Яръ „къ баскакамъ, и къ сотникомъ, и къ игуменомъ, и къ попомъ и ко всѣмъ крестьяномъ Червленнаго Яру и ко всѣмъ городомъ по Великую Ворону[3])". Въ грамотахъ этихъ говорится о спорѣ изъ-за управленія древне-придонскими поселеніями, возникшемъ съ открытіемъ Сарайской епархіи (1265 г.), между епископами этой новой епархіи, простиравшими свою власть на Донъ, въ области Червленскаго Яра и Рязанскими владыками съ давняго времени („по давному")[4]) вѣдавшими этою мѣстностью, и объ окончательномъ разрѣшеніи названнаго спора въ пользу Рязанскаго владыки. „Пріѣхалъ ко мнѣ, — пишетъ митрополитъ Ѳеогностъ въ своей грамотѣ, — владыка Рязанскій... и привезъ ко мнѣ грамоту брата моего Максима митрополита, а другую грамоту Петра митрополита, — и управливаютъ владыку Рязанскаго и велятъ ему держати всего передѣла того по Великую Ворону... И того дѣля нынѣ пишу къ вамъ и явно сътворяю, какъ то по тѣмъ грамотамъ братьи моей митрополитовъ, управливаю владыку Рязанскаго, ать вѣдаетъ передѣлъ тъ весь по Великую Ворону... А что будетъ церковная пошлина, и то ему давайте по давному, по церковному обычаю[5])".

Весьма важно въ приведенной выдержкѣ изъ грамоты митрополита Ѳеогноста упоминаніе о раннѣйшихъ грамотахъ по спорному вопросу митрополита Максима (1283—1305) и митрополита Петра (1305—1326), утвердившихъ за Рязанскими владыками всѣ земли

---

[1]) Существованія русскихъ городовъ на берегахъ Дона въ періодъ домонгольскій не отрицаетъ и *Иловайскій*. Говоря о появленіи на Дону Половцевъ въ XI вѣкѣ, онъ замѣчаетъ: „Русскіе города на берегахъ Дона и поселенія на Воронежѣ, кажется, не мѣшали варварскимъ ордамъ иногда раскидывать свои кочевья внутри угла, который образуютъ эти двѣ рѣки" (Ист. Ряз. княж., стр. 112—113, по изд. 1858 г.).

[2]) У *Иловайскаго*, ibid., стр. 114—115.

[3]) Акты Историч. Т. I, №№ 1 и 3. Первая грамота начинается словами: „Благословеніе Ѳеогноста Митрополита всея Руси къ дѣтемъ моимъ къ баскакомъ, и къ сотникомъ, и къ игуменомъ, и къ попомъ, и ко всѣмъ христіаномъ Черленого Яру, и ко всѣмъ городомъ по Великую Ворону". — Вторая: „Благословеніе Алексѣя Митрополита всея Руси, ко всѣмъ христіаномъ, обрѣтающимся въ передѣлѣ Черленого Яру, и по карауломъ возлѣ Хапоръ, до Дону, попомъ и діакономъ, и къ баскакомъ, и къ сотникомъ, и къ бояромъ".

[4]) Здѣсь интересно отмѣтить, по свидѣтельству договорныхъ грамотъ в. к. Ивана Васильевича, сына его и братьевъ, съ в. к. Рязанскимъ Иваномъ же Васильевичемъ 1484 г., „*давнюю*" зависимость верховьевъ Дона и отчасти средняго теченія этой рѣки отъ князей Рязанскихъ (У *Болховитинова*, стр. 11—12). В. к. Василій Васильевичъ (Темный, 1425—1462) купилъ нѣкоторыя мѣста въ верховьяхъ р. Дона. В. к. Іоаннъ Васильевичъ (III-й) въ 1496 г. простиралъ владѣніе свое далѣе Дона и даже на многіе города, бывшіе до времени *издавна рязанскими* (ibid.).

[5]) Акты Историч. Т. I, № 1, стр. 1.

Digitized by Google

по верхнему и среднему теченіямъ р. Дона, по Червленный Яръ включительно [1]). Можно думать, что названныя грамоты вызваны были стремленіемъ митрополитовъ къ упорядоченію церковной жизни въ отдаленномъ отъ центра юговосточномъ углу тогдашней Руси, распатанной татарскимъ погромомъ. Въ этихъ же, конечно, видахъ, а равно и для распространенія христіанства между монголами, состоялось учрежденіе въ столицѣ Батыя, Сараѣ (на Волгѣ), особой епископской каѳедры. Церковная жизнь въ древне-Придонскихъ поселеніяхъ, судя по грамотамъ митрополитовъ Ѳеогноста и Алексѣя, была довольно развита. Митрополиты обращаются въ нихъ между прочимъ *„къ игуменомъ* и попомъ и ко всѣмъ христіяномъ Червленнаго Яру и ко всѣмъ *городомъ* по Великую Ворону". Въ области Червленнаго Яра [2]) было, очевидно, нѣсколько христіанскихъ городовъ съ церквами и даже монастырями. Грамоты эти относятся къ XIV вѣку; но церковная жизнь въ области Червленнаго Яра не могла развиться до указанной степени послѣ монгольскаго нашествія. Намъ извѣстно въ XIII—XIV вѣкахъ запустѣніе южной и юго-восточной Руси, переѣзды и выселенія оставшихся здѣсь князей въ Москву и вообще въ предѣлы сѣверо-восточной Руси. Вышеупомянутый діаконъ Игнатій положительно свидѣтельствуетъ о современномъ ему запустѣніи береговыхъ земель Дона на значительномъ протяженіи. Въ грамотахъ митрополитовъ Ѳеогноста и Алексія мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ остатками древне-христіанскихъ поселеній, возникшихъ на Дону еще въ домонгольскій періодъ нашей исторіи. Никоновская лѣтопись, дѣйствительно, называетъ намъ такія поселенія еще подъ 1148 годомъ. „Князь Глѣбъ Юрьевичъ, — читаемъ здѣсь, — иде къ Резани и бывъ *во градѣхъ Червленаго Яру и по Великѣй Воронѣ,* и паки возвратися [3])"... Какой народности принадлежали эти поселенія, въ грамотахъ не указывается [4]), и это молчаніе въ связи съ упоминаніемъ въ нихъ о „сотникахъ", „боярахъ", не служитъ ли свидѣтельствомъ того, что то были поселенія — славяно-русскія? Характерно упоминаніе о „баскакахъ": область Червленнаго Яра, совмѣстно со всей Русью, подпала, очевидно, подъ иго монгольское.

Утверждая за Рязанскими владыками верхне-придонскія христіанскія поселенія по Великую Ворону, анализируемыя нами грамоты митрополитовъ Ѳеогноста и Алексія даютъ основаніе предполагать о существованіи христіанскихъ же поселеній на Дону ниже Червленнаго Яру, входившихъ въ отношеніи церковнаго управленія въ составъ

---

[1]) Кромѣ того сохранился списокъ съ отказной грамоты Сарайскаго епископа Софонія, которую онъ далъ на Костромскомъ соборѣ: „Се азъ Епископъ Сарайскій Софоній пишу сію грамоту предъ господиномъ моимъ Преосвященнымъ Ѳеогностомъ Митрополитомъ всея Россіи и предъ братьею своею Епископы Антоніемъ Ростовскимъ и Даніиломъ Суздальскимъ, отселѣ потомъ не вступатися въ предѣлѣхъ Рязанской на Великую Ворону, а оже вступлюся, осужденъ буду каноны". Историч. Обозр. Рязанской іерархіи *Воздвиженскаго*. Москва. 1820 г., стр. 25.

[2]) Разумѣется, по толкованію Иловайскаго, „все степное пространство, заключенное между рр. Воронежемъ, Дономъ, Хопромъ и Великой Вороной". Ист. Ряз. кн., стр. стр. 142, примѣч. 142.

[3]) Никон. Лѣтоп. II, 105. — *Веневитиновъ*, стр. 1, 12 и 14.

[4]) Интересно слич. договорныя грамоты в. к. Іоанна Васильевича III съ Рязанскими князьями (Болховитиновъ, стр. 12, 13) XV в. — Въ грамотахъ этихъ также не указывается какой либо особой народности въ предѣлахъ Придонскаго края; между тѣмъ какъ въ смежныхъ съ Дономъ мѣстностяхъ такая народность *(мордва)* называется.

Digitized by Google

„Сарайскаго передѣла“. Извѣстно, что Сарайскіе епископы назывались „Сарайскими и *Подонскими*“ [1]), какъ управлявшіе этими, неизвѣстными намъ, христіанскими поселеніями въ нижней части р. Дона.

О христіанскихъ, нижне-придонскихъ, поселеніяхъ мы пока не имѣемъ надлежащихъ *историческихъ* свѣдѣній за древнѣйшій періодъ нашей исторіи. Мы знаемъ только, что еще до основанія русскаго государства, а именно въ первой половинѣ IX вѣка, владѣвшіе въ то время Дономъ Хазары обращались къ Византійскому императору Ѳеофилу съ просьбою прислать къ нимъ искусныхъ зодчихъ для построенія крѣпости. Ѳеофилъ охотно исполнилъ эту просьбу Хазаръ, народа христіанскаго, и на Дону около 835 г. (по другимъ — 837 г.) была построена протоспаѳаріемъ Петроною Каматизомъ крѣпость Саркеллъ. Это названіе, по мнѣнію Константина Багрянороднаго и его современника, извѣстнаго подъ именемъ Леонтія Константинопольскаго (X в.), въ переводѣ значило „Бѣлая гостиница“, „Бѣлый домъ“, „Бѣлая усадьба“. Въ русскихъ же лѣтописяхъ Саркеллъ извѣстенъ былъ подъ именемъ „Бѣловежи“ [2]). Какъ построенная греками для народа, среди котораго христіанство уже утвердилось болѣе или менѣе прочно, крѣпость Саркеллъ, конечно, носила христіанскій характеръ, имѣла въ центрѣ укрѣпленія храмъ, какъ то впослѣдствіи наблюдается при устройствѣ укрѣпленій въ христіанской Руси. Въ 969 году крѣпость Саркеллъ или Бѣловежа была взята в. к. Святославомъ: „и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаровъ и градъ ихъ Бѣловежю *взя* [3])“, говоритъ объ этомъ событіи лѣтописецъ. — Дальнѣйшихъ упоминаній о крѣпости Саркеллѣ не встрѣчается въ историческихъ памятникахъ.

Значительно ранѣе постройки Саркелла, въ низовьяхъ Дона находилась, какъ мы уже упоминали, торговая греческая колонія Танаисъ [4]). Здѣсь же извѣстна болѣе поздняя колонія — венеціанская и генуэзская Тана [5]).

Если не считать извѣстій о присоединенной в. к. Святославомъ къ русскимъ владѣніямъ хозарской крѣпости Саркеллѣ [6]), мѣстонахожденіе которой на Дону до сихъ поръ не пріурочено къ какому-либо опредѣленному пункту, то у насъ нѣтъ другихъ частныхъ *историческихъ* свѣдѣній о существовавшихъ по нижнему Дону христіанскихъ поселеніяхъ, прикосновенныхъ къ Россіи и, съ учрежденіемъ Сарайской епархіи, перешедшихъ въ вѣдѣніе Сарайскаго епископа. Фактъ же существованія такихъ поселеній, предполагаемый грамотами митрополитовъ XIV вѣка, оказывается несомнѣннымъ и для болѣе ранняго времени послѣ недавнихъ археологическихъ на-

---

[1]) У *Строева*. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей. Москва. 1875 г.

[2]) Труды IX Археологическаго Съѣзда въ г. Вильнѣ. Москва. 1895 г. Статья: „Гдѣ находилась хазарская крѣпость Саркеллъ“, стр. 265—266.

[3]) Полн. собр. русск. лѣт. Т. I, стр. 56.

[4—5]) Труды IX Арх. Съѣзда, стр. 265. — Acta et diplomata graeca, edid. Miclosich et Müller. Wien. № CLXII. Здѣсь упоминаются священники изъ г. Таны (*ταναΐται*). Актъ относится къ 1356 г. — Священники — *ταναΐται* находились, какъ видно изъ этого акта, въ церковной зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, которому приносили они жалобу на Аланскаго епископа, ихъ притѣснявшаго (Сообщено Ю. А. Кулаковскимъ).

[6]) О *разрушеніи* Саркелла въ лѣтописяхъ не упоминается.

Digitized by Google

ходокъ въ этой части Дона, состоящихъ изъ цѣлаго ряда христіанскихъ памятниковъ X—XII вѣковъ.

Всѣ эти памятники найдены въ юртѣ Цимлянской станицы, области войска Донскаго, въ такъ-называемомъ „Поповомъ городищѣ".

Есть извѣстіе о находкѣ здѣсь еще въ 1820 г. *янтарнаго креста*[1]). Въ 1884 году г.г. В. И. Сизовымъ и В. К. Трутовскимъ открыта внутри городища, занимающаго пространство около трехъ десятинъ, „древняя стѣна какого-то зданія, имѣвшаго, повидимому, *закругленіе*"[2]). Раскопками 1887 г. констатировано здѣсь мѣстонахожденіе *христіанскаго храма* и обнаружены три обломка колоннъ, на одной изъ которыхъ находится *изображеніе креста* Византійскаго стиля[3]).

Близъ древней стѣны еще г.г. Сизовымъ и Трутовскимъ найдены:

1) *Два креста-складня,* отлитые изъ мѣди. Оба креста лежали у скелета. Кресты украшены по краю рубчиками, образующими какъ бы веревочку. Подобные кресты, говоритъ Сизовъ, *встрѣчаются въ курганахъ центральной Россіи,* и потому, по его мнѣнію, могутъ быть отнесены къ XI—XII вѣкамъ[4]).

2) Фрагментъ сосуда красной глины, обжогой и цвѣтомъ напоминающій херсонскіе сосуды, украшенъ рельефнымъ *изображеніемъ креста* равноконечнаго съ расширенными и закругленными краями. Подобнаго типа кресты, говоритъ Сизовъ, встрѣчаются на херсонскихъ монетахъ X вѣка[5]).

3) *Крестикъ равноконечный,* вырѣзанный *изъ камня* сѣроватаго цвѣта. Подобные кресты, по словамъ Сизова, могутъ относиться къ X вѣку, но встрѣчаются и позднѣе[6]).

Въ 1887 году внутри Цимлянскаго „Попова городища" найдены:

4) Состоящій изъ двухъ половинокъ (цѣлый) бронзовый крестъ, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ Распятія Господа нашего Іисуса Христа; на оборотной сторонѣ — углубленіе восьмиконечнаго креста съ остатками металлической эмали сребровиднаго цвѣта, которою углубленіе это было заполнено[7]).

5—6) Бронзовыя вызолоченныя двѣ половинки отъ разныхъ крестовъ — одна съ изображеніемъ Распятія, другая съ иконой „Знаменія Божіей Матери".

7) Обломокъ одной половинки бронзоваго креста съ изображеніемъ, по всей вѣроятности, св. Архистратига Михаила.

8) Небольшой крестикъ мѣдный, составлявшій, вѣроятно, какое-либо украшеніе. Въ ушкѣ этого крестика — приржавѣвшій металлическій (тоже мѣдный) обломокъ.

---

1) Труды I Археол. Съѣзда. Т. I, стр. 170. Примѣчаніе.

2) Труды VI Археол. Съѣзда, Т. IV, стр. 275.

3) Ibid., стр. 279. — Обломки мраморныхъ колоннъ, имѣвшихъ въ діаметрѣ болѣе 2 четв. аршина, были найдены въ Цимлянскомъ городищѣ еще въ концѣ прошлаго столѣтія. — Труды I Арх. Съѣзда, Т. I, стр. 170. Примѣч.

4) Ibid., стр. 275.

5) Ibid., стр. 276.

6) Ibid., стр. 277.

7) Христіанскія древности Цимлянскаго „Попова городища", показанныя подъ №№ 4—11, были изданы нами въ *Памятной книжкѣ Воронежской губ.* 1894 г. въ приложеніи къ нашей статьѣ „Матеріалы по археологіи Дона". Кромѣ того часть этихъ древностей (безъ № 7) изданы въ Трудахъ IX Археологическаго Съѣзда рис. 71, стр. 272. — Древности эти хранятся въ Донскомъ областномъ Музеѣ, въ г. Новочеркасскѣ.

Digitized by Google

9) Крестикъ бронзовый, или изъ спрута, съ ушкомъ.

10) Двѣ половинки мѣднаго, или быть можетъ — изъ спрута, покрытаго патиною, креста, съ изображеніемъ *святыхъ русскихъ князей и страстотерпцевъ Бориса и Глѣба* (первый — въ правой рукѣ держитъ церковь, а второй — въ лѣвой, кажется, крестъ) и *русскою надписью* ихъ именъ.

11) Крестъ изъ какого-то простого сѣраго камня съ просверленною вверху дырочкою для подвѣски.

Вмѣстѣ съ перечисленными христіанскими древностями, представляющими собою незначительную часть подобнаго рода древностей Цимлянскаго „Попова городища", съ давняго времени расхищаемаго окрестнымъ населеніемъ, здѣсь найдена еще не безынтересная для насъ *русская монета,* такъ-называемое „Владимірово сребро" третьяго типа[1]).

Присутствіе русской монеты между перечисленными находками и русскихъ крестовъ не говоритъ ли за существованіе русской народности въ предѣлахъ Цимлянскаго городища? Судя же по общему характеру населенія южной Россіи въ домонгольскій періодъ[2]), русскіе, вѣроятно, перемѣшивались здѣсь съ другими народностями, на что указываетъ и смѣшанный характеръ открытыхъ здѣсь памятниковъ[3]).

Такимъ образомъ, хотя нѣтъ прямыхъ извѣстій о времени распространенія христіанства на Дону, а есть только косвенныя (выгодное географическое положеніе Придонскаго края; торговыя сношенія съ Черноморскими греческими колоніями, въ первые вѣка по Рожд. Христовѣ; близость къ Дону русскихъ областей, принявшихъ христіанство въ XI—XII вѣкахъ, въ связи съ прочною колонизаціею Придонскаго края русскими около этого времени; грамоты XIV вѣка митрополитовъ Ѳеогноста и Алексія на Червленный Яръ, бросающія свѣтъ на время домонгольское), однако ихъ достаточно для убѣжденія въ томъ, что христіанство въ Придонскомъ краѣ существовало уже въ домонгольское время. Къ этому выводу пришелъ, какъ мы видѣли, и профессоръ Е. Е. Голубинскій, имѣющій въ виду, впрочемъ, не весь Донъ, а только его верховье и отчасти среднее теченіе этой рѣки въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губерніи. Христіанскія древности X—XII вѣковъ, открытыя въ Цимлянскомъ горо-

---

[1]) Издана въ *Пам. кн. Ворон. губ.* 1894 г. Монета эта и нѣкоторыя изъ находокъ въ Цимлянскомъ городищѣ (въ томъ числѣ одна половинка мѣднаго креста, каменный крестикъ и др.) пріобрѣтены изъ рукъ крестьянъ (Труды IX Арх. Съѣзда, стр. 273).

[2]) Проф. *Знаменскаго.* Руководство по русской церковной исторіи. Казань 1888 г., стр. 16.

[3]) Кресты, означенные у насъ подъ №№ 4—7 по типу отнесены къ „Корсунскимъ" X—XI вѣковъ. Кресты эти были на разсмотрѣніи профессоровъ Д. Ив. Прозоровскаго и Н. В. Покровскаго. — Первый призналъ кресты Корсунскими. Особенно интереснымъ онъ считалъ изображеніе на одномъ изъ крестовъ Божіей Матери, такъ какъ видѣлъ на груди ея греческое изображеніе „Знаменія" т.-е. Спасителя. Форма эта — „воплощеніе", или изображеніе Спасителя во чревѣ ведется чуть-ли не со времени Константина, посвятившаго Богоматери свой городъ. У насъ, въ Россіи, въ Новгородѣ, она получила названіе „Знаменія", и Божія Матерь изображалась по поясъ, съ воздѣтыми кверху руками.

Второй далъ о крестахъ такой отзывъ: „На нихъ видны остатки металлической эмали, весьма твердой. Надписи и изображенія чисто византійскія. Кресты такого типа были носимы монахами на спинѣ. Особая форма эмальированнаго креста на одномъ изъ крестовъ (№ 4) есть чисто греческая и появилась она съ VIII до XII вѣка; но по другимъ признакамъ кресты эти можно отнести къ періоду между X—XII вѣками" (*Памятн. кн. Ворон. губ.* 1894 г., стр. 198—199).

Digitized by Google

дищѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и нижняя часть Дона была просвѣщена христіанствомъ и, повидимому, даже ранѣе того времени, когда произошло знаменательное событіе крещенія русскаго народа при св. Владимирѣ [1]).

---

[1]) По постройкѣ, Цимлянское городище производитъ впечатлѣніе „древняго укрѣпленнаго жилища" Надъ р. Дономъ, на полугорѣ, находится въ этомъ мѣстѣ „огромный камень, на которомъ высѣченъ крестъ" (Труды IX Арх. Съѣзда, стр. 267) „византійской формы съ греческою (?) надписью, отъ времени значительно утратившеюся" (ibid., 275).

Digitized by Google

О разработкѣ географической номенклатуры.

И. П. Филевича.

Вопросы, связанные съ географической номенклатурой, были не разъ обсуждаемы на археологическихъ съѣздахъ, а рядъ предлагаемыхъ съѣздамъ относительно ея запросовъ, не получившихъ достаточнаго разъясненія, тянется непрерывно до настоящаго съѣзда. Запросы эти, и частнаго, и общаго характера, показываютъ, что обсужденіе научнаго значенія номенклатуры еще далеко не закончено.

Настоящія замѣчанія могутъ быть поэтому не неумѣстны. При крайней сложности предмета, они врядъ ли могутъ исчерпать его, но я рѣшаюсь предложить ихъ вниманію съѣзда въ томъ убѣжденіи, что уясненію подобныхъ вопросовъ значительно содѣйствуетъ общее обсужденіе.

Исторія разработки занимающаго насъ матеріала можетъ быть изложена въ немногихъ словахъ.

Номенклатура играетъ роль уже на первыхъ страницахъ нашего дѣеписанія. Здѣсь встрѣчаемъ такія, напримѣръ, соображенія: „и отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ, яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава“. Тоже о Полочанахъ: „нарекошася Полочане рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота“, а также о Полянахъ: „Полями прозвани быша, зане въ поли сѣдяху“ (Лавр. 5, 28). Подобныя соображенія доказываютъ, какъ естественно чувство, что „земля есть книга, въ которой исторія человѣческая записывается въ географической номенклатурѣ“ (Надеждинъ). Этимъ и объясняется цѣлый рядъ ссылокъ на номенклатуру, начиная съ древности и до настоящаго времени. Въ большинствѣ случаевъ эти ссылки выражались или въ остроумныхъ, а иногда и весьма неуклюжихъ этимологизаціяхъ названій, или въ комбинаціяхъ, основанныхъ на созвучіи словъ. Послѣднія, вытекая изъ простой ассоціаціи звуковъ, приводили обыкновенно къ воздушнымъ путешествіямъ въ безбрежномъ пространствѣ, къ произвольнымъ гипотезамъ о племенныхъ миграціяхъ, и они-то главнымъ образомъ составили номенклатурѣ плохую славу матеріала крайне ненадежнаго. Достаточно указать на цѣлый рядъ соображеній о Руси и Ляхахъ, которыя основаны исключительно на подобозвучіи, на мнѣнія о связи Чеховъ и амударьинскихъ Кехіевъ, Суоми и Сумировъ и т. п., имъ же нѣсть числа. Сюда

Digitized by Google

же слѣдуетъ отнести общеизвѣстныя указанія на связи Смолянъ, Дреговичей, Кривичей балканскихъ и русскихъ, соображенія Бѣляева о полоцкой колонизаціи на широкомъ пространствѣ земель западнорусскихъ, Хлѣбовскаго о поморской колонизаціи въ земляхъ ляшскихъ и проч. и проч. Крайностей избѣжали лишь весьма немногіе изслѣдователи, не обходившіе номенклатуры, но, кажется, избѣжали только потому, что они пользовались номенклатурой лишь какъ вспомогательнымъ матеріаломъ. Выводы ихъ опирались на другихъ, преимущественно письменныхъ данныхъ, а номенклатура привлекалась лишь по стольку, по скольку она подтверждала эти выводы, и слѣдовательно, самостоятельнаго значенія ей не приписывалось.

Въ славянской литературѣ прежнихъ лѣтъ мнѣ извѣстны двѣ попытки освѣтить значеніе географической номенклатуры, какъ самостоятельнаго научнаго матеріала. Одна принадлежитъ Ходаковскому, другая Надеждину.

Ходаковскій отмѣтилъ одинъ безспорный фактъ — частую повторяемость нѣкоторыхъ названій на громадномъ пространствѣ нынѣшней славянской территоріи и указалъ связь этого факта съ нѣкоторыми сторонами жизни славянскаго племени. Объяснять этотъ фактъ случайностью не было никакой возможности, и теорія Ходаковскаго, высказанная къ тому же съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, плѣняла многихъ не только въ первой четверти нынѣшняго вѣка, но и долго спустя.

Надеждинъ, подобно Ходаковскому, настаиваетъ на самостоятельномъ значеніи номенклатуры, но объясненіе этого значенія онъ нашелъ не въ поэтическихъ и религіозныхъ представленіяхъ народа, а въ томъ, что номенклатура представляетъ слѣдъ существованія и дѣятельности человѣка, иначе говоря, представляетъ *фактъ этнологическій*. Въ этомъ смыслѣ Надеждинъ указалъ на географическую карту, какъ на „первую страницу исторіи“, какъ на *самостоятельный ея источникъ*, ибо „одинаковость чекана“ особенно географическихъ названій на извѣстномъ пространствѣ территоріи есть прямое и, конечно, древнѣйшее свидѣтельство о племенномъ характерѣ ея населенія. Надеждинъ разсмотрѣлъ карту современной Россіи, и по предѣламъ распространенія на ней преимущественно рѣчныхъ названій, какъ наиболѣе устойчивыхъ и слѣдовательно древнихъ, намѣтилъ приблизительно древнѣйшія границы племенъ (подробнѣе объ этомъ въ моей Ист. др. Руси I, 25 сл.).

Взгляды Ходаковскаго и Надеждина представляютъ двѣ самостоятельныя теоріи, охватившія громадный матеріалъ и представившія попытку объяснить его значеніе. Въ настоящее время не можетъ быть спора, что теорія Ходаковскаго искусственна, и въ развитіи науки она представляетъ, такимъ образомъ, лишнее подтвержденіе того факта, что искусственныя теоріи и системы предшествуютъ естественнымъ. Также точно не можетъ быть спора, что знаменитый Надеждинскій „Опытъ исторической географіи русскаго міра“ полагаетъ начало *географіи этнологической*. Ясно, въ чемъ заключается ея отличіе отъ географіи исторической. Послѣдняя обращается къ картѣ, какъ къ пособію, налагаетъ на нее мѣста и границы, указываемыя другими источниками и, такимъ образомъ, получаетъ условныя, конечно, карты извѣстнаго времени. Для географіи этнологической карта, т.-е. современная карта, имѣетъ значеніе самостоятельнаго источника, который долженъ быть изученъ всесторонне, и только послѣ такого изу-

Digitized by Google

ченія добытый результатъ поступаетъ въ распоряженіе историка, получающаго, такимъ образомъ, новый матеріалъ, подлежащій его освѣщенію.

Каково же современное положеніе этнологической географіи у насъ въ Россіи? Положеніе это нельзя характеризовать вообще. Разныя части русской территоріи разработаны въ номенклатурномъ отношеніи неодинаково, а это оказываетъ весьма замѣтное вліяніе на отношеніе у насъ къ номенклатурному матеріалу.

Что касается положенія дѣлъ съ спеціально русской географической номенклатурой, то вотъ какъ сравнительно недавно характеризовалъ его покойный проф. Н. Барсовъ. Говоря о затрудненіяхъ, какія приходилось ему встрѣчать при своихъ работахъ, онъ отводитъ „главное мѣсто указаніямъ и свидѣтельствамъ современной географической номенклатуры, за которыми признается обыкновенно важное значеніе, но, собственно говоря, признается больше на вѣру, чѣмъ по сознательному и оправданному критикой убѣжденію". Если прибавить, что данныя этой номенклатуры привлекались Барсовымъ лишь какъ дополненіе къ указаніямъ письменныхъ источниковъ [1]), а въ цѣломъ рядѣ очерковъ древнерусскихъ земель, представленныхъ кіевской школой, мы имѣемъ лишь краткіе очерки исторической географіи за время съ X или даже XI по XIV в., то нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ одного изъ представителей этой школы, что номенклатура нашихъ западныхъ областей, какъ этнологическій матеріалъ, совершенно не подвергалась разработкѣ (*П. Голубовскій,* Истор. Смол. з. 39), и слѣдовательно приведенныя выше слова Барсова сохраняютъ полную силу и теперь. Но если состояніе разработки географической номенклатуры въ полосѣ древнерусскихъ княжествъ не представляетъ матеріала для обсужденія, то о другихъ частяхъ Россіи этого нельзя сказать. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи финскій сѣверо-востокъ. Въ разработкѣ его древности, за отсутствіемъ письменныхъ свидѣтельствъ, видное мѣсто заняла географическая номенклатура.

Уже Шёгренъ ожидалъ отъ основательнаго изученія рѣчныхъ и другихъ названій не только „благотворныхъ", но даже „неожиданныхъ" для исторіи Россіи послѣдствій. Не меньшее значеніе придавали географической номенклатурѣ Кастренъ и Европеусъ. Въ послѣднее время проф. И. Н. Смирновъ представилъ возможно полный анализъ номенклатуры финскаго сѣверо-востока въ цѣломъ рядѣ историко-этнографическихъ очерковъ о Черемисахъ, Вотякахъ, Пермякахъ и Мордвѣ. Изложу вкратцѣ главнѣйшія его соображенія по занимающему насъ вопросу.

„Первый вопросъ, который долженъ поставить себѣ изслѣдователь, приступающій къ исторіи Пермяковъ (равно какъ, прибавлю, и всякаго другого племени) — это вопросъ о ихъ древней родинѣ — были ли они аборигенами занимаемыхъ нынѣ земель или пришли въ нихъ откуда нибудь извнѣ. Отвѣтъ на него заключается прежде всего въ мѣстныхъ названіяхъ зыряно-пермяцкаго края. Разбираясь въ этихъ названіяхъ, мы

---

[1]) Данныя современной карты разработаны Барсовымъ главнымъ образомъ по отношенію къ названіямъ, связаннымъ съ названіями т. н. племенъ. По предѣламъ распространенія этихъ названій Барсовъ пытался опредѣлить племенныя границы древнихъ частей русскаго славянства. Въ большинствѣ случаевъ, однако, эти названія, по своему чисто топическому характеру, не могутъ привести ни къ какимъ заключеніямъ, и номенклатура должна здѣсь уступить мѣсто другимъ дисциплинамъ. (Ср. Ист. др. Руси, 45, 216).

Digitized by Google

можемъ опредѣлить этнографическія наслоенія края, что̀ принадлежало когда-то племени Коми и что другимъ этнографическимъ элементамъ" (Пермяки 78). Такое опредѣленіе облегчается на финской территоріи тѣмъ обстоятельствомъ, что финскія названія текучихъ водъ состоятъ обыкновенно изъ слова, обозначающаго воду, рѣку съ какимъ нибудь опредѣляющимъ свойство отдѣльной рѣки или ручья словомъ[1]). Въ области нынѣшнихъ Пермяковъ преобладаютъ названія съ окончаніемъ *ва* или *шоръ*. Особенный интересъ представляетъ для насъ первое.

Окончаніе *ва* замѣняется въ устахъ Русскихъ и, повидимому, Вотяковъ окончаніемъ *ма,* которому, какъ увидимъ, принадлежитъ извѣстная роль въ объясненіи смысла финскихъ названій и слѣдовательно въ финской этнологіи. Эти окончанія оказываются въ дѣйствительности однозначащи. Путь, какимъ добытъ этотъ результатъ, весьма интересенъ. Онъ намѣченъ уже въ очеркѣ „Вотяки", гдѣ изслѣдователь, по выдѣленіи изъ всей массы мѣстныхъ названій тѣхъ словъ, которыя объясняются изъ вотскаго языка, а также русскихъ, встрѣтилъ множество такихъ словъ, которыя, съ точки зрѣнія вотскаго языка, оказываются комплексами звуковъ безъ всякаго значенія. Повторяющимися частями въ этихъ названіяхъ являются звуки *ма* и *вай*. Сопоставленіе такихъ названій съ пермскими доказываетъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ общіе корни (приведенъ перечень такихъ названій), а это даетъ право заключить, что суффиксы *ма* и *ва,* связанные съ одними и тѣми же корнями, должны быть тождественны по значенію. „Въ виду того, что *ва* въ зыряно-пермяцкомъ нарѣчіи означаетъ воду и рѣку, мы, говоритъ г. Смирновъ, заключаемъ, что тоже значеніе имѣетъ и *ма*. Этотъ выводъ, правильность котораго оспаривать трудно, имѣетъ важное историко-географическое и этнографическое значеніе. Онъ даетъ намъ право сказать, что народъ, разбросавшій по губерніямъ Костромской, Вологодской, Вятской и Пермской массу рѣчныхъ названій съ окончаніемъ на *ма,* говорилъ языкомъ, представлявшимъ одно изъ развѣтвленій обширной группы діалектовъ, отъ которыхъ въ настоящее время уцѣлѣли зырянскій, пермяцкій и вотскій. Наше убѣжденіе въ его правильности укрѣпляется еще тѣмъ, что кромѣ параллельныхъ пермяцкихъ названій мы имѣемъ и параллельныя вотяцкія[2]).

Такимъ образомъ извѣстное кастреновское объясненіе названій на *ма* (якобы изъ маа — земля) оказывается искусственнымъ и невѣрнымъ. Вѣрное объясненіе добыто путемъ сопоставленія рѣчныхъ названій на значительномъ пространствѣ древне-финской территоріи. Изученіе карты открываетъ и другіе признаки рѣчной номенклатуры. Нѣкоторыя названія распространены лишь на небольшомъ пространствѣ, что̀ придаетъ имъ особенно руководящее значеніе въ глазахъ этнографа. Такъ, напримѣръ, названія съ окончаніемъ *вай* „распространены въ уѣздахъ Глазовскомъ, Сарапульскомъ, Малмыжскомъ; совершенно отсутствуютъ въ Вятскомъ, Орловскомъ, Котельницкомъ;

---

[1]) Подробный перечень этихъ опредѣлителей приведенъ проф. Смирновымъ въ его докладѣ на Моск. Междунар. Конгрессѣ доистор. археол. и антропологіи: Contributions à l'ethnographie préhistorique de la Russie centrale et du nord-est. См. Труды Конгресса, т. I, стр. 104—108.

[2]) Вотяки 30—39. Рядъ параллелей въ названіяхъ на *ма* и *ва* стр. 33, на *ма* и *шуръ,* стр. 34. Къ этимъ даннымъ прибавлены новыя въ „Пермякахъ" стр. 80.

Digitized by Google

дважды встрѣчаются въ Слободскомъ и одинъ разъ въ Нолинскомъ" (Вотяки 34). Въ другихъ случаяхъ обнаруживается какая-то связь между номенклатурными фактами. Такъ рѣки съ окончаніемъ *юг* являются большею частью притоками рѣкъ съ окончаніемъ *ма* (Перм. 82).

Предѣлы распространенія рѣчныхъ названій съ характерными пермскими признаками оказываются, далѣе, весьма широкими. Начиная обзоръ ихъ съ тѣхъ мѣстъ, „гдѣ Пермяки до сихъ поръ составляютъ плотную, обособленную языкомъ и бытомъ массу" (Пермск. губ.), проф. Смирновъ указываетъ ихъ на сѣверѣ — въ бассейнѣ Вычегды, Печоры и за Ураломъ до Оби, на юго-востокѣ по Чусовой и Камѣ до устья Вятки, далѣе, на западѣ, въ области сѣверныхъ притоковъ Ветлуги, въ губерніяхъ Костромской, Владимирской, Московской, даже Калужской. Протва является ихъ крайнимъ представителемъ на югѣ. На сѣверо-западѣ граница этихъ названій совпадаетъ съ границей губерній Вологодской и Новгородской, далѣе они тянутся въ Олонецкой и Архангельской (Пермяки, 90—98). Но не исключительно эти названія характеризуютъ всю отмѣченную территорію. „На западъ отъ р. Юга до истоковъ Сухоны, захватывая обширную территорію на сѣверъ до Ледовитаго океана и на югѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти до Волги" оказываются названія съ окончаніемъ *нга*. Они встрѣчаются въ такомъ количествѣ, что ихъ распредѣленіе слѣдуетъ считать такимъ же фактомъ, какъ существованіе массы однородныхъ названій на *ва* (Пермскій край) и *лей* (Поволжье отъ Нижняго до Саратова), т.-е. они указываютъ на „былое присутствіе какой-то крупной народности". Ей принадлежатъ, по мнѣнію проф. Смирнова, названія самыхъ крупныхъ рѣкъ очерченной территоріи — Сухоны, Мезени и вѣроятно Двины, причемъ первоначальныя формы этихъ названій, неискаженныя Русскими, всего вѣроятнѣе сохраняются въ названіяхъ мелкихъ рѣчекъ, какъ Суконька (га), Меженга. Очень можетъ быть, что и названіе Двина образовалось изъ болѣе ранняго Дивинга (Пермяки 99—102. Ср. 43, гдѣ указано, что названіе Двина не можетъ стоять въ связи съ зырянскимъ словомъ *вынъ* — сила, какъ думалъ Шёгренъ, ибо откуда въ русской формѣ явилось бы *д*).

Какому народу принадлежатъ эти названія — Лопарямъ или Югрѣ, это требуетъ выясненія и прежде всего по тѣмъ даннымъ языка земли, какія заключаются въ безспорно лопарскихъ и безспорно югорскихъ названіяхъ рѣкъ. Карта указываетъ взаимодѣйствіе названій обоихъ типовъ, т.-е. съ окончаніемъ *ма (ва)* и *нга*. „Нѣкоторыя изъ названій на *нга* представляются сложными изъ пермскихъ названій съ окончаніями на *ма (ва)* и *шоръ* съ угорскимъ или лопарскимъ (?) суффиксомъ *нга*", напримѣръ, Молм-анга и Молома, Вамшер-анга и Вамшоръ и др. (Перм. 105—106). Это явный слѣдъ борьбы племенъ. Слѣды Вогуловъ замѣтны здѣсь и въ топографіи, какъ замѣтны они по восточнымъ притокамъ Камы (Перм. 109). „Факты, которые мы привели, замѣчаетъ проф. Смирновъ, свидѣтельствуютъ что на очерченномъ пространствѣ Коми жили 1) не одни, 2) не одновременно, а передвигались постепенно съ юга на сѣверъ, въ область Югры. Отношенія Коми къ народу, который жилъ на западъ отъ р. Юга, недостаточно ясны. Что онъ изстари занималъ теченіе Сухоны слѣдуетъ уже изъ самаго названія этой рѣки. Но какимъ образомъ Коми являются на западѣ

Digitized by Google

въ бассейнѣ Костромы, Вязьмы, Москвы-рѣки, занимая островъ, окруженный югорскими и булгарскими Финами? Этотъ вопросъ, равно какъ и вопросъ о томъ, когда жила Пермь за Ураломъ въ области Обскаго бассейна и жила ли она тамъ или только заходила на промыслы, мы оставляемъ открытымъ" (Перм. 111—112). Роль этнологической географіи кончена, обслѣдованіе намѣченныхъ ею вопросовъ должны взять на себя другія диспиплины, задача которыхъ значительно упрощается, благодаря окончательному выводу этнологической географіи, по которому оказывается, что „на пространствѣ, которое нынѣ занимаютъ и прежде занимали Коми, нѣтъ другихъ слѣдовъ, кромѣ оставленныхъ этими послѣдними и Югрой († Лопари?)" (Перм. 113).

Весь этотъ результатъ добытъ изученіемъ карты[1]). Окончательное его уясненіе требуетъ, конечно, филологическаго анализа названій, но, во-1-хъ и самъ по себѣ добытый результатъ не маловаженъ. Онъ возбуждаетъ вопросы и въ значительной степени освѣщаетъ путь ихъ рѣшенія. Во-2-хъ для филологическаго анализа требуется прежде всего полное сведеніе того же номенклатурнаго матеріала, т.-е. полное изученіе карты. Безъ этого филологъ не будетъ стоять на твердой почвѣ. И это понятно. Повторяемость названій обусловливается самою ихъ сущностью: названія не могутъ быть комплексами звуковъ безъ значенія, а представляютъ въ общемъ или характеристику природы мѣста, или — дѣятельности человѣка, или, наконецъ, простую отмѣтку связи человѣка съ мѣстомъ. Такъ это у Финновъ (*Смирновъ,* Вотяки 31, Мордва 6), такъ это и у Славянъ, т.-е. въ частности и у Русскихъ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе чистой въ номенклатурномъ отношеніи славянской полосѣ (см. мою Ист. др. Руси, 99 слл.), и естественно поэтому, что рядъ одноименныхъ названій, среди которыхъ могутъ быть формы древнѣе или лучше сохранившіяся, долженъ представлять для филолога исходный матеріалъ при анализѣ и объясненіи названій. Приведенный выше примѣръ объясненія названій Сухона, Мезень и, быть можетъ, Двина представляетъ тому лучшее доказательство. Если онъ и не объясняетъ смысла названій, то несомнѣнно представляетъ единственный путь къ уясненію этого смысла и уже поэтому составляетъ дѣйствительное, а не мнимое пріобрѣтеніе науки, какъ многія чисто филологическія, т.-е. отрѣшенныя отъ карты объясненія. Выше указано было такое объясненіе названія Двина у Шёгрена. По другому такого же рода объясненію, акад. Куника, тоже названіе стоитъ въ связи съ числомъ два „so dass demnach Dwina (vgl. bini und bis; dwynà, Dualform für Zwillinge; ahd zuinnilinc, zwēne masc. u. s. w.) der entzweiende oder zwei Ufer des festen Landes trennende Fluss sein würde". (*Bielenstein,* Die Grenzen... 490. По

---

[1]) Изъ указанныхъ работъ проф. Смирнова особеннаго вниманія въ занимающемъ насъ отношеніи заслуживаютъ „Пермяки". Здѣсь карта разработана всего полнѣе, оттого и выводы чрезвычайно существенные. Что касается „Мордвы", то, на мой взглядъ, почтенный авторъ остановился здѣсь на полупути,— не раздвинулъ номенклатурнаго анализа за предѣлы нынѣшней мордовской территоріи, на губерніи Тамбовскую, Воронежскую, Курскую, Орловскую, гдѣ прежде предполагалъ первоначальную мордовскую территорію (Черемисы 10), и вслѣдствіе этого долженъ былъ ограничиться весьма нерѣшительнымъ выводомъ: „благодаря открытію сокращенныхъ мордовскихъ мѣстоназваній, необходимость искать древнюю родину Мордвы далеко за предѣлами ея нынѣшняго края какъ будто устраняется" (стр. 10). Открытіе это врядъ ли можетъ успокоить изслѣдователей.

Digitized by Google

мнѣнію акад. Куника, это названіе было перенесено Новгородцами и на сѣверную Двину. Почему именно на с. Двину, а не на всякую другую рѣку — неизвѣстно). О различіи между объясненіемъ перваго и втораго рода говорить, конечно, нечего; но что это различіе обусловливается именно методомъ изслѣдованія древности, доказательство на лицо. Акад. Куникъ въ своемъ объясненіи исходитъ изъ того, что з. Двина протекаетъ по значительной части той территоріи, которая „als erster nachweisbarer Ursitz des Slavenstammes anzusehen ist". По другому методу древнѣйшая территорія племени, которую можно съ точностью указать, должна быть опредѣлена прежде всего по даннымъ номенклатуры, и слѣдовательно въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время, если и можно говорить о первоначальной территоріи Славянъ, то во всякомъ случаѣ къ ней надо подходить отъ рѣчныхъ названій, а не наоборотъ— ставить предположеніе о древнѣйшей славянской территоріи исходной точкой ихъ объясненія[1]). Впрочемъ, о методѣ изученія древности я имѣлъ случай подробно говорить въ другомъ мѣстѣ (Ист. др. Руси I, 25—68).

Возвращаясь къ даннымъ номенклатуры, замѣчу, что опредѣленные типы названій характеризуютъ не только нынѣшній сѣверо-востокъ Россіи. Въ „Ист. др. Руси" (стр. 123) я имѣлъ случай отмѣтить рядъ рѣкъ съ окончаніемъ *сса, са, за, ша* на территоріи между Вислой, Березиной днѣпр., Припятью и моремъ. Этотъ рядъ представляетъ прямую параллель рядамъ названій на *ма (ва), нга, лей,* но относить его насчетъ финнизма едва ли слѣдуетъ до подробнаго изученія карты Литовской территоріи.

Что касается славянской, въ частности русской, номенклатуры, то указанныя выше категоріи названій выражаются въ ней не отдѣльными опредѣлителями, придающими номенклатурѣ типичный характеръ, а суффиксами. Сущность, конечно, остается таже, но, благодаря этому, на русской территоріи нельзя указать типичныхъ полосъ, подобныхъ финскимъ или литовской (?). Быть можетъ, поэтому анализъ славянской номенклатуры, особенно распредѣленіе ея матеріала по извѣстнымъ группамъ, труднѣе. (Заслуживающій вниманія опытъ такого распредѣленія представилъ *T. Wojciechowski,* Chrobacya. Rozbior starożytności słowiańskich. Kraków 1872). Зато очень ярко обнаруживается на картѣ территорія сравнительно однородной и смѣшанной номенклатуры, намѣчается такимъ образомъ гнѣздо племени и его окраины. Не малое значеніе получаетъ въ этомъ случаѣ и тотъ фактъ, что порубежья хранятъ слѣды прежняго населенія въ мѣстныхъ названіяхъ однородныхъ съ племен-

---

[1]) Въ указанномъ мѣстѣ акад. Куникъ очень горячо, словами Катона, призываетъ къ разработкѣ рѣчной номенклатуры: „ceterum censeo, potamologiam comparativam componendam et colendam esse". Присоединяясь всецѣло къ этому призыву, не могу не указать на одно весьма смущающее меня обстоятельство. Акад. Куникъ утверждаетъ здѣсь же, „что находящаяся въ пеленкахъ спеціальная дисциплина — сравнительная потамологія" — инаугурирована статьей Милленгофа о Дунаѣ. Извѣстно однако, что Милленгофъ въ этой статьѣ представилъ лишь филологическій анализъ слова Дунай, точнѣе — анализъ комплекса звуковъ, составляющихъ это слово. Никакой рѣшительно справки съ картой въ статьѣ Милленгофа не имѣется, и до сихъ поръ остаются неизвѣстными какъ предѣлы, такъ и степень распространенія названія Дунай въ географической номенклатурѣ. Какое же, спрашивается, отношеніе имѣетъ статья Милленгофа къ сравнительной потамологіи или къ сравнительной топографической ономастикѣ, на которую акад. Куникъ возлагаетъ тоже не малыя надежды?

Digitized by Google

ными. На финскомъ сѣверо-востокѣ имѣется цѣлый рядъ такихъ примѣровъ (см. *Смирновъ,* Черемисы 11—14; Вотяки 8—10, 13; о слѣдахъ Вогулъ, Пермяки 109), и именнно поэтому нельзя не придавать значенія совершенно аналогичнымъ фактамъ, какіе замѣчаются на западныхъ русскихъ окраинахъ: на Карпатахъ (Ист. др. Руси 170 сл., 186, 209) и въ Побужьи, гдѣ на небольшомъ сравнительно пространствѣ, преимущественно въ нынѣшнихъ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ, имѣется свыше 20 названій связанныхъ съ именемъ Руси. — На Карпатской территоріи замѣчается далѣе таже двойственность названій, какую у насъ представляетъ крайній сѣверовостокъ, причемъ тутъ и тамъ открывается одинаковая необходимость справокъ относительно названій у мѣстнаго населенія. Какъ многія названія на территоріи Вогулъ имѣютъ на нашихъ картахъ зырянскій характеръ, потому что сообщены были Русскимъ зырянскими проводниками (Пермяки 112), такъ на территоріи угасающей угорской Руси при оффиціальномъ Iglencz существуетъ названіе Глинянецъ, при Also-Karaslo — Зарѣчье и проч. и проч. — названія, о которыхъ можно узнать только или на мѣстѣ, или изъ церковныхъ схематизмовъ. Въ этихъ же схематизмахъ попадаются и другія указанія: „Czerchalom — *antea* Dubrovka, Gombas — *olim* Hribocz et Vorotnicza". Къ какому времени относятся эти antea и olim — неизвѣстно, какъ неизвѣстно въ точности, къ какому времени относится, напримѣръ, замѣна названія Сухона — Шелонью. (*Замысловскій,* Герберштейнъ 155). Во всякомъ случаѣ значеніе этихъ примѣровъ не подлежитъ сомнѣнію, и еще Надеждинъ требовалъ „предварительной работы надъ географической номенклатурой, восходящей отъ нынѣшнихъ названій къ древнимъ старобытнымъ, первоначальнымъ черезъ весь рядъ измѣненій, которыя они вытерпѣли".

Опредѣленіе измѣненій или исторія названій расширяетъ данныя современной карты, но именно это обстоятельство и должно, кажется, опредѣлять порядокъ номенклатурныхъ работъ. Надо прежде имѣть что расширять, т.-е. надо собрать матеріалъ, представляемый современной географической номенклатурой и надлежащимъ образомъ его разработать и только послѣ этого приступать къ расширенію и углубленію. На этомъ порядкѣ номенклатурныхъ работъ я смѣю особенно настаивать, какъ въ виду указаннаго выше безспорнаго значенія данныхъ современной географической карты, такъ и въ виду того, что самый успѣхъ разработки исторіи названій требуетъ не только полнаго изученія карты, но и дополняющихъ ее справокъ на мѣстѣ. Доказательства можно найти въ работѣ Н. Н. Оглоблина, Объяснительная записка къ картѣ полоцкаго повѣта во второй половинѣ XVI в. (Сборникъ Археол. Инст. 1880 кн. III—IV). Главнымъ источникомъ для этой работы послужили полоцкія писцовыя книги за время 1563—73 гг. и книга Рубежей. Весь матеріалъ, доставленный этими книгами, выражается въ цыфрахъ такимъ образомъ: 1) поселеній 551; 2) пустыхъ пунктовъ (т.-е. еще сравнительно недавно населенныхъ) 226; 3) пустошей 577 — всего 1354; кромѣ того безыменныхъ пунктовъ (т.-е. не описанныхъ, даже не поименованныхъ, а только перечисленныхъ) 1088. Итого вмѣстѣ 2442. (III, 23). Дополнительныя данныя прибавили еще 56 пунктовъ. При нанесеніи этого матеріала на карту удалось опредѣлить: 1) населенныхъ пунктовъ 190 (изъ 587 пунктовъ

Digitized by Google

писцовыхъ книгъ и дополнительныхъ данныхъ); 2) пустыхъ 40 (изъ 226); 3) пустошей 121 (изъ 599 писцовыхъ книгъ и дополн. данн.). Всего такимъ образомъ 351 пунктъ изъ 1412. При этомъ болѣе или менѣе достовѣрно опредѣлено 180 пунктовъ, а сомнительно 171 пунктъ (III, 27). Таковы результаты обслѣдованія памятника особенно богатаго номенклатурнымъ матеріаломъ и притомъ за позднее сравнительно время. Незначительность результата можетъ дать поводъ указывать на подвижность и слѣдовательно ненадежность матеріала. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Въ дѣйствительности мѣняется лишь характеръ населенности, и это очень ярко опредѣляется разными видами пустыхъ пунктовъ, куда относятся: 1) селища и пустоши съ храмами; 2) деревни съ пустыми дворами; 3) пустоши съ печищами; 4) наконецъ мѣста, гдѣ не осталось слѣдовъ жилья, а лишь названіе (III, 21). Именно этотъ послѣдній видъ и доказываетъ, что, при частыхъ измѣненіяхъ характера населенности, характеръ номенклатуры собственно не мѣняется, ибо движеніе совершается въ одномъ кругѣ: названія поселеній становятся названіями урочищъ и наоборотъ — новыя поселенія въ большинствѣ случаевъ получаютъ названія урочищъ, на которыхъ возникли. То, на что съ необыкновенной наглядностью указываютъ полоцкія писцовыя книги, происходитъ, конечно, и въ другихъ мѣстахъ (для примѣра ср. *T. Wojciechowski,* Chrobacya), такъ что взаимный обмѣнъ названій поселеній и урочищъ можно считать фактомъ достаточно установленнымъ. Конечно, съ увеличеніемъ населенія, расчисткой лѣсовъ и проч., должны возникать и новыя названія, но во-1-хъ они не могутъ выходить изъ предѣловъ указанныхъ выше категорій названій, а во-2-хъ въ номенклатурныхъ выводахъ можетъ имѣть значеніе или общій характеръ названій, при однородности, или процентное ихъ отношеніе при разнородности названій, т.-е. не отдѣльные, а массовые факты, которые не могутъ не имѣть значенія этнологическихъ показателей. Вотъ почему незначительное сравнительно количество нанесенныхъ г. Оглоблинымъ на карту пунктовъ объясняется съ гораздо большей вѣроятностью, не измѣнчивостью названій, а неполнотой матеріала, какимъ изслѣдователю пришлось ограничиться. Г. Оглоблинъ „не успѣлъ ознакомится“ съ мѣстными изданіями Витебской губерніи (губернскими и епархіальными вѣдомостями и памятными книжками) (III, 28), и что для насъ гораздо важнѣе — даже 3-верстная карта оказывается недостаточной для научнаго изслѣдованія. „Большая часть рубежей, говоритъ г. Оглоблинъ, описывается очень подробно: при описаніи ихъ упоминаются не только населенные и другіе пункты, рѣки, рѣчки, ручьи, озера, озерки, болота („мхи“ и „мшары“), горы, поля, лѣса, пожни, но и такіе мелкіе признаки, какъ — суходолъ, поляна, дубъ, камень и т. п. (встрѣчаются два непонятныхъ термина: „рѣпище“ и „тяжница“). Понятно, что изъ всѣхъ этихъ признаковъ я могъ пользоваться только такими крупными, какъ рѣки, рѣчки, ручьи, озера, озерки и болота. Правда, на 3-верстной картѣ можно различать и поля, и лѣса, и горы, но всѣ они — безъ названій“ (III, 35). Еще примѣръ. Въ рукописи упоминается „Нещерда, городъ“. По книгѣ Большого Чертежа извѣстно, что онъ стоялъ на озерѣ. Но на картахъ Витебской губерніи „подлѣ оз. Нещерды нѣтъ никакого селенія съ именемъ Нещерды... на 3-верстной военно-топографической картѣ есть знакъ селенія,

Digitized by Google

но — безъ имени“ (IV, 12). Очевидно, для нанесенія на карту этого пункта требуется справка на мѣстѣ и не только относительно непомѣченнаго на картѣ названія селенія, но и его урочищъ. Въ иномъ, конечно, положеніи находился бы изслѣдователь, будь у него подъ руками полный номенклатурный словарь.

Каковы результаты географическаго анализа болѣе древнихъ памятниковъ можно видѣть въ трудѣ А. Биленштейна (Die Grenzen des lettischen Volksstammes. S.-P-brg. 1892). Биленштейнъ разсмотрѣлъ по письменнымъ памятникамъ XIII в. весь номенклатурный матеріалъ нынѣшней латышской территоріи. Въ итогѣ получилось 172 названія. Но внушительность этой цыфры значительно ослабляется при распредѣленіи названій по областямъ и особенно по округамъ. Для округа Эрваленъ имѣется, напримѣръ, всего 1 названіе; въ четырехъ округахъ — всего по 2 названія, въ двухъ — по 3. Наибольшее количество названій для одного округа не превышаетъ 16 (Die Grenzen, 320—321). Если принять во вниманіе, что формы названій нерѣдко искажены до крайности, въ другихъ случаяхъ, гдѣ названія не соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ, пріуроченіе ихъ къ опредѣленнымъ мѣстамъ представляетъ не малыя затрудненія даже для мѣстнаго человѣка (какъ г. Биленштейнъ, и при исключительно благопріятныхъ условіяхъ работы) и многія пріуроченія Биленштейна возбуждаютъ сомнѣнія (см. отзывъ проф. Бецценбергера (Magazin d. lett-literar. Gesellschaft Bd. XIX, 3 St. Mitau 1894, стр. 97), наконецъ, что трудно быть увѣреннымъ, принадлежатъ ли указываемыя въ документахъ названія дѣйствительно жителямъ данной мѣстности или они приведены со словъ проводниковъ (подобно тому, какъ это мы видѣли у насъ на сѣв.-вост. съ зырянскими названіями на территоріи Вогулъ, и какъ это можно сказать о названіяхъ въ орденскихъ дорожникахъ; ср. отз. Бецценбергера стр. 90), то нельзя не сказать, что всестороннее изслѣдованіе названій латышскаго края за XIII в. дало результаты болѣе чѣмъ скромные. Вотъ почему одинъ изъ критиковъ труда г. Биленштейна — проф. Ширренъ — отнесся къ его статистическимъ даннымъ за XIII в. весьма скептически (Magazin, 62), а другой — Бецценбергеръ — и совсѣмъ не упомянулъ о нихъ.

Все сказанное даетъ, кажется, основаніе утверждать, что на исторію названій мы можемъ надѣяться лишь въ весьма отдаленномъ будущемъ. Сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи можно будетъ ждать лишь тогда, когда номенклатурный матеріалъ будетъ изученъ систематически по памятникамъ, по крайней мѣрѣ за нѣсколько вѣковъ. Что однако отсутствіе исторіи названій вовсе не лишаетъ значенія данныя современной географической карты, это мы видѣли, говоря о финскомъ сѣверо-востокѣ. Тоже самое можно сказать и о латышской части прибалтійскаго края. Оба упомянутые критика труда Биленштейна единогласно придаютъ существенное значеніе имѣющимся у Биленштейна даннымъ современной номенклатуры (Атласъ V, 2), а г. Бецценбергеръ, не соглашаясь съ Биленштейномъ относительно пріоритета Латышей, считаетъ возможнымъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, отослать читателя прямо къ указанной картѣ, вмѣсто всякихъ соображеній. (Отзывъ, Magaz. 132). Слѣдуетъ при этомъ принять во вниманіе, что изъ данныхъ современной номенклатуры Биленштейнъ воспользовался лишь названіями поселеній (Güter u. Bauerhöfe, Die Grenzen, 355), совершенно оставивъ въ сторонѣ названіе водъ и урочищъ. Свой матеріалъ

Digitized by Google

Биленштейнъ однако нанесъ на карту и показалъ на ней процентное отношеніе финскихъ названій къ латышскимъ. Результатъ этого мы видѣли[1]).

Въ томъ-то и заключается значеніе номенклатуры, что она вводитъ въ самую сущность этнологическихъ процессовъ, а при наложеніи ея данныхъ на карту вполнѣ наглядно представляются ступени воздѣйствія племенныхъ массъ другъ на друга, т.-е. какъ разъ то, о чемъ почти вовсе не говорятъ письменные источники.

Рядъ полосъ съ различнымъ номенклатурнымъ характеромъ — то съ названіями по языку однородными или опредѣленнаго типа, то съ названіями смѣшанными (напр. одни въ хорографіи, другія въ топографіи) или двойственными, то съ искалѣченными, какъ бы представляющими послѣднюю стадію борьбы, то наконецъ съ названіями уродливо искаженными или безсмысленно передѣланными — этотъ рядъ полосъ представляетъ яркую иллюстрацію этнологическихъ и вмѣстѣ историческихъ процессовъ, опредѣляя ихъ районъ полосами замиранія и прилива извѣстнаго рода звуковъ.

Этотъ матеріалъ можно свести къ цифрамъ, наложить на карту и получить такимъ образомъ наглядное отраженіе постепеннаго хода указанныхъ процессовъ. Это своего рода лѣтопись, и, безъ сомнѣнія, очень яркая. Надо прежде всего изучить эту лѣтопись, обслѣдовать въ возможной полнотѣ ея данныя, и только послѣ этого наступитъ естественный чередъ для привлеченія данныхъ по исторіи названій.

Языкъ земли въ тѣхъ полосахъ, которыя, въ большей или меньшей свѣжести формъ своей номенклатуры, увлекаютъ иногда изслѣдователя далеко отъ нынѣшняго ядра племени, воскрешаетъ передъ нами отдаленнѣйшую древность, обнаруживаетъ ея дѣйствительный племенной характеръ и избавляетъ такимъ образомъ изслѣдователя отъ той ошибки, которая столько вреда причиняла и причиняетъ наукѣ: ошибки судить о далекой старинѣ по современности, о древней, напр., Руси по нынѣшней Россіи. Въ тоже время номенклатура, указывая изслѣдователю опредѣленные районы племенныхъ воздѣйствій, заставляетъ его твердо держаться земли и не увлекаться племенными миграціями по случайнымъ намекамъ и упоминаніямъ, ибо изслѣдователь долженъ имѣть дѣло не съ единичными номенклатурными фактами, а съ цѣлыми полосами, въ языкѣ земли которыхъ безспорно отпечатлѣвается процессъ племенныхъ взаимодѣйствій.

Вотъ почему съ номенклатурными указаніями совпадаютъ рѣшительно всегда указанія этнографіи и діалектологіи — дисциплинъ, столь же ярко освѣщающихъ воздѣйствія массъ другъ на друга. То, что напримѣръ сообщаетъ проф. Смирновъ объ обрусѣніи Пермяковъ (172—174), повторяется точка въ точку съ Русью на рубежахъ польскомъ, словацкомъ, мадьярскомъ, румынскомъ (Ист. др. Руси, 189—213, 241—272), гдѣ эта Русь съ отдаленныхъ временъ подвергается воздѣйствію сосѣдей, болѣе сильныхъ въ тѣхъ мѣстахъ своею массой, а въ позднѣйшее время и историческими традиціями. Тѣ же самыя явленія повторяются и должны повторяться рѣшительно вездѣ, при тѣхъ же условіяхъ, вездѣ одинаково отражаясь, какъ въ номен-

---

[1]) Правда, авторъ и его критикъ совершенно расходятся въ объясненіи карты, но это едва ли было бы возможно, если бы въ нее былъ включенъ и матеріалъ хорографическій, особенно названія водъ.

Digitized by Google

клатурѣ, такъ въ языкѣ и бытѣ населенія. Для изученія послѣднихъ номенклатура во многихъ отношеніяхъ можетъ представлять руководящія указанія: названія рѣкъ и урочищъ представляютъ діалектическія формы въ наиболѣе неизмѣненномъ видѣ, а, по связи многихъ названій съ именами или прозвищами первыхъ поселенцевъ, съ характеромъ ихъ дѣятельности и природой мѣста, она представляетъ богатый матеріалъ для освѣщенія всѣхъ этихъ данныхъ (см. напр. у *Смирнова* (Вотяки) списокъ вотяцкихъ языческихъ именъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ патронимическихъ названій).

Остается еще одинъ вопросъ — о хронологіи названій. Теперь на этомъ вопросѣ, кажется, нѣтъ надобности долго останавливаться. Поскольку этнологическая географія освѣщаетъ ирото- и даже доисторическіе процессы, они, понятно, и не могутъ подлежать обычно-историческому годовому опредѣленію. Требованіе хронологіи названій имѣло въ свое время большое значеніе. Оно сдерживало охотниковъ до произвольныхъ гипотезъ, основанныхъ на созвучіяхъ или подобозвучіяхъ. Гипотезы эти, при прежнемъ такъ называемомъ прогрессивномъ методѣ изслѣдованія древности, дѣйствительно не обогащали, а лишь засоряли науку. Въ настоящее время можно указать примѣръ, когда номенклатурныя данныя выдерживаютъ хронологію геологическую. (См. въ указанномъ отзывѣ Бецценбергера замѣчанія о возрастѣ названій jūra и krántas. Magazin 124 сл.). Не слѣдуетъ забывать, что этнологическая географія имѣетъ дѣло не съ отдѣльными названіями, а съ массовыми фактами, съ цѣлыми полосами. Требовать въ этомъ случаѣ ссылокъ на письменныя свидѣтельства нѣсколько странно, а защищать старый методъ изслѣдованія древности можно въ настоящее время развѣ по недоразумѣнію. Не могу не привести здѣсь прекрасныхъ словъ проф. Бецценбергера: Ist die Methode der vorgeschichtlichen Forschung noch nicht wissenschaftlich genug, ist sie selbst noch zu sehr der Tummelplatz dilletantischen Thatendranges, so nehme man sich ihrer doch lieber an, als dass man stumpfsinnig zusieht, wie Jahr für Jahr die einzigen Reste unserer ungeschriebenen Geschichte unausgenützt vernichtet werden". (Отзывъ к. в.).

Однимъ словомъ, если справедливы слова Гримма: „есть болѣе живыя свидѣтельства о народахъ, чѣмъ кости, гробы и оружіе, это — ихъ языкъ", то въ ряду этихъ свидѣтельствъ языка географическая номенклатура должна занять одно изъ видныхъ мѣстъ, при освѣщеніи вопросовъ, связанныхъ съ протоисторіей народовъ.

Едва ли можно спорить, что собираніе и разработка этого матеріала не должны быть откладываемы.

Правда, лѣтопись, начертанная въ языкѣ земли, отличается въ общемъ устойчивостью. Великороссъ до сихъ поръ называетъ свои рѣки и урочища по-фински; наоборотъ, Нѣмецъ, Мадьяръ, Румынъ называетъ ихъ по-славянски: такъ трудно стереть ту печать, какую налагаетъ на землю племя, положившее въ нее первый культурный трудъ. Тѣмъ не менѣе, вѣковое массовое воздѣйствіе должно брать свое, и особенно топографія мѣняется, искажается какъ на сѣверо-восточныхъ, такъ и на юго-западныхъ окраинахъ нашего племени, и слѣдовательно научный матеріалъ сокращается, а мы, говоря словами проф. Бецценбергера, смотримъ на это съ тупымъ равнодушіемъ.

Digitized by Google

Все сказанное сводится къ одному выводу: *надо собрать номенклатурный матеріалъ, чтобы сдѣлать возможной дѣйствительно научную его обработку.*

Какъ это сдѣлать?

Мнѣ кажется, нельзя найти болѣе подходящаго мѣста для обсужденія этого вопроса какъ именно археологическій съѣздъ не только по тому, что онъ представляетъ авторитетное собраніе людей знаній и опыта, но и по тому, что, по своей организаціи, наши съѣзды имѣютъ наибольшую возможность осуществить такое дѣло. Періодически кочуя по Россіи, они каждый разъ близко знакомятся съ извѣстнымъ ея райономъ, возбуждаютъ и привлекаютъ къ научнымъ интересамъ мѣстныя силы. Мнѣ думается, что было бы возможно включить въ число задачъ подготовительныхъ комитетовъ приготовленіе номенклатурнаго словаря того округа (или извѣстной его части), гдѣ долженъ собраться съѣздъ. Такимъ образомъ постепенно подготовлялись бы *матеріалы* для словаря географической номенклатуры восточной Европы, съ территоріей которой связано столько существенныхъ вопросовъ, относящихся къ древности и гдѣ номенклатура играетъ извѣстную роль. (См. напр. *L. Niederle,* O původu Slovanů. Praha 1896, стр. 76). Сразу о словарѣ и думать не слѣдуетъ: онъ все равно превратился бы въ матеріалъ, только менѣе полный, чѣмъ мѣстные словари. Кромѣ того въ такомъ сложномъ дѣлѣ имѣетъ существенное значеніе планъ, система расположенія матеріала, между тѣмъ трудно заранѣе предусмотрѣть всѣ подробности, иногда мелочи, которыя однако могутъ имѣть существенное значеніе. При предварительномъ составленіи мѣстныхъ словарей, наилучшая система выработается естественнымъ путемъ, да и самый матеріалъ можно легче обозрѣть.

Въ этихъ матеріалахъ должны быть обозначены:

1) Названія водъ текучихъ и стоячихъ съ обозначеніемъ ихъ природныхъ особенностей.

2) Названіе всѣхъ другихъ живыхъ урочищъ, а также и рукозданныхъ съ обозначеніемъ ихъ топическаго характера и примѣчательности.

3) Полный топографическій списокъ съ обозначеніемъ при каждомъ названіи его природнаго характера и принадлежащихъ къ нему урочищъ.

Представляя вниманію съѣзда настоящія, быть можетъ, неполныя и отрывочныя замѣчанія, я буду радъ, если они хоть сколько-нибудь посодѣйствуютъ уясненію вопросовъ и устраненію недоумѣній, какія до сихъ поръ связаны съ географической номенклатурой.

Digitized by Google

Центральные русскіе архивы и ихъ значеніе для исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII в.

А. Филиппова.

Какъ извѣстно, въ началѣ XVIII столѣтія къ Россіи были присоединены герцогства Лифляндское и Эстляндское. Хотя присоединенныя провинціи и управлялись въ XVIII вѣкѣ вообще автономно, а русское правительство въ началѣ каждаго новаго, послѣ Петра В., царствованія подтверждало, какъ лифляндскаго, такъ и эстляндскаго „рыцарства благопринесенныя привиллегіи, преимущества, ритерское земское право, суды, статуты, договоры и хвальныя обыкности, тако-жъ и пожалованныя вновь отъ всепресвѣтлѣйшихъ предковъ (россійскихъ государей) привиллегіи“ и пр., а городамъ Ригѣ, Ревелю и другимъ дозволяло „отъ правительства до правительства... содержать благополученныя привиллегіи, гражданскія права, уставы, суды, цехи, вольности“ и другія ихъ привиллегіи — сложные интересы центра и самихъ присоединенныхъ провинцій, естественно, создавали живой и постоянный оборотъ взаимныхъ отношеній, такъ или иначе вліяя на строй частной и общественной жизни окраины и создавая въ ней тѣ или иныя условія правопорядка. То, напр., центральное правительство, всегда весьма благожелательно относившееся къ развитію и процвѣтанію балтійскихъ провинцій, находило нужнымъ внести, въ интересахъ центра и самихъ провинцій, тѣ или иныя измѣненія въ ихъ „хвальныя обыкности“; то сами эти провинціи, въ лицѣ своихъ правительственныхъ учрежденій, или общественныхъ группъ, недовольствуясь почему-либо „благопринесенными привиллегіями“, хотѣли дальнѣйшаго развитія своего мѣстнаго права, а потому и просили внести въ прежнія грамоты позднѣе „учиненныя земскія заключенія“, или дать имъ новое „лифляндское уложеніе“, такъ какъ „древнія рыцарскія права весьма неявственны и многаго разъясненія требуютъ... отчего сумнѣнія бываютъ и многія тяжбы“; то, наконецъ, какъ цѣлыя корпораціи, такъ и отдѣльныя лица обращались къ центральному правительству съ разнообразными челобитьями, жалобами и пр., при чемъ одни просили милостей, пожалованій, назначенія на службу и пр., другія ходатайствовали о разрѣшеніи ихъ взаимныхъ споровъ и пререканій и т. п. Неудивительно поэтому, что центральные архивы наши, какъ, напр., Архивъ Министерства Юстиціи, въ Москвѣ, или Сенатскій Архивъ, въ Петербургѣ, будучи вообще богатѣйшими хранилищами древнихъ актовъ,

Digitized by Google

отразили въ себѣ все многообразіе этихъ отношеній и интересовъ, оставивъ въ десяткахъ тысячъ документовъ громадный матеріалъ по исторіи мѣстнаго края. Зная, какъ дорого и любезно уму и сердцу мѣстнаго образованнаго общества все то, что относится къ изученію прошедшаго его родного края и имѣя предъ собою громаднѣйшій и богатѣйшій, но совершенно еще почти не разработанный, матеріалъ по исторіи Лифляндіи и Эстляндіи XVIII вѣка, я позволю себѣ, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, указать на первоисточники къ познанію этой исторіи, хранящіеся въ двухъ архивахъ нашихъ — Сенатскомъ, въ Петербургѣ и Архивѣ Министерства Юстиціи, въ Москвѣ. Богатствами этихъ двухъ архивовъ не исчерпывается, конечно, все содержаніе актовъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ исторіи края, но мы и не имѣли въ виду дать полнаго описанія всѣхъ архивовъ. Всѣ первоисточники, относящіеся къ исторіи Лифляндіи и Эстляндіи XVIII вѣка, частію напечатанные, а еще болѣе — хранящіеся пока въ названныхъ мною двухъ важнѣйшихъ нашихъ архивахъ, могутъ быть отыскиваемы либо въ актахъ тѣхъ обще-имперскихъ учрежденій, которыя такъ или иначе касались управленія названными провинціями, либо въ тѣхъ особыхъ учрежденіяхъ, или же особыхъ отдѣлахъ обще-имперскихъ учрежденій, какіе уже въ началѣ XVIII вѣка были образованы въ центрѣ для лучшей администраціи этихъ провинцій. Понятно, поэтому, что, если съ одной стороны Высочайшія повелѣнія и резолюціи, журналы, протоколы и указы Верх. Тайн. Совѣта, Кабинета министровъ, Прав. Сената, коллегій и пр., въ той или иной мѣрѣ, но постоянно въ теченіе XVIII вѣка касаются Лифляндіи и Эстляндіи и среди нихъ, поэтому, то и дѣло упоминаются имена лицъ и мѣстъ этого края, то съ другой стороны обширное дѣлопроизводство *особой* камеръ-конторы лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, или *отдѣльной* юстицъ-коллегіи тѣхъ же лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, а также и дѣла, т. н. „Лифляндской экспедиціи“, состоявшей при Прав. Сенатѣ (не говоря уже о цѣломъ рядѣ частныхъ комиссій, возникавшихъ въ XVIII и XIX вв. и касавшихся прибалтійскаго края) содержатъ въ себѣ драгоцѣннѣйшія данныя по исторіи края нетолько за XVIII, но и за предшествующія столѣтія (такъ, напр., изъ привиллегій городовъ и сословій, равно и частныхъ лицъ, нѣкоторыя восходятъ къ XIII—XIV вѣкамъ). Что же это за данныя и каково ихъ содержаніе? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, надо имѣть въ виду слѣдующее. Указанные акты относятся во 1-хъ, къ дѣламъ камеръ-конторы и во 2-хъ, юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, а эти учрежденія являются *особыми* правительственными мѣстами, выдѣленными, въ интересахъ наилучшей администраціи названныхъ провинцій, изъ обще-имперской камеръ-коллегіи и юстицъ-коллегіи. Назначеніемъ же камеръ-коллегіи было, какъ извѣстно, завѣдываніе, главнымъ образомъ, окладными и неокладными доходами государства, а одно время и государственными расходами. Первоначально, этою коллегіею вѣдались сборы и въ Лифляндіи съ Эстляндіею, пока, въ 1725 г., отъ нея не отдѣлилась особая камеръ-контора лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ. Затѣмъ, позднѣе, именно въ 1733 г., изъ обще-имперской юстицъ-коллегіи, которая являлась, между прочимъ, *апелляціонною* инстанціею для подчиненныхъ ей судебныхъ мѣстъ (въ томъ числѣ и дѣйствовавшихъ въ Лифляндіи и Эстляндіи), въ свою очередь вы-

Digitized by Google

дѣлилась юстицъ-коллегія лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ. Какъ эта юстицъ-коллегія, такъ и вышеназванная камеръ-контора слились, въ 1739 г., въ одну юстицъ-коллегію лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, подраздѣлившись на два департамента; но это, однако, продолжалось недолго: въ 1742 г. эти учрежденія вновь раздѣляются и остаются въ такомъ видѣ до конца вѣка. Оба эти учрежденія, *спеціально* назначенныя для дѣлъ судебныхъ и финансово-административныхъ, касавшихся присоединенныхъ провинцій, были, подобно другимъ коллегіямъ и конторамъ имперіи, подчинены Пр. Сенату, особая „лифляндская экспедиція" коего вѣдала какъ всѣ дѣла, относившіяся до названныхъ двухъ учрежденій, такъ и сносилась съ мѣстными учрежденіями края въ тѣхъ случаяхъ, когда Сенатъ находилъ это нужнымъ. Изъ всего вышесказаннаго понятно, что въ архивныхъ документахъ названныхъ учрежденій мы найдемъ спеціальныя данныя, касавшіяся всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ дѣлъ, которыя вѣдались этими учрежденіями въ XVIII вѣкѣ. Но мало этого. Присоединеніе Лифляндіи и Эстляндіи къ Россійской имперіи вызвало громадный приливъ, какъ въ камеръ-контору, такъ и въ юстицъ-коллегію, лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, документовъ не только современныхъ присоединенію, но и самаго древняго происхожденія, такъ какъ съ одной стороны само русское правительство настоятельно вытребывало къ себѣ всѣ тѣ грамоты, привиллегіи, трактаты и пр., которые касались правъ и вольностей мѣстнаго населенія и опредѣляли размѣры сборовъ и повинностей, лежавшихъ на этомъ населеніи, съ другой стороны сами жители, въ лицѣ своихъ представителей и повѣренныхъ, доставляли въ столицу имперіи всѣ тѣ акты, которые такъ или иначе подтверждали ихъ сословныя, поземельныя и иныя права и преимущества, или разрѣшали споры, возникавшія между отдѣльными корпораціями и лицами. Для иллюстраціи сказаннаго приведу одинъ характерный примѣръ. Въ журнальной записи Прав. Сената, отъ 25 ноября 1740 г., читаемъ слѣдующее: „слушана челобитная эстляндскаго рыцарства ритершафтъ-гауптмана барона ф. Штакельберга и Фридриха Іогана Ульриха, которою представляютъ, что-де уѣздные пасторы и не-шляхетные въ Эстляндіи владѣтели о наслѣдномъ полученіи и владѣніи шляхетныхъ мѣстностей фальшивыми представленіями іюня 10 дня сего года, на время резолюцію и запретительный указъ къ эстляндскимъ судамъ исходатайствовали, отчего-де рыцарству въ выкупѣ шляхетныхъ мызъ правость отъемлется и въ юстиціи остановка приключается и просятъ, чтобы оный, іюня 10 дня указъ, отмѣнить и тогда-де они правость свою докажутъ. А понеже оная челобитная явилась писана не по формѣ, того ради приказали: 1) ту челобитную отдать обратно и велѣть написать по формѣ, *съ надлежащими,* на показанныя уѣздныхъ пасторовъ, яко бы фальшивыя, представленія, *документы* (т. е. документами) немедленно подать; 2) вышеписанному Прав. Сената указу быть въ своей силѣ, для того, что отъ того рыцарства, на представленія оныхъ пасторовъ, никакихъ документовъ ко обличенію не подано и отмѣнить онаго, никакой отъ нихъ правости не видавъ, невозможно"[1]. Изъ этого приговора видно во 1-хъ,

[1]) Сенатскій Архивъ — журналы и опредѣленія Пр. Сената. Т. II (Спб. 1889 г.), стр. 153, пунктъ 13; срав. также стр. 305, пунктъ 9.

Digitized by Google

что высшая центральная инстанція, Пр. Сенатъ, является разрѣшителемъ юридическаго спора, возникшаго между представителями мѣстныхъ общественныхъ классовъ, а во 2-хъ, что Сенатъ утверждаетъ „правость", т.-е. справедливость своихъ рѣшеній, на безспорныхъ документальныхъ данныхъ, потребованныхъ имъ отъ рыцарства, которое, впрочемъ, и само не отказывается отъ обязательства представить необходимыя доказательства „правости" своихъ притязаній на названныя выше „шляхетныя мѣстности". Неудивительно поэтому, что въ актахъ камеръ-конторы и юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, мы встрѣчаемъ, „то въ подлинникахъ, то копіяхъ и сборникахъ, *грамоты* на разныя права и преимущества, пріобрѣтенныя сословіями, городами и частными лицами отъ разныхъ правителей, начиная отъ архіепископовъ и гермейстеровъ и кончая русскими государями (въ сборникахъ привиллегій записаны нѣкоторыя, относящіяся къ XIII — XIV вв.)"; разные документы, опредѣляющіе порядокъ раскладки и сбора разныхъ податей и пошлинъ, такъ называемые гаковые списки (Hacken-Liste), арендныя исчисленія (Arrende-Ausrechnungen) и „deductiones", или отчеты объ имѣніяхъ, а затѣмъ всякіе акты, относящіеся къ судебнымъ тяжбамъ, дѣламъ управленія и суда, сношеніямъ названныхъ учрежденій съ мѣстными и обще имперскими учрежденіями и т. д., и т. д. Въ свою очередь дѣла „Лифляндской экспедиціи" содержатъ разнаго рода акты, относящіеся до сношеній Пр. Сената какъ съ камеръ-конторою и юстицъ-коллегіею лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, такъ и съ учрежденіями и лицами, дѣйствовавшими въ самихъ присоединенныхъ провинціяхъ. Въ цѣломъ, изученіе этого матеріала должно обогатить исторію мѣстнаго края подлинными и важнѣйшими данными по администраціи и сношеніямъ его съ центральными учрежденіями имперіи. Матеріалъ этотъ заслуживаетъ вниманія еще и потому, что, будучи сосредоточенъ въ особыхъ книгахъ и связкахъ дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, онъ представляетъ много удобствъ для изученія. Впрочемъ, документы этихъ учрежденій, какъ можно судить по описанію „Памятной книжки Московскаго Архива Министерства Юстиціи" (М. 1890 г., стр. 77 сл.), изъ которой мы беремъ вышеприведенныя данныя, доселѣ еще вполнѣ не разобраны и ихъ описаніе только что начато; вслѣдствіе этого, несомнѣнно вполнѣ своевременнымъ является запросъ В. Н. Сторожева о необходимости составленія полнаго ихъ обозрѣнія [1]). Но даже изъ того, что извѣстно о содержаніи дѣлъ этихъ учрежденій и объ ихъ количественномъ богатствѣ, — документы камеръ-конторы (по упомянутой выше „книжкѣ") составляютъ 2489 книгъ (изъ нихъ 74 относятся ко времени до XVIII в.) и 2812 дѣлъ; документы юстицъ-коллегіи — 356 книгъ и 5334 дѣла [2]), — ясна для всякаго ихъ важность. Мнѣ кажется, что и Археологическій Съѣздъ могъ бы принять какія-либо мѣры для составленія ихъ описи, болѣе отвѣчающей ихъ значенію.

Не меньшую важность имѣютъ, хотя и съ бо́льшимъ трудомъ отыскиваются, тѣ архивные документы, касающіеся мѣстной исторіи, которые заключены въ актахъ

---

[1]) Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ (М. 1896 г.), стр. 44.

[2]) Дѣла „Лифляндской экспедиціи" Пр. Сената сосредоточены въ 52-хъ книгахъ.

Digitized by Google

дѣлопроизводства *обще-русскихъ* центральныхъ учрежденій XVIII вѣка, имѣвшихъ случай, по тому или иному поводу, заниматься судьбою какъ цѣлаго края, такъ и отдѣльныхъ лицъ и корпорацій. Десятки тысячъ — если не сотни — актовъ этихъ учрежденій, хранящихся только въ названныхъ нами 2-хъ Архивахъ, касаются весьма нерѣдко и мѣстнаго края. Конечно, извлеченіе этихъ документовъ изъ общей массы, возможно бо́льшею частію лишь подъ условіемъ просмотра ихъ всѣхъ въ совокупности. Впрочемъ, въ послѣдніе годы появилось нѣсколько превосходныхъ изданій этихъ документовъ, или ихъ „Описей", которыя значительно облегчаютъ, по крайней мѣрѣ, для отдѣльныхъ царствованій, пользованіе этими, еще недавно мало доступными, документами. Такъ, начатое нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданіе „Докладовъ и приговоровъ Пр. Сената" за время царствованія Петра В., обѣщаетъ, когда будетъ вполнѣ окончено, много новаго и неизвѣстнаго матеріала, касающагося, между прочимъ, и Прибалтійскаго края. Такъ, нынѣ уже почти законченное въ „Сборникѣ Им. Русскаго Историческаго Общества" изданіе „протоколовъ, журналовъ и указовъ Верх. Тайн. Совѣта" открываетъ возможность судить, по нѣкоторымъ важнымъ документамъ Совѣтской дѣятельности, о той политикѣ, которой держалось это учрежденіе по отношенію къ присоединеннымъ провинціямъ. Такъ, далѣе, отдѣльные томы „Сенатскаго Архива", содержащаго журналы и опредѣленія Пр. Сената, которые почему-либо сохранились въ названномъ Петербургскомъ Архивѣ, рельефно отражаютъ интересы тѣхъ же провинцій, поскольку о нихъ предстательствовали ихъ депутаты, или поскольку самъ Пр. Сенатъ обращалъ на нихъ вниманіе. Не касаясь другихъ, менѣе важныхъ изданій архивныхъ документовъ XVIII вѣка, не можемъ, однако, не отмѣтить еще превосходной „Описи высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящихся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ", составленной П. Барановымъ. Эта „Опись", обнимающая время отъ Петра В. до царствованія Елисаветы Петровны включительно, вмѣстѣ съ указателемъ, даетъ возможность, — каждому желающему *предварительно* ознакомиться съ содержаніемъ актовъ Сенатскаго Архива, — обозрѣть нетолько высочайшія повелѣнія, указы и резолюціи, но и указы Верх. Тайн. Совѣта, Кабинета министровъ, Пр. Сената и другихъ учрежденій указаннаго выше періода нашей новой исторіи. Въ частности, по отношенію къ Лифляндіи и Эстляндіи, эта „Опись" служитъ нагляднымъ показателемъ той связи и тѣхъ отношеній, какія постепенно завязывались и крѣпли съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе, между центромъ и этою окраиною Россіи. Особенно обращаетъ на себя въ этомъ превосходномъ спискѣ указовъ движеніе мѣстнаго населенія, преимущественно въ лицѣ дворянства, на службу въ центръ, а затѣмъ и та постоянная мобилизація, въ разныхъ видахъ, недвижимостей, какая ясно отмѣчается въ длинномъ рядѣ указовъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ первой половины XVIII вѣка. Если поэтому, между тысячами указовъ,— въ большинствѣ случаевъ ненапечатанныхъ, а лишь хранящихся въ названномъ *Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ,* — мы встрѣчаемъ постоянно наименованіе фамилій и доселѣ извѣстныхъ въ этомъ краѣ, а послѣдовательный рядъ этихъ указовъ является какъ бы собраніемъ данныхъ для составленія ихъ формулярныхъ списковъ, то указы, касающіеся мѣстностей, мызъ, мѣстечекъ Лифляндіи и Эстляндіи, показываютъ пере-

Digitized by Google

ходы ихъ отъ однихъ владѣльцевъ и собственниковъ къ другимъ и пр. [1]). Конечно, указанныя „Описи“ архивныхъ документовъ, какъ бы онѣ ни были превосходно изданы, не могутъ замѣнить самихъ архивовъ, но, какъ мнѣ кажется, уже простое обозрѣніе этихъ описей должно побудить всякаго интересующагося исторіею мѣстнаго края къ изученію и самихъ архивныхъ данныхъ. Нечего говорить, конечно, что содержаніе этихъ данныхъ не ограничивается только что указанными вопросами, а обнимаетъ собою цѣлый рядъ ихъ; но моею цѣлію и не было коснуться здѣсь всѣхъ этихъ вопросовъ, но лишь указать на нѣкоторые важнѣйшіе изъ нихъ.

Обозрѣвъ кратко содержаніе архивныхъ документовъ, касающихся Прибалтики, и отмѣтивъ наиболѣе доступный способъ ихъ нахожденія, попытаюсь привести нѣсколько документовъ, извлеченныхъ изъ названныхъ архивовъ, чтобы наглядно видѣть, что мы можемъ узнать изъ нихъ. Два вопроса особенно занимали правящіе классы балтійскихъ провинцій — во 1-хъ, удержаніе, а при случаѣ и развитіе своего автономнаго положенія и, во 2-хъ, созданіе *уложенія,* которое привело бы въ порядокъ и выразило въ общихъ правовыхъ нормахъ разрозненныя, разнорѣчивыя, нерѣдко мало-понятныя мѣстныя узаконенія, слагавшіяся вѣками, внеся въ нихъ все то, что вызывалось интересами и потребностями новаго времени. По отношенію къ первому вопросу заслуживаетъ вниманія слѣдующій эпизодъ, происшедшій послѣ воцаренія младенца-императора Іоанна Антоновича, вскорѣ послѣ сверженія регенства герцога Бирона и назначенія правительницею Анны Леопольдовны. По обычаю, съ новымъ царствованіемъ стали поступать „прошенія“ отъ дворянства и городовъ о подтвержденіи прежнихъ привилегій, преимуществъ и вольностей. Такъ поступили „прошенія герцогства лифляндскаго ландратовъ и общаго рыцарства, а именемъ оныхъ депутатовъ, того жъ герцогства ландратовъ Готгарда-Вильгельма ф. Берга и Отто-Фабіанъ Фрейгера ф. Розена“, а отъ „эстляндскаго герцогства ландратовъ и общаго рыцарства“ депутатами явились ландраты Магнусъ-Габріель Кноррингъ и баронъ Георгъ Іоганнъ ф. Штакельбергъ (Стакельбергъ — по транскрипціи самого документа); отъ г. Риги прошеніе поступило отъ бургомистровъ и ратмановъ, „а именемъ оныхъ, отъ уполномоченныхъ депутатовъ бургомистра Георга Берета и ратсгера Адама-Генриха Шварца, секретаря Валентина Готста, большой гильдіи старшины Готфрида Брокзаугена и малой — старшины же Іоганна-Христофора Клеберга. Прошенія эти разсматривалъ Пр. Сенатъ и, какъ видно изъ журнала Сената отъ 9 января 1741 г., найдя, что г. Рига [2]) проситъ „высочайшею генеральною конфирмаціею утвердить“

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя имена лицъ и мѣстъ Лифляндіи и Эстляндіи, упоминаемыя, по тѣмъ или инымъ поводамъ, въ указахъ, сохранившихся въ Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за время съ Петра В. до кончины Елисаветы Петровны (первые два тома „Описи“, содержащіе списокъ изъ 7954 №№, третій — 4279 №№, всего же 12233 №№): ф. Анрепъ, ф. Бенкендорфъ, ф. Гогенбахъ, Вульфъ, ф. Гагенмейстеръ, Гилленштуббе, б. Гизенъ, Дегіо, б. ф. Дельвигъ, ф. Кейзерлингъ, б. Корфъ, ф. Левенштернъ, ф. Ливенъ, б. Менгденъ, ф. Нолькенъ, ф. Поль, б. Стремфельдъ, ф. Фитингофъ, б. ф. Штакельберги и мн. др.; мѣстности: Вирацъ, Вастемойсъ, Врангельсгофъ, Ворроквиль, Гелленормъ, Гольстъ-Фершгофъ, Гроссъ-Роопъ, Кольценау, Лайцемъ, Матценъ, Мацалъ, Монзекиль, Пурце, Сюсленъ, Центенгофъ и мн. др. (транскрипція фамилій и мѣстностей удержана современная тѣмъ указамъ, въ которыхъ онѣ упоминаются).

[2]) Такъ же, впрочемъ, какъ Ревель, Нарва, Перновъ, Дерптъ. — Сенатскій Архивъ, т. II, стр. 379 и сл., п. 18—23.

Digitized by Google

лишь то, чѣмъ она уже владѣетъ, приказалъ „сочиня противъ данной тому городу въ 730 г... государыни императрицы Анны Іоанновны конфирмаціи формуляръ, для высочайшей Его И. Величества апробаціи, взнесть при всеподданнѣйшемъ доношеніи". Что же касается „прошеній" эстляндскаго и лифляндскаго рыцарства, то, замѣтивъ, что они просятъ „сверхъ оныхъ прежнихъ всемилостивѣйшихъ конфирмацій", приказалъ для высочайшей конфирмаціи внести въ формуляръ (т.-е. въ проектъ формы конфирмаціи) *лишь то*, чѣмъ владѣло то и другое рыцарство раньше. Къ этому постановленію журнальная запись добавляетъ слѣдующее: „а что показанное рыцарство (эстляндское[1]), *сверхъ оныхъ прежнихъ всемилостивѣйшихъ конфирмацій*, просятъ вновь о подтвержденіи рыцарскаго земскаго права, статутовъ, договоровъ и универсаловъ, ритермаортской капитуляціи и учиненныхъ *послѣ* всемилостивѣйше данныхъ резолюцій, земскихъ заключеній, и о пожалованіи на оное всемилостивѣйшей конфирмаціи, о томъ во ономъ всеподданнѣйшемъ доношеніи представить, что *нынѣ въ новую конфирмацію, сверхъ оныхъ прежнихъ, дополнять не безъ сумнѣнія*, ибо отъ нихъ прежде о томъ челобитья не было и въ данныхъ привилегіяхъ не написано, *особливо жъ сеймскія заключенія*, какъ о томъ и изъ челобитья ихъ видно, учинены *послѣ* данныхъ тому городу (герцогству?) всемилостивѣйшихъ конфирмацій, — а въ какой силѣ, и не имѣется ли въ тѣхъ сеймскихъ заключеніяхъ, *какой прежнимъ*, — съ которыми они подъ россійскую державу пришли и даннымъ отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, — *привилегіямъ отмѣны*, того изъ нынѣшняго ихъ челобитья видѣть невозможно". Затѣмъ, черезъ 2 недѣли, именно 23 января того же года, Пр. Сенатъ „допустилъ" въ свое засѣданіе депутатовъ лифляндскаго и эстляндскаго рыцарствъ и городовъ Нарвы, Риги, Ревеля, Пернова и Дерпта, при чемъ имъ было объявлено, что „оныя конфирмаціи, для всемилостивѣйшей Его И. Величества апробаціи подадутся въ Кабинетъ". Къ этому журналъ Пр. Сената добавляетъ, что „особливо же при этомъ эстляндскаго, лифляндскаго рыцарства депутатамъ объявлено, что *сверхъ прежнихъ конфирмацій по нынѣшнему ихъ прошенію о сеймскомъ заключеніи и о прочемъ, въ тѣхъ конфирмаціяхъ писано (въ Кабинетъ) не будетъ*. При чемъ изъ тѣхъ депутатовъ эстляндскій ландратъ, баронъ фонъ Штакельбергъ просилъ, чтобы въ конфирмаціи, между прочимъ, написать *объ Уложеніи* и о соизволеніи противъ того, какъ и въ конфирмаціи Его И. В., блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра В., написаны жъ (Пр. Сенатъ), приказалъ: „тѣ слова внесть". Спустя почти мѣсяцъ, именно 21 февраля, Пр. Сенату было доложено, что „поданныя при докладѣ въ Кабинетъ изъ Сената Лифляндіи, Эстляндіи и острова Эзеля, города Риги, Ревеля, Нарвы, Пернова и Дерпта всему шляхетству и мѣщанству... подтвержительныя привилегіи", подписаны именемъ Его И. Величества правительницею, „а тотъ докладъ возвращенъ безъ резолюціи", т.-е., иначе говоря, подтверждено

---

[1]) По отношенію къ прошенію лифляндскихъ ландратовъ и рыцарства Пр. Сенатъ приказалъ: на основаніи прежнихъ привилегій сочинить формуляръ и для всемилостивѣйшей Его И. Величества апробаціи взнесть при всеподданнѣйшемъ доношеніи, *а что сверхъ прежней конфирмаціи просятъ, о томъ представить въ такой же силѣ, какъ и о эстляндскомъ рыцарствѣ, выше сего изображено*" (ibid., стр. 381).

Digitized by Google

все, что было дано раньше, вопросъ же о новыхъ привилегіяхъ оставленъ безъ разсмотрѣнія [1]). Надо при этомъ замѣтить, что въ правленіе Анны Леопольдовны вообще весьма благосклонно относились къ прибалтійскимъ провинціямъ, и этому времени принадлежитъ знаменитый указъ, что „въ Лифляндіи и Эстляндіи мызъ на арендѣ *никому, кромѣ тамошняго шляхетства, не имѣть* и ежели понынѣ еще у нѣкоторыхъ, кромѣ тамошняго шляхетства, мызы на арендѣ имѣются, *хотя бы и указами отданы,* у оныхъ немедленно отобрать и отдать на аренду тамошнему шляхетству, дабы оные, оказуемую въ ихъ пользу высочайшую Его И. Величества милость, чувствовать и дѣтей своихъ въ службу Его И. Величества съ наивящшею охотою отдавать могли“ и пр. [2]).

Перейдемъ теперь къ вопросу объ Уложеніи. Вопросъ этотъ былъ давняго происхожденія. Уже въ такъ называемыхъ „аккордныхъ пунктахъ“, заключенныхъ генералъ-фельдмаршаломъ гр. Б. И. Шереметевымъ при сдачѣ Лифляндіи, было сказано, что „дѣла судить и рѣшать, пока впредь... полное и совершенное Уложеніе въ Лифляндіи собрано и издано быть можетъ“, о чемъ „просить у Его Величества надлежитъ“. Просьба объ этомъ, дѣйствительно, послѣдовала со стороны лифляндскаго дворянства, и уже 12 октября 1710 г., канцлеръ гр. Головкинъ объявилъ лифляндскимъ уполномоченнымъ, что „Его Величество соизволяетъ на это, когда наступитъ мирное время“. Уже послѣ Петра В., въ 1728 г., „лифляндскіе ландраты били челомъ, лифляндскаго-де Уложенія, по которому судъ отправляется, недовольны имѣются и большой части людямъ неизвѣстны, и полнаго Уложенія не учинено, а древнія рыцарскія права весьма неявственны и многаго изъясненія требуютъ, чего ради уже по многимъ привилегіямъ и введеннымъ древнимъ обыкновеніямъ и по общимъ нѣмецкимъ правамъ рѣшаются, которыя также не всѣмъ извѣстны“, почему и просили, „чтобы о томъ тамошнему генералъ-губернатору... для сочиненія того Уложенія нѣкоторыхъ въ правахъ искусныхъ особъ опредѣлить“ [3]). Затѣмъ, именнымъ указомъ, состоявшимся въ В. Т. Совѣтѣ „за недовольствомъ лифляндскаго уложенія и неявственныхъ древнихъ рыцарскихъ правъ“ позволено было „для всенародной той земли пользы Уложеніе вновь сочинить“ (Пол. Собр. Закон., т. VIII, № 5330), выбравъ къ тому самимъ лифляндцамъ „въ тамошнихъ правахъ добрыхъ и искусныхъ людей“ и представивъ проектъ въ В. Т. Совѣтъ. Вскорѣ затѣмъ въ Сенатъ было прислано извѣстіе отъ лифляндскихъ ландратовъ и ландмаршала, что „по тому указу уже выбраны лифляндскимъ шляхетствомъ въ правахъ искусныя особы и оныя такое земственное право по земственнымъ привилегіямъ и областнымъ опредѣленіямъ и обыкностямъ сочинить и въ порядокъ привесть намѣрены“. Послѣ этого, въ 1732 г. Пр. Сенатъ вошелъ съ докладомъ на высочайшее имя, въ которомъ, между прочимъ, предлагалъ „къ тому (Уложенію) съ коронной стороны 2 особы опредѣлить и имъ (въ комиссію) присутствовать и ежели, что Вашего И. Величества права и интереса случится, *то имъ напомнить и примѣчать*“. Императрица Анна Іоанновна не нашла,

[1]) Ibid., стр. 584 сл., пунктъ 6.
[2]) Ibid., стр. 419, пунктъ 19.
[3]) Арх. Мин. Юст., журн. и прот. Сената, кн. 165/2046, листъ 80 и сл.

Digitized by Google

однако, нужнымъ назначать представителей „съ коронной стороны“ и повелѣла, согласно съ прежними указами, сочинять то Уложеніе „добрымъ и въ тамошнихъ правахъ искуснымъ людямъ“ [1]). Составленіе Уложенія продолжалось болѣе 10 лѣтъ и было готово къ концу 1740 г. Въ началѣ слѣдующаго оно было внесено лифляндскими депутатами въ Кабинетъ на апробацію, съ просьбою, по утвержденіи проекта „издать въ печать позволить“. Кабинетъ, однако, не нашелъ возможнымъ рѣшить столь важное дѣло сразу и безъ внимательнаго изслѣдованія, почему и повелѣлъ образовать особую комиссію, въ составъ которой введены были и русскіе люди (президентъ юстицъ-коллегіи кн. Трубецкой, совѣтникъ Квашнинъ-Самаринъ). Комиссія эта должна была разсмотрѣть проектъ, „взявъ за основаніе прежнія лифляндскія права и слича съ тѣмъ новосочиненнымъ уложеніемъ“, а также „наблюдая при томъ высочайшую власть и государственный интересъ“; затѣмъ, проектъ изъ комиссіи долженъ былъ перейти на разсмотрѣніе сначала коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, а затѣмъ и Сената, съ мнѣніемъ коего онъ долженъ былъ быть въ заключеніе внесенъ въ Кабинетъ. Затѣмъ, какъ извѣстно, въ слѣдующее царствованіе Кабинетъ былъ уничтоженъ, а самъ проектъ остался безъ разсмотрѣнія.

Для полноты обзора архивныхъ данныхъ, частію нынѣ напечатанныхъ, а частію извлеченныхъ нами изъ дѣлъ Пр. Сената, приведемъ еще нѣсколько указовъ, касающихся Балтійскаго края и его обитателей. Въ началѣ 1726 г. вниманіе Пр. Сената, а затѣмъ и Верх. Тайн. Совѣта обратилъ вопросъ о печатяхъ городовъ Лифляндіи. Именно, Сенатъ донесъ Верх. Тайн. Совѣту, что въ разныхъ городахъ Лифляндской губерніи употребляются шведскія, одинаковыя для всѣхъ городовъ, печати, отчего-де происходитъ „конфузія“. Совѣтъ, возвративъ это доношеніе Сенату, потребовалъ отъ него собранія справокъ, какого рода печати были „при шведскомъ владѣніи“, какія стали употребляться послѣ завоеванія Лифляндіи и какія надлежало бы, по мнѣнію Сената, употреблять тамъ нынѣ. Въ началѣ 1728 г., когда Сенатъ доставилъ нужныя данныя для рѣшенія вопроса, Совѣтъ повелѣлъ замѣнить на печатяхъ изображеніе шведскаго герба и „написаніе королевскаго имени“ россійскимъ гербомъ, „съ надписаніемъ имени Императорскаго Величества“, сдѣлавъ при этомъ различныя печати для отдѣльныхъ присутственныхъ мѣстъ губерніи [2]). Изъ другого сенатскаго протокола узнаемъ, что Сенату и герольдмейстерской его конторѣ пришлось не мало хлопотать и по вопросу о гербахъ частныхъ лицъ. Еще въ 1725 г., напр., по именному указу, состоявшемуся въ Сенатѣ, повелѣно было лифляндцу фонъ-Дитмару и его 12-ти товарищамъ дать шляхетство и „на оное обычайные дипломы, какъ при владѣніи шведскомъ давались, и *гербы*, освидѣтельствовавъ герольдмейстеру, въ тѣ дипломы внесть“. Гр. Сантій, помощникъ герольдмейстера, согласно этому указу, гербы лифляндцевъ разсматривалъ и нарисовалъ новые „противъ прежнихъ съ отмѣною“, представивъ, въ своемъ мнѣніи Сенату, въ пользу этой отмѣны „нѣкоторые резоны“, а именно, онъ указывалъ, что лифляндцами гербы сочинены „противно герольдскимъ регуламъ“;

---

[1]) Арх. М. Ю., ibid., л. 81 оборотъ; срав. „Оп. Сен. Арх.“, т. II, № 4486.
[2]) См. мою „Исторію Сената въ правленіе В. Т. Совѣта“, стр. 299 сл.

Digitized by Google

но сочинители просили, однако, оставить имъ прежнюю форму ихъ гербовъ. Тогда Сенатъ рѣшилъ отправить, какъ ту, такъ и другую форму въ Академію Наукъ, гдѣ профессоръ д-ръ Бекенштейнъ, обучавшій студентовъ „герольдической наукѣ", долженъ былъ дать свое заключеніе о спорныхъ гербахъ, при чемъ Сенатъ хотѣлъ затѣмъ представить все это дѣло въ Совѣтъ на разрѣшеніе „по обстоятельствамъ разностей формы" [1]). Случай съ лифляндскими гербами, только что разсказанный нами, не былъ единственнымъ: когда въ другой разъ гр. Сантій предложилъ нѣсколькимъ лифляндцамъ дать гербы „съ нѣкоторою убавкою противъ того, какъ имъ были они даны при шведскомъ владѣніи", лифляндцы эти подали, черезъ герцога Голштинскаго, свои челобитныя прямо въ Совѣтъ, прося дозволенія пользоваться прежними гербами [2])... Большой, далѣе, интересъ, особенно въ бытовомъ отношеніи, представляютъ сохранившіяся въ громадномъ количествѣ челобитья частныхъ и должностныхъ лицъ, подававшіяся правительству по самымъ разнообразнымъ поводамъ; среди этихъ челобитій не мало находимъ такихъ, гдѣ просителями являлись жители Прибалтійскаго края. Вотъ, напр., ригирунгсъ-ратъ Фитингофъ пишетъ, что онъ въ герцогствѣ Лифляндскомъ, — несмотря на то, что тамъ по штату положено 2 ригирунгсъ-рата, — „дѣла 14 лѣтъ правилъ одинъ для того, что на ваканцію другого ригирунгсъ-рата опредѣлено не было". Вотъ жена генерала Дукласса, назначеннаго въ низовый корпусъ, проситъ избавить мужа ея отъ дальней командировки „ради нуждъ и бѣдности" остающейся семьи; ежели же этого сдѣлать нельзя, „то хотя для такой дальней мужу моему посылки въ Эстляндіи или Лифляндіи къ пропитанію мнѣ съ дѣтьми дать на аренду деревню". Или Кабинетъ предписываетъ Сенату разсмотрѣть прошеніе лифляндца Класса Раламба о мѣстности его Пурце или Изенгофъ, въ которой-де ему принадлежитъ „не токмо одна его часть, но и прочія сонаслѣдниковъ части" [3]) и т. д., и т. д.

Какъ ни кратокъ былъ нашъ обзоръ архивныхъ документовъ, касающихся исторіи Лифляндіи и Эстляндіи въ первую половину XVIII вѣка, но и онъ, надѣемся, дастъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ сокровищахъ, какими владѣютъ центральные архивы наши для многосторонняго, на первоисточникахъ основаннаго, изученія судебъ края не только со времени присоединенія его къ Россіи, но и гораздо раньше. Несомнѣнно, что любители старины вообще и старины этого края въ частности найдутъ въ этихъ хранилищахъ много важнаго, новаго и интереснаго матеріала, прекрасно освѣщающаго жизнь и дѣянія прошлаго.

---

[1]) Арх. М. Юст., жур. и прот. Сен., кн. 92/1973, л. 24 и об.

[2]) Сборн. И. Русскаго Истор. Общ., томъ LXIII, стр. 43 сл.

[3]) См. Арх. М. Юст., дѣла Пр. Сен. по б. Каб., кн. 7/1084, л. 216, 534 и многіе другіе; Арх. М. Иностр. Дѣлъ, д. по б. Каб., 1739 г., св. № 46, л. 45.

Digitized by Google

Ромове.

Археологическое изслѣдованіе А. Ѳ. Мѣржинскаго.

Введеніе.

Нами былъ уже разобранъ въ статьѣ „О надровскомъ жрецѣ огня Криве“ [1]) одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ о бытѣ и вѣрованіяхъ литовскаго племени, въ частности Пруссовъ, т.-е. вопросъ о мнимомъ верховномъ жрецѣ всего литовскаго культа, Криве; въ настоящемъ трудѣ мы постараемся, насколько позволятъ скудные источники, по возможности точно разрѣшить другой вопросъ, — о мнимомъ средоточіи вышеназваннаго культа, т.-е. о Ромове [2]).

Я съ тѣмъ большимъ рвеніемъ принялся за разработку этого вопроса, такъ какъ мнѣ было передано предсѣдателемъ Императорскаго Археологическаго Общества, графиней Прасковьей Сергѣевной Уваровой, что въ Бозѣ почившему Государю Императору, Александру III угодно было указать на необходимость разработки вопроса о Ромове.

По данному вопросу до настоящаго времени можно назвать лишь одинъ серьезный источникъ, а именно — хронику Дусбурга. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ о Ромове, являются главнымъ основаніемъ для нашего изслѣдованія.

Petri de Dusburg, Ordinis Teutonici Sacerdotis, Chronicon Prussiae etc. ed Christophorus Hartknoch. Ienae 1679. Lib. III, c. V. — Критическое изданіе съ примѣчаніями сдѣлано М. Теппенъ, подъ заглавіемъ: „Chronicon Terre Prussie“ въ „Script. Rer. Prussicarum“ Bd. I. 1861. Отсюда перепечатана выдержка въ „Źródłach do Mytologii Litewskiej“, Варшава 1896.

Въ началѣ XVI в. (1526) извѣстнымъ монахомъ Грунау была написана хроника, изданная въ 1875 году въ Лейпцигѣ Перльбахомъ, подъ заглавіемъ: „Simon Grunau's Preussische Chronik“.

Въ различныхъ мѣстахъ хроники находимъ подробное описаніе Ромове и находящихся тамъ священныхъ предметовъ. Такъ какъ хроника эта служила главнымъ и, можно сказать, единственнымъ источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ авторовъ, сообщающихъ свѣдѣнія о Ромове, то мы сдѣлаемъ ниже критическій разборъ сообщеній хроники Грунау по каждому частному вопросу въ отдѣльности; по нѣкоторымъ, требующимъ подробнаго изслѣдованія, пунктамъ въ концѣ настоящаго труда будутъ при-

---

[1]) Труды IX Археологическаго съѣзда въ Вильнѣ 1893 г.

[2]) Съ цѣлью разысканія источниковъ и пособій для разработки этого вопроса, равно какъ и вообще по литовской миѳологіи, я посѣтилъ Кенигсбергъ, Гданскъ, Фрауенбургъ, Браунсбергъ, затѣмъ Берлинъ и Вѣну. Начальство библіотекъ вездѣ оказывало мнѣ любезнѣйшее содѣйствіе, за которое считаю долгомъ выразить мою искреннѣйшую благодарность.

Digitized by Google

соединены „Приложенія“, принимающія иногда даже видъ особыхъ монографій. Мы вынуждены поступить такимъ образомъ въ виду отсутствія монографій по данному вопросу; ибо если и существуетъ какая-либо, то, не будучи основана на критической разработкѣ матеріала, она не возстановляетъ исторической истины и лишена поэтому научнаго интереса (см. напр. Bender'a, ниже).

Изъ авторовъ, описывавшихъ Ромове по сообщеніямъ Грунау, главнѣйшіе слѣдующіе.

1) Lucas David. Preussische Chronik etc. herausgegeben von Ernst Hennig. Königsberg 1812.

2) Caspar Henneberger. Kurtze Beschreibung des Landes zu Preussen. Königsberg 1584.

3) Тотъ же. Erklärung der preussischen grösseren Land-Taffel oder Mappen etc. Durch Casparum Hennebergerum. Königsberg 1595.

4) Caspar Schütz. Historia rerum Prussicarum. Das ist Wahrhafte und eigentliche Beschreibung des Landes Preussen. Zerbst 1592, Leipzig 1599.

5) M. Waissel. Chronica Alter Preussischer, Eifflendischer etc. Historien. Königsberg 1599.

6) Christophorus Hartknoch въ диссертаціяхъ, приложенныхъ къ его изданію Дусбурга, именно въ Dissert. VI p. 109, а также въ сочиненіи „Altes und Neues Preussen“, Frankfrt. 1685, даетъ подробное описаніе Ромове, также, конечно, по Грунау. Хотя этотъ почтенный ученый и критикъ и выражаетъ сомнѣніе относительно нѣкоторыхъ сообщеній Грунау о Ромове, однако онъ не приходитъ ни къ какому окончательному заключенію и идетъ по слѣдамъ своего источника.

7) Значительный шагъ впередъ дѣлаетъ извѣстный прусскій историкъ Voigt: „Geschichte Preussens“ Bd. I. Königsbrg. 1827, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія упрекаетъ даже Грунау въ недостовѣрности сообщенныхъ данныхъ; тѣмъ не менѣе въ описаніи Ромове и его священныхъ предметовъ и онъ слѣдуетъ за своимъ предшественникомъ. Voigt однако предполагаетъ, что хотя Ромове въ извѣстный періодъ дѣйствительно являлось центромъ всего прусскаго культа, но съ теченіемъ времени каждая прусская область создала свое отдѣльное Ромове, т.-е. священное мѣсто, и своего отдѣльнаго верховнаго жреца, котораго онъ называетъ Griwe. Въ особомъ прибавленіи къ 1-му тому, p. 639—649, Voigt доказываетъ, вопреки Грунау, что центръ культа Ромове находился въ Самбіи (Samland).

8) Только Toeppen въ „Geschichte der preussischen Historiographie“, Berlin 1853. (и „Historisch-comparative Geographie von Preussen“, Gotha 1858) прямо и безусловно отказываетъ Грунау въ достовѣрности сообщенныхъ имъ историческихъ фактовъ вообще, а въ частности описанія Ромове, утверждая даже, что если Грунау и описываетъ дѣйствительный историческій фактъ, то искажаетъ его и передаетъ по своему усмотрѣнію и на свой ладъ. Что касается Ромове, то Toeppen считалъ Грунау авторитетомъ еще въ статьѣ „Geschichte des Heidenthums in Preussen“ (Neue Preussische Provincial-Blätter Bd. I и II, Königsberg 1846), сохраняющей и до нынѣ значеніе, но въ вышеуказанныхъ трудахъ онъ доказываетъ, что сообщаемыя Грунау свѣдѣнія о Ромове, а именно о существованіи пресловутой троицы высшихъ божествъ прусскихъ, не имѣютъ никакого фактическаго основанія. Несмотря на то, что Toeppen проложилъ путь къ дальнѣйшей разработкѣ вопроса, ему не удалось склонить къ своему мнѣнію послѣдующихъ авторовъ, придерживавшихся фантазіи Грунау.

9) Даже такой знатокъ языковѣдѣнія, какимъ по справедливости считается Poesche, въ сочиненіи „Die Arier“, Iena 1879, p. 117, слѣдуетъ мнѣнію, что въ Ромове былъ культъ мнимой троицы, а именно: Pykullus (?), Potrimpos, Perkunas.

Digitized by Google

10) Авторы, спеціально занимавшіеся прусско-литовскими вѣрованіями, также считаютъ Грунау авторитетомъ; главнѣйшій представитель этихъ ученыхъ, Bender, даже защищаетъ его въ диссертаціи „De veterum Prutenorum diis", Brunsbergae 1865, и въ статьѣ „Zur Altpreussischen Mythologie und Sittengeschichte, Altpreussische Monatsschrift", ed. Reicke und Wichert, т. II, 1865 г., т. IV, 1867.

11) На сообщеніяхъ Грунау основываетъ свои изслѣдованія извѣстный труженикъ по латышской исторіи и миѳологіи, Henri Wissendorf de Wissokuok, принимающій прусское Ромове за центръ культа всей литовской земли, а находившагося тамъ жреца — верховнымъ жрецомъ (Krivu-Krivaitis или Kriviu-Kriws) всѣхъ другихъ жрецовъ (Krivi), находившихся въ многочисленныхъ, разсѣянныхъ по всей прибалтійской землѣ Ромове. Слѣдуя личному мнѣнію Дусбурга, Wissendorf утверждаетъ, что во всей этой землѣ господствовало теократическое правленіе подъ главенствомъ названнаго Krivu-Krivaitis. Вмѣсто Ромове онъ пишетъ послѣдовательно Рамава (Ramawa); см. „Notes sur la Mythologie des Lataviens. Extrait de la Revue des Traditions Populaires". Paris 1893, p. 14–15.

Несмотря на то, что выводы обоихъ названныхъ авторовъ совершенно противоположны тѣмъ, къ какимъ пришли мы, мы считали своею обязанностью указать на ихъ труды, какъ на заслуживающіе должнаго вниманія.

Монографіи о Ромове разбираютъ преимущественно вопросъ о мѣстоположеніи мнимаго центра прусско-литовскаго культа. Мы считаемъ это совершенно лишнимъ, такъ какъ Дусбургъ и даже Грунау ясно указываютъ, что Ромове лежало въ прусской области — Надровіи. Если же мы и касаемся въ настоящемъ трудѣ этого вопроса, то лишь съ цѣлью представить различныя о немъ мнѣнія и ихъ основаніе.

12) Первая такого рода монографія это — Martini Ieschke. Dissertatio de quercu Romowe, gentilibus olim Prussis sacra. Regiomonti 1674, in 4-to; перепечатана въ Acta Borussica Ecclesiastica, Civilia, Literaria etc. Bd. I, 1730, p. 518—531. Опровергая мнѣнія Гвагнина и др., утверждающихъ, якобы священный дубъ съ истуканами (который Іешке называетъ Ромове) находился на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположенъ городъ Heiligenbeil, авторъ приходитъ къ заключенію, что существовало два священныхъ дуба: одинъ въ Heiligenbeil, посвященный божеству Gurcho или Gorcho; другой же, съ истуканами трехъ главныхъ божествъ, находился въ Ромове, лежащемъ въ Натангіи, какъ это старался доказать уже до Іешке Геннебергеръ. Трудъ этотъ, лишенный критически разработанныхъ основаній, не имѣетъ никакого научнаго значенія.

12) На основаніи мнѣнія Voigt'a, что каждая прусская область имѣла свое Ромове и своего жреца, Винклеръ задался цѣлью отыскать мѣсто, гдѣ находилось Вармійское Ромове, и изложилъ результаты своихъ соображеній въ статьѣ: „Romowe in Warmien vom Obersteuerinspector von Winkler". Zeitschrift für die Geschichte und Alterthumskunde Ermlands. Bd. III, Jahrgang 1864-66, Braunsberg 1866, p. 521—526. Основываясь на сообщеніи Schütz'a, p. 27: „der König (Ottokar) zog noch bei Winterszeit nach der Balga, von dannen auff Romowe oder Rikajoten (?); eroberte die feste (?) und verbrante die grosse Eiche mit sampt iren Göttern" etc., авторъ утверждаетъ, что упомянутое Ромове было расположено въ Варміи; что именно это Ромове слѣдуетъ считать центромъ прусскаго культа, и что тутъ стоялъ священный дубъ съ истуканами трехъ высшихъ божествъ. Далѣе, желая опредѣлить, въ какой мѣстности Варміи оно находилось, авторъ указываетъ на существующій нынѣ фольваркъ Rejoten, принадлежащій къ имѣнію Pohren, свентосѣкерскаго уѣзда (Kreis Heiligenbeil), какъ на мѣсто бывшаго Ромове, на слѣдующихъ основаніяхъ: „Da ferner bei verschiedenen Chronisten ausser dem gewöhnlichen Namen Romowe, als Heiligthum, auch noch die Benennung Rikojot, Rikajot (Riks auch Reiks heisst herscher) gebraucht wird, so dürfte wol eine Spur darauf führen,

Digitized by Google

wo ein ähnlicher Name uns entgegentritt, den von König Ottokar zerstörten Göttersitz zu vermuthen. Die Gegend, wo der Name des zu dem gute Pohren gehörigen Vorwerks Rejoten uns so bedeutsam (?) erscheint, darf uns um so mehr als das ermländische Romowe erkannt werden, als gerade in dieser richtung uns der anmarsch des Kreuzheers aus den vorhin entwickelten (strategischen) gründen erfölgen konnte".

Schütz, на котораго ссылается Винклеръ, описываетъ походъ короля Оттокара въ 1245 г. изъ вармійскаго Эльбинга и Балги въ самбійское Medenowe и въ дальнѣйшіе предѣлы по Дусбургу, III, с. 70, ed. H., но отъ себя прибавляетъ, чего у Дусбурга нѣтъ, — якобы король разрушилъ лежавшее на этомъ пути Ромове и сжегъ дубъ съ мнимыми богами. Такое описаніе Ромове принадлежитъ Грунау, а Schütz'у принадлежитъ перенесеніе Ромове Грунау изъ Надровіи въ сѣверные предѣлы Варміи и приписаніе Оттокару разрушенія его; Schütz забылъ, что это же самое Ромове съ тѣми же святынями онъ помѣстилъ уже разъ, тоже произвольно, въ отдаленной Галиндіи (fol. 3).

И вотъ на такомъ призрачномъ основаніи Винклеръ строитъ свои выводы, для оправданія которыхъ не могутъ быть достаточны никакіе стратегическіе доводы, имъ приводимые. Равнымъ образомъ ошибочна его мысль, якобы усадьба Rejoten напоминаетъ Rickoyot, т.-е. другое названіе Ромове, такъ какъ намъ извѣстно, что Rickoyot — вмѣсто Ромове — есть фантазія Грунау. До него никто не приводитъ этого названія; послѣ него оно встрѣчается лишь у его подражателей.

14) A. Rogge въ статьѣ „Der preussische Landberg, das älteste Romowe" (A. P. M. Sch. XIV, p. 585—92, 1877 г.) и затѣмъ въ „Urpreussen", ibid., p. 289 sqq., утверждаетъ, что въ округѣ свентосѣкерскомъ (Heiligenbeil), а именно, между деревнями Thomasdorf и Schirten, на лѣвомъ берегу рѣчки Jarft, возвышенность, поднимающуюся на 200′ (Landberg), и слѣдуетъ считать за Ромове, гдѣ зажигали огни (Sobotki); а по „Urpreussen", стр. 293, деревню Regitten, напоминающую Rickayott, слѣдуетъ признать за мѣстопребываніе Criwe. Отсюда, послѣ занятія этой области крестоносцами, Criwe убѣгаетъ въ Самбію, гдѣ его резиденціей была деревня Romehnen (докум. 1325 г.) или Rumanove (док. 1329), позднѣе Romayn (док. 1335 г.), Rumbow (док. 1349 г.), — пока онъ снова не былъ принужденъ бѣжать въ Надровію и уже отсюда въ Литву, въ Romayn на Невяжѣ (стр. 293).

Ромове, о которомъ идетъ рѣчь, находилось въ Надровіи, а не въ Варміи; перенесенія Criwe являются произвольной комбинаціей автора, придуманной для соглашенія мнѣній различныхъ ученыхъ.

15) Friederici помѣстилъ въ Sitz. Ber. der Altertumsgesellschaft Prussia за 1875 г. статью „Das preussische Romowe", а въ A. P. M. Sch. XIII, 1876 г., стр. 228—53, другую — „Ueber die Lage Romowes oder Oberpriestersitzes im heidnischen Preussen". Правильно опираясь на авторитетъ Дусбурга, что Ромове находилось въ Надровіи, авторъ ставитъ трудный для разрѣшенія вопросъ, въ какой части Надровіи могло оно находиться. Въ виду отсутствія какихъ-либо указаній въ источникахъ, онъ основываетъ свои выводы на сходствѣ названій извѣстныхъ мѣстностей. Онъ говоритъ, что для защиты Ромове жители Надровіи, Шалавоніи и Судавіи построили крѣпость Wilow, Welow (Илава надъ Преглой); неподалеку находилась деревня Kreiwutschen, напоминающая Criwe, который могъ имѣть тутъ свою столицу; прибавляетъ однако, что это могло одинаково обозначать „Кривая деревня" (Krummsdorf); деревня же Abeliszken можетъ обозначать „деревня Abeles'a" (sic), который по L. David'у (стр. 64, примѣч.) былъ претендентомъ на должность (sic) Criwe послѣ смерти Bruten'a(!); гор. Romanuppen на рѣчкѣ Auxinne напоминаетъ Ромове. Принявъ все это во вниманіе, авторъ выставляетъ гипотезу, что весьма вѣроятно, что Romanuppen есть отыскиваемое Ромове: „In ermangelung unumstösslicher beweise für die einstige stätte Romowes scheint durch

Digitized by Google

die frühere untersuchung wenigstens bis zu einem hohen grade wahrscheinlich gemacht zu sein, dass Romanuppen an der Auxinne als der geeignetste ort anzusehen ist, wo das alte Romove sich befunden haben könne" (A. P. M. Sch., XIII, 250).

Wilow, Welow, дѣйствительно, построили для защиты отъ нападенія крестоносцевъ и Сембовъ на надровскую землю, но не спеціально для защиты Ромове. Дер. Kreiwutschen не могла быть столицей Criwe, который для обереганія священнаго огня и для прорицаній долженъ былъ жить въ самомъ Ромове. Kreiwutschen несомнѣнно значитъ „Кривая деревня", какъ отмѣчаетъ самъ авторъ; а подобныхъ названій, образованныхъ отъ kreivas. krivas — кривой, было множество (см. Słownik Geograficzny, Географическій Словарь, s. v.); нѣсколько приводитъ также Sprogis въ своемъ словарѣ. — Abeliszken никоимъ образомъ не обозначаетъ деревни Абелеса. Abeles, братъ жены Litphon'a, не могъ быть претендентомъ на должность Criwe послѣ смерти Брутена. Брутено не могъ умереть, такъ какъ онъ является произведеніемъ прославленнаго фальсификатора, Грунау, который вымышленныхъ Видевута и Брутена надѣлилъ властью на подобіе Моисея и Аарона. Съ другой стороны, Criwe не есть названіе должности, а имя собственное; а претендовать на не существующую должность — смѣшно. Litpho — плодъ фантазіи Грунау; самого Abeles'a составилъ Friederici изъ Apeles'a для облегченія этимологіи „Abeliszken". Это названіе образовано отъ Abelis, Obelis — яблоня, отъ которой много мѣстностей получили названія; см. Sprogis, Словарь, и Słownik Geograficzny (Географическій Словарь) s. v. Abele, Abelin, Abeliny и т. п.

Такъ какъ Ромове слѣдовало искать въ Надровіи, то мы считаемъ обоснованной догадку, что Romanuppe на Auxinne, въ силу сходства звуковъ можетъ быть Ромове; ничего большаго не добивался самъ авторъ. Съ одинаковымъ однакожъ основаніемъ можно было бы предположить, что искомое Ромове есть другое Romanuppe на рѣкѣ Romona, въ Столупянскомъ уѣздѣ (Stallûpoenen), также находящееся въ Надровіи. Но это догадка; а положительнаго результата нѣтъ.

Затѣмъ авторъ хочетъ указать, что̀ произошло по разрушеніи Ромове. Благодаря тому, что Tirsko, прусскій вождь, измѣннически предалъ крестоносцамъ крѣпость Welaw, часть жителей Надровіи съ Криве и идолами переселились въ сосѣднюю Литву, о чемъ якобы свидѣтельствуютъ названія: Romain (so nannte man das neue (!) heiligthum in Litauen), Welun (feste, zum schutze der heiligen insel Romayn) и, кромѣ того, названіе Кривичей (!) (landschaft Crivicie oder Kriwitzen, die domäne des litauischen Crive). Тутъ комментаріи считаемъ излишними.

Этимъ мы ограничимся. Рядъ авторовъ, перечисленныхъ выше, можно было бы пополнить еще писателями польскими, каковы: Stryjkowski, Kojałowicz, Murinius, Narbutt, Kraszewsk, равно какъ литовскими, напр. Dowkont, и русскими; но это не увеличило бы качественно матеріала, такъ какъ со времени Грунау вездѣ находимъ одно и то же съ различными видоизмѣненіями.

Другіе источники, какъ народное преданіе, и вспомогательныя сочиненія, бросающія хотя бы лучъ свѣта на нашъ вопросъ, будутъ указаны при изложеніи въ надлежащемъ мѣстѣ.

Digitized by Google

Ромове.

§ 1. Первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ серіознымъ источникомъ является хроника Дусбурга, которая гласитъ, что въ мѣстности (locus) Romow[1]), находящейся въ Надровіи, жилъ главный жрецъ, охраняющій вѣчный огонь въ этомъ же Ромове; что къ нему приходили узнавать, не видѣлъ ли онъ покойника, отправляющагося въ загробный міръ; что здѣсь послѣ побѣды сжигали третью часть добычи, вручаемой жрецу, въ жертву богамъ. Этимъ ограничиваются сообщенія хроники Дусбурга.

Спустя два столѣтія, въ началѣ XVI в. (1526 г.), хроника Грунау сообщаетъ, что въ Пруссіи, въ мѣстности, называемой Rickojot[2]) или Romowe[3]), стоялъ дубъ громадной величины[4]), зеленѣвшій лѣтомъ и зимой; дубъ этотъ раздѣлялся на три равныя части, и въ каждой изъ нихъ, какъ будто въ искусственномъ окнѣ, стоялъ идолъ[5]); одинъ изъ нихъ изображалъ „Perkuno", другой „Patrympo", третій „Patollo". Передъ Perkuno, какъ говоритъ Грунау въ одномъ мѣстѣ (p. 78), или же передъ всѣми тремя идолами, какъ упоминаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (p. 89), горѣлъ неугасаемый пламень. Въ одномъ или трехъ шагахъ отъ дуба, на высотѣ семи локтей отъ земли, были повѣшены завѣсы (tuchir, — платы), за которыя никто не имѣлъ права входить, кромѣ „Kirwaito" и главнѣйшихъ вайделотовъ. Если же приходили другіе, то для нихъ раздвигали завѣсы. Вокругъ дуба жили въ палаткахъ или хижинахъ вайделоты[6]).

Относительно достовѣрности сообщеній Дусбурга мы уже неоднократно высказывали свое мнѣніе[7]), равно какъ и относительно извѣстій монаха Грунау[8]). Мы не измѣняемъ нашего взгляда на обоихъ этихъ писателей и теперь; напротивъ, мы постараемся еще болѣе обосновать его относительно Грунау при разборѣ сообщаемыхъ послѣднимъ подробностей о Ромове, составляющихъ главнѣйшую часть настоящаго труда.

Такъ какъ со времени полнаго разгрома и обезлюденія Надровіи въ 1275 г. до окончанія хроники Грунау прошло слишкомъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, а христіанство немедленно уничтожало вещественные памятники язычества, вырубая священныя рощи или отдѣльныя священныя деревья, — то Грунау никоимъ образомъ не могъ не только

---

[1]) Такъ пишетъ Дусбургъ. Такъ какъ намъ не извѣстно ни одной мѣстности прусской или литовской съ окончаніемъ -ow, то, по аналогіи съ другими мѣстностями, напр. Velove и т. д., мы принимаемъ написаніе Romowe. См. § 2 въ концѣ.

[2]) «Sie (т.-е. боги) auch wellen, und die wonungk des Kirweiden mit seinen waydlotten und der gotte sollen heissen Rickoyott» и т. д. Grunau, стр. 89; Rickoyto — стр. 62.

[3]) «Er (Болеславъ Храбрый) zogk ken Rickoyott addir Romowe», Grunau, стр. 80; «Sie baueten Rickoyot aber Romowe» (Romewo — очевидно, ошибка), стр. 81. — Названіе Romowe взято, несомнѣнно, у Дусбурга III, 5. — Rickoyot, Rickoyoto и т. п. есть выдумка Грунау. Отъ корня rik производятся rikis, riks — господинъ, прусс. rikaŭt, литовск. rikauti — господствовать; а такъ какъ -ot, лит. -uotas, образуетъ имена личныя, то Rickoyot не можетъ обозначать «herrensitz», жилище господина. Правда, намъ извѣстно Biota, названіе литовскаго озера, но образованіе этого слова неизвѣстно. — О rikis и производныхъ отъ корня rik см. Nesselmann, «Thes.» s. v. Есть также rikauti — шумѣть, кричать, веселиться; но тутъ значеніе этого корня rik должно быть другое; см. Nesselmann, Wört. L. Spr., стр. 449.

[4]) «In einer eichen, dy 6 elen dicke war», Грунау, стр. 62; должно быть, 6 локтей въ діаметрѣ. Помѣщеніе боговъ въ отверстіяхъ дуба не мѣшаетъ ему писать далѣе: «Bruteno im mit seinen götthin eine sonderliche wonungbaute», Gr., стр. 62.

[5]) «Und die eiche war gleich in drei teil geteilet, in iglichem, wie in eim gemachten fenster, stundt ein abgott», Gr., стр. 78.

[6]) Тамъ же.

[7]) Въ послѣдній разъ въ «Źródła do Mytologii Litewskiej», II, 1—3.

[8]) «Nuncius cum baculo», Варшава; 22—25; см. «Wisła», томъ IX.

Digitized by Google

не видѣть эти столь подробно описанные имъ памятники, но даже не застать при жизни своей ихъ остатки; слѣдовательно, свѣдѣнія о нихъ онъ долженъ былъ почерпнуть изъ какихъ-либо другихъ источниковъ. Тѣ же источники, на которые онъ ссылается, почти всѣ намъ извѣстны; но въ нихъ нигдѣ нѣтъ описанія Ромове. Только одна хроника епископа Христіана, на которую Грунау часто ссылается, неизвѣстна намъ по той простой причинѣ, что ея никогда не существовало; она является чистымъ вымысломъ Грунау. Хроника же Ярослава плоцкаго и Дневникъ Дивониса, которыми якобы пользовался епископъ, вымышлены единственно съ цѣлью придать достовѣрность существованію и авторитету хроники Христіана[1]). Остается такимъ образомъ предположить, что и описаніе Ромове также представляетъ плодъ собственной фантазіи Грунау.

Такой отрицательный результатъ даетъ намъ полное право отказать Грунау въ достовѣрности всѣхъ его сообщеній. Но иногда и фантастическія произведенія создаются на почвѣ дѣйствительности; а Грунау отличается свойствомъ возсоздавать по крупицѣ истины совершенно вымышленное цѣлое. Поэтому мы разложимъ сообщенное имъ описаніе на составныя части и, разбирая ихъ поочередно, постараемся выяснить, что́ изъ нихъ слѣдуетъ признать заслуживающимъ довѣрія, и что́ слѣдуетъ отбросить, какъ ошибочное. Пробнымъ камнемъ въ данномъ случаѣ послужитъ Дусбургъ; затѣмъ — нѣсколько замѣчаній, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ у позднѣйшихъ, заслуживающихъ довѣрія писателей; наконецъ — преданіе. Такимъ путемъ мы найдемъ и опредѣлимъ основаніе для возможнаго рѣшенія нашей задачи.

§ 2. Дусбургъ ясно свидѣтельствуетъ, что Ромове находилось въ Надровіи, и выраженіе его „scilicet in Nadrovia" можетъ служить доказательствомъ, что онъ справлялся о мѣстоположеніи Ромове. Равнымъ образомъ и Грунау въ концѣ концовъ признаетъ, что оно находилось въ Надровіи[2]).

Несмотря на такое ясное указаніе, какое даетъ Дусбургъ, нашлось немало писателей, которые, не нашедши никакого Ромове въ Надровіи, усматривали его или въ мѣстности со сходнымъ названіемъ внѣ Надровіи, или же тамъ, гдѣ по преданію находился какой-нибудь священный дубъ. А такъ какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ придерживались ошибочнаго мнѣнія, что существовало одно лишь Ромове, бывшее религіознымъ центромъ не только для Пруссіи, но и для всѣхъ литовскихъ земель и сосѣднихъ язычниковъ, — то они не колебались признавать таковымъ центромъ каждый свое Ромове. Такъ, напр., Геннебергеръ, заставшій вблизи Schippenbeil, въ прежней Натангіи, деревни Rohmsdorf и Rykgarben, устанавливаетъ центръ культа здѣсь, остроумно доказывая свое мнѣніе тѣмъ, что Rohmsdorf и Rykgarben весьма сходны съ Romowe и Rickajot; что на мѣстѣ прежняго храма (?) въ Ромове, посвященнаго мнимымъ тремъ главнымъ божествамъ, или по близости впослѣдствіи былъ построенъ монастырь во имя Св. Троицы (Trifaltigkeit); что раньше эта мѣстность называлась Podollen, безъ сомнѣнія отъ имени божества Patollo; наконецъ, тѣмъ, что Дусбургъ ошибочно напи-

---

[1]) Toeppen, «Geschichte der Preuss. Hist.», p. 178—181; «Nuncius c. baculo», 22—25.

[2]) «In diesem lande (Nadrowien) hott auch vorzeiten inne gelegen ein Rickoyott do ist eine stelle der geistlichkeit nach ihrem unglauben im ihrtumb», p. 36; «So hett berufft Widewuto der koningk alle mennung des volcks uff Nadrowien vor-eine mechtige eche», p. 87. — «Um den ort wo sich alle diese heiligthümer zusammenfinden sollten, ist Grunau im zweiten tractat verlegen; denn da seine Scandianer von der Ostsee über das frische haff kommen und ihren hauptsitz an dessen küsten aufchlagen, so war es ihm unbequem das hauptheiligthum in dem entfernten Nadrauen, wo es nach Dusburg lag, anlegen zu lassen. Er nennt also den ort vorläufig gar nicht und gesteht es erst im dritten traktat, dass es wirklich Nadrauen gewesen sei». Toeppen, «G. P. H.», 191—2. — Въ пользу Надровія высказывается также Lukas David, стр. 21; равнымъ образомъ и M. Waissel, стр. 17, пишущій вмѣсто Romowe — Romoüe; Friederici, «Ueber die lage Romows» и Ewald, «Die Eroberung Preussens durch die Deutschen», I, стр. 148.

Digitized by Google

салъ Nadrovia вмѣсто Natangia[1]). — Гарткнохъ, убѣжденный доводами Геннебергера, желаетъ примирить мнѣніе послѣдняго съ Дусбургомъ и для этого произвольно расширяетъ южныя границы Надровіи, включая въ нихъ помянутыя деревни Rohmsdorf и Rykgarben[2]). Гарткноху слѣдовало много писателей, каковы, напр., Ostermeyer[3]) и Baczko[4]). — Caspar Schütz[5]), съ своей стороны, разсмотрѣвъ карту Пруссіи Генриха Зееля[6]) (библіотекаря герцога Альбрехта прусскаго), гдѣ отмѣчена въ Галиндіи какая-то деревушка Rom, Rumi, принимаетъ за мѣсто пресловутаго центра культа эту именно деревушку. Словомъ, при опредѣленіи мѣстоположенія руководящей нитью было тожество или сходство звуковъ наименованій.

Другіе писатели, подчеркивая главнымъ образомъ „священность" дуба, принимали за Ромове ту мѣстность, гдѣ по преданію росло такое дерево, — и прежде всего — священный дубъ, — не обращая вниманія, носила ли эта мѣстность наименованіе Ромове, или нѣтъ. А такъ какъ въ Heiligenbeil (въ Варміи) находился извѣстный дубъ, которому преданіе приписывало тѣ же качества, какими якобы обладалъ дубъ въ Ромове, то Daubmann[7]), а за нимъ Marcin Murinius[8]) и Guagnin[9]), перенесли мнимый центръ культа въ эту мѣстность; такъ же поступили Стрыйковскій[10]) и его компиляторъ Кояловичъ[11]).

Такимъ образомъ оставленіе безъ вниманія дѣйствительнаго источника, или же желаніе поправить его — привели къ путаницѣ понятій, такъ что въ концѣ концовъ возникли сомнѣнія, слѣдуетъ ли Ромове называть мѣстность (locus у Дусбурга), какъ указываетъ источникъ, или же — дубъ съ священными предметами или съ какимъ-либо вымышленнымъ святилищемъ; были, наконецъ, и такіе, которые именемъ Ромове опредѣляли и мѣстность и дубъ.

Уже Грунау положилъ начало этой путаницѣ, называя дубъ и жилище Криве и его вайделотовъ словомъ, изобрѣтеннымъ имъ самимъ, — Rickoyto[12]); этимъ же словомъ онъ опредѣляетъ всю мѣстность вмѣстѣ съ помянутымъ священнымъ дубомъ[13]), и наконецъ, ни съ того, ни съ сего, называетъ эту мѣстность еще другимъ названіемъ:

---

[1]) Henneberger, «Erklär. «s. v.» Trifaltigkeit», стр. 464—5; срав. Hartknoch, D. VI, стр. 121—2.

[2]) Dissert., VI, § 11, стр. 122: «Nadroviam olim etiam cis Pregelam, sive ad ripam Pregelae australem fuisse extensam, ita ut et Romovam intra fines suos contineret, etiamsi hodie vulgo in Natangia censeatur»; см. Voigt, «Geschichte Preussens», I, 161.

[3]) «Kritischer Beitrag zur altpreussischen Religionsgeschichte», p. 42—3.

[4]) «Geschichte von Preussen», Band I, p. 160.

[5]) «Historia Rerum Pruss. oder Wahrhaffte Beschreibung», etc., fol. 3: Romowe im Galinderland.

[6]) Это первая карта, спеціально посвященная Пруссіи; она была приложена къ «Theatrum Orbis Terrarum» Авраама Ортеліуса въ 1570 г., а впослѣдствіи къ первому изданію Schütz'a, Zerbst, 1592.

[7]) «Kurtzer Auszug der preussischen Kroniken» etc., Königsberg, 1566, in 4-to, въ началѣ.

[8]) Wojcicki, «Biblioteka Starożytna», Warsz. 1844, т. IV, стр. 10; см. Henneberger, «Erklär.», стр. 464.

[9]) «Prussiae Descriptio» (Elzev.). 1642, стр. 297.

[10]) Варшавское изданіе, стр. 142—3.

[11]) «Historiar. Lituan.», pars I, lib. I, p. 21; цитата изъ Гарткноха l. l. p. 119. Сравн. Voigt, «Gesch. Preuss.», I, стр. 160—1; на стр. 160 онъ касается также въ свою пользу упрека, неосновательно сдѣланнаго Дусбургу, якобы послѣдній ошибся, написавъ вмѣсто Natangia — Nadrovia. Упрекъ основанъ на словахъ: «Fuit autem in medio nacionis hujus perverse, scilicet in Nadrovia, Romow», а Надровія не находилась въ самой серединѣ Пруссіи. Не слѣдуетъ однако такъ подчеркивать «in medio»; это можетъ обозначать — среди, посреди, in mitten, а не in der mitte, въ самой серединѣ.

[12]) «Diese eiche und die wonung des crywen adir Kyrwaiden mit allen seinen waidolotten, das woren priester, sie nannten Rickoyto». Grunau, p. 62; см. § 1, прим. 2.

[13]) «Seine göthe zu Rickoyott... iren crywen ken Ryckoyto schicken»... «den zu Rickoyotto sie nannten Kirwaito», p. 70; ...«Bey den Kirwaiden zu Rickoyott viel waidler waren»... «So imandt war und seinen bilde zu Rickoyott ein erungk gelobet hatte»... «man quam ken Rickoiot»... «ehren den zu Rickoyott...» Grunau, p. 91.

Digitized by Google

„Rickoyott, или Romove“ [1]) (о которомъ до сихъ поръ не упоминалъ) и помѣщаетъ ее въ Надровіи [1a]).

Waissel называетъ и мѣстность, и жилище боговъ — Romowe [2]). Praetorius [3]) самъ не имѣлъ яснаго представленія о дѣлѣ и съ видимымъ колебаніемъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что Ромове — мѣстность, а въ другомъ, — что такъ называли дубъ особаго вида, по которому его считали священнымъ; затѣмъ, — что срастаться такимъ особымъ образомъ, — по-старо-прусски значитъ Romiu (?) и Rombiu, Rombothi (можетъ быть rombûti); что „Rombotha“ (?) — значитъ дерево, выросшее такимъ образомъ, по какому узнавали, что въ немъ пребывало божество; что въ небудзынскомъ приходѣ росла ель такого рода, — „rumbota egle“, которую чтили, какъ святыню, а пилигримы, отправляясь къ ней, говорили: „Eikim Rombhowa“, и что эти слова для удобства произношенія измѣнились въ „Eikim Rommowa“ [4]); что въ саду его въ Небудзынѣ росла такого рода груша, и ее называли „Rombhota Krauszis“ (должно быть, rombûtas krauszis).

Отъ неизвѣстнаго мнѣ изъ другихъ источниковъ слова romboti, rombûti, — можетъ быть part. perf. pass. rombotas, rombûtas; слѣдовательно, rombûtas aužûlis, rombûtas krauszis, rombûta egle, — означало бы дубъ, грушу, ель, выросшія особымъ образомъ. Этимъ однако не объясняется форма Rumbhową, или собственно Rombuwą vel Rumbuwą. Зная съ полной увѣренностью, что священныя деревья называются „жилищемъ боговъ“, а buwas означаетъ жилище, обиталище, butas же — домъ, сѣни, — rombuwas и rombutas можно перевести буквально — „священное жилище“.

Инымъ путемъ направился Voigt. Отыскавъ въ документахъ, что вблизи западнаго берега Самбіи, у моря, находится деревня Romehnen, которую документъ отъ 1315 г. называетъ Rummowe, а док. отъ 1335 г. — Romayn; что близъ нея было священное поле, далѣе священный лѣсъ и кромѣ того мѣсто, носящее названіе Brandtstat (пепелище), — Voigt безъ колебаній переноситъ именно сюда средоточіе культа [5]). Указанія знаменитаго историка неоспоримы; ошибка заключается лишь въ томъ, что онъ вообще предполагаетъ для всей Пруссіи центръ культа, хотя и на извѣстный лишь періодъ времени [6]). Въ другомъ мѣстѣ этотъ же ученый говоритъ, что кромѣ этого древняго священнѣйшаго мѣста были и другія, носившія такія же или похожія на Ромове названія; и можетъ быть, вездѣ, гдѣ жилъ какой-нибудь Griwe [7]) и поблизости находился священный лѣсъ, — эти названія имѣли то же значеніе блаженнаго спокойствія и глубокаго молчанія, какое имѣло главное Ромове [8]). Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ приводитъ двѣнадцать названій мѣстностей, похожихъ на Ромове, расположенныхъ въ разныхъ сторонахъ Пруссіи [9]).

---

1) См. § 1, прим. 3.

1a) См. § 2, прим. 1.

2) «Chronica», p. 18: «die stelle da die grosse eiche stund, do die drey abgötter woren und da der hohepriester wohnte, dieselbe hiessen sie Romoüe nach der stadt Rom»; a p. 17: «haben die wonung (der götter) genennet Romoüe».

3) Buch IV, c. I, § 8 и c. II, § 1, рукопись. Pierson этого не напечаталъ; въ приложеніи I приведены слова оригинала.

4) Buch IV, c. 2, § 3. Прилож. I.

5) Band I, p. 640—644.

6) «Und es scheint also die behauptung gewagt werden zu können, dass es für die zeiten, von welchen die sage spricht, auch in der that nur Ein Romove für Preussens sämmtliche bewohner gegeben habe». I, стр. 161—2.

7) Такъ пишетъ Voigt имя Criwe, обосновывая свое мнѣніе — I, стр. 696—708; даже Griwe Griwaito; ibid. стр. 144.

8) «Vielleicht hatte jeder ort, wo ein Griwe seinen wohnsitz und ein naher heiliger wald ein heiligthum der götter umschloss, dieselbe bedeutungsvolle bezeichnung». Ibid. I, стр. 596.

9) Ibid. примѣч. 1.

Digitized by Google

Но названія мѣстностей, происходящія отъ корней ram, rom, rum, были распространены не только въ Пруссіи, а и на Жмуди и въ верхней Литвѣ. Уже Дусбургъ упоминаетъ Romene въ Auxtote съ многозначительнымъ эпитетомъ: villa sacra[1]). Въ Географическомъ словарѣ Спрогиса[2]), въ которомъ, по древнимъ актамъ XVI в., исчислены географическія названія жмудской земли, мы находимъ значительное число такого рода названій, равно какъ и въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Ковенской губ.[3]); не мало ихъ и въ Виленской губ.[4]). Весьма важное варшавское изданіе „Słownik Geograficzny", tom IX (Географическій Словарь), приводитъ множество ихъ въ Пруссіи и Литвѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что нѣкогда вся территорія вдоль нижней Виліи, Нѣмана и нижней Невяжи съ незапамятныхъ временъ называлась Romayne[5]).

Безъ сомнѣнія, значительная часть перечисленныхъ въ упомянутыхъ источникахъ и трудахъ мѣстностей могла быть основана послѣ введенія христіанства, заимствуя свое названіе или отъ имени собственнаго, какъ напр., Романъ, Ромейко и т. п., или же отъ главнаго селенія, котораго онѣ были хуторами. Но во всякомъ случаѣ остается не малое число, восходящее къ временамъ языческимъ. Поэтому интересной задачей для спеціалистовъ было опредѣленіе значенія корня, отъ котораго было произведено столько именъ и названій. Сдѣланы были попытки въ этомъ направленіи, и пришли къ тому выводу, что имена и названія эти произведены отъ того же корня, что и ramas, romas — спокойствіе[6]). Мы постараемся точнѣе обосновать этотъ выводъ, предоставляя окончательное рѣшеніе суду знатоковъ-лингвистовъ.

Словами, произведенными отъ упомянутаго корня, обозначали:

1) всю территорію жмудскую, Romaine terra, regio;

2) островъ при впаденіи Дубиссы въ Нѣманъ;

3) большое число деревень, хуторовъ въ Пруссіи, Литвѣ и у Латышей (Лифляндіи), Ramoten circa Swanenfeld[7]), Ramothen villa[8]) въ Пруссіи; Romene[9]) въ Литвѣ; Romini на Жмуди; Rohmeskalna, Ruhmene, Ramkau, Ramkas въ латышской землѣ.

4) рѣки Rominta, Romene въ Пруссіи;

5) озера — Roma lacus[10]) Romitten see въ Пруссіи;

6) лѣса — Rominterwald и т. д. въ Пруссіи.

Ежели столько различныхъ предметовъ получили названіе отъ корня Ram, то, предположивъ, что корень у нихъ одинъ и тотъ же, общее его значеніе должно быть такое, которое соотвѣтствовало бы качествамъ и признакамъ этихъ предметовъ. Даже такіе случаи, что, напр., лѣсъ (Rominte) получилъ названіе отъ рѣки (Rominte) или наоборотъ, — не могутъ слишкомъ вліять въ смыслѣ суженія границъ значенія корня.

---

[1]) «...versus Austechiam..., in qua villam, dictam Romene, quae secundum ritus eorum sacra fuit, combussit». Dusburg, III, 259 (252).

[2]) Вильно, 1888 г.

[3]) Ковно, 1892 г.; такихъ названій около 55; за присылку этой полезной книги приносимъ искреннюю благодарность г. Гуковскому.

[4]) Какъ мы имѣли возможность убѣдиться изъ ненапечатанныхъ матеріаловъ, любезно доставленныхъ и ввѣренныхъ намъ гр. Адамомъ Плятеромъ, за что просимъ принять нашу благодарность.

[5]) «Terra», Wigand, стр. 584, 560 въ «Sc. R. Pr.» II; «Regio Romagyn», Herm. de Wart., стр. 92 («Sc. R. Pr. II).

[6]) Rhesa de religionis christianae in Lith. gente primordiis. Programma. Regiomonti. 1819, стр. 15. «Romas enim et ramus, adjectiva lithuanica, vim quietis et silentii indicant»; за нимъ повторяетъ Voigt, I, 596, прим. 1, и другіе писатели.

[7]) Cod. Dipl. Warm., т. I, стр. 499, № 310.

[8]) Ibid. т. II, стр. 529, № 497; Cod. Pruss., III, стр. 162.

[9]) Dusburg, III, 259 (252).

[10]) Cod. Pruss., II, 53; другія см. «Słownik Geograficzny», t. IX (Географическій Словарь, томъ IX s. v.).

Digitized by Google

Кромѣ того, отъ того же корня производятся существительныя и прилагательныя, существующія до сихъ поръ въ живомъ литовскомъ языкѣ, какъ напр., литовское ramus — спокойный; romas — тишина, спокойствіе; romus и ramus — тихій, спокойный, блаженный; ramyne, romybe — нѣжность, благость; rimti — быть спокойнымъ; ramyti — успокоивать и т. п.; латышское rahms — спокойный, прирученный, переносное значеніе — набожный; raminti — покоить, т.-е. хоронить; прусское rams — добронравный (sittig)[1]).

Итакъ, основное значеніе этого корня — спокойствіе, — въ страдательномъ значеніи „быть спокойнымъ", въ дѣйствительномъ — „успокоивать, смягчать", и т. п. Если прибавить къ корню rom- суффиксъ ovja=ove[2]), получится Romowe, — мѣсто спокойствія или успокоенія, умилостивленія, напр., боговъ; отсюда — мѣсто богослуженія, священное мѣсто и т. д.

Въ самой Пруссіи есть большое количество населенныхъ мѣстъ съ названіями, оканчивающимися на -ove; въ одномъ только самбійскомъ документѣ находимъ слѣдующія: Quedenove, Bledove[3]), Geydove, Sabenove, Labegove, Bonove, Lynthove, Sunegove, Velove, Grebove, Rudove, Kaymelabegove[4]), въ другомъ: Valdove, Dragedove[5]).

Примѣняя результатъ къ названіямъ мѣстностей, произведеннымъ отъ Ram, перечисленнымъ выше, мы приходимъ къ заключенію, что они должны обозначать или спокойную страну, островъ и т. п., т.-е. вообще затишье; или же спокойную рѣку, озеро; въ переносномъ значеніи — блаженное, святое; въ активномъ значеніи — мѣсто, приносящее покой, успокоеніе.

Изъ всѣхъ мѣстностей, произведенныхъ отъ корня Rom, только одна Romene въ Литвѣ, имѣетъ эпитетъ Sacra[6]). А такъ какъ въ надровскомъ Ромове находился весьма чтимый Огонь, то мы безъ колебанія можемъ признать его тоже священнымъ. Остальныя же названія могутъ обозначать одни — святыню, другія — затишье. Отсутствіе какихъ-либо указаній вынуждаетъ насъ сдѣлать такое обобщеніе.

Изъ предыдущаго однако не слѣдуетъ, что священныя мѣста обозначались только словами отъ корня Rom-; въ дѣйствительности существовали священныя мѣста съ другими наименованіями, какъ, напр., Seten[7]) = Szatyje. Wendzigola же хотя и не имѣетъ такого эпитета, но несомнѣнно была священной, разъ тутъ находились священные дома, „domus sacrae, aedes sacrae"[8]).

§ 3. Въ надровскомъ Ромове, по мнѣнію Грунау, росъ дубъ громадныхъ размѣровъ, въ шесть локтей толщиною, считавшійся священнымъ.

Культъ деревьевъ, растущихъ одиноко или массами и образующихъ рощи и лѣса, былъ весьма распространенъ у большей части народовъ, какъ выяснилъ и доказалъ Mannhardt въ сочиненіяхъ: „Der Baumkultus der Germanen"[9]) и „Antike Wald- und

---

[1]) Мы намѣренно не выходимъ за предѣлы литовскаго яз.; слова отъ корня ram въ другихъ словахъ см. Curtius, «Grundzüge», ed. V, p. 325, № 454, приведена и литература.

[2]) Schleicher, «Gramm. der lit. Sprache», Bd. I, p. 110.

[3]) Въ оригиналѣ очевидно ошибка — Blodeve.

[4]) Cod. Dipl. Warm., томъ II, Reg. 24 отъ 1258 г.

[5]) Ibid. doc. 387.

[6]) См. выше стр. 359, примѣч. 1.

[7]) «Villam Sethen, quae dicitur sancta». Herm. de Wart., стр. 81 (въ «Sc. R. Pr.», II).

[8]) «Fugiunt tamen ad edes sacras», а раньше авторъ о нихъ говоритъ: «stant ante domos sacras». Wigand, стр. 623—4, въ «Sc. R. Pr.», II.

[9]) Берлинъ, 1875.

Digitized by Google

Feldkulte"[1]). Въ литовскихъ областяхъ этотъ культъ составлялъ характерную черту, занимающую одно изъ первыхъ мѣстъ. Почитаніе, выказываемое деревьямъ и рощамъ, основывалось главнымъ образомъ на убѣжденіи, что въ нихъ пребывало божество, духъ-покровитель, или же душа человѣка. При этомъ породы деревьевъ могли быть различныя, — преимущественно дубъ, кленъ, рябина и т. п. Признакомъ того, что въ извѣстномъ деревѣ пребывало какое-нибудь высшее существо или божество, какъ выяснено до настоящаго времени, была или древность и громадность дерева, или же особенная форма его[2]). Іеронимъ Прагскій, посланный, какъ извѣстно, Владиславомъ Ягелло на Жмудь для обращенія язычниковъ, прибылъ въ мѣстность, не опредѣленную точно въ жмудской землѣ, гдѣ находилось нѣсколько священныхъ рощъ, изъ которыхъ одна пользовалась особеннымъ почетомъ. Когда ее, по приказанію Іеронима, уже наполовину вырубили, очередь пришла рубить старый дубъ, который преимущественно предъ другими считали священнымъ и жилищемъ божества, такъ что никто не рѣшался поднять на него топоръ. Тогда Іеронимъ, взявъ топоръ, сталъ самъ рубить и, при помощи окружающихъ, послѣдовавшихъ теперь его примѣру, повалилъ громаду[3]).

Мы уже приводили въ другой работѣ[4]) примѣры того, что въ литовскихъ земляхъ деревья, въ частности дубы, достигали огромныхъ, даже необыкновенныхъ размѣровъ; тамъ же указано было, которыя изъ этихъ деревьевъ были ясно названы священными; гдѣ нѣтъ такого указанія, тамъ источники ничего не говорятъ о священности. Къ такимъ деревьямъ можно присоединить еще дубы Baublis и Bamblis. Въ имѣніи Bordzie въ Россіенскомъ уѣздѣ (прежде Коршовскомъ) на горѣ Wiszniukalnas (холмъ вишенъ) росъ дубъ, называвшійся Baublis; у подошвы холма росла дубовая роща. Владѣлецъ помянутаго имѣнія, Діонисій Пашкевичъ, велѣлъ въ мартѣ 1812 г. срубить этотъ дубъ; пень имѣлъ въ окружности 19 литовскихъ локтей и шесть дюймовъ; въ діаметрѣ болѣе толстаго конца — семь локтей, болѣе тонкаго — пять съ половиною локтей. Выгнившая середина имѣла въ окружности тринадцать локтей и пять дюймовъ; въ здоровой части пня насчитали семьсотъ слишкомъ слоевъ, не считая надгнившей части въ нѣсколько дюймовъ, въ которой нельзя было различить слоевъ, и коры толщиною также въ нѣсколько дюймовъ. Въ пнѣ владѣлецъ велѣлъ вырубить два отверстія въ локоть каждое, чтобы проникнуть внутрь, и въ пустой, дуплистой части пня устроилъ хранилище оружейныхъ и иныхъ древностей[5]).

Въ имѣніи Sterkłauki, въ шести миляхъ отъ им. Бордзе, между Стерклавками и г. Юрбаркомъ, близъ прусской границы, росъ дубъ большихъ размѣровъ, носившій

---

[1]) Берлинъ, 1877. — Интересныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія изъ кавказскихъ областей сообщаетъ впервые гр. Уварова: «Выше, въ горахъ св. Николая (въ Осетіи), заповѣдная роща, до которой никто не смѣлъ дотронуться подъ страхомъ неминуемо ослѣпнуть. Въ Дергафскомъ ущельѣ, неподалеку отъ Кубани,— святое дерево». Кавказъ. Москва, 1887, стр. 26. «Мы часто выѣзжаемъ на берегъ Цейдона (въ Осетіи), а потомъ снова углубляемся въ лѣсъ, встрѣчаемъ полянки съ пасущимися стадами. Это уже завѣтный лѣсъ, святилище осетинское, въ которомъ находится и Рекомъ лѣсъ, въ которомъ никто не рѣшится на воровство или на другое преступленіе». Ibid, стр. 58—9. Ср. Bastian, Der Baum in vergleichender Ethnologie, въ Zeitschr. für. Völkerpsychologie, T. V. 1868 p. 287, 316, Tylor La civilisation Primitive traduit par Barbier. 1878 T. II. p. 279—298.

[2]) «Źródła do Myt. Litewskiej», I, стр. 51—78. Относительно громадности см. примѣч. 11.

[3]) «Ventum erat ad medium nemoris, ubi quercum vetustissimam et ante omnes arbores religione sacras et quam potissime sedem (scil., deorum?) esse putabant... Neque jam quisquam erat, qui ferrum exercere auderet. Tum Hieronymus... ad arborem adacto ferro, adiuvante multitudine, ingens onus... prostravit». Sc. R. Pr., IV, p. 237. — Перепечатку цѣлаго этого мѣста вмѣстѣ съ разборомъ мы помѣстимъ въ «Źródła do Myt. Lit.», II, № XXXIX.—И понынѣ подобнымъ образомъ чтятъ старое дерево Осетины: «Иногда въ урочищахъ этихъ нѣтъ даже постройки; тогда все уваженіе, весь почетъ воздается какому-нибудь старому дереву, которое и обвѣшивается приношеніями». Гр. Уварова, «Кавказъ», I, стр. 25—6.

[4]) «Źr. M. L.», I, стр. 62—3.

[5]) «Dziennik Warszawski», т. IV, за апрѣль, май, іюнь 1826 г., № 11, стр. 37—46.

Digitized by Google

подобное же названіе, т.-е. Bamblis[1]). — Въ лѣсу, тянувшемся вдоль Инстербургскаго уѣзда (in dem Bertiningischen Walde unter dem Insterburgischen Gebiet) Praetorius видѣлъ дубъ, имѣвшій внизу двадцать шесть, а на высотѣ человѣческаго роста въ восемнадцать локтей въ обхватѣ[2]). Гуковскій въ „Описаніи Россіенскаго уѣзда"[3]) передаетъ интересныя подробности относительно дуба, находившагося въ мѣстности Rotusz, въ десяти верстахъ отъ Колтынянъ. Подъ нимъ, какъ гласитъ преданіе, происходили языческія жертвы и собирался народъ по пятницамъ, затѣмъ по воскресеньямъ. Прибитый къ дереву крестъ Спасителя по мѣрѣ разростанія дуба, казалось вросталъ въ него, что еще болѣе усиливало священность дерева. Говорятъ, лѣтъ 80 или 90 тому назадъ (т.-е. между 1803—1813 гг.) еще собирались подъ этимъ дубомъ по воскресеньямъ крестьяне; зарѣзавъ барана, они отправлялись въ бывшую по близости часовню, а вернувшись, варили барана и пировали. О дальнѣйшей судьбѣ этого дуба авторъ не сообщаетъ. I. Бушнскій въ Opisanie Historyczno-Statystyczne powiatu Rossieńskiego (въ „Описаніи Россіенскаго уѣзда")[4]) говоритъ о томъ же дубѣ, что будто бы окрестные крестьяне еще въ то время (1874 г.) собирались у него по пятницамъ (?). „Въ нѣсколькихъ (?) миляхъ отъ Колтынянъ, въ урочищѣ, называемомъ Rotusz, есть огромный дубъ, прикрѣпленный на которомъ крестъ собираетъ въ каждую пятницу окрестныхъ крестьянъ на молитву. Дубъ этотъ, по мѣстнымъ преданіямъ, былъ въ языческія времена мѣстомъ жертвоприношеній". Несомнѣнно, это былъ священный дубъ.

Что касается того, всякое ли дерево, и именно дубъ, громадныхъ размѣровъ являлось предметомъ почитанія, — то это вѣроятно, но за отсутствіемъ указаній доказано быть не можетъ[5]). Можно однако же предположить, что въ ряду великановъ-деревьевъ почитаемо было наиболѣе величественное[6]).

Но можно считать во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ, что каждое дерево, независимо отъ размѣровъ и породы его, признавалось особенно священнымъ въ томъ случаѣ, когда стволъ его, развѣтвляясь, опять сростался въ одно цѣлое, — или если вѣтвь сросталась снова со стволомъ[7]). Кромѣ того, есть указанія, что три дерева, выросшія изъ одного ствола, были особенно чтимы, т.-е. считались священными. Одно такое указаніе касается трехъ священныхъ липъ (въ Bardehmen, въ нынѣшней восточной Пруссіи), выросшихъ изъ одного корня, которымъ уже болѣе шестисотъ лѣтъ; другое — трехъ дубовъ на кладбищѣ въ Schaaken (въ той же восточной Пруссіи), передъ которыми прохожіе и донынѣ снимаютъ шапки[8]).

Вѣра въ священность деревьевъ этого рода была извѣстна и распространена также и у арійскихъ и другихъ народовъ. Священность основывалась на приписываемой имъ чудесной силѣ исцѣлять больныхъ, страдающихъ грыжей, искривленіемъ и т. п. Для

---

1) Ibid, стр. 39, примѣч. 2.

2) Buch IV, c. 1, § 17. Такъ какъ Pierson не напечаталъ этого, мы въ приложеніи I дѣлаемъ выписку изъ кенигсбергской рукописи.

3) Ковно, 1893, стр. 123.

4) Вильно, 1874, стр. 117.

5) См. однако Erasmus Stella: Praecellentes arbores, ut robora, quercus, deos inhabitare dixerunt. ...(arbores) huiusmodi religiose, ut numinum domos colebant».

6) «Źr. Myt. Lit.», I, стр. 51—78.

7) См. ниже и приложеніе I, caput II, § 3 sqq; приложеніе II.

8) «Und die heilige linde bei Bardehmen? Die ist aber auch heilig. Drei solche gleiche stämme aus einer wurzel so schön gewachsen... und ist über 600 jahre alt... Unsere grosseltern haben ihn (d. baum) für heilig gehalten... Und bei den drei eichen auf dem kirchhofe von Schaaken nimmt noch mancher von euch die mütze ab, wenn er vorübergeht». Scenen aus dem volksleben der preuss. Litauer. Preuss. Prov. Blätter, 1838, p. 400 sqq. Святость числа три также могла имѣть тутъ значеніе, какъ это отмѣчено въ Źr. M. L.», I, 136. О томъ, что тутъ проходили или проносили больныхъ между стволами въ видахъ излѣченія, — здѣсь упоминанія нѣтъ.

Digitized by Google

исцѣленія больной или самъ проползалъ чрезъ отверстіе ствола, или же его протаскивали, въ убѣжденіи, что больной избавится отъ болѣзни, оставивъ ее въ деревѣ. Въ различныхъ мѣстностяхъ при этомъ соблюдали различныя церемоніи. Кратко упоминаетъ о такомъ способѣ врачеванія Яковъ Гриммъ[1]); болѣе обстоятельно и научно обработалъ этотъ вопросъ Mannhardt[2]); Gaidoz посвятилъ этому вопросу особую монографію[3]). Mannhardt, поставивъ цѣлью возможно всестороннее изслѣдованіе культа деревьевъ и растеній, преимущественно полевыхъ, — со свойственной ему эрудиціей, опираясь на громадный матеріалъ со всѣхъ концовъ земли, выяснилъ основныя идеи этого культа. Что касается непосредственно интересующаго насъ вопроса, онъ рѣшаетъ его такъ же, какъ и Гриммъ. Gaidoz же, занявшись исключительно указаннымъ актомъ проползанія или протаскиванія, уясняетъ историческій ходъ этого обычая, примѣнявшагося къ дугообразно выросшимъ надъ землей корнямъ, къ деревьямъ съ естественными или искусственно, путемъ расщепленія образованными отверстіями; къ разсѣлинамъ или сквознымъ дырамъ въ камняхъ, утесахъ и скалахъ. Наконецъ, приведя примѣры, въ какія формы облекло этотъ глубоко укоренившійся обычай христіанство въ разныхъ мѣстностяхъ, Gaidoz приходитъ къ тому же результату, къ какому пришли Гриммъ и Маннгардтъ[4]).

Изъ указанныхъ сочиненій оказывается, что помянутый обычай былъ распространенъ во всей Западной Европѣ. Въ Сѣдлецкой губерніи онъ сохранился, 'какъ говорятъ, и до настоящаго времени[5]); примѣра изъ несмѣшанныхъ русскихъ областей мы не знаемъ[6]). O. Kallas изъ Тайлова въ Эстоніи описываетъ интересную подробность обрядовъ, совершаемыхъ во второй день Пасхи: когда выносили св. образъ изъ церкви, — нѣсколько сотъ человѣкъ изъ собравшагося народа хотѣли пройти подъ иконой[7]). Это живо напоминаетъ описанный Gaidoz'омъ французскій обычай, составляющій лишь измѣненіе первоначальнаго языческаго: „Une image venerée et régardée, comme miraculeuse, sert au même usage. C'est ainsi qu'à Ligny-en-Barrois (Meuse) à la fête de Nôtre-Dame-des-Vertus, on promêne une image de la Sainte Vièrge qui serait la copie de l'une des images de saint Luc... On la porte, comme autrefois, en procession par les rues, le cinquième dimanche aprés Pâques; et avant qu'elle sorte de l'église, deux prêtres la soutiennent en l'air, pendant que plusieurs millieres de pélegrins satisfont la devotion qu'ils ont de passer dessous"[8]).

---

[1]) Deutsche Mythologie, II p. 1118.

[2]) См. прим. 1 и 2 и Приложеніе III.

[3]) Un vieux rite médical. Paris, 1892.

[4]) «Il faut donc recourir à une explication plus simple, — nous voulons dire, plus materielle, et nous la trouvons, comme l'avaient déjà fait Grimm et Strackerjan, dans la theorie de la transplantation des maladies. C'est la théorie, qui se rencontre au fond de rites innombrables de la médécine populaire, rites, par lesquels on croit transporter à une pierre, ou à une plante, ou à un animal la maladie, dont on souffre». Gaidoz, стр. 78.— «...Le rite curatif de passer par une ouverture ou sous un objet ouvert, afin d'y laisser son mal a été revifié et rejeuni à l'epoque chretienne, par la croyance à la vertu surnaturelles des reliques des saints», стр. 74; см. Приложеніе III.

[5]) Устно сообщилъ д-ръ Высокинскій изъ Сѣдлецкой губ.

[6]) Можетъ быть, случайно; срав. Н. И. Троицкаго. Слѣды язычества и пр. Культъ огня, дерева и камня пам. книжка Тульской губ. на 1893 годъ. — Но тутъ говорится только о почитаніи деревьевъ вообще — а не о цѣлебныя ихъ силѣ.

[7]) Vor der kirche, aus welcher sich der zug in bewegung setzen sollte, hatte sich eine kette von mehreren hundert menschen gebildet, die alle unter den bildern durchgehen wollte. Einiges über Setud von O. Kallas. Sitzungsberichte d. gel. estn. gesellschaft. Dorpat, 1895; стр. 88.

[8]) Gaidoz, стр. 50. Вообще вся глава IV, стр. 35—55, составляетъ указаніе вышесказанныхъ языческихъ обычаевъ, которые церковь обратила въ свою пользу.

Digitized by Google

Вполнѣ сходное вѣрованіе господствовало въ прусскихъ областяхъ:

1. Praetorius разсказываетъ, что въ окрестностяхъ Рагниты въ Шалавоніи ему показывали дубъ со странно сросшимися вѣтвями, почитавшійся всѣми окрестными жителями священнымъ[1]).

2. Древне-прусское Romiu, Rombiu, Rombothi значитъ „срастаться" и употребляется въ томъ случаѣ, когда на деревѣ срослась вѣтвь съ вѣтвью. Въ Ромове находился дубъ, считавшійся священнымъ и особенно излюбленнымъ мѣстопребываніемъ боговъ. Поэтому мѣсто (?), или собственно дубъ называли Rommowe (sic)[2]).

3. Древніе Пруссы считали святыней (heiligtum) не всякій дубъ или дерево, а лишь дерево, называемое Rombhota, т.-е. страннымъ образомъ сросшееся. Такія деревья донынѣ чтятъ тайно въ Надровіи и Шалавоніи[3]).

4. Въ лѣсу, принадлежащемъ къ Небудзынскому приходу, еще въ 1664 г. была ель съ двумя вѣтвями, снова сросшимися на концѣ, къ которой стекались всѣ жители не только Надровіи и Шалавоніи, но даже изъ Жмуди и Литвы, принося въ даръ платы, помочи, одежды и деньги; такъ какъ вѣрили, что калѣка или больной грыжей, пролѣзши чрезъ эти двѣ вѣтви, исцѣлится. Эту ель также называли rumbûta egle и, собираясь отправиться къ ней, говорили: Eikim Rombhową[4]).

5. Кажется, Praetorius подразумѣваетъ тутъ тотъ же дубъ, что въ пунктѣ 1. „По нашему мнѣнію, считались священными всякаго рода деревья, которыхъ стволъ, развившись, опять сросся въ цѣлое: на полѣ въ Рагницкой области росъ дубъ такого вида, считавшійся священнымъ. Страдающіе грыжей проползали черезъ отверстіе, образованное развѣтвленіемъ ствола, въ убѣжденіи, что это ихъ исцѣлитъ. Въ моемъ саду въ Небудзынѣ росла такого же вида груша, Rombotha Krauszis (должно быть rombûtas Krauszis). Около нея я разъ засталъ молящагося на колѣняхъ старика". Послѣ долгихъ разспросовъ, онъ признался наконецъ слугѣ Преторіуса, что его прислалъ сюда какой-то вайделотъ изъ Жмуди, для отысканія подобнаго дерева съ цѣлью излѣчить внука, страдающаго грыжей. Кромѣ того, онъ добавилъ, что знаетъ maldininkas'a (молельщика, жреца), который, если бы ему позволили, охотно поселился бы со всей семьей у этого дерева; и это принесло бы и хозяину счастье[5]).

6. Faber сообщаетъ любопытныя подробности о священномъ дубѣ въ дремучемъ лѣсу между Bajorgallen и Rudschen въ Рагницкомъ округѣ. На высотѣ нѣсколькихъ футовъ отъ земли стволъ развѣтвлялся на два главныхъ; одинъ изъ нихъ пустилъ толстую вѣтвь, вросшую опять въ стволъ, въ видѣ излучины, образуя такимъ образомъ отверстіе. Больные глазами, параличемъ рукъ и ногъ и другими болѣзнями совершали путешествіе въ нѣсколько миль къ этому дубу въ надеждѣ исцѣленія. Чтобы добраться до упомянутаго отверстія, приставляли толстую вѣтвь съ обрубленными боковыми вѣтками и по ней, какъ по лѣстницѣ, поднимались къ отверстію и трижды пролѣзали сквозь него; затѣмъ привязывали какое-нибудь приношеніе къ излучинѣ, на которой было уже полно помочей, платовъ, ножиковъ и т. п. Монеты клали подъ дубомъ[6]).

7. Кажется, о томъ же дубѣ идетъ рѣчь въ отчетѣ о лекціи проф. Беззенбергера: Невдалекѣ отъ Рагниты находился дубъ, вѣтви котораго срослись, образуя отверстіе.

---

[1]) Buch IV, c. 1, § 6. Такъ какъ Pierson, приводя извлеченія изъ рукописи Преторіуса, пропустилъ вышеупомянутые примѣры, мы приводимъ ихъ по рукописи въ Прилож. I.

[2]) Ibid, § 8,

[3]) Ibid, c. II, § 1.

[4]) Ibid, § 3.

[5]) Ibid, § 5.

[6]) См. Прилож. II.

Digitized by Google

Кто пролѣзъ черезъ него, избавлялся отъ болѣзни. Вѣра и обычай распространены въ народѣ до сихъ поръ[1]).

Изъ всего вышесказаннаго оказывается, что Грунау за основаніе описанія дуба въ Ромове принялъ дѣйствительно существующую вѣру въ священность деревьевъ, особенно дубовъ, особой формы, которую онъ измѣнилъ сообразно своимъ намѣреніямъ. Существовалъ ли въ дѣйствительности такой дубъ въ Ромове, — можно лишь предполагать, но не доказать. Дусбургъ совершенно не упоминаетъ о немъ.

§ 4. По сообщенію Грунау дубъ въ надровскомъ Ромове зеленѣлъ лѣтомъ и зимой. Эта подробность сильно занимала ученыхъ. Такъ какъ не знали ни дуба, ни другого лиственнаго дерева, которое въ сѣверныхъ краяхъ было бы и лѣтомъ и зимой покрыто неувядающей зеленью, то этотъ признакъ старались объяснить разнымъ образомъ. Въ этомъ направленіи, очевидно, наиболѣе потрудился Praetorius, который объясняетъ объемъ дуба тѣмъ, что онъ росъ на плодородной почвѣ; вѣчную зелень его листьевъ тѣмъ, что дубъ былъ обрызгиваемъ кровью закалываемыхъ подъ нимъ жертвъ, — и въ доказательство такого объясненія прибавляетъ въ видѣ аксіомы, что кровь обладаетъ удивительною способностью сохранять зелень листвы. „Und ist gewiss, dass das blut der menschen und thiere eine sonderliche kraft einen Baum grün zu erhalten habe". Къ этому присоединился еще и неугасавшій огонь передъ дубомъ, въ достаточной степени согрѣвавшій воздухъ; кромѣ того, курево, которое всыпали въ огонь и, наконецъ, висѣвшія вокругъ дуба завѣсы на высотѣ семи локтей, также придавали немало тепла[2]). Однако, несмотря на всѣ эти натянутыя объясненія, изобрѣтенныя Преторіусомъ, онъ самъ имъ, въ концѣ концовъ, не вѣритъ и признается, что это, должно быть, были дьявольскія чары. Даже столь трезвый умъ, какъ Hartknoch, прибѣгаетъ къ такому же объясненію; упомянувъ о неувядавшей зелени Упсальскаго дерева, онъ заявляетъ, что, по его твердому убѣжденію, тутъ дѣйствовала нечистая сила; то же объясненіе онъ примѣняетъ и къ дубу въ Ромове[3]). До Гарткноха такъ же высказался Lucas David: „ohne zweiffels aus des teuffels getrieb oder verblendung" (p. 27). Только Henneberger (Erkläre. p. 465) объясняетъ, хотя и неудачно, якобы густота листвы не пропускала ни дождя, ни снѣга, и такимъ образомъ сохранялась зелень; на что Arnoldt возражаетъ, что въ такомъ случаѣ лишь нижніе слои листвы, а не верхніе и верхушка оставались бы зелеными[4]). Проф. Fischer, пишущій по Гарткноху, утверждаетъ, что постоянные жертвенные огни и кучи навоза отъ жертвенныхъ животныхъ согрѣвали воздухъ и землю, такъ что и то и другое способствовало постоянному сохраненію дубомъ зелени и листвы[5]). Вотъ до чего дошло священное Ромове и прославленный Криве, господствующій надъ всей Литовской областью и живущій среди громадныхъ складовъ скотскаго навоза. Bender, защитникъ Грунау, считаетъ этотъ признакъ миѳомъ и утверждаетъ, что вѣчно зеленая омела на дубахъ и липахъ послужила началомъ для сложившейся затѣмъ вѣры въ деревья съ такимъ свойствомъ[6]).

---

[1]) Mitteilungen der litauisch-literarischen gesellschaft. 1883, стр. 396—7, примѣч. 1.

[2]) Buch IV, c. 1, § 18.

[3]) «Hoc vero diabolica factum esse arte certum habeo». Dissert. VI, p. 112.

[4]) Arnoldt, Kurzgefasste Kirchengeschichte. Königsberg, 1769, стр. 20.

[5]) Prof. Fischer, Vernünftige Gedanken von der Natur, p. 480, § 677, meinet, es habe ganz natürlich zugehen können, indem die vielen opfer und feuer, welche tag und nacht dauerten, die gegend in einem warmen dampfe erhalten und die weitläuftigen wurzeln mit blut und mist der opferthiere gedünget, auch wol mit misthaufen an der nordseite bedecket worden. Diese erklärung ist indessen begreiflicher, als des Hennebergers seine (Erkl. der preuss. landtafel, p. 465), welcher meynet, es sey solches daher gekommen, dass weder regen noch schnee durchkommen mögen. Arnoldt l. l. 19—20.

[6]) «Zur altpreuss. Mythologie etc.» въ A. P. M. Schr., Bd. IV, стр. 16—17, прим. 20: «Wir zweifeln nicht, dass der glaube an die heiligen immergrünen bäume durch die immergrüne mistel entstanden ist, zuma

Digitized by Google

Изъ всего этого мы отмѣтимъ то несомнѣнное обстоятельство, что Грунау первый ввелъ въ литовскую миѳологію вѣчно-зеленый дубъ и помѣстилъ его въ надровскомъ Ромове. Слѣдуя его примѣру, всѣ послѣдующіе писатели приписывали это свойство дубу въ усмотрѣнномъ ими Ромове.

Однако же вышесказаннымъ заключеніемъ отнюдь не рѣшается главная задача — выясненіе причинъ и источниковъ подобной идеи Грунау. Является ли упомянутая вѣчная зелень его собственнымъ изобрѣтеніемъ, на которое могъ навести его эпитетъ вѣчнаго огня, или же онъ вынесъ готовое уже представленіе изъ какихъ-либо другихъ источниковъ?

И вотъ, пересматривая рядъ писателей, упоминающихъ ранѣе Грунау о священныхъ деревьяхъ, мы находимъ, что его описаніе дуба и прочихъ священныхъ предметовъ въ Ромове наиболѣе похоже на описаніе дерева и священныхъ предметовъ въ Упсалѣ, принадлежащее Адаму Бременскому. И хотя Грунау нигдѣ не ссылается на него, мы однако можемъ указать незатертые и убѣдительные слѣды того, что описаніе Ромове въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ составлено по образцу описанія Упсалы. Такъ, оба писателя говорятъ о вѣчно-зеленомъ деревѣ, о троицѣ главныхъ божествъ, объ обоготвореніи заслуженныхъ людей послѣ смерти; оба сохраняютъ въ описаніи одинъ и тотъ же порядокъ. Другія, еще болѣе точныя указанія на подражаніе выяснятся при разборѣ подробностей.

Не поколеблетъ нашего убѣжденія и утвержденія и то замѣчаніе, что Адамъ Бременскій былъ изданъ лишь черезъ шестьдесятъ девять лѣтъ по написаніи хроники Грунау[1]); равно какъ и то, что ни въ Гданскѣ, гдѣ Грунау былъ монахомъ, ни въ Эльбингѣ[2]), гдѣ онъ также жилъ, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда нахожденія тамъ кодекса Адама, такъ какъ Грунау могъ познакомиться съ нимъ черезъ писателей, пользовавшихся въ своихъ работахъ рукописью Адама Бременскаго[3]).

Однако, и этимъ объясненіемъ главный вопросъ о вѣчной зелени также не исчерпывается, а лишь переносится изъ надровскаго Ромове въ скандинавскую Упсалу, отъ Грунау къ Адаму Бременскому. Несомнѣнно, ни въ Ромове, ни тѣмъ болѣе въ Упсалѣ, не могло быть лиственнаго дерева съ подобнымъ свойствомъ. Откуда же у Адама Бременскаго явилось такое свѣдѣніе въ текстѣ: „Nobilissimum illa gens (Sueonum) templum habet, quod Ubsola dicitur", а въ схоліи 134-ой: „Prope illud templum est arbor maxima, late ramos extendens, semper viridis in hieme et aestate; cujus illa generis sit, nemo scit"[4]).

---

die pflanze schon für heilig galt...» «Nachträglich ersehe ich, dass schon Baczko, Geschichte Preussens, I, 160, denselben grund für die immergrüne bäume nach Preuss. Tempe, II, 513—522, angiebt; ebenso Bock, Naturgeschichte».

[1]) Первое полное изданіе, заключающее «Descriptio insularum aquilonis», вышло трудомъ Эрпольда Линденбруха, въ 1595 г., Lugduni Batavorum ex officina Plantiniana, apud Franciscum Raphelengium, in 4-to.

[2]) Въ Данцигѣ онъ былъ послушникомъ; см. предисловіе Геннеберрера въ «Erkl. der preuss. landtaf». Относительно Эльбинга онъ говоритъ: «im jare hab ich viel mol im kloster zum Elbinge... gesehen»; стр. 75; наконецъ, онъ вообще побывалъ во многихъ прибалтійскихъ городахъ.

[3]) Гарткнохъ первый обратилъ вниманіе на сходство съ Адамомъ Бременскимъ, но не сдѣлалъ соотвѣтственныхъ выводовъ. Затѣмъ за подражаніе энергически высказался Toeppen, Geog. Pr. Hist., стр. 186: «Er (Grunau) führt den Adam von Bremen zwar nirgend ausdrücklich als seine quelle an, auch war dieser schriftsteller damals noch nicht gedruckt, aber die nachrichten desselben waren in mehrere andere chronicken übergegangen und auf irgend einem vielleicht sehr weiten wege auch zu Grunau gelangt». Такое голословное утвержденіе, хотя и серьезнаго ученаго, не убѣдило-бы насъ, если-бы мы сами не пришли къ тому-же убѣжденію, разсмотрѣвъ и сопоставивъ у обоихъ писателей — a) диспозицію и b) подробности, — какъ это выяснится при дальнѣйшемъ изложеніи.

[4]) Adami Bremensis Gesta Hamaburg. ex rec. Lappenbergii, ed. 2a, Hannov., 1876: Descriptio insularum aquilonis, c. 26, p. 174; при дальнѣйшемъ изложеніи я пользовался прекраснымъ предисловіемъ къ этому-же изданію, составленнымъ Waitz'омъ.

Digitized by Google

Извѣстно, что Адамъ Бременскій, отправившись вскорѣ послѣ 1069 г. къ датскому королю, Svend Esthritson'у, находившемуся тогда, по всей вѣроятности, въ Зеландіи, — отъ него и многихъ другихъ услышалъ и записалъ подробности, касающіяся сѣверныхъ странъ[1]); ему сообщали ихъ также архіепископъ Adalbert[2]), равно какъ и епископъ датскій, имя котораго неизвѣстно[3]), какой-то нордальбингенскій дворянинъ[4]), спутники епископа Адальварда младшаго[5]), по всей вѣроятности также и Wilhelmus, епископъ Зеландіи, нѣкогда бывшій канцлеромъ Канута Великаго, и Адальбертъ старшій, бывшій епископъ готскій и шведскій[6]); наконецъ, авторъ ссылается на видѣнное имъ самимъ и другими очевидцами[7]). Все это — серіозные свидѣтели, доставлявшіе автору свѣдѣнія о собственной родинѣ для написанія „Gesta" и большей части схолій, объясняющихъ текстъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ переписчики внесли въ текстъ, другія остались на мѣстѣ. Бо́льшая часть ихъ принадлежитъ самому автору, который по мѣрѣ накопленія свѣдѣній, записывалъ ихъ уже по окончаніи сочиненія[8]) — для пополненія свѣдѣній; другія схоліи — меньшая часть — принадлежатъ чужой рукѣ. Интересующая насъ 134-я схолія не содержитъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы опредѣлить ея автора; однако намъ извѣстно, что это одна изъ наиболѣе древнихъ схолій, такъ какъ мы находимъ ее уже въ кодексѣ, принадлежащемъ къ XI или началу XII в.[9]), т.-е. почти одновременномъ съ рукописью автора. Поэтому наиболѣе вѣроятно, что схолія эта, равно какъ и многія другія, была дописана самимъ Адамомъ Бременскимъ; а содержащееся въ ней свѣдѣніе доставилъ ему, несомнѣнно, одинъ изъ вышеназванныхъ свидѣтелей, — во всякомъ случаѣ скандинавецъ, знавшій Эдду, такъ какъ нѣкоторыя мѣста являются ея буквальнымъ переводомъ.

Приводимъ текстъ Эдды съ дословнымъ переводомъ.

Эдда[10]).	*Переводъ*[11]).
1. Ascr Ygdrasils, hann er oeztr vida (Grimnismal, 44).	1. Ясень Ygdrasils, онъ (есть) высочайшій изъ деревьевъ.
2. Askrinn er allra trea mestr ok beztr (Gylfagynning 15).	2. Ясень этотъ (есть) всѣхъ деревьевъ больше и лучше.
3. limar hans dreifast um allan heim ok standa yfir himni, (Gylfag., 15).	3. Вѣтви его распростираются надъ цѣлымъ свѣтомъ[1]) и подымаются за небо.
4. pat barr er breidask um land ok limar, Mimameidr heitir. (Fiols., 19, 20).	4. Это дерево, которое раскидывается вокругъ міра, Mimameidr называется.

---

1) «Narravit mihi rex Danorum sepe recolendus»; ibid, IV, 25; сравн. I, 50, 54; II, 24—26; 28; 32, 36, 41, 42, 73; III, 22, 53: «a quo (rege Suein) etiam clementissime susceptus, ut omnes, magnam hujus libelli materiam ex ejus ore collegi; IV, 21, 37, 38.

2) III, 2, 15, 46, 55.

3) I, 59.

4) III, 21.

5) IV, 21.

6) II, 10, 31, 44, 46.

7) II, 32, 44, 58, 60, 67; III, 57, 60.

8) Напр., схоліи 65, 119; 73, 77, 78, 81, 113, 122, 136, 137, 141; а также 135, 138. «Scholia multa ab ipso Adamo codici operis sui in margine addita esse vix dubium est», говоритъ G. Waitz въ упомянутомъ изданіи Ад. Бременскаго, подтверждая свое мнѣніе доказательствами, которыми я воспользовался.

9) Codex Lugdunensis у Pertz'а № 8.

10) A. Müllenhof, «Deutsche Altertumskunde», Band V, Берлинъ, 1883 г., стр. 104.

11) Кромѣ перевода Simrock'а «Die Edda», изд. 8-е, Штутгардъ, 1882 г., я имѣлъ, благодаря любезности проф. Беззенбергера, дословный переводъ приведенныхъ мѣстъ.

Digitized by Google

5. Stendr oe yfir groenn Urdarbrunni. (Voluspa 18A. 19B.).	5. Стоитъ вѣчно зеленое надъ Urdarbrunni.
6. pat mangi veit af hoerjum rotum renn. (Fiols, 20).	6. Что никто (не) знаетъ, изъ какихъ корней (оно) растетъ.

Сопоставивъ помянутую 134-ю схолію съ только-что приведенными словами Эдды, мы убѣждаемся, что arbor maxima соотвѣтствуетъ 1, 2; late ramos extendens = 3, 4; semper viridis = 5; cujus illa generis sit, nemo scit = 6.

Врядъ ли нужно болѣе яснаго доказательства, что 134 схолія является не только пересказомъ, но даже дословнымъ переводомъ Эдды.

Ygdrasil, Yggdrasill — миѳическое дерево міра. По мнѣнію метеорологиста Adalbert'a Kuhn'a[2]), представленіе о немъ возникло изъ сравненія тучъ, разстилающихся по небу длинными, часто переплетающимися полосами, съ деревомъ, охватывающимъ все небо. Миѳъ о древѣ міра Ygdrasil получилъ начало изъ извѣстной формаціи тучъ, которыя сѣверный нѣмецъ и донынѣ насываетъ Wetterbaum"[3]). Греческая нимфа Мелія (Ясень) является дочерью Океана или Посейдона, т.-е. моря, которое въ миѳахъ очень часто обозначаетъ небесное море, небо[4]). Другого мнѣнія держится Mannhardt: какъ каждое хозяйство въ Скандинавіи, каждый хуторъ, деревня, уѣздъ и область имѣли своего Vårdträd, т.-е. дерево-покровителя, такъ и весь міръ имѣлъ такого покровителя въ видѣ ясеня, называемаго Ygdrasil[5]); такой взглядъ кажется и намъ болѣе вѣроятнымъ. Миѳическія личности и предметы обладаютъ обыкновенно тѣми же качествами, что и земные, но въ болѣе высокой степени; поэтому миѳическія деревья — вѣчно зелены. Качество Ygdrasil'a, перенесенное на упсальское дерево, Адамъ Бременскій распространилъ своимъ сочиненіемъ, и отсюда-то Грунау перенесъ это качество въ одну изъ прусскихъ областей, Надровію, на громадныхъ размѣровъ дубъ и помѣстилъ его въ скромной мѣстности, называемой Ромове. Наслѣдники Грунау по перу щедрой рукой одаряли вѣчной зеленью каждое дерево, считавшееся священнымъ.

§ 5. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Грунау говоритъ, что дубъ въ Ромове раздѣлялся на три равныя части; что въ каждой изъ нихъ находилось отверстіе на подобіе окошка; что въ этихъ отверстіяхъ стояли статуи Perkun'a, Patrymp'a и Patull'a.

Намъ трудно даже мысленно представить себѣ дубъ или какое-нибудь другое дерево,— одно, раздѣленное неизвѣстно чѣмъ и какъ на три равныя части, и въ каждой

---

[1]) Дословно: вокругъ цѣлаго свѣта.

[2]) Herabkunft des Feuers. Берлинъ, 1859 г., стр. 131.

[3]) Ibid, стр. 25; ср. Schwartz, «Der Ursprung der Mythologie», стр. 130 и прим. 1 тамъ-же.

[4]) Herabkunft d. Feuers, стр. 25.

[5]) Baumkult, стр. 56—6.— Nyerups, «Nord. Mythologie», стр. 128—9, того, мнѣнія, что дерево въ Упсалѣ есть локализація дерева міра Ygdrasil (Mannhardt, l. l., p. 56). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что вѣчно-зеленыя деревья были извѣстны и у другихъ народовъ. Grimm, «Deutsche Mythologie», I, 69, приводитъ стихи Herricus'a, написанныя около 876 г. о такой грушѣ въ Auxerre:

.....Stabat gratissima quondam
urbe pirus media, populo spectabilis omni;
non quia pendentium flavebat honore pirorum,
nec quia perpetuae vernabat munere frondis:
sed deprensarum passim capita alta ferarum
arboris obscoenae patulis haerentia ramis
praebebant vano plausum et spectaculo vulgo.

Указываемъ, что наша задача заключается въ выясненіи того, что Грунау почерпнулъ свѣдѣніе о вѣчной зелени у Адама Бременскаго, а не въ выясненіи начала этого вѣрованія.

Digitized by Google

изъ нихъ отверстіе, повидимому сквозное (fenster), и несомнѣнно на одной высотѣ отъ земли, какъ требовало этого сравнительное равенство трехъ высшихъ божествъ; тѣмъ труднѣе допустить, что подобное дерево могло дѣйствительно вырости такимъ образомъ само собою. Очевидно, Грунау тутъ принялъ за основаніе дерево, считавшееся по своему виду священнымъ, которое описано выше, въ § 3; и затѣмъ самовольно придалъ ему нужную для задуманнаго описанія форму, въ дѣйствительности невѣроятную. Отверстія, образовавшіяся вслѣдствіе сращенія ствола или вѣтви, онъ, въ качествѣ монаха, представилъ себѣ на подобіе нишъ въ костелахъ, въ которыя вставляли святыхъ. Такія отверстія ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть искусственными (вырубленными), такъ какъ священныя деревья нельзя было повреждать. Затѣмъ, въ эти мнимыя окна Грунау вставилъ статуи трехъ прусскихъ боговъ. На число три повліяло не столько обрядовое священное число, сколько нарочитое сближеніе съ христіанскимъ догматомъ о Св. Троицѣ, главнымъ же образомъ — слѣпое подражаніе Адаму Бременскому[1]), какъ мы постараемся доказать въ дальнѣйшемъ изложеніи. А именно, Адамъ Бременскій описываетъ святилище въ Упсалѣ слѣдующимъ образомъ: „In hoc templo, quod totum ex auro[2]) paratum est, statuas trium deorum veneratur populus, ita ut potentissimus eorum Thor in medio solium habeat triclinio; hinc et inde locum possident Wodan et Fricco". — У Грунау мѣсто Тора занимаетъ Percuno, — божество, взятое изъ дѣйствительныхъ народныхъ вѣрованій, чтившееся во всѣхъ литовскихъ земляхъ. Въ литературу впервые ввелъ его Alnpeke, подъ 1219 г., говоря о походѣ литовцевъ на островъ Oesel:

Zu Swurben vuren sie ubir se,
Das ist genant das osterhap,
Als es perkune ir apgot gab,
Das nimmer so hart gevros[3]).

Вмѣсто Фрикко Грунау ставитъ своего Patollo, Patullo, вмѣсто Водана — Potrympo, Patrumpo и т. п. — Близкія этимъ названія, Natrimpe и Patollus, находимъ впервые въ „Collatio Episcopi Warmiensis" отъ 1418 г.[4]). Любопытный монахъ, странствующій по всей странѣ, могъ читать этотъ документъ или въ Фрауэнбургѣ или въ Эльбингѣ, вѣроятнѣе же всего въ Данцигѣ, гдѣ онъ былъ монахомъ[5]). Однако Грунау измѣнилъ названіе источника Natrimpe въ Potrimpo, можетъ быть, потому, что слышалъ гдѣ-нибудь подобную форму или оборотъ рѣчи. Съ этихъ поръ названіе это перешло въ литературу[6]).

---

[1]) «Grunau legt grossen nachdruck darauf, dass die bilder jener drei hauptgötter von den Scandianern aus ihren früheren wohnsitzen mitgebracht seien. Wie aber dort in dem haupttempel von Upsala die drei hauptgötter Thor, Wodan und Fricco dargestellt, konnte Grunau bei Adam von Bremen sehr genau finden — was liegt also näher, als dass er sich diese beschreibung zum muster genommen habe?» Toeppen, «Gesch. Pr. Hist.», стр. 190. Догадка Теппена будетъ обоснована въ нашей работѣ.

[2]) Вмѣсто deauratum, т.-е. позолоченный.

[3]) Livl. Reimchronik v. 1434—37; см. «Źródla Myt. Lit.», I, стр. 116. Ошибочно приписываютъ первое въ литературѣ упоминаніе о Перкунѣ — Грунау, какъ напр., Bender, «De veteribus Pruten. Diis», 1865, стр. 21, прим. 33: «Attamen non observari non potest, certum ante Grunovium documentum de Perkuno non extare, nisi excipias, quod Dusburgius refert, tonitrua esse culta». За нимъ повторяютъ позднѣйшіе писатели.

[4]) Źródla Myt. Lit., II, 144.

[5]) Объ Элбингѣ § 4, прим. 7; о Данцигѣ Luc. David, Bd. I, стр. 99, Bd. VII, 191, Bd. VIII, 10.

[6]) Черезъ четыре года послѣ окончанія хроники Грунау, т.-е. въ 1530 г., была написана «Agenda Ecclesiastica», въ которой также находимъ названіе Potrympus и другое — Antrympus. По хронологическимъ даннымъ можно было бы предположить какую-нибудь связь «Agenda» съ хроникой; но, не имѣя никакихъ доказательствъ, и ни малѣйшаго указанія, мы не принимаемъ этой связи. Предполагаемъ лишь, что въ то время существовало выраженіе, похожее на упомянутыя названія.

Digitized by Google

Адамъ Бременскій, перечисляющій скандинавскія божества, во главѣ ставитъ Тора съ эпитетомъ potentissimus, затѣмъ Водана и, наконецъ, Фрикко. Нѣчто подобное хотѣлъ сдѣлать, слѣдуя своему образцу, и Грунау, говоря: „Patollo, der obirster abgott"; за нимъ слѣдуетъ Potrimppo (sic), и, наконецъ, Perkuno[1]). Если порядокъ вычисленія боговъ долженъ обозначать порядокъ ихъ старшинства, то Грунау выказываетъ, какъ часто съ нимъ случается, удивительно слабую память и непослѣдовательность, ставя въ другихъ мѣстахъ во главѣ Potrympo, затѣмъ Patollo и въ концѣ Perkuno[2]) или же — Potrimppo (Perkuno)[3]), Patollo; или Perkuno, который дѣйствительно соотвѣтствуетъ Тору, далѣе Potrympus и Patollus[4]).

Затѣмъ Адамъ Бременскій объясняетъ значеніе скандинавскихъ боговъ, ихъ символы и обстоятельства, при которыхъ имъ приносили жертвы: „Quorum (deorum) significationes ejus modi sunt. Thor, inquiunt, praesidet in aëre, qui tonitrus et fulmina, ventos imbresque, serena et fruges gubernat. Alter Wodan, id est furor, bella gerit, hominique ministrat virtutem contra inimicos. Tertius est Fricco, pacem voluptatemque largiens mortalibus. Cujus etiam simulacrum fingunt cum ingenti priapo. Wodanem vero sculpunt armatum, sicut nostri Martem solent. Thor autem cum sceptro Iovem simulare videtur[5]). Si pestis et famis imminet, Thor ydolo lybatur, si bellum. — Wodani; si nuptiae celebrandae sunt, — Fricconi"[6]).

По примѣру и въ порядкѣ Ад. Бременскаго, который каждому изъ названныхъ боговъ опредѣляетъ соотвѣтственную область: одному — атмосферическихъ явленій, другому — войны, третьему — мира, надѣляя каждаго сверхъ того соотвѣтственнымъ символомъ, — и Грунау приписываетъ своимъ богамъ извѣстный кругъ дѣятельности и символъ (cleinott). Все это, однако, онъ дѣлаетъ свойственнымъ ему образомъ, мѣшая правду съ неправдой, выдумывая тамъ, гдѣ у него недостаетъ матеріала. Вотъ что пишетъ Грунау о своихъ божествахъ.

„Perkuno war der dritt abgott, und man in anruffte umbs gewitters willen, domit sie regen hetten und schon wetter zu seiner zeit und in der donner und blix kein schaden thett". Tract. III, c. III, p. 94.

„Und die eiche war gleich in 3 teil geteilet, in iglichem, wie in eim gemachten fenster stundt ein abgott und het vor sich ein cleinott. Die eine seite hilt das bild Perkuno inne... und sein cleinott war, domit man stetis feuir hette von eichenem holtze tag und nacht". Tract. II, p. 78.

На хоругви Videvut'a были вытканы изображенія 3-хъ божествъ, изъ которыхъ „das ander (Perkuno), war wie ein zorniger man und mittelmässig alten sein angesicht wie feuer und gekronet mit flammen, sein bart craus und schwartz". Tract. II, c. V, p. 77.

„Potrimppo der ander abgott der von Brudenia war und dieser war ein gott des gluckis in streitten und sust in anderen sachin"... Tract. III, c. III, p. 94.

„Dy andre seite (дуба) hilt ynne das bildt Potrumppi und het vor sein cleinot eine slange und die wardt in einem grosen toppe irnert mit milch von den waydolottinen und stetis mit garwen des getreides bedeckt". Tract. II, § 2, p. 78.

---

1) Grunau, стр. 63; 94—5.

2) Ibid, стр. 3.

3) Perkuno въ этомъ мѣстѣ (Grunau, 77) не названъ, почему мы и поставили скобки; изъ контекста видно, что Грунау не могъ тутъ имѣть ввиду никакого другого бога, кромѣ Perkuno.

4) Grunau, стр. 78.

5) Ad. Brem., c. 26.

6) Ibid, c. 27.

Digitized by Google

Изображеніе Potrimpo на хоругви Videvut'a было слѣдующее:

„das eine war wie ein man junger gestalt ane bardt, gekronett mit sangelen (колосьями) und frolich sich irbot und der gott vom getreide und hies Potrimpo". Tract. II, c. V, p. 77.

„Patollo der obirster abgott der Bruteni also ettwan genant die einwoner Brudenie, itzund Preussen genant. Dieser war ein irschrecklicher got des nachtes, spuk im hause zu treiben, sunderlich in den hofen der edlinge...

So war er auch ein got der todtin". Tract. III, c. III, p. 94.

„Das dritte bilde (въ дубѣ) Patolli hilt inne die dritten seitte, und sein cleinott war ein todten kopff von eim menschin, pferde und ku". Tract. II, p. 78.

„Das dritte bilde (на хоругви) war ein alter mann mitt einem langen groen bardt und seine farbe gantz totlich, war gekronet mit einem weiszen tuche, wie ein morbant". Tract. II, c. V, p. 77.

Объ ихъ фигурѣ на хоругви говоритъ: blo waren ire cleider und woren brustbilder". Ibid.

Сходства Перкуна съ Торомъ поразительно; оба они были богами атмосферическихъ явленій, какъ Юпитеръ въ Римѣ и Зевсъ у Грековъ. Однако одно это обстоятельство не давало бы намъ права утверждать, что Грунау слѣдовалъ образцу Ад. Бременскаго; подробности, составляющіе цѣлое, расположеніе и порядокъ описанія принуждаютъ насъ признать это.

Переходя къ этимъ подробностямъ, мы видимъ ясно, что „gewitter, regen, donner und blix" — соотвѣтствуетъ „tonitrua, fulmina, venti, imbres" у Ад. Бременскаго; „schönwetter", „serena". Только „fruges" Грунау не приписываетъ своему Perkuno, такъ какъ это, какъ увидимъ, нужно ему было для другого божества. Но въ символахъ замѣчается разница; скипетръ является общеизвѣстнымъ символомъ власти; а вѣчный огонь врядъ ли можетъ служить символомъ, такъ какъ извѣстно, что у Литовцевъ огонь составлялъ особое божество, чтимое выше другихъ; возможно ли допустить, что общепочитаемое божество могло быть символомъ другаго божества? По словамъ Ростовскаго, „Perkuno ignem in silvis sacrum... perpetuum alunt"[1]), можно лишь заключить, что въ честь Перкуна жгли огонь, а не то, что огонь былъ его символомъ.

Надѣленію властью двухъ остальныхъ боговъ доставило Грунау не мало хлопотъ, несмотря на образецъ. Зачѣмъ же, однако, изобрѣтательная фантазія и то удобное обстоятельство, что Natrimpe и Patollus въ „Collat. Ep. Warm." названы безъ всякихъ указаній на кругъ ихъ власти. Этихъ боговъ можно было надѣлить какою угодно властью.

Воданъ у Ад. Бременскаго ясно опредѣляется въ качествѣ бога войны. Прусскаго или литовскаго божества этого рода Грунау не зналъ; не знаемъ до сихъ поръ и мы, несмотря на Narbutt'a; о существованіи бога мира намъ также ничего не извѣстно. Очевидно, Литовцы не дошли еще до отвлеченныхъ понятій въ этомъ направленіи, а тѣмъ болѣе до обожествленія ихъ. Между божествами, извѣстными намъ по достовѣрнымъ источникамъ, одинъ лишь Perkunas проявляетъ воинственное настроеніе, но богомъ войны онъ нигдѣ не называется. Онъ ударяетъ и бьетъ: „Perkune dĕvaiti, ne muszki unt mana" — Перкунъ-божокъ, не ударяй въ меня (Ласицкій); онъ рубитъ мечемъ, напр., мѣсяцъ: „Perkuns didey supykęs, Ji kardu perdalyjo"[2]) — Перкунъ, страшно разгнѣванный, разсѣкъ его мечемъ (мѣсяцъ); онъ сокрушаетъ дубъ: „Perkuns žal'aužola parmusze"[3]) — Перкунъ сокрушилъ зеленый дубъ. Въ латышскихъ пѣсняхъ

---

[1]) Rostowski Lituanicarum, Societatis Jesu historiarum pars I pag. 118». Vilnae, 1768.

[2]) Nesselmann, «Lit. Volksl». № 2.

[3]) Ibid, № 4.

Digitized by Google

мы находимъ: „Percons-батюшка имѣетъ девять сыновей; трое ударяютъ, трое гремятъ, трое мечутъ молніи“[1]). „Ударь въ источникъ, Perkons, до самаго дна, вчера въ немъ утонула дочь Солнца, вымывая кувшины“[2]). „Греми, греми Perkons; разбей мостъ на Двинѣ, чтобы Поляки и Литовцы не напали на мою родную страну“[3]). Невѣстка въ отчаяніи взываетъ къ громамъ и молніямъ: „Разбейте мою свекровь, чтобы я могла сама свободна побрякивать ключами“[4]). Другія божества (spectra, visa у Ласицкаго) пугаютъ, какъ наши духи. Итакъ, какъ кажется, Литовцы не знали спеціальнаго бога войны; хотя Латышамъ было очень легко создать покровительницу войны въ лицѣ kara-mâte[5]). Въ волынской лѣтописи было бы умѣстно, чтобы собранные подъ Возвягломъ литовскіе полки призывали бога войны; между тѣмъ они обращаются къ Dĕvuriks'у, Andaj'у и всѣмъ богамъ съ возгласомъ „Janda“[6]). Передъ битвой крестоносцы призываютъ на помощь Бога, Куронцы же призываютъ (боговъ) по своему обычаю: „die christen rifen got von hymilriche, dy kurn rifen noch erin site“[7]). Правда, это сказано вообще, но кого именно призывали Куронцы, выясняется въ послѣдующемъ изложеніи, что послѣ побѣды они приносятъ жертвы не одному богу, т.-е. войны, а богамъ вообще[8])

Не найдя такимъ образомъ опредѣленнаго бога войны, Грунау вышелъ изъ затрудненія тѣмъ путемъ, что для своего Patrimpo взялъ всѣ аттрибуты Водана: „bella gerit“, т.-е. „glück in streitten“ (p. 95), у бога Фрикко также всѣ: „pacem et voluptatem“, передавая это посредствомъ „glück in andern Sachin“ (p. 95), а отъ Тора — сохраненный съ этой цѣлью аттрибутъ „fruges“ — „gott des getreides“ (p. 77)[9]). Въ качествѣ символа онъ придалъ ему змѣя, который дѣйствительно считался предзнаменованіемъ

---

1) Спрогисъ «Памятники Латышскаго Народнаго Творчества. Вильна 1868 г.», стр. 112, № 2.

2) Ibid, № 4.

3) Ibid, № 6.

4) Ibid, № 7. — Даже самое названіе Perkunas наводитъ на значеніе, — ударяющій, бьющій; мы производимъ его отъ корня par, per, изъ котораго образуется perti, periau, persu; perti — 1) ударять, бить, 2) ударять, бить, сѣчь березовыми вѣниками парящагося въ банѣ; a perus, pertis — бить себя или въ банѣ, париться. Отъ того же корня «par» образуется польское «prać» 1) бить кого «wyprać kogo» т.-е. избить кого, лит. iszperu. 2) стирать «prać bieliznę», собственно бить бѣлье палками, какъ это до сихъ поръ дѣлается въ деревняхъ. Поэтому говорятъ также: Perkunas (молнія) musza. — Перкунъ ударяетъ, польск. piorun uderza, латышск Perkons sperf.

Суффиксъ -kunas я считаю сложеннымъ изъ -ka- + unas; первоначальная форма * Per.—kas, а затѣмъ Per-k-una-s, * Parkas, Par-k-un(a)-s. Если Bretkunas чисто-литовское имя, а не нѣмецкое bret-chen, то это было-бы единственное личное имя, на — kunas, которое мнѣ извѣстно.

Зато мы знаемъ много названій мѣстностей съ этимъ окончаніемъ. Бо́льшая часть ихъ образована отъ имени владѣльца, что обыкновенно наблюдается въ Литвѣ; однако, въ этихъ именахъ есть — *ka, -k,* уже въ темѣ напр., Jan(e)k, лит. * Jankas, Jankuny деревня; Jac-e-k, * Jackas, Jackuny; Bartek, * Bartkas, * Bartkuny; Wojtek, *Wojtkas, Wojtkuny; Szymek, * Szymkas, Szymkuny; Marek, * Markas, Markuny; Maciek, * Maćkas, Maćkuny, и т. д.

Въ Ковенской губерніи есть свыше 150 мѣстностей («Списокъ населенныхъ мѣстъ Ковенской губ.» Ковно, 1892 г.), оканчивающихся на—kuny, часть которыхъ я не могу свести къ извѣстнымъ мнѣ собственнымъ именамъ. Однѣ изъ нихъ образованы, какъ кажется, отъ прилагательныхъ, напр. Didkuny (Ново-Александрійскій уѣздъ, № 598, см. «Списокъ»), отъ didis — большой; (соотвѣтственно этому — Wielikuny (Вилькомірскій уѣздъ, № 368, ibid). Находимъ также Narkuny (№ 1881 ibid) наряду съ Naruny (№ 88 ibid). — Сопоставленіе Perkunas лат. quercus, древ.-нѣм. forha въ знач. Eichengott не убѣждаетъ меня.

5) Повторяемъ, что до сихъ поръ о такомъ богѣ мы ничего не читали въ источникахъ; Usener и Solmsen, «Lettische Götternamen» упоминаютъ kurru-mâte s. v. — Kowas можетъ быть фантазіей Narbutt'a; другіе писатели его не знаютъ.

6) Źr. Myt. Lit., I, 139.

7) Alnpeke, 2637—8.

8) Ibid, 4693 sqq.; 4875; 6086.

9) Вопросъ о мнимомъ Patrimpo до того запутанъ, что для его разбора нужно было написать особое Приложеніе V.

Digitized by Google

и вѣстникомъ успѣха, если его встрѣчали неожиданно; поэтому это былъ бы весьма соотвѣтственный символъ. Однако тутъ мы должны повторить замѣчаніе, сдѣланное касательно огня, какъ символа Перкуна: змѣй пользовался у Литовцевъ большимъ почетомъ, выкормленный дома или же дикій, внѣ дома, — особенно же змѣй, называвшійся Gyvâte (Gyvotes, Givoitos)[1]), поэтому мы сомнѣваемся, чтобы, будучи нѣкотораго рода божествомъ, онъ могъ въ то же время быть символомъ другого божества[2]).

Дальнѣйшій кругъ власти, приписываемый „Patrympo" Грунау, также лишенъ правдоподобія. По Грунау, это не только богъ успѣха въ бою, но также и въ иныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ намъ доподлинно извѣстно, что общеизвѣстнымъ божествомъ всякаго успѣха и счастья во всѣхъ литовскихъ земляхъ была Lajma, Lajmele[3]), которая и нынѣ еще живетъ въ устахъ народа и въ его пѣсняхъ. Именно изъ Пруссіи, вѣрованіями которой исключительно занимается Грунау, мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ о ея существованіи. „Laima szauke, Laima reke" — Laima призываетъ, Laima зоветъ[4]); „Laimužes subocleje"—въ колыбели Лаймы[5]). „Quid Laimele tibi praestabit[6]); Laimele — богиня легкихъ родовъ[7]). Развѣ могъ рядомъ съ столь распространенной и глубоко вкоренившейся вѣрой въ Laima остаться Potrimpus или, что еще невѣроятнѣе, занимать среди боговъ первостепенное мѣсто?

Богиней земледѣльческихъ плодовъ, которую, какъ это было указано нами въ другомъ мѣстѣ[8]), призывали (особенно въ Пруссіи) при всякой работѣ на пашнѣ, была Zeminele; слѣдовательно и въ этомъ случаѣ приписываемый Pomtrimp'у Грунау аттрибутъ „gott des getreides" и причисленіе его къ главнымъ богамъ — оказываются ложными. — При этомъ принявъ во вниманіе, что уже въ Agenda, написанной спустя четыре года послѣ окончанія хроники Грунау, т.-е. въ 1530 г.[9]) этотъ же „Potrimpus" объясняется посредствомъ римскаго Кастора [собственно, Поллукса[10]), что́ въ концѣ концовъ сводится къ одному и тому же], а черезъ нѣсколько еще лѣтъ, около 1551 г., Янъ Малецкій называетъ его „deus fluviorum et fontium"[11]), — можно ли предположить, что въ теченіе болѣе-менѣе двадцати съ небольшимъ лѣтъ богъ успѣха на войнѣ или

---

[1]) «Gyvotem (serpentem)» у Каллимаха, «Vita Sbignei Cardinalis», ed. Finkel, стр. 29; Guagnin пишетъ. Givoitos (Ducatus Samog.); см. также Brückner, Archiv für Slav. phil. XII, 179.

[2]) Это тоже болѣе менѣе мнѣніе Теппена, «Geschichte d. Heidenthums in Preussen», N Pr. Pr. Bl, I, 1846 г., стр. 313: «Die schlange steht zu Potrimpus anderwärts nicht in der geringsten beziehung; nur das ist gewiss, dass man heilige schlangen in den heiligen wäldern unterhielt und pflegte, aber es wird nirgend gesagt, dass sie einem bestimmten gott geheiligt seien. Hier (т.-е. у Грунау), wo Potrimpus als gott des glückes beschrieben wird, ist die verbindung allerdings erklärlich, da die schlange ebenfalls die glückspenderin ist». По нашему мнѣнію, о существованіи символовъ у Литовцевъ не можетъ быть и рѣчи; во времена, когда «omnis creatura», всякое твореніе и предметъ, можетъ считаться божествомъ, не нужно никакихъ символовъ.

[3]) Schleicher, Sitz. Ber. der Wiener Acad., 1852, Bd. IX, стр. 549. Brodowski Lexic. «Fortuna: Laime Glück-Göttin.

[4]) Nesselmann, «Lit. Volksl.» № 8.

[5]) Чтобы положенное въ ней дитя было счастливо; ibid., № 6 (стр. 5).

[6]) Laima, какъ языческая богиня счастья, ничего не поможетъ Klein въ предисловіи къ литовскимъ церковнымъ пѣснямъ отъ 1666 г., см. Lasicius ed. Mhdt. p. 41 (118).

[7]) Leumele очевидно ошибка, Praetorius стр. 31. О латышской Laima — Спрогисъ. «Пам. Лат. Нар. твор.», стр. 303—308. Литературу см. у Usener'a и Solmsen'a, «Lit. u. Lett. Götter Nam.» s. v. Общеизвѣстно «Taip Laima leme», такъ Laima рѣшила.

[8]) Žr. Myt. Lit., I, стр. 14, гдѣ свидѣтельства изъ XVII вѣка.

[9]) Agenda эта называется собственно «Constitutiones Synodales Evangelicae»; была подана 7 января 1530 г. Кенигсбергскому собору, слѣдовательно, написана позже всего — въ 1529 г. Въ печати она неизвѣстна; списалъ ее Boltz. Рукопись сохраняется въ Государств. Кенигсбергскомъ Архивѣ подъ заглавіемъ Boltzsche Sammlung № 17, in 4-to. О Potrympus — тамже стр. 6.

[10]) Ошибку докажемъ въ Приложеніи V, при разборѣ Agenda (№ 3).

[11]) «Libellus de sacrificiis etc.»; см. Прилож. V № 7, ср. № 8.

Digitized by Google

въ мирное время успѣлъ преобразиться въ бога рѣкъ и источниковъ. Не является ли такого рода неувѣренность, разногласіе и даже противорѣчіе доказательствомъ того, что писатели сами не знали значенія „Potrimpus'a".

Если бы мы, соотвѣтственно нашимъ выводамъ (§ 5, текстъ и прим. 4) приняли, вмѣсто Potrympus, Potrimpe, написаніе Natrimpe, то вопросъ не выигралъ бы относительно ясности, такъ какъ неизвѣстно, что обозначаетъ Natrimpe; Bender даже утверждаетъ наоборотъ, что Natrimpe — ошибка, вмѣсто Potrimpe[1]).

Приписавъ Perkunas'у функціи Тора, Potrympus'у функціи Водана и Фрикко, Грунау исчерпалъ аттрибуты трехъ скандинавскихъ боговъ, приведенныхъ Адамомъ Бременскимъ. Для Patollus'a ничего не осталось, и поэтому Грунау долженъ былъ тутъ извернуться самъ.

Существованіе бога Patollus по „Collatio Ep. Warm." не подлежитъ сомнѣнію, но значеніе его намъ неизвѣстно. Грунау называетъ его богомъ душъ умершихъ (got der todtin) и ночныхъ привидѣній, приписывая ему въ качествѣ символа мертвую голову, черепъ лошади и коровы.

Разсмотримъ литовскія божества смерти. Литовцы и Жмудины называли божество человѣческихъ душъ—Vělona (Lasicki), Vělonis[2]). Лясковскій у Ласицкаго говоритъ: Vělona, deus animarum (собственно dea anim.); ему приносили жертвы, когда кормили души. Жертву составляли лепешки, неизвѣстнаго намъ вида, называемыя Sikies: „Sikies Vělones penukszlas" — Sikies Vělonis'a — пища, ѣда[3]). Тотъ же Лясковскій приводитъ формулу приглашенія бога: „Věloni su vělems atejk musump unt stala" — Vělonis съ душами приходи къ намъ къ столу[4]). У Латышей покровительницей душъ была Velia-mâte, какъ показываютъ народныя пѣсни: Velia-mâte меня обманула; у Velia-mâte гнется жердь, когда она сушитъ одежду[5]).

Итакъ, Vělonis, Velia-mâte являются богами душъ, уже покинувшихъ тѣло; въ Надровіи и Шалавоніи принимаетъ души послѣ разлученія съ тѣломъ Źeminele, богиня земли[6]), какъ Źemes-mâte у Латышей[7]). Богиней или, вѣрнѣе, призракомъ, причиняющимъ смерть, извѣстнымъ во всѣхъ литовскихъ земляхъ, является Giltine, демонъ въ тѣсномъ смыслѣ заразы и мора, въ общемъ — смерти[8]). На Жмуди и въ Литвѣ Giltine имѣетъ жало, отъ котораго и получила названіе (gelitì, geliau, gelti — колоть) и которымъ она сосетъ ядъ изъ труповъ, лежащихъ въ могилѣ и, жаля, впускаетъ ядъ въ людей, отъ чего они и умираютъ[9]). Въ Литвѣ Giltine также влѣзаетъ

---

1) Bender для спасенія Patrympus у Грунау, принимаетъ упомянутую ошибку; или, также наоборотъ, что Natrimpe, можетъ быть какое-нибудь неизвѣстное божество; «Num Natrimpe, perperam scriptum sit pro Patrimpe, an numen aliquod adhuc ignotum designet, difficile erit ad indicandum». De Vet. P. D., стр. 22, прим. 39.

2) Wolter, Dauksza, стр. 121—123; Vělona можетъ быть существомъ женскимъ.

3) Въ оригиналѣ: «Sikies Vielonia pemixlos»; pemixlos очевидно ошибка — вмѣсто penukszlas, какъ въ Слов. Szyrwid'a: «Pokarm-Pemikszlas», а «Pokarmowy-Penukszlinis»; см. Mhdt. Las., стр. 135; вмѣсто Vělones. Schl. Gr., стр. 188.

4) Въ подлинникѣ: «Vielona velos (?) atteik musump und stala.

5) Спрогисъ. Памятники стр. 217, пѣсня 16; стр. 219, пѣсня 29.

6) Źr. Myt. Lit., I, стр. 15.

7) Спрогисъ, ibid., стр. 218, пѣсня 21.

8) Она уже въ XVI в. имѣетъ значеніе смерти: «Giltines arba smirtięs amźinos». Dauksza, стр. 5, стихъ 28 въ изд. Вольтера.

9) Моровая дѣва, описанная въ «Конрадѣ Валленродѣ Мицкевича» — не литовская; см. Прилож. IV. Наше описаніе основано на извѣстіи, полученномъ изъ окрестностей Купишекъ, Вилькомірскаго уѣзда, напечатанномъ въ Предисловіи Кс. Олехновича къ его сборнику пѣсенъ. Я воспользовался этимъ въ «Compte-Rendu du Congrès à Buda-Peszt», 1875, т. I, стр. 465—480 и въ «Wędrowiec» за 1890 г., — объясняя, почему въ могилу клали ножницы для стрижки овецъ; см. Прилож. IV. — Независимо отъ этого, основываясь также на Олехновичѣ, д-ръ I. Bassanovitius написалъ статью о Giltine: «Ueber die bestimmung der schaafscheere in lit. gräbern», Correspondenz-Blatt d. deutschen Ges. f. Anthropologie etc. München, 1888, № 1.

Digitized by Google

больнымъ въ бокъ, причиняетъ имъ боль или убиваетъ ядомъ. Обобщеніе ея въ демона смерти видно также въ фразахъ: „Giltine żmogu pasmaugła“ — G. человѣка задушила; „giltine żmogu pasuka“, — G. человѣку шею свернула[1]). У Латышей проклинаютъ: „kai tewi Dziltine nuraut“ — чтобы тебя G. побрала[2]). Въ прусской Литвѣ существуетъ онѣмеченная форма Geltän, Gaeltan, изъ чего народная этимологія образовала привидѣніе gelbzähn, а пугая дѣтей, говорятъ „Giltine atein“ и „de Gelltän kommt“[3]); она беретъ людей безъ различія возрастовъ: „Giltine ne weizd dantu“[4]) — G. не смотритъ въ зубы; къ этому Frischbier присоединяетъ выписку изъ „Preuss. wörterbuch“ Hennig'a, Königsb. 1785 г., стр. 84: „Giltine war bei den alten heidnischen Preussen die würge und pestgöttin, oder der tod.“ Выше уже упомянуто, что она душитъ людей: „Kad tawe Giltine nusmaugtu“, — чтобъ тебя G. задушила! а когда зараза коситъ людей, то говорятъ: G. обходитъ — „Giltine suka“[5]). Dowkont, несомнѣнно по собственному почину, дѣлаетъ ее женой Pikol'a[6]) (?).

Если на Жмуди, въ Литвѣ и у Латышей существовало особое божество, покровительствующее душамъ умершихъ, и особое божество смерти, то и въ Пруссіи наряду съ Giltine, Geltän, т.-е. божествомъ, причиняющимъ смерть, могъ существовать покровитель умершихъ. Однако никоимъ образомъ нельзя доказать, былъ ли имъ Patollus; мы до сихъ поръ считаемъ его божествомъ мѣстнымъ, вармійскимъ, неизвѣстнаго значенія; такъ какъ въ виду столькихъ фальсификацій, какія мы до сихъ поръ разоблачили у Грунау, на свидѣтельство его никоимъ образомъ полагаться нельзя.

Теперь обратимся къ символамъ Patollus'a, какими являются якобы мертвая голова и черепъ лошади и коровы.

Мы знаемъ изъ Wulfstan'a, что Пруссы считали величайшимъ несчастіемъ найти гдѣ-нибудь человѣческую кость, которая не была погребена; тотчасъ необходимо было умилостивить божество. Авторъ говоритъ объ окрестностяхъ Эльбинга и далѣе[7]). Кейстутъ, наткнувшись на непогребенное тѣло убитаго, велѣлъ его тотчасъ сжечь[8]). Итакъ, можно ли допустить, чтобы предметъ, оскорблявшій и гнѣвившій божество, могъ быть въ то же время его символомъ?

Вообще у язычниковъ былъ обычай затыкать головы жертвенныхъ животныхъ на жердяхъ, палкахъ, тычинахъ въ знакъ принесенной жертвы. Во времена христіанства головы убитыхъ лошадей, скота, птицъ и т. д. прибивали, напр., надъ воротами или верхушкѣ конюшенъ, хлѣвовъ и т. п., для отвращенія чаръ[9]). Относительно Пруссіи

---

[1]) Dauksza, ed. Wolter, s. v. p. 77.

[2]) Ibidem.

[3]) Frischbier, «Preuss. Sprichw». № 4205.

[4]) Schleicher, «Lituanica Sitz. Ber. d. Kais. A. d. Wiss. Wien, 1854, стр. 97: «neveizd Giltine dantis, die G. schaut nicht nach den zähnen».

[5]) Nesselm., «Lit. W.», стр. 255, s. v. Giltine; Thes. s. v. «geltän, ein gespenst, das häufig in den volcksmärchen genannt wird». Kurschat, Wörtb., s. v. и Schleicher l. l.; N. P. P. B. 1849, Bd. VIII p. 471 и 1866, Bd XI p. 256; см. Dauksza ed. Wolter s. v. Giltine; стр. 77; Usener l. l. s. v.

[6]) Jokybs Laukys Buda Senowes-Letuwiû, Petropilie, 1845, стр. 97. «Pykolo arba piktojo Dijwo buwusis żmono Giltine, kokius wakus yra tórieies, taipat niera žinoma; bet kaip smertis yra newijnoks, taip ir Giltine newijnoki buo, kou szenden dar patarlie rodo, sako: Ek sau po giltiniû arba giltiniû kałpa» — женой Pykolo или злого бога была Giltine; какихъ имѣла дѣтей, теперь неизвѣстно; но какъ родъ смерти былъ неодинаковый, такъ и G. была неодинаковая, что еще до сихъ поръ доказываетъ пословица: иди себѣ къ Гилтинамъ (на погибель?), или (будь) добычей Гилтинъ. — Kałpa, по мнѣнію St. Rauba, значитъ добыча; въ словаряхъ я такого значенія не нашелъ.

[7]) См. Źr. Myt. Lit., I, стр. 36.

[8]) Wigand, c. 48.

[9]) Объ Аллеманахъ свидѣтельствуетъ Agathias изъ Myrin'ы, что они приносили въ жертву богамъ отрубленныя конскія головы: «ἵππους τε καὶ βόας καὶ ἄλλα ἄττα μυρία καρατομοῦντες ἐπιθειάζουσι» (ed. Bonnen. 28 5). Германцы послѣ побѣды въ Тевтобургскомъ лѣсу прибили къ пнямъ (truncis) конскія головы: «Adjacebant, гово-

Digitized by Google

Praetorius (p. 26) говоритъ: „die jetzigen, Nadrauer, Salavonier, Sudauer pp. haben den gebrauch, wenn sie im spätherbst das vieh einstallen, pflegen sie in den ochsenstall einen ochsenkopf, in den pferdestall einen pferdekopf hineinzuhangen. Dies war wol ursprünglich ein geschenk für Pikullus, um ihn zu besänftigen".

Возможно, что Грунау воспользовался этимъ обычаемъ. Толкованія же Преторіуса очевидно ошибочны, хотя бы мы даже на мѣсто подозрительнаго Pikullus'а поставили дѣйствительно чтившагося прусскаго бога, причиняющаго зло и убытки. Если головы животныхъ привѣшивали для отвращенія вредящаго божества, а потомъ чаръ, то какимъ же образомъ онѣ могутъ быть символомъ этого же божества?

Слѣдовательно, символы бога умершихъ и духовъ являются также выдумкой Грунау.

Если у Адама Бр. относительно мѣста, на небѣ исключительно властвуетъ Торъ, являясь повелителемъ небесныхъ явленій, слѣдовательно и такихъ, которыя вліяютъ на урожай (fruges) на землѣ, — то на землѣ власть раздѣляется такимъ образомъ, что Воданъ управляетъ военными дѣлами, а Фрикко — мирными. Грунау, несмотря на доказанное подражаніе, уклоняется отъ этого раздѣленія власти, приписывая исключительное господство на небесахъ Перкуну, Potrimpe же является владыкой земли, управляющій успѣхомъ одинаково какъ въ военныхъ, такъ и въ мирныхъ дѣлахъ, а также въ урожаѣ; а Patollo, какъ богу умершихъ, Грунау опредѣляетъ, хотя и не высказываетъ этого прямо, — подземное царство. Такое раздѣленіе теоретически имѣетъ извѣстное логическое основаніе. Въ описаніи же изображеній на мнимомъ знамени Videvut'а проглядываетъ другой принципъ раздѣленія боговъ, основанный на теченіи человѣческой жизни, т.-е. молодости, возмужалости и старости, безъ указанія вышеуказанныхъ аттрибутовъ. А именно, Potrympo изображенъ молодымъ, безбородымъ, съ вѣнцомъ изъ колосьевъ на головѣ, съ веселымъ лицомъ[1]). Perkuno былъ среднихъ лѣтъ, съ черной курчавой бородой, въ огненной коронѣ, съ лицомъ, исполненнымъ гнѣва, „какъ огонь"[2]). Potollo —

ритъ Тацитъ, Annales, I, 61, fragmina telorum, equorumque artus, simul truncis arborum antefixa ora». Плиній, H. N., XIX, c. 10, совѣтуетъ противъ гусеницъ поставить въ саду шестъ, а на него надѣть конскую голову: «in totum vero necari urucas, si palo imponantur in hortis ossa capitis ex equino genere». Въ Скандинавіи для отвращенія враговъ надѣвали на высокія жерди головы принесенныхъ въ жертву богамъ лошадей, съ раскрытыми при помощи колышковъ пастями и обращенными въ сторону ожидаемаго врага. Такую жердь называли nidstaüng, neidstange. «Immolati diis equi abscissum caput conto excipiens, subjectis stipitibus distentos faucium rictus aperuit, sperans se primos Ericī conatus atrocis spectaculi formidine frustraturum». Saxo Gramm., pag. 75. — Венды для отвращенія падежа домашняго скота натыкали на колья заборовъ, окружающихъ конюшни и хлѣва, головы бѣшеныхъ лошадей и скота; если домовой душилъ лошадей, то вкладывали въ ясли конскую голову; она навѣрно отгонитъ домового. Praetorius (другой, не M. Praet. прусскій), Weltbeschreibung, II, 162—3. — Ledebur видѣлъ у калмыковъ множество лошадиныхъ шкуръ и головъ, составляющихъ остатки жертвъ, выставленныхъ на помостѣ (gerüst); голова была обращена на востокъ или западъ, смотря по тому, была-ли принесена жертва доброму духу или злому. (Reise nach dem Altai. Berlin 1830 54/55). Еще до сихъ поръ крестьяне Мекленбургіи, Люнебурга, и Голстейна вырѣзаютъ на крайнихъ коньяхъ домовой крыши лошадиныя головы съ мордами, обращенными отъ себя т.-е. на внѣ. Это безъ сомнѣнія остатки языческихъ вѣрованій, значеніе которыхъ забыто, служащіе въ настоящее время только для орнаментаціи. См. Jahrbücher des meklenburgischen Vereins etc. II, 118; Grimm. Deut. Myth. Bd. I, 41/2; 65—68; II 625—630. — Тотъ же обычай сохраняется въ Прусской Литвѣ, нпр. въ Kiaunoden, деревнѣ вблизи Клайпеды (Мемеля) и въ другихъ мѣстностяхъ, см. Bezzenberger Bemerkungen zu Virchows aufsatz. Die altpreussishe. bevölckerung, Sitz. Ber. der Prussia, heft 18. Ksgbg. 1893, pag. 5 (1); p. 4 (6) и рисунки Taf. I, № 7 ; Taf. III. Taf. IV, № 1; онѣ находятся также на могильныхъ памятникахъ. Taf. V, №№ 1, 2, 3, 4. — Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ я видѣлъ въ южныхъ уѣздахъ Познанскаго лошадиныя головы, чаще хищныя птицы, и т. п., прибитыя на щипцевыхъ стѣнахъ конюшенъ, стоялъ и пр. О Латышахъ см. Einhorn Wiederlegunge. Riga 1627 въ S. R. Liv. II, 644.

[1]) См. выше выдержки изъ Грунау.

[2]) Тамъ же и прим. 9.

Digitized by Google

старикъ, съ сѣдой бородой, съ повязкой изъ бѣлаго плата вмѣсто короны, съ смертельно-блѣднымъ лицомъ, какъ у умирающаго старца[1]).

Грунау старается увѣрить насъ, что онъ составилъ описаніе по знамени Видевута, царствовавшаго, по его мнѣнію, около 500 г. по Р. Х. Гдѣ сохранялось оно въ теченіе тысячи лѣтъ (до 1526 г.) и такъ хорошо сохранилось, что изображенія боговъ и буквы на немъ не были повреждены; гдѣ видѣлъ его Грунау, гдѣ скрылось оно послѣ описанія такъ, что послѣ Грунау его никто не видѣлъ, — все это останется, по всей вѣроятности, навсегда его тайной. Предположить, что описаніе составлено по епископу Христіану (XIII в.), — невозможно, зная, что эта хроника есть фикція Грунау[2]). Впрочемъ, если бы даже она и существовала, то все же являлся бы вопросъ, откуда Христіанъ въ XIII в. получилъ свѣдѣнія, притомъ такія подробныя, — о знамени V вѣка. Итакъ, не нужно болѣе яснаго доказательства, что описаніе знамени со всѣми подробностями является самымъ безцеремоннымъ подлогомъ. Кромѣ того, замѣтимъ, что нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи у Литовцевъ и Пруссовъ знаменъ въ первые вѣка; среди добычи крестоносцевъ знаменъ нѣтъ. Первое упоминаніе о „insignia Lithwanorum" я имѣлъ случай прочесть въ Chronicon Dubnicense подъ 1351 г.

§ 6. Выяснивъ, что какъ дубъ, такъ и вѣчная его зелень заимствованы отъ Адама Бременскаго; что число боговъ и мнимая очередь ихъ первенства также сочинены по образцу описанія того же Ад. Бременскаго; что аттрибуты прусскихъ боговъ являются лишь повтореніемъ аттрибутовъ боговъ скандинавскихъ, — мы, кажется, вправѣ не безъ основанія предположить, что помянутые у Грунау „bilder", долженствующіе изображать Perkunas'a, Potrympo и Patollo и стоящіе[3]) уже въ извѣстныхъ намъ отверстіяхъ дерева, являются также лишь переводомъ „statuae" у Ад. Бременскаго, т.-е. что подъ „bilder" слѣдуетъ разумѣть статуи или статуэтки.

Но какъ раньше все то, что Грунау заимствовалъ у Ад. Бременскаго, оказалось несогласнымъ съ истиной для Пруссіи, такъ и существованіе статуй трехъ боговъ, по образцу Ад. Бременскаго, — слѣдуетъ причислить къ фальсификаціямъ. Мы могли бы ограничиться такимъ выводомъ, если бы не желали придать затронутому вопросу принципіальнаго значенія, такимъ образомъ обобщая его: представляли ли Литовцы вообще своихъ боговъ въ изображеніяхъ или статуяхъ изъ какого-либо матеріала въ человѣческомъ образѣ?

Арійскіе народы, которые чувствовали еще свою полную зависимость отъ природы и ея явленій, небесныхъ или земныхъ, обращались къ нимъ непосредственно, воздавая

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Nuncius cum baculo. Варш. 1895 стр. 22—25. — При этомъ случаѣ не могу удержаться отъ сообщенія впечатлѣнія, произведеннаго на меня при чтеніи Грунау. Не смотря на добросовѣстный и подробный разборъ хроники Грунау Теппеномъ (Toeppen), остаются нѣкоторые пробѣлы относительно источниковъ, которыми онъ воспользовался. Мы даже въ этой маленькой части хроники, занимающейся прусскими вѣрованіями, замѣчаемъ нѣкоторыя неровности, заключающіяся въ томъ, что съ одной стороны поражаютъ насъ наивные, да лишенные здраваго смысла разсказы и противорѣчія; съ другой же стороны свѣдѣнія, сообщенныя со всею послѣдовательностью и строго обдуманныя, какъ нпр. послѣдовательное подражаніе Адаму Бременскому вообще, и подробное описаніе знамени Видевута въ частности. Это поневолѣ возбуждаетъ въ насъ подозрѣніе, не пользовался ли Грунау какимъ то трудомъ, составленнымъ ловкимъ и умнымъ писателемъ, и не соединилъ ли онъ заимствованныя изъ него свѣдѣнія со своими собственными, безобразными выдумками. Такимъ образомъ объяснились бы противорѣчія въ описаніи прусскихъ божествъ, находящіяся въ двухъ разныхъ мѣстахъ, относительно ихъ власти и ихъ вида. Но это отнюдь не повліяло бы на результаты нашего изслѣдованія. Выдумка осталась бы выдумкой — все равно — оказалась бы виновникомъ ея одна личность или двѣ. — Пока этотъ вопросъ не будетъ окончательно рѣшенъ, мы только можемъ считать виновникомъ — Грунау.

[3]) Jn iglichem (teile) wie in eim gemachten fenster stund ein abgott (Gr. 78); do ir (божествъ) bilde stundt in der eichen. p. 95.

Digitized by Google

имъ поклоненіе въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись имъ; такимъ образомъ, они молились непосредственно солнцу, лунѣ и звѣздамъ и т. п., растеніямъ, животнымъ, водамъ, камнямъ. Только впослѣдствіи возникаетъ мысль о ихъ производителѣ, а вслѣдъ за тѣмъ антропоморфизмъ, на который могъ повліять также культъ духовъ послѣ смерти. Литовцы выступаютъ на историческое поприще именно въ періодъ перехода къ антропоморфизму; свѣдовательно, на основаніи уже этого, такъ сказать, теоретическаго взгляда на исторію религіозныхъ вѣрованій можно было бы утверждать, что статуй боговъ въ Литвѣ не могло быть.

Перейдемъ однако въ область фактовъ. Весьма знаменательно, что на всемъ обширномъ пространствѣ, которое съ незапамятныхъ временъ занимала Пруссія, обѣ Литвы и Латыши, въ теченіи цѣлыхъ шести или семи столѣтій — отъ начала XII вѣка (у Латышей) и XIII в. (въ Пруссіи и обѣихъ Литвахъ), т.-е. отъ нашествій на эти земли Ордена и до настоящаго времени мы не нашли ни одного вещественнаго памятника, который бы изображалъ какого-нибудь бога и былъ несомнѣнно литовскаго происхожденія.

Правда, въ Курскомъ заливѣ выловили восемь фигурокъ грубаго издѣлія изъ янтарной плитки, человѣкообразныхъ; но ни народнаго происхожденія, ни значенія ихъ мы не знаемъ. Матеріалъ вѣроятно мѣстный; однако и въ этомъ случаѣ неизвѣстно, какому народу принадлежитъ самое издѣліе. Памятники эти несомнѣнно каменнаго вѣка и восходятъ къ незапамятнымъ временамъ. Кромѣ того, извѣстно, что восточныя берега моря и зависящіе отъ нихъ края материка постоянно и до сихъ поръ подвергаются и подвергались измѣненію. Нынѣшній Курскій заливъ, по мнѣнію Берендта а затѣмъ Берренбергера[1]), простирался за рѣку Jûra, которая является остаткомъ этого моря и напоминаетъ его своимъ названіемъ. А такъ какъ jures только въ литовскомъ обозначаетъ море, то прибрежными жителями должны бы являться Литовцы. И дѣйствительно, вся Самбія является наносной землей. Но какъ бы это ни было, во всякомъ случаѣ Курская коса, если и существовала въ то время, то находилась слишкомъ далеко отъ литовскаго материка и могла быть заселена народомъ иного происхожденія.

Историческимъ фактомъ является и то обстоятельство, что скандинавскіе народы съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшаго времени часто надвигались на земли, лежащія на востокъ отъ нихъ, слѣдовательно, на Самбовъ, Эстовъ, Куровъ; поэтому они могли занять и даже заселить лежавшую по пути косу. А такъ какъ у нихъ были изображенія боговъ въ человѣческомъ видѣ, то помянутые памятники могли происходить отъ нихъ[2]).

Другимъ вещественнымъ памятникомъ представляется камень, изобраающій, по ученому преданію, Potrimpo, находящійся до сихъ поръ въ Христбургѣ. Осмотрѣвъ слѣпокъ, находящійся въ Völkermuseum въ Берлинѣ, я пришелъ къ убѣжденію, что это — общеизвѣстная каменная баба[3]).

Никакихъ другихъ такого рода мнимо-литовскихъ памятниковъ мы не знаемъ.

Равнымъ образомъ знаменателенъ тотъ фактъ, что яснаго доказательства существованія изображеній боговъ, сдѣланныхъ рукою человѣческой, относительно Литвы — въ литературѣ также нѣтъ. Между тѣмъ, мы могли бы во всякомъ случаѣ ожидать какихъ-либо, хотя вскользь сказанныхъ указаній въ описаніяхъ походовъ крестоносцевъ и меченосцевъ, совершавшихъ свои набѣги въ глубь и въ ширь языческихъ земель. Нельзя приписать это случайности; ибо если указываются священныя рощи, лѣса, де-

[1]) Berendt, Schriften d. phys.-ökon. Gesell. X. p. 138; Berrenb., Bemerkungen zu d. Werke Bielenstein etc. p. 499.

[2]) Klebs, Der Bernsteinschmuck der Steinzeit. Königsb. 1882.

[3]) Gigas, der sogenannte Potrimpus etc. Ztschrft. d. histor. Vereins in Marienwerder. 1877.

Digitized by Google

ревни и городки, черезъ которые совершался ихъ опустошительный походъ, то почему же не упоминалось бы о томъ, что въ томъ или иномъ мѣстѣ они нашли и разрушили идолы? Молчаніе довольно знаменательное. Молчитъ Дусбургъ, посвятившій цѣлую главу спеціально прусскимъ вѣрованіямъ, молчитъ, очевидно, потому, что не видѣлъ никакихъ идоловъ, и ничего не слышалъ о ихъ существованіи; молчатъ папскія буллы и послѣдующіе за Дусбургомъ писатели, вплоть до Грунау. Зато у насъ есть рѣшительное и убѣдительное свидѣтельство пастора Einhorn'a, жившаго въ XVII в. среди Латышей, во многихъ мѣстахъ преданныхъ еще языческимъ обычаямъ, — который, слѣдя за ними по обязанности и записывая ихъ, категорически отрицаетъ существованіе идоловъ въ какомъ-либо видѣ и существованіе языческихъ святилищъ: „Латыши, говоритъ этотъ авторъ, хотя и имѣли много боговъ и богинь, но не ставили имъ ни храмовъ, ни алтарей, гдѣ могли бы совершать свое богослуженіе или приносить жертвы. Ибо ничего въ этомъ родѣ не найдено въ этой странѣ, и нѣтъ ни малѣйшаго слѣда этихъ вещей, исключая одно то, что они имѣли особыя рощи и лѣса, въ которыхъ воздавали поклоненіе богамъ и молились имъ. Однако въ нихъ нигдѣ не найдено ни храмовъ, ни алтарей, никакого столба, ни идола (Götzenbild)"[1]).

Если же мы и находимъ указанныя ясно „idola, templa", гдѣ рѣчь идетъ о литовскихъ вѣрованіяхъ, то это не болѣе, какъ фраза, свойственная христіанскимъ писателямъ, употребляемая ими для обозначенія вообще язычества, не принимая во вниманіе, существовало ли дѣйствительно поклоненіе истуканамъ или нѣтъ. Такое выраженіе сложилось во времена борьбы христіанства съ язычествомъ, особенно съ Греками и Римлянами, которые возводили храмы и идолы. — Такъ, свидѣтель, разсказывавшій Канапаріусу о мученичествѣ св. Войтѣха, не видѣлъ идоловъ; какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ молчаніи въ „Vita S-ti Adalberti"; тѣмъ менѣе могъ видѣть ихъ Канапаріусъ, не бывшій въ Пруссіи; а все-таки онъ пишетъ что св. Войтѣхъ отправился въ Пруссію „deos et idola debellaturus"[2]). Съ другой стороны, св. Войтѣхъ, очевидно не знавшій о Пруссахъ, ничего кромѣ того, что они язычники, обратился къ нимъ якобы со слѣдующими словами: „ut simulacra surda et muta[3]) (relinquerent)". — Это скорѣе фраза Канапаріуса, а не св. Войтѣха. Сила привычки объясняетъ неточность такихъ выраженій[4]).

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда idolum имѣетъ конкретное значеніе, относящееся къ реальному предмету,— этотъ предметъ никогда не представляется въ видѣ статуи. Такъ, въ Христбургскомъ договорѣ 1249 г. ясно говорится: „idolum Kurcho", — что, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается снопомъ или пукомъ колосьевъ, сдѣланнымъ послѣ оканчанія жатвы[5]). Treter въ „Vita S-ti Anselmi" называетъ idolum — священное дерево у Пруссовъ[6]). Praetorius (стр. 23) называетъ idolum — козью шкуру, растянутую и повѣшенную на высокомъ шестѣ[7]). Длугошъ, приводя огонь, животныхъ и т. п., называетъ все это — idola и даже simulacra. Guagnin, описывая въ текстѣ священный огонь, замѣчаетъ на поляхъ: „Ignis, lituanicum idolum".

Отстаивающіе существованіе у Литовцевъ фигуръ боговъ, ссылаются на разсказъ Преторіуса (стр. 27) и на лингвистическія доказательства.

Вотъ текстъ Преторіуса: „Mir fällt ein, was ich einsmahl bey einem fischer in dem dorf Karckel gesehen. Derselbe hat anstatt der fahnen auf dem mast seines botes eine statuam

---

1) Historia Lettica Sc. R. Liv. II, p. 583; см. ŻML I. 96.
2) ŻML I. 89.
3) Фраза заимствована изъ Св. Пис., см. Аввакумъ 2. 18.
4) Длугошъ не указавъ ни на одного истукана, пишетъ idola, а затѣмъ «confractis et exterminatis idolis».
5) ZML I, p. 88 и пр.; p. 92.
6) Тамъ же.
7) Тамъ же 91. см. Прил. VI.

Digitized by Google

beim ruder aufgerichtet. Er hatte nemlich von borcken gemacht ein bild eines menschen, dass am kopf zween gesichter, eines vornen, eines hinten waren, an beyden aber war das maul aufgesperret; an den schultern waren zween ziemlich grosse flügel, daneben er seine hände ausgestrecket, die rechte aufwärts, die linke erdwärts; in der linken hielt er einen fisch; in der rechten ein fässchen. Auf dem haupt war ein hahn gemacht. Das bildt nente er Wejopattis (т.-е. повелитель вѣтровъ). Ich muthmasse, dass vordem die alten Preussen dem Perdoytus (?!) eine solche statuam mögen gesetzet haben. Denselben fischer hielt der weiland Pfarrer daselbst N. Isingius[1]) vor einen recht alten preussischen heyden, und den er nicht vermögen könte, dass er zur kirchen ginge. Wenn dieser fischer den Wejopatys ansahe, hub er seine beyde hände auf, insonderheit wenn es ungestüm wetter war. Denselben soll er auch Wejpons, auch öfters Wejdiews (богъ вѣтровъ) genennet haben".

Не нужно особенной догадливости, чтобы замѣтить, что описанная фигура, выструганная изъ коры (хотя бы и самой большой), была собственно игрушкой, долженствовавшей замѣнить недостающій на мачтѣ флагъ, указывавшій направленіе вѣтра, — и поэтому-то у нея были „довольно длинныя" крылья, чтобы они легче поддавались дуновенію вѣтра. Преторіусъ, завзятый изслѣдователь старо-прусскаго быта, всюду выискивалъ какую-нибудь старопрусскую особенность Чтобы увѣрить себя и другихъ, что эта игрушка была изображеніемъ божества, онъ прибавляетъ, будто бы помянутый пруссъ, особенно во время бури, поднималъ руки, какъ бы молясь этой фигурѣ. Этого не могли видѣть ни Praetorius, ни Isingius. Кто знаетъ тогдашнія драконовы предписанія властей духовныхъ и свѣтскихъ противъ языческихъ обрядовъ, угрожающія жестокими муками за малѣйшее проявленіе язычества[2]), тотъ не можетъ предположить, чтобы даже самый закоренѣлый язычникъ могъ рѣшиться на что-либо подобное публично, мало того, въ присутствіи духовнаго лица. Вышеприведенное свидѣтельство, при своемъ преувеличенномъ характерѣ, слишкомъ мало серіозно, чтобы на немъ строить столь важные, даже принудительные выводы.

Глубокій знатокъ литовскаго быта и языка, Беззенбергеръ[3]), прочтя въ неизданной рукописи перевода Св. Писанія Bretkunas'a (=Br.), что послѣдній передаетъ то же выраженіе idolum, götze, т.-е. идолъ, божокъ, литовскимъ stułpas (рѣже stułpa), столбъ; затѣмъ, что stułpas у того же Br. является синонимомъ для ebrozas (и abrozas), bild, — образъ, — выводитъ заключеніе: 1) что язычники Литовцы поклонялись предметамъ, похожимъ на столбы, называемымъ stułpai; 2) что такъ какъ stułpas есть синонимъ къ ebrozas, то можно было бы предположить, что на такомъ столбѣ находилось изображеніе, образъ какого-то бога, — изъ чего получилось бы значеніе „götzenbild", идолъ. Вычитавъ потомъ въ какомъ-то молитвенникѣ, что рядомъ съ stůłpas поставлено bałwonas (въ предложеніи: stułpû, meadziû arba bałwoniû (sic)) полагаетъ, что если bałwonas дѣйствительно значитъ „götzenbild", то оно обозначаетъ изображеніе другого, отличнаго отъ stułpas божества.

Изслѣдовавъ подробно этотъ предметъ въ особомъ приложеніи (VI) мы пришли къ тому убѣжденію, что Литовцы въ самомъ дѣлѣ почитали не столбы, а только предметы на нихъ находящееся, назвавъ все это въ совокупности названіемъ „Stułpai"; затѣмъ, что этими предметами не были изображенія въ видѣ человѣка, но либо шкуры въ жертву принесенныхъ животныхъ, либо пуки колосьевъ разнообразнаго хлѣба или травы; что bałwonas, вошедшее въ литовскій языкъ въ значеніи чтимаго язычниками

---

1) Johann Christian Ising, около 1665 діаконъ въ Кенигсбергѣ. Arnoldt K. G. p. 599 § 6.
2) ŻML II p. 121 и dd. p. 132; p. 149.
3) Mythologisches in altlitauischen Texten. Beiträge zur Kunde d. indogerm. Sprachen I p. 41—47.

Digitized by Google

предмета, сохранило за собой это общее значеніе, а stulpas и mėdis составляютъ только особые роды этихъ предметовъ. Къ нимъ также принадлежатъ торчащіе надъ землей камни или вообще извѣстные камни, а вѣроятно также оставшіеся пни священныхъ деревьевъ[1]).

§ 7. При описаніи скандинавскихъ божествъ Адамъ Бременскій сообщаетъ, что къ сонму боговъ причисляли также людей, пользовавшихся при жизни большимъ почетомъ. „Colunt et deos ex hominibus factos, quos pro ingentibus factis immortalitate donant". Равнымъ образомъ поступаетъ Грунау. Онъ также послѣ описанія трехъ прусскихъ божествъ имѣетъ своихъ знаменитыхъ людей, поставленныхъ за ихъ заслуги на ряду съ богами. Такими являются божества Wurschayto, или Worschayto, или Borsskayto, и Szwaybrotto или Iszwambrato. Король Witewuto послѣ смерти получилъ первое имя, а братъ его, Bruteno другое: „den Koningk sie nannten Worskayto und den Kirwaito (Bruteno) Iszwambrato"[2]). Между тѣмъ достаточно извѣстно, что такихъ божествъ никогда не существовало. Virszaitis, — (такъ слѣдуетъ правильно писать вмѣсто Wurschayto, Borsskayto и т. п.) — назывался жрецъ, всякій разъ избираемый участвующими въ жертвоприношеніи[3]). Szwaybrotto же и т. п. названія — это два произвольно соединенныя прусскія слова: swais свой, и brote или bratis братъ; слѣдовательно swais brote, swais bratis есть буквальный переводъ нѣмецкаго „sein bruder"[4]).

Названіе Widewutus Грунау заимствовалъ у Erasmus Stella, имя же Bruteno самъ придумалъ[5]).

---

[1]) Подробности въ Прил. VI.

[2]) Grun. 79. — Забывъ о томъ, что онъ раньше сказалъ, пишетъ на стр. 95 и 96, что, наоборотъ, Bruteno назывался послѣ смерти не Wurschayto, а Witewuto-Schwaybrotto: «Diesen (т.-е. Wurschayto) die Bruden (т.-е. Пруссы) in (=ihn) selber einem gott irwelten, wen es war ihr Kirvait gewesen Bruteno» (p. 95)... «in (т.-е. Szwaybrotto) auch selber die Brudeni einen gott gemacht... wen so er ihr. Konningk war und Witewuto genannt» (p. 96).

[3]) См. статью Прусскій Жрецъ Sicco, въ трудахъ Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ (1890) § 3. — Coznaczy Sicco. Lwów 1891.—Оттискъ изъ журнала Przewodnik Naukowy i Literacki 1891.

[4]) Mannhardt первый объяснилъ это слово; см. Грунау, ed. Perlbach p. 79 прим. — Грунау пишетъ также Iswambrato (p. 3) Iszwambrato (p. 79). Буква *I* можетъ быть протетической, или также остатокъ отъ литовскаго, въ прусскомъ очень рѣдко попадающаго союза *Ir, и*.

[5]) Brutenus Brudeno и т. п., какъ собственное имя личности, первый разъ читается у Грунау. Witewutus, Vitovudus, не произошло отъ польскаго Wojewoda, какъ я раньше полагалъ, но отъ имени вел. князя литовскаго Vitaŭtas, которое у писателей XV вѣка подвергалось мн гимъ видоизмѣненіямъ, нпр. Vitoldus (aen. Sylvius; Hieronymus Prag.). «Dis ist Witoldis sache wedir Jagal...» (doc. съ конца XIV в., см. S. R. Pr. II 712).—Witoldt (у Борнбаха XVI в. подъ 1381 год.). — Wytaŭdus, Wytaŭt (Wigand XV в. S. R. Pr. II 606 и во многихъ другихъ мѣст.). Wytowt (doc. XIV в. см. Voigt Gesch. Preuss. V. 128). Wytavt (Wytard очевидная опечатка. Herm. de Wart. S. R. Pr. II 82). Оставивъ другія видоизмѣненія этого имени, обратимся къ болѣе для насъ важному. Въ рукоп. XV вѣка, найденной профессоромъ Ранке въ библіотекѣ Chigi въ Римѣ, и заключающей въ себѣ компиляцію, составляющую краткій очеркъ исторіи нѣмецкаго ордена, читаемъ: Susceperunt preterea domini cruciferi... Vitoldum sive Alexandrum Vitovudum, magnum ducem Lytwaniae, fratrem Vladislai Jagellonis, in gubernatorem... S. R. Pr. IV. 235. — Въ другой рукоп., также XV в., и также компиляціи и такого же содержанія, что́ и упомянутая, находящейся въ Гёттингенской библіотекѣ, одна часть имѣетъ заглавіемъ: A. d. 1410 15 mensis Iulii fer. III ipso die divisionis apostolorum, rex Poloniae, dictus Yagyelo... cum fratre Vittovudo (Vittorudo видимая опеч.), alias Vitoldo, iniit certamen cum magistro Prussiae, nomine Cunrado (!) Jungingen (Э. прим. f.).

Слѣдовательно Vitovudus—имя вел. кн. литовскаго Vitautas.

Сравнивъ же обѣ хроники между собою, оказывается, что онѣ въ сообщеніи фактовъ XV вѣка пользовались, между прочими, однимъ общимъ источникомъ, вѣроятно хроникой, изъ которой обѣ заимствовали также имя в. князя въ формѣ Vitovudus. Слѣдовательно въ это время читалась форма Vitovudus по крайней мѣрѣ въ трехъ хроникахъ и могла быть извѣстной спеціалистамъ. Такимъ спеціалистомъ былъ извѣстный фальсификаторъ

Digitized by Google

Такимъ образомъ вышеуказанное свидѣтельствуетъ о дальнѣйшемъ рабскомъ подражаніи Адаму Бременскому, о произвольномъ сплетеніи и сочетаніи его сообщеній съ выдумками Эрасма Stella, примноженными собственными вымыслами, и о неизвѣстно уже сколько разъ повторяемой нарочно фальши Грунау.

§ 8. Указаніемъ на обожаніе знаменитыхъ людей Адамъ Бременскій кончаетъ свое описаніе скандинавскихъ божествъ, а Грунау былъ вынужденъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ искать себѣ другого руководителя.

Изъ описанія дуба въ Ромове казалось-бы, — а писатели прусско-литовскихъ вѣрованій и придерживаются этого мнѣнія, — что этотъ дубъ потому считался священнымъ, что въ его отверстіяхъ помѣщались три божества и что такимъ образомъ онъ являлся ихъ жилищемъ. Уже самъ Грунау пишетъ: die (Cimbri) brochten mit ihn (съ собой) 3 bilde ihrer abgotte (p. 94). — Zu Rickoyott, do ir bilde stund in der eichen (p. 95).— In iglichem (teil der eiche) stund ein abgott (p. 78). So hett berufft Widowuto der Konigk alle menungk (мужей) des volcks uff Nadrowien vor eine mechtige eche... und sprach also: liebes volck, du solt wissen, und uns haben irwelet und dis land unser götte, sunderliche dis heylig holtz, dy eiche, in welcher sie bey dir wonen wellen... (p. 87). — So wisset, und euer götte nindert, wen alhie in dieser heiligen eichenn haben irwelet ire wonungk und sie wellen allhie besucht sein (p. 88). Между тѣмъ дѣло представляется иначе. Родившійся въ Tolkemitten монахъ еще изъ дому вынесъ преданія о священныхъ деревьяхъ; затѣмъ, бродя по разнымъ странамъ Пруссіи, онъ слышалъ о нихъ среди народа; наконецъ онъ читалъ о нихъ и у своего любимаго образца, Эрасма Стелла, пользовавшагося въ это время громадной извѣстностью, и называвшаго великолѣпные дубы въ Пруссіи прямо жилищемъ и домомъ боговъ[1]).

исторіи Erasmus Stella, писавшій прусскую исторію съ древнѣйшихъ временъ до призванія нѣмецкаго ордена въ Пруссію Конрадомъ Мазовецкимъ... Стелла, вычитавъ имя Vitovudus въ одной изъ упомянутыхъ хроникъ или въ какомъ-нибудь иномъ документѣ, сократилъ его въ Vidvutus, и личности, носившей это имя, приписываетъ всевозможныя установленія, само собою разумѣется, всѣ вымышленныя. Онъ первый знаетъ, что Vidvutus по происхожденію Аланинъ (Alanus, срав. вымуманныхъ Lit-alani), который, избранный королемъ соединенными съ Аланами Боруссами, издалъ новые законы и ввелъ порядки въ общественную и религіозную жизнь народа. Этими данными воспользовался другой не меньшій фальсификаторъ Грунау, который перенявъ отъ Эрасма имя короля Vidvutus въ формѣ Widowutus, Widewuto, и т. п., дѣлаетъ его также королемъ и законодателемъ, но только Пруссовъ (Bruttenen). Не довольствуясь этимъ и желая знать еще больше Эрасма, онъ сочиняетъ дальнѣйшія дѣянія Видовута на основаніи фактовъ, сообщенныхъ Св. Писаніемъ о законодателѣ Моисеѣ, что уже впрочемъ и у Эрасма замѣтно. Какъ Моисей собираетъ еврейскій народъ и даетъ ему наставленія, точно такъ дѣйствуетъ и Видевутусъ среди своихъ Брутеновъ. Оставивъ всѣ подробныя аналогіи, на которыя укажемъ въ другомъ мѣстѣ (въ Źródłach do Mytologii Litewskiej), обратимъ вниманіе еще на одну болѣе важную. Какъ въ Св. Писаніи Ааронъ былъ братомъ Моисея и въ то же время высшимъ духовнымъ лицомъ Евреевъ, точно также придумалъ Грунау для своего Видовута брата, Брудено, и дѣлаетъ его высшимъ жрецомъ Брутеновъ, назвавъ эту должность Kirvaito, на подобіе имени мнимаго высшаго жреца въ Надровіи, Criwe, вычитаннаго у Дусбурга. Этимъ и объясняется, почему Грунау, знающій немного прусскій языкъ, брата Видевута, Брудено, назвалъ по-прусски Szwambrotto «его (т.-е. Видовута) братъ». Изъ всего приведеннаго оказывается: 1) что Vidovutus, Vidvutus, Widowutus и пр.—изуродованное имя вел. князя Vitaŭtas; 2) что Брудено, братъ Видовута придуманъ Грунау, и 3) что преданіе о Видовутѣ и Брудено образовалось въ другой половинѣ XV. в. и началѣ XVI в. на основаніи ложныхъ данныхъ, вымышленныхъ относительно Видовута отчасти Эрасмомъ Стелла, и отчасти Грунау; между тѣмъ какъ Брудено принадлежитъ цѣликомъ къ выдумкамъ Грунау.

[1]) Praecellentes arbores, ut robora, quercus, deos inhabitare dixerunt, ex quibus sciscitantibus responsa reddi audiebantur; ob id nec hujuscemodi arbores caedebant, sed religiose, ut numinum domos, colebant. Грунау подражая Эрасму, пользуется извѣстіемъ, что священными деревьями были даваемы спрашивавшимъ отвѣты. Поэтому и онъ о своемъ священномъ дубѣ въ Ромове пишетъ, что въ отвѣтѣ было слышно «brummen in der eychen» (p. 95); см. § 3 и прим. 5.

Digitized by Google

Руководствуясь всѣмъ этимъ Грунау помѣстилъ придуманныя имъ статуи своихъ боговъ также въ дубѣ въ Ромове, и такимъ образомъ пріобрѣлъ своимъ выдумкамъ нѣкоторое основаніе.

Безпокоило его однако то, что скандинавскія божества стояли въ святыни; поэтому слѣдовало Грунау, что-либо подобное въ этомъ родѣ придумать и для своихъ прусско-литовскихъ божествъ. И тутъ онъ нашелся. Онъ придумалъ, какъ мы уже раньше упомянули, что вокругъ дуба на высотѣ семи локтей были развѣшены занавѣсы, за которыя нельзя было никому входить, кромѣ Kirvaito; и что если кто приходилъ, положимъ, съ жертвоприношеніями и т. п., то занавѣсы раздвигались. — Эти-то занавѣсы, отдѣляющія святые предметы отъ народа, совокупно съ упомянутымъ запрещеніемъ, — живо напоминаютъ еврейскую святыню и удивительно сходны съ предписаніями, касающимися ея постройки въ Exod. XXVI 1—35[1]). — И не удивительно. Монаху, ознакомленному требованіемъ своего званія съ Св. Писаніемъ, само собою, невольно представлялась образцомъ еврейская святыня, которому и слѣдовалъ. Въ доказательство приведемъ нѣкоторые примѣры. „И повѣсиши завѣсу на столпѣхъ: и внесеши тамо внутрь завѣсы кивотъ свидѣнія: и раздѣляти будетъ завѣса вамъ посредѣ святилища и посредѣ святая святыхъ. И закріеши завѣсою кивотъ свидѣнія въ святая святыхъ". Exod. XXVI. 33. — И рече Господь къ Моисею: Глаголи Аарону, брату твоему, да не входитъ по вся часы въ святое внутрь завѣсы... Сице внидетъ Ааронъ въ святое съ тельцемъ отъ говядъ грѣха ради, и съ овномъ на всесожженіе". Lev. XVI. 2. 3. „И внесе кивотъ въ скинію и возложи покровъ завѣсы". Ex. XL. 21. См. III Крон. 14; Ев. св. Матѳ. XXVII. 57.

Въ сравненіи съ необузданной фантазіей Грунау святыня его имѣетъ еще скромный видъ; между тѣмъ послѣдователи его, какъ напр. Гвагнини, пятьдесятъ лѣтъ спустя (1578), уже пишетъ, что Пруссы своимъ божествамъ воздвигнули подъ извѣстнымъ дубомъ съ громадными издержками великолѣпную святыню[2]). — И несмотря на все вышеуказанное еще многіе ученые не могутъ отказаться отъ мнѣнія, будто бы Литовцы строили своимъ богамъ святыни.

Наше совсѣмъ противное мнѣніе потверждается еще двумя ясными, положительными свидѣтельствами. Одно Каллимаха съ конца XV вѣка, который, опровергая мнѣніе нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, а главнымъ образомъ Длугоша, будто бы Литовцы происходили отъ Римлянъ, утверждаетъ, что ихъ начала слѣдуетъ скорѣе искать у Галловъ, на томъ основаніи, что Литовцы наравнѣ съ Галлами молятся въ священныхъ рощахъ, и не имѣютъ никакихъ святынь. „Ceterum Gallicae ac non Romanae originis argumentum adducitur idyoma, omnino ab Italo abhorrens; mos praeterea et religio consecrandorum nemorum, sine ullis templis, ritu Gallorum Druidarum, quae Romanis, habentibus deorum aedes et ministeria sacrorum, diversa sunt[3]).

Второе свидѣтельство изъ XVII в. касается Латышей. Въ немъ извѣстный намъ пасторъ Einhorn прямо говоритъ, что Латыши не устраивали своимъ божествамъ никакихъ святынь: „Diese Letten aber, ob sie schon viel götter und göttinen gehabt, haben sie doch keine tempel oder altäre ihnen erbawet, da sie ihren gottesdienst oder opfer hätten verrichten mögen; denn es ist im geringsten hievon in diesem lande nichts gefunden... ohn dass sie besondere sacros lucos oder wälder gehabt, darin

[1]) Toeppen въ Gesch. d. preuss. Historiogr. p. 191 эту постройку считаетъ ни на чемъ не основанной выдумкой Грунау. Manches, wie die hübschen Tücher, mit welchen das Allerheiligste verhängt gewesen sein soll, und die gleichgiltigen Dimensionsbestimmungen, ist freilich willkürlich zugesetzt.

[2]) Въ описаніи Пруссіи.

[3]) Vita et mores Sbignei Cardinalis p. 28.

Digitized by Google

ie ihre götter geehret und angeruffen, in demselben aber ist weder tempel. noch altar, oder jenige seule und götzenbild gefunden worden"[1])

Эти свидѣтельства окончательно рѣшаютъ вопросъ. Въ ихъ достовѣрности нельзя сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что Каллимахъ для поддержанія своего утвержденія, направленнаго противъ Длугоша, долженъ былъ основательно обдумать этотъ предметъ; — способъ же выраженія Einhorn'а доказываетъ, что онъ, какъ духовное лицо, заинтересованное въ отысканіи, преслѣдованіи и уничтоженіи всякихъ остатковъ язычества, самъ дѣлалъ розыски или приказалъ ихъ производить и, несмотря на это, никакихъ слѣдовъ святынь и истукановъ не нашелъ.

Если же, несмотря на это, въ другихъ источникахъ читаемъ уже не то общее выраженіе „templa"[2]), а конкретное „templum", какъ напр. у Гіеронима Прагскаго[3]); да, если Вигандъ[4]) прямо указываетъ на aedes или domos sacras въ Вендзиголѣ, то слѣдуетъ надлежащимъ образомъ разобрать, какія Литовскія строенія они оба называли templum и aedes sacras. — Мы сдѣлаемъ это въ § 12.

§ 9. Грунау, какъ извѣстно, ставитъ свой дубъ на первое мѣсто, оставляя вѣчный огонь на второмъ планѣ. Но зато онъ говоритъ о двухъ огняхъ. Не зная очевидно объ нихъ ничего положительнаго, онъ разъ утверждаетъ, что передъ Перкунасомъ безпрестанно днемъ и ночью горѣлъ огонь изъ дубовыхъ дровъ[5]), а на немъ сжигали жертвы, а затѣмъ въ другомъ мѣстѣ, забывъ о сказанномъ, пишетъ, что божества требуютъ, чтобы передъ ними (т.-е. передъ цѣлой тройцей) горѣли два постоянные огня, одинъ изъ чистаго воска, на который должно было сыпать ладонъ, а другой изъ сухого дерева, на которомъ сжигали бы предназначенныя богамъ жертвы[6]).

Уже Арнольдъ (Arnoldt) удивляется, къ чему служилъ бы вѣчный огонь изъ воска, если другой равнымъ образомъ доставлялъ ночью жрецамъ желаемый свѣтъ[7]). Будто бы вѣчный огонь былъ разводимъ съ этой цѣлью! Вообще вѣчный огонь, поддерживаемый воскомъ безъ дровъ и угольевъ, представляется намъ загадкой.

Мысль о неугасимомъ огнѣ заимствована Грунау у Дусбурга (§ 1) и изъ Священнаго Писанія, которое, вслѣдствіе недостатка у Дусбурга желаннаго матеріала, опять дѣлается его главнымъ руководствомъ. Итакъ въ Св. Пис. читаемъ: „Сей законъ всесожженія: сіе всесожженіе на горѣніи его на олтарѣ всю нощь до заутра, и огнь олтаря, да горитъ на немъ, и не угасаетъ". Lev. VI. 9. „И огнь на олтарѣ да горитъ на немъ и не угасаетъ"... Lev. VI. 12. „И огнь всегда да горитъ на олтарѣ, и не угасаетъ. Ib. 13. и въ многихъ другихъ мѣстахъ.

Мысль о двухъ огняхъ Грунау могъ заимствовать только изъ Св. Писанія, въ которомъ читаемъ, что Богъ приказалъ Евреямъ построить два жертвенника, одинъ для возженія ладона: „И да сотвориши олтарь кадильный отъ древъ негніющихъ". Ex. XXX. 1., а второй для жертвоприношеній. Ex. XXVII. 1[8]). — Подражаніе замѣчательно.

[1]) Historia Lettica Sc. R. Liv. II p. 583; мы уже сослались на это свидѣтельство въ § 3 прим. 4; для его важности мы его приводимъ въ подлинникѣ.

[2]) См. § 6.

[3]) Sc. R. Pr. IV, p. 237, 239.

[4]) Cron. nova prut. c. 135-b, S. R. Pr. II, 623/4. См. Ż. M. L. I, p. 117.

[5]) (Perkuno) cleinott war, damit man stetis feuir hette, von eichenen holtze, tag und nacht. . auff man brandte die oppherung. Grun. 78.

[6]) Sywellen, und eyn stetis feuer vor in(=ihnen) burnen sal, eines von guttem waxe sal gehalten werden, in dis nix andirs, den weiroch komen sal; das ander von gantz troygem holtze, in welchem man vorburnen sal. was man den göttin gantz zueigenen wil. Gr. 89.

[7]) Kurzgefasste Kirchengeschichte d. Königr. Preussen. Kgsbg , 1769, p. 15.

[8]) Vulgata Exod. 37, 25; 38. 1.

Digitized by Google

На этомъ-то основаніи Грунау придумалъ огонь для возженія ладона и самовольно сдѣлалъ его вѣчнымъ. Воскъ же, какъ матеріалъ для жертвоприношенія, появляется у Грунау подъ вліяніемъ обычая, господствующаго даже во времена христіанскія; только что въ языческія времена, вѣроятно, воскъ дѣйствительно бросали въ огонь, а въ христіанскія дѣлали изъ него церковныя свѣчи[1]).

Сообщеніе писателей о томъ, что вайделоты жили вокругъ мѣста, гдѣ горѣлъ неугасимый огонь, уже по тому заслуживаетъ довѣрія, что стерегущіе его по необходимости должны были находиться вблизи.

По всей вѣроятности также и вблизи какого-нибудь священнаго дерева проживалъ вайделотъ, такъ какъ намъ извѣстно, что еще въ XVII в. maldininkas (божкомолецъ) объявилъ Преторіусу, что онъ готовъ даже съ семействомъ проживать возлѣ дерева, считающагося священнымъ, еслибы ему только это разрѣшили, а дерево вѣдь не нуждается въ такомъ присмотрѣ, какъ огонь.

§ 10. Послѣ обстоятельнаго разбора подробностей о Ромове, сообщенныхъ Грунау, и повторяемыхъ всѣми литописцами и историками, писавшими о нашемъ предметѣ, мы считаемъ удобнымъ по поводу многочисленности и разнообразія этихъ подробностей собрать и свести результаты нашего изслѣдованія, къ которымъ мы до сихъ поръ пришли.

1) Названіе мѣстности Ромове и ея положеніе въ Надровіи Грунау заимствовалъ у Дусбурга.

2) Дубъ и его святость основаны на дѣйствительной литовской традиціи и на словахъ Erasmus Stella.

3) Дубъ, какъ жилище божества, взято также изъ дѣйствительной традиціи и Erasmus Stella.

4) Вѣчная зелень дуба въ Ромове вычитана у Адама Бременскаго, какъ кажется, не непосредственно.

5) Дѣленіе дуба на три равныя части и находящееся въ каждой изъ нихъ отверстіе — есть поддѣлка подъ дѣйствительную традицію, по которой всѣ деревья, стволъ которыхъ или вѣтви которыхъ, раздвоившись, опять срослись, образуя такимъ образомъ отверстіе, — считались священными.

6) Число трехъ божествъ основано главнымъ образомъ на описаніи Адама Бременскаго; но кромѣ этого могъ на это повліять христіанскій догматъ о Св. Тройцѣ и литовское вѣрованіе въ святость числа три.

7) Названіе „Perkunas“ взято изъ дѣйствительнаго вѣрованія; названія „Potrympo“ и т. п. и „Patollus“ заимствованы изъ Collatio Ep. Varm. Форма „Patrimpo, Potrympo“, въ значеніи собственнаго имени, первый разъ встрѣчается у Грунау; оно образовано по аналогіи съ „Natrimpe“, въ Coll. (См. Прил. V). Patollus же перенялъ Грунау изъ той же Collatio безъ всякаго видоизмѣненія.

8) „Bilder“, изображеніе, образъ, въ данномъ случаѣ статуи, являются переводомъ слова „statuae“ у Адама Бременскаго; описаніе ихъ вида — чистая выдумка Грунау; цвѣтъ голубаго платья — это національный цвѣтъ одежды жителей самбійской области.

9) Опредѣленіе власти высшихъ божествъ составлено по аналогіи съ властію трехъ скандинавскихъ божествъ у Адама Бременскаго, съ тою только разницей, что

[1]) Еще 1578 г. курфирстъ Georg Friedrich «Мандатомъ», даннымъ на имя старостовъ (Heübtleute) Тильзитскаго и Рагнитскаго округовъ, запрещаетъ всѣ языческіе обряды, каковы: посѣщеніе (священныхъ) рощъ, жертвоприношенія восковыхъ дѣтей, рукъ, ногъ, животныхъ. Gött. Nachrichten, 1877, № 12, стр. 241—264. Nessem. N. P. P. Bl. Andere Fol. 1852. Bd. 1. стр. 271. Beiräge zur Kunde d. Ind. Spr. Bd. 1, p. 45.

Digitized by Google

функціями трехъ скандинавскихъ божествъ Грунау надѣлилъ два свои божества; для третьяго — взялъ за основаніе существующее вѣрованіе въ домовыхъ и демоновъ страха — все другое присочинилъ отъ себя.

10) Надѣленіе божествъ символами заимствовано изъ описанія Адама Бременскаго; самые же символы — выдумка Грунау.

11) Widewutus, Widewuto и т. п. — это Vidvutus Эрасма Стелли; братъ его Brudeno — вымышленъ Грунау, имя же „Bruteno" образовано отъ имени народа Пруссовъ (Bruteni Пруссы; Brutenus прусскій человѣкъ). Власть предводителя и законодателя Пруссовъ, Widowut'a, равно какъ власть его брата Brudeno, высшаго жреца (Kirvaido) Пруссовъ, составлены по аналогіи съ властью предводителя и законодателя Евреевъ, Моисея, и съ властью его брата, высшаго духовнаго лица Евреевъ, Аарова. Kirvaido — это исковерканное собственное имя жреца огня, Criwe (Дусбургъ), въ значеніи должности.

12) Обоготвореніе заслуженныхъ людей послѣ смерти — это подражаніе Адаму Бременскому; имя обоготвореннаго Видовута, „Virszaitis" есть слово литовское, обозначающее предводителя въ жертвоприношеніяхъ, имя же обоготвореннаго послѣ смерти Brudeno — „Szvambrotto", — это исковерканное прусское „swais brote" означающее „его братъ".

13) Простыни, повѣшенныя вокругъ дуба, образующія занавѣсъ и отдѣляющіе народъ отъ святѣйшаго мѣста, — также вымыселъ Грунау, основанный на описаніи еврейской скиніи въ Свящ. Писаніи. — Запрещеніе, что кромѣ Kirvaido никому нельзя было входить за занавѣсъ — имѣетъ источникомъ также Свящ. Писаніе.

14) Неугасимый огонь принадлежитъ къ дѣйствительнымъ вѣрованіямъ. Источникомъ для Грунау съ одной стороны былъ Дусбургъ, съ другой Священное Писаніе; источникомъ же для двухъ огней—только Свящ. Писаніе.

Изъ всѣхъ указанныхъ нами подробностей Грунау создалъ нѣчто цѣлое, съ дерзостью выдавая это выдуманное цѣлое, за истину, существовавшую въ Ромове.

Изъ критическаго же разбора этихъ подробностей — достовѣрны-ли онѣ, или нѣтъ, — оказывается въ окончательномъ, общемъ результатѣ: „что описаніе Ромове Грунау — это компиляція извѣстій, почерпнутыхъ изъ разныхъ, указанныхъ нами, авторовъ, которыя мы знаемъ лучше и основательнѣе и безъ Грунау. Всѣ же другія извѣстія, которыя намъ представляются новыми, — это выдумки и ложь, переходящія границы воображенія и терпимости".

§ 11. Покончивъ съ Грунау, мы свободнѣе можемъ приступить къ разсмотрѣнію вопроса о вѣчномъ огнѣ, требующаго однако предварительно нѣсколько общихъ замѣчаній относительно видовъ огня у Литовцевъ.

Огонь вообще занималъ первостепенное мѣсто въ религіозной, соціальной, публичной или частной жизни всѣхъ Литовцевъ. Мы различаемъ огни, такъ называемые вѣчные (jugis Dusb.), которые неугасаемо должны горѣть, главнымъ образомъ для подачи изрѣченій, каковые огни горѣли напр. въ Ромове, въ Вильнѣ и въ другихъ важнѣйшихъ мѣстностяхъ (in celebrioribus locis. Dlug.), и огни временные, раскладываемые въ извѣстныхъ только случаяхъ. Изъ послѣднихъ одни были періодическіе, какъ напр. огни на Ивана Купалу (Sobótki), другіе опять могли раскладываться во всякое время для сожженія умилостивительныхъ или благодарственныхъ жертвъ. Если въ концѣ послѣдніе огни были зажигаемы по какому нибудь случаю, интересующему общество, то всѣ вышеуказанные виды огня можно назвать публичными. Дусбургъ, за исключеніемъ огней на Ивана Купалу и умилостивительныхъ, упоминаетъ и объ остальныхъ.

Digitized by Google

Первое извѣстіе о прусскихъ огняхъ на Ивана Купалу (Heilfeuer, Sobótki) сообщаетъ намъ Вармійскій эпископъ Генрихъ III (1373—1401), запрещающій въ своей эпархіи этотъ обычай „Prohibemus etiam, ne celebretur Sabbatum, quod vulgariter Heilfeier [1]) dicitur, prout suggestione diaboli et adinventione rusticorum, a quibusdam consuevit celebrari [2])". О томъ же прусско-литовскомъ обычаѣ упоминаетъ Геннебергеръ (Henneberger) [3]), что наканунѣ Ивана Купалы вечеромъ добывали посредствомъ колеса, соломенныхъ веревокъ [4]) и канатовъ огонь на мѣстѣ, предназначенномъ для пастбищъ.

Изъ умилостивительныхъ жертвъ для отвращенія непріятельскихъ нашествій приведемъ примѣръ изъ временъ, когда христіанство господствовало уже болѣе двухъ вѣковъ. Происходило это въ 1520 г. Поляки, вытолкнувши крестоносцевъ изъ Варміи, заняли войсками всю Натангію и уже намѣревались пройти Прегелю, угрожая столицы герцога Альбрехта. Съ другой стороны приближался къ самбійскимъ берегамъ гданскій флотъ. Среди такихъ тяжелыхъ обстоятельствъ гроссмейстеръ ордена, герцогъ Альбрехтъ, исчерпавъ всѣ средства защиты, находился въ отчаянномъ положеніи. Прусскіе представители народа (Stände) въ этой всеобщей тревогѣ, вспомнивъ обѣтъ, данный при такихъ же обстоятельствахъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Св. Войцѣху, покровителю Пруссіи, и до сихъ поръ еще не выполненный, возобновили обѣщаніе. Народъ, истощенный налогами, въ видѣ поставки солдатъ и денегъ, не зналъ, откуда и ждать себѣ спасенія. И вотъ является самбійскій вольный человѣкъ, Waltin Suplitt, очевидно вайделотъ, который публично извѣщаетъ, что обладаетъ способомъ для удержанія непріятелей отъ нашествія на Самбію, лишь-бы только правительство разрѣшило употреблять его, и жители не отказали въ помощи. Отправленные къ герцогу послы, видно, вернулись съ позволеніемъ, такъ какъ жертва вскорѣ была совершена. Тогда Вальтинъ Суплиттъ потребовалъ отъ крестьянъ чернаго быка и двѣ бочки пива. Крестьяне, помня еще языческіе обряды, все охотно доставили въ деревню Рантау (Rantau). Тутъ на морскомъ берегу въ присутствіи однихъ только мужчинъ, такъ какъ языческіе обряды въ этомъ случаѣ запрещали присутствіе женщинъ, зарѣзавъ по обряду предковъ быка въ честь боговъ, онъ сжегъ на спеціально съ этой цѣлію устроенномъ кострѣ кости и внутренности, при произношеніи молитвъ, сопровождаемыхъ жестикуляціями рукъ и ногъ, да кромѣ того и другихъ, точнѣе не обозначенныхъ, обрядовъ. Сваривъ быка, присутствующіе пировали до крайности и этимъ закончилось жертвоприношеніе. Нѣсколько дней спустя послѣ жертвоприношенія показались гданскіе корабли, которые приблизившись къ берегамъ, вдругъ отплыли. Позднѣе стало извѣстнымъ, что самбійское побережіе представилось гданскому флоту въ такомъ ужасномъ видѣ, какого никогда въ жизни не случилось имъ видѣть. Это обстоятельство произвело на народъ такое сильное впечатлѣніе, что онъ былъ увѣренъ въ дѣйствительной помощи боговъ [5]).

Однакожъ это жертвоприношеніе имѣло свои печальныя послѣдствія. Ибо когда

---

[1]) Heilfeuer.

[2]) Statuta Synodalia, изд. по рукописи профессоромъ A. Thiel, въ Index lectionum Lycei Hosiani. Brunsbergae 1861, p. 9 § 22; см. Bender A. Pr. M. Sch. Bd. IV, 1867, p. 3 прим. 4.

[3]) Vom Nothfewer auff S.-Johannis des Teuffers abends. Erklärung d. preuss. grösseren Land-Taffel Ksgb. 1595, p. 322. — Tettau und Temme p. 227. — О литвѣ упоминаетъ Юцевичъ (Ludwik z Pokiewia Litwa p. 226). Ks. Wołonczewskis: Žemajtiu Wiskupiste. Wil. 1848, dalis II p. 169 (§ 243). — О Латышахъ A. Bielenstein das Johannisfest der Letten. Balt. Monatssch. Bd. 23, 1874. Трейландъ у Вольтера Матеріалы част. I p. 69. — О полякахъ Marcin z Urzędowa p. 32. О Notfener Grimm D. Myth. p. 570 и др. Kuhn Herabk. d. Feuers, p. 43.

[4]) Въ подлинникѣ «gerstellen». Frischbier Preuss. Wörterbuch Ost und Westpreussische Provinzionalismen Berlin, 1822 s. v. «Gerstel, dickes strohseil, womit die garben des sommergetreides, besonders der erbsen und bohnen zusammengebunden werden. Natangen. Pisanski schreibt gerstellen.

[5]) Этотъ фактъ разсказываетъ со всѣми подробностями Lucas David. T. 1, стр. 117 и др. Въ сокращеніи же сообщаютъ его N. P. P. Bl. 1846. T. II, стр. 211 и др.

Digitized by Google

въ теченіе семи лѣтъ послѣ него оказывался постоянный недостатокъ въ рыбѣ, и рыбаки, хотя пускались на нѣсколько миль въ глубь моря, всетаки возвращались съ пустыми почти сѣтями, опечаленные жители опять обратились за помощью къ Суплитту, который откровенно имъ сознался, что въ молитвѣ его произошла ошибка, такъ какъ онъ просилъ боговъ объ удаленіи всего, забывъ исключить рыбу. Вайделотъ, упрошенный вымолить у боговъ новое изобиліе рыбъ, потребовалъ отъ прибрежныхъ жителей откормленной черной свиньи, которую ему охотно доставили, прибавивъ еще нетребованныя двѣ бочки пива. Изъ совершенныхъ обрядовъ упоминаютъ объ одномъ, а именно, что вайделотъ, пробормотавъ надъ вырѣзанными выменами какія-то слова, бросилъ ихъ въ море, а всѣ, сваривъ оставшееся мясо, по древнему обычаю стали пировать и пить.

Но на этотъ разъ не избѣгли наказанія. Подъ предсѣдательствомъ перваго самбійскаго протестантскаго епископа Поленца былъ произведенъ судъ надъ Суплиттомъ и 73-ю участвующими, происходящими изъ восьми побережныхъ деревень. Наказаніе смертью, примѣняемое за такого рода преступленія, было замѣнено строгимъ церковнымъ покаяніемъ съ прибавленіемъ побоевъ розгами[1]).

Кромѣ тѣхъ огней, которые мы назвали публичными, были также частные, среди которыхъ важное мѣсто занималъ огонь на домашнемъ очагѣ, считаемый также священнымъ[2]). Каждый хозяинъ поддерживалъ его съ большой заботливостью и усердіемъ со дня на день, уже по тому, что добываніе новаго огня представляло не малое затрудненіе, и что сосѣдства не были близки. Если же огонь потухъ, то это предвѣщало громадное несчастье. Въ одной латышской пѣснѣ читаемъ:

Потухъ у меня огонь,
Потеряла я свою матушку.
Огня я достала у сосѣда,
Но матушки не нашла (Спрогисъ 214).

Съ цѣлью сохранить огонь до слѣдующаго дня, сгребали красные уголья въ углубленіе (foculus) на очагѣ (focus) и покрывали золой. Въ Жмуди хозяйка, вечеромъ прикрывая ихъ золой, молилась: Szventa Gabĕta, gyvank su mumis linksmaj! Святая Габета живи съ нами весело![3]) Если Бендеръ только догадывался, что въ корнѣ gab скрывается значеніе „огня“[4]), то Акелевичъ[5]), литовецъ по происхожденію, ясно высказалъ, что огонь въ торжественной рѣчи называется Gabia, а Вольтеръ фактически доказываетъ, что до сихъ поръ огонь зовутъ Gabia szventa въ Россіенскомъ уѣздѣ, Gabĕta же или Gabĕt(?) въ Шадовскомъ приходѣ[6]). Весьма интересная молитва изъ Ворнь (Медники) Тельшев-

---

[1]) Lucas David тамъ же стр. 120. N. P. P. Bl. стр. 213. — Другія жертвоприношенія приведемъ въ иной разъ.

[2]) Вольтеръ сообщаетъ, что еще въ 1886 г. «въ Шавельскомъ и Россіенскомъ уѣздахъ огонь называется святымъ: šventa ugnis, šventa ugńe...» Матеріалы для этнографіи лат. плем. Часть I. Петерб. 1890, стр. 136.

[3]) Jan Lasicki. Kraków 1870, p. 31. Янъ Ласицкій etc. Кіевъ. 1875 г., стр. 17.

[4]) Zur altpreussischen Myth. A. P. M. Sch. IV. 167 «der Stamm gab könnte also den Begriff Feuer (herd, ofen?) ausdrücken».

[5]) Lelewel T. V ed. Żupański p. 462, прим. 30.

[6]) Матеріалы, стр. 136, прим. 3, гдѣ приводится рѣчь, произнесенная на свадьбѣ въ Шимкайцкой вол. Россіенскаго уѣзда: «Prašan tu jaunū pańālu, piłkas sułas ir baltas stalas us(ž)tupitas, kursei ira lina gije užtestas' gabije šventa ušsvĕstas, peileis, widālceis ir wisokeis stotkais apdĕtas. Прошу этихъ молодыхъ дѣвицъ, сѣрая скамейка и бѣлый столъ уставленъ, который льняной нитью накрытъ, святымъ Огнемъ освѣщенъ, ножами, вилками и всяческимъ приборомъ убранъ. Въ такой же рѣчи крестьянинъ Шатайтисъ изъ Таурогенской вол. того же Росс. уѣзда говоритъ: Del to prašau pona staršoje, piłka sula ir bałta stała, kuri regu linagija ūstista ir šventa gabija apšvista ir Deva dovanums pripildita». Поэтому прошу старшаго пана, (занять) сѣрую скамейку и бѣлый столъ, который вижу льняною нитью накрытымъ, и святымъ Огнемъ освѣщеннымъ, и дарами Бога наполненнымъ. (По неисправности текста переводъ даю по смыслу). Равно и въ Скаудвильской вол. Росс. уѣзд. «Šventa Gabĕt' apšvesta. Тамъ же прим. 4.

Digitized by Google

скаго уѣзда, совмѣщаетъ понятія языческія съ христіанскими: „Szventa Agota su szvintu Gabětu keravokit muńi nū ugnës. Святая Агата вмѣстѣ со святою Габетою спасите меня отъ огня!“[1]) Въ этой молитвѣ Gaběta является уже защитницей огня вообще.

Жмудины въ XVI в. называли Gabija огонь, который раскладывался въ сушильняхъ, овинахъ для высушиванія несозрѣлаго или сырого зерна въ колосьяхъ. Лясковскій, благодаря Ласицкому, сохранилъ намъ молитву къ покровительницѣ этого огня: Gabije dĕvaiti! pokelki garu, ne lejski kibirksztiu, Габіе богиня подними (усиль) жару, не распускай искръ![2]) Прусскіе источники для божества огня въ сушильняхъ имѣютъ спеціальное названіе: Gabjauja въ жен. родѣ, Gabjaujis въ мужскомъ[3]).

Иное названіе сообщаетъ Ласицкій „Pelengabie“, сложенное изъ pelenai пепелъ и gabija, означающее этимологически огонь, жаръ подъ пепломъ[4]), и, по литовскому обычаю обоготворенія всего, также богиню, сохраняющую огонь подъ пепломъ, точно такъ, какъ въ Пруссіи Gabwartas. О Matergabie Ласицкаго до сихъ поръ ничего положительнаго мнѣ неизвѣстно.

Въ Судавской книжкѣ Wahrhafftige Beschreibung etc. Гіеронимъ Малецкій сообщаетъ намъ, будто бы прозвищемъ огня на очагѣ было „Panicke, Panike“. Описывая моментъ свадебнаго обряда, когда невѣсту обводятъ вокругъ очага, онъ сообщаетъ:

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ подлинникѣ (Laś. ed. Mannhardt p. 15) читается nulejski низпускай искры; но латинскій переводъ имѣетъ: ne demittas scintillas.

[3]) Praetorius пишетъ Gabjauga, (стр. 22) и Gabjaugia (стр. 64), оба раза вмѣсто правильнаго Gabjauja, которое читаемъ въ нѣмецко-литов. словарѣ Бродовскаго: Gabjauja divitiarum (dea), см. Schleicher Lituanica въ Sitz-Berichte d. Wiener Ak. d. W. p. 84. — Schultz Gram. Lit. p. 29 [см. Ласицкій, изд. Маннгарда, p. 40 (117)] имѣетъ Gabjaujis, deus horreorum, мужск. рода. — Такъ какъ Gabija огонь жен. р. — и jauja, сушильня, также жен. р., полагаемъ, что форма Gabjauja, богиня огня въ сушильнѣ, существовала раньше формы Gabjaujis, бога огня. — Тотъ же Schultz l. l. [по Маннгардту l. l. pag. 41 (118)] приводитъ также божество Gabwartas; Praetorius-же p. 30 «Gabwartus et Gabartus. Тотъ же Praet. p. 26 и Martini (см. D. Klein'a y Mhdt. l. l); приводитъ формы Gabartai, множ. число. Правильной является форма Gabwartas; plur. Gabwartai, сложное изъ извѣстнаго намъ gab, и wartas, сторожъ, слѣдовательно: сторожъ огня, опекунъ огня вообще, а въ нѣкоторыхъ странахъ Пруссіи, можетъ быть, покровитель огня, тлѣющаго подъ пепломъ. Кстати припомнимъ сообщеніе Ласицкаго: (paterfamilias) ad ostium (хижины) cubat, deastro foci custodia commissa (см. прил. VIII); въ Жмуди этимъ deaster могла быть «Pelengabie = diva est, cui foci lucentis (?) administratio creditur». (Ласицкій).

Загадочное Gabjaukurs, находящееся въ латинскихъ стихахъ, сочиненныхъ пасторомъ Мартини, а напечатанныхъ Д. Клейномъ (см. Mhdt. p. 41 118), — это по моему мнѣнію, произвольное сокращеніе двухъ именъ въ одно ради стиха, т.-е. Gabjau (-jis, или -ja) и *Jaukurs; послѣднее имя — сложное изъ Jau(ja) и Kurti топить, *Jaukurs, топитель сушильни, и можетъ быть, божество огня, = Jaugabis. Возможно также принять, сложное: Gab + jaukurs, въ значеніи топителя священнаго огня въ jaujach. Бродовскій l. l. приводитъ s. v. «Vulcanus, Jagaŭbis (sic) Ugnis szwenta, Feuergott» см. Schleicher Lit. въ Sitz. Ber. p. 84; у него же p. 100; «die etymologie ist dunkel. По моему мнѣнію Бродовскій ошибся, вмѣсто jagaubis должно быть Jau-gabis, того же сложенія, что и Gab-jaujis. Замѣнно-сложныя имена нерѣдко встрѣчаются въ литовскомъ языкѣ. Butwiłas и Wiłbutas; Kantygirdus i Girdkants, или Girkants; Widmants и Mantwidas, см. Buszyński Opisanie powiatu Rossieńskiego. Wil. 1873 p. 34 примѣчаніе; онъ ссылается на Микутскаго Kuryer Wileński 1860 г. № 10.— Bezzenberger Bildung der altpreüssischen Personenamen A. P. M. Sch. XIII p. 398 приводитъ прусс. Teutevil и Wiltaute; Narwais и Waisnar. Hoppe же въ статьѣ Orts und Personennamen der Provinz Preussen, A. P. M. Sch. XV. 1878, p. 579: Gayleminne i Mynnegail; Gynthaŭte и Tawtegynne; Girdemante и Mantegirdę, Villegayde и Gedwill. — Онъ же сообщаетъ названія мѣстностей: Lackmedien и Medlauk равно какъ и Medlauken: Laukwargen и Warglauken; Kalkeim и Keimkallen; Matzblieden и Bliematzen. Ortsnamen der Provinz Preussen A. P. M. Sch. XII 1875, p. 550. — Затѣмъ A. P. M. Sch. XIII 1876, p. 572/3: Weynenkand и Kandwoynen, Kantweinen; Mantwilleiten и Willmantienen; Norwischeiten и Weischnuren. Есть и существительныя замѣннаго сложенія въ родѣ: medwinia и wynmedis виноградная вѣтвь, лоза; ryszgalwis и galwarysztis, повязка на голову. Hoppe A. P. M. Sch. XII. 1875, p. 356.

[4]) Акелевичъ у Лелевеля V p. 474 «Kupa popiołu, żar zgarnięty w gromadę i pokryty popiołem». Иначе Mannhardt: Pelengabe (sic) wäre heerdfeuer (въ изд. Ласицкаго p. 39.—Срав. Praet. p. 39.

Digitized by Google

(Ihre freünde) führen die braüt zum fewer, da spricht sie dann: „Ocho moy myle schwante panike, das ist, o mein liebes heyliges fewerlein“[1]). Pierson[2]) сопоставляетъ Panike, Panicke съ старопрусскимъ „panno“, огонь, Mannhardt же прибавляетъ старопрусс. „panustaclan feüerstahl“ огниво, т.-е. стальная полоска для высѣканія огня, и греческое *πανός* — факелъ, готское „fon“ огонь[3]). Несмотря на это, я считалъ бы всѣ приведенныя слова польскими мазовецкаго нарѣчья[4]).

§ 12. Указавъ на существованіе вышеупомянутыхъ видовъ огня въ Литвѣ, мы приступаемъ къ возможному опредѣленію огня вѣчнаго, пророческаго, какой горѣлъ также въ Ромове. Источниками намъ будутъ служить намеки отъ Дусбурга и мелкія указанія авторовъ о вѣчномъ огнѣ, пылающемъ въ различныхъ мѣстахъ, а собранныя подробности пополнимъ выводами, вытекающими изъ самаго существа данныхъ.

Условій, требуемыхъ для избранія мѣста, мы точно не знаемъ. Извѣстно только, что въ Вильнѣ горѣлъ огонь въ долинѣ, расположенной въ углу, окруженномъ холмами, при впаденіи Вилейки въ Вилью[5]). Эту мѣстность называютъ долиной Свенторога или Свинторога. Какъ я уже въ другомъ мѣстѣ старался доказать, имя Szventragas является только олицетвореніемъ названія мѣстности „szventas ragas“ т.-е. священный клинъ, священный уголъ[6]).

Затѣмъ намъ извѣстно, что въ Жмуди вѣчный огонь пылалъ на вершинѣ самой высокой горы при Невяжѣ[7]). Наконецъ Rostowski сообщаетъ, что вѣчный огонь горѣлъ тамъ же въ лѣсахъ въ честь Перкунаса (?)[8]).

Небольшое число положительныхъ данныхъ не даетъ намъ права установить общія правила, какими руководились при избраніи мѣста для вѣчнаго огня. Подтверждаемъ только фактъ, что вѣчный огонь пылалъ 1) въ клинѣ при сліяніи двухъ рѣкъ, 2) на горѣ при рѣкѣ, 3) въ лѣсахъ.

Однакожъ нужно предполагать, что клинъ, гора или лѣсъ заключалъ какой-нибудь священный предметъ, была ли это роща или священное дерево, либо другой почитаемый предметъ, напр., камень значительной величины и т. п. Лѣса, преимущественно дубовые, и вода непремѣнно должны были находиться вблизи, первые для поддержанія постояннаго огня и топлива, а вторая хотя бы на нужды жрецовъ и другихъ жителей[9]).

---

[1]) Есть варіанты: „Oho — myli — panike“, въ другомъ изданіи того же Гіеронима Мал. — Oho mey mile swente panike у Mannh. Lett. Sonnenmythen въ Ztschft f. Ethnologie 1875, p. 290. — Praet. p. 34 сообщаетъ, что въ Надровіи говорятъ: „Szwenta Ponyke (Ugnele) du heilige fraw (fewer).

[2]) Сравни Pierson (Praetorius) p. 34 прим. и A. P. T. Sch. VII 7.

[3]) Lett. Son. Myth. p. 290; Nesselm. Thes. s. v. panno и panustaclan. Форма описаннаго имъ огнива и способъ высѣканія огня былъ нѣсколько другой въ Познанскомъ. Стальная полоска съ однимъ усикомъ или крючкомъ бралась за усикъ въ правую руку. Имъ ударяли о кремень въ лѣвой рукѣ надъ приготовленнымъ трутомъ, который отъ высѣченной искры загорался. Приложенной къ нему сѣрной ниткой зажигали сальную свѣчку. Восковыя свѣчи находились только въ зажиточныхъ домахъ для парада, и зажигались въ высокоторжественные дни.

[4]) Ocho, och, есть польское выраженіе, по-литовски же необходимо сказать „ak“ „ok“. Moy, mey (!) также польская форма, по-лит. непремѣнно mano; по-жмуд. mana; myle, mile, myli, похожее на лит. milas, mēlas; swente, schwante, польское święty (въ нарѣчіи świanty), лит. szventas. Ponicke, Ponike Преторіусъ переводитъ словомъ „frau“; это было бы польское Panniczka, дѣвица. Такимъ образомъ вся фраза ocho! moja miła święta panniczko ближе фразѣ, сообщенной въ текстѣ, нежели литовская: ak mano mila szventa Ponicke.

[5]) .. pogrzeby, przez ogień na tym miejscu, gdzie Wilna w Wilią, wpada, i gdzie naprzód Świntoroha spalili, odprawowali... Giermont ustawił na tym miejscu. . Kapłany i wróżbity, którzyby modły i ofiary odprawowali. Ogień też wieczny z-dębowych drew na tych żgliskach zawzdy we dnie i nocy gorzał. Stryjk. p. 311.

[6]) Compte-Rendu du Congrès à Buda-Pest, 1876.

[7]) Длугошъ lib. XI, p. 342 (ed. Przezdziecki).

[8]) Lit. S. J. Histor. Vilnae, 1768, p. 118.

[9]) Мѣстомъ, имѣющимъ всѣ указанныя условія, было Heiligenbeil (Święta Siekierka, Święte miejsce, Sancta Civitas, Hieropolis), Лит. Szventopile, собственно святый насыпь, святый холмъ. Heiligenbeil произошло отъ

Digitized by Google

Такъ какъ священный огонь самъ по себѣ долженъ былъ давать пророческія знаменія, то нужно было защитить его отъ атмосферныхъ вліяній и другихъ внѣшнихъ случайностей; а условіе, чтобы огонь неугасаемо горѣлъ, или, по крайней мѣрѣ чтобы онъ тлѣлъ подъ золой, требовало не только охраны, но также постояннаго присмотра напр. въ виду подкладыванія дровъ. Это послѣднее могла сдѣлать прислуга, а толковать знаменія могли только свѣдующіе, т.-е. жрецы.

Состояніе воздуха въ прибалтійскихъ странахъ, какъ и вездѣ, въ разныя времена года было не одинаково. Правда, бывали и теплыя зимы, допустимъ, что и осень иногда бывала сухой, но все-таки такіе случаи уже являлись исключеніями и притомъ рѣдкими [1]). Вообще господствовали суровыя, холодныя и чрезвычайно продолжительныя зимы, а дожди особенно осенью были часты и продолжительны [2]). Бывали также и вѣтры, переходившіе иной разъ въ страшные ураганы, которые разнесли бы во всѣ стороны пылающій огонь, на открытомъ воздухѣ, хотя бы его защищали и самые густые лѣса. А что случались ураганы, вырывавшіе деревья съ корнями и срывавшіе хижины и другія постройки, то мы не только читаемъ въ лѣтописяхъ [3]), но и до сихъ поръ испытываемъ на дѣлѣ. Густые лѣса не могли бы также послужить надежной охраной для огня, горящаго на открытомъ воздухѣ, во время проливныхъ дождей или продолжительнаго ненастья, изъ-за которыхъ въ Литвѣ не дозрѣвали хлѣба, а если ихъ и убирали, то все-таки нужно было досушивать ихъ въ яуяхъ (jaujai) [4]). Вѣдь только это обиліе ненастныхъ дней наводило на мысль, произвести самое названіе Литвы отъ слова lêtus, lytus — дождь [5]). Далѣе, эти лѣса не защищали огонь отъ града, лежащаго иной разъ цѣлыми слоями на побитыхъ и смѣшанныхъ съ грязью хлѣбахъ и травахъ. Наконецъ глубокіе снѣга и слѣдующія за ними оттепели [6]) несомнѣнно заставляли подумать

первоначальнаго Heiligenbuel, т.-е. буквальнаго перевода Szventopile, такъ какъ buel — bügel, хребетъ, холмъ. Henneb. Erkl. p. 156 пишетъ Heiligenpeyhel гдѣ peyhel — bügel. Этотъ городъ лежитъ при устьѣ рѣки Jarîte, теперь Garît, впадающей въ рѣку Bahnau. На этомъ клинѣ, углѣ (ragas), находился когда-то священный лѣсъ, о чемъ свидѣтельствуетъ оставшееся до сихъ поръ названіе этого клина Heiligenwald, хотя и лѣса уже нѣтъ. Недалеко находится большой камень, о которомъ утверждаютъ, что онъ былъ жертвенникомъ; кромѣ того стоялъ тутъ огромный дубъ, считавшійся священнымъ, срубленный по преданію епископомъ Анзельмомъ. Болѣе подробностей сообщаетъ T. H. Porsch, бывшій въ XVII вѣкѣ пасторомъ въ Heiligenbeil, въ статьѣ: Wahrscheinliche Untersuchung des Alterthums d. Stadt Heiligenbeil (Erleutertes Preussen, Bd. II. Ksgb. 1725, p. 124—140). Нѣкоторые авторы сообщаютъ, что здѣсь почитали божество Kurko, иные, что тутъ горѣлъ вѣчный огонь, а это весьма правдоподобно; опять иные, что здѣсь лежало упомянутое Дусбургомъ Ромове, мнѣніе, которое считаемъ невѣрнымъ.

[1]) Напр. зима 1412—13 года была весьма тепла: Hyems calidissima et absque exemplo ab horrore pruinae aliena, adeo ut frigidissima regio litwanica circa purificationis Sanctae Mariae virginis festum (т.-е. 2 февр.), olera et flores, de quibus usus communis habebatur, producens, pene in miraculum atque, ut dici solet, in religionem fuerit. Dług. XI.

[2]) Tam Lithuanicae quam Samogithicae gentes gelidissimum septemtrionis axem magna ex parte spectant, adeoque imbre et frigore rigescunt, ut plerosque vis algoris extinguat, multis nasis, quod illic major vidteur inesse humor, in quem agat, mutilet. Duobus tantummodo mensibus in utraque regione sentitur magis, quam habetur aestas, reliqua anni tempora frigore rigent. Dług. X. p. 414 ed. Lips.—Frigus, quo regio (Samogitica) pro majore anni parte constricta est, repellens (ignis) Jb. XI.

[3]) Въ лѣтописи Detmara читаемъ о Пруссіи: Jn deme jare Cristi MCCCXXVII in sunte Valentinus daghe (14 февр.), do was so greselik (= grässlicher) dunner unde stormwint in Prutzen, dat vele mechtiges buwes (gebäude) neder vil vom unwedere und schach (geschah) grod schade Sc. R. Pr. III, p. 66/7; срав. Annales Thorunenses l. l. p. 79/80 (18 авг. 1360). Въ VII Приложеніи я сообщаю подробныя свѣдѣнія, чтобы составить себѣ понятіе о климатѣ въ прибалтійскихъ странахъ.

[4]) Coguntur proinde male matura frumenta igne torrere et artificioso calore illis maturitatem conferre, Длугошъ l. l. описаніе Яуи (Jauja) у Praet. p. 107. Еще въ 1893 г. я видѣлъ такую «jauja» въ Жеймовянахъ, въ имѣніи г. Гужевскаго, которую тутъ зовутъ «osieć».

[5]) Kraszewski Litwa I, p. 69. Этимологія этого слова неизвѣстна.

[6]) propter multitudinem et profunditatem nivium. Annales Thorun.; см. приложеніе VII г. 1396. — Wend vil snes was und undir deme snee was is ungefroren. Jan Posilge Sc. R. Pr. III 202; см. приложеніе VII.

Digitized by Google

о мѣрахъ, которыми можно было бы защитить огонь отъ потушенія, а единственною мѣрою въ этомъ случаѣ представлялось — прикрыть огонь постройкой.

Мы не имѣемъ ни одного описанія постройки, назначенной для вѣчнаго огня, и поэтому обобщимъ предметъ изслѣдованія вопросомъ, какія постройки вообще существовали на Литвѣ въ XV и XVI вѣкахъ. Не станемъ упоминать о слишкомъ общихъ замѣчаніяхъ Гилберта (Guilbert)[1]), а сразу перейдемъ къ Длугошу, который первый сталъ подробнѣе описывать литовскія постройки. Въ Жмуди, говоритъ авторъ, нѣтъ никакихъ домовъ (stubae), ни болѣе обширныхъ строеній, а существуютъ только хижины, неуклюже сдѣланыя изъ дерева и соломы. Внизу онѣ бываютъ шире, а по мѣрѣ возвышенія суживаются, напоминая своимъ видомъ опрокинутыя лодки. На самой вершинѣ (cacumine) такой хижины есть отверстіе (fenestra) пропускающее свѣтъ. Непосредственно подъ этимъ окошкомъ раскладывается огонь для приготовленія ѣды, а равнымъ образомъ и обезпеченія отъ мороза, держащаго землю въ оковахъ въ продолженіе бо́льшей части года. Въ такой-то хижинѣ живутъ хозяева, ихъ жены, дѣти, слуги, служанки; содержится скотъ, рабочія животныя и всякаго рода хозяйскія принадлежности, а иныхъ строеній въ родѣ двухъ-этажныхъ домовъ, дворцовъ, амбаровъ, клѣтушекъ, конюшенъ (скотныхъ сараевъ, хлѣвовъ) нѣтъ, а жители помѣщаются въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ со всѣмъ своимъ скотомъ и другими домашними животными, и тутъ же хранится домашняя утварь[2]).

Младшій сверстникъ Длугоша, Callimachus (1437—1496), ссылается на мнѣнія нѣкоторыхъ (впрочемъ не упомянутыхъ по имени) писателей, утверждающихъ, будто бы Литовцы происходили отъ Боспоранцевъ (Bosporani), и, сравнивая обычаи однихъ съ обычаями другихъ сообщаетъ, что тѣ и другіе относились съ одинаковой небрежностью къ воспитанію дѣтей, которыхъ содержали въ одномъ помѣщеніи вмѣстѣ со скотомъ. Затѣмъ строительный матеріалъ какъ у однихъ, такъ и у другихъ неуклюжій и необработанный. Форма строеній по большей части круглая, конусообразная; на самомъ верху хижины находится плетенная (изъ лозы) дымовая труба, служащая также окномъ. Хижины внутри не скрѣпляются балками, и нѣтъ въ нихъ никакихъ особыхъ перегородокъ. Огонь раскладывается посрединѣ хижины, въ кругъ котораго располагается кое-какъ и гдѣ попало, вся семья безъ различія мѣста и первенства, а въ размѣщеніи всего хозяйскаго имущества нѣтъ ни малѣйшаго порядка, ни обдуманнаго плана[3]).

Сигизмундъ Герберштейнъ (Herberstein 1486—1576), вернувшись со своего вторичнаго посольства (1526/27)) отъ римскаго императора къ великому князю московскому, описалъ страны, по которымъ проѣзжалъ. О жмудскихъ жилищахъ онъ говоритъ слѣдующее: Жмудины живутъ въ низкихъ и продолговато-круглыхъ (oblongioribus) хижинахъ, посреди которыхъ раскладывается огонь. Сидящій возлѣ него хозяинъ видитъ свой скотъ и всю домашнюю утварь, такъ какъ по существующему обычаю жители помѣщаютъ съ собой подъ одной кровлей безъ всякой перегородки и свой скотъ[4]).

Янъ Ласицкій (около 1579/80), будучи такъ же, какъ и предыдущіе авторы, самъ очевидцемъ, сообщаетъ о жмудскихъ хижинахъ слѣдующее: Хижины, которыя они называютъ „turres", суживаются къ верху и имѣютъ отверстіе для прохода дыма и тяжелаго воздуха; строятъ ихъ изъ брусьевъ, жердей, валежника и коры. Въ нихъ помѣщаются жильцы со всѣмъ своимъ достояніемъ, которое располагаютъ на полу (pavimentum tabulatum)[5]). Итакъ, хозяинъ имѣетъ на глазахъ все свое достояніе и защи-

---

1) Lelewel, Tom. XVII Poznań 1865, о Виленскомъ замкѣ и домахъ, p. 379, 381; о трокахъ, p. 181.

2) T. XIII, p. 113 ed Przezd.

3) Vita et mores Sbignei Card. ed Finkel Leop. 1891 p. 27; см. приложеніе VIII.

4) Comment. Rer. Mosc. Antv. 1557. fol. 84.

5) О turres см. Коментарь къ Ласицкому въ VIII приложенія. О pavimentum stabulatum тамъ же. Это вѣроятно страмбировка.

Digitized by Google

щаетъ его отъ хищнаго звѣря и мороза; онъ обыкновенно спитъ при дверяхъ, поручивъ опеку надъ очагомъ божку огня для того, чтобы съ одной стороны огонь не причинилъ какого-нибудь вреда хижинѣ, а съ другой — чтобы онъ не погасъ. Тамъ часто случается, что свинья или собака похищаетъ изъ горшка, стоящаго у огня, мясо или обвариваетъ морду кипяткомъ. Живущіе въ застѣнкахъ имѣютъ для скота отдѣльныя отъ жилыхъ хижинъ отгороженныя мѣста[1]).

Кажется намъ, что будетъ достаточно приведеннаго матеріала для составленія себѣ понятія о состояніи литовскихъ строеній въ XV и XVI вѣкахъ. Въ особомъ приложеніи (VIII) сообщимъ еще нѣсколько особенныхъ подробностей изъ позднѣйшихъ источниковъ, не лишенныхъ интереса для нашего предмета и для изслѣдователей развитія литовской хижины.

I. Общій видъ хижины XV и XVI вѣковъ уже на основаніи традиціи, держащейся въ этомъ отношеніи довольно твердо, не могъ отличаться отъ хижинъ предыдущихъ вѣковъ, такъ какъ она въ сущности мало разнится отъ первобытныхъ пещерныхъ жилищъ и даже отъ пещеры Полифема. Гдѣ не было горъ и пещеръ, необходимо было самимъ построить подобнаго рода жилища изъ подручнаго матеріала, какимъ являлись дерево, тростникъ, солома и т. п. Единственный успѣхъ можно замѣтить въ томъ, что кое-гдѣ для прохода дыма оставляли отверстіе.

Что касается формы, хижины представляются преимущественно продолговато-круглыми, суживающимися кверху (Dlug., Herberst.), съ выпуклыми, выгнутыми боками, какъ у лодокъ (Dlug.); онѣ низки (Herb.); иногда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хижины были выстроены конусообразно (Callim.).

Строительный матеріалъ намъ уже извѣстенъ. Кажется, что необтесанные стволы укрѣплялись наискось въ землѣ такъ, чтобы они наверху сходились; къ нимъ прикрѣпляли по всей вѣроятности горизонтально положенныя жерди, а на нихъ кору; затѣмъ всю хижину покрывали соломой. Кора накладывалась потому, чтобы черезъ щели не пробивалась солома, которая могла загорѣться отъ разложеннаго внутри хижины огня. Затѣмъ, чтобы вѣтеръ не срывалъ соломы, клали на ее еще дернъ, шесты и т. п.— (Ср. описаніе Д. Пашкевича въ VIII приложеніи).

Во внутрь хижины вели двери вѣроятно съ южной стороны[1a]).

II. Хижина внутри представлялась совершенно свободной, т.-е. безъ всякихъ скрѣпляющихъ стволы балокъ, и безъ всякихъ перегородокъ (Call. Herb.). Она, вмѣщая въ себѣ хозяина, его семью, слугъ, животныхъ и все его достояніе, должно быть, была обширна. — Во времена Д. Пашкевича (XIX в.), когда хижины строились четырехъугольными, размѣръ ихъ достигалъ отъ 10 до 15 саж. длины и отъ 5 до 6 саж. ширины.

Въ самой срединѣ хижины находился очагъ (ugnavête), круглый или четырехъугольный. Пашкевичъ сообщаетъ, что въ его времена длина и ширина очага доходила отъ 3 до 4 локтей, а глубина на локоть. Въ нѣкоторыхъ однако мѣстностяхъ огонь раскладывали или непосредственно на землѣ[2]), или на возвышеніи[3]), сооруженномъ по всей вѣроятности въ большинствѣ случаевъ изъ камня; (прусское stabni обозначаетъ каменную печку, а stabis камень; Nessel. Thes. Pruss. s. v.; въ Литвѣ krosnis, печь, клавшаяся въ давнее время изъ камня, теперь изъ кирпича (Nessel. L. W. s. v. p. 280; описаніе у Praet. p. 107).

---

[1]) De diis Samogitarum, ed. Grasser p. 45; ed. Mhdt. p. (86).

[1a]) «Meridiem versus fenestrae» у Ласицкаго, окна же помѣщали надъ дверьми (Д. Пашкевичъ).

[2]) Lepner Preuss. Littauer p. 71. Jm hause ist ein heerd gar platt auf der erden. Praet. p. 109. Feuerheerd, der insgemein bloss und gleich der erden auffm Flor ist.

[3]) Das rauchhaus... worin kein ofen, in dessen mitte aber ein etwas erhöhter estrich geschlagen, feuer darauff zu halten, insgemein mit tannen oder lindenborcke bedeckt. Praet. 107 о Надровіи.

Digitized by Google

Въ срединѣ на этомъ очагѣ находилось углубленіе (foculus), въ которое хозяйка сгребала вечеромъ жаръ (красные уголья) и прикрывала золой, чтобы огонь продержался до слѣдующаго дня[1]).

Вокругъ очага и на нѣкоторомъ отъ него разстояніи были уставлены камни достаточной для сидѣнія высоты. Тутъ жильцы грѣлись и сушили мокрую одежду, либо занятые хозяйской работой, проводили длинные зимніе вечера среди пѣсней и разсказовъ. Еще далѣе очага, уже подъ стѣной помѣщался хлѣбъ, скотъ, животныя и хозяйскія принадлежности.

Надъ самымъ очагомъ находилось въ стропѣ отверстіе для дыма; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надъ этимъ отверстіемъ торчала плетеная изъ вѣтвей, тростника и т. п. труба. Въ другихъ же мѣстностяхъ не было никакихъ отверстій для прохода дыма, какъ свидѣтельствуетъ Bruin v. Braun въ концѣ XVI и началѣ XVII в. „non enim ulla fumibula habent"[2]). Въ началѣ XIX в. находимъ уже надъ дверями два отверстія (см. Пашкевича въ VIII прил.).

Такую хижину, похожую на пещеру, называли namas (прус. Литва), или nomas, (какъ послѣдовательно пишетъ Довконтъ), или numas (въ Жмуди)[3]). Когда же изъ такой нумы выдѣлились отдѣльныя со спеціальнымъ предназначеніемъ хозяйскія строенія (напр. для скота, утвари, запасовъ и т. п.), всѣ вмѣстѣ получили названіе numai (plur.), а каждое изъ нихъ въ отдѣльности особое названіе.

Такимъ образомъ литовское жилище, numas, состояло изъ двухъ необходимыхъ частей, изъ собственно хижины и очага. Само собою разумѣется, что разница въ способѣ удаленія дыма или устройства оконъ отнюдь не повліяла на уменьшеніе значенія этихъ двухъ главныхъ частей.

Принимая теперь во вниманіе, что авторы описываютъ намъ нумы въ существенныхъ частяхъ вездѣ одинаковыми, несмотря на то, были ли онѣ выстраиваемы порознь, или цѣлыми селеніями и городками[4]), и основываясь на ясномъ, твердомъ и двукратномъ свидѣтельствѣ Длугоша, что Литовцы кромѣ нумъ не знали никакихъ другихъ строеній, какого рода бы ни было, приходимъ къ весьма важному для нашего предмета заключенію, что строенія, вооруженныя для охраны вѣчнаго огня, не могли отличаться ни формой, ни матеріаломъ, ни общимъ внутреннимъ видомъ отъ нумъ, въ которыхъ жили окрестные жители.

Это-то именно сходство хижинъ, построенныхъ для охраны вѣчнаго огня, съ нумами окрестныхъ поселянъ и объясняетъ намъ замѣчательный фактъ, что крестоносцы, уничтожая посады, поселки и городки, среди или вблизи которыхъ несомнѣнно находились также хижины для огня, ничего не говорятъ объ ихъ отличномъ отъ другихъ строеній видѣ. Равнымъ образомъ и Вигандъ, который въ одномъ мѣстѣ (Sc. R. Pr. II p. 623/4)[5]) прямо упоминаетъ объ „aedes sacras", называя ихъ также „domos sacras", объ ихъ разницѣ въ строеніи отъ жилыхъ нумъ ни словомъ не упоминаетъ. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ, можетъ быть, и было больше подробностей относительно

---

[1]) Jetziger zeit unsere nadrauischen weiber, wenn sie des abends das feuer verscharren, gebrauchen noch diese worte. Szventa Ponyke (Ugnele), asz tawe grażei palaidosiu, kada ne papykstum bai, d. i. Du heilige Fraw (Fewer), ich will dich recht schön bedecken (begraben), damit du ja nicht über mich mögest żürnen. Hiebey ist zu wissen, dass in Nadraven die leute ein sonderliches loch auffm herde halten, worinn sie das feuer einscharren und wenn ein solch eingescharrtes feuer ausgegangen und man den folgenden tag kein feuer in dem loch findet, halten sie es vor ein böses zeichen (см. выше текст.).

[2]) Bezzenberger d. lit. haus. A. P. M. Sch. XXIII. 1886, p. 34—79.

[3]) О другихъ и латинскихъ названіяхъ см. VIII прил.

[4]) См. Прилож. VIII.

[5]) Срав. ŻML. II, p. 117, № 17.

Digitized by Google

этого, но отъ него, какъ извѣстно, дошло до насъ сухое, не всегда ясное извлеченіе на латинскомъ языкѣ, не заключающее для даннаго случая никакихъ объясненій.

Что же касается строительнаго матеріала для упомянутыхъ хижинъ, считаю достаточнымъ свидѣтельство Длугоша, сообщающаго, что всѣ строенія на Литвѣ сооружались изъ дерева и соломы, слѣдовательно и хижины для обезпеченія вѣчнаго огня. Поэтому и послѣ сожженія не осталось и слѣда ихъ существованія.

Несомнѣнно, что эти хижины въ отличіе отъ жилыхъ нумъ имѣли свои особыя названія. Въ этомъ отношеніи извѣстны мнѣ только слѣдующія свѣдѣнія:

Вышеупомянутый Вигандъ впервые (1387 г.) свидѣтельствуетъ о „domos sacras, aedes sacras" священныхъ домахъ, находящихся въ Вендзиголѣ (Wandeiagel). — Это только могли быть дома, выстроенные для вѣчнаго огня, потому что о строеніяхъ для какого-нибудь другого божества никакой серьезный источникъ не упоминаетъ и упоминать не можетъ. Множественное число „domos" показываетъ, что такихъ домовъ въ данномъ случаѣ по крайней мѣрѣ было два: одинъ, какъ мы уже въ другомъ мѣстѣ объяснили[1]), для священнаго огня, а другой для жреца или жрецовъ, проживающихъ по необходимости вблизи вѣчнаго огня.

Слѣдующій за Вигандомъ авторъ и почти его современникъ, Гіеронимъ Прагскій, какъ очевидецъ, сообщаетъ, что священный огонь горѣлъ въ зданіи, которое онъ называетъ templum безъ всякихъ къ сожалѣнію другихъ подробностей о самомъ зданіи[2]).

Длугошъ, разсказывая о крещеніи Литвы въ 1387 г., свидѣтельствуетъ, что Владиславъ Ягелло приказалъ потушить въ Вильнѣ священный огонь и уничтожить святилище съ жертвенникомъ (templum aramque), въ которомъ и на которомъ совершались жертвоприношенія[3]). Въ разсказѣ же о крещеніи Жмуди въ 1413 г. говоритъ, что король Владиславъ приказалъ разбросать и потушить священный огонь, горящій на высокой горѣ при р. Невяжѣ въ зданіи, которое авторъ называетъ turris[4]), а самое зданіе велѣлъ сжечь[5]).

Гвагнини вѣроятно только повторяетъ слова Длугоша, говоря что въ Вильнѣ по королевскому повелѣнію потушили священный огонь и разорили „templum aramque ejus", откуда жрецы объявляли волю боговъ[6]).

Здѣсь вездѣ templum имѣетъ свое конкретное значеніе зданія, а точнѣе хижины, въ видѣ нумы, построенной не въ честь божества, а вслѣдствіе необходимости защитить огонь отъ атмосферическихъ явленій.

Подобнаго рода охрана оказалась бы необходимой, не только для сохраненія вѣчнаго огня, но также для каждаго огня, коль-скоро было бы желательнымъ продержать его въ теченіи долгаго времени.

Если мы еще возьмемъ въ соображеніе положительныя свидѣтельства Каллимаха[7]) и Эйнгорна[8]), изъ которыхъ первое касается Литвы вообще, второе же латышской земли въ частности, то со всякой увѣренностью можно утверждать, что во всѣхъ литовскихъ земляхъ никакихъ святилищъ не существовало.

Мѣсто, гдѣ горѣлъ священный огонь и стояла его хижина, Литовцы называли Žinicze, Жиниче, хотя, можетъ быть не вездѣ[9]). Слово Žinicze я первый разъ вычиталъ

[1]) Тамъ же.
[2]) Sc. R. Pr. IV, p. 238.
[3]) ed. Przezdziecki T. XII, p. 465 и др.
[4]) Turris едва ли здѣсь латинское слово. См. Прилож. VIII.
[5]) T. XIII, p. 159 и др.
[6]) ed. Pistorius T. II, p. 391.
[7]) Vita et mores Sbig. 28.
[8]) Hist Lett. p. 583.
[9]) Нпр. въ Пруссіи я не нашелъ подобнаго названія.

Digitized by Google

у Довконта, Žiniczia же у Акелевича[1]), слѣдовательно у писателей XIX в.— Прибавивъ къ корню źin, знать, суффиксъ — niczia, — nicze, означающій мѣстность, получимъ Žin-niczia, а по правиламъ лит. языка Źinicze, означающее мѣсто узнанія (о воли боговъ), прорицалище, а въ данномъ случаѣ, мѣсто узнанія о воли боговъ посредствомъ огня; затѣмъ это названіе перенесено на самый огонь. Такая метонимія встрѣчается во всѣхъ языкахъ, напр. Apollo — Pythia — oraculum respondit. Вышеупомянутое значеніе вполнѣ согласуется съ общимъ литовскимъ вѣрованіемъ, по которому въ случаѣ нужды и въ болѣе важныхъ дѣлахъ спрашивали совѣта у священнаго огня, согласно ли божество съ предпринимаемыми намѣреніями, или нѣтъ.

Такого рода прорицалища, Žinicze, существовали во многихъ мѣстностяхъ (въ Пруссіи), въ Литвѣ и въ Жмуди, какъ о послѣднихъ свидѣтельствуетъ Длугошъ „in civitatibus principalibus" (var. principalioribus) и Гвагнини (вѣроятно заимствуя у Длугоша) „in celebrioribus locis atque oppidis". Довконтъ сообщаетъ нѣсколько такихъ мѣстностей безъ указанія на источники (Buda, p. 104—109). По источникамъ намъ извѣстны Ромове въ Пруссіи[2]); Вильна въ Литвѣ; гора безъ названія при р. Невяжѣ[3]); Вендзигола въ Жмуди безъ упоминанія о томъ, что здѣсь горѣлъ вѣчный огонь[3a]).

Какъ въ нумахъ очагъ находился въ самой срединѣ, точно такъ и въ хижинѣ для огня; онъ представлялъ собой или извѣстной глубины яму, круглую, можетъ быть, и четырехугольную, или онъ устраивался на ровной землѣ, или же на нѣкоторомъ возвышеніи. Судя по слову ara[4]), употребленному Длугошемъ (и Гвагниномъ) для означенія такого именно очага въ Вильнѣ и при Невяжѣ, предполагаемъ, что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ мѣстѣ, очагъ этотъ былъ устроенъ на извѣстномъ возвышеніи, вѣроятно изъ камней. На этомъ очагѣ находилось углубленіе — foculus. Къ этому мнѣнію приводитъ насъ аналогія съ нумой, гдѣ для сбереженія огня было устроено углубленіе, а также и слова Длугоша, что когда по погашеніи священнаго огня при Невяжѣ король Владиславъ узналъ, что Жмудины намѣрены по уходѣ короля возстановить вѣчный огонь изъ тлѣющихъ угольевъ, то повелѣлъ воинамъ принести воды изъ Невяжи и „focum locumque ignis profani aquarum multitudine usque ad os complui et inebriari". Если locus ignis означаетъ все мѣсто внутри хижины, то focus только имѣетъ свое настоящее значеніе очага. Если же „locus ignis" означаетъ мѣсто, занимаемое огнемъ, т.-е. очагъ, а focus не есть плеоназмомъ, то focus здѣсь употреблено въ значеніи „foculus", т.-е углубленіе на самомъ жертвенникѣ. Основываясь на главномъ назначеніи этого foculus, на сбереженіи огня на болѣе долгое время, равно какъ и на аналогіи хижины для огня съ нумой, мнѣ кажется послѣднее объясненіе болѣе правдоподобнымъ.

---

1) Lelewel Dzieje Polski T. V, p. 482.

2) Dusb. III. 5.

3) Długosz II. II.

3a) Wigand, c. 135[6] p. 623/4. Можно еще прибавить: villam Sethen (Szatyje), que dicitur sancta (Herm. de Wart. p. 86, см. ŽML II, p. 83), именно по поводу эпитета «sancta»; здѣсь также поймали «святаго мужа» т.-е. жреца «et capiunt ibi quendam sanctum virum (Wig. c. 56. p. 542; ср. ŽML. II, p. 11), который вѣроятно былъ жрецомъ огня; болѣе убѣдительныхъ указаній не имѣется.

4) Ara называется всякое возвышеніе, предназначенное для жертвоприношеній. Во многихъ мѣстностяхъ Литвы разсѣяны были большіе камни, названные писателями Arae и считавшіеся священными, потому что на нихъ клали разнаго рода жертвы; какъ льняныя издѣлія, подтяжки, цвѣты, пищу, хлѣбъ и пр. (Rostowski S. J. Historiarum Pars. I. 271). Имѣются также въ Лат. пѣсняхъ указанія на то, что на нихъ сожигались мелкія жертвоприношенія. — Въ Žinicze (хижинѣ), пожалуй, можно было также сжечь мелкія жертвы, какъ напр. внутренности животныхъ и пр. (хотя для этого не имѣется ни одного источника); — но для того, чтобы сварить вола, свинью и т. п., для пира, совершающагося послѣ жертвоприношенія, или, чтобы сжечь третью часть добычи, необходимо было развести огонь внѣ Žinicze.

Digitized by Google

Огонь на очагѣ раскладывался изъ дубовыхъ или березовыхъ дровъ. Такъ какъ вездѣ, гдѣ только зажигали священные, обрядовые огни, какъ нпр. „Собутки“ (Johannisfeuer), и т. п. ихъ добывали посредствомъ тренія, положимъ, двухъ полѣнъ[1]) [а въ Пруссіи такіе огни хорошо были извѣстны[2]], то мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что прорицательный, святый огонь, посредствомъ котораго божества извѣщали свою волю, зажигали точно такимъ же образомъ. Кромѣ того мы имѣемъ неопровержимыя свидѣтельства у Henneberger'a[3]) и Praetorius'a (p. 19/20), хотя сравнительно и позднѣйшихъ временъ: „Существуютъ, пишетъ послѣдній, извѣстнаго рода дубы, которые весьма легко зажигаются. Дерево этихъ дубовъ, какъ мнѣ разсказывалъ какой-то старикъ изъ Надровіи, употребляли вайделоты для разложенія новаго священнаго огня въ случаѣ, если бы старый случайно погасъ. Это они производили такимъ образомъ, что сѣрыми, но никакъ не красными, полевыми камнями, били дрова, предназначенныя для тренія, до тѣхъ поръ, пока они не становились теплыми, а затѣмъ терли одно о другое, пока не загорались. Наткнуться на такого рода дубъ (въ его еще времена, т.-е. XVII в.) считалось большимъ счастьемъ“.— Священный огонь, кажется, называли szventugnis, szventugnele (названіе Gabija невѣроятно). Гвагнини называетъ его по-литовски „Znicz“: „Imprimisque ignem (quem sua lingua Znicz, ut rem sacram appellabant) cultu divino prosequebantur“[4]), а Стрыйковскій пишетъ: „Тамъ приносили жертвы своимъ богамъ, тамъ же неустанно поддерживали вѣчный огонь, который называли Znic (sic)[5])“.

Литовскія слова приведены въ неправильной формѣ, такъ какъ окончаній cz(ъ), c(ц), въ литовскомъ языкѣ нѣтъ; по моему должно быть „Žinicze“ Жиниче, значеніе котораго только можетъ быть „мѣсто узнанія (воли боговъ)“ прорицалище, и которое затѣмъ могло быть перенесено на огонь, горѣвшій въ этой мѣстности.

Поддерживать неугасимый огонь лежало на обязанности установленнаго съ этой цѣлью жреца или жрецовъ.

Одни авторы упоминаютъ объ одномъ жрецѣ, другіе о жрецахъ. Дусбургъ говоритъ объ одномъ жрецѣ въ надровскомъ Ромове, Crive, власть котораго на подобіе папской, простиралась будто бы на всѣ литовскія области и на сосѣднія нелитовскія племена. Притомъ, не прочитавъ внимательно слова Дусбурга, толкуютъ, будто бы Crive было названіемъ высшей гіерархической должности. Между тѣмъ мы старались уже доказать, что Crive не названіе должности, а собственное имя, и въ данномъ случаѣ имя послѣдняго жреца огня въ Надровіи, а затѣмъ, что онъ никогда не имѣлъ столь обширной власти[6]).

Если бы мы на основаніи того, что жрецы, упомянутые въ договорѣ 1249 г., обладали однимъ и тѣмъ же общимъ съ Crive аттрибутомъ видѣнія душъ умершихъ, считали себя въ правѣ сдѣлать общее заключеніе, то мы могли бы утвердить, что обозначенные тамъ Tulisûnes и Ligasûnes (singul. Tulisû, Ligasû) были, такъ сказать, должностныя названія жрецовъ въ Варміи, Помезаніи и Натангіи, употребляемыя одно въ одной, другое въ другой области[7]). Дѣлать болѣе точное заключеніе источникъ не дозволяетъ, а относительно числа не имѣется въ немъ никакихъ указаній.

---

[1]) Kuhn, Die Herabkunft des Feuers. Berlin. 1859, p. 15, а вообще p. 36 и др.

[2]) См. выше § II.

[3]) Тамъ же.

[4]) ed. Pistorius p. 391.

[5]) ed. Warszawa, 1846, p. 143; о значеніи этого слова я уже высказалъ свое мнѣніе въ книжкѣ: Jan Lasicki. Kraków 1870.

[6]) О надровскомъ жрецѣ Crive. Рефератъ читанный въ августѣ 1893 г. на Виленскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. Т. I, p. 276 и др.— См. ŻML. II, p. 21 и др.

[7]) ŻML. I, p. 96.

Digitized by Google

Длугошъ въ описаніи Литвы, сообщая общія свѣдѣнія о литовскихъ божествахъ говоритъ, что главнымъ божествомъ считался Огонь: Ignis... qui per sacerdotes... nocte atque interdiu adolebatur... (ed Przezd. T. III (T. XII) p. 465 sq).— Это мѣсто для опредѣленія числа жрецовъ не убѣдительно, потому что можно еще его понимать въ томъ смыслѣ, что у каждаго огня было по одному жрецу, т.-е. огонь поддерживался жрецами.— Сравнивая же литовскія божества съ римскими, онъ говоритъ объ одномъ только жрецѣ: „tenendo ignem... a sacerdote custoditum... (Ib. p. 473). И тамъ, гдѣ указываетъ на опредѣленныя мѣстности, въ которыхъ горѣлъ вѣчный огонь, онъ употребляетъ Sacerdos въ Sing. „Ignem... in Vilnensi civitate... a sacerdote eorum, qui Zincz appellabatur... extingui... disposuit" (Dług. Lib. X ed. Przezd. T. III (T. XII) p. 465–467).— Въ описаніи же Жмуди: „Ignem... qui in montis altissimi jugo super fluvium Nyewyasza sito... a sacrorum sacerdote alebatur (Lib. XI, ed Przezd. T. XIII. 159–163). Слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что въ послѣднемъ мѣстѣ за sacerdote читается также var. sacerdotibus.

Такимъ образомъ изъ словъ Длугоша нельзя вывести опредѣленныхъ заключеній о числѣ жрецовъ.

Точнѣе выражается Гіеронимъ Прагскій. Онъ описывая одну мѣстность, одинъ священный огонь, говоритъ опредѣленно о жрецахъ этого одного огня въ множественномъ числѣ. Sacerdotes templi materiam, ne deficeret, ministrabant[1]). Здѣсь нельзя сомнѣваться относительно ихъ числа.— Гвагнини же — не знаемъ по какому источнику,—пишетъ жрецы и ихъ помощники „Sacerdotes cum ministris"[2]).

Во всякомъ случаѣ, хотя бы и не было у насъ столь рѣшающаго свидѣтельства, какое намъ представляетъ самъ очевидецъ сообщеннаго, Гіеронимъ, то мы все-таки пришли бы къ заключенію, что жрецовъ было больше одного, имѣя въ виду, что для поддерживанія неугасимаго огня необходимъ былъ постоянный присмотръ за нимъ, требующій поочередной смѣны стерегущихъ его жрецовъ или ихъ помощниковъ. „Ministri", по Гвагнину, могли быть лица, готовящіяся въ жрецы и помогающія имъ, или обыкновенная прислуга, необходимая для помощи при жертвоприношеніяхъ, а также для личной услуги.

Кажущееся противорѣчіе источниковъ, упоминающихъ одни объ одномъ жрецѣ, другіе о большомъ ихъ количествѣ, легко можно устранить, сообразовавшись съ тѣмъ, что всѣ лица, служившія при вѣчномъ огнѣ, находились подъ предводительствомъ одного, главнаго, который, истолковавъ явившіяся знаменія огня, и объявлялъ спрашивавшимъ совѣта рѣшенія боговъ по предложенному вопросу или дѣлу[3]).

Не имѣя ни малѣйшихъ данныхъ относительно организаціи жрецовъ, мы не рѣшаемся пускаться ни на какія догадки.

Длугошъ называетъ Виленскаго жреца огня Zincz (var. Zyncz, Zinze)[4]). Изуродованную форму Zincz пытались объяснить сокращеніемъ полной *Žinczus. Несмотря на правильное образованіе ея, Žin-tius = *Žinczus, на подобіе Kupczus, imczus, sukczus (Schleicher Gr. I p. 117) — она однакожъ въ литовскомъ языкѣ не употребляется, а только другая Žynis, образованная отъ того же корня Žin съ суффиксомъ — jas = jis = ys или is, обозначающая вездѣ знающаго, свѣдущаго, т.-е. знахаря, колдуна, а въ

---

1) Sc. R. Pr. IV, p. 238.

2) L. Pistorius, II, p. 391.

3) Dług. Lib X ed. Przezd. p. 465 (sacerdos) ..qui supplicantibus ac de futuro rerum eventu numen consulentibus falsa edebat.. responsa.— Ib. p. 473. (Sacerdos), qui sacrificantibus et petentibus ambigua dabat responsa.

4) Dług. l. l. p. 475.

Digitized by Google

данномъ случаѣ, умѣющаго истолковывать знаменія огня[1]). Такимъ образомъ слѣдовало бы форму Žinys, Žinis возстановить въ текстѣ Длугоша. Ошибочное Zincz вѣроятно произошло отъ незнанія литовскаго языка, или ведетъ свое начало отъ кописта, читавшаго вмѣсто окончанія — is = cz.

Одной изъ главныхъ задачъ вѣчнаго огня было давать предзнаменованія (žinklai), по которымъ жрецы истолковывали волю боговъ. Но намъ неизвѣстно, на какія именно знаменія они обращали вниманіе, и какія считали благопріятными, а какія неблагопріятными. Единственный примѣръ, указывающій на толкованіе предзнаменованій, читаемъ въ одной латышской пѣснѣ:

Разложимъ огонь, молодецъ,
Изъ березовыхъ дровъ:
Если дрова будутъ горѣть тихо,
То мы будемъ жить согласно;
Если разгорятся съ трескомъ,
Будемъ ссориться, драться. — Спрогисъ Пам. р. $^{46}/_{33}$.

Guillebert de Lannoy пишетъ, что у Латышей при сжиганіи умершихъ на кострѣ изъ дубовыхъ дровъ обращали вниманіе на дымъ и вѣрили, что дымъ, прямо поднимающійся къ нему, указываетъ на спасеніе души человѣка, а уклоняющійся въ сторону — на ея гибель[2]) Очень вѣроятно, что на это обращали также вниманіе и въ Жиничѣ.

Укажемъ еще на одинъ любопытный фактъ, касающійся священнаго огня. По Дусбургу извѣстно, что души умершихъ (всѣ ли?) являлись у жилища жреца огня въ Ромове; но Гіеронимъ Прагскій сообщаетъ, что и души больныхъ являлись предъ самимъ священнымъ огнемъ, и если явившаяся душа была обращена къ огню, то больной выздоровѣетъ, если плечомъ, то больной умретъ[3]).

Вотъ какое представленіе выработалось у насъ не только о прусскомъ Ромове, но также о священныхъ мѣстностяхъ въ литовскихъ земляхъ, въ которыхъ равно какъ въ прусскомъ Ромове горѣлъ вѣчный вѣщій огонь; о его необходимой охранѣ въ зданіи, и о его жрецахъ. Мы старались это представленіе основать на источникахъ, хотя скудныхъ, и на аналогіи съ домашнимъ огнемъ, пополняя данныя заключеніями, истекающими изъ самой сути предмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы обращали вниманіе и на малѣйшія подробности, высказывая и о нихъ свое мнѣніе, чтобы этимъ доставить дальнѣйшимъ изслѣдователямъ удобный случай пополнить пробѣлы и исправить неточности.

---

[1]) Еще въ началѣ XVIII в. существовали въ Пруссіи колдуны, называвшіеся Žinys; о нихъ имѣется слѣдующее свидѣтельство: «Seynd rechte Zauberer, die heissen sie Szynys (sic), wenn die von einem Menschen ein Hembd, oder nur ein Stück von seinen Kleidern bekommen, machen sie, dass er gantz vertreugen, oder gantz dick aufschwellen, oder von Reissen in allen Gliedern nicht Tag und Nacht ruhen muss, bis er stirbt. Sie haben auch ein Kraut, das nennen sie Maulda, wenn sie einen was schuldig, sehen sie wie sie ihm solches im Trinken beibringen, der das Kraut ins Leib bekommt, muss sterben, dagegen hilft die gantze Apotheke nicht. (Pseudo Praetorius): Von der Litauer Art, Natur und Leben, p. 130 etc. въ части озаглавленной: Von ihren abgöttischen Handeln so bei ihnen sehr im schwange gehen № 6.

[2]) Voyages et Ambassades etc. См. Lelewel-Rozbiór dzieł et. Poznań 1865, p. 369, ср. ŻML. II, p. 131... en feu fait de purain bois de quesne, et croyent, se la fumiere va droit en ciel, que l'ame est sauvee, mais s'elle va soufflant de coste, que l'ame est perie.

[3]) Sc. R. Pr. IV, p. 237—239.

Digitized by Google

Приложеніе I.

Praetorius Preussische Schaubühne (рукопись).

Buch IV, C. I, § 6–7 (Извлеченіе).

§ 6. Alsz ich einsmahls in Zalavonien im Ragnitischen Gebiehte reiste, wurde mir eine Eiche gewiesen, die sonderlich mit den Aesten verwachsen und den Bewohnern heilig war. Недалеко отъ этого дуба стояла гостиница (herberge), въ которой остановился Прэторіусъ. Осторожный и лукавый содержатель ея, спрошенный о значеніи дуба отвѣтилъ: dass sie diesen Baum vor anderen beehrten, wären sie von ihren Eltern und Vorfahren so gewiss unterrichtet, dass wenn sie dem Baume nicht sollten eine Ehre anthun, etwa nur dass sie ihn schonten und ihn nicht ab, oder behauten, würden sie unfehlbar bestraffet werden... Er wäre belehret von seinen Vorfahren, dass Gott bey solchen Eichen einen Engel öffters bestellet, der den Frommen Glückes, den Bösen böses thäte... er meinte, dass man nicht unrecht thäte, dass man daselbst was opferte, welches er nicht den Bäumen thäte, sondern dem Engel oder vielmehr Gott, der den Engel daselbst hingesetzt hätte. Er erzählte mir, wie einsmahls ein gottloser und Epicurischer Mensch auss Frevel einige Aeste von der Eiche abgebrochen und selbige auss Übermuth mit Füssen getreten, sey sofort darauff von der Hand, womit der Ast gebrochen und dann auch von dem Fuss, damit er den Ast betreten, die Haut abgegangen. Auch soll dieses geschehen seyn denen, die dieses Menschen Hand und Fuss etwa zu heilen angerührt haben. Прэторіусъ припоминаетъ себѣ, что онъ читалъ у Caelius'a Rhod. lib. VII. Lection. antiquae c. 27 „quod in quercuum radicibus animal ad perniciem adeo potens sit, ut supergressu tantum excidat pedum cutis, intumescantque insigniter crura tota. Id vero etiamnum mirabilius: si quis mederi vult, manus itidem excoriantur"... Jedoch ersiehet man, wie ohnstrittig die Oerter, bey welchen einige rarer Art Bäume und sonderlich Eichen vorhanden gewesen, hoch bey den alten Preussen sind geachtet worden, jedoch mit Unterscheid.

§ 7. Obzwar ein Baum an einem Ort ist heilig geachtet worden, so ist doch nicht fort der Baum, so dabey gestanden, da er gleich von derselben Gattung gewesen, heilig gewesen. Weil ihrer Meinung nach Gott einen Baum höher begnädiget, als den Andern... Anno 1669 geht in Sudermannia (einer schwedischen Provinz) unweit dem Hoff Wandelsoo zur Osterhänningischen Pfarrei gehörig, ein Knecht in den nechst gelegenen Wald. Замѣтивъ на маленькомъ холмѣ прекрасный можжевельникъ собирался срубить его. Поднявъ топоръ слышитъ голосъ: „Hau du nicht den Wacholder". Отвернувшись и не замѣтивъ никого, опять поднялъ топоръ и вновь былъ слышанъ тотъ же голосъ. Испугавшись, удаляется и, увидѣвъ другое ему удобное дерево, срубилъ его уже безъ всякихъ препятствій. Съ тѣхъ поръ окрестные жители почитаютъ упомянутый можжевельникъ (Johann Loccenius Antiquit. Sueco-Goth. c. 5).

§ 8. Unter den preussischen Ortern nun, so ihrem Götzen Dienste geweihet gewesen, werden am meisten angeführet und sind berühmt Romowe und Rykoioth. Romowe oder nach der Alt-Preussischen Mund-Arth Rombhowe ist der Ort genannt worden von einem wunderbahren Gewächse, so sie bey den dasiegen Eichen gefunden; herrührend vom Wort Romiu, Rombiu, Rombothi, so auff Alt-Preussisch heisst Zusahmen wachsen. Wird eigentlich geredet von den Bäumen in sonderheit, wenn ein Ast an,

Digitized by Google

und in den Andern wächset. Weil nun an dem Ort eine so wunderbahr Zusahmen gewachsene Eiche gestanden, die die alten Preussen vor heilig und vor einen sonderbahren Sitz ihrer Götter gehalten, haben sie solchen Ort oder vielmehr die Eiche Rommove geheissen.

§ 10. Wo man anders auff die preussische Sprache sich hierin fundiren soll, muss man davor halten, dass der Ort, wo die Häuser um die Eiche gestanden, Romove von der Eiche geheissen; der Ort aber der Solennitäth, die sie bey der Romowe gehalten, oder vielmehr die Solennitäth bey der Romowe, Rykaioth geheissen (?). Denn daselbst bey Romove haben sie nach abgelegten Götzendienste, nach denen Gesetzen ihres Weidywuti und Krywe, ihr Feyer gehalten, welche Feyer mehrentheils in Rykiauti seu Rykaujoti i. e. Wolleben im Sauffen p. p. bestanden. Denn Rykauti unb Rykaujoti heist noch Fröhlich seyn, vornehmlich beym Soff p. p. Dabey man jetzo an einigen Orten der Zemynelen der Erdgöttin diene...

Dass II Capittel.

Handelt von andern heiligen Bäumen der Preussen.

§ 1. Die Alten Preussen haben nicht also fort eine jedwede Eiche oder Baum vor ein Heiligthum gehalten, sondern insgemein die Rombhota, dass ist die so wunderlich in einander gewachsen, welche Arten der Eichen noch bey den Nadravern und Zalavoniern heimlich beehret worden...

§ 2. Henneberger gedenket Comment. I, p. 416 Einer grossen Linde in Zalavonien im Dorfe Schakuhnen...

§ 3. So war auch eine Tanne mit Zwey Zwolgen, welche oben zusamengewachsen in einem Revier des Waldes Niebudzenschen Kirch-Spiel gehörig, welche noch 1664 gestanden,... in welchem Jahr der Donner hineingeschlagen... der Stobben anno 1673 bey dem grossen Wald-Brande verbrennet ist. Zu selbiger Tanne lieffen Gross und Klein, nicht allein auss Nadrawen und Zalavonien, sondern auch gar auss Zamaiten und Littauen, und opferten daselbst Tücher, Hosenbänder, auch theils Kleider, auch Geld; denn sie die Impression hätten, wenn Jemand, der contract wäre, oder einen Bruch hätte, durch die Zwey Aeste durchginge, dass er davon gesund würde, und findet man noch viel Leute, die die Kraft desselben Baumes, ihrer Meynung nach, wolerfahren und dieselbe heilige Tanne zu rühmen sich nicht scheuen. Diese Tanne ward auch Rumbuota Egle genannt, und wenn welche dahingingen, sagten Sie Eikim Rombhova, und wenn sie geschwind aussprachen Eikim Rommova (!) Solcher Art Tannen sind zweiffels ohne mehr gewesen, weil man ausser denen noch unterschiedliche Örter findet, die nach der Preussischen Sprache heilig heissen, also Szwente Joezuno (?) p. p. Szwente mieste pp...

§ 4. Ausserdem haben die alten Preussen noch andere Bäume, insondercheit den Holunder, heilig gehalten, unter welchem sonderliche Erd-Götter, die sie Bezdukkai nennen, von welchem Wort andere Barzdukkai machen, wohnen sollen. Gewiss ist's, dass der Hollunder-Baum von unterschiedlichen Nadrawern noch gescheuet und gefürchtet wird, weil die Bezdukkai, die unter solchen wohnen sollen, den Menschen schädlich fallen... Bezdas heisst auff Preussisch auch in Nadraven und Zalavonien ein Holunder. Bezdukkai seind die so sich beym Holunder aufhalten, oder bey ihnen seyn...

Digitized by Google

§ 5. Ich meyne alle Art Bäume sind ihnen heilig gewesen, dessen Stamm sich von einander gezweiget und weder zusammen gewachsen gewesen; im Felde im Ragnitschen war eine Eiche so gewachsen, wie der Abriss zeiget, die auch vor Heilig gehalten, da hinauffstiegen, so einen Bruch hatten, und stiegen durch das Loch, so der eingezweigte Ast gemacht, meinten dadurch geholfen zu seyn. In meinen damaligen Garten zu Nibudzen war eine solche Rombotha Krauszis, i. e. zusammen gewachsener Birnbaum, bey dem fand ich einmahl einen alten Mann, der auff den Knieen unter dem Baume lag und behtete. Er murmelte unter dem Bahrt, und weil ich mich dessen nicht versehe, auch nicht allerdings still und vorsichtig gnug mich verhielte, ward er verstöret und wollte davon gehen... Послѣ долгихъ переговоровъ наконецъ удалось служителю Прэторіуса добиться слѣдующаго объясненія: „wie dieser Mann wäre von einem Weidullutin auss Zamaiten hieher geschickt. Er sollte vor seines Sohnes Kind, dass einen gefährlichen Bruch hätte, und dabey Contract wär wörden, einen solchen durchwachsenen Baum suchen, seines Sohnes Kind durch selbigen durchstechen, es möchte der Weidulle die Kraft solche Kranke heil zu heilen den Baum von den Göttern verschaffen pp... und dass meinte er, hätte man aus Erfahrung, dass die einen solchen Baum nach Anleitung ihres Maldininker[1]) und Weidullen[2])... recht verehreten nicht hülfloss gelassen würde... Er bekannte endlich, dass er einen Maldininker wüsste, der wenn er hier bey dem Baume sicher zu wohnen bekäme, nicht nur mit seiner gantzen Familie herziehen wolle, sondern es sollte auch mir ein gewisses Glück seyn. p.p., zumahlen wenn er den Baum recht einheiligen (iszwentit) würde“.— По приказанію Прэторіуса отрубили сросшуюся вѣтвь „wobey aber dieses merkwürdige sich zugetragen. Alss der Ast gehauen ward, und wie sie nun alle umb den Baum stehen, sehet sich der Gärtner, der ihn weghauete, nicht woll vor, dass er bey zeiten von dem abfallenden Ast wegsprung, darauff fällt ihm der fast schwäre Ast auff seine Füsse (?), davon er über vier Wochen krank... wodurch bey den umbstehenden eine Confusion entstund, dass sie alle weggegangen“.

Удивительно, что вездѣ, гдѣ говорится о срубкѣ священнаго дерева, случается ли она въ Heiligenbeil при епископѣ Анзельмнѣ, или въ Литвѣ во время Длугоша, или въ Жмуди при Лясковскомъ, или у Латышей во время Эйнгорна (Einhorn Reformatio gentis Letticae Sc. R. Liv. II p. 636), или въ Германіи и т. п., всякій разъ рубящій подвергается наказанію черезъ поврежденія топоромъ ноги.

Трудно окончательно рѣшить, было ли это повѣріе общимъ достояніемъ народовъ, или образовалось ли оно отдѣльно у каждаго народа, почитающаго извѣстныя деревья, вслѣдствіе чего само собою рождалась мысль о наказаніи за поврежденіе священнаго предмета. Можетъ быть первое вѣрнѣе, потому что оно уже существовало въ древней Греціи. Схоліастъ къ Облакамъ Аристофанеса v. 1005 отмѣчаетъ слѣдующее: *Αἱ ἱεραὶ ἐλαῖαι τῆς Ἀθηνᾶς ἐν τῇ ἀκροπόλει μορίαι ἐκαλοῦντο. Λέγουσι γάρ, ὅτι Ἁλιῤῥόθιος, ὁ παῖς Ποσειδῶνος, ἠθέλησεν ἐκκόψαι αὐτὰς διὰ τὸ τῆς ἐλαίας εὑρεθείσης κριθῆναι τῆς Ἀθηνᾶς τὴν πόλιν: ὁ δὲ ἀνατείνας τὸν πέλεκυν καὶ ταύτης ἀποτυχὼν ἔπληξεν ἑαυτὸν καὶ ἀπέθανε· καὶ διὰ τοῦτο μορίαι αἱ ἐλαῖαι ἐκλήθησαν.*

Ἡττηθεὶς τῆς Ἀθηνᾶς ὁ Ποσειδῶν ἐπὶ τῇ τῆς ἐλάιας ἐπιδείξει, ἔπεμψεν τὸν υἱὸν αὐτοῦ Ἁλιῤῥόθιον ταύτην τεμοῦντα. Ὁ δὲ ἀνατείνας τὸν πέλεκυν ταύτης μὲν ἠστόχησεν, τὸν δὲ πόδα αὐτοῦ πλήξας ἐτελεύτησε· καὶ οὕτω μορία ἡ ἐλαία ἐκλήθη, ὡς μόρου παρεκτική.

---

[1]) На полахъ: beter.

[2]) «Ein weiser Mann».

Digitized by Google

Приложеніе II.

A.

Preussisches Archiv oder Denkwürdigkeiten aus der Kunde der Vorzeit von Karl Faber.

III. Sammlung. Koenigsberg 1810, p. 247/8.

In der Landes Ordnung des ersten Herzogs von Preussen Markgraf Albrecht vom Jahr 1526 wird noch die im Lande gebräuchliche heidnische Abgötterey, namentlich die Bockheiligung auf Samland verboten. Aber auch noch weit später gingen dergleichen Missbräuche im Schwange. Die Litthauer hatten noch im Jahr 1657 eine so genannte heilige Eiche. Sie stand im Amte Ragnit, zwischen Bajorgallen und Rudschen, mitten im Walde. Einige Fuss hoch von der Erde theilte sich der Stamm in zwei Hauptstämme. An einem derselben war ein starker Ast bogenförmig in den Stamm eingewachsen und bildete also eine Oeffnung. Die abergläubischen Litthauer, die an Leibesgebrechen litten z. B. böse Augen, Lähmungen an Händen und Füssen etc. hatten, wallfahrteten viele Meilen weit dahin, setzten zackige Tannenaeste an den Baum, stiegen darauf bis an den angewachsenen Ast hinauf und krochen dreymal durch die Oeffnung. Danach banden sie die Sachen, die sie zum Opfer brachten um den Ast und glaubten davon gesund zu werden. Der Ast hing voll Hosenbänder, Weiberschleyer, Messer und anderen Sachen. Etliche opferten auch Geld, welches sie vor dem Baum auf die Erde legten. Die preussische Regierung befahl auf die ihr davon gemachte Anzeige dem Hauptmann zu Ragnit, diese Eiche sofort umhauen und verbrennen zu lassen.

Подлинникъ этого донесенія правительству напечатанъ въ Neue Pr. Prov. Blätter, III Folge, 1863. Bd. X, p. 159; тамъ же отвѣтъ правительства отъ 31 іюля 1657 съ приказомъ срубить дубъ, дѣло дьявола („damit die Wercke dess Teuffels zerstöret").

B.

До сихъ поръ шла рѣчь о деревьяхъ, стволъ которыхъ разъединившись, опять срастался въ одинъ. Но кромѣ того случалось, что два вблизи другъ къ другу стоящіе ствола, выросшіе изъ одного или двухъ разныхъ корней, срастались такъ, что внизу образовывалось отверстіе, черезъ которое можно было пролѣзть больному ради его излѣченія. Проф. Caspary называетъ такія деревья двуножными (zweibeinig), — а нашедши ихъ въ довольно громадномъ количествѣ, старался это явленіе объяснить въ монографіи Ueber zweibeinige Bäume. Schriften der physikalisch-oekonomischen Gesellschaft zu Koenigsberg, XXII Jahrg. 1883, p. 107—112. Утверждая, что никоимъ образомъ два отдѣльные ствола само собою не могли срастаться, продолжаетъ: „So bleibt nichts übrig als die Annahme, dass sie durch Kopulation zweier dicht neben einander aufgewachsenen jungen Bäumen gebildet seien, dass der Stamm des einen Baumes schief abgeschnitten, der des andern bis aufs Holz für eine kurze Strecke in gleicher Höhe tangential angeschnitten, das peripherische Kambium der beiden Stämme aufeinander gelegt und die Stämme in dieser Lage miteinander zusammen gebunden wurden, bis sie verwuchsen. Auffallend... dass solche Bäume sich mitten in grossen Wäldern, in so entlegenen, menschenleeren Gegenden, wie die Beläufe Glinow und Wersk es sind, angetroffen werden". [1])

[1]) Лѣсничество Еленёво (Jeleniowo), теперь названное Глиновъ (Glinow) картузскаго (Carthaus) уѣзда, недалеко отъ поморской границы... Верскъ же (Wersk), лѣсничество злотовскаго уѣзда.

Digitized by Google

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что требуемое срастаніе пней или вѣтвей съ оставленіемъ отверстія для намѣреннаго протягиванія больныхъ могло производиться съ помощію искусственныхъ мѣръ. Вѣдь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ для исцѣленія больныхъ не было подходящаго дерева, пробивали въ данномъ случаѣ насквозь стволъ молодого дерева, расширяли щель посредствомъ клиновъ до надлежащей величины и, протянувъ больного, связывали дерево, чтобы оно срослось. Срастаніе было признакомъ, что больной выздоровѣетъ.

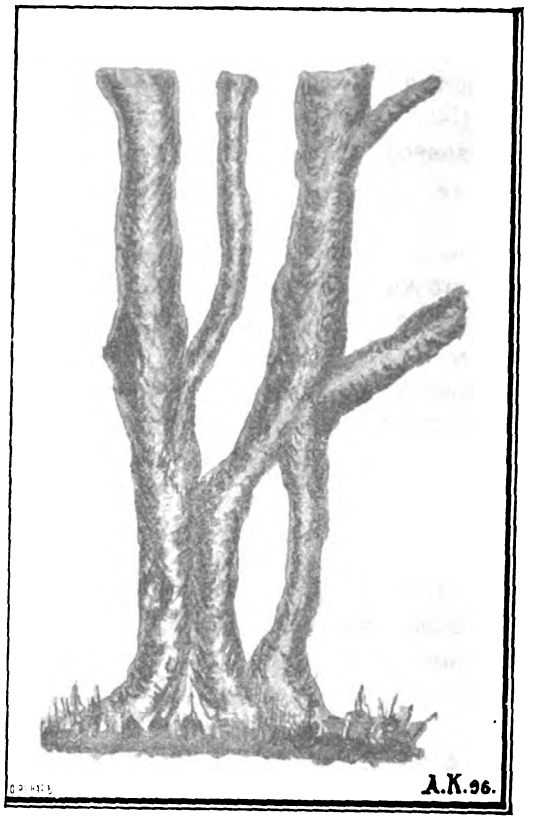
Но съ другой стороны нельзя отрицать возможности, чтобы вообще два разъединенные ствола или вѣтви не могли сами собою срастись безъ приложенія человѣческихъ рукъ. Еще до сихъ поръ находится дерево изъ породы граба (carpinus betulus) въ Elisenhain, недалеко отъ гор. Грифіи (Greifswald), у котораго два ствола срослись и нѣтъ слѣда искусственнаго соединенія[1]).

Вслѣдствіе этого нѣтъ необходимости приписывать указанный профессоромъ Caspary видъ деревьевъ искусственному соединенію, тѣмъ болѣе, что онъ самъ удивляется тому, что эти деревья имъ замѣчены въ отдаленныхъ, мало заселенныхъ странахъ, въ глубокихъ и людьми не посѣщаемыхъ лѣсахъ.

Praetorius сообщаетъ намъ, что въ прусской Литвѣ существовалъ извѣстный родъ знахарей (vaidelis), названныхъ Medziorei, на обязанности которыхъ лежало отыскивать

---

[1]) Приложенный рисунокъ ствола сдѣланъ по Gaidoz'у стр. 13, который заимствовалъ его изъ Zeitschrift des Vereins für Volkskunde Bd. II, Berlin, 1892, p. 81.



Стволъ дерева Carpinus betulus, растущаго въ Elisenhain недалеко отъ Greifsvald".

Digitized by Google

въ лѣсахъ деревья, представляющія собой необыкновенный видъ вслѣдствіе срастанія. „Medziorei haben die heiligen Wälder bedient. In Nadrawen finden sich noch (XVII вѣкъ) welche, die in den Wäldern Acht geben, wo ein Romowe (sic), oder ein sonderlich durchwachsener Baum anzutreffen. Sie lassen sich wol bezahlen, wenn sie jemand an solche bringen sollen (p. 46/7). Это можетъ только касаться деревьевъ, видъ которыхъ произошелъ самъ собою, а не искусственнымъ образомъ.

Приложеніе III.

Mannhardt. Baumkultus der Germanen.

Berlin 1875, p. 23.

§ 9. Miteinanderwuchs des Baumes und des Menschenleibes. Das Gegenstück aber zu dem durch die Strafe für Baumschäler geforderten Ersatz zerstörter Baumglieder liefert der Volksglaube, dass umgekehrt Gebrechen des Menschen durch den Baum ausgeglichen werden könnten. Bekommt ein neugeborenes Kind einen Leibesschaden, so schlitzt man am nächsten Charfreitag ein Weidenstämmchen auf, zieht das Kind hindurch und verbindet den Spalt wieder, sobald er verwächst, wird das Kind gesund[1]). Meistens ist es eine in der Mitte gespaltene mit grossen Keilen auf eine Weile auseinander gesperrte, später wieder festverbundene und verklebte junge Eiche, oder ein Obstbaum, wodurch man das lahme, oder an Nabelbruch, oder an zurückbleibendem Wachstum (englische Krankheit) leidende Kind vor Sonnenaufgang schweigend und nackt kriechen lässt[2]). Ackermann sah um 1790 in dem Eichenschlage eines gewissen Dorfes viele junge Eichen, an denen dieser Versuch gemacht war[3]). Rückgratsverkrümmungen heilt man, indem man den kranken Kleinen dreimal durch den aus der Erde hervorragenden Bogen einer Wurzel zieht; kann er nicht gehen lernen, so heisst man ihn durch die in die Erde gewachsenen Ranken des Brombeerstrauchs kriechen. Wenn der Bruch des Baumes verwächst, verwächst der Bruch des Menschenleibes, wenn der Baum, der Brombeerstrauch von der Wurzel aus grade und gesund in die Höhe wächst und Fortgang nimmt, so der darunter durchkriechende Mensch. Derselbe hat sein Schicksal, sein Leben mit demjenigen der Pflanze gleichsam auf mystische Weise verknüpft, sich selbst, mit ihr sozusagen für eins erklärt[4]). Dies geht noch deutlicher aus dem Umstande hervor, dass es fortan für den so Geheilten sehr gefahrvoll sein soll, wenn der mit ihm in Sympathie gebrachte Baum abgehauen wird[5]). Sein Leben geht mit dem des Baumes zu Ende. Und umgekehrt, stirbt der Mensch zuerst, so geht — nach Rügischen Glauben — sein Geist in den betreffenden Baum über und wird der letztere nach Jahren zum Schiffsbau

---

[1]) Oberpfalz Bavaria, II, 255.

[2]) Wuttke Aberglauben § b03. Grimm Myth. 1118 sq. Schiller z. Tier und Kräuterbuch des Meklenburge Volkes III, 80.

[3]) Deutsche Monatsschr. 1791. s. 439.

[4]) Auf dieselbe Weise identifizierte man das menschliche Leben mit demjenigen von Tieren. Baker, Nilzuflüsse in Abyssinien, I, 251, berichtet als Aberglauben der arabischen Weiber, dass Frauen, welche sich in interessanten Umständen befinden, einem recht starken Kameel zwischen Vorder und Hinterbeinen durchkriechen in der Meinung, dass diese Handlung dem Kinde die Stärke des Tieres mitteilen werde.

[5]) Deut. Mon. Schrift, 1791 a. a. O. Bei entlegenen Naturvölkern begegnen Analogien. Nach Bastian Ztschrft f. Völkerpsych. V. 297 knüpfen z. b die Küstenbewohner im Kamerongebirge (Guinea) ihr Leben geheimnissvoll an einen Baum.

Digitized by Google

tauglich und dazu benutzt, so entsteht aus dem im Holtze weilenden Geiste der Klabautermann, d. h. der Kobold oder Schutzgeist des Schiffes und der Schiffsmannschaft[1]). Uebrigens lehrte schon unter Theodosius Marcellus von Bordeaux die in Rede stehende Kur: Si puero ramex descenderit, cerasum novellam radicibus suis stantem mediam findito, ita ut per plagam puer trajici possit, ac rursus arbusculam conjunge et fimo bubulo aliisque fomentis obline, quo facilius in se, quae scissa sunt, coeant; quanto autem celerius arbuscula coaluerit et cicatricem duxerit, tanto citius ramex pueri sanabitur[2]).

Es liegt von meinem gegenwärtigen Zwecke ab, auszuführen, wie dieses Durchkriechen durch einen gespaltenen Baum sich umgesetzt hat in das Durchkriechen durch die natürliche Höhlung, welche durch zwei unten sich trennende oben wieder in eins zusammenwachsende Aeste gebildet wird, oder durch alle möglichen anderen Spalten und Höhlungen z. b. in Steinen, in der aufgegrabenen Erde (Friedberg, Bussbücher s. 99) u. s. w. Was wir jedoch vom Baume geglaubt sehen, findet auch auf das Getreide Anwendung. Hat ein Kind kein Gedeihen, so legt man es am Iohannismorgen nackt in den Rasen und sät Leinsamen über dasselbe, oder man übersät es im Frühjahr mit Sommergerste; wenn die Saat aufgeht, zu „laufen" anfängt, fängt auch das Kind an zu laufen[3]). Der aufspriessende Halm ist hier der Doppelgänger des jungen Menschen und sein Wachstum verbürgt das Emporschiessen und die Gesundheit desselben. Und anderseits trat an die Stelle des Menschen auch wol das Tier. Im VII Jahrh. predigt der h. Eligius im Frankenreiche „Nullus praesumat pecora per cavam arborem transire" (Myth. p. 1118). Es ist also auch das Tier mit dem Baume gewissermassen identifiziert worden.

Приложеніе IV.

Моровая язва и Giltiné.

Мицкевичъ описываетъ въ Конрадѣ Валленродѣ (пиръ, пѣснь вайделоты) моровую дѣву слѣдующимъ образомъ:

1. Когда заразѣ предстоитъ поразить Литву,
Ея приходъ угадаетъ вѣщее око:
Ибо, если только должно вѣрить вайделотамъ,
Неоднократно на пустынныхъ кладбищахъ и лугахъ
5. Видимой станетъ моровая дѣва.
Вся въ бѣломъ съ вѣнкомъ на огненномъ челѣ,
Главою превышаетъ дерева Бѣловѣжа[4]),
А машетъ окровавленнымъ платомъ въ рукѣ.
И кроетъ на замкахъ стражъ очи подъ шлемомъ,
10. А псы поселянъ, зарывъ пасти въ землю,
Роютъ, смерть чуютъ и съ ужасомъ воютъ.

---

1) Ztschrft. f. Deut. Myth. II, 141.

2) Marcellus Burdigalensis C. XXXIII, p. 229. Grimm Marcellus p. 24, 91. Kleine Schriften II, 141.

3) Wuttke a. a. O. § 543.

4) Як. Гриммъ въ переводѣ этихъ стиховъ дѣлаетъ ошибки; нпр. стихъ 7 переводится: An der Stirn trägt sie Zauberstäbe. D. Myth. II, ed. 1854, p. 1137.

Digitized by Google

Ступаетъ зловѣщими дѣва шагами
На замки, на села и грады богатые;
А сколько разъ махнетъ окровавленнымъ платомъ,
15. Столько дворцовъ обратится въ пустыни,
Ногою гдѣ ступитъ, тамъ свѣжій гробъ выросъ. (Пер. А. Матвѣевъ).

По собственнымъ словамъ Мицкевича описанное имъ преданіе онъ заимствовалъ изъ сообщенной ему когда-то въ Литвѣ баллады (?) слѣдующаго содержанія: „Въ одной деревнѣ появилась моровая дѣва, которая по ея обыкновенію, всунувъ руку черезъ двери или окно, и махая окровавленнымъ платомъ, разсѣвала смерть по жилищамъ. Жители крѣпко затворяли двери и окна, но голодъ, хозяйскія и другія занятія скоро заставляли ихъ покинуть предпринятыя мѣры. Всѣ ждали смерти. Одинъ дворянинъ, несмотря на то, что онъ запасся средствами къ пропитанію, поэтому дольше другихъ могъ выдержать эту странную осаду, все-таки рѣшился пожертвовать жизнью для общаго блага, и, вооружившись саблею (извѣстной подъ названіемъ Zygmuntówka), на которой выписано было имя Спасителя и Св. Маріи, растворилъ окно. Однимъ взмахомъ отсѣкъ руку чудовищу и захватилъ платокъ. Правда, онъ умеръ, и вся его семья вымерла, но съ тѣхъ поръ въ деревнѣ уже никогда моровая язва не появлялась. Платокъ же былъ переданъ въ костелъ, не помню, какого-то мѣстечка". Этимъ оканчивается разсказъ Мицкевича.

Преданіе о моровой дѣвѣ существовало во всѣхъ предѣлахъ Европы (Grimm D. M. II, 1133—44). Оно держалось крѣпко по славянскимъ землямъ въ сообщенныхъ Мицкевичемъ главныхъ чертахъ (Woycicki I. 51, гдѣ платокъ можетъ быть реминисценція съ Мицкевича). Чисто литовское преданіе разнится во всѣхъ отношеніяхъ отъ сообщеннаго, поэтому утверждаю, что преданіе Мицкевича славянскаго происхожденія, перешедшее въ Литву.

Ксендзъ Олехновичъ въ книжкѣ Pasakos pritirimaj weselos ir giesmes sudierinimays (sic) lietuwiszkay paraszitos, Wilniui 1861, p. 140, сообщаетъ намъ настоящее литовское преданіе, которое въ виду библіографической рѣдкости книжки приведемъ въ сокращеніи.

„Giltiné значитъ смерть... Она изображалась въ видѣ женщины съ длиннымъ, синимъ лицомъ и носомъ; языкъ ея, также длинный, былъ насыщенъ смертельнымъ ядомъ. Одѣтая въ бѣлое одѣяло, таскается она днемъ по могиламъ, собирая языкомъ ядъ изъ труповъ, который разноситъ ночью, то заражая ядомъ утварь, то причиняя языкомъ уколы спящимъ... Убыль же растраченнаго яда она пополняла сосаніемъ мертвецовъ"... „Однажды, разсказываетъ авторъ, въ моемъ дѣтствѣ вся наша семья, собравшись по своему обыкновенію однимъ зимнимъ вечеромъ, среди разныхъ хозяйственныхъ занятій стала разсказывать большое число случаевъ смерти сосѣдей. При этомъ было упомянуто между прочимъ, что Giltiné позволяетъ себѣ очень много. Мать моя тутъ выразила свое крайнее удивленіе по поводу того, что никто не находится такой, кто бы укротилъ дѣйствія Giltiné и отрѣзалъ ей языкъ. Прежде бывало иначе. Случилось разъ, что люди умирали въ громадномъ количествѣ. Тогда одинъ старикъ, почувствовавъ, что скоро умретъ, призвалъ къ себѣ дѣтей, родственниковъ и сосѣдей[1]), и обратился къ нимъ съ такою рѣчью: Братья мои! знаю, что я васъ скоро оставлю; чувствую, что мерзкая Giltiné лизнула меня языкомъ, а ядъ ея душитъ меня. Но я старикъ, поэтому я ей этого не ставлю въ вину... но я ей не могу простить того, что она забрала моихъ сыновей, моихъ родственниковъ и сосѣдей, все молодыхъ людей. Коль скоро умру, поло-

[1]) Это древній литовскій обычай.

Digitized by Google

жите при мнѣ ножницы для стрижки овецъ. А зачѣмъ же это? спросили присутствующіе. Старикъ нѣкоторое время молчалъ — и затѣмъ промолвилъ: положите ножницы при мнѣ сбоку. Когда Giltiné приблизится ко мнѣ, чтобы напоить ядомъ языкъ, я подвинувшись къ ней, отрѣжу ей языкъ. Требованіе старика исполнили, и скоро дѣйствительно моровая язва прекратилась.

Когда мать окончила свой разсказъ, отецъ, разсмѣявшись, продолжалъ. А я видѣлъ собственными глазами Giltiné, на вечеринкахъ (wieczorynki) въ Купишкахъ у г. управляющаго. Собственно говоря, это не была сама Giltiné, но человѣкъ, переодѣвшійся въ Giltiné. Стоялъ онъ при столѣ надъ миской съ горящимъ „крупникомъ", одѣтый простыней. Лицо, носъ у него былъ синій, словно бумага отъ сахара, а длинный языкъ его былъ отрѣзанъ (?)". Этимъ оканчиваетъ авторъ свой разсказъ съ обѣщаніемъ, что при удобномъ случаѣ сообщитъ болѣе подробностей; но кажется, что при этомъ обѣщаніи и остался онъ.

Аналогическій обычай существовалъ, помню, около 50 лѣтъ тому назадъ въ Одоляновскомъ (Adelnau) уѣздѣ Великаго княжества Познанскаго. Собравшіеся, желая призвать смерть, закрывали ставнями окна и, зажегши разлитый на глубокой тарелкѣ спиртъ съ примѣсью соли, сѣкли пламя розгами, при чемъ никто не долженъ былъ оглядываться назадъ; провинившійся несомнѣнно долженъ былъ умереть въ теченіи одного года. Отъ этого пламени лица всѣхъ принимали видъ умершаго.

Въ продолженіи своего сообщенія прибавляетъ кс. Олехновичъ нѣсколько подробностей, не лишаемыхъ интереса для изслѣдователя литовской миѳологіи.

Правда, говоритъ авторъ, Спаситель укратилъ нечистую силу, но не уничтожилъ ея; однихъ представителей ея низвергъ подъ землю; иные таскаются между людьми въ человѣческомъ видѣ; иные опять превращаются въ деревья, животныя; иные наконецъ блуждаютъ въ ночномъ мракѣ по могиламъ (p. 138). „Злыя души (złe duchy) имѣютъ всѣ качества и свойства дьявола (velnisa), который ходитъ по людямъ и заключаетъ съ ними договоры". Въ его „свитѣ" находились „Aitivarai (летучія чудовища), Vilkatai (Wilkołaki), Wiliki, Laumes, Gavenai, Raganos, Giltines". — Авторъ повидимому не различаетъ Айтиваровъ отъ Вилькатай. Эти существа или безпосредственно сами, или воплотившись въ человѣка, наносятъ бѣднымъ Литовцамъ вредъ различнаго рода, чаруютъ, навязываютъ имъ болѣзни, выбираютъ изъ-подъ гусей яйца, стригутъ ночью овецъ, отнимаютъ молоко у коровъ и пр. Айтивары похищаютъ сокровища, Вильколаки барановъ, и передаютъ ихъ своимъ любимцамъ (p. 139).

Душа человѣка не только послѣ смерти его можетъ переходить въ тѣло животнаго, Айтиваръ можетъ еще при жизни человѣка проживать въ немъ — а иной разъ показываться въ настоящемъ своемъ видѣ, или въ видѣ Лаумы — какъ ему только захочется (p. 139).

Какое значеніе имѣлъ въ старинѣ Gawenas, чтимый во время масляницы, а Великіе — во время Воскресенія Христова, ксендзу неизвѣстно, и извѣстнымъ быть не могло, такъ какъ эти существа — олицетвореніе христіанскихъ священныхъ дней, т.-е. дней до великаго поста и великой недѣли: „Въ настоящее время народъ представляетъ себѣ Гавенасъ существомъ, продѣлывающимъ различнаго рода шутки вреднаго характера, выѣдающимъ внутренности несоблюдающимъ великаго поста и заполняющимъ ихъ животъ гороховиной. Вообще Гавенасъ теперь только пугало для дѣтей. Такого-то Гавенасъ дѣлаетъ сельская молодежь въ день „попельца" изъ соломы, одѣваетъ его въ лохмотья, тянетъ отъ дома до дома, травитъ его собаками и т. п. — а все это дѣлается въ знакъ того, что великій постъ уже начался" (p. 142). Ср. Marzanna, слов. божество зимы.

„Wilikia — это богиня, которая наканунѣ великой недѣли, разнося яйца для дѣтей, раскладываетъ ихъ по окнамъ".

Digitized by Google

Для отвращенія чаровъ и наговоренныхъ болѣзней употребляются слѣдующія зелья: Durnarope (Belladona); Warinczej, Parstupas (Przestęp) и т. п.—(p. 134).

„Литовскій простой народъ ничего не знаетъ о своихъ князьяхъ, ни о своей исторіи; но онъ знаетъ по имени своихъ божковъ, разсказываетъ о нихъ, вѣритъ и боится призраковъ. Онъ также знаетъ молитву первобытныхъ людей, которую, прыгая черезъ ровъ, произноситъ: Tej tau Děvě, tej mań Děvě, это тебѣ божокъ, а это мнѣ божокъ. Онъ часто вспоминаетъ, что прежде было лучше и свободнѣе, когда народъ указаннымъ образомъ молился Богу“ (p. 143).

Приложеніе V.

Potrympus и Auszautis.

A). Potrympus.

Въ нижеслѣдующемъ разсужденіи постараемся собрать и критически разсмотрѣть извѣстные намъ источники о Potrympus и, оцѣнивъ ихъ, привести въ порядокъ относительно ихъ зависимости другъ отъ друга, а въ концѣ показать, въ какомъ положеніи находится вопросъ съ научной точки зрѣнія. Въ этомъ то и заключается единственная положительная сторона нашего изслѣдованія, такъ какъ намъ не возможно прійти къ окончательному, убѣдительному результату, вслѣдствіе скудости, жалкаго состоянія и безполезности источниковъ[1]).

I. Въ первый разъ читаемъ о божествѣ подобнаго названія въ Collatio Episcopi Varmiensis съ 1418 г. Написанная съ цѣлью защиты Крестоносцевъ передъ столицею римскаго папы, она прославляетъ ихъ заслуги, оказанныя христіанству; къ нимъ причисляетъ и то, что они истребляли идолопоклонство, почитающее „Patullum et Natrimpe et alia ignominiosa fantasmata“[2]).

Не сомнѣваясь въ достовѣрности источника относительно именъ божествъ, замѣчаемъ однако, что нигдѣ уже не находимъ названія Natrimpe, и вслѣдствіе этого Bender[3]) предполагаетъ ошибку и предлагаетъ вмѣсто Natrimpe — Potrympus, каковая форма и водворилась въ литературѣ со временъ Грунау.

Такъ какъ источникъ, кромѣ самаго названія, не приводитъ никакихъ указаній на его значеніе, то мы не имѣемъ никакого критерія для оцѣнки догадки, которая въ такомъ случаѣ нисколько не способствуетъ разъясненію нашего вопроса.

II. Simon Grunau (1526) первый приводитъ формы Potrympo, Potrumpo и т. п., и причисляетъ это божество къ тремъ главнымъ въ Ромове, приписывая ему свойства: 1) божества счастія въ сраженіяхъ (glück in streiten) и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ (und auch in andern sachin); 2) божества земледѣльческихъ плодовъ (got des getreides).

Принявъ во вниманіе результаты нашего изслѣдованія о Ромове, именно:

a) что прославляемая тройца верховныхъ божествъ является пустою выдумкою Грунау[4]);

b) что описаніе вида Potrympus, составленное на основаніи имъ также выдуманной хоругви, есть не подлежащая сомнѣнію поддѣлка[5]);

---

[1]) Монографія Der sogenannte Potrimpus zu Christburg etc. Ztschrft. d. historischen Vereins für den Reg-Bezirk Marienwerder, 1877 2. Heft. не имѣетъ никакого научнаго достоинства.

[2]) ŻML. II, 145.

[3]) De Veterum Prutenorum Diis, p. 22 прим. 38.

[4]) Ромове § 5.

[5]) Тамъ же и Nuncius cum baculo p. 22.

Digitized by Google

c) что приписываемое ему свойство божества войны не имѣетъ никакихъ основаній, такъ какъ о божествѣ войны у Литовцевъ ни одинъ серьезный источникъ не упоминаетъ, вслѣдствіе чего вообще можно сомнѣваться въ существованіи его[1]);

d) что аттрибутъ „glük in andern sachin" также произвольная выдумка Грунау, такъ какъ общеизвѣстнымъ во всѣхъ литовскихъ земляхъ божествомъ счастья была Laima, Laimele, которую для снисканія благоденствія призывали во всѣхъ жизненныхъ нуждахъ[2])... А допустивъ, что существовало какое-нибудь божество счастія подъ другимъ названіемъ, то значеніе его, не исключая Natrimpe, въ сравненіи съ значеніемъ Laima было такъ незначительно, что оно никогда не могло быть причислено къ разряду верховныхъ божествъ[3]);

e) что если божество одной болѣе обширной сферы дѣйствій, могло быть многоименное, какъ напр. въ сферѣ земледѣлія, гдѣ отдѣльные роды занятія имѣли своихъ особыхъ представителей, то Potrympus въ качествѣ „got des getreides" также не можетъ удержаться на первомъ планѣ въ сравненіи съ Žeminele, Žemina, Žempats, Laukosargas, Laukpats, Vaisgamtis (v. Vaisgautis?) въ Литвѣ и Жмуди, а Žemesmate, Lauka-mâte у Латышей, т.-е. въ сравненіи съ божествами, имѣющими всѣ свое точное и въ самомъ названіи находящееся значеніе земли, либо ея плодовъ. Между тѣмъ въ Potrympus и въ т. п. формахъ мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда, обнаруживающаго какую-нибудь связь съ землей, или съ ея плодами, хотя бы въ самомъ его названіи.

Принявъ въ соображеніе все вышеуказанное, мы имѣемъ право утверждать, что Грунау нисколько не помогаетъ намъ въ разъясненіи нашего вопроса.

III. Agenda Ecclesiastica съ 1530 г., составленная по повелѣнію прусскаго герцога Альбрехта первыми протестантскими епископами, Georgius a Polentz и Erhard von Queis († въ сент. 1529), послѣ смерти котораго начатое дѣло продолжалъ преемникъ его Paulus Speratus, заключала въ предисловіи, подписанномъ Polentz'омъ и Sperat'омъ, имена десяти божествъ самбійскихъ, послѣ которыхъ слѣдовало ихъ объясненіе названіями римскихъ боговъ.

Приведемъ эти названія и рядомъ съ ними въ скобкахъ латинское ихъ значеніе: 1) Occopirmus (Saturnus); 2) Suaixtix (Sol); 3) Ausschauts (Aesculapius); 4) Autrympus (Neptunus); 5) Potrympus (Castor); 6) Bardoayts (Pollux); 7) Piluuytus (Ceres); 8) Parcuns (Jupiter); 9) Pecols (Pluto); 10) Pocols (Furiae).

Какимъ вѣроятнымъ путемъ попали эти имена въ предисловіе Агенды, я старался указать въ другомъ мѣстѣ[4]). Результатомъ оказалось, что вышеупомянутые епископы потребовали отъ подвѣдомственнаго своего духовенства донесеній о состояніи церкви во ввѣренныхъ имъ приходахъ. Занятые дѣлами нововведеннаго и безъ всякаго порядка существовавшаго ученія епископы приказали себѣ составить краткій рапортъ изъ

---

[1]) Ромове § 5. Статья Jods der Kriegsgott der Letten, напечатанная въ Inland, 1840, № 15, мнѣ неизвѣстна. Jods, Лит. Juodas, черный, чертъ, представлялъ собою духа злого, дѣйствующаго по воздуху; онъ вообще обнаруживаетъ вліяніе понятій христіанства. Предполагаю, что основаніемъ для упомянутой статьи послужилъ: Stender Lett. Gram. § 216 s. v.—См. еще Usener Lit u. Lett. Götternamen p. 107, s. v. Kuramate: Kriegsgöttin d. i. Karamâte, также не убѣдительно.

[2]) Ромове § 5.

[3]) Toeppen (Geschichte d. Heidenthums in Preussen, напечатанн. въ N. P. P. Bl. 1846, I, 311) пришелъ къ подобному заключенію. Potrimpus, den Christian (собственно Грунау) zum gott der glücksgüter überhaupt macht, erscheint im XVI. Jahrhundert in sehr untergeordneter stellung, wenn nicht ganz ohne beziehung auf das glück. Einen gott des glückes brauchte die hierarchie (какая?), neben dem des schreckens; aber seine spätere einschrumpfung wäre kaum erklärlich. Во всякомъ случаѣ продолжала свое существованіе Lajma.

[4]) Прусскій жрецъ Sicco, въ трудахъ Московскаго Археологическаго Съѣзда 1890. — Co znaczy Sicco Przewodnik Naukowy i Literacki. Lwów, 1891, 3—6.

Digitized by Google

этихъ донесеній, въ которыхъ выдающееся мѣсто заняли интересныя свѣдѣнія изъ Самбіи[1]) о явно господствующемъ тамъ язычествѣ, состоящемъ главнымъ образомъ въ совершеніи различныхъ обрядовъ и въ жертвоприношеніи козла, при чемъ призывали боговъ, которые названы по имени. Изъ этой то части рапорта заимствовали епископы названія боговъ и помѣстили ихъ вмѣстѣ съ замѣткой о жертвоприношеніи козла въ предисловіи къ своей Агендѣ. Эта Агенда по всей вѣроятности не была напечатана[2]), и подлинникъ ея затерялся; но переписывали ее часто или съ подлинника, или съ его копіи. Въ XVII вѣкѣ списалъ копію съ подлинника Больцъ (Boltz), которая въ настоящее время находится въ Государственномъ Архивѣ въ Кенигсбергѣ подъ сигнатурою Boltzsche Sammlung № 17 in 4. Этою именно копіей я и пользуюсь.

IV. Съ этой Агенды переписалъ буквально названія божествъ и замѣтку о жертвоприношеніи козла Coelestinus Mislenta, проф. богословія и юдейскаго языка въ Кенигсбергѣ (1619—1653), и напечаталъ эту выдержку въ своемъ обширномъ сочиненіи Manuale Prutenicum etc. Kgsbg. 1626, pag. A².

V. Ioh. Behm, проф. богословія (1609—1648), въ своемъ трудѣ De Statu Borussiae Ecclesiastico et Civili, Kgsbg. 1644 in 4, перепечатанномъ въ Acta Borussica etc., Bd. III, p. 155 - 217, приводитъ названія божествъ съ ихъ латинскими переименованіями въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ихъ читаемъ въ Агендѣ. Авторъ ссылается на предисловіе къ Агендѣ, которую называетъ Constitutiones Synodales, и добавляетъ, что эти Constitutiones были напечатаны въ Кенигсбергѣ 1530 г. (См. однакожъ мнѣніе Чакерта.

VI. Christophorus Hartknoch, относящійся всегда добросовѣстно къ дѣлу, прямо говоритъ, что приведенный имъ рядъ самбійскихъ божествъ выписалъ изъ копіи Агенды[3]). Латинскихъ названій онъ однакожъ не сообщаетъ.

Между тѣмъ послѣ составленія рапорта изъ донесеній духовенства, изъ котораго вышеупомянутые епископы позаимствовали названія божествъ, и послѣ составленія предисловія къ Агендѣ 1530 г., послѣдовала новая и болѣе обширная редакція этихъ донесеній, пополненныхъ новыми, полученными изъ Самбіи. Это доказывается:

α) увеличеніемъ числа 10 божествъ, извѣстныхъ изъ прежнихъ донесеній, четырьмя новыми названіями, какими являются слѣдующія: Pergubrius (var. Pergrubius, Pergrubrius); Putscaetus (var. Puschkayts); Barstuccae; Markopele (var. Markopetae);

β) замѣной собственныхъ именъ римскихъ божествъ на обозначеніе сферы ихъ дѣятельности; напр. вмѣсто Neptunus, „deus maris"; вм. Jupiter, „deus tonitruum";

γ) измѣненіемъ порядка при перечисленіи божествъ.

На основаніи этой новой редакціи написалъ сочиненіе:

VII. Янъ Малецкій: Libellus de sacrificiis et idolatria veterum Borussorum etc. ad Georgium Sabinum, Kgsbg. 1551. Здѣсь находимъ интересующія насъ божества въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Occopirnus (sic), deus coeli et terrae; 2) Antrimpus (sic), d. maris; 3) Gardoaetes[4]), d. nautarum, qualis olim apud Romanos fuit Portumnus (sic.); 4) Potrympus, d. fluviorum ac fontium[5]). Божество Suaixtix, занимающее въ Агендѣ

---

[1]) Est adhuc in Bruthenis nostris sambiensibus Sudorum quidam manipulus.. hirco.. faciens ac prisci erroris nomina (sic) tremens. Praef. Ag.

[2]) Такъ утверждаетъ Tschackert Urkundenbuch zur Reformationsgeschichte des Herzogthums Preussen Leipzg. 1893 подъ 1526 годомъ; но окончательно этотъ вопросъ не рѣшенъ.

[3]) Manuscriptum exemplar, quod mihi se obtulit. Hartk. Diss. VII, 125/6.

[4]) Var. Bardoaetes; въ Агендѣ же Bardoayts.

[5]) Передъ самымъ описаніемъ свадебныхъ обрядовъ Янъ еще разъ упоминаетъ о Potrimpus, но уже какъ о божествѣ ворожбы: Ad haec eaedem gentes habent inter sortilegos, qui lingua Ruthenica (!) «Burty vocantur, qui Potrimpum invocantes ceram in aquam fundunt, atque ex signis sive imaginibus inter fundendum figuratis,

Digitized by Google

второе мѣсто, сейчасъ послѣ Occopirnus, совсѣмъ пропущено. Вообще тутъ приведены имена тринадцати божествъ.

VIII. На основаніи этой же новой редакціи, не одинаково однако съ Libellus Яна Малецкаго, съ прибавленіемъ новыхъ свѣдѣній составилъ сынъ Яна, Гіеронимъ Малецкій, книжку, которую для краткости назовемъ „Судавскою", подъ заглавіемъ Warhafftige Beschreibung der Sudawen auff Samlandt sambt jren Bockheyligen und Ceremonien, и которая въ скоромъ времени вышла въ двухъ отдѣльныхъ изданіяхъ[1]) безъ означенія мѣста печати и года. Одно изъ нихъ вѣроятно вышло 1560 г., или немного раньше[2]); второе же до 1564 г.[3]). Гіеронимъ прибавилъ къ 13-ти божествамъ, поименованнымъ Яномъ Малецкимъ, божество Schwaytestiks. Изъ этого перечня 14-ти божествъ приведемъ поочередно первыя шесть, имена которыхъ для нашего предмета нужны: 1) Ockopirmus, d. gott des himels und der erde; 2) Schwaytestiks, d. g. des lichtes; 3) Auschlauis (sic), d. g. der gebrechen, der kranken und gesunden (!). 4); Antrimpus, d. g. des mehrs und der see; 5) Protrympus (sic), d. g. der fliessenden wasser; Gardoayts (sic), der schiff-gott.

Изъ предыдущаго обзора источниковъ оказывается результатомъ, что только слѣдующія сообщенія слѣдуетъ считать источниками:

1) Collatio Episcopi Varmiensis съ 1418 г.

2) Подлинныя донесенія Самбійскаго духовенства (утраченныя?) [4]), изъ которыхъ были составлены двѣ редакціи. Изъ первой извѣстія перешли въ Агенду съ 1530 г., сохраненную намъ Больцомъ въ копіи. Изъ подлинной Агенды, или ея копіи выписали названія божествъ: Mislenta (№ 4); Behm (№ 5) и Hartknoch (№ 6). Вторая же редакція послужила источникомъ Яну и Іерониму Малецкимъ (№ 7 и № 8).

Между Collatio и Агендой, равно какъ между Агендой и Грунау, мы не замѣчаемъ никакой литературной связи; напротивъ Грунау заимствовалъ изъ Collatio названіе божествъ: Natrimpe, измѣнивъ его на Potrympo и т. п., названіе же Patollus заимствовалъ безъ измѣненія.

Что касается Агенды и ея источниковъ, т.-е. донесеній духовенства, мы сначала были убѣждены въ ихъ достовѣрности. Между тѣмъ при тщательномъ обсужденіи —

---

pronuntiant, ac vaticinantur, de quibuscunque rebus interrogati fuerint. Опять иная функція этого божества. Такимъ образомъ мать узнаетъ отъ гадателя, что сынъ ея утонулъ во время путешествія въ Данію.

[1]) О двухъ изданіяхъ s. a. et l. свидѣтельствуетъ вводная замѣтка, сдѣланная при перепечатаніи Судавской книжки въ Erleutertes Preussen Bd. V, p. 701—702.

[2]) Тамъ же сообщено, что Судавская книжка перепечатана по экземпляру, переплетенному 1560 г.

[3]) Въ этомъ 1564 г. Судавская книжка была вновь перепечатана какъ приложеніе къ компиляціи, написанной Вольфгангомъ Дитмаромъ (Wolffgang Dietmar) подъ заглавіемъ Auszugk der Ankunfft, Regierung und Lebens aller Hochmeister etc. — Въ предисловіи съ подписей Эльбингъ 27 апрѣля 1564 г., авторъ сообщаетъ, что уже многіе писали о вѣрованіяхъ, празднествахъ и обрядахъ Судавцевъ. Насколько намъ извѣстно, до 1564 г. писали объ этомъ предметѣ только Янъ и Гіеронимъ Малецкіе, поэтому и полагаемъ, что Дитмаръ ихъ имѣетъ въ виду: «(darum) hab ich vor gut geachtet... kürtzlichen anzuzeigen, was jhr glaub gewesen sey, und wie sie es so wunderlich mit jhrem Gottesdienst getrieben haben, und etzliche noch itziger zeit bey denn Sudawen und andere mehr jhre alte Ceremonien halten, aber heimlich. Und ist zwar solchs bisher von vielen gelerten Historicis (?) mit sondern fleis vormercket und beschrieben worden, dass nuh mehr unseren nachkommen hievon wissenschaft zu haben fastgenug geschehen».

[4]) Несмотря на мои старанія въ Государственномъ Архивѣ въ Кёнигсбергѣ, я не могъ отыскать подлинныхъ донесеній и составленныхъ о нихъ рапортовъ, по причинѣ ремонта архивныхъ залъ, вслѣдствіе чего документы были снесены въ одну залу. — Благодаря любезности проф. Lohmeyer, а главнымъ образомъ директора Архива Іоахима, интересующихся нашими занятіями, сдѣланы были розыски въ Государственномъ Архивѣ, и найденъ былъ отрывокъ изъ одного донесенія, вѣроятно самбійскаго духовнаго. Изъ копіи отрывка, присланной мнѣ г. директоромъ, я убѣдился въ томъ, что этотъ отрывокъ прямо не относится къ нашему предмету, а заключаетъ въ себѣ конецъ разсказа о жертвоприношеніяхъ.

Digitized by Google

явились нѣкотораго рода сомнѣнія, усиливающіяся постепенно, и доходящія въ нѣкоторыхъ случаяхъ до опроверженія достовѣрности. Не желая упрекать духовныхъ лицъ въ преднамѣренной фальши, не можемъ ихъ освободить отъ упрека, что они весьма поверхностно занимались своей задачей, и что они надлежащимъ образомъ не справлялись у народа.

Вообще значеніе всѣхъ божествъ, за исключеніемъ одного Parcuns, производитъ на насъ впечатлѣніе, будто бы оно было написано наугадъ, наудачу.

Итакъ прежде всего замѣчается въ Агендѣ очевидная ошибка въ латинскихъ переименованіяхъ самбійскихъ божествъ, Autrympus, Potrympus, Bardoayts, которые названы по очереди: Neptunus, Castor, Pollux. Эта ошибка оказывается на основаніи слѣдующихъ соображеній. Какъ латинскія божества Castor и Pollux близки другъ къ другу по значенію, точно такъ самбійскія, Autrympus и Potrympus, не подлежатъ раздѣленію другъ отъ друга, потому что они близки не только по корню слова, но даже по словообразованію, и по значенію. Вслѣдствіе этого само собою приходитъ на мысль, переставить Neptunus послѣ Castor и Pollux, и возстановить текстъ въ Агендѣ слѣдующимъ образомъ: Autrympus, Potrympus, Bardoayts — Castor, Pollux, Neptunus[1]). По всей вѣроятности указанная ошибка произошла уже въ рапортѣ изъ донесеній.

Такая по моему мнѣнію очевидная ошибка вызываетъ вопросъ, вѣрны ли вообще пріуроченныя къ самбійскимъ божествамъ латинскія названія, и насколько согласуются одни съ другими относительно значенія.

При рѣшеніи этого вопроса мы сообразовались съ основнымъ правиломъ происхожденія именъ литовскихъ божествъ, состоящимъ въ томъ, что эти божества получаютъ свое имя отъ того рода дѣятельности, или отъ того предмета, которыхъ они считаются опекунами, попечителями, и на которые указываетъ граматически корень слова. Итакъ, нпр. въ божествѣ земли Žeminele, въ Lauksargas, Laukpatis указываютъ žema, земля, laukas поле, лугъ на сферу ихъ дѣятельности; упомянутый въ Агендѣ Parcuns, Jupiter,— является божествомъ грома; на это указываетъ также лит. корень слова „par“, „per“ ударять, бить.— Затѣмъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе не существуетъ ли, помимо отмѣченныхъ въ Агендѣ названій божествъ, болѣе извѣстныхъ и распространенныхъ по всей Литвѣ?

На первомъ мѣстѣ въ Агендѣ значится Occopirmus, Saturnus; корень этого слова намъ не ясный; латинское его значеніе по всей вѣроятности произошло отъ ученой догадки, комбинаціи; такъ какъ лит. pirmus = лат. primus, а Saturnus считался въ римской миѳологіи первымъ божествомъ, слѣдовательно для Occo-pirmus опредѣлено значеніе Saturnus; при чемъ первая часть Occo оставлена безъ всякаго вниманія.—У Яна Малецкаго Occopirnus (sic) имѣетъ значеніе „deus coeli et terrae“, равно какъ у Гіеронима „d. gott des himels und der erde“. Если мы допустимъ сомнительное существованіе этого божества, и затѣмъ сомнительное его значеніе божества неба, то оно во всякомъ случаѣ никакимъ образомъ не можетъ быть богомъ земли, такъ какъ вообще извѣстнымъ богомъ земли была Žeminele, Žemes-mâte. — Въ иныхъ источникахъ Occopirmus нигдѣ не встрѣчается.

Suaixtix по Агендѣ „Sol“; по Гіерониму Schwaytestiks „got des lichtes“; у Яна этого божества нѣтъ. Въ прусскомъ языкѣ имѣется accus. swaigstan отъ nom. * swaigsta блескъ, свѣтъ, въ лит. žvaigžde звѣзда, поэтому * Zvaigždiks можетъ значить богъ звѣздъ, но не солнца, потому что и въ прусск. и лит. языкѣ солнце всегда называется saule, saulele, а въ пѣсняхъ миѳологическаго содержанія оно является матерью, несомнѣнно

[1]) Aber Potrimpus (ist) nicht Neptun (das ist Autrimpus), sondern Castor, пишетъ Lohmeyer Gesch. v. Ost- u. Westpreussen. Gotha 1880, p. 30.

Digitized by Google

звѣздъ, такъ какъ звѣзды, когда ихъ вечеромъ оставляетъ мать солнце, называются ея сиротами.

Ausschauts, въ Агендѣ Aesculapius, вообще не божество, какъ будетъ показано въ концѣ нашего изслѣдованія.

Bardoayts, означающій по нашему возстановленію текста Агенды Neptunus, а не Pollux, все-таки останется для насъ загадочнымъ божествомъ по своему значенію. Янъ Малецкій называетъ его Gardoaetes; эта ошибочная форма произошла отъ того, что вмѣсто *B* поставлено *G;* слогъ же *ay* (ai) латинизованъ въ *ae*. Относительно значенія Янъ Малецкій руководился источниками Агенды, называя его „deus nautarum, qualis olim apud Romanos fuit Portumnus (собств. Portunus), а такимъ божествомъ былъ именно Pollux. Гіеронимъ пишетъ Gardoayts, въ которой формѣ опять является ошибка *G* вмѣсто *B*.— Значеніе же его: „Schiff-Gott", каковымъ былъ также Pollux[1]). Тотъ же Гіеронимъ въ другомъ мѣстѣ называетъ его божествомъ вѣтровъ, успокаивающимъ вѣтры, а главнымъ образомъ ниспосылающимъ въ своемъ гнѣвѣ страшныя бури; тамъ же онъ именуетъ его также богомъ рыбаковъ[2]).

Всѣ означенные аттрибуты, если считать ихъ вѣрными, сосредоточиваются въ одномъ главномъ аттрибутѣ божества вѣтровъ, столь важнаго для приморскихъ странъ, каковою является самбійская земля, жители которой занимались главнымъ образомъ мореплаваніемъ и рыболовствомъ.

Корень, отъ котораго образовалось Bardoayts, неясный. Основываясь на значеніи „baras" гнѣвъ – я предполагалъ бы форму Bar-devaitis, божества гнѣва, требующую однакожъ подтвержденія.

Piluuytus, Ceres (Agend.); Pilvitus, deus divitiarum, quem Latini Plutum vocant (J. Mal.); Pilvitus, der Gott machet Reich und füllet die Scheunen (Hier. M.).— Корень этихъ словъ „pil" наполнять; pil-nas, полный; pilninti, наполнять, отглагольное * Pilninitis, наполняющій, нпр. овны. Это значеніе было бы подходящимъ къ данному значенію Ceres. — Pilvitus же, по моему мнѣнію, образовано отъ pilvas животъ. Родъ знахарей называется Pilvitten „Bauchredner" (см. ŽML, II, 128 9), такъ что и въ данномъ случаѣ рождается сомнѣніе относительно существованія божества въ формѣ Pilvitus.

Pecols, Pluto (Ag.); у J. M. Pocclus; у H. M. Pocklus; затѣмъ Pocols Furiae (Ag.); у J. M. Poccolus; у H. M. Pockollus; эти формы слишкомъ похожи другъ на друга, чтобы ими можно было обозначить два различныя божества. Въ основаніи ихъ лежитъ польское pieklo, адъ, какъ еще видно въ прусской формѣ pekollin (Cat. I), перешедшей уже въ Cat. II въ pykullien, адъ. Равновременно (ок. 1545 г.) существовало слово pikuls, чертъ (отъ лит. корня pik злой, piktas злой, pikuls злой духъ), съ которымъ вытѣсненное впослѣдствіи .Pecols ассимилировалось. Другіе принимаютъ ошибку Pecols вмѣсто болѣе извѣстнаго Pikuls.

Pecols по Агендѣ значитъ Pluto; Pocklus у Яна M. deus inferni, а у Гіер. M. got der hellen etc. Но эти слова никакимъ образомъ указаннаго значенія имѣть не могутъ, такъ какъ понятія „адъ" литовское язычество не знало, а тамъ, гдѣ ада не было, божества ада быть не могло. Это понятіе появилось въ Литвѣ только подъ вліяніемъ христіанства. Впрочемъ хорошо намъ извѣстно, что по представленіямъ Литовцевъ образъ жизни души послѣ оставленія тѣла нисколько не отличался отъ образа жизни на землѣ. Если же существовало какое-нибудь представленіе о наказаніи злого

---

[1]) Это доказываетъ, что мною указанная ошибка т.-е. Pollux вм. Neptunus находилась уже въ рапортѣ, составленномъ изъ донесеній.

[2]) Выдержки изъ Гіер. М. напечатаны мною въ трудахъ Московскаго Археологическаго Съѣзда въ статьѣ: Прусскій жрецъ Sicco.

Digitized by Google

человѣка послѣ смерти, состоящее въ томъ, что душа переходила въ какое-нибудь животное, то это не считалось дѣломъ какого-то божества, но послѣдовало само собою и основывалось на ассимилизаціи дурныхъ качествъ человѣка съ соотвѣтствующими качествами животнаго, напр. волка и т. п. А если читаемъ въ преданіяхъ, что душа въ этомъ животномъ проживаетъ триста лѣтъ, то никто не будетъ столь наивнымъ приписывать этому опредѣленному числу какую-нибудь особую важность. Но во всякомъ случаѣ проявляется въ этомъ преданіи вѣрованіе въ переходъ души въ животное, а затѣмъ и вѣрованіе въ святость числа три.

Pocols не можетъ имѣть значенія римскихъ карательныхъ божествъ, Furiae, какъ объясняетъ Агенда. Литовскія божества умѣли сами отъ себя отомстить за нанесенныя имъ обиды, или сами отъ себя, произвольно, причиняли вредъ людямъ. Что же касается объясненій Яна M. Poccolus, d. aëriorum spirituum, и Гіер. M. die fliegenden geister oder teuffel, то въ нихъ кроется извѣстная часть истины, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ во всей литовской землѣ существовали летучіе демоны различнаго рода, о которыхъ уже Адамъ Бременскій[1]) сообщаетъ, что ихъ именно въ Самбіи огромное количество, называя ихъ „dracontes". Къ такимъ летучимъ демонамъ принадлежали Aitivars, Ragana, Pukis; иного рода Kaukai, Parstukai (Puszaitis; Bezdukai?), которые всѣ называются у Ласицкаго „Spectra et visa". Литовскимъ словомъ Deives обозначались не только этого же рода демоны, но также почитаемые камни. Какъ ихъ звали въ Пруссіи, именно въ Самбіи, намъ неизвѣстно.

Въ виду указанныхъ нами вообще недостовѣрныхъ свѣдѣній, находящихся въ Агендѣ, мы имѣемъ полное право также сомнѣваться въ истинѣ сообщенныхъ данныхъ о Potrympus и Antrympus, или Autrympus. Изъ всѣхъ божествъ, упомянутыхъ Агендой, одинъ Parcuns, существовалъ дѣйствительно въ вѣрованіяхъ; изъ остальныхъ же меньшая часть подлежитъ весьма серьезному сомнѣнію, бóльшая же часть вовсе не заслуживаетъ довѣрія. Поэтому Агенда не можетъ служить надежнымъ источникомъ для прусско-литовской миѳологіи. Мы занимались разборомъ ея обстоятельнѣе потому, что мы до сихъ поръ нигдѣ не встрѣтились съ настоящей оцѣнкой ея.

IX. Пока не будетъ доказано, что деревня Potrimpen (иначе Narus-Potrimpen, а раньше Norkaiten, Narus Tallut), Шилокарчемскаго уѣзда (нѣмецк. Heydekrug)[2]), а также что и деревня Potrempchen (иначе Potremschen, Potrimpchen), Инстербургскаго уѣзда)[3]), имѣли такія названія во время язычества, до сихъ поръ мы не можемъ воспользоваться ими для разбора нашего вопроса, такъ какъ онѣ могли быть даны сказаннымъ деревнямъ впослѣдствіи, послѣ распространенія имени Potrympus писателями.

Недалеко отъ г. Darkehmen (въ Восточной Пруссіи) находится холмъ Potrimposberg; по поводу его въ честь Potrimpos (sic) написалъ пасторъ Іонасъ стихи, неимѣющіе научнаго значенія[4]). Въ деревнѣ Trömpau въ Самбіи на вывѣскѣ корчмы нарисовано чудовище съ надписью Zum Po-Trömpos[5]). Все это представляетъ безполезный матеріалъ[6]).

---

[1]) ed. Lappenberg (Pertz т. VII, p. 373): см. Sc. R. Liv, I, 322, № 17.

[2]) Słownik Geograficzny s. v. Norkaiten.

[3]) Тамъ же s. v. Potrempchen.

[4]) N. P. P. Bl. 1846. II, 185/6.

[5]) Тамъ же 314.

[6]) Die frage, wie weit Potrimpus der litauischen mythologie angehöre, verdient nähere erwägung. Jn den Dainos komt er nicht vor, und litauische geistlichen versichern auch, dass er dem gemeinen volke in der that unbekannt ist. Neulich ist von Jonas eine sage über den Potrimposberg bei Darkehmen mitgetheilt, aber alter und echtheit derselben darf... bezweifelt werden. Es scheint nicht unmöglich, dass ein liebhaber litauischen volkstums wie den berg, so auch die sage geschaffen habe. Auch die natur und bedeutung des Potrimpus für die alten Preussen ist noch sehr räthselhaft. Тамъ же. Toeppen p. 472.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе сдѣланные нами изъ всѣхъ приведенныхъ источниковъ и сообщеній выводы, мы относительно Potrympus и Natrimpe (№ I) пришли къ весьма скуднымъ и можно сказать къ ничтожнымъ результатамъ, именно:

1) что въ Варміи существовало какое-то божество Natrimpe, значеніе котораго намъ неизвѣстно;

2) что въ Самбіи существовали будто бы божества Autrympus v. Antrympus и Potrympus, названія которыхъ, равно какъ и значеніе ихъ въ смыслѣ Castor и Neptunus весьма сомнительны.

На основаніи такого рода матеріала невозможно составить себѣ какое-нибудь положительное мнѣніе объ этихъ божествахъ. Поэтому мы и вынуждены собрать себѣ матеріалъ иного рода, можетъ быть, болѣе благопріятствующаго нашей задачѣ.

Названія Natrimpe, Autrympus v. Antrympus, Patrympus v. Potrympus разнятся между собою только первымъ слогомъ, который въ живомъ языкѣ существуетъ отдѣльно, въ качествѣ предлоговъ Na, Po, Pa, Ant, либо въ качествѣ префикса Au; всѣмъ же обща часть trimpe, или trimpus съ латинскимъ, или trimpos будто бы съ литовскимъ окончаніями.

Слово Trimpus въ самомъ дѣлѣ читается отдѣльно у Стендера, и Brivzemniaksa; Trimpa же у Довконта.

X. Стендеръ въ упомянутомъ нами алфавитномъ указателѣ латышскихъ божествъ, пріуроченномъ къ его латышкой грамматикѣ, сообщивъ по Гіерониму Малецкому свѣдѣнія объ Antrympus и Potrympus, отводитъ особую замѣтку для Trimpus (см. s. v. Trimpus), о которомъ и упоминаетъ первый, и объясняетъ его слѣдующимъ образомъ: Trimpus der heidnischen Letten Bacchus oder saufgott, dem sie ihr halbes feld zu saufgelägen widmeten und solches ihm zu ehren und sich selbst zum besten freudig verzehrten. Diesem Trimpus waren zwei andere beygeordnet. Antrimpus, der gott des meeres, und Potrimpus, der gott der flüsse und der quellen, dass sie als getreue saufkameraden des Trimpus zu dem seegen des halben feldes auch ihren segenreichen antheil aus meer und flüssen dazu geben sollten.

Подтвержденіе обычая, что извѣстная часть поля (вѣроятно общими силами) обработывалась, и что жатва обращалась на издержки для приготовленія и совершенія общихъ празднествъ, мы находимъ у Гіеронима Малецкаго: Das bier wirdt gemeiniglich gekaufft von einem stück acker; was das stück einbringt, dar wirdt verkaufft und das bier damit bezahlet[1]). Описаніе Стендера касается осеннихъ праздниковъ; выраженіе „halbes feld" произошло отъ ошибочнаго объясненія слова Trimpus, какъ будто бы сложнаго изъ „tihrum" поле и „pus" половина. Такъ какъ число три считалось священнымъ и господствовало во всѣхъ обрядахъ, мы ожидали-бы здѣсь не „половины поля", а третью его часть. Всѣ другія объясненія считаемъ произвольною комбинаціею самаго Стендера; одно однакожъ обстоятельство заслуживаетъ вниманія, именно то, что онъ Trimpus называетъ saufgott и соединяетъ его съ пиршествами, saufgelage, составляющими существенную часть всѣхъ праздниковъ, такъ что теперь уже рождается предположеніе, что Trimpus можетъ быть названіе какого-то празднества, или какого-то обряда, совершаемаго во время празднества, а это названіе впослѣдствіи могло пройти въ собственное имя личности.

XI. Jokybs Laukys (Довконтъ) описалъ „Бытъ древнихъ Литовцевъ" подъ заглавіемъ: Budą Senowęs Letuviû Kalnieniû ir Zamaitiû. Petropilie 1845. Этотъ выдающійся и неутомимый труженикъ на поприщѣ Литовщины, самъ по происхожденію Литовецъ, проводилъ почти всю свою жизнь въ Литвѣ, и уже съ самаго дѣтскаго возраста слушалъ

---

[1]) Судавская книжка.

Digitized by Google

народныя преданія и пѣсни, и былъ свидѣтелемъ обычаевъ и суевѣрій и различныхъ обрядовъ, имѣющихъ свое начало въ языческихъ вѣрованіяхъ. Получивъ высшее образованіе, и преданный народному дѣлу, онъ сталъ изучать латинскія, польскія и нѣмецкія хроники и сочиненія, касающіяся его любимаго предмета. Зная при этомъ родной языкъ со всѣми его тонкостями, и пиша на немъ, какъ рѣдко кто до него писалъ, онъ старался между прочими изложить религіозный, общественный и домашній бытъ своего народа. Такимъ образомъ онъ не только по этимъ предметамъ можетъ считаться источникомъ, но также и по языку для лингвистовъ. Но къ сожалѣнію въ описаніи религіознаго быта, а именно въ миѳологической части онъ слишкомъ держался прусскихъ писателей (а именно Луки Давида), пользовавшихся всѣ безъ исключенія Симономъ Грунау, и Судавской книжкой Гіеронима Малецкаго, не примѣняя къ нимъ ни малѣйшей методической критики. Въ остальныхъ многочисленныхъ сообщеніяхъ его, непосредственно касающихся живого быта Литовцевъ, я не отказалъ бы ему въ достовѣрности.

Главныя мѣста, относящіяся къ нашему предмету, приводимъ здѣсь въ подлинникѣ:

1. Описавъ идолъ Перкуна, поставленный въ отверстіи предполагаемаго дуба въ Ромове, переходитъ къ описанію второго идола: Ąntrasis stabas ąmtramiji ouksi buwes grakształos jaunikajtis, gałwa jo warpû wajniko apkliesta, wejdo linksmo, wadinusis Trimpo arba Drimbo, kajp patarlie szenden dar yra sakoma „Ek sau po Trimpû; arba Jôri beje: pawasario Dijwo, łajmos dawiejo, ikurejo pakajaus, brąndos ir gausumo, globiejo gywoliû, oręs ir jawû, kajp Perunas (sic) buwęs szilimos Dijwo, tajp szis wajsiaus“ (p. 94). „Второй идолъ во второмъ отверстіи изображалъ юношу молодцоватаго вида; голову его украшалъ вѣнокъ, сплетенный изъ колосьевъ; взглядъ его веселъ, а имя его было Trimpa, или Drimba, какъ еще до сихъ поръ говорится въ пословицѣ „Ступай себѣ po Trimpû“; или (назывался) Юрій, т.-е. божество весны, даятель благоденствія, творецъ міра, урожая (собств. наливанія зерна) и изобилія, покровитель животныхъ, птицъ и хлѣба; какъ Perunas (sic) былъ божествомъ тепла[1]), такъ онъ былъ божествомъ плодовъ.

Этотъ отрывокъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей трехъ различныхъ авторовъ:

α) Сообщеніе отъ antrasis до linksmo заимствовано у Луки Давида, источникомъ котораго былъ Грунау.

β) Отъ Jori до wajsius — это дальнѣйшее развитіе сообщенія Грунау: gott des getreides, что отчасти уже сдѣлано Л. Давидомъ[2]). Все же остальное касается торжества весны, праздновавшагося 23 апрѣля въ день Szwents Giergis (Praet. 57), св. Юрія, Юрьевъ день (Вольтеръ, Матеріалы etc. стр. 4 и др.), когда въ первый разъ выгоняли скотъ на луга (ср. польское Na 'S. Wojciech, kobyli pociech). Такъ какъ Довконтъ тутъ ссылается на Neueste Nordische Beyträge Peterb. и Leipz. 1793. I p. 227[3]), предполагаемъ, что онъ отсюда заимствовалъ эти свои свѣдѣнія. Слѣдовательно по Довконту Trimpa, Drimba, божество благоденствія и весны.

γ) Средняя часть отъ wadinusis до Ek sau po Trimpû принадлежитъ къ сообщеніямъ самого Довконта, заимствованнымъ изъ жизни народа. Главное затрудненіе представляется въ объясненіи „po Trimpû“. Предлогъ po c. gen. говоря о времени, имѣетъ значеніе „послѣ“, нпр. po metû послѣ, по истеченіи года, черезъ годъ; о мѣстѣ: послѣ, за, нпр. po kits kitos, одна послѣ другой, одна за другой (Schleich. Gr. 1. 202). А такъ

---

[1]) Онъ былъ также богъ морозовъ Alnpeke стихъ 1434—7; Прилож. VII, годъ 1219 и ŻML. I, 116.

[2]) «Potrimpo war der ander abgott der Preussen, wardt gehalten für einen gott von deme alles glück keme in streitten, regirung, haushaltung auffm ackerland und andern mehr» L. Dav. ed. Hennig, Kngsbrg 1812. Bd. I, p. 34.

[3]) Ссылка ошибочна, по справкѣ, сдѣланной мною въ Берлинѣ; для насъ важно, что Довконтъ ссылается на печатанное сочиненіе, а не на традицію.

Digitized by Google

какъ Trimpa по Довконту божество благоденствія, то Ek sau po Trimpû имѣло бы значеніе „Иди, ступай себѣ за божествами счастья“, къ бож. счастья.— Gen. plur. заставляетъ насъ принять извѣстное количество божествъ этого рода. Въ живомъ языкѣ еще до сихъ поръ говорится Ek sau po velniû, собственно: иди себѣ за чертями, убирайся къ чертямъ. Довконтъ[1]) приводитъ еще фразу Ek sau po Giltiniû, ступай себѣ къ Гильтинамъ, къ демонамъ смерти, на погибель[2]). — Въ концѣ нашего изслѣдованія мы вернемся къ этому предмету.

2. „Kamieni to oużolo buwi trys ouksaj, koriusi stowiejusis istatyti trys Dijwaj wirsziaus minawoti. Perunas (sic) widorie, Trimpa kajrioie o Pykulys deszinioie szalie Peruno“ (p. 103). На верхнемъ концѣ этого дуба были три отверстія, въ которыхъ поставлены были три вышеупомянутыя божества въ стоячемъ положеніи, Perunas (sic) посрединѣ, Trimpa налѣво, а Pykulis направо возлѣ Peruna.

Это описаніе противорѣчитъ основнымъ вѣрованіямъ Литовцевъ. Литовецъ же по происхожденію, какимъ былъ Довконтъ, долженъ былъ необходимо написать, что Trimpa, какъ божество благоденствія, стоялъ по правую руку возлѣ Perkuna, такъ какъ эта сторона считалась благопріятной; лѣвая же считалась всегда несчастной (Z. M. L. I. 109. 19). Названіе Patollus Довконтъ произвольно замѣняетъ болѣе извѣстнымъ Pikulis. Впрочемъ споръ относительно того, какое мѣсто занимали божества, считаемъ совершенно безполезнымъ въ виду несуществованія этой тройцы вообще, а истукановъ въ частности. Срав. еще Hartk. Diss. III. 3, p. 128.

3. „Letuwej turieiusis ji ož szwęntą i karę traukdamis sotikij kelie żalti tarusis, iog jis essos Trimpos Dijwas, arba kajp praszalejtej waden po Trimpos Dijws“ (p. 94—5). Литовцы считали его (змѣя) святымъ и встрѣтивъ змѣя по пути во время отправленія на войну, говорили, что онъ будто бы божество Trimpa, или какъ посторонніе его звали „po Trimpos Dijws“.

Грунау, а затѣмъ его послѣдователи, придаютъ Potrympus аттрибутъ glück in streiten — а символомъ его считаютъ змѣя. По Довконту казалось бы, что только воины, отправляющіеся противъ непріятелей, считали встрѣчу со змѣемъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Между тѣмъ неожиданное появленіе змѣя не только военному, но и каждому, предвѣщало благопріятный исходъ въ предпринятомъ дѣлѣ. Очевидно Довконтъ это писалъ подъ вліяніемъ словъ „glück in streiten“.

4. „Pirmoje szwente buo pawasario Trimpos arba Jores szwente wadinama“. Первый праздникъ былъ весною и назывался „праздникомъ Trimpa или Юрія“.

Изъ вышеприведенныхъ отрывковъ слѣдуетъ:

α) Довконтъ рѣшительно отвергаетъ форму Potrimpus очевидно потому, что она не существовала въ Литвѣ.

β) Вмѣсто ея приводитъ Trimpa (№ 2) мужескаго рода, какъ показываетъ „Dijws“, а не Dijwa, Dĕwe; склоненіе же ея въ женскомъ родѣ: Trimpos gen. sing. (№ 3 и 4).

γ) Самъ колеблется какъ его звать, Trimpa или Drimba (№ 1), вѣроятно потому, что и форма Trimpa не была ему положительно извѣстна.

δ) Желая разъяснить, откуда произошла загадочная форма Potrympus, вмѣняетъ это въ вину чужестранцамъ (не знающимъ по-литовски), которые вмѣсто Trimpos будто бы говорили „po Trimpos Dijws“ (№ 3). — Только бѣда, что этого нельзя понять, и вѣроятно самъ Довконтъ не понималъ.

---

[1]) Buda p. 95, 97.

[2]) Въ словахъ Довконта Ek sau po Giltiniu, arba giltiniu kałpa послѣднія слова не ясны. Kurschat s. v. kałpa объясняетъ, что это бревно, соединяющее впереди полозья саней; но и конструкція для меня не понятна. Г-нъ Станиславъ Рауба сообщилъ мнѣ, что kałpa означаетъ «добыча» и что во фразѣ пропущено: «buk» пусть будетъ; такимъ образомъ слѣдовало бы читать «arba buk Giltiniu kałpa», пусть будетъ добычей Гильтинъ.

Digitized by Google

ε) Значеніе Trimpa опредѣлено Довконтомъ по значенію Potrympus у Луки Давида (=Грунау), съ присоединеніемъ значенія весеннихъ праздниковъ.

ζ) Новымъ является у Довконта фраза Ek sau po Trimpû, значенія которой не сообщаетъ.

Итакъ мы убѣждаемся, что Довконтъ нисколько не способствуетъ разъясненію даннаго вопроса. Въ крайнемъ только случаѣ можно принять, что существовало какое-то слово, похожее на Trimpa, Trimpe[1]).

XII. Brivžemniaks-Treuland помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Императ. Общества Люб. Естеств. и Этнографіи. Т. XL. п. загл. „Матеріалы по Этнографіи Латышскаго племени". Москва 1881, стр. 173, № 526, заклятіе, доставленное ему г. Сиверсомъ, землевладѣльцемъ изъ волости Вальтайкенъ Газенпотскаго уѣзда, Курляндской губерніи: Vaj tevi skaudu, vaj nabagûju kû nû tevim, kad tu manus laùkus (lûpus, dárzus un c.) apèrmûji: Es isáku savus dàrbus ar Laimas màtes paligu un nûbeidziu Divu divu minédams. Kápéc tu sútiji Jûdu man virsú! Nûládéts tamdèl tu esi! Laj Trimpus nû tavim laùkim, lûpim, plavám, dàrzim un ganiklám nûgrižás, un ľaj Pérkûna rúsu mákûnas (v. nû muklu purvim rúsa) par tavim laùkim, dárzim, plavám, ganiklám lidinás! Laj visu, kas aug un dzem samaitá Pérkûnu gari! Laj Pérkûns spérdams visu laùnumu nû manim aizdzen un tev pašam tû devińkártigi uzlik, ka tu nûdèdétu, ka rudeni nidres purvûs. Laj tava skaudiba múžam pimetás pi cikstûša kûka — ne pi mana, vaj cita labuma! Развѣ я тебя завистью повредилъ, или милостыни у тебя испросилъ, что ты заколдовалъ мои поля (стада, огороды и пр.). Я начиналъ свои работы, призывая Лайму — мать, а окончилъ воспоминаніемъ бога боговъ. Зачѣмъ ты наслалъ черта на меня? Поэтому будь проклятъ! Пусть Trimpus отвернется отъ твоихъ полей, стадъ, луговъ, огородовъ и пастбищъ, и пусть зарничныя тучи Перкуна (v. зарница съ болотъ-топей) несутся надъ твоими полями, огородами, лугами, пастбищами! Пусть все, что растетъ и рождается, испортятъ духи Перкуна! Пусть Перкунъ, поражая, прогонитъ отъ меня все зло и наброситъ на тебя вдевятеро больше, такъ чтобы ты изсохъ, какъ осенью камышъ въ болотахъ! Пусть твоя вредная зависть на вѣки прильнетъ къ скрипучему дереву, а не къ моему или къ чьему-нибудь добру.

„Произнося это заклинаніе стань голыми колѣнами на землю, лицомъ противъ солнца. Если завистникъ (колдунъ) послѣ этого придетъ къ тебѣ въ домъ, ошелемленный или больной, и станетъ просить напиться, то не давай ему. Какъ скоро онъ получилъ отъ тебя хоть одинъ глотокъ воды, то онъ спасенъ, наговоръ болѣе не дѣйствуетъ (Трейляндъ ibid.).

Trimpus въ вышеприведенномъ заклятіи обладаетъ громадною властью, и вслѣдствіе этого значеніе его между земледѣльческими божествами должно быть первостепенное, и поэтому извѣстнѣе другихъ этого разряда божествъ, такъ какъ онъ является совокупно божествомъ полей, луговъ, огородовъ, стадъ и пастбищъ. Однакожъ мы относительно его значенія до сихъ поръ не нашли никакихъ неоспоримыхъ данныхъ, и даже самое названіе его подлежитъ сомнѣнію (см. нпр. у Довконта, Trimpa или Drimba?). Поэтому и мы относимся къ упоминанію его въ этомъ заклятіи съ недовѣріемъ. Вѣдь удивительно, что о божествѣ столь обширнаго значенія осталось такъ мало свѣдѣній, которыя еще послѣ подробнаго разбора оказываются сомнительными и недостовѣрными. Въ народныхъ пѣсняхъ онъ вовсе не упоминается; въ народныхъ преданіяхъ о немъ нѣтъ рѣчи — что впрочемъ окончательно не рѣшаетъ объ его существованіи. Изъ авторовъ Стендеръ именуетъ его б. пьяницъ, а Довконтъ основывается главнымъ образомъ на поддѣлкахъ Грунау. Личныя мои старанія были тщетны[2]).

[1]) См. въ концѣ этого разсужденія нашу догадку.

[2]) Извѣстный знатокъ латышской исторіи, баронъ Г. Мантейффель, къ которому я обратился при разъяс-

Digitized by Google

Неужели Trimpus только въ этой одной деревнѣ былъ извѣстенъ и только тутъ пользовался столь обширною властію? Намъ кажется, что, хотя самое заклятіе совершенно соотвѣтствуетъ и по своей формѣ, и по своему содержанію латышскимъ обычаямъ, однако все-таки упоминаніе въ немъ „бога боговъ", а затѣмъ поименованіе „Trimpus" возбуждаетъ въ насъ подозрѣніе, что „богъ боговъ" христіанскаго происхожденія, а „Trimpus" вытѣснилъ какое-то другое, болѣе подходящее названіе божества.

Въ то время, какъ значеніе Trimpus становится для насъ неуловимымъ, очерчиваются ясно и выразительно другіе представители его власти, какъ представители спеціальныхъ функцій ея, такъ и болѣе общихъ. Итакъ представителями спеціальныхъ функцій сказанной власти являются напр. Laukamate, мать полей (литов. Laukpatis, Laukosargas); Lopumate, бож. стадъ; Darža-mate, бож. огородовъ. Къ этимъ-то божествамъ прибѣгали именно въ случаѣ нужды, а не къ какому-то Trimpus[1]).

Кромѣ того каждый латышскій хозяинъ имѣлъ особаго покровителя своего дома и поля, называвшагося Majaskungs, а не Trimpus, а въ Литвѣ Žempats[2]).

Затѣмъ болѣе обширную власть, нежели упомянутыя божества, имѣла Žemes-mate, мать земли, и вообще плодородія. Она въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ является главнымъ образомъ ключницей могилъ, затѣмъ божествомъ земли и божествомъ всякаго блага, какимъ именно намъ являлся Trimpus, напр.

Ой, добрая мать земли,
Дай мнѣ ключъ отъ могилы,
Чтобы я могла отомкнуть могилу
Для старой бабушки (Спрогисъ стр. 218/21).

Иногда вмѣсто Zemes-mate говорится прямо земля:

Растворились ворота земли,
Сокрыли ключь земли,

невія даннаго вопроса, отвѣтилъ мнѣ: никто изъ насъ ничего не слыхалъ о Тримпѣ. Спрошенный мною и г. Биленштейномъ, г. Трейландъ на ежегодномъ засѣданіи Общества (der lettisch-literärischen Gesellschaft), признался, что и онъ ничего о Тримпусѣ не слыхалъ, кромѣ того, что о немъ говорится въ заклятіи, сообщенномъ г. Сиверсомъ изъ Вальтайкенъ.—Даже «Pikis», «Piktulis» имѣютъ болѣе выразительныя черты дѣйствительности, чѣмъ Trimpus. По крайней мѣрѣ кое-гдѣ слышатся у Латышей эти названія, хотя и они могутъ быть только книжными божествами, перешедшими въ народъ. Но это рѣшительно опровергаетъ г. Трейландъ, не будучи однако въ состояніи опроверженіе подкрѣпить доказательствами».

[1]) «auch haben sie... besondere götter und göttinen gehabt, als die mutter oder göttin des ackers... der garten». P. Einhorn Hist. Lett. Sc. R. Liv. II, 584.—Затѣмъ: «und rieffen jhre Laukamaat, Meschamaat, Lopemaat .. mit fleiss an» Reform. gent. lett. въ Sc. R. Liv. II, 616. — «und derwegen nicht die Lauka Maat umb getreyde, die Daarsa Maat umb gartengewächs... die Lopu Maat umb viehe, sondern Gott der Herr allein umb alles anzuruffen (sei)». Ibid. p. 618.— Wann sie im garten arbeiten, so ruffen sie die Dahrsemate, die göttin oder mutter der garten an. Wann sie auffs feld hinauszgehen, so ruffen sie die Laukemate, die mutter oder göttin der felder oder der acker an, wie sie denn auch derselben dancken, wann das getreide wol stehet... Also wird von jhnen die mutter und göttinne des viehes (т.-е. Lopumate) angeruffen. Einh. Wiederlegunge der Abgotterey etc. S. R. Liv. II, 642. Если въ язычествѣ встрѣчались понятія, сходныя съ христіанскими, то Латыши соединяли одно съ другимъ: «denn wie sie dazu gehalten wurden, dass sie die Jungfraw Mariam anruffen solten, und sie sahen, dass es mit der anruffung jhrer götter und göttinen übereinkahm, da rieffen sie beydes, die Jungfraw Mariam und andere heiligen, und denn auch jhre götter und göttinnen an, vermeineten also, sie weren miteinander und köndten beyderseyts helffen, wie sie dasselbe aus jhren worten oft vernehmen lassen: O Maringa darga, o Lopu Matiet (sic) bagata! (О дорогая Марія, о щедрая мать животныхъ. Reform. g. lett. Sc. R. Liv. II, 616/617.

[2]) Это божество принадлежитъ собственно къ домашнимъ божествамъ. Литовскій Žempatis считался братомъ Žeminele (Praet. p. 31). Zempattys (sic) ist eigentlich gott der bau und wohnstätte. Diesem zu ehren pflegt der wirth zur zeit des kürzesten tages eine feier zu halten... Молитва къ нему: du Zemypatie (sic) du giebst uns solch gut brot. Dafür danken wir dir! Hilf dass wir durch deinen seegen unsere äcker betreiben und durch zuthun der Zeminele mehr deiner guten gaben empfangen и пр. Praet. p. 66.—O Majas Kungs см. Das Inland, Dorpat 1836, № 39. p. 641.

Digitized by Google

Спать мнѣ теперь подъ землею,
Пока солнце на небѣ! (Спрогисъ 218/17).

Въ другой пѣснѣ покойникъ прощается съ семьей и привѣтствуетъ мать-землю, попеченію которой поручаетъ свое тѣло:

Прощайте, батюшка, матушка!
Добрый вечеръ тебѣ, мать земли!
Добрый вечеръ тебѣ, мать земли,
Храни мою красоту! (Спрогисъ 218/18).

Вмѣстѣ съ тѣмъ она была богиней пропитанія и всевозможныхъ благъ (точно такъ, какъ и Trimpus).

Говорятъ, что земля причиняетъ зло;
Земля дѣлаетъ всякое добро,
Земля даетъ ѣсть, пить,
Скрываетъ мою красоту (Спр. 218/19).

Такимъ образомъ названіе земли Zedu-mamulite, мать цвѣтовъ, рядомъ съ названіемъ ея „ключницею могилъ" получаетъ свое объясненіе.

Впрочемъ вмѣсто Trimpus могли призывать Lajma, извѣстное во всей Литвѣ божество благоденствія вообще, слѣдовательно и урожая. Въ этомъ смыслѣ упоминается Lajma и въ приведенномъ нами заклятіи, равно и въ народныхъ пѣсняхъ:

Lajme ходитъ черезъ овсяное поле,
У ней плащъ изъ овсяной шелухи;
Богъ ходитъ чрезъ ржаную ниву,
У него шапка изъ иголъ ржи (Спр. 307/23).

И этотъ безыменный богъ (deviṅs) считается виновникомъ урожая; онъ распространяетъ спокойствіе надъ полями, покрытыми цвѣтущимъ хлѣбомъ:

Тихо, тихо ѣдетъ богъ (deviṅs)
Съ горы въ долину:
Отъ него не колышется цвѣтъ ржи,
Не пугаются кони пахарей (Спр. 299/3).

Разобравшись во всѣхъ приведенныхъ подробностяхъ мы дѣлаемъ предположеніе, что имя Trimpus въ данномъ заклятіи поставлено вмѣсто настоящаго имени божества плодородія, или вмѣсто общаго deviṅs; и что его внесъ туда какой то книжный ученый, которому имя Trimpus, положимъ изъ Стендера, стало извѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ мы старались сдѣлать вѣроятнымъ, что упоминаніе Trimpus въ заклятіи въ виду выше изложенныхъ соображеній, не заслуживаетъ безусловнаго довѣрія.

Для нагляднаго обзора разницы въ приписанныхъ Potrympus Potrimpe, Trimpus аттрибутахъ считаемъ полезнымъ еще разъ вкратцѣ перечислить ихъ безъ всякаго отношенія къ ихъ достовѣрности.

a) Potrimpus: glück in streitten und sust in anderen sachin; gott des getreydes (Grunau). — Pollux (Agenda). — Deus fluviorum ac fontium; божество ворожбъ (Янъ Мал.). — Gott der fliessenden wasser (Гіер. Мал.).

b) Antrimpus v. Autrimpus: Neptunus (Ag., по нашему Castor). — „Deus maris (Янъ М.). — Der gott des mehrs und der see (Гіер. М.).

c) Trimpa: богъ весны, даятель благоденствія, творецъ міра, наливанія зерна, обилія; покровитель стадъ, птицъ, хлѣба (Довконтъ).

d) Trimpus: saufgott (Stender). — Покровитель полей, луговъ, огородовъ, пастбищъ; богъ стадъ (Трейландъ).

Digitized by Google

Слѣдовательно было бы у насъ довольно, да, изобиліе матеріала, но къ сожалѣнію мы не знаемъ, чтó именно изъ этого всего избрать, такъ какъ послѣ нашего разбора ни одинъ аттрибутъ не оказался достаточно достовѣрнымъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что большинство аттрибутовъ указываетъ на связь съ плодородіемъ.

Такимъ образомъ въ виду этихъ вообще сомнительныхъ или прямо недостовѣрныхъ данныхъ, и въ виду фактическаго существованія какого-то слова, похожаго на trimpe, trimpus, изслѣдованіе наше встрѣчается съ непреодолимыми препятствіями и не можетъ прійти ни къ какому положительному результату. Поэтому слѣдовало бы оставить весь вопросъ нерѣшеннымъ, или прибѣгнуть къ догадкамъ, не всегда удачнымъ. Съ этой оговоркой мы представимъ нашу догадку, основаніемъ для которой послужитъ одинъ общій, но дѣйствительно существовавшій, обычай или обрядъ, и затѣмъ одна замѣтка Стендера.

Всѣмъ спеціалистамъ по Литовщинѣ извѣстно, что Литовцы во время каждаго празднества совершали пиршества, переходящія обыкновенно въ необузданное пьянство. Свидѣтельство о Пруссіи вообще, приводитъ Dusb. III, 5; о прусской Литвѣ Praetorius по разнымъ мѣстамъ, а о Латышахъ уже самъ языкъ, въ которомъ вмѣсто „праздновать, совершать торжество", говорится прямо: пить торжество, напр. Kazas dzert, пить свадьбу; beres dzert, пить тризну и пр.

Для покрытія издержекъ на общіе праздники извѣстной деревни, или нѣсколькихъ деревень засѣвали общее поле; часть жатвы продавали, и на вырученныя деньги покупали жертву, быка, свинью, козла и т. п., а изъ остатковъ этой жатвы варили пиво и пекли печеніе. Или также, каждый хозяинъ отдѣльно приносилъ опредѣленное количество хлѣба (Суд. книж.).

Общія жертвоприношенія совершались также въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. во время чумы, морового повѣтрія. Такое жертвоприношеніе описываетъ Einhorn. „Und haben solche opffer auch diese leute oder unteustchen (т.-е. Латыши) gethan in solcher zeit (во время чумы), welches sie Sobar geheissen, das ist ein zusammengeleget, oder von vielen zusammengeschossen opffer, denn jhrer viel zusammengetreten, und jglicher so viel geldes wie der ander, zusammengeleget und dafür zu solchem opffer ein stück viehes gekaufft und dasselbe geopffert, hernach aber das übrige verzehret. So haben sie auch einer so viel wie der ander an getreyde zusammengeschüttet, davon gebrawet und gebacken, und alsdenn zusammen abergläubiger weise mit jhren heydnischen ceremonien Gott angeruffen, das er die pestilentz abwenden wolte; wann das geschehen, haben sie ein convivium miteinander gehalten und die zu hauff gebrachte speise und tranck mit einander verfressen und versoffen. Dieser gebrauch wird noch bei vielen in acht genommen, denn ob sie es schon nicht öffentlich thun dürffen, to thun sie es doch heimlich... Das haben sie anno 1602 in der grossen und geschwinden pestilentz gethan, und da sich anno 1625 wiederumb eine pestilentz erregte, hat mans... auch ins werck gerichtet, die pestilentz damit auff zu heben und zu vertreiben[1]).

Стендеръ вѣроятно пользуется Einhorn'омъ сообщая s. v. Sobarri слѣдующее: die opfer, die man zur pestzeit dem Auskut (?)[2]) brachte. Von sobahrt anstatt sabehrt, zusammenschütten, weil sie das zusammengebrachte korn zusammenschütteln und daraus ein saufopfer bereiteten[3]). Онъ какъ видимъ наравнѣ съ Einhorn'омъ пишетъ, что такое жертвоприношеніе совершалось въ случаѣ моровой язвы.

Praetorius подъ заглавіемъ Vom fest Samborius oder Getreidigtfeste описываетъ

---

[1]) Reform. g. lett. Sc. R. Liv. II, 620.
[2]) См. ниже Приложеніе: Auszautis.
[3]) Lett. Gram. § 218 s. v. Sobarri.

Digitized by Google

подобное жертвоприношеніе, совершаемое періодически, ежегодно въ началѣ декабря, т.-е. позднею осенью, во время молотьбы, когда уже все было собрано.

Главныя интересующія насъ мѣста этого подробнаго и слишкомъ обширнаго описанія слѣдующія: хозяинъ беретъ девять пригоршней хлѣба всякаго рода, т.-е. три раза по три пригоршни, но такимъ образомъ, что для наполненія одной горсти онъ трижды захватываетъ изъ одного и того же хлѣба. Всѣ же зерна ржи, пшеницы, льняного сѣмени, ячменя, гороха, чечевицы перемѣшиваются со собою и изъ этой смѣси варятъ пиво. Затѣмъ каждый изъ семьи (чужимъ нельзя присутствовать) долженъ былъ выпить 3×3×3, (3×9) т.-е. три раза по девять кубковъ. Вмѣсто маленькихъ дѣтей выпиваютъ родители[1]).

Brodowski въ нѣмецко-литовской части своего словаря (рукопись) s. v. Pluto сообщаетъ о подобномъ жертвоприношеніи, совершаемомъ періодически во время весны: Pluto, Sambarys. Dem jährlich umb ostern drei handvoll von jedweder saat und von jeder speise drei bissen auff ein weisses tuch geweihet, das essen frassen die hunde, die saat wurde ausgesäet und den (sic) Alaus (sic) gebraun, unde Alus Samberinis[2]).

Затѣмъ припомнимъ себѣ, что какъ литовскія божества принимаютъ названія одни отъ дѣйствій, которыя совершаютъ (нпр. Perkunas, отъ perti ударять, Dûtojas отъ dûti давать), другія отъ предмета, которому покровительствуютъ (нпр. Zeminele, Žemes-mâte, Laukpatis), точно также и празднества принимаютъ главнымъ образомъ свое названіе отъ главнаго дѣйствія въ обрядѣ, какъ нпр. Inkurtuves, Ikures (Довк. p. 112) отъ главнаго дѣйствія зажиганія перваго огня въ хижинѣ.

Этимъ также путемъ возникло названіе торжества, называвшагося Samborius (Praet. гдѣ уже произошло олицетвореніе); Sobar (Einhorn); Sobarri, (Stender). Это торжество праздновалось въ различныя времена года, непеpіодически въ исключительныхъ, необыкновенныхъ случаяхъ, нпр. во время моровой язвы, и періодически, ежегодно, весной и осенью. Эти слова сложены изъ предлога sam (są, so), русское съ лат. cum, и глагола beriu сыплю, слѣдовательно samberiu, soberiu, samberti, ссыпывать, а въ данномъ случаѣ, ссыпать, смѣшивать различные хлѣба вмѣстѣ, въ кучу, для вывариванія изъ этой смѣси праздничнаго пива и печенія праздничныхъ пироговъ. Правильное названіе этого праздника будетъ Sambarę̨s (plur.); Samberinis alus же, вываренное изъ этой смѣси пиво, въ отличіе обыкновеннаго пива Alus.

Отъ этого названія празднества произошло, какъ олицетвореніе его, названіе мнимаго божества Sambarys (Brodowski, который придаетъ ему значеніе Pluto ?). Samborius (Praetor.); авторы же, желавшіе облегчить себѣ этимологическій выводъ, перемѣнили Sambarys въ Zembarys (Mielcke) і Žemberys (Voigt Preus. Gesch. I, p. 593 и прим. 3), въ значеніи Erdbestreuer (žeme земля и beriu)[3]). Этотъ выводъ вмѣстѣ съ значеніемъ Erdbestreuer слѣдуетъ оставить безъ вниманія.

Мы уже говорили, что такія празднества ссыпки, Sambarę̨s, праздновались главнымъ образомъ періодически, ежегодно, весной (Brod.) и осенью (Praet.). Для отличія празднествъ весеннихъ отъ осеннихъ давали осеннимъ праздникамъ наименованіе отъ другого главнаго момента этого обряда, именно отъ свойственнаго ему набиранія три раза по девять пригоршней хлѣба (и затѣмъ отъ послѣдовавшаго выпиванія три раза по девять кубковъ пива), такъ что вмѣсто на осенній праздникъ „Sambares“ говорили „Ant trin deviniu“, т.-е. на праздникъ три раза девять[4]). Можетъ быть, что это на-

[1]) ed. Pierson p. 60.

[2]) Schleicher Sitz. Ber. d. phil Classe d. Akad. d. Wiss. XI Bd. Wien, 1854, p. 85.

[3]) Voigt l. l.—Nesselm. Lit. Wört. s. v. p. 543; Schleicher l. l.

[4]) (Sie) halten ein fest, das sie Są̨barios nennen, kommt her von zusammenwerfen... wird auch sonst genant Ant trin devinu i. e. das fest der dreimal neun. Praet. ed Pierson p. 60.

Digitized by Google

званіе обобщено въ значеніи „на осень", какъ это водится у многихъ народовъ въ родѣ „на Рождество", „на Wielkanoc" и т. п. Если же говорили Ant trin deviniu, можно было также сказать „Po trin deviniu", послѣ праздниковъ три раза девять, точно такъ, какъ говорится ant Veliku на Пасху, po Veliku послѣ Пасхи, ant Kristaus užgimimo на Рождество, po Kristaus užgimimo послѣ Рождества.

Отсюда, какъ думаю, имѣемъ нѣкоторое основаніе для нашего предположенія, что весеннія празднества ссыпки, Sambarę̨s, могли также быть названы отъ числа трехъ пригоршней разнороднаго хлѣба, употребляемаго для совершенія весеннихъ обрядовъ. А такъ какъ Trimpus (или тому подобное слово) могло служить названіемъ праздника, то мы предполагаемъ, что въ trimpe находится обозначеніе второго названія весеннихъ Sambarę̨s, точно такъ, какъ... trin deviniu вторымъ названіемъ осеннихъ Sambarę̨s. Изъ этого слѣдуетъ, что въ — trimpe мы находимъ корень числа tris, три, а не, какъ другіе принимаютъ, корень trip или trem, отъ котораго образуется tripiu, tripti и tremiu, tremti въ значеніи ударять ногами въ землю, топтать, значеніе которое ни въ чемъ не объясняетъ слово — trimpe, Trimpus.

Взявъ въ основаніе слово Natrimpe (въ Coll. Ep. Varm.), въ которомъ первый разъ читаемъ — trimpe (1418 г.), я считаю — trimpe сложнымъ изъ trium (gen. pl. отъ tris) и постпозиціей — pi, сокращенное p [1]), а затѣмъ съ неорганическимъ призвукомъ e = pe, т.-е. triumpi, triump, triumpe, которое могло сократиться въ trimpe [2]).

Въ такомъ случаѣ означало бы Ant trimpe, на праздники трехъ пригоршней, на весеннія Sambarę̨s („весной"?). Po trimpe послѣ этихъ праздниковъ. А такъ какъ литовское Ant равняется по значенію прусскому Na, то Natrimpe = лит. Ant trimpe.— Au trimpus же считаю орѳографической ошибкой вмѣсто Antrimpus.

Такимъ образомъ мы можемъ легко объясниться себѣ, зачѣмъ „Potrympus, Potrimpe считается главнымъ образомъ божествомъ весны.

Авторы иногда не изслѣдовавъ тщательно предмета, часто названіе празднества принимаютъ за названіе божества. Это случается также и въ народѣ, когда исчезло язычество и вмѣстѣ съ тѣмъ народъ позабылъ настоящее значеніе названія, блуждающаго еще среди народа. Тоже самое случается и съ христіанскими названіями, коль скоро народу настоящее ихъ значеніе неизвѣстно. Напр. Италіянецъ праздникъ „Epiphania" (6-го янв.) олицетворилъ въ Святую Бефану [3]). Такимъ точно образомъ изъ названія праздника * Trimpe образовалась личность, съ лат. окончаніемъ — us, Trimpus, а по аналогіи фразъ „Ek sau po Velniu, Ek sau po Giltiniu" могла образоваться фраза Ek sau po Trimpu (замѣчательный plur.), конечно, что предлогъ po уже не значитъ „послѣ", а „къ"; сообразно съ: „убирайся къ чертямъ" убирайся къ Giltin'am, т.-е. на смерть, на погибель, po Trimpu будетъ означать убирайся къ „Тримпамъ", только не ясно, считать ли Тримповъ тутъ благосклонными божествами, или какъ бы христіанскія понятія требовали, несчастными, каковыми также Velnias, Giltiné.

Такимъ же образомъ изъ „Ant Trimpe" произошло мнимое божество Antrimpus съ лат. окончаніемъ — us. Прусское Natrimpe сохранило свою первоначальную форму.

---

1) Schleich. Gram p. 293.

2) Если trin во фразѣ «trin deviniu» nie ошибка вмѣсто triu, старое triun, то мы имѣли бы примѣръ сокращенія trium въ trin; на такое сокращеніе повліяло бы какъ стремленіе удержать главный звукъ «u» вмѣстѣ съ главнымъ значеніемъ три, такъ и желаніе, отличить это слово отъ trumpas, краткій, нпр. ant trumpo черезъ короткое время, незадолго; po trumpo послѣ k. вр, незадолго, вскорѣ.

3) Такимъ образомъ не понимавшіе старинную польскую фразу, do siego roku, до сего года, образовали фразу Dosiego roku, въ которой dosiego считалось прилагательнымъ отъ уменьшительнаго собственнаго имени Dosia, Дорота, Дороѳея; а соотвѣтственно смыслу пожеланія увидѣться черезъ годъ, придумали для этой Дороѳеи преклонныя лѣта.— Изъ фразы Vera ikon, по Максу Мюллеру, произошло имя Вероника.

Digitized by Google

B). Auszautis.

Первый разъ упоминается Auszautis въ Агендѣ 1530 г.: Auschauts, Aesculapius. Изъ Агенды или изъ ея копіи выписалъ Coelestinus Mislenta: „Auxschautis, Aesculapius (Man. Prut. 1626 p. A²); изъ того же источника сообщаетъ I. Behm: Auschauts Aesculapius (De statu Borussiae 1644, см. Acta Boruss. III. 156) и Hartknoch: Auxschautis безъ латинской интерпретаціи (Diss. VII 125). — Янъ Малецкій въ Libellus de Idolol. Vet. Boruss. съ 1551 г. пишетъ: Auscautus (sc = sz), въ иномъ изданіи: Autsceutus, deus incolumitatis et aegritudinis; въ перепечаткѣ того же Libellus Ласицкимъ съ 1580 г. „Auscutus, incolumitatis et aegritudinis deus (De diis Sam. ed. Grasser p. 54; ed. Mhdt. p. 19 (96). — Въ Судавской книжкѣ Гіеронима Малецкаго (до 1560) читается Auschlauis, der gott der gebrechen, der kranken und gesunden, а немного дальше тотъ же самый божокъ, но въ формѣ Ausskayten считается милостивымъ и могущественнымъ божествомъ, ходатаемъ передъ божествами Pergrubius (?), Perkuuius (опечат. вмѣсто Perkunius), Schweygstix (sic) и Piltut (?).

Съ тѣхъ поръ оба Малецкіе служатъ источниками для слѣдующихъ писателей, одни изъ которыхъ заимствуютъ свѣдѣнія буквально, другіе же видоизмѣняютъ форму названія для облегченія себѣ этимологическаго вывода, и вмѣстѣ съ тѣмъ и значенія; иные наконецъ принимаютъ два божества: Auszautis v. Auschaitis, и Auszlauis.

Приведу нѣсколько примѣровъ: Стрыйковскій (около 1578 г.) безъ упоминанія о своемъ источникѣ, Гіеронимѣ Малецкимъ, пишетъ: Auschlawis, bóg niemocnych chorych i zdrowych; Варш. изд. стр. 144. — Л. Давидъ (до 1580 г.) стр. 91: Auschkauten и Auschlauts; М. Вайссель перепечатывая въ своей хроникѣ (изд. въ Кенигсбергѣ 1599) Судавскую книжку: „Auschweytus, gott der gebrechhaftigen, kranken und gesunden", а на поляхъ объясняетъ его римскимъ Saturnus (!). И изъ этого сообщенія можно также увидѣть, что латинскія объясненія прусскихъ божествъ дѣлали наудачу; въ другомъ мѣстѣ у этого автора читаемъ тоже божество въ формѣ Ausschweytissen. M. Praetorius p. 27 имѣетъ форму „Auszweitis, nach Bretkius Auszweikus, ein gott der kranken und gesunden, von sweikas gesund, sweikata gesundheit". Но какъ объяснить krank? Stender s. v. Auskuts говоритъ: Auskuts, der gott über krankheit und gesundheit, dem man bey menschen und viehseuchen opfer brachte (см. s. v. Sobarri). Sein name ist so viel als Auskuttis, schaafsscheerer von „aws" ein schaaf, welches einige wie „aus" aussprechen, und „skust" abscheeren. Denn ihm eignete es man zu, wenn manches schaaf des morgens mit befressenen und abgewolleten rücken angetroffen wurde, welches die abergläubischen Letten gleich als einen vorboten der pest unter den menschen und vieh ansahen. Ich erinnere mich selbst eines solchen ehemaligen schaafs scheerlärms, der sich sehr verbreitet hatte. Объясненіе очевидно заимствовано у Гіеронима Малецкаго; упоминаніе же о моровой язвѣ — у Einhorn'a, а этимологія выдумана самимъ Стендеромъ. Ostermann пишетъ Ausweitis, eigentlich Atsweikćius von sweiks gesund, atsweikti wieder gesund werden[1]); Bender же Ausschweyt[2]), а Schwenk[3]) Ausschwaixt, eine blosse nebenform von Swaixtix.

Кажется будетъ довольно примѣровъ.

За основную форму слѣдуетъ принять Ausschauts въ Агендѣ; въ виду же изложеннаго о достовѣрности Агенды по поводу латинскихъ объясненій въ статьѣ о Potrimpe, мы сомнѣваемся въ приписанномъ этому божеству значеніи „Aesculapius".

---

[1]) Kritischer Beytrag zur Altpreuss. Religionsgeschichte. Kgsbg. 1776; см. APM Sch. IV, p. 102 прим. 10.
[2]) Zur altpr. Mythologie APM. Sch. IV, p 102.
[3]) Mythologie Bd. VII, s. v. Auszlavis.

Digitized by Google

Въ формѣ Auscautus Яна Малецкаго окончаніе us есть латинское, а sc = sz, о чемъ уже сказано. Auszlauis у Гіеронима Малецкаго очевидная описка, состоящая въ томъ, что буква t въ слогѣ — tis переставлена послѣ sz въ слогѣ Ausz въ видѣ l, такъ что изъ Auszautis произошло Ausz-l-auis[1]). Такимъ образомъ мы имѣемъ полнѣйшее право выселить Auszlavis'а изъ литовскаго Олимпа.

Этому Auszautis приписываетъ Гіеронимъ Малейкій значеніе der gott der gebrechen, der kranken und gesunden, что очевидная нелѣпость. Вѣроятно, „gebrechen" принято за „увѣчье", и для объясненія прибавлена была глосса „kranken", которая своимъ чередомъ повліяла на перемѣну „sunden" на „gesunden". Ибо въ подлинныхъ донесеніяхъ самбійскихъ духовныхъ по моему мнѣнію читалось: Ausschaut(i)s, der gott der gebrechen und sunden, что совершенно понятно.

Въ прусскомъ переводѣ малаго катихизиса Лютера съ 1561 г. подъ заглавіемъ Enchiridion читаемъ слова Auschautins acc. plur. вины, schulden; Auschauteniks n. sing. провинившійся, преступникъ; Auschautenikamans d. pl. преступникамъ[2]). Приведенное „Auschautins — есть acc. pl. отъ n. sg. „Auschautis, Auschauts", которое цѣликомъ соотвѣтствуетъ формѣ въ Агендѣ. Слѣдовательно это имя нарицательное, а не собственное, а тѣмъ менѣе имя божества.

Въ концѣ мы постараемся показать, какимъ вѣроятно путемъ Auszautis былъ признанъ божествомъ, и какъ онъ попалъ въ донесенія духовныхъ.

По словамъ Гіеронима Малецкаго Virszaitis во время жертвоприношенія убѣждаетъ собранный народъ „das sie die götter in ehren halten und nit verzürnen". Если же урожай былъ меньше, чѣмъ ожидали, „bittet der Wurschkayt den gütigen und mechtigen gott Ausskayten, das er bitten wolle die götter als Pergrubium, Parkuuium (sic)... ihnen fürbass in zukünftigen ihar (jahr) gnedig zu sein; sie bekennen es, das sie jre götter verzürnet haben". Во время же жертвоприношенія козла Virszaitis наставляетъ, что это дѣлаютъ по обычаю предковъ для смягченія гнѣва боговъ. Гнѣвъ боговъ является слѣдствіемъ провинности.

Грунау, какъ очевидецъ, утверждаетъ, что послѣ извѣстнаго рода проповѣди и наставленій каждый изъ присутствующихъ во время жертвоприношенія становился на колѣни передъ жрецомъ (vaidelis) и признавался въ своихъ погрѣшеніяхъ. Признакомъ прощенія грѣховъ было то, что жрецъ тянулъ исповѣдавшагося за волосы и ударялъ по лицу: „Dornoch sy gingen zu, ein iglicher in sonderheit und im (вайделису) beichten musten ire missethat... ein iglicher sich vor den waidlotten kniet, und der waidelotte zeuhet in bey den horen und gibt im eine gute hübsche und ist ein absolucio... Трудно сказать, насколько повліяли христіанскіе обряды на этотъ разсказъ, а сколько истины. Во всякомъ случаѣ на основаніи двухъ независимыхъ другъ отъ друга свидѣтельствъ мы можемъ предполагать, что у Пруссовъ существовалъ родъ исповѣди общенародной (Н. М.) и личной (Grun.), по крайней мѣрѣ въ началѣ XVI в., въ которой сознавались въ своихъ провинностяхъ „auszautins" — и предполагаемъ, что плохо понимающее по прусски духовенство, слыша часто повторяющееся слово Auszautins, Auszautis, считали его названіемъ призываемаго божества. — Но божество провинности, преступленій, винъ, для насъ совершенно непонятно; для насъ понятно божество умилостивленія — значеніе, котораго въ словѣ Auszautis вовсе не замѣчается.

---

1) Теобальдъ (Роткирхъ), Литовско — языческіе очерки: Аушлявисъ (Жалтисъ) богъ врачеванія p. 63.

2) Die preussische Sprache etc. von Erich Berneker, Strassburg 1896, p. 43. Nesselmann Thesaurus s. v. p. 12.

Digitized by Google

VI Приложеніе.

Deives. Ebrozas. Bałvonas. Stułpas. Stēbas. Stabas. Камни.

Такъ какъ не имѣемъ возможности пользоваться рукописью перевода Св. Писанія, сдѣланнаго Бреткунасомъ, то разсмотримъ только тотъ матеріалъ, на которомъ пр. А. Бецценбергеръ основываетъ свое мнѣніе о значеніи вышеприведенныхъ словъ, изложенное въ Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen Bd. I 1877 въ статьѣ: Mythologisches in altlitauischen Texten p. 41—47.

Бреткунасъ перевелъ ветхій законъ между 1585—1590 гг. за исключеніемъ псалмовъ, которые вмѣстѣ съ новымъ закономъ перевелъ 1580 г., взявъ въ основаніе переводъ Мартина Лютера (=L). Главною задачею будетъ сравнить переводъ Бреткунаса (=Br.) съ переводомъ L, и указать, какое значеніе имѣютъ въ заглавіи приведенныя литовскія слова. Мы пользовались переводомъ Лютера съ 1603 г. Bibel, Das ist die gantze Heilige Schrifft, Deudsch D. Martin Luth. Cum Gratia et Privilegio Gedruckt durch Lorentz Seuberlich. Wittenberg 1603. fol. Кромѣ того я взялъ въ соображеніе другой литовскій переводъ Библіи Лютера: Biblia Tai esti Wissas Szwentas Rasztas Seno ir Naujo Testamento pagal Wokiszka Perstattima D. Martino Luteraus. Nû kellu Mokytojû Lietuwoj' Letuwyszkay perstatytas Ir antrą kartą iszpaustas. Karalauczuje 1755. (=Kr.); затѣмъ латинскую Вульгату (=V) Biblia sacra Latino-Polonica. Vratislaviae. Anno 1771, польскій переводъ которой напечатанъ по тексту Вуйка (=W), и славянскій переводъ: Библія или книги Священнаго Писанія. Москва ҂ѧѡоб.

	Ветх. законъ.	Пер. Лютера.	Пер. Бретъ.	Пер. Кенигсб.	Vulgata.	Byekz.	Ст. слово.
1	Reg. III. 14, 23 (Reg. I).	Seulen	stułpus	stułpus	statuas	bałwany	столбъ
2	Judic. 8, 19.	Götzen	stułpu	bałwonû	idola.	bałwany.	идолъ.
3	Judic. 17, 3.	Bildniss und Abgott	ebrozą ir stułpą	Ebrozą ir bałwoną	Sculptile atque conflatile	Rycinę i licinę	(кумиръ) изваянъ и сліянъ.
4	Judic. 17, 4.	Bilde und Abgott	ebroza ir stulpą	abrozą ir bałwoną	Sculptile atque conflatile	Rycinę i licinę.	(кумиръ) изваянъ и сліянъ.
5	Chron. I. 5,25.	Götzen	(su) stułpais glos. Deiwemis	(su) bałwonais;	Deos (populorum)	Bogów narodów.	Боговъ людей земли.
6	Hos. 12, 15. (13, 2).	Götzen	Deiwes glos. stułpai	bałwonai	Amaritudines	gorzkości	идоловъ.
7	Zach. 10, 2.	Götzen	Deiwes gl. stułpai	bałwonai	simulacra	bałwany	
8	Zach. 11, 17.	O Götzenhirten!	O Stułpû piemenei!	Ak bałwonû gannytojej!	O pastor et idolum	O pasterzu i bałwanie	О пасущій суетная и оставльшій овецъ!
9	Mich. 1, 7.	Götzen	Ebrozus gl. stułpus	bałwonai	sculptilia	ryciny	изваянная кумиры.
10	Nah. 1, 14.	Götzen und Bilder	Deiwes ir stułpus.	bałwonus bey Abrozus.	sculptile et conflatile.	rycinę i licinę.	изваянная и сліянная.
11	Mich 5, 13.	Bilder und Götzen	Stułpas ir ebrozus. Gloss. Götzen, Deiwes;	bałwonus	Statuas	Słupy	изваянная (твоя) и кумиры (твоя)
12	Hab. 2, 18.	Bilde	bilder, bałwonas. ebrozas gl. stułpas	abrozas	sculptile	rycina	кумиры

Digitized by Google

Въ приведенномъ сопоставленіи текстовъ Св. Писанія слово „Götzen" находится восемь разъ въ текстѣ Лютера, и это одно слово Бреткунасъ переводитъ тремя литовскими, т.-е. посредствомъ stułpas (4 раза №№ 2, 5, 6, 8), deives (2 раза №№ 7, 10), ebrozas (2 раза №№ 9, 11). Несмотря на то, переводъ кажется ему не вполнѣ удачнымъ, и по этому то поводу онъ къ этимъ словамъ, еще добавляетъ глоссы, къ stułpas глоссу deiwes (№ 5), и наоборотъ, къ deiwes глоссу stułpai (№ 7); къ ebrozas гл. stułpas (№ 9) и deiwes (№ 11). — Bilder, Bildniss, находящіяся въ текстѣ Лютера пять разъ, переводитъ Бреткунасъ три раза посредствомъ ebrozas (№№ 3, 4, 12), разъ посредствомъ stułpas (№ 10) и разъ bałwonas (глосса къ № 11).

Säulen, оба раза у него stułpas (№№ 1, 14).

Въ Кенигсбергскомъ изданіи „Götzen" постоянно переведено словомъ bałwonai, „Bilder же сл. abrozai.

Такимъ образомъ у Бреткунаса значитъ:

a) Stułpas seule (1, 14),	götze (2, 5, 6, 8, 9 и глос. 7),	abgott (3, 4),	bilder (10, 11 и глос. 12);
b) Ebrozas	götze (9, 11)		bild (3, 4, 9, 12);
c) Deiwes	götze (7, 10 и гл. 5, 11);		
d) Bałwonas			bild (гл. 11).

Слѣдовательно, если bałwonas у Бреткунаса означаетъ нѣмецк. bild (d), а то же слово bild имъ также переведено по-литовски ebrozas (b), и stułpas (a), то bałwonas у Беткунаса имѣетъ то же самое значеніе, что и stułpas.

Въ приведенномъ г. Бецценбергеромъ молитвенникѣ, авторъ его въ фразѣ „stułpai, meadis, arba bałwonas" придаетъ по моему мнѣнію послѣднему слову болѣе обширный смыслъ, такъ что stułpai и meadis (дерево) составляютъ только отдѣльные виды общаго „bałwonas". Въ противномъ случаѣ bałwonas въ этомъ мѣстѣ можетъ только значить или камень, или пукъ (кисть) изъ полевыхъ плодовъ, зелья, напр., сдѣланный для совершенія обрядовъ.

Во всякомъ случаѣ поражаетъ насъ колебаніе и непостоянство въ переводѣ Св. Писанія, въ которомъ каждое слово должно имѣть свое ясное, точное и опредѣленное значеніе. Бреткунасъ же зналъ отлично литовскій языкъ. Какъ пасторъ въ Лабіау наблюдалъ также оставшіеся обычаи язычества и имѣлъ ежедневныя сношенія съ простымъ народомъ, бывшимъ сплошь литовскимъ. — Такимъ образомъ онъ былъ въ состояніи каждый предметъ назвать настоящимъ литовскимъ словомъ, а въ крайнемъ случаѣ онъ могъ о немъ узнать у ввѣреннаго его духовной власти населенія. При переводѣ Св. Писанія на литовскій языкъ онъ долженъ былъ обдумывать значеніе словъ, а что онъ въ самомъ дѣлѣ это дѣлалъ, доказываютъ глоссы. Будучи теологомъ и воспитанникомъ Кенигсбергскаго Университета онъ обязательно зналъ греческій, латинскій и еврейскій языки, а нѣмецкій былъ его природнымъ языкомъ; однимъ словомъ, у него были всѣ условія, требуемыя отъ хорошаго переводчика Св. Писанія. Слѣдовательно, коль скоро Бреткунасъ для перевода Götzen, Bilder употребляетъ нѣсколько разныхъ литовскихъ словъ, то становится яснымъ, что въ литовскомъ языкѣ не нашелъ соотвѣтственнаго для перевода слова, а не нашелъ потому, что Литовцу не было нужно слова для неизвѣстнаго ему понятія или предмета.

Настоящее значеніе словъ, посредствомъ которыхъ Бреткунасъ перевелъ нѣмецкое Goetzen, слѣдующее:

Deive, plur. Deives значитъ: злой духъ, призракъ, böse geister, gespenster (Kurschat, Nesselm. s. v.); у Ласицкаго „visa et spectra"; у Schleicher'a: „Gespenst; scheint früher Gottheit bedeutet zu haben" (Sitz. Ber. Wien 1854, p. 97). Затѣмъ оно имѣетъ

Digitized by Google

также значеніе почитаемаго предмета, какъ напр. камня (Rostowski)[1]; но отъ этого еще далеко до предмета, искусственно обработаннаго и представляющаго человѣческую фигуру, статую. Abrozas, Ebrozas, Bałwonas указываютъ на славянское происхожденіе; значитъ, для выраженія чужого, нелитовскаго понятія слѣдовало обратиться къ чужому, не литовскому языку. Мнѣ кажется, что эти слова заимствованы изъ польскаго языка, такъ какъ въ велико-польскомъ нарѣчіи, буква *a* въ послѣднемъ слогѣ слова bałwan произносилась какъ *o* (a pochylone), какъ напр. въ польскомъ pán (pon), лит. ponas.

Польское bałwan означаетъ необработанную глыбу значительной величины, напр. глыбу снѣга, льда, соли, камня, руды; затѣмъ глыбу, обработанную человѣческой рукой; предметъ различной величины, изваянный, литый, струганный (напр. каменная баба), которому отдавали честь, поклонялись; см. (слов. Linde, и Słownik jęz. polskiego, издаваемый въ Варшавѣ 1898, s. v.). Послѣдняго — рода предметовъ Литовцы не знали, и именно поэтому настоящаго литовскаго слова для ихъ обозначенія не существовало.

Сказанное о bałwonas касается также слова Abrozas, Ebrozas.

Stułpas, рѣже stułpa, также славянскаго происхожденія, водворившееся съ давнихъ временъ въ литовскій языкъ и вытѣснившее мало-по-малу въ нѣкоторыхъ областяхъ настоящее литовское stĕbas. Оба слова, stułpas и stĕbas, означаютъ жердь, а главнымъ образомъ столбъ различной величины въ стоячемъ положеніи, все равно стоялъ ли онъ особнякомъ или въ извѣстномъ количествѣ, какъ косяки и т. п.[2]).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Литовцы столбамъ, поставленнымъ для совершенія извѣстныхъ обрядовъ, отдавали извѣстную честь. На это указываетъ самъ языкъ, въ которомъ „stĕbmeldis" означаетъ почитателя столба, „stĕbmeldiste" почитаніе столбовъ, принявшее впослѣдствіи у писателей общее значеніе идолопоклонника, идолопоклонства, точно такъ, какъ „почитатель огня" перешло въ общее „идолопоклонникъ".

Теперь рождается вопросъ, въ какомъ видѣ представлялись этого рода столбы?

Вещественныхъ памятниковъ не имѣется. Деревянные столбы были уничтожены временемъ, или нарочно низвержены и истреблены; однако изъ памяти народа они не исчезли, и сохранились при совершеніи извѣстныхъ обрядовъ, и смѣю утверждать, что высокіе кресты, поставленные въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ Литвы на могилахъ, напоминаютъ собою высокіе когда то почитаемые столбы. Въ литературѣ рѣдко упоминается о столбахъ. Вотъ что о нихъ сообщаетъ Praetorius: „Hier felt mir ein, was oben erwehnter Wilhelmus Martinius bey antretung seines ambtes einsmahl bei Maternik, einem dorffe seines kirchspiels gesehen. Dieses dorff lieget noch an der Żamaitischen grentze, gegenüber einem andern dorffe, so nun zu Żamaiten gehöret, nur das ein kleines strömchen Szusse genandt, die gräntze scheidet. Auf der seyte nach Żamaiten war eine eiche, dabey etwa fünf schritt davon ein ziemlich grosser stein. Nicht weit von dem stein ist eine hohe stange, seiner meynung nach zum wenigsten acht klafftern hoch, gesetzet worden, worauff ein ziegenfell ausgedehnet, über dessen haupt ein grosser pusch von allerhandt getreydigt, auch kraut gemacht gewesen. Vorgedachter Martinius ist eben dazu kommen, als sie selbige stange herausgehoben und dessen idolum abgenommen; ehe solches geschehen, hat er observiret, dass ein alter mann bey dem stein, darauff eine gefüllete kauszel gesetzet worden, gestanden. Baldt ist ein altes wolbekleydetes weib kommen mit einer grossen kauszel, die der alte mann, den wir waidulutt nennen wollen, von ihr genommen, was in die kauszel gegossen, die kauszel in die hand genommen und gebethet, was er aber gebethet, hat der sehlige mann nicht hören können, auch seinen unwill zu bezeigen, sich absentiret, jedoch aber hat

[1]) Lituanicarum S. J. Hist. ed. Vilnae p. 118, см. конецъ нашей статьи (Lapides... Deyves appellati).

[2]) Жердь вообще = лат. kartis.

Digitized by Google

er nach fleissiger nachforschung erfahren, dass sie ihren gott, der ihnen essen und trinken, nahrung und auffenthalt gegeben, gedanket, haben aber denselben nicht nennen wollen. Nach verrichtetem gebeth hat sich das junge volk bey den händen gefast und umb die eiche und umb die stange getanzet, welcher tantz sobald der weidulut wieder mit der kauszel gebethet, uffgehöret; sobald er nach dem gebeth die kauszel ausgetrunken, hat er die stange ausgehoben, auch alle nach dem pusch gegrieffen. Das ziegenfell aber hat der weydulut zu sich genommen, als eine belohnung vor seine mühe, wiewol er dem kraut, so sie auf der stange gehabt, jedem sehr sparsam ausgetheilet. Darauf haben sie sich um die eiche und stein niedergesetzt, der Weydulut aber uf den stein das fell gelegt, sich darauf gesetzet, einen sermon gehalten von ihrem herkommen und alten gebräuchen, glauben p. p., den (?) Zemyna, den Perkuns und andere mehr genennet. Nach gehaltenem sermon haben sie alle mit dem kopf auf die erde sich gebeuget, darauff er vom stein herab und unter sie gangen, worauf ein fressen und saufen entstanden, so bis in den dritten tag gewehret. Solch ziegenfell sollen sie aufgerichtet haben, wenn sie angefangen die wintersaat zu säen. Dabey sie mit allerhand abergläubischen possen das fleisch verzehret und zugleich braff herumbgesoffen haben. Es scheint, dass diese ceremonie eine reliquie sey der verehrung, damit sie vordem den Gurcho beehret haben.

О другомъ родѣ высокой жерди или столба, поставленныхъ въ день св. Ивана, и названныхъ Kaupole, Kupole, упоминаетъ тотъ же Praetorius въ продолженіи (p. $^{14}/_{15}$)...

„...jetziger zeit haben auch die Nadroven und Zalavonen, wie auch die Zamaiten den gebrauch, dass sie in Iohannis, wenn sie zusäet haben, pflegen oben uff einer langen stange ein pusch von allerhandt kraut anzubinden, mit fröhlichkeit die stange erheben und an dem pfosten, da das heck ader da künftig die einfuhr des getreydigts, fest zu machen. Eine solche stange nennen sie kaupole, welche so lange stehet, bis man das getreydigt pflegt einzuaugsten. Denn nehmen sie denselben pusch von der stangen ab und legen ein theil des krautes, davon der pusch gemacht, unter das getreydigt und vermeinen, ein solches kraut, so durch die hitze der sonnen durchgetreuget worden, soll gutt vor das ungezieffer, ratzen, meyse seyn, dass sie das getreidigt in der scheune nicht fressen... Ein theil heben sie auf zur Artzney, den sie meinen, das solches kraut auch wider alle krankheit dienen sol“.

Обращаемъ вниманіе на то, что въ первой выдержкѣ Praetorius жердь или столбъ называетъ „statua“ (p. 24), козлиную кожу же, развѣшенную на столбѣ, „idolum“ (p. 26).

Около дня св. Ивана совершался подобный обрядъ. „Um S. Johannis pflegen die wirthe ihr gesinde, in sonderheit die mägde, aufs feld zu schicken, Johannis-kraut[1]) zu sammeln. Wenn sie nun selbiges einbringen, nimmt der wirth oder wirthen soviel Kräuter als personen seind und steckt sie in die wand oder an den balken, zu dem ende, dass es ausblühen solle, da sie dann acht haben auf das kraut; dessen, das nicht blühet, von dem sagen sie, das er krank, auch wol gar sterben werde. Das übrige binden sie in ein bund, steckens auf eine lange stange mit frohlocken und setzen die stange am thorwege oder sonst wo künftig das korn geführet wird; diesen pusch nennen sie auch Kupole und die feier Kupoles; da der wirth auf sein preussisch wieder betet, dabei er die kauszel in der hand hält und nach seiner gewohnheit palabindams und żemynelaudams trinket, gott anrufet um einen guten heu-augst u. s. w.“ (p. 56).

Въ XIX вѣкѣ (1832) Schulz, прецепторъ въ Lasdehnen, описалъ бытъ Литовцевъ въ приходахъ Вилуны, Ширвинты, Шилены, Будветы и Вишвилы, подъ заглавіемъ

[1]) Kupola Johanniskraut, Hypericum perforatum. Nesselm. L. W. 211 s. v; выше жердь называется Kaupole; а дальше Kupole «pusch;» у Schulz'a «stange Kopolis;» по моему, всѣ эти слова образуются отъ лит. «Kupa, Kaupa» (ср. Kaupas), куча, польск. Kupa, отъ собраннаго въ кисть зелья.— Kupoles: торжество собраннаго зелья; сравни польское Wianki).

Digitized by Google

Einige Bemerkungen über die Nationalität der Litthauer. Рукопись in 4°, состоящая изъ 191 стран., находится въ Wallenrodsche Bibliothek s. sig. M. S. № 78, въ Кенигсбергѣ[1]). Съ 65 стр. начинается описаніе обрядовъ въ день св. Ивана. Наканунѣ этого дня дѣвицы собираютъ румянокъ (ramune)[2]) и другіе полевые цвѣты. Раздѣлившись на двѣ партіи, при встрѣчѣ поютъ разныя пѣсни попеременно. Собравши цвѣты, возвращаются въ деревню „wo sie auf dem felde eine lange stange mit ihnen (т.-е. цвѣтами) umwunden wird, an welcher auch noch viele farbige bänder befestigt werden, die frei in der luft umherflattern. Diese stange, Kopolis, wird an dem ende des dorfes dem kornfelde zu aufgerichtet und wacker, aber nur von mädchen, unter gesang von johannisliedern zwei nächte und einen tag ununterbrochen bewacht und gegen die angriffe der jungen männer, welche sie zu rauben suchen, vertheidigt. Unter den mancherlei tänzen um den johannisbaum verdient der erwähnung, welcher einige aehnlichkeit mit einem modischen tantze des ausgebildeten deutschen volkes (der gallopade) hat. Die mädchen nemlich, welche den johannisbaum bewachen, schliessen, indem sie sich an die hände fassen, einen kreis um denselben und nehmen darin zwei andere mädchen auf". Всѣ дѣвицы пляшутъ около этой жерди или столба и поютъ, повторяя каждый стихъ: Ryla, rala padedaus. Ryluże, Raluże, padedaus[3]). Пляска пріостанавливается, двѣ же дѣвицы, находившіяся въ колѣ, продолжаютъ пляску и поютъ: Ryla, Rala, taj děkuj, Ryluże, Raluże, taj děkuj[4]). Затѣмъ первая въ колѣ (A) поетъ: Ryla, Rala, ko jeszkot[5]). Ryluże, Raluże, k. j.? Отвѣчаетъ другая въ колѣ (B): R. r. marczeiczu[6]); Ryluzė, r. m. A: R. r. kokios?[7]) B: R. r. Illutes[8]), R. R. Illutes.

Hierauf tritt das aufgerufene mädchen (Illute) aus dem kreise in die mitte und die, welche gerufen hat, schliesst sich an den kreis an. Und auf diese weise geht es weiter fort.

Ist nun der johannisbaum glücklich bis zur festgesetzten zeit bewacht worden, so wird er dann unter gesang wieder entkleidet und die daran angebrachten blumen gewissenhaft unter die wächterinnen vertheilt. Den so geweihten pflanzen wird eine besondere kraft zur abwehrung des schädlichen einflusses böser geister zugeschrieben".

Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что для совершенія обрядовъ были поставлены столбы въ различныя времена года, по крайней мѣрѣ разъ во время св. Ивана, а затѣмъ во время посѣвовъ[9]). Если бы мы Kupole, поставленную въ день св. Ивана, назвали только „жердью", то мы уже навѣрно можемъ назвать „столбомъ" стволъ въ восемь саженей высоты, поставленный во время посѣвовъ.

О другихъ столбахъ мнѣ не пришлось читать. Упоминается еще о пняхъ (kelmai), оставшихся послѣ срубки дерева, на которые иногда также клали жертвы, но едва ли можно ихъ назвать столбами. Впрочемъ о пняхъ очень мало намъ извѣстно.

Что мы сказали о stuĺpas, относится также къ stěbas.

Переходимъ къ stabas. По мнѣнію Бецценбергера Stabas значитъ „aufrecht stehender pfeiler", слѣдовательно тоже самое, что stěbas. Такимъ образомъ Stěbumeldiste

---

1) Этой рук. пользовался и напечаталъ ее, какъ собственное сочиненіе: Kuntze Bilder aus dem preuss. Littauen. Rostok 1884, что уже замѣчалъ A. Bezzenberger d. lit. haus.

2) Ramune, remune, matricaria chamomilla.

3) Вм. padeda Dews, helfe Gott. Nessel. L. W-buch p. 133 s. v.

4) Благодарю.

5) Кого ищите?

6) Невѣстку.

7) Какую?

8) Каролинку, Шарлоту.

9) Еще до сихъ поръ ставятся подобнаго рода столбы во многихъ мѣстностяхъ, обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ, или въ другія времена.

Digitized by Google

означаетъ тоже самое, что Stabumeldiste, Stabumeldimas[1]) t. j: „Anbetung, verehrung der (heiligen) säulen“, только не „bildsäulen“.

Stabas однако можетъ имѣть другое значеніе. Въ Курляндіи на берегахъ Двины, торчитъ скала, которую Густавъ Мантейффель[2]) еще до сихъ поръ называетъ „настоящимъ чудомъ природы“. Сначала звали ее Rags[3]), а затѣмъ „Stabenrags (столбій рогъ, Słupiróg); Kurisches horn, Stabenhorn“; она имѣетъ 200′ длины а 70′ высоты. Въ приведенныхъ этимъ ученымъ преданіяхъ о Stabenrags нѣтъ ни малѣйшаго намека на „столбъ“, а читаемъ постоянно о скалѣ, скалахъ, въ которую превратилась дѣвица, оплакивающая, словно Ніобе, потерю своего любимца; или, что въ этихъ скалахъ проживаетъ старикъ, раздѣляющій сокровища просителямъ[4]); или, что это дѣлаетъ дѣвица. Повторяемъ, что вездѣ рѣчь идетъ о скалахъ, а не о столбахъ. Зная теперь, что Литовцы поклонялись также камнямъ, скаламъ[5]), дѣлаемъ заключеніе, что тутъ stabas означаетъ камень, скалу, которой отдавали честь, и что Staburags имѣетъ значеніе каменный рогъ, а не рогъ столбовъ, столбій рогъ.

Такимъ же образомъ объясняемъ Stabunkalne, мѣстность въ Жмуди, упомянутую въ маршрутахъ Крестоносцевъ (Litauische Wegeberichte), посредствомъ „холмъ камней“; а для почитанія камней посредствомъ „холмъ священныхъ камней“ и наконецъ холмъ божествъ[6]). Догадка наша подтверждается прусскимъ нарѣчіемъ, въ которомъ stabis значитъ въ самомъ дѣлѣ камень[7]); отъ этого stabis много прусскихъ мѣстностей получило названіе[8]). Прусское stabni значитъ печку построенную изъ камней[9]).

Въ результатѣ оказывается, что stulpas, stĕbas значитъ: 1) столбъ вообще, какой-бы онъ ни былъ; 2) столбъ, поставленный для совершенія обрядовъ, на верху котораго находилась распяленная кожа отъ принесенной жертвы, или пукъ, кисть полевыхъ плодовъ, или различнаго зелья — но никогда не значитъ какое-то искусственно сдѣланное изображеніе божества, имѣющее видъ человѣка.

*Stabas, stabis имѣетъ два значенія 1) тоже самое что stĕbas; 2) торчащаго надъ землей камня, скалы. Они служили, насколько намъ до сихъ поръ извѣстно, алтаремъ, на который клали жертвы.

*Stabumeldis, stabumeldiste, stabumeldimas собственно означаютъ поклонника камней, поклонство камнямъ, а затѣмъ вообще идолопоклонника, т.-е. тоже самое, что stĕbumeldis, stĕbumeldiste, stĕbumeldimas.

Какія же свойства должны были имѣть камни для того, чтобы они считались священными, мнѣ не извѣстно. Rostowski говоритъ только: Saxa pro diis culta и что такая скала была Saxum grandius[10]).

Мы уже упомянули[11]), что много мѣстностей получило наименованіе отъ stabis, камень; число приведенныхъ можно еще увеличить, напр., Stabigoide villa (Mon. Hist. Varm. № 246, докум. 1357 г.); Paitistabs locus, (въ Самбіи или Сембіи), вблизи двухъ большихъ камней (A. P. M. Sch. VII, p. 308, 602); Gildestabs locus (ibid. p. 396); Stabo-

---

1) Мандатъ съ 1578, напечатанъ и объясненъ А. Бедденбергеромъ Göttinger Nachrichten 1877, № 12, 241—264.
2) Słupi Róg. Kraków. 1885, p. 5.
3) Тамъ же p. 7.
4) Тамъ же 10—14.
5) ŻML. I, стр. 79/80.
6) ŻML. II, стр. 105.
7) Nesselm. Thes. s. v.
8) ŻML. I, стр. 79.
9) Nesselm. Thes. s. v. и Berneker l. l. 823 s. v.
10) L. l. p. 271.
11) ŻML. стр. 79/80.

Digitized by Google

brast, ad vadum Stabobrast pruthenice dictum (ibid. p. 298 и 599); Sarguttinstabs, qui dicitur Sarguthinstein (ibid.).

Были также камни, имѣющіе собственныя имена, въ которыхъ stabis не обозначено; нпр. Plausdinis doc. 1284 г., Kogonassantle lapis (Cod. dipl. Varm. I, doc. № 103); Tamissis v. Tanussis lapis (ibid, doc. 112); Mutercaupe, eyn steyn der da heizet (ibid. Reg. 183); Ubbacobe (A. P. M. Sch. VII, 296) не названіе камня, а дуба[1]). Deinde ad aliam quercum, que Ubbacobe, juxta quam grossus lapis jacet in terra[2]).

Людвигъ Юцевичъ напечаталъ въ журналѣ: Tygodnik Petersburski (1836 г. № 17, 105) статью изъ Шавельскаго уѣзда подъ заглавіемъ „Kamienie litewskich bogiń", которую для рѣдкости этого журнала здѣсь приводимъ въ переводѣ.

На берегу рѣчки въ имѣніи Кережи[3]) лежалъ рядъ выглаженныхъ камней, симметрически (?) расположенныхъ. Всего было ихъ 14, каждый въ три локтя длины. Спрошенный объ ихъ значеніи человѣкъ отвѣтилъ: камни у древнихъ Литовцевъ, расположенные при рѣкѣ, означали мѣсто, посвященное богинямъ, Dejwas Walditojes[4]), власти которыхъ, какъ у Грековъ Паркамъ, была ввѣрена жизнь и смерть человѣка, съ тою однако разницей, что у Литовцевъ было ихъ больше, и что не нить означала жизнь человѣка, а полотно, выдѣлкой котораго они занимались. Всего было ихъ семь (?). Первая пряла ленъ изъ кудели, ввѣренной ей самимъ высшимъ божествомъ „вѣроятно Okopirnos'омъ" (!) и называлась Werpantiey[5]); вторая Metantiey[6]) протягивала прекрасныя нити. Третья Audietoy[7]) ткала полотно, четвертая же Gadintoy[8]) прекрасными словами и разсказами очаровывала ихъ душу до того, что всѣ другія прекращали занятія и слушали; она же тотчасъ пользовалась этимъ и портила имъ полотно. Отъ этого постигали различныя несчастья того, полотно котораго попало въ ея руки... Пятая Sargietoy[9]) вела съ послѣдней упорную и постоянную борьбу и мѣшала ей въ ея обманчивыхъ разсказахъ тѣмъ, что приводила ея слушательницамъ на память героическіе подвиги Литовцевъ, ихъ побѣды и пр. Счастливымъ былъ тотъ человѣкъ, покровителемъ котораго была Sargietoy во все время, пока Dejwa Nukirptoy[10]) не отрѣзала полотно его жизни. Седмая богиня была Yszskałbtoy[11]), обязанностью которой было стирать отрѣзанное богиней Nukirptoy полотно.

Изъ этого полотна дѣлали умершему рубашку.

Этимъ богинямъ были посвящены камни на берегахъ рѣкъ и потоковъ. Каждый житель имѣлъ свой отдѣльный камень, на которомъ клали жертвоприношенія; воины приносили головы враговъ (?), или извѣстную часть добычи, хозяева плоды, дѣвицы ленъ.

Сохранилась одна пѣсня, сочиненная въ честь Deiwa Yszkałbtoj, начало которой слѣдующее:

---

1) Намъ уже извѣстны названія дубовъ Baublis и Bamblis; см. Ромове § 3.

2) Часть этихъ названій приводитъ Nesselm. Thes. s vv. и Pierson Litauische Aequivalente въ AMP. Sch. VII, (1870), p. 599.

3) См. Kiereży Słow. Geog. s. v.

4) Божества-Владѣльницы.

5) Verpąs, verpanti, прядущая; съ указательн. мѣстоим. verpąsis g. masc.; verpanczoji g. fem. «эта прядущая» (Schleich. Gram. p. 214); жмудская форма: Verpantioji; verpantieji?

6) Metu, mĕsti бросать, метать, снуть; das garn aufbringen Ness. L. W., part. pr. съ указ. metąsis, metanczoji; жмуд. metantioji; metantieji? эта снующая.

7) Audmi, и audziu (Ширвидъ), и audĕju пряду, какъ слѣдуетъ принять по аналогіи съ sergmi, и sergiu и sergĕju; inf. sergĕti; такъ и inf. audĕti, nom. ag. Audĕ-toje Schleich. gr. p. 100.

8) Gadinu-gadinti портить; nom. agentis Gadin-toje портящая.

9) Sergmi, sergiu, serg-eju inf. sergĕti стеречь, оберегать; nom. ag. Sergĕ-toje, жмуд. Sargĕ-toje стерегущая.

10) Kirpiu, kirpti стричь нпр. овецъ; nukirpti отрѣзать, тутъ отрѣзать полотно; nom. ag. Nukirp-toje, отрѣзывающая.

11) Skalbiu, skalbti стирать, мыть бѣлье; iszskalbiu, стирать до-чиста, nom. ag. Iszskalb-toje, стирающая.

Digitized by Google

Oj dejvute dejwuziały,
Yszskalbk mana amžutiały,
Kad skajstus ejty galecziau,
Nuogas danguj ne stowiecziau[1]).

Охотнѣе всего собирались эти богини въ лунную ночь; сѣвъ на камняхъ, занимались своей работой. Окрестная молодежь очень часто ихъ видѣла, и отъ нихъ не испытывала никакихъ непріятностей. Но если она не оказывала имъ должнаго уваженія, тогда она подвергалась наказанію, даже смерти.

Описанные камни видѣны Юцевичемъ въ с. Кережи (Kierezy) Шавельскаго уѣзда, въ имѣніи Мартина Урбановича; нѣсколько десятокъ лѣтъ тому назадъ находились такіе камни при рѣкѣ Шешува, недалеко отъ Шынолавковъ, имѣнія В. Станевича, которыми выстроили фундаменты. Г. Норейко разсказывалъ, что большое ихъ количество видѣлъ въ Тельшевскомъ, Упитскомъ и Вилькомирскомъ уѣздахъ. Народъ называетъ ихъ „Dejwa (?) Akminaj[2]). Эта статья подписана: Л. А. Юцевичъ. Вильно 1836. 26 февраля.

Оставляя въ сторонѣ литовскаго мужика (wieśniak) съ его знакомствомъ съ греческими Парками, и съ его хвастаніемъ, что у Грековъ только три, а у Литовцевъ ихъ больше, именно семь Паркъ, и что греческія Парки только прядутъ нить, литовскія же и прядутъ и выдѣлываютъ полотно человѣческой жизни, дѣлаемъ только намекъ на то обстоятельство, что въ разсказѣ Юцевича смѣшаны извѣстія объ общихъ священныхъ камняхъ и частныхъ, почитаемыхъ каждымъ семействомъ отдѣльно. Достовѣрными данными считаемъ почитаніе извѣстныхъ камней вообще, положеніе на нихъ жертвоприношеній и названіе ихъ Deives. Невѣрными же — сравненіе этихъ deives съ греческими Парками, затѣмъ сообщеніе, что ихъ было семь, такъ какъ это число не согласуется съ общимъ вѣрованіемъ въ святость числа 3, 3×3, и 3×3×3=(3×9). Имѣя же въ виду, что Литовцы для каждаго дѣйствія и занятія изображали себѣ покровителя, мы можемъ приведенныя собственныя имена считать достовѣрными, такъ какъ онѣ всѣ представляютъ собою отдѣльные моменты сложнаго дѣйствія, начиная съ пряденія льна до окончательной выдѣлки полотна. А такого рода занятіе принадлежало къ важнѣйшимъ въ жизни литовскаго человѣка. Пряденіе льна навело Юцевича на сравненіе этихъ покровительницъ съ греческими Парками, изъ которыхъ Клоѳо начинаетъ прясть нить человѣческой жизни, Лахезисъ прядетъ ее черезъ всю жизнь, а Атропосъ прорѣзываетъ ее.

Послѣ окончанія нашего труда я получилъ 22-й выпускъ журнала Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft. 1897, въ которомъ, на стр. 393—5, Э. Вольтеръ подъ заглавіемъ „Perkunastempel und litauische Opfer oder Deivensteine" помѣстилъ весьма интересныя выдержки изъ отчетовъ Іезуитовъ, одну изъ Annuae Litterae Soc. Iesu anni 1600. Antverpiae 1618, p. 550/1, другую изъ такихъ же Annuae Litterae ann 1605. Antv. 1618, p. 944.

Для новости и важности содержанія этихъ выдержекъ позволю себѣ привести буквально эти свѣдѣнія, которыя могутъ служить объясненіемъ занимающаго насъ вопроса.

...Alibi[3]) lapides non parvi in horreis in terra defossi, superficie plana sursum versus, non terra sed stramine contecti, asservantur, quos Deyves appellant, atque ut

---

[1]) Oj deivute deivužėle, (i) — Ой богини божечокъ!
Iszskalbk mana amziutėle, (i), — Очисти мою жизнь,
Kad skaistus eiti galėczau, — Чтобы я могъ чистымъ явиться,
Nūgas danguj ne stovėczau. — Неодѣтымъ (неопрятнымъ) не представляться въ небѣ.

[2]) Форма Akminaj для меня не ясна; вѣроятно слѣдуетъ писать Deives akmeninies, либо Deiwas akmeninies каменныя божества. Но если Akminaj въ самомъ дѣлѣ жмудская форма, то исправленіе Э. Вольтера Deiva въ Deivu проще. Mitteil. l. l. p. 395.

[3]) Сообщенія отрывка вѣроятно касаются Латышей.

Digitized by Google

custodes frumentorum et pecorum religiose colunt. Locus[1]) ipse ita ab omnibus observatur religiose, ut nemo accedere proprius audeat; quod si quis eum attingat, eum confractum iri credunt. Mactant porcellum lactantem, omni parte nigrum, quem coctum[2]) pater et mater familias cum anu sacrifica[3]) comedunt; particulas autem tam ex porcello, quam ex aliis cibis, si qui forte parati fuerint, cum ter novem[4]) buccellis panis anus in horreum defert, ubi dictum Deyves sola, remotis omnibus, placat. Ad quendam rusticum e morbo decumbentem daemon[5]), specie deum referens, venit, suadens, ut si pristinam recipere vellet salutem, pateram cerevisiae sibi quotannis offeret et sexta feria ab omni opere abstineret. Alius gallinam ad ripam fluminis sacrificium annuum offerebat, quod aliquando in ejus fluminis transitu grave periculum adiisset; illa oblatione placatum sibi fluvium reddere studebat. Nonnulli, quoties nascitur infans, ad lacum deducunt hoedum, ibi capite et pedibus praecisis, truncum in lacum injiciunt: quo ritu deo gratias agunt, quod partus sit editus feliciter. Vulgo credunt feminam, quae non placato prius Deyves, Christiano eum non colenti nuberet, macie confectum iri; pecora, si quae in domum mariti, non facta pro illis oblatione, adduceret, esse interitura. Hos lapides primum quidem aegre, ut demonstrarent, adduci potuere, veriti, ne quod malum grave in poenam numinis violati incurrerent. At ubi viderunt impune a nostris suos deos abjecte tractari et pedibus conculcari, stultitiamque suam rideri, tum et ipsi accurrere intrepidi, lapides effodere suamque in tam vilibus diis colendis stultitiam ridere et admirari non cessabant (p. 550/1).

Und in denselben Annuae Lit. Soc. Jesu vom Jahre 1605, Antv. 1618,.. lesen wir auf seite 944 über Litauens Deyvensteine noch diese worte: Quidam rudissimi villani opera nostrorum pravam exuere consuetudinem colendi lapidem quendam, quem horrei ac foecunditatis[6]) domesticae felicitatis deum esse putarunt. Ohne auf die weiteren sehr wertvollen Schätze dieser Jesuitenberichte einzugehen, heben wir hervor, dass dreier götter und ihrer verehrung ibid. erwähnt wird: des deus dirvolira gleich * dirvolita für dirvalyte, des deus Nosolum nuncupatus, vielleicht ouzolius[7]) eichengott, und endlich des schon aus Rostovski bekannten Dimstipatis[8]). Dem ersten opferte man schweine, dem zweiten ziegenböcke, (caprum immolant ejusque sanguinem in fluvium effundunt eo fine, ut prosperent eorum fruges hi Dij); was man dem dritten opferte blieb unbekannt. Hujus dei colendi ritum Patri quaerenti nolebant omnino patefacere (p. 494).

Изъ этого отрывка оказывается, что Литовцами были почитаемы не только камни, лежащіе подъ открытымъ небомъ и торчащіе надъ землей, какъ мы до сихъ поръ думали, но также такіе, которые находились подъ крышей, вкопанные до равной поверхности съ землей; дальше, что Юцевичемъ въ самомъ дѣлѣ оба рода камней были смѣшаны, и что словомъ Deives обозначались и тѣ и другіе камни, а не только призраки, пугала.

---

1) Focus, повидимому опечатка.
2) Не жареное.
3) Помимо присутствія отца и матери семейства.
4) Это священное число въ обрядахъ.
5) Имя этого божества исцѣленія не сообщено.
6) Въ подлинникѣ: horrei ac foecunda' (опечатка?), domesticae felicitatis deum.
7) Onzolius опечатка.
8) Rost. L. l. p. 119 (Dimstipam).

Digitized by Google

Приложеніе VII.

Погоды въ прибалтійскихъ земляхъ.

На вопросъ, возможно ли допустить, чтобы огонь на воздухѣ, хотя бы онъ былъ расположенъ подъ громаднѣйшимъ деревомъ въ самомъ густомъ лѣсу, горѣлъ непрерывно и вѣчно, мы по поводу атмосферичныхъ, неблагопріятныхъ явленій, каковы сильные морозы, громадные снѣга, проливные дожди, орканы, только можемъ дать отрицательный отвѣтъ. Отыскивая въ различныхъ хроникахъ матеріалъ для литовской миѳологіи, мы также обратили наше вниманіе на различныя, довольно часто попадающія замѣтки объ атмосферичныхъ явленіяхъ, доказывающія, что именно по ихъ поводу оказывается невозможнымъ, чтобы огонь подъ открытымъ небомъ непрерывно горѣлъ, и что для достиженія этой цѣли онъ долженъ былъ находиться подъ извѣстной охраной, каковую только могло доставлять крытое строеніе. Такая же охрана необходима была также для стерегущихъ огонь людей, жрецовъ со всѣмъ ихъ достояніемъ. Съ этимъ результатомъ связанъ вопросъ другой, а именно, въ какомъ видѣ представлялось такое строеніе, и для рѣшенія его мы должны были обобщить его въ особомъ изслѣдованіи о строеніяхъ вообще въ прибалтійскихъ земляхъ (Прил. VIII).

Въ настоящемъ приложеніи мы собрали атмосферическія явленія въ упомянутыхъ земляхъ, случившіяся въ теченіи двухъ вѣковъ, до 1417 г.. т.-е. до того времени, когда Жмудь, послѣдняя языческая, литовская земля, оффиціально уже приняла крещеніе.

Таковъ же матеріалъ для Пруссіи собранъ въ статьѣ: Nachrichten über besondere Witterungs-erscheinungen in Preussen, während des 14, 15, 16 und 17 Jahrhunderts. Zusammengestellt von F. Strehlke und E. Strehlke. A. Pr. M. Sch. Bd. X. Herausgeg. von Rudolf Reicke und Ernst Wichert. Kngsbg. 1873; Hct 8 pg. 650.

1204. Christiani... frigore multos dies deducentes (Лот. Chr. Liv. p. 84. 4).
Non valentes autem propter gelu, quod immensum erat, navim littori applicare, eam in glacie relinquunt (Ib. p. 86).

1205. Letthones (здѣсь Литовцы)... propter nimiam profunditatis nivis per unam tantum viam singuli gradiuntur (Лат. ib. p. 88. 3).

1208. Nocte vero sequenti factum est gelu maximum (Лат. ib. p. 128. 6).

1210. Multi etiam paganorum, qui in silvis et in glacie maris per fugam evaserunt, frigore congelati perierunt (Эст. ib. p. 146. 10).

1212. ...et in glacie euntes in Livoniam redierunt (Эст. ib. p. 162. 7).

1215. Rigenses cum Livonibus et Letthis... euntes in glacie maris, quod erat continua frigoris asperitate congelatum firmissime... prae nimia frigoris intensione castrum expugnare non potuerunt... quidam frigore congelati ceciderunt (Эст. ib. p. 198. 9).

1218. Et occurrit eis ventus ab aquilone frigidissimus. Erat enim frigoris tanta asperitas, ut extremitates membrorum ipsorum in frigiditate multis perirent, et aliis nasus, aliis manus, aliis pedes congelarentur et omnibus nobis domum postea redeuntibus, nova cutis in facie supercresceret, vetere projecta. Quidam etiam postea mortui sunt (Эст. ib. p. 224. 9).

1218. Post festum nativitatis Dominicae conveniunt seniores Livoniensis ecclesiae expeditionem indicentes .. sed a ventis australibus et pluviis impediuntur. (Livonia, ibid. 236. 8).

Digitized by Google

1219. Zu swurben[1]) vuren sie ubir se,
Das ist genant das osterhap,
Als es perkune ir apgot gap,
Das nimmer so hart gevros (Эст. Alnp. 1434—37. p. 59).

1226. Consumatis itaque festis Natalis et Epiphaniae Domini, nix tegit terras et glacies undas, eo quod superficies abyssi constringitur et aquae durantur in Livonia, ut lapides, et fit glacies estque melior via super aquas, quam terras (Liv. Chr. Liv. p. 304. 3).

1227. Das wart im doch gemachet kunt,
Das also starke gevrure der sunt,
Damite das lant bevlossen ist (Alnp. 1633—35).
Wer da suchen wil mit her
Es wirt in winter kalden tagen,
Es mochte hundert her getragen (Лат. Эст. Alnp. 1640—2).

1259/60. Do man begunde buwen
Doben — des sult ir getruwen
Do was der winter harte kalt (Лат. Жм. Alnp. 5479—81).

1261. ...darnach in kurzer vrist.
Wart ein winter also kalt,
Das manchir oseler entkalt.
Des winters macht die was so gros,
Das sie die wilden sehe beslos
An allerhande stuke,
Sam es were ein brucke
Zwischen osele und eistlant (Эст. Лат. Ib. 6152—59).

1264. Dy quamen zcu Prusyn mite groszem volke... abyr der winttyr waz zo weich, daz sy leidyr den vindin keyn arg gethun mochtin (Прус. Aeltere Hochmeister Chronik c. 69 въ S, R. P. 111 p. 568).

1265. Im nesten jare... do waz der winter aber weich (Прус. Ib. c. 70).

1270. Der winter der was also kalt,
Des mancher muter kint entkalt (Alnp. v. 7833).
Das ies, das uf dem mere lac,
Der grosen burden[2]) nicht erschrac,
Die es zu beiden siten truc;
Es war in allen uaste gnuc (Лат. Эст. Alnp. 7847—50).

1279. Der winter der was also kalt,
Das manich mensche entkalt
Von cristen und von heiden.
Da ervros von in beiden
Manich unverzageter helt,
Kune und da bie us erwelt (Лит. Alnp. 8489—94).

1322. Съ 30 ноября до марта господствовалъ на Балтійскомъ морѣ ужасный морозъ... In der Osterzee wuste nement jeneghe sunde eder wathere, se ne weren mit yse hart beleghet (Detmar S. R. P. III 65, прим. 1).

1323. In hac hyeme intensissimum fuit gelu, sic quod quasi omnes arbores fructifere in partibus Lyvonie et Prussie aut omnino aruerunt, vel infra multos annos

---

[1]) Schworben на островѣ Эзель.
[2]) Var. burgen.

Digitized by Google

vires pristinas resumere non valebant. Unde licet exercitus magnus a fratribus congregatus venisset fere ad medium vie inter Lethoviam et Prussiam, tamen ultra procedere non valebat, quia pre nimio frigore communis populus periisset (Dusb. c. 342 (335) S. R. P. I 186/7. Прус. и лит.).

1323. A. D. (13) 23 fuit frigidissima yemps et intensissima et continuata in nive. (Прус. Can. Samb. S. R. P. I p. 282).

1323. (15 авг.). In deme sulven jare in deme daghe Unser leven Vrowen der hemelvart, do was grot dusternisse van reghen, storme, dunner in der lucht[1]), dat darvore des ghelikes[2]) nicht vele was vornomen. Bi den daghen, de do leveden, de lude, worden sere vorveret; oc scach grot schade, sunderliken in Prutzen (Detm. S. R. P. III p. 65).

1327. (14 февр.). In deme jare Cristi MCCCXXVII in sunte Valentinus daghe, do was so greselik dunner, hagel unde stormwint in Prutzen, dat vele mechtiges buwes nedervil van unwedere und schach grod schade (Detm. S. R. P. III p. 66/7).

1331. (Послѣ 6 янв.). A. D. 1331. Post festum epyphanie fuit frigus adeo vehemens intensum, quod multi homines in Lyvonia et Estonia et Curonia perierunt (Can. Samb. S. R. P. I 285).

1331. (3 марта). In deme sulven jare in deme dridden sundaghe der vasten, do was de Wisla bi Torun in Prutzen so hoghe upghestowet van ys weghene, dat se vordrenkede vele lude oc quekes unde buwes, unde dede groten schaden (Detm. S. R. P. III 69/70).

1360. (15 авг.). Anno 1360 in die assumpcionis beate Marie fuit magnus impetus venti, quod in parvo spacio terre prope Grunehof ceciderunt ultra quatuor sexagenas magnarum quercuum funditus eradicatas. Campanile in Mispilwalde cum campanis integrum sine fractura fuit motum de loco suo ad spacium XIII pedum (Прус. Ann. Thorun. S. R. P. III 79/80).

1360. Anno domini 1360 was gros wint umbe assumpcionis Marie, das dy eychin unde dy bowme umvilen usz der erdin mit den worczeln. Der wint furte eyn glochus zcu Mispilwalde bobin XL (? ср. выше) fusze von der stat, als is stunt, mit den glocken, unde bleb dach gantcz (Pos. S. R. P. III p. 79/80). Тоже самое сообщаетъ Detmar ошибочно подъ 1359 г.

1361. In deme sulven somer was so grot hette[3]) in Prutzen, das vele kornes verbrande up deme velde. (Det. S. R. P. III 81).

1361. In desin czeiten was der zomir gar heis, das das getreide viel vordorrete ane reyn; unde der winter enfros wenig ichtes icht[4]), das man nicht usz mochte komen zu reisen (Pos. S. R. P. III 81).

1363. Anno domini 1363 was vil gruwsames weters, donre unde blitze, das die luthe sulches weters unde gewitters nicht su vil gedochten, als dis yor was; unde geschach ouch vil schade dovon (Pos. S. R. P. III 82/83).

1364. Anno domini 1364. In desim jare was so herter winter unde werte eyn virteil jares, das man vil guter reysen tate den winter mit grossin vromen (Pos. S. R. P. III 83. Тоже самое сообщаетъ Detmar подъ 1363 г. съ добавле-

---

[1]) Luft.
[2]) Desgleichen.
[3]) Hitze.
[4]) Etwas.

Digitized by Google

niemъ: Bynnen der tyd vorghing vele volkes unde queckes[1]) van vroste. Ib.).

1365. Darna wort in Prutzen so tidigen[2]) jar, dat dat korn hadde arn in sunte Urbanus dage (25 мая) (Det. S. R. P. III 84).

In deme sulven jare des dinxstedages to pinxsten (3 Іюня) umme vespertyd dages, do vil hagel so grot in Prutzen alse eyere, unde warde den neghesten dach over, unde dede deme korne groten schaden (Det. S. R. P. III 48).

1366. In deme sulven jare bi sunte Gallendage (около 16 окт.) do schegen in Prutzen so grote tekene[3]) in der lucht, dat des ghelikes was ne vornomen. In ener nacht vloch in deme hevene dat vur[4]) alse vurighe blase unde warde von (mid)dernacht beth in den dach (Det. S. R. P. III 85).

1368. Darna dre tage na sunte Ghertrudes dage (около 20 марта) do was so grot dunre in Prutzen unde unwedder, dat vor Ilghincberch[5]) slogh id entwey enen balken in der molen. Darsulves sloch id enen manne dat been entwe unde enen wive den arm entwe, das se beide legen up deme bedde (Det. S. R. P. III 87).

1372. A. D. (13)72 geschach gros schade von deme donre und hayle (sic) an dem getreyde. Ouch vil also gros snee uf den Karefritag (26 марта), das die lute kume mochten komen czu iren pfarren; und andirs wunders vaste vil geschach ouch in desim jare (Прус. Pos. S. R. P. p. 91).

1372. .....qui omnes libenter ivissent contra Letwinos, sed aura prohibuit; aque enim non fuerunt congelate (Прус. Her. de W. S. R. P. II 101).

1372. Въ февралѣ... sed quia hyems talis fuit inabilis ad reysas, hospites... tristes revertuntur (Прус. Ib. p. 568).

1374. A. D. (13)74 was gros wint, das uf eyne czüt vil gebuwdes und schunen derneder vilen von dem sthorme (Прус. Pos. S. R. P. III 94).

1375. 5 февр. Frigus fuit maximum et nivium profunditas ac durities, quod totus exercitus non potuit nisi singillatim transire (Лит. H. de W. S. R. P. II 106)

1376. A. 1376 comes de Cleven fuit in Prussia et multi validi milites et barones; sed marscalcus non potuit stare propter hiemis humiditatem (Прус. Ann. Thor. S. R. P. III p. 99).

Anno domini (13)76 was im lande der grafe von Cleve und vil rittir und knechte, und man kunde nicht gereysen, wend der winter gar weich was, und was ouch so gros wassir, das dy Wysel usbrach an vier enden, das den werderen gros schade geschach (Pos. S. R. P. III p. 99/100).

Item in desim zomir was is so truge, das die Wysel vor Thorun so cleyne und sichte was, das man sie mochte obirwaten an vil endin. Ouch bluetthin die bowme uf den herbist an vil enden (Прус. Pos. S. R. P. III 104).

In deme sulven jare was de hervest so droge unde so warm, dat in Prutzen bi sunte Gallendage (26 окт.) vele bome bloyden[6]) (Прус. Det. S. R. P. III 104).

---

1) Vieh.
2) Zeitiges.
3) Zeichen.
4) Feuer.
5) Gilgenburg.
6) Blüheten.

Digitized by Google

1379. Anno domini (13)79 was der winter gar unstete, das die Wysel drystunt[1]) bestunt und weder abeging, das nicht reyse wart (Прус. Pos. S. R. P. III 109/10).

...Item aggeres insulares fuerunt rupti... et isti de magna insula (d. grosse werder) propter magnitudinem aque et glaciei vix se continebant (Ann. Thor. III p. 110).

Item was huer gar eyn fru jar, wend um sinte Johannis Baptisten tag (24 июня) was der auwst[2]) das meiste teyl geschen, und die kyrsen woren ryfe vor pfingesten (до 29 мая), und der win uf Jacobi (25 июля) (Прус. Pos. S. R. P. III p. 111/12).

1379. In deme somere des jares in sunte Johannis Baptisten dage, do was de rogge ripe[3]) in Prutzen unde was in vele jeghene[4]) des landes alrede meyet [5]) (Det. S. R. P. III p. 111/112).

1379. Ouch mit dem letzten froste tate der marschalk eyne gute reyse (Прус. Pos. S. R. P. III 110. — См. Ibid. p. 109).

1380. Anno domini (13)80. In desim jare was weich winter, das man nicht mochte gereysen (Pos. S. R. P. III 113).

Anno 1380 non fuit reise propter defectum nivis et glaciei (Прус. Ann. Thor. S. R. P. III p. 113).

1383. A. 1383 non potuit esse reysa propter defectionen hiemis (Ib. p. 124).

Anno domini 1383 was der winter gar weich, das man nicht mochte gereysen (Прус. Pos. S. R. P. III 124).

1384. Anno 1384 worin vil geste[6]) czu Kongsberg und der winter was weich, das man nicht mochte reysen (Прус. Pos. ibid. 129).

A. 1384 non fuit hyemps, ideo neque reysa (Прус. Ann. Thor. ibid. p. 129).

1385. Fuerunt multi hospites in Prussia, sed non fuit reysa defectu hiemis (Ann. Thor. ibid. p. 136).

Anno domini 1385 do worin gar vil geste czu Kongsberg unde men mochte nicht reysen, wend is nicht herte winter was (Pos. ibid. p. 136).

1386. ...sed non fuit reisa, quia hyems nimis cito dissoluta (Ann. Thor. p. 144).

1387. Anno 1387 fuerunt hospites in Prussia... qui per Marchiam intraverunt; sed non fuit reysa, quia nives fuerunt in partibus inferioribus nimis magne (Ann. Thor. S. R. P. III 148/9).

Reyse quedam in hyeme erant, sed non consumate propter aure intemperiem (Wig. c. 141. S. R. P. II 633).

1388. A. D. 1388... doch wart nicht reyse weters halbin und man mochte nicht gereysen (Pos. S. R. P. III 149).

Item dry tage vor Margarethe (10 июля), was so gros reyn im lande czu Pruszin, das desin gebitegeren: Strasburg, Redin, Roghusen, Engelsberg ere molen usbrochin, und geschach gros schade, das des Kompthurs gemach von Grudencz nedir vil in die Wysel. Und czu Fredecke (Wąbrzeźno) vylen czwene torme neder in deme vorborge, und die mole czu Starkinberg, und die mole vor dem huse brochin ouch us, und ouch schach schade

---

[1]) Drei mal.
[2]) Ernte.
[3]) Reif.
[4]) Gegend.
[5]) Ueberal gemähet.
[6]) Князья, графы, вельможи съ войсками.

Digitized by Google

an deme huse czu Roghusin. Ouch worin dy temme do vor purificationis Marie (2 февр.) usgebrochin, das das grosze werder und ouch das cleyne, das dy werder alle worin beflossin. Und dornoch czu ostern (29 марта) brochen sie andersweit us, und was so gros wasser, das die lute des glichin nicht gedochtin (Pos. S. R. P. III 152/3).

1388. (11 нояб.). Die Mymmel gefros, das man die schiff muste lassen czu Rangnith, und die lute muste das meiste teyl czu fusze heym geen (Pos. l. l. 154).

1389. Anno domini 1389 was so gut winter, als her by manchen jaren gewest was (Pos. l. l. 155).

(28 февр.) ... und do sie weder uswoldin, do was der snee gros (Жмудь. Pos. l. l. 157).

Item in desim jare wart wening hering gefangen: also beczitin quam der winter, das man nicht geschaffen mochte (Прус. Pos. l. l. p. 160).

1391. A. 1391 non fuit reysa propter tarditatem hyemis (Ann. Thor. l. l. p. 168).

Anno domini 1391 was weich winter, das man nicht mochte gereysen, alleyne vil geste worin in deme lande (Pos. S. R. P. III 166).

Item was dis jor gar truge ane reyn, und der nordinwint stunt lange czüt, das wening getreydes wuchs (Pos. l. l. 170).

(Послѣ 6 дек.). Do wart das weter also weych, das sie weder heym musten czin. Лит. окрестность Гродно (Pos. l. l. 176).

1393 Der marschalk wolte vort habin geczogin ken Salseniken[1]), do kunde her nicht vor wetter, wend is sere towte[2]), das sy kume weder komen mochten obir die Mymmel. Und woren XV nacht in dem lande. Лит. въ февралѣ (Pos. l. l. 191).

1395. Anno domini (13)95 was weych winter, das man nicht mochte gereysen (Pos. 199).

1396. A. 1396 non fuit reysa propter multitudinem et profunditatem nivium (Ann. Thor.) S. R. P. III 202).

Unde deden dar nynen vromen, wente alto vele snees hinderude en in deme weghe (Det. S. R. P. III p. 202).

1396. A. D. 1396 quam der herczoge von Gelre in das lant, und man hette gerne gereyset, man mochte nicht, wend vil snes was, und undir deme snee was is ungefroren; und woren komen mit deme heere in dy wiltnisse[3]) und muste weder keren (Жмудь. Pos. 202).

1397. Ouch mochte man nicht gereysin, wend der winter weich was (Прус. Pos. p. 209).

1398. Sed quia non fuit constrictio, ire non potuerunt (Ann. Thor. S. R. P. p. 217).

An. Dom. (13)98 czuhant noch wynnachten was der meister gereyt[4]) und wolte reyse habin geczogin; do brach das weter und was so unstete, das is underwegin bleyb. Dornoch uf die vastin (20 февр. 1399) fros is gar sere weder (Прус. Pos. S. R. P. III 217).

Item in desim jare was vil reynes in dem Awestmonden und hewmonden, das vil getreydes und hews vortarb nnd vorfulete (Pos. l. l. p. 225).

1399. Anno 1399 in principio XL me (12 февр.) domini nostri intrarunt in magnis nivibus terram Samaytarum (Жмудь. Ann. Thor. S. R. P. III 226).

---

[1]) Soleczniki въ Литвѣ.
[2]) Tauete.
[3]) Западная граница Жмуди.
[4]) Bereit.

Digitized by Google

Anno domini (13)99 mochte nicht reyse werdin, wend das weter gar unstete was gewest, das kein frost nicht redelich was, wen uf sente Lucientag (13 дек. 1398) hub is an czu frysen und werte bis Invocavit (16 февр. 1399). Ouch woren wening geste ym lande; ydoch reysete der marschalk ken Samaythin in das land czu Medeniken noch unser frouwintag purificacionis (послѣ 2 февр.) und lag IV nacht in dem lande. Das weter ging yn abe, das sy nicht lenger dorynne mochtin blibin (Жмудь. Pos. l. l. p. 226).

In deme jare Cristi 1399 do was so grot vrost in deme wintere, alse ye bi den daghen unses levendes was vornomen; men mochte in der tit wanderen up deme yse von Rostok bet in Dennemarken; dat sulve dede men van Lubeke ut over ys went to dem Sunde (Stralsund) (Det. S. R. P. III 225/6), см. выше.

1402. A. D. XIIII^{c} secundo was der winter beyde[1]) vor winnachten und ouch dornoch alzo weych, das man nicht mochte gereysin (Pos. l. l. p. 254).

Item an dem ende des februarii und in dem beginne des merczen entstunt eyn comete ken der sonnen undirgank, und schein wol IIII wochin alle obinde mit grosin flammen. Und die meister der astronomyen wissaten, das her wurde bedutin grosin krig in vil landin und vorgisunge des blutes und grosze trockinheit ane reyn; das ouch geschach (Pos. l. l. p. 256/7).

1405. Item was der herbist gar nas und vil reynes und fuchte, das vil lute blebin ungeseyget obir winter und fros nicht bis e noch sente Lucientag (13 дек.) (Pos. Forts. l. l. p. 281).

1406. A. XIIII^{c} sexto was der winter gar weich, des man nich mochte gereysin (Ib. p. 282).

1406. Ouch was deser winter ane allin vrost und reynik, das keyne flys bestundin, und dy lute gedochtin des glichen nymer. Und die lute storbin vaste in vil enden; ydoch was is nicht gemeyne obirall. Dornoch conversio Pauli (23 янв. 1407) wart frost also, das die Wysel bestunt und etliche andere flys; und werte doch nicht lange, und ging snellichin weder ab und bleib dornoch lustig (sic) und der gancze monde aprilis was sundir sne und vrost und reyn (Pos. Forts. l. l. 284).

1407. Anno XIIII^{c} septimo was der winter weich ane frost, als vor gescrebin ist, des glichin nymont gedochte. XIIII tage noch wynnachten (8 янв.) lys ich grabin im garthin und petircylien und moen seen, als noch ostern; und was gemeynlich in Dutschin landin also, das is donnerte sam in dem zomir (Pos. Fort. p. 284.). Это свѣдѣніе списалъ Konrad Bitschin, помѣстивъ его подъ 1382 г.

1408. Anno XIIII^{c} octavo was also gut winter, als her by langer czüt was gewest, wend her sich bie cziten irhub vor wynnachtin (1407 г.) und werte vier gancze monde und lenger (Pos. F. p. 289).

Item als der winter abegink, wart gros wassir, das die Wysel usbrach bienedin Grudentz und uff der Nerye und tat grossin schadin (Pos. Fort. 289/90).

1409. Das jar was trockin und wart wenning getreyde (Ib. 298).

О явленіяхъ достопамятнаго года сраженія при Грунвальдѣ нѣтъ замѣтки.

1412. Ouch was gros wasser in desim jare gewest; dy flysze hattin sich also gros irgossin, das in vilen endin das gras bleib ungehouwin und vortarb mit enander (Ib. p. 332).

---

[1]) Т. е. въ началѣ года и въ концѣ года.

Digitized by Google

1413/14. Gilbert de Lannoy описываетъ чрезвычайную зиму, хотя преувеличенную въ подробностяхъ, господствовавшую 1413/14 г. во время его возвращенія съ Великаго Новгорода въ Гданскъ: Et fist cest yver sy froit, que chose merveilleuse seroit a racompter les froidures qu'il y faisoit, car il me failly partir pour le froit... (§ 42 p. 372).

§ 43. Item: une merveille de froit y avoit, que, quant on chevauchoit par les forets on y oyoit crocquier les arbres et fendre de hault enbas de froit. Et y veoit on les crottes de la fiente des chevaulz qui estoient sur la terre engelles saillir contre mont de froit (!) et quant on dormoit de nuit ou dit desert, on y trouvoit au matin sa barbe et ses sourcieux et paupieres engelees de l'aleine de l'omme et plaines de glachons, sy ques au reveillier a paines povoit ou ouvrir ses yeulz.

§ 44. Item une autre merveille de froit y vey de long: ung pot de terre, plain d'eau et de char, mis au feu par ung matin sur ung lacq ou desert: que je veis l'eaue bouillir a l'un des lez du pot et engeler a glace a l'autre lez (!!!).

§ 45. Item ung autre merveille y vey de froit: de deux tasses d'argents pesans trois mars de Troye, dont j'avoye puisie eaue de nuit en ung lacq dessoubz la glace pour boire, en maniant icelles a mes mains chauldes estre engelees a mes dois et tantost icelles widies mis l'une en l'autre estre engelees ensamble tellement, qu'en prenant l'une, sourdre les deux par force de gelee.

Эта зима была до того строга, что Жильберъ на саняхъ отправился изъ Кенигсберга въ Гданскъ по замерзшемъ морѣ; она продолжалась по его сообщенію черезъ двадцать семь недѣль, что Лелевель исправляетъ на семнадцать. Et fit cette saison sy grant froidure es pais de Russie, de Leteau et de Liuflant, que moult de poeuple morut et engella de froits (§ 67).

1413. Item was der nochwinter so weich, das czuhant noch wynnachten dy wassir uffin worin, das man mochte varin und flyszin uff dem wassir, das czuhant kegin ostern qwam us der Masow und allumme vil holczes, ronen, delen unde wagenschos, wend dy lute bynnen dryn jarin von Polan und us der Masow nicht mochtin komen in das lant czu Pruszin (Pos. Fort. l. l. p. 333).

1415. Ouch geschach gros schade von dem wasser. Der Nogath hatte sich vorstoppit, also do das yes abeging, do brach der Nogath us off jhensit der Somerow, das dy dorffer alle beflossin, dy do login in der nederunge beyde von Kirsburg und Elbing (Ib. 356).

Ouch was das vorjar dornoch gar truge und ane reyn und stund lange zeit. Ib.

1416. A. D. XIIII^c dornach im XVI jare, was der winthir also weich, das keyn frost wart so gros, das dy wasser hertlichin bestandin werin, das man czu yse mochte habin gevyschit, und das was yn allin mondin den ganczin winthir obir, des glichin nymand gedochte; und wart eyne grose tuwerunge dornoch im lande zcu Prusin. Vil lute lebetin der knospin von den boumen und wuchs wenyng von allirley getreyde (Ib. p. 360).

Ouch worin dy wasser in dessim jare von dem aueste so gros, das desglichin nymant gedochte, und tat grosin schadin an wesin und an dem getreide,

Digitized by Google

das yn der nederunge was gelegin. Ib. 364. Wynes wart gnug dis jar, sundir tuwerunge was an deme getreyde (Ib)

1417. In dem jare des herrin XIIII[e] im XVII jare was eyn hartir winthir und hub sich beziten an und werte off mette fastin (21 марта) und wart gar eyn fruchtbar jar zcu allin dingin. (Ib. 368). На этомъ году останавливаемся; послѣ истребленія священнаго огня Владиславомъ Ягеллою на Жмуди вѣроятно уже не зажигались такіе огни, и пропали на всегда столь высоко цѣнимыя прорицалища.

Приложеніе VIII.

Замѣтки о Литовской хижинѣ XV и XVI вѣковъ.

Выдержки изъ сочиненій авторовъ, помѣщенныя въ нашемъ трудѣ о Ромове въ переводѣ, приведемъ въ подлинникѣ съ объясненіями; кромѣ того прибавимъ выдержки изъ другихъ менѣе извѣстныхъ авторовъ съ тою цѣлью, чтобы мы могли составить себѣ болѣе ясное представленіе о хижинѣ, предназначенной для охраны вѣчнаго огня. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ могутъ служить матеріаломъ для изслѣдователя Литовской хижины вообще.

А). Въ описаніи крещенія Жмуди Длугошь сообщаетъ намъ также нѣкоторыя этнографическія подробности, и между ими также замѣтки о жмудской хижинѣ.

...Nullus ibi stubarum aut aedificiorum nobilium, sed tantummodo tugurii unius usus... Structura aedificii ex ligno et culmo, largius ab imo, sensim operis incremento in arctius cogitur, in carinae maximae similitudinem elaborata; in cacumine fenestra una, superne lumen reddens. Supter quam focus et cibos parabiles coquens et trigus, quo regio pro majore anni parte constricta est, repellens. In ea domo se, uxores, pignora, servos, ancillas, pecus, armentum, frumentum et omnem suppellectilem concludunt, nec alia aedificia, coenacula, palatia, promtuaria aut stabula norunt; sed iisdem habitationibus se et pecus suum, armenta atque alia omnia animalia domestica includunt. T. XIII p. 163 ed. Przezdz.

Stuba означаетъ небольшое зданіе, малый домъ: „Facere vias, vel stubas, vel alia aedificia". Она низка „Est in Kayro domus ampla, et admodum stubae demissa. 2) Хижина, которая отопляется, и въ которой проживаетъ хозяинъ, владѣлецъ: Oves de quolibet aestuario vel stubae regni; корчма (taberna); 3) Часть жилая строенія, комната, пол. izba, нѣм. stube; лавка, баня (т.-е. vaporarium). Другія подробности см. Du Cange Lexic. mediae latin s. v. stuba, aestuarium.

У Длугоша stuba означаетъ зданіе, назначенное исключительно для людей, а не для помѣщенія въ немъ животныхъ, и такого то зданія предназначеннаго только для жилья людей тогда во всей Жмуди не было, а тѣмъ болѣе не было домовъ болѣе изящныхъ. Во всей Жмуди существовали единственно tuguria, т.-е. хижины, какія устраивалъ себѣ римскій крестьянинъ изъ круглыхъ, необтесанныхъ бревенъ, покрытыя ситникомъ, соломой, тростникомъ, корой; см. Rich Illustrirtes Wörterb. s. v. tugurium, casa, casula. Въ такомъ жмудзскомъ tugurium, неимѣющемъ, какъ ниже увидимъ, никакихъ отдѣленій, или особыхъ перегородокъ, нетолько проживалъ хозяинъ съ семьей и прислугой, но также помѣщались всякаго рода домашнія животныя, вся хозяйская

Digitized by Google

утварь, земледѣльческія орудія, все хлѣбное имущество, какъ это подробно перечисляетъ Длугошъ. Ему самому казался такой образъ жизни столь страннымъ явленіемъ, что онъ для убѣжденія читающаго въ томъ, что сообщеніе его не фраза, а правда, еще разъ подробно перечисляетъ зданія, какихъ въ Жмуди не существовало, а затѣмъ и все то, что помѣщалось въ жмудской хижинѣ.

Въ Длугошово время жмудская хижина различалась отъ римской внѣшнимъ видомъ, состоящимъ въ томъ, что стѣны и крыша составляли одно цѣлое, а цѣлая хижина представлялась въ видѣ лодки, опрокинутой дномъ къ верху, какъ выражается Длугошъ, который это сравненіе заимствовалъ у Sallust. Iug. 18.8: „Ceterum adhuc aedificia Numidarum agrestium, quae Mapalia[1]) illi vocant, oblonga, incurvis lateribus tecta, quasi navium carinae sunt".

В. Каллимахъ (Callimachus), младшій современникъ Длугоша, проживавшій также извѣстное время въ Литвѣ, описываетъ Литовскія хижины слѣдующимъ образомъ:

...Non desunt argumenta illis, qui a Bosporanis (Litifanos, т.-е. Литовцевъ) profectos ajunt, cum totius agendae vitae rationem, qua Bosporani degunt, prisci etiam Litifani inter se agitarent... similis negligentia educandorum liberorum sine ullis deliciis sub eodem tugurio promiscue cum pecoribus... Aedificandi materia tam his, quam illis, crassa et informis; habitudo aedificiorum maxime rotunda et in conum fastigata; extat scriplum (sic), relicto foramine, accipiendo lumini et ad fumum emittendum, sine ulla contignatione aut discreto receptaculo; ignis in medio tugurii, circa quem accubitus ac discubitus sine loci alicujus electione aut observantia; neque ullius rei domesticae ordo aut disciplina". Vita et mores Sbignei Cardinalis, Auctore Philippo Buonacorsi Callimachi ed. Finkel cap. XIV p. 27[2]).

Въ скрытой и упорной борьбѣ съ Длугошомъ и ему въ укоръ, какъ это постараемся доказать въ предполагаемомъ продолженіи нашихъ „Источниковъ къ лит. миѳологіи", Каллимахъ утверждаетъ, что Литовцы не происходятъ отъ Римлянъ[3]), такъ какъ они другъ отъ друга разнятся учрежденіями и обычаями, какъ напр. въ военной организаціи и въ способѣ похоронъ и пр.; но что у Литовцевъ во многихъ отношеніяхъ есть большое сходство съ Кельтами и Галлами, или также съ Боспоранцами. Самое же названіе Литвы произошло отъ мѣстнаго слова „Litifa"[4]), обозначающаго родъ хлѣба, производившагося для поддержанія жизни всѣми сѣверными народами, къ которымъ принадлежали и Литовцы.

По Каллимаху, въ литовской хижинѣ, названной имъ также tugurium, проживаетъ согласно съ предъидущимъ авторомъ хозяинъ съ семьей и съ животными. Хижины, построенныя всѣ изъ грубаго и необработаннаго матеріала, имѣютъ по большей части видъ круглый[5]), конусообразный; наверху у нихъ торчитъ „scriplum", какъ рукописное „scriptum" исправляетъ Dr. Finkel. Но и того и другого я не понимаю; помоему мнѣнію слѣдовало бы читать scirplum, sirplum, какъ сокращеніе слова scirpulum, sirpulum, уменьшительнаго отъ scirpus, sirpus, ситникъ, означающаго здѣсь корзину безъ

---

[1]) О mapalia см. ниже сообщеніе Ласицкаго.

[2]) Полученіемъ этой для нашего предмета важной книжки я обязанъ любезности г. директора библіотеки Оссолинскихъ, Кентржинскаго (Kętrzyński).

[3]) Это направлено противъ Длугоша.

[4]) Это также направлено противъ Длугоша, утверждающаго, что названіе Lituania произошло отъ L'. Italia; но мнѣ не извѣстно, что значитъ «Litifa».

[5]) На основаніи сравненія языковъ и культуръ Шрадеръ (Schrader) приходитъ къ слѣдующему, окончательному результату: Ich glaube nun, dass sich für die ältesten häuser der Indogermanen zweierlei feststellen lässt: erstens, dass das material zu denselben lediglich aus holz, flechtwerk, lehm, nicht aus stein, bestand, und zweitens, dass die gewöhnliche, vielleicht älteste form, wenigstens der europäischen hütte, der Kreis gewesen ist. Sprachvergleichung und Urgeschichte p. 494.

Digitized by Google

дна (relicto foramine), образующую такимъ образомъ родъ трубы, черезъ которую проходилъ дымъ и тяжелый воздухъ и впускался свѣжій. Круглая форма хижины, о которой авторъ первый и единственный упоминаетъ, принадлежала къ древнѣйшимъ формамъ; онъ, вѣроятно, описываетъ хижины другой мѣстности Литвы, въ которой преобладала круглая форма, при существованіи продолговато-круглой. На это указываетъ и его выраженіе: „по большей части круглая". Можетъ-быть, и тутъ на это сообщеніе повліяло желаніе Каллимаха исправить Длугоша, писавшаго только о продолговато-круглой формѣ хижины.

Каллимахъ также первый сообщаетъ, что внутри хижины не было никакихъ балокъ и никакихъ особыхъ отдѣленій или перегородокъ, и что очагъ находился въ срединѣ ея, около котораго каждый ложился, гдѣ и какъ ему захотѣлось, и что въ помѣщеніи животныхъ, припасовъ, утвари и орудій не было никакого опредѣленнаго порядка.

C. Sigismundus de Herberstein въ началѣ XVI в. два раза былъ въ Москвѣ. Проѣзжая черезъ Литву, внимательно наблюдалъ литовскій образъ жизни и свои впечатлѣнія изложилъ въ сочиненіи Commentatio Rerum Moscovitarum, Antverpiae 1557, fol. 84:

„In humilibus casis iisque oblongioribus vitam ducunt, in quibus ignis in medio conservatur; ad quem cum paterfamilias sedet, jumenta totamque domus suae supellectilem cernit. Solent enim sub eodem, quo ipsi habitant, tecto sine ullo interstitio pecora habere".

У него литовскія хижины низки и продолговато-круглы, какъ на это указываетъ слово „oblongior", употребленное въ этомъ смыслѣ у Длугоша, остальныя подробности согласуются также съ описаніемъ двухъ приведенныхъ авторовъ, и это я считаю важнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ Герберштейнъ совершенно отъ нихъ независимъ. И у него хозяинъ проживаетъ совмѣстно съ животными и остальнымъ имуществомъ, и очагъ находится въ срединѣ хижины, въ которой также нѣтъ никакихъ особыхъ отдѣленій для помѣщенія жильцовъ и разнообразнаго имущества, такъ что хозяинъ, сидящій при очагѣ, имѣетъ на глазахъ все свое имущество.

Такъ какъ сочиненіе Герберштейна издано раньше вышеупомянутыхъ авторовъ, то слѣдующіе за нимъ писатели въ описаніи Литвы пользуются имъ, но безъ всякой ссылки на настоящій ихъ источникъ, на что до сихъ поръ не обращено надлежащаго вниманія.

D. Итакъ, уже Guagnini, на авторитетъ котораго часто ссылаются, буквально списалъ много свѣдѣній изъ Герберштейна съ маленькой стилистической разницей, какъ объ этомъ уже свидѣтельствуетъ его описаніе жмудской хижины:

„Agrestis turba in humilibus casis, iisque oblongioribus vitam ducunt, in quibus ignis in medio accensus ardet; ad ignem vero paterfamilias cum domesticis servisque sedet, jumentaque et totam supellectilem domesticam cernit. Solent enim sub eodem, quo ipsi habitant, tecto sine ullo interstitio pecora habere. Sarmatiae Europeae descriptio, p. 14.

E. Ласицкій въ своемъ сочиненіи De diis Samagitarum пользуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гвагниномъ, на котораго разъ и ссылается. Въ описаніи же жмудской хижины онъ исключительно руководится собственными наблюденіями, хотя замѣчаніе о paterfamilias можно считать реминисценціей изъ Гвагнина:

„...iidem (Samagitae) deni aut viceni, plures vel pauciores, in uno tugurio linum, lanam, cannabim pectunt, nent, texunt, vestes conficiunt... Disperse per silvas, campos degunt; rara oppida, nec pagos nimium multos, arces autem munitas nullas habent; quorum fenestrae meridiem versus spectant... Mapalia, quae turres appellant, sursum angusta, atque qua fumus et foetor exeat, aperta, ex tignis, asseribus, stramine, corticibus faciunt; in his homines cum omni peculio, in pavimento tabulato stante, habitant; ita paterfamilias

Digitized by Google

omnia sua in conspectu habet, et feram noxiam et frigus a pecore arcet; ad ostium cubat, deastro foci custodia commissa, ne vel ignis damnum domicilio det, vel prunae nocte extinguantur. Ubi crebro accidit, ut vel sus vel canis ex olla in foco stante carnes auferat, aut rostrum aqua fervente laedat. Qui in pagis degunt, ii caulas separatas ab aestuariis habent". Ed. Mannhardt, p. 8, 9; ed. Grasser, p. 45.

Не вечеринки, требующія близкаго сосѣдства, а только занятія хозяина и его семейства съ прислугою Ласицкій имѣетъ въ виду, сообщая, что болѣе десяти или двадцати человѣкъ работаютъ въ одной хижинѣ. Еще въ концѣ XVI в., когда въ прусской Литвѣ отведены были особыя постройки для женатыхъ въ семействѣ, для животныхъ, для домашней утвари, для земледѣльческихъ орудій, для амбаровъ да для нѣкоторыхъ занятій, то еще тогда всѣ члены семейства, отъ 20 до 40 человѣкъ, собирались, положимъ, для обѣда, въ одномъ хозяйскомъ домѣ, названномъ numas, другія же постройки для отличія отъ этого numas назывались kletis[1]).

Постоянное разрастаніе семьи и постоянное накопленіе всякаго рода движимаго имущества, орудій и припасовъ должно было вызвать недостатокъ въ помѣщеніи. И тогда только и притомъ постепенно стали отдѣляться отъ одного дома, numas, женатые, стали отводиться отдѣльныя постройки для животныхъ, и все имущество — хлѣбъ, орудія и пр., размѣщаться по отдѣльнымъ, съ этой цѣлью построеннымъ помѣщеніямъ.

Во время Ласицкаго большинство жмудскаго народонаселенія проживало разсѣянно по лѣсамъ, откуда вызывалъ ихъ Лясковскій, надѣляя каждаго, по королевскому повелѣнію, тремя влуками земли въ собственность. Городки, состоящіе изъ нѣсколькихъ дворовъ, были рѣдкостью; деревень было также немного, а укрѣпленныхъ мѣстностей, замковъ вовсе не существовало. Въ маршрутахъ крестоносцевъ, составленныхъ въ XIV и въ началѣ XV вѣка, упоминаются деревни и такъ называемые городки, состоящіе изъ 6 или 8 дворовъ, какъ напр. Бопты (Babtindorf: Маршр. 37), гдѣ всего было 6 дворовъ; однако большинство населенныхъ мѣстъ составляли отдѣльные дворы, получившіе названіе отъ ихъ основателя, владѣльца, напр. Girstawtendorf (in) Crasien (Кроже), до Girstawt wonet (Маршр. 8[2]).

Mapalia, Magalia, отъ карѳагенскаго „magar, magal" (ср. греч. *μέγαρον*) назывались сельскія хижины въ Нумидіи. Онѣ строились, соотвѣтственно климату, изъ толстыхъ вѣтвей, ситника и тростника и были круглы (Cato у Festus'a s. v., ed. Ponor., p. 130) или продолговато-круглы съ боками, выгнутыми наподобіе лодки (Sall., Jug. 18, 8); о конусообразныхъ не упоминается. Въ этихъ мапаліяхъ не было никакихъ отдѣленій, перегородокъ: „Mapalia casae Poenicae appellantur, in quibus nihil secreti (Festus l. l.). Отсюда всѣ хижины безъ внутреннихъ стѣнъ или перегородокъ назывались вообще mapalia (Rich. s. v. magalia, casa, casula), которыя въ этомъ отношеніи ни въ чемъ не различались отъ tugurium (Rich. s. v.). Sursum angusta, къ верху суживающіяся, объясняется описаніемъ Длугоша. Aperta, у Длугоша отверстіе, fenestra, оставленное въ верху хижины, служило для свѣта, вѣроятно также для прохода дыма, о чемъ онъ

---

[1]) Геннебергеру объ этомъ разсказывалъ Hans Rückerling, бывшій въ теченіи двадцати лѣтъ бургграфомъ въ Инстербургѣ, проживавшій слѣдовательно среди кореннаго литовскаго народа: «Auch ist sich dis an jnen zuuerwundern, das jr so viel in einem gehöffte beisammen sich so friedlich konnen verhalten, wol in die 20, 30 oder 40, auch wol mehr personen eines geschlechts; essen alle gleich einerley kost, trinken eines geträncks, die alte mutter regiret die kost»... Erklärung d. preuss. Land-Taff. p. 161. Hans Rückerling saget, wie ein vater sechs söhne gehabt, jnen allen weiber gegeben, der elteste son hab auch zween söhne ausgegeben, des andern sohn auch einer ein weib genommen und kinder gezeuget, solche alle, nemlich 54 personen, haben in einem gehöfft unter des alten vaters regiment friedlich gewonet и пр. (Ibid). Эти, какъ и многія другія свѣдѣнія списалъ у Геннебергера Caspar Stein и напечаталъ ихъ на латинскомъ языкѣ безъ ссылки на источникъ подъ заглавіемъ: Memorabilia Prussica. Этотъ, такъ сказать, латинскій переводъ перепечатанъ: въ Acta Borussica т. I, стр. 159 и др. — Поэтому слѣдовало мнѣ сослаться на Геннебергера, а не на Stein'a въ ŻML. I, p. 62.

Digitized by Google

однако не упоминаетъ. По Каллимаху отверстіе, foramen, съ трубой служило и для прохода дыма и для свѣта. У Ласицкаго въ устройствѣ хижины замѣчается прогрессъ, а именно: отверстіе въ верху хижины оставлено исключительно для прохода дыма „aperta, qua fumus... exeat"; для свѣта же служило отдѣльное отверстіе, обращенное къ югу (fenestrae meridiem versus spectant), а такъ какъ по свидѣтельству Пашкевича (см. ниже) окно находилось надъ дверями, то и входъ въ хижину устроенъ былъ со стороны юга. Затѣмъ для животныхъ былъ положенъ полъ (pavimentum tabulatum), вѣроятно утрамбованный, о чемъ предшествовавшіе ему авторы не упоминаютъ.

Ласицкій весьма подробно описываетъ строительный матеріалъ. Tigna, это необтесанные пни, стволы, бревна, которыя, должно-быть, ставились косо, какъ козлы, потому что иначе не вышла бы суживающаяся къ верху форма хижины. Asseres, т.-е. tignum parvum, sudes, palus, — не очень толстыя tigna, жерди, шесты, которые по всей вѣроятности клались горизонтально для устройства боковыхъ стѣнъ и прикрѣплялись къ tigna.

Между этими asseres, т.-е. шестами или жердями, оставались щели, которыя извнѣ тщательно покрывали корой, главнымъ образомъ липовой, для того, чтобы stramen, т.-е. солома, ситникъ или тростникъ, которымъ окончательно накрывали всю хижину, не проходилъ сквозь эти щели и не загорался отъ огня на очагѣ.

Иногда на все это накладывали еще дернъ, бревна съ тою цѣлью, чтобы сильные вѣтры не разнесли соломы и пр., какъ уже сказано въ текстѣ.

Сообщеніе: „Ita paterfamilias... habet" заимствовано изъ Гвагнина, который самъ его списалъ у Герберштейна. Такъ какъ въ хижинѣ не было никакихъ особыхъ отдѣленій, что̀ Ласицкій глухо выражаетъ словомъ Mapalia, то хозяинъ въ самомъ дѣлѣ могъ видѣть все свое имущество и замѣтить, не мерзнутъ ли его домашнія животныя, или не ворвался ли въ хижину какой-нибудь хищный звѣрь.

Хозяинъ у Ласицкаго имѣетъ свое опредѣленное мѣсто для спанья при входѣ хижины, и въ этомъ отношеніи этотъ авторъ отличается отъ Каллимаха, у котораго каждый жилецъ ложился, гдѣ ему хотѣлось, не разбирая мѣста и первенства. Попеченіе объ огнѣ предоставлялось божеству (deastro), которымъ по всей вѣроятности было божество Pelengabie, упомянутое также Ласицкимъ. Aestuarium означаетъ точно такъ же, какъ и stuba, зданіе, въ которомъ можно топить (Oves de quolibet aestuario vel stuba); малый домъ, домъ священника (Datum in aestuario plebani. Du Cange, Lex. s. v.); у Ласицкаго — то же, что и mapalia и tuguria.

Ласицкій добавляетъ, что жителями въ деревняхъ (in pagis) устраивались внѣ хижины огороженныя мѣста „caulae", заборы, ограды, очевидно, потому, чтобы держать въ нихъ лѣтомъ домашнихъ животныхъ, какъ овецъ, лошадей, скотъ, и чтобы они не разбѣгались. Caulae, по-лит. gardas, по-жмуд. twora, по-лат. также septum, sepimentum. Не вижу никакой причины, чтобы жители городовъ, такъ мало населенныхъ, какъ въ Жмуди, не могли себѣ устроить подобныхъ caulae вблизи своей хижины.

Желая объяснить, откуда произошелъ внѣшній видъ и внутреннее устройство хижины, Ласицкій приводитъ мнѣніе Михалона, что Римляне, пригнанные бурями, причалили къ жмудскимъ берегамъ и, рѣшивши оставаться въ этой землѣ, проживали тутъ, по обычаю римскихъ воиновъ, въ палаткахъ; и что уже потомки ихъ устроили себѣ по образцу этихъ палатокъ жилища, и что этотъ родъ и видъ построекъ удержался до его времени: „Ubi Litwanorum progenitores... in tabernaculis ad focos more militari et adhuc in eadem Samagitia recepto, habitarint. ."

Какъ мы уже отмѣтили, Ласицкій называетъ жмудскія жилища tuguria, mapalia, aestuaria и turres, изъ которыхъ мы первыя три названія уже объяснили. Остается turris. Это слово читается въ слѣдующей связи: (Samagitae) „studio Sigismundi Augusti

Digitized by Google

Regis... in coetus et societates convocati. Mapalia, quae turres appellant... ex tignis... faciunt". Повидимому, подлежащее къ appellant есть Samagitae, значитъ, что appellant не безличное выраженіе; слѣдовательно, turres не латинское, а жмудское слово, имѣющее значеніе зданія, видъ котораго въ сущности не отличался отъ всѣхъ другихъ жилыхъ строеній въ Жмуди.

Въ лит. языкѣ существуетъ корень tur, имѣющій значеніе: держать, имѣть, владѣть; онъ общъ многимъ другимъ языкамъ въ этомъ же значеніи, какъ указываетъ, напр., греч. *τύρσος, τύραννος*, лат. turris, польское trzymać. Отъ лит. tur образуется громадное количество словъ, удерживающихъ главное значеніе корня (ср. Nesselm. L. W., p. 110, 111), напр. turiu, turėjau, turėsiu, tureti, имѣю, держу; part. praes. turis, имѣющій и проч.; turtas, turtė, tureimas, имѣніе, имущество, владѣніе (держава)[1]). Такъ какъ литовская хижина и все то, что въ ней помѣщалось, составляли собственность хозяина, то все въ совокупности представляло его имущество и обозначалось по-лит. словомъ turtas, turte. Итакъ, Nesselm. (L. W., p. 110, s. v. turtas и turte) пишетъ: d. Habe, der besitz, besonders bewegliche Güter; слѣдовательно, значеніе недвижимости, жилища не исключается. И на этомъ именно основаніи я утверждаю, что turres у Ласицкаго не латинское слово, а жмудское, образованное отъ лит. корня tur.

Зданіе, построенное на высшей горѣ при рѣкѣ Невяжѣ, въ которомъ горѣлъ священный огонь, Длугошемъ также названо turris. „Ignem... accedens, turrim, in qua consistebat, incendit". Но тотъ же Длугошъ, какъ намъ извѣстно, съ весьма характернымъ упорствомъ повторяетъ два раза, что по всей Литвѣ другихъ строеній, кромѣ имъ указанныхъ, и относительно формы и относительно строительнаго матеріала, не существовало: и на этомъ-то также основаніи утверждаю, что въ нашемъ мѣстѣ turris не можетъ значить туру, башню, а только хижину, не отличавшуюся отъ другихъ обыкновенныхъ жилищъ. Въ крайности можно бы допустить, что она была, можетъ-быть, выше другихъ, такъ какъ въ ней горѣлъ неугасаемый огонь. Что касается формы, можно бы у Ласицкаго допустить опечатку turres вм. turtes (n. plur. отъ turte); но этому мѣшаетъ Длугошево turris; поэтому предлагаю *ture (= tur ja), n. plur. tures, которое по звуку у незнающихъ легко могло слиться съ лат. turris, башня.

F. Bruin v. Braun въ сочиненіи Civitates Orbis Terrarum. T. III. Colon. 1593, p. 59, вкратцѣ описываетъ литовскую хижину и затѣмъ г. Вильну. Не имѣя этой книги, выдержки изъ нея приведу по труду А. Бецценбергера: Ueber das litauische Haus. A. P. M. Sch. Bd. XXIII, p. 34 (1886).

Domus in universum sunt ligneae, depressae ac humiles, nec cubilibus, nec coquinis, imo nec stabulis, licet jumenta et bestias complures alant, distinctae (p. 39).

О г. Вильнѣ же пишетъ: „Uno et perpetuo quodam suburbio septa et circumvallata Vilna conspicitur, ubi infinitus aediculorum numerus, nullo delectu, nullo platearum ordine, sed pro agresti barbarorum voluntate, prout sors et occasio tulit, quasi consitus videtur. Alibi namque casas hasce suas, ex pinorum aliquot trabibus, rudi structura compactas, huc deferunt et, quo libuerit, indiscriminatim collocant... in domibus suis, perpetuo fumo oppletis (non enim ulla fumibula habent)... videas parentes cum liberis, jumentis ac bestiis ad focum eodem in hypocausto foetido agere, ubi et hospitibus conjunx puerpera duro incumbat scamno" (p. 39).

Перемѣщеніе хижины съ одного мѣста на другое случалось, по свидѣтельству г. Карловича, еще въ половинѣ нашего вѣка. „Маленькая хижинка, пишетъ онъ какъ очевидецъ[2]), бѣднаго литовца, построенная изъ нетолстыхъ бревенъ, разбирается на

[1]) У Довконта мѣсто буквы u въ корнѣ очень часто занимаетъ *o*, нпр. nomas = numas; toreti = tureti; tortas и turtas, turte. Поэтому предполагаю, что и tro-ba, trobele, постройка, жилище, образуется отъ tur, tor, tro.

[2]) Chata polska. Pamiętnik Fizyograficzny Warsz. 1884 T. IV, стр. 395.

Digitized by Google

отдѣльныя части, какъ балки, козлы, двери и пр., и все это вмѣстѣ со всѣмъ движимымъ имуществомъ перевозится на вновь избранное для постройки мѣсто. Тутъ на фундаментѣ, устроенномъ изъ извѣстнаго количества большихъ камней, строится новое жилище, въ которомъ жилецъ проживаетъ до тѣхъ поръ, пока не пожелаетъ вновь перемѣнить мѣсто жительства".

Приведенныя два свидѣтельства весьма полезны для объясненія Ласицкаго, по которому жители Жмуди, какъ только у нихъ родилось какое-нибудь слѣпое, изувѣченное или слабое животное, сейчасъ перемѣняли мѣсто проживанія, потому что они этотъ случай считали для себя несчастнымъ предзнаменованіемъ. Покровительница такого переселенія называется Apiděme[1]). Api-děti значитъ перекладывать, переносить кое-что съ одного мѣста на другое; apiděme же — мѣсто перенесеннаго жилища, застѣнокъ. Мѣстностей такого названія до сихъ поръ множество въ Литвѣ, напр., Apiděme въ Поюрской волости Россіенскаго уѣзда, Apeděmiszki — село и два застѣнка въ Бахмацкой вол. Новоалександрійскаго уѣзда[2]). Спрогисъ въ своемъ Географ. Словарѣ насчитываетъ около 48 подобныхъ названій мѣстностей, полей, грунтовъ и нивъ, какъ напр. Apiděmai, Apiděmaite, Apiděme, Apiděmela(?), Apiděmi, Apiděmojte и т. п.[3]).

G. Erhard Wagner, жившій въ началѣ XVII в., сообщаетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о литовской хижинѣ своего времени въ трудѣ: Vita et mores Lithuanorum, in Borussia sub districtu Jnsterburgensi et Ragnitensi degentium, brevi delineatione adumbrata per Erhardum Wagner Jnsterburgensem. Regiomonti 1621, in 4°, typis Osterbergerianis. Этотъ трудъ перепечатанъ въ Acta Borussica etc. T. I 531—550[4]). Выноски, касающіяся литовской хижины, перепечаталъ A. Bezzenberger, Ueber das litauische Haus. APM Sch XXIII. 1886, p. 34 и слѣд.

Excitant autem illi domos suas terete saltem ligno, sibi pecorique communes, illasque stramento operiunt, fumo nullus nisi per fores datur exitus, cui longo usu ita assueti, ut illum ne quidem sentiant.

H. Немного раньше, именно въ 1559 г. описалъ Геннебергеръ (Erklärung der pr. Landtaffel)[5]), также на основаніи собственныхъ наблюденій, хижины въ Инстербургскомъ округѣ: Das haus, darinnen sie alle essen, heist das schwartzhaus, und ist in warheit vom rauch und rusz schwartz genug. Darneben hat ein jeglich par ehegatten ein sonderliches heuszlein, das heist man ein kleidt[6]), ist von rundem holtz gesetzt, unten hats wie ein nidriges kellerlein, oben darauff wie ein kamer ohne fenster, nur eine thür, da sie hineingehen, darinnen haben sie jhre kleyderchen, die gar schlecht und gering, und einerley farben und form sein, und was sie sonderliches haben. Derselbigen heuserchen sein so viel, als par volckes im gehöffte sein.

Sonsten haben sie auch viel kleiner heuserchen, denn zu einer jeglichen arbeit haben sie ein sonderliches kleines heuszlein, als eins, da man das Korn jnnen treuget und trischet, eines da man das getreyd meelet, eines darinnen man backet, eins zu brawen, eines kleider zu waschen, eins zur badstuben etc., die alle sein mit brettern

---

1) Habentque Apidome (sic), mutati domicilii deum; nato cujusvis generis vel coeco, vel debili pullo, actutum sedes mutantur, ed. Mhdt. 28 (89). Apidome ошибочная форма, равно какъ ошибочное объясненіе у Mhdt. p. 46 (123).

2) Списокъ насел. мѣстъ Ковенской г. p. 72 и p. 142.—Epidemi, или Пустошка въ Браславской вол. Ново Александ. уѣзда p. 319.

3) Стр. 12 и 13.

4) Такъ по моимъ спискамъ; Бецценбергеръ ссылается на стр. 126; не имѣя въ настоящее время возможности справиться, не знаю, кто правъ.

5) Стр. 160 s. v. Jnsterburg.

6) Литовское Kletis.

Digitized by Google

bedeckt. Haben keine scheunen, sondern wie hohe ricke[1]), da legen sie die aherende (= ähren) einwärts und also auff einander, fragen nicht darnach, ob schon die stopfel verfaulen, denn kein dach darauff ist. Die Menner thun die feldtarbeit, die weiber die hausarbeit. Die alte regirt, gibt zu kochen, der söhne weiber kochen, waschen, malen, sichten, backen etc., doch umbzech.

Сравнивъ это описаніе съ краткой замѣткой Вагнера, приходимъ къ тому заключенію, что въ XVI в. въ одной и той же землѣ строились въ одной ея части общія для людей и животныхъ жилища (Вагнеръ), а въ другой существуетъ уже много строеній для помѣщенія людей (кромѣ namus, еще kletis) и различнаго рода занятій.

I. Обычай строить отдѣльныя помѣщенія для всего того, что прежде находилось въ одной хижинѣ, такъ сказать, подъ одной крышей, обычай, существовавшій, по свидѣтельству Геннебергера, уже во второй половинѣ XVI в. въ нѣкоторыхъ странахъ прусской Литвы, быстро распространился по всѣмъ областямъ этой земли и сталъ господствующимъ въ теченіе XVII в. Объ этомъ сообщаетъ намъ Матвѣй Преторіусъ слѣдующее:

Man sieht noch bei den Nadravern, dass sie vielerhand gebäude auffrichten. So bauen sie ein haus, das sie des sommers für sich und den gast halten; ein apartes haus für ihre kinder, gesinde und junges vieh, welches man das rauchhaus nennt, worin kein ofen, in dessen mitte aber ein etwas erhöhtes estrich geschlagen, feuer darauff zu halten, insgemein mit tannen odes lindenborke bedeckt. Sie bauen aparte kammern vom wohnhaus abgesondert, die theils zu getreide, theils zu speiswaaren, theils zu verwahrung ihrer haussachen, betten, kleider p. p. emploirt werden. Selbige werden Kleten genennet. Sie haben ihre Maltuwen, das sind aparte mahlhäuser, worin sie mahlen und brot backen. Ausser vilerhand ställen, scheunen p. p. haben sie auch Jaugien, worin sie das auszudreschende korn vemittelst einer gewissen kammer, darin ein von feldsteinen gemachter ofen eingeheizt wird, dörren und ausdreschen. Die Jauge ist ein gebäude, wie hiesiger orten[2]) die ziegelscheunen gebaut sind, nur dass von einem ende ein festes estrich geschlagen wird, darauff sie das ausgedorte getreide ausdreschen können, woselbst eine ziemlich breite thür gelassen wird, theils dass darin das getreide aus der scheune kann eingebracht werden, theils dass dadurch der windt eingehen kann, wenn sie das ausgedroschne getreide auswürfeln wollen. Am andern ende aber ist auffgerichtet insgemein ins vierkannt, offt auch länglicht, ein dichtes schürtzwerk in guten moos gelegt mit einer thür, doch ohne fenster, nur dass unten bei der erde ein fensterchen gelassen wird, dass der fraden von dem zu dorrenden getreide gelassen, ausgehen kann. An den beiden seiten der langen wand wird etwa 1½ ellen hoch und dicht au der wand, inwendig von der erde zu rechnen, ein balcken festgemacht. Auff solchen balcken werden lange stangen gelegt, so breit das schürtzwerk ist. Darauf man das getreide stehend fleihet, welches mehr schier als drei viertel einnimbt des inwendigen raumes. In demselben schürtzwerk daneben ist an der einen seite ein ofen von feldsteinen oder ein kleiner backofen von ziegel gemacht, darin feuer gemacht kann werden von trockenem harten holz, so wenig flammen giebt, dadurch das ganze schürtzwerk recht wie eine badstube warm wird. Jedoch muss acht gegeben werden, dass von dem eingebrachtem getreide nicht etwa stroh zu nahe an den ofen komme.

---

[1]) Лит. rike (rije?), шестъ, жерди, горизонтально положенныя на двухъ стоячихъ столбахъ для высушки хлѣба, по польски przepłot; описаніе у Jaroszewicza Obraz Litwy p. 213, прим. 28. Срав. ZML. I, 29 и ниже, описаніе Praet. литовскихъ žardai.

[2]) Praetorus очевидно это писалъ послѣ оставленія Надровіи, проживая уже въ польской странѣ, какъ нпр. въ Бродинцѣ (Strasburg), въ Староградѣ, а въ концѣ въ Вейеровѣ, т.-е. послѣ 1685 г.

Digitized by Google

Ihre badstuben stehen auch apart, die einfältig genug, doch dicht mit einem vorschauer pflegen gemacht zu werden, in welchem sie insgemein einen ofen von grauen feldsteinen setzen, den sie innerhalb der stuben einheitzen, und wenn der glühend ist, mit wasser begiessen, und so ihre badstube heitzen. Und sind auch bei ihnen die zardai, (welche einige eine ruste nennen, wegen der form desselben), auf welche sie das noch nicht genug auff dem felde getrocknete getreide, in sonderheit die noch grünen erbsen auffhängen. Darauff sie in der luft reifen und dörren können. Andere gebäude, als brachstuben, darrhäuser p. p. übergehen wir, gewiss ist, dass bei manchem wolhabenden Nadraver 20 aparte gebäude in seinem gehöfte finden wird.

Bei diesen gebäuden, sonderlich in Zalavonien und an den gräntzen an Zemaiten ist zu merken, dass sie offt in ihren stuben keine ofen haben, sondern machen mitten in der stube feuer, über welchen feuerort in der decke ein loch, so mit thon umfangen, in gestalt einer glocke, durch welches loch der rauch sich aus der stube ziehet. Die wohnhäuser pflegen auch so gebaut zu werden, dass durch die thür der wind auff dem feuerheerde, der insgemein blosz und gleich der erde auffm flor(?) ist, das feuer nicht fassen oder aufwehen kann. Doch haben auch einige wohlhabende Nadraver offt zierliche grüne und weisse ofen von guten kacheln. Vor diesem ists vermuthlich, dass sie keine kachelofen, sondern Krosnis d. i. steinofen gehabt haben, als sie noch selbige in ihren pirten d. i. badstuben und jaugen d. i. dreschhäusern gebrauchen. Selbige krosnis dienen ihnen offt auch statt des backofens, auch darrofens; sie werden insgemein also gemacht. Sie suchen hervor grosse, lange und breite feldsteine, die setzen sie gegeneinander, so dass die obertheil zusammen kommen, die untertheil von einander abstehen. Solcher steine setzen sie nach der reyge hin, als sie den ofen lang haben wollen. Die wissen sie so fest und dicht zu setzen, dass man eine grosse quantität kleiner steine darauff legen kann, die sich leicht durchhitzen, aber keine flamme auslassen können. Pract. p. 106 etc.

J. Изъ этого же времени, т.-е. около 1690 г., имѣется описаніе строеній въ прусской Литвѣ, а именно въ Рагнитскомъ округѣ: Der preussische Littauer etc. von Theodoro Lepner. Danzig 1744, p. 70. Авторъ, будучи пасторомъ въ Budwehten, сообщаетъ намъ на основаніи собстьенныхъ наблюденій о лит. жилищахъ слѣдующее:

„Die Littauer dieses orthes haben niedrige, schmahle häuser, welche sie selbst aus runden holtz bauen... darin haben sie ein paar kleine fenster, gar selten findet man einen schorstein drinnen. Der ofen ist von hohlen, schlechten ungegläserten kacheln, bey einigen wenigen wohlhabenden siehet man auch gegläsete grüne kacheloefen. Inwendig haben sie gemeiniglich kleine von leim und holtz zusammen geklebete kacheln, darin ihnen des abends das schorsteinfeuer leuchten muss. Einige haben ein rundes von leim und holtz fest zusammengekleibtes wesen, welches sie Szibintas[1]), eine leuchte nennen (von szibinti leuchten); unten ist es breit und rund, mitten drinn hänget ein eisen, gleich einer rost, darauf der kiehn oder klein gehauenes holtz brennet, und ihnen licht im finsteren giebet; es gehet etwas zugespitzt durch die bretter und das estreich auf die lucht, dahin sich der rauch ziehet, welchen sie gar wohl vertragen können. Darum bedurffen sie keine oder gar wenige talchlichter... Im hause ist ein heerd gar platt auf der erden. Ihre kammern haben sie gar selten bey den stuben oder in den wohnhäusern, sondern absonderlich; sie werden Klete genannt; in etlichen von diesen schlafen sie, in etlichen halten sie ihr getreydigt; diese sind mit brettern wohl ausgelegt, damit das getreydigt trocken liege, und nicht schaden leide. Auch halten

---

[1]) Żibintis, Żiburis, лучина для освѣщенія; здѣсь снарядъ, въ которомъ горѣла лучина. Срав. Jaroszewicz Obr. Litwy p. 84.

Digitized by Google

sie rauch-häuser, welches sie namas heissen, das andere wohnhaus heisset stubba..., in welchem sie nur des winters wohnen. In solchen rauchhause halten sie allezeit feuer, um welches sie sitzen, sich wärmen, und die kleider, wenn sie von schlagg und regen nass seyn, trockenen. Des sommers essen sie auch darinn und trocknen das fleisch gar wohl darinn. Noch haben sie ein absonderliches gebäudchen zur mahlkammer Maltuwe, darinnen sie eine oder mehr handmühlen (querlen) [1]) halten. Ihr getreydigt dreschen sie in den zaugen [2]) (sic), darinn ist ihr badstube [3]). Diese (r.-e. Jauja) hat rund umher stangen, darauf das getreydigt geleget und getrocknet wird, denn sie wird gehitzet; auch zuweilen zur darre, wie auch zur badstube (pirt) gebrauchet. Auf der tennen [4]), wo sie dreschen, haben sie ein gar kleines von leim und steinen zusammen geklebtes oefgen, darinn brennen sie klein gehauen holtz, wenn sie dreschen, welches im herbst und winter sehr frühe im anderen hahnengeschrey geschiehet. Dieses dreschen ist sehr gefährlich und verursachet öffters feuer... Daneben haben sie noch eine scheun [5]), darinnen das übrige getreydigt geführet ist, welches nochmals in die Jauge getragen und ausgedroschen wird, und dann sind noch etliche ställe vor das viehe. Einige in sonderheit die bey der wildniss [6]) wohnende, haben wol acht und mehr solcher gebäude, welche sie nahe beiander setzen, weil sie dem acker wenig raum abnehmen wollen, und daher wohnet auch ein nachbar rühr an den andern... durch solche nahe zusammenwohnung... geschiehts,... dass sie oft in feuersnoth gerathen und um alle das ihrige kommen... weil sie viel feuer in ihren häusern halten, als in der stuben, in dem rauchhause, auf dem heerde, in dem schorstein szibintas, in der mahlkammer zum licht, zu dem backen, maltzen, brauen, wie auch bey der hüttung des viehes und der pferde von den hirtenjungen auf dem felde...

Insonderheit da sie den brand nicht gern gebührlich löschen aus dem argwohn, es werde das feuer dadurch nur erzürnet, welches ohne zweifel daher kommet, weil sie es im heydenthum vor einen gott gehalten und angebetet haben (p. 70—74).

К. Благодаря усердію и преданности литовской старинѣ, имѣемъ отъ Діонисія Пашкевича, владѣльца имѣнія Бордзе, довольно подробное описаніе жмудской хижины въ началѣ второй четверти XIX в., напечатанное въ журналѣ Dziennik Warszawski **1829 г., № 44, стр. 39. Такъ какъ при описаніи лит. хижины вообще мы имъ уже воспользовались, то мы приведемъ его въ виду его важности въ подлинникѣ:**

„Wiemy to z doświadczenia patrząc na budników potaż palących, że w lasach wielkich bydło ich nietylko na wiosnę i w jesieni, ale także całą zimę w największe mrozy, samemi tylko gałęziami drzewa najpiękniej się hoduje i dostatkiem mleka daje. Ale w nocy i bydło i człowiek potrzebuje spoczynku, więc dla konserwy w nocy bydła, a razem na mieszkanie ludziom stawili chaty, które nazywają się nomy, czyli numy i w całym kraju litewskim i żmudzkim znajdowały się. W Litwie może rzadko gdzie, bo w miejsce numów stoją dwory, pałace, folwarki, miasta. Lecz w księstwie żmudzkiem we wszystkich dzisiejszych powiatach Rosieńskim, Szawelskim i Telszewskim, mianowicie koło pogranicza Kurlandyi, Prus i koło morza baltyckiego, pewnie (i) teraz nalazłbym numów kilka tysięcy... Co to są numy żmudzkie takie daję wyobrażenie.

1. Jest budynek 10, 12 albo 15 sążni dłużyny, a 5 lub 6 szerzyny, powszechnie

---

[1]) Girna, plur. girnos, жерновъ.

[2]) Jauja.

[3]) Pirtis.

[4]) Kłuimas.

[5]) Klunas.

[6]) Пустой, незаселенный, и на нѣсколько верстъ широкій лѣсъ отдѣлялъ Пруссію отъ Жмуди; онъ назывался Wildniss.

Digitized by Google

z bierwion okrąglaków stawiony, którego dach na łatach pierwo — korą jodłową wysłany dla bezpieczeństwa od ognia, a na wierzchu słomą pokryty. Żadnego lub niekiedy jedno tylko okno; i drzwi z obu końców numy, z których jedne drzwi szerokie są dla wejścia ludziom w niej mieszkającym, a drugie dla wejścia bydłu i wywózki gnoju. A nad drzwiami są okienka dla ujścia dymu, a we dnie światła, ze środka zasuwane.

2. We śrzedzinie tej numy jest wykopana jama szeroka na ognisko, najmniej na łokci 3 lub 4 w figurze kwadratu lub cyrkułu, a na łokieć jeden tylko głęboka We śrzedzinie tej jamy z łuczyn brzozowych, lub olchowych rozkłada się ogień. Obwód ogniska kamieniami obłożony zastępuje miejsce ławy lub krzesła do siedzenia domownikom, którzy w około ognia posiadawszy w czasie zimy wszystkie roboty robią. Że zaś w czasie lata jest gorąco, oraz żeby od ognia nie było niebezpieczeństwa, to od obwodu ogniska wkoło odstąpiwszy najmniej na łokci 3 lib 4, daje się czworościenna ścianka z bierwionów, albo z desek, albo z płotu ogrodzona, ale nie wyższa jak półtora łokcia, a najwięcej ze dwa łokcie. Żeby domownicy robiąc, albo chodząc koło ogniska mogli widzieć bydło i wszelkie żywioły[1]), które się rozstawują w około po za samą, ścianą budynku, to przestrzeń między ogniskiem a przedziałem, gdzie się bydło stawi, utrzymuje się czysto zamiecione.

3. Poddasza numy są bardzo wielkie, zapuszczone Gdyż pod tem poddaszem składają się narzędzia gospodarskie, wozy, brony etc., a nawet małe chlewiki trzyściankowe dla świń, gęsi etc. stawią się. Słowem jeden budynek numa składał niegdyś całego gospodarstwa budowle. Dzisiaj bowiem na Żmudzi po za granicami Kurlandyi, Prus, oraz po za morzem bałtyckiem wieśniacy mają budynki mieszkalne dość piękne które są tylko dla gościa, za mieszkanie w zimie służą; a w wiośnie, latem i w jesieni w numach i jeść gotują, i jedzą, i wszystkie domowe roboty pełnią, mając na oku w numie całe gospodarstwo. Przytem niechaj wie czytelnik i o tem, że ogólne zabudowanie rolnika, kmiecia albo w obrębie szlachcica, w języku litewskim mają dotąd nazwisko jednem słowem numaj.

Подробности въ этомъ описаніи для насъ весьма поучительны. Оставляя всѣ другія въ сторонѣ, мы обратимъ вниманіе на одно весьма интересное указаніе, именно на то, въ какомъ порядкѣ разъединялись находящіеся внутри хижины предметы и размѣщались внѣ ея. Итакъ, сначала устранялись предметы, не требующіе защиты отъ мороза, каковы земледѣльческія орудія, солома, дрова и т. п.; отъ дождей они достаточно защищались продолженіемъ крыши внѣ хижины. Подъ этимъ продолженіемъ крыши пристраивались къ внѣшней стѣнѣ три стѣнки, такъ что образовывалось огороженное мѣсто, въ родѣ сарая, хлѣва, въ которомъ помѣщались свиньи, гуси, курицы; другія же животныя, какъ овцы, коровы, оставались еще внутри.

L. Двадцать лѣтъ спустя послѣ описанія хижины Пашкевичемъ, появился уже намъ извѣстный трудъ Довконта: „Buda", въ которомъ авторъ весьма подробно описываетъ литовскія строенія десяти различныхъ наименованій, требующія однако для нѣкоторыхъ неясныхъ (для нелитовца) выраженій подробнаго комментарія. Въ настоящее время отмѣтимъ только два наименованія, имѣющія для объясненія Ласицкаго особое значеніе, а именно ratajnicze (p. 22), въ которомъ хранились колеса (ratai), возы (vażei) и сани (rages); а затѣмъ ubłade (p. 26), въ которомъ мололи зерна, пекли хлѣбъ, пироги и пр.[2]).

Очень хорошо намъ извѣстно, что вышеприведенными выдержками и замѣтками далеко не исчерпанъ вопросъ о литовской хижинѣ. Прежде всего недостаетъ описанія

---

[1]) Животныя.

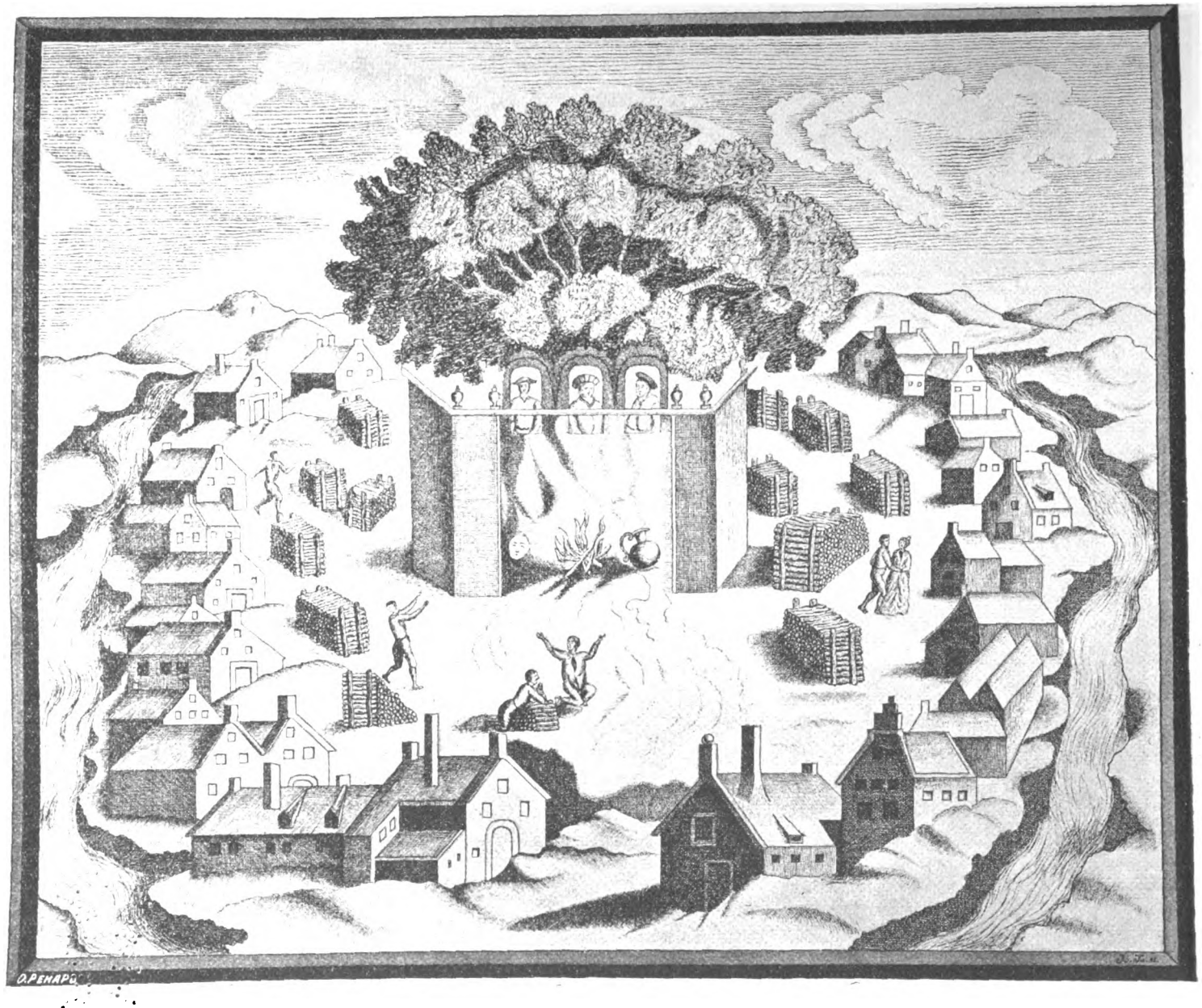
[2]) Въ этомъ смыслѣ мы уже объяснили эти слова въ Рефератѣ на III Археолог. Съѣздѣ въ Кіевѣ, 1875 г., стр. 7 (оттиски).

Digitized by Google

латышскихъ строеній. Но не въ полнотѣ обработки заключалась задача нашего приложенія. Мы желали только показать, что въ XV вѣкѣ и началѣ XVI общій видъ литовскихъ строеній былъ продолговато-круглый, рѣдко конусообразный; что строительнымъ матеріаломъ служило исключительно дерево, солома, тростникъ, ситникъ; что внутри хижины никакихъ балокъ, ни отдѣленій или перегородокъ не существовало что вездѣ въ срединѣ хижины находился очагъ; что другихъ особыхъ строеній отдѣльнаго вида не было: слѣдовательно и хижина для охраны вѣчнаго огня другого вида имѣть не могла.

Digitized by Google

Digitized by Google



Мнимый видъ Ромове по Гарткноху, заимствованный у Геннебергера, который его возстановилъ на основаніи описанія святилища у Грунау.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google